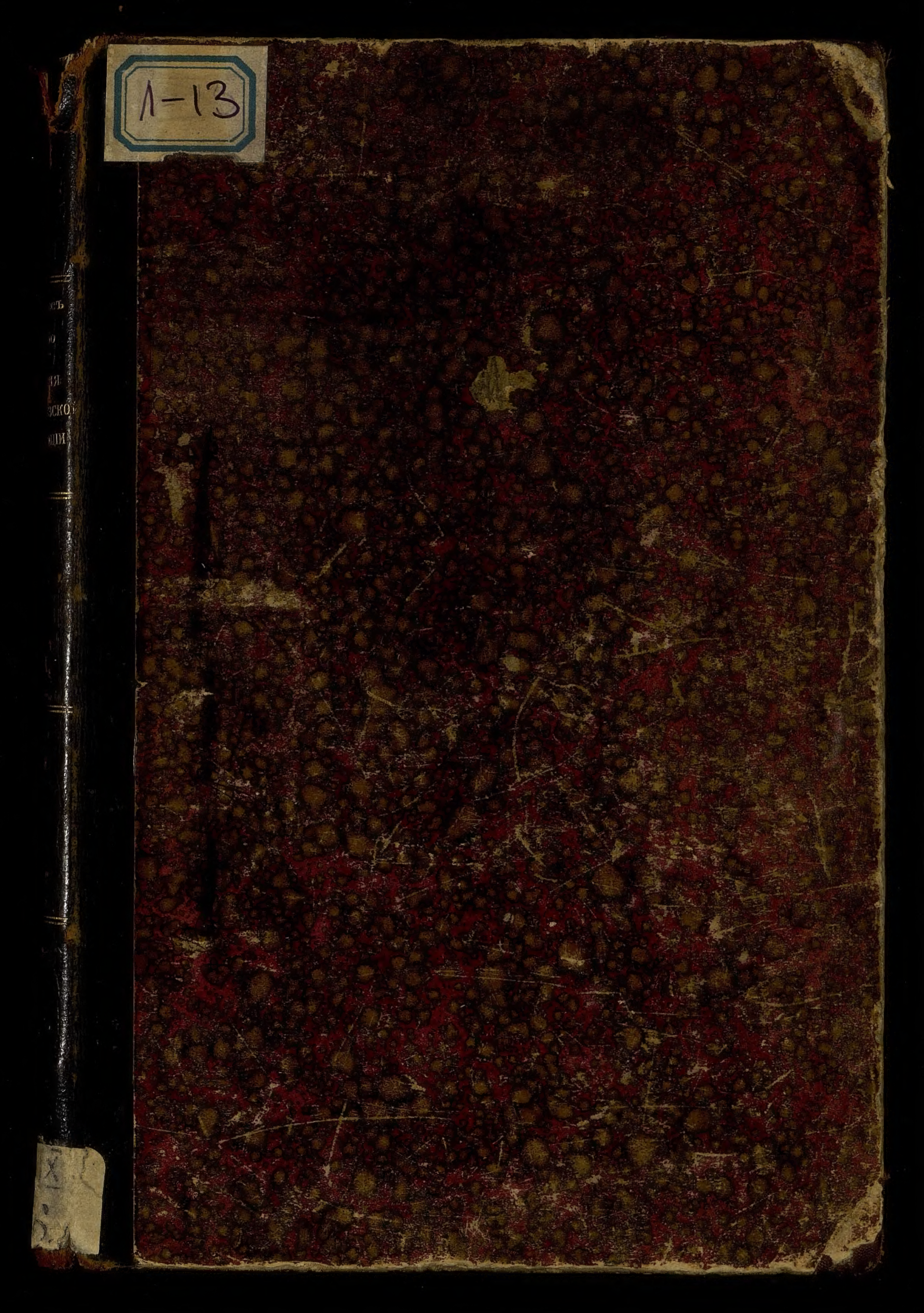

1-13

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ IX. полка 3. № 6.

+

1-13

Э. ЛАВИССЪ и А. РАМБО.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

1789—1799 гг.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

М. ЮЛШИНА

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

4022

918
8. М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1902.

Типо-Литографія Ю. Я. Римана. Виленскій переулокъ 6.—Телефонъ 631.

Оглавленіе.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Лежащая передъ читателемъ книга представляетъ переводъ части коллективнаго труда французскихъ ученыхъ: «Всеобщая Исторія съ IV вѣка до нашего времени», издаваемаго подъ редакціей Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо. I главу написалъ Е. Шампіонъ, II—IV—Ф. А. Оларъ, V—Г. Вастъ, VI—Рамбо, VII—Оларъ, VIII—Г. Вастъ и А. Рамбо, IX—X—Э. Шенонъ, XI—А. Малэ, XII—Э. Фагэ, XIII—А. Мишель и Г. Лавуа, XIV—А. Арнонэ.

Глава I.

ФРАНЦІЯ ВЪ 1789 Г.
СОЗЫВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ ШТАТОВЪ.—НАКАЗЫ.

I. Франція въ 1789 г.

Политическая разрозненность королевства. Передъ великой революціей Франція представляла изъ себя, по выраженію Мирабо, пестрый аггрегатъ отдѣльныхъ «націй»:—наряду съ «бретонской націей» существовала особая бретонская конституція, опираясь на которую, мѣстное дворянство протестовало противъ королевскаго регламента 16 марта 1789 года; Мирабо обращался къ «провансальской націи»; руанское дворянство ссылалось на неотъемлемыя права нормандскаго герцогства; Лотарингія старалась извлечь пользу изъ своего исключительнаго положенія «чужеземной провинціи»; Беарнъ, владѣніе совершенно обособленное, видѣлъ во французскихъ короляхъ блюстителей неприкосновенныхъ прерогативъ «беарнской націи». Дофинэ напоминалъ, что онъ былъ уступленъ на томъ непремѣнномъ условіи, что онъ не сольется въ одно цѣлое съ остальнымъ королевствомъ, что онъ «будетъ въ предѣлахъ королевства, но не частью его». Духовенство и дворянство Дижона стояли за право каждой провинціи сохранить свои особые законы, обычаи и суды и защищало ту мысль, что даже постановленіе генеральныхъ штатовъ не можетъ чего-либо навязать Бургундіи. Франшъ-Контэ отказывалась признать эдиктъ Людовика XVI, изданный въ пользу протестантовъ, указывая на капитуляціонный договоръ, заключенный въ XVII вѣкѣ. Жители Артуа требовали, чтобъ никто, кромѣ уроженцевъ графства не вмѣшивался въ дѣла ихъ управленія: священники должны быть изъ числа мѣстныхъ обывателей. Булонцы протестовали противъ провинціальныхъ штатовъ Артуа, настаивали на сохраненіи «особенностей въ государственномъ устройствѣ различныхъ земель монархіи» и даже утверждали, что въ строгомъ соблюденіи этого принципа заинтересовано Его Королевское Величество. Въ Перпиньянѣ ссылались на перронскій трактатъ и доказывали, что всѣ церковныя, военныя и судебныя должности должны быть достояніемъ только мѣстныхъ уроженцевъ, что Руссильонъ долженъ существовать для однихъ руссильонцевъ. «Независимое королевство» Наварра не хотѣло придавать никакого значенія эдикту 1620 года, по которому оно было присоединено къ Франціи, требовало возстановленія своего права чеканить монету и ставило на видъ королю, что онъ обязанъ «въ предѣлахъ этого самостоятельнаго государства распредѣлять всѣ помѣстья, привилегіи и почетныя званія исключительно между подданными этого государства»; что-же касается должностей, то не болѣе пяти изъ нихъ могутъ быть заняты иностранцами; всѣ остальныя должны быть удѣломъ природныхъ наваррцевъ.

Чтобы предотвратить опасность, угрожавшую Франціи гибелью, каркассонское дворянство взывало къ энергіи, которая должна явиться отъ слiянія отдѣльныхъ провинцій въ тотъ славный день, когда королевство перестанетъ быть простымъ «сочетаніемъ разнородныхъ частей». Третье со-

словіе Туля высказывало пожеланіе, чтобы всѣ подданные короля, ставшіе французами вслѣдствіе преданности одному и тому-же государю, сдѣлались ими и по однообразію управленія. Третье сословіе Сенъ-Пьеръ ле-Мутье протестовало противъ раздробленности королевства на «множество самостоятельныхъ государствъ». Но можно ли было серьезно говорить о національномъ объединеніи? Незадолго передъ тѣмъ Мирабо писалъ, что французы, по всей вѣроятности, никогда не будутъ подчиняться однимъ и тѣмъ-же законамъ. Одинъ изъ будущихъ редакторовъ гражданскаго уложенія (Code civile), Порталисъ, говорилъ, что объ этомъ нечего и думать. Человѣкъ, которому впослѣдствіи выпала честь внести въ конституцію 1791 года великій принципъ: «королевство едино и нераздѣльно»,—мы говоримъ про Рабо Сентъ-Этьенна,—въ то время задавался вопросомъ, «мыслимо-ли объединеніе всѣхъ провинцій въ одно цѣлое подъ господствомъ однихъ и тѣхъ-же законовъ и административныхъ началъ», не простая-ли это химера пылкаго воображенія? Духъ партикуляризма, господствовавшій въ провинціяхъ, казалось ему, исключалъ возможность чего-либо подобнаго.

Не только королевство, но даже отдѣльныя провинціи далеко не представляли изъ себя сплоченныхъ цѣлыхъ и законченныхъ величинъ. Можно очень сомнѣваться, чтобы нѣкоторыя провинціи когда-либо были чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ голыхъ топографическихъ терминовъ, и одушевлялись сознаніемъ своего единства. Въ 1789 году даже тѣ области, которыя нѣкогда дѣйствительно сплачивали населеніе, давнымъ давно утратили духъ общности, обезсилѣли и раздробились на жалкіе обломки подъ разрушительнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, централизаціи королей, съ другой—внутреннихъ распрей.

Французскіе короли вполнѣ заслужили упрекъ, который такъ часто дѣлали учредительному собранію: ихъ административныя дѣленія не соотвѣтствовали ни мѣстнымъ интересамъ, ни естественнымъ границамъ, ни установившимся традиціямъ, ни самосознанію населенія. Турэ могъ съ полнымъ правомъ сказать конституантѣ: «дѣленіе провинціи на нѣсколько департаментовъ дробитъ ее не болѣе, чѣмъ прежнія епархіи (діоцезы), административные, судебные и друг. округа (женералитэ, бальяжи и т. д.). Приведу въ примѣръ Нормандію. Она издавна управлялась нѣсколькими, независимыми другъ отъ друга администраторами, была раздѣлена на три женералитэ, каждая изъ которыхъ имѣла особаго «интенданта», и представляла три округа провинціальныхъ собраній».—При этомъ, корона не вездѣ играла одинаковую роль: въ Нормандіи съ 1654 года, она ставила множество препятствій созыву штатовъ; въ Лангедокѣ, до того извращала ихъ характеръ, что они становились непопулярными и даже вызывали къ себѣ всеобщую ненависть.

Въ числѣ провинцій не было уже ни одной, которая зависѣла бы отъ департамента иностранныхъ дѣлъ; всѣ онѣ дѣлились очень странно между двумя департаментами: королевскаго дома и государственнаго секретаря по военнымъ дѣламъ.

Въ департаментѣ королевскаго дома одно и то-же бюро нерѣдко имѣло отношеніе къ областямъ съ различнымъ внутреннимъ устройствомъ,—пользовавшимся и не пользовавшимся самоуправленіемъ; съ другой стороны одна и та-же провинція была зачастую раздѣлена между различными правительственными установленіями. Повидимому, въ основѣ дѣленія лежало время и условія, на которыхъ состоялось присоединеніе данной области къ королевству, а также другія чисто случайныя обстоятельства. Эту путаницу легко было устранить и, если она тѣмъ не менѣе существовала, то только вслѣдствіе полнѣйшаго безсилія и инертности правительства, неспособнаго выбиться изъ царившей рутины и предпринять сколько-нибудь серьезныя реформы.

Дѣленіе на сорокъ военныхъ округовъ было самымъ безцѣльнымъ изъ всѣхъ, служа лишь поводомъ для полученія «почетныхъ званій и крупныхъ окладовъ»; оно очень напоминаетъ классическое дѣленіе, за которое такъ упорно держатся въ наше время. Впрочемъ между ними есть нѣсколько существенныхъ пунктовъ различія: Парижъ (городъ, превотство и виконтство) и Иль-де-Франсъ составляли не одинъ, а два округа: первый находился въ 1789 году въ управленіи герцога де-Бриссакъ, второй—герцога де-Жевръ. Въ Гаврѣ, представлявшемъ военную единицу, выдѣленную изъ Нормандіи, начальникомъ былъ графъ де-Бюзансэ. Не говоря уже о томъ, что Труаз'Эвешэ (такъ назывались

три Лотарингскихъ епископства — Мецъ, Туль и Верденъ) и Лотарингія (графъ де-Контадъ) находились въ вѣдѣніи не одного и того-же управленія, самыя Труаз'Эвешэ были раздѣлены пополамъ: управленіе Меца было ввѣрено де-Брогли а Туля—герцогу дю-Шателэ.—Булоннэ, Седанъ и Сомюръ были самостоятельнымио кругами.

Остальныя административныя дѣленія были не менѣе искусственны. Значительная часть жителей Лангедока вотировала въ мѣстностяхъ, строй жизни и интересы которыхъ прямо противорѣчили ихъ собственнымъ нуждамъ. И безъ того раздробленный Ангулемъ раздѣлялся на три женералитэ; онъ ходатайствовалъ объ объединеніи въ одно цѣлое или, по крайней мѣрѣ, объ отдѣленіи отъ Лимузена и присоединеніи къ Сентонжу. Анжу просилъ объ административномъ отдѣленіи отъ Турэни, находя, что такое соединеніе имѣетъ для него крайне невыгодныя послѣдствія. Мэнъ также страдалъ отъ раздробленности. Понтьё желалъ возстановленія своихъ штатовъ; причисленное къ нему графство Е (Eu) стремилось снова войти въ составъ Нормандіи. Бри хотѣла имѣть въ Мо свои собственные штаты, независимые отъ Иль-де-Франса и Шампани. Першъ стремился слиться въ одну провинцію съ Тимерэ и имѣть штаты въ Белэмо. Форецъ, соединенный съ Ліономъ, и Перигоръ, составлявшій съ Бордо одно цѣлое, жаждали независимости. Жексъ тяготился своею связью съ Брессъ. Маршъ настаивала на необходимости отдѣленія отъ Бурбоннэ. Вандейскій Бокажъ, «край съ одинаковыми обычаями, нравами и промыслами, съ однообразной почвой», былъ — по никому не понятнымъ причинамъ—раздѣленъ на три части и подчиненъ тремъ различнымъ управленіямъ. Съ подобными же требованіями приходится встрѣчаться даже тамъ, гдѣ всего менѣе ихъ ожидаешь; такъ, о независимости мечтаетъ даже графство Маконъ; «если ужъ на то пошло, оно согласно на проэкты относительно бургундскихъ штатовъ, но прежде всего должны быть признаны и сохранены во всей своей полнотѣ и неприкосновенности права и привилегіи Маконнэ». Считая себя почему-то «со-государствомъ» (т. е. самостоятельнымъ политическимъ цѣлымъ), Марсель добивается особыхъ провинціальныхъ штатовъ вмѣсто участія въ представительствѣ Прованса. Даже ничтожные клочки территоріи, самыя имена которыхъ забыты въ наше время, стремились къ автономіи. Въ Маршахъ, расположенныхъ между Бретанью и Пуату, только и толку было, что о конституціи для этой провинціи. Лудюнуа, въ которомъ дѣйствовала особая кутюма, считалъ себя вправѣ имѣть отдѣльные штаты. Кюзеранъ и Comминъ предлагали возстановить существовавшіе у нихъ штаты. Городъ Молеонъ утверждалъ, будто, платя иныя подати, чѣмъ вся остальная Суль, онъ имѣетъ право и на иное управленіе; окрестные жители говорили тоже самое: «Молеонъ намъ такъ-же чуждъ, какъ еслибы онъ былъ въ Турціи»

Нѣкоторыя мѣстности были въ совершенно исключительномъ положеніи: сельское общество Раркуръ, земли котораго лежали между Лотарингіей, графствомъ Баръ и Шампанью, было освобождено отъ податей съ тѣмъ, чтобы каждый домохозяинъ ежегодно уплачивалъ по два су и шести денье королю, принцу Конде и австрійскому дому.

Авиньонъ, графство Венэссенъ, Мюльгаузенъ и Монбельяръ не принадлежали Франціи. Епархіи С. Клодъ, Мецъ, Туль, Верденъ, Сенъ-Діэ, Нанси, Перпиньянъ, Оранжъ, Авиньонъ, Карпантра, Ковальонъ, Вэзонъ, Безансонъ, Беллэ, Камбрэ, Аррасъ, С. Омеръ, Страсбургъ не признавались «принадлежащими къ французской церкви» и не принимали никакого участія въ дѣлахъ духовнаго управленія. 129 епархій, зависѣвшихъ отъ 18 архіепископствъ, находившихся въ самой Франціи, неохватывали всего королевства; 19 епархій или ихъ частей были подчинены иноземнымъ архіепископамъ.

Королевская власть. Несмотря на пеструю систему такихъ дѣленій и подраздѣленій, различныя провинціи не были и не хотѣли быть чужими другъ для друга. Духъ партикуляризма мѣшалъ народному объединенію, но не исключалъ его возможности. Вопреки сознанію нѣкоторыхъ чисто-мѣстныхъ интересовъ, обособлявшихъ отдѣльныя части Франціи, онѣ чувствовали взаимное тяготѣніе и считали себя членами одной и той-же семьи. Прошлое королевства было такъ славно, оно занимало столь блистательное положеніе среди другихъ народовъ Европы, оказывало на нихъ такое сильное вліяніе, что естественно было гордиться принадлежностью къ

числу его подданныхъ; такъ какъ король олицетворялъ въ себѣ государство и своею властью вносилъ единство во внутренній строй самостоятельныхъ областей, а французскій народъ, какъ единое цѣлое, существовалъ, казалось, только благодаря ему, то Франція даже послѣ невзгодъ и позора, постигшихъ ее въ XVIII вѣкѣ, по прежнему относилась къ государю съ религіознымъ благоговѣніемъ и не находила въ себѣ достаточныхъ силъ противостать его, ничѣмъ не сдерживаемому, произволу.

Людовикъ XVI любилъ говорить языкомъ неограниченнаго властелина, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ заявляя, подобно Людовику XIV,—что никто и ничто не умалитъ его священныхъ правъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ,—что самодержецъ отдаетъ отчетъ только Богу.— «Зачѣмъ, писало ему дворянство, приносить жалобы на безчисленныя нарушенія нашихъ вольностей, совершаемыя отъ имени Вашего Величества? Никогда такъ часто не злоупотребляли ссылкой и тюрьмой, которая сплошь и рядомъ служитъ единственнымъ отвѣтомъ на самые законные протесты. Никогда не были въ такомъ ходу lettres de cachet (тайные приказы объ арестѣ), какъ за послѣднее время. Никто, начиная съ низшихъ и кончая высшими, не можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ подобнаго посягательства».

О положеніи печати можно судить по списку королевскихъ цензоровъ, напечатанному въ *Королевскомъ альманахѣ за 1789 годъ:* ихъ насчитывалось тридцать три по юриспруденціи, двадцать одинъ по медицинѣ, пятеро по анатоміи, восемь — по естественной исторіи и химіи, девять—по математикѣ и физикѣ, двадцать четыре, изъ нихъ 21 аббатъ,—по изящной словесности и исторіи. Хотя правительство и предлагало публицистамъ свободно высказывать свои взгляды на текущіе вопросы, однако до самаго мая этого года они подвергались совершенно невѣроятнымъ преслѣдованіямъ. Адресъ, поданный королю сословіемъ адвокатовъ Ренна 6-го февраля, подписанный видными гражданами и одобренный цѣлымъ сословіемъ, былъ сожженъ по указу парижскаго парламента. Журналъ Мирабо «Генеральные штаты» былъ запрещенъ 7-го мая за «дерзкій» тонъ и «непристойное» направленіе (въ дѣйствительности не было и слѣда чего-либо подобнаго). Та-же участь постигла «Французскаго патріота» Бриссо.

Письма, посланныя, напр., изъ Немура въ Фонтенебло или изъ Жіена въ Орлеанъ, шли черезъ Парижъ для просмотра въ спеціальной комиссіи. Благодаря этому, разстояніе въ какихъ-нибудь 4 лье (15—16 верстъ) требовало 2—3 дней пути. Правительство, нисколько не стѣсняясь, нарушало не только естественныя права населенія, но и тѣ, которыя были пріобрѣтены имъ за денежное вознагражденіе и потому должны были считаться неприкосновенными. Такъ, города, многократно и дорогой цѣной выкупавшіе себѣ право на самоуправленіе, зачастую были лишаемы этой привилегіи; всѣ старанія возстановить ее оказывались тщетными. Даже высшіе сановники не были гарантированы отъ того, что они впадутъ въ немилость и ихъ смѣстятъ безъ всякаго повода, какъ это случилось съ Морстономъ-Шабрильяномъ. Малуэ, котораго никто не заподозритъ въ недоброжелательствѣ къ старой монархіи, говорилъ: «страна изнываетъ подъ бременемъ произвола; личныя свойства короля не могутъ смягчить тиранническаго характера его власти. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ ужасныя послѣдствія опьяненія насиліемъ и самонадѣянности невѣжества». Матье де-Монморанси высказывается еще рѣзче: «старые непорядки продолжали царить съ прежней силой: за нихъ были и власть, и общественное мнѣніе! Они были неразрывно связаны съ самымъ образомъ правленія».

Ничѣмъ не ограниченный монархъ далеко не былъ всемогущимъ. Недостатки въ организаціи и отсутствіе національнаго единства ставили всякому его начинанію цѣлый рядъ непреодолимыхъ препятствій. «Проэкты, составленные выдающимися государственными дѣятелями въ интересахъ общаго блага, не осуществлялись вслѣдствіе невозможности согласовать между собою множество противорѣчивыхъ обычаевъ и привилегій, мѣстныхъ требованій и нуждъ» (Калоннъ). Во всѣхъ шести министерствахъ «не было ни одного бюро (отдѣленія), которое-бы не дѣйствовало такъ, какъ будто оно вело войну со всѣми остальными, и не старалось захватить ихъ власть или урвать часть ихъ доходовъ въ пользу своего департамента. Парламенты тягались съ министрами изъ-за своихъ правъ, причемъ

обѣ стороны не могли опредѣлить ихъ вполнѣ точно» (Неккеръ). Мунье показалъ, почему «противодѣйствіе парламентовъ оказывалось непреодолимымъ, когда они хотѣли затормазить проведеніе того или другого благотворнаго закона. Упорствуя противъ указовъ короля, они разсчитывали на сочувствіе общества . . . . Министры такъ опрометчиво пользовались авторитетомъ государя, что всѣ хватались за это послѣднее средство, не думая о его темныхъ сторонахъ . . . . . . Всѣ признавали, что королевская власть основывается на Божьей милости, что государь—источникъ всяческой власти; однако, несмотря на всю безграничность его могущественнаго вліянія на войско, безконтрольнаго распоряженія доходами и законодательнаго значенія, котораго ему не приходилось дѣлить ни съ кѣмъ другимъ, онъ зачастую былъ вынуждаемъ поступаться своей властью . . . . Безсильное осуществлять свои благія стремленія, правительство могло только вредить. Внушаемое имъ недовѣріе дѣлало невозможными даже его лучшіе и общеполезные проэкты».

Эта оппозиція вывела было Людовика XVI изъ его обычной апатіи. Неудачная «революція» Ломени де-Бріенна больше испортила ему крови, чѣмъ отставка Тюрго. Возвращаясь къ политикѣ Капетинговъ, которая прославила и упрочила ихъ значеніе, онъ, повидимому, рѣшилъ опереться на третье сословіе, чтобы поддержать свой колеблющійся авторитетъ *). Правительство охотно распространяло «сочиненія съ самыми преувеличенными обвиненіями противъ дворянства». Маллэ дю-Панъ утверждалъ, что оно натравливаетъ народъ на аристократію. Ходили слухи, что Ламуаньонъ въ іюлѣ 1788 г. сказалъ настоятелю парижскаго каѳедральнаго собора и еще одному аббату: «парламенты, дворянство и духовенство идутъ противъ короля; не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ не останется и слѣда отъ парламентовъ, дворянства и духовенства». Въ первые мѣсяцы 1789 года ничто не предвѣщало, что въ іюнѣ Людовикъ XVI возьметъ на себя защиту узкихъ феодальныхъ интересовъ противъ требованій цѣлой націи.

Три сословія. Сійесъ насчитывалъ во Франціи 80.000 представителей духовенства и 110.000 дворянъ. Таржэ принимаетъ цифру, впятеро большую: 400.000 однихъ и 500.000 другихъ. По вычисленіямъ-же Лавуазье, ихъ было на четверть меньше, чѣмъ у Сійеса. По его мнѣнію, дворянъ было всего на всего 80.000. Рабо Сентъ-Этьеннъ допускалъ, что число духовныхъ доходитъ до 200.000, а Мунье полагалъ, что общая численность обоихъ привилегированныхъ классовъ равняется 500.000—600.000 *). Слѣдуетъ признать, что всѣ эти гипотезы были одинаково бездоказательны. Сійесъ говорилъ, что онъ знаетъ численное отношеніе классовъ «не лучше другихъ», но подобно остальнымъ позволяетъ себѣ высказать болѣе или менѣе правдоподобное предположеніе по этому вопросу.

Такія-же разногласія возникали всякій разъ, когда говорили объ общей численности всего населенія королевства. Одни опредѣляли ее въ 23 милліона, другіе—въ 25 и даже—въ 28. То-же самое мы видимъ и въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Такъ напр., въ одной изъ наилучше отмежеванныхъ, я говорю про Провансъ, нѣкоторые насчитывали 860.000 душъ обоего пола, а другіе лишь 700.000. Въ сенешальствѣ Абевилль, по мнѣнію интенданта, было только 90.000 жителей; въ докладѣ-же, подписанномъ 42 дворянами, говорилось, что цифра его населенія доходитъ до 170.000.

Изъ всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ показаній можно вывести только одно заключеніе, а именно, что привилегированные классы составляли лишь крайне незначительную частицу націи, всего какихъ-нибудь 2%, по наиболѣе достовѣрнымъ источникамъ.

Въ Версали имѣли полное основаніе думать, что послѣ такихъ сопоставленій третье сословіе менѣе, чѣмъ когда-нибудь, склонно идти рука объ руку съ дворянствомъ и духовенствомъ, что подобныя исчисленія только разожгутъ страсти и приведутъ къ

*) Майскіе эдикты 1788 года встрѣтили сочувствіе со стороны литераторовъ и финансистовъ. Нѣкоторые протоколы, составленные при выборахъ въ генеральные штаты, а также наказы свидѣтельствуютъ о томъ, какъ жалѣло третье сословіе о неудачѣ этой правительственной попытки.

*) Шестое бюро собранія нотаблей въ концѣ 1788 года утверждало, что все третье сословіе въ десять разъ многочисленнѣе первыхъ двухъ, взятыхъ вмѣстѣ.

взаимному столкновенію, чего только и желало правительство. Старинная рознь изъза особой *подымной подати* (fouages), взимаемой съ части крестьянскихъ дворовъ въ Бретани, незадолго передъ тѣмъ перешла въ открытую борьбу между дворянствомъ и буржуазіей этой провинціи. Требованія третьяго сословія, которыя были поддержаны бывшимъ интендантомъ Бертраномъ де-Молевиллемъ, казалось, угрожали самой бретонской конституціи. На улицахъ города Ренна произошла кровопролитная схватка; князю де-Тіару съ трудомъ удалось предупредить еще болѣе серьезное столкновеніе между 1.200 дворянами, запертыми въ монастырѣ кордельеровъ, и городской молодежью, къ которой примкнули анжерцы.

Вражда сословій усложнялась внутренними раздорами: низшее духовенство готово было возмутиться противъ высшаго; наряду съ родовитымъ существовало дворянство очень недавняго происхожденія. Первое, составлявшее сравнительно небольшую горсть, очень недружелюбно смотрѣло на возведеніе въ дворянское достоинство лицъ низшаго сословія, въ особенности-же на пріобрѣтеніе его путемъ покупки должностей, нерѣдко всего лишь за какихъ-нибудь двѣ тысячи экю. Придворная знать, запасшаяся грамотами, пользовалась особыми милостями и имѣла доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ, тогда какъ провинціальное дворянство, не внесенное въ книги королевскаго генеалога, «несмотря на одинаковость происхожденія, въ силу возмутительнѣйшаго предразсудка, терпѣло протѣсненія отъ своихъ собратьевъ, заграждавшихъ ему путь къ отличіямъ и наградамъ». Помѣстные дворяне, какъ въ первыя времена монархіи, не хотѣли знать никакихъ другихъ и относили вновь возведенныхъ въ дворянство—къ «коммунамъ» буржуа. Даже среди дворянъ новаго типа не было единства: они дѣлились на потомственныхъ и личныхъ.

Высшая буржуазія враждовала съ остальными горожанами и крестьянствомъ. Во время волненій въ городѣ Реннѣ низшіе классы поднялись, и дѣло кончилось схваткой со студентами.

Въ то время, какъ эти раздоры препятствовали правильному теченію дѣлъ въ бретонскихъ штатахъ, почти вездѣ стало замѣчаться неожиданное сближеніе всѣхъ трехъ сословій, вызванное общими интересами и давленіемъ общественнаго мнѣнія. Дворъ, опираясь на высшее духовенство и нѣкоторыхъ членовъ парламента, испугавшихся созыва генеральныхъ штатовъ, котораго они сами требовали, съ принцами королевской крови во главѣ,—рѣшилъ грести противъ общаго теченія и отстаивать старый порядокъ вещей. Но въ рядахъ этой партіи было немало людей, которые, блистая при дворѣ и «не отказываясь отъ милостей монарха, не прочь были пойти на уступки общественному мнѣнію и въ своихъ салонахъ воздать должное чувству независимости и мужеству свободы». Слово «*аристократъ*» сохраняло значеніе чего-то противоположнаго и враждебнаго абсолютной монархіи вплоть до конца апрѣля, когда распространился слухъ, что второе сословіе подкуплено правительствомъ *).

Въ 1792 году Мунье напоминалъ привилегированнымъ классамъ, что они первые воспротивились волѣ государя и подняли знамя возстанія, которое впослѣдствіи проклинали и не хотѣли признать своимъ дѣломъ. Всѣ сколько-нибудь искренніе и серьезные современники удостовѣряютъ, что «совокупныя усилія всѣхъ классовъ гражданъ были направлены въ пользу переворота въ образѣ правленія».

Финансы. Къ концу апрѣля 1789 года въ государственномъ казначействѣ было на лицо 58 милліоновъ. Обязательные расходы среднимъ числомъ требовали 530 милліоновъ въ годъ, доходовъ-же поступало только 475 милліоновъ. Неккеръ предвидѣлъ, что къ концу года вмѣсто 60-милліоннаго дефицита не хватитъ цѣлыхъ 90 милліоновъ. Эти цифры говорили-бы очень мало даже въ томъ случаѣ, если-бы мы приняли во вниманіе разницу между тогдашней и современной цѣнностью денегъ. Чтобы вполнѣ понять, въ какомъ безысходномъ положеніи находила сьстарая монархія, нужно сосредоточить вниманіе не на балансѣ, а на способѣ взиманія податей и распредѣленіи доходовъ.

---

*) Тѣмъ не менѣе только черезъ шесть недѣль это слово окончательно измѣнило свое значеніе. Еще 6-го іюня въ адресѣ къ Людовику XVI Байльи говорилъ о «естественномъ союзѣ между трономъ и народомъ противъ аристократіи, власть которой несовмѣстима съ королевскимъ авторитетомъ».

«Аристократія бретонскихъ штатовъ разжигала отвращеніе моего отца ко двору». Это замѣчаніе Шатобріана очень характерно для настроенія дворянства передъ революціей.

Можно недовѣрять Калонну, когда онъ говоритъ, что со времени его выхода въ отставку государственный долгъ, равнявшійся въ началѣ 1787 года тремъ миллiардамъ, втеченіе 2 лѣтъ возросъ на 247 милліоновъ; что обязательства казны перестали исполняться съ августа 1788 года *), что безчестныя увертки правительства и неизлечимыя язвы финансовой системы подорвали его кредитъ. Но нельзя сомнѣваться, когда неопровержимыя данныя свидѣтельствуютъ, что «долги росли безъ конца», что «они шли на безразсудныя траты», что «достаточно было простого распоряженія министра или уполномоченнаго имъ чиновника, чтобы мѣстныя власти ввели новый налогъ и, произвольно разложивъ его между частями населенія, взыскивали его со всей возможной строгостью; все болѣе и болѣе увеличивая податное бремя, чиновники нерѣдко ссылались кромѣ того на несуществующія постановленія Совѣта, причемъ лишь ненасытная жадность финансистовъ могла сравниться съ своекорыстіемъ мелкихъ служащихъ».—«Слѣдуетъ признать горькую истину, говоритъ дворянство Альбрэ, что упадокъ цѣлой страны, разореніе земледѣльца, бѣдственное положеніе собственника являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ фискальныхъ порядковъ, что помощниками у коммиссара, распредѣляющаго налоги, служатъ личности съ замаранной репутаціей, что въ этомъ худшемъ изъ всѣхъ вѣдомствъ на каждомъ шагу мы натыкаемся на вопіющую несправедливость и возмутительнѣйшія притѣсненія». Мунье, сдержанность котораго извѣстна, утверждалъ, что старое фискальное управленіе было «во сто кратъ тираничнѣе всякаго другого».

Площади податныхъ округовъ были опредѣлены такъ неточно, что, напр., по отношенію къ провинціи Лиможъ подсчетъ Неккера отличался отъ вывода межевого инженера, которому было дано офиціальное порученіе составить карту Лимузена, на 115 кв. лье, т. е. на одну седьмую всего пространства. Введеніе налоговъ было дѣломъ случая, расположенія къ однимъ и недоброжелательства—къ другимъ. Всѣ три сословія Лиможа жаловались, что налоги, поглощающіе у нихъ половину доходовъ, сводятся къ одной четверти прибылей въ Сентонжѣ. Считалось, что взиманіе двадцатой части дохода ложится на различныя части населенія равномѣрнѣе, чѣмъ другіе способы обложенія. Однако Артуръ Юнгъ находилъ основанія для раскладки этой подати вполнѣ произвольными: «съ тѣмъ-же успѣхомъ можно было опредѣлять доходъ каждаго плательщика по звѣздамъ». Онъ не придавалъ никакого значенія административной оцѣнкѣ земель. Умышленно ложныя показанія заинтересованныхъ лицъ, невольныя ошибки при опредѣленіи стоимости имущества, фиктивные договоры, придирки къ бѣднякамъ и потачки крупнымъ землевладѣльцамъ со стороны чиновниковъ—все это вмѣстѣ взятое отягчало данный налогъ для однихъ и сводило его къ нулю для другихъ. Во многихъ мѣстностяхъ бывали страшныя злоупотребленія при межеваніи. Окладныя книги были составлены такъ неудовлетворительно, что «несчастный», на долю котораго выпадало взысканіе податей, не зналъ даже именъ всѣхъ плательщиковъ.

Путаясь въ лабиринтѣ городовъ *franches* (свободныхъ) и *abonnées* (обязанныхъ), провинцій *en régie* (акцизныхъ) и странъ *redimés* (выкупившихся), «нельзя было ступить ни шагу, чтобы не наткнуться на какую-нибудь чисто-варварскую безсмыслицу» (Калоннъ). Въ одномъ и томъ-же женералитэ налоги не были одинаковы для различныхъ частей. Такъ, во всемъ женералитэ Э, кромѣ сенешальства Арль, существовалъ низкій соляной налогъ, въ Арлѣ — высокій (petite et grande gabelle); въ женералитэ Алансонъ, кромѣ округа Донфронъ, — высокій, то же самое въ Амьенѣ, за исключеніемъ Калези, Ардрези и Булоннэ. Нѣкоторые приходы въ окрестностяхъ Оксерра отчасти принадлежали къ парижскому женералитэ, не пользовавшемуся самоуправленіемъ, отчасти-же —къ Бургундіи, въ которой собирались провинціальные штаты. По правую сторону отъ ручья или дороги платили акцизъ (aides), а по лѣвую—нѣтъ. Благодаря этому, всѣ мѣстные жители устраивали винные погреба на льготномъ пространствѣ, что было «неисчерпаемымъ источникомъ судебной волокиты и раздоровъ».

Нѣкоторыя распоряженія поражали своей безсмысленностью даже тѣхъ, которыхъ никакъ нельзя было заподозрить въ либерализмѣ. Отца семейства зачастую обязы-

*) Съ этого времени были пріостановлены платежи по займамъ.

вали покупать столько соли, что ее некуда было дѣть. Зато въ другихъ мѣстностяхъ, а именно на пространствѣ 5 лье въ Оверни, 2 лье въ Бретани и 3-хъ въ Артуа можно было покупать не больше 14 ливровъ соли на наличную душу, а это количество, «какъ всѣмъ было извѣстно, далеко не удовлетворяло существовавшей потребности».

Взиманіе податей и налоговъ было сопряжено со всевозможными затрудненіями. Не включая дѣлъ, прекращавшихся по тайному соглашенію съ обвинителемъ или властями, каждый годъ разбиралось около четырехъ тысячъ процессовъ о нарушеніяхъ соляного налога (gabelle), 400 — 500 изъ нихъ влекли за собою ссылку на поселеніе или каторгу. Кромѣ бѣдности, препятствовавшей уплачивать обременительные налоги, и всевозможныхъ плутней, были еще особыя обстоятельства, мѣшавшія исправному поступленію доходовъ въ государственныя казначейства. Въ Нормандіи палата акцизовъ (cour des aides) тормазила взиманіе тайли (taille, полу-личный, полуземельный налогъ) изъ недоброжелательства къ мѣстной администраціи.

Что касается расходовъ, то о распредѣленіи ихъ сообщались лишь «смѣхотворныя свѣдѣнія». — «Отчетъ всякаго администратора, говоритъ Малуэ, долженъ заключать въ себѣ два главныхъ пункта: 1) точное указаніе суммъ, предназначенныхъ на каждую статью расходовъ, съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ объ ихъ употребленіи, 2) обстоятельную мотивировку всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ. Но подобной отчетности во Франціи не существуетъ. Такимъ образомъ нація, обремененная долгомъ въ четыре милліарда, не имѣла возможности привлечь къ отвѣтственности ни одного администратора и счетовода, хотя для всѣхъ было очевидно, что долги не могли возрасти до такой колоссальной цифры безъ злостныхъ растратъ и хищеній». Правда, палата счетовъ (cour des comptes) отдавала отчетъ, но толку отъ этого было мало. Предсѣдатель палаты акцизовъ могъ, сколько угодно, говорить объ «отчетахъ о состояніи наличныхъ суммъ»,— какъ о гибельномъ злоупотребленіи;—власть имущіе не обращали на его слова никакого вниманія и безъ всякаго стѣсненія брали изъ нихъ «столько, сколько хотѣли, и на то, чего хотѣли»; приблизительно пятая часть доходовъ, по меньшей мѣрѣ, а въ 1783 году даже болѣе четверти, дѣвалась неизвѣстно куда, и никому не приходило въ голову такъ или иначе выяснить ея исчезновеніе. Впрочемъ и остальные расходы въ дѣйствительности имѣли мало общаго съ тѣми объемистыми томами обстоятельныхъ отчетовъ, которые давались объ ихъ распредѣленіи. Члены конституанты, въ руки которыхъ попала эта безпорядочная груда неудобопонятнаго матеріала, должны были отказаться отъ надежды извлечь изъ него что-нибудь путное. Дюбуа-Крансэ, которому, какъ члену комитета финансовъ, было поручено разобраться въ расходахъ военнаго департамента, говоритъ, что «всѣ его старанія найти руководящую нить въ этомъ лабиринтѣ оказались тщетными».

«Большая часть коронныхъ имуществъ была пущена на вѣтеръ: этому способствовали и время, и безпорядки, и злоупотребленія, и измѣнчивость законодательства». Лѣса въ большинствѣ случаевъ оказывались въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ дачахъ были вырублены почти всѣ строевыя деревья, въ другихъ-же виднѣлись одни пни. Громадныя пространства, нѣкогда покрытыя лѣсами, представляли изъ себя невоздѣланныя пустоши. Наконецъ, нерѣдко чиновники вѣдомства государственныхъ имуществъ отъ своего собственнаго имени отдавали самыя земли въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ; право пахаря было основано на простомъ злоупотребленіи. IIIc

Суды. Всѣхъ парламентовъ было тринадцать. Территоріи ихъ не были даже приблизительно равны между собою. Нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно ничтожны, напр. области парламентовъ Меца, По и Дижона; въ сферу послѣдняго не входили даже графства Маконъ и Оксерръ. Напротивъ, другія были громадны. Такъ, подъ вѣдѣніемъ парижскаго парламента находилась почти треть всего королевства. Его территорія включала въ себя побережья океана и Соны, а на Сѣверѣ доходила до Дюнкирхена. Жители Треву жаловались, что ближайшій судъ былъ отъ нихъ въ 40 лье.

Границы отдѣльныхъ округовъ не были установлены вполнѣ точно. Такая неопредѣленность порождала въ бургундскихъ бальяжахъ постоянныя пререканія о подсудности, чрезвычайно тягостныя для на-

селенія; округъ Бовуази представлялъ изъ себя какое-то черезполосное владѣніе: нѣкоторыя изъ его частей находились вблизи сосѣднихъ городовъ Амьена и Гурнэ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ центрѣ его были земли, изъятыя изъ его состава. Изъ всего этого проистекали «невозможность указать подсудность, вѣчные споры, волокита, безнаказанность тяжкихъ преступленій». Если границы и были вполнѣ точны, то ихъ линіи нерѣдко дробили естественныя области на нѣсколько частей, причисленныхъ къ болѣе или менѣе отдаленнымъ центрамъ, вызывая со стороны населенія просьбы объ «образованіи новыхъ раіоновъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы одна и та-же мѣстность ни въ коемъ случаѣ не была подвѣдомственна двумъ различнымъ судамъ». Нѣкоторые приходы въ Монтэгю (въ Комбрайлѣ) были подѣлены такъ, что каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ частицы трехъ судебныхъ округовъ. Это «являлось неисчерпаемымъ источникомъ для кляузъ со стороны недобросовѣстныхъ».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лишь пройдя пять или шесть инстанцій, дѣло поступало въ королевскій судъ, на рѣшеніе котораго можно было апеллировать въ «президіаль» или парламентъ.

Судопроизводство на каждомъ шагу тормазилось королевскими приказами объ отсрочкахъ или пересмотрѣ даннаго дѣла, т. н. *committimus* (чрезвычайными изъятіями изъ нормальной подсудности), всяческими исключеніями и привилегіями, а также столкновеніями между королевской властью и магистратурой. «Теченіе судебныхъ дѣлъ не должно быть прерываемо ни въ коемъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ» — таково желаніе, неоднократно высказывавшееся во всѣхъ частяхъ Франціи въ XVIII вѣкѣ и пріобрѣвшее особенную жгучесть и силу со времени событій 1788 года.

Если-бы когда-нибудь удалось воспроизвести во всѣхъ детаяхъ раздробленность старой Франціи, проистекавшую изъ различія по источнику дѣйствовавшаго права, получилась-бы еще болѣе сложная и путаная картина, чѣмъ при описаніи учрежденій того времени: карту Франціи пришлось-бы испещрить неисчислимымъ множествомъ мелкихъ переплетающихся участковъ. Область *писанаго* права не представляла изъ себя чего-то сплошного и цѣлаго, оно дѣйствовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ въ центрѣ территоріи права *обычнаго*, и наоборотъ: обычаи, кутюмы примѣнялись въ центральныхъ частяхъ той сферы, въ которой источникомъ права признавался законъ. Говоря вообще, можно утверждать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что законы римскаго происхожденія дѣйствовали на югѣ, а сто двадцать восемь различныхъ кутюмъ (сводовъ мѣстныхъ обычаевъ) на сѣверѣ, но такое разграниченіе годно лишь для самаго поверхностнаго изученія занимающаго насъ вопроса. Въ округѣ парламента Бордо были мѣстности съ особыми кутюмами. Наибольшая путаница чувствовалась въ центрѣ королевства. Дворянство Шалона на Сонѣ никакъ не могло доискаться границы, отдѣлявшей въ предѣлахъ его бальяжа сферу писанаго права отъ бургундской кутюмы. Въ округѣ парижскаго парламента, насчитывавшаго у себя до шестидесяти главныхъ кутюмъ, были земли, принадлежавшія къ Ліоннэ, Маконнэ и Форецу, въ которыхъ удержалось римское право. Безансонскій парламентъ примѣнялъ и то, и другое право, которыя существовали въ его округѣ наряду другъ съ другомъ. Въ округѣ верховнаго суда Нанси феодальные порядки опредѣлелись законами германскаго происхожденія. Да и само писаное право не было одинаково во всѣхъ частяхъ Франціи: въ Провансѣ римскіе законы были видоизмѣнены статутами древнихъ графовъ и спеціальными ордонансами (повелѣніями).

Мерленъ отказывался понять, что должно было происходить въ головѣ человѣка, который по одну сторону ручья признавался наслѣдникомъ, а по другую сторону — не имѣющимъ никакого права на остальныя части того-же самаго имѣнія. Не всегда нужно было переправиться черезъ рѣчку или перейти гору, чтобы попасть изъ области дѣйствія однихъ законовъ въ сферу другихъ. Даже въ такихъ крошечныхъ провинціяхъ, которыя въ настоящее время едва извѣстны по названію и могутъ быть указаны только учеными, населеніе зачастую управлялось отчасти писанымъ, отчасти обычнымъ правомъ. Жители мѣстности Суль говорили, что они «составляютъ одно цѣлое, благодаря единству управленія, языка и нравовъ; между тѣмъ не только отдѣльныя общины, но даже нерѣдко два сосѣд-

Лен. Гос. ун-т НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

нихъ дома судятся по различнымъ законамъ».

Несмотря на кое-какія улучшенія, произведенныя въ 1780 и 1788 гг., уголовное право попрежнему носило свой «безсмысленно жестокій и дикій характеръ». Пытка, производившаяся во время предварительнаго слѣдствія съ цѣлью вырвать признаніе у обвиняемаго, (question préparatoire), была уничтожена, а та, которая пускалась въ ходъ уже послѣ суда для опредѣленія всѣхъ участниковъ преступленія (question préalable) временно пріостановлена *). Признавъ, что она скорѣе можетъ сбить судей съ толку и «погубить невиннаго», чѣмъ пролить новый свѣтъ на дѣло, правительство тѣмъ не менѣе не отказалось окончательно отъ ея употребленія.

Оставались въ силѣ: безнравственныя *увѣщанія*, противъ которыхъ энергично возставало духовенство, безполезное и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокое отягченіе наказаній (колесованіе, кнутъ, клеймленіе), примѣненіе смертной казни къ проступкамъ вродѣ простой кражи, конфискація, безчестье, налагавшееся на всю семью осужденнаго, неравенство наказаній для низшихъ и высшихъ, безчеловѣчное обращеніе съ заключенными.

Земледѣліе: мелкая собственность и феодальныя права. Значительная часть территоріи королевства оставалась не воздѣланной. Чуть не треть всѣхъ земель, годныхъ для обработки, была покрыта песками и верескомъ. Говорили, что половина западныхъ провинцій находится въ запустѣніи. Одно виноградарство было поставлено хорошо. Боясь новыхъ налоговъ, крестьяне не вводили необходимыхъ усовершенствованій, содержали все меньше и меньше скота, вели крайне жалкое хозяйство. Свѣдущіе агрономы, знакомые съ хозяйственной жизнью старой Франціи, утверждали, что ежегодный доходъ отъ всѣхъ полей Франціи относился къ урожаю Англіи, какъ 3 къ 8.

Правительство сознавало настоятельную необходимость предпринять какія-нибудь мѣры съ цѣлью поддержать падающее земледѣліе: съ нѣкотораго времени былъ учрежденъ сельскохозяйственный совѣтъ, но онъ не разсмотрѣлъ ни одного вопроса, касавшагося его главной задачи и даже не избралъ изъ своей среды человѣка, на котораго былъ-бы возложенъ пріемъ, подготовка къ слушанію и докладъ поступающихъ дѣлъ.

Мы сознаемъ всю невозможность привести сколько-нибудь достовѣрныя статистическія данныя; тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ коснуться вопроса, который давно уже привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, но до сихъ поръ не былъ формулированъ и поставленъ вполнѣ правильно. Какъ великъ былъ классъ мелкихъ собственниковъ? Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, склонны были уменьшать ихъ численность. Въ настоящее время мы видимъ какъ разъ обратное: не имѣя подъ руками вѣскихъ данныхъ, ученые утверждаютъ, что выводы ихъ предшественниковъ противорѣчатъ истинѣ и что въ старой Франціи было очень много крестьянъ-собственниковъ. Само собою разумѣется, что мы не можемъ придавать рѣшающаго значенія произвольной цифрѣ 450.000, которой Лавуазье опредѣлялъ ихъ численность. Точно также голословныя заявленія вродѣ фразы Таржэ, будто «собственность распредѣлена между немногими», не внушаютъ намъ ни малѣйшаго довѣрія и не могутъ служить сколько-нибудь прочнымъ основаніемъ для научныхъ выводовъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣются документы, идущіе изъ глухихъ деревень и дѣлающіе совершенно излишними ссылки на всѣ иные источники. «При послѣдней раскладкѣ общественныхъ сборовъ, всѣ тѣ, кто не могъ вполнѣ точно опредѣлить свое положеніе, были зачислены въ классъ собственниковъ или держателей, хотя добрая половина ихъ уже была обезземелена. Эта ошибка такъ и осталась неисправленной, несмотря на множество жалобъ». Можно-ли вѣрить окладнымъ книгамъ, въ которыхъ «грубые промахи встрѣчались тѣмъ чаще, что они составлялись людьми, не знавшими ни отдѣльныхъ лицъ, ни имуществъ, ни цѣлыхъ селеній и группъ, между которыми раскладывались подати?»

Допустивъ даже, что число собственниковъ было очень значительно, мы должны коснуться наиболѣе важной стороны занимающаго насъ вопроса: какъ велика была

---

*) Послѣднее, впрочемъ, не вполнѣ достовѣрно. Выраженія въ которыхъ была написана декларація 23 сентября 1788 года, а также множество пожеланій, высказанныхъ по этому поводу въ наказахъ, позволяютъ думать, что эта мѣра осталась на бумагѣ.

общая площадь ихъ владѣній и размѣры средняго крестьянскаго участка? Въ нѣкоторыхъ приходахъ бальяжей Дуэ и Алансона, а также Дофинэ и Бургундіи, сеньоръ владѣлъ третью и даже половиной всѣхъ земель, не считая лѣсовъ, о которыхъ у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Лучшія земли принадлежали дворянству и духовенству, а среднія и худшія остались на долю крестьянъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наказы опредѣляютъ число собственниковъ, отношеніе ихъ колеблется между окрестностями Меца, гдѣ на 107 дворовъ насчитывалось 10 собственниковъ, и однимъ изъ приходовъ оксеррскаго бальяжа въ которомъ на 172 жителя приходилось 32 земледѣльца, но только трое изъ нихъ работало на своемъ собственномъ полѣ. Просматривая памятники того времени, вы нерѣдко наталкиваетесь на указаніе, что единственнымъ собственникомъ въ данной мѣстности является сеньоръ *). Даже такой внимательный наблюдатель, какъ Артуръ Юнгъ, не видалъ мелкихъ собственниковъ ни въ Босѣ, ни въ Пикардіи, ни въ изслѣдованной имъ части Нормандіи и Артуа. Размѣры описанныхъ имъ крестьянскихъ земель были до смѣшного ничтожны. Достаточно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ не превышали 10 кв. першей, т. е. 80 кв. саженъ. Обыкновенно, говоря о мелкихъ собственникахъ, забываютъ подчеркнуть тотъ фактъ, что, за исключеніемъ Фландріи, Эльзаса, Беарна и мѣстностей по Гароннѣ, гдѣ имъ жилось, повидимому, недурно, они находились по большей части въ крайне бѣдственномъ положеніи, особенно тамъ, гдѣ процвѣтало виноградарство.

Въ 1791 году королевское сельско-хозяйственное общество, котораго отнюдь нельзя причислить къ врагамъ крупнаго землевладѣнія (оно безъ стѣсненія указывало его выгоды), писало въ комитетъ учредительнаго собранія: «всѣмъ извѣстно, какія препятствія ставились на пути къ умноженію мелкихъ собственниковъ....... Этотъ общественный недугъ будетъ устраненъ»... При этомъ добавлялось: «подъ именемъ мелкаго собственника не вездѣ разумѣется одно и то-же». Здѣсь рѣчь идетъ не о величинѣ участковъ, а о сущности самаго права на обладаніе ими. Наряду съ собственностью, существовавшею optimo jure (по высшему праву) и optima conditione (на лучшихъ условіяхъ), были извѣстны и другіе ея виды: такъ, по такъ называемому контракту bail à rente, держатель становился собственникомъ на весь выговоренный срокъ. Одно и то-же имѣніе могло имѣть двухъ собственниковъ, такъ какъ признавались два различныхъ права собственности: «propriété directe» (верховное право) и «propriété utile» (право пользованія).

Во времена Сенъ-Симона, нерѣдко смѣялись надъ глупымъ положеніемъ крестьянина, который не соглашался продать своей избы сеньору: послѣдній просто на просто дѣлалъ распоряженіе о сносѣ ея съ его земли на другое мѣсто, послѣ чего у мужика не оказывалось ни кола, ни двора. Такихъ явленій, быть можетъ, уже не встрѣчалось при Людовикѣ XVI, но съ полной увѣренностью можно утверждать, что въ это время не было установлено правила объ обязательномъ возмѣщеніи убытковъ держателя при всякой экспропріаціи, производимой въ интересахъ сеньора. Даже полная собственность подлежала въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограниченіямъ, искажавшимъ ея основныя черты: тѣ части королевства, гдѣ господствующею формой землевладѣнія были алоды (вотчины), несмотря на свои титулы и привилегированное положеніе, не были свободны отъ феодальныхъ повинностей. Кутюма одной изъ такихъ областей — Суль — признаетъ права, вытекающія изъ т. н. «новыхъ феодовъ», самое названіе которыхъ, какъ нельзя краснорѣчивѣе, свидѣтельствуетъ объ ихъ сущности. Въ Альбрэ нѣкоторые собственники должны были отбывать «позорящія» (flétrissantes) повинности. Въ провинціи Пуату управляющій какого-нибудь сеньора фактически могъ довести крестьянина до того, что тотъ въ концѣ концовъ видѣлъ себя вынужденнымъ согласиться на отчужденіе своего надѣла. Въ Шампани монополія на прессы лишала мелкихъ собственниковъ возможности выдѣлывать хорошія вина. Въ Дуэ, Провенѣ и Ривьеръ-Вердёнѣ феодальныя права лежали тяжкимъ бременемъ на мѣстныхъ жителяхъ, уби-

*) Защитники стараго порядка нерѣдко подтверждали указанія крестьянъ. Такъ, Готье де-Біоза замѣтилъ, что при спорахъ о числѣ депутатовъ отъ трехъ сословій въ генеральныхъ штатахъ, первые стояли за то, чтобъ дворянству и духовенству было предоставлено больше депутатскихъ мѣстъ, чѣмъ третьему сословію, говоря, что они обладаютъ по крайней мѣрѣ тремя четвертями всего королевства.

вая въ нихъ всякую предпріимчивость. «Какой смыслъ права собственности на тяглыя (serfs) земли?» — восклицаетъ третье сословіе Ренна. Королевское сельскохозяйственное общество высказывало сожалѣніе, что крестьяне не вправѣ огораживать своихъ участковъ и обрабатывать ихъ, какъ кому заблагоразсудится. «Мы — рабы сеньоровъ... Уничтоженіе феодальныхъ правъ не терпитъ отлагательства... Таково завѣтное желаніе деревни, о которомъ въ настоящее время только и говорятъ». Довѣренные сеньоровъ не знаютъ никакой жалости и «попрежнему тиранятъ» людей, требуя исполненія «болѣе, чѣмъ сомнительныхъ повинностей». Почти такія же жалобы раздаются изъ рядовъ духовенства. Ему доподлинно извѣстно, что «феодальное варварство держитъ народъ въ полнѣйшей косности и тормазитъ сельское хозяйство». Во Француъ-Контэ оно присоединяется къ протестамъ философовъ противъ *крѣпостного права*, видя въ немъ источникъ всѣхъ бѣдствій, тяготѣющихъ надъ населеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно возстаетъ противъ вотчинной юстиціи. Кое-гдѣ, напр., въ Дурданѣ, само дворянство говоритъ, что для подъема благосостоянія деревни, прежде всего, слѣдуетъ уничтожить феодальныя права.

Чтобы правильно опредѣлить ихъ значеніе, нужно сопоставить выгоды сеньоровъ съ тѣмъ вредомъ и лишеніями, которые они приносили крестьянамъ. Повинности, которыя турэнское духовенство называли «зазорными и смѣшными», были совершенно безполезны для господъ. Право сеньоровъ, 23 апрѣля и 25 іюня, выгонять свой скотъ на крестьянскія поля, доставляя имъ очень мало выгоды, причиняло неисчислимые убытки мелкимъ землевладѣльцамъ. Такое право мы встрѣчаемъ въ Канѣ и Тулѣ. Часть урожая, причитавшаяся сеньору по праву *шампара* (champart), во многихъ мѣстностяхъ номинально была меньше десятины (dîme, 1/10), но самый способъ ея взиманія дѣлалъ это обязательство крайне отяготительнымъ для крестьянъ: хлѣбъ дѣлился скирдами и не могъ быть убранъ до пріѣзда сеньора или его довѣреннаго, который въправѣ былъ запоздать на цѣлыя сутки; послѣ этого приходилось везти его въ ригу сеньора, а тѣмъ временемъ непогода могла сгубить мужицкую долю. Этимъ объясняется тотъ, повидимому, странный фактъ, что дурданское дворянство взамѣнъ этой повинности, составлявшей 1/12 урожая, могло требовать треть крестьянскихъ земель или соотвѣтствующую денежную сумму.

Ненависть крестьянъ къ баналитетамъ вызывалась не столько связанными съ ними обязательными платежами, запретомъ молоть зерно на ручныхъ мельницахъ или камнемъ и печь хлѣбъ у себя дома, сколько тѣмъ, что приходилось ѣхать подчасъ очень далеко по убійственнымъ дорогамъ, что волей-неволей нужно было оставлять зерно у дверей мельницы, а черезъ нѣсколько дней принимать подгорѣлый или недопеченый хлѣбъ, тѣмъ, наконецъ, что, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, мельники притѣсняли ихъ и вымогали все, что могли дать бѣдняки. Они «вынуждены были молчать, зная, что жалобы не поведутъ ни къ чему доброму». На вопросъ Неккера о происходящемъ въ Беарнѣ интендантъ Буппорнъ отвѣчалъ: «мельнику ничего не стоитъ надуть крестьянина, онъ можетъ обмануть его на каждомъ шагу, уличить-же его въ злоупотребленіяхъ, а тѣмъ болѣе прекратить ихъ — почти невозможно. Вѣчныя, притомъ вполнѣ справедливыя, жалобы на арендаторовъ банальныхъ мельницъ прекратятся только тогда, когда всякому будетъ предоставлено молоть, гдѣ ему угодно... Въ глухихъ углахъ ихъ безнаказанность вполнѣ обезпечена. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ арендная плата, доходившая до такихъ крупныхъ цифръ, которыя были-бы немыслимы безъ противозаконныхъ поборовъ».

Право охоты «подрывало частную собственность». Развлекаясь со своими знакомыми и слугами, гоняясь за дичью, сеньоръ ломалъ изгороди и топталъ жатву, а крестьянинъ долженъ былъ переносить все это и выказывать ему свое почтеніе. Подъ страхомъ штрафа, тюремнаго заключенія, а въ случаѣ упорства — даже каторги, мужикъ не смѣлъ мѣшать опустошенію своихъ полей и расчищать ихъ отъ колючаго кустарника, гдѣ водится дичь. При отсутствіи онъ долженъ былъ насаждать его на свои собственныя средства. Онъ не могъ ни полоть, ни жать, ни пахать въ надлежащее время, не вправѣ былъ выпустить свою собаку, не изуродовавъ ее или не подвѣсивъ ей на шею чурбана. Онъ не смѣлъ убить даже вороны, между тѣмъ какъ сторожъ на его глазахъ застрѣливалъ кота, оберегавшаго его житницу отъ крысъ и мышей.

Господскіе голуби и дичь производили такія ужасающія опустошенія на поляхъ, что почти всѣ крестьянскіе наказы обращаютъ на это обстоятельство особенное вниманіе, а нѣкоторые только о немъ и говорятъ.

Многія изъ этихъ привилегій не только не смягчались, но съ теченіемъ времени принимали небывалые размѣры и давили массу населенія гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Въ «Трехъ Епископствахъ», въ Реннѣ и Провансѣ число баналитетовъ все увеличивалось и увеличивалось, сфера ихъ дѣйствіявсе расширялась, распространяясь на мѣстности, которыя до этого считались свободными. Въ Бернэ, Алансонѣ и Беарнѣ платежи за пользованіе банальной печью росли очень быстро, повышаясь иногда на цѣлую треть за какихъ-нибудь 14—15 лѣтъ. «Флюгеръ на крышѣ служилъ символомъ права сеньора требовать отъ своихъ подданныхъ оброка, сумма котораго все болѣе и болѣе возрастала, благодаря стараніямъ его управляющихъ и особенно февдистовъ. Эти знатоки феодальнаго права получали за каждое указаніе новой подати всю сумму, причитавшуюся по ней за предшествовавшіе годы. Немудрено, что они «открывали» ихъ многое множество, причемъ одно «открытіе» было неожиданнѣе и чудеснѣе другого. Въ результатѣ ихъ изысканій всегда оказывалось одно и то-же: сеньоръ имѣлъ право на несравненно большее, чѣмъ пользовался въ дѣйствительности; упоминаніями объ этихъ добавочныхъ статьяхъ пестрятъ чуть не всѣ документы того времени . . . . Дѣло не ограничивалось увеличеніемъ числа оброковъ, увеличивались вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣры, посредствомъ которыхъ учитывался каждый оброкъ. Въ большинствѣ замковъ было особое рѣшето для отдѣленія лучшаго зерна отъ худшаго. Благодаря этому, мѣра хлѣба, полученная помѣщикомъ отъ крестьянъ, стоила на рынкѣ на тридцать су дороже остального. Было-бы слишкомъ долго подробно описывать всѣ уловки управляющихъ, на которыя они пускались безъ вѣдома своихъ хозяевъ къ ущербу мужиковъ. Достаточно сказать, что отягченіе феодальныхъ повинностей добавочными платежами составляло почти повсемѣстное явленіе». Маллэ дю-Пань не могъ удержаться, чтобы не написать въ 1796 году: «крестьяне и, притомъ, одни только крестьяне извлекали громадныя выгоды изъ революціи», а madame де-Сталь впослѣдствіи съ полнымъ правомъ говорила: «молодежь и иностранцы, видя довольство народа, проистекающее изъ болѣе правильнаго распредѣленія собственности и уничтоженія феодальной системы, не могутъ представить себѣ положеніе той-же націи подъ подавляющимъ гнетомъ всевозможныхъ привилегій».

Промышленность и торговля. Мы должны указать препятствія, которыя мѣшали прогрессивному развитію промышленности и торговли.

Считалось, что дворянинъ роняетъ свое достоинство, ведя коммерческое предпріятіе. Этотъ старинный предразсудокъ давно уже потерялъ почву подъ ногами, и общество съ нетерпѣніемъ ждало закона, который-бы вырвалъ его съ корнемъ и санкціонировалъ вновь нарождающійся укладъ экономическихъ отношеній. Свобода труда не признавалась: возстановлены были цехи съ ихъ корпоративнымъ устройствомъ, уничтоженные-было въ министерство Тюрго. Срочная ссуда денегъ подъ проценты, допускавшаяся, правда, въ Эльзасѣ и Лотарингіи, была запрещена въ большей части королевства; крупные промышленные центры не могли обойтись безъ кредита, но суды игнорировали это явленіе.

Указъ 1673 года о торговлѣ представлялъ въ это время двоякое неудобство: онъ устарѣлъ и допускалъ различныя толкованія. Противорѣчіе и неясность въ законахъ, ихъ сложность и запутанность порождали неразрѣшимыя затрудненія, на которыя жалуются даже наиболѣе опытные администраторы. Разумный законъ Неккера о мануфактурахъ, изданный въ 1779 году, даже черезъ десять лѣтъ не былъ еще извѣстенъ въ провинціяхъ.

Королевство во всѣхъ направленіяхъ было изрѣзано таможенными линіями, общая длина которыхъ равнялась 2.800 лье (около 11.000 верстъ). Товаръ, шедшій изъ Бретани, Артуа или Гюйенни въ Провансъ, восемь разъ подвергался осмотру. Столько-же разъ нужно было заявить о немъ, въ семи мѣстахъ за него уплачивалась пошлина и, наконецъ, въ двухъ пунктахъ пути происходила обязательная перегрузка. Проѣздъ изъ Парижа въ Овернь или Дофинэ сопровождался тою-же процедурой и такими-же платежами. Вино, шедшее изъ Керси въ Перигоръ, и желѣзо, отправлявшееся въ обратномъ направленіи, облагалось «бе-

зобразными пошлинами». На нормандской дорогѣ, идущей черезъ Понтуазъ, на протяженіи четырехъ лье взимались поборы за проѣздъ черезъ Сенъ-Дени, Эпинэ и Франконвилль. Въ послѣднемъ случаѣ весь доходъ поступалъ въ пользу сеньора, который въ извѣстныя времена года увеличивалъ плату за право проѣзда вдвое, хотя государство освободило его отъ исправленія дороги.

Лотарингія и Труаз'Эвешэ представляли изъ себя «черезполосицу, вредившую торговлѣ и земледѣлію, мѣшавшую проводить дороги и каналы . . . . . . Вокругъ каждаго города и деревни было расположено множество заставъ; жители Туля не могли выйти въ поле безъ того, чтобы не наталкнуться на каждомъ шагу на таможенныя конторы и стражниковъ; благодаря этому, обыватели Лотарингіи, Труаз'Эвешэ, Шампани, Барри и Эльзаса не могли свободно сообщаться другъ съ другомъ; всевозможныя ловушки, поборы и конфискаціи нагоняли страхъ на купцовъ и тормазили торговлю. — Франшъ-Контэ, провинція, «считающаяся какъ бы чужеземной» (reputée etrangéré), была совершенно изолирована отъ сосѣднихъ областей, въ томъ числѣ даже отъ Эльзаса, «провинціи на положеніи чисто заграничной» *) (province a l'instar de l'étranger effectif).

Приведя даже далеко не полный перечень мѣръ и вѣсовъ. мы слишкомъ злоупотребили бы вниманіемъ читателя. Они измѣнялись чуть не на каждой почтовой станціи. «Причудливая пестрота и различія, существовавшія (въ этомъ отношеніи) между кантонами одного и того же бальяжа», уже въ то время вызывали всеобщее удивленіе. Королевское общество сельскаго хозяйства въ 1790 году указало существенныя противорѣчія въ предѣлахъ одного и того же города, бурга, даже одной деревни. Въ приходахъ, принадлежавшихъ къ Мондидье, моргъ (journal) представлялъ изъ себя перемѣнную величину отъ 758 до 1287 квадр. туазъ (557—945 кв. с.); вержъ (verge) колебалась отъ 20—25 футовъ; футъ въ свою очередь—отъ 10 дюйм. 4 лин. до 12 дюймовъ.

Опасеніе голода парализовало хлѣбную торговлю; какъ города, такъ и деревни не допускали вывозить зерно, но ихъ противодѣйствіе приводило Францію какъ разъ къ обратнымъ результатамъ: голодовки затягивались и учащались.

Трудно опредѣлить, насколько серьезенъ былъ ущербъ, нанесенный французской промышленности договоромъ, который былъ заключенъ съ Англіей незадолго передъ революціей. Правда, Артуръ Юнгъ старался доказать, что онъ былъ менѣе выгоденъ для его родины, чѣмъ полагала нормандская торговая палата; но очень немногіе раздѣляли его точку зрѣнія, и общественное мнѣніе требовало немедленнаго пересмотра и исправленія этого трактата.

Общественныя сооруженія. Великолѣпіе общественныхъ сооруженій поразило Артура Юнга, видѣвшаго Францію въ 1788 г. Кромѣ нихъ онъ восхищался во Франціи только драматическимъ искусствомъ и красотами природы. При видѣ работъ въ шербургскомъ портѣ, уже близившихся къ концу, онъ воздалъ должное великой націи, выдвинувшей изъ своей среды смѣлыхъ геніевъ, задумавшихъ такое колоссальное предпріятіе, и инженеровъ, осуществившихъ ихъ замыслы. Большія дороги, по которымъ ему привелось ѣхать, были проложены съ удивительнымъ искусствомъ и содержались съ излишней даже роскошью; на югѣ—особенно въ Лангедокѣ, онѣ привели его въ изумленіе. Правда, ему встрѣчались и такія, которыя оставляли желать очень многаго; такъ напр. дорога изъ Э. въ Марсель была въ самомъ жалкомъ состояніи. Побывай Артуръ Юнгъ во всѣхъ частяхъ Франціи и, притомъ, въ менѣе благопріятное время года, онъ нашелъ-бы не мало и другихъ поводовъ «приходить въ негодованіе». Въ наказахъ парижскихъ предмѣстій указываются мѣста, гдѣ колеи и выбоины дѣлали совершенно непроѣздной большую дорогу изъ Труа — одну изъ важнѣйшихъ въ королевствѣ, такъ какъ по ней доставлялся въ Парижъ хлѣбъ изъ Бри; мостъ въ Корбейлѣ при-

---

*) Желая уничтожить всѣ внутреннія таможни, Кольберъ долженъ былъ однако ограничиться двѣнадцатью центральными провинціями. Онѣ образовали своего рода таможенный союзъ съ однообразнымъ тарифомъ 1664 года. Провинціи, считающіяся «какъ бы чужеземными» (réputées étrangères), т. е. не вошедшія въ этотъ союзъ и изъятыя изъ общаго тарифа, образовали другой таможенный союзъ съ несравненно болѣе тягостнымъ тарифомъ 1667 г. Наконецъ, «провинціи на положеніи чисто заграничныхъ» (provinces à l'instar de l'étranger effectif) образовывали третью группу, пользуясь правомъ свободной торговли съ сосѣдними государствами и въ то же время чувствуя себя крайне стѣсненными въ своихъ сношеніяхъ съ Франціей. *Прим. Переводч.*

шелъ въ полную ветхость и былъ совершенно негоденъ для пользованія. Дороги, имѣвшія преимущественно мѣстное значеніе, содержались очень плохо, а иногда оставались и совсѣмъ безъ ремонта. Жаловалось на это и духовенство изъ Шаролэ и Кутанса, и ажанское дворянство, и третье сословіе Донфрона. Къ чему намъ великолѣпныя шоссе, до которыхъ мы едва можемъ добраться по непроѣзжимъ дорогамъ? Такой вопросъ могли задавать себѣ не только какія-нибудь деревушки въ глуши Бургундіи, но и города вродѣ Везеля.

Армія, флотъ и колоніи. Армія состояла приблизительно изъ 160 т. человѣкъ регулярныхъ войскъ и 60 т. человѣкъ милиціи. Пополнялась она совершенно такъ же, какъ и прежде.

Изданные за послѣдніе годы ордонансы, касавшіеся порядка замѣщенія высшихъ должностей, вырывали у дворянства вопли отчаянія: «Со времени министерства Сенъ-Жермена военная служба стала — благодаря указамъ Военнаго Совѣта, — почти унизительной для провинціальнаго дворянства; его назначаютъ только на второстепенныя должности, ссылаясь на то, что придворная знать имѣетъ будто-бы преимущественныя права на высшія военныя званія».

Продажа чиновъ, — эта «язва» стараго порядка, — продолжала «разъѣдать войско, какъ и весь государственный организмъ». Военная карьера была по плечу только богачамъ; дворянство «со слезами на глазахъ, со скорбью въ душѣ умоляло Его Величество оставить доступъ къ высшимъ чинамъ открытымъ для заслугъ». За деньги можно было сдѣлаться хирургомъ, аптекаремъ, превотомъ, фуррьеромъ, трубачемъ, священникомъ — при кавалерійскомъ штабѣ или при одномъ изъ полковъ французской гвардіи.

Дворянство говорило также королю: «Сиръ, ваше религіозное чувство было оскорблено многими явленіями нашей жизни, но нигдѣ злоупотребленія не достигли такихъ размѣровъ, какъ въ военномъ дѣлѣ; французъ, который рѣшится утверждать, что въ настоящее время оно ведется не противно интересамъ націи, будетъ говорить н согласно съ истиной... Въ арміи замѣтно недовольство, французская честь гибнетъ подъ ударами палокъ и сабель: мы видѣли, какъ отрядъ гренадеровъ насильно открылъ врагу ворота осажденнаго города, чтобы избѣжать унизительныхъ наказаній, которымъ его подвергало начальство... Среди полковыхъ командировъ есть настоящіе палачи, торговцы должностями; всѣ ихъ заслуги сводятся къ рѣдкому умѣнью оскорблять и унижать своихъ ближнихъ».

Непропорціональность жалованья солдатъ съ цѣнами на хлѣбъ и другіе продукты была «вопіющей», а между тѣмъ даже эти гроши выдавались далеко не аккуратно. Нужда и скверное обращеніе увеличивали число дезертировъ. Армія обходилась правительству по крайней мѣрѣ въ 100 мил. въ годъ. Болѣе 20 т. солдатъ были изъ иностранцевъ, по большей части швейцарскаго происхожденія. Посѣтивъ въ 1777 г. Брестъ и Тулонъ, Іосифъ II нашелъ, что суда плохо вооружены, запасные магазины пусты и что французскій флотъ не внушаетъ никакого довѣрія къ своимъ силамъ. Въ 1789 г. онъ могъ произвести болѣе благопріятное впечатлѣніе. Считалось, что около 60 кораблей можетъ выйти въ море. Ежегодный расходъ на флотъ равнялся приблизительно 60 съ лишкомъ милліонамъ; изъ нихъ отъ 16 до 20 шло на колоніи.

Система классовъ *), благодаря которой военное адмиралтейство располагало 70,000 человѣкъ, подверглась рѣзкой критикѣ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ наказахъ, но была одобрена конституантой (учредительнымъ собраніемъ). Справедливость требуетъ замѣтить, что въ законодательномъ собраніи Керсэнъ говорилъ: «классы мало-по-малу выродились въ учрежденія, при помощи которыхъ деспотизмъ могъ располагать имуществомъ и свободой прибрежныхъ жителей... Королевскій флотъ былъ ужасомъ остальныхъ моряковъ... Большая часть этихъ несправедливостей была освящена новыми законами. Конституанта избѣжала-бы этой ошибки, если-бы, признавъ всеобщее равенство, послѣдовательно разсмотрѣла всѣ тѣ учрежденія, въ которыхъ нарушался этотъ принципъ... Даже мнѣ, который цѣлыхъ 24 года командовалъ правительственными судами, въ то время не

---

*) Система классовъ была введена Кольберомъ Все населеніе морского побережья, жившее рыболовствомъ или службой на торговыхъ судахъ, дѣлилось на *классы* или очереди. Каждые 5, 4 или 3 года занесенный въ списки обязанъ былъ исполнять обязанности матроса военнаго флота. Онъ получалъ опредѣленное жалованье, а семья его освобождалась отъ военнаго постоя и другихъ повинностей. *Прим. Перев.*

было очевидно безобразіе господствовавшей системы; только теперь я понялъ всю ея несправедливость». Не подлежитъ однако сомнѣнію тотъ фактъ, что министры, быстро возвысившіе военный флотъ, «не обращали должнаго вниманія на его необходимыя основы,—на флотъ торговый, каботажное плаваніе и рыболовство».

Что касается колоній, то «революція застала администрацію, судъ, купцовъ, свободные и несвободные классы въ такомъ состояніи, что разложеніе колоніальнаго строя являлось неизбѣжнымъ». (Малуэ).

Религія и церковь. Религія уже не занимала болѣе того положенія, какъ въ былое время; религіозные вопросы выдвинуты на первый планъ только въ наказахъ духовенства. Тѣмъ не менѣе, громадное большинство французовъ сохраняло къ ней самую живую, глубокую и искреннюю привязанность.

Франція такъ проникнута духомъ католичества, что съ трудомъ отрѣшается отъ завѣтовъ нетерпимости. Не только подавляющее большинство духовенства, но и очень значительная часть третьяго сословія болѣе десяти лѣтъ послѣ смерти Вольтера едва соглашается на эдиктъ въ пользу протестантовъ и настаиваетъ на томъ, чтобы «національная религія» сохраняла всѣ привилегіи «государственной». Вообще, опредѣляя гражданское состояніе не-католиковъ и ихъ право на занятіе должностей, третье сословіе запрещаетъ имъ участвовать въ отправленіи правосудія, заниматься преподаваніемъ и служить при полиціи; они не смѣютъ строить церкви, открыто совершать богослуженіе или публично затрагивать религіозные вопросы. Третье сословіе Оксерра и Орлеана умоляетъ короля защитить вѣру отъ нападокъ философіи; въ Парижѣ, несмотря на то, что свобода совѣсти была всѣми признана, оно утверждаетъ, что «общественный порядокъ можетъ допустить только одну господствующую религію». Нѣкоторыя провинціи возстаютъ противъ эдикта: такъ Франшъ-Контэ проситъ короля не примѣнять его въ ея предѣлахъ. Иногда раздаются даже голоса въ пользу возстановленія драконовскихъ законовъ противъ богохульства.

Мысль объ освобожденіи изъ-подъ церковной опеки могла распространиться лишь исподволь въ такой странѣ, какъ старая Франція, гдѣ смѣшеніе небеснаго съ земнымъ и тѣсная связь клириковъ съ мірянами сохранилась—въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ—въ своемъ средневѣковомъ видѣ. Несмотря на добавленіе въ концѣ «Общественнаго договора», даже наиболѣе просвѣщенные классы общества не различали въ бракѣ на ряду съ таинствомъ гражданскаго акта. Въ то время не было даже и мысли изъять изъ вѣдѣнія духовенства книги о рожденіяхъ, бракахъ и смертяхъ, хотя само оно не отрицало, что велись эти книги безъ должнаго вниманія и необходимой точности. Точно такъ-же никто не оспаривалъ у него ни надзора за народнымъ образованіемъ, ни руководительства въ этой сферѣ.

Зато церковныя имущества не давали покоя ни салонамъ, ни убогимъ хижинамъ. Шли безконечные толки о томъ, что они могутъ стоить. Духовенство уклонялось отъ оцѣнки, которой требовало правительство. Въ «Королевскомъ Альманахѣ» ежегодно перечислялись доходы епископствъ и коммендныхъ аббатствъ, но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что указанныя суммы были въ 3—4 раза меньше дѣйствительныхъ. Повидимому, аббатъ Експильи былъ правъ, утверждая въ докладѣ духовному комитету конституанты, что «церковныя земли приносятъ даже по умѣренной оцѣнкѣ 170 милл.». Впрочемъ, цифра доходовъ гораздо менѣе интересна, чѣмъ капитальная сумма; и вотъ почему: во-первыхъ, существовало правило, по которому договоры объ арендѣ теряли силу со смертью договорщика, и, во-вторыхъ, тѣ-же земли въ другихъ рукахъ принесли бы гораздо большій доходъ.

Распредѣленіе этихъ несмѣтныхъ богатствъ было чрезвычайно неравномѣрно. Громадныя суммы предоставлялись дворомъ разнымъ недостойнымъ и грязнымъ личностямъ. Многіе доходные приходы находились въ рукахъ свѣтскихъ попечителей или благотворителей, собиравшихъ деньги на бѣдныхъ. Пріобрѣтая извѣстныя сеньоріи, даже не-католики становились попечителями религіозной и нравственной жизни многихъ приходовъ. Жалованье (portion congrue) низшаго духовенства было до смѣшного ничтожно: кюре получали 700 фр., а окладъ викаріевъ только за послѣдніе годы возросъ до 350 фр.; такое жалованье было поистинѣ нищенскимъ,—его едва хватало на половину необходимыхъ расходовъ; а между тѣмъ нѣкоторые прелаты получали по

100.000 ливровъ ежегодно и даже больше.

Взиманіе десятины (dîmes), этой «піявки, изнуряющей организмъ», *) порождало безконечные, тягостные споры; такъ напр., въ Беарнѣ возникъ вопросъ, долженъ-ли крестьянинъ, выкармливающій цыплятъ зерномъ, съ котораго онъ уже уплатилъ десятину, уступить одного изъ нихъ кюре, а другого въ пользу высшаго духовенства?

Низшее духовенство и даже часть высшаго высказывается за реформы въ области церковныхъ учрежденій и администраціи, за уничтоженіе конкордата, и даже допускаетъ, что всѣ эти вопросы «искони входили въ компетенцію генеральныхъ штатовъ»; оно находитъ, что праздниковъ слишкомъ много, что запрещеніе работать въ эти дни слишкомъ строго, что множество бенефицій, сосредоточенныхъ въ рукахъ небольшого числа знатныхъ лицъ, «наименьшій недостатокъ которыхъ—ихъ безполезность,—является вопіющимъ злоупотребленіемъ»; оно считаетъ, что комменды не совмѣстимы съ уваженіемъ къ волѣ ихъ основателей **), — что налоги, платимые Риму, то въ видѣ аннатовъ, то по поводу диспенсацій или за право назначать на духовныя мѣста (provision) — чрезмѣрно велики, и, наконецъ, что желательно установить единство требника, катехизиса и литургіи.

Церковные округа представляли тѣ-же недочеты, какъ и другія подраздѣленія королевства: духовенство Сенъ-Кантена высказывало пожеланіе, чтобы границы ихъ были исправлены и «не дѣлили одинъ поселокъ между двумя кюре». Отёнское духовенство говорило: «Въ діосезѣ (епархіи) существуетъ множество приходовъ съ перемѣнными деревнями, которыя одинъ годъ принадлежатъ къ одному приходу, а слѣдующій годъ— другому, иногда даже разныхъ діосезовъ; это представляетъ большія неудобства».

«Пораженные на смерть» монашескіе ордена приходили въ полный упадокъ. За послѣднія тридцать лѣтъ число монаховъ и монахинь такъ быстро уменьшалось, что Сійесъ насчитывалъ ихъ не больше 17.000 человѣкъ.

Народное просвѣщеніе. «Пусть старинная система школьныхъ занятій, создавшая нашихъ величайшихъ писателей и лучшихъ гражданъ, будетъ сохранена и упрочена». Высказывая это пожеланіе, реймское духовенство, конечно, не могло и надѣяться на его осуществленіе: оно одно не признавало несомнѣннаго факта, что дѣло народнаго образованія приходитъ все въ бóльшій и бóльшій упадокъ. «Въ нѣкоторыхъ частяхъ королевства, говоритъ дворянство, учебныхъ заведеній совсѣмъ нѣтъ; да и тамъ, гдѣ они есть, они очень несовершенны; это большею частью старинныя учрежденія, въ которыхъ господствуетъ вѣковая рутина». Третье сословіе говоритъ то-же самое: «преподаваніе ведется очень плохо и находится въ полномъ пренебреженіи; всякій знаетъ, насколько оно безобразно».

Университеты были малолюдны, — студенты были распредѣлены между ними крайне неравномѣрно; сохранились, правда, кое-какіе варварскіе методы, принятые въ средніе вѣка, но о быломъ блескѣ и научной высотѣ не было и помину. Въ Анжерѣ, напр., преподаваніе по прежнему велось на латинскомъ языкѣ. Орлеанскій университетъ признавалъ, что ни профессора, ни студенты не работаютъ достаточно. Научныя занятія почти вездѣ сводились къ безцѣльнымъ формальностямъ. Экзамены были пародіей того, чѣмъ они должны были быть. Студенты безъ особыхъ затрудненій освобождались отъ присутствія на лекціяхъ, а иногда даже отъ часовъ, предназначенныхъ на подготовительныя работы, и были «подчинены только правиламъ о взносѣ денегъ». Ученыя степени покупались совершенно открыто и на юридическомъ, и на медицинскомъ факультетѣ.

Втеченіе 18 вѣка упадокъ коллежей становился все болѣе замѣтнымъ. Уничтоженіе іезуитскаго ордена настолько уменьшило учебный персоналъ, что образовавшійся пробѣлъ такъ и не удалось восполнить. Кромѣ Парижа, во всѣхъ прежде процвѣтавшихъ коллежахъ недоставало опытныхъ и знающихъ преподавателей. Лишь немногимъ заведеніямъ удалось уцѣлѣть среди общей гибели; къ числу такихъ счастливыхъ исключеній можно отнести, напримѣръ, коллежи въ Лиможѣ, Сентѣ и

*) Современники значительно расходятся въ опредѣленіи ея общей суммы: показанія относительно дохода съ нея колеблются между 80—100 мил., не считая расходовъ по взиманію, равнявшихся, по крайней мѣрѣ, 1/3 получаемаго.

**) Двѣ трети, а можетъ быть и три четверти всѣхъ аббатствъ королевства было пожаловано на правахъ комменды.

Пюи. Дворяне жаловались, что коллежи, въ которые они посылаютъ своихъ дѣтей, плохи, и дѣти нерѣдко не могутъ посѣщать ихъ вслѣдствіе дальности разстояній. Многія заведенія были недостаточно обезпечены съ матеріальной стороны. Такъ, коллежъ въ Труа, — единственный во всемъ діозезѣ, — приходилъ въ разрушеніе; то-же было и въ Ангулемѣ, и въ Барселоннеттѣ; въ Арлѣ дѣло обстояло не многимъ лучше. Профессора получали большею частью очень скудное вознагражденіе и были лишены комфорта, необходимаго «для поддержанія престижа». Въ нѣкоторыя заведенія принимались только дворяне, въ другія — исключительно католики. Дѣти протестантовъ, жившихъ въ Ла-Рошелѣ (ихъ было всего 42), воспитывались вдали отъ родителей: религіозные предразсудки закрывали для нихъ двери мѣстнаго коллежа.

Королевскими ордонансами 1695 и 1724 годовъ повелѣвалось открыть школы во всѣхъ приходахъ. Но исполнялись они такъ вяло, что въ очень значительной части королевства не было начальныхъ школъ. Даже въ большихъ городахъ многія дѣти были лишены первоначальнаго обученія: въ Парижѣ—напр. въ Сальпетріерѣ изъ 800 дѣвочекъ только 24 учились писать; правда, гораздо бо́льшее число училось читать, но методы были крайне несовершенны. Изъ 1.300 дѣтей въ Питье чтенію и письму обучалось только 12. «Деревня лишена всякихъ средствъ для обученія юношества», говоритъ духовенство Даксъ; а въ Жексѣ оно подтверждаетъ это, говоря: «почти нигдѣ нѣтъ училищъ». Намъ не хватаетъ школъ, «наши дѣти коснѣютъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ», жаловались крестьяне Артуа, Шампани, парижскаго превотства и алансонскаго бальяжа. Сентское дворянство предлагало распространить «даже на деревни обученіе, отвѣчающее потребностямъ мѣстныхъ жителей»; духовенство почти повсемѣстно требуетъ, «чтобы въ каждомъ приходѣ была общественная школа, чтобы даже для крестьянскихъ дѣтей были открыты училища, чтобы всюду были построены спеціальныя помѣщенія и приглашены учителя...» Развѣ всѣ эти пожеланія не свидѣтельствуютъ съ полной очевидностью, что «столь желанныя» школы фактически не существовали?

Да и тамъ, гдѣ онѣ встрѣчались, «учителя нерѣдко были неподготовлены и вяло относились къ своему дѣлу». Дворянство Бовэзи указывало и на причину этого явленія: «они плохи потому, что имъ не платятъ» *).

«Чтобы доставить себѣ средства къ существованію, они должны были прибѣгать къ тому, что было несовмѣстимо съ ихъ званіемъ: ходили изъ дома въ домъ и побирались у крестьянъ, которые и безъ того сами не доѣдали». Очень немногіе обучали счету. Орлеанскій университетъ полагалъ, что отъ нихъ нельзя и требовать чего либо, кромѣ начатковъ чтенія и письма. Мантское духовенство и третье сословіе Шательро еще менѣе требовательны и довольствуются однимъ чтеніемъ. Духовенство Э требуетъ только, чтобы дѣти усвоили катехизисъ. Духовенство Монтаржи и дворянство Альбрэ утверждаютъ, что «большинство крестьянъ не умѣетъ ни читать, ни писать». Протоколы и наказы, составленные въ годъ созванія генеральныхъ штатовъ, во многихъ случаяхъ были подписаны только половиной, четвертью и даже меньшей частью всѣхъ присутствовавшихъ; «остальные», говорится, «не сумѣли». Но вѣдь умѣть подписать свое имя не то-же самое, что умѣть писать. Многія подписи заставляютъ думать, что выводившая ихъ рука ничего, кромѣ даннаго слова, и написать не могла. Въ 1790 г. многіе члены Конституанты упоминали цѣлыя сельскія общества, въ которыхъ было не больше двухъ грамотныхъ. Въ Дофинэ можно было пройти 8 лье, не встрѣтивъ ни одного «консула» (выборнаго судьи—по коммерческимъ дѣламъ), который умѣлъ бы подписать свою фамилію.

Бѣдствія стараго порядка. Хотя положеніе протестантовъ было значительно улучшено эдиктомъ 1787 г., тѣмъ не менѣе оно оставляло желать очень многаго. Другіе угнетенные элементы общества еще меньше выиграли отъ успѣховъ просвѣщенія и смягченія нравовъ. Правда, число сервовъ сократилось, но тяжесть крѣпостной зависимости не уменьшилась. Евреи попрежнему были жертвами фанатической вражды; жизнь ихъ стала нѣсколько сноснѣе въ юго-западныхъ провинціяхъ, но на

*) Насколько ужасно было ихъ положеніе, видно изъ того, что въ лучшемъ случаѣ они могли помышлять только о половинномъ жалованьи сельскаго кюре. Это максимумъ всѣхъ проэктированныхъ реформъ.

востокѣ они подвергались такимъ же притѣсненіямъ, какъ и встарь: они должны были платить очень дорого за разрѣшеніе временно проживать въ городахъ и тѣмъ не менѣе лишены были права пріобрѣтать недвижимости и заниматься большинствомъ ремеслъ. Преслѣдованіе янсенистовъ нѣсколько улеглось, но не прекратилось окончательно. Иностранцы, въ силу droit d'aubaine (права казны на наслѣдство иностранца, находящееся въ предѣлахъ государства), не могли ни оставлять, ни получать наслѣдства; они «жили, какъ свободные граждане, и умирали, какъ рабы».

Поголовная, безпросвѣтная бѣдность возмущала Артура Юнга на каждомъ шагу: «какимъ тяжкимъ упрекомъ должны лежать на совѣсти власть имущихъ — эти милліоны трудящагося люда, обреченнаго на голодъ ужасными принципами деспотизма и феодальныхъ порядковъ!» Высшіе классы сознаютъ все зло, происходящее въ значительной степени отъ ихъ собственныхъ далеко не безвыгодныхъ злоупотребленій. Маркизъ де Булье утверждаетъ, что большая часть французовъ «изнемогаетъ подъ непосильнымъ бременемъ». Посмотримъ, что говоритъ сама деревня. Многіе выдающіеся экономисты и филантропы думали, что хорошо знакомы съ соціальными вопросами, но 1789 г. открылъ имъ такія душу раздирающія подробности, которыя были упущены изъ виду и статистиками, и административными отчетами. Въ Сюренѣ только для одной двадцатой части жителей старость не вела къ крайней нищетѣ: въ теченіе года 150 домохозяевъ изъ 320 пользовались матеріальной поддержкой кюре; но не подлежитъ сомнѣнію, что помощь оказывали далеко не всѣмъ нуждавшимся. Когда крестьянамъ въ Роканкурѣ было предложено изложить свои желанія, они отвѣтили, что умираютъ съ голоду: «я не знаю, чего и просить,—сказалъ одинъ изъ нихъ, — нужда такъ велика, не хватаетъ на хлѣбъ». Артуръ Юнгъ писалъ: «англичанинъ, никогда не покидавшій своего отечества, не можетъ представить себѣ жалкаго вида французскихъ крестьянокъ; ихъ внѣшность говоритъ не только объ изнурительной жизни, но и о тяжкой долѣ рождать новыя поколѣнія рабовъ».

Голодъ казался тѣмъ ужаснѣе, что отвѣтственнымъ за него продолжали считать отчасти само правительство. Одинъ очень извѣстный писатель приписывалъ это обвиненіе «подонкамъ общества» и считалъ его грязнымъ вымысломъ; ему вѣроятно остался неизвѣстнымъ фактъ, передаваемый Сенъ-Симономъ: въ 1709 году, когда всюду былъ недостатокъ въ хлѣбѣ, все зерно было скуплено королемъ. Маркизъ де-Буйлье не сомнѣвался, что министерство участвовало въ хлѣбныхъ спекуляціяхъ, которыя вызвали голодъ. Весною 1789 года былъ страшный голодъ въ Мецѣ; Булье предлагалъ мѣры для борьбы съ нимъ, но ему отказали.

Жители Монтегю въ Комбрайлѣ, описывая королю свое бѣдственное положеніе, просятъ прощенія въ томъ, что поневолѣ занимаются контрабандой: «мы можемъ, прибавляютъ они, уплачивать подати, взимаемыя отъ Вашего имени, только подвергая себя опасности быть навсегда опозоренными и заклейменными».

Число нищихъ, по мнѣнію современниковъ, доходило до милліона, около половины было неспособно къ работѣ. Пятьдесятъ тысячъ больныхъ обходились благотворительнымъ учрежденіямъ по 12—15 су въ день. Въ Отель-Дьё на большія кровати клали по четыре, по шести и даже по восьми человѣкъ заразъ, не обращая никакого вниманія на заразительность болѣзни; вслѣдствіе этого смертность доходила до 20—25%; изъ тринадцати рожениц умирала одна.

Цѣлыя шайки нищихъ, «позорная язва королевства», бродили по Булоннэ, Нормандіи, Гаскони, Иль-де-Франсу и Бигорру; ихъ приходилось кормить и пускать подъ свой кровъ изъ опасенія грабежей и поджоговъ. Ихъ такъ боялись, что не рѣшались доносить на нихъ, и опытъ оправдывалъ такую осторожность: у всякаго, рѣшившагося противиться имъ, красный пѣтухъ въ самомъ непродолжительномъ времени отнималъ и кровъ, и житницу. Ежегодно задерживали около десяти тысячъ такихъ злоумышленниковъ, не меньшее число ихъ успѣвало скрыться. Тамъ, гдѣ для охраны дичи держали 200 лѣсныхъ сторожей, безопасность самаго населенія обезпечивалась всего тринадцатью полицейскими.

Даже въ Парижѣ нельзя было считать себя въ безопасности. На послѣдней недѣлѣ апрѣля вспыхнуло въ предмѣстьи Сентъ-Антуанъ возстаніе, причины котораго врядъ-ли когда-нибудь будутъ выяс-

нены. Казалось бы, оно могло быть подавлено въ первый же день. Является вопросъ, почему это не удалось? Но это такъ же мало можно выяснить, какъ и причины самаго волненія. На другой день, 28 апрѣля, домъ одного обойнаго фабриканта, по имени Ревейльона, въ теченіе пяти часовъ защищала относительно очень небольшая кучка людей; въ концѣ концовъ онъ былъ разграбленъ и разрушенъ; запоздавшія войска убили нѣсколько сотъ бунтовщиковъ, но и сами понесли очень чувствительный уронъ.

II. Созваніе генеральныхъ штатовъ; наказы.

Королевскіе регламенты и производство выборовъ. Долгое время историки не обращали должнаго вниманія на созваніе генеральныхъ штатовъ, а между тѣмъ на этомъ фактѣ стоитъ остановиться не только ради послѣдовавшихъ за нимъ великихъ событій, но и потому, что изученіе его можетъ пролить новый свѣтъ и окончательно уяснить намъ всѣ недуги стараго порядка. Дѣло велось съ непредусмотрительностью и безалаберностью, поистинѣ достойными тогдашняго правительства: старая монархія, какъ напоказъ, выставила всѣ свои слабыя стороны, ея представители блистали неспособностью и самонадѣяннымъ легкомысліемъ.

Резолюціей Совѣта отъ 27 декабря 1788 г. объявлялось, что королевскіе бальяжи (судебные округа) будутъ имѣть представительство пропорціонально густотѣ населенія и количеству взимаемыхъ податей; но обѣщаніе это было совершено праздно и неосуществимое: вспомнимъ только, что ни число жителей, ни сумма податей не были извѣстны, да кромѣ того, если бы правительство вздумало руководствоваться этими двумя принципами одновременно, въ генеральные штаты собралась бы не тысяча депутатовъ, какъ предполагалось, а нѣсколько тысячъ. Если бы были допущены прямые выборы въ каждомъ бальяжѣ, и при этомъ число депутатовъ третьяго сословія должно было-бы быть равнымъ числу депутатовъ двухъ высшихъ, то даже самые небольшіе округа, вродѣ Маршей (между Пуату и Бретанью) или Дурдана, въ которомъ, говорятъ, не было и 8.000 жителей, должны были бы выбрать четырехъ депутатовъ; въ такомъ случаѣ, слѣдуя принципу пропорціональности, провозглашенному въ резолюціи Совѣта, пришлось бы одному Пуату дать 200—300 депутатскихъ полномочій; на долю Вермандуа пришлось бы еще больше.

Регламентомъ отъ 24 января, назначавшимъ день открытія штатовъ — понедѣльникъ 27 апрѣля, постановлялось, напротивъ, что маленькіе бальяжи будутъ имѣть больше представителей, чѣмъ бы полагалось при послѣдовательномъ проведеніи принципа пропорціональности; число-же депутатовъ остальныхъ округовъ будетъ находиться въ строгомъ «соотвѣтствіи съ ихъ населенностью и значеніемъ». Но въ то-же время правительство стремилось сохранить прежнія нормы, хотя съ послѣдняго созыва генеральныхъ штатовъ королевство увеличилось на одну седьмую, что «крайне затрудняло организацію штатовъ и подготовительныя распоряженія». Регламентъ предвидѣлъ «множество недочетовъ» и неизбѣжное неравенство.

Какъ и въ 1614 году, въ основу выборовъ было положено дѣленіе страны на бальяжи и сенешальства, т. е. на округа судовъ, вѣдавшихъ т. н. cas royaux («королевскія дѣла» — въ противоположность сеньоріальной юстиціи, т. е. болѣе тяжкія преступленія). Они охватывали девятнадцать женералитэ, лишенныхъ мѣстнаго самоуправленія, центры которыхъ находились въ Парижѣ, Амьенѣ, Суассонѣ, Орлеанѣ, Буржѣ, Мулэнѣ, Ліонѣ, Ріонѣ, Пуатье, Ліможѣ, Бордо, Турѣ, Ошѣ, Шалонѣ, Монтобанѣ, Руанѣ, Канѣ и Алансонѣ, — и были раздѣлены на два класса. Бальяжи перваго класса получили прямое представительство; что-же касается бальяжей второго класса, то они были соединены въ группы; группы эти были произвольно названы бальяжами и получили право настоящихъ бальяжей (перваго класса) назначать представителей въ генеральные штаты.

Въ бальяжахъ перваго класса и округахъ, образованныхъ изъ бальяжей второго, значительная часть духовенства и всѣ дворяне, какъ древняго происхожденія, такъ

и лично возведенные въ высшее сословіе, которые владѣли феодами или, будучи природными французами, постоянно проживали въ данной мѣстности и, притомъ, уже достигли 25-ти лѣтняго возраста, должны были принять участіе въ избирательныхъ собраніяхъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли право дѣйствовать черезъ уполномоченныхъ. Свѣтскіе ордена, мужскіе и женскіе монастыри, городскіе священники, не имѣвшіе бенефицій, должны были посылать отъ себя, смотря по числу своихъ членовъ, одного или нѣсколькихъ представителей.

Выборы депутатовъ третьяго сословія отличались бо́льшей сложностью. Въ нихъ участвовали всѣ французы, достигшіе 25-лѣтняго возраста, имѣвшіе постоянное жительство въ данной мѣстности и зачисленные въ окладныя книги. Въ городахъ, имѣвшихъ право дать болѣе 4 депутатсихъ полномочій на бальяжномъ собраніи, былъ установленъ особый порядокъ. На цеховыхъ сходахъ или другихъ собраніяхъ, назначались представители; въ послѣднемъ случаѣ на каждые сто избирателей приходилось по два представителя. Собраніе этихъ представителей, отдѣльно отъ бальяжа, выбирало депутатовъ отъ города въ генеральные штаты. Въ остальныхъ городахъ, бургахъ, приходахъ и крестьянскихъ обществахъ выбирались по 2 депутата на каждые 200 дворовъ. Эти депутаты составляли собраніе, на обязанности котораго лежало — въ округахъ, заключавшихъ въ себѣ не болѣе одного бальяжа, — избрать членовъ генеральныхъ штатовъ; въ округахъ-же, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ бальяжей, депутаты каждаго бальяжа выбирали четверть своего состава — въ окружное избирательное собраніе *). Всѣ голосованія производились открыто, за исключеніемъ выборовъ въ самые генеральные штаты.

Правительство считало возможнымъ распространить на нѣкоторыя части королевства систему выборовъ, предписанную регламентомъ отъ 24 января. Но она была непримѣнима къ Эльзасу, Лотарингіи, Труаз'Эвешэ, Провансу, Бретани, Дофинэ и Корсикѣ; въ однѣхъ провинціяхъ этому препятствовало ихъ внутреннее устройство, другія заключали въ себѣ такъ много бальяжей перваго класса, что число ихъ депутатовъ въ генеральныхъ штатахъ было бы чрезмѣрно велико. Для нихъ были измышлены совершенно произвольныя и притомъ противорѣчивыя формы представительства. Въ Лотарингіи ни одинъ бальяжъ, ни одно сенешальство не имѣло прямыхъ выборовъ. Въ первыхъ двухъ сословіяхъ выборы были двухстепенные. Точно такъ же регламентъ 24 января нарушался и въ большинствѣ прованскихъ сенешальствъ.

Почти всѣ постановленія, начиная съ регламента 24 января, были предметомъ вполнѣ основательной и рѣзкой критики и справедливыхъ протестовъ, съ которыми, какъ ни какъ, а пришлось считаться. Король «увѣдомленный», что его регламентъ, вопреки его «ожиданіямъ», непримѣнимъ къ Наваррѣ и Беарну, былъ вынужденъ объявить недѣйствительными тѣ акты, которыми предписывалось его примѣненіе въ этихъ земляхъ. Въ Бретани постановленія регламента были замѣнены чѣмъ-то очень своеобразнымъ: дворянство и высшее духовенство были созваны въ Сенъ-Бріёкъ, низшее духовенство въ девять діосезъ провинціи, а третье сословіе въ сенешальства, изъ которыхъ шесть непосредственно избирали депутатовъ въ генеральные штаты, а остальныя назначали своихъ представителей, которые уже, раздѣлившись на семь группъ, по числу округовъ, выбирали депутатовъ въ генеральные штаты. При составленіи таблицъ, приложенныхъ къ регламенту, была сдѣлана масса ошибокъ. Произошли недосмотры относительно границъ, числа жителей и правъ многихъ бальяжей; нѣкоторые были совершенно упущены изъ виду, зато созваны другіе, давнымъ давно не существовавшіе. О графствѣ Комминь были такъ плохо освѣдомлены, что королевская призывная грамота, отправленная черезъ канцлера и засвидѣтельствованная главноуправляющимъ почты, была адресована на имя «генералъ-лейтенанта» комминьскаго бальяжа въ г. Комминь, тогда какъ на

*) Критика Сійеса проливаетъ свѣтъ на истинный смыслъ этой системы выборовъ и ея неизбѣжныя слѣдствія: «полезный ремесленникъ цѣнится вдвое ниже, чѣмъ всякій другой обыватель и даже его собственный подмастерье; послѣдніе засѣдаютъ въ городскомъ собраніи, гдѣ на 100 выборщиковъ приходится 2 представителя, тогда какъ въ собраніи цеха на то-же количество приходится всего одинъ представитель... Вліяніе первичныхъ выборщиковъ третьяго сословія чрезвычайно ничтожно, въ виду двух-и трехстепенности выборовъ, тогда какъ дворяне и большинство духовныхъ призываются къ непосредственному участію, получаютъ личный доступъ въ палату своего сословія и каждый изъ нихъ имѣетъ не меньше политическаго значенія, чѣмъ нѣсколько сотъ членовъ третьяго сословія».

дѣлѣ не было ни генералъ-лейтенанта, ни такого бальяжа, ни города Комминь.

Въ принципѣ было рѣшено, что изъ всѣхъ городовъ одному Парижу будетъ дано право непосредственнаго избранія депутатовъ въ генеральные штаты; но впослѣдствіи эта привилегія была дарованна: Мецу, Страсбургу, Валансьену, Арлю Ліону.

Послѣ исправленія всѣхъ ошибокъ оказалось, что провинціи, лишенныя мѣстнаго самоуправленія, будутъ представлены 700-ми депутатами, а остальные округа — 496-ю; слѣдовательно, всѣхъ депутатовъ должно было быть 1196 ч. Но не всѣ округа, имѣвшіе на то право, послали своихъ делегатовъ въ генеральные штаты: дворянство и высшее духовенство Бретани отказалось явиться въ Сенъ-Бріёкъ; наваррскіе депутаты такъ и не собирались; съ другой стороны нѣкоторыя мѣстности, упущенныя изъ виду правительствомъ, какъ напр. Бассиньи, княжество Шарлевилль, наконецъ, колоніи прислали депутатовъ, которые и были признаны учредительнымъ собраніемъ.

Самое производство выборовъ представило не меньшія трудности, чѣмъ подготовительныя работы. Небрежность правительства, опрометчивость и тщеславіе чиновниковъ создавали очень благопріятную почву для споровъ о компетенціи, приводившихъ къ безконечнымъ столкновеніямъ; самое серьезное изъ нихъ произошло между парижскимъ превотомъ (предсѣдателемъ суда «Шателэ») и городскимъ головой. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кюре чувствовали за собой силу, они не уступали прелатамъ, которые охотно заставили бы ихъ молчать. Феодальное (помѣстное) дворянство боролось, — особенно въ Провансѣ, — съ беземельнымъ. Эти и многія иныя причины осложнили и затянули дѣло гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось. Въ Парижѣ выборы продолжались у духовенства отъ 27 апрѣля до 11 мая; у дворянства они длились отъ 10 до 13 мая; у третьяго сословія они начались 12-го, а закончились только 19-го мая; двадцатымъ депутатомъ былъ выбранъ послѣ трехъ баллотировокъ аббатъ Сіейсъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ выборы происходили еще позже. Зато въ Дофинэ они были закончены въ началѣ года.

Созваніе генеральныхъ штатовъ, какъ актъ чисто судебной власти, по праву принадлежало Мопу, старому безсмѣнному канцлеру; но такъ какъ государственная печать была ввѣрена Барантену, то онъ и сталъ во главѣ всего дѣла.

Брошюры. «Не слѣдуетъ судить о требованіяхъ третьяго сословія по тому, что говорилось нѣкоторыми писателями, болѣе или менѣе свѣдущими насчетъ правъ человѣка». Это замѣчаніе Сіейса вполнѣ оправдывается изученіемъ литературы, вызванной созваніемъ генеральныхъ штатовъ. Можно указать на слѣдующіе, крайне рѣзкіе, памфлеты: *Страсти, смерть и воскресеніе народа; Совѣтъ депутатамъ отъ городовъ и крестьянскихъ обществъ въ Бретанскіе штаты; Совѣтъ парижанамъ.* Сильвэнъ Марешаль и Бабёфъ толковали о ниспроверженіи существующаго порядка. Тѣмъ не менѣе Бертранъ де Молевилль былъ совершенно правъ, говоря, что до собранія генеральныхъ штатовъ не было ни одного сколько-нибудь серьезнаго революціоннаго плана. Самъ Руссо рѣшительно порицалъ безумное, по его мнѣнію, намѣреніе поколебать основы старой монархіи; онъ считалъ, что аристократическая республика осуществима только въ очень небольшой странѣ. Мабли,—писатель, пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ,—въ своихъ *Бесѣдахъ Фокіона* проводитъ мысль, что реформы слѣдуетъ вводить съ чрезвычайной осмотрительностью и что смѣшанная форма правленія—лучше всѣхъ остальныхъ. Прославляя античныя республики, онъ въ тоже время указывалъ, что Египетъ благоденствовалъ, несмотря на свой деспотизмъ, и признавался всѣми философами колыбелью человѣческой мудрости. Въ своемъ *Трактатѣ о правахъ и обязанностяхъ гражданина* онъ говорилъ, что разумъ долженъ сообразоваться съ временами и обстоятельствами, а не гоняться за несбыточными мечтами, и совѣтовалъ, «слѣдуя примѣру моряковъ, составить карту съ обозначеніемъ рифовъ и мелей», о которые разбивались въ прежнее время генеральные штаты; не только исторія Франціи, но и исторія другихъ государствъ можетъ, по его мнѣнію, дать въ этомъ отношеніи цѣнныя указанія. Онъ боялся крутыхъ перемѣнъ, требовалъ снисхожденія къ стариннымъ злоупотребленіямъ, доказывалъ, что третье сословіе ничего не выиграетъ отъ внезапнаго уничтоженія всѣхъ привилегій, и предлагалъ, вмѣсто того, чтобы отнимать у высшихъ классовъ прерогативы, привлечь

нхъ на свою сторону картиной болѣе заманчиваго будущаго.

Незадолго передъ тѣмъ въ своемъ трудѣ *Жизнь Тюрго* Кондорсе устанавливаетъ положеніе, что, измѣняя законы слѣдуетъ, прежде всего избѣгать: 1) всего, что можетъ нарушить общественное спокойствіе, 2) всего, что можетъ слишкомъ сильно потрясти положеніе значительнаго числа гражданъ, и, наконецъ, 3) всего того, что идетъ въ разрѣзъ съ предразсудками и обычаями большинства. Тотъ же здравый смыслъ проявляется и въ большинствѣ другихъ политическихъ сочиненій, изданныхъ въ концѣ 1788 г. и въ началѣ 1789 г. Въ своихъ *Генеральныхъ штатахъ, созванныхъ Людовикомъ XVI*, Тарже говорилъ: «Вводите реформы съ боязливой осторожностью и благоразумной осмотрительностью. Въ непорядкахъ, созданныхъ долгими годами, есть своего рода гармонія, которая далеко не всегда присуща поспѣшному творчеству отдѣльныхъ мыслителей. Соціальное неравенство вполнѣ допустимо въ монархіи; чины— прямо необходимы. Нація должна добиваться только равнаго для всѣхъ права влiять на государственныя дѣла».

«Сохрани Богъ, восклицаетъ Готье де-Біоза въ своихъ *Doléances* (*Пожеланіяхъ*), чтобы мои слова когда либо дали толчокъ къ произвольному уничтоженію привилегій, необходимыхъ при тѣхъ формахъ правленія, которыя требуютъ соціальнаго неравенства. Я признаю, что при современномъ положеніи вещей слѣдуетъ и даже необходимо сохранить во всей неприкосновенности прерогативы дворянства и духовенства». Въ *Петиціи гражданъ, жительствующихъ въ Парижѣ*, принятой въ декабрѣ 1788 г. т. н. «Шестью Корпораціями» (les Six Corps) и подписанной множествомъ именъ, Гильотенъ одобрялъ тѣхъ, кто не предъявлялъ «своимъ согражданамъ изъ дворянъ и духовныхъ несправедливыхъ и странныхъ требованій, и даже, наоборотъ, подавалъ имъ примѣръ умѣренности и снисходительности».

Рѣзкое порицаніе потомственнаго дворянства было высказано графомъ д'Антрэгъ, принадлежавшимъ къ старинной аристократической семьѣ. Либеральные писатели далеко не безусловно требовали отмѣны посословнаго голосованія. *Продолженіе совѣта добрымъ нормандцамъ* и *Совѣщаніе въ письмахъ* превозносили ее, но допускали уступки противоположному мнѣнію. Серванъ и другіе публицисты предлагали даже голосовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ попрежнему. Опасаясь раздоровъ, *Ораторъ генеральныхъ штатовъ* (Карра?) заклиналъ всѣхъ гражданъ сплотиться и быть единой душой въ единомъ тѣлѣ: «деспотизмъ можетъ устоять, только опираясь на раздоры».

Почти всѣ защитники третьяго сословія утверждали, что не требуютъ ничего противнаго стариннымъ традиціямъ. *Doléances* Біоза и *Новыя замѣчанія* Мунье по преимуществу историческіе, а не политическіе трактаты. Біоза находитъ, что всякая новая система была-бы опасна, что «предстоитъ не измѣнять, а возстановлять». Мунье доказываетъ, что общая, несословная подача голосовъ — не новшество, что оно имѣетъ прецеденты и вполнѣ согласно съ исконными обычаями. Желая во что-бы то ни стало быть консерваторами, нѣкоторые доходятъ до внуковъ Карла Великаго, раскапываютъ и цитируютъ капитуляріи. *Мемуаръ для французскаго народа* опирается на древній текстъ: *Lex fit consensu populi et constitutione regis* (законъ зиждется на согласіи народа и постановленіи короля). Краснорѣчивый мемуаръ о генеральныхъ штатахъ д'Антрэга, благодаря которому въ авторѣ стали видѣть «самаго рьянаго защитника народныхъ интересовъ»,—не что иное, какъ исторія монархіи съ отдаленнѣйшихъ временъ; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ этотъ мемуаръ былъ предметомъ общаго восторга; впослѣдствіи онъ былъ преданъ полному, но незаслуженному забвенію. Д'Антрэгъ не задумался бы сослаться и на естественное право, за неимѣніемъ другихъ аргументовъ, но исторія даетъ ему достаточно данныхъ для защиты свободы.

Пожалуй, одинъ только Сійесъ не ссылается на исторію. Его знаменитая брошюра *Что такое третье сословіе*? по его собственному признанію,—разсужденіе философа, а не государственнаго человѣка. Въ ней онъ утверждаетъ, что совершенно безразлично, какъ велико будетъ число депутатовъ третьяго сословія, что споры о способѣ подачи голосовъ — праздны, что въ національномъ собраніи не должно быть сословнаго дробленія; но въ то-же время онъ предвидитъ, что его чисто логическія выкладки никѣмъ не будутъ приняты и что третье сословіе, которое «должно было -бы быть всѣмъ», будетъ лишь «чѣмъ-нибудь».—Вскорѣ онъ отказался отъ своихъ

смѣлыхъ экскурсій въ область метафизики и въ проэктѣ *Délibérations à prendre par les Assemblées de baillages* (Что должно быть предметомъ обсужденія на бальяжныхъ собраніяхъ?) заговорилъ языкомъ политическаго дѣятеля, а не теоретика, ослѣпленнаго непреложными принципами. Странная судьба постигла эту брошюру. — Она была издана какъ разъ въ то время, когда масса парижанъ устремилась въ провинцію, чтобы принять участіе въ выборахъ; затѣмъ вышла вторымъ изданіемъ въ видѣ приложенія къ *Инструкціямъ* герцога Орлеанскаго, даннымъ его агентамъ, разошлась въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, читалась рѣшительно всѣми и, повидимому, оказывала большое вліяніе, но впослѣдствіи ее смѣшивали то съ *Инструкціями*, то съ предыдущимъ сочиненіемъ самого Сійеса. Отъ этого, конечно, зависитъ и то, что она такъ мало извѣстна въ настоящее время. Рѣдко кто знаетъ, что планъ этого человѣка, склоннаго къ абстракціи больше всѣхъ другихъ дѣятелей того времени, былъ очень умѣренъ, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ даже робокъ: «Не слѣдуетъ слишкомъ настаивать даже на лучшихъ принципахъ»; въ первую сессію штаты должны ограничиться лишь наиболѣе неотложными нуждами и касаться лишь того, что близко затрагиваетъ интересы всѣхъ трехъ сословій. Если третье сословіе прямо приступитъ къ нападкамъ на привилегіи, то оно «рискуетъ поставить Францію въ самое ужасное положеніе». Поэтому ему слѣдуетъ прежде всего остановиться на вопросахъ, имѣющихъ болѣе широкое значеніе и въ союзѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ выступить противъ общаго врага, т. е. неограниченной монархической власти. Подати и уголовныя кары должны быть немедленно уравнены, но былобы разумно отложить рѣшеніе вопроса о привилегіяхъ личныхъ и провинціальныхъ и даже о феодальныхъ правахъ, ради всесторонняго и полнаго изученія предмета. Бёньо утверждалъ, что во многихъ бальяжахъ крестьяне набожно переписывали *Délibérations*, будто-бы возбудившіе среди нихъ сильное волненіе; можно сказать съ увѣренностью, что самъ онъ никогда не видалъ этого сочиненія; иначе онъ зналъ-бы, что оно не могло служить ни образцомъ для наказовъ, ни агитаціоннымъ воззваніемъ.

Составленіе наказовъ. — Собранія, созванныя королевскимъ регламентомъ, не должны были ограничиться однимъ назначеніемъ депутатовъ; на нихъ была возложена обязанность составить *наказы* съ жалобами и пожеланіями избирателей.

Наказы требовались отъ каждаго прихода, отъ всякой, даже самой ничтожной корпораціи; число ихъ было очень значительно и быть можетъ превышало пятьдесятъ тысячъ. «Въ наше время наказы находятся въ пренебреженіи и забыты; но слѣдующія за нами поколѣнія обратятся къ нимъ, какъ къ наиболѣе поучительному историческому памятнику, какъ къ документу, особенно почетному для француза». Это предсказаніе одного изъ малоизвѣстныхъ членовъ конвента, сдѣланное во времена имперіи, начинаетъ сбываться въ наше время. Тѣмъ не менѣе, даже изданные наказы все еще не изучены должнымъ образомъ; объ нихъ много говорятъ, но ихъ мало знаютъ, и къ сожалѣнію прилагается мало стараній для того, чтобы разыскать не найденные еще наказы, извлечь ихъ изъ пыли архивовъ и обезопасить отъ возможныхъ случайностей.

Безспорно, далеко не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе и цѣнность; наряду съ наказами бальяжей всего въ нѣсколько страницъ мы видимъ наказъ третьяго сословія Немура: это цѣлый большой томъ. Случается, особенно въ деревенскихъ приходахъ, что наказъ составленъ какимъ-нибудь образованнымъ выборщикомъ и принятъ остальными болѣе или менѣе на вѣру. Иногда окончательная редакція отражаетъ интересы меньшинства избирателей: такъ, многіе наказы духовенства носятъ на себѣ слѣды епископскихъ происковъ, — соблазнившихъ однихъ, запугавшихъ другихъ. Третье сословіе городовъ не всегда отводитъ должное мѣсто интересамъ деревни; въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ бываетъ и противное: деревня стѣсняетъ свободное выраженіе желаній города. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что наказы не всегда и не сплошь—оригинальныя произведенія: мѣстами видно, что составители наказовъ списывали съ образцовъ, имѣвшихся у нихъ подъ руками. Но наряду съ такими избитыми фразами — сколько тутъ искреннихъ, прочувствованныхъ, живыхъ страницъ! Читая ихъ, мы слышимъ голосъ настоящей старой Франціи. Встрѣчаются нака-

зы, гдѣ литературная обработка совершенно отсутствуетъ, гдѣ слово въ слово записаны безхитростныя и несложныя заявленія собравшихся.

Въ наказахъ бальяжей и сенешальствъ прежде всего требуется конституція. Дофинэ ничего другого не требуетъ отъ своихъ депутатовъ. Дворянство, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является ненавистникомъ всякихъ новшествъ, требуетъ ея настойчиво и энергично; нерѣдко и духовенство признаетъ ея необходимость. Генеральнымъ штатамъ запрещается давать свое согласіе на какіе либо налоги или подати прежде, чѣмъ будетъ вотирована, санкціонирована и обнародована конституція, «причемъ должны быть приняты всѣ мѣры, чтобы обезпечить ея практическое осуществленіе и устойчивость». Составленіе «Народнаго договора», какъ называетъ его каннское дворянство, вотъ все, что настойчиво внушается депутатамъ многихъ округовъ, все, чего требуетъ дворянство Понтье, не допуская въ этомъ отношеніи ни уступокъ, ни снисхожденія. Дворянство Манта и Мелана подумываетъ о «деклараціи правъ человѣка». Деревенскіе наказы не доходятъ до такихъ отвлеченностей; многіе изъ нихъ составлены людьми, взгляды которыхъ не выходятъ за предѣлы тѣснаго сельскаго кругозора.

Духъ наказовъ. Различаясь по происхожденію, по своей формѣ, значенію и содержанію, наказы 89 г. тѣмъ не менѣе проникнуты общимъ духомъ, за немногими исключеніями, когда на нихъ сказалось вліяніе главнымъ образомъ высшаго духовенства; несмотря на политическую самобытность и разрозненность отдѣльныхъ областей, распаденіе населенія на множество самостоятельныхъ «націй», чрезвычайное разнообразіе въ общественномъ положеніи личностей,—всѣ отъ мала до велика, дворяне и крестьяне, богатые и бѣдные, стремились къ одной цѣли и требовали одного и того-же,—*свободы*.

Нѣтъ ни одного наказа, въ которомъ о ней не было-бы упомянуто. Тѣ, которые съ теченіемъ времени выступили противъ революціи, могли, правда, говорить, что 1789 г. не былъ первымъ годомъ свободы, но они никогда не отрицали и даже сами съ горькой ироніей напоминали, что въ періодъ открытія генеральныхъ штатовъ можно было надѣяться на немедленное осуществленіе этой завѣтной мечты всей Франціи. Мунье упрекалъ впослѣдствіи членовъ конституанты, что они не оправдали ожиданій народа и не дали ему свободы. «Была ли то мудрость или простой политическій тактъ», но народная партія, выступая на общественное поприще, избрала своимъ девизомъ: «свобода!». Милліоны голосовъ вторили ей: «мы жаждемъ ея!». «Вотъ въ чемъ, по мнѣнію Малуэ, заключалась магическая сила революціи».

Съ той поры взгляды измѣнились; стали утверждать, будто французы не созданы для свободы и никогда не стремились къ ней; будто они никогда ничего не желали, кромѣ равенства. Внимательное изученіе наказовъ дѣлаетъ очевидной ошибочность этого мнѣнія. Обсуждая на бальяжныхъ собраніяхъ вопросъ о будущей конституціи, третье сословіе совершенно единодушно съ дворянствомъ; какъ въ наказахъ этихъ двухъ сословій, такъ и въ наказахъ духовенства, проэкты и пути къ ихъ осуществленію совершенно тождественны: краеугольнымъ камнемъ конституціи должны быть статьи, обезпечивающія періодическое собраніе генеральныхъ штатовъ и ихъ право вотировать налоги (самая существенная и элементарная гарантія противъ деспотизма), затѣмъ, участіе генеральныхъ штатовъ въ законодательствѣ, далѣе, личную свободу, наконецъ, отмѣну цензуры, судебныхъ комиссій и чрезвычайныхъ судовъ.

Тѣ-же требованія повторяются во многихъ тысячахъ первичныхъ наказовъ. Графъ Бёньо издѣвался надъ наказомъ Шампани, гдѣ эти требованія перемѣшаны съ болѣе скромными и незатѣйливыми пожеланіями. Мѣстами они отсутствуютъ: крестьяне не могутъ оцѣнить всѣхъ преимуществъ конституціоннаго режима; ихъ не касаются lettres de cachet; тѣмъ не менѣе и они идутъ по пути, намѣченному болѣе обезпеченными и просвѣщенными классами, ихъ одушевляютъ тѣ-же самыя идеи. Привилегіи и незаконные поборы, на которые они жалуются, держатъ ихъ въ настоящей кабалѣ; проклиная ихъ, они прежде всего хотятъ достигнуть свободы; ограниченіе-же другихъ классовъ является для нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Они не хотятъ подвергаться несправедливымъ и совершенно произвольнымъ поборамъ и терпѣть всевозможныя притѣсненія при отбываніи и безъ того тягостныхъ повинностей; они добива-

ются права огораживать, расчищать и всячески оберегать свои поля и по собственному усмотрѣнію назначать время жатвы; имъ важно, чтобы сторожа сеньора не убивали ихъ котовъ и не уродовали ихъ собакъ; они протестуютъ противъ платы за право разводить огонь, какъ это дѣлалось въ Драгиньянѣ или Плёрмелѣ; имъ важно молоть зерно и печь хлѣбъ у себя на дому и продавать вино, не дожидаясь, пока сеньоръ продастъ свое; ихъ требованія не имѣли ничего общаго съ завистью: они просто хотѣли нѣсколько облегчить свое рабство.

Только позднѣе, когда аристократія заключила союзъ съ абсолютной монархіей и когда, казалось, полная отмѣна всѣхъ привилегій была необходима для воцаренія свободы, сталъ на очередь вопросъ о равенствѣ. Сущая неправда, будто французы въ 1789 г. стремились только къ тому, чтобы подвести всѣхъ и вся подъ одинъ общій уровень. Правда, дворянство и третье сословіе поговаривали объ уничтоженіи духовенства, какъ сословія; мысль о захватѣ части церковныхъ имуществъ на общественныя нужды, какъ это сдѣлалъ въ 1563 г. канцлеръ де л'Опиталь, пользовалась общимъ сочувствіемъ во всей Франціи, отъ горъ Прованса до крайнихъ оконечностей Бретани; но третье сословіе не поднимало руки на дворянство, такъ какъ не чувствовало ни малѣйшаго стремленія къ общей нивеллировкѣ. Не было замѣтно ни особенной смѣлости, ни нетерпѣнія. «Жалобы и печалованія» третьяго сословія большею частью — «всенижайшія и всеподданнѣйшія». Оно «совѣтуетъ», «позволяетъ себѣ предлагать», «повергаетъ къ стопамъ» гораздо чаще, чѣмъ требуетъ. Кое-гдѣ раздаются смѣлые, настойчивые голоса: такъ, одно изъ обществъ оксеррскаго бальяжа требуетъ «рѣшительнаго вмѣшательства власти для уничтоженія» привилегій и злоупотребленій. Но мало кто говоритъ такимъ языкомъ. «Ни въ одномъ изъ депутатскихъ полномочій не затрагиваютъ принципа монархизма и всѣ признаютъ за королемъ значительную власть. Никто не посягаетъ на собственность, религію и другіе устои стараго строя. Отмѣчались злоупотребленія, жаждали реформъ, но о ниспроверженіи существующаго порядка не было и рѣчи». Господствовало убѣжденіе, что не слѣдуетъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ для достиженія общественныхъ цѣлей, что даже полезныя предпріятія, разъ они поспѣшны, связаны съ громадной опасностью: «лучше отказаться на время отъ выгодъ, соединенныхъ съ осуществленіемъ какой нибудь истины, которая все равно не будетъ забыта, чѣмъ подвергаться всѣмъ превратностямъ иллюзій и разочарованій».

Король и привилегированныя сословія давали въ то время такія обѣщанія, которыя побуждали слѣдовать совѣтамъ умѣренности и осторожности. Регламентъ 24 января и сопровождавшая ее королевская грамота произвели всюду глубокое впечатлѣніе. Когда они проникли въ общество, культъ монархизма принялъ небывалые размѣры; это было какое-то опьяненіе. Созваніе штатовъ чествовалось, какъ актъ неслыханнаго великодушія и милости. Обездоленные народы, которые «не могли болѣе разсчитывать на облегченіе своихъ страданій», которые утратили «все, не исключая и надежды», встрѣтили мѣропріятіе, вынужденное дефицитомъ въ государственномъ казначействѣ, съ душевными изліяніями и энтузіазмомъ, одинаково безсмысленнымъ и трогательнымъ: «Король даруетъ намъ право жаловаться! Неоцѣненное благодѣяніе! Какую хвалу должны мы воздать монарху, который съ такой нѣжной заботливостью обращается съ своими подданными. Онъ извлекаетъ насъ изъ ничтожества, на которое обрекла насъ бѣдность, чтобы поднять насъ до себя и удостоить наши слова своего Высочайшаго вниманія... Онъ, — нашъ король, — снисходитъ до того, что становится нашимъ отцомъ!» Во всѣхъ концахъ Франціи всѣ безъ различія состоянія, — духовные, дворяне и крестьяне, были тронуты до слезъ. Монаршее благоволеніе приводитъ ихъ въ «экстазъ».

Сближенные еще до созыва штатовъ общимъ несчастіемъ, подданные обожаемаго короля-отца соединены отнынѣ узами благодарности. Болѣе, чѣмъ когда либо «французы сплочены въ лицѣ короля». Если между ними осталась еще какая нибудь вражда, — она немедленно исчезнетъ, какъ только привилегированные согласятся принять участіе въ платежѣ налоговъ; третье сословіе будетъ совершенно удовлетворено, если они не безусловно отвергнутъ всесословное голосованіе, если оно допустятъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ его допускаетъ уже значительная часть дво-

рянства *). Только право духовенства возносить къ престолу Всевышняго молитвы за здравіе своего великаго государя и право дворянъ отдавать всѣ свои силы на защиту родины будутъ еще возбуждать его зависть! Оно считаетъ своимъ «долгомъ уважать, почитать и угождать» своему начальству. 17 Марта графъ Лалли-Толлендаль говорилъ, обращаясь къ дурданскому дворянству: «тѣ, которые утверждаютъ, будто послѣ отмѣны податныхъ изъятій и феодальныхъ правъ, третье сословіе захочетъ уничтожить и почетныя привилегіи и захватить ваши земли, явно обманываютъ васъ... Прочитайте только его деклараціи; послушайте, какъ оно громко высказываетъ свое почтеніе къ прерогативамъ и самому званію дворянства... Все насъ сближаетъ и объединяетъ». Такимъ образомъ устанавливалось то дружеское единеніе, тотъ гражданскій союзъ, «чарующую зарю» котораго графъ д'Антрэгъ привѣтствовалъ въ Виварэ въ декабрѣ 1788 г.; это согласіе было всего полнѣе въ Дофинэ, которымъ восторгалась вся Франція. Въ Везулѣ, Монфорѣ, л'Амори, Буръ-анъ-Брессѣ, Байоннѣ, въ Маршахъ Пуату и Бретани и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ всѣ три сословія составили одинъ общій наказъ. Въ С. Пьеръ-ле-Мутье этому помѣшало духовенство. Въ Ріонѣ разногласія между третьимъ сословіемъ и дворянствомъ «было не существенно», а обособленное положеніе духовенства со своей теологіей—вызывало всеобщее сожалѣніе». Въ Перронѣ между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ было полное согласіе; въ Шатонефъ - анъ-Тимерэ оно нарушалось только вопросомъ о дичи и голубяхъ. Въ Шато-Тьерри составленію одного общаго наказа помѣшали «чисто формальныя препятствія», а не коренное разногласіе. Въ Берри дворянство полагало, что мѣстные наказы можно разсматривать, какъ одно цѣлое, проникнутое общимъ духомъ. Въ Драгиньянѣ всѣ три сословія были единодушны во всѣхъ наиболѣе существенныхъ вопросахъ.

Несмотря на привязанность нѣкоторыхъ провинцій къ своимъ стариннымъ конституціямъ, онѣ, «конечно, съ радостью признаютъ господство всемірнаго разума, говоритъ дворянство Баръ на Сенѣ. Какъ многаго можно ожидать отъ сословій, отказавшихся отъ изстари принадлежавшихъ привилегій! Мудрость и умѣренность сословія, съ такимъ достоинствомъ воздавшаго должное великодушію двухъ другихъ, позволяетъ возлагать на него самыя блестящія надежды».

Въ Шато-Тьерри люди, «растроганные радостью и возбужденные патріотизмомъ», называли другъ друга братьями и друзьями. «Страстная любовь къ свободѣ согрѣвала сердца» и дѣлала легкими величайшія жертвы; жители Ажана и оксеррскіе приходы впередъ соглашались на нихъ. Даже тѣ провинціи, которыя особенно энергично противились деспотизму и настаивали на своихъ старинныхъ вольностяхъ, а также и тѣ, которыя стремились къ обособленію отъ безправной Франціи, съ радостью готовы были слиться и назвать своимъ отечествомъ свободную страну. Протестуя противъ эдикта Людовика XIII, Наварра напоминала своимъ королямъ ихъ клятву никогда не присоединять ее къ другому государству и въ то же время заявляла, что, лишь только государственное устройство Франціи станетъ разумнымъ, оба королевства сольются навсегда въ одно неразрывное цѣлое.

Народы не доходятъ до отчаянія, они «точно забываютъ свои страданія... страданія теряютъ всю свою горечь... Теперь уже не придется говорить: «кабы король все вѣдалъ!» Для него болѣе не будетъ тайнъ... Будутъ царить трудолюбіе, честность, бережливость, милосердіе, честь и единодушіе... Мы скоро на себѣ испытаемъ подобіе райской жизни... У всѣхъ французовъ будетъ одно отечество... Какъ чудно это великое мгновеніе! Наступило счастливое время, когда разумъ и человѣчность входятъ въ свои права и ведутъ за собой свободу и давно жданный золотой вѣкъ». Меч-

*) Только изученіе документовъ, — по большей части еще не изданныхъ,—позволитъ судить, въ какихъ размѣрахъ допускало дворянство общую подачу голосовъ; кромѣ протоколовъ собраній, на которыхъ редактировались наказы, слѣдуетъ ознакомиться и съ протоколами тѣхъ собраній, къ которымъ уже послѣ созыва штатовъ обращались за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній депутаты, обязанные голосовать только съ согласія своихъ избирателей. Но и теперь уже можно утверждать, что громадное большинство дворянъ не безусловно отвергало совмѣстное голосованіе сословій, какъ думали-было, основываясь на образѣ дѣйствій ихъ представителей въ маѣ и іюнѣ. Оно хотѣло удержать раздѣльную подачу голосовъ скорѣе въ принципѣ, чѣмъ на практикѣ, видя въ ней гарантію своего существованія и отнюдь не желая навязывать ее постоянно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

ты аббата де С.-Пьера, казавшіяся несбыточными, готовы осуществиться, возрожденіе человѣчества оросится только слезами радости и счастья. Благодатный миръ, возвѣщенный семнадцать столѣтій тому назадъ ангелами, наконецъ, воцарится на землѣ, ибо большинство одушевлено самыми лучшими намѣреніями!

Глава II.

НАЦОНАЛЬНОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.
(1789—1791)

I. Крушеніе стараго порядка.

Собраніе и открытіе генеральныхъ штатовъ. — Министры расходились въ выборѣ города, гдѣ д лжны были собраться генеральные штаты. Тѣ, которымъ штаты внушали опасенія, указывали на Суассонъ, Туръ, Блуа, Орлеанъ или Камбре, а Неккеръ и его сторонники предлагали Версаль, Сенъ-Жерменъ-анъ-Лей и даже Парижъ. Не нужно было особ й проницательности, чтобы предвидѣть, что положеніе національнаго собранія (уже тогда было принято это наименованіе) будетъ зависѣть отъ большей или меньшей близости къ центру, дававшему тонъ общественному мнѣнію, къ мѣсту наибольшаго народнаго возбужденія. Король положилъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, найдя, что, «въ виду охоты, Версаль — единственный подходящій городъ». Такимъ образомъ депутаты всѣхъ трехъ сословій, созванные было на 27 апрѣля 1789 года, собрались 4 мая именно въ Версалѣ.

Резюмируя пожеланія наказовъ, мы уже говорили о томъ, въ какомъ настроеніи и съ какими предписаніями явились депутаты. Ни у духовенства, ни у дворянства, ни у третьяго сословія не было ясной программы, которая могла-бы объединить большинство каждаго сословія для преслѣдованія строго опредѣленной политической цѣли. Впрочемъ, въ то время никому не было извѣстно содержаніе наказовъ во всей ихъ совокупности (да и въ наше время изучены еще далеко не всѣ). Такой программой могло быть развѣ только чрезвычайно популярное *Мнѣніе государственнаго совѣта короля, засѣдавшаго въ Версалѣ 27 декабря 1788 года* (Résultat du Conseil d'État du Roi, tenu à Versailles le 27 décembre 1788). На этомъ совѣтѣ Людовикъ XVI одобрилъ принципы и взгляды, высказанные Неккеромъ въ докладѣ отъ того-же числа и составляющіе какъ-бы набросокъ государственнаго устройства, главными основными чертами котораго являются: *1*) возстановленіе права націи утверждать налоги; *2*) созывъ генеральныхъ штатовъ, черезъ опредѣленные промежутки времени, назначенные самими штатами; *3*) ограниченіе расходовъ и прекращеніе произвольнаго распоряженія финансами со стороны министровъ; *4*) опредѣленіе точнаго размѣра расходовъ на содержаніе двора (liste civile); *5*) распространеніе компетенціи генеральныхъ штатовъ на чрезвычайныя п лномочія администраціи (lettres de cachet) и на дѣла печати; *6*) введеніе провинціальныхъ штатовъ во всѣхъ частяхъ королевства; *7*) упрощеніе административнаго механизма; *8*) равномѣрное обложеніе всѣхъ классовъ; *9*) удвоеніе числа депутатовъ третьяго сословія. Этой программой и руководствовалась Франція при выборахъ; даже не справляясь съ наказами, всѣ знали, что она была съ благодарностью принята третьимъ сословіемъ и подавляющимъ большинствомъ духовенства. Само дворянство не отреклось отъ нея, хотя большинство его относилось съ недовѣріемъ къ перевороту, угрожавшему его привилегіямъ, не только матеріальнымъ, но и политическимъ и соціальнымъ, и опа-

салось, какъ бы «удвоеніе» числа представителей третьяго сословія не повлекло за собой всесословнаго голосованія въ генеральныхъ штатахъ. Въ то время, по крайней мѣрѣ, казалось, что всѣ одинаково хотѣли замѣны произвола законностью: одни считали нужнымъ создать новое государственное устройство, другіе находили, что Франція уже имѣетъ конституцію, что достаточно вспомнить и возстановить ее, но всѣ безъ различія признавали, что дѣло шло именно о государственномъ переустройствѣ, а не о новыхъ субсидіяхъ королевскому деспотизму и устарѣлому общественному строю. Въ этомъ смыслѣ не только члены третьяго сословія, но и духовенство, и дворянство, и дворъ, словомъ,—всѣ или почти всѣ были *патріотами* (это было модное слово). Въ апрѣлѣ 1789 года не было ни одного депутата, скажемъ болѣе, ни одного француза, который стоялъ бы за сохраненіе въ полной неприкосновенности стараго порядка, — смѣсь анархіи и деспотизма, — надъ которымъ общественное мнѣніе уже произнесло окончательный приговоръ. Никто не согласился-бы признать себя не только ретроградомъ, но даже консерваторомъ, однако въ то-же время не было людей, которые бы причисляли себя къ врагамъ монархіи и сторонникамъ республики. Самые передовые депутаты третьяго сословія считали, что революція неизбѣжно должна начаться сверху, со стороны короля, подъ эгидой монарха, который, сплотивъ Францію въ единое королевство, хочетъ слить отдѣльныя провинціи въ одно отечество и дать имъ одинаковые законы, который милостиво созвалъ генеральные штаты, торжественно обѣщая реформировать государственное устройство. Задачей генеральныхъ штатовъ третье сословіе считало согласованіе правъ націи съ правами короля; правда, депутаты очень различно распредѣляли между ними права, но никто, даже тѣ, которые мечтали о демократическомъ образѣ правленія, не оспаривали, что король долженъ сохранить свой санъ, а лично къ Людовику XVI всѣ чувствовали благодарность, граничившую у простого люда съ глубокою любовью.

Мысль, что король можетъ нарушить данныя обѣщанія, приходила въ голову развѣ только такимъ проницательнымъ и хорошо освѣдомленнымъ людямъ, какъ Мирабо. Депутаты прибыли въ Версаль въ полномъ убѣжденіи, что обязательства, принятыя 27 декабря 1788 г., будутъ выполнены. Правда, кое-какія подробности этикета, однообразный и унизительный костюмъ, навязанный всему третьему сословію, предпочтеніе, оказанное духовенству и дворянству на королевскомъ пріемѣ 2 мая, наконецъ, придворные слухи о реакціонныхъ замыслахъ королевы и графа Артуа произвели тягостное впечатлѣніе на депутатовъ, но, когда 5-го мая 1789 г. король лично открылъ засѣданія генеральныхъ штатовъ въ отелѣ де-Меню, онъ еще пользовался полнымъ и непоколебимымъ довѣріемъ *).

Королевская рѣчь не оправдала всеобщихъ ожиданій. Людовикъ XVI (не снявшій даже шляпы передъ собраніемъ, стоявшимъ съ непокрытыми головами) не подтвердилъ тѣхъ обѣщаній, о которыхъ говорилось въ *Мнѣніи государственнаго совѣта*. Съ первыхъ же словъ онъ напомнилъ, что онъ—*повелитель націи*; онъ заявилъ, что, не колеблясь, созвалъ *старинные генеральные штаты*, но совершенно умолчалъ о томъ, что они и впредь будутъ собираться въ опредѣленные сроки; онъ жаловался на стремленіе къ новшествамъ, упомянулъ о долгѣ и заявилъ, что *главнѣйшія занятія* штатовъ должны будутъ заключаться въ упорядоченіи финансовой системы и упроченіи государственнаго кредита, но ни словомъ не обмолвился о проэктѣ государственныхъ и общественныхъ реформъ. Король объявилъ, что будетъ блюсти неприкосновенность своего авторитета и монархическаго принципа: онъ желаетъ блага своимъ подданнымъ, но французы должны возлагать всѣ свои надежды лишь на его *великодушіе*.

Хранитель печати Барантэнъ, примѣняясь до извѣстной степени къ духу времени, говорилъ объ отечествѣ и о томъ, что «скоро всѣ званія сольются въ званіи гражданина», но тутъ-же съ раздраженіемъ отозвался о «гибельныхъ химерахъ». Онъ указывалъ на преимущества всесословнаго голосованія, но введеніе его предоставилъ самимъ штатамъ; изъ его сентиментальныхъ фразъ, перемѣшанныхъ съ угрозами, можно было извлечь, въ лучшемъ случаѣ, лишь надежду на уравненіе податного бремени.

Докладъ Неккера былъ длиненъ, рас-

---

*) Къ этому времени выборы еще не были закончены; такъ напр., депутаты третьяго сословія города Парижа явились въ засѣданія только 25-го мая 1789 г.

плывчатъ и противорѣчивъ. Программа, основныя черты которой были приведены нами выше, отсутствовала; остался только одинъ остовъ либеральнаго доклада 27 декабря. Казалось, въ послѣднюю минуту были вычеркнуты въ рукописи конституціонныя статьи, т. е. вся существенная часть королевскихъ обѣщаній. Да такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Подъ давленіемъ свыше, Неккеръ согласился на нѣкоторые пропуски и помарки; злые языки утверждали, будто онъ уступилъ, желая сохранить мѣсто, но кто знаетъ, не руководило-ли имъ благородное желаніе, оставаясь на своемъ посту, предупредить безповоротный разрывъ между націей и королемъ.

Неудовлетворительная акустика залы засѣданія помѣшала тремъ четвертямъ депутатовъ слышать всѣ эти рѣчи; апплодировали болѣе или менѣе наугадъ. Только послѣ засѣданія третье сословіе уяснило себѣ истинное положеніе вещей. Оно поняло, что у Людовика XVI есть двѣ политики, одна—явная, либеральная, національная,—политика Неккера; другая — на половину скрытая, политика сопротивленія націи, политика деспотизма, сквозившая въ его собственной рѣчи и въ рѣчи хранителя печати. Одна была политикой вынужденной,—королевскимъ шарлатанствомъ; другая—выразительницей его истинныхъ симпатій. Но депутатамъ не хотѣлось этому вѣрить: развѣ могъ лгать ихъ добрый король? нѣтъ, это интриги двора,—королевы и графа Артуа. Развѣ монархъ не добродѣтельнѣйшій человѣкъ во всемъ королевствѣ? Депутаты третьяго сословія были смущены и удручены, они мало по малу теряли свое прежнее довѣріе къ Людовику XVI, но ихъ привязанность къ нему оставалась прежней. Они немедленно сплотились, чтобы противодѣйствовать двору, но отнюдь не королю: ихъ вѣрноподданническія чувства нисколько не пострадали.

Вопросъ о совмѣстномъ голосованіи; споры трехъ сословій между собою.—Хранитель печати высказалъ въ своей рѣчи одобреніе общему голосованію, но формально не разрѣшилъ его; онъ бросилъ яблоко раздора, которое,—казалось,—могло облегчить роспускъ штатовъ. Сторонники мирнаго рѣшенія вопроса были склонны пойти по среднему пути и совѣтовали, чтобы частные интересы отдѣльныхъ сословій обсуждались каждымъ сословіемъ особо; дѣла-же, имѣющія общее значеніе, касающіяся всѣхъ трехъ сословій, разсматривались въ общемъ собраніи съ совмѣстнымъ голосованіемъ. Повидимому къ этому сводился и планъ Неккера. Какъ-бы то ни было, поголовное голосованіе являлось единственнымъ средствомъ для совершенія переворота; съ него и началась борьба. Вечеромъ въ день королевскаго засѣданія депутаты третьяго сословія, сгруппировавшись по провинціямъ, согласились, — какъ передаетъ Рабо Сентъ-Этьеннъ,— собраться въ залѣ генеральныхъ штатовъ, какъ въ палатѣ, принадлежащей всей націи, и ждать представителей другихъ сословій для совмѣстныхъ преній. Они постановили также изъять изъ употребленія званіе *депутата 3-го сословія* и принять наименованіе *депутатовъ общинъ;* привилегированнымъ это показалось вызывающей дерзостью.

На слѣдующій день всѣ три сословія собрались отдѣльно, но на сторонѣ третьяго сословія было то преимущество, что оно заняло залу, въ которой наканунѣ состоялось королевское засѣданіе; благодаря этому, оно становилось какъ бы представителемъ всего народа, какъ-бы національнымъ собраніемъ. Оно воздержалось отъ сословной организаціи и ограничилось лишь тѣмъ, что возложило на одного изъ своихъ членовъ, облеченнаго званіемъ старшины, обязанность слѣдить за порядкомъ преній. Въ тотъ-же день (6-го мая) дворянство постановило большинствомъ 188 голосовъ противъ 47—самостоятельно, въ засѣданіи своего сословія приступить къ провѣркѣ полномочій своихъ членовъ. Духовенство приняло подобное-же рѣшеніе, но большинствомъ всего 133-хъ голосовъ противъ 114-ти, и притомъ лишь на время. Злые языки утверждали, будто оно затягивало переговоры и уклонялось отъ категорическихъ отвѣтовъ, выжидая, кто возьметъ верхъ, чтобы примкнуть къ побѣдителямъ. Въ дѣйствительности-же въ средѣ духовенства большинство составляли демократически настроенные кюре; только давленіе епископовъ сдерживало ихъ въ свободномъ выраженіи мнѣній; да и то, какъ увидимъ, ненадолго. Если революція разразилась именно въ это время и вылилась въ тѣ, а не въ иныя формы, то благодаря именно сельскому духовенству. На слѣдующій день

третье сословіе уполномочило двѣнадцать своихъ членовъ обратиться къ дворянству и духовенству съ приглашеніемъ «явиться въ залу засѣданій, чтобы образовать общее собраніе и приступить къ совмѣстной провѣркѣ полномочій». Со стороны дворянства отвѣта не послѣдовало, такъ какъ оно отложило свои засѣданія до 11-го мая; а духовенство предложило, чтобы отъ всѣхъ трехъ сословій было избрано для переговоровъ по нѣскольку человѣкъ. Впослѣдствіи дворянство приняло это предложеніе, но предрѣшило вопросъ, заявивъ, что считаетъ себя «достаточно и законно организованнымъ», а духовенство, по словамъ аббата Жаллэ, лицемѣрно признало себя «созваннымъ, но не организованнымъ собраніемъ». Третье сословіе также приняло предложеніе. Оно затруднялось только тѣмъ, какія полномочія слѣдовало дать комиссарамъ. Рабо Сентъ-Этьеннъ предложилъ было поручить имъ «заняться изысканіемъ средствъ для побужденія депутатовъ всей націи соединиться для общихъ засѣданій въ помѣщеніи генеральныхъ штатовъ, не жертвуя, ни въ какомъ случаѣ, принципомъ совмѣстнаго голосованія и нераздѣльности генеральныхъ штатовъ». Однако большинство боялось, какъ бы такія радикальныя требованія не озлобили дворянства и духовенства: было рѣшено добиваться поголовнаго голосованія сначала только для совмѣстной провѣрки полномочій; самъ Рабо измѣнилъ свое предложеніе въ этомъ смыслѣ; оно было принято, и совѣщанія состоялись 23 и 25 мая.

Итакъ, на этихъ засѣданіяхъ депутаты третьяго сословія должны были настаивать только на совмѣстной провѣркѣ полномочій; но сама собой навязывалась мысль, что ихъ умѣренность обусловливается только тактомъ и желаніемъ создать прецедентъ въ пользу общаго голосованія; дворянскіе комиссары единодушно отвергали ихъ предложенія, а духовенство, въ большинствѣ своемъ благосклонное къ планамъ третьяго сословія, было уполномочено только слушать и доносить. При такихъ условіяхъ совѣщанія, разумѣется, не могли ни къ чему привести; это былъ какой-то діалогъ между третьимъ сословіемъ и дворянствомъ; прежде чѣмъ начать борьбу, старая и новая Франція предъ лицомъ общественнаго мнѣнія и потомствомъ обмѣнивались аргументами, ссылаясь то на исторію, то на требованія разума. Однако, именно на этихъ совѣщаніяхъ привилегированныя сословія заявили, что отказываются отъ своихъ платежныхъ изъятій. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что дворянство сдѣлало это съ бо́льшей готовностью и прямотой, чѣмъ духовенство, вотировавшее эту жертву очень ничтожнымъ большинствомъ.

Образованіе національнаго собранія.— Желая дать «примѣръ твердости» послѣ того, какъ оно уже дало «доказательство своего безкорыстія», дворянство заявило 28 мая, «что пренія по сословіямъ и право налагать запрещеніе, принадлежащее каждому изъ нихъ въ отдѣльности, суть основные законы монархіи». Этимъ оно дѣлало невозможной всякую попытку примиренія. Тѣмъ не менѣе король приказалъ,— правда, совершенно безуспѣшно,—возобновить совѣщанія въ присутствіи хранителя печати и королевскихъ коммиссаровъ, среди которыхъ былъ и Неккеръ (30 мая — 9 іюня), проэктировавшій поручить повѣрку полномочій комиссарамъ трехъ сословій, которые въ спорныхъ случаяхъ обращались бы къ королю. Это предложеніе было представлено на усмотрѣніе сословій. Въ виду того, что дворянство приняло его лишь съ ограниченіями, третье сословіе рѣшило «обрѣзать канатъ» и, по предложенію Сійеса, постановило 10 іюня въ послѣдній разъ обратиться къ двумъ другимъ сословіямъ съ приглашеніемъ и объявить имъ, «что общая перекличка депутатовъ всѣхъ созванныхъ бальяжей состоится въ указанный день и что, въ случаѣ ихъ неявки, будетъ приступлено къ повѣркѣ независимо отъ того, будутъ ли на лицо депутаты привилегированныхъ классовъ или нѣтъ».

«Общая перекличка» и повѣрка полномочій была начата черезъ два дня и закончена 15-го іюня. Ни одинъ изъ депутатовъ дворянства не явился; но зато три кюре изъ Пуату откликнулись, какъ только были произнесены ихъ имена, и приняли участіе въ засѣданіи; ихъ примѣру послѣдовало еще около десяти сельскихъ священниковъ.

17 іюня послѣ долгихъ колебаній собраніе остановилось на названіи, которое было освящено общественнымъ мнѣніемъ и употреблено самимъ королемъ: оно объявило себя *національнымъ собраніемъ;* въ то-же время во имя верховной власти, при-

надлежащей націи, постановило въ видѣ временной мѣры, «чтобы налоги и подати, хотябы и незаконно установленные, продолжали взиматься попрежнему» впредь до закрытія собранія. «Національное собраніе *слушало и опредѣлило*, чтобы по истеченіи этого срока во всѣхъ провинціяхъ королевства безъ различія безусловно было прекращено взиманіе всѣхъ налоговъ и податей, на которые собраніемъ не будетъ дано прямого согласія. Собраніе спѣшитъ заявить, что, какъ только оно, идя рука объ руку съ Его Величествомъ, установитъ въ главныхъ чертахъ основныя реформы, оно займется государственными долгами и подниметъ кредитъ, обезпечивъ уплату долговъ безусловно надежной гарантіей:—чувствомъ чести и законности французской націи».

Принимаясь за работу, оно назначило 19 іюня четыре комитета: продовольственный, провѣрочный, редакціонный и распорядительный. Начиналась революція.

Присяга въ Жё-де-помѣ (Jeu de paume): королевское засѣданіе 23 іюня. Дворянство обратилось къ королю съ адресомъ, въ которомъ выражало свое неудовольствіе. Среди духовенства пререканія были безконечны; видя, что большинство склоняется къ рѣшенію, благопріятному для третьяго сословія, меньшинство, не соглашавшееся на совмѣстную повѣрку полномочій, удалилось изъ залы, а оставшіеся рѣшили произвести повѣрку въ общемъ собраніи трехъ сословій при полной обособленности каждаго (19 іюня). Въ тотъ же вечеръ епископы-«аристократы» немедленно опротестовали это рѣшеніе и отправили депутацію къ королю, который послѣ неожиданной смерти дофина удалился въ Марли, гдѣ вполнѣ подчинился вліянію королевы и графа Артуа. Говорятъ, будто архіепископъ парижскій палъ къ ногамъ короля и умолялъ его спасти государство и религію. Проэктъ королевскаго засѣданія, уже принятый по поводу событій 17 іюня, былъ бы немедленно осуществленъ, но дѣло стало за королевской грамотой, которая еще не была приготовлена. Прежде всего нужно было пріостановить засѣданія собранія; приготовленіе зала къ королевскому засѣданію послужило предлогомъ. Утромъ 20 іюня, когда депутаты явились въ отель де-Меню, двери оказались запертыми и охранялись солдатами.

Тогда они собрались въ помѣщеніи для игры въ мячъ (жё де помъ), и подъ предсѣдательствомъ Байльи постановили, что *ничто* не можетъ помѣшать національному собранію продолжать свои занятія. Они принесли торжественную присягу «не расходиться и собираться, гдѣ бы ни потребовали того обстоятельства, пока не будетъ создана и упрочена конституція королевства».

22 іюня собраніе засѣдало въ церкви св. Людовика, гдѣ къ нему присоединилось и большинство духовенства. Это было серьезнымъ пораженіемъ для противной партіи; однако ей удалось добиться отъ Людовика XVI того, что королевское засѣданіе 23 іюня представляло изъ себя нѣчто вродѣ суда между враждующими сословіями.

Неккеръ предложилъ проэктъ грамоты, въ которой подтверждались обѣщанія 27 декабря и въ которой духовенству и дворянству предписывалось присоединиться къ общинамъ для совмѣстнаго обсужденія общихъ интересовъ всей націи. Но вмѣсто нея была обнародована другая грамота, въ которой надменный, повелительный тонъ дополнялъ двусмысленность содержанія, а соединеніе сословій разрѣшалось лишь фиктивно. Король исключалъ изъ числа дѣлъ, подлежащихъ обсужденію всѣми сословіями сообща, всѣ «тѣ, которыя касаются древнихъ, основныхъ правъ трехъ сословій, организаціи предстоящихъ генеральныхъ штатовъ, феодальной и сеньорьяльной собственности, правъ имущественныхъ и почетныхъ прерогативъ первыхъ двухъ сословій». Точно такъ-же были исключены и реформы, проэктированныя въ королевской деклараціи. Кое-какія обѣщанія, данныя 27 декабря, были удержаны, но безъ достаточной опредѣленности. Правда за штатами признавалось право утверждать налоги, но зато между строкъ отрицалась ихъ законодательная власть и не разрѣшалось допущеніе къ государственнымъ должностямъ всѣхъ гражданъ безъ различія, чего особенно жаждало общественное мнѣніе. «Десятина, чиншъ, рента, феодальныя и сеньоріальныя права и повинности, а также всѣ вообще имущественныя и почетныя права и прерогативы, связанныя съ землями и феодами или принадлежащія отдѣльнымъ личностямъ», были отнесены въ разрядъ неотъемлемыхъ правъ. Особенно сильное негодованіе возбудило то, что король

этой декларацiей лишалъ всякаго значенія пренія 17 іюня; не понравился также его властный тонъ, напоминавшій времена Людовика XIV. Онъ закончилъ свою рѣчь приказомъ немедленно разойтись, а на другой день утромъ собраться каждому сословію отдѣльно въ отведенной для него палатѣ.

Присоединеніе духовенства и дворянства къ національному собранію.—Будетъ ли оказано повиновеніе королевской власти? Отречется ли третье сословіе отъ своихъ задачъ и отъ присяги въ жёдепомѣ? Его гражданское мужество было поддержано и вѣстями изъ провинціи, которыя позволяли надѣяться на сочувствіе всей Франціи, и присоединеніемъ большинства членовъ духовнаго сословія, и тайной поддержкой одной изъ фракцій дворянства, во главѣ которой стоялъ герцогъ Орлеанскій, и отсутствіемъ Неккера на королевскомъ засѣданіи, которое ясно свидѣтельствовало о размолвкѣ среди совѣтниковъ короля. Все это дало третьему сословію смѣлость не повиноваться; оно позволило удалиться всему дворянству и большей части духовенства, но само не тронулось со своихъ мѣстъ. Когда оберъ-церемоніймейстеръ Дрё Брезé предложилъ исполнить приказъ короля, Бальи отвѣтилъ ему, что не можетъ распустить собраніе, пока оно само свободно не обсудитъ этого вопроса, а Мирабо даже прямо заявилъ ему, что депутаты покинутъ свои мѣста лишь подъ напоромъ штыковъ. Когда Дрё-Брезé удалился, Сійесъ призывалъ своихъ товарищей не уступать произволу, и собраніе, по предложенію Камюса, «единодушно постановило твердо стоять за свои прежнія постановленія»; а затѣмъ, по иниціативѣ Мирабо, декретировало, «что личность депутата неприкосновенна». Это было отнюдь не лишнее, такъ какъ отель де-Меню былъ окруженъ войсками. Дворъ колебался между страхомъ и гнѣвомъ; въ концѣ концовъ страхъ взялъ перевѣсъ и мысль примѣнить къ генеральнымъ штатамъ насильственныя мѣры, арестовавъ главарей третьяго сословія, была оставлена, а Неккера упросили не подавать въ отставку.

24 іюня большая часть духовенства снова собралась въ національное собраніе; на другой день ихъ примѣру послѣдовало сорокъ-семь дворянскихъ депутатовъ. Неизвѣстно, что побудило короля, политическій-ли тактъ, или желаніе, чтобы ни одинъ человѣкъ не погибъ изъ за этихъ споровъ (эти слова даже прямо-таки приписываются ему), но онъ приказалъ тремъ сословіямъ соединиться, и такимъ образомъ національное собраніе было окончательно сформировано (27 іюня). Этого нельзя было назвать ни миромъ, ни соглашеніемъ: это было оффиціальное признаніе побѣды третьяго сословія. Общественное мнѣніе съ горечью и изумленіемъ смотрѣло на неожиданный союзъ короля съ дворянствомъ; съ гнѣвомъ и безпокойствомъ слѣдило оно за слухами о предстоящихъ чрезвычайныхъ мѣрахъ, особенно послѣ того, какъ король приказалъ тремъ сословіямъ соединиться.

Собраніе съ большою твердостью принялось за громадный, возложенный на него трудъ. Оно избрало учредительный комитетъ, который, начиная съ 8 іюля, представлялъ ему «порядокъ работъ», нѣчто вродѣ конспекта грядущаго государственнаго устройства. Оно назначило также финансовый комитетъ и образовало бюро. Едва только созданное, оно уже организовало революцію.

Отставка Неккера; взятіе Бастиліи. — Парижъ, хотя и извлекалъ выгоды изъ роскоши и расточительности, господствовавшихъ при старомъ порядкѣ, и не былъ матеріально заинтересованъ въ уничтоженіи привилегій, благопріятно отражавшихся на его доходахъ, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу революціи; его сочувствіе выразилось и въ выборѣ депутатовъ, и во всевозможныхъ манифестаціяхъ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, въ Палэ-Роялѣ, гдѣ подъ открытымъ небомъ образовалось нѣчто вродѣ постояннаго революціоннаго клуба. 30 іюня толпа освободила французскихъ гвардейцевъ, заключенныхъ въ «Аббатствѣ» за отказъ выступить противъ народа; правительству пришлось волей-неволей примириться съ этимъ бунтомъ. Съ другой стороны, собраніе выборщиковъ, вмѣсто того, чтобы разойтись, добилось разрѣшенія засѣдать въ городской думѣ и, повидимому, было недалеко отъ мысли замѣнить собою прежнія муниципальныя власти. Весь громадный городъ, не менѣе другихъ взволнованный продовольственнымъ вопросомъ, болѣе грознымъ, чѣмъ когда-либо раньше, былъ охваченъ новыми идеями; приходили вѣсти и изъ другихъ

городовъ: тамъ дѣла принимали такой же оборотъ. Общее волненіе распространилось на армію. Консерваторы чувствовали опасность, но не придавали ей должнаго значенія. Партія королевы и братьевъ короля уговорила слабохарактернаго Людовика XVI прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Были призваны наемные иностранные полки. Одни изъ нихъ,—по выраженію современника, — какъ-бы блокировали національное представительство; другіе угрожали Парижу. Разъ городъ будетъ взятъ, генеральные штаты окажутся будутъ въ рукахъ побѣдителей.

11 іюля Неккеръ и сочувствующіе ему члены министерства получили отставку; было приступлено къ составленію новаго министерства, во главѣ котораго долженъ былъ стоять Бретёйль, облеченный званіемъ «главы и президента королевскаго финансоваго совѣта»; маршалу Брогли поручалось вѣдать военныя, а Вогюйону — иностранныя дѣла.

Отъ того или иного отношенія Парижа зависѣла судьба революціи. До сихъ поръ все ограничивалось героическими рѣчами и благородными позами; были слова, были декреты, но они не переходили въ дѣйствія. Само собою разумѣется, что личныя силы членовъ учредительнаго собранія были слишкомъ ничтожны, чтобы дать перевѣсъ волѣ народа; даже опираясь на всю націю, они оказались бы слабѣйшей стороной, еслибы Парижъ отказался примкнуть къ нимъ или позволилъ подавить себя; Франціи пришлось бы еще долгое время терпѣть то положеніе вещей, противъ котораго она уже высказалась такъ опредѣленно.

Вѣсть объ отставкѣ Неккера, пришедшая въ Парижъ 12 іюля послѣ полудня, произвела на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Никто уже не сомнѣвался въ неминуемости государственнаго переворота. Все пришло въ неописуемое волненіе,— носили по городу бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго, котораго считали изгнаннымъ. Въ Палэ-Роялѣ молодой адвокатъ Камиллъ Демуленъ призывалъ къ возстанію. Графъ де-Ламбекъ во главѣ Королевскихъ-Нѣмецкихъ кавалеристовъ помялъ и поранилъ ни къ чему не причастную гуляющую публику; распространился слухъ, будто убили одного старика; негодованіе по этому поводу перешло въ общее возмущеніе. Ночью были разграблены оружейныя лавки, заставы были сожжены, горожане сообща съ французскими гвардейцами вступали въ драку съ армейскими солдатами. На слѣдующій день,—13 іюля, — былъ разграбленъ домъ ордена св. Лазаря, въ домѣ Инвалидовъ и Гардъ-Меблѣ были захвачены оружіе и пушки: такимъ образомъ парижане были вооружены и образовали городскую милицію для поддержанія порядка и для борьбы на жизнь и смерть.

Національное собраніе, засѣдавшее въ Версали, заговорило болѣе увѣреннымъ тономъ. Оно постановило, что не разойдется, пока не выполнитъ своей миссіи; оно съ восторгомъ встрѣтило смѣлыя слова Мунье, воскликнувъ: «не забудемъ никогда, что мы дорожимъ монархіей для Франціи, а не Франціей для монархіи!» Затѣмъ оно декретировало, что Неккера и его товарищей оно «напутствуетъ выраженіемъ своего довѣрія и сожалѣнія»; оно закрѣпило всѣ свои прежнія постановленія и два раза требовало отъ короля удаленія войскъ и образованія милиціи изъ гражданъ, — но король далъ очень уклончивый отвѣтъ.

Между тѣмъ парижане не падали духомъ и рѣшили овладѣть Бастиліей; къ этому ихъ побуждало не только то, что эта крѣпость являлась какъ бы символомъ ненавистнаго имъ режима, но и потому, что, останься она въ рукахъ правительства, они рисковали бы попасть между двухъ огней,—Бастиліей съ одной стороны и лагеремъ маршала Брольи—съ другой. Это былъ очень ловкій военный маневръ. Размѣры труда не позволяютъ намъ дать подробное критическое изложеніе этого событія, которое тотчасъ-же сдѣлалось достояніемъ легенды, исказившей его истинный характеръ и разукрасившей излишними подробностями. Достаточно сказать, что комендантъ де-Лоне оказался вынужденнымъ опустить мостъ и открыть ворота только послѣ кровопролитной схватки, въ которой не мало гражданъ погибло смертью героевъ. Де-Лоне велѣлъ стрѣлять въ парламентеровъ: всѣ современники, не исключая даже иностранцевъ, враждебно относившихся къ революціи, какъ герцогъ де Дорсе и гафъ Мерси-Аржанто, объясняли это предательствомъ; даже Людовикъ XVI, узнавъ, что народъ убилъ его, сказалъ Байльи: «Судьба покарала его по заслугамъ!» Гораздо вѣроятнѣе, что де-Лоне

сдѣлалъ это по ошибкѣ или недосмотру. Но народъ убилъ и его, и городского голову Флесселя, котораго также обвиняли въ измѣнѣ. Нѣсколько дней спустя толпа растерзала статскаго совѣтника Фуллона, завѣдывавшаго продовольственной частью въ арміи маршала Брогли, и его зятя Бертье, интенданта парижскаго женералитэ. Тѣмъ не менѣе на взятіе Бастиліи смотрѣли, какъ на тріумфъ гуманности и свободы, и всѣ, даже такіе закоснѣлые консерваторы-аристократы, какъ венеціанскій посланникъ, восхищались тріумфомъ народа и должны были признаться, что это было «благородное возстаніе».

Объ успѣхѣ задуманнаго при дворѣ государственнаго переворота теперь нечего было и думать: революціонное броженіе проникло не только въ армію, но и въ ряды иностранныхъ наемныхъ солдатъ, на которыхъ главнымъ образомъ разсчитывалъ дворъ. Людовику XVI пришлось сдаться. 15 іюля онъ явился въ національное собраніе и заявилъ ему объ отозваніи войскъ; въ это самое время народъ разрушалъ Бастилію. 16-го онъ обѣщалъ вернуть Неккера. Между тѣмъ Байльи былъ выбранъ въ мэры Парижа, а Лафайетъ сталъ во главѣ національной парижской гвардіи. 17-го Людовикъ XVI отправился въ Парижъ, но напоминалъ не столько короля, сколько побѣжденнаго; въ городской думѣ онъ принялъ трехцвѣтную кокарду и санкціонировалъ такимъ образомъ революцію, провозглашенную національнымъ собраніемъ и перешедшую въ область совершившихся фактовъ, благодаря смѣлости и удали парижанъ. Революція началась; въ этомъ не могло быть болѣе сомнѣнія.

Городская революція въ іюлѣ 1789 года. Строго говоря, это была чисто городская революція, — черта, на которую слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Избиратели, собравшіеся въ городской думѣ, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ многочисленными гражданами «всѣхъ сословій и частей города» заявили, что утверждаютъ городского голову, королевскаго прокурора и всѣхъ лицъ, составляющихъ городское бюро, и призываютъ ихъ въ свою среду, чтобы сообща съ ними заняться «изысканіемъ скорѣйшихъ и наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ для безопасности гражданъ, для продовольствія и поддержанія общественной тишины и порядка». Подъ предсѣдательствомъ городского головы и «согласно мнѣнію публичнаго министерства» былъ сформированъ *постоянный комитетъ*, въ который вошло городское бюро въ полномъ составѣ, нѣсколько выборщиковъ и одинъ изъ горожанъ, не попавшихъ въ избиратели. Этотъ комитетъ долженъ былъ сноситься съ округами, организовать парижскую милицію и пріобрѣсти оружіе. Онъ немедленно принялся за дѣло, положилъ основаніе національной гвардіи и дѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы урегулировать возстаніе и тѣмъ самымъ придать ему новыя силы. Герцогъ д'Омонъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ милиціи, а де-ла-Саль—его помощникомъ. Послѣ побѣды, одержанной народомъ, Байльи, какъ мы уже знаемъ, былъ назначенъ мэромъ Парижа, а Лафайетъ—начальникомъ національной гвардіи. Король утвердилъ ихъ избраніе. Такимъ образомъ возникла и образовалась парижская коммуна, порожденная возстаніемъ, но обязанная своимъ полу-законнымъ происхожденіемъ сліянію муниципальныхъ властей стараго порядка съ новой революціонной властью—избирателями. Въ городской парижской революціи іюля 1789 года особенно старательно избѣгали всякаго рѣзкаго разрыва съ существующимъ строемъ, всякой грани между новымъ и старымъ порядкомъ; напротивъ, старались, хотя-бы для вида, сохранить традиціонныя формы. Эта революція была направлена не противъ короля, а противъ его совѣтниковъ, противъ двора и привилегированныхъ.

Точно такой-же городской характеръ носила революція и во всей Франціи. Когда вѣсть объ отставкѣ Неккера дошла до провинціи, въ городахъ произошли волненія, все пришло въ движеніе, стали образовываться, какъ и въ Парижѣ *постоянные комитеты* или *совѣты;* они входятъ въ составъ королевскихъ или аристократическихъ муниципальныхъ учрежденій и своимъ присоединеніемъ подкрѣпляютъ однихъ и въ корнѣ подрываютъ значеніе другихъ; они занимаются организаціей милиціи и продовольственнымъ вопросомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ захватываютъ въ свои руки все городское управленіе. Почти вездѣ это революціонное движеніе избѣгаетъ крайностей: всюду стараются приспособить къ новому укладу жизни не только внѣшнія формы, но и людей стараго порядка. При-

ходится отказаться отъ мысли обрисовать общую картину революціоннаго движенія провинціальныхъ коммунъ, такъ какъ при всемъ ничтожествѣ, при всей мертвенности муниципальныхъ учрежденій того времени, — будь они по назначенію отъ короля или представляй изъ себя жалкое подобіе выборнаго института,—существовало стремленіе сохранить не только ихъ формы, но по возможности и личный составъ; формы-же были безконечно разнообразны въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Возьмемъ для примѣра хоть нѣсколько городовъ. Въ Ліонѣ городскія власти—выборныя, но принадлежатъ къ аристократіи и не представляютъ интересовъ даже торговаго класса; ихъ не смѣняютъ, но къ нимъ присоединяется постоянный комитетъ изъ избирателей всѣхъ трехъ сословій, который слѣдитъ за ихъ дѣятельностью. Это-то пестрое собраніе и управляетъ городскими дѣлами до установленія легальной организаціи. Въ Нимѣ постоянный совѣтъ присоединяется къ прежнему муниципальному управленію, которое безропотно подчиняется его руководству. Въ Монпелье Камбонъ-отецъ побуждаетъ созвать общее собраніе всей коммуны. Подъ предсѣдательствомъ мэра и консуловъ, оставленныхъ при должности, оно посредствомъ всеобщей подачи голосовъ избираетъ комиссію, которая должна стоять на стражѣ городскихъ интересовъ. Нерѣдко дума по собственному почину,—будь то изъ патріотизма или по политическому такту, содѣйствовала назначенію комитета и такимъ образомъ принимала активное участіе въ революціи; такъ было въ городахъ: Прадъ, въ Буръ-анъ-Брессъ и Туръ. Во многихъ городахъ эти мѣры объясняются не столько желаніемъ поддержать парижское возстаніе или подражать ему, сколько продовольственнымъ кризисомъ; цѣль ихъ—предупредить голодъ или подавить бунтъ, вызванный бѣдственнымъ положеніемъ населенія. Такъ, въ Амьенѣ городская дума въ прежнемъ своемъ составѣ безпрепятственно продолжала свою дѣятельность вплоть до 5-го августа 1789 г., когда по случаю недостатка въ продовольствіи произошелъ бунтъ. 6-го дума включила въ свой составъ 36 избирателей третьяго сословія, 18 депутатовъ или членовъ отъ духовенства и 18 отъ дворянства; это собраніе составило *постоянный совѣтъ*, на который возложены были всѣ дѣла. Точно такъ же въ Руанѣ голодный бунтъ вызываетъ перемѣну городского управленія. Но здѣсь мы не видимъ ни комитета, ни совѣта: революція заключается въ томъ, что муниципальныя власти пользуются случаемъ, чтобы вернуть себѣ право командованія городской милиціей и забрать въ свои руки общую полицію, т. е. присмотръ за рынками и продовольствіемъ города, незаконно присвоенный парламентами за сотни лѣтъ передъ тѣмъ. Подобнымъ-же образомъ и въ Валансѣ въ Дофинэ муниципалитетъ (увеличившій свой составъ присоединеніемъ *комитета)* постановилъ «снова принять въ свое управленіе городскую полицію, незаконно изъятую изъ области его вѣдѣнія и не возвращенную, несмотря на не прекращавшіяся требованія со стороны думы; въ случаѣ-же, еслибы г. епископъ или его подчиненные оказали сопротивленіе настоящему рѣшенію, городъ не обратитъ на это никакого вниманія». Почти во всѣхъ городахъ обыватели вооружаются и кладутъ начало *національной гвардіи*, по происхожденію своему чисто муниципальной.

Мы уже видѣли, что возстаніе въ Руанѣ и Валансѣ было вызвано желаніемъ освободиться отъ гнета парламента и епископа. Но это—рѣдкое исключеніе. Почти вездѣ первое мѣсто въ административной іерархіи занимаетъ интендантъ, противъ котораго и поднимается населеніе. Всѣ эти муниципальныя революціи преслѣдуютъ одну и ту-же цѣль: города либо съ перваго-же дня, либо мало по малу добиваются самоуправленія и устраняютъ представителя центральной власти, не останавливаясь передъ насиліемъ, если онъ пытается сопротивляться, въ противномъ-же случаѣ дѣйствуя съ изысканной любезностью; такъ было въ Монпелье, гдѣ интенданту была даже вотирована благодарность за благодушіе, съ которымъ онъ отнесся къ собственному смѣщенію. Это возрожденіе коммунъ не носило однако антимонархической окраски. Люди совершенно искренно думали, что ни въ чемъ не измѣняютъ своему вѣрноподданническому долгу, становясь гражданами; они считали, что помогаютъ королю въ его борьбѣ противъ привилегированныхъ и даже противъ интендантовъ, совершенно забывая, что интендантъ—ставленникъ самого короля. Свергая своего интенданта, жители Брессъ кричали: «теперь

у насъ будетъ только одинъ король!». Можно подумать, что интенданты были своего рода короли. Маленькій городокъ Мёланъ, собственной властью составившій продовольственный комитетъ и организовавшій изъ своихъ гражданъ милицію, прекрасно понималъ, что превышаетъ свои права и переходитъ на революціонную почву; но, по его мнѣнію, такой образъ дѣйствій не могъ оскорбить короля, такъ какъ каждый гражданинъ обязанъ способствовать осуществленію его намѣреній и доказывать свою преданность и вѣрность, безъ промедленія примѣняя тѣ мѣры предосторожности, которыя требуются обстоятельствами и которыя его величество по своей мудрости не замедлилъ-бы предписать, еслибы былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ. Извѣстіе, что король призналъ и санкціонировалъ парижское возстаніе, еще болѣе утвердило города въ ихъ убѣжденіи, что вводя самоуправленіе, они поступали разумно и сообразно со своимъ долгомъ.

Распространеніе революціи на деревню. Для полноты революціи во Франціи нужно было дѣйствительное, коренное переустройство на началахъ городского самоуправленія, проще сказать, «муниципализація» деревни. Слабую, жалкую попытку въ этомъ направленіи представляло изъ себя королевское повелѣніе 1787 года объ уничтоженіи сельскихъ сходовъ и введеніи думъ во всей Франціи. Шагъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ: сеньоры, стоявшіе во главѣ деревенскихъ думъ, не могли внести новаго духа въ сельскую жизнь старой Франціи; къ тому-же даже черезъ два года эта реформа была произведена далеко не вездѣ. Этимъ новымъ учрежденіемъ санкціонировалось уничтоженіе обычая собираться на сходы. Крестьянская революція іюля 1789 г. именно и заключалась въ возстановленіи сходовъ.

Эта революціонная муниципализація французскаго крестьянства, представлявшаго далеко еще не сознательную массу, это внезапное появленіе на исторической сценѣ тяжелаго на подъемъ деревенскаго люда, было вызвано тѣмъ электрическимъ токомъ (употребляя сравненіе того времени), который исходилъ изъ Парижа и черезъ провинціальные города перешелъ на деревню. Движеніе охватило всю Францію чуть не въ одинъ день, съ 27-го іюля по 1-е августа. Произошла страшная, необъяснимая паника, извѣстная подъ названіемъ *великаго смятенія*,—одно изъ немногихъ событій, удержавшихся въ народной памяти, и едва-ли не самое выдающееся во всей исторіи революціи. Почти повсемѣстно распространилось убѣжденіе, что идутъ «разбойники». Населеніе стало вооружаться, города укрѣплялись, а сельскіе жители скрывались въ лѣса, пещеры и иныя мѣста для убѣжища. Разбойники не появлялись и паника мало по малу улеглась; но населеніе тѣмъ не менѣе не успокоилось окончательно, волненіе не прекратилось. Въ сущности, этотъ врагъ, наведшій на всѣхъ такой страхъ, не былъ фикціей: то былъ старый порядокъ, феодальный строй. На сходахъ, гдѣ-нибудь на сельской площади или въ церкви, крестьяне постановляютъ не платить болѣе феодальныхъ повинностей. При всей своей снисходительности къ личностямъ, крестьянинъ былъ неумолимъ къ учрежденіямъ, онъ сжигалъ цѣлые замки, чтобы уничтожить хранящіеся въ нихъ документы, будучи зачастую увѣренъ, что исполняетъ волю самого короля. Въ провинціи феодализмъ былъ уже разрушенъ, а народъ праздновалъ побѣду, когда учредительное собраніе рѣшилось закрѣпить ее своими знаменитыми декретами въ ночь на 4-е августа.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что факты крайне слабо подтверждаютъ теорію, будто-бы члены учредительнаго собранія въ одинъ мигъ насильственно перестроили Францію своими декретами. Не подлежитъ сомнѣнію, что народъ остался бы инертнымъ и разрозненнымъ, былъ-бы лишенъ сознательности, не будь вмѣшательства избраннаго, мыслящаго меньшинства, не будь ораторовъ, говорившихъ за него въ Версалѣ, не имѣй онъ опоры въ теоріяхъ своихъ философовъ. Но разъ выведенный изъ дремоты этой горстью интеллигентовъ, онъ созналъ свои страданія, онъ *самъ принялся за дѣло*, вышелъ на большія дороги, на улицы и площади, подъ видомъ чисто муниципальной революціи низвергъ весь старый порядокъ и принудилъ національное собраніе окончательно прекратить его юридическое существованіе. Переворотъ былъ уже сдѣланъ, когда Учредительное Собраніе издало свои постановленія, въ которыхъ оно только формулировало и освящало совершившіеся факты.

Въ періодъ времени между 14 іюля

1789 г. и 1-го января 1790 г., когда на законномъ основаніи были произведены выборы муниципальныхъ властей, прежняя королевская администрація фактически прекратила свое существованіе, а новая еще не была легализована. Это время считалось періодомъ самопроизвольной анархіи; думали, что муниципальная революція, остановившая весь огромный механизмъ старой Франціи, раздробила ее на тысячи независимыхъ республикъ. На дѣлѣ-же было нѣчто какъ разъ обратное, — происходило сближеніе отдѣльныхъ частей: «родины» сливались въ одно великое «отечество», народности Франціи начинали сознавать себя единымъ французскимъ народомъ. Главари и поборники этой революціи называли себя въ то время *патріотами*. Какъ только пришла вѣсть о взятіи Бастиліи, всѣ эти импровизованныя муниципальныя власти прежде всего спѣшатъ снестись съ сосѣдними коммунами, послать имъ довѣренныхъ людей для переговоровъ, придти съ ними къ соглашенію. *Великое смятеніе* усиливаетъ стремленіе къ сближенію. Города, бурги, общины просятъ другъ у друга помощи противъ «разбойниковъ», этого мнимаго и въ то-же время реальнаго врага; они ходятъ показывать свое вооруженіе, братаются между собою. Зарождаются *федераціи*, которыя скоро будутъ объединять не только деревни и города, но и цѣлыя провинціи. Впрочемъ старинныя подраздѣленія перестаютъ играть какую-либо роль. Заключая союзы, помнятъ только, что всѣ они — французы и стараются забыть и подавить духъ провинціальнаго сепаратизма; это теченіе, санкціонированное національнымъ собраніемъ, которое ввело дѣленіе на департаменты, расло и принимало колоссальные размѣры какой-нибудь прирейнской или бретонско-анжуйской федераціи, пока не нашло, наконецъ, самаго полнаго своего выраженія на Марсовомъ полѣ въ національной федераціи 14 іюля 1790 г., когда отечество какъ-бы воплотилось въ осязательную форму. Итакъ, конечнымъ результатомъ муниципальной революціи, которой дало толчокъ взятіе Бастиліи, было — послѣ переходнаго, какъ-бы анархическаго періода — объединеніе и сліяніе въ единое живое цѣлое разнородныхъ, до тѣхъ поръ чуждыхъ другъ другу, элементовъ, изъ которыхъ состояло французское королевство.

Ночь на 4-е августа 1789 г. Теперь дворъ не могъ и думать открыто выступить противъ сомкнутыхъ революціонныхъ силъ, и, кто знаетъ, не раздѣлялъ-ли самъ Людовикъ XVI, при всемъ своемъ ревнивомъ отношеніи къ умаленію собственнаго авторитета, — радостнаго настроенія націи, которая болѣе, чѣмъ когда-либо, сочувствовала своему королю и любила его. Національное собраніе почувствовало свое всемогущество и, исполняя свою присягу въ жё-де-помѣ, прежде чѣмъ заняться финансовой реформой, взялось за разработку конституціи. Хотя члены конституанты и были проникнуты отвлеченными идеями разума и справедливости, хотя они и воспитались на Декартѣ и философахъ XVIII в., но рука у нихъ не поднималась на наслѣдіе прошлаго даже тогда, когда, благодаря народному возстанію, оно сдѣлалось достояніемъ исторіи. Первыя вѣсти о возстаніи и подожженныхъ замкахъ испугали ихъ; они готовились уже принять мѣры для прекращенія этихъ противозаконныхъ дѣйствій, когда поняли наконецъ, что движеніе это единодушно и что на его сторонѣ побѣда. Лихорадка, потрясшая всю Францію, охватила наконецъ и ихъ, и въ ночь на 4-е августа 1789 г. они узаконили и освятили уничтоженіе феодализма. Виконтъ де-Ноайль, а за нимъ и герцогъ д'Эгильонъ подали примѣръ великодушной, добровольной жертвы которому послѣдовали всѣ привилегированные, причемъ города и провинціи ни въ чемъ не уступали дворянству и духовенству. Именно въ эту ночь были приняты рѣшенія, лежавшія въ основѣ знаменитаго декрета отъ 4, 6, 7, 8 и 11 августа 1789 г., который получилъ одобреніе со стороны короля лишь 21 сентября, а обнародованъ — 3 ноября. Въ этомъ важномъ актѣ національное собраніе провозгласило «полное уничтоженіе феодальнаго строя», и безвозмездно отмѣнило всѣ феодальныя и цензуальныя права, личную и реальную mainmorte («мертвую руку»), наконецъ, личную крѣпостную зависимость. Что-же касается остальныхъ повинностей, то онѣ подлежали выкупу и оставались въ силѣ впредь до взноса слѣдуемой суммы. Только законодательное собраніе и конвентъ покончили съ этими послѣдними остатками феодальныхъ правъ, но справедливость требуетъ признать, что уже въ 1789 г. было подорвано и ниспро-

вержено главное зданіе феодализма, послѣ чего на исторической аренѣ оказались лишь разрозненные, второстепенные остатки и обломки стараго порядка. Продажа должностей была уничтожена; всякій французъ, независимо отъ своего происхожденія, получилъ одинаковый доступъ къ государственной службѣ. Людовика XVI провозгласили «возстановителемъ (старинной) французской свободы».

Съ 20 августа по 1 октября собраніе вотировало декларацію правъ человѣка и гражданина, а затѣмъ и основныя положенія самой конституціи; продолжительные дебаты страшно взволновали общественное мнѣніе, особенно та часть ихъ, которая была посвящена вопросу о раздѣленіи законодательнаго собранія на двѣ палаты и предоставленіи королю безусловнаго или только отсрочивающаго *veto* (права отмѣнять). Высказываясь въ пользу единства народнаго представительства и отвергая право короля на безусловное veto, собраніе только повиновалось требованіямъ общественнаго мнѣнія; многократныя вооруженныя сходки въ Палэ-Роялѣ являлись тѣмъ болѣе грозными выразителями этихъ требованій, что Людовикъ XVI, колеблясь и задерживая обнародованіе декретовъ 4 августа, встревожилъ «патріотовъ».

События 5-го и 6-го октября 1789 г. Король колебался также, принять-ли ему декларацію правъ и декретированные уже параграфы конституціи. Когда Неккеръ снова вернулся къ власти и министерство приняло либеральную окраску, довѣріе было возстановлено. Но вскорѣ дѣла приняли такой оборотъ, что можно было подумать, будто сторонники реакціи подчинили своему вліянію нерѣшительнаго короля, хотя главари ихъ успѣли уже эмигрировать. Распространился слухъ, будто снова готовится государственный переворотъ, подобный тому, который не удался, благодаря взятію Бастиліи. По требованію двора, къ Версалю были стянуты войска,—драгуны и фландрскій полкъ,—и было удвоено число дежурныхъ гвардейцевъ. Повидимому существовалъ уже проектъ уговорить Людовика XVI бѣжать въ Мецъ, чтобы стать во главѣ полуиноземныхъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ генерала Буйе. Банкетъ, данный гвардіей фландрскому полку 1 октября въ стѣнахъ королевскаго дворца, послужилъ поводомъ для противореволюціонныхъ демонстрацій, при которыхъ присутствовало королевское семейство.

Эти вѣсти привели Парижъ въ тѣмъ большее негодованіе, что городу грозила голодная смерть; хлѣбные запасы были уже истощены. 5 октября многія тысячи женщинъ отправились въ Версаль въ сопровожденіи множества вооруженныхъ мужчинъ, и Лафайетъ былъ вынужденъ слѣдовать съ національной гвардіей за этой толпой, шедшей къ королю за хлѣбомъ. Подъ впечатлѣніемъ этого народнаго волненія, король рѣшился наконецъ принять декларацію правъ, декретированную собраніемъ. Общее тревожное настроеніе разрѣшилось нападеніемъ на дворецъ и убійствомъ нѣсколькихъ гвардейцевъ. Были минуты, когда жизнь королевы, казалось, находилась въ опасности. Людовику XVI пришлось согласиться переѣхать въ Парижъ съ королевой и всѣмъ своимъ семействомъ и перенести туда свою резиденцію. Народъ, грозный, несмотря на охватившее его радостное настроеніе, провожалъ его до самой столицы; съ этихъ поръ король постоянно жилъ въ Тюльери. За королемъ послѣдовало и національное собраніе: первое время оно засѣдало въ епископскомъ домѣ, а затѣмъ въ зданіи, называвшемся Манежемъ и находившемся неподалеку отъ Тюльери. Всѣ эти событія подали поводъ къ судебному разслѣдованію, которое однако кончилось ничѣмъ. Герцогъ Орлеанскій, котораго подозрѣвали въ умышленномъ усиленіи смуты съ цѣлью достигнуть престола, долженъ былъ принять дипломатическое порученіе въ Лондонъ, равносильное изгнанію.

Октябрьскіе дни имѣли послѣдствіемъ отсрочку открытаго вооруженнаго сопротивленія революціи. Парижъ завладѣлъ королемъ и держитъ его, какъ узника, не то изъ привязанности къ его особѣ, не то изъ недовѣрія. Отнынѣ политика народа будетъ заключаться въ томъ, чтобы—если нужно, то даже силою,—противодѣйствовать гибельному вліянію двора на короля; политика двора будетъ сводиться къ тайному соглашенію съ иноземными правительствами для подавленія революціи; политическіе-же взгляды Людовика XVI,—если допустить, что онъ когда-либо имѣлъ таковые,—опредѣлились только тогда, когда совѣсть его, какъ вѣрнаго сына католической церкви,

была затронута гражданскимъ уставомъ о духовенствѣ. Тѣмъ временемъ онъ видимо, по крайней мѣрѣ, мирится съ совершившимися фактами, величается своимъ новымъ титуломъ короля французовъ, а 4 февраля 1790 года является въ національное собраніе, чтобы торжественно выразить сочувствіе конституціи и революціоннымъ принципамъ отъ своего имени и отъ имени королевы; онъ обѣщаетъ «заблаговременно приготовить умъ и сердце своего сына къ новому порядку вещей, обусловленному измѣнившимися обстоятельствами». Это заявленіе, надѣлавшее много шума въ Европѣ, во Франціи единодушно привѣтствовалось выраженіями радости и преданности; французамъ мелькнула было надежда, что революція закончена; договоръ между націей и королемъ, казалось былъ заключенъ окончательно, и націи оставалось только отдыхать въ мирѣ и согласіи.

Посмотримъ же, какой это былъ договоръ, какими конституціонными или иными законами національное собраніе вводило новый порядокъ.

II. Основные и органическіе законы.

Конституція 1789—1791 года. — Мы уже видѣли, что декларація правъ, а равно и основные параграфы конституціи были вотированы въ періодъ времени съ августа до сентября 1789 г. Затѣмъ собраніемъ въ цѣломъ рядѣ законовъ была выработана новая система мѣстнаго самоуправленія, администраціи, суда, финансовъ, войска и церкви; совокупность этихъ законовъ, частью конституціонныхъ, частью-же и неконституціонныхъ, принято называть конституціей 1791 г. въ виду того, что именно къ этому году были пересмотрѣны и кодифицированы важнѣйшіе законы.

Взятая въ цѣломъ, конституція представлялась однимъ осуществленіемъ апріорной, безпочвенной доктрины, другимъ непосредственнымъ отвѣтомъ на запросы того времени, оружіемъ противъ королевскаго абсолютизма. И дѣйствительно, въ ней можно найти всѣ эти элементы; въ ея созданіи участвовали разумъ и исторія, философскіе принципы XVIII в. и насущнѣйшія нужды въ борьбѣ съ дворомъ. Это была отвлеченная система и орудіе борьбы. Такая двойственность являлась продуктомъ переходнаго времени между прошедшимъ и настоящимъ, между прежнимъ и новымъ принципомъ власти.

Въ 1789 г. особенно популярно было философское положеніе, что верховная власть принадлежитъ не королю, а народу; принципъ теологическій былъ замѣненъ принципомъ раціоналистическимъ. Въ деклараціи правъ человѣка и гражданина, предпосланной по примѣру американцевъ, самой конституціи былъ провозглашенъ новый принципъ съ вытекающими изъ него идеями справедливости, свободы, равенства и солидарности, какъ будто вводить собирались демократію съ республиканскимъ образомъ правленія; а между тѣмъ почти никто въ то время не видѣлъ въ республикѣ нѣчто большее, чѣмъ праздную мечту. Въ 1789 г. казалось, что введеніе республики помѣшаетъ сліянію отдѣльныхъ провинцій въ одно отечество и образованію единой французской націи, управляемой общими для всѣхъ законами, а именно это и представлялось ближайшей цѣлью революціи, самымъ сильнымъ ея рычагомъ. Считали невозможнымъ обойтись безъ наслѣдственнаго главы, и вотъ, послѣ того, какъ было провозглашено, что націи принадлежитъ верховная власть и что всякая иная власть проистекаетъ изъ нея, снова подтвердили, что *Франція—монархія*, и такимъ образомъ связали фактъ и принципъ, которые отнынѣ должны были итти рука объ руку; это было вызвано не раціоналистическими соображеніями, а невозможностью поступить иначе: вся Франція почти единодушно желала, чтобы на ряду съ новой верховной властью, покоющейся на требованіяхъ разума, которую она признала за собой, какъ за націей, продолжала суще-

ствовать верховная власть короля Божіей милостью. Депутаты во что-бы то ни стало должны были согласовать на дѣлѣ логически непримиримыя права короля и націи. Не имѣя возможности прикрыть существующее противорѣчіе хитросплетенными аргументами, они откровенно признали его въ первыхъ двухъ параграфахъ конституціи (вотированныхъ 22 и 23 сентября 1789 г.):

1. Всѣ власти происходятъ исключительно отъ націи и могутъ исходить только отъ нея. 2. Во главѣ французскаго правительства стоитъ монархъ. Но избираетъ-ли нація своего короля? отъ нея-ли исходитъ его власть? нѣтъ, онъ, король Божіей милостью; въ то же время власть его зиждется на конституціонныхъ законахъ, опредѣляющихъ ея границы и замѣняющихъ прежній титулъ короля Франціи и Наварры титуломъ короля французовъ. На оффиціальномъ языкѣ соединеніе этихъ двухъ противоположныхъ принциповъ новаго права выражалось въ формулѣ: *Людовикъ, Божіей милостью и силою конституціоннаго закона король французовъ*.

Трудно было допустить, чтобы самодержавный король и самодержавная нація, которыхъ сама конституція поставила въ положеніе противниковъ, не вступили въ борьбу другъ съ другомъ, а потому были приняты всѣ мѣры, чтобы въ этомъ поединкѣ преимущество оказалось не на сторонѣ короля: его обезоруживаютъ ровно настолько, чтобы онъ не могъ побѣдить, но не былъ-бы и окончательно побѣжденъ. Націи-же, наоборотъ, даются очень важныя преимущества, и если на практикѣ ей не предоставляется вся полнота верховной власти, то по крайней мѣрѣ на ея долю выпадаетъ весь ея престижъ. Въ іерархіи властей она занимаетъ первое мѣсто: *нація, законъ, король*.

Организація королевской власти.—Національное собраніе признало и провозгласило основными положеніями монархіи, что особа короля неприкосновенна и священна, что власть его нераздѣльна, «что тронъ находится въ наслѣдственномъ обладаніи правящаго дома, переходя по старшинству, слѣдуя мужской линіи, за полнымъ и вѣчнымъ устраненіемъ женщинъ и ихъ потомства отъ правъ на престолъ, не принимая во вниманіе всѣхъ послѣдствій возможныхъ отреченій. Король несовершеннолѣтенъ до 18-ти лѣтъ; до достиженія имъ этого возраста регентство принадлежитъ его ближайшему родственнику, имѣющему не менѣе 25 лѣтъ и принесшему гражданскую присягу; женщины и въ этомъ случаѣ устраняются; если никто изъ членовъ королевскаго семейства не отвѣчаетъ указаннымъ требованіямъ, то регентъ избирается націей. Предполагаемый наслѣдникъ престола будетъ именоваться не *дофиномъ*, а *королевскимъ принцемъ*. Остальные члены королевскаго семейства, могущіе быть претендентами на престолъ, будутъ носить титулъ французскихъ принцевъ. Они будутъ включены въ число активныхъ гражданъ, но лишены права занимать выборныя должности. У короля будетъ гвардія. На содержаніе короля ежегодно будетъ отчисляться сумма, размѣры которой будутъ опредѣляться законодательнымъ собраніемъ при вступленіи новаго короля на престолъ (Людовику XVI полагалось 25 милліоновъ). О королевской власти больше не было никакихъ постановленій.

Переходя къ реальному осуществленію его власти, мы видимъ, что нація ввѣрила ему высшую исполнительную власть. Онъ—«верховный глава» всей администраціи королевства, войска и флота; онъ слѣдитъ за внутренней и внѣшней безопасностью государства. Онъ назначаетъ посланниковъ, командировъ арміи и флота, двѣ трети всѣхъ контръ-адмираловъ, половину генералъ-лейтенантовъ, генералъ-маіоровъ, капитановъ кораблей и полковниковъ національной жандармеріи, третью часть полковниковъ и подполковниковъ, шестую часть морскихъ лейтенантовъ, всѣхъ главныхъ начальствующихъ лицъ морской гражданской администраціи, всѣхъ особыхъ коммиссаровъ, которые состояли при судахъ для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ закона и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ, и, наконецъ, всѣхъ главныхъ чиновниковъ управленія косвенными налогами и удѣльными имуществами. Онъ слѣдитъ за чеканкой денегъ, и его изображеніе будетъ отпечатано на каждой монетѣ. Только король можетъ вести политическіе переговоры съ иностранными державами и поддерживать сношенія съ ними, принимать мѣры сообразно образу дѣйствій сосѣднихъ государствъ, распре-

дѣлять военныя и морскія силы по своему усмотрѣнію и управлять ими въ случаѣ войны. Онъ заключаетъ и подписываетъ мирные договоры, союзы, торговые трактаты, подлежащіе впрочемъ ратификаціи законодательнаго собранія.

Хотя принципъ раздѣленія властей — законодательной, исполнительной и судебной — и считался членами конституанты непререкаемой истиной, однако за королемъ не только было признано право скрѣплять и обнародовать законы, но онъ могъ даже вліять на законодательство, отказываясь давать свое согласіе на декреты, т. е. пользуясь отсрочивающимъ veto, сохраняющимъ свое значеніе впродолженіе трехъ легислатуръ, послѣ чего декреты получали силу и наименованіе закона.

Король долженъ пользоваться своей исполнительной властью при посредствѣ совѣта, состоящаго изъ шести министровъ (внутреннихъ дѣлъ, военнаго, финансовъ, юстиціи, морского и иностранныхъ дѣлъ); король можетъ по собственному усмотрѣнію назначать и смѣщать ихъ, но члены законодательнаго корпуса не вправѣ занимать эти должности. Всякое распоряженіе короля должно быть подписано его рукою и засвидѣтельствовано соотвѣтственнымъ министромъ. Министры отвѣтственны.

Организація верховенства націи. Націи принадлежитъ верховная власть. Законъ есть выраженіе ея воли; «во Франціи нѣтъ власти выше закона». Съ другой стороны признается аксіомой, что «нація, отъ которой происходятъ всѣ власти, можетъ пользоваться ими только посредствомъ представительства». Но что такое нація? Это совокупность всѣхъ французовъ. Признаетъ-ли конституанта политическія права за всѣми французами, достигшими опредѣленнаго возраста? нѣтъ, это значило бы вводить чисто демократическую систему; а на это она не рѣшается, да это и не соотвѣтствуетъ ея желаніямъ. Она уничтожаетъ всѣ сословныя различія, но, не отказывая никому въ званіи гражданина, устанавливаетъ два класса гражданъ, — одинъ привилегированный, надѣленный политическими правами, это *активные граждане*, другой,—лишенный этихъ правъ,— *граждане пассивные*. Въ принципѣ нація обнимаетъ собою всѣхъ гражданъ, на дѣлѣ же только часть ихъ. Матеріальная обезпеченность служитъ признакомъ политической правоспособности; бѣдные лишены всякаго участія въ верховной власти.

Законъ 22 декабря 1789 г. различаетъ три рода активныхъ гражданъ: 1) Чтобы быть избирателемъ перваго разряда, т. е. имѣть право голоса въ первичныхъ собраніяхъ, нужно было быть 25-ти лѣтъ отъ роду, имѣть осѣдлость въ данной мѣстности втеченіе года, не находиться въ услуженіи за жалованье и платить налогъ, равный по мѣстнымъ условіямъ трехдневной заработной платѣ. Число такихъ активныхъ гражданъ всего королевства по декрету 27 и 28 мая 1791 г. равнялось 4.298.360. 2) Чтобы попасть въ избирательное собраніе (assemblée électorale) или на муниципальныя должности начальника округа и департамента, нужно было уплачивать въ качествѣ прямыхъ налоговъ сумму, равную по мѣстнымъ условіямъ десятидневной заработной платѣ. 3) Чтобы получить право быть избраннымъ въ національное собраніе, надо было платить «въ видѣ прямого налога сумму въ одну марку серебра (около 50-ти ливровъ) и кромѣ того имѣть земельную собственность». Противъ декрета о маркѣ серебра поднялся такой ропотъ, что при пересмотрѣ конституціонныхъ законовъ въ 1791 г. учредительное собраніе рѣшилось отмѣнить его и постановило, что право быть депутатомъ въ національномъ собраніи принадлежитъ всѣмъ активнымъ гражданамъ. Но наряду съ этимъ оно дѣлало требованія ценза еще болѣе обременительными, декретируя, что для права участвовать въ избирательномъ собраніи, которое назначало депутатовъ и члены котораго избирались на первичныхъ департаментскихъ собраніяхъ, нужно было быть собственникомъ или узуфруктуаріемъ имѣнія, доходы съ котораго оцѣнены въ окладныхъ книгахъ въ сумму, равную по мѣстнымъ условіямъ 200-дневной заработной платѣ въ городахъ съ населеніемъ свыше 6000 жителей, и 150-дневной заработной платѣ въ городахъ съ меньшимъ числомъ жителей; или-же снимать помѣщеніе, доходность котораго для владѣльца опредѣлена въ тѣхъ-же окладныхъ книгахъ суммою, равной заработной платѣ за 100— 150-ти дневную работу, смотря по населенности города; или-же, наконецъ, быть арендаторомъ или фермеромъ земель, стоимость которыхъ равнялась-бы 400-мъ рабочимъ днямъ. Та-

кимъ образомъ мало по малу выдѣляется новый привилегированный классъ, который впослѣдствіи, въ противоположность массѣ народа,—сталъ называться *буржуазіей*, и самое существованіе котораго противорѣчило тому параграфу декларацін правъ, который утверждалъ, «что люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ».

Организація законодательной власти. Новой конституціей вводился законодательный корпусъ или однопалатное національное собраніе, которое должно было предлагать и декретировать государственные расходы и доходы, рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ и ратификовать договоры. Не говоря о томъ, что личность депутата была неприкосновенна, исполнительная власть была не вправѣ держать и даже проводить регулярныя войска ближе, чѣмъ на 30,000 туазъ (около пяти верстъ) отъ мѣста засѣданія законодательнаго корпуса; отступленія могли быть допущены только съ его разрѣшенія или по его собственному требованію.

Какъ мы уже видѣли, выборы депутатовъ были двухстепенные. Всѣ активные граждане каждаго кантона собирались въ одно или нѣсколько *первичныхъ собраній* и назначали одного выборщика на 150 активныхъ гражданъ; эти выборщики въ свою очередь собирались въ департаментское собраніе и избирали депутатовъ въ національное собраніе, общее число которыхъ должно было доходить приблизительно до 750 человѣкъ. Такимъ именно образомъ было избрано въ сентябрѣ 1791 г. національное законодательное собраніе, смѣнившее конституанту.

Муниципальная организація. Санкціонируя іюльскую муниципальную революцію 1789 г., національное собраніе постановило 12 ноября, что «въ каждомъ городѣ, бургѣ, приходѣ и селеніи должно быть введено муниципальное устройство». Декретомъ 14 декабря были установлены главныя положенія этой системы. Члены новой муниципальной администраціи, въ томъ числѣ и мэръ, избираются непосредственно активными гражданами; число членовъ находится въ зависимости отъ численности населенія. Среди нихъ слѣдуетъ различать: членовъ *муниципальнаго корпуса; нотаблей* (въ удвоенномъ количествѣ), мэра, прокурора коммуны и, если число жителей дѣлало это необходимымъ, его товарища. Соединенное засѣданіе нотаблей и муниципальнаго корпуса образовывало *общій совѣтъ коммуны.* Въ городахъ, бургахъ, приходахъ и сельскихъ обществахъ, насчитывавшихъ у себя свыше 500 душъ, муниципальный корпусъ распадался на *бюро*, состоявшее изъ одной трети всѣхъ членовъ (въ томъ числѣ мэра), и *совѣта*, въ который входили остальныя двѣ трети. Какъ члены муниципальнаго корпуса, такъ и нотабли избирались на два года, но не могли быть переизбраны на слѣдующее двухлѣтіе. Прокуроръ-же, также избираемый на два года, не былъ лишенъ этого права.

Права, предоставленныя законодателемъ муниципальной администраціи, были двояки: одни были неоспоримо чисто муниципальными, другія же, по существу дѣла принадлежащія центральной администраціи, были только ввѣрены муниципальнымъ властямъ. Первыя заключались въ управленіи общественной собственностью и доходами, въ упорядоченіи расходовъ и завѣдываніи платежами изъ общественныхъ суммъ, въ распоряженіи работами, лежащими на обществѣ, въ хозяйственномъ управленіи учрежденій, принадлежащихъ коммунѣ, и въ обезпеченіи за обывателями преимуществъ, связанныхъ съ образцовой организаціей полиціи. Вторыми же слѣдуетъ признать распредѣленіе и взиманіе прямыхъ налоговъ, передачу ихъ въ окружную или департаментскую кассу, распоряженіе общественными сооруженіями, управленіе общественными учрежденіями, попеченіе о сохранности общественной собственности, находящейся въ подвѣдомственномъ муниципалитету округѣ, непосредственное наблюденіе за ремонтомъ и перестройкой церквей, церковныхъ домовъ и другихъ предметовъ, относящихся къ религіознымъ культамъ. Во всемъ, что касалось первой категоріи правъ, муниципальныя власти были поставлены только «подъ наблюденіе и инспекцію» окружной и департаментской администраціи; при осуществленіи же вторыхъ они были «вполнѣ подчинены». Всѣ указанныя права принадлежали собственно муниципальному корпусу; нотабли присоединялись къ нему для образованія *общаго совѣта* лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о чрезвычайномъ обложеніи, о займахъ, процессахъ, пріобрѣтеніи и отчужденіи имуществъ и

т. п. Прибавимъ еще, что муниципальный корпусъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ право призывать къ себѣ на помощь національную гвардію и другія военныя силы страны.

Это муниципальное законодательство не только уничтожало пестрыя системы самоуправленія стараго порядка, но клало также предѣлъ фактическому самоуправству многихъ коммунъ, которыя во время іюльской революціи 1789 г. присвоили себѣ государственную власть во всей ея полнотѣ; муниципальное законодательство національнаго собранія упорядочило эту революцію и предоставило коммунамъ широкія права, вносившія живую струю въ мѣстное самоуправленіе. Съ другой стороны, подчиненіе коммунъ округамъ и департаментамъ, которое желалъ ввести законодатель, либо оказывалось фиктивнымъ, либо приводило къ пререканіямъ и распрямъ, исторія которыхъ въ значительной степени совпадаетъ съ исторіей революціи. Мы уже видѣли, что самоуправленіе было чуждо эгоизма и сепаратизма, что, напротивъ, оно могуче содѣйствовало сліянію отдѣльныхъ земель въ единое отечество; департаментская же администрація не замедлила проявить стремленіе къ федерализму. Коммуны играли роль революціонныхъ объединителей Франціи.

Въ Парижѣ муниципальная организація была окончательно введена спеціальнымъ закономъ 21 мая 1790 г. послѣ двухъ неудавшихся попытокъ временнаго устройства съ раздѣленіемъ города на самостоятельные дистрикты. Разсказывать исторію этихъ попытокъ было бы слишкомъ долго; достаточно сказать, что законъ 21 мая 1790 года, по своимъ принципамъ совершенно тождественный съ закономъ, опредѣлявшимъ муниципальное положеніе провинціи, уничтоживъ дѣленіе на 60 дистриктовъ, раздѣлилъ Парижъ на 48 секцій, которыя назначали различныхъ членовъ парижскаго муниципалитета, а впослѣдствіи,—подобно дистриктамъ, — стали вмѣшиваться и во многія другія дѣла. Исторія парижской коммуны сливается съ общей исторіей революціи.

Раздѣленіе Франціи на департаменты.— Общественное мнѣніе чрезвычайно опредѣленно высказалось—и въ наказахъ, и иными путями—противъ пестроты, запутанности и противорѣчивости существовавшаго до тѣхъ поръ административнаго дробленія Франціи. Послѣ того, какъ цѣлыя провинціи, земли и города отказались отъ своихъ привилегій, учредительное собраніе рѣшило уничтожить существующее дѣленіе и ввести новое, единообразное, удобное и въ политическомъ, и въ соціальномъ, отношеніи. Оно постановило (11 и 12 ноября 1789 г.) раздѣлить королевство на департаменты и дистрикты; департаментовъ должно было быть 75 — 85. Вопросъ о томъ, какой принципъ положить въ основаніе этого дѣленія, породилъ безконечныя пренія. Сперва, казалось, что одинъ только чисто геометрическій, раціональный методъ можетъ внести порядокъ въ хаосъ, существовавшій при старомъ порядкѣ; но мало по малу стали отдавать предпочтеніе другому — экспериментальному и въ нѣкоторомъ родѣ историческому методу. Было рѣшено, насколько возможно, сохранить границы прежнихъ провинцій, а выработку проекта новаго дѣленія предоставили тѣмъ депутатамъ, которые, по положенію своихъ избирательныхъ округовъ, были лучше, чѣмъ кто-либо, освѣдомлены о положеніи провинціи и являлись ея представителями. Такимъ образомъ провинціи сами черезъ своихъ представителей раздробились на департаменты. Когда встрѣчалась необходимость «согласовать интересы» двухъ провинцій, отмежевать или уступить часть территоріи, дѣло улаживалось къ общему удовольствію депутатами соотвѣтственныхъ провинцій. Вообще, границы тѣхъ провинцій, которыя въ прошломъ имѣли тѣсную внутреннюю связь, какъ напр. Бретань, Эльзасъ, Франшъ-Контэ, Провансъ, Дофинэ и т. п., по возможности соблюдались; департаменты, образованные изъ обрѣзковъ нѣсколькихъ провинцій, представляли исключеніе. Не мало было споровъ, но недоразумѣнія улаживались легко. 15 января 1790 г. учредительное собраніе могло уже декретировать раздѣленіе Франціи на 83 департамента, а 26 февраля того же года оно опредѣлило наименованія департаментовъ, заимствовавъ ихъ отъ рѣкъ и возвышенностей, находящихся въ ихъ предѣлахъ; исключеніе въ этомъ отношеніи составилъ только одинъ департаментъ, именно парижскій, принявшій имя столицы. Мѣропріятіе это было встрѣчено не только безъ возраженій, но даже съ признательностью. Распри и споры породилъ только вопросъ о томъ, какіе

именно города должны быть признаны административными, судебными и церковными центрами отдѣльныхъ дистриктовъ и департаментовъ. Конституантѣ пришлось въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ департаментахъ ввести временную систему *очередей*, отмѣненную 11 сентября, когда главные города были окончательно установлены.

Администрація департаментовъ и дистриктовъ. — Закономъ 22 декабря 1789 г. въ каждомъ департаментѣ вводилось высшее административное собраніе подъ названіемъ *администраціи департамента*, а въ каждомъ дистриктѣ низшее административное собраніе, подъ названіемъ *администраціи дистрикта*. Первое состояло изъ 36 членовъ, избираемыхъ тѣмъ-же избирательнымъ собраніемъ, какъ и депутаты національнаго собранія; второе-же состояло изъ 12 членовъ, назначенныхъ тѣми же выборщиками, но раздробленными на нѣсколько собраній по числу дистриктовъ. Эти административныя собранія обновлялись каждые два года въ два пріема. Кромѣ того въ каждой администраціи департамента былъ *генеральный прокуроръ-синдикъ*, а въ каждой администраціи дистрикта — *прокуроръ-синдикъ*, избираемые тѣмъ же путемъ. Департаментскія собранія сами назначали своихъ президентовъ и раздѣлялись на двѣ секціи: одну исполнительную, — *управленіе департамента* или *управленіе дистрикта*, — другая совѣщательная, — *совѣтъ департамента* или *совѣтъ дистрикта*. Управленіе засѣдало постоянно; совѣты же собирались только на время: департаментскіе — на одинъ мѣсяцъ въ годъ, а окружные — на двѣ недѣли. Дистриктъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиненъ департаменту.

Администраціи департаментовъ имѣли два рода функцій: 1) на нихъ была возложена обязанность распредѣлять подъ наблюденіемъ законодательнаго корпуса и согласно его декретамъ прямые налоги между отдѣльными дистриктами, которые въ свою очередь должны были распредѣлять ихъ между муниципалитетами, составлять окладныя книги и разверстывать подати между плательщиками каждаго муниципалитета, наблюдать и контролировать взиманіе податей и передачу ихъ въ казну, а также слѣдить за платежемъ расходовъ; 2) съ разрѣшенія и подъ наблюденіемъ короля они должны были вѣдать всѣ остальныя административныя, т. е. несудебныя, дѣла департамента.

Администраціи дистриктовъ принимали участіе въ этихъ дѣлахъ лишь по приглашенію администраціи департамента.

Власть генеральныхъ прокуроровъ синдиковъ и прокуроровъ синдиковъ не была точно опредѣлена. Всякій докладъ долженъ быть предварительно представленъ имъ, и никакое рѣшеніе не могло быть постановлено, прежде чѣмъ они выскажутъ свое мнѣніе. Ихъ избирали активные граждане и на нихъ возлагалась обязанность быть адвокатами націи. На практикѣ ихъ роль была то совершенно ничтожна, то очень значительна, въ зависимости отъ ихъ личныхъ свойствъ и мѣстныхъ условій.

Между этими административными собраніями и центральнымъ правительствомъ не было никакихъ посредствующихъ звеньевъ; должности коммиссаровъ, интендантовъ и ихъ намѣстниковъ были формально отмѣнены учредительнымъ собраніемъ. Распорядительная и наблюдательная власть короля, въ принципѣ провозглашенная закономъ, была чистой фикціей, такъ какъ король не имѣлъ реальной возможности вліять на администрацію департаментовъ, а министры стояли слишкомъ далеко отъ департаментовъ, чтобы слѣдить за всѣми подробностями текущихъ дѣлъ; точно также и департаменты не имѣли первое время никакихъ легальныхъ средствъ держать въ повиновеніи муниципалитетъ. Правда, законъ 15 марта 1791 года уполномочилъ короля смѣщать въ особо важныхъ случаяхъ членовъ департаментскихъ и окружныхъ управленій, а департаментскія управленія получили то же право по отношенію къ управленіямъ окружнымъ; но, за исключеніемъ бунтовъ, законъ не указывалъ путей для предупрежденія и наказанія за небрежное веденіе дѣлъ и для поддержанія іерархическаго авторитета. Казалось, все должно было содѣйствовать какой-то анархіи, отнюдь не входившей въ виды учредительнаго собранія. Она стремилась только уменьшить чрезмѣрную централизованность правительства, которая ставилась общественнымъ мнѣніемъ въ особый упрекъ старому порядку. Лишая короля возможности возстановить свой деспотизмъ съ необходимымъ спутникомъ его — централизаціей, они обрекли исполнительную власть на полную бездѣятельность. Именно съ этой

точки зрѣнія можно признать такъ называемую конституцію 1791 г. скорѣе орудіемъ борьбы противъ двора, чѣмъ осуществленіемъ политической системы.

Суды.—Уничтоживши всѣ судебныя учрежденія стараго порядка, учредительное собраніе постановило, что впредь всѣ судьи будутъ избираться на срокъ людьми, имъ подсудными и что судъ будетъ отправляться отъ имени короля; новая система была построена на принципахъ декларацiи правъ. Гражданская юстиція была организована декретомъ 16 августа 1790 г. Первое мѣсто конституанта предоставила *третейскому суду*, какъ наиболѣе разумному способу заканчивать споръ между гражданами; но это была лишь факультативная юрисдикція. Въ каждомъ кантонѣ былъ *мировой судья*, избранный, такъ же какъ и его *ассесоры* (засѣдатели, помощники), активными гражданами изъ среды гражданъ, имѣющихъ право быть избранными, на двухлѣтній срокъ безъ права переизбранія. Ему были подсудны безъ права апелляціи иски цѣною до пятидесяти ливровъ, а съ правомъ апелляціи къ судьямъ дистрикта — до ста ливровъ. Въ каждомъ округѣ была гражданская палата, состоящая изъ пяти судей, избираемыхъ на шесть лѣтъ съ правомъ переизбранія. Окружныя палаты были другъ для друга апелляціонными инстанціями. Что-же касается уголовнаго суда, то было установлено три степени суда: 1) судъ *простой полиціи*, вѣдавшій *нарушенія* и ввѣренный муниципалитетамъ; 2) судъ *исправительной полиціи*, вѣдавшій *проступки* и порученный мировому судьѣ и его асессорамъ; 3) судъ *уголовный*, вѣдавшій *преступленія* и ввѣренный уголовной палатѣ; такія палаты были въ каждомъ департаментѣ, засѣдали всегда въ одномъ и томъ-же мѣстѣ и состояли изъ трехъ судей, назначенныхъ избирательнымъ собраніемъ и президента, выбраннаго тѣмъ-же путемъ.

Армія; гвардія короля; жандармерія.—Мы уже видѣли, что конституанта до основанія разрушила административныя и судебныя учрежденія стараго порядка; нельзя того-же сказать и про организацію военныхъ силъ. Хотя она и упразднила милицію (12 іюня 1790 г.) и провинціальные полки (4 марта 1791 г.), она тѣмъ не менѣе сохранила основныя особенности королевской арміи и отказалась отъ мысли ввести національную армію, какъ предлагалъ Дюбуа-Крансэ. Отличительною чертою королевской арміи было то, что она состояла изъ наемниковъ. Было предложено ввести рекрутскій наборъ, но собраніе не дало своего согласія и торжественно высказалось за существующій порядокъ (16 декабря 1789 г.); однако декретомъ 9 марта 1791 года, регламентировавшимъ вербовку солдатъ, оно прекратило наиболѣе возмутительныя злоупотребленія. Согласіе на поступленіе въ солдаты, данное въ состояніи опьяненія, вынужденное обманомъ или насиліемъ, съ этихъ поръ должно было быть признано недѣйствительнымъ. Запрещалось вербовать дезертировъ, бродягъ, нищихъ, людей подозрительныхъ и иностранцевъ, которые могли быть приняты только въ «бывшіе—нѣмецкій, ирландскій и люттихскій» полки. Запрещалось вступать въ военную службу лицамъ моложе шестнадцати и старше сорока лѣтъ въ мирное и старше сорока пяти лѣтъ въ военное время. Срокъ обязательства опредѣлялся въ восемь лѣтъ. Вторично можно было поступить не болѣе, чѣмъ на два или четыре года. Къ 1 января 1791 года армія должна была состоять изъ 110590 человѣкъ инфантеріи и 3040 кавалеристовъ, не считая артиллеристовъ и инженеровъ. Страхъ передъ вмѣшательствомъ Европы во внутреннія дѣла страны побудилъ впослѣдствіи конституанту увеличить военныя силы; 28 іюля 1791 г. она декретировала наборъ 100000 вспомогательныхъ солдатъ на трехгодичный срокъ.

Число генераловъ не должно было превышать 94-хъ. Впредь на дѣйствительной службѣ должно было состоять только 6 маршаловъ и 30 генералъ-лейтенантовъ. Названія высшихъ чиновъ были сохранены (ихъ измѣнилъ конвентъ), но имена полковъ были замѣнены номерами. Иноземная стража при дворцахъ короля была обращена въ обще-французскіе полки; всѣ заинтересованные были вознаграждены за понесенные убытки. Вознагражденіе солдатъ было увеличено на 32 денье (около 3 копѣекъ) въ день. Наименованіе *bas-officiers* (низшаго офицера) было измѣнено въ *sous-officiers* (унтеръ-офицеръ). Былъ изданъ указъ, чтобы всѣ знамена были трехцвѣтны и носили на себѣ слова: *дисциплина и повиновеніе закону*.

Но всего существеннѣе конституанта измѣнила военную организацію стараго по-

рядка въ вопросѣ о способѣ повышенія въ чинахъ. Унтеръ-офицеры назначались въ каждомъ полку полковникомъ по списку кандидатовъ, составленному унтеръ-офицерами, находящимися при исполненіи обязанностей, и ротмистрами. Что-же касается офицерскихъ должностей, то въ каждомъ полку изъ четырехъ вакансій подпоручиковъ одна представлялась унтеръ-офицеру, попеременно по старшинству или по выбору начальства; остальныя же три мѣста замѣщались путемъ публичнаго конкурснаго экзамена. Только выслуга открывала доступъ къ должностямъ лейтенанта и ротмистра. Повышеніе ротмистра въ чинъ подполковника производилось по отношенію къ двумъ третямъ—за выслугу, а къ одной трети—по выбору короля. Тѣмъ же правиламъ подлежали и подполковники. Генералъ-маіоры и генералъ-лейтенанты назначались отчасти за выслугу лѣтъ, отчасти по выбору короля. Возведеніе въ чинъ фельдмаршала всецѣло предоставлялось королю. Король былъ провозглашенъ верховнымъ главой всей арміи; но эта армія не была болѣе въ его полномъ распоряженіи, не онъ назначалъ всѣхъ ея начальниковъ; она уже не была арміей короля. Будучи предназначена главнымъ образомъ для защиты противъ внѣшнихъ враговъ, по требованію гражданскихъ и вообще мѣстныхъ властей, она могла выступать внутри страны для поддержанія порядка и повиновенія законамъ. Наконецъ, во избѣжаніе участія войскъ въ политической борьбѣ, было постановлено въ особомъ параграфѣ конституціи, «что войску прежде всего предписывается повиновеніе и что вооруженный отрядъ не имѣетъ права совѣщаться». Какъ солдаты, такъ и офицеры были обязаны приносить гражданскую присягу. Цѣлымъ рядомъ декретовъ вводилась строжайшая дисциплина, а въ послѣднія свои засѣданія собраніе вотировало чрезвычайно суровый «кодексъ военныхъ проступковъ и наказаній».

Старинная гвардія (maison militaire) короля и принцевъ крови потеряла свое прежнее значеніе въ виду распущенія такихъ привилегированныхъ отрядовъ, какъ французская гвардія и тѣлохранители а также благодаря включенію одной изъ ея частей въ составъ жандармеріи (gardes de la prévôté de l'hôtel du roi). Былъ сохраненъ только отрядъ швейцарцевъ, которыхъ приходилось держать до истеченія срока договора. Королевская гвардія (maison du roi) была замѣнена *конституціонной гвардіей*; кромѣ того въ резиденціи короля мѣстная національная гвардія должна была выставлять *почетный караулъ*. Конституціонная гвардія, оплачиваемая изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе короля, должна была состоять не болѣе, какъ изъ 1200 человѣкъ пѣхоты и 600 человѣкъ конницы, назначенныхъ по выбору самого короля изъ числа армейцевъ или національныхъ гвардейцевъ и подчиненныхъ тѣмъ-же правиламъ о повышеніи въ чинахъ, какъ и остальныя линейныя войска.

Марешоссэ получила наименованіе *національной жандармеріи* и была раздѣлена на 28 дивизіоновъ. Чтобы поступить въ жандармы, надо было быть по крайней мѣрѣ двадцати-пяти лѣтъ, умѣть читать и писать и имѣть «свидѣтельство о безпорочной службѣ въ линейныхъ войскахъ». Управленіе каждаго департамента составляло списки кандидатовъ на службу въ жандармерію, руководствуясь которыми полковникъ, стоящій во главѣ дивизіона, выбиралъ пять человѣкъ; онъ представлялъ ихъ управленію, которое указывало того изъ нихъ, содержаніе котораго ложилось на короля. Управленія принимали участіе и въ награжденіи ихъ чинами.

Національная гвардія; волонтеры.—Національная гвардія была однимъ изъ тѣхъ учрежденій, которыя самопроизвольно зародились (какъ выражались въ то время) на почвѣ іюльской муниципальной революціи 1789 г. Организація ея была не одинакова въ различныхъ мѣстностяхъ, и конституанта долго колебалась дать-ли ей одинъ общій уставъ. Только 29 сентября 1791 г. наканунѣ закрытія своихъ засѣданій она сдѣлала такой шагъ. Всѣ активные граждане должны записываться на службу національной гвардіи, подъ страхомъ лишенія политическихъ правъ. Пассивные-же граждане, уже служившіе въ національной гвардіи, и впредь сохраняютъ это право. Національная гвардія раздѣляется по округамъ и кантонамъ. «Ни подъ какимъ предлогомъ, говорится въ декретѣ, она не можетъ группироваться по департаментамъ или раздробляться по коммунамъ; послѣднее допустимо только въ большихъ городахъ». Каждый батальонъ распадался на четыре роты, а совокупность всѣхъ батальоновъ (но не болѣе 8 или 10) одного округа со-

ставляла *легіонъ*, во главѣ котораго стоялъ *начальникъ легіона*. Въ большихъ городахъ были главные начальники легіоновъ, избираемые активными гражданами; остальныя должности также замѣщались путемъ выборовъ. Знамена были трехцвѣтныя съ надписью: *Французскій народъ. Или свобода, или смерть.* Функціи національной гвардіи заключались въ «возстановленіи порядка и поддержаніи повиновенія законамъ», по требованію установленныхъ властей. Имъ было воспрещено всякое совмѣстное обсужденіе дѣлъ, — будь то дѣла государственныя, департаментскія, окружныя, коммунальныя или даже касайся они внутреннихъ распорядковъ самой національной гвардіи. Въ каждомъ батальонѣ былъ свой *дисциплинарный совѣтъ*. Согласно этому закону, парижская національная гвардія состояла изъ шести легіоновъ по десяти батальоновъ въ каждомъ (съ двумя пушками на батальонъ), всего 32.600 человѣкъ. Два дивизіона національной жандармеріи, — одинъ конный, другой — пѣшій, — три линейныхъ полка и два батальона легкой пѣхоты составляли дополнительныя военныя силы Парижа.

Изъ среды національной гвардіи вышли *волонтеры*, составившіе какъ бы вторую дѣйствующую армію на ряду съ линейными полками. На другой день послѣ бѣгства короля (21 іюня 1791 г.) учредительное собраніе предложило національнымъ гвардейцамъ выдѣлить изъ своей среды дѣятельную національную гвардію; волонтеры были раздѣлены на батальоны (по 568 человѣкъ въ каждомъ), которые въ свою очередь раздѣлялись на девять ротъ, изъ которыхъ одна была — гренадерская, а восемь — фузилерскихъ (стрѣлковыхъ); офицеры избирались баллотировкой. Другіе батальоны волонтеровъ были составлены въ 1792 и 1793 годахъ [1].

III. Революція и король.

1790 годъ. Описывая нововведенія учредительнаго собранія, мы предвосхитили событія 1790 года. То былъ переломъ между старымъ и новымъ порядкомъ. Новое зданіе государственной жизни приходилось возводить среди рухнувшихъ, но все еще грозныхъ громадъ средневѣковой Франціи. Послѣ того, какъ Людовикъ XVI-й торжественно призналъ конституцію (4 февраля 1790 г.), у привиллегированныхъ и ихъ приверженцевъ была отнята всякая надежда однимъ ударомъ сломить революцію. Волей-неволей они должны были добиваться меньшаго. Пытаясь затормозить поступательный ходъ общественной жизни, они то хватались за немногія, уцѣлѣвшія еще учрежденія стараго порядка вродѣ парламентовъ (конституанта покончила съ ними только 7 сент. 1790 г.), то злоупотребляя нововведеніями, напр. свободой слова и печати, и забрасывая грязью своихъ противниковъ. Но нигдѣ антагонизмъ между старымъ порядкомъ и революціей не былъ такъ силенъ, какъ въ арміи: офицеры были естественными представителями стараго міровоззрѣнія, солдаты явно склонялись къ новому строю. Возмущеніе швейцарскаго полка Шатовьё въ Нанси было однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ эпизодовъ этого броженія. Несмотря на усилія конституанты укрѣпить армію путемъ реформъ, на дѣлѣ она была совершенно дезорганизована эмиграціей офицеровъ и своевольствомъ солдатъ. Слѣдуетъ однако сознаться, что такое разложеніе арміи было столь-же пагубно для «аристократовъ» (оно лишало ихъ лучшей опоры), насколько оно было благопріятно мощному росту новой Франціи. Будь въ рукахъ приверженцевъ стараго порядка прежняя дисциплинированная королевская армія, не знакомая съ новшествами послѣдняго времени, они не задумались-бы возбудить братоубійственную междоусобную войну и тѣмъ-либо прервали-бы, либо, по меньшей мѣрѣ, задержали-бы прогрессивное развитіе страны. Къ счастью, новый духъ захва-

[1]) Мы оставляемъ пока въ сторонѣ церковныя и финансовыя нововведенія конституанты. Мы коснемся ихъ въ главахъ о религіозной и экономической исторіи революціи.

тилъ и армію—и это не мало содѣйствовало успѣху революціи. Въ 1790 г. были кое-гдѣ мѣстныя волненія, но ихъ не удалось раздуть въ обще-гражданскую войну и распространить на всю Францію. Новый порядокъ не встрѣчалъ на своемъ пути почти ничего другого, кромѣ общаго сочувствія,—фактъ, единодушно отмѣченный чуть не всѣми иностранными наблюдателями.

Праздникъ федераціи 14 іюля 1790 г. Достойнымъ и яркимъ проявленіемъ этого единодушія всей Франціи было грандіозное торжество 14 іюля 1790 г. Мы уже неоднократно указывали, что муниципальная революція 1789 г., начавшаяся подъ впечатлѣніемъ парижскаго возстанія въ іюлѣ 1789 г., съ первыхъ-же шаговъ своихъ повела къ сближенію и объединенію сначала—отдѣльныхъ городовъ, а потомъ —и цѣлыхъ провинцій. Отнюдь не нося характера обособленности, это общественное движеніе прямо-таки сливало и сплачивало въ одно великое отечество—разъединенныя территоріальныя единицы, каждая изъ которыхъ была раньше особой «родиной» для своего населенія. Когда 9 іюня 1790 г. національное собраніе постановило 14 числа слѣдующаго мѣсяца отпраздновать патріотическую федерацію, то оно лишь дало выходъ самопроизвольному движенію, начавшемуся и выросшему въ низинахъ всего французскаго народа. Состоялись какъ-бы новые выборы, на которыхъ страна освятила и утвердила революцію. До этого знаменательнаго событія враги ея могли еще утверждать, ссылаясь на отсутствіе въ наказахъ 1789 г. категорической революціонной программы,—будто, имѣй Франція возможность высказаться, она не одобрила-бы совершившагося переворота. Теперь страна имѣла эту возможность, и отвѣтъ ея носилъ столь недвусмысленный характеръ, что долженъ былъ разсѣять послѣднія сомнѣнія. Каждая «часть» («ressort») національной гвардіи избирала изъ среды 200 по 6 человѣкъ, которые, въ свою очередь, собравшись въ главномъ городѣ дистрикта, назначали одного депутата на каждые 200 человѣкъ, если округъ находился на разстояніи менѣе ста льё отъ Парижа, и одного на 400 человѣкъ, если округъ находился въ большемъ разстояніи. Такимъ образомъ составилось собраніе въ нѣсколько тысячъ депутатовъ отъ всей Франціи, имена которыхъ были оглашены. Къ участію въ этой федераціи были допущены армія и флотъ: каждый полкъ могъ послать своего старѣйшаго офицера и унтеръ-офицера и 4-хъ старшихъ солдатъ; моряки, стоявшіе въ это время въ военныхъ портахъ, получили такое-же представительство. Замѣтимъ—между прочимъ, что послѣдствіемъ этихъ мѣръ было распространеніе революціонныхъ идей. Возвращаясь къ своимъ командамъ, депутаты приносили съ собой заразу новыхъ воззрѣній; въ своихъ *Мемуарахъ* маркизъ де-Буйе съ горечью отмѣчаетъ, что, начиная съ праздника федераціи, даже иностранные солдаты, не говорившіе по-французски, стали выходить изъ повиновенія. Отнынѣ будетъ уже невозможно обратить армію противъ націи.

Какъ только федераты прибыли въ Парижъ, они организовались въ своего рода совѣщательное собраніе съ президентомъ (Лафайетъ) и секретарями. Они выражали отъ лица своихъ избирателей единодушное сочувствіе революціи, писали адреса и отправляли депутаціи къ королю и собранію, но, какъ и большинство французовъ того времени, они соединяли патріотизмъ съ вѣрностью монархіи. По отношенію къ Парижу, которому принадлежала инниціатива движенія, они не только не проявляли недовѣрія или зависти, но даже выразили ему свою признательность, раздѣляя труды парижской національной гвардіи по отбыванію карауловъ при національномъ собраніи, Тюльерійскомъ дворцѣ и городской ратушѣ (думѣ). Во многихъ произведеніяхъ того времени можно найти подробное описаніе церемоній на Марсовомъ полѣ, когда Талейранъ, епископъ отэнскій, служилъ обѣдню на «алтарѣ отечества». Но истинное значеніе и характеръ всего торжества выясняются только изъ оффиціальнаго протокола; къ сожалѣнію, невозможно привести его цѣликомъ. Въ лицѣ своего президента Лафайета федераты поклялись оставаться вѣрными націи, закону и королю и всѣми силами поддерживать конституцію, выработанную національнымъ собраніемъ. Президентъ національнаго собранія принесъ ту же присягу. Когда очередь дошла до короля, онъ сказалъ: «я, король французовъ, клянусь употреблять всю власть, которою я облеченъ въ силу конституціоннаго закона страны, на поддержаніе конституціи, декретированной національнымъ собраніемъ и принятой мною, и на соблюденіе законовъ».

Его слова были встрѣчены восторженными кликами. Федераты обнимались. Они производили впечатлѣніе, говорится въ протоколѣ, «братьевъ, поклявшихся другъ другу въ нерушимой вѣрности и вѣчной дружбѣ». Идея единаго отечества воплотилась, и люди снова поддались иллюзіи, будто революція закончена.

Эмиграція.—Тѣмъ не менѣе часть французовъ отказалась присоединиться къ федеративному договору, признать своимъ то отечество, которое создала революція, и покинула предѣлы королевства, создавъ такимъ образомъ Францію внѣшнюю, вооруженную противъ Франціи обновленной: мы говоримъ объ эмиграціи. Примѣръ подалъ графъ Артуа,—младшій братъ короля, удалившійся немедленно послѣ взятія Бастиліи; за нимъ послѣдовали князь Кондэ, герцогъ Бурбонскій, герцогъ Ангіэнскій, а затѣмъ движеніе охватило всю массу дворянъ, торопившихся выселяться подъ давленіемъ послѣдующихъ событій,—успѣховъ муниципальной революціи, поджоговъ замковъ, паденія феодализма и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе декрета отъ 19 іюня 1790 г., отмѣнившаго наслѣдственное дворянство, запретившаго носить и употреблять титулы князей, герцоговъ, графовъ, маркизовъ, виконтовъ, бароновъ, кавалеровъ, господъ, дворянъ и т. п. выраженія. Никто изъ гражданъ не смѣлъ величать себя иначе, какъ по имени своей семьи. Воспрещалось носить ливрею и одѣвать въ нее свою прислугу, а также имѣть гербы. Этотъ декретъ страшно оскорбилъ тщеславіе дворянъ и далъ самый сильный толчокъ эмиграціи. Отрѣшеніе короля отъ власти въ іюнѣ 1791 г. вызвало новый потокъ эмиграціи (не считая даже бѣгства старшаго изъ братьевъ короля), а къ концу засѣданій національнаго собранія покинули родину и многіе члены «правой». Эта эмиграція носила характеръ феодальнаго протеста, хотя Калоннъ, игравшій среди эмигрантовъ роль государственнаго дѣятеля, усиленно отрекался отъ приписываемаго ему стремленія возстановить старый порядокъ во всей его полнотѣ. Не слѣдуетъ впрочемъ смѣшивать эту демонстративную придворную эмиграцію съ удаленіемъ такихъ либеральныхъ, но робкихъ политическихъ дѣятелей, какъ Мунье и Лалли-Толлендаль, которые покинули родину послѣ октябрьскихъ событій, но никогда не примыкали къ сторонникамъ князей и аристократовъ.

Въ то время, какъ князь Кондэ организовалъ на Рейнѣ военныя силы эмигрантовъ, графъ Артуа (со своимъ совѣтникомъ Калонномъ) жилъ въ Туринѣ у своего тестя, короля Сардинскаго. Онъ слѣдилъ за волненіями, возбуждаемыми роялистами внутри Франціи, и поощрялъ ихъ независимо отъ того, были-ли то, какъ почти повсемѣстно, религіозныя смуты, принявшія особенно большіе размѣры въ Нимѣ и Лозерѣ (гдѣ онѣ закончились грознымъ сборищемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Жалесскаго стана*), или политическіе и соціальные мятежи, какъ въ Перпиньянѣ, Эльзасѣ, Брестѣ, Монтобанѣ и Керси (гдѣ феодалы пытались удержать свое значеніе послѣ ночи на 4 августа). Графъ Артуа замышлялъ вторженіе во Францію въ союзѣ съ иностранными державами, которыя обнадеживали его своими обѣщаніями. Однако дворъ опасался эмигрантовъ; ни Людовикъ XVI, ни Марія-Антуанетта не хотѣли содѣйствія эмигрантовъ въ дѣлѣ возстановленія королевской власти, а ихъ тайная дипломатія, шедшая въ разрѣзъ съ планами графа д'Артуа, побуждала императора отказывать имъ въ военной поддержкѣ. Имѣя въ виду проекты контръ-революціи, приведшіе въ концѣ концовъ къ бѣгству въ Вареннъ (іюнь 1791), Людовикъ XVI желалъ получить вооруженную помощь, но безъ всякаго посредничества и содѣйствія аристократіи.

Въ самой Франціи патріоты были страшно раздражены угрозами и наглостью эмигрантовъ; ихъ вызывающее и безтактное поведеніе объединило общественное мнѣніе и обезпечило успѣхъ революціи внутри страны. Съ другой стороны, сама конституанта пыталась своими миролюбивыми заявленіями успокоить Европу, которую эмигранты стремились возбудить противъ Франціи. 22 мая 1790 г. она декретировала, «что французская нація не намѣрена предпринимать войнъ съ завоевательными цѣлями»; если она тѣмъ не менѣе включила въ свои владѣнія Авиньонъ и графство Венэссенъ (14 сентября 1791 г.), то только потому, что сами жители подали голосъ за присоединеніе своихъ земель къ Франціи. Что же касается эмиграціи, то вначалѣ собраніе не рѣшалось принять общихъ крутыхъ мѣръ противъ права свободнаго выѣзда за гра-

ницу. 13 іюня 1791 г. оно предложило принцу Кондэ вернуться во Францію подъ страхомъ, въ случаѣ отказа, быть лишеннымъ возможныхъ правъ на престолъ и секвестраціи его имуществъ; объ остальныхъ эмигрантахъ ничего не говорилось. Только при извѣстіи о бѣгствѣ короля оно временно воспретило кому бы то ни было покидать предѣлы королевства (21 іюня), а 28 іюня сдѣлало изъятіе для иностранцевъ и французскихъ купцовъ, снабженныхъ паспортами. Оно рѣшилось воспротивиться дальнѣйшей эмиграціи, а не принудить вернуться бѣглецовъ. 9 іюля собраніе постановило-было «обложить втройнѣ» тѣхъ эмигрантовъ, которые не возвратятся впродолженіе мѣсяца, но послѣ принятія конституціи королемъ (14 сентября 1791) отмѣнило этотъ декретъ. Первый законъ противъ эмигрантовъ былъ изданъ законодательнымъ собраніемъ 9 февраля 1792 г.

Эмигранты продолжали свои военныя приготовленія съ самодовольствомъ и самоувѣренностью, ни мало не смущаясь успѣхами революціи. Графъ Артуа перенесъ свою резиденцію въ Кобленцъ; туда-же, послѣ бѣгства въ Вареннъ, пріѣхалъ и старшій изъ братьевъ короля (Monsieur). Онъ объявилъ себя регентомъ, ссылаясь на то, что король и дофинъ находятся въ плѣну, и сдѣлался королемъ своего рода Франціи внѣ Франціи, имѣлъ свой дворъ, своихъ министровъ, свою дипломатію и даже армію, во главѣ которой стоялъ принцъ Кондэ. Король шведскій Густавъ III поощрялъ проекты войны противъ Франціи въ интересахъ эмигрантовъ. Послѣдніе разсчитывали на Россію, не сомнѣвались въ поддержкѣ Пруссіи и производили давленіе на императора, который однако ускользалъ изъ ихъ рукъ. Получивъ разрѣшеніе присутствовать на свиданіи Фридриха-Вильгельма съ Леопольдомъ въ Пильницѣ, графъ Артуа потребовалъ признанія регентства графа Прованскаго, разрѣшенія эмигрантамъ вербовать солдатъ въ предѣлахъ имперіи и изданія манифеста противъ мятежной Франціи, а также предложилъ планъ кампаніи, составленный маршалами Брольи и Кастри. Эмигранты мечтали побѣдоносно вернуться во Францію во главѣ соединенныхъ армій Пруссіи и Австріи. Но и отъ короля прусскаго, и отъ императора они добились только неимѣющаго никакой цѣны заявленія (27 августа 1791 г.), которымъ вооруженное вмѣшательство этихъ двухъ монарховъ въ дѣла Франціи ставилось въ зависимость отъ согласія (болѣе чѣмъ сомнительнаго) другихъ державъ. «*Тогда и въ томъ только случаѣ,* значилось въ пильницкомъ заявленіи, императоръ и прусскій король готовы выступить...» Для эмигрантовъ это было равносильно пораженію, но они изображали дѣло, какъ будто одержали побѣду, какъ будто имъ была обѣщана немедленная коалиція противъ Франціи, и вели себя съ еще большей заносчивостью и самонадѣянностью, чѣмъ раньше. Мы увидимъ ниже, въ чемъ именно выразилось ихъ участіе въ походѣ противъ Франціи въ 1792 г.

Религіозный вопросъ. — Въ 1791 году французы не считали Людовика XVI отвѣтственнымъ за вызывающее поведеніе эмигрантовъ, а его тайныя сношенія съ иностранными державами еще не были имъ извѣстны. Кто знаетъ, не примирился-ли бы Людовикъ XVI съ потерею неограниченной власти, видя, что подданные, сдѣлавшись свободными гражданами, продолжаютъ по прежнему проявлять по отношенію къ нему чувства почтенія и привязанности, еслибы возбужденный около этого времени религіозный вопросъ не сдѣлалъ для него невозможнымъ примиреніе съ революціей. «Аристократы», — важные сановники и епископы, — были скептиками въ духѣ Вольтера; религія была только для отвода глазъ, и высшее духовенство скорбѣло главнымъ образомъ объ утраченныхъ бенефиціяхъ. Среди всѣхъ окружавшихъ его Людовикъ XVI былъ, пожалуй, единственнымъ вѣрующимъ, набожнымъ человѣкомъ, однимъ изъ тѣхъ немногихъ французовъ, вѣра которыхъ не поколебалась отъ разрушительнаго вліянія философіи того времени. Гражданскій уставъ о духовенствѣ, о которомъ мы поговоримъ въ другой главѣ, приводилъ его въ ужасъ и оскорблялъ, но не непосредственно, самъ по себѣ (онъ не задавался вопросомъ, касается ли онъ догматовъ и благочинія), а потому, что нѣкоторые епископы и самъ папа заявили, что, давая согласіе на этотъ уставъ, онъ погубитъ свою душу. Голосъ Рима напугалъ его. Что было ему дѣлать? Наложить *veto?* Ему казалось, что долгъ христіанина заставляетъ его избрать этотъ путь, и, не будь посторонняго вліянія, онъ не заду-

мался бы пойти по нему съ тою твердостью, какую онъ проявилъ въ предсмертный часъ. Но приближенные отвергли откровенный образъ дѣйствій. Если король откажетъ въ своемъ согласіи, это неминуемо повлечетъ за собою возстаніе всего народа, восшествіе на престолъ герцога Орлеанскаго, а, быть можетъ, и введеніе республиканскаго образа правленія. Но королевѣ жаль было разставаться со своимъ королевскимъ титуломъ, и Людовикъ XVI послѣ долгихъ промедленій уступилъ, не прерывая впрочемъ своихъ переговоровъ съ папой; приближенные мѣшали ему открыто бороться съ революціей, — ему ничего болѣе не оставалось, какъ прибѣгнуть къ хитростямъ. Онъ тайно искалъ помощи за границей, выказывая въ то-же время сочувствіе конституціи, и своимъ образомъ дѣйствій вызвалъ гражданскую войну.

Подробный разборъ *гражданскаго устава* читатель найдетъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; но для выясненія роли этого устава въ общей политикѣ страны укажемъ только на то, что, предоставляя активнымъ гражданамъ самимъ избирать своихъ епископовъ и священниковъ, онъ порывалъ связи съ Римомъ, дѣлалъ религію «національной», и, казалось, осуществлялъ завѣтную мечту французскихъ королей, завершалъ всю ихъ политику. Пожалуй, это было нѣчто несбыточное, но оно казалось осуществимымъ. Папа колебался принять рѣшительныя мѣры; онъ опасался раскола. Когда французскіе епископы обращались къ нему за совѣтомъ, онъ отвѣчалъ, что будетъ сообразовать свое поведеніе съ ихъ поступками. Еслибы большинство епископовъ приняло гражданскій уставъ о духовенствѣ, папа, не отказываясь, конечно, формально отъ своихъ правъ, примирился-бы, быть можетъ, съ совершившимся фактомъ. Но епископы были прежде всего дворянами: они не могли простить революціи лишенія имуществъ, привилегій и почетныхъ правъ, и почти въ полномъ составѣ высказались противъ проекта. Папа примкнулъ къ нимъ не безъ колебанія и въ двухъ граматахъ въ удивительно умѣренныхъ выраженіяхъ осудилъ гражданскій уставъ.

Значительная часть низшаго духовенства, повинуясь папѣ, отказалась принести присягу, которой неблагоразумно требовала конституанта. 1791 годъ былъ полонъ смутъ и распрей между присяжными, — иначе *конституціонными*, — священниками и безприсяжными, *отщепенцами*. Это подготовило почву для гражданской усобицы, для ничѣмъ не искупимой религіозной борьбы. Страхъ и вражда овладѣли всѣми; и тѣмъ, и другимъ въ равной мѣрѣ были присущи высокія нравственныя качества и искренность чувства; а это дѣлало распрю еще болѣе глубокой. Когда-же народъ въ своемъ сомнѣніи обращалъ взоры къ королю, онъ наталкивался на тотъ непонятный фактъ, что, санкціонировавъ гражданскій уставъ, онъ тѣмъ не менѣе не обращается за духовной помощью къ конституціонному духовенству. Когда-же распространился слухъ, что король ѣдетъ въ С.-Клу для принятія св. тайнъ изъ рукъ неприсяжнаго священника, парижане задержали его карету и принудили отказаться отъ предпринятаго путешествія (28 апрѣля 1791 г.). Тѣмъ не менѣе народныя массы въ провинціи не хотѣли еще вѣрить, чтобы король былъ за-одно съ паппстами: казалось-бы, это совсѣмъ не въ его интересахъ. И вотъ, коммуны ревностно вступаются за конституціонныхъ священниковъ, а скороспѣлая религіозная революція принимаетъ муниципальный характеръ.

Бѣгство въ Вареннъ. — Съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ XVI, скрѣпя сердце, далъ свое согласіе на гражданскій уставъ о духовенствѣ, онъ не переставалъ думать о бѣгствѣ. Съ октября 1790 г. было рѣшено тайно уѣхать въ Монмеди; императоръ долженъ былъ сдѣлать военную демонстрацію на границѣ, а Людовикъ XVI вернулся-бы сопровождаемый арміей Бульє и подавилъ-бы революцію. Всѣ эти планы были шиты бѣлыми нитками. Нѣсколько дней послѣ того, какъ народъ помѣшалъ ему уѣхать въ С.-Клу, Людовикъ XVI вздумалъ извѣстить державы черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, что онъ совершенно свободенъ и безусловно искрененъ въ своихъ заявленіяхъ. Этотъ циркуляръ (23 апрѣля 1791 г.) былъ немедленно сообщенъ національному собранію и вызвалъ тамъ страшный энтузіазмъ. Депутаціи, посланной привѣтствовать короля, онъ отвѣтилъ, что «еслибы собраніе могло читать въ глубинѣ его души, оно нашло бы только чувства, оправдывающія довѣріе націи». Въ это-же самое время онъ велъ переговоры съ Бульє и иностранными дворами относи-

тельно подготовки своего бѣгства и государственнаго переворота.

Въ ночь съ 20 на 21 іюня король вмѣстѣ со своей семьей бѣжалъ — подъ чужимъ именемъ, оставивъ манифестъ, въ которомъ объяснялъ свое бѣгство такими побужденіями, которыя общественное мнѣніе почти единодушно признало жалкими и отвратительными, но который наряду съ этимъ заключалъ въ себѣ очень остроумную и сильную критику дѣйствующей административной системы. Попытка бѣжать не удалась не столько по неосторожности самихъ бѣглецовъ, сколько потому, что всѣ мѣры, принятыя генераломъ Буйе, разбивались объ отсутствіе дисциплины въ его войскѣ. Его приказанія не исполнялись. Король былъ узнанъ и задержанъ въ Вареннѣ, а старшій изъ его братьевъ графъ Прованскій, успѣлъ другой дорогой добраться до границы. Людовикъ XVI былъ препровожденъ въ Парижъ въ качествѣ плѣнника подъ надзоромъ трехъ коммиссаровъ національнаго собранія — Петіона, Барнава и Латуръ-Мобура и въ сопровожденіи несчетныхъ толпъ вооруженныхъ гражданъ, отряженныхъ для этого мѣстными муниципалитетами. 25 іюня онъ вступилъ въ Парижъ, встрѣченный грозными массами, которыя потеряли уже всякое почтеніе къ его особѣ.

Это событіе, одно изъ важнѣйшихъ въ исторіи революціи, глубоко потрясло народное сознаніе. Когда бѣгство короля въ Вареннъ стало извѣстно, страна огласилась воплемъ негодованія и страха. Франція почувствовала себя осиротѣлой, покинутой. Казалось, король увезъ съ собой какой-то спасительный талисманъ, и надъ націей должны разразиться ужаснѣйшія несчастія. Тѣмъ не менѣе почти всюду, по примѣру національнаго собранія, выказывались твердость и увѣренность въ себѣ, а муниципалитеты были какъ бы воплощеніемъ спокойнаго сознанія своей силы и вѣрности закону. Почти вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ облетѣла Францію и вѣсть о возвращеніи короля. Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, точно пришло спасеніе. Горе народа, лишившагося своего короля, его радость при возвращеніи ясно свидѣтельствуютъ о его роялистскомъ настроеніи.

Впрочемъ, Парижъ отнесся къ этимъ событіямъ совсѣмъ не такъ, какъ остальная Франція, и въ первый разъ съ начала революціи явилось разногласіе между столицей и департаментами. Вѣсть о бѣгствѣ Людовика XVI вызвала въ Парижѣ республиканское движеніе, правда, не всеобщее, но сильное и вполнѣ сознательное; иниціатива его принадлежала клубу кордельеровъ, требовавшему отмѣны королевской власти; народъ безнаказанно оскорблялъ ея аттрибуты, а величайшій мыслитель того времени, Кондорсэ, выступилъ теоретическимъ защитникомъ республиканскаго образа правленія. Монархическое настроеніе Франціи погубило это движеніе въ самомъ началѣ. Робеспьеръ, Дантонъ и якобинцы сочли его преждевременнымъ, отреклись отъ него и, отказавшись сдѣлать логическій выводъ изъ безсилія королевской власти, ограничились требованіемъ низложенія и преданія суду Людовика XVI. Неизвѣстно, хотѣли-ли они перемѣны династіи или регентства? можетъ быть, они и сами еще не уясняли себѣ своихъ плановъ. Мысль возвести на престолъ иноземнаго принца, — герцога Браунгшвейгскаго или герцога Іоркскаго, — въ то время повидимому еще не созрѣла. Зато регентство имѣло множество горячихъ сторонниковъ; а въ виду эмиграціи обоихъ братьевъ короля, регентство, по основнымъ законамъ страны, принадлежало герцогу Орлеанскому; въ то время ему оставался одинъ шагъ до трона. 23 іюня онъ вступилъ членомъ въ якобинскій клубъ, и тутъ-же одинъ изъ преданнѣйшихъ его сторонниковъ и въ то-же время тайный секретарь его, романистъ Кодерло-де-Лакло, поставилъ на очередь вопросъ о томъ, какія мѣры должны быть приняты въ виду междуцарствія. По этому поводу были очень оживленныя, но нѣсколько безтолковыя пренія. Мысль о регентствѣ нашла горячую поддержку. Хотя клубъ не высказалъ ничего рѣшительнаго, но мнѣніе его склонялось, повидимому, въ пользу избраннаго регентскаго совѣта, а наиболѣе извѣстные ораторы уже тогда требовали созванія національнаго конвента. Герцогъ Орлеанскій, несмотря на всю свою популярность и преданное служеніе дѣлу революціи, не пользовался хорошей репутаціей: онъ считался настолько лѣнивымъ и неспособнымъ, что главарямъ якобинской партіи пришлось отказаться отъ традиціоннаго пріема, — возведенія на престолъ одного изъ членовъ младшей линіи. «Journal de Perlet» (Газета Перле) напечатала 25

іюня нѣчто вродѣ орлеанистскаго манифеста, чтобы дать толчокъ подачѣ петицій въ пользу регентства. Герцогъ Орлеанскій, правда, отрекся отъ этого манифеста въ письмѣ, появившемся въ газетахъ 28 числа, и тутъ же отказался отъ возможныхъ правъ своихъ на регентство; тѣмъ не менѣе его сторонники продолжали требовать низложенія Людовика XVI и суда надъ нимъ, надѣясь, что въ такомъ случаѣ герцогъ будетъ играть первенствующую роль въ какомъ-нибудь новомъ званіи,—члена исполнительнаго совѣта, или «блюстителя королевскаго престола», или начальника національной гвардіи, или, наконецъ, парижскаго мэра. Впослѣдствіи конституанта отрѣзала Орлеанамъ всѣ законные пути для осуществленія ихъ честолюбивыхъ замысловъ, постановивъ (24 августа 1791 г.), что члены королевской семьи, могущіе явиться претендентами на престолъ, не имѣютъ права ни занимать выборныя должности, ни даже быть министрами короля.

Таково было настроеніе Парижа, якобинцевъ, кордельеровъ и орлеанистовъ, когда пришла вѣсть о бѣгствѣ короля. Что же касается учредительнаго собранія, то оно немедленно объявило себя несмѣняемымъ и декретировало, что впредь до новаго постановленія всѣ его декреты будутъ приводиться въ исполненіе безъ согласія и подписи короля (290 депутатовъ правой протестовали противъ этого и слѣдующихъ постановленій). Признавъ себя замѣстителемъ короля, собраніе подчинило себѣ министровъ, допустило ихъ на свои засѣданія, извѣстило иностранныя державы о новомъ порядкѣ вещей, послало комиссаровъ въ департаменты и привело армію къ новой присягѣ, въ которой уже не было рѣчи о королѣ. По возвращеніи короля отрѣшеніе его отъ исполненія обязанностей было сохранено въ силѣ, а самъ Людовикъ XVI заключенъ въ Тюльери подъ наблюденіе Лафайета. Это была временная республика, продержавшаяся отъ 21 іюня по 14 сентября 1791 г.

И собственные взгляды членовъ конституанты, и настроеніе всей Франціи устраняли самую мысль объ окончательномъ введеніи республиканскаго образа правленія; а недостойное поведеніе герцога Орлеанскаго, очевидная невозможность достигнуть чего-нибудь перемѣной династіи и нежеланіе разрушить то политическое и соціальное зданіе, которое оно только-что воздвигло, побудило учредительное собраніе возстановить королевскую власть въ лицѣ Людовика XVI. Принципъ неотвѣтственности короля, проведенный въ конституціи, давалъ возможность признать короля жертвою своихъ отвѣтственныхъ совѣтниковъ. Теперь рѣчь шла уже не о *бѣгствѣ*, а о *похищеніи* короля. Былъ изданъ декретъ отъ 15 и 16 іюля 1791 года, которымъ король косвенно признавался невиновнымъ; въ немъ были опредѣлены тѣ случаи, когда король будетъ считаться отказавшимся отъ престола, и, кромѣ того, было постановлено, что Булье и его сообщники должны будутъ предстать предъ національнымъ Верховнымъ Судомъ. Но король еще около двухъ мѣсяцевъ не приступалъ къ исполненію своихъ обязанностей. Только послѣ того, какъ онъ принесъ присягу вновь пересмотрѣнной конституціи (14 сентября 1791 г.). съ него былъ снятъ запретъ, и онъ получилъ возможность осуществлять свою верховную власть.

Дѣло на Марсовомъ полѣ.—Въ провинціи реставрацію Людовика XVI встрѣтили довольно сочувственно, зато въ Парижѣ въ ней увидѣли гибельную и въ то-же время постыдную мѣру. Уже 15 іюля шумная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, собравшаяся въ якобинскомъ клубѣ, постановила послать въ національное собраніе петицію съ просьбой признать Людовика XVI отказавшимся отъ престола, а для возстановленія законнаго порядка воспользоваться указаніями конституціи. На другой день, 16 іюля, эта петиція, проредактированная Бриссо, была перенесена на Марсово поле; среди многихъ другихъ и Дантонъ, стоя на алтарѣ отечества, читалъ ее собравшемуся народу. Въ это время пришло извѣстіе о только-что изданномъ декретѣ. Якобинцы совѣтовали примириться съ совершившимся фактомъ и отказаться отъ петиціи. Но болѣе рѣшительные—кордельеры предложили подать новую петицію, въ которой потребовать еще созыва новаго учредительнаго собранія. Подобно предыдущей она 17 іюля была принесена на Марсово поле и подписана 6000 человѣкъ.

По несчастному стеченію обстоятельствъ, именно въ этотъ день утромъ обыватели близъ лежащаго Гро-Кайлью убили двухъ неизвѣстныхъ, укрывшихся подъ «алта-

ремъ отечества». Національное собраніе и парижскій мэръ рѣшили (неизвѣстно, насколько искренно), что это — дѣло рукъ республиканцевъ, подавшихъ петицію, — и президентъ конституанты оффиціально предложилъ Байльи съ особой строгостью и вниманіемъ разслѣдовать кровавое происшествіе. Городская дума немедленно послала комиссаровъ на Марсово поле. Они застали толпу въ крайнемъ возбужденіи. Можно предполагать, что въ ней было много ремесленниковъ, раздраженныхъ незадолго передъ тѣмъ провозглашенной отмѣной цеховъ. Тѣмъ не менѣе, увидя, что главари движенія относятся къ нимъ очень миролюбиво и обѣщаютъ немедленно разойтись, какъ только петиція будетъ подписана, комиссары не стали разгонять собранія, а по окончаніи подписки вернулись въ думу въ сопровожденіи депутатовъ отъ лицъ, подписавшихъ петицію, которые должны были лично объяснить все происшедшее муниципальнымъ властямъ. Между тѣмъ эти послѣднія, не дождавшись возвращенія комиссаровъ, на основаніи неопредѣленныхъ толковъ и буйствъ толпы, объявили городъ въ осадномъ положеніи. Тщетны были всѣ усилія комиссаровъ заставить ихъ взять назадъ свое рѣшеніе. Тѣ не хотѣли ничего слушать и двинулись на мѣсто сборища. Впереди шла кавалерія съ тремя пушками и краснымъ знаменемъ. За нею двигался громадный отрядъ національной гвардіи. И петиціонеры, и случайные зрители, приставшіе къ нимъ изъ любопытства, были неожиданно обойдены со всѣхъ сторонъ. Въ толпѣ раздались крики: «долой оружіе!», въ солдатъ полетѣли камни. Тѣ отвѣчали залпами, сначала стрѣляли въ воздухъ, потомъ въ толпу. Трупы мужчинъ, женщинъ и дѣтей покрыли Марсово поле. — Наступило нѣчто вродѣ террора. Патріоты, которыхъ подозрѣвали въ республиканскомъ образѣ мыслей, должны были скрыться. Среди нихъ былъ Дантонъ и Камиль Демуленъ. Въ промежутокъ между бѣгствомъ въ Вареннъ и рѣзней на Марсовомъ полѣ во Франціи явилась партія республиканцевъ, дѣятели революціи распались на умѣренныхъ и демократовъ.

Якобинскій клубъ.—Эпоха, съ которой намъ предстоитъ теперь познакомиться, была временемъ господства клубовъ и политическихъ обществъ. Состоя первоначально только изъ депутатовъ, якобинскій клубъ былъ, собственно говоря, тѣмъ, что въ наше время называютъ собраніемъ парламентской группы. Бретонскіе депутаты еще въ Версалѣ имѣли обыкновеніе собираться для обсужденія дѣлъ до начала засѣданій. Вскорѣ къ нимъ примкнули и другіе депутаты; ихъ закрытое собраніе получило названіе *бретонскаго клуба*. Спустя нѣкоторое время послѣ перенесенія національнаго собранія въ Парижъ прежніе члены бретонскаго клуба наняли помѣщеніе въ монастырѣ якобинцевъ Сентъ Оноре (недалеко отъ манежа, гдѣ засѣдало національное собраніе), стали періодически собираться и приняли названіе *Общества друзей конституціи, засѣдающихъ у якобинцевъ въ Парижѣ*. Впослѣдствіи они стали называть себя просто «якобинцами» — насмѣшливая кличка, которую имъ дали аристократы. Вначалѣ засѣданія ихъ не были доступны публикѣ, но затѣмъ двери клуба открылись и для постороннихъ; кромѣ наиболѣе видныхъ депутатовъ, въ число членовъ были приняты сливки парижскаго буржуазнаго общества — писатели и адвокаты. Вплоть до 12 октября 1791 г. посторонніе не могли присутствовать на собраніяхъ; только съ этого времени они сдѣлались публичными. Судя по именамъ нѣкоторыхъ предсѣдателей, клубъ носилъ тогда монархическій характеръ. Такъ, въ февралѣ 1790 г. мы видимъ на этомъ мѣстѣ герцога Эгильона, въ январѣ 1791 г. во главѣ его стоитъ принцъ Брольи.

Мало по малу парижскій якобинскій клубъ сгруппировалъ вокругъ себя цѣлый рядъ аналогичныхъ провинціальныхъ обществъ, преслѣдовавшихъ тѣ-же самыя политическія цѣли и ставшихъ какъ бы его филіальными отдѣленіями. Непрерывно поддерживая оживленныя сношенія со всей страной, онъ сталъ задавать тонъ общественному мнѣнію; изнемогая подъ бременемъ деспотизма, нація не могла выработать себѣ ясныхъ сужденій относительно предстоявшихъ ей задачъ. Нуженъ былъ центръ, гдѣ-бы каждый вопросъ подвергался всестороннему обсужденію: — якобинцы пошли навстрѣчу этой потребности. Они хотѣли предупредить распаденіе общества на враждебныя партіи, уяснить всѣмъ и каждому то, что они считали общимъ интересомъ страны, наконецъ, объединить и организовать оппозицію старому порядку. Ихъ оружіемъ было просвѣщеніе; по ихъ собствен-

нымъ словамъ, они желали быть руководителями, наставниками націи. Въ ихъ проповѣди новаго ученія было немало педантизма и декламаціи, но она сопровождалась такимъ колоссальнымъ успѣхомъ, передъ которымъ преклонялись даже ихъ злѣйшіе враги. Маркизъ Буле въ своихъ *Мемуарахъ* утверждаетъ, что побѣдой при Вальми Франція всецѣло обязана якобинской пропагандѣ; и дѣйствительно, стремясь въ первый періодъ своей дѣятельности сплотить Францію въ одно цѣлое, якобинцы оказали громадную услугу дѣлу національной обороны и независимости. До республики они оставались монархистами и защищали конституціонную монархію противъ нападокъ «аристократовъ». Будучи большими формалистами, они любили говорить высокимъ слогомъ, важно и серьезно; въ ихъ рѣчахъ нѣтъ и тѣни легкости и веселости, свойственной людямъ хорошаго общества, къ которому они отчасти принадлежали. Но эта-то важность и серьезность и нравились народу; уже въ то время Робеспьеръ былъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ ораторовъ. Они принимаютъ также наиболѣе дѣятельное участіе и играютъ первенствующую роль въ муниципальной революціи: въ каждой коммунѣ мы видимъ «народное общество», которое будитъ умы, пробуждаетъ нерѣшительныхъ и словомъ, и дѣломъ, ускоряетъ переходъ отъ стараго порядка къ новому. Среди законной анархіи, созданной конституантой путемъ внезапной и полной отмѣны прежней административной централизаціи, якобинцы были представителями единства: давая тонъ общественному мнѣнію, они въ этотъ критическій моментъ являлись истинными правителями Франціи. Мы говоримъ о монархическомъ періодѣ исторіи этого клуба, преобразовавшагося послѣ низложенія короля и принявшаго 21 сентября 1792 г. наименованіе *Общества якобинцевъ, друзей свободы и равенства*.

Клубъ фейльяновъ.—Бѣгство въ Вареннъ и возникшіе по этому поводу споры объ организаціи исполнительной власти произвели расколъ и въ клубѣ якобинцевъ, и среди конституціонно настроеннаго большинства національнаго собранія. Хотя петиція 16 іюля, требовавшая низложенія короля, собственно говоря, не была оффиціально редактирована якобинцами, однако почти всѣ депутаты, входившіе въ составъ общества, сочли своимъ долгомъ перейти къ фейльянамъ, въ улицу Сентъ-Оноре. При этомъ они полагали, будто въ ихъ лицѣ переходитъ все общество, а потому и удержали прежнее названіе «друзей конституціи». Въ клубѣ якобинцевъ осталось всего шесть депутатовъ: Робеспьеръ, Петіонъ, Короллеръ, Рёдереръ, епископъ Ройе и Бюзо. Тѣмъ не менѣе клубъ продолжалъ свое существованіе; онъ обратился къ національному собранію съ крайне умѣреннымъ и дипломатично составленнымъ оправдательнымъ заявленіемъ, редактированнымъ Робеспьеромъ, и пригласилъ отшатнувшихся отъ него депутатовъ вернуться въ его среду. Многіе послѣдовали этому призыву.

Несмотря на всѣ усилія фейльяновъ, почти всѣ филіальныя общества остались вѣрны якобинскому клубу, окрѣпшему и сплотившемуся въ этотъ критическій моментъ. Съ этихъ поръ было два общества «друзей конституціи», одно засѣдало у якобинцевъ, другое—у фейльяновъ; въ обоихъ господствовало монархическое настроеніе, но якобинцы были демократичнѣе и менѣе довѣрчиво относились къ королю, чѣмъ умѣренные фейльяны, стремившіеся укрѣпить и упрочить его власть. Дальнѣйшій ходъ событій все больше и больше сближалъ якобинцевъ съ республиканской партіей, а фейльяны, во главѣ которыхъ стоялъ Барнавъ, братья Ламётъ и Адріанъ Дюпоръ, стали мало-по-малу склоняться въ противоположную сторону, а временами, казалось, шли даже рука объ руку съ чистыми роялистами. Клубъ фейльяновъ сошелъ съ исторической сцены вмѣстѣ съ монархіей.

Клубъ кордельеровъ.—И якобинцы, и фейльяны, несмотря на нѣкоторыя несогласія, были защитниками монархической конституціи, а имущественный цензъ считали необходимымъ условіемъ политическихъ правъ. Но въ Парижѣ былъ клубъ (сколько намъ извѣстно, не имѣвшій отдѣленій въ провинціи), выставлявшій иную, болѣе демократическую программу,—постоянно высказывавшійся въ пользу всеобщаго голосованія, а по временамъ доходившій до сочувствія республиканскому образу правленія. Этотъ клубъ протестовалъ противъ уловки, посредствомъ которой конституанта ухитрилась помирить декларацію правъ человѣка съ божественнымъ происхожденіемъ

королевской власти, а также (съ особеннымъ ожесточеніемъ) противъ политическихъ привилегій болѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія. *Клубъ кордельеровъ, общество правъ человѣка и гражданина,* былъ главнымъ образомъ представителемъ интересовъ пассивныхъ гражданъ и нападалъ на привилегіи активныхъ — буржуазіи позднѣйшаго времени. Основатели этого клуба выступили со страстной пропагандой своихъ идей прежде всего въ одномъ изъ дистриктовъ Парижа, именно въ Кордельерскомъ, и преобразовали его въ народное общество.

Отмѣняя дѣленіе Парижа на 60 дистриктовъ (21 мая 1790 г.) и вводя новое, — на 48 секцій,—конституанта имѣла между прочимъ въ виду подорвать ихъ агитацію. Но прежнее общество возродилось въ клубѣ, основанномъ въ монастырѣ Кордельеровъ; изгнанный изъ монастыря въ маѣ 1791 г. постановленіемъ муниципалитета, клубъ перенесъ свои засѣданія въ залу, извѣстную подъ названіемъ Музейной въ улицѣ Дофинъ, гдѣ и оставался вплоть до своего исчезновенія въ 1794 году. Мы уже видѣли, что республиканское и демократическое движеніе въ іюнѣ и іюлѣ 1791 года исходило именно изъ кордельерскаго клуба; иниціатива второй петиціи на Марсовомъ полѣ (17 іюля) принадлежала тѣмъ же кордельерамъ. При всемъ своемъ демократизмѣ, они только послѣ бѣгства короля въ Вареннъ включаютъ въ свою программу республиканскіе принципы. Послѣ временно раздутаго антагонизма съ якобинцами они ограничиваются въ своихъ пожеланіяхъ низложеніемъ Людовика XVI и, повидимому, отсрочиваютъ введеніе республики. Впрочемъ наиболѣе видные кордельеры входили въ то же время въ составъ и якобинскаго клуба. Изъ вліятельныхъ кордельеровъ назовемъ: Дантона, Камиля Демулена, Фабра д'Эглантина, Марата, Эбера, Анахарзиса Клотса, Моморо, Фурнье Американца, Венсэна, Фрерона. Кордельеры постоянно открыто враждовали и съ большинствомъ конституанты, и съ парижскимъ муниципалитетомъ. Но ихъ демагогическая оппозиція была не столько сильна, сколько шумна; да это и понятно, если вспомнить, что они были выразителями настроенія лишь одного изъ слоевъ парижскаго населенія и что чуть не вся Франція съ недовѣріемъ отворачивалась отъ ихъ воззрѣній и дѣятельности.

Періодическая пресса. — Самымъ сильнымъ и грознымъ оружіемъ въ рукахъ муниципальной революціи и ея рьяныхъ поборниковъ, клубовъ, была *свобода печати,* завоеванная еще въ самомъ началѣ революціи такими смѣлыми борцами слова, какъ Бриссо, Мирабо, Бареръ; впрочемъ, хотя на практикѣ свобода печати была осуществлена, но королевская власть скорѣе терпѣла ее, чѣмъ признавала, а конституанта, включивъ ее въ декларацію правъ (27 августа 1789 года), такъ и не занялась ея конструированіемъ. Хотя случалось, что парижане разбивали печатные станки и оскорбляли журналистовъ, однако вплоть до низложенія короля печать могла широко пользоваться свободой. Сторонники стараго порядка могли безпрепятственно оскорблять патріотовъ и издѣваться надъ ними въ такихъ газетахъ, какъ *Ami du Roi* (Другъ короля), или изощрять свое остроуміе и сквернословить въ какихъ-нибудь *Actes des Apôtres* (Дѣянія Апостоловъ) или *Petit Gauthier.* Органами крайней лѣвой, т. е. кордельеровъ, были *Orateur du peuple* (Народный ораторъ) Фрерона и Мартеля, *Ami du Peuple* (Другъ народа) Марата. Конституціоналисты всѣхъ оттѣнковъ издавали множество газетъ; извѣстнѣе другихъ—*Courrier de Provence* (Вѣстникъ Прованса) Мирабо, *Point du jour* (Разсвѣтъ) Барера, *Patriote Français* (Французскій патріотъ) Бриссо, *Assemblée Nationale* (Національное собраніе) Перле, *Révolutions de France et de Brabant* (Революціи Франціи и Брабанта) Камиля Демулена, *Révolutions de Paris* (Парижскія революціи) Прюдома (до сентября 1790 года редактированная Лусталло). Самой значительной изъ газетъ того времени была повидимому *Gazette nationale ou le Moniteur universel* (Національная Газета или Всемірный Указатель), начавшій выходить въ свѣтъ 24 ноября 1789 г. въ большомъ форматѣ англійскихъ журналовъ; въ противоположность другимъ газетамъ, носившимъ характеръ ежедневныхъ брошюръ по текущимъ вопросамъ, онъ давалъ общій обзоръ современной политической жизни. Во времена революціи онъ не игралъ роли оффиціоза и сдѣлался правительственнымъ органомъ только въ періодъ консульства. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя газеты, какъ напр. *Point du jour, Journal des débats et*

des decrets, «Journal des États Généraux», переименованный впослѣдствіи въ *Journal logographique* или *Logograph* (Скорописецъ), ограничивались почти однимъ только воспроизведеніемъ всего, происходившаго въ національномъ собраніи. Наряду съ періодическими изданіями выходило множество политическихъ памфлетовъ и брошюръ; однѣ защищали революцію, другія принадлежали перу ея противниковъ. Но такая свобода печати просуществовала только до 10 августа 1792 года.

Внутренняя организація учредительнаго собранія.—Мы уже видѣли, что собравшіяся три сословія слились въ единое собраніе, и вмѣсто генеральныхъ штатовъ стали именоваться *національнымъ собраніемъ*. Только въ самомъ концѣ своей дѣятельности въ пересмотрѣнномъ текстѣ конституціи собраніе присвоило себѣ названіе *національнаго учредительнаго собранія*, сохраненное за нимъ и исторіей. Со времени сліянія сословій для совмѣстнаго обсужденія дѣлъ всѣ депутаты безъ различія были сравнены въ правахъ, но первое время собраніе при выборѣ членовъ бюро и комитетовъ старалось соблюсти равновѣсіе между представителями третьяго сословія и привилегированныхъ. Что же касается протестовъ или неявки депутатовъ духовенства и дворянства, ссылавшихся на прямыя требованія своихъ довѣрителей голосовать посословно, то собраніе постановило (8 іюля 1789 года), что ни протесты подобнаго рода, ни неявка не могутъ пріостанавливать занятій собранія.

Посмотримъ, какъ были организованы эти занятія.

Во главѣ собранія стоялъ предсѣдатель, избранный всего на двѣ недѣли; въ помощники ему назначалось шесть секретарей; на предсѣдательскомъ мѣстѣ перебывали почти всѣ наиболѣе извѣстные члены конституанты: Байльи, герцогъ Ліанкуръ, Ле-Шапелье, Клермонъ-Тоннеръ, Мунье, Камюсъ, Туре, Талейранъ, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Сійесъ, Дюпонъ (де-Немуръ), Мерленъ (де-Дуэ), Барнавъ, Александръ Ламетъ, Петіонъ, Грегуаръ, Мирабо, Адріанъ Дюпоръ и др. Особые *комиссары*, (commissaires de la salle) исполняли обязанности нашихъ теперешнихъ квесторовъ (приставовъ).

Всякій членъ собранія могъ внести предложеніе, но оно оглашалось въ томъ только случаѣ, если его поддерживали два другихъ депутата; собраніе рѣшало вопросъ, слѣдуетъ ли допускать его до обсужденія, или не слѣдуетъ. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія вопроса предложеніе,—если только оно касалось законодательства, основныхъ законовъ или финансовъ,—печаталось и раздавалось членамъ собранія, рѣшавшимъ, слѣдуетъ-ли передать его въ *бюро*, или можно разсмотрѣть его безъ подготовительной работы. Наконецъ, во время публичнаго обсужденія его въ палатѣ допускались всевозможныя поправки и измѣненія; собраніе рѣшало вопросы вставаніемъ, а въ спорныхъ случаяхъ—поименнымъ голосованіемъ; въ случаѣ неотложности возможно было упрощеніе формальностей.

Тридцать *бюро* представляли изъ себя секціи собранія; въ члены бюро попадали всѣ депутаты по очереди, установленной на основаніи алфавита.

Комитеты, выбираемые сразу въ полномъ составѣ членами бюро, были постоянными коммиссіями, обязанными подготовлять работу для засѣданій собранія. Наибольшимъ значеніемъ пользовался знаменитый комитетъ основныхъ законовъ. Кромѣ него, слѣдуетъ упомянуть комитетъ финансовъ, комитетъ духовныхъ дѣлъ, феодальный комитетъ (или комитетъ феодальныхъ правъ), комитеты военный и колоніальный, комитетъ для искорененія нищенства, слѣдственный комитетъ (нѣчто вродѣ комитета общественнаго спокойствія) и дипломатическій комитетъ. При посредствѣ этихъ комитетовъ конституанта слѣдила за дѣйствіями исполнительной власти и зачастую даже присваивала себѣ ея функціи; такимъ образомъ, несмотря на провозглашенный принципъ раздѣленія властей, она фактически приняла участіе въ управленіи страною.

Конституанта разрѣшала выступать на своихъ засѣданіяхъ и отдѣльнымъ просителямъ, и цѣлымъ депутаціямъ; это дало возможность многимъ народнымъ ораторамъ высказаться въ стѣнахъ самаго учредительнаго собранія.

Засѣданія были гласны; хотя давленіе *трибунъ* никогда не было такъ сильно, какъ принято думать, однако нельзя отрицать, что публика своимъ присутствіемъ не разъ оказывала вліяніе не только на пренія, но и на исходъ голосованія.

Учредительное собраніе имѣло архивъ, находившійся подъ наблюденіемъ Камюса. Оно вело и печатало протоколы своихъ засѣданій, которые, при всей своей краткости и безцвѣтности, неоцѣненны для историка, какъ оффиціальные документы. На ряду съ этимъ они издавали многія предложенія, мнѣнія и рѣчи. Этимъ и ограничиваются оффиціальные слѣды ихъ дѣятельности; не больше оставили послѣ себя легислатива и конвентъ. Подробныхъ отчетовъ не существовало, стенографія дѣлала еще первые робкіе шаги. Газеты передавали пренія каждая на свой ладъ, неодинаково подробно и точно: чтеніе одной версіи не исключаетъ необходимости чтенія другой. Сближая отчеты «Moniteur», «Point du jour», «Journal des débats et des décrets» и «Journal logographique» и свѣряя ихъ съ протоколами, можно составить себѣ довольно правдоподобное и вѣроятно полное представленіе о засѣданіяхъ учредительнаго собранія.

Политическія партіи въ учредительномъ собраніи. — Въ то время не было не только организованныхъ партій, но даже сплоченныхъ, сознательныхъ группъ. Напротивъ, всѣ наперерывъ заявляли, что не принадлежатъ ни къ какой партіи, что у каждаго свой царь въ головѣ, что служатъ они одному лишь отечеству. Говорилось это совершенно искренно; а между тѣмъ различіе интересовъ и настроеній приводило къ столкновеніямъ, въ которыхъ депутаты принимали участіе отнюдь не обособленно другъ отъ друга: они столковывались и группировались для совмѣстной защиты или общаго нападенія. Противники изъ ненависти и презрѣнія дали другъ другу прозвища: —черныхъ, аристократовъ, патріотовъ, якобинцевъ, фейльяновъ и др. ставшія впослѣдствіи общепринятыми и даже популярными. Такимъ образомъ въ учредительномъ собраніи, какъ и въ самой Франціи, явились своего рода партіи. Но народъ признавалъ только два лагеря—аристократовъ и патріотовъ, революціонеровъ и антиреволюціонеровъ; однако провести точную границу между аристократами и патріотами было не легко; спустя короткое время, къ числу аристократовъ было отнесено немало честныхъ патріотовъ, виновныхъ только въ нерѣшительности, въ отсталости, въ отсутствіи пыла. Въ началѣ депутаты раздѣлились на три группы: одни стояли за посословное голосованіе, другіе за совмѣстное и, наконецъ, третьи соглашались голосовать совмѣстно только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Едва былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, какъ собраніе снова раздѣлилось по поводу іюльскаго народнаго возмущенія: часть депутатовъ сочувствовала муниципальной революціи, другіе порицали ее. Пожалуй, именно въ это время опредѣлились двѣ основныя партіи, «аристократическая» правая и «патріотическая» лѣвая. Обсужденіе конституціи вызвало дальнѣйшее дробленіе. — Послѣ бѣгства въ Вареннъ картина измѣнилась. Среди патріотовъ, засѣдавшихъ въ собраніи, точно такъ же какъ и среди членовъ якобинскаго клуба, произошелъ расколъ: такъ называемые фейльяны снимали съ короля всякую отвѣтственность, а собственно якобинцы, которыхъ противники прозвали *бѣшеными* и *республиканцами*, требовали его низложенія и стояли за преданіе суду. Строго говоря, въ послѣдніе мѣсяцы засѣданій учредительнаго собранія было два враждебныхъ лагеря: приверженцы конституціоннаго режима и предоставленія политическихъ правъ имущимъ классамъ съ одной стороны, и борцы демократіи и всеобщаго избирательнаго права съ другой. Современныя названія и программы партій совершенно не приложимы къ тогдашней группировкѣ депутатовъ; зато на періодъ, предшествующій бѣгству въ Вареннъ, наше дѣленіе на крайнюю правую, правую, центръ, лѣвую и крайнюю лѣвую (дѣленіе, кстати сказать, не безызвѣстное и въ то время) проливаетъ нѣкоторый свѣтъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что партіи того времени не были рѣзко обособлены, не имѣли организаціи и зачастую были даже лишены сознанія своего единства. Споры по вопросу о правахъ цвѣтной расы, нерѣдко возникавшіе въ учредительномъ собраніи и доводившіе до крупныхъ рѣзкостей, на время совершенно измѣняли группировку депутатовъ.

Аристократы: крайняя правая и правая.—Самыми крайними «аристократами» были Дюваль д'Епремениль и виконтъ де-Мирабо, прозванный за свою толщину Мирабо-Тонно (бочка). Д'Епремениль былъ очень популяренъ въ 1788 году, когда въ качествѣ члена парламента онъ защищалъ его права, требовалъ созванія

генеральныхъ штатовъ и былъ подвергнутъ заключенію; и словомъ, и дѣломъ онъ подготовлялъ революцію, но вдругъ перемѣнилъ фронтъ, сталъ проповѣдывать союзъ дворянства и короля противъ народа, и сдѣлался самымъ рѣшительнымъ противникомъ революціи. Менѣе непримиримъ былъ аббатъ Мори, самый крупный ораторъ правой; человѣкъ съ блестящими способностями, умный, проницательный и ловкій, умѣвшій облекать свою мысль въ изящнѣйшую форму, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе опасныхъ противниковъ для патріотовъ; личныя свойства его не представляли впрочемъ ничего особенно привлекательнаго. Рядомъ съ нимъ засѣдалъ благородный Казалесъ, соединявшій даръ краснорѣчія съ подкупающей искренностью, аббатъ де-Монтескью и графъ Монлозье. Слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить тотъ фактъ, что только общій врагъ, общая борьба съ надвинувшейся революціей посадила ихъ рядомъ другъ съ другомъ и заставила идти рука объ руку. Они расходились не только въ теоріи, но и на практикѣ: они были противъ уничтоженія феодализма, но дорожили не однѣми и тѣми же его сторонами; многіе изъ нихъ были не прочь обновить на свой ладъ старый порядокъ, но каждый изъ нихъ хотѣлъ-бы реформировать его въ иномъ направленіи, чѣмъ другой. Несомнѣнно только, что революція въ томъ видѣ, какъ она произошла, шокировала ихъ привычныя воззрѣнія и затронула интересы. Ихъ оппозиція сводилась, по большей части, къ простой обструкціи; своимъ насильственнымъ образомъ дѣйствій они ускорили революціонное движеніе и оказали плохую услугу Людовику XVI. Большинство членовъ правой въ концѣ концовъ эмигрировало.

Монархисты: правый центръ. — Между аристократами и патріотами находилась группа умѣренныхъ депутатовъ, называвшихся *монархистами* или *безпристрастными*, желавшихъ реформъ, а не революціи. Повидимому, разсужденія Монтескье объ англійской конституціи оказали сильное вліяніе на ихъ политическіе взгляды. Они — даже больше самихъ патріотовъ — настаивали на раздѣленіи властей; за королемъ они готовы были признать право на безусловное *veto;* главнымъ ихъ конькомъ была двухпалатная система или *бикамеризмъ*, какъ называли ее въ то время. Вотируя съ лѣвой, они казались довольно значительной группой, но, когда они примыкали къ правой, становилось ясно, что это кучка въ какихъ нибудь двадцать человѣкъ. Когда послѣ октябрьскихъ событій Мунье, Лалли-Толлендаль и Бергасъ удалились изъ учредительнаго собранія, ораторами-главарями этой крошечной группы оказались, повидимому, Малуэ и Клермонъ-Тоннеръ. Они основали *клубъ безпристрастныхъ*, вскорѣ переименованный въ *клубъ друзей конституціонной монархіи*, составлявшій и съ внѣшней, и съ внутренней стороны прямую противоположность якобинскому клубу. Въ мартѣ 1791 года народное возстаніе прекратило его существованіе.

Патріоты; конституціоналисты: центръ. Большинство патріотовъ, являвшееся большинствомъ и въ учредительномъ собраніи, составлявшее *центръ*, еще меньше другихъ группъ походило на партію, да и количественно эта группа измѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ полное право назвать этихъ депутатовъ *конституціоналистами*, такъ какъ именно они редактировали и провели въ собраніи конституцію 1789—1791 гг. Описывая эту конституцію, мы тѣмъ самымъ уже дали характеристику всей политики центра въ конституантѣ. Группа эта имѣла свой клубъ,—*общество 1789 года*,—однимъ изъ президентовъ котораго былъ Сійесъ; его политика отличалась бо́льшей умѣренностью и робостью, чѣмъ политика якобинцевъ, но антагонизма между обоими клубами не было, и многіе депутаты числились членами и въ томъ, и въ другомъ. Въ конституціоналистахъ воплотился духъ всего учредительнаго собранія, положительность, умѣренность и осторожность въ соединеніи съ гражданскимъ мужествомъ, которые то одушевляли буржуазію 1789 г. и двигали ее впередъ, то сдерживали ея порывы. Они перестали быть выразителями общественнаго мнѣнія и сдѣлались непопулярными только послѣ бѣгства въ Вареннъ. Среди ихъ ораторовъ и государственныхъ дѣятелей слѣдуетъ отмѣтить: юристовъ Турэ, Таржэ, Троншэ, Трейльяра, Ле-Шапелье, глубокаго мыслителя аббата Сійеса, филантропа въ духѣ христіанства — аббата Грегуара, краснорѣчиваго протестантскаго пастора Рабо Сентъ-Этьенна, янсениста Камюса, канониста Дюрана де-

Майльяна, патріотовъ изъ аристократовъ Ліанкура, Монморанси, Лафайета и ученыхъ, какъ напр. Байльи.

Лѣвая; тріумвиратъ. — Лѣвымъ крыломъ конституціонно настроеннаго большинства была небольшая группа, болѣе сплоченная, чѣмъ всѣ остальныя, во главѣ которой стоялъ такъ наз. *тріумвиратъ:* Адріанъ Дюпоръ, Александръ де-Ламётъ и Барнавъ; къ нимъ примыкало около тридцати депутатовъ, въ томъ числѣ Шарль де-Ламётъ, герцогъ д'Эгильонъ, Мену и Богарнэ. Очень трудно опредѣлить черты различія между политикой этой группы и политикой собственно конституціоналистовъ; можно, пожалуй, отмѣтить большую настойчивость заявленій, болѣе рѣзко выраженное желаніе подладиться подъ общественное мнѣніе Парижа, наконецъ, большую враждебность по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ; мы видимъ напр., что планъ и происки Мирабо были разрушены краснорѣчивымъ Барнавомъ. Вначалѣ тріумвиратъ руководилъ якобинскимъ клубомъ; но послѣ бѣгства въ Вареннъ члены его, приведенные въ замѣшательство, сближаются съ дворомъ, дѣлаются негласными совѣтниками Людовика XVI и теряютъ популярность.

Крайняя лѣвая.—Крайнюю лѣвую составляли депутаты, которые, не будучи республиканцами и не выдавая себя за таковыхъ, и рѣчами своими, и образомъ дѣйствій ясно показывали, что стремятся къ уничтоженію монархіи; точнѣе всего ихъ можно опредѣлить, какъ приверженцевъ той «республиканской монархіи», о которой мечталъ Мабли. Наибольшей извѣстностью пользовались Бюзо, Петіонъ, Робеспьеръ, Дюбуа-Крансэ, Пріёръ и Рёдереръ. До бѣгства въ Вареннъ они выдѣлялись среди большинства собранія развѣ только своимъ демократизмомъ, плохо уживавшимся съ политическимъ неравноправіемъ; зато послѣ бѣгства ихъ политика принимаетъ ясныя очертанія, а члены партіи начинаютъ играть первостепенную роль. Они добивались низложенія Людовика XVI; не достигнувъ своей цѣли, они стали преслѣдовать исполнительную власть выраженіемъ своего недовѣрія, обличали большинство собранія въ сочувствіи двору, всячески клеймили политику компромиссовъ, хотя и тщетно, требовали пересмотра конституціи по принципамъ 1789 года и въ концѣ концовъ достигли неслыханной популярности. Робеспьеръ еще въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ и непоколебимостью.

Мирабо.—Мы затрудняемся отнести Мирабо къ одной изъ указанныхъ группъ; онъ стоитъ особнякомъ. Правда, какъ ораторъ, онъ имѣлъ соперниковъ, но онъ выдѣлялся среди своихъ современниковъ и своимъ прошлымъ, и своими взглядами, и своими пріемами, и методами. Въ противоположность большинству своихъ товарищей, онъ не былъ новичкомъ въ политикѣ; онъ былъ знакомъ съ ней съ давнихъ поръ и теоретически, и практически. Еще въ 1789 г. онъ былъ самымъ свѣдущимъ изъ всѣхъ европейскихъ публицистовъ. Его жизнь, полная приключеній (ему приходилось и путешествовать, и подолгу сидѣть въ тюрьмѣ наединѣ со своими мыслями), расширила его кругозоръ и дала ему обширный запасъ знаній. Онъ былъ знакомъ и съ исторіей, и съ политической экономіей, со статистикой, съ администраціей и съ дипломатіей, словомъ—со всѣмъ, что требуется для государственнаго дѣятеля и оратора. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ тогдашнихъ политиковъ не могъ сравниться съ нимъ въ *позитивности* мышленія. Онъ, правда, не остался чуждъ философіи XVIII в., онъ усвоилъ принципы новаго права, но не одни эти принципы руководили его политикой. Въ своей практической дѣятельности онъ всегда считался съ реальной обстановкой и любилъ при случаѣ посмѣяться надъ склонностью къ «метафизикѣ», будто-бы присущей его коллегамъ. Въ началѣ революціи онъ выступилъ борцомъ за націю противъ стараго порядка и двора. Его краснорѣчіе, полное благородства и отваги, одушевляло общество и будило его мысль. Его слова облетали цѣлую Францію; не было въ то время человѣка популярнѣе его. Пока сила была на сторонѣ деспотизма, онъ защищалъ права націи противъ претензій короля; но впослѣдствіи онъ вооружился во имя королевской власти противъ того, что онъ называлъ деспотизмомъ національнаго собранія, сталъ стремиться упрочить эту власть и «ограничить функціи законодательнаго собранія составленіемъ законовъ». Онъ считалъ, что власть короля Божіей милостью и верховенство націи могутъ быть примирены только очень

искусной и осторожной политикой; а для этого примиренія нуженъ былъ человѣкъ съ совершенно исключительными дарованіями; кому-же, кромѣ самого Мирабо, можетъ быть поручено такое дѣло?

Но репутація Мирабо была подорвана его порочною молодостью. Въ средѣ своихъ товарищей онъ не пользуется уваженіемъ: они съ отвращеніемъ сторонятся отъ него. Только силою своего краснорѣчія ему удается обратить на себя вниманіе, покорить себѣ умы людей и добиться популярности. Онъ выбивается изъ силъ, чтобы заслужить довѣріе и почтеніе общества, необходимыя для государственнаго дѣятеля. Но тѣ самые депутаты, которые восторженно апплодируютъ его рѣчамъ, преграждаютъ ему путь къ министерскому портфелю изданіемъ декрета отъ 7 ноября 1789 г., гласящаго, что званіе депутата несовмѣстимо съ ролью министра. Тогда онъ предлагаетъ свои услуги двору, который тайно субсидируетъ его (мартъ 1790 г.); но эта субсидія—не цѣна его совѣсти: его политика вполнѣ согласна съ его убѣжденіями, а получаемые имъ ежемѣсячно 6,000 ливровъ лишь оплачиваютъ, но не покупаютъ его дѣятельности. Онъ пытается уговорить короля образовать нѣчто вродѣ постояннаго тайнаго министерства, во главѣ котораго стоялъ бы онъ, Мирабо. Но дворъ стремится только обезвредить его, а вовсе не хочетъ пользоваться его услугами. Такимъ образомъ онъ оказывается въ роли негласнаго совѣтника; все, что въ это время выходитъ изъ подъ его пера, поражаетъ своей проницательностью и здравымъ смысломъ. Впрочемъ дворъ не слѣдуетъ его указаніямъ, онъ даже не можетъ оцѣнить ихъ по достоинству. Тѣмъ не менѣе Мирабо умудряется сохранить популярность, пользуется для этого силою своего краснорѣчія, прикрываетъ двусмысленность содержанія риторическою фразой. Онъ удерживаетъ занятую позицію даже тогда, когда Барнаву и братьямъ Ламётъ удается вывести его на чистую воду, и Франція продолжаетъ, несмотря ни на что, видѣть въ немъ самую крупную фигуру всей революціи. Когда онъ умираетъ (апрѣль 1791), вся нація оплакиваетъ его кончину. Его политика въ эту эпоху горячаго убѣжденія представляется въ наше время чисто флорентійской:—это какая-то сплошная интрига; но его образъ дѣйствій и не могъ быть инымъ: его прошлое поставило его въ такое ложное положеніе, такъ скомпрометтировало съ нравственной стороны, что волей-неволей приходилось вести закулисную игру. О широтѣ и глубинѣ его общественныхъ взглядовъ мы легко можемъ составить себѣ представленіе, отмѣтивъ тотъ любопытный фактъ, что въ его рѣчахъ и секретныхъ бумагахъ встрѣчаются такія сужденія о правительствѣ и администраціи, международномъ положеніи и союзѣ съ Англіей, которыми онъ какъ-бы предвосхитилъ и намѣтилъ политику Дантона и даже Гамбетты.

Послѣднія засѣданія учредительнаго собранія. Въ промежутокъ между 17 іюля и 30 сентября, т. е. между рѣзней на Марсовомъ Полѣ и закрытіемъ учредительнаго собранія, законодательная дѣятельность конституанты отличалась необыкновеннымъ оживленіемъ, напряженіемъ и нервностью. Въ эти нѣсколько недѣль собраніе окончательно разработало и утвердило политическія и соціальныя реформы, подготовленныя въ комитетахъ. Несмотря на громадное значеніе, которое оно придавало дѣлу народнаго образованія, оно, за недостаткомъ времени, успѣло только одобрить общіе принципы и высказать горячее сочувствіе взглядамъ, высказаннымъ Талейраномъ по этому вопросу (11 сентября 1791 г.); детальную разработку всей системы обученія народа,—этого властелина нашего времени,—собраніе вынуждено было предоставить своимъ преемникамъ; впредь до реформъ оно постановило (декретомъ отъ 26 сентября) сохранить существующія учрежденія. Въ это-же время она закончила пересмотръ и кодификацію конституціи (3 сентября). Желая, чтобы король былъ совершенно свободенъ принять или отвергнуть конституцію, и чтобъ его независимость была совершенно очевидна какъ самой Франціи, такъ и всей Европѣ, конституанта декретировала, что для рѣшенія этого вопроса ему разрѣшается перенести свою резиденцію въ любой городъ королевства. Людовикъ XVI не воспользовался даннымъ ему правомъ и принялъ коституцію 13 сентября 1791 г., а на слѣдующій день явился въ собраніе для скрѣпленія ея своей подписью и принесенія присяги.

Собраніе рѣшило ознаменовать день, въ который король принялъ конституцію, актомъ милосердія и умиротворенія: оно объявило прекращенными всѣ дѣла, касаю-

щіяся революціи и бѣгства короля, а 30 сентября распространило амнистію на всѣхъ заключенныхъ, изгнанныхъ и сосланныхъ на каторгу за участіе въ мятежахъ и возстаніяхъ, начиная съ 1 мая 1788 г. Оно разошлось, объявивъ ввѣренное ему дѣло законченнымъ, а засѣданія свои закрытыми. На основаніи декрета самой конституанты (16 мая 1794) никто изъ ея членовъ не могъ быть избранъ въ законодательное собраніе; рѣшеніе это было великодушно, но представляло большія практическія неудобства.

Глава III.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.
І-ГО ОКТЯБРЯ 1791 Г.—20 СЕНТЯБРЯ 1792 Г.

I. Пренія по вопросамъ внутренней политики.

Созывъ и открытіе законодательнаго собранія. Члены легислативы собрались въ Парижѣ, въ залѣ манежа, 1-го октября 1791 года. Задолго до этого, а именно 27—28 мая 1791 г., конституанта предложила всѣмъ активнымъ гражданамъ явиться 12—15 іюня въ намѣченные пункты, чтобы уполномочить нѣсколькихъ изъ своей среды на выборъ депутатовъ въ законодательное собраніе. Бѣгство короля въ Вареннъ настолько измѣнило общее положеніе дѣлъ, что конституанта нашла несвоевременнымъ тотчасъ-же уступить свое мѣсто новымъ представителямъ Франціи, и 24 іюня отсрочила вторичные выборы. Они состоялись лишь осенью, съ 25 августа по 5-е сентября. Этимъ объясняется, почему въ законодательномъ собраніи былъ такъ силенъ духъ умѣренности и монархизма: не говоря уже о цензѣ, исключавшемъ вліяніе народныхъ массъ, слѣдуетъ особенно подчеркнуть тотъ фактъ, что первичные выборы, предопредѣлившіе исходъ выборовъ второй степени, состоялись *до* бѣгства короля въ Вареннъ, т. е. еще въ то время, когда власть монарха пользовалась прежнимъ обаяніемъ, а народъ не потерялъ къ ней традиціоннаго довѣрія. При *такихъ* обстоятельствахъ не мудрено, что ярко демократическій Парижъ выбралъ своими депутатами однихъ только конституціоналистовъ, по большей части фейльяновъ или примыкавшихъ къ нимъ по своимъ убѣжденіямъ (изъ числа 24 представителей Парижа было всего лишь трое или четверо якобинцевъ).

Такъ какъ члены конституанты особымъ постановленіемъ лишили себя права переизбранія, то новое собраніе должно было составиться изъ однихъ новичковъ, никогда до тѣхъ поръ не бывшихъ законодателями. Не надо однако думать, что это были люди безъ всякой подготовки: большинство изъ нихъ пріобрѣло политическую опытность на другихъ выборныхъ должностяхъ, а именно въ качествѣ членовъ департаментскихъ управъ (directoire) или генеральныхъ прокуроровъ-синдиковъ, примѣнявшихъ на дѣлѣ новую конституцію и хорошо знакомыхъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ.

Внутренняя организація законодательнаго собранія. — Учредительное собраніе впередъ (13 іюня 1791 г.) опредѣлило дѣятельность новаго законодательнаго корпуса и дало ему регламентъ, мало чѣмъ отличающійся отъ своего собственнаго. — Легислатива раздѣлилась на бюро и выдѣлила изъ своей среды комитеты, игравшіе впослѣдствіи очень видную роль; особенное значеніе имѣли дипломатическій комитетъ и комитетъ надзора. Подобно конституантѣ, она, признавая въ принципѣ раздѣленіе властей, въ концѣ-концовъ захватила въ свои руки всѣ функціи исполнительной власти. Такъ, 7 марта 1792 г. назначила чрезвычайную комиссію, на которую было возложено «изысканіе наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для возстановленія спокойствія въ государствѣ»; своею дѣятельностью она намѣчала путь, по которому во времена конвента пошелъ комитетъ общественнаго спасенія (замѣтимъ мимоходомъ, что при жирондистскомъ министерствѣ комиссія была закрыта). Кромѣ того законодательное собраніе неоднократно посылало и въ департаменты, и въ армію комиссаровъ, избирая ихъ изъ своей-же среды.—

Франція разсчитывала, что новое собраніе будетъ слѣдить за строгимъ примѣненіемъ конституціи 1791 г. при нормальномъ и мирномъ теченіи общественной жизни, а между тѣмъ именно ему-то и пришлось извратить эту конституцію для спасенія всѣхъ пріобрѣтеній революціи отъ притязаній короля.

Партіи: правая и центръ.—Въ законодательномъ собраніи правая была до извѣстной степени сплоченной партіей и имѣла нѣкоторое подобіе организаціи. Эти *конституціонные роялисты*, какъ они любили называть себя, сблизились съ перваго-же засѣданія. «Мы сосчитали себя и увидѣли, говоритъ одинъ изъ ихъ ораторовъ, Матьё Дюма, что насъ 160 человѣкъ и что мы не потерпимъ ни одного пораженія». Вскорѣ къ этой и безъ того внушительной группѣ примкнули еще многіе члены *центра*. Главарями ея были, повидимому, Воблапъ, Матьё Дюма, Рамонъ, Теодоръ Ламётъ, Станиславъ де-Жирарденъ, Лемонтей, Жокуръ, Катрмеръ-де-Кенси, Беньо. Въ февралѣ 1792 г. *правая* насчитываетъ уже 259 членовъ, а впослѣдствіи въ наиболѣе важныхъ вопросахъ, какъ напр. въ дѣлѣ Лафайетта, она составляетъ большинство, привлекая въ свои ряды весь центръ. Среди ея членовъ нѣтъ приверженцевъ стараго порядка и даже людей, враждебно относящихся къ принципамъ 1789 г. Всѣ безразлично хотятъ, чтобы Людовикъ XVI сохранилъ власть, данную ему конституціей, независимо отъ его прежняго и настоящаго образа дѣйствій. Это—политика фейльяновъ.

Тѣ 250—300 депутатовъ, которыхъ уже въ то время объединяли подъ названіемъ *центра*, охотно называли себя *независимыми (indépendants)*. Самыми видными изъ нихъ были Пасторэ, Биго де-Преаменё, Лакюе. Хотя они и утверждали, будто не принадлежатъ ни къ какой партіи, но ихъ симпатіи были несомнѣнно на сторонѣ конституціонныхъ роялистовъ. Своимъ присоединеніемъ они давали перевѣсъ то тѣмъ, то другимъ; къ этому сводилось все ихъ значеніе.

Лѣвая: жирондисты и монтаньяры.—Названія *жирондистовъ* и *монтаньяровъ* вошли во всеобщее употребленіе только при конвентѣ. Въ началѣ дѣятельности легислативы, когда рѣзко обозначились только двѣ партіи,—правая и лѣвая, фейльяны и якобинцы,—вся лѣвая (подъ ней мы разумѣемъ тѣ 130 депутатовъ, которые съ самаго открытія сессіи записались въ члены якобинскаго клуба), вся лѣвая, говоримъ мы, казалось, была единодушна въ своемъ недовѣріи къ королевской власти, въ своемъ желаніи сдерживать и умалять ее въ пользу народнаго представительства. Расколъ произошелъ въ якобинскомъ клубѣ по поводу преній о войнѣ въ концѣ 1791 г. и въ началѣ 1792 г. Бриссо и его товарищи, депутаты Жиронды, ратовали въ то время за идею вооруженной пропаганды и хотѣли поднять народы противъ королей, надѣясь сдѣлать такимъ образомъ неосуществимыми всѣ проекты коалиціи и въ то-же время содѣйствовать распространенію принциповъ 1789 г. Робеспьеръ находилъ подобную пропаганду несоотвѣтствующей цѣли и опасной въ виду того, что «вооруженные миссіонеры всегда встрѣчаются недружелюбно»; кромѣ того онъ полагалъ, что неразумно переходить въ наступленіе при незначительности наличныхъ силъ страны. Хотя, кромѣ него, почти никто не высказался противъ войны, но въ его словахъ было столько рѣшительности и увѣренности, что ему удалось привлечь на свою сторону не мало страстныхъ патріотовъ, проникнутыхъ воинственнымъ духомъ и увлеченныхъ идеей пропаганды, но понявшихъ изъ его словъ, что прежде, чѣмъ итти войной противъ чужеземныхъ королей, надо закончить борьбу со своимъ собственнымъ и внутри Франціи упрочить пріобрѣтенія революціи. Впрочемъ рознь между жирондистами или, скорѣе, *бриссотинцами* (какъ ихъ называли въ то время) и *робеспьеристами* сказалась не только по поводу войны, но и на почвѣ религіи. Робеспьеръ былъ христіаниномъ въ духѣ *«Савойскаго викарія»*: онъ говоритъ съ трибуны о Богѣ и Провидѣніи тѣмъ серьезнымъ тономъ, который такъ нравился на хорахъ клуба—женщинамъ и простому народу. Онъ еще не выступаетъ въ роли первосвященника Верховнаго Существа, но уже говоритъ тономъ проповѣдника. Среди жирондистовъ, напротивъ, немало вольтеріанцевъ; въ ихъ рядахъ стоитъ Кондорсэ, величайшій изъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ сотрудниковъ энциклопедіи и противниковъ христіанства. 26 марта 1792 г. Гюаде, одинъ изъ депутатовъ Жиронды, упрекнулъ Робеспьера въ

якобинскомъ клубѣ за то, что тотъ въ проектѣ адреса упомянулъ о «Провидѣніи, которое охраняетъ насъ больше, чѣмъ наше собственное благоразуміе», и получилъ очень колкій отвѣтъ. Это столкновеніе еще болѣе усилило раздоръ, происшедшій изъ-за вопроса о войнѣ; съ этого времени начинаютъ все болѣе и болѣе опредѣляться тѣ группы, которыя впослѣдствіи получили названіе жирондистовъ и монтаньяровъ.

Бриссо познакомилъ депутатовъ Жиронды, Гюаде, Верньо, Жансоннэ, съ Кондорсэ, г-жою Роланъ и парижскимъ мэромъ Петіономъ; но это знакомство не положило основанія организованной партіи. Тѣмъ не менѣе съ самаго начала засѣданій легислативы «жирондисты» хотя и сохраняютъ свою индивидуальную независимость, но уже объединены общими политическими симпатіями. Бѣгство короля пробудило въ нихъ республиканскія чувства, и можно положительно сказать, что въ 1791 и 1792 г. многіе изъ нихъ были въ глубинѣ души республиканцами; но они знали, что не таково настроеніе всей Франціи, и вмѣстѣ съ ней поддерживали монархическую конституцію; изъ короля они хотѣли сдѣлать не болѣе какъ президента республики: поскольку король пойдетъ рука объ руку съ революціей, онъ сохранитъ свое званіе и должный почетъ; если-же онъ нарушитъ или измѣнитъ конституцію, если онъ,—по выраженію краснорѣчиваго Верньо,—сдѣлается *тираномъ Лизандромъ*,—онъ будетъ низложенъ. Этимъ объясняются тѣ филиппики противъ Людовика XVI, которыми разражаются въ 1792 не только Верньо, но и Инаръ, и Гюаде.

Крайняя лѣвая легислативы не состояла изъ послѣдователей Робеспьера. Самъ Робеспьеръ занималъ въ то время мѣсто прокурора при парижскомъ уголовномъ судѣ и, не будучи болѣе депутатомъ, могъ оказывать вліяніе только на якобинскій клубъ. Маратъ продолжалъ возбуждать общественное мнѣніе своими пасквилями, но не засѣдалъ въ легислативѣ; Дантонъ, въ которомъ жирондисты даже въ концѣ 1791 г. видятъ только демагога, точно такъ же не входитъ въ составъ собранія. Тѣмъ не менѣе демократическія идеи кордельерскаго клуба имѣютъ въ немъ своихъ представителей въ лицѣ Мерлена (отъ Тіонвилля), Шабо и Базира,—трехъ ораторовъ, болѣе пламенныхъ, чѣмъ вліятельныхъ.

Первыя засѣданія законодательнаго собранія.—На первыхъ порахъ собраніе проявило большую неувѣренность и нерѣшительность. Когда засѣданія были открыты, депутаты должны были избрать предсѣдателя на двухнедѣльный срокъ, но добиться этого удалось только послѣ трехъ голосованій. Фейльянскій кандидатъ, Пасторе, получилъ 211 голосовъ, а Гаррахъ-Кулонъ, кандидатъ якобинской партіи,—158 голосовъ (3 октября 1891 г.). Черезъ два дня большинство измѣнилось, и было принято простымъ вставаніемъ предложеніе Кутона упростить церемоніалъ, соблюдаемый при появленіи короля въ собраніи, а именно вывести изъ употребленія титулы *Государя* (Sire) и *Величества* (Majesté), поставить ему, вмѣсто трона, такое-же кресло и на томъ-же возвышеніи, какъ у предсѣдателя. Черезъ сутки перевѣсъ снова оказался на сторонѣ правой, и декретъ о церемоніалѣ былъ отмѣненъ. Когда-же на слѣдующій день король явился въ собраніе, затихла всякая рознь между якобинцами и фейльянами, между правой и лѣвой, и всѣ были охвачены монархическимъ настроеніемъ. Заявленіе короля, «что между законодательнымъ корпусомъ и королемъ должно царить постоянное согласіе и неизмѣнное довѣріе», было встрѣчено общими аплодисментами и криками: «да здравствуетъ король!».

Собраніе было совершенно единодушно, дѣлая овацію *королю французовъ, королю конституціонному*, но это не мѣшало ему сильно колебаться между политикой конституціонныхъ роялистовъ и программами якобинцевъ или жирондистовъ. Королю слѣдовало опереться на одну изъ этихъ двухъ партій и дать ей перевѣсъ. Но дворъ относился съ одинаковой ненавистью къ фейльянамъ и къ ихъ политическимъ соперникамъ, и всѣми силами вооружалъ ихъ другъ противъ друга, дѣлая примиреніе между ними совершенно невозможнымъ. Онъ сталъ искать сближенія съ фейльянами и принялъ ихъ помощь только тогда, когда они потеряли довѣріе общества. Между тѣмъ силы и вліяніе жирондистовъ росли съ поразительной быстротой. Лафайетъ, въ которомъ со времени столкновенія на Марсовомъ Полѣ стали видѣть прислужника короля, подалъ въ отставку, не желая оставаться главноначальствующимъ національной гвардіей; Байльи не рѣ-

шился удержать свой постъ мэра и также просилъ объ увольненіи. Лафайетъ былъ назначенъ кандидатомъ къ своему преемнику, противъ чего, говорятъ, сильно возставала королева; умѣренные элементы Парижа воздержались отъ подачи голосовъ; въ результатѣ получилось избраніе Петіона мэромъ, Манюеля — коммунальнымъ прокуроромъ, а Дантона—однимъ изъ двухъ его помощниковъ. Такимъ образомъ въ концѣ 1791 г. передовая партія одерживаетъ верхъ въ Парижѣ и въ концѣ-концовъ добивается, повидимому, большинства и въ самомъ собраніи. Партія, которую ошибочно называютъ *жирондистской* и которую въ это время слѣдовало-бы называть уже *якобинской*, тѣсно сплотилась для борьбы противъ двусмысленной политики двора, который соединилъ въ это время въ одномъ и томъ-же министерствѣ людей, прямо противоположныхъ по образу мыслей: ретроградa Бертрана де-Молевилля, патріота—Кайе де-Жервилля, Делессара,—человѣка безъ опредѣленныхъ убѣжденій, наконецъ, интригана Нарбонна, человѣка совершенно безпринципнаго. По словамъ Дюмурье, «они враждовали между собою, точно въ самыя мирныя времена». Министерство это совершенно неосновательно называли *фейльянскимъ*, а Барнавъ и братья Ламеты напрасно считали себя его тайными руководителями: его существованіе оправдывалось только необходимостью скрывать за конституціонными кулисами выжидательную политику и козни двора— какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ Франціи.

Авиньонская рѣзня.—Надежды на миръ и спокойствіе, зародившіяся было подъ вліяніемъ королевской рѣчи, сразу рухнули, когда въ общество проникла страшная вѣсть объ авиньонской рѣзнѣ. Запоздалый декретъ конституанты о присоединеніи Авиньона къ Франціи не успокоилъ умы мѣстныхъ жителей. Въ городѣ были двѣ партіи: во главѣ одной стояли члены муниципалитета, другая группировалась вокругъ горсти солдатъ, набранныхъ еще для борьбы съ Карпантрасомъ. Пользуясь анархіей, не прекращавшейся со времени удаленія вице-легата, онѣ боролись за власть. Дѣло особенно обострилось послѣ того, какъ нѣкій Лекюе, принадлежавшій къ военной партіи, былъ подвергнутъ народомъ страшнымъ истязаніямъ въ одной изъ церквей и умеръ отъ полученныхъ поврежденій. Товарищи жестоко отомстили за него. Подъ предводительствомъ Журдана, бывшаго прежде погонщикомъ лошаковъ, они хватали прохожихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и безъ разбору бросали ихъ полуживыми въ подземелье башни Ла-Гласьеръ. Для возстановленія порядка были посланы французскія войска; главные виновники были арестованы и только благодаря амнистіи (19 марта 1792) избѣгли наказанія. Эти ужасныя событія произвели потрясающее впечатлѣніе; въ нихъ увидѣли мрачное предзнаменованіе для будущаго.

Религіозныя и иныя волненія.—Самое серьезное столкновеніе между Людовикомъ XVI и законодательнымъ собраніемъ произошло на почвѣ тѣхъ самыхъ религіозныхъ вопросовъ, которые въ свое время вызвали размолвку между королемъ и конституантой. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ будутъ описаны волненія, возникшія по поводу введенія гражданскаго устава о духовенствѣ и охватившія чуть не всю Францію. Распря между присяжнымъ и безприсяжнымъ духовенствомъ грозила перейти въ гражданскую войну. 9-го октября Собраніе получило отъ Голуа и Жансоннэ,—двухъ комиссаровъ, посланныхъ конституантой въ Вандею и Дё-Севръ,— отчетъ, изъ котораго явствовало, что духовенство стараго закала подготовляло на западѣ контръ-революцію. 29 ноября легислатива декретировала, что всѣ духовные, отказавшіеся принять гражданскій уставъ, обязываются принести впродолженіе недѣли присягу на вѣрность націи, закону и королю, или, что то-же,—гражданскую присягу; въ случаѣ неисполненія этого требованія они будутъ лишены жалованья и отнесены къ разряду «неблагонадежныхъ». Король, опираясь на управу (directoire) парижскаго департамента, не далъ своей санкціи декрету и упорствовалъ въ своемъ отказѣ. Даже тогда, когда общественный недугъ принялъ грозные размѣры, и легислатива рѣшилась издать декретъ отъ 27 мая 1792 г. о пожизненномъ изгнаніи всѣхъ безприсяжныхъ священниковъ, она натолкнулась на то же самое непреклонное *veto*.—Казалось, опасность была не меньше внутри, чѣмъ извнѣ. Не одни только религіозные, а и многіе другіе вопросы вызывали въ періодъ

дѣятельности законодательнаго собранія волненія въ департаментахъ; но размѣры нашего труда не позволяютъ разсмотрѣть ихъ исторію, въ виду сложности и малой разработанности предмета. Эти волненія вызывались и политическими причинами: въ числѣ ихъ укажемъ на попытки произвести контръ-революцію, поддѣлку ассигнацій, пониженіе ихъ курса; безсиліе или неприспособленность новыхъ учрежденій, слабость, бездѣйствіе или недоброжелательство новыхъ чиновниковъ, и, въ особенности, — вопросъ о продовольствіи, лежащій въ основѣ почти всѣхъ тѣхъ народныхъ мятежей, которые задерживали или ускоряли ходъ революціи.

Декреты противъ эмигрантовъ.—Вначалѣ все вниманіе патріотовъ было привлечено внѣшней опасностью. Скопленіе эмигрантовъ на прирейнской границѣ особенно безпокоило законодательное собраніе. 31 октября 1791 года оно потребовало, чтобы графъ Прованскій въ двухмѣсячный срокъ вернулся во Францію; въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ считаться отказавшимся отъ возможнаго права на регентство. 9 ноября оно особымъ актомъ «заподозрило въ противозаконномъ заговорѣ и измѣнѣ отечеству всѣхъ французовъ, собирающихся за предѣлами королевства». Конечнымъ срокомъ для распущенія скопищъ было назначено 1-ое января. Противъ всѣхъ ослушниковъ, не исключая принцевъ королевскаго дома и другихъ высокопоставленныхъ особъ, будетъ возбуждено уголовное преслѣдованіе. Людовикъ XVI протестовалъ противъ этого декрета и наложилъ на него свое *veto*, но въ то же время приказалъ двумъ своимъ братьямъ вернуться во Францію. Они отказались повиноваться «изъ нѣжной привязанности» къ брату, какъ они имѣли наглость заявить; на требованіе собранія старшій принцъ отвѣчалъ дерзкимъ, насмѣшливымъ письмомъ.

II. Революція и Европа.

Причины столкновенія съ Европой.— Вопросъ объ эмигрантахъ былъ лишь незначительной частью очень сложнаго вопроса о взаимномъ отношеніи революціонной Франціи и монархической Европы. Событія 1789 года пробудили за предѣлами Франціи глубокій интересъ, почти повсемѣстное сочувствіе, нерѣдко даже— энтузіазмъ. Съ другой стороны, и иностранныя правительства были отнюдь не прочь, чтобы внутреннія усобицы дѣлали Францію безсильной во внѣшнихъ отношеніяхъ. Короли не внимали настойчивымъ просьбамъ эмигрантовъ и не собирались съ оружіемъ въ рукахъ измѣнять существующее положеніе вещей, ровно ничѣмъ, какъ имъ казалось, не угрожавшее имъ самимъ. Даже, когда самъ Людовикъ XVI сталъ тайно просить о вооруженной коалиціи, для устрашенія «мятежныхъ» элементовъ его королевства, онъ получилъ въ отвѣтъ смутныя, ничего не говорившія обѣщанія. Только извѣстіе о событіяхъ въ Вареннѣ, объ этомъ поруганіи королевскаго достоинства, впервые пробудило въ иностранныхъ государяхъ чувства солидарности съ Людовикомъ XVI и страхъ, какъ бы ихъ собственные подданные не увлеклись примѣромъ французовъ. Успѣшная проповѣдь о распространеніи революціи на всю Европу и возстаніи всѣхъ народовъ противъ всѣхъ королей, съ которой выступили Бриссо и жирондисты, окончательно открыли имъ глаза. Между Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и Леопольдомъ II состоялось 27 августа 1791 г. совѣщаніе въ Пильницѣ. Посредствомъ своей тайной дипломатіи Людовикъ XVI прилагалъ всѣ усилія, чтобы побудить ихъ перейти отъ слова къ дѣлу. 3 декабря 1791 французскій король, не разъ клявшійся быть вѣрнымъ конституціи, обратился къ королю прусскому съ напоминаніемъ, что только конгрессъ, опирающійся на военную силу, можетъ возстановить желательный порядокъ вещей и не дать революціи охватить остальную Европу. Мало-по-малу Австрія и Пруссія, подстрекаемыя Россіей, желавшей отвлечь ихъ вниманіе отъ Польши, стали

склоняться къ мысли о вооруженномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Франціи. Леопольдъ II не желалъ войны; но антагонизмъ между революціонной Франціей и феодальной Европой становился съ каждымъ днемъ непримиримѣе, и современники уже не считали возможнымъ избѣжать кроваваго столкновенія, а эта увѣренность, охватившая всѣ умы, въ свою очередь дѣлала международное положеніе еще болѣе обостреннымъ.

Франція и Германія имѣли особыя причины враждовать другъ съ другомъ: съ одной стороны, нѣмецкіе князья, позволявшіе эмигрантамъ организовывать свои военныя силы, возбуждали негодованіе всей Франціи; съ другой — отмѣна феодальныхъ правъ нарушала интересы имперскихъ князей, имѣвшихъ сюзеренныя права въ Эльзасѣ. Правда, Леопольдъ II обѣщалъ разослать эмигрантовъ въ разныя области имперіи, но въ то же время онъ отдалъ приказъ своей арміи идти на помощь курфюрсту Трирскому, если Франція вздумаетъ сдѣлать на него нападеніе изъ-за вопроса объ эмигрантахъ. Вѣнскій дворъ позволялъ себѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, заносчиво поносилъ якобинскій клубъ и отказывался признать, что король не лишенъ свободы. Что касается феодальныхъ притязаній имперскихъ князей, то въ удовлетвореніе ихъ Франція предлагала денежное вознагражденіе; но сеймъ не соглашался на такой переходъ, требуя, чтобы Франція отказалась отъ своихъ законовъ и отмѣнила декреты 4 августа. 1 марта 1792 г. умеръ Леопольдъ II, чувствовавшій отвращеніе къ войнѣ; на престолъ вступилъ его 24-лѣтній сынъ Францъ II, который гораздо охотнѣе поддавался воинственнымъ вѣяніямъ.

Да и въ самой Франціи общественное мнѣніе не склонялось къ соглашенію съ Австріей; пропаганда постепенно усиливалась: красный колпакъ, санкюлоты, оружіе въ рукахъ народа,—все это указывало на новое настроеніе,—на духъ гуманитаризма и жажду побѣды. Всѣхъ увлекала идея о дарованіи самоуправленія сосѣднимъ народамъ, объ установленіи естественныхъ границъ при всеобщемъ и дружномъ возстаніи націй, о томъ, чтобы противопоставить коалиціи королей противъ народовъ — коалицію народовъ противъ королей. Все и вся, кромѣ Робеспьера и его единомышленниковъ, жаждало войны: король — чтобы возстановить свою власть, фейльяны — чтобы упрочить положеніе короля, патріоты—чтобы закрѣпить побѣды революціи.

Вопросъ заключался только въ томъ, какіе размѣры приметъ предстоящая война. Король и фейльяны желали ограничить ее небольшими пограничными княжествами, служившими пріютомъ для эмигрантовъ. Для Людовика XVI это было средствомъ безъ всякаго риска вернуть себѣ утраченную популярность, а при случаѣ воспользоваться войскомъ противъ революціи. Якобинцы сначала также хотѣли воевать только съ пограничными нѣмецкими государствами, но съ теченіемъ времени они стали добиваться войны съ Австріей, надѣясь на союзъ или, по крайней мѣрѣ, на нейтралитетъ Пруссіи; надежда эта была впрочемъ совершенно тщетной, такъ какъ Пруссія уже заключила договоръ съ Австріей.

Жирондистское министерство.—Бриссо и его партія увлекали за собой общественное мнѣніе, проповѣдуя войну и идею всенародной пропаганды. Движеніе распространилось такъ широко и притомъ съ такою силой, что охватило чуть не все законодательное собраніе; король былъ вынужденъ утвердить «министерство санкюлотовъ», какъ его называли современники, или жирондистское министерство, по терминологіи историковъ.

Два одновременныхъ событія, — смерть Леопольда II и назначеніе въ Испаніи новаго министра,—философа Аранда,—побудили жирондистовъ оказать рѣшительное давленіе на короля. Они воспользовались отставкой военнаго министра Нарбонна, чтобы произвести демонстрацію въ его пользу, дѣлая видъ, будто считаютъ этого завѣдомаго интригана вѣрнымъ слугой націи (10 марта 1792 г.). Въ тотъ же день состоялось постановленіе объ арестѣ министра иностранныхъ дѣлъ Делессара въ виду подозрительной затяжки его переговоровъ съ Австріей. Жирондисты не скрывали, что этимъ они желали только запугать дворъ, а Верньо прямо таки восклицалъ: «съ этой трибуны видѣнъ дворецъ, гдѣ вѣроломные совѣтники сбиваютъ съ толку короля... ужасъ и страхъ не разъ исходили изъ этого дворца, пусть же теперь они

войдутъ въ него во имя закона. Пусть всѣ, кто тамъ есть, знаютъ, что неприкосновенна только особа короля, что кара закона не минуетъ ни одного виновнаго, что ни одна преступная голова не избѣгнетъ меча правосудія!»

Король былъ устрашенъ и, скрѣпя сердце, рѣшился составить санкюлотское министерство. Но онъ не могъ призвать къ власти ни членовъ законодательнаго собранія, самое званіе которыхъ не допускало такого совмѣстительства (согласно декрету 19 мая 1790 г.), ни бывшихъ членовъ конституанты, такъ какъ на основаніи декрета 7 апрѣля 1791 г. «никто изъ депутатовъ не могъ ни занимать постъ министра, ни получать отъ администраціи и ея органовъ какія бы то ни было мѣста, награды, пенсіи, жалованье или исполнять ея порученія во всю бытность свою депутатомъ и 4 года спустя по сложеніи съ себя полномочій». Такимъ образомъ составъ министерства, — Бриссо, Верньо, Кондорсэ, Петіонъ, — намѣченный, казалось-бы, самымъ ходомъ событій, не былъ возможенъ, и жирондѣ пришлось руководить дѣлами черезъ подставныхъ лицъ. Такимъ образомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто Делессара, былъ назначенъ товарищъ Жансоннэ,—знаменитый впослѣдствіи Дюмурье, — солдатъ по профессіи, дипломатъ по наклонностямъ, ученикъ Фавье и ненавистникъ Австріи; въ то время его мало цѣнили и считали зауряднымъ авантюристомъ. Можно было думать, что онъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Бриссо, и никто не предвидѣлъ той болѣе блестящей, чѣмъ великой, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ самостоятельной роли, которую ему суждено было играть. По его рекомендаціи, король назначилъ на высшіе посты людей малоизвѣстныхъ: такъ, Лакостъ сдѣлался министромъ флота, Дюрантонъ — юстиціи, Клавьеръ—финансовъ, Роланъ — внутреннихъ дѣлъ. Де-Гравъ, управлявшій въ то время военнымъ министерствомъ, былъ впослѣдствіи замѣненъ Серваномъ.

Роланъ, бывшій раньше инспекторомъ мануфактуръ, былъ обязанъ своимъ повышеніемъ вліянію своей жены, въ салонѣ которой составилось новое министерство. Это былъ человѣкъ, не блиставшій умомъ, но честный, простой и неприхотливый, какъ истый республиканецъ. Дюмурье сравнивалъ его съ принарядившимся квакеромъ: «прилизанные бѣлые волосы; немного пудры; черная одежда; башмаки, вмѣсто пряжекъ, стянутые шнурами, придавали ему видъ гиппопотама». Имъ руководила женщина съ выдающимися дарованіями, жаждавшая власти и преобладающаго вліянія на всю политику, что въ свое время повело къ столкновенію съ Дюмурье и паденію министерства.

Политика Дюмурье.—19 марта 1792 г. новый министръ иностранныхъ дѣлъ, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, появился на трибунѣ якобинскаго клуба. Обратившись къ своимъ «братьямъ» съ просьбой не отказать ему въ совѣтахъ и покровительствѣ, онъ высказалъ рѣшительное желаніе добиться «либо полнаго и прочнаго мира, либо открытой войны». Громкія рукоплесканія покрыли это смѣлое заявленіе. Нѣсколько дней спустя королева въ категорическихъ выраженіяхъ высказала ему, что «ни король, ни она сама не въ состояніи больше терпѣть всѣхъ этихъ повишествъ, а также конституціи». Но Дюмурье былъ, по характеристикѣ госпожи Роланъ, «человѣкъ не робкаго десятка, бывалый, смѣлый и умный, борецъ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ, кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ и славы». Онъ былъ такого высокаго мнѣнія о своемъ умѣ и ловкости, что понадѣялся примирить дворъ и якобинцевъ, обманывая одновремено обѣ стороны, и въ концѣ концовъ осуществить свою завѣтную мечту—добиться побѣды и униженія Австріи.

Въ виду составившейся противъ Франціи коалиціи, Дюмурье, а вмѣстѣ съ нимъ и вся жиронда полагали, что Франціи слѣдуетъ принять на себя иниціативу войны и двинуть свои войска въ Бельгію, воспользовавшись ея стремленіемъ освободиться изъ подъ австрійскаго гнета. Хотя союзъ Пруссіи съ Австріей былъ совершившимся фактомъ (съ 7 февраля 1792 г.), однако Дюмурье разсчитывалъ добиться его распаденія; его надежды раздѣляли всѣ революціонеры. Для переговоровъ по этому вопросу былъ посланъ въ Берлинъ молодой Кюстинъ; а въ Лондонѣ въ то-же самое время Талейранъ старался заключить союзъ съ Англіей или, по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ ея нейтралитетъ. Въ нейтралитетѣ-же Швеціи Франція могла быть вполнѣ увѣрена, такъ какъ ярый противникъ ея новаго строя, Густавъ III, умеръ

отъ руки убійцы (мартъ). Сдѣлавъ необходимыя измѣненія въ личномъ составѣ своего министерства и посольствъ, Дюмурье повелъ переговоры съ такой твердостью, смѣлостью и прямотой, которыя поразили всю Европу. Съ вѣнскимъ дворомъ онъ заговорилъ тономъ, котораго—къ негодованію всѣхъ патріотовъ—не умѣлъ принять Делессаръ; въ Вѣну былъ посланъ ультиматумъ, и Дюмурье, во что-бы то ни стало желавшій войны (хотя онъ и отрекается отъ этого въ своихъ *Мемуарахъ*), огласилъ въ законодательномъ собраніи всю дипломатическую переписку съ Австріей и опубликовалъ предъявленныя ей требованія; этимъ онъ отрѣзалъ отступленіе какъ Франціи, такъ Австріи. А тѣмъ временемъ *праздникъ свободы*, данный въ честь солдатъ швейцарскаго полка Шатовьё, воспламенялъ патріотизмъ парижанъ (15 апр. 1792 г.).

18 апрѣля законодательное собраніе узнало, что вѣнскій дворъ въ пренебрежительныхъ выраженіяхъ отказывается принять требованія Франціи и заявляетъ, что будетъ держаться условій, выраженныхъ въ нотѣ отъ 18 марта предыдущаго года, въ которой Кауницъ отказывался сократить дальнѣйшія вооруженія подъ предлогомъ, будто якобинская пропаганда угрожаетъ Бельгіи.

Что касается вооруженнаго конгресса и соглашенія державъ для борьбы противъ Франціи, то Австрія равнымъ образомъ не считаетъ возможнымъ прекратить ихъ, «пока не исчезнутъ причины, породившія ихъ и сдѣлавшія необходимымъ ихъ дальнѣйшее существованіе». Этими причинами была конституція 1791 г. Такимъ образомъ Австрія, какъ и раньше, продолжала вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла.

Объявленіе войны Австріи (20 апрѣля 1792 г.). — Слѣдовало-ли однако, чтобы Франція приняла на себя иниціативу войны? Даже наиболѣе воинственные элементы еще колебались въ эту критическую минуту, видя, что въ Вѣнѣ радуются наступательной политикѣ Франціи. Но что сказали бы они, еслибы знали, какъ знаемъ это мы,— что король и королева предавали Францію? а между тѣмъ это было именно такъ. — Тайный агентъ двора опровергалъ въ Вѣнѣ оффиціальную дипломатію французскаго правительства, королевская чета сообщала чужеземцамъ планы военныхъ дѣйствій, принятые на совѣтѣ министровъ, и настойчиво просила, чтобы Европа пришла къ нимъ на помощь со своими войсками. Но въ то время двуличность двора никому не была извѣстна; ее подозрѣвали только Маратъ и Робеспьеръ. На основаніи доклада Дюмурье, совѣтъ министровъ постановилъ, чтобы 20 апрѣля 1792 г. король предложилъ законодательному собранію объявить войну. Противъ войны было подано всего 7 голосовъ; и собраніе «декретировало войну противъ короля венгерскаго и богемскаго», благоразумно обойдя молчаніемъ германскую имперію. Дюмурье льстилъ себя надеждой, что, благодаря этому, будетъ сохраненъ нейтралитетъ германскаго союза; онъ все равно ничего не могъ выиграть отъ войны, которая могла оказаться выгодной развѣ только Австріи и Пруссіи, а «всякое увеличеніе ихъ могущества должно идти въ ущербъ остальнымъ частямъ имперіи и расшатывать ея устои». И дѣйствительно, нѣмецкіе владѣтельные князья, кромѣ ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, оставались вначалѣ безучастными Зато Пруссія, несмотря на всѣ ухищренія Дюмурье, примкнула къ Австріи и готовилась къ походу.

Состояніе французской арміи.—Франція не была готова ни къ наступательной, ни къ оборонительной войнѣ. Укрѣпленія находились въ самомъ жалкомъ состояніи, и непріятель могъ безпрепятственно вступить на французскую территорію. Послѣ бѣгства въ Вареннъ, армія получила приказъ встать на военное положеніе, т.-е. увеличить свой составъ до 750 человѣкъ на батальонъ и до 170 въ эскадронѣ. Но дѣло это было неосуществимо; для этого пришлось бы включить въ армію національную гвардію, но законодательное собраніе упорно отказывалось дать на это свое согласіе; —оно опасалось, какъ бы, войдя въ составъ войскъ короля, волонтеры не сдѣлались его послушнымъ орудіемъ. Оно желало, чтобы—на ряду со старой королевской арміей — стояла армія національная. Эта политика станетъ намъ совершенно понятной, если мы вспомнимъ, что всѣ проекты контръ-революціи строились главнымъ образомъ на томъ, что Людовикъ XVI подавитъ мятежъ, опираясь на войско; но она имѣла пагубное послѣдствіе, затормозивъ наборъ регулярныхъ войскъ. А между тѣмъ армія и безъ того была дезорга-

низована эмиграціей офицеровъ (утверждаютъ, будто изъ 9 тыс. ихъ осталось только 3 тыс.) и ослабленіемъ дисциплины среди солдатъ, присутствовавшихъ на засѣданіяхъ политическихъ клубовъ.

Національная армія состояла изъ 202 батальоновъ *волонтеровъ*: это были національные гвардейцы, которые добровольно перешли отъ службы гарнизонной къ службѣ активной, не сливаясь впрочемъ съ линейными войсками. Они вступали въ ряды лишь временно и 1 декабря каждаго года могли покинуть ихъ. Но въ моментъ объявленія войны всѣ эти батальоны не были ни организованы, ни вооружены, ни экипированы. Военный комитетъ разсчитывалъ выставить до 400.000 солдатъ, въ томъ числѣ и волонтеровъ. Дѣйствительность не оправдала столь радужныхъ надеждъ. Несмотря на всѣ усилія законодательнаго собранія, несмотря на новые и новые призывы волонтеровъ, оборонительныя силы Франціи три мѣсяца спустя послѣ начала войны равнялись на всемъ протяженіи границы отъ Дюнкирхена до Базеля всего 82.000 человѣкъ (не включая въ это число гарнизоновъ). Между тѣмъ въ одной прусской арміи было 171.000 человѣкъ пѣхоты и 41.000 человѣкъ кавалеріи.

Неудачное начало войны.—Неудачи начались еще въ концѣ апрѣля. Одна изъ французскихъ колоннъ, шедшая по направленію къ Турне, пришла въ смятеніе при видѣ нѣсколькихъ австрійскихъ кавалеристовъ. Во время бѣгства солдаты убили своего генерала,—Т. Диллона. Въ этоже время Биронъ шелъ изъ Кіеврэна на Монсъ. На каждомъ шагу его солдатами овладѣваетъ паника: они бѣгутъ, бѣгутъ и бѣгутъ. Австрійцы захватываютъ и удерживаютъ за собой Кіеврэнъ. Несмотря на отчаянныя усилія Бирона, французскіе солдаты бросаютъ оружіе и фуражъ и безпорядочно покидаютъ Бельгію. Къ счастью для Франціи, австрійцы не имѣли возможности воспользоваться благопріятнымъ для нихъ моментомъ и втеченіе двухъ мѣсяцевъ не возобновляли военныхъ дѣйствій. Но эти пораженія внушили Европѣ ложное представленіе объ оборонительныхъ силахъ «патріотовъ». Тамъ предполагали, что простая военная прогулка достаточна для захвата Парижа, а эмигранты въ свою очередь поторопились изобразить неудачу «якобинцевъ» въ самыхъ преувеличенныхъ размѣрахъ. Контръреволюція казалась возможной и близкой. И вотъ въ такую-то тяжелую минуту дворъ съ удвоенной энергіей продолжаетъ переговоры съ непріятелемъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы ускорить его вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи (это не мѣшаетъ ему однако проводить рѣзкую грань между собой и эмигрантами); король посылаетъ даже довѣренное лицо съ порученіемъ побудить Австрію и Пруссію издать манифестъ для устрашенія мятежниковъ, его «внутреннихъ» враговъ. Мало того, онъ выдаетъ Австріи планы національной обороны, составляемые министрами. Понемногу во Франціи стали догадываться объ истинѣ, а въ законодательномъ собраніи открыто обличать.

Паденіе министерства жирондистовъ.—Истинной причиной паденія министерства Дюмурье-Ролана была неудача дипломатической комбинаціи Дюмурье, съ одной стороны, и пораженіе французскихъ войскъ, подорвавшее авторитетъ жирондистовъ, съ другой. Только при такихъ неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ у Людовика XVI хватило духу удалить ихъ отъ кормила правленія. Къ тому-же надо замѣтить, что какъ разъ въ это время въ якобинскомъ клубѣ произошелъ разрывъ между Бриссо (и близкими къ нему лицами) и Робеспьеромъ.—Законодательное собраніе не дремало. Смущенное ходомъ войны, не видя нормальнаго средства противъ происковъ двора, подозрѣвая его тайное соглашеніе съ непріятелемъ, оно издало одинъ за другимъ три громовыхъ декрета: 27 мая—объ изгнаніи безприсяжныхъ священниковъ, 29-го—о распущеніи королевской гвардіи, 8 іюня—о военномъ лагерѣ въ 20,000 человѣкъ федератовъ, который рѣшено было расположить подъ самымъ Парижемъ. Король сдался только въ одномъ пунктѣ и далъ согласіе на распущеніе своей гвардіи, но наотрѣзъ отказался утвердить декреты о священникахъ и парижскомъ лагерѣ. Тогда-то Дюмурье порвалъ прежнія отношенія со своими коллегами и перешелъ на сторону короля. Роланъ сдѣлалъ королю обстоятельный докладъ (remontrance) о положеніи дѣлъ, составленный его женою, и былъ отставленъ; та-же участь постигла Сервана и Клавьера. Собраніе отъ лица всей французской націи выразило сожалѣніе по поводу удаленія бывшихъ министровъ. Дюмурье остался и

занялъ постъ военнаго министра. Разсчитывая на свое умѣнье ладить съ людьми, на свой умъ и свѣтскость, Дюмурье надѣялся всецѣло подчинить себѣ короля и заставить его подписать два неутвержденныхъ декрета. Но вышло какъ разъ наоборотъ. Имъ самимъ воспользовался король, чтобы избавиться отъ Ролана: черезъ какихъ-нибудь 18 часовъ Дюмурье пришлось подать въ отставку и занять постъ командующаго сѣверной арміей.

День 20 іюня 1792 г. Смѣлость короля объясняется поддержкой Лафайета, стоявшаго въ то время во главѣ арміи центра. Этотъ генералъ въ особомъ письмѣ къ законодательному собранію высказался противъ павшаго министерства и настойчиво требовалъ закрытія якобинскаго клуба. Въ результатѣ — наложеніе королевскаго запрета (veto) на декреты 27 мая и 8 іюня, что въ свою очередь привело къ грозной манифестаціи 20 іюня 1792 г.

Среди вожаковъ предмѣстій Сенъ-Жерменъ и С.-Марго—Сантерра, Александра, Фурнье - Американца, Россиньоля, Лежандра, Лазовскаго, Сентюрюжа — созрѣлъ планъ отпраздновать годовщину клятвы въ Жё-де-Помъ и придать ей характеръ революціонно - патріотической демонстраціи. Отставка министерства и вето короля только укрѣпили ихъ въ этомъ намѣреніи и точнѣе намѣтили жгучіе интересы минуты: они рѣшили застращать короля и дворъ, принудить ихъ дѣйствовать въ духѣ революціи. Жирондисты втайнѣ сочувствовали этому движенію, надѣясь, что оно вернетъ ихъ къ власти; нѣтъ ничего невѣроятнаго, даже больше: можно предполагать съ большимъ правдоподобіемъ, что отставленные министры принимали участіе въ подготовкѣ демонстраціи. Было рѣшено, что манифестанты двинутся къ террасѣ фейльяновъ, посадятъ тамъ «дерево свободы» и подадутъ королю и собранію петиціи, содержаніе которыхъ будетъ «сообразовано съ обстоятельствами» даннаго момента. Несмотря на противодѣйствіе департаментскаго управленія (directoire de département), съ помощью парижскаго мэра Петіона удалось составить двѣ колонны манифестантовъ, одну около Сальпетріера, другую на площади Бастиліи. Масса вооруженнаго люда съ саблями, косами, пиками, —національные гвардейцы, женщины и дѣти, — веселыя, шумныя толпы, возбуждаемыя энтузіазмомъ и напряженнымъ ожиданіемъ результата демонстраціи,—могучимъ, неудержимымъ потокомъ хлынула къ залѣ манежа, гдѣ засѣдало законодательное собраніе. Допущенные въ залъ, петиціонеры потребовали не республики, но лишь того, чтобы былъ положенъ предѣлъ предательству двора, чтобы исполнительная власть шла рука объ руку съ законодательной, чтобы были, наконецъ, приняты рѣшительныя мѣры для успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій. «Одинъ человѣкъ не долженъ, говорили они, насиловать воли 25 милліоновъ. Если изъ уваженія его и оставляютъ на прежнемъ посту, то только подъ условіемъ, чтобы онъ слѣдовалъ конституціоннымъ законамъ; нарушая ихъ, онъ теряетъ всякое значеніе для французскаго народа». Продефилировавъ передъ собраніемъ, вооруженныя толпы двинулись къ Тюльерійскому дворцу, силою проникли во внутренніе покои и дошли до самого Людовика. Никто не умышлялъ на его жизнь, его хотѣли только предупредить. Среди общаго шума и безпорядка было не мало угрозъ и криковъ, но можно было увидѣть и обычные знаки почтенія и расположенія. Требовали санкціи двухъ декретовъ и возвращенія жирондистскихъ министровъ, но король съ величайшимъ спокойствіемъ возразилъ, что соблюдаетъ конституціонные законы; его мужество и хладнокровіе удостовѣряются всѣми свидѣтелями. Когда кто-то изъ толпы предложилъ ему стаканъ вина, онъ не отказался и провозгласилъ тостъ за Парижъ и націю; толпа аплодировала и кричала: «король пьетъ!». Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ народъ все прибывалъ и демонстративно проходилъ передъ королемъ, а затѣмъ передъ королевой и наслѣднымъ принцемъ, находившимся въ сосѣдней залѣ. Наконецъ, толпа начала убывать. Петіонъ явился только вечеромъ; Верньо, Инаръ и другіе жирондистскіе депутаты пришли во дворецъ и встали рядомъ съ королемъ, чтобы защищать его особу. Къ 8-ми часамъ вечера все успокоилось.

Послѣдствія событій 20 іюня.—Вожди жирондистовъ и якобинцевъ не принимали въ описанныхъ событіяхъ непосредственнаго участія и умыли руки во всемъ происшедшемъ. Этотъ день вызвалъ въ Людовикѣ XVI ѣдкое чувство униженія и неизгладимо тягостное настроеніе; съ этихъ поръ Европа могла съ извѣстнымъ основа-

ніемъ считать его плѣнникомъ Парижа. Правда, тотъ-же самый день 20 іюня на мгновеніе пробудилъ во Франціи роялистскія чувства; двадцать тысячъ петиціонеровъ и множество департаментскихъ управленій выразили негодованіе противъ манифестаціи, которую имѣли наглость представить, какъ покушеніе на убійство. Лафайетъ явился 28 іюня въ собраніе и потребовалъ отъ лица всей арміи преслѣдованія манифестантовъ 20 іюня и «уничтоженія секты, захватывающей верховныя права націи». Утверждаютъ, будто онъ имѣлъ намѣреніе въ союзѣ съ генераломъ Лукнеромъ вооруженною силою возстановить пошатнувшійся авторитетъ короля; но королева не пожелала быть чѣмъ-либо обязанной Лафайету, и тому пришлось вернуться на свой постъ. А между тѣмъ во многихъ департаментахъ, несмотря на прямое запрещеніе короля, федераты приготовлялись идти къ Парижу. Это было дѣломъ муниципалитетовъ, организовывавшихъ движеніе, несмотря на противодѣйствіе департаментскихъ управленій; такъ зародилась революція, разыгравшаяся 10 августа и носившая тотъ-же самый муниципальный характеръ. Собраніе косвенно санкціонировало это движеніе декретомъ 2 іюля, отнимавшимъ всякую силу у королевскаго вето; въ это-же время пришло извѣстіе, что сѣверная армія отступаетъ на Лилль и Валансьеннъ. Верньо разоблачилъ и заклеймилъ позоромъ предательство Людовика XVI (3 іюля). Изъ его рѣчи, блиставшей краснорѣчіемъ, неизбѣжно вытекала необходимость ниспроверженія монархіи; но жирондисты до такой степени не вѣрили въ возможность немедленно провозгласить республику, что, возмущаясь вмѣстѣ съ Верньо измѣной короля, они единодушно выражали свою преданность монархіи. 7-го іюля одинъ изъ епископовъ, засѣдавшихъ въ собраніи,—Ламуретъ,—заявилъ, что, по его мнѣнію, всѣ страданія страны происходятъ отъ раздоровъ, и предложилъ для прекращенія ихъ торжественно признать всѣ проекты измѣненія конституціи заслуживающими общественнаго порицанія и даже омерзѣнія, *независимо отъ того, будутъ они направлены на введеніе двухпалатной системы, учрежденіе республики* или на что либо иное. «Собраніе, — говорится въ протоколѣ,—внезапно поднялось, какъ одинъ человѣкъ, и приняло это предложеніе среди общаго восторга. Всѣ члены торопились, бросивъ свои мѣста, выразить другъ другу охватившее ихъ братское чувство; съ этой минуты всѣ ихъ помыслы и стремленія слились во-едино—въ любовь къ родинѣ». Была послана депутація къ королю, который лично явился принять участіе въ этой трогательной сценѣ; впрочемъ, положеніе дѣлъ отъ этого нимало не улучшилось, и враждебныя столкновенія возобновились на другой-же день. Даже, наоборотъ: ко всѣмъ прежнимъ причинамъ раздоровъ присоединилась еще одна: въ самый день *цѣлованья Ламурета* парижскій департаментъ отставилъ отъ должности городского мэра Петіона и коммунальнаго прокурора Манюэля въ виду той роли, которую они играли 20 іюня. 12 іюля самъ король подписалъ ихъ отставку. Общественное мнѣніе Парижа было страшно возмущено. На слѣдующій-же день, 13 іюля, законодательное собраніе отмѣнило отставку мэра и прокурора, а Людовикъ XVI санкціонировалъ и этотъ декретъ, подрывавшій въ корнѣ его собственный авторитетъ. Такое сильное пораженіе, понесенное королемъ, не могло не потрясти королевскую власть; собраніе, правда, не имѣло намѣренія отмѣнять ее, но оно громко и съ сознаніемъ собственной силы противорѣчило монарху. Франція страдала отъ безначалія какъ разъ въ то время, когда австро-прусскія войска сплоченными, сомкнутыми массами надвигались на ея границы.

Объявленіе отечества въ опасности.— 11 іюля 1792 г. законодательное собраніе обратилось къ націи съ прокламаціей, объявлявшей отечество *въ опасности*. Это заявленіе имѣло цѣлью не только вызвать общій подъемъ духа, но и оправдать примѣненіе изданныхъ въ связи съ нимъ постановленій (5 того-же мѣсяца). Департаментскіе и окружные совѣты, а также общіе коммунальные совѣты изъ временныхъ дѣлались постоянными. Всѣ граждане, способные носить оружіе, должны были явиться по первому-же призыву. Всякій гражданинъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, долженъ былъ представить въ муниципальное управленіе все свое оружіе и боевыя принадлежности. Былъ объявленъ наборъ добровольцевъ; въ главные города кантоновъ стали собираться національные гвардейцы, чтобы опредѣлить, кто изъ нихъ запишется въ линейныя войска

и кто вступитъ въ батальоны волонтеровъ. Все мужское населеніе было обязано носить трехцвѣтную кокарду.

Объявленіе отечества въ опасности привело въ движеніе всю Францію; оно нетолько взволновало умы городскихъ жителей, но проникло даже въ деревенскую глушь. Когда была объявлена война Австріи, крестьяне, по старой привычкѣ считать войну дѣломъ не общенаціональнымъ, а лично королевскимъ, остались совершенно безразличными. Но теперь они уже имѣли ясное сознаніе того, что настоящая война будетъ войною народной, что имъ предстоитъ защищать свои собственные интересы и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать революцію; объявленіе отечества въ опасности заставило ихъ оторваться на минуту отъ плуга, чтобы пойти въ мэрію и собственными глазами убѣдиться, какъ велика эта опасность, посмотрѣть на приготовленія къ пріему добровольцевъ и сборы на войну, наконецъ, получить трехцвѣтную кокарду, съ которой они уже не разстанутся даже во время полевыхъ работъ, которую они будутъ носить, какъ знакъ своихъ новыхъ обязанностей и новыхъ надеждъ.

Мы уже говорили, въ какія формы вылилось іюльское возстаніе 1789 г., извѣстное подъ названіемъ *великаго смятенія*, какъ Франція содрогнулась отъ края до края и произвела муниципальную революцію. Съ той поры волненіе улеглось, а страна радовалась одержанной побѣдѣ. Теперь-же въ виду непріятельскихъ войскъ она снова вооружается, но на этотъ разъ уже полная мужественной самоувѣренности и бодрости. Нѣтъ болѣе того робкаго крестьянина, который три года тому назадъ бѣжалъ въ лѣса и подземелья; передъ нами свободный человѣкъ, который возстаетъ и, чувствуя свою мощь, не успокоится, пока не побѣдитъ всей Европы.

Федераты 1792 года; манифестъ герцога Брауншвейгскаго. — Парижъ и другіе большіе города не сомнѣвались, что Людовикъ XVI—измѣнникъ, что онъ дѣйствуетъ по соглашенію съ Австріей и Пруссіей.—Ихъ цѣлью было свергнуть короля и сдѣлать его безвреднымъ для хода военныхъ дѣйствій. Эта политика не пользовалась однако сочувствіемъ всей Франціи, а департаментскія административныя власти и законодательное собраніе видѣли въ ней опасную демагогическую затѣю. Парижу не удалось бы провести ее и, быть можетъ, король былъ бы низвергнутъ гораздо позднѣе, еслибы по поводу праздника федераціи не собрались въ Парижъ представители всего королевства. Разговоры въ клубахъ и секціяхъ открыли глаза однимъ, загипнотизировали другихъ; въ результатѣ—проектированная революція была принята и, по окончаніи празднествъ (прошедшихъ съ нѣсколько унылой торжественностью), делегаты обратились къ легислативѣ (23 іюля) съ требованіемъ свергнуть Людовика XVI и созвать національный конвентъ. Не добившись желаемаго, они остались въ столицѣ, чтобы присутствовать при низверженіи короля и принять въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе; это придало государственному перевороту всенародный характеръ.

Такая перемѣна въ оцѣнкѣ Людовика XVI, начавшись въ большихъ городахъ, была затѣмъ принята федератами, но сдѣлалась всеобщей лишь послѣ манифеста герцога Брауншвейгскаго. «Декларація» генералиссимуса прусско-австрійской арміи «обитателямъ Франціи», помѣченная въ Кобленцѣ 25 іюля 1792, а 28 числа облетѣвшая уже Парижъ, заключала въ себѣ самыя возмутительныя угрозы. Въ ней говорилось, что національные гвардейцы, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ «наказаны, какъ мятежники»; той-же участи подвергнутся горожане и крестьяне, которые осмѣлятся оказывать сопротивленіе войскамъ Ихъ Величествъ императора и короля. За нарушеніе неприкосновенности Тюльерійскаго дворца Парижъ долженъ былъ поплатиться «военной экзекуціей» и «полнымъ разрушеніемъ». Всѣ эти оскорбленія, брошенныя въ лицо великой націи, имѣли своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ лишь болѣе тѣсное сплоченіе французовъ. Они поняли, что имъ остается только сопротивляться до послѣдней капли крови; одинъ современникъ находитъ даже, что знаменитый манифестъ замѣнилъ Франціи 100 тысячную армію.

Съ другой стороны, герцогъ Брауншвейгскій своимъ особымъ вниманіемъ къ Тюльерійскому дворцу выдалъ Людовика XVI, какъ главнаго своего союзника. Невозможно было долѣе сомнѣваться, что выгоды короля солидарны съ интересами надвигающагося непріятеля. Одна парижская газета, преданная королю, «Journal de la

cour et de la ville», не стѣснилась въ номерѣ отъ 1 августа воскликнуть: «наконецъ-то оглашенъ тотъ манифестъ, котораго мы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ! это молнія; скоро раздастся громъ»... Этого было достаточно, чтобы народъ приписалъ иниціативу этого манифеста королю. Общественное мнѣніе было недалеко отъ истины. Хотя самый текстъ его и не былъ продиктованъ Людовикомъ XVI, хотя нѣкоторые его пункты и не вполнѣ соотвѣтствовали его желаніямъ, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что изданъ онъ былъ по его требованію, что именно ему принадлежали возмутившія всѣхъ угрозы. Свидѣтельства тайныхъ агентовъ двора не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Правда, Парижъ не имѣлъ ни этихъ свидѣтельствъ, ни иныхъ какихъ-либо письменныхъ доказательствъ, но онъ угадалъ истину и рѣшился свергнуть Людовика XVI.

III. Паденіе королевской власти; Вальми.

Приготовленія къ революціи 10 августа. Революція подготовлялась почти открыто на глазахъ у всѣхъ. Тотчасъ послѣ обнародованія манифеста герцога Брауншвейгскаго 47 секцій изъ числа 48-ми высказались за низложеніе Людовика XVI. Законодательное собраніе декретировало 25 іюля, что секціи изъ временныхъ дѣлаются постоянными, а «коммуна» дала имъ прочную организацію. Былъ учрежденъ комитетъ или центральное бюро *федератовъ* или *секцій*, какъ его называли впослѣдствіи, гдѣ и созрѣла мысль о возстаніи противъ короля. Комитетъ этотъ выдѣлилъ изъ себя тайное правленіе, составившее планъ дѣйствій; въ него вошли люди энергичные, хотя въ то время еще мало извѣстные и не участвовавшіе въ законодательномъ собраніи, какъ Карра, Вестерманъ, Горзасъ, Фурнье-Американецъ, Сантерръ, Александръ, Лазовскій и др. Однако дворъ принялъ настолько энергичныя мѣры для самообороны, что пришлось отложить нападеніе на дворецъ и дождаться прихода батальона марсельцевъ, успѣвшаго сформироваться и шедшаго на помощь парижанамъ для низверженія короля. Это были лучшіе элементы марсельской національной гвардіи, молодые люди изъ видныхъ семей, экипировавшіеся на собственный счетъ. Идя на Парижъ, они распѣвали пѣсню, составленную незадолго передъ тѣмъ Руже де-Лилемъ для рейнской арміи и съ этого времени получившую названіе *Марсельезы*. Они прибыли въ Парижъ 30 іюля.

3 августа мэръ Петіонъ явился въ собраніе и отъ имени секцій потребовалъ низложенія короля: «глава исполнительной власти, сказалъ онъ, есть главное звено въ цѣпи антиреволюціонныхъ элементовъ; къ сожалѣнію, мы слишкомъ поздно это поняли». Но собраніе не посмѣло, не захотѣло пойти неконституціоннымъ путемъ. 4 августа тайное правленіе комитета секцій составило планъ нападенія. Марсельскій батальонъ получилъ отъ коммуны по 10 патроновъ на человѣка и былъ перевезенъ въ монастырь кордельеровъ, т. е. въ ту самую секцію Французскаго Театра, которая подъ предсѣдательствомъ Дантона декретировала незадолго предъ тѣмъ введеніе всеобщей подачи голосовъ на своей территоріи, что явно противорѣчило существующимъ законамъ.

Страстно призываемое стать во главѣ движенія, законодательное собраніе колебалось. Оно видѣло всю невозможность оставить Людовика XVI руководителемъ національной обороны, но оно по-прежнему было вѣрно монархіи. Три жирондистскихъ депутата, Верньо, Жансоннэ и Гюаде, въ послѣднихъ числахъ іюля довели до свѣдѣнія Людовика XVI рядъ своихъ совѣтовъ, которые, при всей патріотичности и прямодушности, должны были остаться тайными; это-то и помѣшало имъ принять на себя иниціативу государственнаго переворота. Требованія секцій,—въ особенности ихъ повелительный тонъ,—задѣвали самолюбіе собранія. На крайне рѣзкое предложеніе, возбудить противъ Лафайета уголов-

ное преслѣдованіе, оно 406-ью голосами противъ 224 отвѣчало категорическимъ отказомъ (8-го августа). Этотъ декретъ разбудилъ страсти. Секція Трехсотъ (Quinze-Vingts, Ст. Антуанъ) постановила, что въ полночь 9 августа колокольнымъ звономъ и тревогой будетъ поднято возстаніе, если низложеніе короля не будетъ вотировано къ этому времени. 9-го августа въ 7 часовъ вечера законодательное собраніе разошлось, не принявъ никакого рѣшенія; не желая брать на себя отвѣтственность за предстоявшій мятежъ и чувствуя себя безсильнымъ предупредить его, оно предпочло оставить вопросъ открытымъ.

Коммуна 10 августа.—Секція Трехсотъ сдержала свое слово. Вечеромъ 9 августа она назначила 3-хъ комиссаровъ, которые «должны были отправиться въ зданіе городской думы и совмѣстно съ лицами, назначенными отъ другихъ секцій, обсудить, какія мѣры слѣдуетъ принять при существующихъ обстоятельствахъ». Изъ 48 секцій 28 точно также собрались въ ночное засѣданіе и ихъ комиссары образовали мятежную коммуну, засѣдавшую рядомъ съ легальной. Первымъ-же постановленіемъ новой коммуны былъ арестованъ начальникъ національной гвардіи Мандатъ, завѣдомо преданный двору; по пути въ тюрьму какой-то неизвѣстный убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета. Его мѣсто занялъ Сантерръ. Мэръ Петіонъ, тайно покровительствовавшій возстанію, но желавшій сохранить легальное положеніе, былъ подвергнутъ домашнему аресту.

Въ 8 час. утра мятежная коммуна свергла легальную, оставивъ въ должности только 16 администраторовъ, мэра Петіона, прокурора Манюэля и товарища прокурора Дантона, которому пришлось сыграть въ этой революціи очень выдающуюся роль. Такимъ образомъ мятежная коммуна приняла въ свою среду главныхъ членовъ и главу легальной коммуны. Въ исторіи она извѣстна подъ названіемъ *коммуны 10 августа.* Комиссары, составившіе въ ночь 9—10 августа какъ бы основное ея ядро, были и малообразованны, и немногочисленны,—ихъ было всего человѣкъ 80. Бильо-Вареннъ, Фабръ д'Еглантинъ, Шометъ, Пашъ, Робеспьеръ и другіе комиссары были назначены впослѣдствіи. Когда успѣхъ возстанія выяснился, законодательное собраніе косвенно подтвердило полномочія мятежной коммуны, которая продолжала свою дѣятельность до октября слѣдующаго года и фактически управляла Франціей на ряду съ законодательнымъ собраніемъ.

Осада и взятіе Тюльерійскаго дворца.—Тюльерійскій дворецъ представлялъ изъ себя вооруженную крѣпость, трудно-доступную въ виду прилегающихъ къ нему построекъ, игравшихъ роль верковъ. Швейцарскія войска были удалены изъ Парижа особымъ декретомъ; но, будучи расквартированы въ Курбевуа и Рейлѣ, они могли явиться по первому призыву короля, который уже успѣлъ воспользоваться этой возможностью и вызвалъ обратно до 1000 человѣкъ. Дворцовый гарнизонъ состоялъ приблизительно изъ 1200 жандармовъ, 1500 прежнихъ королевскихъ гвардейцевъ, 2000 преданныхъ престолу національныхъ гвардейцевъ и 120 дворянъ, тайно созванныхъ королемъ. Мандатъ съ своей стороны укрѣпилъ одинъ изъ мостовъ (Pont Neuf), расположивъ на немъ военный отрядъ, чтобы разъединить предмѣстья Сентъ-Антуанъ и С. Марсо.

Набатъ раздавался всю ночь, пока неспѣшно собиралось и формировалось войско «мятежниковъ»; казалось, они колебались. Во дворцѣ надъ ними уже подсмѣивались, говоря, что «набатъ не дѣйствуетъ». Между тѣмъ инсургенты ждали только разсвѣта. — Смерть Мандата разстроила внѣшнюю оборону, и канонеры, занимавшіе мостъ, примкнули къ возставшимъ. То-же сдѣлали три батальона національной гвардіи, охранявшіе дворецъ и выведенные изъ терпѣнія высокомѣріемъ офицеровъ изъ дворянъ. Между 5 и 6 часами король произвелъ смотръ гарнизону дворца, но это было что-то жалкое. Вскорѣ появились мятежники, стали стучать въ ворота, лазить по стѣнамъ и обмѣниваться шутками съ дворцовыми солдатами. Рёдереръ, генеральный прокуроръ-синдикъ парижскаго департамента, совѣтовалъ Людовику XVI удалиться въ законодательное собраніе, но Марія-Антуанетта съ негодованіемъ отвергла это предложеніе: «Вы скорѣе пригвоздите меня къ этимъ стѣнамъ, чѣмъ заставите ихъ покинуть».—«Весь Парижъ идетъ на Васъ, сударыня», возразилъ ей Рёдереръ. Король отдалъ приказъ немедленно покинуть дворецъ. Прежде, чѣмъ королевское семейство добралось до

залы собранія, ему пришлось совершить медленный и опасный путь среди вооруженныхъ народныхъ массъ.

Тѣмъ временемъ мятежное войско двинулось на Карусель. Отрядъ подъ командой Вестермана принудилъ открыть *королевскія ворота*. Батальоны марсельскій, бретонскій и алоброгскій, а также вооруженныя толпы изъ предмѣстій заняли дворъ; къ нимъ не замедлила примкнуть часть дворцоваго гарнизона, — канонеры и жандармы. Швейцарцы, желая показать свое миролюбіе, стали бросать въ окна патроны. Осаждающіе двинулись впередъ; на большой лѣстницѣ, которая вела въ церковь, они натолкнулись на выстроившихся швейцарцевъ. Имъ пообѣщали полную неприкосновенность, и они уже готовы были сдаться, когда изъ оконъ перваго этажа раздался залпъ. Швейцарцы на лѣстницѣ перестали колебаться и открыли огонь; инсургентамъ пришлось отступить, оставивъ на мѣстѣ до 300 убитыхъ. А народныя толпы все прибывали; тутъ были и предмѣстье Сентъ-Антуанъ, и С. Марсо, которыя такъ и не удалось разобщить между собою. Швейцарцы должны были въ свою очередь отступить. Съ этой минуты среди пламени загорѣвшихся деревянныхъ зданій Карусели и порохового дыма началась страшная схватка не на животъ, а на смерть; счастье долго колебалось то въ ту, то въ другую сторону; очевидцы, а за ними и историки расходятся въ описаніи перипетій этой борьбы. Когда Рёдереръ заявилъ въ собраніи, что *дворецъ взятъ*, король отдалъ приказъ прекратить стрѣльбу. Д'Ервильи, которому было поручено передать этотъ приказъ, видя, что дѣло еще не проиграно, нетолько не показалъ приказа, но сталъ даже побуждать швейцарцевъ не отступать. Наконецъ народъ овладѣлъ дворцомъ со стороны Луврской галереи и обратилъ въ бѣгство дворянъ. Тогда д'Ервильи, понимая, что все потеряно, объявилъ приказъ короля прекратить стрѣльбу и велѣлъ швейцарцамъ направиться въ національное собраніе. Многіе изъ нихъ были убиты по дорогѣ, несмотря на мужественную оборону.

Народъ, проявившій въ этотъ день не меньшую отвагу, осквернилъ свою побѣду, задушивъ 60 безоружныхъ швейцарцевъ, заключенныхъ въ помѣщеніяхъ ратуши. Эта ярость противъ бравыхъ солдатъ, вѣрныхъ своимъ вождямъ и павшихъ жертвою дисциплины, была бы необъяснима, еслибъ мы не знали, съ какимъ наглымъ самодовольствомъ роялисты во всеуслышаніе похвалялись, что послѣ побѣды пруссаковъ они при помощи этихъ самыхъ наемниковъ покараютъ народъ за его любовь къ свободѣ (смотри «Journal de la Cour et de la ville» отъ 22 іюля 1792 г.). Были отдѣльные случаи милосердія: частныя лица, по словамъ журналиста Пельтье, приверженца аристократіи, скрыли у себя и спасли до 180 швейцарцевъ. Разъ овладѣвъ Тюльерійскимъ дворцомъ, народъ не замедлилъ разграбить его: ломали, уничтожали, жгли все, что попадало подъ руку. Впрочемъ, инсургенты проявили при этомъ строгую честность и безкорыстіе: по словамъ г-жи Турцель, «они безжалостно убивали всякаго, уличеннаго въ присвоеніи дворцоваго имущества». Столкновеніе было страшно кровопролитно; число убитыхъ не было оффиціально констатировано, но, сопоставивъ свидѣтельства современниковъ, можно опредѣлить его по крайней мѣрѣ въ 5000.

Отрѣшеніе короля. — Когда, скрываясь отъ преслѣдованія, Людвикъ XVI явился въ законодательное собраніе, онъ сѣлъ рядомъ съ предсѣдателемъ, — это былъ Верньо, — и сказалъ: «Я пришелъ сюда, чтобы не дать совершиться великому преступленію; я полагаю, что среди васъ я въ бóльшей безопасности, чѣмъ гдѣ либо». На это президентъ отвѣтилъ: «Сиръ, Вы можете разсчитывать на непреклонность національнаго собранія; члены его поклялись не жалѣть своей жизни, защищая права народа и *установленныя власти*». (Послѣднія слова ясно показываютъ, какъ еще сомнителенъ былъ успѣхъ возстанія; они не были занесены въ оффиціальный протоколъ, составленный послѣ побѣды народа). По закону, собраніе не имѣло права вести пренія въ присутствіи короля; оно обошло это препятствіе, помѣстивъ все королевское семейство въ ложу для журналистовъ, находившуюся по правую руку отъ предсѣдателя; несмотря на громъ пушекъ и ружейную пальбу, занятія шли обычнымъ порядкомъ. Когда окончательно выяснилось, что побѣда на сторонѣ инсургентовъ, собраніе, въ которомъ правая въ этотъ день была немногочисленна, ознаменовало ее клятвой: «во имя

націи клянусь поддерживать всѣми силами свободу и равенство или умереть на своемъ посту». А затѣмъ, имѣя въ виду страданія отечества и принимая во вниманіе, что «эти страданія проистекаютъ преимущественно отъ недовѣрія, внушеннаго образомъ дѣйствій главы исполнительной власти въ войнѣ, предпринятой отъ его имени противъ конституціи и національной независимости», а также и то, что въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ оно не можетъ «примирить свой долгъ непоколебимой вѣрности конституціи съ твердымъ рѣшеніемъ скорѣе погибнуть подъ развалинами храма свободы, чѣмъ видѣть ея гибель, иначе какъ обращеніемъ къ суверенной націи», законодательное собраніе постановляетъ, что французскій народъ приглашается составить національный конвентъ, а «глава исполнительной власти временно отрѣшается отъ своихъ обязанностей вплоть до того момента, когда національный конвентъ выскажется на счетъ мѣропріятій, необходимыхъ для обезпеченія верховныхъ правъ народа, господства свободы и равенства». Было рѣшено помѣстить королевское семейство въ Люксембургскомъ дворцѣ «подъ охраной гражданъ и закона». Но вскорѣ, по желанію коммунальнаго управленія, его перевели въ Тампль. Законодательное собраніе провозгласило только отрѣшеніе Людовика XVI, а не низложеніе его; оно было такъ далеко отъ мысли о введеніи республики, что рѣшило даже назначить воспитателя наслѣдному принцу (чего впослѣдствіи не посмѣло сдѣлать). Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что декреты собранія будутъ имѣть силу закона безъ королевской санкціи и издаваться отъ имени націи. Отставивъ отъ должности министровъ, назначенныхъ королемъ, оно составило новое министерство подъ названіемъ *Временнаго исполнительнаго совѣта*; Ролану были поручены внутреннія дѣла, Сервану—военныя, Монжу—морскія, Лебрёну — иностранныя, Клавьеру — финансы, Дантону—юстиція. Избраніе Дантона имѣло громадное значеніе. Съ одной стороны, законодательное собраніе, противъ воли котораго произошло возстаніе, желало примириться съ народной партіей и, довѣривъ министерскій портфель одному изъ ея вожаковъ, сдѣлать ее безопасной для себя самого. Съ другой стороны, это избраніе должно было показать Франціи и Европѣ, что патріоты—будь они умѣренные или крайніе — совершенно единодушны передъ лицомъ непріятеля.—Дантонъ вскорѣ пріобрѣлъ необыкновенное вліяніе; онъ оказался замѣчательнымъ ораторомъ и выдающимся практическимъ дѣятелемъ. Въ короткое время онъ сдѣлался истиннымъ вдохновителемъ правительства, направлялъ внутреннюю и внѣшнюю политику и руководилъ національной обороной.

Въ памятное засѣданіе 10 авг. 1792 г. наиболѣе важнымъ постановленіемъ собранія было уничтоженіе дѣленія гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, т.-е. введеніе того, что въ наше время называется всеобщей подачей голосовъ (suffrage universel), но съ сохраненіемъ двухстепенности выборовъ.

Сочувствіе Франціи. — Вернувшись на родину, федераты, бывшіе въ Парижѣ 14 іюля 1792 г., выступили убѣжденными и авторитетными защитниками великаго дѣла, совершеннаго въ Парижѣ. Событія 20 іюня въ свое время возбудили протестъ громаднаго большинства департаментскихъ директорій; не то было послѣ 10 августа: лишь ничтожная часть административныхъ учрежденій высказалась противъ совершившагося; законодательное собраніе не замедлило принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры и, кромѣ того, нашло нужнымъ отправить 12 комиссаровъ изъ среды своихъ членовъ въ департаменты и въ армію, чтобы разъяснить совершившееся и привлечь ихъ на сторону правительства. Хотя въ арміи и пришлось кое-кого отрѣшить отъ должности, но рѣшительное сопротивленіе было оказано только въ одномъ случаѣ. Правда, оно имѣло громадное значеніе, такъ какъ исходило отъ одного изъ знаменитѣйшихъ генераловъ того времени, одного изъ героевъ революціи 1789 г. Мы говоримъ о Лафайетѣ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ муниципальными властями Седана (гдѣ стояли въ это время его войска) и съ арденской департаментской администраціей съ цѣлью вызвать въ населеніи и арміи сопротивленіе центральной власти. Трое изъ комиссаровъ законодательнаго собранія были арестованы седанскимъ муниципалитетомъ (14 августа). Однако ни общественное мнѣніе, ни подчиненныя ему войска не поддержали Лафайета; онъ былъ вынужденъ покинуть отечество. Австрійцы перехватили его и нѣсколько лѣтъ продержали въ тюрьмѣ. Его попытка ясно показала,

что армія перестала отдѣлять себя отъ народа, что французы будутъ единодушны въ борьбѣ съ непріятелемъ.

Европа и революція 10 августа. — Революція 10 августа спасла Францію отъ возможности быть преданной своимъ королемъ, но зато подвергла ее опасности со стороны чужеземныхъ королей, которыхъ не могло не задѣть оскорбленіе, нанесенное коронованной особѣ. За границей могли также бояться, какъ бы воспламененный французскій патріотизмъ не сталъ искать себѣ исхода въ усиленной революціонной пропагандѣ. Было отнюдь не лишнимъ успокоить въ этомъ отношеніи нейтральныя державы и, по возможности, склонить ихъ къ союзу. Законодательное собраніе заявило Европѣ и всему свѣту о своемъ миролюбіи, формально подтвердило отказъ конституанты отъ всякой мысли о захватѣ новыхъ территорій и провозгласило, что французы стремятся лишь къ одному,—къ братскому единенію со всѣми народами. Декретомъ 10 августа 1792 г. оно дало званіе французскаго гражданина нѣкоторымъ знаменитымъ иностранцамъ, — англичанамъ, нѣмцамъ, швейцарцамъ, американцамъ, полякамъ, — между прочимъ Пристлею, Вильберфорсу, Бентаму, Клопштоку, Шиллеру, Вашингтону, Песталоцци, Костюшко. 18 августа въ циркулярной нотѣ, составленной Талейраномъ и подписанной министромъ иностранныхъ дѣлъ Лебрёномъ, Европѣ давалось искусное и вполнѣ успокоительное толкованіе событій 10 августа. Правительство между прочимъ заявляло, «что отнесется со всевозможной строгостью ко всякому французу, который попытается вмѣшаться въ политическія дѣла союзной или нейтральной державы». Всѣ эти увѣренія имѣли въ виду преимущественно Англію; но цѣль не была достигнута: сохраняя прежній нейтралитетъ, англійскій кабинетъ отозвалъ своего представителя въ Парижѣ, и Франція была вынуждена послѣдовать его примѣру. Впрочемъ, по настоянію Дантона, туда былъ неоффиціально посланъ агентъ, которому было поручено убѣдить англичанъ, что правительство не имѣетъ ничего общаго съ пропагандистами, успокоить ихъ относительно Голландіи и даже подготовить союзъ, пообѣщавъ содѣйствіе въ вопросѣ объ испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ. Настроеніе Испаніи становилось день ото дня все болѣе враждебнымъ, и не было основаній щадить эту державу. Къ тому-же союзъ съ Англіей былъ конькомъ всей иностранной политики Дантона, пошедшаго въ этомъ отношеніи по стопамъ Мирабо. Талейранъ, прятавшійся пока за кулисы и предполагавшій въ ближайшемъ будущемъ вернуться въ Англію въ качествѣ частнаго человѣка, давалъ теоретическое обоснованіе этой комбинаціи и старался осуществить ее на практикѣ. Мысль о союзѣ съ Пруссіей еще не была отброшена, хотя война съ ней была объявлена, а по полученіи извѣстія о событіяхъ 10 августа прусскій король рѣшилъ даже ускорить походъ противъ Франціи. Это не помѣшало сдѣлать по отношенію къ ней тайные шаги къ примиренію. Было предпринято все возможное, чтобы сохранить нейтралитетъ Священной Имперіи, сношенія съ которой не были окончательно порваны. Даніи и Швеціи былъ предложенъ союзъ. Былъ проектъ парализовать враждебность Россіи, отвлекши ея вниманіе въ сторону Турціи. Говоря объ иностранной политикѣ конвента, мы вернемся къ попыткамъ сближенія съ иностранными державами, душой которыхъ былъ Дантонъ.

Вторженіе непріятеля во Францію. — Хотя герцогъ Брауншвейгскій и подписалъ задорный, безсмысленный манифестъ, которымъ коалиція разсчитывала запугать Францію, но самъ онъ не раздѣлялъ ни иллюзій, ни негодованія эмигрантовъ. — Медленно собиралась къ берегамъ Рейна 42-тысячная прусская армія, и казалось, что въ тотъ моментъ, когда она должна была вторгнуться, глава ея колебался между «философскими» симпатіями и обязанностями, принятыми черезъ силу. Да кромѣ того онъ видѣлъ, что Австрія, обѣщавшая имѣть подъ ружьемъ въ Брейзгау и Бельгіи 106.000 человѣкъ, выставила всего 71.000. Прусская армія могла разсчитывать на активную помощь всего 29.000 австрійцевъ, изъ которыхъ 14.000 находились подъ управленіемъ Гогенлоэ-Кирхберга, а 15.000 были поручены Клерфэ. Если къ этому числу прибавить 5.500 гессенцевъ и около 4.500 эмигрантовъ, то оказывалось, что въ общей сложности армія не превышала 81.000 человѣкъ; а этого было мало для покоренія Франціи. Но эмигранты убѣждали прусскаго короля, что французская армія имѣетъ лишь незначи-

тельный численный перевѣсъ надъ союзной, но зато дезорганизована дезертирствомъ офицеровъ и якобинской пропагандой; они утверждали, будто населеніе встрѣтитъ союзниковъ, какъ своихъ освободителей, и что походъ на Парижъ будетъ не болѣе, какъ военной прогулкой. Буйе бралъ на себя отвѣтственность за безпрепятственное занятіе крѣпостей; всѣ ключи-де у него въ карманѣ. Однако прусскій король еще колебался и, кто знаетъ, не отложилъ-ли бы онъ походъ, еслибы извѣстіе о 10 августа не внушило ему мысли, что вся Францiя возстанетъ и отомститъ за оскорбленіе, нанесенное ея королю.— 19 августа прусская армія перешла границу у деревни Реданжъ на Мозелѣ; она отбросила французскіе аванпосты и на первыхъ порахъ не встрѣтила препятствій. Блестящій успѣхъ въ кавалерійской схваткѣ подъ Фонтэ, въ которой авангардъ подъ предводительствомъ Лукнера былъ обращенъ въ бѣгство, показалъ превосходство прусской арміи. Однако французы не уступали, а крестьяне были настроены крайне враждебно, такъ какъ пруссаки и эмигранты грабили попутныя деревни; о гостепріимствѣ не могло быть и рѣчи; да, впрочемъ, и солдаты герцога Брауншвейгскаго мало походили на освободителей. На предложеніе присоединиться къ прусской арміи, французскіе генералы надменно отвѣчали отъ имени націи. Только тогда герцогъ Брауншвейгскій увидѣлъ, что ему предстоитъ настоящая, нешуточная война. 20 августа онъ обложилъ крѣпость Лонгви и тщетно требовалъ сдачи; но послѣ двухдневной бомбардировки комендантъ, уступая настояніямъ членовъ муниципалитета и дистрикта, капитулировалъ, несмотря на имѣвшіеся у него значительные запасы пищи и оружія (23 августа).

Начальникомъ центральной французской арміи былъ въ это время старый генералъ Лукнеръ, родомъ баварецъ; въ Семилѣтнюю войну онъ дѣйствовалъ противъ Франціи. Послѣ событій 10 августа онъ сначала остался вѣренъ Людовику XVI, а потомъ перешелъ на сторону новаго правительства и, желая нравиться солдатамъ, сталъ во всемъ подражать якобинцамъ. Его полная непригодность была очевидна, и исполнительный комитетъ замѣнилъ его Келлерманомъ, лишивъ кромѣ того и почетной должности генералиссимуса. Такимъ образомъ герцогу Брауншвейгскому пришлось имѣть дѣло съ арміей, которая еще не освоилась со своимъ новымъ главою, и которую поэтому легко было привести въ замѣшательство энергичной атакой. Что касается седанской арміи, покинутой Лафайетомъ, то, по всей вѣроятности, и она не выдержала бы неожиданнаго натиска. Но герцогъ Брауншвейгскій предпочелъ овладѣть Верденомъ, какъ мѣстомъ, плохо укрѣпленнымъ, въ которомъ у эмигрантовъ были связи. Онъ разсчитывалъ на впечатлѣніе, которое должна произвести на всю Францію подобная побѣда, и предавался иллюзіи, будто взятіе Вердена приведетъ французскія войска въ полное разстройство и откроетъ дорогу на Парижъ. 30 августа Верденъ былъ осажденъ прусской арміей и полками Гоэнлоэ. Предложеніе сдаться было энергично отвергнуто комендантомъ Борепэромъ, приготовившимся къ оборонѣ. Но крѣпость была расположена на низкомъ мѣстѣ и непріятелю было нетрудно бомбардировать ее съ сосѣднихъ холмовъ. Въ городѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ начались пожары; мѣстные роялисты заволновались, стали поговаривать о сдачѣ и возбуждать народъ. Ни Борепэръ, ни мэръ города не уступали; но оборонительный совѣтъ былъ въ страхѣ и уныніи. Герцогъ Брауншвейгскій предложилъ формальную капитуляцію и перемиріе на 24 часа; послѣднее было принято. Совѣтъ приступилъ къ обсужденію вопроса и склонялся къ утвердительному рѣшенію, несмотря на возраженія Борепэра, которому едва удалось отсрочить отвѣтъ до утра. Въ ночь съ 1 на 2 сентября несчастный комендантъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ пистолета. На слѣдующій день крѣпость сдалась.

Сентябрьская рѣзня.—2 сентября утромъ въ Парижъ пришло извѣстіе о взятіи Вердена; впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что больше двухъ дней осады онъ и не можетъ выдержать; полагали, что, занявъ Верденъ, прусскій король двинется прямо на Парижъ, а между тѣмъ положеніе осложнилось внезапно вспыхнувшимъ вандейскимъ возстаніемъ.—Бумаги, найденныя въ Тюльерійскомъ дворцѣ, не оставляли болѣе сомнѣнія, что государственныя средства тратились нетолько на гнусные антиреволюціонные пасквили, но и на вознагражденіе войскамъ эмигрантовъ; подозрѣнія народа относительно существованія во дворцѣ чего то вро-

дѣ австрійскаго комитета—также подтвердились; оказалось, что тамъ засѣдали Барнавъ, братья Ламеты, бывшіе фейльяны. Парижъ рѣшилъ, что пруссаки, австрійцы, эмигранты, роялисты и умѣренные, лица просто подозрительныя и, наконецъ, всѣ уже захваченные и сидящіе въ тюрьмахъ, члены одной и той-же лиги, заключенной давнымъ давно и стремящейся послѣ массоваго истребленія предать Францію въ руки непріятеля.

Одной изъ причинъ той вспышки дикой ярости, которая привела къ печальнымъ сентябрьскимъ событіямъ, было воспоминаніе о столкновеніи 10 августа. Въ этотъ день народныя массы, осаждавшія Тюльери, вдругъ поняли, что швейцарцы только для того предлагали имъ побрататься, чтобы подманить ихъ къ себѣ, и неожиданный залпъ, которымъ они были встрѣчены, показался имъ гнуснымъ предательствомъ. Сложилось даже убѣжденіе, что дворъ предпринялъ въ тотъ день спеціальныя оборонительныя мѣры, чтобы сдержать Парижъ до прибытія пруссаковъ. Народъ называлъ это «заговоромъ 10 августа» и требовалъ немедленнаго суда и суровой кары, по крайней мѣрѣ, для главныхъ участниковъ заговора, если ужъ невозможно привлечь къ отвѣтственности мелкихъ агентовъ и солдатъ. Въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ самъ учинить расправу. Чтобы избѣжать общаго возстанія и безпорядочной рѣзни, приходилось отдать въ жертву народнымъ страстямъ лицъ, наиболѣе провинившихся въ «оскорбленіи націи». Этого мнѣнія держался Дантонъ; не будучи ни жестокъ, ни кровожаденъ, онъ считалъ, что это—единственное, хотя и ужасное, средство предупредить гражданскую войну и внутренніе раздоры, безусловно гибельные въ виду приближенія непріятеля. По этому вопросу состоялось особое соглашеніе между законодательнымъ собраніемъ и коммунальнымъ управленіемъ: 11 августа собраніе декретировало образованіе военнаго суда, а коммуна расклеила по городу слѣдующее обращеніе къ населенію: «Державный народъ, отложи свою месть; заснувшая было справедливость вступитъ сегодня въ свои права; всѣ виновные погибнутъ на эшафотѣ». Массы подозрительныхъ людей, арестованныхъ послѣ домашнихъ обысковъ, переполнили парижскія тюрьмы. 17 августа былъ учрежденъ обѣщанный военный судъ, получившій названіе уголовнаго суда для разбирательства преступленій, относящихся къ 10 августа, и иныхъ, имѣющихъ къ нимъ прикосновенность. Судъ засѣдалъ до 30 ноября 1792 г., но народъ считалъ его слишкомъ снисходительнымъ и мягкимъ. Изъ 61 осужденныхъ онъ приговорилъ къ смертной казни только 20 человѣкъ и изъ нихъ лишь семерыхъ за политическія преступленія. Нѣкоторыя оправданія шокировали общественное мнѣніе.

Среди общей смуты, произведенной нашествіемъ пруссаковъ, безпокойство овладѣло не однимъ парижскимъ населеніемъ: потеряло голову и само правительство. Когда пришло извѣстіе о взятіи Лонгви, временный исполнительный совѣтъ хотѣлъ было покинуть столицу и удалиться въ Блуа, захвативши съ собой казну и короля. Только энергичное вмѣшательство Дантона удержало его въ столицѣ. Понятно, что Ролань и его товарищи имѣли въ виду не столько бѣжать отъ непріятеля, сколько освободиться отъ диктатуры коммунальнаго управленія. Но, по мнѣнію Дантона, эта диктатура была необходима, такъ какъ коммуна была единственной сильной и жизненной властью послѣ того, какъ собраніе декретировало созывъ конвента и такимъ образомъ какъ-бы пережило само себя. Нужно было,—по крайней мѣрѣ, для вида,—превратить эту диктатуру въ простое интеллектуальное вліяніе, нужно было внушить законодательному собранію патріотическую рѣшимость не порывать открыто своихъ отношеній съ Парижемъ и сохранить, насколько возможно, законность и порядокъ; убѣдить исполнительный совѣтъ дѣйствовать въ томъ-же духѣ, оставивъ за нимъ видимость власти и предоставивъ ему полную свободу въ области дипломатіи; не трогать общественныя власти Парижа, предупредивъ путемъ уступокъ всякія столкновенія между ними, и протянуть такимъ образомъ до полной побѣды надъ непріятелемъ;—вотъ въ чемъ заключалась тайная цѣль всей политики Дантона въ августѣ и сентябрѣ 1792 года.

Была минута, когда правительство было какъ-бы парализовано. Коммиссары собранія дѣйствовали несогласно съ его видами, коммуна закрывала заставы. 28 августа Дантонъ обратился къ собранію въ качествѣ «народнаго, революціоннаго министра» и добился, что собраніе приказало открыть заставы, измѣнило полномочія коммиссаровъ

и разрѣшило коммунѣ производить домашніе обыски, чтобы добывать себѣ оружіе и арестовывать подозрительныхъ. Только такою цѣною правительству удалось развязать себѣ руки и отсрочить разрывъ между законодательнымъ собраніемъ и парижской коммуной.

Но разрывъ произошелъ на другой-же день 29 августа: собраніе было возмущено противозаконными арестами, свергло коммуну и предписало произвести новые выборы втеченіе ближайшихъ 24 часовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно выразило ей благодарность отечества за оказанныя услуги. Дантонъ ухитряется примирить обѣ стороны. 31 августа коммуна, дѣлая видъ, что уступаетъ, является въ собраніе для оправданій. 2 сентября собраніе, — повторяя въ сущности свой прежній декретъ,— рѣшаетъ пополнить составъ коммуны и съ этой цѣлью назначаетъ новые выборы.

Этотъ поворотъ въ настроеніи собранія, какъ и послѣдовавшія затѣмъ кровавыя событія, были вызваны извѣстіемъ о взятіи Вердёна. 2-го сентября утромъ коммуна обратилась къ парижанамъ съ прокламаціей, въ которой сообщала эту новость, приглашала собраться на Марсово поле и образовать армію въ 60,000 человѣкъ. Стали палить изъ пушекъ и бить тревогу. Верньо провозглашалъ съ трибуны: «Если мы сами не будемъ рыть могилу нашимъ врагамъ, они сдѣлаютъ это для насъ». Дантонъ предвидѣлъ событія. Онъ хотѣлъ, чтобы мечъ, поднятый надъ головами узниковъ-роялистовъ, опустился на пруссаковъ, и, видя передъ собой людей, ослѣпленныхъ гнѣвомъ, указывалъ имъ на вторженіе непріятеля: «Будутъ звонить въ набатъ, но вы не думайте, что это призывъ къ возстанію, нѣтъ,—это призывъ къ войнѣ противъ враговъ отечества. Господа, чтобы побѣдить ихъ, намъ нужна смѣлость, большая смѣлость, и Франція будетъ спасена». Онъ велѣлъ бить набатъ въ городской думѣ, а самъ отправился на Марсово поле говорить съ народомъ.

Кто знаетъ, не удалось-ли бы предупредить кровопролитіе, еслибы въ дѣло не вмѣшался одинъ журналистъ,—любимецъ толпы,—рѣшившійся потребовать (въ своей газетѣ и въ расклеенныхъ повсюду листкахъ) массовыхъ казней. Этимъ человѣкомъ, указавшимъ на избіеніе заключенныхъ, какъ на единственное средство спасти Францію, былъ Маратъ. 2 сентября онъ добился своего включенія въ составъ наблюдательнаго комитета при коммунѣ (несмотря на то, что не былъ членомъ общаго совѣта), и тѣмъ открылъ себѣ широкое поле дѣятельности. Превзойдя всѣ требованія расходившихся народныхъ массъ, онъ добился приказовъ объ арестѣ Ролана, Бриссо и около 30 жирондистскихъ депутатовъ. Дантонъ отправился въ городскую думу и лично отмѣнилъ арестъ Ролана. Но не въ его власти было остановить «неистовства народной мести». Вѣстовая пушка, набатъ, тревога, громадное черное знамя съ надписью «отечество въ опасности», окутывавшее фасадъ думы,—все возбуждало страсти. По городу ходили толки вродѣ того, что «наши злѣйшіе враги не въ Вердёнѣ,—а въ парижскихъ тюрьмахъ. Если мы оставимъ женъ и дѣтей съ этими негодяями, они погубятъ ихъ; такъ убьемъ же ихъ прежде, чѣмъ уходить». Въ газетахъ писали, что лишь только пруссаки войдутъ въ Парижъ, заключенные нападутъ на патріотовъ съ тыла.

Иниціативу рѣзни приняла на себя секція Рыбнаго рынка (Poissonière). Она постановила, «что всѣ священники, а также всѣ подозрительныя личности, заключенныя въ тюрьмахъ Парижа, Орлеана и другихъ городовъ, подлежатъ избіенію». Къ ней присоединились другія секціи и прежде всего Люксембургская и Почтовая (des Postes). Около двухъ часовъ началась рѣзня въ Кармахъ; вечеромъ дошла очередь до государственной тюрьмы (Abbaye). Наблюдательный комитетъ вмѣшался въ дѣло, чтобы узаконить происходившую бойню, и тѣмъ самымъ принялъ на себя отвѣтственность передъ потомствомъ: «Товарищи, отъ имени народа вы уполномочиваетесь быть судьями всѣхъ заключенныхъ въ Аббэ безъ различія, за исключеніемъ аб. Ланфана, котораго вы доставите въ надежное мѣсто. Городская дума, 2 сентября. Подписали: Панисъ, Сержанъ, члены». Послѣ этого въ Аббэ и Форсѣ образовались народные трибуналы, которые со 2 по 6 сентября и творили судъ, если не правый, то по истинѣ скорый.

Парижская коммуна, не раздѣлявшая бурнаго настроенія своего наблюдательнаго комитета, въ первый-же день послала въ Аббэ своихъ коммиссаровъ, но ихъ не послушались. Въ 8 часовъ вечера она до-

вела о всемъ происходившемъ до свѣдѣнія собранія и просила немедленно принять мѣры для прекращенія убійствъ: собраніе назначило коммиссаровъ, но они потерпѣли такую-же неудачу, какъ ихъ предшественники. Министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ написалъ-было мэру Петіону, но получилъ отвѣтъ, что прекратить рѣзню уже невозможно, но что Сантерру поручено защищать Тампль. Впрочемъ, послѣднее было не трудно сдѣлать: народъ, казнившій совѣтниковъ короля, еще щадилъ его особу. Вечеромъ исполнительный совѣтъ собралъ на совѣщаніе у мэра председателей секцій: обсуждался вопросъ, что слѣдуетъ предпринять для національной обороны; о мѣрахъ для прекращенія убійствъ не было и рѣчи. Ободренные бездѣйствіемъ общественныхъ властей, судьи-палачи проявили на слѣдующій день (3 сентября) еще большую жестокость. Роланъ ограничивается предложеніемъ предать забвенію событія предшествующаго дня и распространяется насчетъ *справедливаго негодованія* народа. Только въ 11 часовъ вечера собраніе выразило свое чисто-нравственное осужденіе массовымъ убійствамъ, но не приняло никакихъ практическихъ мѣръ къ ихъ прекращенію. 4 сентября Роланъ предписываетъ главному начальнику національной гвардіи Сантерру двинуть войска, «чтобы воспрепятствовать нарушенію личныхъ и имущественныхъ правъ». Сантерръ отвѣчаетъ, что онъ уже отдавалъ приказанія въ этомъ направленіи, но что національная гвардія отказывается выступить; Парижъ не желаетъ защищать «сообщниковъ герц. Брауншвейгскаго».—Въ результатѣ: горсти негодяевъ предоставляется убивать заключенныхъ. Самъ Сантерръ не былъ палачомъ; его, пожалуй, нельзя даже назвать соумышленникомъ, но безспорно, что онъ проявилъ въ данномъ случаѣ преступное безразличіе.

6 сентября казни еще продолжались въ Форсѣ, и коммуна снова посылала своихъ коммиссаровъ, чтобы положить имъ предѣлъ. Когда, наконецъ, рѣзня прекратилась, оказалось, что погибло до 1000 заключенныхъ; тюрьмы были пусты, и некого было казнить. Но стоило Марату пожелать, и тѣ-же ужасы повторились-бы во всей Франціи. 3 сентября онъ составилъ и провелъ въ наблюдательномъ комитетѣ отвратительный циркуляръ, которымъ предлагалось всѣмъ общинамъ послѣдовать примѣру Парижа. Ему удалось даже послать нѣсколько экземпляровъ черезъ бюро министерства юстиціи съ его печатью и скрѣпой, но безъ вѣдома самого министра. Коммуна однако отреклась отъ этого циркуляра (7 сентября) и поручила Петіону составить опроверженіе. На призывъ Марата никто не откликнулся, кромѣ Версаля, гдѣ 9 сентября народныя толпы, отчасти пришедшія изъ Парижа, убили до 50 узниковъ и среди нихъ бывшаго министра Делессара, препровождавшагося Фурнье-Американцемъ изъ Орлеана въ Парижъ. Было время, когда на Дантона возлагали отвѣтственность за сентябрьскія убійства, но мы видѣли, что въ дѣйствительности онъ употреблялъ всѣ усилія для ихъ прекращенія. Онъ пытался предупредить ихъ дальнѣйшее распространеніе, запретивъ 7 сентября переводить заключенныхъ изъ пригородныхъ тюремъ въ Парижъ. Онъ-же спасъ бывшаго члена конституанты Адріана дю-Поръ, казни котораго требовалъ Маратъ. Но ему, какъ и его современникамъ, сентябрьскія убійства представлялись только непріятнымъ инцидентомъ: они не предвидѣли его историческихъ послѣдствій. Ни Дантонъ, ни остальные члены тогдашняго правительства не подумали привлекать къ отвѣтственности убійцъ, — они не хотѣли рисковать гражданской войной ради мести за «аристократовъ». Очень возможно даже, что Дантонъ, желая скрыть слабость правительства, въ частныхъ бесѣдахъ утверждалъ, будто онъ все видѣлъ, все предвидѣлъ и чуть ли даже не руководилъ этими убійствами. Но такое лицемѣріе было подсказано ему патріотизмомъ: онъ добился единодушія въ борьбѣ съ внѣшними врагами; зато впослѣдствіи сентябрьскіе ужасы легли позорнымъ, несмываемымъ пятномъ на всѣ пріобрѣтенія революціи.

Пруссаки въ Шампани: Вальми.—Когда вѣсть о парижскихъ событіяхъ дошла до пруссаковъ, уже перешедшихъ 5 сентября Мёзу, они поспѣшили къ столицѣ. Было рѣшено пройти въ Шалонъ черезъ проходъ Излетъ, въ Аргоннахъ. Дюмурье пытался остановить ихъ. Нужно замѣтить, что послѣ революціи 10 августа онъ не замедлилъ примкнуть къ побѣдившей партіи и получилъ командованіе сѣверной арміей. Въ его головѣ созрѣлъ чрезвычайно смѣлый планъ: седанскій корпусъ подъ

начальствомъ Артура Диллона и мецскія войска съ Келлерманомъ во главѣ сдерживаютъ напоръ пруссаковъ, а онъ,—Дюмурье, — вторгается въ Бельгію и тѣмъ принуждаетъ австрійцевъ отказаться отъ всякихъ наступательныхъ плановъ, чтобы спасти свои собственныя владѣнія, гдѣ каждую минуту готова вспыхнуть революція. Общественное мнѣніе не могло подняться на такую высоту и оцѣнить его плана: народъ требовалъ прежде всего «*прикрыть Парижъ*». Дюмурье подчинился, наконецъ, распоряженіямъ военнаго министра, отправился въ Седанъ и занялъ въ Аргонскихъ горахъ всѣ проходы, ведущіе изъ Лотарингіи въ Шампань; оставалось только выждать подкрѣпленія изъ Фландріи, которыя долженъ былъ привести Бернонвилль, и армію Келлермана.

Найдя излетскій проходъ занятымъ, герцогъ Брауншвейгскій не пытался взять его: онъ рѣшилъ обойти французовъ. Клерфэ успѣлъ уже завладѣть другимъ проходомъ, именно Круа-о-Буа. Казалось, дѣло Дюмурье было проиграно, но онъ сумѣлъ воспользоваться медлительностью нѣмцевъ и, незамѣтно снявшись ночью съ лагеря въ Гранпре, выстроилъ свою армію въ боевомъ порядкѣ на высотахъ Отри за рѣкою Энъ въ прекрасной позиціи. Но удачный переходъ чуть было не пропалъ даромъ по винѣ одного изъ лейтенантовъ, Шазо. 10.000 человѣкъ его отряда были обращены въ бѣгство 1,500 гусарами около Моншётэна. Это была паника, которая тотчасъ-же охватила всю армію; вѣсть о ней донеслась до самаго Шалона и побудила отступить часть войскъ, шедшихъ на подкрѣпленіе. Дюмурье не растерялся: онъ выказалъ необыкновенную энергію, возстановилъ порядокъ и дисциплину, пристыдилъ солдатъ за трусость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, держалъ себя съ такой непринужденностью, что вселилъ въ армію обычную увѣренность и мужество.

Авангардъ Диллона остался въ Шаладъ около излетскаго прохода на югѣ Аргонскихъ горъ. «Самъ-же Дюмурье, говоритъ Шукэ, съ главной массой своихъ войскъ всталъ передъ Сентъ-Менегудъ. Правда, онъ открывалъ этимъ Парижъ, но позиція его имѣла то преимущество, что находилась въ тылу непріятеля. Напрасно брауншвейгскія войска, какъ тогда называли прусскую армію, прошли черезъ Гранпре и заняли Шалонскую дорогу: Дюмурье принудилъ ихъ, прежде чѣмъ идти на столицу, помѣриться съ нимъ силами. Онъ отрѣзалъ отступленіе непріятелю, нимало не стѣснивъ свободы собственныхъ движеній».

Медлительность непріятельскихъ войскъ дала возможность Бёрнонвиллю и Келлерману соединиться съ Дюмурье (19 сентября). На слѣдующій-же день произошла знаменитая битва при Вальми. Во французской арміи было 52,000 солдатъ, изъ нихъ участвовало въ сраженіи 36,000 человѣкъ съ 40 орудіями; въ прусской арміи было около 34,000. Стойкость французовъ заставила пруссаковъ отступить. Дѣло ограничилось канонадой, причемъ со стороны французовъ было убито всего 300, а со стороны пруссаковъ—184 человѣка. Зато нравственное значеніе побѣды было громадно. Находчивость Дюмурье, мужество Келлермана, и въ особенности спла сопротивленія, оказанная арміей, которую считали дезорганизованной, непоколебимость національныхъ волонтеровъ, которыхъ эмигранты изображали въ видѣ сброда трусливыхъ хищниковъ, — вотъ что поразило непріятеля, повергло въ ужасъ его войска и заставило Гёте сказать, что «съ Вальми начнется новая эра». Революціонная Франція, какъ оказывается, хотѣла и могла бороться съ Европой. Этого никакъ не ожидали пруссаки и, обезкураженные, они начали отступать.

Закрытіе законодательнаго собранія. — Начиная съ сентябрьскихъ дней, легислатива предоставила Дантону и временному исполнительному совѣту завѣдываніе всѣми дѣлами національной обороны. Само оно ограничивалось обсужденіемъ и голосованіемъ мѣръ общаго характера. Въ засѣданіи 20 сентября 1792 года оно закончило свои труды и предварительные дебаты по вопросу о лаикизаціи (какъ мы бы теперь выразились), начатые еще учредительнымъ собраніемъ. Декретомъ о способѣ удостовѣренія «гражданскаго состоянія» законодательное собраніе отняло у духовенства регистрацію населенія и передало ее въ руки муниципальныхъ властей. Государство эмансипируется отъ церкви. Политика конвента, приведшая къ отдѣленію церкви отъ государства, идетъ проторенными путями.

Глава IV.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТЪ. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ ОТЪ 20 СЕНТЯБРЯ 1792—ДО 26 ОКТЯБРЯ 1795 Г. (4 БРЮМЕРА IV ГОДА).

I. Жиронда и Гора (Монтанъ).

Выборы въ конвентъ, его полномочія и задача. Идея національнаго конвента, какъ и самое названіе его, явилась одновременно съ революціей. Такъ называли его въ просторѣчіи, конституція-же 1791 года разумѣетъ его, говоря объ Assemblée de revision (Ревизіонное Собраніе, Собраніе для пересмотра). Въ основѣ выборовъ лежало всеобщее избирательное право, но самые выборы по-прежнему остались двухстепенными. 26 августа 1792 года первичныя собранія назначили членовъ департаментскихъ избирательныхъ съѣздовъ. Эти послѣдніе созывались съ 2-го сентября и выбрали въ общей сложности около 750 депутатовъ въ національный конвентъ. Большинство новыхъ представителей Франціи принадлежало къ числу передовыхъ патріотовъ, составлявшихъ «лѣвую» въ законодательномъ собраніи; въ значительномъ числѣ были также бывшіе члены конституанты, среди которыхъ выдавались Робеспьеръ, Бюзо, Петіонъ, а также люди, впервые получившіе столь высокое назначеніе, но пріобрѣвшіе къ нему солидную подготовку въ качествѣ должностныхъ лицъ въ департаментскихъ, дистриктныхъ или муниципальныхъ учрежденіяхъ. Прежде, когда доступъ къ выборамъ былъ ограниченъ имущественнымъ цензомъ, представители Парижа отличались умѣренностью своихъ взглядовъ и стремленій; теперь въ число ихъ попали чуть не поголовно якобинцы и кордельеры: для характеристики ихъ направленія достаточно назвать Робеспьера, Дантона, Коло д'Ербуа, Бильо-Варенна, Камиля Демулена, Марата, Лежандра, Фабра д'Эглантина, Давида, принца Орлеанскаго и друг.

Каковы были полномочія и задачи членовъ національнаго конвента? Нельзя не замѣтить, что отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ значительныя трудности въ виду скудости матеріала. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни документовъ, въ которыхъ-бы сколько-нибудь стройно излагались системы политическихъ воззрѣній избирателей даннаго момента, ни наказовъ (cahiers); протоколы избирательныхъ засѣданій сохранили очень немного слѣдовъ политическихъ преній. Мы видимъ лишь, что подавляющее большинство депутатовъ (исключеній почти не было) получило свои полномочія безъ всякихъ ограниченій. Что касается до главнаго, животрепещущаго вопроса этого историческаго мгновенія—чему быть, монархіи или республикѣ?—то изъ 83 избирательныхъ собраній второй степени лишь одно, а именно парижское, рѣшилось открыто поставить его и потребовать «республиканскаго образа правленія». Ни одинъ департаментскій съѣздъ не поддержалъ монархіи; въ ея пользу высказалось только ничтожное меньшинство избирательныхъ собраній первой степени. Ради національной обороны Франція принесла въ жертву монархію Бурбоновъ, но ее, видимо, устрашала мысль, какъ-бы республика, къ которой самые крайніе политическіе мысли-

тели предшествующаго поколѣнія не относились иначе, какъ къ несбыточной химерѣ, утопіи,—не выродилась въ анархію и не повела къ ослабленію національнаго единства. А время было такое, когда нужно было сплотить всѣ свои силы, чтобы дать отпоръ несравненно болѣе сильному непріятелю. Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ, задававшіе тонъ общественному мнѣнію, не упоминали про республику; самъ Кондорсэ пересталъ говорить о ней. Клубъ якобинцевъ и послѣ 10 августа продолжалъ называться *«Обществомъ друзей конституціи»*, а республиканскія начинанія не встрѣчали въ немъ горячаго сочувствія. Лишь послѣ упраздненія королевской власти онъ переименовалъ себя въ *«Общество якобинцевъ, друзей свободы и равенства»*.

Уничтоженіе королевской власти; республика. Первое засѣданіе національнаго конвента состоялось 20 сентября 1792 г. съ Тюльерійскомъ дворцѣ. Такъ какъ на лицо оказался 371 депутатъ, онъ объявилъ свои собранія открытыми и избралъ бюро. Въ предсѣдатели, 235 голосами противъ 18, попалъ Петіонъ. Мѣста секретарей заняли Кондорсэ, Бриссо, Ласурсъ, Верньо, Камюсъ.

Уже изъ этого перечня избранниковъ собранія видно, что жирондисты пользовались въ немъ преобладающимъ вліяніемъ. На другой день засѣданіе состоялось въ манежѣ, гдѣ раньше происходили собранія легислативы (такъ продолжалось до 10 мая 1793, когда конвентъ окончательно перешелъ въ Тюльери). Въ этомъ засѣданіи 21 сентября было постановлено нѣсколько декретовъ, которые носили консервативный характеръ и должны были успокоительно подѣйствовать на народъ, находившійся въ слишкомъ напряженномъ состояніи. Было рѣшено, 1) что только принятая народомъ конституція можетъ считаться законной; 2) что личная неприкосновенность и имущественныя права находятся подъ охраной всей націи; 3) что впредь до особыхъ постановленій всѣ неотмѣненные законы должны быть соблюдаемы; чиновники, должности которыхъ не упразднены и которые сами не отрѣшены отъ нихъ, должны исполнять возложенныя на нихъ обязанности и пользоваться соотвѣтствующимъ престижемъ; наконецъ, всѣ существующіе налоги должны взиматься или вноситься по-прежнему. Собраніе, казалось, готово было разойтись, не возбуждая вопроса о формѣ правленія, когда Коло д'Ербуа, предсѣдательствовавшій передъ тѣмъ на томъ самомъ парижскомъ избирательномъ собраніи, которое потребовало республики, устремился къ трибунѣ и предложилъ уничтожить королевскую власть. Ему возражали, что нельзя рѣшать вопросъ такой громадной важности—въ порывѣ энтузіазма, что «права народа» несовмѣстимы съ такимъ образомъ дѣйствій представительнаго собранія. Но было уже поздно. Конвентъ почувствовалъ, что не можетъ разойтись, не отвѣтивъ на этотъ запросъ парижскаго населенія, и постановилъ, что «королевская власть уничтожена во Франціи». Ни одинъ ораторъ не упомянулъ о республикѣ.

Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, этотъ декретъ былъ объявленъ Парижу. Народъ встрѣтилъ его восторженными кликами: «да здравствуетъ республика!» Черезъ нѣсколько часовъ конвентъ, собравшійся на вечернее засѣданіе, принималъ у себя двѣ парижскихъ секціи. Онѣ клялись въ вѣрности «республикѣ», о которой не говорилъ въ этихъ стѣнахъ еще ни одинъ членъ представительнаго собранія. Итакъ, столица французскаго государства взяла на себя почипъ въ разрѣшеніи грознаго политическаго вопроса, внушавшаго нерѣшительность самому національному конвенту. 22 сентября было принято предложеніе Бильо-Варенна обозначать послѣдующіе акты *«первымъ годомъ республики»*. Этотъ важный шагъ былъ сдѣланъ безъ всякой торжественности, его отмѣтили лишь очень не многія газеты; впослѣдствіи Робеспьеръ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что республика «проскользнула подъ шумокъ» общественной борьбы. Волей-неволей пришлось согласиться на республику, такъ какъ смертельные недуги подточили существованіе королевской власти. Но такое отношеніе къ новому образу правленія продолжалось недолго. Успѣхи республики, въ особенности военныя удачи, вскорѣ дали ей популярность во всѣхъ концахъ страны; прошло еще не много времени—и она имѣла уже своихъ героевъ и мучениковъ, она стала предметомъ почти религіознаго поклоненія.

Первыя распри между Жирондой и Горой; политика Дантона.—Уничтоженіе королевской власти, учрежденіе республики—не вызвали никакого разногласія среди членовъ конвента. Оба голосованія прошли съ

полнѣйшимъ единодушіемъ. Но такая солидарность существовала лишь въ нѣкоторыхъ принципіальныхъ вопросахъ и относительно нѣкоторыхъ народныхъ нуждъ. У конвента, къ сожалѣнію не было общаго политическаго метода, который-бы объединялъ всѣхъ его членовъ. Жирондисты слыли за федералистовъ; монтаньяровъ обвиняли въ томъ, что они подготовляли тираническій тріумвиратъ въ лицѣ Робеспьера, Дантона и Марата. Въ дѣйствительности, жирондисты вовсе не были федералистами; они были *либералами*, они боялись диктатуры Парижа, они желали свести вліяніе столицы «до одной восемьдесятъ-третьей доли, подобно остальнымъ департаментамъ». Къ сожалѣнію, они закрывали глаза на ненормальность обстоятельствъ, при которыхъ имъ приходилось жить и дѣйствовать. Монтаньяры и не думали ни о какой диктатурѣ тѣхъ или иныхъ личностей; ради успѣха національной обороны они были склонны создать сильную центральную власть; понимая критическій характеръ даннаго историческаго момента, они не хотѣли плыть противъ теченія и оспаривать временное преобладаніе Парижа надъ департаментами; правда, они много говорили о насильственныхъ мѣрахъ, но дѣлали это для того, чтобы обуздать роялистовъ, не покинувшихъ Франціи.—Таковъ источникъ раздора между жирондистами и монтаньярами, которому суждено было кончиться возстаніемъ 2 іюня 1793 года.

Начиная съ 24 сентября Парижъ сталъ подвергаться систематической травлѣ, брани и угрозамъ со стороны жирондистовъ. Бюзо предлагаетъ образовать *департаментскую гвардію* для охраны конвента. Это заявленіе вызвало цѣлую бурю негодованія; собраніе превратилось въ «арену гладіаторовъ». Выручилъ Дантонъ. Получивъ отставку еще 21 сентября, онъ продолжалъ исполнять обязанности министра въ ожиданіи своего преемника. Чувствуя, что внутренній раздоръ можетъ уничтожить плоды побѣды при Вальми, онъ употребилъ всѣ силы своего политическаго генія и мощнаго краснорѣчія, чтобы превратить пагубное разногласіе—въ торжественное выраженіе солидарности и единенія всей Франціи передъ лицомъ иноземцевъ. Онъ началъ съ того, что отвергъ всякую мысль о диктатурѣ и тріумвиратѣ, рѣзко порвалъ связь съ Маратомъ и тѣмъ вынудилъ жирондистовъ, въ свою очередь, отречься отъ мнимаго федерализма; затѣмъ, онъ провелъ мысль, что всякій членъ конвента представитель не только своего департамента, но всей Франціи; предложилъ основать правленіе на «единеніи представительства и исполненія»—и въ заключеніе провозгласилъ, что передъ «этой святой гармоніей» наши враги потеряютъ послѣднія надежды. Эти взгляды получили торжественное признаніе въ декретѣ: «конвентъ провозглашаетъ, что французская республика едина и нераздѣльна» (25 сентября 1792 г.). 16 октября собраніе, по настоянію Дантона, отвергло предложеніе Манюеля подвергнуть плебисциту учрежденіе республики; ставя на карту одно изъ главнѣйшихъ пріобрѣтеній революціи, этотъ проектъ неминуемо долженъ былъ ослабить національную оборону.

Когда отступленіе пруссаковъ не возбуждало уже никакихъ сомнѣній, былъ назначенъ преемникъ Дантона. 29 сентября конвентъ постановилъ, что «его члены не могутъ быть избираемы въ министры». 9 октября собраніе назначило министромъ юстиціи Гара́, Дантону предложило мѣсто въ комитетѣ конституціи, а черезъ короткое время отослало его въ Бельгію.

Съ уходомъ Дантона въ «исполнительномъ совѣтѣ» не было уже никого, кто могъ-бы примирять враждующія партіи. Онъ сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ жирондистовъ. Мадамъ Роланъ, это въ высшей степени благородное, но злопамятное существо, пользуясь вліяніемъ своего мужа въ совѣтѣ, Бюзо и Барбару—въ конвентѣ, разжигала страсти и сѣяла сѣмена раздора. Мы можемъ съ значительной долей вѣроятія утверждать, что именно она, а не кто другой, помѣшала своимъ друзьямъ возобновить сношенія съ Дантономъ, который шелъ имъ на встрѣчу; что именно она сдѣлала непоправимымъ разрывъ между партіями, дѣйствительное разногласіе которыхъ заключалось не въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей и стремленій, а въ томъ, что, идя разными путями, они не одинаково оцѣнивали практичность тѣхъ или иныхъ мѣропріятій. Само собою разумѣется, что въ это время далеко еще не вся Жиронда проникласъ ненавистью госпожи Роланъ: Кондорсэ раздѣлялъ примирительную политику Дантона, но этотъ геній имѣлъ сравнительно незначительное вліяніе на своихъ единомышленниковъ; Верньо прекрасно видѣлъ

всю опасность внутренней распри во время войны съ иноземцами, но у этого безпечнаго человѣка было гораздо меньше политической проницательности, чѣмъ дара краснорѣчія. Впослѣдствіи великодушіе и чувство чести заставило и того, и другого примкнуть къ борьбѣ своихъ друзей и погибнуть вмѣстѣ съ ними.

Въ тотъ моментъ, когда Дантонъ вышелъ изъ министровъ, Жиронда стояла у кормила правленія и пользовалась широкой популярностью, благодаря боевымъ успѣхамъ Дюмурье. Все это давало ей перевѣсъ надъ «Горой». Прусско-австрійскія войска очистили къ этому времени французскую территорію. Примирительная политика Дантона не казалась уже безусловно необходимой, и Жиронда рѣшилась освободиться отъ мятежной «парижской коммуны 10 августа». Мэръ Петіонъ, избранный на новый срокъ, былъ отставленъ; умѣренный Шамбонъ занялъ его мѣсто. Выборы почти цѣликомъ обновили личный составъ коммунальнаго управленія, но ввели въ него еще больше монтаньяровъ, чѣмъ прежде. Шометъ и Эберъ (редакторъ листка *Père Duchesne*), два заклятыхъ врага «роландистовъ» и «бриссотинцевъ», стали одинъ—прокуроромъ, а другой—товарищемъ прокурора коммуны. Монтаньяръ Пашъ черезъ нѣкоторое время занялъ мѣсто Шамбона. Такимъ образомъ, новая коммуна 2 декабря 1792 г. носила еще болѣе анти-жирондистскій характеръ, чѣмъ ея предшественница, а вылазка жирондистовъ противъ парижскаго муниципалитета кончилась полнѣйшей неудачей. Стремительные и энергичные въ натискѣ, они не считались ни съ обстоятельствами, ни со своими силами. Глядя со стороны, трудно было понять, чего они хотятъ и къ чему стремятся. Вотъ почему они не вліяли на общественное мнѣніе; вотъ почему они не могли создать себѣ прочной популярности въ народныхъ массахъ.—29 октября 1792 г. на Робеспьера обрушился одинъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ жирондистской партіи, романистъ Лувэ, депутатъ отъ Луарэ. Въ патетической рѣчи онъ требовалъ отъ выдающагося депутата «Горы» отчета въ его образѣ дѣйствій, онъ обвинялъ его въ стремленіи къ тираніи: «Робеспьеръ», восклицалъ онъ, «я обвиняю тебя въ томъ, что ты долгое время клеветалъ на патріотовъ съ незапятнанной репутаціей . . . . Я обвиняю тебя за то, что ты постоянно старался сдѣлать изъ себя предметъ поклоненія . . . . Я обвиняю тебя, наконецъ, въ томъ, что ты явно посягалъ на захватъ верховной власти....» Ораторъ не привелъ однако никакихъ опредѣленныхъ фактовъ въ подтвержденіе своихъ словъ и не указалъ собранію никакого практическаго выхода изъ даннаго положенія. По желанію Робеспьера, ему дали 8 дней для подготовки къ отвѣту. Возражая Лувэ, онъ, вопреки своему обыкновенію, сумѣлъ защищаться очень остроумно, притомъ, не выходя изъ предѣловъ приличія. Хотя большинство въ собраніи было тогда на сторонѣ жирондистовъ, оно простымъ переходомъ къ порядку дня показало, что не придаетъ никакого значенія взведеннымъ обвиненіямъ. Необдуманная выходка Жиронды только возвеличила Робеспьера и дала ему новыя силы для послѣдующей борьбы.

Процессъ и казнь Людовика XVI. Не смотря на требованія клубовъ, секцій и коммуны, конвентъ не торопился рѣшать участь Людовика XVI. Особая коммиссія разсматривала бумаги, найденныя въ Тюльерійскомъ дворцѣ, а законодательный комитетъ вырабатывалъ проекты мѣръ, которыя должны были быть приняты противъ бывшаго короля. Валазэ отъ имени коммиссіи въ спеціальномъ раппортѣ перечислилъ улики, найденныя въ захваченномъ письменномъ матеріалѣ (6 ноября); Майль отъ имени комитета далъ заключеніе, что король «подсуденъ» національному конвенту (7 ноября). Этотъ выводъ вызвалъ продолжительныя пренія. Незначительное меньшинство открыто ссылалось на неприкосновенность короля, провозглашенную конституціей 1791 года. Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ доказывали, что Людовика XVI нельзя *судить* ни какъ короля, ни какъ гражданина; что его слѣдуетъ просто убить, какъ непріятеля. Пока продолжались эти споры, въ Тюльери, въ потайномъ «желѣзномъ шкапу» было сдѣлано въ высшей степени важное открытіе: рядъ крайне компрометирующихъ секретныхъ документовъ неоспоримо устанавливалъ, что съ вѣдома и согласія короля во дворцѣ велась цѣлая сѣть интригъ противъ революціи. Новыя доказательства измѣны ожесточили общественное мнѣніе. Конвентъ не посмѣлъ долѣе медлить и 3 декабря рѣшилъ, что будетъ судить Людовика XVI. Особой ком-

миссіи изъ 21 члена было поручено составленіе доклада и редактированіе «обвинительнаго акта противъ Людовика Капета». Докладъ былъ сдѣланъ 10 декабря Роберомъ Лендэ, а обвинительный актъ представленъ на другой день Барбару: это былъ перечень 33 вопросовъ Людовику XVI относительно его роли въ главныхъ событіяхъ революціи. Король въ тотъ-же день предсталъ предъ собраніемъ. Онъ рѣшилъ признать компетентность конвента; лишь впослѣдствіи его адвокатъ предъявилъ формальный отводъ противъ этого импровизированнаго судилища. Отвѣчая на вопросы, онъ говорилъ съ видомъ человѣка, который во что бы то ни стало хочетъ установить свою полную невиновность. Онъ отрицалъ факты; утверждалъ, что онъ запамятовалъ; не признавалъ подлинность предъявляемыхъ ему вещественныхъ доказательствъ, наконецъ, ссылался на конституцію. Онъ былъ краток и, казалось, очень хладнокровенъ. Его система защиты—огульное отрицаніе всѣхъ пунктовъ обвиненія—производила непріятное впечатлѣніе. Конвентъ позволилъ ему прибѣгнуть къ помощи адвокатовъ, и когда онъ сообщилъ имена своихъ защитниковъ—Троншэ, Малерба, де-Сеза, ему было предоставлено десять сутокъ для подготовки къ защитѣ. 26-го декабря собраніе выслушало красивую и искусно построенную рѣчь де-Сеза, который, опираясь на неприкосновенность короля, доказывалъ, что онъ не подлежитъ никакому суду. 30-го Верньо поставилъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли передать приговоръ собранія на утвержденіе народу. Противъ этого возсталъ Бареръ (4-го января). Указавъ практическія неудобства такой аппеляціи, онъ вызвалъ передъ собраніемъ призракъ анархіи и междоусобной войны. 7-го января 1793 года закончились пренія, но поименное голосованіе началось лишь 15-го. Первый вопросъ былъ редактированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*виновенъ-ли Людовикъ въ заговорѣ противъ общественной свободы и посягательствѣ на общую безопасность государства?*» Собраніе почти единогласно отвѣчало: «*да, виновенъ*». Не хотѣвшіе дать этого отвѣта или отсутствовали, или воздержались отъ голосованія. Ни одинъ членъ конвента не призналъ Людовика XVI не виновнымъ. Тотчасъ-же былъ открыто голосованъ второй вопросъ: «*подлежитъ-ли приговоръ національнаго конвента утвержденію народа?*» 424 депутата отвѣтили отрицательно, 283—положительно. Голосованіе по третьему вопросу состоялось лишь черезъ два дня. «*Какому наказанію подлежитъ Людовикъ?*» 387 членовъ конвента высказалось за смертную казнь, не ставя ее въ зависимость ни отъ какихъ условій; 334—подали голоса за тюремное заключеніе или условную смертную казнь. Людовикъ XVI заявилъ, что онъ аппелируетъ къ народу, но конвентъ перешелъ къ порядку дня. Тогда Бриссо и нѣкоторые другіе просили объ отсрочкѣ казни, такъ какъ она поведетъ-молъ къ войнѣ съ Англіей, Голландіей и Испаніей. Бареръ снова возсталъ противъ предложенія жирондистовъ и вторично увлекъ собраніе: 380 голосами противъ 310 оно отвергло отсрочку. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ 21 января 1793 года.—Наканунѣ вечеромъ, одинъ изъ членовъ конвента (regicides, «убійцъ короля», какъ ихъ называли монархисты) Ле-Пелетье де Сенъ-Фаржо былъ зарѣзанъ бывшимъ конвойцемъ Парисомъ.

Процессъ короля еще болѣе обострилъ взаимную ненависть между «Горой» и Жирондой. Съ этого времени монтаньяры стали утверждать, будто ихъ противники хотѣли спасти Людовика XVI. Между тѣмъ въ дѣйствительности, если не считать Рабо Сентъ-Этьенна, который высказался въ пользу тюремнаго заключенія, и Кондорсэ, который, будучи принципіальнымъ противникомъ смертной казни и требуя ея отмѣны для всѣхъ родовъ преступленій, могъ высказаться только за строжайшее изъ остальныхъ наказаній,—всѣ главари жирондистской партіи или требовали смертной казни послѣ принятія будущей конституціи (къ этой группѣ принадлежали Лувэ, Бюзо и Бриссо), или, подобно Верньо, Гюадэ, Дюкосу, Бойе-Фонфреду, Барбару и Петіону, рѣшительно высказались за смертную казнь, не обставляя ее никакими условіями. Предложеніе Бриссо объ отсрочкѣ казни было отвергнуто такими вліятельными людьми жирондистской партіи, какъ Жансоннэ, Верньо и Барбару. Нельзя сказать того-же объ аппеляціи къ народу. За исключеніемъ Кондорсэ, Дюкоса и Инара, въ пользу нея голосовали всѣ видные противники монтаньяровъ, и послѣдніе съ нѣкоторымъ основаніемъ увидѣли въ этой мѣрѣ новое средство борьбы съ парижской коммуной, новое проявленіе

извѣстнаго стремленія жирондистовъ потопить Парижъ въ массѣ департаментовъ. Еще 6-го декабря Гюадэ добился декрета о созывѣ первичныхъ собраній для очистки конвента; онъ разсчитывалъ этимъ путемъ освободиться отъ руководителей «Горы». Но декретъ тотчасъ-же былъ отмѣненъ, и апелляція къ народу, казалось, была исправленіемъ сдѣланнаго промаха.—16 декабря Бюзо потребовалъ ссылки Филиппа-Равенство (бывшаго герцога Орлеанскаго). Онъ принадлежалъ къ числу монтаньяровъ, и единственной цѣлью предложенія было задѣть ихъ съ самой чувствительной стороны. «Гора» отбила ударъ, указавъ на тайное заявленіе, сдѣланное Людовику XVI не задолго до 10 августа тремя членами Жиронды, Жансоннэ, Верньо и Гюадэ. Взбудораженные процессомъ короля, обѣ партіи подозрѣвали другъ въ другѣ тайныхъ приверженцевъ роялизма и диктатуры. Вотъ почему они съ такимъ единодушіемъ постановили карать смертью «всякаго, кто предложитъ или попытается учредить во Франціи, подъ какимъ-бы то ни было названіемъ, королевскую или иную власть, посягающую на верховенство народа» (4 декабря).

Представители конвента внѣ Парижа. Зловѣщія предсказанія Бриссо оправдались очень скоро, и конвентъ вынужденъ былъ объявить войну Англіи, Голландіи и Испаніи. Дюмурье не везло, и въ началѣ марта узнали, что его войска должны были очистить Ахенъ. Начался періодъ неудачъ, которому суждено было закончиться пораженіемъ при Неервинденѣ, потерей Бельгіи, новымъ вторженіемъ иноземцевъ во Францію. Эти события не прошли безслѣдно для внутренней жизни страны, они вызвали рядъ насильственныхъ или исключительныхъ мѣръ; начался *терроръ*.

Не смотря на измѣненія, конституція 1791 года оставалась въ силѣ. Децентрализація администраціи представляла значительное препятствіе для дѣла національной обороны. Конвентъ уже пытался бороться съ этимъ зломъ, посылая въ отдѣльныя части арміи, въ порты и нѣкоторые департаменты особыхъ *коммиссаровъ* или полномочныхъ представителей (*représentants en mission*). Они имѣли право отрѣшать чиновниковъ отъ должности и временно замѣщать ихъ другими, а также принимать всѣ мѣры, необходимыя для общей безопасности (декретъ 26 января 1793 г.). Получивъ извѣстіе о неудачахъ Дюмурье, конвентъ разослалъ коммиссаровъ во всѣ концы Франціи (7 марта 1793 г.). На нихъ было возложено исполненіе декрета отъ 24 февраля о наборѣ 300.000 рекрутовъ. Кромѣ только-что перечисленныхъ правъ, они были облечены властью задерживать всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Это были настоящіе интенданты стараго порядка; ихъ дѣятельность не могла, впрочемъ, привести къ тѣмъ-же результатамъ, такъ какъ чрезвычайныя полномочія были даны имъ лишь на время, въ виду совершенно исключительныхъ обстоятельствъ. Къ тому-же, они постоянно переѣзжали съ мѣста на мѣсто, не имѣли строго опредѣленныхъ задачъ, мѣшали другъ другу или, наконецъ, встрѣчали сопротивленіе со стороны мѣстной администраціи и даже коммиссаровъ, которыхъ въ значительномъ числѣ разсылалъ «временный исполнительный совѣтъ».

Революціонный судъ. Конвентъ чувствовалъ необходимость подавить быстрыми и грозными ка́рами всякое движеніе противъ революціи среди населенія Франціи. Выборный судъ, созданный конституантой для нормальныхъ обстоятельствъ, не могъ удовлетворить этому требованію. Вотъ почему уже законодательное собраніе сочло нужнымъ ввести новый судъ 17 августа, который вскорѣ былъ упраздненъ, такъ какъ военныя побѣды сдѣлали на время совершенно ненужнымъ какое-бы то ни было насиліе. Но теперь, когда боевое счастье снова измѣнило Франціи, когда на историческомъ небосклонѣ снова стала собираться гроза иноземнаго вторженія, когда печальныя вѣсти изъ Бельгіи вызвали 9 и 10 марта 1793 года буйство толпы на улицахъ Парижа,—многія секціи стали требовать учрежденія революціоннаго суда, и 10 марта, по предложенію Дантона, конвентъ постановилъ, что «въ Парижѣ учреждается чрезвычайный уголовный судъ, разсмотрѣнію въ которомъ подлежатъ всякое предпріятіе противъ революціи, всякое посягательство на свободу, равенство, единство и нераздѣльность республики, на внутреннюю или внѣшнюю безопасность государства, а также на всякаго рода заговоры, имѣющіе цѣлью возстановить королевскую власть или вообще ввести учрежденіе, несовмѣстимое со свободой, равенствомъ или верховенствомъ народа». Этотъ «*революціонный судъ*» (такъ называли его впо-

слѣдствіи) состоялъ изъ присяжныхъ, пяти судей, публичнаго обвинителя и двухъ замѣстителей. Всѣ они назначались конвентомъ. Приговоры его признавались окончательными и тотчасъ-же вступали въ законную силу. На нихъ нельзя было приносить ни апелляціонныхъ отзывовъ, ни кассаціонныхъ жалобъ.

Первый комитетъ общественнаго спасенія. Временный исполнительный совѣтъ не пользовался довѣріемъ. Уже 1 января «комитету общей обороны», состоявшему изъ 24 депутатовъ—почти сплошь жирондистовъ, — было поручено наблюденіе за совѣтомъ, объединеніе войска и дипломатіи. Извѣстіе о неудачѣ при Неервинденѣ повело къ его обновленію. Въ него вошли вожаки монтаньяровъ, но большинство по прежнему принадлежало къ числу жирондистовъ. Слишкомъ многочисленный, не обладавшій подвижностью, бездѣятельный, обсуждавшій текущіе вопросы чуть не при публикѣ, «комитетъ общественной обороны» не соотвѣтствовалъ своему назначенію. Измѣна Дюмурье показала все его безсиліе и скомпрометировала Жиронду. 6 апрѣля конвентъ декретировалъ учрежденіе «комитета общественнаго спасенія» изъ девяти его членовъ, который, соблюдая тайну относительно своихъ дальнѣйшихъ видовъ, сомнѣній и разногласій, долженъ былъ наблюдать за исполнительнымъ совѣтомъ и ускорять его дѣятельность; подъ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго сообщенія конвенту—онъ могъ даже отмѣнять его рѣшенія, а также принимать необходимыя мѣры для внѣшней и внутренней обороны, поскольку онѣ входили въ компетенцію совѣта. Въ его распоряженіе было предоставлено 100.000 ливровъ на тайные расходы. Комитетъ общественнаго спасенія былъ учрежденъ первоначально только на одинъ мѣсяцъ, но фактически просуществовалъ до 10 іюля. Въ него входили Бареръ, Дельмасъ, Бреаръ, Камбонъ, Дантонъ, Роберъ Ленде, Гитонъ-Морво, Трейльяръ, Делакруа (отъ Оретъ-Луаръ). Онъ распался на четыре отдѣленія: Дантонъ и Бареръ завѣдывали иностранными дѣлами, Дельмасъ и Делакруа—войскомъ, Трейльяръ и Бреаръ—флотомъ, Камбонъ, Гитонъ-Морво и Роберъ Ленде — внутренними дѣлами, продовольственной частью, финансами, корреспонденціей, бюро, распредѣленіемъ труда между отдѣленіями комитета. Въ общихъ собраніяхъ предсѣдательствовали по очереди всѣ члены, но безъ преувеличенія можно сказать, что Дантонъ былъ истиннымъ руководителемъ и вдохновителемъ новаго учрежденія. Комитетъ общественнаго спасенія не ограничился однимъ наблюденіемъ: онъ сталъ управлять. Если временный исполнительный совѣтъ сохранилъ за собою хоть второстепенную роль, то этимъ онъ всецѣло былъ обязанъ отвлеченному принципу раздѣленія властей, и въ это время не потерявшему вліянія на членовъ конвента.—Существовалъ также «комитетъ общей безопасности», наблюдавшій за полиціей республики.

Внутренняя политика перваго комитета общественнаго спасенія. Ниже мы коснемся внѣшней политики перваго комитета общественнаго спасенія. Для успѣха ея нужно было дать понять Европѣ, что во Франціи есть твердая правительственная власть, во что-бы то ни стало добиться внутренняго спокойствія и положить конецъ партійнымъ раздорамъ. Находясь между двухъ огней — парижской коммуной, на сторонѣ которой была сила, и жирондистскимъ большинствомъ конвента, опиравшимся на законъ,—Дантонъ долженъ былъ лавировать среди противоположныхъ теченій, выжидать случая, откладывать щекотливые вопросы въ долгій ящикъ, протягивать и направо, и налѣво, по его выраженію, «оливковую вѣтвь мира». Демагогъ—съ коммуной и монтаньярами, блюститель законовъ—съ жирондистами,—онъ и тѣхъ, и другихъ призывалъ къ соглашенію, ради этой цѣли сулилъ ни вѣсть что обѣимъ сторонамъ, предупреждалъ столкновенія и даже подставлялъ самого себя подъ удары, которые они готовили другъ другу; въ то-же время онъ хитрилъ съ Европой. Быть можетъ ему удалось-бы выказать чудеса политической ловкости, если-бы Робеспьеръ, желавшій занять его положеніе, не подкапывался подъ него, не возбуждалъ противъ него буйнаго меньшинства въ коммунѣ, не разжигалъ-бы страстей.—Когда 10 апрѣля отъ имени секцій была подана петиція съ требованіемъ о преданіи суду жирондистовъ, Дантонъ поступилъ чрезвычайно тактично: вторя волкамъ, онъ все-же добился отсрочки дебатовъ. Но это не имѣло никакихъ благихъ послѣдствій: съ одной стороны, Робеспьеръ относился къ жирондистамъ такъ, какъ будто они

были сообщниками иноземцевъ; съ другой стороны, они отвергали всякую мысль о явномъ или тайномъ соглашеніи съ Дантономъ и не шли на встрѣчу его уступкамъ. 13 апрѣля они предали суду Марата (большинствомъ 220 голосовъ противъ 92; болѣе ста монтаньяровъ были въ провинціи въ качествѣ коммиссаровъ). Революціонный судъ оправдалъ «друга народа», и онъ торжественно вернулся въ конвентъ къ вящшему посрамленію жирондистовъ. Ни Дантонъ, ни другіе видные члены «комитета общественнаго спасенія» не поддерживали Марата; систематическимъ уклоненіемъ отъ проявленія какой бы то ни было солидарности они, казалось, хотѣли дать понять, что отрекаются отъ людей произвола и насилія. Когда 15 апрѣля мэръ Парижа Пашъ прочелъ въ собраніи петицію, въ которой требовалось по отношенію къ двадцати двумъ депутатамъ—«бриссотинцамъ» что-то въ родѣ опалы, ни одинъ членъ комитета (въ томъ числѣ и Дантонъ) не проронилъ ни единаго слова. Они не вмѣшались даже и тогда, когда депутаты отъ Бордо заявили конвенту, что бордосцы двинутся къ Парижу, если конвентъ не изыщетъ средствъ для собственнаго спасенія. Само собою разумѣется, что, дѣйствуя такимъ образомъ, правительство отнюдь не руководилось интересами Жиронды, а имѣло въ виду конвентъ, правамъ котораго угрожала коммуна. Оно готово было пойти на что угодно, чтобы только скрыть отъ Европы безсиліе конвента и чрезмѣрное могущество Парижа.

Между тѣмъ коммуна каждый день самовластно присвапвала себѣ все новыя и новыя права. 2 апрѣля она учредила особый комитетъ для сношенія со всѣми муниципалитетами Франціи. 18-го она провозгласила себя на революціонномъ положеніи. 17 мая, вопреки прямому смыслу закона, она назначаетъ гражданина Буланже временнымъ командиромъ вооруженныхъ силъ города Парижа. Въ крайнемъ раздраженіи Жиронда на другой-же день сдѣлала два важныхъ предложенія: 1) отрѣшить отъ должностей весь личный составъ коммуны, 2) созвать въ Буржѣ новый національный конвентъ изъ лицъ, которые выбраны Франціей въ качествѣ замѣстителей депутатовъ. Собраніе было увлечено. Произойди голосованіе тотчасъ-же послѣ рѣчи Гюадэ, который проектировалъ и ту, и другую мѣру, обѣ онѣ были-бы приняты и одобрены собраніемъ, а это неминуемо вызвало-бы гражданскую войну. Но комитетъ общественнаго спасенія вышелъ на этотъ разъ изъ своего нейтральнаго положенія: выступилъ Бареръ. Начавъ съ открытаго порицанія коммунѣ, онъ въ концѣ концовъ добился того, что вмѣсто ея распущенія собраніе назначило коммиссію изъ 12 членовъ для разслѣдованія дѣла. Зная составъ ея (все это были ярые жирондисты), можно было впередъ догадаться объ ея образѣ дѣйствій: громко указывая на «преступленія» и «заговоръ» коммуны противъ конвента, она не ограничилась такими мѣрами предосторожности, какъ усиленіе охраны національнаго собранія, но сдѣлала и нѣсколько наступательныхъ шаговъ вродѣ ареста Эбера. 25 мая въ собраніе явилась депутація коммуны, требуя его освобожденія. Инаръ, занимавшій предсѣдательское кресло, отвѣчалъ угрозами: «если вѣчно повторяющіеся мятежи приведутъ къ посягательству на народное представительство, то отъ имени Франціи предупреждаю васъ, что недалеко то время, когда по берегамъ Сены тщетно будутъ разыскивать самое мѣстонахожденіе Парижа». Напрасно Дантонъ старался заставить собраніе взять назадъ эти необдуманныя слова, которыя слишкомъ напоминали манифестъ герцога Брауншвейгскаго и должны были вызвать неописуемую ярость въ населеніи столицы. Отвѣтъ Инара былъ формально одобренъ конвентомъ. Тѣмъ не менѣе комитету общественнаго спасенія удалось добиться освобожденія Эбера (27 мая) и даже закрытія «Коммиссіи Двѣнадцати». Послѣдній декретъ былъ, впрочемъ, отмѣненъ на другой же день. Конвентъ, видимо, колебался, противорѣчилъ самъ себѣ, не могъ найти исхода изъ затруднительнаго положенія. — Комитетъ сдѣлалъ послѣднее, отчаянное усиліе для предупрежденія междоусобицы. 29 мая онъ въ видѣ общаго доклада по текущимъ вопросамъ представилъ цѣлую программу примиренія партій и ихъ солидарной дѣятельности; часть ея была редактирована самимъ Дантономъ. Выступая отъ имени комитета, Бареръ высказалъ порицаніе коммунѣ и призывалъ къ единенію передъ лицомъ непріятеля. 30-го, чтобы дать удовлетвореніе монтаньярамъ, онъ включилъ въ свой составъ пятерыхъ представите-

лей этой партіи — Геро-Сешеля, Рамеля, Сенъ-Жюста, Матьё и Кутона, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказалъ, что онъ въ силахъ возвыситься надъ злобою дня, а именно провелъ законъ объ открытіи первоначальныхъ школъ во всѣхъ коммунахъ съ населеніемъ не менѣе 400 душъ. Парижская коммуна полагала, что Дантонъ усиливаетъ правительство лишь для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе раздавить ее самое подъ законной властью конвента, чтобы помѣшать ея требованіямъ и замысламъ Робеспьера и, главнымъ образомъ, аресту жирондистовъ. Вотъ почему она схватилась за вѣсть о военныхъ неудачахъ и, пользуясь волненіемъ, подняла, наконецъ, давно возвѣщенное и подготовленное возстаніе.

Событія 31 мая и 2 іюня 1793 г.—Секціи назначили коммиссаровъ, которые собрались въ епископскомъ домѣ, гдѣ уже засѣдалъ инсуррекціонный клубъ. Въ ночь съ 30 на 31 мая этотъ комитетъ епископскаго дома велѣлъ запереть заставы и ударить въ набатъ. Въ половинѣ седьмого утра онъ явился въ городскую ратушу, отъ имени секцій смѣстилъ генеральный совѣтъ коммуны, затѣмъ возстановилъ его въ видѣ революціоннаго акта (то же произошло съ совѣтомъ и директоріей парижскаго департамента). Клялись быть вѣрными республикѣ единой и нераздѣльной, поддерживать «святую свободу, святое равенство, неприкосновенность личности и уваженіе къ собственности», «жить въ республиканскомъ единодушіи со своими братьями». Анріо былъ назначенъ временнымъ командиромъ вооруженныхъ силъ. Почта была перехвачена, гонцы арестованы, письма распечатаны. Возстаніе завладѣло Парижемъ.

На звонъ колокола собрался и конвентъ. Тотчасъ-же потребовали къ отвѣту парижскаго мэра Паша и генеральнаго прокурора Люлье: они протестовали, говоря, что дѣло идетъ только о «моральной революціи». Было предложено уничтожить «Коммиссію Двѣнадцати». Верньо не возражалъ по существу, но требовалъ предварительнаго изслѣдованія о причинахъ поднявшейся тревоги. Дантонъ говорилъ рѣзко, но въ примирительномъ духѣ. Верньо провелъ декретъ о заслугахъ секцій передъ отечествомъ: этимъ онъ какъ бы аппелируетъ на произволъ коммуны къ самому Парижу. Отвѣтъ столицы не заставилъ себя ждать: депутація всѣхъ секцій и властей явилась къ перпламъ залы засѣданія съ требованіемъ не только отмѣны «Коммиссіи Двѣнадцати», но также ареста двадцати двухъ депутатовъ изъ жирондистской партіи. Верньо предложилъ напечатать эту петицію и разослать по всѣмъ департаментамъ: на Парижъ онъ аппелируетъ къ Франціи. Комитетъ общественнаго спасенія рѣшаетъ уступить по вопросу о «Двѣнадцати» и отвергнуть ходатайство объ оговоренныхъ депутатахъ; онъ предлагаетъ уничтожить коммиссію и предоставить вооруженныя силы Парижа въ распоряженіе національнаго собранія. Между тѣмъ народъ заполнилъ залу и разсѣлся въ перемежку съ депутатами. Верньо заявляетъ, что онъ не чувствуетъ себя свободнымъ, и демонстративно выходитъ изъ засѣданія, но никто не слѣдуетъ его примѣру. Когда онъ возвращается, Робеспьеръ уже на трибунѣ и говоритъ противъ политики комитета. «Кончайте! Ваше мнѣніе!» кричитъ ему Верньо. «Я сейчасъ кончу, — отвѣчаетъ Робеспьеръ, и мое мнѣніе будетъ противъ васъ». Онъ требуетъ ареста «двадцати-двухъ». Конвентъ отказываетъ въ этомъ, но упраздняетъ «Коммиссію Двѣнадцати». Парижъ, повидимому, чувствуетъ удовлетвореніе. Секціи ликуютъ. Предмѣстье Сентъ-Антуанъ, которое двинулось только подъ вліяніемъ ложнаго увѣренія, будто сторонники конвента провозгласили возстановленіе королевской власти, сознаетъ свою ошибку и мирно проходитъ передъ собраніемъ. По предложенію Барера, всѣ члены конвента вмѣстѣ выходятъ на улицу, чтобы брататься съ народомъ. Наскоро устраиваютъ гражданское торжество и зажигаютъ иллюминацію; разыгрываются сцены, свидѣтельствующія о патріотизмѣ и «чувствительности». — Таковъ былъ день 31 мая 1793 г. Конвентъ вышелъ нетронутымъ изъ столкновенія съ населеніемъ столицы; по выраженію парижанъ, онъ подвергся лишь нравственному давленію.

Тѣмъ не менѣе въ мотивахъ для безпокойства не было недостатка, и это прекрасно понималъ комитетъ общественнаго спасенія! Революціонная коммуна хотѣла арестовать нѣсколькихъ министровъ, и комитетъ долженъ былъ смиренно поставить ей на видъ, что она не имѣетъ на это права. Министръ Клавьеръ бѣжалъ. Робеспьеръ съ трибуны провозгласилъ, что

результаты 31 мая — недостаточны. Коммуна, объявляя себя обманутой, требовала и подготовляла «дополненіе» революціи. Могъ-ли комитетъ, не имѣя подъ рукою военной силы, однимъ нравственнымъ авторитетомъ, къ тому-же подорваннымъ, повліять на громадный вооруженный городъ и предотвратить «дополнительный» ударъ? Въ засѣданіи 1 іюня онъ, несмотря на противодѣйствіе правой, заставилъ конвентъ обратиться ко всѣмъ французамъ съ адресомъ, въ которомъ событія 31 мая изображались бы въ розовомъ свѣтѣ. «Не станемъ осуждать революціонныхъ броженій», воскликнулъ Барeръ, «будемъ пользоваться ихъ плодами!» Засѣданіе закрылось въ 6 часовъ; какъ разъ въ это время коммуна хотѣла представить новую петицію противъ «двадцати двухъ». Тогда Маратъ явился въ ратушу и въ напыщенныхъ выраженіяхъ подалъ народу «совѣтъ» не расходиться и не слагать оружія, пока онъ не добьется побѣды. «Другъ народа» самъ влѣзъ на башню и самъ ударилъ въ набатъ. Конвентъ тотчасъ же собрался и выслушалъ петицію. Послѣдовали шумныя пренія; комитетъ вышелъ изъ своего нейтральнаго положенія и устами Барера воспротивился мѣрамъ, которыя предлагали принять противъ жирондистовъ. Собраніе постановило, что обличители этихъ депутатовъ должны представить доказательства, а комитетъ — сдѣлать на основаніи ихъ особый докладъ.

При открытіи засѣданія 2 іюня были получены важныя вѣсти изъ Лозера и Ліона. Съ утра Анріо обложилъ колоссальными вооруженными толпами и войсками Тюльери, гдѣ засѣдало собраніе. Никто не могъ выйти изъ залы. Конвентъ былъ въ плѣну. Тогда, выказывая гораздо больше мужества, чѣмъ политическаго такта, Ланжюинэ потребовалъ, чтобы были смѣщены всѣ должностныя лица Парижа и отмѣнены ихъ распоряженія. Депутація коммуны возобновила свои прежнія требованія, предупреждая, что столица больше повторять ихъ не будетъ. Собраніе не смутилось и передало петицію въ комитетъ. Стоитъ отмѣтить: — Ришу, первый заговорившій объ уступкѣ парижскому населенію, былъ очень близокъ къ Жирондѣ. Комитетъ общественнаго спасенія предложилъ оговореннымъ депутатамъ добровольно сложить съ себя полномочія на нѣкоторое время. Тотчасъ же Инаръ, Лантенасъ и Фошэ выразили на это свое согласіе. Ланжюинэ и Барбару отвѣчали гордымъ отказомъ. Между тѣмъ было пущено въ ходъ грубое насиліе: вооруженные люди заняли выходы и стали отталкивать депутатовъ, въ томъ числѣ и члена комитета Делакруа. Тотъ негодующе протестовалъ. Собраніе поднялось, какъ одинъ человѣкъ. Его охватило смущеніе и ярость. Дантонъ воскликнулъ: «французскій народъ оскорбленъ въ лицѣ своихъ представителей; онъ требуетъ грозной кары!» Барeръ говоритъ, что невольники не могутъ творить законовъ, и требуетъ головы наглеца, «осмѣлившагося посягнуть на свободу народнаго представителя». Барeръ указалъ при этомъ на Анріо, и конвентъ потребовалъ его къ рѣшеткѣ. Тотъ не повиновался. Барeръ предложилъ собранію выйти вонъ и добиться свободы. Торжественное шествіе всего состава національнаго конвента было встрѣчено со стороны толпы возставшихъ ироническими знаками почтенія. Когда предсѣдатель собранія потребовалъ у Анріо, чтобы онъ убралъ свои войска, тотъ грубо отвѣчалъ, что не сдѣлаетъ этого прежде, чѣмъ конвентъ не выдастъ оговоренныхъ депутатовъ. Конвентъ вынужденъ былъ вернуться въ залу засѣданій, гдѣ, чувствуя себя сломленнымъ, смиренно постановилъ арестовать, по предложенію Кутона, не двадцать два, а двадцать девять депутатовъ, въ томъ числѣ Жансоннэ, Рабо Сентъ-Этьенна, Ланжюинэ, Лувэ, двухъ министровъ — Лебрена и Клавьера (бывшій министръ Роланъ бѣжалъ, и коммуна задержала г-жу Роланъ). Всѣмъ опальнымъ было разрѣшено остаться въ своихъ квартирахъ «подъ охраной французскаго народа и національнаго конвента, а также вѣрности гражданъ города Парижа». Возставшіе тотчасъ же написали предсѣдателю собранія, предлагая равное число заложниковъ; Барбару отъ имени своихъ друзей далъ отрицательный отвѣтъ.

Таковы были результаты 2 іюня! Конвентъ былъ искалѣченъ, значеніе комитета общественнаго спасенія упало, коммуна побѣдила. Если вдуматься въ истинныя причины этого переворота, то мы должны сосредоточить наше вниманіе не на дерзости коммуны, не на политической неспособности жирондистовъ, не на честолюбивыхъ замыслахъ Робеспьера, а на

томъ взрывѣ патріотизма, который былъ вызванъ нашими военными неудачами. «Вамъ интересно знать, говорилъ Робеспьеръ-младшій 31 мая, кто именно поднялъ тревогу. Я скажу вамъ: это были измѣны нашихъ генераловъ, вѣроломство надъ Фаморомъ, бомбардировка Валансьенна, безпорядки въ нашей сѣверной арміи». Населеніе Парижа полагало, что военныя неудачи проистекаютъ изъ несогласій и раздоровъ конвента; оно рѣшило возстановить единство центральной власти, уничтоживъ ту партію, которая, казалось, была менѣе другихъ способна къ управленію.

II. Гражданская война.

Послѣдствія событій 2 іюня.—Мы уже видѣли, какъ Дантонъ пытался предупредить народное возстаніе. Когда-же оно вспыхнуло, онъ притворно сталъ на его сторону, чтобы спасти престижъ правительства въ глазахъ Европы; между тѣмъ несомнѣнно, что комитетъ былъ однимъ изъ побѣжденныхъ 2 іюня. Декретъ противъ министровъ Клавьера и Лебрёна очень сильно задѣлъ его. Если онъ не принялъ подъ свою защиту министра финансовъ и далъ замѣстить его Детурнелемъ, то это еще не значитъ, что ему было легко разстаться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вѣрнымъ проводникомъ его примирительной политики. Лебрёнъ продолжалъ являться въ совѣтъ, хотя за нимъ неотступно слѣдовалъ жандармъ, на попеченіе котораго онъ былъ отданъ; положеніе государственнаго узника не мѣшало ему дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо, заниматься государственными дѣлами. Это двусмысленное положеніе прекратилось только 21 числа, когда конвентъ замѣстилъ его пріятелемъ Дантона,—Дефоргомъ; этимъ назначеніемъ онъ ясно показалъ свое намѣреніе продолжать внѣшнюю политику Дантона, несмотря на неодобреніе ея Робеспьеромъ и его партіей, одержавшей верхъ 2 іюня. Комитетъ и конвентъ приложили всѣ усилія, чтобы ослабить побѣду коммуны. Коммуна обѣщала предъявить документы и указать факты, уличающіе жирондистовъ; когда-же на требованіе комитета—сдержать слово, послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ, онъ предложилъ рядъ мѣръ для организованной борьбы съ ея самовластіемъ: закрытіе всѣхъ революціонныхъ комитетовъ, дарованіе конвенту права производить реквизицію войскъ по своему усмотрѣнію, отправку «во всѣ департаменты, депутаты которыхъ были арестованы декретомъ 2 іюня», другихъ депутатовъ въ качествѣ заложниковъ. Робеспьеръ только посмѣялся надъ этимъ проектомъ, конвентъ, съ своей стороны, не захотѣлъ назначить заложниковъ, и отъ задуманнаго пришлось отказаться. Для комитета это было равносильно пораженію. Однако конвентъ выразилъ ему свое довѣріе, переизбравъ на слѣдующій мѣсяцъ. Двое изъ его членовъ, Трейльяръ и Роберъ Ліндэ, командированные въ провинцію, были замѣщены Гаспареномъ и Жанбономъ С. Андрэ. Вновь избранный и частью обновленный комитетъ, въ которомъ засѣдали и пять монтаньяровъ, включенныхъ въ его составъ 30 мая, счелъ нужнымъ расширить кругъ дѣятельности Дантона и возложилъ на него, кромѣ дипломатическихъ дѣлъ, которыми онъ руководилъ и раньше, главный надзоръ за ходомъ военныхъ дѣйствій. На слѣдующій же день Дантонъ сталъ настаивать въ конвентѣ на необходимости выяснить Франціи и Европѣ отношеніе собранія къ событіямъ 31 мая и 2 іюня и принять на себя отвѣтственность за все происшедшее, чтобы не показать своего безсилія. Партія Робеспьера позволила себѣ предательскую передержку этой мысли и предложила конвенту поздравить революціонную коммуну съ своимъ собственнымъ пораженіемъ 2 іюня. Конвентъ ограничился заявленіемъ, что «граждане города Парижа въ высокой степени содѣйствовали спасенію свободы и поддержанію единства и нераздѣльности республики». Этимъ признаніемъ событія 31 мая и 2 іюня пріобрѣли оффиціальное значеніе для всей націи.

Федерализмъ; конституція 1793 г.—Провинція увидѣла въ описанныхъ собы-

тіяхъ лишь чисто-парижское движеніе и чуть не вся Франція выразила неудовольствіе по поводу происшедшаго. Уже открытый призывъ къ подготовкѣ возстанія вызвалъ протестъ во многихъ департаментахъ, а въ Ліонѣ противъ монтаньяровъ вспыхнулъ даже бунтъ (29 мая). Въ этотъ день городскія секціи, по предварительному соглашенію съ администраціей департамента Рона-Луара, возстали противъ ліонской коммуны, во всемъ слѣдовавшей указаніямъ яраго демократа и якобинца, Шалье. Произошла кровавая схватка, ратуша была занята соединенными силами роялистовъ, умѣренныхъ и жирондистовъ, и незаконное, реакціонное городское управленіе заняло мѣсто законнаго, якобинскаго. Шалье былъ брошенъ въ тюрьму и вскорѣ гильотинированъ. Вѣсть о событіяхъ 2 іюня только подлила масла въ огонь: бунтовщики стали искать поддержки въ другихъ департаментахъ. Разсылались призывы къ протесту. Франшъ-Контэ, Дофинэ, Провансъ, Лангедокъ, Гюйеннь и Нормандія приняли угрожающее положеніе. Казалось, что старинныя провинціи возстаютъ противъ революціонной нивеллировки и стремятся къ *федерализму*, какъ тогда назвали это движеніе. Многіе депутаты, исключенные изъ конвента, какъ Петіонъ, Бюзо, Барбару, Гюадэ, Бриссо, Лувэ, скрылись изъ столицы, чтобы возбудить въ провинціи гражданскую войну. Около двухъ третей всѣхъ департаментовъ возстало противъ конвента; но, къ счастью, ему осталась вѣрна старая Франція. Благопріятно было и то обстоятельство, что это было возстаніе департаментовъ, а не коммунъ, сохранившихъ преданность центральной власти и много способствовавшихъ поддержанію цѣлости отечества. Но въ началѣ положеніе казалось безвыходнымъ. 13 іюня конвентъ узналъ, что Бюзо поднялъ возстаніе въ Ёрѣ, что директорія этого департамента постановила сформировать войско въ 4,000 человѣкъ и двинуть его на Парижъ. Кальвадосскій департаментъ взялъ подъ стражу двухъ конвентскихъ комиссаровъ, Ромма и Пріёра (изъ Котъ д'Оръ). Конвентъ разразился противъ возставшихъ громовыми обвинительными декретами, но, не имѣя возможности привести въ исполненіе свои угрозы, сталъ держаться выжидательной политики и предоставилъ Дантону вести внутри государства дипломатическую кампанію, подобную той, которую онъ велъ незадолго передъ тѣмъ для улаженія международныхъ отношеній; всѣ надежды возлагались при этомъ на предстоящее вотированіе конституціи, извѣстной подъ названіемъ конституціи 1793 года.

Въ этой конституціи склонны были видѣть чуть-ли не евангеліе монтаньяровъ; а между тѣмъ это было только средство, чтобы возсоединить мятежные департаменты,—средство, котораго настойчиво требовали и муниципалитеты, и народныя общества, и конвентскіе комиссары. Комитетъ общественнаго спасенія набросалъ его въ нѣсколько дней, а конвентъ обсуждалъ и вотировалъ его меньше двухъ недѣль, а именно съ 11 по 24 іюня 1793 г. Хотя проектъ, предложенный Кондорсэ, былъ отклоненъ (15 февраля) отъ имени «комитета конституціи», имъ, тѣмъ не менѣе, воспользовались, и слѣдуетъ сознаться, что произведеніе монтаньяровъ не было ни болѣе демократично, ни менѣе либерально, чѣмъ планъ жирондистовъ, съ которымъ оно совпадало въ своихъ основныхъ чертахъ. Подобно конституціи 1791 года, ей была предпослана декларація правъ, отличавшаяся отъ первой только болѣе послѣдовательнымъ проведеніемъ принципа равенства и признаніемъ «общаго блага» цѣлью, къ которой должно стремиться всякое человѣческое общество. Конституція 1793 г. сохраняла всеобщую подачу голосовъ, постановленную еще 10 августа, но отмѣняла двустепенность выборовъ; такимъ образомъ депутаты выбирались прямо, на первичныхъ собраніяхъ. Двустепенные выборы были сохранены лишь для членовъ департаментской и дистриктной администраціи, а также судейскаго персонала. Законодательная власть принадлежала *законодательному корпусу* въ составѣ 600 депутатовъ, избираемыхъ на 1 годъ. Всякій законъ, вотированный законодательнымъ корпусомъ, долженъ былъ быть представленъ на усмотрѣніе народа: если впродолженіе сорока дней одна десятая часть первичныхъ собраній въ половинѣ общаго числа департаментовъ и еще одинъ департаментъ не опротестуютъ его, онъ дѣлается закономъ. Въ противномъ случаѣ законодательное собраніе созываетъ первичныя собранія. Исполнительная власть вручалась *исполнительному совѣту* изъ

24 членовъ, назначаемыхъ законодательнымъ корпусомъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ департаментскими собраніями; ежегодно половина членовъ совѣта выбывала и уступала свое мѣсто новымъ выборнымъ. Организація судебной власти по прежнему покоилась на выборномъ началѣ, но была значительно упрощена. Самая конституція должна была быть одобрена плебисцитомъ. Все было разсчитано на успокоеніе умовъ, на усыпленіе подозрительности людей, опасавшихся диктатуры Парижа. Съ установленіемъ своего рода національнаго *референдума*, департаменты получаютъ значительное преобладаніе. Кромѣ того, возможность личной диктатуры устранялась учрежденіемъ исполнительнаго совѣта изъ 24 членовъ, въ назначеніи которыхъ принимали участіе всѣ департаменты. Своимъ демократическимъ характеромъ эта конституція привлекла крайнихъ, а либерализмомъ—умѣренныхъ республиканцевъ или жирондистовъ. Разосланная по всей Франціи, она проникла въ самые очаги возстанія и обезоружила федералистовъ; не поддались развѣ только тѣ, которые зашли слишкомъ далеко, которымъ отступать было поздно.

Паденіе Дантона (10 іюля 1793 г.); второй комитетъ общественнаго спасенія. — Благопріятныя послѣдствія конституціи выяснились не сразу; прошла не одна недѣля, прежде чѣмъ вся Франція ее узнала и одобрила. Комитетъ все это время оставался вѣренъ своей системѣ промедленія и откладывалъ со дня на день примѣненіе строгихъ мѣръ противъ мятежныхъ департаментовъ. Эта снисходительность подверглась строгой критикѣ въ засѣданіи 4 іюля, и комитетъ почувствовалъ, что теряетъ довѣріе собранія и якобинскаго клуба, который не могъ простить Дантону его роли въ событіяхъ 31 мая и 2 іюня. Общественное мнѣніе Парижа, взволнованное успѣхами федералистскаго движенія и возбуждаемое Робеспьеромъ, требовало рѣшительныхъ мѣръ противъ арестованныхъ и бѣжавшихъ жирондистовъ. Комитетъ попытался плыть противъ общаго теченія; докладъ, сдѣланный отъ его имени Сенъ-Жюстомъ, (8 іюля) отличался умѣренностью практическихъ предложеній, чуть-ли даже не примирительнымъ настроеніемъ. Правда, онъ требовалъ, чтобы депутаты, возбудившіе въ провинціи гражданскую войну, были объявлены измѣнниками отечеству; однако, по отношенію къ тѣмъ изъ жирондистовъ, которые не бѣжали изъ-подъ ареста и остались въ Парижѣ, поддерживая, впрочемъ, сношенія съ мятежниками, какъ Жансоннэ, Гюадэ, Верньо, Моллево, Гардіенъ, онъ предлагалъ ограничиться объявленіемъ ихъ «заслуживающими обвиненія», но пока не предавать ихъ революціонному суду. Остальныхъ четырнадцать депутатовъ, въ томъ числѣ Рабо Сентъ-Этьенна и Ласурса, «скорѣе вовлеченныхъ въ дѣло, чѣмъ виновновныхъ», комитетъ предлагалъ вернуть въ конвентъ. Однако, осуществленіе этого проекта было отсрочено, и конвентъ, проявившій на этотъ разъ бóльшую суровость, чѣмъ комитетъ, постановилъ немедленно арестовать Кондорсэ, осмѣлившагося критиковать конституцію. Вечеромъ въ клубѣ якобинцевъ Дантону и всему комитету пришлось выдержать ожесточенныя нападки. 10 іюля конвентъ потребовалъ къ отвѣту генерала Вестермана, друга и ставленника Дантона, который далъ разбить себя вандейцамъ при Шатильонѣ. Камиль Демуленъ напалъ на комитетъ общественнаго спасенія, не стоящій будто-бы на высотѣ своего призванія; было предложено обновить его составъ. Конвентъ, не сходя съ мѣста, свергъ Дантона и выбралъ новый комитетъ общественнаго спасенія, сокративъ число его членовъ до девяти; въ него вошли Жанбонъ-Сентъ Андрэ, Барѣръ, Гаспаренъ, Кутонъ, Геро-Сешелль, Тюріо, Пріёръ (отъ Марны), С. Жюстъ и Роберъ Ліндэ. Главою новаго правительства былъ Робеспьеръ, занявшій 27 іюля 1793 года мѣсто Гаспарена. Кромѣ него, въ составъ комитета вошли (14 августа) Карно, Пріёръ (изъ Котъ д'Оръ), (6 сентября) Бильо-Вареннъ и Коло д'Ербуа. Таковъ былъ составъ второго комитета общественнаго спасенія, того «великаго комитета», какъ его называли, на которомъ лежитъ отвѣтственность за управленіе Франціей во II годъ республики. Отвергая, по крайней мѣрѣ отчасти, политическіе пріемы Дантона, дѣлая видъ, что они не желаютъ прибѣгать ни къ промедленіямъ, ни къ эквилибристикѣ,—будь то въ иностранныхъ или во внутреннихъ дѣлахъ,—они, казалось, хотѣли положить предѣлъ внутренней и внѣшней войнѣ, разсчитывая исключительно на свою силу. Работа была

распредѣлена слѣдующимъ образомъ: на Било, Коло и Кутона были возложены сношенія съ коммиссарами и остальными властями; С. Жюстъ взялъ на себя веденіе законодательныхъ работъ; Жанбонъ Сентъ-Андрэ сталъ завѣдывать флотомъ; Карно—личнымъ составомъ и движеніемъ войскъ; Пріёръ (изъ Котъ д'Оръ) — заготовкой оружія и боевыхъ запасовъ, госпиталями и сношеніями съ провинціей; Роберъ Лендэ—продовольственной частью, обмундировкой и транспортомъ; ему помогалъ Пріёръ (отъ Марны) который, кромѣ того, завѣдывалъ финансами и церковными дѣлами; наконецъ, Бареру были поручены иностранныя дѣла, которыя онъ вѣдалъ сначала совмѣстно съ Геро-Сешеллемъ, а потомъ одинъ. Что касается Робеспьера, то онъ первое время занялся народнымъ просвѣщеніемъ, а потомъ мало по малу занялъ положеніе руководителя и вдохновителя всего комитета, своего рода — первымъ министромъ безъ портфеля.

Федерально-роялистское возстаніе: Марсель, Ліонъ, Тулонъ, Корсика.—По отношенію къ федералистамъ второму комитету общественнаго спасенія предстояло вначалѣ только пожинать плоды дантоновской политики; 13 іюля нормандская армія была разбита подъ Верноно́мъ, послѣдствіемъ чего было усмиреніе всей Нормандіи. Сѣверъ Франціи былъ замиренъ безъ особыхъ усилій, а новая конституція привлекла общія симпатіи въ пользу конвента. Справиться съ югомъ оказалось труднѣе. Движеніе федералистовъ, впрочемъ, скоро пріобрѣвшее роялистскій оттѣнокъ, готово было охватить чуть не всѣ южные департаменты. 7 іюня возсталъ департаментъ Жиронды; было сформировано войско и рѣшено собрать національный конвентъ въ Буржѣ. Жирондистскіе эмиссары подымали народъ въ Лангедокѣ, проповѣдуя народную войну; возникали мятежные комитеты общественнаго спасенія. Департаменты Гаръ и Устье Роны (Bouches du Rhône) возстали и взялись за оружіе. Къ счастью не удался планъ бордосцевъ: муниципалитетъ и народныя общества не дали департаментамъ Верхней Гаронны (Haute Garonne) и Геро (Hérault) примкнуть къ движенію. Департаментъ Жиронды, отрѣзанный отъ остальныхъ возставшихъ областей, долженъ былъ смириться, и коммиссары Изабо и Тальенъ безъ особыхъ успѣхій въ короткое время возстановили тамъ власть конвента. Зато въ долинѣ Роны пришлось прибѣгнуть къ силѣ, чтобы предупредить соединеніе марсельскихъ мятежниковъ съ ліонскими. Ліонъ возсталъ 29 мая; извѣстіе о парижскихъ событіяхъ 2 іюня подняло марсельцевъ, и они цѣлой арміей двинулись на помощь въ Нимъ и Ліонъ. Тогда конвентъ немедленно приказалъ отрядить отъ альпійской арміи, осаждавшей въ это время Ліонъ, 1500 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Карто, чтобы они спустились внизъ по Ронѣ. Между тѣмъ сорокъ два якобинскихъ общества департаментовъ Гаръ, Ардешъ и Роны собрались въ Валенсѣ и постановили, что «національный конвентъ есть центръ и единственный связующій элементъ всей Франціи». Только благодаря содѣйствію народныхъ обществъ (а также большинства муниципалитетовъ), движеніе такого ничтожнаго отряда, какъ силы Карто, могло увѣнчаться успѣхомъ. Марсельцы успѣли тѣмъ временемъ дойти до Оранжа: они разсчитывали соединиться съ нимскимъ войскомъ, ожидавшимъ ихъ около Понъ-Сентъ-Еспри. Но обнародованіе проекта конституціи, непоколебимость народныхъ обществъ и патріотическія увѣщанія коммиссаровъ дромскаго департамента побудили гражданъ Нима обратиться вспять; марсельцы также отступили, и Карто завладѣлъ Авиньономъ, не проливъ капли крови; нужно замѣтить, что городъ этотъ незадолго передъ тѣмъ былъ привлеченъ конвентомъ на свою сторону тонко-разсчитаннымъ декретомъ (25 іюня 1793 года), дѣлавшимъ его центромъ особаго департамента Воклюзъ и тѣмъ самымъ выдѣлявшимъ его интересы изъ сферы вліянія Марселя. 24 августа Карто разбилъ на голову марсельскую армію, а 25 онъ вступилъ въ городъ какъ разъ въ то время, когда мѣстные роялисты хотѣли передать его англичанамъ.

Между тѣмъ Ліонъ отчаянно защищался. На требованіе сдаться (9 августа) онъ отвѣчалъ отказомъ и заявленіемъ своей преданности республикѣ, что, впрочемъ, не помѣшало ему поставить во главѣ своей національной гвардіи роялиста Прееси. Армія Келлермана была слишкомъ малочисленна при началѣ осады, чтобы завладѣть городомъ, и коммиссаръ конвента попытался устрашить жителей бомбардировкой (22 августа); но она,—противъ всякаго ожи-

данія,—только раззадорила ліонцевъ. Пьемонтцы наводняли Савойю, и альпійская армія могла оказаться между двухъ огней. Къ тому же Ліонъ безпрепятственно получалъ продовольствіе изъ Фореца, главный городъ котораго, Монбризонъ,—въ то время центръ одного изъ дистриктовъ департамента Роны и Луары, — былъ ему безусловно преданъ. Пришлось прибѣгнуть къ способу, испытанному на примѣрѣ Авиньона и Марселя:—постановленіемъ коммиссаровъ отъ 12 августа (подтвержденнымъ со стороны конвента 19 ноября) былъ учрежденъ новый департаментъ Луары съ главнымъ городомъ Монбризономъ. Благодаря сильнымъ подкрѣпленіямъ, приведеннымъ изъ Пью-де-Дôма и центральныхъ департаментовъ Кутономъ, Менье и Шатонёфъ-Рандономъ, явилась возможность отрѣзать Ліонъ отъ остального міра и начать правильную осаду. 8 октября коммиссары секцій явились съ предложеніемъ капитуляціи, 9-го республиканская армія заняла городъ. Пресси и наиболѣе скомпрометированная часть ліонцевъ, прорвавъ блокаду, бѣжали въ Швейцарію. 12 октября конвентъ издалъ страшный декретъ: «городъ Ліонъ разрушить; жилища богатыхъ сравнять съ землей; оставить неприкосновенными только хижины бѣдняковъ, дома гонимыхъ или убитыхъ патріотовъ, промышленныя учрежденія и зданія, посвященныя человѣколюбію и народному образованію. Имя Ліона вычеркивается изъ числа городовъ республики. Горсть уцѣлѣвшихъ домовъ будетъ отнынѣ носить названіе *освобожденнаго города* (Ville-Affranchie)». Кутонъ ограничился тѣмъ, что разрушилъ нѣсколько домовъ на площади Белькуръ, и предоставилъ своимъ преемникамъ, Фуше и Коло д'Ербуа, незавидную честь уничтожать картечью цѣлыя массы побѣжденныхъ.

Возстаніе Тулона оказалось еще серьезнѣе и подавить его было гораздо труднѣе, чѣмъ въ Ліонѣ. Еще въ іюлѣ мѣстныя секціи организовали мятежное правительство при открытомъ содѣйствіи адмирала Трогова и другихъ начальниковъ флота. Двухъ уполномоченныхъ членовъ конвента,—Байля и Бовэ,—заключили въ тюрьму; народный судъ приговорилъ къ смерти наиболѣе видныхъ республиканцевъ. Людовикъ XVII былъ провозглашенъ королемъ, и городъ сдался непріятелю. 28 августа соединенная англо-испанская эскадра стала на рейдѣ; лордъ Гудъ заявилъ, что занимаетъ крѣпость и намѣренъ отдать ее только французскому королю послѣ заключенія мира. Конвентъ отвѣтилъ на это объявленіемъ адмирала Трогова и его соумышленниковъ внѣ закона, но онъ не располагалъ достаточными силами, чтобы немедленно отобрать Тулонъ у непріятеля; природа и искусство, казалось, сдѣлали все, чтобы превратить эту крѣпость въ грозную твердыню; 12.000 союзныхъ войскъ представляли изъ себя надежный гарнизонъ; эскадра готова была поддержать Тулонъ артиллерійскимъ огнемъ и, что еще важнѣе, гарантировала безпрепятственное морское сообщеніе съ иностранными портами, а также доставку провіанта. Генералъ Карто двинулся на Тулонъ съ 4000 человѣкъ и расположился къ западу отъ возвышенности Фаронъ, отдѣлявшей его отъ дивизіи итальянской арміи, находившейся подъ начальствомъ генерала Ла-Попа, при которомъ состояли члены конвента Баррасъ и Фреронъ. Осаждающіе завладѣли было Фарономъ, но тогда-же потеряли его. Было ясно, что осада затянется и будетъ не изъ легкихъ; подкрѣпленій войскомъ и артиллеріей можно было ждать только изъ подъ Ліона, который все еще не былъ усмиренъ. Въ искусствѣ Карто не были увѣрены и замѣстили его сперва Доппетомъ, а потомъ Дюгомье, проявившимъ громадныя военныя дарованія; современники приписывали ему одному честь взятія Тулона; однако, по нашему мнѣнію, онъ долженъ раздѣлить ее съ Наполеономъ Бонапартомъ, которому коммиссары поручили командованіе артиллеріей. «Даммартенъ былъ раненъ, и некому было руководить артиллеріей, писалъ членъ конвента Салицетти въ комитетъ общественнаго спасенія. Насъ выручилъ счастливый случай; мы задержали гражданина Бонапарта, капитана, знакомаго съ этимъ дѣломъ (онъ долженъ былъ присоединиться къ итальянской арміи), и приказали ему замѣнить Даммартена». Искусныя распоряженія новаго артиллерійскаго командира ускорили взятіе Тулона, сдѣлавшееся почти неизбѣжнымъ послѣ пораженія федералистовъ во всей остальной Франціи. Союзники рѣшили очистить крѣпость. 19 декабря 1793 года гарнизонъ и часть тулонскихъ роялистовъ сѣли на суда англо-испанской эскадры. Въ тотъ-же день республиканская армія вступила въ

Тулонъ. Конвентъ постановилъ ознаменовать это счастливое событіе національнымъ праздникомъ, мятежный-же городъ лишить прежняго имени и сравнять съ землей часть его домовъ. Месть побѣдителей была ужасна. Бунтовщиковъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, представляли въ судъ, составленный изъ тѣхъ самыхъ республиканцевъ, которыхъ тулонцы во время осады бросили въ тюрьму; судъ ихъ не зналъ милости. Комедія судоговоренія закончилась разстрѣляніемъ отъ 150 до 200 мятежниковъ. Съ этихъ поръ якобинцы стали господствовать въ Тулонѣ.

Отложилась отъ Франціи и Корсика, но эта измѣна была гораздо менѣе возмутительна, такъ какъ Корсика вошла въ составъ Франціи только въ 1768 году. Купленный и покоренный островъ оплакивалъ былую независимость подъ управленіемъ Паоли. Конституанта декретировала окончательное присоединеніе Корсики (30 ноября 1789 года) и образовала изъ него особый департаментъ; либеральныя учрежденія были встрѣчены съ восторгомъ и, казалось, населеніе искренно предано Франціи. Но правительство поступило крайне опрометчиво, хотя и великодушно, вернувъ Паоли и назначивъ его командиромъ 23-ей дивизіи. Какъ человѣкъ недюжинный, онъ воспользовался своимъ вліяніемъ на соотечественниковъ и затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Франція, чтобы добиться нѣкоторой независимости отъ военнаго министра. Конвентъ вступилъ-было съ нимъ въ переговоры, но въ это время Паоли уже договаривался съ Англіей. Онъ мечталъ о независимости Корсики подъ британскимъ протекторатомъ. 26 мая 1793 года въ Корте собралась противозаконная *консульта*, отказавшаяся признать полномочія конвентскихъ коммиссаровъ и освободившая всѣхъ должностныхъ лицъ отъ присяги. Вскорѣ въ рукахъ французовъ,—какъ нѣкогда генуэзцевъ,—остались одни побережья. Конвентъ раздѣлилъ Корсику на два департамента и объявилъ Паоли вмѣстѣ съ его главными сообщниками внѣ закона; но армія, которую послали усмирять островъ, была ничтожна, и только благодаря геройскому мужеству и энергіи коммиссара Лакомба С. Мишеля она долго и упорно боролась противъ соединенныхъ силъ паолистовъ и англійскаго флота. Англичане захватили С. Флоранъ (17 февраля 1794 г.), вслѣдъ за тѣмъ Бастію (22 іюня) и, наконецъ, Кальви (10 августа). На всенародномъ вѣчѣ, собравшемся въ Корте въ іюнѣ 1794 года, было объявлено, что политическія и общественныя узы, связывавшія Корсику съ Франціей, отнынѣ порываются, была назначена юнта для выработки конституціи, а въ Лондонъ посланы коммиссары для предложенія корсиканской короны Георгу III. Король согласился, но надежды Паоли не оправдались, и вице-королемъ острова былъ назначенъ не онъ, а англійскій уполномоченный сэръ Джильбертъ Элліотъ, его же самого пригласили въ Лондонъ. Корсика сдѣлалась англійской провинціей, и конвентъ тщетно пытался вернуть ее: обѣ предпринятыя съ этой цѣлью экспедиціи потерпѣли неудачу. Но скоро сами корсиканцы стали тяготиться гнетомъ Англіи, а Франція, выходившая побѣдительницей изъ войны съ Европой, пріобрѣтала въ ихъ глазахъ все большее и большее обаяніе. Блестящая карьера генерала Бонапарта,—ихъ земляка,—не мало содѣйствовала усиленію французской партіи. Англичане, понимая, что имъ не удержаться на островѣ, очистили его въ концѣ 1796 г.; изъ Корсики, сдѣлавшейся снова французской, было образовано два департамента, Голо и Ліамонъ.

Вандея.—Старинныя провинціи Бретань, Анжу и Пуату также обратились въ театръ противоправительственнаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ *Вандеи* или *вандейскаго возстанія*, поскольку оно происходило на югъ отъ Луары, и подъ названіемъ *шуанеріи*—на сѣверъ отъ нея. Въ этихъ глухихъ краяхъ населеніе было глубже и сильнѣе привязано къ духовенству, чѣмъ въ какой либо другой части Франціи. Примѣненіе гражданскаго устава о духовенствѣ съ самаго начала возбудило среди нихъ волненіе; крестьяне приняли сторону своихъ прежнихъ священниковъ и продолжали посѣщать мессу, гдѣ бы она ни отправлялась,—на уединенной фермѣ, въ часовнѣ или въ лѣсу. Тѣмъ не менѣе еще можно было-бы избѣжать гражданской войны, если-бы законъ 24 февраля, объявлявшій наборъ 300,000 человѣкъ, не довелъ до отчаянія этихъ мирныхъ поселянъ, боявшихся военной службы, какъ огня; они не были трусы, но въ нихъ говорила привязанность къ роднымъ полямъ,

нежеланіе уходить съ насиженныхъ мѣстъ. Во многихъ коммунахъ сборы рекрутовъ были назначены на 10 марта. Должностныя лица, завѣдывавшія этимъ дѣломъ, почти вездѣ встрѣчали насмѣшки, ругань, подчасъ—открытое сопротивленіе. Возбужденіе съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе охватывало крестьянъ. Правда, горожане оставались вѣрными конституціи, но города были невелики и плохо укрѣплены, и мятежникамъ удалось захватить Машеку, Шолэ, значительную часть Пуату и Анжу. Нантъ уже окруженъ и блокированъ. Почти вся Бретань во власти шуановъ: передъ ними дрожатъ такіе города, какъ Реннъ, Брестъ и Лоріанъ. «*Не надо милиціи!*» вотъ лозунгъ возставшихъ. Другимъ ихъ требованіемъ является возвращеніе прежнихъ священниковъ. Нужно замѣтить, что именно духовенство возбуждало народныя страсти, руководило первыми шагами возстанія и положило начало массовымъ истребленіямъ республиканцевъ. Въ это время вандейцы называли себя *христіанской арміей;* о возвращеніи короля не было рѣчи, и движеніе носило чисто-народный характеръ; во главѣ шаекъ стояли парикмахеръ Гастонъ, лѣсной сторожъ Стофлэ и возчикъ Кателино. Когда успѣхъ возстанія сталъ казаться обезпеченнымъ, къ нему примкнули дворяне,—какъ Боншанъ, Ларошжакленъ, Лекюръ, д'Ельбе, Шаретъ,—раздѣлившіе власть вмѣстѣ съ прежними вожаками. Лишь тогда вандейское возстаніе пріобрѣло политическій оттѣнокъ, а *христіанская* армія превратилась въ *католическую королевскую армію,* дѣйствующую во имя Людовика XVII.

Города геройски выдержали напоръ инсургентовъ. Нантская коммуна подала примѣръ сопротивленія силой и терроромъ. Бретань была быстро усмирена; первое *шуанское* движеніе оказалось очень непродолжительно. Зато вандейская война еще только разгоралась, и трудно было предвидѣть ея окончаніе. Конвентъ, всецѣло поглощенный внѣшней обороной, могъ послать противъ инсургентовъ только національныхъ гвардейцевъ и новобранцевъ,— т. е. неорганизованную кучу людей, непривычныхъ къ войнѣ, почти ни одного солдата. Между тѣмъ имъ приходилось дѣйствовать въ мѣстности, перерѣзанной оврагами и потоками, поросшей лѣсами и кустарниками; негдѣ было развернуться въ боевомъ порядкѣ, волей-неволей приходилось дробиться на мелкіе отряды, легко уничтожаемые невидимымъ непріятелемъ. Случаи бѣгства и паники были неизбѣжны. Этимъ объясняется первоначальный успѣхъ мятежниковъ, проявившихъ изысканную жестокость при избіеніи своихъ плѣнниковъ-республиканцевъ (3 апрѣля 1793 г.). Началась борьба не на животъ, а на́ смерть, — война *бѣлыхъ* и *синихъ.* 1-го августа конвентъ декретировалъ усмиреніе Вандеи огнемъ и мечомъ, возложивъ это дѣло на Россиньяля и Ронсена, — двухъ импровизированныхъ генераловъ. Въ Нантѣ творилъ судъ и расправу коммиссаръ Каррье;—онъ цѣлыми массами топилъ священниковъ, гильотировалъ роялистовъ и приводилъ всѣхъ въ трепетъ своими неистовствами. Съ приходомъ майнцскаго гарнизона началась правильная война. Рѣшено было отрѣзать вандейцевъ отъ моря и такимъ образомъ лишить ихъ поддержки со стороны Англіи. Но этотъ планъ не былъ вполнѣ осуществленъ вслѣдствіе разногласій между генералами и коммиссарами. Тѣмъ не менѣе вандейцы въ концѣ концовъ попали въ желѣзное кольцо республиканскихъ войскъ, превосходившихъ ихъ своею численностью. Въ октябрѣ католическая королевская армія перешла Луару и направилась на Гранвилль, но была отбита, бѣжала въ безпорядкѣ и дала себя окончательно раздавить подъ Мансомъ и Савенэ (17-го и 23-го декабря 1793 года). Погибли д'Ельбэ, Кателино, Боншанъ, Ларошжакленъ. Вандея была подавлена, но не усмирена. Шаретъ по-прежнему стоитъ во главѣ своихъ бандъ въ Марэ, Сапино—въ Бокажѣ, Стофлэ—въ Верхнемъ Пуату. Шуаны снова подымаютъ голову въ Бретани. Въ общей исторіи Франціи не можетъ быть удѣлено мѣсто темнымъ и сложнымъ перипетіямъ гражданской войны 1794 года. Внѣшніе успѣхи Франціи лишили вандейцевъ всякой надежды на побѣду. Конвентъ объявилъ амнистію всѣмъ крестьянамъ, которые сложатъ оружіе впродолженіе мѣсяца (2-го декабря 1794 г.). Въ началѣ 1795 г. Гошъ, командовавшій въ Бретани, подписалъ мирный трактатъ съ Кормантеномъ и другими главарями шуановъ, а Канкло, усмирявшій Вандею—съ Шаретомъ, Сапино и Стофлэ. Однако Людовикъ XVIII вызвалъ новыя волненія. 26 іюня 1795 г. англичане вы-

садили у Киберона три полка эмигрантовъ. Гошъ разбилъ ихъ и принудилъ вернуться на корабли; многіе были взяты въ плѣнъ и разстрѣляны. Въ Вандеѣ также происходитъ движеніе. Шаретъ, возведенный Людовикомъ XVIII въ званіе генералиссимуса, захватываетъ и избиваетъ республиканцевъ на ессартскомъ посту. Графъ Артуа высаживается на островѣ Дьё, но видя, что возстаніе не можетъ увѣнчаться успѣхомъ, что населеніе пало духомъ, обращается вспять. Шаретъ борется съ мужествомъ отчаянія. Ко времени закрытія Конвента гражданская война еще продолжается и Шаретъ не усмиренъ.

III. *Революціонное правительство и терроръ.*

Терроръ.—Превратности внутренней и внѣшней войны повели къ дальнѣйшему распространенію и усугубленію всѣхъ ужасовъ *террора*, который былъ не системой, а положеніемъ вещей. «Только тѣ, кто слишкомъ худого мнѣнія о природѣ человѣка, говорилъ членъ конвента Тибодо, могли приписать нѣсколькимъ личностямъ по-истинѣ сатанинскую мысль возвести терроръ въ *систему*... Въ дѣйствительности терроръ былъ болѣе далекъ отъ сознательно проводимой системы, чѣмъ что-либо другое. Несмотря на всю его стремительность, можно подмѣтить нѣкоторую закономѣрность въ его развитіи. Каждый шагъ его вытекалъ изъ предыдущаго и роковымъ образомъ влекъ за собою слѣдующій».—Убійство Марата Шарлоттою Кордэ (13 іюля 1793 г.) было однимъ изъ событій, благодаря которымъ народныя страсти расходились безъ всякаго удержу. Въ глазахъ толпы Маратъ олицетворилъ собою отечество; вотъ почему его память стала предметомъ настоящаго поклоненія. Такъ какъ Шарлотта Кордэ пріѣхала изъ Кана, бывшаго центромъ жирондистскаго движенія, народъ рѣшилъ, что она была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ цѣлой партіи; клубы и секціи, обсуждавшіе ея поступокъ, осудили на смерть жирондистовъ. 28 іюля конвентъ объявилъ, что всѣ депутаты, замѣшанные въ федералистскомъ движеніи, измѣнили отечеству и могутъ быть убиты безъ суда и слѣдствія. Что касается тѣхъ изъ нихъ, которые были арестованы, то уже не пятеро, какъ требовалъ Сенъ-Жюстъ 8 іюля, а одиннадцать изъ нихъ подверглись обвиненію, въ томъ числѣ Верньо, Жансоннэ, Ласурсъ и Фоше.

Пришедшая почти въ то-же самое время вѣсть о сдачѣ непріятелю Майнца и Валансьенна вызвала цѣлый рядъ свирѣпыхъ декретовъ (1 августа). Кромѣ по истинѣ варварскихъ угрозъ вандейцамъ, конвентъ предалъ революціонному суду королеву Марію-Антуанетту, постановилъ изгнать всѣхъ Бурбоновъ, разрушить надгробные памятники въ Сенъ-Дени, конфисковать имущества лицъ, объявленныхъ внѣ закона, закрыть заставы Парижа и арестовать массу подозрительныхъ. Это былъ моментъ, когда преобладаніе въ Парижѣ перешло къ буйнымъ демагогамъ—къ Эберу и кордельерамъ. Ихъ самихъ превзошли экзальтированные фанатики вродѣ Жака Ру, Леклерка и Варлэ; они проповѣдывали соціальную революцію и были прозваны *неистовыми* (enragés). Комитетъ общественнаго спасенія отставалъ отъ столичнаго движенія. Наборъ всѣхъ гражданъ отъ 18 до 25-лѣтняго возраста въ солдаты (23 августа) и казнь генерала Кюстина, осужденнаго за измѣну (28 августа), не дали исхода народному гнѣву, не повели къ успокоенію. Голодовка парижскихъ рабочихъ, и извѣстіе, что Тулонъ передался англичанамъ — вызвали новыя вспышки. Коммуна, явившись къ рѣшеткѣ конвента, требуетъ устами Шомета, чтобы «терроръ былъ поставленъ на очередь дня». Комитетъ общественнаго спасенія не рѣшается пойти противъ этого предложенія; оно даже становится его лозунгомъ. Онъ проводитъ въ конвентѣ:—созданіе *революціонной арміи*, которая должна обуздать провинціальныхъ аристократовъ и силой обезпечить подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Парижу; раздѣленіе революціоннаго суда на четыре секціи (для ускоренія дѣлопроизводства); пре-

даніе этому суду бывшихъ министровъ — Лебрёна и Клавьера. Ниже будетъ подробно сказано о принимавшихся въ это время исключительныхъ мѣрахъ для правильнаго продовольствія Парижа и установленія таксы (*maximum'a*) на пищевые продукты (3, 11 и 29 сентября 1793 г.). 17-го Мерленъ (изъ Дуэ) предлагаетъ — а конвентъ принимаетъ — одинъ изъ самыхъ суровыхъ террористическихъ законовъ; было постановлено арестовать по всей Франціи всѣхъ *подозрительныхъ* лицъ, т. е. тѣхъ, кто «своимъ образомъ дѣйствій или знакомствомъ, на словахъ или въ перепискѣ далъ поводъ причислить себя къ сторонникамъ тираніи или федерализма и къ врагамъ свободы». Практическое примѣненіе этого неяснаго опредѣленія, составленіе списковъ и задержаніе намѣченныхъ личностей повсюду было предоставлено *комитетамъ надзора* или, по другому названію, *революціоннымъ*. Терроръ нависъ надъ всей Франціей.

Комитетъ общественнаго спасенія и конвентъ, увлекаемые разнузданностью страстей и взрывомъ народнаго гнѣва, рѣшились принести въ жертву жирондистовъ. Декретъ 3 октября 1793 г. предалъ революціонному суду всѣхъ арестованныхъ депутатовъ (въ числѣ сорока одного) и семьдесятъ пять ихъ друзей изъ членовъ конвента; только покровительство Робеспьера спасло послѣднихъ отъ смерти. Въ тотъ-же день собраніе распорядилось, чтобы немедленно было разсмотрѣно дѣло о «вдовѣ Капетъ». До этого времени, согласно политикѣ Дантона, было сдѣлано нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, чтобы, гарантировавъ безопасность королевы, добиться нейтралитета (невмѣшательства) Тосканы и Неаполя. Но Австрія арестовала посланцовъ Франціи, и комитетъ, уступая бѣшенымъ обвиненіямъ листка Père Duchesne (органъ Эбера), рѣшилъ вмѣстѣ съ жирондистами пожертвовать и Маріей-Антуанеттой. — Выслушавъ Эбера, давшаго столь очевидно клеветническое показаніе противъ королевы, что злѣйшіе враги почувствовали сожалѣніе къ ея участи, присяжные признали Марію-Антуанетту виновной въ томъ, что она «своими продѣлками и сообщеніями» помогала «иностраннымъ державамъ и другимъ внѣшнимъ врагамъ республики; указанныя продѣлки и сношенія клонились къ доставленію непріятелю денежныхъ средствъ, безпрепятственному вступленію его на французскую территорію и успѣхамъ его оружія». Осужденная къ смертной казни, Марія-Антуанетта была гильотинирована 16 октября 1793 г.

Казалось-бы, успѣхи нашихъ войскъ должны были повести къ успокоенію умовъ внутри государства. Однако ни взятіе Ліона (9 октября), ни побѣда при Ваттиньи (17 октября), ни пораженіе вандейцевъ при Шоле, не могли утолить народной мести. Король неаполитанскій объявилъ намъ войну (19 октября), Тулонъ сопротивлялся отчаяннѣе, чѣмъ когда-нибудь; побѣжденные вандейцы переправились черезъ Луару и двинулись къ Гранвиллю. Республиканское правительство слишкомъ мало разсчитывало на свои силы, слишкомъ боялось за слѣдующій день, чтобы дать въ себѣ заговорить чувству состраданія и пощады. Терроръ свирѣпствовалъ съ еще бо́льшей силой, чѣмъ прежде. 16 октября конвентъ приказалъ арестовать всѣхъ иностранцевъ, родившихся на непріятельской территоріи. 20-го онъ разразился страшными карами противъ подозрительныхъ изъ среды духовенства. 24-го начался процессъ жирондистовъ.

Ихъ было двадцать одинъ, а именно Бриссо, Верньо, Жансоннэ, Лозъ-Деперрэ, Карра, Гардьенъ, Дюфришъ-Валазэ, Дюпра, Сюльери, Клодъ Фоше, Дюко, Бойе-Фонфредъ, Ласурсъ, Лестеръ-Бовэ, Дюшатель, Менвьель, Лаказъ, Леарди, Буало, Антибу и Виже. Трудно было подвести столь разнородныхъ людей подъ одно общее обвиненіе въ заговорѣ: поэтому публичный обвинитель Фукье-Тенвилль ограничился простымъ воспроизведеніемъ смутныхъ и противорѣчивыхъ жалобъ, перечисленныхъ въ докладѣ Амара. Допросъ подсудимыхъ и судебное слѣдствіе не могли дать обоснованіе этому процессу. Свидѣтельскія показанія, сплошь неблагопріятныя для подсудимыхъ, только подчеркнули ненависть Горы къ Жирондѣ. Процессъ затягивался все дольше и дольше. Подъ конецъ шестого дня было допрошено только девять свидѣтелей. Якобинцамъ показалось, что шансы обвиненія поколебались. 29 октября клубъ обратился къ конвенту съ ходатайствомъ «освободить судъ отъ формальностей, которыя заглушаютъ совѣсть и препятствуютъ тому, чтобы складывалось убѣжденіе», по-просту говоря, не дать Верньо и остальнымъ подсудимымъ возможности защищаться. Конвентъ осо-

бымъ декретомъ разрѣшилъ предсѣдателю *революціоннаго* суда (т.-е. онъ оффиціально получилъ это названіе) послѣ трехъ дней слушанія дѣла спрашивать присяжныхъ, почерпнули-ли они достаточно данныхъ для сужденія о виновности. Послѣ допроса подсудимыхъ, но прежде, чѣмъ кто-либо изъ нихъ успѣлъ сказать два слова въ свою защиту, присяжные объявили, что дѣло достаточно выяснено (30 октября), и признали подсудимыхъ виновными «въ заговорѣ противъ единства и нераздѣльности республики, противъ блага и безопасности французскаго народа». Фукье-Тенвилль потребовалъ смертной казни. Видя, что съ ними расправляются, а не судятъ, жирондисты поднялись съ своихъ мѣстъ, испуская громкіе крики негодованія; одинъ изъ нихъ Дюфришъ-Валазэ тутъ-же покончилъ съ собою ударомъ стилета. Предсѣдатель велѣлъ вывести осужденныхъ; смертный приговоръ былъ объявленъ въ ихъ отсутствіе. Всѣ они были казнены на другой день, 31 октября.

8 ноября была обезглавлена г-жа Роланъ, осужденная тѣмъ-же революціоннымъ судомъ. 10 ноября Роланъ убилъ себя въ Радепонѣ (Ёръ). 14 ноября былъ казненъ Манюель, 5 декабря—Рабо Сентъ-Этьеннъ. Кондорсэ отравился 29 марта 1794 г. Что касается депутатовъ, которые поднимали возстаніе въ провинціи, то, не видя ни откуда поддержки, они должны были спасаться отъ самой безпощадной травли. Лувэ и Инаръ успѣли скрыться и пережили тяжелое время. Салль и Гюадэ были гильотинированы въ Бордо 19 іюня 1794 г., Барбару выпала на долю та-же участь 25 іюня. На другой день въ полѣ нашли трупы Бюзо и Петіона, обглоданные собаками. 27 декабря 1793 г. революціонный судъ приговорилъ къ смерти бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Лебрёна. Его сотоварищъ Клавьеръ покончилъ съ собою въ тюрьмѣ 8 числа того-же мѣсяца. Наконецъ, даже герцогъ Орлеанскій, оклеветанный монтаньярами въ преступномъ сообществѣ съ жирондистами, палъ жертвой революціоннаго суда (9 ноября). Среди павшихъ въ этой неравной борьбѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ, наконецъ, Байльи и Барнавъ, казненные 10 и 28 ноября 1793 года за «преступленія», совершенныя *до* изданія исключительнаго закона объ осудившемъ ихъ революціонномъ судѣ! Послѣдній все болѣе и болѣе подпадалъ подъ вліяніе горсти насильниковъ и становился въ ихъ рукахъ слѣпымъ орудіемъ мести.

Революціонный календарь. — Сочувственное отношеніе части присяжнаго, «конституціоннаго» духовенства къ «федералистамъ» возстановило очень многихъ противъ самого католицизма: оно вызвало движеніе противъ христіанства (déchristianisation) и поклоненіе Разуму (ноябрь 1793 г.), о которомъ мы подробно будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Пока замѣтимъ лишь, что это была одна изъ формъ террора. Франція не допустила ея полнаго осуществленія. Противозаконное закрытіе многихъ церквей вызвало сильнѣйшее неудовольствіе въ сельскомъ населеніи и повело къ цѣлому ряду мятежей. Въ виду этого комитетъ общественнаго спасенія предписалъ своимъ коммиссарамъ не допускать никакого насилія относительно отправленія религіозныхъ обрядовъ и проповѣди духовенства. Однако конвентъ, сначала сочувствовавшій галликанской Церкви въ томъ видѣ, какъ ее учредила конституанта, мало по малу, подъ вліяніемъ множества случаевъ, убѣдившихъ его въ сомнительномъ образѣ дѣйствій даже присяжнаго духовенства, пришелъ къ мысли хоть и не о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства, но о возможно большей *лаикизаціи (обмірщеніи)* послѣдняго, т.-е. о приданіи ему свѣтскаго отпечатка и уничтоженіи религіозныхъ слѣдовъ въ его законодательствѣ. Этимъ объясняется, почему декретами 5 октября и 28 ноября 1793 г. собраніе вывело изъ употребленія грегоріанскій календарь и приняло новую, французскую эру съ основанія республики, т.-е. съ 22 сентября 1792 года, «дня осенняго равноденствія, когда солнце вступило въ созвѣздіе Вѣсовъ, съ 10 часовъ 18 минутъ утра, по парижской обсерваторіи». Годъ былъ раздѣленъ на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ, а именно: *вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ* (осень); *нивозъ, плувіозъ, вентозъ* (зима); *жерминаль, флореаль, преріаль* (весна); *мессидоръ, термидоръ и фруктидоръ* (лѣто). За каждыми двѣнадцатью мѣсяцами слѣдовало 5 дополнительныхъ дней. Они не принадлежали ни къ какому мѣсяцу и назывались сначала—*Sans-culottides* (санкюлотскими, простонародными), впослѣдствіи—*Complémantaires* (дополнительными). Каждые четыре года къ этимъ 5 днямъ прибавлялся шестой, называвшійся «*днемъ революціи*». Каждый мѣ-

сяцъ состоялъ изъ трехъ равныхъ частей—*декадъ,* по 10 дней въ каждой. Дни въ декадѣ назывались: *примиди, дуоди, триди* и т. д. по порядку французскихъ числительныхъ. Чтобы стереть съ лица земли «предразсудки, связанные съ трономъ и церковью», которые «оскверняли каждую страницу календаря», конвентъ вычеркнулъ имена святыхъ противъ каждаго числа и замѣнилъ ихъ названіями естественныхъ произведеній и сельско-хозяйственныхъ орудій. Таковъ былъ республиканскій календарь, который просуществовалъ болѣе двѣнадцати лѣтъ и былъ окончательно уничтоженъ только 1 января 1806 года.

Принятіе и отсрочка конституціи 1793 года. Въ два воскресенья 14 и 21 іюля были созваны первичныя собранія для утвержденія конституціи. Въ большинствѣ случаевъ каждый избиратель говорилъ *да* или *нѣтъ* при выкликаніи его имени; тайное голосованіе происходило, кажется, только тамъ, гдѣ образовывалось значительное оппозиціонное меньшинство. Этимъ объясняется, почему въ шести департаментахъ, а именно въ Нижнихъ Альпахъ, Изерѣ, Масѣ, Верхней Сонѣ, Варѣ и Парижѣ, не нашлось ни единаго голоса противъ конституціи. Зато она встрѣтила довольно много противниковъ въ Финистерѣ, Котъ-дю-Норъ, Илль-э-Вилэнь, Морбиганѣ, Монъ-Террiблѣ, Монбланѣ, Майеннѣ, Воклюзѣ, Дубѣ, Жирондѣ, Нижней Сенѣ, Сартѣ и Ламаншѣ. Гражданская война помѣшала созыву первичныхъ собраній въ одной изъ частей Вандеи, а англо-австрійское вторженіе—на сѣверѣ. 20 января 1799 г. переписная комиссія сообщила, что за конституцію подано 1.801.298 голосовъ, противъ высказалось 11.610 человѣкъ; правда, не хватало данныхъ по 424 кантонамъ, но никто не придавалъ этому значенія. Не долго думая, объявили конституцію принятой. 9 августа 1793 года докладчикъ комиссіи сообщилъ, что всѣ департаменты (за исключеніемъ Корсики, въ которой не было голосованія) приняли конституцію, и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что изъ 44.000 коммунъ только одна, а именно Сенъ-Донанъ въ Котъ-дю-Норъ потребовала возстановленія королевской власти.—Этотъ плебисцитъ старались изобразить, какъ народное утвержденіе декретовъ 21 и 22 сентября, которыми была низвергнута монархія и введена республика. Привычка не пользоваться своими политическими правами была такъ широко распространена въ это время, что, несмотря на ничтожность числа лицъ, принимавшихъ участіе въ голосованіи, полученный результатъ можетъ считаться приблизительно вѣрнымъ показателемъ тогдашняго настроенія Франціи.

Каждое первичное собраніе втеченіе узаконеннаго срока должно было выбрать и послать въ Парижъ одного изъ своихъ членовъ для сообщенія результата голосованія. Эти делегаты, собравшіеся въ числѣ 8.000, приняли участіе въ празднованіи 10 августа: въ этотъ день было провозглашено утвержденіе конституціи народомъ, состоялось какъ бы новое торжество федераціи, но федераціи уже не монархической, а республиканской. 11 августа конвентъ постановилъ созвать первичныя собранія для выбора членовъ новаго Законодательнаго Корпуса. Такимъ образомъ распущеніе представителей французскаго народа должно было произойти въ трудную минуту, когда, вслѣдствіе осложненій на театрѣ военныхъ дѣйствій, необходимость въ мощной центральной власти давала себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Не осмѣливаясь открыто говорить объ отсрочкѣ приведенія въ дѣйствіе новой конституціи, только-что одобренной народомъ, Робеспьеръ и якобинцы искусно подготовляли общественное мнѣніе къ пониманію этой политической потребности, обусловленной обстоятельствами даннаго историческаго момента. Делегаты первичныхъ собраній подверглись систематической пропагандѣ въ указанномъ направленіи. Подъ вліяніемъ постоянныхъ внушеній, они утратили прежнее недовѣріе къ Парижу, стали оправдывать событія 2 іюня, вызывавшія ужасъ во всѣхъ департаментахъ, и въ концѣ концовъ сами обратились къ конвенту съ требованіемъ, чтобы онъ принялъ необходимыя революціонныя мѣры и сохранилъ свои полномочія. 28 августа, говоря отъ имени комитета общественнаго спасенія, Барѣръ заявилъ конвенту, что «умѣренные, пользуясь ослабленіемъ полиціи безопасности, расхолаживаютъ общество и незамѣтно подготовляетъ контръ-революцію (т. е. революцію противъ революціи); что простое примѣненіе законовъ, созданныхъ для мирнаго времени, не достигаетъ цѣли среди множества заговоровъ». Конвентъ поручилъ комитету представить ему свои соображенія по затронутому вопросу, но

комитетъ не спѣшилъ съ этимъ дѣломъ. Конституція 1793 г. была мирнымъ договоромъ между конвентомъ и департаментами; только она обезоружила федералистовъ. Прождали еще мѣсяцъ, и только 10 октября 1793 г. было постановлено, что «во Франціи будетъ временное революціонное правительство впредь до водворенія мира».

Организація революціоннаго правительства. Отсрочка конституціи 1793 г. была равносильна сохраненію конституціи 1791 г. Само собою разумѣется, что изъ послѣдней было выкинуто все, касавшееся королевской власти, и введено всеобщее избирательное право, но отношенія между центральной властью и департаментами остались безъ малѣйшаго измѣненія. Уничтоженіе королевской власти содѣйствовало еще бо́льшей независимости выборной администраціи, что значительно ускорило и облегчило федералистское движеніе. Франція находилась въ анархическомъ состояніи; конвенту волей-неволей приходилось принимать чрезвычайныя мѣры, произвольный и противорѣчивый характеръ которыхъ былъ въ одно и то-же время слѣдствіемъ и причиной господствовавшаго террора. Начиная съ 1 августа, Дантонъ сталъ требовать, чтобы управленіе національной обороной было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, т. е. фактически было прервано дѣйствіе конституціи, несоотвѣтствовавшей ни внутреннему, ни внѣшнему положенію Франціи. Онъ хотѣлъ превратить комитетъ общественнаго спасенія во временное правительство. Конвентъ ограничился тѣмъ, что предоставилъ комитету пятьдесятъ милліоновъ на тайные расходы. Лишь 10 октября, въ томъ самомъ декретѣ, въ которомъ отсрочивалось приведеніе въ дѣйствіе конституціи 1793 г., была сдѣлана первая попытка создать организацію временнаго революціоннаго правительства. Впослѣдствіи первоначальный планъ былъ значительно измѣненъ и дополненъ знаменитымъ декретомъ 4 декабря 1793 г. (14 фримера II-го года), который свелъ къ нулю власть выборной департаментской администраціи. Въ немъ было прямо-таки сказано, что «іерархическое подчиненіе, ставившее дистрикты, муниципалитеты или иныя власти въ зависимость отъ департаментовъ, отмѣняется, поскольку дѣло касается революціонныхъ и военныхъ законовъ, мѣръ управленія, общественнаго спасенія и общей безопасности». На долю департаментской администраціи осталось распредѣленіе налоговъ между дистриктами, завѣдываніе мануфактурами, большими дорогами и каналами, наконецъ, хозяйственное управленіе національными имуществами. Сведенные къ 8 членамъ, которые въ то-же время составляли и управу, лишенные общаго совѣта, президента и генеральнаго прокурора-синдика, департаментскія собранія перестали играть какую-бы то ни было роль въ общей администраціи и управленіи Франціей. Надзоръ за исполненіемъ революціонныхъ законовъ и мѣръ управленія, общей безопасности и общественнаго спасенія въ департаментахъ всецѣло перешелъ къ дистриктамъ, которые каждые 10 дней должны были давать отчетъ комитету общественнаго спасенія, поскольку дѣло касалось общаго управленія и общественнаго спасенія, и комитету общей безопасности, поскольку нужно было сообщить о дѣйствіяхъ общей или земской полиціи, а также поведеніи отдѣльныхъ личностей. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ конституціи 1791 года было то, что центральная власть не имѣла своихъ представителей при мѣстныхъ выборныхъ собраніяхъ. Декретъ 14 фримера учредилъ, вмѣсто прокуроровъ-синдиковъ, дистрикта и прокуроровъ коммуны,—новую должность *національныхъ агентовъ*, назначаемыхъ конвентомъ. Всѣ власти департаментовъ, дистриктовъ и муниципалитетовъ, очищать которыя отъ нежелательныхъ элементовъ,—притомъ, въ кратчайшій срокъ,—было задачею коммиссаровъ, находились въ полномъ подчиненіи у комитета общественнаго спасенія. Должностнымъ лицамъ было запрещено вступать между собою въ какія-бы то ни было соглашенія. Окружныя революціонныя арміи, конгрессы и разнаго рода комитеты были уничтожены, за исключеніемъ только *комитетовъ надзора* или *революціонныхъ*, которые попрежнему могли арестовывать подозрительныхъ; впрочемъ, были приняты мѣры, чтобы и съ ихъ стороны предупредить всякія поползновенія къ независимости: предсѣдатели и секретари этихъ комитетовъ должны были мѣняться каждыя двѣ недѣли. Что касается центральной власти, то конвентъ провозгласилъ себя «единственнымъ двигателемъ правительства» (le centre unique de l'impulsion du gouvernement). Предполагалось, что онъ правитъ черезъ посредство двухъ ко-

митетовъ (общественнаго спасенія и общей безопасности), которые получили вскорѣ названіе *«правительственныхъ комитетовъ»*. Сферы ихъ дѣятельности были разграничены очень неточно. Фактически комитетъ общественнаго спасенія забралъ въ свои руки полномочія комитета общей безопасности и поставилъ его въ зависимое положеніе. Впослѣдствіи, когда обстоятельства измѣнились и терроръ потерялъ всякій смыслъ, между комитетами произошло столкновеніе, бывшее одной изъ формъ термидорской революціи.

Правительственные комитеты правили и управляли при помощи временнаго исполнительнаго совѣта, просуществовавшаго еще нѣсколько мѣсяцевъ, коммиссаровъ, непосредственно подчиненныхъ комитету общественнаго спасенія, дистриктныхъ властей, *національныхъ агентовъ*, революціонныхъ комитетовъ, наконецъ, общества якобинцевъ и его многочисленныхъ развѣтвленій, помогавшихъ правительству очищать личный составъ мѣстной администраціи отъ представителей оппозиціи. Что касается арміи и флота, то конвентъ сохранилъ за собою право назначать главныхъ начальниковъ. Всѣ остальные генералы назначались исполнительнымъ совѣтомъ съ согласія комитета общественнаго спасенія. Этотъ комитетъ имѣлъ оообо важное значеніе въ глазахъ Европы, какъ учрежденіе, съ которымъ ей приходилось имѣть дѣло при сношеніяхъ съ Франціей. «Комитетъ общественнаго спасенія уполномоченъ вести важнѣйшія дипломатическія дѣла, а также всѣ тѣ, которыя отъ нихъ зависятъ».— Созданіемъ спеціальнаго органа *«Вѣстника законовъ» (Bulletin des lois)* декретъ 14 фримера обезпечилъ быстрое и единообразное исполненіе конвентскихъ постановленій.

IV. Правленіе Робеспьера.

Робеспьеръ, Дантонъ и эбертисты.— Комитету общественнаго спасенія, ставшему во главѣ революціоннаго правительства, пришлось одновременно бороться и съ оппозиціей правой, въ лицѣ дантонистовъ, и съ оппозиціей лѣвой, т. е. съ кордельерами и Эберомъ; одни желали сократить примѣненіе террористическихъ мѣръ въ виду благопріятнаго хода войны, другіе, напротивъ, добивались болѣе широкаго ихъ распространенія и предлагали воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы окончательно раздавить противниковъ революціи. То было время (декабрь 1793 г.), когда, съ одной стороны, листокъ Эбера (Père Duchesne) каждый день требовалъ новыхъ и новыхъ жертвъ, а, съ другой, Камиль Демуленъ въ своемъ журналѣ (Vieux Cordelier) призывалъ согражданъ къ милосердію. Впрочемъ, между дантонистами и эбертистами не было рѣзкой грани, не было открытаго разногласія въ программахъ. Дантонъ зачастую воздерживался отъ оппозиціи; но его сторонники, Филиппо и Камиль Демуленъ были менѣе благоразумны; вандейская война и внутренняя неурядица давали имъ матеріалъ для систематическаго поношенія комитета общественнаго спасенія.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ вопросахъ внутренней политики комитетъ былъ далеко не единодушенъ. Коло д'Ербуа и Бильо-Вареннъ слыли сторонниками самого крайняго образа дѣйствій; эбертисты дѣлали видъ, что идутъ за ними поневолѣ. Остальные члены, казалось, были склонны не обострять взаимныхъ отношеній дантонистовъ и эбертистовъ и сдерживать одну партію другой. Они предвидѣли, что благодаря побѣдамъ наступитъ моментъ, когда надо будетъ умѣрить страшную диктатуру, учрежденную въ видахъ объединенія національной обороны и подавленія внутреннихъ враговъ. Робеспьеръ безусловно держался этого мнѣнія, но онъ велъ свою собственную линію. «Милосердіе»,—котораго требовали дантонисты, котораго желало и большинство комитета,—хоть и не для настоящаго, а для ближайшаго будущаго,—разумѣется, не было противно его планамъ: онъ видѣлъ, что Франція, утомленная терроромъ, съ восторгомъ примкнетъ

къ правительству, которое дастъ ей немного свободы. Но онъ хотѣлъ связать политику милосердія со своимъ именемъ и воспользоваться этимъ настроеніемъ народа, чтобы установить политико-религіозную систему, которая, покоясь на культѣ Верховнаго Существа, открывала-бы ему возможность играть въ ней первую роль.

Съ этой цѣлью нужно было прежде всего освободиться отъ эбертистовъ; прекращеніе ихъ нападокъ на все «христіанское» было ничтожнымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Камиль Демуленъ, самъ того не сознавая, взялся за осуществленіе этихъ личныхъ вожделѣній, и въ первыхъ двухъ номерахъ своего «Стараго Кордельера» (Vieux Cordelier), просмотрѣнныхъ и одобренныхъ самимъ Робеспьеромъ, высмѣялъ Эбера, Клотса, Шометта и Гобеля. Когда-же—вскорѣ послѣ этого—въ якобинскомъ клубѣ стали упрекать Демулена въ непостоянствѣ и противорѣчіяхъ, Робеспьеръ пренебрежительно отозвался о немъ, какъ о легкомысленномъ журналистѣ. Взбѣшенный такой двуличностью, авторъ «Стараго Кордельера» нарисовалъ въ своемъ знаменитомъ № 3 яркую картину преступленій, прикрытыхъ именемъ террора, и уничтожилъ правительство цѣлымъ градомъ убійственныхъ эпиграммъ, приводившихъ въ такой восторгъ враговъ революціи. Памфлетъ имѣлъ необычайный успѣхъ. 20 декабря въ конвентъ явилась депутація женщинъ, со слезами и криками отчаянія требовавшихъ освобожденія своихъ заключенныхъ родственниковъ. Конвентъ постановилъ, чтобы комитеты — общей безопасности и общественнаго спасенія—назначили особыхъ коммиссаровъ «для изысканія средствъ возвратить свободу патріотамъ, которые могутъ оказаться заключенными». Въ ожиданіи *комитета милосердія*, котораго требовалъ «Старый Кордельеръ», приходилось удовлетвориться этимъ «*комитетомъ справедливости*». Вскорѣ пришло извѣстіе, что Тулонъ взятъ республиканскими войсками. Движеніе въ пользу политики милосердія стало настолько сильно, что Робеспьеръ началъ опасаться, какъ-бы Дантонъ и его сторонники не воспользовались имъ для захвата власти въ свои руки; онъ добился отъ конвента отмѣны декрета объ учрежденіи комитета справедливости и одно время даже искалъ поддержки у эбертистовъ. Камиля Демулена выгнали изъ клуба якобинцевъ. Фабра д'Эглантина арестовали, какъ соучастника въ злоупотребленіяхъ при ликвидаціи дѣлъ Индѣйской Компаніи (23 нивоза II г., т. е. 12 января 1794 г.). На требованіе Дантона дать Фабру возможность объясниться передъ собраніемъ, Бильо-Вареннъ отвѣтилъ угрозой: «горе тому, сказалъ онъ, кто былъ за-одно съ Фабромъ д'Эглантиномъ, кого онъ и по сей часъ водитъ за носъ!» Такимъ образомъ и дантонисты и эбертисты были дискредитированы; въ выигрышѣ остался одинъ Робеспьеръ. С. Жюстъ, только что вернувшійся съ театра военныхъ дѣйствій, оказалъ ему поддержку своей дикой энергіей.

Паденіе эбертистовъ. Слыша открытыя угрозы, чувствуя надвигающуюся опасность,—эбертисты попытались произвести государственный переворотъ. 14-го вентоза II-го года (4 марта 1794 г.) клубъ кордельеровъ постановилъ завѣсить доску съ декларацiей правъ, находившуюся въ залѣ его засѣданій, «впредь до того времени, пока народъ не возстановитъ своихъ правъ уничтоженіемъ крамолы». Чьей крамолы? Венсэнъ указывалъ на дантонистовъ; Каррье—на «оклеветавшихъ» гильотину; самъ Эберъ—на того, кто хотѣлъ спасти 75 жирандистовъ, арестованныхъ 3-го октября; всѣ и вся понимали, что рѣчь идетъ о Робеспьерѣ, безъ покровительства и защиты котораго головы и этихъ жирондистовъ давнымъ давно были-бы на плахѣ. Эберъ высказался за возстаніе. Хотя формально не было принято никакого рѣшенія, однако никто не могъ сомнѣваться въ настроеніи и намѣреніяхъ клуба, такъ какъ это предложеніе было покрыто оглушительными рукоплесканіями. Говорятъ, что кордельеры хотѣли повторить событія 2-го іюня, вырвать нѣсколько жертвъ изъ конвента, освободившись при этомъ не только отъ «снисходительныхъ», но и отъ самого Робеспьера, обезпечить себѣ диктатуру въ департаментахъ посредствомъ революціонной арміи, наконецъ, поставить Пáша во главѣ новаго правительства. Парижъ не откликнулся на ихъ призывъ; смущенные, они бросились вспять. Быть можетъ имъ удалось-бы отпереться и спастись отъ вѣрной гибели, еслибы Парижъ не приписывалъ имъ самимъ того, въ чемъ они обвиняли своихъ противниковъ. Зима въ тотъ годъ была очень сурова. Граж-

данская война разорила какъ-разъ тѣ департаменты, которые поставляли въ Парижъ съѣстные припасы; хлѣбъ и говядина сильно повысились въ цѣнѣ. Коммуна должна была выдавать каждому жителю по фунту мяса на 10 дней; передъ дверьми булочныхъ стояли длинныя вереницы, какъ въ осадное время. Эбертисты думали, что народъ во всемъ винитъ правительство, а на самомъ дѣлѣ онъ видѣлъ причину бѣдствія въ революціонной арміи, опустошавшей окрестности Парижа, т. е. — въ концѣ концовъ — въ самихъ эбертистахъ, составлявшихъ какъ-бы главный штабъ этой арміи. Секціи заявили конвенту о дѣйствіяхъ революціонной арміи и предполагающемся возстаніи кордельеровъ. Ночью съ 23 на 24-ое вентоза комитетъ распорядился объ арестованіи Эбера и его друзей.

Дѣло эбертистовъ началось въ революціонномъ судѣ 1-го жерминаля II года (21 марта 1794 г.). Ихъ смѣшали въ одну кучу съ другими обвиняемыми, не имѣвшими съ ними ничего общаго,—отвратительный пріемъ, которымъ такъ широко пользовались впослѣдствіи, чтобы втоптать въ грязь своихъ политическихъ противниковъ. На ряду съ возставшими кордельерами—Эберомъ, Ронсеномъ, Моморо, Венсэномъ и другими, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли: свободный мыслитель и филантропъ Анахарзисъ Клотсъ, генералъ изъ аристократовъ Ломюръ, сообщники Дюмурье, голландскій банкиръ, наконецъ, служащій въ санитарномъ совѣтѣ, по имени Лабуро,—нѣчто среднее между уличнымъ сыщикомъ и агентомъ-подстрекателемъ. Какъ и дѣло жирондистовъ, этотъ процессъ представлялъ изъ себя какую-то жалкую пародію на правосудіе. Въ обвинительномъ актѣ говорилось о составленіи заговора съ цѣлью морить голодомъ населеніе столицы, перерѣзать конвентъ и ввести тираническій образъ правленія. Во время судебнаго слѣдствія почти не говорилось объ этихъ пунктахъ обвиненія. Свидѣтели показывали лишь о политической дѣятельности и нравственности подсудимыхъ. Эбера спрашивали относительно коекакихъ непристойныхъ его поступковъ, относившихся къ далекому прошлому, а также о тѣхъ мѣстахъ въ его листкѣ, гдѣ можно было увидѣть призывъ къ возстанію. Между тѣмъ въ то время, когда появлялись въ свѣтъ тѣ №№-а «Перъ-Дюшена», которые теперь ему ставились въ вину, этотъ листокъ не только встрѣчалъ полнѣйшее одобреніе, но даже получалъ денежную помощь отъ правительства, которое скупало массу экземпляровъ и посылало ихъ въ армію.

Венсэну и Ронсену дали говорить только о тѣхъ фактахъ, которые не имѣли отношенія къ взведенному на нихъ обвиненію. То-же самое было съ Анахарзисомъ Клотсомъ, котораго упрекали за его проповѣдь всемірной республики. Подъ конецъ четвертаго дня присяжные объявили, что дѣло достаточно выяснено, и, не выслушавъ защитниковъ, признали виновными всѣхъ подсудимыхъ (за исключеніемъ сыщика Лабуро), какъ умыслившихъ «уничтоженіе народнаго представительства, избіеніе его членовъ и патріотовъ, замѣну республиканскаго образа правленія—тираническимъ и захватъ верховной власти у народа». Они были казнены въ тотъ-же день (4 жерминаля II года—24 марта 1794 г.). Лишенный своихъ главныхъ руководителей, клубъ кордельеровъ распался. Революціонная армія была распущена.—Партія эбертистовъ отошла въ область исторіи.

Процессъ и казнь Дантона. Выйдя побѣдителемъ изъ борьбы съ лѣвой, комитетъ общественнаго спасенія рѣшилъ покончить и съ правой, которая становилась ему поперекъ пути въ лицѣ «снисходительныхъ» и дантонистовъ. Онъ уже ослабилъ и подорвалъ ихъ репутацію, приказавъ арестовать Фабра д'Эглантина, неправильно обвиненнаго въ противозаконномъ ажіотажѣ, а также Базира. 25 вентоза II года (15 марта) Геро-Сешелль, членъ комитета общественнаго спасенія, въ которомъ онъ проводилъ внѣшнюю политику Дантона, точно также былъ задержанъ по завѣдомо лживому обвиненію въ измѣнѣ. Тогда Робеспьеръ рѣшился нанести ударъ и своему сопернику по популярности—Дантону, котораго Бильо-Вареннъ неистово преслѣдовалъ омерзительными извѣтами. Видя въ немъ своего стараго собрата по оружію, дѣятеля 10 августа, главу національной обороны, Робеспьеръ не посмѣлъ сдѣлать на него открытаго нападенія и поручилъ это Сенъ-Жюсту, намѣтивъ основные штрихи гнуснаго оговора. 10 жерминаля оба комитета—общественнаго спасенія и общей безопасности въ соединенномъ засѣданіи распорядились арестовать Дантона, Дела-

круа, Камиля Демулена и Филиппо. Приказъ былъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами, кромѣ двухъ или трехъ. Бывшій въ числѣ послѣднихъ, Роберъ Лендэ, говорятъ, воскликнулъ, подчеркивая свои спеціальныя обязанности по комитету: «я здѣсь для того, чтобъ питать гражданъ, а не убивать патріотовъ!» Его коллеги, не исключая и Карно, безспорно хотѣли во что-бы то ни стало, хотя-бы даже цѣною преступленія, обезпечить единство управленія, а слѣдовательно, централизацію внѣшней обороны: въ дѣйствительности, они играли на руку лишь честолюбію Робеспьера.

На утро, вѣсть объ арестѣ Дантона повергла конвентъ въ неописуемое изумленіе, и дѣло чуть не кончилось низверженіемъ Робеспьера. Послѣ первыхъ минутъ оцѣпенѣнія послышался глухой ропотъ, затѣмъ—громкіе крики: *«долой диктатора!»* Лежандръ потребовалъ, чтобы собраніе выслушало объясненія обвиняемыхъ. Но Робеспьеръ настоялъ на своемъ: надменной рѣчью, пересыпанной угрозами, онъ привелъ въ ужасъ своихъ противниковъ. *«Болото»* поддержало его. Жалкій лепетъ Лежандра, отрекавшагося отъ своихъ словъ, свидѣтельствовалъ объ его полной растерянности. Конвентъ отослалъ обвиняемыхъ въ революціонный судъ.

Процессъ дантонистовъ занялъ четыре засѣданія, а именно съ 13-го по 16-ое жерминаля II-го года (2—5 апрѣля 1794 г.). Обвинительный актъ, составленный Фукье-Тенвиллемъ, раздѣлилъ обвиняемыхъ на двѣ категоріи: 1) Делакруа, Дантонъ, Демуленъ, Филиппо, Геро-Сешелль и Вестерманъ обвинялись въ составленіи «заговора, имѣвшаго цѣлью возстановленіе монархіи, уничтоженіе народнаго представительства и республиканскаго правительства», 2) Фабръ д'Эглантинъ, Делонэ, Шабо, Базаръ, аббатъ Эспаньякъ, двое Фреевъ, Дидрихсенъ, испанецъ Гусманъ и Люлье обвинялись въ составленіи заговора съ цѣлью «обезславить и унизить народное представительство, а также внести разложеніе въ республиканское правительство». Казалось-бы, должно было быть два особыхъ процесса, два приговора, какъ было два вердикта присяжныхъ. Между тѣмъ изъ всего этого сдѣлали какую-то кашу; чтобы загрязнить политическихъ обвиняемыхъ, ихъ посадили вмѣстѣ съ обвиняемыми въ преступленіяхъ противъ общаго права и судили одновременно. Фабръ д'Эглантинъ, обвинявшійся въ подлогѣ, котораго въ дѣйствительности не совершалъ, тщетно требовалъ предъявленія главнаго вещественнаго доказательства. То-же самое было и съ Геро-Сешеллемъ, котораго обвиняли въ измѣнѣ. Но Дантонъ добился-таки слова, и его пламенное краснорѣчіе произвело глубокое впечатлѣніе на слушателей. Онъ требовалъ допроса свидѣтелей защиты, и судъ не зналъ, подъ какимъ предлогомъ отклонить это безусловно законное ходатайство. Тогда Сенъ-Жюстъ внушилъ конвенту что подсудимые готовы на все, что положеніе крайне опасно. Особымъ декретомъ суду было разрѣшено «устранить подсудимыхъ отъ возраженій». 16 жерминаля присяжные объявили, что дѣло ясно, но не рѣшались вынести обвинительный вердиктъ. Говорятъ, что члены комитета общей безопасности, съ цѣлью повліять на нихъ, вошли въ совѣщательную комнату и выставили въ пользу обвиненія политическія соображенія: спасеніе республики! Въ концѣ концовъ они добились желаемаго, и присяжные признали виновными всѣхъ подсудимыхъ. Тщетно раздавались негодующіе протесты со стороны невинныхъ; ихъ «устранили отъ возраженій» и заочнымъ приговоромъ осудили къ смерти. Ихъ казнили въ тотъ-же день (16-го жерминаля).

Политика Робеспьера. Покончивъ съ эбертистами и дантонистами, Робеспьеръ принялся за осуществленіе своей политико-религіозной системы. На другой день послѣ казни Дантона, Кутонъ объявилъ конвенту, что въ ближайшемъ будущемъ будетъ внесенъ «проектъ праздника каждой декады (10 дней), посвященнаго Вѣчному». Онъ говорилъ про культъ Высшаго Существа, который и былъ введенъ декретомъ 18 флореаля. Это была настоящая религія государства съ Робеспьеромъ во главѣ. Терроръ, служившій до тѣхъ поръ нуждамъ національной обороны, становится теперь средствомъ для исправленія душъ, т. е. подавленія совѣсти. Начиная съ жерминаля II года, въ исторіи великой революціи наступаетъ реакція противъ принциповъ 1789 года. Человѣкъ не набожный тѣмъ самымъ обращается въ преступника; въ революціонномъ судѣ атеизмъ разсматривается, какъ оскорбленіе націи. Съ 21 по 24-ое жерминаля въ революціонномъ

судѣ слушалось новое дѣло: «остатки крамолы» въ лицѣ женъ Камиля Демулена и Эбера, нѣкоторыхъ генераловъ и эбертистовъ; ради постороннихъ, совершенно недостойныхъ соображеній, они были «*амальгамированы*» съ конституціоннымъ епископомъ Гобелемъ, сложившимъ свой санъ во время культа Разума, и прокуроромъ коммуны Шометомъ, однимъ изъ его основателей; всѣ они обвинялись въ томъ, что «умыслили уничтожить самое идею божества и основать французское правительство на безбожіи». Предсѣдатель революціоннаго суда сказалъ Гобелю, когда тотъ пытался въ оправданіе своего отреченія указать на желаніе секцій,—что никто не смѣетъ вводить новшества въ религію безъ разрѣшенія надлежащей власти. Шомету ставили въ укоръ, что онъ однажды воспрепятствовалъ совершенію ночной обѣдни. Осужденные къ смертной казни, всѣ, какъ мужчины, такъ женщины, были обезглавлены 24 жерминаля (23 апрѣля 1794 г.).

Казалось, терроръ существовалъ въ эту историческую минуту ради одного человѣка—Робеспьера, а также его преданныхъ и искусныхъ помощниковъ—Кутона и Сенъ-Жюста. Запуганный конвентъ почти безъ обсужденія принималъ любое предложеніе комитета общественнаго спасенія. Несравненно болѣе самостоятельный клубъ якобинцевъ, предсѣдателемъ котораго—даже во время поклоненія Высшему Существу—состоялъ атеистъ Фуше, не осмѣливался однако выражать неодобреніе Робеспьеру, пользовавшемуся колоссальной популярностью среди народа и имѣвшему прочную опору въ лицѣ умѣренныхъ или «*Болота*» (*le Marais*). Казалось-бы, внѣшніе и внутренніе успѣхи правительства должны были лишить терроръ всякаго смысла: между тѣмъ онъ не только не ослабѣлъ, но съ этого именно момента сталъ свирѣпствовать съ небывалой, ужасающей силой. Уничтоженіе временнаго исполнительнаго совѣта (12 жерминаля) еще болѣе упрочило положеніе революціоннаго правительства. Было образовано двѣнадцать исполнительныхъ комиссій, находившихся въ полномъ подчиненіи у комитета общественнаго спасенія. 27 жерминаля, по докладу Сенъ-Жюста, конвентъ декретировалъ, что «всѣ, обвиняемые въ заговорѣ, въ какой-бы части Франціи они ни находились, должны быть преданы парижскому революціонному суду». Подъ страхомъ быть поставленными внѣ закона, всѣ бывшіе дворяне и иностранцы должны были покинуть Парижъ, а также сухопутныя и морскія крѣпости. На всемъ протяженіи республики были созданы *народныя комиссіи* для рѣшенія участи арестованныхъ. Имъ дана была тираническая власть судить лицъ, которыя, живя безъ дѣла, не достигнувъ 60 лѣтняго возраста и не будучи немощными, «могутъ быть отнынѣ уличаемы въ сѣтованіяхъ на революцію». Комиссія Оранжа, организованная Робеспьеромъ, захлебывалась въ крови. Парижская комиссія давала богатую жатву революціонному суду.

Введеніе культа Высшаго Существа совпало съ необычайнымъ расширеніемъ кровавой дѣятельности этого учрежденія. Лавуазье былъ возведенъ на эшафотъ вмѣстѣ съ хлѣбными скупщиками; не говоря про другія менѣе извѣстныя жертвы революціоннаго суда, укажемъ хотя-бы госпожу Елизавету и Мальзерба. Въ то-же самое время комитетъ общественнаго спасенія наложилъ руку и на парижскую коммуну. 21 флореаля мэръ Пашъ былъ арестованъ и замѣщенъ сторонникомъ Робеспьера — Леко-Флёріо. Общества секцій, повидимому, начали проникаться оппозиціоннымъ настроеніемъ: клубъ якобинцевъ вызвалъ ихъ распущеніе. Предсѣдательское кресло въ конвентѣ вплоть до 10 термидора было занято то тѣмъ, то другимъ членомъ правительственныхъ комитетовъ. Въ началѣ преріаля была арестована молодая дѣвушка, по имени Сесиль Рено. Ее обвиняли въ умыслѣ убить Робеспьера. Вѣсть объ этомъ взволновала парижанъ; Робеспьеръ чрезвычайно умѣло воспользовался настроеніемъ минуты, чтобы еще больше укрѣпить свою диктатуру, увеличить поклоненіе боготворившей его толпы и издать нѣсколько новыхъ террористическихъ декретовъ. Торжество въ честь Высшаго Существа (20 преріаля — 8 іюня 1794 г.), въ которомъ Робеспьеръ игралъ главную роль, дало ему возможность открыто выступить въ качествѣ новаго властелина Франціи.

Этотъ праздникъ былъ зенитомъ его славы и могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ его паденія. Уже во время самыхъ торжествъ многіе изъ будущихъ дѣятелей 9 термидора преслѣдовали его сарказмами и называли тираномъ. Можно предполагать,

что именно въ это время онъ обдумывалъ новый крупный процессъ, чтобъ окончательно раздѣлаться со своими политическими противниками и водворить потомъ царство милосердія. Онъ рѣшилъ сдѣлать изъ революціоннаго суда еще болѣе страшное орудіе. Редактированный имъ проектъ былъ представленъ въ собраніе 22-го преріаля. Онъ лишалъ подсудимыхъ права приглашать себѣ защитниковъ, уничтожалъ допросъ свидѣтелей, довольствовался нравственными доказательствами, каралъ смертью всякаго, кто въ той или иной формѣ противился распоряженіямъ правительства, раздѣлялъ революціонный судъ на пять секцій и подбиралъ присяжныхъ изъ числа ярыхъ приверженцевъ Робеспьера. Конвентъ былъ повергнутъ въ ужасъ этимъ кодексомъ, узаконявшимъ массовыя убійства. Впервые послѣ долгаго промежутка времени обнаружилась нѣкоторая оппозиція Робеспьеру. Замѣтивъ недовольство, онъ сошелъ съ предсѣдательскаго мѣста и заговорилъ такимъ властнымъ языкомъ, что проектъ былъ принятъ собраніемъ. Одна изъ статей его, повидимому, давала комитетамъ право арестовывать даже членовъ конвента. 23 преріаля Бурдонъ (изъ Уазы) внесъ и провелъ поправку, въ силу которой члены конвента могутъ быть преданы революціонному суду не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія самаго собранія. На другой день, 24 преріаля, Робеспьеръ при поддержкѣ «Болота» заставилъ конвентъ взять назадъ этотъ декретъ. Революціонный судъ и гильотина тотчасъ-же принялись за свое мрачное дѣло съ удесятеренной энергіей. Въ самомъ дѣлѣ, до закона 22 преріаля втеченіе тринадцати мѣсяцевъ было 1220 казней. Послѣ этого закона на 49 дней пришлось 1376 смертныхъ приговоровъ, приведенныхъ въ исполненіе. Безспорно, далеко не всѣ осужденные внушали къ себѣ симпатію; многіе изъ нихъ дѣйствительно имѣли сношенія съ иностранными правительствами и давали имъ опасное оружіе противъ Франціи въ видѣ сообщеній о ея внутреннемъ состояніи. Но гибли и совершенно невинные люди, горячо преданные дѣлу республики и свободы. Въ числѣ состоявшихся приговоровъ можно указать не мало несомнѣнныхъ ошибокъ, ужасныхъ особенно потому, что избѣжать ихъ не составляло особеннаго труда. Въ общемъ это была безпощадная рѣзня безъ разбора правыхъ и виновныхъ, достойная развѣ лишь стараго порядка да инквизиціи и вызывающая невыразимое отвращеніе при мысли, что она совершалась во имя народовластія и равенства. Успѣхъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами, бывшій въ это время внѣ всякаго сомнѣнія, въ глазахъ безпристрастнаго историка лишаетъ эту кровавую расправу ея единственнаго оправданія.

Отвѣтственно-ли правительство за эти судебныя убійства? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо вникнуть въ порядокъ предварительной, до-судебной процедуры. Парижская народная комиссія, засѣдавшая въ музеѣ, раздѣляла всѣхъ арестованныхъ на три категоріи: 1) однихъ она освобождала (приблизительно одного на 80), 2) другихъ ссылала, 3) третьихъ предавала революціонному суду. Соединенное присутствіе обоихъ правительственныхъ комитетовъ утверждало списки подсудимыхъ и такимъ образомъ брало на себя отвѣтственность за все совершавшееся; кромѣ того, оно само производило массу арестовъ по своему собственному почину. Слѣдуетъ еще замѣтить, что именно въ періодъ, слѣдовавшій за закономъ 22-го преріаля, и только въ этотъ періодъ, акты преданія суду подписывались безъ разсмотрѣнія по существу, зачастую—впопыхахъ, между дѣломъ. Труднѣе документировать личную отвѣтственность того или другого члена правительства. Мы знаемъ, напримѣръ, что Робеспьеръ уклонялся отъ подписи этихъ кровавыхъ списковъ и лишь разъ, а именно 2-го термидора, проставилъ свое имя. Такой образъ дѣйствій былъ не болѣе, какъ лицемѣріемъ честолюбца, который заставлялъ другихъ приводить въ движеніе смертоносную машину, созданную его собственными усиліями, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда она перестанетъ служить его разсчетамъ, пріобрѣсти славу спасителя и миротворца.

V. Паденіе Робеспьера.

Причина и подготовка революціи 9 термидора. — Истинными причинами событій 9 термидора были побѣды французскихъ армій втеченіе мессидора и, главнымъ образомъ, побѣда при Флёрюсѣ. Военныя удачи нетолько не упрочили положенія правительства, но прямо-таки погубили его въ общественномъ мнѣніи, показавъ съ полной наглядностью, что усиленіе террора за послѣдніе мѣсяцы было ненужной жестокостью. «Побѣды,—читаемъ мы въ *Мемуарахъ* Барера,— подобно фуріямъ, преслѣдовали и губили Робеспьера». Тщетно убѣждалъ онъ Барера не «раздувать» ихъ въ своихъ отчетахъ, напрасно вызывалъ страшный призракъ военной диктатуры и внушалъ якобинцамъ (21 мессидора), что «о благоденствіи государства слѣдуетъ судить не по внѣшнимъ его успѣхамъ, а по положенію внутреннихъ дѣлъ». Восторги конвента, публики и даже самихъ якобинцевъ по поводу всякаго извѣстія съ театра войны, знамена, взятыя у непріятеля и выставленныя въ залѣ конвента, наконецъ, радостное настроеніе Парижа и Франціи, — все подчеркивало несвоевременность и безчеловѣчность кровавой расправы революціоннаго суда. Казалось, прекратить терроръ зависѣло отъ доброй воли одного человѣка, а этимъ человѣкомъ былъ, повидимому, Робеспьеръ. Благодаря вѣроломству враговъ, пользовавшихся каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы скомпрометтировать его въ общественномъ мнѣніи, его преобладаніе въ правительствѣ и конвентѣ начинаетъ колоть глаза всякому и каждому:— возникаетъ процессъ Катерины Тео,— старухи, страдавшей религіознымъ помѣшательствомъ,—и комитетъ общей безопасности пытается набросить тѣнь на Робеспьера; умышляетъ на его жизнь Сесиль Рено, и на нее надѣваютъ красную рубашку; нѣкто Магентисъ, чтобы осмѣять культъ Верховнаго Существа, коварно подаетъ петицію о смертной казни за богохуленіе, а въ якобинскомъ клубѣ и журналахъ лицемѣрно разсыпаются въ явно преувеличенныхъ похвалахъ передъ жрецомъ этого культа, какъ будто онъ уже провозгласилъ себя тираномъ.

Послѣ того, какъ былъ вотированъ законъ 22 преріаля, страхъ придалъ мужества его врагамъ, и въ комитетѣ общей безопасности началъ подготовляться заговоръ, въ которомъ приняли участіе, кромѣ большинства этого комитета, два члена комитета общественнаго спасенія, — Бийо-Вареннъ и Коло д'Ербуа. Заговорщики отнюдь не были принципіальными противниками террора; напротивъ, они ставили въ вину Робеспьеру его сдержанность по отношенію къ католикамъ и уступки «*Болоту*». Въ мессидорѣ, когда онъ рѣдко бывалъ въ комитетѣ, они имѣли возможность столковаться. Бареръ почувствовалъ, что сила на ихъ сторонѣ, и 7 термидора выступилъ въ конвентѣ съ обширнымъ докладомъ, въ которомъ обрушился на всѣхъ, кого не успокоили побѣды, кто продолжаетъ замышлять новыя проскрипціи. Конвентъ постановилъ напечатать этотъ докладъ и разослать его по всѣмъ коммунамъ. На это первое проявленіе недоброжелательства Робеспьеръ отвѣтилъ на другой-же день своей извѣстной рѣчью 8-го термидора.

Дни 8, 9 и 10 термидора. — Эту рѣчь принято сравнивать съ завѣщаніемъ, и дѣйствительно, въ ней слышится грустная нота, не лишенная благородства, что-то вродѣ обращенія къ потомству. Что касается современниковъ, то они увидѣли въ ней прежде всего дипломатическій маневръ; въ память ихъ врѣзались лишь грозные выводы. Робеспьеръ потребовалъ въ ней полнаго обновленія личнаго состава комитета общей безопасности, отрѣшенія отъ должности нѣкоторыхъ членовъ комитета общественнаго спасенія и безусловнаго подчиненія перваго комитета послѣднему. Онъ выступилъ съ обвиненіемъ противъ нѣкоторыхъ членовъ конвента, противъ «финансистовъ» Маллармэ и Рамеля (онъ намѣтилъ еще Камбона, но не рѣшился назвать его съ трибуны), противъ двуличныхъ политическихъ дѣятелей, вродѣ Барера, противъ интригановъ, какъ Вадье, раздувшихъ дѣло Катерины Тео, противъ негодяевъ и неистовыхъ демагоговъ,—этой «шайки мошенниковъ»; рѣчь свою онъ закончилъ неопредѣленными угрозами, которыя каждый былъ воленъ принять на свой

счетъ. Можно было думать, что, закидывая сѣть на конвентъ, онъ подготовляетъ новую омерзительную *амальгаму* для революціоннаго суда. Всѣ, бывшіе когда-либо въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Дантономъ или Эберомъ, почувствовали приближеніе опасности тѣмъ болѣе, что Робеспьеръ обратился съ призывомъ къ «Болоту». Едва конвентъ успѣлъ вотировать напечатаніе рѣчи и распространеніе ея въ провинціи, какъ Вадье, Камбонъ и Бильо-Вареннъ потребовали отмѣны этого декрета; конвентъ постановилъ напечатать ее, но не разсылать по коммунамъ.—Это было первое пораженіе Робеспьера.

Вечеромъ въ якобинскомъ клубѣ онъ повторилъ свою рѣчь и привелъ собраніе въ бурный восторгъ. Давидъ кричалъ, что готовъ идти съ нимъ въ огонь и воду. Бильо-Вареннъ и Коло д'Ербуа были ошиканы и выгнаны. Клубъ охватило мятежное настроеніе. Но не дремали и враги Робеспьера. Всю ночь съ 8 на 9 термидора шли тайныя собранія; послѣ долгихъ переговоровъ заговорщикамъ удалось убѣдить вожаковъ «Болота»,—Дюранъ-Майльяна, Палана, Шампо и Буасси д'Англа, не поддерживать болѣе Робеспьера, чтобы прекратить терроръ. Въ то-же время они старались внушить монтаньярамъ, что Робеспьеръ — человѣкъ умѣренный и ханжа, что онъ хочетъ съузить дѣятельность революціоннаго правительства.

Засѣданіе 9 термидора открылось рѣчью С. Жюста, въ которой онъ съ громаднымъ искусствомъ намѣтилъ политическую программу, способную объединить весь конвентъ. Онъ, не колеблясь, призналъ личное честолюбіе въ Робеспьерѣ и указалъ средства положить предѣлъ его диктатурѣ, не прибѣгая къ насилію и не производя государственнаго переворота; угадывая невысказанныя опасенія и желанія конвента, онъ собирался предложить ему объявить, «что цѣлый рядъ проектируемыхъ учрежденій представитъ полную гарантію, что правительство, не будучи нисколько стѣснено въ своихъ революціонныхъ предпріятіяхъ, не будетъ въ состояніи дѣйствовать произвольно, согласно личнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ дѣятелей или вопреки волѣ народнаго представительства». Кто знаетъ, не разрѣшилось-ли бы столкновеніе мирнымъ путемъ, если-бы Сенъ-Жюсту дали договорить: диктатурѣ Робеспьера былъ-бы положенъ конецъ и не наступила-бы термидоріанская реакція. Но Тальенъ прервалъ его требованіемъ «сорвать завѣсу»... Конвентъ объявляетъ свои засѣданія непрерывными. Бильо-Вареннъ раскрываетъ мятежные замыслы якобинцевъ. Онъ нападаетъ на декретъ 22 преріаля, но не какъ на актъ несправедливости, а только какъ на маневръ для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ Робеспьера, котораго, сверхъ того, упрекаетъ за защиту Дантона. Робеспьеръ кидается къ трибунѣ, но Коло д'Ербуа, занимающій предсѣдательское мѣсто, лишаетъ его слова. Раздаются крики: «долой тирана!» Тальенъ, потрясая кинжаломъ, обращается къ правой, какъ передъ тѣмъ Бильо къ лѣвой,—съ обвиненіемъ революціоннаго суда въ безчеловѣчности и называетъ Робеспьева «Катилиной, окруженнымъ новыми Верресами». Конвентъ приказываетъ арестовать Анріо и его главный штабъ; Робеспьеръ снова бросается къ трибунѣ, но и на этотъ разъ крики: «долой тирана!» заставляютъ его отказаться отъ своего намѣренія. Бареръ, еще не увѣренный въ успѣхѣ, вноситъ отъ имени комитета ничтожныя предложенія; Вадье теряетъ время на шутки по поводу Катерины Тео и смѣшитъ собраніе, вмѣсто того чтобы наносить удары. Вмѣшивается Тальенъ: «я требую слова, говоритъ онъ, чтобы напомнить главный предметъ нашего обсужденія».—Робеспьеръ прерываетъ его: «я самъ съумѣю это сдѣлать!»—Въ залѣ раздается ропотъ, слышатся крики: «ты лишенъ слова, тиранъ!» Тальенъ продолжаетъ; онъ обвиняетъ Робеспьера въ крамолѣ и ссылается при этомъ на рѣчь, произнесенную наканунѣ. Робеспьеръ пытается возразить, но ему шикаютъ, предсѣдатель Коло д'Ербуа звонитъ и уступаетъ свое мѣсто другому заговорщику,—Тюріо,—который точно такъ-же отказываетъ ему въ словѣ; тщетно Робеспьеръ взываетъ къ «Болоту»: «я обращаюсь къ вамъ, людямъ незапятнаннымъ, а не къ тѣмъ злодѣямъ...» Всѣми отвергнутый, онъ выбивается изъ силъ и едва говоритъ. Утверждаютъ, будто въ эту минуту Гарнье (отъ Объ) воскликнулъ: «кровь Дантона спираетъ ему дыханіе!», на что Робеспьеръ возразилъ: «а, такъ вотъ тотъ, за кого вы собираетесь мстить!». Одинъ совершенно неизвѣстный до тѣхъ поръ членъ конвента, по имени Лушэ, произноситъ тогда рѣшающее слово:

«не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что Робеспьеръ былъ властелиномъ; этого достаточно; я требую обвинительнаго декрета». Раздаются рукоплесканія и крики: «арестовать его! на голоса!». Робеспьеръ, говоритъ одинъ свидѣтель, «въ ярости поднялся на четыре ступени выше, чѣмъ стоялъ», и окинулъ взглядомъ трибуны; ему показалось, что онѣ сплошь враждебны, что ему нѣтъ спасенія; на требованіе ареста онъ отвѣтилъ: «я требую иного, я требую смерти!»—«Тысячу разъ ты заслужилъ ее!» воскликнулъ террористъ Андрэ Дюмонъ. — Робеспьеръ машинально, какъ бы въ забытьи повторялъ: «смерть! смерть!» Тогда братъ его, также депутатъ конвента, взялъ его за руку и заявилъ, что желаетъ раздѣлить съ нимъ участь. Его примѣру послѣдовалъ честный, прямой Леба. Конвентъ, тронутый этимъ зрѣлищемъ, на мгновеніе поколебался, но затѣмъ рѣшилъ арестовать нетолько Робеспьера, его брата и Леба, но и Кутона съ Сенъ-Жюстомъ. Жандармы окружили ихъ и отвели въ комитетъ общей безопасности.

Въ томъ-же самомъ декретѣ было постановлено арестовать начальника вооруженныхъ силъ г. Парижа—Анріо, котораго конвентъ уже замѣнилъ нѣкіимъ Гесмаромъ, командиромъ жандармскаго легіона. Послѣдній явился въ ратушу, чтобы захватить Анріо, но, вмѣсто того, самъ былъ задержанъ этимъ предпріимчивымъ человѣкомъ. Оказалось, что тотъ предвидѣлъ ударъ и съ лихорадочной поспѣшностью сталъ готовиться къ борьбѣ съ конвентомъ: онъ созвалъ жандармерію на Грэвскую площадь, собралъ начальниковъ легіоновъ, велѣлъ бить въ набатъ, поднять тревогу, закрыть заставы и устроить сборъ секцій. Не сопровождаемый почти никѣмъ, онъ рѣшается проникнуть въ комитетъ общей безопасности, чтобы освободить Робеспьера. Арестованный въ свою очередь, онъ получаетъ свободу, благодаря энергіи своихъ сторонниковъ.—Между тѣмъ послѣ первыхъ звуковъ набата на площадь передъ ратушей стали стекаться національные гвардейцы. Ихъ было слишкомъ мало, да и настроены они были слишкомъ различно, чтобы составить изъ себя мятежную армію. Толкаясь по площади, не зная, что́ дѣлать, за кого и съ кѣмъ бороться, они болтали другъ съ другомъ о новостяхъ дня и жаждали сенсаціонныхъ извѣстій. Робеспьеръ не былъ для нихъ ни героемъ, ни врагомъ; онъ былъ имъ просто безразличенъ.

При извѣстіи о декретѣ противъ Робеспьера общій совѣтъ коммуны собирается подъ предсѣдательствомъ Леко-Флёріо и, по требованію національнаго агента Пейана, торжественно провозглашаетъ возстаніе для освобожденія конвента отъ «притѣсненія». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ необходимыя мѣры для предстоящаго боя, утверждаетъ всѣ распоряженія Анріо, отдаетъ приказъ объ арестованіи четырнадцати членовъ конвента, а именно Колло д'Ербуа, Амара, Леонарда Бурдона, Дюбаррана, Фрерона, Тальена, Паниса, Карно, Дюбуа-Крансэ, Вадье, Жавога, Фуше, Гранэ, М. Байля; образуетъ исполнительный совѣтъ изъ девяти членовъ, въ число которыхъ назначаетъ Пейана и Коффингаля (предполагалось, что главой его будетъ самъ Робеспьеръ).—Между тѣмъ бывшаго диктатора доставили подъ стражей въ Люксембургскую тюрьму, но здѣсь было уже получено распоряженіе коммуны, и смотритель наотрѣзъ отказался принять знаменитаго арестанта. Его повели въ мэрію (она помѣщалась въ другомъ зданіи, чѣмъ ратуша), гдѣ онъ былъ освобожденъ друзьями. Коммуна предлагаетъ ему стать во главѣ ея силъ. Онъ отказывается, чувство законности мѣшаетъ ему сдѣлать этотъ шагъ. Коффингаль настаиваетъ и чуть не силой увлекаетъ за собой. И вотъ—Робеспьеръ въ ратушѣ (9 термидора, 9 часовъ вечера). Его братъ уже тамъ; вскорѣ являются Леба, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ (однихъ освободили возставшіе, другихъ отпустили тюремщики). Въ то-же время клубъ якобинцевъ высказывается за Робеспьера, постановляетъ не расходиться впредь до окончательнаго выясненія дѣла и входитъ въ сношенія съ коммуной. Организуется настоящее возстаніе; минутами кажется, что за него не только горсть главарей, но и широкія народныя массы. Однако общественное мнѣніе, вѣрный выразитель настроенія Парижа, не на его сторонѣ. Собранія секцій высказываютъ нерѣшительность; лишь меньшинство готово идти противъ національнаго конвента. Парижъ, не разъ поднимавшійся на защиту идей и возстававшій противъ личностей, не хотѣлъ вступаться за интересы отдѣльнаго человѣка.

Правительство и конвентъ не теряли времени. Комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности съ своей стороны сдѣлали призывъ къ секціямъ и занялись охраной конвента. Въ 9 часовъ вечера засѣданіе возобновилось. Собраніе поклялось умереть на своемъ посту, назначило одного изъ своихъ членовъ Барраса главнымъ командиромъ вооруженныхъ силъ и дало ему въ помощники нѣсколько другихъ представителей, въ томъ числѣ Фрерона. Затѣмъ оно объявило внѣ закона Робеспьера, всѣхъ арестованныхъ—было депутатовъ, городского мэра и мятежныхъ офицеровъ. Этотъ декретъ, почти тотчасъ-же распространившійся по всему Парижу, расположилъ большинство секцій въ пользу конвента и навелъ ужасъ на вооруженныя толпы, ожидавшія на Грэвской площади распоряженій коммуны. Въ полночь ливень разогналъ собравшіяся группы: когда, въ 2 часа утра, войска конвента вступили на площадь, она была почти совершенно пуста.

Если коммуна медлила съ нападеніемъ на конвентъ, то единственной причиной этого была нерѣшительность Робеспьера, который не хотѣлъ стать во главѣ мятежнаго движенія. Онъ говорилъ, но не дѣйствовалъ, и даже отказался подписать призывъ къ оружію. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ лишенъ присутствія духа; вѣрнѣе, онъ склонялся къ мысли о чемъ-то вродѣ законнаго возстанія, но у него не было всего того, что́ необходимо для осуществленія этого проекта. По настоянію своихъ сторонниковъ, онъ взялъ, наконецъ, перо и набросалъ три первыхъ буквы своего имени . . . Не въ эту-ли минуту войска конвента вступали на Грэвскую площадь? Когда Леонардъ Бурдонъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ проникъ во внутреннее помѣщеніе ратуши, онъ нашелъ Робеспьера лежащимъ на полу; челюсть его была раздроблена выстрѣломъ изъ пистолета. Одинъ изъ жандармовъ, по имени Меда, хвастался, что хотѣлъ убить «тирана»; онъ получилъ за это награду. Впрочемъ большинство современниковъ не довѣряли его разсказу, предполагая, что Робеспьеръ покушался на самоубійство, подобно Леба, дѣйствительно покончившему съ собою. Робеспьеръ—младшій бросился изъ окна, но, къ своему несчастью, отдѣлался лишь легкими поврежденіями. Безъ труда захватили и остальныхъ главарей неудавшагося возстанія. Конвентъ овладѣлъ ратушей, Лежандръ закрылъ якобинскій клубъ, мятежъ былъ подавленъ въ самомъ началѣ.

На другой день, 10 термидора, въ половинѣ восьмого, вечеромъ, были казнены: Робеспьеръ съ младшимъ братомъ, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ, Флёріо-Леко, Пейанъ, Анріо, многіе члены якобинскаго клуба и коммуны, всего 22 человѣка. «Несмѣтныя толпы, говоритъ журналистъ Перлэ, восклицанія восторга, рукоплесканія, крики: «долой тирана! да здравствуетъ республика!», проклятія и насмѣшки,—вотъ что сопровождало ихъ на пути къ гильотинѣ.»—Вскорѣ было казнено еще 82 сторонника Робеспьера, большею частью члены коммуны. Вмѣсто суда, ограничились простымъ удостовѣреніемъ ихъ самоличности.—Для враговъ мало было смерти Робеспьера и его приверженцевъ: они оклеветали его, объявивъ всей Франціи, будто онъ хотѣлъ возстановить королевскую власть и продался иноземцамъ. Бывшіе единомышленники, напримѣръ Давидъ, смѣшивали съ грязью его память. Со всѣхъ концовъ Франціи отвѣчали конвенту выраженіями восторга и поздравленіями, причемъ называли казненнаго диктатора *Кромвелемъ* и *Катилиной*; не нашлось ни одного смѣльчака, который-бы очистилъ его имя отъ лишнихъ, незаслуженныхъ укоровъ. Въ Робеспьерѣ олицетворили всѣ ненужные ужасы и жестокости террора; думали, что смерть одного человѣка можетъ дать республикѣ миръ и спокойствіе.

VI. Термидоріанскій періодъ.

Революціонное правительство послѣ 9-го термидора. Терроръ прекратился не сразу послѣ паденія Робесьера. 24 термидора Бареръ обратился къ конвенту со слѣдующимъ предложеніемъ: «согласимся между собою и единодушно провозгласимъ, что мы хотимъ революціоннаго правительства». Тогда члены воскликнули: «*да, да, мы всѣ желаемъ его*». По словамъ газеты «Moniteur», всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и «замахали шляпами». Такимъ образомъ революціонное правительство продолжало существовать послѣ событій 8—10 термидора, но оно подверглось значительнымъ измѣненіямъ; что-же касается формъ и способовъ его дѣйствія, то, — хотя никто оффиціально не отрекался отъ террора,— они мало по малу стали проникаться духомъ гуманности и милосердія. Успѣхи французскаго оружія въ борьбѣ съ иноземцами отразились, наконецъ, на ходѣ внутренней жизни страны.

Уже 11-го термидора конвентъ сдѣлалъ важный шагъ для уничтоженія диктаторскаго всемогущества комитета общественнаго спасенія, а именно постановилъ, что каждый мѣсяцъ изъ него должна выбывать четверть личнаго состава. 7 фруктидора однимъ общимъ декретомъ были опредѣлены полномочія обоихъ комитетовъ. Комитетъ общественнаго спасенія съ отчасти обновленнымъ личнымъ составомъ — долженъ былъ завѣдывать только иностранными, военными и морскими дѣлами. Карно по-прежнему занимался военными дѣйствіями, пока 15 вентоза III-го года (5 марта 1795 г.) жребій не заставилъ его выйти изъ состава комитета. Комитетъ общей безопасности сталъ во главѣ полиціи: онъ могъ дѣлать распоряженія объ арестѣ и предавать революціонному суду. Послѣ удаленія изъ него послѣднихъ робеспьеристовъ, онъ состоялъ исключительно изъ дѣятелей термидорскаго переворота. Комитетъ финансовъ вѣдалъ государственное хозяйство. Каждый изъ остальныхъ комитетовъ правилъ и управлялъ своей сферой; каждый, въ предѣлахъ своей компетенціи, имѣлъ непосредственную власть нетолько надъ исполнительными комиссіями, которыя были также сохранены, но и надъ всѣмъ административнымъ и судебнымъ персоналомъ. Такимъ образомъ послѣ событій термидора и связанныхъ съ ними преобразованій было, повидимому, нарушено единство правительства. Но это было только «*повидимому*». Въ дѣйствительности-же, конвентъ, которымъ такъ долго управляли, самъ захватилъ бразды правленія; его истинными министрами, хотя не носившими этого титула и не имѣвшими опредѣленныхъ портфелей, сдѣлались главари большинства народныхъ представителей: Тальенъ, Баррасъ, Фреронъ и Мерленъ (изъ Тіонвилля).

Продолжалъ свое существованіе и революціонный судъ, но (за исключеніемъ удостовѣренія самоличности сторонниковъ Робеспьера, объявленныхъ внѣ закона) дѣятельность его была пріостановлена до самаго конца термидора. Конвентъ отмѣнилъ законъ 22 преріаля и постановилъ арестовать публичнаго обвинителя Фукье-Тенвилля. Декретъ 23 термидора совершенно преобразовалъ революціонный судъ и почти сравнялъ его съ обыкновенными судами; онъ отличался отъ нихъ только тѣмъ, что разбиралъ лишь политическія дѣла и постановлялъ «окончательные» приговоры, на которые нельзя было приносить апелляціонныхъ отзывовъ. Подсудимымъ были предоставлены важныя гарантіи правосудія, такъ что Каррье и Фукье-Тенвилль говорили совершенно свободно и не были стѣснены относительно продолжительности защитительныхъ рѣчей. Невольно вспоминалось, какъ тотъ-же самый Фукье-Тенвилль, при полномъ сочувствіи со стороны Каррье и тому подобныхъ личностей, затыкалъ ротъ Верньо и Дантону. Революціонный судъ былъ закрытъ только 12 преріаля III-го года (31 мая 1795 г.). Что касается народныхъ комиссій, въ такомъ изобиліи доставлявшихъ поживу для революціоннаго суда, то формально онѣ не были уничтожены. 10 термидора конвентъ поручилъ комитетамъ общественнаго спасенія и общей безопасности очистить ихъ личный составъ: такимъ образомъ онѣ фактически прекратили свое существованіе. Точно такъ-

же 13 термидора комитетъ общественнаго спасенія въ видѣ *временной* мѣры пріостановилъ дѣятельность комиссіи гор. Оранжа, кроваваго судилища, вполнѣ оправдавшаго ожиданія своего основателя Робеспьера; временная мѣра на дѣлѣ оказалась постоянной; комиссія эта уже не всплывала на поверхность французской исторіи.

Ворота тюремъ не были открыты тотчасъ-же послѣ побѣды надъ виновниками террора. Только черезъ нѣсколько дней ихъ рѣшились пріоткрыть для части заключенныхъ. Было еще слишкомъ опасно дать свободу арестованнымъ роялистамъ. На основаніи оффиціальныхъ бумагъ, сохранившихся въ національныхъ архивахъ, можно доказать, что 20 фруктидора II года, т. е. черезъ 40 дней послѣ переворота, былъ еще 5261 заключенный, а 16 вендемьера III года, т. е. спустя 66 дней, на лицо состояло еще 4445 человѣкъ. Лишь значительно позже, когда термидоріанцы соединились съ роялистами для совмѣстной борьбы съ монтаньярами, много враговъ республики покинуло тюремныя стѣны. Вначалѣ-же преимущественно освобождали людей, искренно преданныхъ новому государственному строю, но почему-либо неугодившихъ Робеспьеру, — напримѣръ, генерала Гоша.

Прикрытый при паденіи Робеспьера, якобинскій клубъ вскорѣ получилъ разрѣшеніе возобновить свои засѣданія. Онъ исключилъ изъ своего состава нѣкоторыхъ членовъ и отрекся отъ Робеспьера. Однако онъ попрежнему носилъ ярко республиканскую окраску и упорно преслѣдовалъ всякое проявленіе роялизма. Въ концѣ концовъ конвентъ закрылъ его, впрочемъ не прекращая дѣятельности другихъ народныхъ обществъ.— Что касается парижской коммуны, то она была временно уничтожена и замѣнена двумя комиссіями (административной и полицейской), личный составъ которыхъ назначался непосредственно самимъ конвентомъ. — Система управленія Франціей и арміями посредствомъ особыхъ комиссаровъ осталась въ силѣ и послѣ 9 термидора, но старые уполномоченные были отозваны и замѣнены новыми.

Изъ всѣхъ учрежденій, проводившихъ въ жизнь политику революціоннаго правительства, наиболѣе дѣятельными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыми страшными были революціонные комитеты, введенные въ каждой коммунѣ или въ каждой секціи коммуны для преслѣдованія подозрительныхъ. Они оказали огромную услугу дѣлу національной обороны, подрѣзавъ нити цѣлой сѣти интригъ, которую роялисты и другіе противники революціи раскинули на всю Францію. Ихъ бдительность разстроила всѣ планы внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, но въ то-же время они возстановили невыносимѣйшую тиранію и превратили страну въ какую-то бойню или застѣнокъ. Термидоріанцы не посмѣли открыто поднять на нихъ руку и вырвать ихъ съ корнемъ. Декретъ 7 фруктидора II года уничтожилъ ихъ только въ тѣхъ городахъ, которые не были центрами дистриктовъ или которые насчитывали менѣе 8000 жителей. Мало по малу они исчезли и въ другихъ мѣстахъ: преслѣдуя ихъ прежнихъ членовъ, общественное мнѣніе тѣмъ самымъ фактически упраздняло революціонные комитеты. Однако законъ, который-бы отмѣнялъ ихъ существованіе и дѣлалъ его юридически невозможнымъ, такъ и не былъ проведенъ.

Итакъ,—формы, внѣшность террора остались безъ измѣненія послѣ событій термидора. Попрежнему существовалъ и комитетъ общественнаго спасенія, и комитетъ общей безопасности, и революціонный судъ попрежнему неблагонадежные томились въ тюрьмахъ, попрежнему дѣйствовали революціонные комитеты, засѣдали якобинскіе клубы, а въ провинцію посылались полномочные комиссары. Но въ старые мѣха было влито новое вино. Не паденіе Робеспьера, который самъ былъ не прочь содѣйствовать успокоенію умовъ и смягченію террора,—а внѣшнее положеніе Франціи дѣлало ненужными тѣ мѣры жестокости, насилія и произвола, которыя были вызваны нашими пораженіями. Между тѣмъ война продолжалась; не вся Европа приняла участіе въ Базельскомъ мирѣ, а въ самой Франціи роялисты не складывали оружія. Все это достаточно объясняетъ, почему революціонное правительство просуществовало вплоть до закрытія конвента.

Термидоріанцы лѣвой и правой. Мы видѣли, что Робеспьера низвергла коалиція монтаньяровъ и умѣренныхъ; одни хотѣли прекращенія террора, другіе—доведенія его до крайности. Немудрено, что этотъ противоестественный союзъ вскорѣ распался на *термидоріанцевъ лѣвой* (Бареръ, Колло д'Ербуа, Билльо-Вареннъ и другіе), которые

стояли за сохраненіе прежней диктатуры комитета общественнаго спасенія, и *термидоріанцевъ правой* (Баррасъ, Тальенъ, Фреронъ и др.), которые, хотя и не были еще роялистами, стали во главѣ *«золоченой молодежи»* и *«щеголей»* (*muscadins*), чтобы уничтожить вліяніе бывшихъ террористовъ. Карно и Роберъ Ландэ, повидимому, хотѣли возвыситься надъ этими дрязгами, играть роль посредниковъ и ввести либеральную республику. «Болото» разрѣшилось отъ долговременнаго молчанія и предлагало прямотаки уничтожить революціонное правительство. Говорившій отъ его имени Дюранъ-Майльянъ требовалъ безграничной свободы печати. Всѣ умѣренные ополчились противъ бывшихъ членовъ правительственныхъ комитетовъ. 12 фруктидора Лоранъ Ле-Куантръ обвинилъ ихъ въ сообществѣ съ Робеспьеромъ. Хотя конвентъ призналъ это клеветой, оговоренные почувствовали себя въ опасности. Якобинцы открыто выступили въ ихъ защиту. Съ цѣлью примирить враждующія партіи, прахъ Марата былъ перенесенъ въ Пантеонъ (5 санъкюлоттида II года—21 сентября 1794 г.). То же самое было сдѣлано съ останками Жанъ-Жака Руссо (20 вандемьера III года). Однако раздоры тотчасъ-же возобновились. Противники называли другъ друга не иначе, какъ кровопійцами и роялистами. И тѣ, и другіе были недалеки отъ истины. Достовѣрно, что якобинцы дорожили своею близостью къ Каррье и худшими изъ террористовъ. Достовѣрно также, что умѣренные не задумывались натравливать на своихъ политическихъ противниковъ роялистскую молодежь Парижа, вооруженную дубинами. Когда конвентъ постановилъ произвести дознаніе относительно образа дѣйствій Каррье въ Нантѣ, Бильо-Вареннъ почувствовалъ себя въ опасности; на засѣданіи якобинскаго клуба 13 брюмера III года (3 ноября 1794 г.), говоря вмѣстѣ съ другими ораторами въ защиту Каррье, онъ обрушился на реакцію и взывалъ къ народному отмщенію: «левъ не умеръ, онъ дремлетъ; когда онъ проснется, онъ уничтожитъ своихъ недруговъ». За эти слова ухватились, чтобы воспользоваться ими противъ якобинцевъ. «Золоченая молодежь» Фрерона цѣлой мятежной толпой произвела на нихъ нападеніе. Подъ предлогомъ охраны якобинцевъ отъ незаконныхъ посягательствъ на ихъ личную неприкосновенность, комитеты — общественнаго спасенія, общей безопасности, законодательства и военный—закрыли залъ ихъ собраній и пріостановили засѣданія: Конвентъ одобрилъ эту мѣру. Такъ прекратилъ свое существованіе клубъ якобинцевъ, помѣщавшійся въ бывшемъ монастырѣ Сентъ-Онорэ (21—22 брюмера III года).

Возвращеніе жирондистовъ; салоны.— Часть членовъ конвента все еще была не у дѣлъ: жирондисты попрежнему должны были скрываться отъ преслѣдованія. Но термидорскій переворотъ лишилъ смысла ихъ изгнаніе. И дѣйствительно, уже 18 фримера III года (8 декабря 1794 г.), выслушавъ докладъ Мерлена (изъ Дуэ), конвентъ постановилъ вернуть въ свою среду наименѣе замѣшанныхъ, которые только подписали протестъ противъ событій 31 мая и 2 іюня. 18 ближайшаго вантоза (8 марта 1795 г.) онъ постановилъ возстановить въ правахъ и полномочіяхъ и всѣхъ остальныхъ жирондистовъ, въ томъ числѣ Инара, Лувэ, Ланжюинэ, которые за возбужденіе гражданской войны были объявлены внѣ закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ конвентъ отмѣнилъ празднованіе годовщины 31 мая. Возвращенные обѣщали забыть свои страданія и отказаться отъ мести. Но это были пустыя слова. Многіе изъ нихъ перешли на сторону роялистовъ и еще болѣе усилили реакцію.

Съ этого времени начали краснѣть за свои республиканскія идеи и демократическую наружность. Возродились нравы стараго порядка, открылись салоны, и, подъ вліяніемъ такихъ красивыхъ или умныхъ женщинъ, какъ мадамъ Тальенъ, Сталь и Рекамье, въ Парижѣ, по словамъ современниковъ, «снова наступило царство моды и вкуса». Распахнулись двери и аристократическихъ, старо-дворянскихъ салоновъ. «Революціонеры были тамъ желанными гостями, говоритъ членъ конвента Тибодо, не потому, чтобъ цѣнили ихъ заслуги или получали удовольствіе отъ ихъ общества. Ихъ ласкали и чествовали, чтобъ заручиться ихъ услугами или затянуть въ кругъ своихъ идей. Въ лицо — ихъ прельщали любезностью, за глаза—надъ ними смѣялись: это было въ порядкѣ вещей. Но многіе не замѣчали этого: думали, что, посѣщая представителей стараго порядка и запутываясь въ искусно разставленныхъ сѣтяхъ, они лишь увеличиваютъ свое значеніе и пріобрѣтаютъ

обрѣтаютъ уваженіе высшихъ классовъ. Сначала въ ихъ присутствіи отпускаютъ шуточки по адресу революціи. Можно-ли на нихъ сердиться, если ихъ позволяетъ себѣ такая красивая, такая обворожительная женщина? Боязнь не понравиться или показаться смѣшнымъ беретъ верхъ надъ республиканскими взглядами. Отъ издѣвательствъ, которыя мало-по-малу возводятся въ систему, незамѣтно переходятъ къ бо́льшему и открыто выражаютъ презрѣніе къ самымъ учрежденіямъ».

Роялизмъ еще прячется подъ личину реакціи противъ террора. Золоченая молодежь, щеголи и *энкруаябли* («невѣроятные») устраиваютъ *балы жертвъ*, куда допускаются только тѣ, родственники которыхъ были гильотинированы; причесываются *à la victime* (т.-е. на подобіе казнимаго), не разстаются съ дубинами, нападаютъ и бьютъ якобинцевъ въ театрахъ, кофейняхъ, на улицахъ. На ихъ сторонѣ Фреронъ, Баррасъ и Тальенъ. Правда, они еще не осмѣливаются требовать возстановленія королевской власти. Крики *«да здравствуетъ король!»* лишь очень рѣдко раздаются въ толпѣ. Зато кричатъ: *«долой якобинцевъ! долой анархистовъ!»*, поютъ *«Пробужденіе народа»*—если и не роялистскую пѣсню, то во всякомъ случаѣ пѣсню, излюбленную роялистами. *«Публичный обвинитель»* идетъ на расхватъ. Этотъ періодическій памфлетъ Рише де-Серизи порознь нападаетъ на всѣхъ республиканцевъ, но не за то, что они—республиканцы, а за то, что они—убійцы («massacreurs»).

Реакція противъ террора.—Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, конвентъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе отрекался отъ террора. 4 фримера III года (24 ноября 1794 г.) онъ почти единогласно (за исключеніемъ двухъ голосовъ) предалъ суду Каррье. Въ революціонномъ судѣ обвиняемый сначала упорно отрицалъ всѣ приписываемыя ему жестокости, но въ концѣ-концовъ призналъ ихъ справедливость, говоря въ свое оправданіе, что кровавая расправа вандейцевъ съ республиканцами лишила его разсудка. Онъ былъ присужденъ къ смертной казни и гильотинированъ 26 фримера. Происходившій въ то-же самое время процессъ бывшаго публичнаго обвинителя, а нынѣ подсудимаго Фукье-Тенвилля затянулся очень долго. Судебныя пренія, затронувшія массу интересныхъ вопросовъ, дали обильный матеріалъ для исторіи революціоннаго суда; тогда только узнали, какія возмутительныя беззаконія были допущены по дѣлу Дантона. Фукье защищался очень энергично. Онъ то и дѣло повторялъ: «я только повиновался». Осужденный на смерть вмѣстѣ съ 15 соучастниками, судьями и присяжными, онъ былъ гильотинированъ 17 флореаля III г. (6 мая 1795 г.).

Во время этой бѣшеной реакціи противъ террора память Марата не могла вызывать къ себѣ прежняго поклоненія. Съ начала 1795 года была предпринята война противъ изображеній «друга народа». Его бюсты разбивали и на улицахъ, и въ домахъ, и въ общественныхъ учрежденіяхъ. Комитетъ общей безопасности велѣлъ убрать ихъ изъ театровъ, закрылъ маратистскіе клубы Лазовскаго въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо и трехъ сотъ въ Сентъ-Антуанѣ, которые группировали вокругъ себя уцѣлѣвшихъ кордельеровъ и якобинцевъ. Маратъ, который еще такъ недавно въ глазахъ народа олицетворялъ націю, погибшую отъ рукъ роялистовъ, превратился теперь въ кровожаднаго журналиста, истиннаго виновника сентябрьскихъ убійствъ. 20 плувіоза III года (8 февраля 1795 г.) конвентъ постановилъ, что честь покоиться въ Пантеонѣ можетъ быть воздана гражданину не раньше, какъ черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти. На этомъ основаніи останки Марата были увезены изъ Пантеона.

Оффиціальнымъ лозунгомъ конвента въ 1795 году была *«война съ роялистами и террористами»*. Въ дѣйствительности онъ боролся только съ послѣдними. Мало-помалу стали считать террористами всѣхъ республиканцевъ, принимавшихъ участіе въ управленіи страною втеченіе II года, защищавшихъ отечество отъ вторженія иноземцевъ и подготовившихъ славный Базельскій миръ. Закрывая глаза на то, что они содѣйствовали паденію Робеспьера, ихъ обвиняли въ робеспьеризмѣ. Термидоріанцы правой требовали головы своихъ недавнихъ соратниковъ—термидоріанцевъ лѣвой. Доносъ Ле-Куантра противъ бывшихъ членовъ правительственныхъ комитетовъ, только-что отвергнутый конвентомъ, какъ явно клеветническій, былъ подхваченъ гораздо болѣе вліятельными лицами. Была назначена особая коммиссія изъ 21 члена для разслѣдованія ихъ образа дѣйствій. Черезъ по-

средство Саладена она оговорила четверыхъ изъ этой группы республиканцевъ, а именно: Барера, Бильо-Варенна, Коло д'Ербуа и Вадье. Въ жерминалѣ III года конвентъ начинаетъ подготовлять процессъ противъ революціоннаго правительства, т.-е. — къ великой радости роялистовъ — рыть яму самому себѣ. Монтаньяры чувствовали себя въ опасности и защищали прежній комитетъ общественнаго спасенія. Роберъ Ленде и Карно обстоятельно излагали свою роль и участіе въ событіяхъ революціи, чѣмъ оказали громадную услугу будущей исторической наукѣ, но не могли задержать разнузданной реакціи противъ дѣятелей II-го года.

День 12-го жерминаля. — Далеко не весь Парижъ стоялъ за реакцію; въ городѣ оставалось не мало передовыхъ республиканцевъ, бывшихъ дѣятелей 10 августа и 31 мая. Но закрытіе главныхъ клубовъ лишило ихъ возможности общенія, секціи-же получили роялистскую окраску. Къ тому-же уже не политическій, а соціальный вопросъ волновалъ рабочее населеніе предмѣстій. Спекуляція на хлѣбъ искусственно вызвала голодъ и страшную нужду. Бабёфъ уже выступилъ съ проповѣдью своей теоріи о соціальной нивеллировкѣ и общемъ благополучіи. Общественныя отношенія, созданныя учредительнымъ собраніемъ, плохо согласовались съ идеаломъ справедливости, который былъ провозглашенъ декларацiей правъ. Стали поговаривать о необходимости перестроить ихъ съ низу до верха; нарождался соціализмъ; безъ имени и программы, его грозный призракъ уже появлялся на историческомъ горизонтѣ. Крайняя республиканская и роялистская партіи предлагали каждая со своей стороны средства помочь народному бѣдствію и выйти изъ затруднительнаго экономическаго положенія. Роялисты желали, чтобы народъ кричалъ: *хлъба и короля!*», а онъ кричалъ: «*хлъба и конституціи 1793 г.!*», такъ какъ въ силу своей политики бывшіе террористы — якобинцы — внушали народу, что примѣненіе отсроченной конституціи — единственное средство провести въ жизнь соціальную реформу. Когда началось преслѣдованіе бывшихъ монтаньяровъ, они сошлись съ тѣми слоями населенія, нужды и мечты которыхъ нашли себѣ выразителя въ лицѣ Бабёфа; въ Парижѣ возникло движеніе, — скорѣе соціальное, чѣмъ политическое, — которое закончилось жерминальскими и преріальскими событіями; оно было направлено не столько на огражденіе бывшихъ членовъ правительственныхъ комитетовъ, сколько на прекращеніе голодовки.

12-го жерминаля III года (1 апрѣля 1795 г.) въ залу конвента съ шумомъ ворвалась толпа петиціонеровъ, требуя продовольствія, мѣръ противъ роялистовъ и прекращенія гоненій на патріотовъ. Депутаты-монтаньяры стояли, повидимому, на сторонѣ мятежниковъ. Положеніе было крайне опасно; но національная гвардія пришла на помощь конвенту, который поспѣшилъ декретировать немедленную ссылку Барера, Бильо-Варенна, Коло д'Ербуа и Вадье. Въ тотъ-же и слѣдующіе дни были арестованы нѣкоторые другіе члены конвента, между прочимъ Шудіё, Шаль, Леонаръ Бурдонъ, Дюгемъ, Руанъ, Амаръ, Тюріо, Камбонъ, Менье, Левассёръ (отъ Сарты) и даже тотъ самый Лоранъ Ле-Куантръ, который 12 фруктидора первый выступилъ противъ монтаньяровъ, но теперь уже казался слишкомъ рѣшительнымъ республиканцемъ. Парижъ былъ объявленъ на военномъ положеніи; начальникомъ мѣстныхъ войскъ былъ назначенъ Пишегрю. Декретомъ 20 жерминаля воспрещалось носить оружіе «всѣмъ, принимавшимъ участіе въ злодѣяніяхъ, совершенныхъ во времена тираніи до 9 термидора; такимъ образомъ республиканцы, незадолго передъ тѣмъ считавшіеся патріотами, были лишены возможности защищаться, а у мстительныхъ роялистовъ были развязаны руки для легкаго и безнаказаннаго нападенія. 28 жерминаля національная гвардія была передана въ распоряженіе военнаго комитета, который назначилъ ея штабъ. Въ тотъ-же день конвентъ, посягая на основы революціоннаго правительства, отмѣнилъ всѣ статьи декрета 14 фримера II г., относившіеся къ департаментской и дистриктной администраціи; послѣдняя была возстановлена въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ она существовала до федералистскаго движенія, т.-е. съ прежнимъ числомъ членовъ и съ прежней компетенціей. Это была месть жирондистовъ, вліяніе которыхъ росло съ каждымъ днемъ. Наконецъ, декретомъ 14 флореаля III года (5 мая 1795 г.) было постановлено возвратить законнымъ собственникамъ всѣ имущества, конфискованныя по приговорамъ революціонныхъ судовъ послѣ 10 марта 1793 года. Благодаря

отдѣленію церкви отъ государства, это время ознаменовалось также возрожденіемъ католицизма во всѣхъ концахъ Франціи. Правительство уже не ставило преградъ на его пути. Такъ, мало-по-малу, посредствомъ частичныхъ измѣненій, безъ коренныхъ преобразованій, терроръ уступалъ мѣсто новому порядку.

Событія преріаля III года.—12 жерминаля конвентъ обѣщалъ придти на помощь голодающему населенію и озаботиться продовольствіемъ города; но онъ не имѣлъ возможности исполнить это обѣщаніе, и хлѣба попрежнему не было. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Парижа происходили волненія: населеніе грабило хлѣбные обозы, всячески оскорбляло комиссаровъ и даже грозило имъ смертью. Въ Парижѣ щеголи показывали народу прекрасный бѣлый хлѣбъ, говоря: «*хлѣбъ-то депутатскій; такой не всякому полагается*». 29 флореаля на ѣдока выдавали только по 2 унціи хлѣба; на слѣдующій день порція была еще понижена. Въ ночь съ 30 флореаля на 1 преріаля всюду были расклеены воззванія къ общему народному возстанію; въ нихъ требовали: 1) хлѣба, 2) немедленнаго введенія конституціи 1793 года, 3) низложенія правительства и 4) освобожденія заключенныхъ патріотовъ. 1-го преріаля на улицахъ стали скопляться вооруженныя толпы, готовыя повторить 2-е іюня. Грозныя народныя массы, среди которыхъ было множество женщинъ, ворвались въ конвентъ съ криками: «*хлѣба и конституціи 1793 года!*» Комиссаръ Феро былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета; голову его посадили на пику и поднесли президенту — Буасси д'Англа̀, но тотъ не потерялъ присутствія духа и почтительно поклонился ей. Подъ давленіемъ наводнившаго залу народа произошло нѣкоторое подобіе дебатовъ, въ которыхъ приняли участіе монтаньяры; были проведены декреты, вполнѣ отвѣчавшіе требованіямъ парижской черни, и назначена исполнительная комиссія изъ четырехъ членовъ,—Дюкенуа́, Пріёра (отъ Марны), Бурботта и Дю-Руа. Въ концѣ-концовъ конвентъ былъ освобожденъ пришедшими ему на помощь умѣренными и роялистскими секціями, а также вооруженными силами, которыя успѣли собрать комиссары. Дождь разсѣялъ уличныя сборища. Монтаньяры, примкнувшіе къ инсургентамъ, были арестованы и преданы суду.

Однако мятежъ еще не былъ подавленъ. На другой день, 2 преріаля, конвентъ постановилъ произвести опись хлѣбныхъ запасовъ во всѣхъ коммунахъ, съ тѣмъ, чтобы весь остатокъ, который долженъ получиться послѣ вычета количества хлѣба, необходимаго для продовольствія самихъ коммунъ до слѣдующаго урожая, былъ обращенъ на удовлетвореніе нуждъ столицы и арміи. Но Парижъ уже не вѣрилъ обѣщаніямъ конвента и снова поднялся, еще болѣе грозный, чѣмъ наканунѣ. Громадныя массы окружаютъ собраніе. Они захватываютъ генерала Алексиса Дюбуа, котораго конвентъ назначилъ командиромъ кавалеріи, но отсылаютъ его въ комитетъ общественнаго спасенія, чтобы сообщить, что они не сложатъ оружія, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія. Начинаются переговоры, даются обѣщанія, депутацію возставшихъ допускаютъ къ рѣшеткѣ собранія, секціи расходятся съ пѣснями, конвентъ освобожденъ. Всю ночь и слѣдующій день комитеты собираютъ войска, а мятежники укрѣпляются въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. Генералъ Кильмэнъ съ отрядомъ въ 1200 человѣкъ, преимущественно золотой молодежи, пытается-было овладѣть позиціями инсургентовъ, но его отбрасываютъ съ урономъ, вынуждаютъ къ позорному отступленію среди свистковъ и шиканья, и даже не преслѣдуютъ, желая тѣмъ подчеркнуть свое презрѣніе. Между тѣмъ конвентъ собираетъ цѣлую армію и назначаетъ Мену ея начальникомъ; извѣстіе о заключеніи мира съ Голландіей возвышаетъ его въ общественномъ мнѣніи. Угроза бомбардировкой вызываетъ смятеніе въ Сентъ-Антуанѣ, паника охватываетъ предмѣстье, оно сдается, выдаетъ свои пушки и канонировъ. Конвентъ побѣдилъ, благодаря помощи роялистовъ и арміи. Таково было послѣднее народное возстаніе въ Парижѣ.

Реакція, послѣдовавшая за преріальскими днями, была ужасна. Конвентъ отослалъ въ народную коммиссію Рюля, Ромма, Дю-Руа, Гужона, Форестье, Альбитта старшаго, Бурботта, Дюкенуа́, Субрани, Пріёра (отъ Марны) и Пейсара. Альбиттъ и Пріёръ бѣжали; Рюль покончилъ съ собой до начала разбирательства; остальные, будучи приговорены къ смертной казни (этой участи избѣгли только Пейсаръ и Форестье), на пути къ эшафоту покушались на самоубійство посредствомъ ножа, который переходилъ изъ рукъ въ руки; но это удалось только троимъ изъ нихъ—Гужону, Ромму и Дюкенуа; Су-

брани, Дю-Руа и Бурботтъ, не смотря на тяжкія раны, остались живы и были гильотинированы. Такъ погибли республиканцы, извѣстные подъ названіемъ *послѣднихъ монтаньяровъ*.

Конвентъ, охваченный роялизмомъ, дошелъ до того, что приказалъ арестовать не только замѣшанныхъ въ преріальскихъ событіяхъ, но и такихъ безупречныхъ республиканцевъ, какъ Роберъ Ленде и Жанбонъ Сентъ-Андрэ.

Роялистъ Анри Ларивьеръ требовалъ ареста Карно. Собраніе готово было согласиться, когда кто-то закричалъ: «Карно организовалъ побѣду!» Конвентъ смутился и перешелъ къ очереди дня. Карно былъ спасенъ.

Бѣлый терроръ. — Во многихъ мѣстностяхъ Франціи — и особенно на юго-востокѣ — республиканцы, лишенные возможности сопротивляться, сдѣлались жертвами ненависти и мстительности роялистовъ, соединившихся съ умѣренными и образовавшихъ вооруженные отряды подъ названіемъ «обществъ солнца», «обществъ Іисуса», «обществъ Іиуя». Звѣрства и преступленія этихъ бандъ, повергавшія въ ужасъ патріотовъ, получили названіе «*бѣлаго террора*». Былъ изданъ декретъ, прекращавшій проскрипціи и преслѣдованія по обвиненію въ федерализмѣ, и эмигранты 1793 г. стали массами возвращаться на родину. Въ Ліонѣ, послѣ нѣсколькихъ единичныхъ убійствъ, «общество солнца» приступило 16 флореаля III года къ общему истребленію заключенныхъ, слывшихъ за «террористовъ». Тоже было и въ Руанѣ. Привлеченные къ суду, убійцы были оправданы и съ тріумфомъ возвратились въ Ліонъ, гдѣ ихъ, точно побѣдителей, публично увѣнчали въ театрѣ. Въ 1795 г. «бѣлый терроръ» особенно сильно свирѣпствовалъ въ департаментѣ устьевъ Роны, гдѣ въ числѣ вожаковъ были члены конвента Инаръ, Шамбонъ и Кадруа. Тюрьмы города Э были переполнены республиканцами, находившимися въ ожиданіи суда. Опасаясь, какъ-бы судъ не оправдалъ кого-нибудь изъ нихъ, марсельскія «общества солнца» отправились въ Э и съ утонченной жестокостью замучили до смерти всѣхъ заключенныхъ. Вѣсть объ этой рѣзнѣ подняла возстаніе среди тулонскихъ рабочихъ; было рѣшено идти на Марсель. Разжигая и безъ того расходившіяся страсти, Инаръ сталъ травить этотъ трудовой народъ и всѣхъ республиканцевъ. Онъ взывалъ къ роялистамъ: «Если у васъ нѣтъ оружія, отройте кости вашихъ отцовъ и истребите ими всѣхъ этихъ злодѣевъ!» 6-го преріаля въ тарасконскій портъ, гдѣ содержалась масса заключенныхъ, ворвалось отъ двухъ до трехъ сотъ замаскированныхъ; они сбросили несчастныхъ узниковъ съ верха башни въ Рону; отливъ обнажилъ острыя скалы, и трупы застряли между ними; убійцы вонзили въ нихъ кинжалы съ деревянными дощечками, на которыхъ было написано: «*преданіе землѣ воспрещается подъ страхомъ смерти*». Между тѣмъ армія, собранная комиссарами, двинулась на тулонскихъ рабочихъ, обратила ихъ въ бѣгство и произвела страшное избіеніе. Марсельскіе роялисты послѣдовали примѣру тарасконцевъ и перерѣзали всѣхъ республиканцевъ, заключенныхъ въ фортѣ Сенъ-Жанъ (17 преріаля III г.— 5 іюня 1795 г.). Это была какая-то гнусная бойня; озвѣрѣлые палачи не знали жалости. Кое-кто изъ убійцъ былъ захваченъ, но Кадруа велѣлъ ихъ освободить. Таковъ былъ «бѣлый терроръ»; въ свое оправданіе онъ не могъ, подобно «красному», ссылаться на порывъ патріотизма.

Роялистская партія. — Роялистская партія, какъ мы видѣли, отомстила за себя бѣлымъ терроромъ, но она не въ силахъ была снова подчинить себѣ Францію. Несмотря на то, что конвентъ безразсудно обезоружилъ и предалъ республиканцевъ въ руки роялистовъ, республика осталась непоколебленной, такъ какъ именно ей Франція была обязана организаціей національной обороны, заключеніемъ мира съ Пруссіей, расширеніемъ границъ и собственнымъ спасеніемъ. Чуть не на половину перерѣзанный, оскорбляемый на каждомъ шагу, конвентъ на закатѣ своихъ дней былъ покрытъ славой такихъ военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ, какъ побѣда генерала Монсэ, миръ съ Испаніей, миръ съ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ и окончательное присоединеніе Бельгіи.

Реакція была безсильна разрушить престижъ правительства, стяжавшаго такіе лавры. Между тѣмъ во главѣ роялистовъ сталъ, наконецъ, король. Послѣ смерти Людовика XVII (въ Тамплѣ, 20 преріаля III года) графъ Прованскій, жившій въ Веронѣ, немедленно сталъ именоваться Людовикомъ XVIII. Первые его шаги на новомъ по-

прищѣ не расположили въ его пользу общественнаго мнѣнія. Провозгласивъ себя королемъ Франціи и Наварры, онъ издалъ манифестъ, въ которомъ заявлялъ о своемъ намѣреніи возстановить старый порядокъ. Не было болѣе вѣрнаго способа оттолкнуть отъ себя націю. Тщетно изощрялись и интриговали его парижскіе агенты: Франція не откликалась на его призывы. Мы уже упоминали о неудачѣ, постигшей роялистскихъ эмигрантовъ при Киберонѣ.

Вотированіе конституціи III года; день 13-го вандемьера IV г.—Крайніе республиканцы требовали — какъ уже сказано — примѣненія демократической конституціи 1793 года. Конвентъ не сразу рѣшился отмѣнить ее и предварительно поручилъ особой комиссіи разработать ея «органическіе законы». Послѣ подавленія преріальскаго возстанія, конституція 1793 г. была замѣнена новой, извѣстной подъ названіемъ конституціи III года; ее обсуждали и вотировали втеченіе шести недѣль, съ 19-го мессидора по 30-е термидора. Опасаясь, какъ-бы роялисты не наводнили новаго законодательнаго корпуса, что̀ представлялось особенно опаснымъ въ виду неоконченной еще войны съ Англіей и Австріей, — конвентъ рѣшилъ продолжить свое существованіе и постановилъ (5 фруктидора III года), что въ новыя законодательныя собранія должно быть избрано по крайней мѣрѣ двѣ трети изъ числа членовъ конвента. Боясь, что его не послушаются, онъ кромѣ того декретировалъ (13 фруктидора), что въ случаѣ надобности «это число будетъ пополнено по его собственному выбору изъ своей среды». Противъ «декрета о двухъ третяхъ» сразу посыпался цѣлый градъ угрожающихъ петицій; роялисты открыто принялись за организацію среди парижскихъ секцій возстанія въ пользу «верховнаго народа», который они противопоставляли конвенту. Секція Лепелетье, называвшаяся раньше по имени женскаго монастыря Сенъ-Тома́ (Filles St. Thomas) и всегда отличавшаяся роялизмомъ, собравшись 20-го фруктидора III года на первичное собраніе для вотированія конституціи, составила «актъ гарантіи», въ которомъ проводилась та мысль, что полномочія всякаго учредительнаго корпуса (а слѣдовательно и конвента) прекращаются, какъ только въ дѣло вступается самъ народъ. Къ Лепелетье примкнули почти всѣ секціи и, составивъ коалицію, рѣшили образовать *центральный комитетъ*. Конвентъ воспротивился этому въ особомъ постановленіи. Но секціи отмѣнили его отъ имени верховнаго народа. Конвентъ долженъ былъ смолчать: онъ выжидалъ результатовъ плебисцита по вопросу о конституціи; они были объявлены 1-го вандемьера IV года. За конституцію высказалось 914.853 голоса, противъ нея—41.892. Что-же касается декрета о «двухъ третяхъ», подвергнутаго особому голосованію, то онъ былъ принятъ 167.758-ью голосами противъ 95.873; очевидно, что подавляющее большинство уклонилось отъ подачи голоса по второму вопросу. Агитація роялистовъ сдѣлалась ожесточенной. 1-го вандемьера конвентъ объявилъ, что 20-го числа того же мѣсяца должны состояться первичныя собранія, имѣющія конечной цѣлью сформированіе законодательнаго корпуса; въ отвѣтъ на это секція Лепелетье предложила избирателямъ нарушить это постановленіе и собраться на слѣдующій-же день въ зданіи Французскаго Театра. Сходка была разсѣяна безъ труда, но нельзя было закрывать глаза на опасность, которую представляли роялисты, составившіе обширный, прекрасно организованный заговоръ. Въ самомъ Парижѣ и его окрестностяхъ было расклеено воззваніе: «французскій народъ, вернись къ своей вѣрѣ и своему королю,—тебѣ будетъ дарованъ миръ и хлѣбъ». Только послѣ этого конвентъ обратился за помощью къ республиканцамъ, выдалъ оружіе патріотамъ 1789 года и приказалъ генералу Мену захватить вожаковъ мятежной секціи. Но Мену ограничился одними обѣщаніями и далъ возможность инсургентамъ составить настоящую армію подъ начальствомъ генерала Даникана (12 вандемьера). Баррасъ, назначенный вмѣсто Мену главнокомандующимъ внутренней арміи, взялъ себѣ ближайшимъ помощникомъ Наполеона Бонапарта. Противъ 20-тысячной мятежной арміи конвентъ могъ выставить только 5.000 человѣкъ (13-го вандемьера). Впослѣдствіи разсказывали, будто роялисты потерпѣли страшный уронъ отъ артиллеріи Бонапарта на ступеняхъ Сенъ-Роша. На самомъ-же дѣлѣ у конвентскихъ войскъ было только одно орудіе, да и то чуть было не отбили роялисты, и Бонапартъ, повидимому, даже не занималъ этой позиціи. Къ тому-же число убитыхъ со стороны роялистовъ врядъ ли превосходило 200 человѣкъ. Но нельзя отрицать,

что именно военныя дарованія Наполеона и рвеніе Барраса дали въ концѣ концовъ перевѣсъ конвентскимъ войскамъ. На слѣдующій день, 14 вандемьера, Парижъ снова вошелъ въ обычную колею; театры были переполнены. Конвентъ проявилъ большую снисходительность къ побѣжденнымъ: для суда надъ ними было учреждено три военныхъ совѣта, но было произнесено лишь два смертныхъ приговора.

Послѣднія постановленія національнаго конвента. — Въ послѣдніе дни своей дѣятельности, посвященные вопросамъ народнаго просвѣщенія, конвентъ снова проявилъ свою былую революціонную энергію, принявъ мѣры предосторожности противъ роялистовъ, и въ то-же время цѣлымъ рядомъ декретовъ попытался предупредить на будущее время гоненія противъ бывшихъ террористовъ. 29 вандемьера IV года онъ отдалъ приказъ о преслѣдованіи обществъ «солнца» или «Іиуя». 3 брюмера онъ отставилъ отъ общественныхъ, законодательныхъ, административныхъ, муниципальныхъ и судебныхъ должностей всѣхъ родственниковъ эмигрантовъ, а также лицъ, принимавшихъ то или иное участіе въ мятежахъ, т.-е. всѣхъ, проявившихъ свои роялистскія симпатіи. Тѣмъ-же декретомъ возстановлялись террористическіе законы противъ священниковъ. Всѣмъ французамъ, «которые не желаютъ повиноваться республиканскимъ законамъ», конвентъ разрѣшилъ покинуть Францію въ трехмѣсячный срокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ ихъ права возвращаться на родину. 4 брюмера онъ объявилъ отмѣну смертной казни послѣ общаго замиренія страны и амнистію по всѣмъ дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ революціи; изъ амнистіи были исключены только участники вандемьерскаго заговора, сосланные или подлежащіе ссылкѣ священники, поддѣлыватели ассигнацій и эмигранты. Въ тотъ же день (26 октября 1795 года) онъ объявилъ свои засѣданія закрытыми и разошелся при громкихъ кликахъ: «*да здравствуетъ республика!*»

Въ настоящей главѣ мы изложили только одну сторону въ дѣятельности конвента. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого національнаго собранія въ исторіи Франціи, нужно привести все выше изложенное въ связь съ ходомъ военныхъ дѣйствій и дипломатическихъ сношеній, съ попытками упорядочить внутреннія отношенія изданіемъ гражданскихъ и соціальныхъ законовъ, необходимо вспомнить труды по составленію гражданскаго уложенія, по улучшенію финансовъ, по народному образованію и проч. Въ слѣдующихъ главахъ читатель найдетъ данныя, на основаніи которыхъ можно составить себѣ всестороннее сужденіе о дѣятельности конвента.

Глава V.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТЪ. ДИПЛОМАТІЯ И ВОЙНЫ (1792—1795 ГГ.).

I. Продолженіе жирондистской войны (сентябрь 1792 г.— январь 1793 г.).

Внутренняя связь между событіями военной и гражданской исторіи. Отношенія національнаго конвента къ Франціи такъ тѣсно связаны съ военными дѣйствіями, что нельзя разсматривать одинъ рядъ этихъ явленій независимо отъ другого. Конвентъ продолжалъ войну, начатую законодательнымъ собраніемъ, проявивъ при этомъ поистинѣ дикую энергію. Страна поручила ему, во что бы то ни стало, спасти національную независимость, и—волей-неволей—ему пришлось сосредоточить все свое вниманіе на внѣшней оборонѣ. Вся Франція, по словамъ Барера, находилась въ осадномъ положеніи; и въ Парижѣ, и въ провинціи примѣнялись со всей строгостью военные законы. Бурный потокъ жизни несся изъ комитета общественнаго спасенія къ окраинамъ и возвращался обратно къ своему центру. Всякая вѣсть объ успѣхѣ или неуспѣхѣ нашихъ славныхъ войскъ оказывала рѣшающее вліяніе на внутреннюю политику. Непріятель на французской территоріи!—и повсюду воздвигаются эшафоты, военный кодексъ караетъ смертью всякое ослушаніе, каждый гражданинъ становится солдатомъ, масса безпрекословно повинуется своимъ руководителямъ. Пораженіе при Неервинденѣ влечетъ за собой гибель жирондистовъ; измѣна Дюмурье стоитъ жизни неудачникамъ - генераламъ, которымъ не хотятъ дать времени, чтобы они стали предателями. Непріятель отброшенъ за границу!—и эшафотъ начинаетъ внушать отвращеніе. Побѣда при Флерюсѣ ведетъ къ паденію Робеспьера и окончанію террора.—Дѣятелей конвента нельзя мѣрить обыкновеннымъ аршиномъ. Въ ихъ поступкахъ напрасно было-бы искать отвлеченной справедливости и спокойной разсудительности. Франція ввѣрила имъ свою участь, и они спасли ее отъ гибели, «подобно природѣ, которая сохраняетъ видъ,жертвуя особями».

Послѣдствія учрежденія республики. На другой день послѣ сраженія при Вальми, конвентъ уничтожилъ королевскую власть и провозгласилъ республиканскій образъ правленія. Самое слово «республика» не могло быть пугаломъ для европейскихъ правителей. Втеченіе многихъ вѣковъ они поддерживали сношенія съ венеціанской и генуэзской республикой, а также съ швейцарскими кантонами; Мазарини дружилъ съ англійской республикой временъ Кромвеля, а Людовикъ XVI—съ Соединенными Штатами. Но въ данномъ случаѣ было нѣчто большее: Франція только-что свергла абсолютнаго монарха, и народъ захватилъ верховную власть въ свои руки. Такая республика была отдѣлена непроходимой пропастью отъ монархическихъ государствъ Европы. Соглашеніе съ коалиціей стало невозможнымъ. Началась принципіальная вой-

на противъ самаго строя, которая могла кончиться либо полнымъ униженіемъ Франціи, либо тріумфомъ революціи.

Политика Дюмурье; переговоры съ Пруссіей. Разбитые при Вальми, пруссаки вынуждены были пріостановить свое движеніе на Парижъ. Надѣясь отвлечь Пруссію отъ союза съ Австріей, Дюмурье искусно завязалъ переговоры съ непріятелемъ, которые могли быть ему только на руку, такъ какъ во всякомъ случаѣ должны были затянуть военныя дѣйствія. Дантонъ, повидимому, сочувствовалъ этому плану. По молчаливому соглашенію, обѣ стороны прекратили враждебныя отношенія. Генералъ Манштейнъ явился во французскій лагерь, а Тувено, начальникъ главнаго штаба Дюмурье, отдалъ визитъ герцогу Брауншвейгскому. Переговоры были однако безплодны и только дали Дюмурье возможность получить необходимыя подкрѣпленія. Численность его войскъ поднялась такимъ образомъ до 70.000 человѣкъ. Онъ хотѣлъ тревожить непріятеля мелкими стычками и отрѣзать его обозы. Въ дѣйствительности ему пришлось только проводить его до границы. Страшные ливни совершенно размыли почву, покрыли ее сплошнымъ слоемъ грязи и парализовали кавалерію. Кровавый поносъ произвелъ въ прусской арміи колоссальныя опустошенія. Подкрѣпленія, которыхъ поджидали изъ Германіи, не приходили. Французскіе крестьяне, взбѣшенные угрозами эмигрантовъ сжечь ихъ деревни, бѣжали при ихъ приближеніи, пряча или истребляя свои припасы. Въ довершеніе несчастій, войска голодали. Славная армія Фридриха II представляла изъ себя «ходячій госпиталь, едва волочащій ноги» (Гёте). «Они наги и умираютъ отъ голода», писалъ республиканскій генералъ. Прусскіе военачальники поняли необходимость внушить французамъ, будто они въ самомъ дѣлѣ желаютъ мира. Иначе они не разсчитывали избѣжать гибельной аттаки. Что касается Дюмурье, то онъ не хотѣлъ доводить прусскую армію до отчаянія, считая ее страшной въ самомъ несчастіи. 12 октября 1792 года прусскій офицеръ Калькрейтъ сдалъ Верденъ генералу Диллону; десять дней спустя пруссаки перешли обратно черезъ границу.

Идея естественныхъ границъ. Вздохнули свободно не въ одной Франціи. Волненіе охватило всѣ сосѣдніе народы. Французы добились свободы и равенства: они проповѣдывали всеобщее братство; не помогутъ-ли они порабощеннымъ народамъ освободиться отъ тирановъ? Далеко за предѣлами Франціи толковали о «правахъ человѣка», притомъ съ тѣмъ-же энтузіазмомъ, какъ въ самомъ Парижѣ. Уже въ 1790 году бельгійцы, возставъ противъ австрійскаго владычества, составили *«актъ федераціи соединенныхъ штатовъ Бельгіи»*. Нѣмецкіе патріоты стекались въ Страсбургъ и, взывая къ великодушію Франціи, просили въ газетахъ о помощи противъ притѣснителей германскаго народа. Въ Ліонѣ савояры составили отрядъ національной гвардіи подъ названіемъ «легіона аллоброговъ»; они носили трехцвѣтную кокарду и принимали дѣятельное участіе во всѣхъ нашихъ патріотическихъ празднествахъ. Казалось, обстоятельства, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали, чтобы французы воспользовались настроеніемъ сосѣдей и пошли навстрѣчу взрывамъ одушевленія. Можно было разсчитывать, что Франція безъ особеннаго усилія расширитъ свои границы до предѣловъ древней Галліи — Рейна и Альпъ. На это надѣялись жирондисты, къ этому стремились Дантонъ и вѣрное орудіе его политики, министръ иностранныхъ дѣлъ — Лебрёнъ.

Завоеваніе Савойи и Ниццы. Искушеніе было слишкомъ сильно. Войска были двинуты разомъ во всѣ стороны. На первыхъ порахъ замыслы французскихъ патріотовъ повсюду увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. 21 сентября 1792 г. Монтескью вступилъ въ Савойю съ 1800 человѣкъ. Сардинскія войска отступили, не попытавшись даже оказать сопротивленіе. Населеніе сбѣгалось навстрѣчу нашимъ войскамъ, браталось съ солдатами, распѣвало «Марсельезу» и восторженно привѣтствовало трехцвѣтное знамя; посреди каждой деревушки торжественно сажали дерево свободы. «Это было не завоеваніе, а порывъ взаимнаго братскаго чувства. Послѣ долгой разлуки обнимались два любящихъ брата: такова суть этого простого и великаго историческаго момента» (Мишле). Синдикъ Мансоръ самъ отдалъ Монтескью ключи Шамбери, говоря: «мы не завоеванный, а освобожденный народъ». Монтескью обезпечилъ неприкосновенность личности и имущества, сохраненіе законовъ и религіи. Онъ провозгласилъ, что *народъ аллоброговъ* самъ

опредѣлитъ свою дальнѣйшую судьбу. «Походъ моей арміи, писалъ онъ съ полнымъ правомъ военному министру, превратился въ тріумфальное шествіе. Поселяне и горожане идутъ намъ навстрѣчу.... я слышалъ, какъ здѣсь поговариваютъ объ образованіи 84-го департамента или особой республики подъ протекторатомъ Франціи».

Савойскій плебисцитъ. 14 октября состоялись выборы депутатовъ въ «верховное національное собраніе аллоброговъ». Присоединеніе къ Франціи было торжественно объявлено въ каѳедральномъ соборѣ Шамбери. Врачъ Доппэ предсталъ предъ конвентомъ, чтобы передать ему о желаніи своихъ согражданъ. Впослѣдствіи онъ командовалъ республиканскими войсками подъ стѣнами Ліона и на пиренейской границѣ. Его примѣръ доказываетъ, что конвентъ хотѣлъ пріобрѣсти для Франціи не подданныхъ, а новыхъ согражданъ.

Что касается Ниццы, то ея присоединеніе совершилось съ такою-же легкостью. Правда, выборъ командующаго оккупаціонной арміей не былъ такъ удаченъ. Анзельмъ, бравый солдатъ и ярый пропагандистъ освободительныхъ идей, далеко не обладалъ той твердостью, которая была присуща Монтескью. 28 сентября онъ безпрепятственно вошелъ въ Ниццу, но не съумѣлъ сдержать солдатъ и предупредить грабежи. Его химерическія мечты о распространеніи революціи на всю Италію и покореніи Сардиніи были осуществлены только впослѣдствіи. — Несмотря на то, что образъ дѣйствій французовъ отнюдь не напоминалъ освободителей, жители Ниццы потребовали присоединенія къ Франціи, ихъ исконному отечеству, «отъ котораго они никогда не должны были-бы быть отдѣлены».

Состояніе прирейнскихъ провинцій. На Рейнѣ декларація правъ, «подобно іерихонской трубѣ», разрушила крѣпостныя стѣны. Давно уже народы, населявшіе этотъ край, находились въ неопредѣленномъ положеніи, тяготѣя то къ Германіи, то къ Франціи. Три духовныхъ курфюрста пользовались большимъ вліяніемъ въ нѣмецкомъ сеймѣ, но въ то-же время были на содержаніи у французскихъ королей и, по большей части, служили послушнымъ орудіемъ ихъ политики. Не мудрено поэтому, что эмигрантовъ они встрѣтили съ распростертыми объятіями. Архіепископъ кёльнскій Максимиліанъ-Францъ, одинъ изъ многихъ дѣтей Маріи-Терезіи, прозванный во Франціи австрійскимъ *архискотомъ (archibête)*, сдерживалъ порывы эмигрантовъ, но сдерживалъ только для формы, изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ и мщеніе конвента. Климентъ-Венцеславъ, архіепископъ трирскій, напротивъ того, пригрѣлъ ихъ, какъ нѣкогда Людовикъ XIV—Якова II-го. Кобленцъ превратился въ маленькій Версаль. Курфюрстъ майнцскій, Фридрихъ-Карлъ фонъ-Эрталь, предоставилъ въ ихъ распоряженіе свои дворцы и войска и допускалъ съ ихъ стороны крайне вызывающій образъ дѣйствій: они точили свои шпаги подъ самыми окнами французскаго уполномоченнаго. По словамъ Форстера, «это былъ укусъ мухи колоссу свободы». Епископъ шпейерскій, наименѣе могущественный изъ всѣхъ, принадлежалъ къ числу отъявленныхъ враговъ Франціи и энергичнѣе другихъ ратовалъ противъ конвента. Курфюрстъ пфальцскій и герцогъ цвейбрюкенскій щадили самолюбіе новаго французскаго правительства и старались не подавать ни малѣйшаго повода для вторженія нашихъ войскъ.

Во главѣ эльзасской арміи стоялъ бывшій герцогъ де-Лозёнъ, обворожительный Биронъ. Безстрашный воинъ, опытный стратегъ, онъ отличался однако безпечностью и нерѣшительностью; разсѣянная свѣтская жизнь, множество любовныхъ приключеній изнѣжили его характеръ и лишили былой предпріимчивости. Слава, которая могла бы покрыть его имя, еслибы онъ не откладывалъ побѣдоноснаго похода, въ дѣйствительности выпала на долю его помощника Кюстина. Это былъ тоже человѣкъ стараго порядка, примкнувшій къ революціи. Но его карьера не походила на прошлое Лозёна. Будучи зачисленъ въ лейтенанты съ 7-лѣтняго возраста, онъ получилъ боевое крещеніе во время Семилѣтней войны и борьбы за освобожденіе Сѣверной Америки. Въ качествѣ депутата отъ мецскаго дворянства онъ заявилъ себя ярымъ сторонникомъ реформъ. Воинственный видъ, грубыя и фамильярныя манеры сдѣлали его популярнымъ среди солдатъ, которые прозвали его *«усатымъ генераломъ» (général moustache)*. Суровый съ офицеромъ, мягкій и снисходительный къ рядовому, онъ гордился похвалами Морица Саксонскаго, Фридриха II-го и Вашингтона. Разглагольствуя безъ конца, онъ считалъ себя годнымъ на все,—для роли военачальника и

оратора, дипломата и финансиста, республиканскаго дѣятеля и цезаря. Онъ былъ незамѣнимъ для рискованныхъ предпріятій, обладалъ рѣдкой неустрашимостью, удаль его не знала никакихъ преградъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ фанфаронъ, любившій подставить ножку своимъ товарищамъ и свалить на нихъ свои собственные промахи.

Кюстинъ на Рейнѣ. Назначенный командиромъ вогезской арміи, Кюстинъ предложилъ запастись провіантомъ въ Шпейерѣ, обязываясь «не останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе народа» и сгладить воспоминанія о прежнихъ опустошеніяхъ Пфальца. 30 сентября французы вступили въ Шпейеръ, 5 октября—въ Филиппсбургъ и Вормсъ. Въ особомъ приказѣ по войскамъ, изданномъ передъ началомъ похода, генералъ требовалъ отъ своихъ солдатъ уваженія къ собственности и личной неприкосновенности мирныхъ гражданъ. «Сражаясь за свободу, французъ въ одной рукѣ держитъ символъ мира, въ другой—оружіе, которымъ поражаетъ притѣснителей народа; пусть подъ нашими ударами падутъ только защитники рабства!» Когда, тѣмъ не менѣе, произошло нѣсколько грабежей въ Шпейерѣ, Кюстинъ приказалъ разстрѣлять одного офицера и двоихъ солдатъ, виновныхъ въ похищеніи серебра, и совершить эту казнь въ ихъ собственномъ батальонѣ. Это произвело прекрасное впечатлѣніе на мѣстныхъ обывателей: они прославляли французовъ за рыцарскій образъ дѣйствій и хвалили, что тѣ аккуратно расплачивались за все пріобрѣтаемое. Имущества курфюрста, дворянства и духовенства были обложены крупными платежами, зато бѣдняки не только были освобождены отъ всякихъ поборовъ, но даже получали субсидію отъ Кюстина. «Мы боремся, говорилъ онъ, не противъ народовъ, а противъ тѣхъ, кто захватилъ власть надъ ними; контрибуція должна лечь всей своей тяжестью на однихъ правителей».

Великодушныя мечты жирондистовъ объ освобожденіи народовъ при помощи французскаго оружія, повидимому, нашли въ лицѣ Кюстина горячаго приверженца, прилагавшаго всѣ свои усилія для ихъ практическаго осуществленія. Онъ былъ какъ-бы воплощеніемъ новой Франціи. Майнцскіе мыслители и ученые призывали его въ свой городъ. При его штабѣ находились уже юристъ Бёмеръ и врачъ Ведекинъ. Инженеръ Эккемейеръ, математикъ Меттернихъ, швейцарскій историкъ Іоганнъ фонъ-Мюллеръ и знаменитый ученый Георгъ Форстеръ горячо ратовали за французовъ. Курфюрстъ бѣжалъ въ Вюрцбургъ. За нимъ послѣдовали,—кто какъ могъ,—всѣ, которые должны были опасаться приближенія нашихъ войскъ,—монахи, дворянство и эмигранты. Въ Майнцѣ остался лишь незначительный гарнизонъ. «Усатый» генералъ появился на Рейнѣ съ цѣлой флотиліей судовъ. Во главѣ шла артиллерія, потомъ—остальныя войска. Можно было подумать, что въ его распоряженіи находится 30.000-ная армія. Майнцъ сдался по первому требованію (21 октября); гарнизону было дозволено удалиться съ воинскими почестями. Кюстинъ объявилъ жителямъ, что они вольны выбрать себѣ правительство по своему собственному усмотрѣнію. Всѣ были въ восторгѣ. Франкфуртъ встрѣтилъ французовъ съ раскрытыми воротами. Повсюду былъ распространенъ «*Призывъ къ угнетенной Германіи*». Кюстинъ возвѣщалъ, что онъ будетъ бороться только съ деспотами и привилегированными. Онъ звалъ нѣмецкихъ солдатъ подъ французскія знамена: скоро воцарятся братство и свобода. Банкиры и дворяне Франкфурта должны были уплатить контрибуцію въ два милліона флориновъ. Народъ ликовалъ. Была недовольна только аристократія. Кюстинъ выполнялъ программу, намѣченную конвентомъ.

Майнцскій конвентъ. Вскорѣ управленіе Майнцемъ было поручено исполнительному совѣту изъ десяти членовъ подъ предсѣдательствомъ Дорша, бывшаго капеллана курфюрста. «*Майнцская Газета*» ратовала за свободу. Статьи ея очень напоминали наиболѣе распространенныя парижскія изданія. Что касается массы майнцскаго населенія, то, отученная слащавымъ абсолютизмомъ своихъ прелатовъ отъ всякой самодѣятельности, она была безучастнымъ зрителемъ совершавшагося переворота, сожалѣла о пышномъ дворѣ курфюрста и экономическомъ оживленіи, вызванномъ наплывомъ эмигрантовъ; она не понимала ни идей, ни языка тѣхъ «матадоровъ», которые руководили журналами и клубомъ. Французы нравились нѣмецкой толпѣ своимъ добродушіемъ, живостью, учтивостью, въ особенности—своей удивительной дисциплиной. Жители Майнца не доросли еще до

общегерманскаго патріотизма. Потокъ новыхъ идей, шедшихъ изъ Франціи и мало по малу проникавшій въ сознаніе общества, казалось, благопріятствовалъ ихъ самостоятельности. 24 февраля 1793 г. въ Майнцѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ и ихъ окрестностяхъ состоялись общіе выборы въ національный конвентъ, который долженъ былъ рѣшить дальнѣйшую судьбу края, занятаго французами. «Присоединяйтесь къ Франціи, говорилъ Форстеръ, къ могущественной націи въ 25 милліоновъ человѣкъ; она низвергнетъ троны, какъ карточные домики, и разстроитъ козни деспотовъ. Проснитесь послѣ долгой спячки! Вдохновитесь мужествомъ и станьте свободными германцами, братьями и друзьями французовъ». 17 марта 1793 г. въ Майнцѣ собрался «національный рейнско-германскій конвентъ». На другой день, подъ вліяніемъ Форстера, онъ провозгласилъ присоединеніе къ Франціи всей мѣстности между р.р. Кейхъ и Наэ, отъ Ландау до Бингена. Трое уполномоченныхъ представителей, — Форстеръ, Луксъ и Патоцкій, — въ сопровожденіи французскаго коммиссара Гауссемана, должны были отправиться въ Парижъ и сообщить конвенту о состоявшемся рѣшеніи. Собраніе встрѣтило ихъ съ энтузіазмомъ (30 марта). Введенный въ клубъ якобинцевъ, Форстеръ заявилъ, что Рейнъ—естественная граница Франціи. «Разъ вызванный образъ Рейна не былъ забытъ и впослѣдствіи» (А. Сорель).

Дюмурье въ Бельгіи. Завоеваніе Бельгіи произошло такъ-же быстро, но съ бóльшимъ блескомъ. Благодаря Жемапшу, слава Дюмурье затмила успѣхи Кюстина. Между тѣмъ какъ пруссаки вторгались въ Шампань, австрійцы осадили Лилль. Не будучи въ силахъ съ войскомъ всего въ 15.000 человѣкъ обложить его со всѣхъ сторонъ, герцогъ Саксенъ-Тешенскій подвергъ его жесточайшей бомбардировкѣ. Съ 29 сентября на 5-е октября 50 пушекъ и 12 мортиръ выпустили противъ несчастнаго города болѣе 60.000 раскаленныхъ ядеръ. Пало около 2.000 жертвъ, нѣсколько кварталовъ сгорѣло. Никто не выказалъ слабости. Капитанъ Овиньёръ, узнавъ, что его жена мучается родами, а домъ горитъ, не двинулся съ мѣста: «я останусь на своемъ посту, воскликнулъ онъ, на огонь будемъ отвѣчать огнемъ!» Цирюльникъ Массъ схватилъ осколокъ бомбы и при помощи его посреди цѣлаго града ядеръ обрилъ 14 человѣкъ. Генералъ-майоръ Рюо гордо отвѣчалъ на требованіе сдаться: «гарнизонъ, которымъ имѣю честь командовать, и я рѣшили скорѣе похоронить себя подъ этими развалинами, чѣмъ сдаться нашимъ врагамъ». Къ счастью, подошли подкрѣпленія. Приближалась армія Дюмурье. 7 октября австрійцы сняли осаду.

Какъ всѣ дипломаты стараго покроя, Дюмурье считалъ Австрію непримиримымъ врагомъ Франціи. Онъ далъ уйти пруссакамъ послѣ сраженія при Вальми исключительно потому, что щадилъ свои войска ради предстоявшей борьбы съ Австріей. Онъ враждебно отнесся къ предпріятію Кюстина, такъ какъ оно могло парализовать его собственные замыслы относительно Бельгіи. Конвентъ, опасаясь чрезмѣрной популярности этого полководца, далъ согласіе на оба похода, чтобы впослѣдствіи, въ случаѣ надобности, имѣть возможность противопоставить одному побѣдителю другого.

Жемаппъ. — Дружески распростившись съ Дантономъ въ собраніи якобинцевъ, Дюмурье отправился въ Бельгію, населеніе которой было уже подготовлено къ революціи. Дюмурье двинулся отъ Валансьенна къ Монсу съ 40.000 человѣкъ. Слѣва отъ него шелъ Ла-Бурдоннэ, 18.000 солдатъ котораго должны были дѣйствовать въ приморской Фландріи. Правый флангъ состоялъ изъ 20.000 подъ начальствомъ Валанса; они должны были спуститься по Самбрѣ къ Намюру. Герцогъ Саксенъ-Тешенскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 20.000 человѣкъ, сосредоточенныхъ въ окрестностяхъ Монса, но на его сторонѣ была очень выгодная боевая позиція, укрѣпленная четырнадцатью редутами и чрезвычайно сильной артиллеріей. 6 ноября 1792 года завязался ожесточенный бой. Какъ и при Вальми, онъ начался трехчасовой канонадой. На лѣвомъ крылѣ старый генералъ Ферранъ проявилъ нѣкоторую слабость при атакѣ деревни Кареньонъ. Неустрашимый Тувено, необыкновенно искусный начальникъ главнаго штаба арміи, загладилъ сдѣланный промахъ. Въ центрѣ, гдѣ находился Жемаппъ, генералъ Клерфэ разстроилъ было французскіе ряды, но юный герцогъ Шартрскій собралъ бѣгущихъ, составилъ изъ нихъ громадную колонну, свой «*монсскій батальонъ*», и стремительно ударилъ на врага. На правомъ крылѣ Бёрнонвиль и Дампьеръ упорно вы-

бивали австрійцевъ изъ позицій. Подъ губительнымъ дѣйствіемъ картечи французы не разъ падали духомъ, но Дюмурье поспѣвалъ всюду, воодушевлялъ всѣхъ своимъ присутствіемъ, увлекалъ солдатъ, «своихъ ребятъ», пѣньемъ «Марсельезы». «Что за народъ! восклицалъ онъ. Какъ счастливъ я, командуя такими молодцами и ведя ихъ къ побѣдѣ!» Таково было это сраженіе при Жемаппѣ или подъ Монсомъ, успѣхомъ котораго Франція обязана, кромѣ самого Дюмурье, мужеству и хладнокровію Тувено, герцога Шартрскаго и Дампьера.

Подобно осадѣ Лилля, блестящая побѣда при Жемаппѣ вскорѣ сдѣлалась достояніемъ эпической легенды, изукрасившей ее множествомъ героическихъ подробностей. Но и исторія отмѣтила не мало чертъ, свидѣтельствующихъ о необычайномъ подъемѣ духа. Старикъ Бенуа наканунѣ сраженія пріѣхалъ изъ Парижа, чтобы занять мѣсто своего сына-дезертира. Слуга Дюмурье—храбрый Батистъ Ренаръ остановилъ цѣлую бригаду, позорно бѣжавшую отъ непріятеля, и въ самую горячую минуту заставилъ ее снова принять участіе въ боѣ; въ видѣ награды онъ просилъ разрѣшенія носить національный мундиръ; онъ былъ назначенъ капитаномъ. Седанецъ Ла-Бретешъ, убившій семерыхъ непріятельскихъ драгуновъ и спасшій Бёрнонвилля, былъ увѣнчанъ листьями дуба и получилъ почетную саблю. Двѣ сестры Ферингъ слѣдовали за главнымъ штабомъ Дюмурье и подавали примѣръ патріотизма и истиннаго мужества. Переходя изъ устъ въ уста, всѣ эти подвиги принимали колоссальные размѣры и возбуждали неописуемый энтузіазмъ во всѣхъ концахъ Франціи.

Побѣда при Жемаппѣ была одержана противъ всякихъ правилъ; тѣмъ не менѣе она повлекла за собою въ высшей степени важныя послѣдствія. Какъ во времена великаго Конде, Бельгія ждала «только призыва, чтобы сдаться». Дюмурье обѣщалъ освободить ее, а не покорить. Надѣясь на свободу, населеніе само открывало ворота городовъ передъ французскими войсками. 7 ноября Дюмурье вступаетъ въ Монсъ. Встрѣчающая его толпа восторженно кричитъ: «да здравствуетъ республика! да здравствуетъ свобода!» Послѣ стычки при Андерлехтѣ сдается Брюссель (13 ноября), затѣмъ—Мехельнъ. Въ Люттихѣ Дюмурье помѣстился во дворцѣ архіепископа. Валансъ взялъ Намюръ, благодаря находчивости и храбрости своего лейтенанта Ле-Венёра, который, приставивъ шпагу къ горлу непріятельскаго генерала, принудилъ его свести себя въ минныя камеры и самъ затушилъ фитили. Ла-Бурдонэ, овладѣвъ всей приморской Фландріей, расположилъ свою главную квартиру въ Гентѣ. Реквизиціи, наложенныя имъ на занятый край, вызвали неудовольствіе и жалобы со стороны бельгійцевъ. Миранда, венецуэльскій волонтеръ, бывшій соратникъ Лафайета въ Америкѣ и Потемкина въ Крыму, замѣстилъ Ла-Бурдоннэ и заставилъ сдаться гарнизонъ Антверпена. Шельда была открыта для торговли. Клерфэ сталъ медленно отступать черезъ разоренный Люксембургъ. Вся Бельгія была въ рукахъ Дюмурье (28 ноября 1792 г.).

Жирондистская теорія вооруженной пропаганды. Когда члены брюссельскаго магистрата принесли Дюмурье городскіе ключи, онъ сказалъ: «граждане, храните свои ключи сами и храните ихъ получше. Не допускайте, чтобы иностранцы властвовали надъ вами; вы предназначены не для этого. Присоедините вашихъ согражданъ къ нашимъ, чтобы общими усиліями прогнать нѣмцевъ. Мы—ваши друзья, ваши братья». Онъ напомнилъ своимъ подчиненнымъ о неприкосновенности частной собственности, въ особенности церковной. Онъ назначилъ общіе выборы, чтобы замѣнить прежнюю австрійскую администрацію. Избранники бельгійской націи торжественно провозгласили низверженіе австрійскаго владычества. Громаднымъ большинствомъ голосовъ они высказались за созданіе свободнаго бельгійскаго государства, находящагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей, но имѣющаго совершенно независимое правительство. Были посланы депутаты, чтобы выразить конвенту признательность и желаніе образовать самостоятельное государство. Дюмурье поддерживалъ это ходатайство. Онъ предполагалъ окружить Францію цѣлымъ рядомъ независимыхъ союзныхъ республикъ изъ Голландіи, Бельгіи, Люттиха и Савойи.

Это была программа жирондистовъ. Бриссо давно стоялъ во главѣ тайнаго пропагандистскаго комитета, который имѣлъ цѣлью повсемѣстное низверженіе «тирановъ». Чуть не каждый день въ конвентъ

приносились петиціи или являлись депутаціи отъ иностранцевъ, просившихъ Францію содѣйствовать имъ въ достиженіи свободы. Безспорно, Дантонъ и умный Лебрёнъ, завѣдывавшій въ исполнительномъ комитетѣ иностранными дѣлами, пытались воспротивиться этимъ внушеніямъ: «...мы можемъ лишить австрійскій домъ богатыхъ провинцій (Нидерландовъ); это вытекаетъ изъ вѣчнаго права — завоеванія... Однако мы осмѣливаемся сказать, что французская республика слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу всеобщую справедливость и права націй, чтобы руководиться подобными политическими принципами. Политику и справедливость слишкомъ долго разъединяли, но республика должна, наконецъ, соединить ихъ на вѣки...» Тѣмъ не менѣе печать и общественное мнѣніе все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе высказывались за пропагандистскія войны.

Декретъ 19 ноября 1792 г. Когда конвентъ узналъ о побѣдѣ при Жемаппѣ, — это было 9 ноября, — собраніемъ овладѣлъ безумный энтузіазмъ. Верньо провелъ декретъ о національномъ празднованіи этого событія. «Клянусь, восклицалъ онъ, каждое изъ вашихъ сраженій есть шагъ на пути къ умиротворенію человѣчества и счастью народовъ!» 19 ноября депутатъ отъ Эльзаса Рюль предложилъ объявить въ особой декларацiи, что народы, желающіе побрататься съ Франціей, могутъ разсчитывать на покровительство французской націи. Баррасъ, Ла-Ревельеръ, Трейльяръ и Бриссо высказались за изданіе соотвѣтствующаго декрета въ томъ-же засѣданіи. Онъ былъ принятъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «національный конвентъ провозглашаетъ отъ имени французскаго народа, что онъ отнесется по-братски и окажетъ помощь всѣмъ націямъ, которыя пожелаютъ добиться свободы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уполномочиваетъ исполнительную власть отдать надлежащіе приказы военачальникамъ относительно помощи этимъ народамъ и защиты гражданъ, страдающихъ или могущихъ пострадать за дѣло свободы». Генераламъ было поручено напечатать этотъ декретъ на нѣсколькихъ языкахъ и распространить его во всѣхъ странахъ, гдѣ будутъ французскія войска. Съ этихъ поръ національному конвенту стала представляться одна иностранная депутація за другой; здѣсь были батавцы (голландцы) и брабантцы, нѣмцы и савояры, главнымъ образомъ, изъ числа постоянныхъ жителей Парижа; всѣ они высказывали желаніе присоединиться къ Франціи. 28 ноября явились ирландцы и даже англичане съ протестомъ противъ монархическаго режима и заявленіемъ о созывѣ въ ближайшемъ будущемъ англійскаго національнаго конвента. Предсѣдатель собранія, аббатъ Грегуаръ, отвѣчалъ: «защитники нашей свободы порадѣютъ и за вашу» Грегуаръ разсчитывалъ на единодушіе народовъ, которое легко можетъ сломить сопротивленіе монарховъ: «жребій брошенъ! мы кинулись въ борьбу! всѣ правительства — наши враги, всѣ народы — наши союзники; или мы будемъ уничтожены, или человѣчество станетъ свободнымъ». Таковы были выводы жирондистской программы. Франція должна была объявить войну всѣмъ тиранамъ и произвести всемірную революцію. Великодушная мечта, возвышенная идея, которую можно было блистательно развить съ трибуны, но нельзя было осуществить въ суровой дѣйствительности!

II. Монтаньярская война.

Теорія монтаньяровъ. Пропагандистская война скоро уклонилась отъ первоначально намѣченной цѣли и превратилась въ войну завоевательную. Бельгія отказывалась отъ демократическаго правительства. Камюсъ и Дантонъ, посланные туда въ качествѣ коммиссаровъ конвента, хотѣли навязать его силой. Мѣстныя власти и суда должны были пріостановить отправленіе своихъ функцій. Были избраны временные муниципалитеты. Во всѣхъ большихъ городахъ были открыты филіальныя отдѣленія якобинскаго клуба, «чтобы внести въ снѣга аристократіи святой пылъ гражданственности (цивизма), чтобы искоренить фанатизмъ и грязное лицемѣріе».

Бельгійцы отказывались принимать бумажныя деньги; между тѣмъ лейтенанты Дюмурье расплачивались только ассигнаціями и въ то-же время требовали уплаты налоговъ звонкою монетой. Предвосхищая практику будущаго, Ла-Бурдоннэ успѣлъ уже примѣнить къ богатымъ провинціямъ Фландріи систему военныхъ реквизицій и принудительныхъ займовъ. Своими поборами Кюстинъ оттолкнулъ отъ себя крупную буржуазію Франкфурта. Камбонъ негодовалъ на неблагодарность освобожденныхъ народовъ: «какъ! мы даруемъ свободу нашимъ сосѣдямъ, а они не хотятъ принимать ассигнацій!» Онъ требовалъ обращенія имуществъ бельгійскаго духовенства въ національную собственность. Дантонъ точно такъ же постоянно подчеркивалъ необходимость привлечь народныя массы на сторону революціи путемъ притѣсненій всѣхъ привилегированныхъ. Онъ предвидѣлъ, что война должна будетъ питать самое себя, что это роковая необходимость при всякомъ вооруженномъ захватѣ.

Декретъ 15 декабря 1792 г. Конвентъ рѣшилъ такъ видоизмѣнить декретъ 19 ноября, чтобы изъ него вышелъ цѣлый трактатъ о революціонной войнѣ. Франція готова освободить народы отъ тяготѣющаго надъ ними ига, но она должна заставить ихъ оплатить оказанныя ею услуги. Въ этомъ духѣ Камбонъ составилъ декретъ отъ 15 декабря 1792 г. Въ немъ говорилось: «мы не руководимся тщеславнымъ стремленіемъ побѣждать; мы не жаждемъ владычества, мы не хотимъ порабощенія народовъ... но всякая революція требуетъ временной власти, которая-бы дезорганизовала старый порядокъ, которая-бы методически вела дѣло разрушенія... Такая власть можетъ принадлежать только французамъ въ тѣхъ странахъ, куда проникаютъ ихъ арміи при преслѣдованіи непріятеля»... Другими словами, разъ французскія войска заняли ту или иную территорію, ихъ вожди должны устранить аристократію отъ управленія, замѣнить ее санкюлотами, конфисковать имѣнія аббатствъ и епископствъ, уничтожить феодальныя права и муниципализировать народы, т. е. навязать имъ систему французскаго управленія. Жирондистская теорія войны уступаетъ мѣсто теоріи монтаньярской. Революціонная война смѣнила войну пропагандистскую, войну безкорыстнаго прозелитизма.

Анахарзисъ Клотсъ; вспомогательные легіоны. Такимъ образомъ доктрины Анахарзиса Клотса получили блистательное подтвержденіе и освященіе. Невольно припоминалось «посольство человѣческаго рода», состоявшее изъ 36 иностранцевъ въ странныхъ національныхъ костюмахъ. 19 іюня 1790 года Клотсъ заявилъ отъ его имени, что весь міръ присоединяется къ деклараціи правъ человѣка и гражданина. Принимая въ это время участіе въ дипломатическомъ комитетѣ, онъ высказалъ себя ярымъ сторонникомъ пропагандистской войны со всѣми вытекавшими изъ нея послѣдствіями. Въ сущности говоря, это былъ спокойный и мирный мечтатель, который, живя въ Парижѣ, требовалъ, чтобы французскія арміи освободили человѣчество и расширили Францію до ея естественныхъ границъ. По его мнѣнію, Бельгія должна была, вмѣсто того, чтобы образовывать самостоятельное государство, присоединиться къ Франціи въ качествѣ новыхъ департаментовъ. Другіе освобожденные народы точно такъ-же должны были составить новые и новые департаменты. Всѣ и вся должны взяться за оружіе для отвоеванія или охраны естественныхъ границъ. Развѣ римляне не имѣли обыкновенія не только облагать данью народы, присоединенные къ ихъ имперіи, но и требовать отъ нихъ вспомогательныхъ войскъ? Легіонъ аллоброговъ уже образовался по иниціативѣ самихъ савояровъ. Въ Бельгіи организована національная гвардія. Одинъ брабантскій легіонъ пожелалъ стать подъ французское знамя. Группа голландскихъ патріотовъ, бѣжавшихъ въ Парижъ, положила начало *батавскому* легіону. Казалось внѣ всякаго сомнѣнія, что рейнскіе и итальянскіе легіоны рано или поздно войдутъ въ составъ французскихъ войскъ. Реквизиціи покроютъ содержаніе армій. Богатые будутъ нести всю тяжесть поборовъ, бѣдные — освобождены отъ непосильнаго гнета. «*Война — зáмкамъ! миръ — хижинамъ*» — таковъ новый кличъ революціи.

Противодѣйствіе народовъ французскимъ завоеваніямъ. 1) *Въ Бельгіи.* Немедленно явились протесты. Они росли все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ дѣлались попытки обращать иностранцевъ въ французовъ. Коммиссары конвента въ Бельгіи — Камюсъ, Дантонъ, Делакруа и Госсюенъ рѣшили обновить весь личный составъ провинціальной администраціи: выборы дали пе-

ревѣсъ партіи, стоявшей за независимость бельгійскихъ штатовъ. Они хотѣли набрать армію въ 40.000 человѣкъ, которая должна была сражаться подъ французскими знаменами, и потерпѣли полнѣйшую неудачу. Они хотѣли расплачиваться ассигнаціями, но бельгійцы принимали только звонкую монету. Тщетно ставили они патріотическія пьесы, напримѣръ «*Карлъ IX*» Шенье, тщетно посылали они французскихъ пѣвцовъ въ Люттихъ и давали гражданкѣ Монтанзье 20.000 ливровъ на «привлеченіе народовъ къ свободѣ»: бельгійцы избѣгали этихъ навязанныхъ развлеченій. Къ тому-же Дюмурье, повидимому, ободрялъ протестующую партію, предлагая создать изъ Бельгіи особую федеративную республику, которая обязалась-бы покрыть всѣ военныя издержки французовъ. Онъ опирался на аристократію, отказывался наложить секвестръ на имущества дворянства и церкви. «Франція, говорилъ онъ, должна руководиться не только своими интересами, но и справедливостью; она должна внушить къ себѣ любовь.... Я не хочу быть Аттилой, бичомъ Бельгіи». Онъ колебался привести въ исполненіе декретъ 15-го декабря; но Делакруа пригрозилъ ему немедленнымъ арестомъ, и Дюмурье предоставилъ коммиссарамъ свободу дѣйствій.

Дантонъ хотѣлъ немедленно провозгласить полное присоединеніе Бельгіи. На помощь ему послали трехъ новыхъ товарищей: Трейльяра, Мерлена (отъ Дуэ) и Робера. Тридцать будто-бы «національныхъ» коммиссаровъ поспѣшили явиться изъ Парижа для полнаго осуществленія декрета 15 декабря. Эти «тридцать» были скорѣе взбалмошными, чѣмъ свирѣпыми людьми. Своимъ непониманіемъ дѣла и грубостью они довели бельгійцевъ до крайняго раздраженія. Свора ихъ приспѣшниковъ — члены клубовъ, чиновники и полицейскіе агенты—предавались открытому грабительству. Страна очутилась подъ тройнымъ гнетомъ: генераловъ, уполномоченныхъ представителей конвента и національныхъ коммиссаровъ. Были секвестрованы феодальныя и церковныя имѣнія; началась распродажа національныхъ имуществъ. Ассигнаціи были въ обращеніи, но только благодаря тому, что на нихъ былъ объявленъ принудительный курсъ. Обыски и аресты подозрительныхъ стали обычнымъ явленіемъ. Церкви были осквернены. Въ Брюсселѣ военный комендантъ Гогэ училъ въ нихъ солдатъ, «чтобы въ одно и то же время обезопасить себя и своихъ подчиненныхъ отъ непогоды и мало по малу искоренить въ нихъ фанатизмъ». Каѳедральный соборъ св. Гудулы и многія другія церкви были разграблены подъ предлогомъ перевозки драгоцѣнной утвари и церковной казны въ Лилль для лучшаго сбереженія. Когда оппозиція была подавлена силой, «тридцать» провели на первичныхъ собраніяхъ большихъ городовъ присоединеніе Бельгіи ко Франціи. По большей части, голосованіе происходило въ церквахъ, окруженныхъ солдатами. При такихъ-то обстоятельствахъ въ февралѣ 1793 года было провозглашено включеніе Бельгіи въ составъ французской территоріи. Но страна не хотѣла этого. Вслѣдствіе безтактнаго образа дѣйствій со стороны якобинцевъ, она почти мгновенно превратилась въ громадный очагъ заговора противъ Франціи.

2) *Въ Пфальцѣ.* Пфальцъ находился не въ лучшемъ положеніи. Рядомъ насильственныхъ дѣйствій Кюстинъ возбудилъ противъ себя общественное мнѣніе. Требованіе двухъ милліоновъ флориновъ отъ франкфуртской буржуазіи, контрибуціи, взимаемыя съ высшей аристократіи и монастырей, заложники, уведенные въ обезпеченіе французскаго владычества,—все это, вмѣстѣ взятое, вызвало бурю негодованія и ненависти въ мѣстномъ населеніи. «*Бѣдный Конрадъ*» (такъ называютъ прирейнскаго простолюдина) взялся за оружіе противъ «*вшивыхъ французовъ*». Снова раздались проповѣди противъ «исконнаго врага». По словамъ нѣмцевъ, эти республиканцы «были плоть отъ плоти и кость отъ костей солдатъ Людовика XIV: *gens Gallica, gens perfida*» (галльскій, вѣроломный родъ). Вопреки запрещенію Кюстина, было произведено нѣсколько грабежей. «Усатаго» генерала обвиняли въ томъ, что онъ ведетъ войну съ житницами, погребами и кубышками. Прежніе ненавистные правители стали снова пріобрѣтать популярность среди обывателей Пфальца.

Дипломатическія послѣдствія казни Людовика XVI-го. Казнь Людовика XVI-го усилила опасность, которая угрожала Франціи. Взводя короля на эшафотъ, члены конвента хотѣли нагнать страху на остальныхъ государей. Развязались съ «Капетомъ», но «*Гвельфъ*», т. е. англійскій ко-

роль Георгъ III, былъ, пожалуй, не менѣе виновенъ. Членъ конвента Томасъ Пенъ открыто обвинялъ его въ общемъ заговорѣ монарховъ противъ народовъ. Приговоръ, осудившій Людовика XVI, былъ въ то-же время приговоромъ противъ самаго учрежденія монархіи. Отрубая голову королю, конвентъ бросилъ вызовъ Европѣ. Европа приняла этотъ вызовъ. Правда, судьба Людовика XVI далеко не внушала европейскимъ властителямъ особенной жалости, но они боялись, что примѣръ заразитъ ихъ собственныхъ подданныхъ. Казнь Людовика XVI была ошибкой съ точки зрѣнія иностранной политики. Она объединила всѣхъ королей. Противъ французской республики былъ объявленъ всеобщій крестовый походъ.

Объявленіе войнъ. У Англіи были серьезные мотивы для разрыва: Франція присоединила Бельгію, снова открыла судоходство по Шельдѣ и угрожала Голландіи. «Конвентъ, восклицалъ будущій лордъ Ливерпуль, стремится къ всемірной республикѣ, какъ нѣкогда Людовикъ XIV — къ всемірной монархіи. Франція—нашъ исконный врагъ. Республика еще опаснѣе для насъ, чѣмъ прежняя монархія. Гораздо труднѣе предвидѣть, гдѣ остановится народъ, чѣмъ опредѣлить, чего хочетъ король». Французскій агентъ Шовелэнъ выбивался изъ силъ, чтобы достичь признанія республики. Такъ-же тщетны были усилія Марэ, имѣвшаго негласное порученіе. Талейранъ, жившій въ Лондонѣ въ полномъ уединеніи, не скупился на совѣты Лебрену и усиленно рекомендовалъ ему благоразуміе и умѣренность (смотр. его записки «О нынѣшнихъ отношеніяхъ между Франціей и другими государствами Европы»).

Все растущая враждебность англичанъ выразилась и въ отрицательномъ отношеніи къ торговому договору съ Франціей, заключенному въ 1786 году, и въ проведеніи *alien bill* (билля объ иностранцахъ), который долженъ былъ облегчить изгнаніе французовъ изъ предѣловъ государства, и, наконецъ, въ запрещеніи вывоза англійскаго хлѣба во Францію. 26 декабря 1792 года Питтъ порвалъ всякія личныя отношенія съ Шовелэномъ, приславъ ему такую курьезную записку: «Съ Вашего позволенія я вижу себя вынужденнымъ избѣгать чести Васъ видѣть». Такимъ образомъ въ причинахъ войны не было недостатка. Но рѣшительный толчокъ дала лишь казнь Людовика XVI. Когда вѣсть о ней распространилась по Лондону (23 января), все населеніе было охвачено ужасомъ. Король и придворные облеклись въ трауръ. На другой-же день, 24-го января, Шовелэну было предложено немедленно уѣхать. Питтъ говорилъ въ палатѣ общинъ о необходимости отомстить за «самое гнусное и жестокое злодѣяніе, которое только знаетъ исторія».—1 февраля, по докладу Бриссо, конвентъ объявилъ Англіи войну. Питтъ вскорѣ заключилъ союзъ съ Россіей (25 марта), съ Гессенъ-Касселемъ (8 апрѣля), съ Пруссіей (16 іюля), съ Сардиніей и Неаполемъ (въ іюлѣ). Онъ запугалъ и увлекъ за собою Тоскану.

Голландіи угрожало демократическое возстаніе: такъ называемые мегаломаны (сторонники расширенія Франціи до ея «естественныхъ» границъ) указывали на необходимость подвергнуть ее военной оккупаціи, чтобы прикрыть Бельгію, сдѣлать Рейнъ границей республики и отнять у англичанъ точку опоры на континентѣ. Дюмурье тотчасъ-же получилъ приказъ завоевать Голландію. Война была объявлена штаттальтеру въ тотъ самый день, какъ и Георгу III-му.

Въ Римѣ, французскій посланникъ Бассвилль, замѣнившій прежнія лиліи республиканскими эмблемами, былъ убитъ во время народнаго возстанія (13 января). Въ Неаполѣ королева Марія - Каролина, родная сестра Маріи - Антуанетты, побудила своего мужа, малодушнаго Фердинанда, присоединиться къ нашимъ врагамъ. Испанія втеченіе сорока лѣтъ была въ союзѣ съ Франціей; насильственная смерть главы бурбонскаго дома очень чувствительно задѣвала мадридскій дворъ; месть была дѣломъ чести. Король Карлъ IV смѣнилъ Аранду, вѣрнаго друга французовъ, и назначилъ на его мѣсто любимца королевы Годоя, который жаждалъ войны и дѣлалъ тщетными всѣ усилія французскаго представителя Бургоэна. 7-го марта, выслушавъ докладъ Барера, конвентъ объявилъ войну и Испаніи.

Священная Имперія была настроена отнюдь не менѣе враждебно: теперь уже не могло быть и рѣчи о вознагражденіи владѣтельныхъ князей Эльзаса. Кюстинъ обнародовалъ «призывъ къ угнетенной Германіи». Въ своей рѣчи 31 декабря 1792 го-

да Дантонъ заявилъ, что берега Рейна должны быть естественной границей Франціи. Бернонвиль, спускаясь по теченію Мозеля, пытался овладѣть Триромъ и Кобленцомъ. Правда, онъ вынужденъ былъ отступить, сломленный скорѣе холодами и наготой своей арміи, чѣмъ силами непріятеля, но самая мысль объ этомъ походѣ не была оставлена. Кровавая трагедія 21 января сдѣлала невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе французскихъ агентовъ при дворахъ мелкихъ нѣмецкихъ государей. 22 марта регенсбургскій сеймъ рѣшился, наконецъ, вотировать войну. Подъ предлогомъ отмщенія за казнь Людовика XVI-го Европа соединяла всѣ свои разрозненныя силы, чтобы (такова была ея дѣйствительная цѣль) задержать расширеніе Франціи и, если окажется возможнымъ, разорвать ее на части, какъ Польшу или Турцію. Во времена Людовика XIV-го Франціи приходилось бороться съ цѣлой Европой. То же самое было и въ этотъ моментъ великой революціи. Противъ нея вооружились всѣ европейскія державы, кромѣ Даніи, Швеціи, Турціи, Венеціи, Женевы и Швейцаріи.

Во Франціи общественное мнѣніе не страшилось войны. Поднимается новый Карѳагенъ: найдется и другой Римъ для побѣды. Голландія берется за оружіе: очевидно, французы овладѣютъ Амстердамомъ,—этимъ крупнымъ банкомъ Европы,—и захватятъ его кассу. Испанія объявляетъ войну: «граждане, восклицаетъ Бареръ, лишній врагъ противъ Франціи—это лишняя побѣда за дѣло свободы!»

Дюмурье въ Голландіи. На Дюмурье было возложено завоеваніе Голландіи. Онъ предполагалъ сначала спуститься по Маасу и Рёру, чтобы отбросить австрійцевъ за Рейнъ. Но его собственная армія находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Кромѣ того онъ разсчитывалъ на революцію, которую хотѣли произвести мѣстные патріоты (они заявили объ этомъ конвенту). Слѣдовало «поражать непріятеля неожиданностью; пользуясь пыломъ французскихъ войскъ, наносить ему рѣшительные удары, дѣлать невозможное, невѣроятное».—Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній Дюмурье рѣшилъ двинуться изъ Антверпена въ голландскій Брабантъ и, дѣлая усиленные переходы, дойти до Бисбаха и Роттердама. Миранда, стоя во главѣ 20.000 человѣкъ, долженъ былъ занять Маастрихтъ, гдѣ разсчитывали найти сторонниковъ революціи, спуститься по Маасу въ Утрехтъ и присоединиться къ Дюмурье, чтобы войти вмѣстѣ въ Амстердамъ. Валансъ, расположивъ свои войска около Ахена и по Рёру, долженъ былъ стать поперекъ дороги австрійцамъ. Рискованный планъ, почти неосуществимый для дезорганизованной арміи! Дюмурье вѣрилъ въ свое безграничное вліяніе на армію. «Французскій солдатъ очень уменъ, говорилъ онъ; съ нимъ нужно разсуждать; если у генерала хватитъ смысла предупредить его о препятствіяхъ, онъ преодолѣетъ ихъ шутя и будетъ думать только о побѣдахъ». Дюмурье вѣрилъ въ чудеса, разсчитывалъ на случайности.

Рядъ неудачъ; Неервинденъ.—Сначала все шло, повидимому, какъ нельзя лучше. Войдя въ Голландію 20 февраля, Дюмурье взялъ Бреда и Гертруйденбергъ, гдѣ оказался обильный провіантъ. Между тѣмъ Миранда бомбардировалъ Маастрихтъ. Однако авангардъ Дюмурье за отсутствіемъ судовъ не могъ дойти до Дортрехта. Маастрихтъ, гарнизонъ котораго состоялъ изъ корпуса эмигрантовъ, отказался сдаться. Валансъ, безстрашный воинъ, но посредственный стратегъ, не сдѣлалъ ничего, чтобы собрать свои войска, разсѣянныя за Рёромъ. Австрійцы рѣшили тогда прорвать линію республиканскихъ войскъ и разбить ихъ на двѣ части. Во главѣ австрійцевъ стоялъ принцъ Кобургъ-Заальфельдскій, полная противоположность Дюмурье. Онъ обладалъ «слабымъ здоровьемъ, слабой памятью, слабымъ зрѣніемъ». Зато у него были отличные помощники, фельдцейхмейстеръ Коллоредо, Альвинци, эрцгерцогъ Карлъ и, въ особенности, начальникъ его штаба Макъ, которому приписывали выдающіяся военныя дарованія. Онъ переправился черезъ Рёръ, разбилъ Валанса въ сраженіи подъ Альденгофеномъ, взялъ Ахенъ и отбросилъ французовъ въ полномъ безпорядкѣ по направленію къ Люттиху. Боясь, что онъ окажется между двухъ огней, если его атакуютъ съ тылу, Миранда вынужденъ былъ снять осаду съ Маастрихта. Его совершенно разстроенная армія должна была отступить къ Тонгресу и Сенъ-Тронду; она таяла, какъ воскъ, на глазахъ у своихъ начальниковъ; внутрь страны дезертировало около 10.000 сол-

датъ. Кобургъ вошелъ въ Люттихъ и наложилъ на него и окрестную мѣстность контрибуцію въ 600.000 флориновъ. Имущества сторонниковъ революціи были обложены вчетверо больше, чѣмъ остальныя. Бельгія готова была выгнать французовъ. Повидимому, были потеряны всѣ результаты перваго счастливаго похода и побѣды при Жемаппѣ (20 февраля—5 марта 1793 г.).

«Наши мечты относительно Голландіи разсѣялись... писалъ Валансъ Дюмурье. Спѣшите сюда, генералъ; слѣдуетъ перемѣнить планъ кампаніи; каждая минута стоитъ вѣчности». Дюмурье бросилъ свой лагерь и прискакалъ. Онъ не терялъ ни минуты, принялъ энергическія мѣры, чтобы остановить дезорганизацію Бельгіи и разложеніе арміи, прогналъ или арестовалъ нѣсколько второстепенныхъ агентовъ конвента, закрылъ клубы; угрозами сурово покарать за ослушаніе онъ снова собралъ подъ знамена разбѣжавшихся солдатъ и офицеровъ. Немедленно перейдя въ наступленіе, онъ старался своей бодростью и присутствіемъ духа вернуть къ себѣ расположеніе солдатъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ столкновеній, онъ нанесъ противнику рѣшительный ударъ 18 марта при Неервинденѣ. Австрійцы укрѣпились на высотахъ и усѣяли ихъ артиллерійскими орудіями: 30.000 человѣкъ занимали эти позиціи. Какъ во времена маршала Люксембурга, это былъ ожесточенный рукопашный бой на штыкахъ. Трижды непріятель долженъ былъ отступить и трижды снова занималъ свои прежнія позиціи. Тѣмъ не менѣе наше правое крыло и центръ остались на мѣстѣ въ полномъ порядкѣ съ твердой рѣшимостью на утро продолжать сраженіе. Но лѣвое крыло, которымъ командовалъ Миранда, было на голову разбито несравненно болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Австрійцы пытались даже окружить его со всѣхъ сторонъ. Дюмурье вынужденъ былъ отступить. Снова потерпѣвъ пораженія при Дьестѣ и Лёвенѣ (Лувэнѣ, 21 марта), онъ очистилъ Брюссель и отступилъ за Шельду. Линія французскихъ войскъ представляла теперь очень растянутый полукругъ отъ Гертрюйденберга черезъ Бреда, Антверпенъ, Куртрэ, Турнэ до Монса. Занимая цѣлый рядъ очень выгодныхъ позицій, они были еще страшны своимъ противникамъ.

Измѣна Дюмурье. Дюмурье, видя, что армія упала духомъ, чувствуя, какъ быстро исчезаетъ обаяніе его личности, не думалъ болѣе о побѣдахъ надъ непріятелемъ и сталъ подготовлять крушеніе республики. На другой-же день послѣ сраженія при Жемаппѣ у него начались безпрерывныя столкновенія съ коммиссарами конвента и военнымъ министромъ Пашемъ. Потерпѣвъ пораженіе, онъ осмѣлился въ оффиціальной прокламаціи неодобрительно отозваться о декретѣ 15 декабря. Уполномоченные конвентисты Камюсъ, Госсюенъ, Трейльяръ и Мерленъ (отъ Дуэ) упрекнули его въ превышеніи власти. Въ отвѣтъ на это Дюмурье прочелъ имъ свое знаменитое *письмо 12 марта*, обращенное къ конвенту. Въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ онъ обвинялъ тридцать національныхъ коммиссаровъ въ томъ, что своими насиліями они привели въ отчаяніе бельгійцевъ, что они обокрали церковныя хранилища, глумились надъ религіознымъ чувствомъ, пускали въ ходъ и саблю, и ружье для присоединенія Геннегау и, въ концѣ концовъ, возстановили противъ Франціи все населеніе страны. Онъ умолялъ конвентъ открыть глаза на истину и одобрить тѣ мѣры, которыя онъ принялъ «для спасенія французской арміи, чести націи и самой республики». Коммиссары обвиняли его въ томъ, что онъ хочетъ играть роль Цезаря. «Если вы сдѣлаетесь Цезаремъ, сказалъ ему Камюсъ, я стану Брутомъ». «Любезный Камюсъ, отвѣчалъ Дюмурье, я не Цезарь, вы не Брутъ, но угроза, что я умру отъ вашей руки, послужитъ для меня патентомъ на безсмертіе».

Отвергнутый конвентомъ, лишенный былого сочувствія арміи, осужденный общественнымъ мнѣніемъ, которое прекрасно понимало, что всякій удавшійся заговоръ неминуемо поведетъ къ возстановленію стараго порядка и расчлененію Франціи на отдѣльныя части, Дюмурье не могъ болѣе противиться соблазну и полетѣлъ внизъ по наклонной плоскости измѣны.

23 марта онъ отправилъ къ принцу Кобургскому своего адъютанта Монжуа, чтобы сообщить ему свое намѣреніе идти на Парижъ, наказать негодяевъ и возстановить монархію. Для переговоровъ съ Дюмурье былъ посланъ Макъ. 25-го марта они вмѣстѣ пообѣдали въ Атѣ. Чтобы добиться нейтралитета принца Кобургскаго,

Дюмурье согласился на очищеніе Бельгіи. Тотчасъ-же разнеслась вѣсть про эти темные происки. Нельзя было болѣе сомнѣваться, что Дюмурье хочетъ быть Кромвелемъ или Монкомъ. Сдѣлали послѣднюю попытку: военный министръ Бернонвилль и четверо новыхъ коммиссаровъ: Камюсъ, Кинцетъ, Ламаркъ и Банкаль, къ которымъ долженъ былъ присоединиться Карно, были посланы къ Дюмурье. Они должны были либо привести его въ повиновеніе, либо *отцѣпить* отъ арміи. Свиданіе произошло въ Турнэ. Австрійскіе гусары выстроились у дверей. Коммиссары потребовали, чтобы Дюмурье отправился въ Парижъ для оправданія передъ конвентомъ, но онъ наотрѣзъ отказался уѣхать изъ арміи и отдаться въ руки революціоннаго суда. Когда Камюсъ твердымъ голосомъ сталъ читать декретъ отъ имени Народа и Закона, въ силу котораго мятежный генералъ отрѣшался отъ должности, Дюмурье по-нѣмецки закричалъ австрійцамъ: «гусары, возьмите этихъ людей... Любезный Бернонвилль, продолжалъ онъ, вы тоже арестованы, но можете оставить при себѣ оружіе. Господа, вы будете заложниками». Пятеро уполномоченныхъ конвента оказались въ плѣну у австрійцевъ.

Главный штабъ Дюмурье одобрялъ образъ дѣйствій своего вождя, но армія не захотѣла идти по его стопамъ. Солдаты имѣли здравое и ясное представленіе о своемъ долгѣ. Ссылки конвента на отечество и законъ встрѣчали горячій откликъ въ этихъ честныхъ сердцахъ. Генералы Ле-Вёнеръ, Лекюе и Лесажъ, командовавшіе отдѣльными отрядами, къ счастью, смотрѣли на дѣло такъ-же просто, какъ ихъ подчиненные, и осуждали измѣну. Въ Лиллѣ и Валенсьеннѣ представители конвента Бельгардъ, Кошонъ, Лекиніо и, въ особенности, Карно организовали систематическое противодѣйствіе замысламъ Дюмурье и замѣстили его Дампьеромъ. Дюмурье пробовалъ-было говорить съ солдатами; они отвѣчали ему криками: «республика или смерть!» Даву приказалъ своему батальону, состоявшему изъ волонтеровъ, стрѣлять въ измѣнника, который въ это время ѣхалъ на свиданіе съ Кобургомъ и избѣжалъ смерти, только благодаря быстротѣ, съ которой умчалась его лошадь. На этомъ свиданіи Кобургъ обѣщалъ содѣйствовать возстановленію монархіи въ пользу Людовика XVII. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выговорилъ себѣ право занять нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ на сѣверѣ Франціи впредь до того момента, когда новое правительство будетъ чувствовать себя достаточно крѣпкимъ. На другой день 5 апрѣля въ лагерѣ при Мольдѣ Дюмурье удалось вырвать у двухъ линейныхъ полковъ крики «да здравствуетъ король!», но артиллерія и волонтеры не только не послѣдовали этому примѣру, но даже увлекли за собой самихъ линейцевъ. За Дюмурье, какъ вскорѣ выяснилось, стоялъ только главный штабъ да нѣсколько сотъ человѣкъ, связавшихъ свою жизнь съ его судьбой, а также конвой австрійскихъ гусаръ. Онъ боялся упустить время, пока было еще не поздно, и галопомъ ускакалъ черезъ границу въ сопровожденіи Валанса, герцога Шартрскаго и Тувено. Измѣна была совершена, игра была сыграна, притомъ, не въ пользу Дюмурье.

Но самымъ тяжкимъ наказаніемъ для него было видѣть, что австрійцы водили его за носъ. Баронъ Тугутъ, направлявшій въ этотъ періодъ политику Австріи, отвергъ обязательства, принятыя на себя Кобургомъ. Перемиріе было нарушено по указу императора. Тщетно протестовалъ Дюмурье; его выпроводили изъ австрійскихъ владѣній вмѣстѣ съ другимъ измѣнникомъ, Валансомъ. Изгнанный изъ Швейцаріи, затѣмъ изъ Вюртемберга, Кёльна и Бельгіи, онъ влачилъ жалкое существованіе, скитаясь въ Голштиніи и Россіи. Въ концѣ концовъ онъ поселился въ Англіи, гдѣ прожилъ до 1823 года, получая одну пенсію отъ австрійскаго императора, а другую—отъ англійскаго короля. До послѣдняго дня своей жизни онъ сочинялъ проекты переговоровъ и планы военныхъ дѣйствій, которыми загромождалъ канцеляріи министерствъ и главныхъ штабовъ. Онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что карьера его кончена. Онъ умеръ тѣмъ, чѣмъ былъ съ самаго начала—*авантюристомъ*.

Неудачи Кюстина. Что касается Рейна, то Кюстинъ оказался честнѣе, но отнюдь не счастливѣе Дюмурье. Ему приходилось бороться съ пруссаками герцога Брауншвейгскаго и австрійцами Вурмзера. Между тѣмъ его собственная армія представляла изъ себя крайне жалкое зрѣлище, чувствовалась страшная нужда въ одеждѣ

и обуви, волонтеры вышли изъ повиновенія и разбѣгались во всѣ стороны. 2 декабря 1792 г. герцогъ Брауншвейгскій отобралъ обратно Франкфуртъ. Онъ подвигался необычайно медленно, очевидно, опасаясь повторенія Вальми. 27 марта непріятель перешелъ Рейнъ у Бахараха и около Лорха, взялъ Бингенъ и заставилъ Кюстина выйти изъ Пфальца, не давъ ему даже возможности защищаться. Это была настоящая «травля зайцевъ». Обильные запасы провіанта, находившіеся въ Вормсѣ, Франкенталѣ и Шпейерѣ, достались побѣдителямъ. Кюстинъ вернулся въ Ландау, который всего какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ покинулъ, полный самыхъ радужныхъ надеждъ (1 апрѣля). Его обвиняли въ измѣнѣ, но его увѣренія въ своихъ гражданскихъ чувствахъ и упоминанія объ общемъ благѣ тронули якобинцевъ. Его отстоялъ Робеспьеръ. Конвентъ постановилъ, что Кюстинъ не переставалъ пользоваться его довѣріемъ и уваженіемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначилъ его въ сѣверную армію на мѣсто Дампьера. Вскорѣ онъ долженъ былъ искупить свои неудачи на эшафотѣ.

Осада Майнца. Изъ всѣхъ мѣстъ, занятыхъ было Кюстиномъ, только одно осталось въ рукахъ французовъ: мы говоримъ про Майнцъ. Почти цѣлыхъ четыре мѣсяца всѣ усилія пруссаковъ разбивались о геройское сопротивленіе гарнизона. Французскіе военачальники выказали себя съ самой лучшей стороны. Д'Уарэ, участникъ войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ, бывшій на дурномъ счету у революціонеровъ, какъ дворянинъ, но, въ дѣйствительности, горячо преданный своему долгу,—руководилъ защитой. Онъ былъ достойнымъ командиромъ такихъ людей, какъ ученый Мёнье, членъ академіи наукъ, ярый якобинецъ, постоянно высказывавшійся за отважныя нападенія и рискованныя вылазки; какъ рыцарственный Оберъ-Дюбайе; какъ Мариньи, безстрашный начальникъ франкскаго легіона, нападенія котораго наносили страшный уронъ непріятелю; какъ, наконецъ, Клеберъ, чистѣйшая душа въ необыкновенно красивомъ и необычайно крѣпкомъ тѣлѣ. Войдя въ Майнцъ простымъ адъютантомъ батальона волонтеровъ, онъ вышелъ изъ него генераломъ. Легенда связала его личность со всѣми подвигами этой новой «Иліады», но исторія должна раздѣлить между нимъ и его товарищами по опасности неувядаемую славу, выпавшую на долю ему одному. Двое представителей конвента вдохновляли патріотовъ Майнца и словомъ, и примѣромъ;—то были энергичный Ревбель и Мерленъ (отъ Тіонвилля). Этотъ послѣдній, маленькій, подвижный крѣпышъ съ громадными усами и длинными кудрявыми волосами, въ широкомъ трехцвѣтномъ поясѣ, стоялъ подъ картечнымъ огнемъ со стоическою безпечностью стараго служаки. Нерѣдко видѣли его съ обнаженной саблей на передовыхъ аванпостахъ. Онъ наводилъ орудія не хуже самаго браваго канонира. Пруссаки прозвали его «огненнымъ дьяволомъ»; офицеры и солдаты изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы заслужить его одобреніе.

Пруссаки приступили къ осадѣ съ своей обычной медлительностью. Подойдя къ городу въ декабрѣ, они начали бомбардировку только въ іюнѣ. Осажденные вынуждены были отказаться отъ вылазокъ, столь губительныхъ для непріятеля. Бомбы и картечь производили ужасающее опустошеніе. Однимъ изъ первыхъ былъ смертельно раненъ Мёнье. Въ артиллерійскомъ паркѣ произошелъ взрывъ. Сгорѣли театръ, тюрьма, нѣсколько церквей и множество частныхъ домовъ. Кругъ окоповъ съуживался все болѣе и болѣе: въ Майнцѣ наступила одна изъ самыхъ страшныхъ голодовокъ, которыя только знаетъ военная исторія. Желая на славу угостить свой штабъ, Клеберъ предложилъ ему блюдо изъ кошки и 12 мышей. Между тѣмъ высшее общество Франкфурта устраивало увеселительныя прогулки, чтобы подразнить страдальцевъ; эмигранты, Сомбрёйль, Тюрпэнъ и другіе зловѣще отвѣчали: «не возьметъ» (ça n'ira pas) на веселые клики «наша возьметъ!» (ça ira!) французскихъ пѣхотинцевъ. Когда не осталось ничего съѣдобнаго и были на исходѣ военные запасы, волей-неволей пришлось сдаться. Капитуляція была подписана 23 іюля. Храбрый гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости съ воинскими почестями, уводя съ собою всѣхъ обывателей Майнца, скомпрометтировавшихъ себя своей привязанностью къ французамъ. Гарнизонъ принялъ на себя обязательство втеченіе года не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ армій коалиціи. Защита Майнца противъ несрав-

ненно болѣе сильнаго непріятеля, среди враждебнаго населенія, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ военной исторіи. Сначала конвентъ готовъ былъ отнестись къ сдачѣ Майнца съ открытымъ осужденіемъ. Какъ оказалось, къ крѣпости подходили Богарнэ и Гушаръ; продержись гарнизонъ еще нѣсколько дней, и быть можетъ онъ вышелъ-бы побѣдителемъ. Но Ревбель и Мерленъ страстной и смѣлой защитой своихъ товарищей по оружію измѣнили общественное мнѣніе. Конвентъ постановилъ, что гарнизонъ Майнца оказалъ большія услуги отечеству и достоинъ его благодарности.

Франція на краю гибели. Потеря Майнца стоила жизни Богарнэ, который не подоспѣлъ на помощь осажденнымъ, а также Кюстину, который говорилъ, что Майнцъ будетъ оплотомъ Франціи, а въ дѣйствительности не съумѣлъ помѣшать даже сдачѣ Конде и Валансьенна, защита котораго составляетъ не менѣе славную страницу въ исторіи французскаго оружія, чѣмъ оборона Майнца. Австрійцы пустили въ него 84.000 ядеръ, 20.000 гранатъ и 48.000 бомбъ. Валансьеннъ капитулировалъ черезъ пять дней послѣ Майнца (28 іюля 1793 г.). Приблизительно въ это же самое время французы тщетно пытались завладѣть лагеремъ при Саорджіо и отбросить пьемонтцевъ за Коль-ди-Тенде. Испанцы переходили границу съ обоихъ концовъ Пиренеевъ, направляясь на Перпиньянъ и Байонну. Всѣ завоеванія были потеряны. Самая граница не была болѣе въ неприкосновенности.

Пять иностранныхъ армій вступали на французскую территорію; междоусобная война свирѣпствовала на всемъ протяженіи государства (смотр. выше, стр. 199). Возставшая Вандея открывала эмигрантамъ и англичанамъ дорогу къ центру Франціи. Англичане блокировали наши порты и наводняли Францію фальшивыми ассигнаціями. Они надѣялись увлечь и Нормандію, благодаря жирондистскому возстанію въ Канѣ. Точно такое-же движеніе въ Бордо могло дать имъ доступъ на юго-западъ. Ліонъ сталъ ареной возмущенія и призывалъ къ себѣ на помощь пьемонтцевъ. Тулонъ пустилъ въ свой прекрасный рейдъ англійскую эскадру. Корсика отдалась въ руки Паоли, котораго поддерживали англичане. Какъ во времена Столѣтней войны, сыны туманнаго Альбіона хотѣли прибрать къ своимъ рукамъ все французское побережье.

Конференція, состоявшаяся въ Антверпенѣ на другой день послѣ измѣны Дюмурье (7 апрѣля 1793 г.), не оставляла никакихъ сомнѣній относительно истинныхъ намѣреній членовъ коалиціи. Кобургъ, принявшій на себя обязательство не завоевывать Франціи, былъ, какъ мы видѣли, грубо устраненъ отъ вліянія на ходъ международныхъ отношеній; данное имъ слово было нарушено. Лордъ Ауклэндъ заявилъ, что Англія намѣрена «довести Францію до политическаго ничтожества». Англичане зарились на Дюнкирхенъ и наши колоніи. Австрійцы требовали твердаго огражденія Бельгіи отъ французскихъ вторженій. Австрійскій министръ Тугутъ предлагалъ предварительно условиться относительно будущихъ завоеваній и раздѣлить ихъ на равныя доли. Вліятельные австрійскіе дипломаты, а именно Мерси, Кобенцель и Штарембергъ, расходились въ своихъ проектахъ; каждый предлагалъ свой собственный планъ. При вѣнскомъ дворѣ господствовало мнѣніе, что всего выгоднѣе присоединить французскую Фландрію, Артуа и Пикардію до р. Соммы. Пруссаки завладѣютъ-де Эльзасомъ и Лотарингіей, которые будутъ отданы герцогу Баварскому въ обмѣнъ на его герцогство. Австрія посредствомъ Баваріи закруглитъ свои владѣнія, а Пруссія вознаградитъ себя на счетъ Польши. Что касается Англіи, то ей довольно и Дюнкирхена. Таковъ былъ планъ австрійскаго двора. Пруссаки хотѣли сохранить за собой Эльзасъ и Лотарингію. Россія, прежде какихъ-бы то ни было раздѣловъ Франціи, хотѣла обезпечить себя обширными пріобрѣтеніями въ Польшѣ. Русскій министръ Марковъ говорилъ Кобенцелю: «отъ борьбы съ Франціей можно ожидать для себя очень многаго; слѣдуетъ уничтожить тамъ монархію... нужно помѣшать ей снова получить былое преобладаніе; повидимому, можно сразу достичь и той, и другой цѣли; захватывайте, сколько хотите, французскихъ провинцій; пусть въ свою очередь сдѣлаютъ пріобрѣтенія также Испанія и Сардинія. Англія себя не забудетъ. Сдѣлавъ это, постараемся дать тому, что́ останется отъ Франціи, устойчивое и прочное монархическое правительство. Франція превратится во вто-

ростепенное государство, которое не будетъ больше внушать страха своимъ сосѣдямъ. Такъ будетъ потушенъ очагъ демократіи, который чуть-было не спалилъ всей Европы».

Среди грозной тучи, надвинувшейся на Францію, не виднѣлось ни единаго просвѣта. Положеніе было, повидимому, безъ исхода. Съ моря и съ суши надвигались безчисленныя арміи; иностранныя державы готовы были на все, чтобы раздавить нашъ народъ; прекращеніе подвоза хлѣба вызвало голодовку; внутри страны—одна часть населенія поднималась на другую. Иностранцы грозили расчлененіемъ Франціи на части, эмигранты — потоками крови и возстановленіемъ стараго порядка. Что-же Франція могла противопоставить столькимъ опасностямъ? Правительство изъ 750 человѣкъ, раздираемое несогласіями, парализованное борьбой нѣсколькихъ партій! жалкіе остатки армій, изъ которыхъ бѣжали солдаты, которымъ измѣняли генералы! обезцѣненныя бумажныя деньги, которыхъ никто не хотѣлъ принимать въ уплату!

III. Національная оборона.

Причины спасенія Франціи: 1) Раздоры между державами. Спасеніе Франціи было обусловлено тремя причинами: разногласіями между членами коалиціи, энергіей конвента, созданіемъ грозной арміи. Коалиція существовала только фиктивно. Ополчаясь противъ ненавистной Франціи, державы не внесли въ свой образъ дѣйствій ни общности взглядовъ, ни послѣдовательной тактики, ни единства намѣченныхъ цѣлей. Ихъ интересы находились въ очевидномъ противорѣчіи. Растущія разногласія мало по малу парализовали ихъ усилія и содѣйствовали спасенію страны, которую они хотѣли уничтожить.

Англія. Одна лишь Англія боролась энергично и успѣшно, такъ какъ изъ всѣхъ союзныхъ державъ только она въ своей борьбѣ съ непріятелемъ опиралась, подобно революціонной Франціи, на принципъ свободы и любви къ отечеству. Со временъ Кромвеля ея политика ни разу не мѣняла направленія: это было постоянное тяготѣніе къ морю, ожесточенная погоня за колоніальнымъ господствомъ. Второстепенныя державы служили вѣрными исполнителями ея предначертаній: за хорошія деньги онѣ шли къ ней на службу и воевали съ Франціей. Голландія была ея слѣпымъ орудіемъ; Португалію можно было принять за британскую колонію въ Европѣ. Наемниками Англіи были также то Пруссія, то Австрія, а иногда оба великихъ нѣмецкихъ государства, когда можно было соединить ихъ для совмѣстной борьбы противъ Франціи. Островное положеніе позволяло ей, какъ выразился Монтескьё, «безнаказанно глумиться надъ всѣмъ и вся». Къ тому-же, во главѣ правительства стоялъ министръ, который какъ-бы воплощалъ въ себѣ національный геній. Вилльямъ Питтъ, безспорно, былъ самымъ заклятымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ опаснымъ врагомъ французской революціи (смотр. ниже, главу XV, *Англія*). Правда, онъ не могъ осуществить своей завѣтной мечты, а именно захватить и оставить за собой Дюнкирхенъ, зато ему удалось нанести страшный уронъ нашему флоту и захватить наши колоніи.

Австрія и Пруссія. Несовершенство правительственнаго механизма и отсутствіе національнаго единства среди разноплеменныхъ подданныхъ имперіи доводили Австрію до состоянія полнѣйшей летаргіи. Баснословная медлительность армій болѣе, чѣмъ когда-нибудь, превращалась въ инертность. Не будучи въ силахъ нападать, онѣ были годны развѣ для защиты. Какой-нибудь Макъ, жалкое ничтожество по сравненію съ Наполеономъ, слылъ среди австрійскихъ военачальниковъ за генія, за первостепеннаго стратега. Дипломаты питались высокопарными проектами и хитросплетенными комбинаціями. Какой-нибудь Кобенцель, Тугутъ или Шпильманъ представляли себѣ, сидя въ вѣнскихъ дворцахъ, что они руководятъ Европой; въ дѣйствительности, они сами были ея игралищемъ. Заключивъ рейхенбахскій трак-

татъ, Австрія отказалась отъ завоеваній турецкихъ провинцій, чтобы вмѣстѣ съ Пруссіей сосредоточить свое вниманіе и собрать всѣ силы противъ Франціи. Австрійскіе дипломаты не умѣли понять двусмысленной игры своего союзника Фридриха-Вильгельма по отношенію къ Польшѣ. Тайный договоръ между Пруссіей и Россіей о новомъ раздѣлѣ Польши, опубликованный 23 января 1793 года (смотр. ниже, главу VI, *Восточная Европа*), поразилъ, какъ громомъ, вѣнскія придворныя сферы. Императоръ Францъ II пришелъ въ крайнее раздраженіе при извѣстіи объ этомъ расчлененіи своей сосѣдки, удалилъ Кобенцеля и передалъ веденіе дипломатическихъ дѣлъ барону Тугуту, бывшему наперснику Кауница.

Пруссія, подъ управленіемъ набожнаго многоженца Фридриха-Вильгельма II-го (смотр. ниже, главу XVI, *Германія*), влачила въ высшей степени жалкое существованіе. Армія, совершенно отдѣленная отъ народа, превосходная для нападенія, была непригодна для стойкой обороны національной территоріи, какъ это доказалъ 1806 г. Она представляла изъ себя полную противоположность австрійскому войску. Дипломатія только и дѣлала, что интриговала. Пресловутый австро-прусскій союзъ былъ не болѣе, какъ грубо намалеванными кулисами: и та, и другая державы ревниво слѣдили за успѣхами своей союзницы, выискивая случай, чтобъ извлечь выгоду изъ ея несчастія или провести ее за носъ. Съ самаго начала войны пруссаки чутко прислушивались ко всему, что говорилось и дѣлалось, и далеко не прочь были отъ соглашенія съ Франціей. Дюмурье, Кюстинъ и Дантонъ склонялись къ такому сближенію. Не менѣе ихъ желали этого принцъ Генрихъ, братъ Фридриха Великаго, герцогъ Брауншвейгскій, Струензе и Мёллендорфъ. Существовало даже предположеніе назначить герцога Брауншвейгскаго, подписавшаго извѣстный манифестъ, генералиссимусомъ французскихъ армій. Несмотря на всю парадоксальность такого плана, это — неоспоримый историческій фактъ. Талейранъ въ 1792 г., Сійесъ въ 1799 г. думали ввѣрить ему судьбу Франціи, надѣясь на ея возрожденіе. Открытые переговоры и тайныя сношенія велись въ этомъ направленіи почти безъ перерыва втеченіе всей франко-прусской войны. Сынъ Кюстина и Сегюръ были посланы въ Берлинъ. Вестерманъ имѣлъ свиданіе съ Калькрейтомъ на другой день послѣ сраженія при Вальми. Министръ герцога Цвейбрюкенскаго, баронъ фонъ Эзебекъ, возобновилъ въ Мецѣ переговоры съ Депортомъ, который ѣхалъ въ качествѣ французскаго дипломатическаго агента къ вюртембергскому двору (май-іюнь 1793 г.). Баронъ фонъ-Люксбургъ, камергеръ Фридриха-Вильгельма II, пригласилъ Депорта въ Мангеймъ для продолженія совѣщаній. Обмѣнъ примирительныхъ заявленій послѣдовалъ въ Ландау. Грамота короля прусскаго была озаглавлена: «король прусскій французской республикѣ». Изъ этого можно заключить, что и Пруссія, и остальныя державы были очень близки къ признанію республики. Но устраненіе Дантона изъ комитета общественнаго спасенія остановило это сближеніе.—Короче говоря, король прусскій продолжалъ войну съ Франціей только для того, чтобы усыпить австрійскую бдительность и обезпечить себѣ возможно большія пріобрѣтенія въ Польшѣ. Онъ однако отнюдь не желалъ, чтобы Австрія увеличила свои владѣнія на счетъ Франціи. Умышленное бездѣйствіе герцога Брауншвейгскаго передъ Майнцемъ помѣшало Вурмзеру и австрійцамъ овладѣть Эльзасомъ, на который зарились сами пруссаки. Король прусскій не менѣе энергично, чѣмъ Англія, воспротивился первому проекту Кобенцеля о понужденіи герцога Баварскаго обмѣнять свои владѣнія на Бельгію. Луккезини, Гаугвицъ, Гарденбергъ и всѣ остальные совѣтники короля прусскаго, поддерживавшіе традиціи Фридриха II, хотѣли во что-бы то ни стало провалить планъ Тугута о расширеніи австрійскихъ Нидерландовъ до Соммы. Австрія отказывалась признать пріобрѣтенія Пруссіи въ Польшѣ. Чтобы принудить ее къ этому, Пруссія избѣгала поддерживать австрійскія войска въ Нидерландахъ и ограничивалась осадой Майнца. Мысль о возможномъ раздѣлѣ Франціи еще болѣе обострила разногласіе между Австріей и Пруссіей, возникшее по поводу раздѣла польскаго королевства.

Другія державы. Остальныя государства были или слишкомъ слабы, или слишкомъ далеки; они ополчались противъ Франціи только на словахъ, высказывая

свое принципіальное осужденіе или безнаказанно понося ее въ своихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ. Гельветическіе кантоны были непосредственно затронуты рѣзней швейцарцевъ во время событій 10-го августа; казнь Людовика XVI встрѣтила съ ихъ стороны открытое неодобреніе. Однако примирительная политика Дантона и въ этомъ незначительномъ государствѣ принесла свои плоды. Бартелеми, принятому сначала очень недружелюбно, вскорѣ было разрѣшено представить правительству свои вѣрительныя грамоты на званіе французскаго посланника. 1-го іюля 1793 г. годичное собраніе тринадцати кантоновъ, созванное во Фрауэнфельдѣ, подтвердило нейтралитетъ гельветической республики (смотр. ниже глава XX, *Швейцарія*).

Король Пьемонта Викторъ-Амедей III женилъ своего сына Карла-Эммануила на сестрѣ Людовика XVI, а двухъ своихъ дочерей выдалъ замужъ за его братьевъ. Благодаря этому тройному свойству съ домомъ Бурбоновъ, туринскій дворъ очень радушно встрѣчалъ эмигрантовъ. Австрія всѣми силами раздувала его враждебное отношеніе къ Франціи, пользуясь своимъ вліяніемъ на пьемонтское королевство. Занятіе вооруженными силами Савойи и Ниццы безъ предварительнаго объявленія войны окончательно озлобило Виктора-Амедея противъ нашего отечества. Однако, будучи предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, онъ не могъ противостоять напору своей могущественной сосѣдки и снова началъ склоняться къ мысли о союзѣ съ Франціей. По внушенію Дантона, первый комитетъ общественнаго спасенія предложилъ барону Вигэ уступить Франціи Савойю, Ниццу и Сардинію. Взамѣнъ ихъ Викторъ-Амедей получилъ-бы право на присоединеніе Генуи и всего того, что́ онъ отвоюетъ у Австріи изъ ея миланскихъ владѣній. Вмѣшательство Англіи помѣшало заключенію такой сдѣлки. Питтъ пообѣщалъ королю Сардиніи предоставить ему, при раздѣлѣ французскаго наслѣдства, всѣ департаменты между Роной, Пьемонтомъ и Савойей. Съ свой стороны Викторъ-Амедей обязался, въ случаѣ возвращенія Ниццы, двинуть въ Провансъ 20.000 человѣкъ. Вторженіе не состоялось, но враждебность этого государя заставила французовъ завоевать всю сѣверную Италію.

Испанія объявила войну, исходя изъ принципіальныхъ соображеній и считая дѣломъ чести отомстить за смерть короля. Въ Перпиньянѣ и Байоннѣ было образовано два революціонныхъ комитета для того, чтобы *муниципализировать* Испанію, т. е. подготовить ея присоединеніе. Дантонъ понялъ ошибочность такой политики и преобразовалъ ихъ въ испанскіе комитеты народнаго просвѣщенія. Торжественно выразивъ свой протестъ, рыцарственная Испанія не имѣла болѣе никакихъ основаній для вражды съ Франціей. Судя по ея образу дѣйствій, можно было предугадывать, что она одна изъ первыхъ выйдетъ изъ числа членовъ коалиціи.

Данія, всемогущій министръ которой былъ извѣстенъ своими симпатіями къ Франціи, не имѣла ничего общаго съ коалиціей. Шведскій король Густавъ III былъ убитъ (мартъ 1792 г.) какъ разъ тогда, когда онъ хотѣлъ стать во главѣ крестоваго похода противъ революціи. Герцогъ Зюдерманландскій, ставшій регентомъ въ виду малолѣтства своего племянника Густава IV-го, сначала держался враждебно по отношенію къ Франціи, но затѣмъ, напуганный интригами руссофильской партіи, отвернулся отъ ея вождей, потихоньку принялъ вѣрительныя грамоты отъ новаго французскаго министра-резидента Вернинака и отправилъ въ Парижъ, въ качествѣ оффиціальнаго посланника, барона де-Сталя, который черезъ свою жену имѣлъ обширныя связи среди дѣятелей революціи. Съ одобренія комитета общественнаго спасенія, Лебренъ составилъ со Сталемъ проектъ договора, которымъ признавалась французская республика. Послѣдовавшія затѣмъ неудачи французскаго оружія побудили регента воздержаться отъ утвержденія договора, представленнаго ему его посланникомъ. Во все время военныхъ дѣйствій Швеція придерживалась строгаго нейтралитета.

Россія приняла явно-враждебное положеніе по отношенію къ Франціи. Но когда другіе члены коалиціи обращались къ ней за помощью въ видѣ денегъ или войскъ, ея представители хранили глубокое, но въ то-же время въ высшей степени краснорѣчивое молчаніе (смотр. главу VI, *Восточная Европа*).

Короче говоря, для борьбы съ пропагандой, которая одинаково угрожала всѣмъ

властелинамъ Европы, они заключили между собою противоестественный союзъ. Другіе, болѣе насущные интересы вскорѣ вызвали между ними неизбѣжныя разногласія и столкновенія.

2) Энергія національнаго конвента.— Конвентъ не опустилъ рукъ передъ страшной опасностью, въ которую ввергала Францію одновременная война съ цѣлой Европой и внутренними врагами. Національное представительство проявило ту мужественную отвагу, которой отъ него требовалъ Дантонъ. Правительственная власть была ввѣрена страшному комитету общественнаго спасенія. Его недруги предавались революціонному суду. Послѣ паденія жирондистовъ, монтаньяры съумѣли организовать могучую централизованную силу, которая подавляла заговоры, примѣняя военные законы; кормила большинство населенія, установляя максимальныя цѣны на хлѣбъ; содержала арміи посредствомъ реквизицій и спасла Францію — терроромъ (смотр. внутреннюю исторію конвента, глава V).

3) Организація арміи. Затрудненія съ волонтерами. Конвентъ организовалъ новую армію. Онъ создалъ орудіе побѣды. Еще въ 1792 году, въ виду возможнаго вторженія непріятеля въ предѣлы Франціи, законодательное собраніе издало постановленіе объ образованіи батальоновъ изъ добровольцевъ. Большинство волонтеровъ выходило изъ рядовъ національной гвардіи и составляло сводные батальоны. Департаментскія власти должны были набирать ихъ, обмундировывать и уплачивать вознагражденіе за поступленіе на службу. Вскорѣ было образовано двѣсти такихъ батальоновъ изъ молодыхъ солдатъ, воодушевленныхъ горячей любовью къ родинѣ. Дюмурье слилъ волонтеровъ въ одно цѣлое со старыми войсками, тщательно разсортировывая ихъ, отсылая на родину престарѣлыхъ, калѣкъ и неспособныхъ къ службѣ, карая смертью за дезертирство, брея мародеровъ и изгоняя ихъ, бритыхъ, изъ арміи. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, ему удалось создать однородную, сплоченную и могучую армію. То были побѣдители при Вальми и Жемаппѣ. Монтескью, умѣвшій держать волонтеровъ въ рукахъ, предпочиталъ ихъ линейнымъ войскамъ.

Тѣмъ не менѣе вскорѣ дали себя почувствовать темныя стороны спѣшнаго набора. Департаменты проявляли далеко не одинаковое усердіе въ наборѣ, обмундированіи и ратномъ обученіи волонтеровъ. Богачи нанимали, вмѣсто себя, охотниковъ. Волонтеры сами назначали себѣ офицеровъ; ихъ выборъ обыкновенно падалъ на говоруновъ и пылкихъ патріотовъ; многіе клубисты попали въ офицеры; но ихъ искренняя—а иногда и напускная—привязанность къ новымъ учрежденіямъ не могла еще обезпечить батальону искусныхъ и хладнокровныхъ руководителей на полѣ сраженія. Наконецъ, волонтеры набирались только на одну кампанію; срокъ ихъ службы истекалъ 1 декабря каждаго года. Въ концѣ 1792 года армія растаяла въ какихъ нибудь 2—3 недѣли. Дороги, ведущія изъ Бельгіи и съ береговъ Рейна, были усѣяны безконечными вереницами волонтеровъ,—какъ офицеровъ, такъ и солдатъ,—которые возвращались на родину. Бернонвилль жаловался, что во многихъ его батальонахъ насчитывается не болѣе 120 человѣкъ. 27 декабря одна изъ волонтерскихъ ротъ совершенно обезлюдѣла; въ ней остались только подпоручикъ да сержантъ. «У меня слишкомъ много ѣдоковъ, писалъ Биронъ, и слишкомъ мало служакъ». Тщетно конвентъ пытался устыдить бросавшихъ армію, провозглашая: «законъ разрѣшаетъ, но вопль отечества запрещаетъ вамъ возвратиться». Уходъ продолжался. Тщетно конвентъ старался облегчить положеніе солдатъ, дозволивъ имъ жениться безъ разрѣшенія начальства. Всѣ женщины, бывшія при лагеряхъ, вышли замужъ и такимъ образомъ узаконили свое присутствіе, но проистекающія изъ него неудобства и безпорядки не сократились.

Военные министры: Пашъ, Бернонвилль, Бушотъ. Въ началѣ дѣятельности конвента, министры, благодаря своей неспособности, только увеличивали неурядицы въ арміи. Преемникъ Сервана—Пашъ, которому Роланъ довѣрилъ веденіе войны, былъ безкорыстнымъ труженикомъ, но человѣкомъ подозрительнымъ и честолюбивымъ; подъ видомъ суровости военачальника, онъ нерѣдко позволялъ себѣ непристойныя и циничныя выходки. У него было нѣсколько хорошихъ помощниковъ, наприм. Мёнье и Каффарелли. Зато другіе, напр. Газенфрацъ и Венсэнъ (Vincent), хотѣвшіе сохранить свое вліяніе въ клубахъ, только портили дѣло и подрывали дисциплину,

внося въ армію новый духъ санкюлотовъ. Въ рейнской арміи, которая наиболѣе страдала отъ эмиграціи офицеровъ, чуть не поголовно уѣзжавшихъ за границу, они хотѣли окончательно очистить штабы отъ приверженцевъ стараго порядка, прогнать со службы всѣхъ офицеровъ изъ дворянъ и удалить всѣхъ подозрительныхъ чиновниковъ. Это значило, по ихъ выраженію, *патріотизировать* армію, т. е. придать ей патріотически-революціонную окраску. Учредивъ *дирекцію закупокъ* для пріобрѣтенія всего, необходимаго войску, Пашъ привелъ интендантскую часть въ полный упадокъ и, въ частности, совершенно дезорганизовалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ бельгійскую армію. Этимъ онъ остановилъ побѣдоносное шествіе Дюмурье. Новые поставщики не только не были лучше прежнихъ, но въ одномъ отношеніи оказались хуже ихъ: они морили армію голодомъ. Бернонвилль требовалъ для солдатъ чулокъ и обуви; ему прислали и того, и другого.... на дѣтскую ногу. Въ началѣ 1793 г. Дюмурье явился въ Парижъ и вызвалъ паденіе Паша (4 февраля). Конвентъ избралъ на его мѣсто Бернонвилля. Можно упрекать этого *«французскаго Аякса»* въ тщеславіи и хвастовствѣ, но справедливость требуетъ признать, что онъ былъ очень дѣятеленъ и руководился хорошими намѣреніями; онъ самъ былъ командиромъ и зналъ французскую армію. Человѣкъ несравненно болѣе дѣловой и выдержанный, чѣмъ Пашъ, онъ гораздо болѣе думалъ о военныхъ способностяхъ и опытности при назначеніи командующихъ отдѣльными частями, чѣмъ о ихъ происхожденіи или революціонномъ пылѣ. Онъ принялъ крутыя мѣры, чтобы вернуть на театръ военныхъ дѣйствій всѣхъ офицеровъ и солдатъ, отлучившихся отъ своихъ батальоновъ безъ надлежащаго разрѣшенія. Бернонвилль очень недолго стоялъ у кормила правленія: черезъ два мѣсяца Дюмурье выдалъ его австрійцамъ. Бушотъ пользовался услугами тѣхъ-же лицъ, какъ Пашъ, и, подобно ему, старался придать арміи якобинскій отпечатокъ. Справедливость требуетъ признать, что онъ строго исполнялъ, не допуская никакихъ уклоненій, всѣ постановленія комитета общественнаго спасенія. Не смотря на нападки, которымъ онъ подвергался, слѣдуетъ указать, что онъ принималъ дѣятельное и немаловажное участіе въ національной оборонѣ. 12 жерминаля II-го года временный исполнительный совѣтъ, вмѣстѣ съ составлявшими его шестью министерствами, былъ уничтоженъ. Полномочія военнаго министра были распредѣлены между двумя *исполнительными коммиссіями войны*: на одну было возложено образованіе и передвиженіе армій, на другую—доставка войскамъ всего необходимаго. Онѣ дѣйствовали подъ наблюденіемъ комитета общественнаго спасенія; Карно игралъ въ нихъ главную, первенствующую роль.

Карно. Дѣло *«организатора побѣдъ»* и теперь еще поражаетъ своими гигантскими, колоссальными размѣрами. Карно прежде всего осмотрѣлъ всѣ наиболѣе опасныя мѣста нашихъ границъ и обезпечилъ защиту всѣхъ крѣпостей. Онъ умѣлъ выбирать людей, подмѣчать и развивать ихъ способности, примѣнять ихъ къ дѣлу и направлять ихъ разрозненныя усилія къ достиженію общей цѣли — успѣху національной обороны. Онъ окружилъ себя сотрудниками, которые не оставляли желать ничего лучшаго: они служили еще въ старой арміи и организовали новую. То были д'Арсонъ, Фаваръ, Лякюе де-Сессакъ и другіе. Карно умѣлъ защитить себя отъ низкихъ завистниковъ и корыстныхъ клеветниковъ. Онъ составлялъ планы кампаній и содѣйствовалъ приведенію ихъ въ исполненіе, какъ это было съ Гондшоотомъ и Ваттиньи. Онъ старался не обращать никакого вниманія на кровавыя трагедіи внутренней жизни Франціи и участвовалъ въ проскрипціяхъ комитета общественнаго спасенія только въ силу необходимости, когда требовалась его подпись. Все его вниманіе было поглощено арміей. Пользуясь помощью Дюбуа-Крансэ и своего земляка Пріёра (отъ Котъ д'Ора), бывшихъ, какъ и самъ онъ, старыми офицерами, а также Бушота, онъ втеченіе одного года успѣлъ составить и двинуть противъ непріятеля четырнадцать армій въ 1.200.000 человѣкъ, которые отбросили полчища коалиціи за границу и расширили Францію до Рейна.

Наборъ 300.000 рекрутовъ. Въ началѣ 1793 года въ арміи было не болѣе 228.000 человѣкъ. Конвентъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. 24 февраля, выслушавъ наскоро мотивированный докладъ Дюбуа-Крансэ, собраніе постановило набрать 300.000 человѣкъ; 82

коммиссара были отправлены въ департаменты «съ цѣлью сообщить своимъ согражданамъ о новыхъ опасностяхъ, которымъ подвергается родина». Они должны были ускорить наборъ. Но конвентъ сдѣлалъ при этомъ крупную ошибку, разрѣшивъ зажиточнымъ новобранцамъ замѣнять себя наемными охотниками. «Нельзя оцѣнить все то зло, которое проистекаетъ изъ этой возможности, говорится въ рапортѣ Карно и Дюкенуá. Люди привыкаютъ продавать себя пять или шесть разъ въ разные баталіоны. Вмѣсто крѣпкихъ и сильныхъ солдатъ, которые должны были-бы идти на войну, армія наполняется хромыми, пьяницами и распутниками».

Поголовный наборъ. Общественное мнѣніе считало недостаточнымъ наборъ 300.000 человѣкъ. Конституція 1793 года только-что провозгласила, что всѣ французы—солдаты: воинская повинность становилась такимъ образомъ долгомъ всякаго и каждаго безъ различія происхожденія и общественнаго положенія, безъ возможности замѣнить себя наемникомъ. Если конституція и не могла быть немедленно примѣнена во всемъ своемъ объемѣ, то не слѣдовало-ли, въ виду крайней опасности, тотчасъ-же осуществить эту статью, касающуюся военной службы? Такъ возникла идея *поголовнаго набора*. Провинціальные делегаты, явившіеся въ Парижъ, чтобы сообщить результаты всенароднаго голосованія, утвердившаго конституцію 1793 года, были ея принципіальными сторонниками. Тѣмъ не менѣе комитетъ общественнаго спасенія опасался чрезмѣрнаго переполненія арміи. Какъ вооружить, какъ кормить изо дня въ день все то несмѣтное множество, которое должно явиться послѣ поголовнаго набора? Можетъ-ли неодѣтый, необутый, голодный и плохо вооруженный солдатъ бороться съ непріятелемъ? Послѣ празднествъ 10 августа 1793 года делегаты французскихъ коммунъ вмѣстѣ съ коммиссарами парижскихъ секцій явились въ конвентъ просить о поголовномъ наборѣ. «Нація въ 25 милліоновъ человѣкъ, говорили они, рѣшившая отстаивать свою свободу, непобѣдима, если употребитъ противъ непріятеля всѣ свои силы.... Пусть въ урочный часъ набатъ свободы разнесется по всей республикѣ.... Пусть будутъ брошены всѣ дѣла, пусть всѣхъ французовъ поглотитъ одно только великое дѣло—спасеніе республики». Конвентъ поддался давленію общественнаго мнѣнія: онъ принялъ принципъ поголовнаго набора (16 августа 1793 г.) и предложилъ делегатамъ коммунъ, которые, повидимому, только мѣшали ему въ Парижѣ, отправиться въ департаменты и наблюдать тамъ за примѣненіемъ этого постановленія. 23 августа послѣ знаменитаго доклада Барера собраніе вотировало слѣдующую мѣру: «пусть каждый займетъ свое мѣсто въ подготовляющемся общенародномъ движеніи. Молодежь будетъ сражаться; люди женатые будутъ ковать оружіе, перевозить войсковую кладь, пушки и артиллерійскіе снаряды, заготовлять съѣстные припасы; женщины станутъ шить солдатскую одежду, дѣлать палатки, ухаживать за ранеными въ госпиталяхъ; дѣти будутъ щипать корпію, а старцы, какъ это бывало въ старину, пойдутъ на площади, дороги и другія общественныя мѣста: они станутъ вдохновлять молодыхъ воиновъ, вселять въ нихъ ненависть къ королямъ и любовь къ республикѣ».—Въ силу этого декрета, всѣ французы отъ 18 до 40-лѣтняго возраста были объявлены въ положеніи «постоянной реквизиціи». Но далеко не всѣ, а именно лишь холостые и вдовцы отъ 18 до 23 лѣтъ должны были немедленно пойти въ солдаты. Остальные должны послѣдовательно пополнять войска по мѣрѣ того, какъ это будетъ требоваться національной обороной. Это была *первая реквизиція*. За ней въ случаѣ необходимости могли послѣдовать другія. Такимъ образомъ система постепенныхъ реквизицій урегулировала примѣненіе поголовнаго набора. Каждый дистриктъ долженъ былъ выслать свой баталіонъ, на знамени котораго было написано: «французскій народъ противъ тирановъ» (Le peuple français debout contre les tyrans). «Реквизиція (говоритъ Минье) стала всеобщимъ лозунгомъ; реквизиціи людей давали арміи, реквизиціи съѣстныхъ припасовъ—провіантъ для армій».

Распространеніе воинской повинности на все населеніе безъ всякихъ изъятій имѣло громадное нравственное значеніе. Комитетъ общественнаго спасенія, чутьемъ угадывавшій практическія потребности своего времени, воспринялъ этотъ принципъ и сдѣлалъ его примѣнимымъ, благодаря мудрому коррективу въ видѣ системы реквизицій. Первая реквизиція дала 450 тысячъ новобранцевъ. Другія реквизиціи объ-

являлись по мѣрѣ того, какъ новыя арміи уходили на границы. Къ концу 1793 г. подъ ружьемъ было уже 642.000 человѣкъ. Ихъ число быстро возрастало.

Реквизиціонеры (т. е. рекруты, взятые по новому закону о реквизиціяхъ) по своимъ боевымъ качествамъ значительно превосходили волонтеровъ. Они чувствовали себя отвѣтственными за спасеніе отечества; уходя исполнять свой долгъ на границу, они избѣгали террора, который свирѣпствовалъ во Франціи. Армія становилась благороднѣйшимъ воплощеніемъ французскаго отечества и республиканской идеи.

Амальгама: Дюбуа - Крансэ. Но армію нельзя съимпровизировать; для этого мало патріотическаго воодушевленія и революціоннаго энтузіазма; нужны опытные люди, способные нести тяжелое бремя военныхъ дѣйствій. Волонтеры и реквизиціонеры представляли изъ себя массу рядовыхъ, но у нихъ не было руководителей. Это были войска безъ кадровъ. Напротивъ того, несмотря на эмиграцію офицеровъ-дворянъ, линейная армія насчитывала въ своихъ рядахъ полный комплектъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, боевыя достоинства которыхъ обезпечивались продолжительной службой. Это были кадры безъ войскъ. Давно уже военачальники предлагали произвести полное сліяніе старыхъ и новыхъ войскъ въ одно цѣлое. Этого требовали Нарбоннъ, Келлерманъ и Кюстинъ. Дюмурье отчасти сдѣлалъ такое смѣшеніе. 23 февраля 1763 г. Дюбуа-Крансэ провелъ его законодательнымъ порядкомъ подъ названіемъ *амальгамы*. Справедливая и практичная мѣра была тотчасъ-же примѣнена очень многими генералами. На первыхъ порахъ произошли нѣкоторыя затрудненія; между «бѣлыми задами» (culs blancs, линейными армейцами) и «синими» (bleuets, волонтерами) завязывались ссоры и участились дуэли. 29 августа 1793 г. бѣлые мундиры были запрещены подъ страхомъ смерти и замѣнены синими; вскорѣ слава покрыла новую обмундировку; она стала популярной въ народѣ. Разрѣшенная 11 іюня, декретированная 12 августа 1793 г., амальгама была примѣнена въ широкихъ размѣрахъ къ рейнской арміи. Декретомъ 8 января 1794 г. она была объявлена обязательной и распространена на всѣ арміи. Два батальона новобранцевъ вмѣстѣ съ однимъ старымъ батальономъ составили *полубригаду* (прежнее названіе *régiment, полкъ*, вышло изъ употребленія), которая была, по преимуществу, тактической единицей. Каждый батальонъ состоялъ изъ 1067 человѣкъ, распредѣленныхъ между девятью ротами, а именно одной гренадерской и восемью стрѣлковыми. Подъ конецъ составленія смѣшанныхъ полубригадъ, т. е. 21 марта 1794 г., пѣхота насчитывала 196 линейныхъ полубригадъ и 22 полубригады легкой пѣхоты съ 1176 полевыми орудіями. Кавалерія состояла изъ 27 полковъ карабинеровъ и кирасировъ и изъ 59 полковъ легкой кавалеріи (90.000 лошадей). Артиллерія съ наличнымъ составомъ въ 15.000 человѣкъ и инженерныя войска съ 5300 солдатами сохранили свою прежнюю организацію. — Въ началѣ 1794 года во всей арміи числилось 850 тысячъ человѣкъ.

Администрація арміи. Мы видѣли выше, какъ распредѣлялись между Карно, Пріёромъ (отъ Котъ д'Ора) и Роберомъ Ландэ отдѣльныя отрасли военнаго управленія. «Я придаю продовольственной части не меньшее значеніе, чѣмъ стратегической», писалъ съ полнымъ правомъ Дюмурье. Правда, нельзя согласиться съ Камбономъ и Жанбономъ Сентъ-Андрэ, будто арестъ всѣхъ провіантмейстеровъ, произведенный на томъ основаніи, что-де всѣ они—спекуляторы и мошенники,—лучшее средство для безостановочнаго и достаточнаго снабженія арміи съѣстными припасами; но дѣйствительно необходимо было, не медля ни минуты, принять революціонныя мѣры, чтобы найти исходъ изъ небывалаго положенія. Съ начала 1793 года торговля была значительно затруднена вслѣдствіе принудительнаго курса бумажныхъ денегъ и установленія максимальныхъ цѣнъ. Декретъ 15 декабря 1792 года предложилъ генераламъ прибѣгнуть къ реквизиціямъ, но нѣсколько послѣдовательныхъ реквизицій могутъ совершенно разорить любую мѣстность; нужно было переносить ихъ изъ одного края страны въ другой, но въ такомъ случаѣ издержки по перевозкѣ должны были поглотить всѣ наличныя средства. 12 февраля 1794 г. Роберъ Ландэ провелъ декретъ, въ силу котораго на будущее время одна лишь продовольственная коммиссія получала право производить реквизиціи. Эта коммиссія требовала, чтобы всѣ дистрикты,

начиная отъ центра государства вплоть до лагеря данной арміи, отсыпали извѣстное количество хлѣба. Высшимъ предѣломъ подводной повинности придорожныхъ землевладѣльцевъ было назначено 10 льё. Коммиссія избѣгала при этомъ понудительныхъ мѣръ, которыя могли вызвать недовольство населенія. Она вызывала въ Парижъ представителей тѣхъ муниципалитетовъ, которые противились принятой системѣ, и дала имъ понять, что только вводимая мѣра можетъ обезпечить общее спасеніе. Послѣ этого арміи стали получать съѣстные припасы очень регулярно. Вздохнули свободно и тѣ области, которыя были заняты нашими войсками.

Чтобы вооружить такой колоссальный комплектъ войскъ, нужно было добыть громадный матерьялъ для фабрикаціи и воспользоваться всѣми новѣйшими усовершенствованіями. 258 кузницъ и 15 желѣзодѣлательныхъ заводовъ, открытыхъ въ Парижѣ, доставляли по тысячѣ ружей въ день. Клуэ, профессоръ химіи въ мезьерской школѣ, устроилъ четыре громадныхъ горна въ Арденскихъ горахъ. Литейные заводы втеченіе года выдѣлали 7000 бронзовыхъ и 13.000 чугунныхъ пушекъ. Гренельскій пороховой заводъ, благодаря примѣненію новыхъ изобрѣтеній, могъ втеченіе трехъ часовъ произвести то, на что раньше потребовался-бы цѣлый день. Онъ ежедневно поставлялъ по 30.000 фунтовъ пороху (его взорвало 31 августа 1794 г.). Какъ на сапожниковъ, оружейниковъ и кузнецовъ, такъ и на ученыхъ была возложена обязанность вложить свою лепту въ дѣло національной обороны. И эта лепта оказалась не малой: Фуркруа открылъ новый способъ для плавки стали и скорѣйшаго изготовленія штыковъ и сабель. Колокола переливали въ артиллерійскія орудія. Бертоллэ открылъ, что можно добывать селитру, обмывая старинныя стѣны. Это вызвало всеобщій энтузіазмъ (см. въ главѣ XI: *Наука и національная оборона*). Революціонныя учрежденія предоставили часть своихъ помѣщеній для преподаванія новыхъ способовъ добычи и очистки селитры, обработки стали и бронзы. Въ качествѣ профессоровъ выступили Гитонъ-де-Морво, Монжъ, Фуркруа и Бертоллэ. — Вся обыкновенная жизнь народа какъ-бы замерла; всѣ усилія были направлены на защиту отечества; всякій и каждый служилъ ему такъ, какъ только могъ и умѣлъ. Въ своемъ знаменитомъ докладѣ 13 августа Бареръ краснорѣчиво изобразилъ настоятельную потребность не пожалѣть ничего для дѣла народной обороны: «всѣ національные дома будутъ обращены въ казармы, общественныя мѣста, въ мастерскія; почва погребовъ послужитъ для приготовленія селитры; всѣ верховыя лошади будутъ взяты для кавалеріи, всѣ упряжныя — для артиллеріи; охотничьи ружья, холодное оружіе и копья будутъ употреблены внутри страны. Вся республика представляетъ изъ себя одинъ громадный осажденный городъ. Франціи слѣдуетъ сдѣлаться военнымъ лагеремъ».

Новая тактика. Втеченіе долгаго времени эти наскоро составленныя войска, которыхъ кормили неаккуратно и плохо, не могли пріобрѣсти нужной боевой подготовки. Они не были годны для методической, правильной борьбы. Карно понялъ это и нашелъ тактику, которая была вполнѣ пригодна для безпорядочныхъ толпъ. Онъ бросалъ ихъ цѣлыми массами на одинъ и тотъ-же пунктъ: системѣ разсчитанныхъ движеній, нисколько не измѣнившейся со временъ Семилѣтней войны, онъ противопоставилъ безпрерывный, все прорывающій и заполняющій потокъ батальоновъ и полубригадъ. Французскіе генералы должны были использовать беззавѣтную удаль, проистекавшую изъ нашего національнаго характера и революціоннаго пыла, передъ атакой засыпать непріятеля цѣлымъ градомъ пушечныхъ ядеръ и затѣмъ броситься въ штыки съ пѣніемъ «марсельезы» или съ бурными кликами «ça ira» (наша возьметъ!), поражать врага непредвидѣнными ударами, брать численностью. Съ 1792 по 1800 насчитываютъ 2.080.000 человѣкъ, призванныхъ подъ знамена. 720.000 умерло съ оружіемъ въ рукахъ; если-же считать раненыхъ и больныхъ, то общая сумма потерь должна быть, по крайней мѣрѣ, удвоена. Но никто не боялся смерти; шли впередъ, не думая о павшихъ по дорогѣ. По иниціативѣ Жанбона Сентъ Андрэ, 18 сентября 1793 года былъ обнародованъ новый военный кодексъ. Отказываясь отъ филантропическихъ идей, вожди французовъ не колебались болѣе «по отношенію къ странамъ и личностямъ, покореннымъ нашимъ оружіемъ, воспользоваться обычнымъ правомъ войны». Рѣшено брать за-

ложниковъ изъ среды аристократіи, разоружать обывателей, налагать контрибуціи деньгами или натурой, распредѣляя ихъ тяжесть преимущественно между людьми богатыми, привилегированными и духовными учрежденіями и выдавая росписки во всемъ полученномъ; захватывать всѣ общественныя имущества; срывать крѣпости; уничтожать мосты, каналы и плотины. Такимъ образомъ вмѣсто прежней освободительной войны была декретирована война на жизнь или смерть, безпощадная борьба съ «коалиціей тирановъ противъ свободы».

Полномочные представители конвента. Чтобы обезпечить строгую дисциплину, внести необходимое единство въ управленіе, вселить въ войска свою несокрушимую энергію и вѣру, творящую чудеса, конвентъ отправилъ во всѣ арміи коммиссаровъ съ безграничными полномочіями. Ревбель и Мерленъ (отъ Тіонвилля) сыграли видную роль при геройской защитѣ Майнца. Въ Вандеѣ Бурботтъ соперничалъ въ храбрости и благородствѣ съ Марсо. Филиппо спасъ и умиротворилъ Нантъ. Въ Валансьеннѣ Бріецъ и Кошонъ продолжали защиту втеченіе двухъ недѣль, несмотря на бомбардировку непріятеля и возстаніе населенія. Карно и Дюкенуа сражались при Ваттиньи, Шаль—въ Варвикѣ, Дюбуа-Крансэ — въ альпійской арміи, Субрани и Мило—въ пиренейской. Фабръ (отъ Геро) былъ убитъ на полѣ сраженія. Робеспьеръ младшій, Рикоръ и Салицетти содѣйствовали обратному взятію Тулона. Лакостъ и Бодо спасли Боша отъ интригъ Пишегрю. Сенъ-Жюстъ и Леба, находившіеся при арміи, которая дѣйствовала въ бассейнѣ Самбры и Мааса, могли служить образцовымъ примѣромъ коммиссаровъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Они были ближайшимъ отпрыскомъ великаго комитета общественнаго спасенія. Воспламенять патріотизмъ, добиваться безпрекословнаго повиновенія распоряженіямъ центральной власти, карать самыми строгими взысканіями малѣйшія уклоненія отъ обязанностей, спрашивать больше съ высшихъ, чѣмъ съ низшихъ, пріобрѣтать расположеніе солдатъ заботой о ихъ нуждахъ, побуждать обывателей жертвовать своимъ благосостояніемъ на пользу арміи,—таковы были трудныя задачи полномочныхъ представителей конвента. Благодаря цѣлому ряду крутыхъ мѣръ, сразу произошло рѣзкое измѣненіе къ лучшему: всякаго солдата, отлучившагося на нѣсколько часовъ изъ лагеря въ Страсбургъ, растрѣливали; офицера, замѣченнаго на представленіи комедіи, разжаловали и заставили служить въ качествѣ простого солдата; дома богачей подверглись реквизиціи и были преобразованы въ больницы; поставщики были принуждены доставлять провіантъ хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ; крестьянъ заставили принимать ассигнаціи въ обмѣнъ на звонкую монету; гражданкамъ города Страсбурга было предложено «перестать одѣваться въ нѣмецкія платья, такъ какъ у нихъ французскія сердца»; лже-патріоты, клубные доносчики, взводившіе на своихъ наиболѣе достойныхъ согражданъ завѣдомо ложныя обвиненія и державшіе ихъ подъ вѣчными подозрѣніями, были изобличены и должны были прекратить свою гнусную дѣятельность. Сколько было еще принято мѣръ, внушенныхъ наиболѣе возвышеннымъ патріотизмомъ и необходимостью бороться съ непріятелемъ! *) Сами они, вѣчно на ногахъ, простые, доступные, человѣчные, выказывавшіе явное расположеніе ко всѣмъ, кто исполнялъ свой долгъ, безжалостные къ бездѣльникамъ, вралямъ и кутиламъ,—работали день и ночь, излагали свои приказы съ чисто-военнымъ лаконизмомъ, что однако не мѣшало ихъ точности и опредѣленности, подавали примѣръ всѣхъ древнихъ добродѣтелей: постоянно выказывая самоотреченіе, они, когда это было нужно, проявляли и храбрость, становились въ первые ряды и шли на непріятеля. Съ

*) Вотъ нѣкоторыя изъ постановленій Сенъ-Жюста: «Десять тысячъ солдатъ босы; нужно разуть всѣхъ аристократовъ Страсбурга; завтра къ 10 часамъ 10.000 башмаковъ должны быть доставлены въ главную квартиру.—Муниципалитетъ города Страсбурга долженъ втеченіе 24 часовъ приготовить 2000 кроватей для солдатъ.—У богатыхъ будетъ произведенъ заемъ въ 9 милліоновъ; два изъ нихъ пойдутъ въ пользу раненыхъ, одинъ на крѣпость, шесть милліоновъ—на армію. Наиболѣе богатый изъ тѣхъ, которые втеченіе 24 часовъ не исполнятъ этой обязанности и не внесутъ наложенной на нихъ доли, не далѣе, какъ черезъ три часа, будетъ взведенъ на эшафотъ и казненъ посредствомъ гильотины.—Публичный обвинитель Страсбурга—Шнейдеръ—былъ преданъ парижскому революціонному суду по обвиненію въ томъ, что, развозя гильотину по всѣмъ городамъ, навелъ паническій ужасъ на департаментъ своей кровавой расправой и въ своемъ безумствѣ дошелъ до того, что въ видѣ реквизиціи требовалъ для себя женщинъ»

этихъ поръ всѣ знали, что, идя впередъ, быть можетъ будешь убитъ, но зато умрешь со славой; что, идя назадъ, навѣрное будешь убитъ и, притомъ, убитъ съ позоромъ. Предпочитали идти впередъ и умирать.

Новые генералы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ военномъ командованіи былъ произведенъ рядъ благотворныхъ реформъ. Чтобы избѣжать неудобствъ, проистекавшихъ изъ совершенно произвольнаго выбора офицеровъ, законъ о движеніи по службѣ, изданный 25 февраля 1793 года, постановилъ, что никто не можетъ быть произведенъ въ чинъ, начиная съ капрала и кончая генераломъ, разъ онъ не умѣетъ читать и писать. Одна треть открывающихся вакансій будетъ замѣщаться по выслугѣ лѣтъ, другая—по жребію, третья—по выбору. Всѣхъ генераловъ назначаетъ конвентъ. — Движеніе по военной службѣ было необычайно быстро. Съ конца 1791 г. до іюля 1793 было назначено и замѣщено 593 генерала. Нужно было заполнять пробѣлы, образовавшіеся вслѣдствіе эмиграціи и измѣнъ. Въ особенности чувствовалась необходимость удалить всѣхъ неудачливыхъ военачальниковъ и замѣнить ихъ тѣми, которые умѣли побѣждать. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда—недѣль, можно было сдѣлать блестящую карьеру, перейти изъ числа простыхъ исполнителей чужихъ приказаній въ руководители арміи: Гоши, Марсо, Десэ, Бонапарты, Ланны, Даву были генералами въ тридцать лѣтъ. Домогаясь и получая эти раннія почести, они входили въ молчаливое соглашеніе съ побѣдой или смертью. Несчастливыхъ военачальниковъ казнили. Биронъ, Богарнэ, Кюстинъ и Гушаръ (послѣдній—вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды) умерли на эшафотѣ.

Результаты подавленія внутреннихъ безпорядковъ. Августъ 1793 года былъ временемъ наибольшей опасности для Франціи; но съ него-же началось и ея возрожденіе: успѣхи на границѣ совпадали съ ея внутреннимъ замиреніемъ (смотр. выше); это была эпоха, когда подготовлялись будущія побѣды, организовывались безчисленные батальоны, составлявшіеся посредствомъ реквизицій, когда комитетъ общественнаго спасенія самодержавно управлялъ цѣлой іерархіей доблестныхъ офицеровъ. Все, что было во Франціи здороваго, мыслящаго и патріотическаго, взялось за оружіе: чувство долга всѣмъ говорило одно и то-же, намѣченная цѣль должна была покрыть славой нашихъ согражданъ. Въ арміи воплощалась всякая активная мысль, всѣ лучшія силы Франціи. Съ удивительнымъ героизмомъ она осуществила волю народа: спасла страну отъ иноземнаго вторженія и контръ-революціи, и въ то-же время упрочила политическія и соціальныя пріобрѣтенія революціи.

Успѣхи. 1) Гушаръ при Гондшоотѣ. Послѣ взятія Валансьенна и Конде принцъ Кобургскій отбросилъ французовъ за Скарпу. Онъ имѣлъ возможность двинуться со своими 100.000 человѣкъ на Парижъ, но предпочелъ идти на Камбрэ и осадить Ле-Кенуа. Герцогъ Іоркскій получилъ приказъ обложить Дюнкирхенъ. Питтъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы обезпечить Англіи портъ, который бы служилъ ключемъ къ Франціи. Но это значило разрѣзать армію союзниковъ на-двое и отвлечь отъ нея важную часть. Герцогъ Іоркскій расположился передъ Дюнкирхеномъ. Онъ думалъ, что достаточно обезпечилъ себѣ сообщенія тѣмъ, что оставилъ 15.000 гессенцевъ въ виду Русбрюгге на Изерѣ подъ начальствомъ Фрейтага и другой такой-же корпусъ голландцевъ въ Мининѣ. Гушару поручили замѣстить Кюстина въ сѣверной арміи, подобно тому, какъ онъ уже замѣнялъ его на Рейнѣ. Со времени Семилѣтней войны онъ не разъ и не два имѣлъ случай проявить свою необыкновенную отвагу и приверженность революціи. Карно послалъ ему значительныя подкрѣпленія и предписалъ ему сосредоточить всѣ свободныя войска для освобожденія Дюнкирхена. «Тамъ честь націи. Питтъ продержиться только въ томъ случаѣ, если будетъ ослѣплять англичанъ крупными побѣдами. Поведите во Фландрію какъ можно больше войскъ и прогоните непріятеля». Гушаръ сдѣлалъ ошибку, взявъ съ собою только 25.000 человѣкъ и оставивъ въ различныхъ лагеряхъ и укрѣпленіяхъ болѣе 30.000 солдатъ. Вмѣсто того, чтобы отрѣзать отступленіе герцогу Іоркскому, онъ напалъ съ фронта на наблюдательскую армію Фрейтага. Военныя дѣйствія, которыя носятъ названіе сраженія при Гондшоотѣ, продолжались три дня (6—8 сентября). Гушаръ выказалъ при этомъ нѣкоторую нерѣшительность. Повидимому,

онъ боялся принятой на себя отвѣтственности. Только увлеченіе его лейтенантовъ Журдана, Вандамма, Леклера и Гедувилля, мужество коммиссаровъ Левассера и Дельбреля и удачная вылазка дюнкирхенскаго гарнизона подъ начальствомъ Гоша обезпечили побѣду. На другой день Гушаръ имѣлъ полную возможность сбросить въ море или уничтожить корпуса герцога Іоркскаго и Фрейтага, отступившіе къ Фюрнесу. Но онъ отправилъ противъ нихъ слишкомъ мало войскъ. Колеблясь на каждомъ шагу, онъ медлилъ съ осуществленіемъ плана Карно, состоявшаго въ томъ, чтобы войска повернули направо и выручили крѣпости по р. Лисѣ. Гушаръ сражался еще съ голландцами подъ Мениномъ и отбросилъ ихъ по направленію къ Куртрэ. Но при Биссегенѣ его войска охватила паника. Бѣглецовъ съ трудомъ удалось собрать подъ стѣнами Лилля. Ле-Кенуа сдался принцу Кобургскому 11-го сентября. Австрійцы начали осаду Мобежа.

Итакъ, Гондшоотъ не имѣлъ тѣхъ славныхъ послѣдствій, какъ Жемаппъ. Гушаръ былъ побѣжденъ, какъ и Кюстинъ. Оба они были казнены, павъ жертвой одинаковой несправедливости. Кюстину ставили въ вину его *азіатскую* роскошь,—то, что онъ ѣздилъ по Майнцу въ *раззолоченномъ* экипажѣ: «это *Дюмурье младшій*», говорилъ Эберъ. Онъ отказался раздать между своими солдатами экземпляры «Журнала Горы» и «Перъ-Дюшенъ», онъ приказалъ казнить солдатъ, виновныхъ въ неповиновеніи, онъ жаловался на коммиссаровъ, на обязанности которыхъ лежала доставка провіанта; вопреки мнѣнію Бушота, онъ оставилъ нѣсколько заслуженныхъ офицеровъ дворянскаго происхожденія. На него взводили также ложное обвиненіе, будто для пароля онъ выбралъ слова «Кондорсэ», а для лозунга—«конституція». Ни одинъ адвокатъ не взялъ на себя его защиты. Обнимая сына наканунѣ казни, онъ сказалъ: «сынъ мой, не знаю, какъ я буду держаться завтра; идя на смерть, ни одинъ человѣкъ не можетъ отвѣчать за себя; во всякомъ случаѣ я постараюсь быть достойнымъ того имени, которое оставляю тебѣ». Кюстинъ, этотъ *Германикъ* въ исторіи французской революціи, искупилъ своей смертью потерю Майнца и Валансьенна, а также свое аристократическое происхожденіе.

Гушаръ не далъ себѣ удовольствія свести на судѣ счеты съ министромъ Бушотомъ: онъ предсталъ съ видомъ человѣка, готоваго претерпѣть даже незаслуженную кару. Онъ не старался даже подчеркнуть свою побѣду при Гондшоотѣ. Съ благородной простотой онъ напомнилъ только, что незадолго до его вступленія въ командованіе сѣверной арміей изъ нея были удалены 22 офицера главнаго штаба и одинъ генералъ. Левассеръ обвинялъ его въ трусости, будто-бы проявленной послѣ Менина: шрамы 55 ранъ на его тѣлѣ краснорѣчиво свидѣтельствовали о противномъ. Его упрекали въ измѣнѣ. «Сдѣлавшись изъ простого драгунскаго капитана командующимъ цѣлой арміей, сказалъ онъ, на что я могъ надѣяться, передавшись на сторону непріятеля? Меня разорвали-бы на куски за то зло, которое я причинялъ недругамъ Франціи». Гушаръ встрѣтилъ смерть безъ ропота, не падая духомъ. Своей безвременной кончиной онъ искупалъ спасеніе англійской арміи и сдачу Ле-Кенуа.

2) Журданъ при Ваттиньи. Преемникомъ Гушара былъ Журданъ. Онъ принялъ подъ свое командованіе всѣ силы, собранныя на сѣверной границѣ, начиная отъ Дюнкирхена и кончая Карриньяномъ. 22 сентября 1793 г. ему была подчинена и арденнская армія. Журданъ былъ ветераномъ американской арміи. По возвращеніи на родину, не будучи дворяниномъ, онъ долженъ былъ снять эполеты, отказаться отъ службы и вмѣстѣ со своей женой заняться мелочной торговлей. Выбранный въ 1791 году командиромъ батальона волонтеровъ, онъ вскорѣ сдѣлался генераломъ и командующимъ арміей. — Мобёжъ былъ осажденъ 35.000 австрійцевъ. Старый генералъ Шансель не дѣлалъ ничего, чтобы выручить крѣпость. Обсерваціонная армія въ 45.000 человѣкъ, расположенная въ грозномъ прекрасно-укрѣпленномъ лагерѣ, отдѣляла ее отъ остального міра. «Признаюсь, говорилъ Кобургъ, французы—гордые республиканцы, но я самъ сдѣлаюсь ихъ единомышленникомъ, если они прогонятъ меня отсюда». По приказу комитета общественнаго спасенія, Карно въ сопровожденіи своего брата Карно-Фёлена и Дюкенуа явились въ главную квартиру Журдана, который уже сосредоточилъ 50.000 человѣкъ въ *Ре-*

юньонъ-сюръ-Уазъ («Собраніе-на-Уазѣ»,— такъ переименовали старинный городокъ Гизъ). Бой начался 15 октября. Онъ велся съ особымъ ожесточеніемъ на правомъ крылѣ передъ позиціей при Ваттиньи, которая была взята нами только на слѣдующій день послѣ стремительной атаки подъ пѣніе «Марсельезы». 17 октября французы готовы были возобновить нападеніе по всей линіи, но оказалось, что непріятель бѣжалъ втеченіе ночи. Еслибы Шансель и Ферранъ сдѣлали въ это время такую-же смѣлую вылазку, какъ Гошъ— изъ Дюнкирхена, можно было-бы совершенно истребить австрійскую армію. Благодаря этой ошибкѣ, Кобургъ могъ соединиться съ Іоркомъ за р. Самброй. Слѣдуетъ однако признать, что Мобёжъ былъ всетаки освобожденъ, а дорога на Парижъ, передъ тѣмъ свободная для непріятеля, была ограждена нашими войсками. Забывая про самого себя, Карно приписалъ всю честь побѣды Журдану и просилъ конвентъ провозгласить, что сѣверная армія имѣетъ крупныя заслуги передъ отечествомъ.

3) Гошъ и Пишегрю при Вейссенбургѣ. Два мѣсяца спустя, подобно сѣверной границѣ, была очищена отъ непріятеля и эльзасская окраина. Послѣ потери Майнца, и мозельская, и рейнская арміи, въ которыхъ было все-же около 60 тысячъ человѣкъ, находились въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Подъ предлогомъ очищенія главныхъ штабовъ отъ бывшихъ дворянъ и «санкюлотизированія арміи» Бушотъ то и дѣло мѣнялъ генераловъ. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль во главѣ мозельской арміи стояли попеременно: Гушаръ, Рене́, Моро, Шауембургъ и Делонэ; въ рейнской арміи командующимъ былъ Богарнэ, затѣмъ Ландремонъ и Карлекъ. 14 сентября герцогъ Брауншвейгскій нанесъ Моро кровавый ударъ при Пирмасанѣ; наша мозельская армія вынуждена была отступить на лѣвый берегъ Саары. Вурмзеръ, медленно подвигаясь къ югу, заставилъ французовъ оставить вейссенбургскія позиціи и отбросилъ ихъ за р. Лаутеръ (13 октября). Другія стычки были при Келѣ и Гюнингенѣ. Пруссаки, овладѣвъ горными проходами сѣверныхъ Вогезовъ, подвигались впередъ и заняли такую важную позицію, какъ Вёртъ. Непріятель расположился на зимнія квартиры въ самой Франціи. Еслибы Вурмзеръ и герцогъ Брауншвейгскій сговорились, достаточно было одного удара, чтобы взять Страсбургъ.

Видя надвигающуюся опасность, которая могла повлечь за собою для Франціи въ высшей степени тяжкія послѣдствія, комитетъ общественнаго спасенія отправилъ Сенъ-Жюста и Леба въ чрезвычайную миссію къ рейнской арміи, а Лакоста и Бодо—въ мозельскую. Гошъ былъ назначенъ командующимъ мозельской арміей, Пишегрю сталъ во главѣ рейнской. Гошъ, сынъ сторожа при королевской псарнѣ въ Версалѣ, при старыхъ порядкахъ могъ-бы въ лучшемъ случаѣ достигнуть чина сержанта. Офицеръ въ арміи Дюмурье, онъ сдѣлался адъютантомъ генерала Ле-Венера, который старался придать ему внѣшній лоскъ и научить военному искусству. Въ журналѣ Марата Гошъ писалъ, правда, патріотическія тирады; онъ усвоилъ языкъ «Перъ-Дюшена» и пользовался покровительствомъ Бушота. Но подъ личиной яраго якобинца Дантонъ угадалъ душу, преданную отечеству, и выдающіяся военныя дарованія. Докладная записка Гоша, поданная на имя комитета общественнаго спасенія и содержавшая въ себѣ соображенія относительно плана войны на сѣверной границѣ, снискала ему расположеніе Карно. «Насъ губитъ рутина... писалъ онъ. Уничтожимъ всѣ крѣпости, которыхъ мы не въ силахъ защитить, не разбрасывая своихъ силъ, и смѣло ринемся въ самый центръ непріятельскихъ армій; собравшись, мы будемъ сильнѣе, чѣмъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности; побѣдивъ одну мы нападемъ на другую и т. д.». Это былъ планъ самого Карно. Гошъ предугадалъ характерную черту современной войны. Войдя въ Дюнкирхенъ простымъ командиромъ батальона, онъ черезъ шесть недѣль былъ командиромъ мозельской арміи. «Аргусъ Мозеля» въ льстивой статьѣ описываетъ первое впечатлѣніе, произведенное этимъ двадцати-пятилѣтнимъ генераломъ: «онъ показался намъ юнымъ, какъ Революція, мощнымъ, какъ народъ... Его взглядъ— такой-же гордый и зоркій, какъ у орла; будемъ надѣяться, друзья! онъ покажетъ намъ, чѣмъ должны быть французы». Съ его устъ сходили слова, достойныя спартанца: «со штыками и хлѣбомъ мы можемъ побѣдить Европу... Если мечъ ко-

ротокъ, нужно только сдѣлать лишній шагъ».

Пишегрю былъ прямой противоположностью Гоша. Человѣкъ себѣ на умѣ, онъ напоминалъ крестьянина изъ Франшъ-Контэ. Онъ не имѣлъ большого опыта въ военномъ дѣлѣ: чтобы изучить непріятельскія позиціи, онъ считалъ достаточнымъ посмотрѣть на нихъ въ бинокль изъ Гюнигена. Къ числу его достоинствъ слѣдуетъ отнести чрезвычайно ясный и здравый умъ, а также ничѣмъ не возмутимое хладнокровіе. Онъ умѣлъ обходиться съ солдатами, которые звали его своимъ «отцомъ». Онъ не прочь былъ ругнуть мимоходомъ своихъ соперниковъ, льстить Сенъ-Жюсту и Бушоту, онъ умѣлъ слушать Десэ.

Несмотря на то, что семнадцать его родственниковъ эмигрировало за границу, Десэ добился довѣрія самыхъ ярыхъ якобинцевъ. Слишкомъ ужъ чувствовался внутренній огонь его страстной привязанности къ новому порядку. Это былъ Роландъ или Баярдъ, вѣчно готовый быть въ первомъ ряду бойцовъ и идти на рискованное дѣло. Онъ былъ неустрашимъ и справедливъ. Наряду со всѣми боевыми достоинствами онъ обладалъ еще скромностью.

Подъ предводительствомъ этихъ новыхъ начальниковъ, солдаты снова почувствовали увѣренность въ себѣ и своихъ силахъ, офицеры поняли, въ чемъ состоятъ ихъ обязанности. Все вошло въ колею. Слишкомъ смѣлый и предпріимчивый Гошъ хотѣлъ однѣми своими силами выручить Ландау. Онъ двинулъ войска изъ Бича на Пирмасанъ и Кайзерслаутернъ. Пруссаки отступили, чтобы занять болѣе выгодныя позиціи за Лаутеромъ. Гошъ думалъ, что они бѣгутъ отъ страха. «Санкюлоты прогнали щеголей», писалъ онъ.— Герцогъ Брауншвейгскій прекрасно укрѣпилъ лагерь при Кайзерслаутернѣ. Тщетны были стремительныя атаки Гоша; французы не могли выбить пруссаковъ изъ ихъ сильной позиціи. «Балъ» длился трое сутокъ. Гошъ вынужденъ былъ отступить,— правда, въ полномъ порядкѣ и ничего не оставивъ непріятелю. Герцогъ Брауншвейгскій не посмѣлъ его преслѣдовать (28 — 30 ноября). Съ своей стороны Пишегрю втеченіе цѣлаго мѣсяца дѣлалъ вылазки изъ своего укрѣпленнаго лагеря подъ стѣнами Страсбурга: онъ закалялъ свою армію для настоящаго боя. Неукротимому пылу санкюлотовъ австрійцы противопоставили невозмутимое хладнокровіе. Французы теряли втрое больше людей, чѣмъ непріятель. Тѣмъ не менѣе Вурмзеръ чувствовалъ, что пораженіе неминуемо, если пруссаки не придутъ къ нему на помощь.

Освобожденіе Ландау. Гошъ сдѣлалъ ошибку, дѣйствуя одинъ. Но затѣмъ онъ понялъ настоятельную необходимость соединиться съ Пишегрю и дѣйствовать сообща. Нужно было напасть на правый флангъ Вурмзера, «этого австрійскаго паршивца», воспользоваться отдаленностью силъ герцога Брауншвейгскаго и не терять ни минуты, чтобы предупредить сдачу Ландау, доведеннаго уже до крайней нужды. Начиная съ 15 декабря атаки на различныя позиціи австрійцевъ возобновлялись чуть не каждый день. Вурмзеръ со страхомъ видѣлъ появленіе все новыхъ и новыхъ республиканскихъ массъ, которыя, какъ грибы, выростали изъ земли. Ожесточенно сражались при Лембахѣ, Рейхсгофенѣ и Фрёшвиллерѣ, которые получили съ этого времени столь печальную извѣстность.

22 декабря Фрёшвиллеръ перешелъ въ руки французовъ. 24-го австрійцы очистили Гагенау. Въ тотъ-же день Гошъ былъ назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій. Вурмзеръ отступилъ къ Вейссенбургу и думалъ уже снять осаду съ Ландау. Но этому помѣшали энергическіе протесты и просьбы герцога Брауншвейгскаго, который обѣщалъ немедленно придти на помощь своему коллегѣ. Но было уже поздно. 26 декабря произошло большое сраженіе. Дѣло шло о томъ, чтобы выбить непріятеля изъ вейссенбургскихъ позицій и окрестностей Ландау. «Ландау или смерть!» кричали въ лагерѣ французовъ. Извѣстіе о взятіи Тулона придало бодрости. Французская пѣхота взобралась подъ убійственнымъ огнемъ на склоны Гейсберга, взяла въ штыки позиціи австрійцевъ и совершенно уничтожила-бы непріятеля, еслибы герцогъ Брауншвейгскій, спустившись съ холма Пижонье, не прикрылъ его отступленія. Французы вступили въ Вейссенбургъ, прогнали изъ Лаутербурга эмигрантовъ арміи Конде и освободили Ландау, который втеченіе четырехъ мѣсяцевъ съ необы-

чайной твердостью выдерживалъ осаду, несмотря на страшную бомбардировку, а также цѣлую эпидемію подозрѣній и соперничества (28 декабря). Пруссаки оставили также Гермерсгеймъ и Шпейеръ и расположились на зимнія квартиры въ Нейштадтѣ; австрійцы перешли черезъ Рейнъ и остановились въ Филиппсбургѣ.

Возстановленіе французскихъ государственныхъ границъ. Подобно сѣверной границѣ, Эльзасъ былъ очищенъ отъ непріятеля. Келлерманъ отбросилъ за Альпы 2500 пьемонтцевъ, посланныхъ на помощь мятежному Ліону. Армія, расположенная въ приморскихъ Альпахъ, правда, не переходила въ наступленіе, но охраняла разъ пріобрѣтенную территорію. Только пиренейская армія потерпѣла неудачу и должна была отступить подъ стѣны Перпиньяна. Конвентъ пренебрегъ этой неудачей, такъ какъ она не могла имѣть особеннаго значенія: всѣ его усилія сосредоточивались на предотвращеніи дѣйствительно громадной опасности. Наша сѣверо-восточная, вѣчно уязвимая, граница была спасена. Правда, Франція пожертвовала множествомъ жизней, но непріятель потерпѣлъ еще большій уронъ: наше отечество оказалось могилой для армій коалиціи.

IV. Расширеніе государственной территоріи до естественныхъ границъ.

Внѣшняя политика Дантона. Съ самаго начала своей дѣятельности, національный конвентъ выдвинулъ на первый планъ войну во имя чувства. Декретомъ 19 ноября 1792 г. онъ обратился ко всѣмъ народамъ съ призывомъ къ освобожденію и обѣщаніемъ поддержки. 15 декабря 1792 г. онъ декретировалъ войну противъ «тирановъ». Успѣхъ окрылилъ собраніе: оно думало, что его призваніе—низвергнуть всѣ троны и дать свободу всему человѣческому роду. Вскорѣ обстоятельства измѣнились: Бельгія отказалась отъ «національзаціи», рейнскія области призвали къ себѣ своихъ прежнихъ властителей. Могли-ли когда-нибудь осуществиться пылкія надежды и безумныя мечты первыхъ дней революціи? Слѣдовало-ли навязывать народамъ свободу противъ ихъ желанія? Дантонъ не раздѣлялъ этого мнѣнія. Его мощный геній не соблазнялся химерами: у него было для этого слишкомъ много здраваго смысла и чутья дѣйствительности. Онъ еще лучше понималъ вопросы международные, чѣмъ внутренніе. Великія европейскія разногласія слѣдовало, по его мнѣнію, разрѣшать согласно съ установившимися традиціями и по общепризнаннымъ правиламъ. Освобождать народы посредствомъ французскаго оружія значило: въ случаѣ неудачи—погубить свое собственное отечество, въ случаѣ побѣды—разрушить республику. Въ военной демократіи побѣдоносный генералъ неминуемо долженъ сдѣлаться абсолютнымъ властелиномъ, мечъ побѣдилъ-бы тогу, «война противъ королей» привела-бы къ возстановленію монархіи. Дантонъ мечталъ о расширеніи Франціи до ея естественныхъ границъ. Но и въ томъ видѣ, какъ ее создали наши короли, Франція имѣла достаточно силъ, чтобы внушить къ себѣ уваженіе. Ея новыя учрежденія не могли не оказать на сосѣдніе народы могучаго вліянія. Не зачѣмъ заискивать передъ ними, и еще неразумнѣе—принуждать ихъ, они сами придутъ подъ сѣнь великой республики и съумѣютъ подражать нашему примѣру въ отвоеваніи свободы.

Дантонъ былъ главнымъ создателемъ комитета общественнаго спасенія. Онъ былъ его душой. Вѣдая вмѣстѣ съ Барeромъ иностранныя дѣла, онъ понялъ необходимость вернуться къ обсужденію декретовъ 19 ноября и 15 декабря 1792 года. Засѣданіе 13 апрѣля 1793 г. представило для этого удобный случай. Робеспьеръ предложилъ карать смертью «всякаго, кто предложитъ примиреніе съ врагами». Дантонъ прибавилъ къ этому очень умную оговорку: «съ врагами, которые не признаютъ народнаго верховенства». «Наступило вре-

мя, сказалъ онъ, дать понять Европѣ, что національный конвентъ умѣетъ сочетать политику съ республиканскими добродѣтелями. Въ порывѣ энтузіазма вы издали декретъ, въ силу котораго вы приняли на себя обязательство оказывать покровительство народамъ, которые-бы пожелали свергнуть съ себя иго тирановъ. Безспорно, вами руководили при этомъ самыя возвышенныя чувства, но этотъ декретъ обязывалъ-бы васъ придти на помощь даже Китаю, еслибы въ немъ оказалось нѣсколько патріотовъ, жаждущихъ революціи. Нужно, прежде всего, подумать о сохраненіи нашего политическаго цѣлаго и о величіи Франціи. Пусть только укрѣпится республика, и Франція своимъ просвѣщеніемъ и энергіей привлечетъ къ себѣ всѣ народы». Собраніе стало на сторону Дантона и сдѣлало слѣдующее постановленіе: «національный конвентъ объявляетъ отъ имени французскаго народа, что онъ никоимъ образомъ не вмѣшается въ управленіе другихъ державъ, но въ то-же время предупреждаетъ, что скорѣе дастъ похоронить себя подъ собственными развалинами, чѣмъ потерпитъ вмѣшательство какой-бы то ни было державы во внутреннія дѣла республики».—Этотъ декретъ открывалъ широкій путь для соглашеній. Разъ Франція отказывалась отъ мысли ниспровергнуть правительства всѣхъ державъ коалиціи, не было уже причинъ, въ силу которыхъ война явилась роковой, неизбѣжной необходимостью. Дантонъ тотчасъ-же возобновилъ переговоры съ иностранными дворами. Единственная практичная политика—политика интересовъ — смѣнила политику альтруистическаго чувства.

Переговоры съ Европой. Министръ Лебренъ, честный патріотъ, обладавшій здравымъ смысломъ, но умѣренными способностями, оказался въ высшей степени полезнымъ сотрудникомъ Дантона при осуществленіи его новыхъ плановъ. Множество агентовъ было послано къ иностраннымъ правительствамъ, чтобы оказать вліяніе на ихъ настроеніе, предложить взаимныя уступки и подготовить раздоры между союзниками. Шепи былъ отправленъ въ Женеву, чтобы успокоить мѣстныхъ дѣятелей и убѣдить ихъ остаться нейтральными. Отсюда онъ долженъ былъ поѣхать къ туринскому двору, чтобы навести справки, не будутъ-ли тамъ согласны получить, вмѣсто утраченной Савойи и Ниццы, часть Миланской области. Сулави ѣдетъ въ Валлисъ. Депортъ, посланный къ герцогу Цвейбрюкенскому, предлагаетъ ему планъ полной реорганизаціи Германіи. Кайльяръ назначенъ полномочнымъ министромъ-резидентомъ при Регенсбургскомъ сеймѣ, чтобы вести интриги среди нѣмецкихъ князей. Семонвилль принимаетъ на себя миссію къ великому герцогу Тосканскому; Марэ—въ Неаполь, Декоршъ—въ Константинополь. Маркизъ Потера́, выброшенный изъ свѣтскаго общества еще при старомъ порядкѣ, оказавшійся затѣмъ ярымъ якобинцемъ, но оставшійся интриганомъ и любившій обдѣлывать всевозможныя аферы, брался разрушить коалицію, подкупивъ главныхъ совѣтниковъ при иностранныхъ дворахъ. Конвентъ предоставилъ въ распоряженіе министра иностранныхъ дѣлъ шесть милліоновъ, — «необходимая мѣра для того, чтобы узнать замыслы нашихъ враговъ». Снова стали строить планы сближенія съ Пруссіей; Эзебекъ и Люксбургъ имѣли тайныя свиданія съ Депортомъ. Въ Константинополѣ возобновили дружескія увѣренія, чтобы пріобрѣсти старое расположеніе Турціи. Баронъ Сталь уже подготовилъ союзный договоръ съ Швеціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ вмѣшательства въ пользу Польши, которое не могло привести ни къ какимъ результатамъ; при этомъ подразумѣвалось, что «отсутствіе сопротивленія» со стороны Франціи тому, что́ творилось въ Польшѣ, должно быть представлено, какъ средство къ примиренію съ тремя державами, производившими раздѣлъ. Были сдѣланы попытки поддержать въ Англіи республиканскую партію; тайный агентъ Мэтюзъ предложилъ Лебрену проектъ сближенія съ англійскимъ министерствомъ. Нѣмецъ Форстеръ, принятый въ число гражданъ республиканской Франціи, поѣхалъ въ главную квартиру англійской арміи на сѣверѣ, чтобы договориться относительно обмѣна плѣнныхъ и подготовить пути къ полному соглашенію между правительствами.—Это былъ возвратъ къ прошлому, къ торгашеской политикѣ взаимныхъ уступокъ и вознагражденій на счетъ третьихъ лицъ. Дантонъ и Лебренъ пытались протянуть руку всѣмъ пока еще нейтральнымъ державамъ и возстановить добрыя отношенія съ прежними друзьями Франціи, а также тѣми государствами, кото-

рыя пользовались ея покровительствомъ. Онп шли на мировую съ королями.

Внѣшняя политика Робеспьера. Сторонники вооруженной пропаганды революціонныхъ идей не хотѣли признать себя побѣжденными. 24 апрѣля космополитъ Анахарзисъ Клотсъ развилъ передъ собраніемъ свою излюбленную мысль объ «учрежденіи республики человѣческаго рода»; онъ предлагалъ конвенту постановить, что его члены—представители не одной только Франціи, но всего человѣчества. Въ томъ-же засѣданіи Робеспьеръ представилъ проектъ деклараціи правъ, въ которую входили слѣдующіе принципы: «люди всѣхъ странъ — братья и должны поддерживать другъ друга, какъ граждане одного и того-же государства. Всякій угнетатель одной націи является врагомъ всѣхъ. ...Короли, аристократы и всякаго рода тираны—не что иное, какъ рабы, возставшіе противъ своего господина — человѣчества и противъ законодателя вселенной—природы». Предложеніе Робеспьера не было принято, и дантонистъ Роберъ могъ отвѣтить, встрѣчая сочувствіе собранія: «мнѣ хочется, чтобы законодатель Франціи забылъ на нѣкоторое время о существованіи вселенной и сосредоточилъ вниманіе на своей собственной отчизнѣ; я желалъ-бы видѣть проявленіе того національнаго эгоизма, безъ котораго нельзя исполнять своего долга... я люблю всѣхъ людей, я особенно люблю людей свободныхъ, но свободныхъ людей Франціи я предпочитаю остальнымъ». Однако Робеспьеръ отнюдь не былъ склоненъ считать свое дѣло проиграннымъ. Для достиженія диктатуры, было необходимо, чтобы революція принимала все болѣе и болѣе насильственный характеръ, а война велась все ожесточеннѣе и ожесточеннѣе. При поддержкѣ Дантона ему удалось освободиться отъ жирондистовъ. Послѣ ихъ паденія, онъ съумѣлъ подорвать громадное и благодѣтельное вліяніе самого Дантона. 10 іюля ему удалось исключить его изъ состава комитета общественнаго спасенія, а черезъ короткое время занять его мѣсто. Новый комитетъ, преобразованный согласно съ видами Робеспьера, сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Бареръ, готовый на какія угодно превращенія, безъ труда проникся взглядами будущаго диктатора. Лебрёнъ, замѣненный Дефоргомъ (21 іюля), вышелъ изъ тюрьмы, чтобы отправиться на эшафотъ. Дефоргъ-же, подобно Бушотту, ограничился тѣмъ, что слѣпо повиновался приказамъ комитета общественнаго спасенія.

Послѣдствія паденія Дантона. Съ этихъ поръ были оставлены всѣ попытки придти къ соглашенію съ иностранными державами. Нашимъ агентамъ предлагаютъ убраться во-свояси и наносятъ тяжкія оскорбленія. Австрійская полиція арестовала Марэ и Семонвилля на территоріи кантона Граубюндена и заключила ихъ подъ стражу въ цитадель Мантуи. Дефоргъ не рѣшился даже принять отвѣты, которые, по словамъ Мэтьюза, далъ англійскій кабинетъ. Внѣ государственной территоріи у французскаго правительства не было иныхъ представителей, кромѣ нѣсколькихъ тайныхъ агентовъ, которые тщательно скрывались отъ иностранныхъ властей, а денежныя субсидіи получали рѣдко, въ недостаточномъ количествѣ и, притомъ, исключительно ассигнаціями. Задачей этихъ агентовъ были уже не переговоры съ государями, а возбужденіе населенія противъ правительствъ; они должны были не умиротворять враждующія стороны, а разжигать новыя революціи. Терроръ господствовалъ внутри страны; жалкая, недальновидная политика — внѣ ея. «Наши отношенія съ иностранными державами, пишетъ Дефоргъ, напоминаютъ осажденную крѣпость». Такъ утвердилась безжалостная диктатура новаго комитета общественнаго спасенія и его вдохновителя—Робеспьера. Казнь Дантона, повидимому, закрѣпила эту побѣду (5 апрѣля 1794 г.).

Питтъ и коалиція. Въ Англіи и Австріи Франція съ полнымъ правомъ видѣла своихъ наиболѣе опасныхъ противниковъ. Противъ нихъ нужно было вести безпощадную борьбу на жизнь и смерть. 21 сентября 1793 г. Бареръ предложилъ принять мѣры, которыя, по его мнѣнію, могли повести къ подавленію Англіи. «Франція, сказалъ Питтъ, должна быть изъята изъ торговаго міра и считаться какъ-бы однимъ городомъ, однимъ портомъ или крѣпостью, осажденной и съ суши, и съ моря». «Францію хотятъ отрѣзать отъ остального міра, воскликнулъ Бареръ, хорошо-же! декретируемъ торжественный актъ о мореплаваніи, и островъ торгашей погибнетъ. Нужно разрушить

Карѳагенъ! Нужно раздавить Англію! Это должно быть послѣднимъ пунктомъ каждаго изъ нашихъ декретовъ». *Актъ о мореплаваніи,* декретированный конвентомъ, запрещалъ ввозъ какихъ-бы то ни было товаровъ во Францію иначе, какъ на французскихъ или нейтральныхъ судахъ. Это было равносильно новому объявленію войны.

Питтъ напрягалъ всѣ свои силы противъ Франціи. Парламентъ шелъ на что угодно, «чтобы помѣшать демагогамъ уничтожить англійскую конституцію и осуществить свои мятежные замыслы»: Питтъ нанялъ 40.000 эмигрантовъ и иностранцевъ на военную службу, выплачивалъ Пруссіи по 150.000 фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ, чтобы она увеличила комплектъ своихъ войскъ до 62.000 человѣкъ, подкупилъ испанскаго министра Годоя, воодушевилъ Австрію, Голландію и Пьемонтъ, которыя изнемогали отъ принесенныхъ ими жертвъ и потерь, вовлекъ въ активныя военныя дѣйствія Геную, Флоренцію и Неаполь, предоставилъ Екатеринѣ II полную свободу дѣйствій на сушѣ съ тѣмъ, чтобы она не мѣшала ему дѣйствовать на морѣ.

Война на морѣ и въ колоніяхъ. Борьба на морѣ уже завязывалась. Несмотря на громадный перевѣсъ силъ непріятеля, наши доблестные моряки геройски оспаривали первенство и нерѣдко одерживали побѣды. У насъ было 76 линейныхъ кораблей, у англичанъ 115 судовъ, къ которымъ вскорѣ присоединились флоты Голландіи, Португаліи и Испаніи. Не лучше обстояло дѣло съ экипажемъ. Эмиграція лишила нашъ флотъ почти всѣхъ офицеровъ; командирами судовъ пришлось назначать людей, хотя и храбрыхъ, но ничего не смыслившихъ въ морскомъ дѣлѣ. Матросовъ брали прямо отъ сохи и отправляли въ бой съ непріятелемъ. Конвентъ создавалъ цѣлые флоты; было ассигновано 30 милліоновъ на вооруженіе 28 старыхъ и постройку 71 новаго судна. Торговые корабли были вооружены для каперства. Матросы, офицеры и канониры торговаго флота, а также пѣхотинцы и артиллеристы были взяты для службы въ военномъ флотѣ. Пріёръ (отъ Марны) и Жанбонъ-Сентъ Андрэ были въ Брестѣ и завѣдывали всѣмъ этимъ дѣломъ отъ имени конвента. Они затрачивали громадныя суммы, повышали въ чинахъ, назначали офицеровъ на высшія должности, раздавали ордена и почетныя званія; вмѣстѣ съ тѣмъ они заставляли трепетать отъ страха всѣхъ равнодушныхъ и нерадивыхъ. Но съимпровизировать флотъ еще труднѣе, чѣмъ сухопутную армію. Когда въ арсеналахъ нѣтъ ни матерьяловъ, ни оружія, когда суда вооружены недостаточно, а офицеры не знаютъ своего дѣла, можно пожертвовать своей жизнью и спасти честь, но нельзя разбить непріятеля.

Эта неравная борьба отмѣчена цѣлымъ рядомъ подвиговъ со стороны французовъ. Мюллонъ, капитанъ «Клеопатры», на которой вмѣсто флага висѣла фригійская шапка,—получивъ смертельную рану послѣ трехъ часовъ ожесточеннаго боя, проглотилъ списокъ береговыхъ французскихъ сигналовъ, чтобы онъ не попалъ въ руки непріятелю (сраженіе при мысѣ Стартѣ, 18 іюня 1793 г.). Бомпаръ, вызванный на бой сэромъ Джорджемъ Куртнеемъ, принудилъ его бѣжать и такимъ образомъ обратилъ въ честь французовъ нью-іоркское торжество, долженствовавшее отмѣтить будто-бы несомнѣнную побѣду англичанъ (30 іюля). Тартю, капитанъ «Ураніи», заставляетъ бѣжать непріятельское судно «Темзу», завладѣваетъ его флагомъ и умираетъ на рукахъ своего десятилѣтняго сына, захотѣвшаго видѣть сраженіе съ самаго опаснаго пункта. «Карманьола» настигаетъ сильно поврежденную «Темзу», послѣ непродолжительнаго сраженія заставляетъ ее сдаться и уводитъ въ Брестъ (октябрь 1793 г.).

Морское сраженіе 1-го іюня 1794 г. За все время морской войны произошло лишь одно большое морское сраженіе, а именно въ преріалѣ II года. Двѣсти парусныхъ судовъ, груженныхъ зерномъ и мукой, должны были прибыть изъ Сенъ-Доминго и Соединенныхъ Штатовъ во Францію. Всю эту флотилію сопровождалъ контръ-адмиралъ Ванъ-Стабель. Между тѣмъ англійскій адмиралъ Гау крейсировалъ въ Гасконскомъ заливѣ съ 27 кораблями,—фрегатами и другими болѣе мелкими судами. Французскій флотъ, состоявшій изъ 26 кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, вышелъ на встрѣчу транспорту, чтобы оградить его отъ нападенія англичанъ. Во главѣ его стоялъ Вилларэ-Жуаёзъ, только-что назначенный контръ-адмираломъ послѣ

двухлѣтней службы въ чинѣ капитана. Числомъ силы обѣихъ сторонъ были почти одинаковы; но качественно мы значительно уступали непріятелю. Матросами были только-что набранные крестьяне, учившіеся во время пути тому, что англійскіе матросы изучали втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Среди командировъ 25 французскихъ судовъ было 9 опытныхъ капитановъ, 14 лейтенантовъ или мичмановъ, двое простыхъ матросовъ и лоцмановъ; всѣ были только-что назначены командовать этими судами. Сознавая, что англійскій флотъ превосходитъ нашъ во всѣхъ отношеніяхъ, пылкій Жанбонъ, находившійся на адмиральскомъ суднѣ «Гора», съумѣлъ заразить своимъ настроеніемъ всѣхъ новичковъ морского дѣла. Встрѣча произошла къ западу отъ о. Уессана. Четыре дня ушло на приготовленія (9—12 преріаля). 10 преріаля послѣ девяти-часового ожесточеннаго боя перевѣсъ остался на сторонѣ французовъ: густой туманъ на другой и третій день помѣшалъ продолжать сраженіе. 13-го бой возобновился. Обѣ стороны держали себя доблестно; никогда «вулканъ не извергалъ такого потока огня», какъ корабль «Гора»; половина офицеровъ и 300 находившихся на немъ матросовъ были ранены. Линія французскихъ судовъ была прорвана въ трехъ мѣстахъ. Вилларэ-Жуаёзъ и Жанбонъ хотѣли во что-бы то ни стало продолжать сраженіе. Они должны были-бы сдѣлать распоряженіе, чтобы фрегаты отвели тѣ суда, которыя не могли болѣе сопротивляться. Но этого приказа не было отдано, и шесть нашихъ кораблей попало въ руки англичанъ. Седьмой—«Мститель»—пошелъ ко дну. Имъ командовали братья Франсуа и Кипріенъ Ренодэны; сыновья ихъ служили при нихъ въ качествѣ юнгъ. 10 преріаля «Мститель» помѣшалъ англичанамъ прорвать французскую линію. 13-го преріала, почти совершенно одолѣвъ «Браунштейга» въ кровавомъ поединкѣ, онъ неожиданно подвергся нападенію трехъ англійскихъ судовъ. Онъ потерялъ всѣ мачты; вода, проникшая въ каюты, доходила до палубы: на бакѣ «Мстителя» не было ни одного мѣста, гдѣ можно было бы положить линейку въ два фута длины, не коснувшись двухъ дыръ, образованныхъ ядрами. Капитанъ Ренодэнъ спустилъ свой флагъ; онъ имѣлъ возможность вмѣстѣ съ 267 людьми своего экипажа пересѣсть на англійскія шлюпки. Но 206 раненыхъ погибли вмѣстѣ съ остатками «Мстителя»; вопли о помощи перемѣшивались съ вызывающими криками: «да здравствуетъ республика!» Благодаря геройству нашихъ моряковъ, англійскій флотъ вынужденъ былъ уйти, чтобы починиться послѣ понесеннаго урона. Путь къ Бресту былъ освобожденъ, флотилія съ зерномъ и хлѣбомъ благополучно прибыла во Францію и предотвратила голодовку.

Въ концѣ 1794 года было еще много одиночныхъ схватокъ, въ которыхъ отличился капитанъ Линуа, будущій побѣдитель Альгезираса, лейтенанты Бурэнъ и Мажанди. Въ 1795 г. наиболѣе важныя столкновенія съ непріятельскимъ флотомъ произошли въ Средиземномъ морѣ, гдѣ французы дѣйствовали подъ командой адмирала Мартена. Изъ 12 тысячъ его подчиненныхъ, распредѣленныхъ между 15 судами, 7.500 человѣкъ никогда не было въ плаваніи; на нѣкоторыя 36-фунтовыя пушки приходилось всего по два человѣка, комендоръ и канониръ, которые знали порученное имъ дѣло. Первое сраженіе произошло въ Генуэзскомъ заливѣ. Корабли «Наша возьметъ» (Ça ira) и «Цензоръ», которые были отнесены вѣтромъ отъ остальнего флота, вынуждены были сдаться, но предварительно исчерпали всѣ средства защиты и нанесли непріятелю огромный ущербъ. «Англичане, говоритъ Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ, едва ли могутъ указать въ своей военной исторіи такіе примѣры доблести, какъ благородная защита двухъ этихъ судовъ» (мартъ 1795 г.). Вторая встрѣча произошла у Гіерскихъ острововъ 13 іюля 1795 г. На сторонѣ французовъ было 17 парусныхъ судовъ подъ начальствомъ адмирала Мартэна, англійскій флотъ состоялъ изъ 23 судовъ адмирала Готама. Подвиги «Альцеста» и «Алкида» вызвали удивленіе въ самихъ побѣдителяхъ. Приблизительно въ то-же время адмиралъ Вилларэ-Жуаёзъ потерпѣлъ двѣ неудачи въ водахъ острова Груа. Послѣ отчаяннаго сопротивленія онъ вынужденъ былъ уступить подавляющимъ, несоизмѣримо большимъ силамъ непріятеля. Вилларэ-Жуаёзъ предложилъ коммиссару конвента, состоявшему при флотѣ, Дальбараду передать командованіе болѣе достойному: «ты знаешь, какъ охотно я

всегда признавалъ, что поставленная мнѣ цѣль превышаетъ мои силы. Если республикѣ нужны мои услуги, я готовъ занять второстепенный постъ, и даю тебѣ честное слово служить примѣромъ безпрекословнаго подчиненія».

Однако англичане все-же достигли намѣченныхъ цѣлей и подчинили моря своему владычеству. Флотъ, возвращавшійся изъ Тулона, взялъ Бастію; Георгъ III принялъ титулъ короля Корсики. Англичане безъ всякаго сопротивленія заняли 5 городовъ въ Индіи. Гваделупа и Мартиника были потеряны: неравная борьба кончилась въ ихъ пользу только послѣ долгаго сопротивленія. Пользуясь междоусобной войной, которая свирѣпствовала въ Сенъ-Доминго со времени провозглашенія свободы чернокожихъ (декретъ 4 февраля 1794 г.), они завладѣли Порто-Пренсомъ. Наши послѣднія колоніи попали такимъ образомъ въ руки непріятеля. Зато не мало пострадала его собственная торговля. Лихіе французскіе корсары захватили болѣе 400 судовъ.

Кампанія 1794 года: сѣверная армія. На сушѣ напряженныя усилія конвента въ концѣ концовъ принесли свои плоды. Массовый наборъ, первые батальоны котораго уже содѣйствовали успѣху военныхъ дѣйствій въ 1793 году, далъ 500.000 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Милліонъ ружей, 7000 пушекъ, 12 милліоновъ фунтовъ селитры были готовы для немедленнаго употребленія. Франція не щадила для войны ни средствъ, ни жизней своихъ гражданъ. Между тѣмъ коалиція шла проторенной дорогой, не измѣняя устарѣлой системы рекрутскаго набора и финансовъ. Энергія новатора рано или поздно должна была пересилить пассивность рутинера.

По словамъ Фокса, въ исторіи всего свѣта нѣтъ ничего подобнаго кампаніи 1794 года. Сѣверо-восточная граница была театромъ наибольшихъ успѣховъ французскаго оружія. Вначалѣ наше положеніе было мало благопріятно. Въ Бельгіи 148.000 англичанъ и австрійцевъ были расположены между моремъ и Самброй: Клерфэ находился во Фландріи, герцогъ Іоркскій—въ Валансьеннѣ, Кауницъ—между Мобежемъ и Шарлеруа. Кобургъ считался главнокомандующимъ. Онъ хотѣлъ взять Ландреси и Гизъ, затѣмъ—идти на Парижъ. Сѣверная и арденнская арміи насчитывали въ своихъ рядахъ не болѣе 130.000 человѣкъ подъ начальствомъ Пишегрю, а также Суама, Моро, Бонно, Дежардена и Шарбонье. Первыя военныя дѣйствія были неудачны для французовъ: они были разбиты при Труавиллѣ, а Ландреси былъ занятъ непріятелемъ. Но Кобургъ не двигался, а лѣвое крыло нашей арміи, находившееся подъ начальствомъ Суама и Моро, толкнуло Клерфэ впередъ и разбило его при Минонѣ, Мускронѣ и Куртрэ (апрѣль-май 1794 г.). Голландія содрогнулась. Карно понялъ всю выгоду, которую можно было извлечь изъ разбросанности и инертности австро-англійской арміи. Съ замѣчательной проницательностью онъ набросалъ планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, который долженъ былъ осуществить Пишегрю. Рѣшено было цѣлыми массами устремиться въ промежутокъ между Лисомъ и Шельдой и такимъ образомъ разрѣзать непріятельскія силы на-двое; арденнская армія должна была переправиться черезъ Маасъ у *Шарль-сюръ-Самбръ* (Шарлеруа), соединиться съ сѣверной арміей и идти вмѣстѣ съ нею на Брюссель. «Ты будешь стараться, прибавлялъ Карно, безпрерывно обманывать непріятеля относительно своихъ плановъ и утомлять его ложными движеніями».

Сраженіе при Туркуэнѣ. Какъ разъ въ это время императоръ, по соглашенію съ Кобургомъ и Маккомъ, составилъ планъ, въ силу котораго двойное движеніе отъ Турнэ и Менина на Лилль должно было отрѣзать отъ Франціи войска Суама и Моро, слишкомъ подавшіяся къ сѣверу и отважно расположившіяся между Куртрэ и Гентомъ. Различные австрійскіе и англійскіе корпуса были двинуты съ ихъ стоянокъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы они сошлись въ Лиллѣ 18 мая. Пишегрю, думая, что Кобургъ хочетъ раздавить арденнскую армію, взялъ ее подъ свое личное командованіе. Въ его отсутствіе Суамъ руководилъ военными операціями. Послѣ генерала Александра Дюма, это былъ самый высокій человѣкъ во всей арміи. Солдаты хвастались, что подъ его начальствомъ растопчутъ Питта и Кобурга, «какъ гнилыя груши». Помощниками его были умный флегматикъ Моро, пылкій Вандаммъ, неустрашимый Макдональдъ. Выйдя изъ окрестностей Лилля и Менина, французы втеченіе ночи съ 17 на 18-е мая сдѣлали огромный переходъ, сошлись около Тур-

куэна и, нападая то на одинъ непріятельскій корпусъ, то на другой, помѣшали имъ соединиться и нанесли полное пораженіе каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Эта побѣда при Туркуэнѣ въ свое время не была оцѣнена по достоинству. Отсутствовавшій Пишегрю ревновалъ къ славѣ Суама и Моро. Сенъ-Жюстъ, не щадившій своихъ силъ и работавшій безъ устали при арденнской арміи, съ своей стороны хотѣлъ добиться рѣшительнаго успѣха, произведя знаменитый переходъ черезъ Самбру и овладѣвъ проходами въ Бельгію черезъ Шарлеруа и Монсъ. Робеспьеръ въ комитетѣ общественнаго спасенія угрожалъ Карно эшафотомъ и хотѣлъ дать Сенъ-Жюсту возможность отличиться, чтобы затѣмъ сдѣлать его вмѣсто Карно главнымъ завѣдующимъ военными дѣйствіями. Тѣмъ не менѣе сраженіе при Туркуэнѣ повело къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Пишегрю, поспѣшившій вернуться къ своимъ войскамъ, разбилъ Клерфэ при Гугладѣ и овладѣлъ Иперномъ (17 іюня).

Армія Самбры и Мааса: Флерюсъ. Сраженіе при Туркуэнѣ было чревато побѣдой при Флёрюсѣ. Цѣлыхъ два мѣсяца арденнская армія тщетно напрягала всѣ свои силы, чтобы перейти Самбру и прорвать линіи австрійцевъ. Пять разъ дѣлались попытки перехода, пять разъ приходилось отступать и разбивать лагерь на правомъ берегу. Французы были оттѣснены къ Грандренгу, Пешану, Маршьенну и Шарлеруа. Напрасно Сенъ-Жюстъ и Леба съ саблями въ рукахъ становились во главѣ нашихъ колоннъ, вызывая удивленіе въ солдатахъ и наводя ужасъ на военачальниковъ. Нужно было отступать. Между тѣмъ Кобургъ, полагая, что съ этихъ поръ всѣ усилія французовъ должны быть сосредоточены на сѣверной арміи, открылъ путь на Самбру. Сенъ-Жюстъ и Карно, забывавшіе о своихъ разногласіяхъ, разъ дѣло шло о спасеніи отечества, рѣшили усилить арденнскую армію, а именно призвать Журдана, находившагося въ полномъ бездѣйствіи при мозельской арміи, съ 45.000 человѣкъ. Такъ составилась славная армія Самбры и Мааса, насчитывавшая въ своихъ рядахъ 100.000 человѣкъ и состоявшая подъ начальствомъ Журдана. Помощниками его были: Клеберъ, Марсо, — этотъ левъ французской арміи,—Шампіоннэ, Лефевръ, которые имѣли уже чрезвычайно сильное вліяніе на армію, наконецъ, Ней, который втеченіе очень короткаго времени съумѣлъ пріучиться къ дѣлу и выказать свои способности. «Солдаты всей душой были преданы Франціи. Они не знали мародерства. Они обладали выносливостью, настойчивостью, смѣлостью и той жизнерадостной беззаботностью, которая такъ характерна для француза. Генералы были просты, безкорыстны, всецѣло преданы отечеству. Слава ихъ не была запятнана преступленіями внутренней борьбы. Армія Самбры и Мааса была героичнѣе всѣхъ остальныхъ» (мадамъ де-Сталь) [1]). Шестая попытка перейти Самбру окончилась еще неудачей, седьмая—увѣнчалась успѣхомъ. Шарлеруа былъ осажденъ и сдался черезъ семь дней. Едва гарнизонъ успѣлъ выйти изъ крѣпости, какъ всѣ услышали грохотъ канонады на высотахъ Флёрюса: Кобургъ шелъ, наконецъ, на выручку Шарлеруа, не зная еще, что онъ въ рукахъ французовъ. Ожесточенный бой произошелъ передъ самымъ городомъ. 70.000 австрійцевъ цѣлыхъ десять часовъ дрались съ 80.000 французовъ. Лѣвое крыло и центръ были сначала опрокинуты; но Клеберъ возстановилъ порядокъ на лѣвомъ крылѣ Марсо и Лефевръ держались до послѣдней возможности, примыкая къ правому крылу, передъ Флёрюсомъ. Журданъ пустилъ въ ходъ резервы и нанесъ рѣшительный ударъ. Втеченіе всего сраженія французы пользовались воздушнымъ шаромъ на привязи. Съ него имъ давали знать о всѣхъ движеніяхъ непріятеля. Палило жаркое іюньское солнце. На поляхъ горѣлъ хлѣбъ. Пожаръ еще болѣе усиливалъ духоту и дѣлалъ ее совершенно нестерпимой. Французы выка-

[1]) «Офицеры подавали примѣръ самоотверженія: съ ранцемъ за плечами, служа безъ жалованья, они имѣли ту-же долю при раздачахъ, какъ и солдаты; для платья и обуви имъ выдавались требовательныя записки. Тѣмъ не менѣе никто не думалъ жаловаться на свое положеніе... На всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи замѣчалось то-же самое рвеніе, та-же готовность превзойти велѣнія долга... Изъ всей моей службы я больше всего работалъ именно въ это время. Среди солдатъ царило такое-же самоотверженіе. Никогда ни въ одной арміи не было такой образцовой дисциплины, не чувствовалось такого пыла. Эта эпоха войнъ отмѣчена наибольшимъ подъемомъ духа и нравственности, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ» (Сультъ). «Въ нихъ не замѣчалось, прибавляетъ Сорель, никакой алчности, ни малѣйшаго презрѣнія къ слабымъ, бѣднякамъ и безоружнымъ; напротивъ, освободительныя стремленія такъ и просились наружу. Эти арміи, казалось, возвѣщали зарю новыхъ, свѣтлыхъ дней».

зали великодушіе по отношенію къ плѣннымъ австрійцамъ и даже эмигрантамъ (25 іюня). Это сраженіе, напоминающее эпопеи древнихъ сѣчъ, имѣло громадныя послѣдствія. Четыре французскихъ крѣпости, еще занятыя непріятелемъ, а именно Ландреси, Ле-Кенуа, Валансьеннъ и Конде, были осаждены и послѣ непродолжительнаго сопротивленія взяты. Пишегрю двинулся черезъ Брюгге и Гентъ на Брюссель и встрѣтилъ тамъ Журдана, подошедшаго изъ Монса (10 іюля). Англичане хотѣли теперь лишь прикрыть Голландію, а австрійцы — приблизиться къ Рейну. Журданъ оттѣснялъ ихъ къ Левену и Люттиху, а Пишегрю входилъ въ Мехельнъ и Антверпенъ. Города, на осаду которыхъ во времена Людовика XIV и Вобана уходили цѣлые мѣсяцы, были взяты мимоходомъ. Вся Бельгія была въ рукахъ французовъ.

Послѣдствія паденія Робеспьера. Побѣда при Флёрюсѣ осуществила давнишнія желанія Робеспьера. Его приверженцы раздули ее свыше всякой мѣры, чтобы дать ему возможность свергнуть Карно и замѣнить его Сенъ-Жюстомъ. Дѣйствительность не оправдала ихъ ожиданій и привела къ какъ-разъ обратнымъ результатамъ. Наглядно показывая, что никакое вторженіе чужеземцевъ не страшно для Франціи и неминуемо должно разбиться объ ея твердую рѣшимость спасти себя своими собственными силами, сраженія при Туркуэнѣ и Флёрюсѣ съ особенной ясностью подчеркивали безполезность террора. Непосредственнымъ результатомъ ихъ было паденіе Робеспьера 9 термидора и вскорѣ послѣдовавшее за нимъ прекращеніе террора.

Дипломаты комитета общественнаго спасенія. Комитетъ общественнаго спасенія не переставалъ управлять Франціей, въ особенности вѣдать ея военныя и дипломатическія дѣла. Выше мы говорили, въ въ чемъ заключаются преобразованія, введенныя въ немъ послѣ 9 термидора. Мало по малу такія дѣятельныя лица, какъ Карно, Пріёръ (отъ Марны), Кошонъ, Бріаръ и Дельмасъ, вынуждены были уступить мѣсто и преобладающее вліяніе бюрократамъ и торгашамъ вродѣ Камбасереса, Мерлена (отъ Тіонвилля), Трейльяра, Буасси д'Англа, Сійеса и Ревбеля. Міо было поручено управленіе иностранными дѣлами со званіемъ коммиссара внѣшнихъ сношеній. Новый комитетъ долженъ былъ прежде всего рѣшить, какъ держать себя въ только-что занятыхъ областяхъ. Наши генералы и солдаты вызывали къ себѣ удивленіе своимъ самоотверженіемъ и безкорыстіемъ, но нужно было всетаки содержать армію, и притомъ содержать на счетъ побѣжденныхъ. Комитетъ общественнаго спасенія предлагалъ щадить крестьянъ и вообще трудящееся населеніе; за все, взятое въ видѣ реквизиціи, расплачиваться ассигнаціями и требовать значительныхъ контрибуцій звонкой монетой отъ богачей, аристократовъ и духовенства. Это былъ обычный способъ веденія войны съ той только разницей, что вмѣсто того, чтобы разорять бѣдняка, тягость военнаго бремени заставляла богача поступиться частью своего имущества. Такимъ образомъ здѣсь можно видѣть новое примѣненіе принципа, который былъ такъ дорогъ конвенту: *«война противъ замковъ, миръ хижинамъ»*.

Споры о естественныхъ границахъ. Возникли въ высшей степени важныя разногласія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли присоединять занятыя области, а также, гдѣ именно предѣлы будущей Франціи. Господствующее мнѣніе было за увеличеніе государственной территоріи. Члены комитета, напр. Карно и Кошонъ, а также генералы, вродѣ Шерера и Бёрнонвилля, были сторонниками чрезвычайно умѣренныхъ присоединеній во Фландріи, въ бассейнѣ Самбры и Мааса, въ Люксембургѣ, въ области между Мозелемъ и Саррой. Присоединеніе Бельгіи возбудило-бы ожесточенную войну только съ Англіей. Австрія вознаградила-бы себя въ Германіи. Съ другой стороны, инкорпорація полосы между Рейномъ и Маасомъ могла вызвать враждебное отношеніе только въ Германіи. Англія охотно согласилась-бы на это увеличеніе французской территоріи; обезземеленныхъ князей можно было-бы вознаградить за потери на счетъ за-рейнской Германіи. Тѣмъ не менѣе было очень велико искушеніе не отдать ничего изъ столь быстро завоеванныхъ странъ и осуществить мечту Людовика XIV о расширеніи Франціи до предѣловъ древней Галліи. По мѣрѣ того, какъ наши войска приближались къ Рейну, давленіе со стороны общественнаго мнѣнія становилось все сильнѣе и сильнѣе. Дюбуа-Крансэ (въ «проек-

тѣ, образа дѣйствій котораго долженъ придерживаться комитетъ общественнаго спасенія»), Мерленъ (отъ Дуэ), Камбасересъ, Буасси д'Англа, Сійесъ (въ своихъ рѣчахъ, которыя они держали комитету) провозгласили себя сторонниками политики естественныхъ границъ: «республика, говорилъ Камбасересъ, имѣетъ естественныя границы въ видѣ Альпъ и Пиренеевъ, двухъ морей и свободной страны, нашей вѣрной союзницы втеченіе многихъ столѣтій. Наше отечество граничитъ съ сѣвера съ чужими владѣніями; ихъ очертанія и завистливость ихъ правительства постоянно вызывали многолѣтнія войны... Подумайте, не требуютъ-ли взгляды націи и опытъ вѣковъ, чтобы вы твердо начертали границы французской республики, не послужитъ-ли осуществленіе этого великаго плана прочнымъ основаніемъ и вѣрнѣйшей гарантіей всеобщаго мира?». Чтобы достичь этой цѣли, Дюбуа-Крансэ предлагалъ заключить союзъ съ Испаніей, которая-бы уступила Франціи Сенъ-Доминго и Гаванну, а себѣ возвратила Португалію и Гибралтаръ; союзъ съ Сардиніей, которая-бы вознаградила себя миланской областью за потерю Ниццы и Савойи; союзъ съ Пруссіей, которая взамѣнъ утраченныхъ владѣній по лѣвому берегу Рейна пріобрѣла-бы Брауншвейгъ и австрійскую Силезію (предполагалось, что герцогъ Брауншвейгскій сдѣлается курфюрстомъ Ганноверскимъ вмѣсто англійскаго короля); союзъ съ Голландіей, которую можно было-бы признать республикой-сестрой и преобразовать на французскій ладъ. Впослѣдствіи Бонапартъ осуществилъ многое изъ этой программы. Въ основѣ ея лежала мысль о продолженіи войны на жизнь и смерть противъ Австріи и Англіи.

Вражда къ этимъ двумъ державамъ была послѣдствіемъ многихъ вѣковъ французской политики. И надо отдать честь революціи: она достигла несравненно большихъ успѣховъ, чѣмъ монархическія правительства предыдущихъ столѣтій. Послѣ сраженія при Флёрюсѣ, комитетъ впадаетъ, повидимому, въ тѣ-же самыя ошибки, за которыя могли упрекать себя союзники. Пишегрю и Журданъ пошли въ разныя стороны вмѣсто того, чтобы обрушиться всѣми своими силами сначала на англичанъ, затѣмъ на австрійцевъ. Осада крѣпостей Конде, Ландреси, Ле-Кенуа и Валансьенна парализовала военныя дѣйствія до конца сентября. Къ тому-же гибель Робеспьера повергла въ уныніе революціонныя войска. Съ тяжелымъ чувствомъ слушали они радостные крики роялистовъ; новая администрація, замѣнившая Робера Ленде и Пріёра, состоявшая изъ интригановъ и людей малоспособныхъ, довела ихъ до крайней нужды въ предметахъ первой необходимости. Волей-неволей они вынуждены были истощать Бельгію множествомъ реквизицій.

Завоеваніе Бельгіи и Голландіи. Наши войска снова перешли въ наступленіе только въ октябрѣ 1794 г., проявивъ при этомъ такую доблесть и выносливость, которыхъ ни раньше, ни послѣ не знала военная исторія. Пишегрю возобновилъ преслѣдованіе герцога Іоркскаго, отступавшаго въ Голландію, по тому самому пути, котораго хотѣлъ держаться Дюмурье въ 1793 году. Онъ захватилъ Бергенъ-опъ-Цомъ, Бреда, Герцогенбушъ и всѣ мѣстности голландскаго Брабанта, перешелъ Маасъ у Грава и Ваалъ у Нимвегена. «Сто тысячъ непріятельскаго, прекрасно вооруженнаго, войска умѣли только прятаться то за рѣкой, то за стѣнами крѣпости или каналомъ, ничего не предпринимая для обороны». — Пришла зима: наши войска, страдавшія отъ недостатка одежды, голода и усталости, разсчитывали стать, наконецъ, на зимнія квартиры. Какъ разъ въ это время пришло извѣстіе, что въ Голландіи революція, что штатгальтеръ бѣжалъ въ Англію; а мѣстные патріоты обратились съ призывомъ о поддержкѣ къ санкюлотамъ Франціи. И вотъ эти тѣни прежнихъ бойцовъ, «изнуренные, одѣтые въ рубища героевъ, несмотря на морозъ въ 17°, снова двинулись въ путь, перешли Лекъ, вошли въ Арнгеймъ, Утрехтъ и Амстердамъ, гдѣ были встрѣчены ликованіемъ обывателей». «Городъ, извѣстный своими колоссальными богатствами, съ удивленіемъ смотрѣлъ на десять батальоновъ этихъ храбрецовъ, шедшихъ безъ обуви и чулокъ, прикрывавшихъ свою наготу плетеной соломой. Войдя подъ звуки военной музыки въ стѣны города, босые тріумфаторы составили ружья въ козлы и расположились бивуаками на площади. Стояла гололедица, шелъ снѣгъ,—а эти люди покорно и безропотно ждали втеченіе многихъ часовъ, пока ихъ помѣ-

стятъ, накормятъ и отогрѣютъ» (Жомини) (20 января 1795 г.). Гертрюйденбергъ, Дортрехтъ, Роттердамъ и Гаага раскрыли свои ворота, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Чтобы довершить циклъ чудесъ этой, единственной въ своемъ родѣ, кампаніи, эскадроны гусаръ подъ командой Моро добрались до Гельдера и, перейдя морской проливъ по льду, заставили сдаться голландскій флотъ, парализованный вблизи острова Текселя. Голландія была покорена отъ края до края и просила о союзѣ съ Франціей. Солдаты республики отомстили за неудачи Людовика XIV-го. Казалось, Пишегрю былъ наиболѣе выдающимся полководцемъ своего времени. Онъ былъ отозванъ въ Парижъ, чтобы, стоя во главѣ національной гвардіи, подавить возстаніе 12 жерминаля. Моро занялъ его мѣсто на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Завоеваніе лѣваго берега Рейна.—Между тѣмъ армія Самбры и Мааса покрыла себя не меньшею славой. Журданъ располагалъ 115.000 войска, разсѣяннаго по лѣвому берегу Мааса, отъ Намюра до Маастрихта. Лѣвое крыло, находившееся подъ командой Шерера, перешло Маасъ у Намюра и постепенно оттѣсняло 58.000 австрійцевъ герцога Кобургскаго сначала за линію Урта, затѣмъ—за Айвайлля и Вездры.

Большое сраженіе, происшедшее между Альденхофеномъ и Юлихомъ, повлекло за собою дальнѣйшее отступленіе за Рёръ. Клеберъ, которому въ значительной мѣрѣ мы обязаны этой славной побѣдой (2 октября), былъ оставленъ въ арріергардѣ для осады Маастрихта. Здѣсь онъ взялъ въ плѣнъ принца Гессенъ-Кассельскаго съ 8.000 солдатъ. Конвенту было послано въ видѣ трофея 15 знаменъ. Остальная часть арміи двинулась дальше къ Рейну, гоня передъ собой австрійцевъ, и въ концѣ концовъ, заставивъ ихъ скрыться за этой великой рѣкой, вступила съ тріумфомъ въ Кельнъ, Андернахъ, Кобленцъ, и установила сношенія съ сѣверной арміей черезъ Клеве, съ мозельской—черезъ Кобленцъ. Эта послѣдняя взяла у пруссаковъ проходы Пирмасана, отбросила ихъ у Мангейма за Рейнъ, захватила Триръ и осадила Люксембургъ. Рейнская армія проникла въ Пфальцъ и обложила Майнцъ. Такимъ образомъ четыре нашихъ побѣдоносныхъ арміи завладѣли лѣвымъ побережьемъ великой рѣки, начиная отъ Базеля и кончая моремъ (январь 1795 г.)

Альпійская армія. — Альпійская армія держалась оборонительнаго образа дѣйствій. Преграждая путь вторженію пьемонтцевъ, она въ то-же время должна была содѣйствовать взятію Ліона и Тулона (октябрь — декабрь 1793 г.). Вскорѣ она завладѣла большими альпійскими проходами. Малый Сенъ-Бернардъ и Монъ-Сенисъ были заняты безпрепятственно. Проходъ Коль-ди-Тенде былъ защищенъ укрѣпленнымъ лагеремъ пьемонтцевъ въ Саорджіо. Цѣлыхъ два года всѣ попытки нашихъ войскъ взять его оказывались тщетными. Генералъ Дюмербіонъ, слѣдуя совѣтамъ молодого начальника своей артиллеріи Бонапарта, рѣшилъ обойти непріятеля черезъ танарскіе источники. Менѣе, чѣмъ въ двадцать дней, пьемонтцы потеряли Онеглія, Ормеа, Гарессіо и вынуждены были очистить лагерь при Саорджіо, оставивъ намъ 4.000 плѣнныхъ и 70 пушекъ. Французы господствовали на всемъ протяженіи альпійскаго хребта, начиная отъ Монъ-Блана до самаго моря.

Пиренейская армія. Война съ испанцами была отмѣчена необыкновеннымъ ожесточеніемъ и героизмомъ, какъ со стороны офицеровъ, такъ и со стороны солдатъ. Въ этой безпорядочной войнѣ сказалась жгучая ненависть испанцевъ къ «адской республикѣ, которая убивала королей, возмущала народы и отрицала Бога». Бывшій министръ Серванъ, на котораго было возложено завѣдываніе военными дѣйствіями на югѣ, тщетно старался перейти Пиренеи. Сначала приходилось ограничиваться исключительно обороной. Испанскій генералъ Рикардосъ перешелъ черезъ Портель и отбросилъ республиканскую армію къ стѣнамъ Перпиньяна (апрѣль—іюль 1793 г.). Армія эта страдала тѣми-же недугами, какъ и остальныя: той-же подозрительностью по отношенію къ офицерамъ дворянскаго происхожденія, тѣми-же якобинскими придирками конвентскихъ коммиссаровъ, столь-же постоянной смѣной начальствующихъ лицъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ во главѣ ея стояли, замѣщая одинъ другого, слѣдующія лица: Барбантанъ, Дагоберъ, Дау, Тюрро и Доппэ. Конецъ кампаніи 1793 года принесъ съ собой новыя неудачи: несмотря на рядъ попытокъ перенести театръ войны за Пиренеи—къ Пицердѣ и Кампредону, французы потеряли Виллъфраншъ, Булу, Колліуръ,

Сентъ-Эльнъ и Поръ-Вандръ. Потерпѣвъ неудачу во всѣхъ своихъ операціяхъ при Булу, мы вынуждены были оставить линію Теха и защищать линію Тета (конецъ 1793 г.). Въ западной части Пиренеевъ—саррскій лагерь былъ захваченъ, и Сервану съ трудомъ удалось прикрыть С. Жанъ-Пье де-Портъ и Байонну.

Кампанія 1794 г. снова дала перевѣсъ французамъ. Конвентскій коммиссаръ Фабръ (отъ Геро) отважно пожертвовалъ своей жизнью, стоя во главѣ атакующей колонны. Старый генералъ Дагоберъ, котораго онъ неправильно устранилъ отъ командованія, занялъ его мѣсто. Боецъ съ лицомъ патріарха, одѣтый въ античный костюмъ, онъ шелъ на непріятеля впереди своихъ солдатъ, опираясь на посохъ пилигрима; войска обожали его и называли отцомъ; казалось, пули и ядра не въ силахъ тронуть этого «злого генія испанцевъ». Онъ взялъ Монлуи, спустился въ долину Сегры, осадилъ Сеу-д'Ургель и умеръ отъ утомленія передъ стѣнами этой крѣпости. Его преемникъ Дюгомье былъ даровитымъ стратегомъ, обладалъ властнымъ характеромъ и пользовался особымъ уваженіемъ въ качествѣ члена конвента. Онъ имѣлъ прекрасныхъ помощниковъ въ лицѣ Ожеро, Сорэ, доблестнаго Периньона, столь-же непритязательнаго, какъ и храбраго, а также новаго коммиссара Дельбреля. Этотъ послѣдній «бывалъ всюду, гдѣ грозила наибольшая опасность; онъ нарочно проѣзжалъ въ своихъ, издалека видныхъ, знакахъ отличія черезъ тѣ мѣста, гдѣ земля дымилась отъ ядеръ». При видѣ такой беззавѣтной удали, въ солдатахъ исчезало всякое колебаніе и являлось страстное желаніе подражать этому герою. Дюгомье съ 40.000 человѣкъ выгналъ испанцевъ изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря при Булу, отобралъ назадъ Сентъ-Эльнъ, Поръ-Вандръ и Колліуръ, спустился въ Каталонію, занялъ Кампредонъ, а послѣ побѣды при Черной Горѣ заставилъ сдаться Белльгардъ (май—сентябрь 1794 г.). Испанскій гарнизонъ сдался, надѣясь на великодушіе побѣдителей: Дюгомье обѣщалъ пощадить жизнь всѣхъ плѣнныхъ, а коммиссары Дельбрель и Видаль, несмотря на приказы конвента, сдержали слово начальника арміи. Белльгардъ былъ названъ «Свободнымъ югомъ» (*Sud libre*), подобно тому, какъ вырученный Конде былъ переименованъ въ «Свободный сѣверъ» (*Nord libre*). Между тѣмъ, генералъ Ла-Юньонъ, преемникъ Рикардоса, велѣлъ построить отъ Баніульскаго прохода до Сентъ-Лоранъ-де-ла-Муга двойную линію изъ 77 редутовъ и баттарей съ 250 пушками. Эти линіи опирались на укрѣпленный лагерь и крѣпость Фигьеръ. Французская армія была доведена до крайней нужды: чтобы прожить хоть нѣсколько дней, нужно было во что-бы то ни стало взять Фигьеръ. Дюгомье былъ убитъ въ то время, когда онъ отдавалъ приказъ о штурмѣ. Периньонъ, принявшій на себя командованіе, возобновилъ сраженіе на другой день и, съ помощью Ожеро, заставилъ испанцевъ покинуть свои укрѣпленія. Фигьеръ сдался (18—27 ноября). Французы нашли въ крѣпости все необходимое. Узнавъ, что Шереръ, возвратившійся изъ арміи Самбра и Мааса, назначенъ командующимъ арміи, Периньонъ одобрилъ этотъ выборъ, заявивъ, что никогда не слѣдуетъ замѣщать командира арміи «генераломъ изъ той же арміи». Онъ ограничился скромнымъ положеніемъ начальника резерва, выпросивъ для Ожеро честь остаться во главѣ авангарда, гдѣ тотъ проявилъ себя съ такой блестящей стороны (смотр. интересное письмо къ представителю Лакомбу де-Сенъ-Мишель у Ферволя, т. II, стр. 295). Розасъ былъ взятъ только послѣ трудной и продолжительной осады, такъ какъ приходилось тяжелыя 24-хъ-фунтовыя орудія втаскивать на почти неприступныя скалы. Правда, испанцамъ удалось возвратить себѣ Пуцерду и Серданью, но сильныя крѣпости на сѣверѣ Каталоніи такъ и остались за французами.

На западѣ Пиренеевъ представители конвента Гарро, Кавеньякъ и Пине-старшій преобразовали армію и вдохновили солдатъ. Подъ искуснымъ руководствомъ такого вождя, какъ Монсэ, французы снова овладѣли линіей Бидассоа и перешли ея при Майя, Елизондо и Фонтараби. Гвипуцкоа и Бискайя перешли въ наши руки. Французы вступили въ Бильбао въ качествѣ побѣдителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Міоллисъ проникъ въ Наварру и готовился уже къ осадѣ Пампелуны, когда былъ подписанъ миръ. Такимъ образомъ и въ борьбѣ съ испанцами французы оказали отечеству отнюдь не меньшія услуги, чѣмъ на сѣверной границѣ.

Безсиліе коалиціи; утомленіе Европы. Столько побѣдъ французовъ, столько неудачъ союзниковъ значительно облегчили заключеніе мира. Онъ былъ необходимъ конвенту, который оказался безсильнымъ подавить народные мятежи и предотвратить захватъ власти со стороны комитета общественнаго спасенія, т. е. управлять страною, не нарушая и не допуская нарушенія свободы. Нуженъ онъ былъ также для того, чтобы рѣшить дальнѣйшую судьбу завоеванныхъ странъ.—Не менѣе важенъ былъ миръ и для коалиціи. Конецъ террора, присоединеніе лѣваго берега Рейна, прекращеніе вандейскаго возстанія и внутреннихъ смутъ,—все это внушало недругамъ Франціи то уваженіе къ республикѣ, которое они привыкли испытывать ко всякой торжествующей силѣ. Пруссія уже отозвала свои войска (16 октября 1794 г.), Англія отказалась отъ выдачи ей субсидій; Екатерина Великая и Францъ II вошли въ тайное соглашеніе о раздѣлѣ или захватѣ Турціи, Венеціи, Баваріи и Польши (3 января 1795 г.). Король Фридрихъ-Вильгельмъ II перенесъ все свое вниманіе съ Рейна на Вислу. Вмѣсто того, чтобы рисковать новыми пораженіями, мѣряясь силами съ республиканскими арміями, онъ предпочиталъ вознаградить себя на счетъ совершенно безсильной Польши. Желая мира, онъ не шелъ на встрѣчу Франціи, а, «такъ сказать, пятился къ ней задомъ, уставя глаза на Варшаву» (А. Сорель). Англія разсчитывала нанести уронъ нашему побережью и вызвать контръ-революцію посредствомъ высадки эмигрантовъ. Неудача такой попытки при Киберонѣ должна была лишній разъ подчеркнуть ея безсиліе. Между тѣмъ ея морская тиранія вызывала протестъ со стороны нейтральныхъ державъ. Баронъ Сталь велъ переговоры отъ имени Швеціи относительно признанія республики и особаго соглашенія съ Даніей для обезопашенія морей противъ своевольства англичанъ (мартъ—апрѣль 1795 г.). Итальянскія государства жаждали мира, и великій герцогъ Тосканскій подписалъ его раньше другихъ (9 февраля). Многіе нѣмецкіе государи желали выйти изъ коалиціи. Народныя бѣдствія въ Испаніи, опасенія Голландіи, взаимное соперничество между Пруссіей и Австріей, неминуемое разложеніе Польши, растущая враждебность нейтральныхъ державъ противъ Англіи, — все это соединилось воедино, чтобы облегчить счастливый исходъ переговоровъ, начатыхъ конвентомъ.

Трактаты въ Базелѣ и Гаагѣ.—Переговоры въ Базелѣ были открыты 12 января 1795 г. Французскимъ уполномоченнымъ былъ Бартелеми. Это былъ опытный дипломатъ, ученикъ Верженна, человѣкъ свѣтскій, прекрасно знакомый съ традиціями; будучи посланникомъ въ Швейцаріи, онъ сдѣлалъ конвенту въ высшей степени цѣнныя сообщенія; онъ не воздержался отъ подачи совѣтовъ комитету общественнаго спасенія относительно желательнаго направленія переговоровъ, но, получивъ окончательныя инструкціи, чрезвычайно тактично исполнилъ ихъ и твердо настоялъ на всѣхъ указанныхъ ему требованіяхъ. По желанію Меллендорфа, ставшаго, вмѣсто герцога Брауншвейгскаго, главнокомандующимъ прусскихъ войскъ, принца Генриха и Луккезини, король прусскій послалъ въ Базель для заключенія мира графа Гольца. Но тотъ выѣхалъ изъ Берлина больнымъ и умеръ въ дорогѣ (6 февраля). Его замѣнилъ Гарденбергъ. Это былъ дипломатъ съ широкими взглядами государственнаго человѣка. Къ числу недостатковъ его слѣдуетъ отнести излишнюю уступчивость передъ силой и недостаточную твердость воли. Бартелеми потребовалъ отъ имени конвента признанія республики и границы по Рейну. Пруссія теряла такимъ образомъ только княжества Мерсъ, Клеве и Бергъ. Гарденбергъ просилъ о возмѣщеніи на счетъ за-рейнскихъ духовныхъ курфюрстовъ и нейтрализаціи сѣверной Германіи. Ганноверецъ по рожденію, по взглядамъ—скорѣе нѣмецъ, чѣмъ пруссакъ, онъ мечталъ о созданіи сѣверо-германскаго союза подъ гегемоніей Пруссіи. Трактатъ былъ подписанъ съ нѣкоторой поспѣшностью 5 апрѣля 1795 г. Бартелеми опасался новыхъ мятежей въ Парижѣ и согласился на нейтрализацію сѣверной Германіи; Гарденбергъ боялся, что Екатерина II не допуститъ Пруссію къ участію въ послѣднемъ раздѣлѣ Польши, и уступилъ лѣвое побережье Рейна.

Франція обязалась очистить всѣ прусскія земли по ту сторону Рейна, но сохранила за собой право на лѣвое побережье; она обѣщала не ставить препятствій доброжелательному вмѣшательству прусскаго

короля въ пользу всѣхъ германскихъ государствъ, разъ тѣ обратились-бы къ его покровительству. Въ силу тайныхъ статей договора, возмѣщеніе убытковъ Пруссіи на счетъ Германіи должно было произойти послѣ общаго мира со всѣми державами; нейтрализація сѣверной Германіи была гарантирована королемъ прусскимъ. Дипломаты комитета общественнаго спасенія хотѣли усилить Пруссію, чтобы сдѣлать изъ нея преданную союзницу французской республики. Расширеніе нашихъ границъ до Рейна должно было повлечь за собою объединеніе зарейнской Германіи подъ верховнымъ покровительствомъ Пруссіи.

Съ Голландіей обошлись несравненно хуже, несмотря на то, что она провозгласила себя демократической республикой. Комитетъ требовалъ уступки всѣхъ земель на югъ отъ Мааса, не предлагая взамѣнъ никакого вознагражденія. Сійесъ, руководившій переговорами изъ Парижа, хотѣлъ даже превратить батавскую республику въ «союзную страну», т. е. посягнуть на ея независимость. Тщетны были всѣ усилія голландцевъ. Ихъ представители Блау и Мейеръ пріѣхали въ Парижъ, чтобы умилостивить всемогущій комитетъ. Они добились только того, что онъ отказался отъ Зеландіи. Ревбель и Сійесъ отправились въ Гаагу и заключили тамъ окончательный договоръ. Голландія уступила Франціи всю голландскую Фландрію съ Флиссингеномъ, Бергенъ опъ-Цомомъ, Герцогенбушемъ, Гравомъ, Фенло и Маастрихтомъ. Къ немалому неудовольствію голландцевъ, Шельда снова была открыта для судоходства, чтобы составить конкуренцію Темзѣ. Батавская республика приняла на себя обязательство выслать 12 кораблей, 18 фрегатовъ, 25.000 человѣкъ на помощь Франціи для борьбы съ Англіей, а также уплатить военную контрибуцію въ размѣрѣ 100 милліоновъ флориновъ. Правда, Голландіи было обѣщано вознаградить ее за утраченныя области послѣ заключенія общаго мира, но гдѣ были тѣ земли, на которыя могла разсчитывать эта республика? Между тѣмъ Франція пріобрѣтала не воображаемую, а дѣйствительную территорію на югъ отъ Мааса и въ высшей степени важное содѣйствіе въ борьбѣ противъ Англіи, на которую должны были уйти всѣ силы голландцевъ.—Прежде эта страна шла на буксирѣ у Англіи, теперь – она была увлечена бурнымъ потокомъ французской исторіи (трактатъ въ Гаагѣ заключенъ 16-го мая).

Миръ съ Испаніей былъ подписанъ въ Базелѣ. Его подготовили переговоры, которые Бургуэнъ велъ въ Мадридѣ, а Иріартъ — въ Парижѣ. Карлъ IV требовалъ сначала, чтобы Людовикъ XVII былъ освобожденъ и провозглашенъ королемъ французской Наварры. Но преждевременная кончина несчастнаго дофина (8 іюня 1795 г.) и, въ особенности, успѣхи Монсэ въ Гвипуцкоа, Міоллиса—въ Наваррѣ привели въ ужасъ мадридскія придворныя сферы. Чтобъ сохранить министерскій портфель и положеніе любимца королевы, Годой неожиданно заявилъ себя столь-же ярымъ сторонникомъ мира, какъ прежде войны. Комитетъ общественнаго спасенія потребовалъ сначала уступки Гвипуцкоа и Луизіаны, предлагая въ обмѣнъ Португалію. Нужно было, впрочемъ, еще покорить эту маленькую страну, чрезвычайно дорожившую своей независимостью. Послѣдующія инструкціи комитета, данныя на имя Бартелеми, выставляли несравненно меньшія требованія. Иріартъ поѣхалъ для окончательнаго соглашенія въ Базель и подписалъ трактатъ 22 іюля 1795 г. Франція возвратила всѣ свои пріобрѣтенія въ Каталоніи, Наваррѣ и Гвипуцкоа. Въ обмѣнъ она получила испанскую часть острова Сенъ-Доминго. Такимъ образомъ одинъ изъ королей Бурбонской династіи призналъ республику и примирился съ людьми, осудившими на смертную казнь Людовика XVI!

При извѣстіи о такомъ забвеніи монархическихъ принциповъ, притомъ со стороны тѣхъ, кто-бы долженъ былъ подавать примѣръ въ этомъ отношеніи, слабые не имѣли болѣе ни силъ, ни охоты протестовать противъ новаго порядка во Франціи. Они горько раскаивались, что примкнули къ коалиціи, приписывая эту ошибку своей слабости и общему увлеченію. Саксонія и оба Гессена были-де обольщены Австріей; Португалія и неаполитанскій король повиновались будто-бы внушеніямъ Англіи; папа и герцогъ Пармскій утверждали, что никогда не были врагами юной республики. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили признать ее со всѣми ея новѣйшими пріобрѣтеніями.

Изъ неравной борьбы противъ цѣлой Европы Франція вышла увеличенной до

Рейна. Въ три года республика сдѣлала то, чего монархія не въ силахъ была совершить втеченіе девяти съ половиной вѣковъ послѣ Верденскаго мира, когда были утрачены рубежи древней Галліи. Плебейская дипломатія комитета общественнаго спасенія лучше защищала національные интересы, чѣмъ щеголеватые царедворцы прежняго времени, стѣсненные родственными отношеніями монарховъ. Чтобы торжественно освятить сдѣланныя пріобрѣтенія, національный конвентъ, по предложенію Мерлена (отъ Дуэ), провозгласилъ при общемъ ликованіи (особаго голосованія не было), что завоеванныя области навсегда возсоединяются съ Франціей (1 октября 1795 г.). Этотъ декретъ, касавшійся внѣшнихъ дѣлъ, совпалъ съ новой конституціей III-го года, которая, казалось, должна была окончательно ввести внутреннюю жизнь страны въ республиканское русло. Конвентъ возвѣщалъ возникновеніе новой Франціи съ республиканскимъ образомъ правленія, съ территоріей до Рейна и Альпъ. Правда, Англія и Австрія все еще не складывали оружія, нужно было продолжать войну, чтобы принудить ихъ къ миру. Какъ сильна, какъ непреодолима была-бы Франція, если-бы она ограничилась обороной наслѣдія древней Галліи и отказалась-бы отъ всякихъ новыхъ присоединеній, отъ всякихъ притязаній по ту сторону естественныхъ границъ! — Втеченіе одной войны можно помочь Италіи освободиться отъ австрійскаго гнета или объединить Германію, но стремиться къ ихъ порабощенію — значитъ преслѣдовать несбыточныя цѣли. Республика расширила Францію до граней, которыя начертала сама природа; пагубное честолюбіе Наполеона лишило нашу родину этихъ важныхъ пріобрѣтеній.

Глава VI.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.

АВСТРІЯ И ПРУССІЯ. РОССІЯ—ШВЕЦІЯ—ТУРЦІЯ—ПОЛЬША. ДО 1796 ГОДА.

I. Война съ Турціей и Швеціей.

Взаимныя отношенія трехъ сѣверныхъ державъ. Кауницъ видѣлъ въ отмщеніи Пруссіи конечную цѣль всей своей политики и въ зависимости отъ нея велъ даже свою политику на востокѣ; онъ не терялъ надежды рано или поздно порвать союзъ Россіи съ Пруссіей и снова пріобрѣсти при петербургскомъ дворѣ вліяніе, утраченное было со смертью Елизаветы (1762), но онъ понималъ, что—для возстановленія дружбы съ Россіей—необходимо пойти на встрѣчу желанію Екатерины изгнать Турокъ изъ Европы. Безъ сомнѣнія, онъ не отказался-бы отъ своей доли въ турецкомъ наслѣдствѣ, какъ не отказался въ свое время отъ участія въ раздѣлѣ Польши, но онъ сдѣлалъ-бы это нестолько изъ желанія расширить государственную территорію, сколько для поддержанія политическаго равновѣсія между Австріей и Россіей въ придунайскихъ земляхъ; къ тому-же союзъ съ Россіей могъ быть купленъ только цѣною уступокъ въ восточныхъ дѣлахъ. Особенно настоятельнымъ сдѣлался этотъ союзъ послѣ того, какъ Россія по соглашенію съ Франціей пресѣкла притязанія Іосифа II на баварскій престолъ (1779 г.).

Этотъ австрорусскій союзъ, котораго добивался Кауницъ ради политическаго равновѣсія, въ которомъ Іосифъ II видѣлъ возможную опору для своихъ широкихъ политическихъ замысловъ и котораго со свойственной ей осторожностью опасалась Марія-Терезія, — этотъ союзъ, повидимому, не могъ осуществиться до распаденія прусско-русскаго союза, заключеннаго 19-го іюня 1764 г. и возобновленнаго въ 1777 г. на время отъ 1780 г. до 1788 г.

Тѣмъ не менѣе уже въ 1779 г. Кауницъ назначилъ посломъ при русскомъ дворѣ графа Кобенцеля,—человѣка, получившаго политическое воспитаніе подъ его собственнымъ руководствомъ и считавшагося однимъ изъ самыхъ ловкихъ австрійскихъ дипломатовъ. Въ данной ему инструкціи восточному вопросу было удѣлено очень много мѣста. Кауницъ впередъ обдумалъ, что можно будетъ требовать на долю Австріи въ томъ случаѣ, если-бы Россія продолжала настаивать на изгнаніи турокъ изъ Европы [1]). Въ видахъ политическаго

---

[1]) Кауницъ совѣщался по этому вопросу съ фельдмаршаломъ Ласси, самымъ крупнымъ военнымъ авторитетомъ тогдашней Австріи. Въ случаѣ, если-бы русскіе заняли Константинополь, граница должна была пройти по Алутѣ до Дуная, затѣмъ черезъ Никополь и Софію къ Орфанскому заливу. Такимъ образомъ Австрія получила-бы Малую Валахію, часть Болгаріи, Сербію, Боснію, Албанію и Грецію. Впрочемъ, Кауницъ считалъ присоединеніе этихъ разоренныхъ странъ ненужнымъ и даже опаснымъ шагомъ. Кобенцель находилъ, что эти пріобрѣтенія не будутъ пропорціональны усиленію Россіи, если въ ея рукахъ окажутся Константинополь, нижній Дунай, Черное море и проч... Австрійскихъ

равновѣсія онъ желалъ, чтобы эта доля была возможно значительнѣе; но въ инструкціи, данной Кобенцелю (24 сентября 1779 г.), онъ совѣтовалъ избѣгать вопроса о раздѣлѣ Турціи и стремиться прежде всего къ установленію дружескихъ отношеній между обѣими державами. Чтобы ускорить сближеніе, Іосифъ II рѣшилъ лично свидѣться съ Екатериной; императрица отнеслась къ его плану очень сочувственно, и первое свиданіе состоялось въ Могилевѣ (май 1780 г.), куда императоръ пріѣхалъ инкогнито подъ именемъ графа Фалькенштейна, а слѣдующее—въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ послѣ поѣздки по Россіи. Онъ имѣлъ случай убѣдиться, что—въ противоположность Кауницу — императрица была больше всего занята восточнымъ вопросомъ и сравнительно мало интересовалась союзомъ съ Австріей. Очевидно, она намѣревалась остановить свой выборъ на той изъ германскихъ державъ, которая покажетъ наибольшую готовность оказать ей содѣйствіе въ восточныхъ дѣлахъ. Путешествіе императора сильно обезпокоило «стараго Фрица», и едва только Іосифъ II выѣхалъ изъ Петербурга, какъ туда былъ отправленъ наслѣдный принцъ прусскій (сентябрь). Вѣрная своему принципу поддерживать дружескія отношенія и съ Австріей, и съ Пруссіей, императрица приняла его благосклонно, хотя уже рѣшила дѣйствоватьзаодно съ императоромъ.

Австро-русскій союзъ 1781 года. Смерть Маріи-Терезіи (29 ноября 1780 г.) лишила австрійскую дипломатію полезнаго противовѣса увлеченіямъ ея наслѣдника, противъ которыхъ не могъ ничего подѣлать даже умудренный Кауницъ. Въ январѣ 1781 г. Кобенцель получилъ разрѣшеніе начать переговоры о союзѣ; оффиціальный трактатъ такъ и не былъ заключенъ изъ-за разногласія по поводу формальностей протокола [1]; но условія были поставлены въ двухъ письмахъ Екатерины (12 апрѣля) и приняты въ двухъ отвѣтахъ Іосифа II (18 мая). Главными пунктами первыхъ ихъ писемъ были слѣдующіе: 1) подтвержденіе трактата 25-го іюля 1772 г. и Тешенскаго мира; 2) взаимная гарантія территорій (за исключеніемъ азіатскихъ владѣній Россіи); 3) взаимная помощь, установленная въ размѣрѣ 10.000 пѣхоты, 2.000 человѣкъ кавалеріи и соотвѣтственнаго количества орудій, причемъ Австрія выговаривала себѣ право замѣнять военную помощь ежегодной денежной субсидіей въ 400.000 рублей въ томъ случаѣ, если-бы нападеніе на Россію было произведено Швеціей; 4) въ случаѣ недостаточности установленной помощи, обѣ стороны обѣщаютъ войти въ особое соглашеніе относительно «оказанія болѣе значительной поддержки»; 5) Австрія, въ случаѣ нападенія на ея владѣнія, имѣетъ право отозвать вспомогательный корпусъ; 6) гарантія польской конституціи и неприкосновенности польской территоріи (пунктъ этотъ былъ установленъ въ виду притязаній Пруссіи); 7) гарантія уступки Даніи графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго въ обмѣнъ на Голштинію [2]; 8) Россія не гарантируетъ неприкосновенности австрійскихъ владѣній въ Бельгіи.

Вторыя письма были посвящены восточнымъ дѣламъ. Іосифъ II гарантировалъ трактаты, заключенные между Россіей и Турціей [3]. Онъ обязывался слѣдить за тѣмъ, чтобы Порта соблюдала ихъ «строго и свято», а также побуждать ее къ этому дипломатическимъ путемъ, буде-же это окажется недостаточнымъ, объявить ей войну три мѣсяца спустя послѣ предъявленія Россіей своихъ требованій и выставить съ этой цѣлью войско, равное русскому. Въ случаѣ, если-бы во время войны между Турціей и Россіей послѣдняя подверглась нападенію

дипломатовъ занималъ также вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Египта: слѣдуетъ уступить его Франціи, чтобы привлечь ее на свою сторону, или отдать Мальтійскому ордену и тѣмъ избѣжать нарушенія политическаго равновѣсія?—Осторожная Марія-Терезія не сочувствовала этимъ проектамъ. 3 іюля 1777 г. она писала Мерси, своему послу при французскомъ дворѣ, что раздѣлъ Оттоманской имперіи былъ-бы наиболѣе рискованнымъ и опаснымъ изъ всѣхъ предпріятій ея царствованія. Что можетъ выиграть Австрія отъ расширенія ея границъ хотя-бы до самыхъ стѣнъ Константинополя?—Это событіе должно было-бы, по ея мнѣнію, произвести еще большія потрясенія, чѣмъ раздѣлъ Польши, и королева высказывала надежду, что ея внуки еще застанутъ турокъ въ Европѣ.

[1]) Екатерина II требовала, чтобы на русской копіи трактата ея имя стояло первымъ, предоставляя то-же право Іосифу II по отношенію къ австрійской копіи; императоръ не соглашался на такой *альтернатъ* и желалъ, чтобы его имя стояло на первомъ мѣстѣ въ обѣихъ копіяхъ.

[2]) Въ силу трактатовъ - Копенгагенскаго (1767 г.) и Царскосельскаго, заключенныхъ между Даніей и цесаревичемъ Павломъ, какъ наслѣдникомъ Петра III.

[3]) Договоръ 1704 года, касающійся границы Кубани и Азова; Кайнарджійскій миръ (1774); договоръ 4 апрѣля 1775 г. касательно Кинбурна.

какой нибудь другой державы, императоръ, признавая такое нападеніе за *casus foederis* (поводъ для исполненія обязанностей союзника), придетъ на помощь Россіи со всѣмъ своимъ войскомъ, поскольку это будетъ допустимо съ точки зрѣнія безопасности его собственной имперіи. Екатерина давала тѣ-же самыя обѣщанія по отношенію къ Австріи.

Эти обязательства, изложенныя въ письмахъ Екатерины и отвѣтахъ Іосифа II, были равносильны оборонительному трактату между обѣими державами, направленному одновременно и противъ Пруссіи (что ближайшимъ образомъ интересовало императора), и противъ Турціи (что преимущественно касалось Россіи). Тщетно пытался Панинъ, защитникъ «сѣверной системы», дать дѣлу другой оборотъ, указывая на возможность тройственнаго союза между Россіей, Австріей и Пруссіей. Онъ вскорѣ впалъ въ немилость и долженъ былъ стушеваться передъ всемогуществомъ Потемкина.

«Греческій проектъ». Апрѣльскіе и майскіе документы 1781 г. дополняются перепискою между императоромъ и императрицей, въ которой разработанъ «великій», иначе «греческій» проектъ. Въ случаѣ, если-бы война съ Турціей увѣнчалась успѣхомъ и явилась возможность приступить къ раздѣлу Оттоманской имперіи, Екатерина предполагала создать изъ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи автономное государство съ христіанскимъ монархомъ во главѣ; за собой она оставляла только Очаковъ и область между Днѣстромъ и Бугомъ, да, кромѣ того, одинъ или два острова въ Архипелагѣ (въ интересахъ русской торговли). Съ удаленіемъ турокъ изъ Европы предполагалось возстановить древнюю греческую имперію и передать корону великому князю Константину Павловичу безъ права соединить ее когда-либо съ русской (письмо отъ 10 сентября 1782 г.). Іосифъже требовалъ въ свою пользу: Хотинъ и его территорію, Малую Валахію (по правую сторону Алуты), Никополь, Виддинъ, Орсову, Бѣлградъ и др.; онъ предполагалъ отнять у Венеціи Истрію и Далмацію и вознаградить ее за эту утрату Мореей, Критомъ, Кипромъ и другими островами; кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы устье Дуная оставалось нейтральнымъ въ интересахъ австрійской торговли. Чтобы обезпечить независимость двухъ проектированныхъ Екатериной государствъ,—Дакіи и Греціи,—они должны были соединиться въ конфедерацію и обязаться не вредить австрійской торговлѣ (письмо отъ 13 ноября). Русскіе министры возражали противъ многихъ пунктовъ этого соглашенія, такъ напр.,—противъ уступки Мореи, Крита и проч. Венеціи; они видѣли въ этомъ посягательство на неприкосновенность будущей эллинской территоріи. Переговоры однако продолжались. Участіе Австріи въ вооруженномъ нейтралитетѣ было внѣшнимъ проявленіемъ австро-русскаго союза (9 октября 1781 г.). Вслѣдъ затѣмъ состоялось присоединеніе Крыма къ Россіи (8 января 1784 г.). Австрія не принимала никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и, не съумѣвъ съ своей стороны принудить Турцію къ какимъ-либо уступкамъ, не безъ зависти слѣдила за успѣхами своей союзницы. Тогда Екатерина пообѣщала Іосифу II помочь ему добиться удовлетворенія. Императоръ хотѣлъ было потребовать отъ Турціи исправленія границы, благодаря которому Австрія получила-бы Малую Валахію и оба берега Савы до Унны, а также уничтоженія укрѣпленій въ Бѣлградѣ и Орсовѣ; но Кауницъ далъ ему понять, что такія уступки не дѣлаются даромъ, что слѣдуетъ сперва занять земли, а потомъ уже требовать ихъ; но въ такомъ случаѣ дѣло могло кончиться войной, которою Екатерина не замедлила-бы воспользоваться, чтобы захватить Очаковъ. Приходилось ограничиться правомъ безпрепятственнаго плаванія по Дунаю и Дарданелламъ, — правомъ, уже даннымъ Россіи. Но Порта съ негодованіемъ отвергла даже и это скромное требованіе. Въ концѣ концовъ Іосифъ II вынужденъ былъ сказать: «игра не стоитъ свѣчъ».

Причины новой войны между Россіей и Турціей. Давъ согласіе на предложеніе грузинскаго царя Ираклія принять его владѣнія подъ протекторатъ Россіи (1783 г.), Екатерина II волей-неволей должна была вмѣшаться въ запутанныя дѣла Закавказья и стать во враждебныя отношенія съ Турціей и Персіей или, вѣрнѣе, съ ихъ непокорными вассалами — горскими разбойничьими племенами.

Между тѣмъ Англія и Пруссія, непріязненно относившіяся къ Россіи, не замедлили взволновать Турцію намеками на «греческій проектъ». Впрочемъ и сама Ека-

терина не скрывала своихъ намѣреній. Ея образъ дѣйствій не могъ не вызывать въ высшей степени серьезныхъ опасеній и тревогъ въ турецкомъ правительствѣ: своего внука, родившагося 8 мая 1779 года, она назвала Константиномъ, именемъ греческихъ императоровъ; въ кормилицы ему взяли гречанку, а впослѣдствіи окружили греческими мальчиками, учили греческому языку и выбили въ честь его медаль съ изображеніемъ «Константина *базилевса* (царя) эллиновъ»; въ Херсонѣ и Севастополѣ, на территоріи, еще недавно принадлежавшей мусульманамъ, были воздвигнуты грозныя русскія крѣпости; черноморскій военный флотъ росъ съ поразительною быстротой; было приступлено къ заселенію Новороссіи переселенцами изъ центральныхъ губерній: — подъ конецъ 1786 г. тамъ было водворено 130.000 человѣкъ; архіепископомъ херсонскимъ назначенъ грекъ Булгаросъ, который долженъ былъ оказать вліяніе на своихъ соплеменниковъ изъ подданныхъ султана; русскій посланникъ въ Константинополѣ подкупалъ турецкихъ чиновниковъ и вообще держалъ себя крайне подозрительно. Вызывающее поведеніе Екатерины II во время знаменитаго путешествія на югъ Россіи переполнило чашу терпѣнія миролюбиваго Абдулъ-Гамида (1774—1789).

Путешествіе Екатерины II на югъ (1787 г.). Еще въ 1786 г. Екатерина II обратилась къ Іосифу II съ приглашеніемъ принять участіе въ предполагавшейся поѣздкѣ по южнымъ окраинамъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила его содѣйствія, чтобы уладить свои недоразумѣнія съ Турціей. Іосифъ II прекрасно понималъ, что всякое такое «содѣйствіе» можетъ повести къ войнѣ; кромѣ того, ему было извѣстно, что императрица обращалась съ просьбой объ этомъ посредничествѣ и къ Франціи. Этимъ объясняется его холодный отвѣтъ на оба предложенія русской императрицы. Онъ отнюдь не хотѣлъ быть игрушкой въ рукахъ какой-то «принцессы ангальтской, внезапно обратившейся въ императрицу Екатерину». Онъ подумывалъ даже о сближеніи съ Пруссіей, во главѣ которой послѣ смерти «стараго Фрица» стоялъ новый король Фридрихъ-Вильгемъ (съ 17 августа 1786 г.). Попытка, сдѣланная имъ съ этой цѣлью, встрѣтила въ Берлинѣ такой сухой пріемъ (6 декабря), что онъ тотчасъ-же обратился къ Россіи и извѣстилъ Екатерину II, что съ особеннымъ удовольствіемъ принимаетъ ея приглашеніе (22 декабря).

Извѣстно, какой пышностью, какимъ тріумфомъ обставилъ Потемкинъ путешествіе императрицы въ Тавриду; извѣстно также, какъ призрачны были картины новыхъ поселеній и громадныхъ народныхъ массъ, развернутыя имъ передъ Екатериной,—какъ мало соотвѣтствовало дѣйствительности показное благосостояніе жителей; бывшій фаворитъ умѣлъ «показать», а тщеславная императрица склонна была «видѣть». Впрочемъ далеко не все было декораціей: кое-что было дѣйствительно сдѣлано для колонизаціи новороссійскаго края, еще незадолго передъ тѣмъ представлявшаго изъ себя пустынную степь, по которой бродили только казаки да татары [1]); въ Херсонѣ была воздвигнута нешуточная крѣпость, а въ Севастополѣ построенъ прекрасный портъ, на рейдѣ котораго стоялъ настоящій военный флотъ. Всѣ эти толпы знатнаго люда, которыя привѣтствовали императрицу на всѣхъ остановкахъ, — всѣ эти литовскіе магнаты, польскіе депутаты, татарскіе мурзы, ханы и эмиры съ Кубани или изъ Кабарды, — всѣ они свидѣтельствовали о дѣйствительномъ, а не призрачномъ могуществѣ императрицы. Среди этихъ восточныхъ торжествъ она не забывала однако европейской политики: ѣхала она въ дорожномъ экипажѣ или на суднѣ, — всюду сопровождали ее представители Франціи, Англіи и Австріи, — Сегюръ, Фицгербертъ и Кобенцель; въ пути былъ подготовленъ торговый трактатъ съ Франціей. Въ Каневѣ императрицу встрѣтилъ польскій король, а въ Херсонѣ—самъ «графъ Фалькенштейнъ», русскій посолъ въ Константинополѣ — Булгаковъ и австрійскій интернунцій Гербертъ. На берегахъ Чернаго моря непріятель грозно напомнилъ о своемъ существованіи: въ устьѣ Днѣпра стоялъ турецкій флотъ. «Повидимому, турки забыли Чесму», сказала Екатерина императору. Объ этомъ-то непріятелѣ главнымъ образомъ и шла рѣчь между двумя монархами и ихъ министрами; именно его имѣли въ виду, устраивая смотръ русскихъ силъ и воздвигая тріумфальныя арки съ

[1]) Въ настоящее время число жителей доходитъ до 10 милліоновъ.

надписью: «здѣсь дорога въ Царьградъ». Всѣ нити европейской политики обнаружились по поводу внезапнаго отъѣзда Іосифа II, вызваннаго тревожными вѣстями изъ Бельгіи. Слѣдуя указаніямъ Кауница, Іосифъ II, прежде чѣмъ уѣхать, добился согласія императрицы на главныя требованія австрійской политики: на первый планъ была поставлена Пруссія, какъ общій врагъ обоихъ союзниковъ; Турція должна была занимать лишь второстепенное мѣсто; союзъ съ Англіей признанъ безполезнымъ, зато рѣшено было искать союза съ Франціей и, выждавъ новое англо-французское столкновеніе, свести счеты съ Пруссіей. Своему интернунцію въ Константинополѣ Іосифъ предписалъ дѣлать все, отъ него зависящее, для поддержанія мира между Портой и Россіей.

Начало турецкой войны (1787—1788 г.). Едва Екатерина II успѣла вернуться въ столицу, какъ—въ отвѣтъ на ея тріумфальное путешествіе—послѣдовало объявленіе войны. 26 іюля рейсъ-эффенди представилъ Булгакову ультиматумъ Порты: русскіе консулы въ Яссахъ, Бухарестѣ и Александріи должны быть отозваны; русскій протекторатъ надъ «ханомъ» Грузіи (бывшимъ въ то-же время турецкимъ вассаломъ) прекращенъ; русскія суда, плавающія въ Черномъ морѣ, обязаны подвергаться таможенному осмотру турецкихъ властей; 13 августа въ общемъ собраніи дивана вопросъ о войнѣ былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ; 16 Булгаковъ былъ вызванъ къ великому визирю, а оттуда препровожденъ въ семибашенный замокъ. Въ то самое время какъ уполномоченные Франціи и Австріи употребляли всѣ усилія для поддержанія мира, Англія и Пруссія не переставали натравлять Турцію на Россію.

Какъ и въ 1768 году, война застала обѣ стороны врасплохъ. Несмотря на усилія воинственнаго визиря Юсуфа и капитанъ-паши Гассана Алжирца,—одного изъ чесменскихъ героевъ,—Турція была далеко не готова къ борьбѣ, хотя нѣкоторыя снаряженія уже были сдѣланы, а именно: подъ руководствомъ англійскихъ и голландскихъ инженеровъ были построены суда и артиллерійскія орудія были передѣланы по новому образцу, принятому во Франціи; завербовано до 4000 греческихъ матросовъ, заключенъ миръ съ возставшими мамелюками, чтобы имѣть возможность воспользоваться египетской арміей; вызваны войска изъ Анатоліи и Румеліи. Французскіе и прусскіе офицеры усиленно обучали турецкихъ рекрутовъ. Гассанъ Алжирецъ былъ преисполненъ отваги. Онъ говорилъ про себя: «я желаю быть генераломъ не только на бумагѣ; въ насъ еще течетъ турецкая кровь, и я надѣюсь, что мы покажемъ это на дѣлѣ». Турки перешли въ наступленіе и аттаковали крѣпость Кинбурнъ, но были отброшены Суворовымъ въ кровопролитномъ сраженіи (1/12 октября), во время котораго самъ онъ получилъ двѣ раны.

Русскіе, сначала сами желавшіе войны, послѣ объявленія ея стали выгадывать время, затягивая переговоры. Быстрое, неожиданное рѣшеніе, принятое Турціей, поразило Екатерину и еще болѣе Потемкина, ея намѣстника въ Новороссіи. Этотъ ходульный герой до того палъ духомъ, узнавъ объ осадѣ Кинбурна, что императрица принуждена была написать ему: [1]) «Укрѣпите вашъ умъ и душу противъ всѣхъ затрудненій и будьте увѣрены, что вы побѣдите ихъ съ нѣкоторымъ терпѣніемъ; но это сущая слабость, чтобы, какъ пишешь мнѣ, снизложить свои достоинства и скрыться, отчего? Я не вѣдаю...» — Вѣсть о побѣдѣ Суворова успокоила императрицу и привела ее въ восхищеніе. Но вслѣдъ за хорошими пришли печальныя извѣстія: въ началѣ октября русскій флотъ былъ застигнутъ бурей: — одинъ изъ кораблей далъ течь, другой—съ разбитыми мачтами—былъ захваченъ турками. Потемкинъ, всегда склонный впадать въ крайность, далъ знать о «гибели флота». Онъ обложилъ Очаковъ, но осада подвигалась медленно, и онъ уже поговаривалъ о томъ, чтобы очистить Крымъ, забросить порты и арсеналы, т. е. отказаться отъ плодовъ тринадцатилѣтнихъ усилій. Онъ расхворался; съ нимъ дѣлались судороги. Императрица старалась ободрить его: «Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія, нежели я сама [2])... Вы нетерпѣливы, какъ пятилѣтній ребенокъ, между тѣмъ какъ дѣла, порученныя вамъ въ сіе время, требуютъ непоколебимаго терпѣнія. P. S. Пришло мнѣ на умъ еще по случаю того, что пишешь о выводѣ войскъ изъ

---

[1]) До словъ, «чтобы, какъ пишешь», въ подлинникѣ по французски.

[2]) До слова «терпѣнія» по французски.

полуострова, что черезъ то туркамъ и татарамъ открылась (бы) паки дорога, такъ сказать въ сердце имперіи, ибо на степи едва-ли удобно концентрировать оборону».

Разрывъ отношеній между Россіей и Портой очень непріятно поразилъ и Австрію, вынужденную такимъ образомъ принять участіе въ войнѣ противъ Турціи. Явилась даже мысль обратиться къ посредничеству Франціи; но когда Кобенцель донесъ изъ Петербурга, что Россія надѣется справиться съ Турціей, не прибѣгая ни къ чьей помощи, правительство успокоилось, а въ сентябрѣ Іосифъ II заявилъ, что готовъ исполнить свои обязательства передъ Россіей. Къ этому-же времени относятся дипломатическія сношенія съ французскими и испанскими Бурбонами, имѣвшія цѣлью заключеніе четверного союза; читатель уже знаетъ, какъ дипломатическое пораженіе Франціи послѣ отступленія въ Голландію (сентябрь—октябрь) разсѣяло надежды, возлагавшіяся на нее императорскими дворами.

Съ осени 1787 года Іосифъ II началъ готовиться къ войнѣ. Между нимъ и Кауницемъ было несогласіе по вопросу первой важности: императоръ прежде всего желалъ завладѣть Бѣлградомъ, министръ настаивалъ на Хотинѣ, одинъ хотѣлъ, расширивъ свои владѣнія, стать твердой ногой на Адріатическомъ побережьѣ, другой стремился занять выгодную позицію на Черномъ морѣ, хотя-бы для того, чтобы обуздывать честолюбивые замыслы и предпріятія Россіи. Была сдѣлана попытка привлечь къ союзу Венецію, но республика наотрѣзъ отказалась отъ всякаго участія, ясно сознавая, что для нея разъ навсегда миновали времена военной славы (декабрь 1787). Еще до объявленія войны Портѣ Іосифъ II попробовалъ завладѣть Бѣлградомъ, захвативъ турокъ врасплохъ. Первая попытка, которой должны были содѣйствовать сами сербы, была назначена на ночь со 2-го на 3-е декабря 1787 г.; однако дѣло не состоялось въ виду недостаточности подготовки; новая попытка, сдѣланная въ январѣ, точно также окончилась ничѣмъ. Такимъ образомъ Іосифу II пришлось исполнить свои обязательства по отношенію къ Россіи и объявить войну Турціи, такъ и не взявъ предварительно Бѣлграда (9 февраля 1788).

Турки разсчитывали выставить 300,000 солдатъ; въ январѣ 1788 г. были готовы къ бою только 60,000 татаръ, занявшихъ Бессарабію подъ предводительствомъ своего бывшаго хана Аббасъ-Гирея. Подъ ихъ прикрытіемъ мало по малу собиралась въ Молдавіи оттоманская армія, то разроставшаяся отъ наплыва новобранцевъ, то снова таявшая подъ вліяніемъ дезертирства, доходившаго до невѣроятныхъ размѣровъ въ виду отсутствія дисциплины. Главная сила турокъ состояла во флотѣ капитанъ-паши и въ линіи дунайскихъ крѣпостей,—Браиловѣ, Журжевѣ, Рущукѣ, Силистріи, Виддинѣ, Орсовѣ и Бѣлградѣ, находившихся почти сплошь въ удовлетворительномъ состояніи, а также въ пограничныхъ крѣпостяхъ, Хотинѣ и Очаковѣ. Въ послѣднемъ 20,000 турокъ было осаждено 40.000-ой русской арміей подъ начальствомъ Суворова, подчиненнаго Потемкина, въ распоряженіи самого главнокомандующаго находилось, кромѣ того, 110,000 человѣкъ.

Въ Подоліи собиралась армія Румянцева въ 60.000 человѣкъ. На Кубани у русскихъ было до 40,000 человѣкъ подъ предводительствомъ Павла Потемкина и Елагина; въ концѣ 1787 года они отразили нападеніе черкесовъ, абхазцевъ, лезгинъ, дагестанцевъ и другихъ горцевъ подъ предводительствомъ эмира Имамъ-Мансура.

Что касается Австріи, то она могла выставить около 200,000 человѣкъ, сосредоточенныхъ въ Венгріи и раздѣленныхъ на шесть корпусовъ. Одна часть войскъ подъ начальствомъ Ласси и Іосифа II должна была вести аттаку крѣпостей Бѣлграда, Виддина и Орсовы; другая — съ принцемъ Кобургскимъ во главѣ—должна была прикрывать Трансильванію отъ возможнаго нападенія со стороны Бессарабіи и Молдавіи, а въ случаѣ необходимости занять Румынію.

Глядя на австрійскую, турецкую и русскую армію можно было подумать, что онѣ соперничаютъ въ искусствѣ даромъ терять время. Еще въ маѣ 1788 г. Потемкинъ снова совѣтывалъ императрицѣ отказаться отъ Крыма, на что Екатерина отвѣтила категорическимъ отказомъ: «на оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу... Когда кто сидитъ на конѣ, сойдетъ ли съ онаго, чтобъ держаться за хвостъ?» Русскіе бездѣйствовали; австрійцы стояли на мѣстѣ. Тифъ произвелъ въ ихъ рядахъ

страшное опустошеніе: въ госпиталяхъ лежало 25,000 больныхъ. Эти неблагопріятныя обстоятельства могли быть до извѣстной степени уравновѣшены горячимъ сочувствіемъ молдаванъ, предлагавшихъ Іосифу II безвозмездно вступить въ ряды его войскъ. Іосифъ II колебался дать согласіе. Тѣмъ не менѣе въ апрѣлѣ полковникъ Фабри вступилъ по распоряженію Кобурга въ Яссы, гдѣ онъ съ величайшимъ почетомъ былъ встрѣченъ митрополитомъ, боярами и народомъ. Турецкіе полки были безъ труда отброшены. Вскорѣ послѣ этого пришелъ приказъ императора очистить эту провинцію; принцъ Кобургскій, уже начавшій осаду Хотина, пытался побудить его отмѣнить это распоряженіе; принцъ де-Линь, австрійскій атташэ при русской арміи, въ своемъ донесеніи Іосифу II высказывался въ томъ же смыслѣ. Взятіе Хотина (8/19 сентября 1788) оправдало мнѣніе Кобурга и принца де-Линь.

Маршалъ Лаудонъ взялъ (26 августа) Дубицу на рубежѣ между Кроаціей и Славоніей, разсѣялъ турецкія войска, стоявшія лагеремъ подъГрадиской, и взялъ приступомъ Новый-Базаръ (3 октября). Въ апрѣлѣ императоръ занялъ Шабацъ, перешелъ Саву и осадилъ Бѣлградъ.

Великій-визирь Юсуфъ-паша поспѣшилъ съ 70,000-ымъ войскомъ, набраннымъ въ Болгаріи, на помощь осажденнымъ и принудилъ австрійцевъ, обезсиленныхъ тифозной эпидеміей, вернуться на противоположный берегъ Днѣстра. Выйдя изъ Ниша и перейдя Дунай, онъ разбилъ одинъ изъ австрійскихъ корпусовъ подъ Мегадіей (28 августа) и, отбросивъ непріятеля за Темешь, овладѣлъ Банатомъ. Ужасъ охватилъ Австрію. Между тѣмъ возстанія въ Бельгіи и Венгріи отвлекали значительную часть ея войскъ. Соединившись съ Вартенслебеномъ, разбитымъ подъ Мегадіей, Іосифъ II далъ великому визирю сраженіе подъ Слатиной, но снова потерпѣлъ пораженіе (14 сентября). Несчастіе продолжало преслѣдовать его. Въ ночь съ 20 на 21 сентября имперскій лагерь подъ Лутошемъ былъ охваченъ безумной паникой: всѣ бѣжали, кто какъ могъ, оставляя туркамъ обозы, провіантъ и пушки; два австрійскихъ полка, не разглядѣвъ другъ друга въ темнотѣ, открыли огонь; погибла масса людей; самъ императоръ и его племянникъ эрцгерцогъ Францъ едва не были убиты. Турки завладѣли покинутымъ лагеремъ и выжгли 150 деревень; но порядка въ ихъ войскахъ было не многимъ больше, чѣмъ у ихъ противниковъ, а потому, не воспользовавшись благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, они вернулись на правый берегъ Дуная. Это дало императору возможность собрать остатки своей арміи въ Землинѣ. Онъ вернулся въ Вѣну 5-го декабря.

Для русскихъ кампанія 1788 была сосредоточена на Очаковѣ; считая нужнымъ придти на помощь осажденнымъ, капитанъ-паша вошелъ въ лиманъ (болотистое устье Буга) съ 66 парусными судами, среди которыхъ было 16 линейныхъ кораблей и 12 фрегатовъ (май). Контръ-адмиралъ Пауль Джонсъ [1]) и принцъ Нассау-Зигенъ съ флотиліей, состоявшей исключительно изъ галеръ и легкихъ судовъ и поддержанной батареями Суворова, выстроенными на берегу, уничтожили турецкій флотъ (27/16—28/17 іюня и 12/1 іюля). Капитану-пашѣ удалось спасти лишь нѣсколько судовъ. Послѣ этого Суворовъ съ новой энергіей возобновилъ осаду Очакова. Нападеніе, произведенное 7-го августа, было отбито, а самъ Суворовъ раненъ. Только 6/17-го декабря крѣпость была, наконецъ, взята приступомъ, причемъ русскіе потеряли 4,000 чел., а турки 10,000 чел. Въ крѣпости оказались громадные запасы оружія и провіанта. Такимъ образомъ война 1788 г. закончилась полнымъ разгромомъ австрійцевъ и блестящей побѣдой русскихъ войскъ. Впрочемъ отсутствіе порядка и плана въ дѣйствіяхъ союзниковъ въ значительной степени объясняется неожиданнымъ вмѣшательствомъ шведскаго короля.

Англо-прусская лига; вмѣшательство Швеціи.— По всѣмъ вопросамъ, касавшимся Востока и Голландіи, Англія и Пруссія попрежнему относились съ одинаковой враждебностью къ Франціи, Австріи и Россіи. Мы уже знаемъ, что онѣ побуждали Турцію къ войнѣ, оказывая ей въ этомъ дѣлѣ ту поддержку, которую до тѣхъ поръ она получала отъ Франціи. Въ возстаніяхъ Венгріи и Бельгіи онѣ тоже были не безъ грѣха. Однако до поры до времени онѣ воздерживались отъ непосредственнаго вмѣшательства въ восточныя дѣла. Въ фе-

[1]) Шотландскій корсаръ, принятый Екатериной II на русскую службу.

врале 1787 г. Фридрихъ-Вильгельмъ II пытался навязать императору свое посредничество, но тотъ высокомѣрно отклонилъ его: съ какой стати препятствовали ему искать на востокѣ возмѣщенія того матеріальнаго ущерба, который понесъ его домъ, и «германизировать нѣсколько сотъ тысячъ подданныхъ султана?» Прусскій король не сталъ настаивать.—Гроза готовилась съ другой стороны.

Послѣ угрозъ, которыя были высказаны Пруссіей и Россіей по поводу государственнаго переворота въ Швеціи въ 1772 г., между этими дворами и Густавомъ III никакъ не могли установиться дружескія отношенія. Въ 1777 году король, подъ именемъ графа Готландскаго, пріѣхалъ въ Петербургъ для свиданія съ Екатериной. Императрица нашла его чудакомъ, а великій князь Павелъ въ кругу своихъ приближенныхъ называлъ его «Донъ - Густавомъ», «сѣвернымъ героемъ» и вертопрахомъ. Тѣмъ не менѣе велись переговоры о заключеніи дружественнаго соглашенія: Густавъ III добивался, чтобы въ сношеніяхъ между нимъ и императрицей не употреблялось другихъ обращеній, кромѣ «сестры» и «брата». Въ 1783 произошло вторичное свиданіе въ Фридригсгамѣ. Впечатлѣніе, произведенное гостемъ, было прежнее: «Я нашла только, пишетъ Екатерина II Потемкину, — что онъ былъ крайне занятъ своимъ нарядомъ и весьма охотно стоялъ передъ зеркаломъ» *).

Разсыпаясь въ любезностяхъ передъ Екатериной II, Густавъ III, не теряя времени, собиралъ войско подъ Тавастгузомъ (въ Финляндіи). На слѣдующій годъ онъ заключилъ союзъ съ Франціей (19 іюля 1784). Лазутчики осматривали укрѣпленія въ русской части Финляндіи и изслѣдовали окрестности Петербурга. Россія не оставалась въ долгу: она приняла къ себѣ на службу Спренгтпортена, выдавшаго ей тайныя свѣдѣнія объ организаціи обороны Швеціи; ея посланники—Остерманъ, Симолинъ, Марковъ, Разумовскій — держали себя въ Стокгольмѣ такъ же заносчиво и и самоувѣренно, какъ въ Варшавѣ. Въ Финляндіи Россія разжигала сепаратизмъ, а въ Швеціи—поддерживала элементы, недовольные переворотомъ 1772 и возмущенные расточительностью и властными замашками короля. Густавъ III, не чувствовавшій себя въ безопасности даже въ собственномъ дворцѣ, готовъ былъ ухватиться за войну съ Россіей, лишь-бы отвлечь вниманіе общества отъ внутренней жизни страны. Разрывъ Россіи съ Портой представлялся ему очень удобнымъ для этого случаемъ. Турецко-шведское соглашеніе, заключенное 19 іюля 1740 г., было еще въ силѣ: оно давало королю право и даже обязывало вступиться за интересы Порты, оплачивавшей это содѣйствіе постоянной субсидіей. Наконецъ восточная война отвлекла русскія силы отъ финской границы, и завладѣть Петербургомъ казалось шуточнымъ дѣломъ. Однако, имѣя въ виду оборонительный трактатъ Россіи съ Даніей 1773 года (подтверждавшій трактаты 1765 и 1769 годовъ), по которому Данія обязывалась приходить на помощь Россіи въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя подвергалась нападенію, Густавъ III позаботился обставить дѣло такъ, какъ будто не онъ, а сама Екатерина вызвала войну. По его распоряженію финскіе крестьяне были переряжены въ форму русскихъ солдатъ и произвели нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ по шведскимъ аванпостамъ. Комедія была разыграна такъ грубо, что никого не ввела въ заблужденіе, не исключая и Даніи.

Французское правительство, недовольное тѣмъ, что Густавъ III согласился быть орудіемъ англо-прусской политики, предупредило своего министра въ Стокгольмѣ, де-Пonса, что оно «будетъ принуждено относиться къ королю шведскому, лишь какъ къ бывшему другу, нарушившему его довѣріе и огорчившему его своимъ заблужденіемъ».

Шведская война (1788 – 1790): Верельскій миръ. — 9-го іюня шведскій флотъ подъ начальствомъ герцога Карла Зюдерманландскаго, брата короля, — вышелъ изъ порта въ Карлскронѣ; цѣль плаванія держалась въ тайнѣ; онъ направился на Кронштадтъ и Петербургъ. Одновременно Густавъ III готовился перейти съ сухопутнымъ войскомъ финскую границу. 1-го іюля секретарь шведскаго посольства въ Петербургѣ вручилъ Екатеринѣ II ультиматумъ короля. Въ немъ требовалось отозваніе и примѣрное наказаніе Разумовскаго, возвращеніе Кексгольма, южной Финляндіи и Кареліи, уполномоченіе

*) Въ оригиналѣ по французски.

короля быть посредникомъ при заключеніи мира съ Турціей съ правомъ уступить ей Крымъ и даже въ случаѣ необходимости—согласиться на границы 1768 г., наконецъ, немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій. Даже прусскій посланникъ, Келлеръ, полагалъ, что нота эта свидѣтельствуетъ о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей короля. «Мнѣ кажется, сказалъ Сегюръ императрицѣ, что король повѣрилъ обманчивому сновидѣнію, будто онъ уже одержалъ надъ Вашимъ Величествомъ три большихъ побѣды». «Еслибы онъ выигралъ три большія побѣды и даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, то я все таки показала бы ему, на что способна женщина съ рѣшительнымъ характеромъ, стоящая во главѣ храбраго и преданнаго ей народа и непоколебимая на развалинахъ великаго государства!»

Стоило Густаву III сдѣлать ускоренный переходъ, и Петербургъ былъ бы въ его рукахъ. Для обороны столицы императрица не могла располагать и 6000 человѣкъ. На-скоро завербовывались возчики, слуги, ремесленники. Пришло извѣстіе, что король вступилъ въ Нишлотъ и оттуда двинулся въ Фридрихсгамъ; въ Петербургѣ распространился слухъ, будто императрица намѣрена покинуть городъ. На вопросъ Сегюра, правда ли это, императрица спокойно спросила: «и вы повѣрили?»

17-го іюля около острова Готланда близъ Фридрихсгама произошло морское сраженіе. Съ обѣихъ сторонъ было потеряно по одному судну, и каждый изъ противниковъ торжествовалъ побѣду. Была только та разница, что раненный Грейгъ удержался на своей позиціи, тогда какъ герцогъ Зюдермандскій вернулся въ шведскіе порты. Екатерина II велѣла служить молебны. Цѣлыхъ три недѣли потерялъ Густавъ III подъ Фридрихсгамомъ; русскіе воспользовались этимъ временемъ, чтобы сформировать подъ Выборгомъ войско въ 12.000 человѣкъ, во главѣ котораго сталъ великій князь Павелъ Петровичъ.

Вскорѣ императрица нашла союзниковъ въ самомъ лагерѣ Густава III. Около ста шведскихъ офицеровъ, ссылаясь на противоконституціонное объявленіе войны, стали требовать увольненія или заключенія мира. 9-го августа финляндскіе офицеры рѣшились подписать адресъ къ императрицѣ, въ которомъ спрашивали, не согласилась ли бы она заключить миръ съ сеймомъ, законно-собраннымъ въ Стокгольмѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ благопріятный. Тогда въ лагерѣ подъ Аньялой они составили конфедерацію по образцу польской, обратились къ шведской арміи съ манифестомъ, заключили перемиріе съ Россіей и очистили ея территорію. Заговорщики, дѣйствовавшіе въ Аньялѣ, шли рука объ руку съ оппозиціонными элементами столицы. Королю приходилось бояться собственныхъ офицеровъ: они могли предать его и Россіи, и внутреннимъ врагамъ. Онъ допускалъ даже, что будетъ убитъ.

Вскорѣ дѣла приняли новый оборотъ. Въ силу трактата 1773 года датчане подъ предводительствомъ Карла Гессенскаго высадились въ Швеціи и осадили Готебургъ (сентябрь). Услыхавъ объ этомъ, Густавъ III воскликнулъ: «я спасенъ!» И дѣйствительно, нападеніе исконнаго врага немедленно пробудило въ шведахъ національное чувство. Аньяльскіе заговорщики не рѣшились задержать короля, поспѣшившаго на родину. Густавъ III поѣхалъ не въ Стокгольмъ, гдѣ встрѣтилъ бы то-же враждебное отношеніе; онъ отправился въ Далекарлію, крестьянскій край, отличавшійся лояльностью и патріотизмомъ, и съ высоты легендарной скалы Мора обратился къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ указалъ на иностранное вторженіе и измѣну дворянъ. Во главѣ 6.000 далекарлійцевъ онъ поспѣшилъ на помощь Готебургу и вступилъ въ него въ тотъ моментъ, когда крѣпость готова была сдаться.

Новое осложненіе. Англо-прусская лига, съ самаго начала пытавшаяся удержать Данію и угрожавшая ей своимъ вмѣшательствомъ, если она превыситъ точныя требованія трактата 1773 года, въ концѣ концовъ потребовала отъ нея нейтралитета. Ея требованіе поддержала Франція; она ничего не имѣла противъ Екатерины II, но, несмотря на нелады съ Густавомъ III, не желала видѣть униженіе своей старинной союзницы—Швеціи. Принцъ Гессенскій согласился признать, что перешелъ законные предѣлы, и отозвалъ свою армію (декабрь). 9-го іюля 1789 года Данія была объявлена нейтральной.

Въ Готебургѣ Густавъ III выступилъ въ роли защитника національной территоріи, и народъ забылъ его прежнія прегрѣшенія. Онъ нетолько добился того, что

сеймъ, собравшійся 2-го февраля 1789 г., санкціонировалъ объявленіе войны Россіи, но, опираясь на три низшихъ сословія (духовенство, горожанъ и крестьянъ), онъ принудилъ дворянство согласиться на новое ограниченіе его правъ и соотвѣтственное расширеніе прерогативъ короны. Государственный переворотъ 20-го февраля 1789 г. былъ такимъ образомъ завершеніемъ переворота 19-го августа 1772 года. Актомъ «единенія и безопасности» (21 февраля) армія и флотъ передавались въ распоряженіе короля. Одинъ изъ участвовавшихъ въ аньялскомъ заговорѣ—капитанъ Хетеско—былъ обезглавленъ, другіе сосланы или заключены. Между тѣмъ Густавъ III возобновилъ прерванную было войну съ Россіей; на сушѣ дѣло шло вяло: произошло нѣсколько схватокъ, шведы снова захватили нѣсколько мѣстечекъ. Военныя дѣйствія сосредоточились на морѣ. Нассау-Зигенъ командовалъ флотиліей русскихъ галеръ, а Чичаговъ—паруснымъ флотомъ; послѣдній далъ (25 іюля 1789 г.) нерѣшительное сраженіе между о. Борнхольмомъ и шведскимъ побережьемъ; а 13/24-го августа Нассау-Зигенъ одержалъ блестящую побѣду подъ Свенскъ-Зундомъ, —«вторую Чесму», по выраженію Екатерины.

Въ декабрѣ 1789 г. у императрицы явилось опасеніе, какъ бы Пруссія не произвела нападенія на прибалтійскія провинціи. Однако въ началѣ 1790 г. Фридрихъ-Вильгельмъ ограничился запросомъ объ условіяхъ, на которыхъ Екатерина II согласится заключить миръ, будь то на сѣверѣ или на востокѣ. Отвѣтъ получился неблагопріятный: и Турція, и Швеція, прежде чѣмъ заключать миръ, должны были признать, что начатыя имъ войны были несправедливы; въ частности отъ Швеціи Екатерина требовала, чтобы Густавъ III возстановилъ конституцію, попранную двумя государственными переворотами, несмотря на то, что за существованіе ея поручилась нетолько Россія, но въ той же мѣрѣ и Пруссія. Шведскій король не могъ принять подобныхъ условій: этимъ онъ поставилъ бы на карту и свое достоинство, и свое званіе, и, быть можетъ, даже свою жизнь.

Война продолжалась, —вялая и томительная. 17-го марта 1790 г. шведы на короткое время завладѣли Балтійскимъ Портомъ. Въ Финляндіи они одержали двѣ небольшія побѣды. Въ апрѣлѣ флотъ Чичагова побѣдилъ непріятельскій подъ Ревелемъ. Въ маѣ —новое столкновеніе подъ Сескаромъ: громъ пальбы доносился до Петербурга. Соединеніе трехъ русскихъ флотовъ (Крузе, Чичагова и Нассау-Зигена) дало возможность запереть шведскій флотъ и самого короля въ выборгскомъ портѣ; непріятель былъ поставленъ въ такое безвыходное положеніе, что Нассау-Зигенъ рѣшился даже предложить капитуляцію. Королю удалось, правда, прорвать блокаду, но при этомъ онъ потерялъ 7 линейныхъ кораблей, 2 фрегата и много мелкихъ судовъ. Отчаяніе было такъ велико, что являлась даже мысль очистить Стокгольмъ. Оправившись нѣсколько отъ пораженія и рѣшивъ вторично вступить въ бой подъ Свенскъ-Зундомъ, Густавъ III прекрасно понималъ, что на карту поставлена не болѣе и не менѣе, какъ его корона; а русскіе не сомнѣвались, что имъ осталось только прикончить безповоротно разбитый шведскій флотъ. Между тѣмъ въ тѣхъ самыхъ водахъ, гдѣ одиннадцать мѣсяцевъ передъ тѣмъ Нассау-Зигенъ одержалъ блестящую побѣду, онъ былъ разбитъ на-голову,—потерялъ 53 судна и 6.000 человѣкъ (28 іюня (9 іюля) 1790 г.). Въ несчастіи Екатерина съумѣла проявить величіе души. На просьбу объ отставкѣ и отказъ отъ полученныхъ знаковъ отличія, она отвѣтила Нассау-Зигену: «И, Боже мой, кто не имѣлъ большихъ неудачъ въ жизни? Величайшіе полководцы имѣли свои невзгоды... Петръ I, претерпѣвая пораженія впродолженіе девяти лѣтъ, одерживаетъ Полтавскую побѣду... Парите надъ событіями и ступайте вновь на непріятеля»...

Несмотря на свою побѣду, Густавъ III и не помышлялъ о новой битвѣ; онъ чувствовалъ, что Швеція истощена этой войной. Событія во Франціи, опасенія за судьбу Людовика XVI и его семьи—все сильнѣе овладѣвали имъ. Со своей стороны и Екатерина II предвидѣла близкое пораженіе австрійцевъ; отношеніе къ ней Англіи и Пруссіи было попрежнему враждебно, а польскія дѣла принимали опасный оборотъ; она готова была заключить съ Густавомъ III миръ, поощривъ его на борьбу съ французской революціей. Черезъ посредство Гальвеца начались переговоры на финляндской границѣ. 14 ав-

густа 1790 г. они завершились мирнымъ договоромъ въ Вереле (3/14 августа 1790 г.). Таковъ былъ конецъ шведской войны.

Продолженіе восточной войны (1789—1790 г.). Трактатъ Ло (13 іюня 1788 г.) сдѣлалъ дружескія отношенія между Англіей и Пруссіей еще болѣе тѣсными: за годъ передъ тѣмъ онѣ съумѣли разстроить союзъ Франціи съ Голландіей и подчинить послѣднюю своему вліянію. Трактатъ между Пруссіей и Россіей, срокъ которому истекалъ въ 1788 г., такъ и не былъ возобновленъ. Миссія, возложенная Сегюромъ на Нассау-Зигена (инструкціи 31 января 1789 г.) и имѣвшая цѣлью призвать французскій дворъ къ энергичному образу дѣйствій и побудить къ тому-же испанское правительство, потерпѣла полнѣйшую неудачу, а взятіе Бастиліи нанесло послѣдній ударъ четверному союзу. Іосифа II крайне безпокоила перспектива борьбы въ союзѣ съ одной только Россіей противъ цѣлой коалиціи, охватывающей Англію, Пруссію, Голландію, Швецію, Турцію, Саксонію и Польшу, и въ то-же время противъ своихъ собственныхъ возставшихъ областей—Венгріи и Бельгіи; неудовлетворительное состояніе собственной арміи, быть можетъ, еще худшее состояніе русскихъ войскъ и явное отсутствіе военныхъ дарованій у Потемкина — не могли не волновать его. Впродолженіе 1788 г. онъ не разъ старался вывѣдать, не согласится-ли Россія совмѣстно съ Австріей заключить миръ съ Турціей. Но Екатерина II, сама втайнѣ стремившаяся къ этому, соглашалась на это лишь подъ условіемъ соблюденія поставленныхъ ею требованій. Что же касалось сепаратнаго мира Австріи съ Портой, то она ничего не имѣла противъ него, но предупреждала, что въ такомъ случаѣ императоръ не можетъ уже разсчитывать на ея помощь въ борьбѣ съ Пруссіей.

Австріи волей-неволей приходилось продолжать войну. Со вступленіемъ на престолъ молодого султана Селима III, послѣ миролюбиваго Абдулъ-Гамида (7 апрѣля 1789 г.), Порта, склонявшаяся было къ миру, снова пришла въ воинственное настроеніе. Первымъ распоряженіемъ новаго султана былъ призывъ на военную службу всѣхъ мусульманъ отъ 16 до 60 лѣтъ. 11-го іюля онъ возобновилъ союзъ съ Швеціей.

Въ кампанію 1789 г. Іосифъ II могъ убѣдиться, что онъ плохой военачальникъ, и, когда маршалъ Ласси подалъ въ отставку (февраль 1789 г.), онъ назначилъ главнокомандующимъ арміи сначала стараго Гаддика, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, видя неудачу этого опыта, Лоудона (май).

15 сентября Лоудонъ приступилъ къ осадѣ Бѣлграда: 8-го октября крѣпость была взята. Семендрія и Пассаровичъ сдались. 28-го августа Клерфэ разбилъ подъ Мегадіей армію Юсуфа и освободилъ Банатъ.

Принцъ Кобургскій съ 18.000 человѣкъ вмѣстѣ съ Суворовымъ, стоявшимъ во главѣ семитысячной арміи, одержалъ 1-го августа 1789 г. въ низовьяхъ Дуная, подъ Фокшанами, блестящую побѣду надъ Дервишемъ-пашой съ 30.000 турокъ. 22-го сентября принцъ Кобургскій встрѣтилъ на Рымникѣ около Мартинести 100.000-ную армію новаго великаго визиря Кучукъ-Гассана. «Спаси насъ», писалъ онъ Суворову. Тотъ поспѣшилъ къ нему па помощь и предложилъ ему напасть на непріятеля, чтобы предупредить аттаку. Въ первую минуту Кобургъ былъ пораженъ смѣлостью плана, но затѣмъ согласился. Побѣда была блестящая: туркамъ некуда было отступить; за ними была рѣка; ихъ погибло до 20.000 человѣкъ, частью на сушѣ, частью на водѣ. Побѣдители заняли Бухарестъ. Въ ноябрѣ австрійцы захватили Крайову, а Потемкинъ—Бендеры. Великій визирь заперся въ Шумлѣ и просилъ о перемиріи. Переговоры съ нимъ велись одновременно уполномоченными Кобурга и Потемкина.

Такимъ образомъ въ концѣ 1789 года дѣла австро-русскаго союза, на востокѣ по крайней мѣрѣ, приняли блестящій оборотъ. На западѣ Австрія терпѣла уронъ: объ руку съ венгерскимъ возстаніемъ шло все усиливавшееся движеніе въ Бельгіи. 19-го декабря австрійскій гарнизонъ былъ изгнанъ изъ Брюсселя и императорская власть потеряла значеніе во всей Бельгіи, кромѣ Люксембурга. Венгры и бельгійцы вошли въ союзъ съ Пруссіей; послѣдняя поручила своимъ генераламъ — Шёнфельду и Кёлеру организовать бельгійское возстаніе и вмѣшивалась во взаимныя отношенія народа и епископа въ люттихской области. Въ Берлинѣ образовался комитетъ венгерской оппозиціи, и поговаривали, не согласится-ли пресбургскій сеймъ поставить пре-

рогативы мадьярскаго королевства подъ протекторатъ Пруссіи.

31-го января Пруссія подписала въ Константинополѣ трактатъ съ Портой, ратифиованный 20-го іюня въ Шёнвальдѣ. Трактатъ ея съ Польшей помѣченъ 29-ымъ марта. Словомъ, Пруссія всюду и вездѣ примыкала къ врагамъ Австріи и Россіи.

Проектъ Герцберга. Всѣ эти событія, въ томъ числѣ объявленіе войны Турціей и шведское вмѣшательство, были осуществленіемъ обширнаго проекта, задуманнаго старымъ графомъ Герцбергомъ; это былъ самомнительный, безтолковый ученикъ Фридриха II, но своимъ безпокойнымъ нравомъ и химерическими затѣями онъ напоминалъ скорѣе Альберони. Къ осуществленію своего плана онъ предполагалъ привлечь всю коалицію державъ, во главѣ которой стояла Пруссія. Мысль его заключалась въ томъ, чтобы, предоставивъ императорскимъ дворамъ ничтожную часть ихъ завоеваній на югѣ, а именно, Россіи—Очаковъ и Бессарабію, а Австріи—Молдавію и Валахію, потребовать взамѣнъ этого у Россіи въ пользу Швеціи часть Финляндіи, а у Австріи—возвращенія Польшѣ части Галиціи. За эти прирѣзки Швеція и Польша, въ свою очередь, должны были поступиться въ пользу Пруссіи,—Швеція—частью Помераніи, а Польша—городами Торномъ и Данцигомъ, т. е. нижнимъ теченіемъ Вислы. Но что могло заставить Россію согласиться на столь значительныя уступки своей территоріи и на такое усиленіе Пруссіи на Балтійскомъ морѣ и въ Германіи?

Пораженіе Австріи: Рейхенбахъ (1790) и Систово (1791). Когда умеръ Іосифъ II, его братъ и преемникъ Леопольдъ II нашелъ Австрію въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Какъ бы ни желалъ онъ мира, могъ-ли онъ согласиться купить его такою цѣною? Союзъ съ Пруссіей дѣлалъ турокъ несговорчивѣе прежняго. Пруссія стояла всюду на пути Австріи,—и на востокѣ, и въ Германіи, и въ Венгріи, и въ Бельгіи; съ ней-то прежде всего и нужно было развязаться. Кобенцелю въ Петербургѣ было поручено поговорить по этому вопросу съ русскими министрами; но тѣ дали уклончивые отвѣты.

16-го апрѣля 1790 г. Клерфэ взялъ Старую Орсову; вслѣдъ затѣмъ онъ разбилъ турокъ въ Калафатѣ. Подъ Журжею австрійцы потерпѣли неудачу, но зато былъ взятъ Четтинъ (20-го іюня). Что касается русскихъ, то они вяло вели войну, но въ то-же время не могли рѣшиться ни заключить миръ съ Портой вмѣстѣ съ Австріей, ни дать согласіе на сепаратный австро-турецкій договоръ.

Положеніе Австріи становилось безвыходнымъ. Былъ, правда, моментъ, когда у Леопольда явилась надежда выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія: между Испаніей и Англіей возникло недоразумѣніе по поводу острововъ Нотка-Зундъ въ Калифорніи и можно было ожидать вооруженнаго вмѣшательства Франціи въ пользу Испаніи (май 1790). Разыграйся эта война, и Англія перестала-бы вступаться въ европейскія дѣла, а Франція,—или, вѣрнѣе, партія Лафайета,—въ дѣла Бельгіи. Но въ маѣ національное собраніе рѣшительно высказалось противъ всякаго участія въ американскихъ дѣлахъ, и Испанія, предоставленная собственнымъ силамъ, должна была кое-какъ уладить свои отношенія съ Англіей. Ея первый министръ, Флорида-Бланка, принужденъ былъ сознаться английскому посланнику: «еслибы Франція поддержала насъ, я остался-бы непоколебимъ; но одни,—мы слишкомъ слабы: намъ приходится уступать». Леопольдъ снова оказался лицомъ къ лицу съ европейской коалиціей.

Къ Австріи Питтъ относился гораздо менѣе враждебно, чѣмъ къ Россіи. Морскимъ державамъ было безразлично, будетъ ли Пруссія владѣть нижней Вислой и Балтійскимъ моремъ. Эта часть проекта Герцберга, вызывавшая наибольшее неудовольствіе въ Австріи, ими прямо таки отбрасывалась. Такимъ образомъ имъ оставалось требовать отъ нея только заключенія мира съ турками. Леопольдъ былъ на это согласенъ и заявилъ, что удовольствуется Орсовой. Что-же касается Бельгіи, то онъ готовъ вернуть ей прежнюю конституцію и даже — еслибы державы стали настаивать — онъ согласенъ вступить въ союзъ съ Франціей, уступивъ ей Бельгію, съ тѣмъ чтобы она оказала поддержку Австріи въ Германіи. Соглашеніе съ морскими державами не замедлило состояться на указанныхъ Леопольдомъ основаніяхъ и дало Австріи громадное преимущество въ борьбѣ съ Пруссіей.

Прусское правительство поставило Ав-

стріи требованія, входившія въ проектъ Герцберга, поскольку онъ касался Пруссіи, и заключавшіяся въ немедленномъ перемиріи съ турками, возстановленіи границъ, установленныхъ Пассаровичскимъ трактатомъ, и, наконецъ, въ уступкѣ Галиціи Польшѣ. 9-го мая 1790 г. Фридрихъ Вильгельмъ II настоятельно потребовалъ отъ императора отвѣта, а самъ отправился къ силезской арміи, чтобы придать этимъ большій вѣсъ своему ультиматуму. При всей своей увѣренности въ морскихъ державахъ, Леопольдъ нашелъ болѣе благоразумнымъ пойти на уступки. Въ прусскій лагерь въ Рейхенбахѣ были посланы графъ Рейсскій и баронъ Шпильманъ. Они прибыли туда 27-го іюня. Плану Герцберга они противопоставили свой собственный проектъ: вмѣсто Галиціи они предлагали уступить Польшѣ Молдавію; противъ перемирія съ турками они ничего не имѣли. Но тутъ возникли затрудненія для самихъ пруссаковъ: полномочные министры морскихъ державъ, поспѣшившіе на конгрессъ, заявили, что не допустятъ никакого измѣненія въ распредѣленіи территоріи на прибрежьѣ Балтійскаго моря и нижней Вислѣ. Луккезини, прусскій уполномоченный въ Варшавѣ, предупреждалъ своего короля, что польскій сеймъ воспротивится земельнымъ уступкамъ. Такимъ образомъ коалиція, внушавшая такой страхъ Леопольду II, распадалась, а «проектъ Герцберга» рушился самъ собой. Фридрихъ-Вильгельмъ II со свойственнымъ ему непостоянствомъ весь ушелъ во французскія дѣла и, удовлетворившись тѣмъ, что принудилъ Австрію заключить миръ съ Турціей, лишающій ее всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній, отказался отъ пресловутаго проекта. Такимъ образомъ между Австріей и Пруссіей состоялось примиреніе, подъ условіемъ сохраненія statu quo (прежняго положенія вещей) на востокѣ, если не считать частичнаго исправленія границъ и соглашенія относительно Бельгіи. Таковъ былъ Рейхенбахскій трактатъ (27 іюля 1790 г.), которому предстояло имѣть одинаково важное значеніе, какъ для восточныхъ, такъ и для западныхъ дѣлъ. По отношенію къ западу онъ былъ дополненъ Гаагскимъ трактатомъ (10 декабря), заключеннымъ Австріей, Пруссіей и морскими державами и устанавливавшимъ условія возстановленія императорскаго владычества въ Бельгіи. Австрійскія войска уже вступили въ нее и заняли Вервье (сентябрь), Намюръ (ноябрь) и Брюссель (3 декабря). Между тѣмъ Леопольдъ короновался во Франкфуртѣ (30 сентября). По отношенію къ востоку Рейхенбахскій трактатъ былъ дополненъ мирнымъ договоромъ въ Систовѣ.

Принцъ Кобургскій съ 40,000 австрійской арміей и 10,000 русскихъ солдатъ подъ начальствомъ Суворова готовился дать рѣшительное сраженіе подъ Бухарестомъ, когда пришло извѣстіе о Рейхенбахскомъ трактатѣ и приказъ начать переговоры о перемиріи. Вслѣдъ затѣмъ явился Луккезини для посредничества при заключеніи перемирія; послѣднее было подписано въ Журжевѣ 19 сентября и должно было продолжиться до мая 1791 года. 30-го декабря открылся конгрессъ въ Систовѣ, результатомъ котораго былъ систовскій миръ (4-го августа 1791 года). За Австріей осталась только Старая Орсова и территорія по рѣкѣ Уннѣ.

Русскіе одни продолжаютъ войну: миръ въ Яссахъ (1792). — Послѣ того какъ Верельскій миръ и Журжевское перемиріе устранили съ театра военныхъ дѣйствій и Швецію, и Австрію, Россія осталась одинъ на одинъ съ Турціей. Въ предѣлахъ Азіи турки и татары были отброшены съ Кубани. На Черномъ морѣ флотъ Ушакова одержалъ двѣ упомянутыхъ уже побѣды (8 іюля и 18 сентября). Въ Архипелагѣ попытка «корсара» Ламбро Канчіани, одного изъ капитановъ русской средиземной эскадры, поднять мятежъ въ эллинскихъ областяхъ окончился неудачей, такъ какъ вся его эскадра погибла близъ острова Андроса (18 мая). Въ придунайскихъ земляхъ русскіе взяли Килію, Тульчу и заняли Исакчи. Такимъ образомъ они обошли Измаилъ, сдѣлавшійся главною цѣлью ихъ усилій. Суворовъ взялъ его приступомъ (11—22 декабря 1790 года), причемъ погибло до 10,000 русскихъ; турки подверглись страшному избіенію безъ различія возраста и пола, — ихъ легло на мѣстѣ до 26,000 человѣкъ.

Былъ моментъ, когда русскимъ угрожала опасность потерять свое предыдущее завоеваніе — Очаковъ. Вилльямъ Питтъ, въ противоположность большинству своихъ современниковъ, совершенно ясно понималъ, что съ точки зрѣнія Великобританіи въ высшей степени важно поддержать суще-

ствованіе Оттоманской имперіи. Онъ отдалъ приказъ, чтобы въ англійскихъ портахъ начались приготовленія къ экспедиціи, предназначенной для возвращенія Очакова. 28-го марта онъ обратился къ парламенту съ требованіемъ денежной ассигновки; но противъ этого возстали обѣ палаты, ссылаясь на то, что Англіи будто-бы безразлично, кому принадлежитъ пустынная область между Бугомъ и Днѣстромъ,—Турціи или Россіи. Точно такъ-же враждебно отнеслось къ «русскому вооруженію» и общественное мнѣніе. Питтъ взялъ свое требованіе обратно. Въ Петербургъ былъ немедленно посланъ курьеръ, поспѣвшій какъ разъ во-время, чтобы помѣшать англійскому министру передать императрицѣ уже готовую ноту угрожающаго характера. Такимъ образомъ рушилась попытка, бывшая какъ-бы первымъ схематическимъ наброскомъ Крымской кампаніи 1854—1855 г. Пруссія, заявившая было султану о своемъ намѣреніи объявить войну Россіи (мартъ 1791 г.), была вынуждена отказаться отъ своихъ словъ.

Въ Азіи впродолженіе кампаніи 1791 г. была взята Анапа (3-го іюля); на Черномъ морѣ флотъ Ушакова окончательно истребилъ турецкій флотъ. Въ придунайскихъ земляхъ Рѣпнинъ далъ сераскиру Ахмеду битву подъ Мачиномъ (9 іюля), стоившую туркамъ 4,000 человѣкъ.

Порта сознавала, что не имѣетъ болѣе силъ сопротивляться, а потому воспользовалась посредничествомъ, предложеннымъ ей Булиньи и Людольфомъ, представителями Испаніи и Неаполя. 11-го августа Рѣпнинъ и великій визирь подписали условія прелиминарнаго мира въ Галацѣ. Потемкинъ, желавшій, чтобы честь подписанія мирнаго договора принадлежала ему, а не Рѣпнину, и лелѣявшій надежду создать себѣ изъ Молдавіи и Валахіи самостоятельное княжество, поспѣшилъ на мѣсто дѣйствія, но по пути внезапно умеръ неподалеку отъ Яссъ (5 — 16 октября). На конгрессѣ его замѣнилъ Безбородко. 29 декабря (по ст. ст.) 1791 г. былъ подписанъ миръ въ Яссахъ; договоръ состоялъ изъ 13 статей. Въ нихъ заключалось: во-1-хъ, возобновленіе предшествующихъ трактатовъ; во-2-хъ, возвращеніе Турціи всѣхъ сдѣланныхъ Россіей завоеваній (въ томъ числѣ Бендеръ, Аккермана, Киліи и Измаила), кромѣ, впрочемъ, Очакова и области между Бугомъ и Днѣстромъ; въ-3-хъ, подтвержденіе привилегій, дарованныхъ румынскимъ княжествомъ; въ-4-хъ, обязательство со стороны Турціи не проявлять враждебности по отношенію къ царю Грузинскому и его вассаламъ; и въ-5-хъ, гарантированіе русскихъ торговыхъ судовъ отъ пиратства со стороны берберскихъ корсаровъ. Выгоды, извлеченныя Россіей изъ этой кампаніи, были слишкомъ ничтожны и не могли оправдать войны, дорого обошедшейся странѣ и не разъ ставившей ее въ серьезную опасность. Относительная сговорчивость Екатерины II объясняется отчасти затрудненіями, созданными англійской, прусской и шведской политикой и осложнившими главную войну, отчасти возбужденіемъ, вызваннымъ французской революціей, но главнымъ образомъ безпокойствомъ по поводу хода дѣлъ въ Польшѣ. На этотъ разъ, какъ и въ 1772 г., за Турцію заставили расплатиться Польшу.

Представители Франціи въ Константинополѣ.—Впродолженіе этой войны Франція играла второстепенную роль: она не выступала ни въ качествѣ воюющей стороны, ни даже въ качествѣ посредницы, предоставляя это двумъ другимъ бурбонскимъ династіямъ. Что-же касается роли французскихъ подданныхъ, то она ничѣмъ не напоминала ихъ образа дѣйствій въ предшествующую кампанію, вызвавшаго упреки со стороны Екатерины. На этотъ разъ добровольцы изъ французовъ, какъ напр. Арманъ де-Ришелье, Роже де-Дама, Ланжеронъ, искали боевыхъ лавровъ въ рядахъ русскихъ войскъ *).

На французскомъ посольствѣ, какъ представителѣ «французской націи», не могли не отражаться перипетіи великой революціи. Шуазель-Гуфье, посланный въ Турцію во времена неограниченной монархіи, не могъ не оказаться въ противорѣчіи съ «націей», одушевленной новыми идеями. Правительство, сформировавшееся 10-го августа 1792 года, назначило ему преемника въ лицѣ графа Семонвилля. На послѣдняго была возложена миссія побудить Порту возобновить войну съ Россіей, пообѣщавъ ей содѣйствіе французскаго флота и денежную субсидію; въ случаѣ необходимости указывалась возможность вліять на сул-

*) При осадѣ Бендеръ Вильно былъ серьезно раненъ, а Вербуа—убитъ; подъ Измаиломъ Бурмилонъ былъ убитъ, а Ланжеронъ раненъ.

тана, разжигая политическія страсти въ столичномъ населеніи. Въ его распоряженіе было предоставлено 8 милліоновъ. Дѣло предстояло не легкое: нужно было разрушить коалицію, составленную Австріей, Пруссіей и Россіей для борьбы съ Франціей. Представители этихъ трехъ державъ въ Константинополѣ не замедлили обвинить Семонвилля въ якобинизмѣ и въ намѣреніи «подготовить переворотъ въ пользу шаекъ, состоящихъ изъ негодяевъ». Они обратились къ Шуазелю-Гуфье съ просьбой остаться на своемъ посту, несмотря ни на что. Когда послѣ низложенія короля Шуазель извѣстилъ Порту, что считаетъ свои полномочія истекшими, турецкое правительство попросило его продолжать веденіе дѣлъ впредь до прибытія его преемника. Но «французская нація» смотрѣла на дѣло иначе: она отказалась признавать Шуазеля своимъ представителемъ, потребовала, чтобы онъ очистилъ дворецъ посольства, и назначила временно исполняющимъ должность посла бывшаго драгомана Фонтона. Шуазель, опасавшійся за судьбу своей семьи, оставшейся во Франціи, принужденъ былъ уступить и вернуться въ отечество.

Послѣ казни Людовика XVI дворы, враждебно настроенные противъ Франціи, стали усиленно хлопотать передъ турецкимъ правительствомъ, требуя, чтобы оно порвало всякія отношенія съ представителями революціи; они указывали при этомъ на появленіе трехцвѣтнаго знамени на фронтонѣ французскаго посольства и насажденіе дерева свободы. Они добились того, что Порта отказалась принять Семонвилля, несмотря на то, что адмиралъ Трюгэ проводилъ его до самыхъ Дарданеллъ съ 8-ью кораблями и 8-ью фрегатами. Однако, негласно, Порта сносилась съ Мураджой-д'Оссономъ, драгоманомъ Швеціи, бывшей въ то время союзницей Франціи. Онъ-же требовалъ нетолько оффиціальнаго признанія французской республики, но и содѣйствія польскимъ эмигрантамъ. Въ виду непринятія Семонвилля, въ Константинополь прибылъ повѣренный конвента «гражданинъ» Декоршъ, бывшій маркизъ де-Сентъ-Круа. Порта воспретила ему публично праздновать день 14-го іюля, какъ онъ намѣревался было сдѣлать. Это не мѣшало ей относиться къ нему довольно благосклонно, а идея союза съ Франціей, Швеціей, Даніей и Польшей противъ трехъ сѣверныхъ державъ очень нравилась Дивану. Въ маѣ 1795 г. Декоршъ былъ замѣщенъ де-Вернинакомъ, дѣйствовавшимъ въ томъ-же направленіи, какъ и его предшественникъ. Въ 1796 году представителемъ въ Константинополѣ былъ назначенъ одинъ изъ славныхъ защитниковъ Майнца, генералъ Оберъ-Дюбайе. Онъ добился того, что французскому посольству были возвращены всѣ его права и привилегіи, а въ Галатѣ, Смирнѣ и Сиріи возстановлены католическія церкви. Онъ выписалъ французскихъ инженеровъ, офицеровъ и даже полевыя орудія со всѣми необходимыми принадлежностями. Благодаря ему, организація регулярныхъ оттоманскихъ войскъ была поручена французскимъ инструкторамъ, а заключеніе союза между Франціей и Портой казалось дѣломъ близкаго будущаго. Его смерть (1797) была тяжелымъ ударомъ для французскаго вліянія на востокѣ.

II. Раздѣлы Польши.

Польша послѣ перваго раздѣла. Послѣ перваго раздѣла въ составъ Польши входили: изъ польскихъ земель—большая часть *Великой Польши* (Познань, Гнѣзно), *Малая Польша* (Краковъ, Люблинъ), *Мазовія* (Варшава, Плоцкъ); изъ литовскихъ земель,—собственно *Литва* и *Самогитія*; изъ русскихъ земель,—часть *Бѣлоруссіи* по сю сторону Двины (Минскъ), *Черная Русь* (Новогрудокъ), *Полѣсье* (Брестъ-Литовскъ), *Волынь*, часть *Кіевской* области, *Подолія*; изъ прежней *польской Пруссіи* остались два нѣмецкихъ города Торнъ и Данцигъ, которые вели торговлю на нижней Вислѣ.

Въ этомъ урѣзанномъ государствѣ царило то-же этнографическое разнообразіе, какъ и въ прежней Польшѣ: тутъ было

цѣлыхъ четыре націи и три религіи, не считая евреевъ. Хотя число жителей съ 15 милліоновъ сократилось до 10 мил., Польша оставалась однимъ изъ обширнѣйшихъ государствъ Европы.

Екатерина II рѣшила не уничтожать его окончательно. Будучи плохимъ этнографомъ, она и не помышляла возбуждать противъ него русскіе элементы населенія. Ей было достаточно того, что Польша находилась въ зависимости отъ Россіи, а эта зависимость вполнѣ обезпечивалась ею же гарантированной анархической конституціей, *постояннымъ совѣтомъ*, который былъ полонъ ея креатуръ и за которымъ слѣдили ея уполномоченные, и, наконецъ, личными свойствами короля Станислава-Августа. Австрія очень охотно посодѣйствовала-бы усиленію Польши, хотя-бы путемъ возстановленія въ ней саксонской династіи. Самымъ упорнымъ и въ то-же время самымъ опаснымъ врагомъ Польши была Пруссія: воспоминаніе о неудавшейся попыткѣ овладѣть въ 1772 г. Данцигомъ и Торномъ и такимъ образомъ занять господствующее положеніе на нижней Вислѣ, не давало ей покоя. Это честолюбіе, упорно преслѣдовавшее одну и ту-же цѣль, нѣсколько улеглось въ послѣдніе годы правленія «стараго Фрица», но зато съ новой силой пробудилось въ его племянникѣ, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II. Польскій вопросъ, или, точнѣе, вопросъ о Данцигѣ и Торнѣ, опредѣлялъ всю политику Европы не только на востокѣ, но и на западѣ въ самый критическій періодъ французской революціи. О «проектѣ Герцберга» мы уже говорили.

Попытки реформъ: умственное возрожденіе. Насиліе, посредствомъ котораго Россія добилась полнаго возстановленія старой, анархической конституціи, и расчлененіе государственной территоріи, явившееся слѣдствіемъ внутреннихъ раздоровъ, заставило призадуматься не одного поляка. Даже бывшіе участники радомской и барской конфедераціи начинали понимать, какой коварный даръ представляло изъ себя возстановленное по милости Екатерины II *liberum veto* (свободное «воспрещаю»). Съ 1778 г. по 1788 г. его избѣгали примѣнять: за ссылку на это право шляхтичъ рисковалъ быть убитымъ. Всѣ сеймы, начиная съ 1772 г. (за исключеніемъ двухъ) были сконфедерированы, благодаря чему удалось провести нѣкоторыя реформы.

Онѣ едва коснулись арміи, въ которой на бумагѣ насчитывалось до 30.000 человѣкъ, въ дѣйствительности-же никогда не было болѣе 16.000, въ томъ числѣ 8.000 чел. кавалеріи и 500 артиллеристовъ. Въ національной кавалеріи, несмотря на реформу 1775 г., царилъ тотъ-же безпорядокъ: офицеровъ было больше, чѣмъ солдатъ. Ношеніе формы сдѣлалось, правда, общеобязательнымъ, но чрезвычайное разнообразіе мундировъ дало поводъ Мегэ (1791 г.) сказать, что, судя по нимъ, можно было-бы подумать, будто въ польскихъ войскахъ насчитывается не менѣе 200.000 человѣкъ. Въ 1786 г. былъ прекращенъ доступъ въ офицеры всѣмъ не-дворянамъ. За Радзивиллами и Потоцкими было сохранено право содержать собственныя маленькія арміи въ 1500—2000 человѣкъ.

Булла Климента XIV отъ 21 іюля 1779 г. повлекла за собой закрытіе ордена іезуитовъ и въ Польшѣ, гдѣ число его членовъ достигало 2.340; изъ нихъ 203 были миссіонерами и 463 профессорами. Ордену принадлежало 138 учрежденій со множествомъ приписанныхъ къ нимъ земель, денежныхъ капиталовъ и церковной утварью. Во всякой другой странѣ всѣ эти богатства были бы обращены государствомъ на общественныя нужды. Правда, сеймъ, по соглашенію съ папой, постановилъ образовать изъ орденскаго имущества неприкосновенный капиталъ, доходы съ котораго предназначилъ на дѣло народнаго образованія; но такъ какъ всякій польскій шляхтичъ воображалъ себя воплощеніемъ всего государства, то большая часть недвижимыхъ имуществъ была захвачена частными лицами, инвентарь расхищенъ, а серебро употреблено на украшеніе панскихъ столовъ, на сбруи и ратныя принадлежности. Уцѣлѣвшіе 32 милліона флориновъ могли дать ежегодную ренту въ $1^1/_2$ милліона, которая и была обращена на образовательныя цѣли.

Въ іезуитахъ, какъ воспитателяхъ юношества, поляки ничего не потеряли. Ихъ наставленія сводились главнымъ образомъ къ проповѣди нетерпимости и чисто-внѣшней, механической набожности; преподаваніе опиралось на память; точныя науки были въ пренебреженіи; процвѣтала схоластика, польскій языкъ почти не изучался, зато латыни было отведено несоотвѣтственное мѣсто; въ ихъ педагогикѣ не было ни-

чего національнаго. Послѣ удаленія іезуитовъ *воспитательная комиссія* подъ предсѣдательствомъ епископа Масальскаго ввела преподаваніе на польскомъ языкѣ, измѣнила программы и включила въ нихъ изученіе точныхъ наукъ и исторіи. Казначей княжества литовскаго, Антонъ Тизенгаузенъ, основалъ первую медицинскую школу. Старые университеты въ Вильнѣ и Краковѣ были преобразованы; въ Краковѣ реформаторомъ явился каноникъ и *кронреферендаръ* Гуго Коллонтай. Кондильяку было поручено составить для польскихъ студентовъ трактатъ по логикѣ, а Люлье въ Лозаннѣ—математическіе учебники. На польскій языкъ были переведены Ролленъ, Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, Мабли, Беккарія, Филанжіери. Такимъ образомъ западная культура и идеи XVIII вѣка со всѣхъ сторонъ стали проникать въ преподаваніе, до тѣхъ поръ остававшееся замкнутымъ и узкимъ. По иниціативѣ Хребтовича были основаны даже народныя школы; ихъ отдали въ вѣдѣніе ордена піаровъ.

Разбираемый нами періодъ былъ какъ бы умственнымъ возрожденіемъ Польши. У нея явились историки: Лойко, Нарушевичъ, Янъ Потоцкій, епископъ Альбертранди, Іодловскій, Скржетускій; оказались публицисты: Островскій, Вага, Вырвичъ, Коллонтай; выдвинулись блестящіе духовные ораторы: придворный проповѣдникъ Ляховскій, епископы Карповичъ и Ворончичъ; прославились поэты: Нарушевичъ, Красицкій, Венгерскій, и драматурги: Заблоцкій, Княжнинъ и доблестный Нѣмцевичъ. Филологъ Копчинскій трудился надъ очищеніемъ національнаго языка отъ иностранныхъ примѣсей. Въ научной области выдѣлялись: Поплавскій, Губе, Клюкъ, Заборовскій, Ленскій, Почобутъ, Снядецкій; въ живописи: Смутлевичъ и Чеховичъ; въ архитектурѣ: Гуцевичъ. Король Станиславъ призывалъ къ своему двору и французскихъ мастеровъ, напр. скульптора Лебрена, и итальянскихъ, напр. Каналетти и Баччіарелли. Къ этому именно времени относится постройка Лазенковскаго дворца, расписаннаго рукою Баччіарелли; въ прилегающемъ къ нему паркѣ, по поводу столѣтней годовщины побѣды при Каленбергѣ, была воздвигнута статуя короля Яна Собѣскаго (1783).

Андрей Замойскій предпринялъ составленіе кодекса; намѣреніе его было почти неосуществимо въ виду пестроты этнографическаго состава населенія и — еще болѣе — въ виду соціальнаго строя королевства. Выработанный имъ проектъ представлялъ изъ себя робкую попытку въ прогрессивномъ духѣ: онъ облегчалъ заключеніе браковъ между дворянствомъ и буржуазіей, но не рѣшался ни коснуться права первородства, ни разрѣшить дворянамъ заниматься торговлей; онъ признавалъ крестьянина лично свободнымъ, но оставлялъ его прикрѣпленнымъ къ землѣ. Крестьянинъ пользовался полной свободой при заключеніи брака; только одинъ изъ его сыновей долженъ былъ остаться прикрѣпленнымъ къ землѣ. Несмотря на всю свою умѣренность, проектъ этотъ вызвалъ цѣлую бурю на сеймѣ 1780 года и былъ отвергнутъ.

Политическое пробужденіе Польши (1788—1791 г.). Цѣлый рядъ новыхъ явленій и комбинацій въ европейской политикѣ пробудилъ въ полякахъ надежду освободиться изъ подъ гнета Россіи. Съ 1787 г. Екатерина воевала съ турками; Густавъ III объявилъ ей войну; Пруссія и Англія относились къ ней враждебно; изъ Берлина приходили въ Варшаву предложенія заключить союзъ. Въ Польшѣ дѣйствовали три партіи: партія короля и Чарторижскихъ, съ недовѣріемъ смотрѣвшая на Пруссію и склонная дѣйствовать заодно съ Россіей противъ Турціи; затѣмъ, такъ называемая *прусская* партія, во главѣ которой стояли Радзивиллы и Огинскіе, основывавшая свои освободительные планы на союзѣ съ Берлиномъ; наконецъ, собственно *русская* партія, едва-ли заслуживающая названія партіи, такъ какъ одушевлялась она не національными интересами: это были люди, отчасти подкупленные, отчасти сбитые съ толку Россіей. Первыя двѣ партіи одинаково стремились къ національной эмансипаціи, хотя одна думала опереться на союзъ съ Россіей, а другая на союзъ съ Пруссіей. Когда открылся сеймъ 1788 г., онѣ оказались солидарными во всѣхъ главныхъ пунктахъ; чтобы предупредить злоупотребленіе liberum veto, онъ немедленно *сконфедерировался*. Объявивъ себя *учредительнымъ* собраніемъ, онъ высказался за усиленіе національной арміи и введеніе «внутреннихъ реформъ» (7 октября). Старый генералъ Мокрановскій — горячій патріотъ, предложилъ избрать Малаховскаго и

Казиміра Сапѣгу,—одного въ великіе маршалы Короны, другого въ маршалы Литвы. Русскій посланникъ Штакельбергъ не возражалъ, такъ какъ надѣялся по примѣру прежнихъ лѣтъ захватить въ свои руки сеймъ и даже вовлечь его въ войну съ Турціей.

Пять дней спустя прусскій посланникъ, Бухгольцъ, представилъ ноту, въ которой его государь напоминалъ сейму, что онъ постоянно стремился «поддержать» доброе согласіе и доброе сосѣдство съ Рѣчью Посполитой; одобрялъ ея намѣреніе «возвести свою военную силу на высшую степень значенія»; предостерегалъ противъ сторонниковъ войны съ Турціей и, наконецъ, предлагалъ свой союзъ, а также и «всякую помощь и дѣйствительнѣйшее пособіе въ видахъ поддержанія независимости, свободы и безопасности Польши» (12-го октября).

Такимъ образомъ возрождающейся Польшѣ ребромъ ставился вопросъ о выборѣ союзницы. Прусская партія довольно скоро заняла господствующее положеніе и стала именовать себя *патріотической*. Она предложила вотировать благодарность прусскому королю и рѣшила, что войско будетъ увеличено до 100.000 человѣкъ. За неимѣніемъ достаточныхъ средствъ, число это было затѣмъ сокращено до 60.000. Францискъ Ксаверій Браницкій, сторонникъ Россіи, лишилъ реформу всякаго значенія, побудивъ собраніе постановить, что кавалерія должна быть основнымъ ядромъ арміи; благодаря этому, войско сохраняло средневѣковый характеръ. Для содержанія арміи было рѣшено удвоить налогъ на духовныя земли, установить 10% сборъ съ чистаго дохода всѣхъ недвижимостей и сдѣлать заемъ въ 13 милліоновъ флориновъ. Послѣ того какъ русскій посланникъ представилъ ноту съ протестомъ противъ реформы, явно нарушающей гарантированную Россіей конституцію (5-го ноября), *прусское* или, по другому названію, *патріотическое* теченіе сразу замѣтно усилилось въ собраніи. Станиславъ Потоцкій въ блестящей рѣчи сопоставилъ «дружбу» Россіи съ ея угрожающимъ образомъ дѣйствій, «гдѣ граница между дружбой и рабствомъ? восклицалъ онъ ...лучше откажемся отъ званія свободныхъ людей и перестанемъ стыдиться называться рабами!» 17-го ноября сеймъ потребовалъ, чтобы русскія войска, уже вступившія по пути въ Турцію на территорію Польши, были немедленно удалены, и Штакельбергу пришлось покориться.

Прусскій король поручилъ Бухгольцу привѣтствовать сеймъ по поводу проявленной имъ твердости, предложить ему не обращать вниманія на «гарантіи», которыя могутъ помѣшать измѣненію конституціи, и повторить увѣреніе въ «безкорыстной и искренней дружбѣ» (10-го ноября). 29-го, послѣ того, какъ русская партія выставила требованіе, чтобы сеймъ былъ закрытъ въ декабрѣ, онъ заявилъ, что, напротивъ, предполагаетъ продолжить свои засѣданія usque ad tempus bene visum (на время, которое окажется необходимымъ). 4-го декабря обсуждалось предложеніе формальнаго союза съ Пруссіей, Швеціей и морскими державами. Однако сеймъ не рѣшился еще принять его. Въ свою очередь и Густавъ III выразилъ Польшѣ свое искреннее участіе, заявивъ, что «съ чувствомъ удовлетворенія видитъ, какъ близко принимаетъ къ сердцу ея неприкосновенность столь могущественный монархъ, какъ прусскій король». Со всѣхъ сторонъ поощряли сеймъ сбросить съ себя русскую «гарантію».

Эту гарантію воплощалъ въ себѣ *постоянный совѣтъ*. 19-го января 1789 г. онъ былъ отмѣненъ большинствомъ 122 голосовъ противъ 11. Станиславъ Потоцкій сказалъ по этому поводу: «выкинемъ самое имя *«постояннаго совѣта»* изъ нашихъ учрежденій. Если мы не вычеркнемъ его перомъ, то оно вычеркнется саблей». Поднимался даже вопросъ объ полной отмѣнѣ всего, постановленнаго на сеймѣ 1773 года (который согласился на первый раздѣлъ); но предложеніе это не было принято, такъ какъ многіе изъ его декретовъ затрагивали частные интересы. Хотѣли было привлечь къ суду всѣхъ, игравшихъ на этомъ сеймѣ подлую роль прислужниковъ Россіи; ихъ оказалось слишкомъ много, а потому ограничились примѣрной карой: маршалъ сейма, Понинскій, былъ разжалованъ и осужденъ на вѣчную ссылку.

Съ тѣхъ поръ какъ Польша попала подъ протекторатъ императрицы, она перестала посылать своихъ представителей къ иностраннымъ дворамъ: сеймъ 1788 г. постановилъ отправить пословъ въ Берлинъ, Дрезденъ, Гаагу, Стокгольмъ (т. е. ко всѣмъ враждебнымъ Россіи державамъ) и въ Копенгагенъ. *Универсаломъ* отъ 18-го

апрѣля подвергались изгнанію изъ предѣловъ Польши всѣ русскіе подданные, будь то офени, монахи или священники, которые будутъ заподозрѣны въ подстрекательствѣ къ возстанію «крестьянъ-схизматиковъ» въ Литвѣ и Украйнѣ. Герцогу Курляндскому, какъ польскому вассалу, было предложено стать на военное положеніе. Герцогъ, подобно сейму, воспользовался стѣсненнымъ положеніемъ Екатерины II, отвѣтилъ просьбой о заступничествѣ Рѣчи Посполитой и увѣреніемъ въ своей готовности оказать вооруженную помощь (13-го мая 1789 г.). Луккезини, занявшій постъ Бухгольца въ Варшавѣ, передалъ королю Станиславу собственноручное письмо Фридриха-Вильгельма II, обѣщавшаго, въ случаѣ нашествія на Польшу, оказать ей посильную помощь. 31-го августа 1790 г. былъ подписанъ турецко-прусскій трактатъ; одна изъ статей касалась Польши, въ пользу которой Австрія могла быть принуждена уступить Галицію. 20-го февраля умеръ Іосифъ II, единственный союзникъ Екатерины. Рейхенбахскій трактатъ (27-го іюля) завершилъ пораженіе Австріи.

Союзъ Польши съ Пруссіей (1790 г.). Въ мартѣ 1790 г. сеймъ рѣшилъ заключить союзъ съ Пруссіей. Трактатъ, подписанный въ Варшавѣ 29-го марта и ратифицированный въ Берлинѣ 5-го апрѣля, заключалъ въ себѣ соглашеніе о взаимной защитѣ, гарантіи неприкосновенности и дружбѣ; какъ на средство указывалось на дипломатическія сношенія, а при необходимости — на вооруженную силу. Въ послѣднемъ случаѣ прусскій король обязывался выставить на помощь своей союзницѣ 14.000 пѣхоты, 4.000 кавалеріи съ артиллерійскимъ снарядомъ, соотвѣтственнымъ такому количеству войскъ; а Польша обезпечивала королю прусскому 8.000 кавалеріи, 4.000 пѣхоты, съ соразмѣрнымъ артиллерійскимъ снарядомъ. Если установленная помощь будетъ недостаточна, Пруссія соглашалась довести свое вспомогательное войско до 30.000, а Польша до 20.000. Союзъ этотъ имѣлъ въ виду всякую иностранную державу, которая «на основаніи какихъ бы то ни было актовъ и предшествовавшихъ договоровъ будетъ присваивать себѣ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой и ея владѣній». Намекъ на Россію не могъ быть болѣе яснѣ.

Въ декабрѣ того-же года *депутація иностранныхъ дѣлъ* выработала проектъ союза съ Турціей, въ основу котораго былъ положенъ Карловицкій трактатъ и принципъ взаимности.

Фридрихъ-Вильгельмъ II, повидимому, съ еще бо́льшею искренностью выказывалъ свое доброжелательство по отношенію къ Польшѣ, когда торопилъ сеймъ приступить къ внутреннимъ реформамъ, полагая, «что хорошая конституція значитъ больше, чѣмъ 30.000-ая армія при дурной конституціи».

Конституція 3-го мая 1791 г. Основныя положенія этой конституціи обсуждались съ 1789 г.; тѣмъ не менѣе много времени, очень драгоцѣннаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, ушло на пустые споры. Первымъ серьезнымъ результатомъ былъ законъ 17-го апрѣля 1791 г., которымъ намѣчалась соціальная реформа. Содержаніе его было слѣдующее: привилегія *neminem captivabimus* — этотъ польскій habeas corpus—распространялся и на буржуазію; города получали самоуправленіе, которому должны были подчиняться и «благородные» жители; мѣщанамъ открывался доступъ къ церковнымъ и военнымъ должностямъ (кромѣ *національной кавалеріи*); чинъ капитана или два года службы въ городскомъ управленіи давали право на дворянство; сверхъ того, на каждомъ сеймѣ мѣщанамъ должно было выдаваться 30 дворянскихъ патентовъ; они получали право пріобрѣтать дворянскія земли; занятіе торговлей и ремеслами признано совмѣстимымъ съ дворянскимъ званіемъ.

Въ слѣдующіе дни знаменитая конституція была закончена. Католицизмъ былъ признанъ государственной религіей; переходъ изъ католичества былъ воспрещенъ; всѣ остальныя христіанскія вѣроисповѣданія получили право на свободное отправленіе культа. Тронъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ; преемникомъ короля Станислава былъ назначенъ курфюрстъ Саксонскій Фридрихъ-Августъ (тотъ самый, котораго Наполеонъ сдѣлалъ королемъ саксонскимъ и великимъ герцогомъ варшавскимъ); если-же онъ умеръ-бы, не оставивъ мужского потомства, престолъ долженъ былъ перейти къ его дочери Маріи - Августѣ Непомуценѣ, немедленно объявленной польской *инфантой*. Liberum veto былъ отмѣненъ; конфедераціи на сеймахъ воспрещены. Законодательская власть раздѣлена

между королемъ, сенатомъ и «посольской избой». Королю было дано право отсрочивающаго veto, дѣйствительнаго на 2 года. Сеймъ долженъ былъ собираться каждые 2 года и, кромѣ того, всякій разъ, когда въ этомъ явится надобность. Исполнительная власть принадлежала королю и совѣту, называвшемуся «Стражей законовъ» и состоявшему изъ примаса королевства и пяти министровъ, а также (безъ права голоса) двухъ государственныхъ секретарей и маршала сейма. Министры назначались королемъ. Они были отвѣтственны, но могли быть отданы подъ судъ только большинствомъ двухъ третей сейма. Король распоряжался арміей, назначалъ пожизненныхъ сенаторовъ, а также военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, подписывалъ регламенты и трактаты, подлежавшіе ратификаціи сейма.—Одна изъ статей касалась судовъ; другія дополняли или подтверждали содержаніе закона 18-го апрѣля; городамъ предоставлялось право избирать своихъ судей и членовъ городского управленія; на сеймъ было допущено 24 депутата отъ городовъ; по истеченіи двухъ лѣтъ они получали дворянство, и т. д.

Что касается крестьянъ, то конституція всячески восхваляла «земледѣльческій классъ, изъ рукъ котораго течетъ источникъ изобилія,—самое многочисленное населеніе народа и притомъ самую дѣйствительную силу страны». «Какъ по справедливости, человѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ,—говорилось въ ней,—такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подъ покровительство закона и правительства страны». Тѣмъ не менѣе дѣло ограничилось тѣмъ, что были впредь санкціонированы льготы, надѣлы и условія,—независимо отъ того, будутъ-ли они заключены владѣльцами съ цѣлыми громадами или съ каждымъ жителемъ села по-одиночкѣ,—и за ними была обезпечена защита закона. Это было самое большее, что́ можно было сдѣлать въ странѣ, гдѣ до тѣхъ поръ подъ націей разумѣлось одно дворянство; важно было и то, что крѣпостное право было принципіально осуждено. Съ этихъ поръ родина, законъ и король перестали быть пустыми звуками для польскаго крестьянина.

Польская конституція, подобно французской, была набросана еще въ 1789 г., но окончательно выработана только въ 1791 г. Польская помѣчена 3-имъ мая, а французская 3-имъ ноября 1791 г. Одна стремилась сократить королевскую власть, другая задавалась цѣлью возстановить ея главнѣйшія прерогативы. Одна боролась съ абсолютизмомъ, другая съ анархіей. Исходныя точки ихъ были прямо противоположны, но результаты приблизительно одни. Польская конституція съ ея двухпалатной системой удачнѣе, чѣмъ французская, соединяла принципы монархіи и парламентаризма. Королю она давала бо́льшія преимущества, чѣмъ французская, лишавшая его права назначать чиновниковъ, офицеровъ, прелатовъ и судей. Это не помѣшало однако Екатеринѣ II обвинять конституцію 3 мая въ якобинизмѣ. Зато Бёркъ чрезвычайно лестно отозвался о ней въ англійскомъ парламентѣ. Того-же мнѣнія держались Фоксъ, Томасъ Пэнъ, Мэкинтошъ, Вольней и даже бывшій прусскій министръ Герцбергъ *).

Конституціонная партія и самъ король были далеко не спокойны относительно того, какъ приметъ оппозиція это мудрое патріотическое произведеніе. Чтеніе и вотированіе текста, выработаннаго сеймовой коммиссіей, было отложено на два дня. 2-го мая вечеромъ во дворцѣ Радзивилловъ состоялось собраніе вожаковъ конституціонной партіи, на которомъ они окончательно убѣдились, что получатъ безусловное большинство, и рѣшили не допускать на сеймѣ никакихъ новыхъ предложеній и отступленій. Этимъ-же вечеромъ воспользовались и недовольные, чтобы привлечь на свою сторону депутатовъ и поднять народъ. На слѣдующій день (3 мая) входы въ сеймъ были заняты войсками; король явился въ собраніе съ громаднымъ конвоемъ. Прежде всего онъ велѣлъ прочитать докладъ *депутаціи* (коммиссіи) *иностранныхъ дѣлъ* о внѣшнемъ положеніи государства; докладъ этотъ былъ далеко не утѣшителенъ; даже отношенія съ Пруссіей не составляли исключенія. Практическій выводъ напрашивался самъ собой: необходимо было немедленно дать Польшѣ конституцію, которая сплотила бы ее во-едино и увеличила бы силу ея сопротивленія. Несмотря на ропотъ оппозиціи и на патетическую выходку Сухоржевскаго, король ве-

*) Судя по одному мемуару въ Берлинской Академіи «о революціяхъ въ имперіяхъ».

лѣлъ приступить къ чтенію конституціи.— Она была принята единогласно; король немедленно присягнулъ ей на вѣрность, а затѣмъ отправился въ каѳедральный соборъ, гдѣ было приведено къ присягѣ все собраніе и отслуженъ благодарственный молебенъ.

Внѣшнія опасности. Будь эта конституція принята въ 1789 г., она могла бы спасти Польшу; но теперь было уже поздно. Въ августѣ 1790 г. Густавъ III подписалъ миръ съ Россіей, а въ августѣ 1791 г. открылся конгрессъ въ Галацѣ для заключенія мира съ Турціей. Екатерина II могла теперь направить всѣ свои силы на Польшу. Ничто не могло помѣшать ей въ этомъ отношеніи, такъ какъ Пруссія и Австрія все болѣе и болѣе сосредоточивали свое вниманіе на Франціи. Между тѣмъ у нея были чрезвычайно серьезныя причины быть недовольной Польшей: и отмѣна анархической конституціи, которой она дорожила больше всего, и нарушеніе трактатовъ, и высокомѣрное поведеніе сейма относительно пропуска русскихъ войскъ черезъ польскую территорію и дѣятельности русскихъ агентовъ въ Литвѣ и Украйнѣ, и наконецъ заключеніе трактата съ Пруссіей и переговоры съ Турціей.

Въ борьбѣ съ Россіей Польша могла разсчитывать развѣ только на Пруссію; между тѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ уже доказалъ поразительное непостоянство своего характера. Декретъ сейма, которымъ уступка территоріи приравнивалась государственной измѣнѣ, раздражилъ его до крайности. Онъ обвинялъ приверженцевъ Австріи въ иниціативѣ конституціи 3-го мая. Это не помѣшало ему, однако, поздравить 8-го мая представителя Польши въ Берлинѣ, а 23 поручить привѣтствовать польскаго короля по случаю возстановленія наслѣдственности престола; 25-го іюля въ Вѣнскомъ соглашеніи прусскій и австрійскій дворъ обязывались ничѣмъ не нарушать неприкосновенности Польши, ничего не предпринимать противъ ея «свободной конституціи» и обязать къ тому-же Россію: никто изъ представителей трехъ этихъ династій не могъ быть возведенъ на польскій престолъ или жениться на польской *инфантѣ*. 27-го августа 1791 г. въ Пильницѣ и 7-го февраля 1792 г. въ Берлинѣ Австрія и Пруссія еще разъ договаривались по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе слухи о переговорахъ между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Екатериной успѣли встревожить польскій сеймъ; впрочемъ прусскій король формально опровергъ его. Смерть Леопольда II (1-го марта 1792 г.), умѣвшаго сдерживать честолюбивые планы короля прусскаго, была большимъ несчастіемъ, какъ для Польши, такъ и для всего европейскаго запада.

Миръ въ Яссахъ (9 января 1792 г.) окончательно развязалъ руки Екатеринѣ. Она снова принялась за тѣ маневры, которые дали такіе блестящіе результаты двадцать лѣтъ тому назадъ; стала натравливать другъ на друга Австрію и Пруссію, давая послѣдней понять, что только при посредствѣ Россіи она можетъ разсчитывать на пріобрѣтеніе польскихъ земель; въ самой-же Польшѣ и Литвѣ она нашла опору въ недовольныхъ элементахъ населенія. Мы уже видѣли, что она пыталась возстановить православную часть крестьянства противъ польскаго правительства. Русская партія на сеймѣ обезпечивала ей еще болѣе дѣятельную поддержку. Главарями ея были Феликсъ Потоцкій (остальные Потоцкіе — Станиславъ и Игнатій — были ярыми патріотами); Ржевускій, въ 1773 г. подвергавшійся преслѣдованію со стороны Россіи, но впослѣдствіи не устоявшій передъ ея щедротами; двое Коссаковскихъ, — одинъ епископъ ливонскій, другой — генералъ; гетманъ Францискъ-Ксаверій Браницкій, тонкій интриганъ, женившійся на племянницѣ Потемкина.— Браницкій и Феликсъ Потоцкій были отправлены въ Петербургъ для выраженія негодованія по поводу совершившихся событій. Браницкій добился даже отозванія Штакельберга, будто-бы слишкомъ вялаго, и назначенія на его постъ болѣе энергичнаго Булгакова, креатуры Потемкина. По ихъ наущенію Екатерина издала первый манифестъ (2 февраля 1792 г.), въ которомъ, обращаясь къ своимъ собственнымъ подданнымъ, обрушивалась на зловредные принципы, которые «погубили Францію и скоро погубятъ Польшу». Началось движеніе русскихъ войскъ.

Тарговицкая конфедерація: русское вторженіе.—14-го мая 1792 г. въ Тарговицѣ былъ изданъ манифестъ новой конфедераціи; онъ былъ составленъ въ Петербургѣ. Въ немъ восхвалялась отмѣненная конституція, а новая—возводилась въ «престу-

пленіе»; сеймъ, «недостойный свободной націи», обвинялся въ томъ, что «ведетъ къ гибели Рѣчь Посполитую и подчиняетъ ее произволу короля»; указывалось на «святость трактатовъ и союзныхъ договоровъ между Россіей и Польшей» и особенно на «великодушіе императрицы». 18-го мая Булгаковъ передалъ королю заявленіе Екатерины II, въ которомъ говорилось, что дружественныя русскія войска вступятъ въ Польшу, чтобы привести въ исполненіе «благодѣтельныя предначертанія» императрицы и «въ союзѣ съ истинными патріотами» возвратить Рѣчи Посполитой «свободу и законность». 19 мая 100.000 русская армія вторглась въ Литву.

Конституціонная партія должна была предвидѣть такое непрошенное вмѣшательство. Но она считала себя вправѣ разсчитывать на поддержку короля прусскаго, который въ свое время поощрялъ поляковъ къ реформѣ, а затѣмъ выразилъ одобреніе новой конституціи. Некто иной, какъ онъ, толкнулъ Польшу на опасный путь новшествъ, особенно сильно задѣвавшихъ Россію. Наконецъ, онъ связалъ себя формальнымъ союзомъ, въ силу котораго долженъ былъ гарантировать неприкосновенность польской территоріи и воспротивиться нарушенію ея границъ.— Письмомъ отъ 31 мая король Станиславъ потребовалъ обѣщанной помощи, но король прусскій отвѣчалъ, что «послѣ событій истекшаго года легко было предвидѣть затрудненія, которыя въ настоящее время испытываетъ Польша». По его словамъ, онъ неоднократно поручалъ Луккезини высказать польскому правительству свои «справедливыя опасенія по этому предмету» и никогда даже не «помышлялъ» о поддержкѣ или защитѣ конституціи 3-го мая; рѣзкое порицаніе ея со стороны императрицы «совершенно измѣнило будто-бы положеніе вещей, предусмотрѣнное договоромъ. Словомъ, трактатъ терялъ всякую силу.

Пораженіе поляковъ (1792 г.).—Польша была предана; начались переговоры по вопросу о второмъ раздѣлѣ ея территоріи. Тщетно обращался король Станиславъ къ Екатеринѣ, предлагая ей и право безпрепятственнаго прохода для русскихъ войскъ, и союзъ, и право наслѣдованія польскаго престола для великаго князя Константина Павловича. Все было напрасно: полякамъ оставалось только защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. Война застала ихъ при самомъ началѣ военныхъ реформъ; польское войско, — правда, нѣсколько увеличенное, врядъ-ли лучше, чѣмъ въ прежнее время, было снабжено ружьями, орудіями и боевыми запасами. Противъ 20,000 авангарда сѣверной русской арміи, вступившаго въ Литву подъ начальствомъ Кречетникова и противъ Каховскаго, который стоялъ во главѣ авангарда большой южной арміи, освободившейся послѣ мира въ Яссахъ и шедшей изъ Кіева на Могилевъ,—у поляковъ было всего какихъ нибудь 40.000 человѣкъ, преимущественно изъ едва обученныхъ новобранцевъ послѣдняго набора; изъ нихъ 20.000 подъ предводительствомъ племянника короля, Іосифа Понятовскаго, при которомъ состояли Вьельгорскій и Ѳаддей Костюшко, предназначались противъ украинской арміи; 8.000 находились въ Литвѣ подъ начальствомъ принца Вюртембергскаго; 12.000 стояли въ резервѣ въ лагерѣ подъ Дубно, куда ожидали короля. 15-го іюля въ Полонномъ корпусъ Костюшка, слабо поддержанный резервомъ Часкаго, былъ отброшенъ, причемъ внѣ сраженія погибло до 600 человѣкъ, а 400 взято въ плѣнъ. Іосифъ Понятовскій поспѣшилъ на помощь, но былъ разбитъ подъ Зеленцемъ (18 іюля). 17 іюля Костюшко съ 8.000 войскомъ противъ 20.000 одержалъ побѣду подъ Дубенкой близъ Буга, но былъ принужденъ отступить, такъ какъ русскіе, нарушивъ австрійскую границу, зашли ему съ тыла. Въ то же самое время пришло извѣстіе объ отступленіи сѣверной польской арміи и образованіи въ Вильнѣ литовской *конфедераціи* съ обоими Коссовскими во главѣ. Конституціонная партія предложила созвать *посполитое рушенье*, но это не могло принести большой пользы. Къ тому-же Польшѣ готовился новый жестокій ударъ: самъ король примкнулъ къ тарговицкой конфедераціи; онъ вновь созвалъ ее 24 августа. «Дѣятели 3-го мая», Игнатій Потоцкій, Коллонтай и Малаховскій немедленно покинули Варшаву. Конфедераты были призваны сформировать правительство и, послѣ вступленія русской арміи въ столицу, составили адресъ императрицѣ. Они воображали, будто она имѣетъ въ виду вернуть имъ «золотую свободу».

Въ свою очередь и прусская армія подъ

начальствомъ Мёллендорфа вторгнулась въ Великую Польшу. 16 января 1793 г. Бухгольцъ, снова занявшій свой постъ, временно переданный Луккезини, представилъ ноту своего короля, въ которой Польшѣ ставились въ вину «французскія демократическія вѣянія», «происки якобинскихъ эмиссаровъ», «принципы этой ужасной секты» и «сношенія съ французскими клубами».

Второй раздѣлъ Польши (1793 г.). 14-го іюля 1792 г. въ Петербургѣ былъ подписанъ трактатъ союза и взаимной гарантіи между Россіей и Австріей (*особая* статья гарантировала старинную польскую конституцію); 7-го августа былъ заключенъ союзъ между Россіей и Пруссіей (*особой секретной* статьей выговаривалось возстановленіе этой конституціи); 23-го января 1793 года состоялся русско-прусскій трактатъ относительно второго раздѣла Польши. Пруссія получала Данцигъ, Торнъ, Великую Польшу съ Познанью и Гнѣзномъ, т. е. территорію въ 2.000 кв. миль, превосходившую по величинѣ всю Силезію; Россія пріобрѣтала всю Литву на югъ отъ Двины, т. е. около 3.000 кв. миль. Австрія не была допущена ко второму раздѣлу. Послѣ пораженія при Вальми Пруссія заявила, что согласна продолжать войну только подъ условіемъ, что она получитъ въ видѣ вознагражденія часть польской территоріи; Екатеринѣ II пришлось согласиться; что касается Австріи, то ей было разрѣшено обмѣнять Бельгію на Баварію. Послѣ битвы при Жемаппѣ Австрія потеряла Бельгію, объ обмѣнѣ нечего было и думать: предстояло ее отвоевывать. Екатерина II отклонила требованіе Австріи предоставить ей хотя бы временное, условное возмѣщеніе въ Польшѣ, и дала понять, что предпочтительно вернуть Бельгію. Но сдѣлать это безъ содѣйствія Пруссіи было немыслимо, а заручиться имъ можно было только цѣною уступки польской территоріи.—Между тѣмъ прусскій король поспѣшилъ завладѣть присужденными ему землями; сопротивленіе оказалъ только Данцигъ, сдавшійся 2 апрѣля.

Гродненскій сеймъ (1793). Оставалось только принудить Польшу согласиться на второй раздѣлъ ея владѣній. Представителемъ Пруссіи въ Варшавѣ былъ въ то время Бухгольцъ, а русскимъ посломъ Сиверсъ. Тарговицкіе конфедераты, достигнувъ власти, были готовы сдѣлать всевозможныя уступки Россіи, но отнюдь не Пруссіи, которую теперь всѣ партіи одинаково ненавидѣли за ея вѣроломство. 3-го февраля они опубликовали протестъ противъ прусскаго вторженія. Для отраженія его они собирались созвать *посполитое рушенье*; но Сиверсъ воспротивился этому. Тщетно взывали они къ великодушію Екатерины II. Она сообщила имъ (9-го апрѣля) о своемъ соглашеніи съ Пруссіей и Австріей и заявила, что три державы «не нашли иного средства... къ отвращенію заразы отъ собственныхъ своихъ предѣловъ... какъ заключить Рѣчь Посполитую въ болѣе тѣсныя границы». Для прекращенія протестовъ было рѣшено переселить короля польскаго въ Гродно. Онъ прибылъ туда въ апрѣлѣ. Его предложеніе сложить съ себя королевское званіе было пренебрежительно отвергнуто; въ немъ еще нуждались. Въ виду того, что онъ отказался собрать сеймъ собственной властью, былъ возстановленъ *постоянный совѣтъ*, на который возложены труды по созыву. Выборы на сеймикахъ были подвергнуты самому крайнему насилію: не говоря уже о томъ, что *тарговичане* исключили всѣхъ, вотировавшихъ за конституцію 3-го мая 1791 года, что они измѣнили всѣ избирательные законы и дали право голоса лицамъ, опороченнымъ по суду, но русскіе дошли до того, что предали разграбленію имущество своихъ противниковъ. Подкупы играли немаловажную роль: епископъ Коссаковскій получилъ 4.000 дукатовъ; нунцій Анкевичъ въ Краковѣ 4.500 и т. п. Предсѣдатель сейма Бѣлинскій получилъ 2.500 при открытіи засѣданій и по 1.000 въ мѣсяцъ въ видѣ вознагражденія. На этомъ сеймѣ не присутствовало и десяти сенаторовъ; не было пословъ отъ пятнадцати воеводствъ. 19-го іюня Сиверсъ и Бухгольцъ представили торжественныя ноты съ требованіемъ назначить сеймовую делегацію для подписанія трактатовъ съ Пруссіей и Россіей. Сиверсъ—въ отвѣтъ на свое заявленіе—услышалъ только униженныя мольбы, обращенныя къ императрицѣ; зато Бухгольцу было предъявлено требованіе о немедленномъ очищеніи территоріи, занятой прусскими войсками. 24-го Сиверсу пришлось возобновить свое требованіе. Сеймъ отвѣтилъ предложеніемъ обратиться къ посредничеству Австріи. Сиверсъ прибѣгъ тогда къ насилію и аре-

стовалъ девять депутатовъ; одинъ изъ нихъ былъ взятъ въ помѣщеніи самого короля. Сеймъ отказался вести какіе-либо переговоры, прежде чѣмъ они не будутъ освобождены; всѣ депутаты обязались немедленно удалиться изъ Гродно, если повторится подобное посягательство. Понявъ, что зашелъ слишкомъ далеко, Сиверсъ освободилъ заключенныхъ, но заявилъ, что, въ случаѣ новыхъ проволочекъ, вся территорія Польши будетъ занята войсками. Сеймъ упорствовалъ и не избиралъ делегаціи, а потому король вмѣстѣ съ Сиверсомъ сами назначили ея членовъ. Сеймъ поручилъ тогда делегаціи предложить Россіи союзъ, но запретилъ входить въ какія либо иныя соглашенія; Сиверсъ же требовалъ, чтобы делегація «безъ малѣйшихъ измѣненій» подписала договоръ, цѣликомъ составленный въ Петербургѣ. Онъ содержалъ въ себѣ отмѣну конституціи 3-го мая и согласіе на раздѣлъ Польши. Сеймъ единогласно отказалъ. Сиверсъ въ грозныхъ нотахъ отъ 11-го и 12-го іюля обѣщалъ примѣнить строжайшія мѣры къ «зачинщикамъ». Король произнесъ рѣчь, въ которой предлагалъ еще разъ обратиться къ «государынѣ, равно гуманной и великодушной». Нунцій Кимбаръ, обращаясь къ королю, патетически восклицалъ: «Ваше Величество! Зачѣмъ такъ смущаться? Намъ угрожаютъ Сибирью: что-жъ, пойдемъ въ Сибирь! Наше мужество заставитъ поблѣднѣть тѣхъ, кто готовитъ намъ гибель». Собраніе заволновалось: «да! да! въ Сибирь!» Сиверсъ не зналъ, какъ обуздать это жалкое подобіе сейма, среди членовъ котораго было столько имъ-же самимъ подкупленныхъ, этотъ несчастный румпъ-парламентъ*) польскаго народа, который былъ доведенъ до отчаянія страданіями отечества. Зная враждебное отношеніе сейма къ Пруссіи, епископъ Масальскій, двое Коссаковскихъ и Анкевичъ старались внушить ему, что Екатерина II, разъ добившись подписанія договора съ Россіей, не будетъ настаивать на трактатѣ съ Пруссіей. Король дѣйствовалъ въ томъ-же направленіи и приводилъ тѣ-же самые аргументы. Въ концѣ концовъ большинствомъ 73 голосовъ противъ 20 депутація получила разрѣшеніе заключить договоръ съ Россіей; онъ былъ подписанъ 22-го іюля 1793 года.

Теперь наступала очередь прусскаго трактата. Несмотря на содѣйствіе, оказанное Сиверсомъ своему прусскому коллегѣ, добиться его было крайне трудно. Конецъ іюля и весь августъ прошли въ ожесточенныхъ перекорахъ и нападкахъ на прусскаго короля. Пришлось привести два батальона русскихъ гренадеръ и направить на сеймъ четыре пушки; русскій генералъ Раутенфельсъ занялъ кресло рядомъ съ королемъ. Прошло еще три недѣли. 23-го августа Раутенфельсъ приказалъ гренадерамъ удалить четырехъ нунціевъ; 24-го сентября онъ охватилъ депутатовъ и короля такимъ тѣснымъ кольцомъ войскъ, что никто ни днемъ, ни ночью не могъ покинуть засѣданія. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ, голодные и безмолвные. Это было такъ называемое «нѣмое засѣданіе». 25-го въ три часа утра Раутенфельсъ поднялся со своего мѣста, намѣреваясь приказать солдатамъ вступить въ залу. Заговорилъ Анкевичъ; онъ спросилъ, открыто-ли засѣданіе, и предложилъ выслушать проектъ трактата; ему не дали договорить. Тогда, напомнивъ всѣ перенесенныя насилія, онъ посовѣтывалъ возложить надежды «на потомство, болѣе счастливое, чѣмъ они». Послѣ этого Бѣлинскій трижды спросилъ, согласенъ-ли сеймъ, чтобы делегація подписала трактатъ. Не получивъ отвѣта, онъ заявилъ, что молчаніе—знакъ согласія, и закрылъ засѣданіе. Было 4 часа утра. Депутаты удалились изъ залы со слезами на глазахъ.

Днемъ (25 сентября) былъ подписанъ трактатъ съ Пруссіей, 16-го октября былъ заключенъ союзный трактатъ между Россіей и Польшей. 23-го ноября сеймъ принялъ новую конституцію, — быть-можетъ цѣликомъ составленную въ Петербургѣ. Наконецъ, гродненскій сеймъ, желая уничтожить все, что было создано 3-го мая 1791 года, постановилъ сократить армію до 15.000 человѣкъ; наличный составъ равнялся еще 25.000.

Національное возстаніе; Ѳаддей Костюшко. — Сиверсъ писалъ своей дочери: «въ этой несчастной Польшѣ не осталось и тѣни чести; быть можетъ она таится въ хижинахъ крестьянъ». Во всякомъ случаѣ она жила въ сердцахъ средняго сословія, стоявшаго въ общемъ на болѣе высокомъ

*) Изуродованный парламентъ (терминъ изъ исторіи Англіи XVII вѣка).

уровнѣ умственнаго развитія, чѣмъ дворянство, и глубже затронутаго европейской цивилизаціей; его представители были проникнуты современными французскими идеями, болѣли душой за свою несчастную родину, съ горечью сопоставляя ея пораженія съ блестящимъ успѣхомъ французской революціи въ борьбѣ противъ цѣлой коалиціи королей.

Среди дворянъ были люди, одушевленные подобными же чувствами. Таковъ же былъ и Ѳаддей Костюшко. Онъ родился въ 1752 г. близъ Новогрудка (въ Литвѣ) и въ 1764 г. поступилъ въ кадетскій корпусъ, основанный Чарторижскимъ. Сынъ мелкаго шляхтича, онъ очень рано испыталъ два тяжелыхъ удара, навсегда разсѣявшихъ его сословные предразсудки:— отецъ его былъ убитъ крестьянами, доведенными до отчаянія; самъ онъ, полюбивъ дочь важнаго пана, получилъ оскорбительный отказъ на свое сватовство. Въ Америкѣ, гдѣ Вашингтонъ назначилъ его полковникомъ и гдѣ онъ отличился при Саратогѣ, Костюшко на дѣлѣ увидѣлъ, что такое свобода, и завершилъ кругъ идей, почерпнутыхъ у французскихъ философовъ. Во время бывшей незадолго передъ тѣмъ войны онъ одинъ изъ всѣхъ польскихъ генераловъ имѣлъ успѣхъ на полѣ битвы. Послѣ второго раздѣла Польши, сдѣлавшись русскимъ подданнымъ, онъ отказался отъ повышенія по службѣ и перебрался въ Саксонію, гдѣ встрѣтилъ большинство «людей 3-го мая»: Малаховскаго, Ѳаддея Мостовскаго, Игнатія Потоцкаго, Коллонтая и воина-поэта Нѣмцевича. Посланный въ Парижъ, онъ видѣлся съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Лебрёномъ; въ это время онъ былъ уже «французскимъ гражданиномъ», по постановленію законодательнаго собранія (10 августа 1792 г.).

Съ польскимъ комитетомъ въ Саксоніи находился въ сношеніи не менѣе энергичный комитетъ въ Варшавѣ, дѣйствовавшій чуть не на глазахъ у Игельстрома, который, будучи начальникомъ русскихъ оккупаціонныхъ войскъ, въ отсутствіе Сиверса временно исправлялъ обязанности дипломатическаго агента. Главарями этого комитета были банкиръ Капостасъ, башмачникъ Килинскій, генералы Дзялинскій, Мадалинскій и Зайончекъ. Въ Литвѣ дѣйствовали Чарторижскіе, Огинскіе, Сапѣги. Цѣлая сѣть тайныхъ обществъ была раскинута въ провинціяхъ прежней Рѣчи Посполитой. На дворянъ они вліяли при посредствѣ свѣтскихъ дамъ, на крестьянъ— черезъ ксендзовъ. Они привлекали въ число своихъ членовъ солдатъ, отпущенныхъ на родину, въ силу декрета о распущеніи войскъ,—возбуждали общество вѣстями и слухами о недовольствѣ Австріи, о готовности Швеціи и Англіи придти на помощь, о побѣдахъ и братскихъ чувствахъ Франціи. Послѣ Костюшка въ Парижъ были посланы Барсъ и Пирамовичъ.

Несмотря на то, что броженіе охватило громадную массу людей, не было ни одного предательства. Игельстромъ, смутно сознавшій опасность, не могъ, однако, уловить нить заговора. Онъ счелъ благоразумнымъ изгнать изъ предѣловъ Польши Дзялинскаго и Зайончека; но это оказалось на руку обоимъ генераламъ: у одного было тайное порученіе въ Кіевъ, у другого—въ Саксонію. Онъ хотѣлъ ускорить сокращеніе польской арміи, которое совершилось бы и безъ его вмѣшательства, — а на дѣлѣ ускорилъ только революціонный взрывъ. Мадалинскій, командовавшій бригадой въ Остроленкѣ, отказался распустить своихъ солдатъ. Съ 4.000 человѣкъ, среди которыхъ были и дворяне, и простые солдаты, онъ перешелъ Бугъ и, пробивая себѣ путь сквозь русскія войска, пересѣкъ прусскую Польшу и двинулся на Краковъ. Это заставило Костюшка открыть свои карты раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Изъ Саксоніи онъ въ свою очередь поспѣшилъ въ Краковъ. При приближеніи этихъ двухъ вождей русскій гарнизонъ, въ ночь съ 22-го на 23-е марта, очистилъ городъ; на слѣдующую ночь въ него вошелъ Костюшко. 24-го былъ провозглашенъ актъ возстанія, возобновлена присяга конституціи 3-го мая, а Костюшко признанъ главнымъ вождемъ. Игельстромъ и Бухгольцъ не замедлили выразить свое негодованіе по поводу возстанія, а австрійскій уполномоченный въ Варшавѣ Де-Кашъ, король Станиславъ и *постоянный совѣтъ* отреклись отъ всякой съ нимъ солидарности. Зато въ Краковѣ подъ знамена Костюшко спѣшили стать всѣ польскія войска; онъ вооружалъ студентовъ университета и горожанъ, захватывалъ общественныя кассы, собиралъ пожертвованія патріотовъ, облагалъ контрибуціей равнодушныхъ, призывалъ на военную службу

всѣхъ мужчинъ, отъ 18 до 27 лѣтняго возраста.

Между тѣмъ въ Варшавѣ Игельстромъ чувствовалъ себя въ опасности. Будь онъ только военачальникомъ, онъ не задумался бы очистить городъ; его удерживали обязанности дипломата. Онъ уложилъ свои вещи и разсчиталъ свою содержанку. Въ его распоряженіи находилось не болѣе 15.000 русскихъ, разсѣянныхъ по всему городу, тогда какъ польскія войска, искусно расположенныя комендантомъ города, Циховскимъ, занимали Прагу и другіе пригороды, а въ самомъ городѣ охраняли арсеналъ. Варшавскія гостинницы переполнялись уволенными солдатами и патріотами изъ дворянъ. Опасаясь, какъ бы возстаніе не охватило и Литву, и надѣясь предотвратить опасность, Игельстромъ послалъ на Краковъ Тормасова съ 4.000 человѣкъ. Подъ Рацлавицами онъ встрѣтилъ Костюшка съ 4.000 человѣкъ, изъ которыхъ 2.000 были крестьяне, вооруженные косами (4-го апрѣля 1794 г). Панская кавалерія была быстро разсѣяна артиллерійскимъ огнемъ,— но крестьяне возстановили боевой порядокъ: они пошли прямо на пушки и завладѣли ими. Русскіе потеряли 400 человѣкъ убитыми, 11 батарей и одно знамя. Послѣ сраженія, чтобы устыдить пановъ и поощрить отважныхъ косарей, Костюшко снялъ съ себя дворянскую одежду и надѣлъ крестьянскую чамару.

16-го апрѣля Игельстромъ обратился съ отчаяннымъ призывомъ въ Петербургъ. Отъ короля и *постояннаго совѣта* онъ потребовалъ двадцати арестовъ въ чертѣ города, но получилъ отказъ. Король не разрѣшилъ также занять русскими войсками арсеналъ и пороховые погреба. Шедшая въ этотъ день совершенно безобидная (если не считать заглавія) пьеса «Краковцы» вызвала въ народѣ броженіе. Килинскій и его приверженцы распространили слухъ, будто русскіе хотятъ занять арсеналъ и вырѣзать патріотовъ. Въ ночь съ 16-го на 17-е апрѣля все было подготовлено къ возстанію. Въ три часа утра Килинскій подалъ сигналъ, застрѣливъ изъ пистолета одного русскаго офицера и казака. Крики «do broni! do broni! (къ оружію!) смерть москалямъ!» огласили городъ. Конный гвардейскій полкъ короля раздавалъ народу оружіе изъ арсенала. Эскадроны, стоявшіе въ Прагѣ, перешли мостъ черезъ Вислу. Дзялинскій явился въ Краковское предмѣстье и поднялъ тамъ польскіе полки. Русскіе разрозненные батальоны, внезапно разбуженные, не знали, что дѣлать, и потерпѣли страшный уронъ. Среди общей свалки были и ненужныя жестокости: двѣ роты русскихъ солдатъ, шедшихъ безоружными къ причастію, были перерѣзаны. Игельстромъ, осажденный въ своемъ дворцѣ, велѣлъ какой-то старухѣ влѣзть на крышу и высмотрѣть, гдѣ находятся русскія войска. Онъ сжегъ, или полагалъ, что сжегъ, компрометтирующія бумаги и скрылся незамѣченнымъ. Остальные русскіе начальники, кто какъ могъ, бѣжали изъ города. Два дня возстанія стоили русскимъ 2.500 убитыхъ, 1.800 взятыхъ въ плѣнъ и 11 пушекъ.

Національное правительство (1794 г.). Въ Варшавѣ немедленно было учреждено національное правительство съ Закржевскимъ, Мокрановскимъ и другими «людьми 3-го мая» во главѣ. Къ Костюшку былъ посланъ курьеръ, призывавшій его въ Варшаву. 23-го апрѣля въ Вильнѣ инженерный полковникъ Ясинскій поднялъ три польскихъ полка и вытѣснилъ русскій гарнизонъ. Гетманъ Коссаковскій,—одинъ изъ тѣхъ, которые предали Польшу, — былъ повѣшенъ. Мало-по-малу возстаніе, свивъ себѣ прочное гнѣздо въ столицахъ, охватило всю страну.

Король Станиславъ остался въ своемъ дворцѣ, но возбуждалъ настолько серьезное недовѣріе, что долженъ былъ согласиться выходить на прогулку не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ приставленныхъ лицъ. 24-го апрѣля, когда въ соборѣ торжественно праздновалось національное освобожденіе, ему пришлось выслушать проповѣдь, вдохновленную самымъ суровымъ патріотизмомъ. Впрочемъ, на вопросъ, «рѣшилъ ли онъ жить и умереть со своимъ народомъ» онъ громкимъ голосомъ отвѣтилъ: «да, я желаю жить и умереть съ нимъ». Онъ сдѣлалъ патріотическое приношеніе въ 18.000 дукатовъ и присоединилъ свою гвардію къ арміи.

Всѣ правительственныя заботы лежали собственно на Костюшкѣ. Первымъ вопросомъ, подлежавшимъ разрѣшенію, былъ вопросъ крестьянскій. Коллонтай настаивалъ на полной отмѣнѣ крѣпостного права. Но доблестный герой не рѣшился нанести такой ударъ «военному классу». Въ своемъ

манифестѣ отъ 7-го мая 1794 г. онъ рѣзко порицаетъ тѣхъ собственниковъ, которые злоупотребляютъ своей властью, притѣсняютъ старыхъ солдатъ, уволенныхъ со службы, и препятствуютъ рекрутамъ отправляться въ армію. Онъ объявилъ, что крестьянинъ находится подъ защитой государственной власти, и призналъ за нимъ свободу передвиженія, подъ условіемъ предварительнаго исполненія принятыхъ обязательствъ. Онъ сократилъ дни барщины и воспретилъ сгонять съ земли крестьянъ, добросовѣстно несущихъ свои повинности. Уступки были слишкомъ ничтожны для крестьянъ, которыхъ Костюшко призывалъ «обратить сошники своихъ плутовъ въ оружіе для освобожденія отечества»; дворянамъ же эти уступки показались слишкомъ тягостными. Среди «военнаго класса» явилось глухое недоброжелательство противъ польскаго диктатора.

Костюшко учредилъ *Высочайшій совѣтъ* изъ 8-ми министровъ и 22 помощниковъ, который объявилъ своимъ девизомъ volnost, tsalost, niepodlegost (свобода, нераздѣльность, независимость). *Военная коммиссія* должна была слѣдить за наборомъ рекрутовъ въ регулярную армію, за составленіемъ народнаго ополченія и фортификаціонными работами въ Варшавѣ (въ нихъ принимали участіе женщины и даже самъ король). *Коммиссія безопасности* принимала мѣры противъ измѣнниковъ, которые были уличены бумагами, найденными въ русскомъ посольствѣ. 8-го мая были казнены: Ожаровскій, Забѣлло, епископъ Коссаковскій, Анкевичъ. Былъ составленъ циркуляръ къ православному духовенству съ предложеніемъ успокоить свою паству и внушить ей преданность общему отечеству.

Борьба поляковъ противъ Пруссіи и Россіи: первая осада Варшавы (1794 г.). Въ первыхъ столкновеніяхъ съ русскими войсками при Щекоцинѣ и Хельмѣ (6-го и 8-го іюня 1794 г.) Зайончекъ имѣлъ не особенно значительный успѣхъ. 12-го іюня было обнародовано воззваніе къ полякамъ, живущимъ въ провинціяхъ, отошедшихъ къ Пруссіи. Бухгольцъ былъ изгнанъ изъ Варшавы; бумаги его захвачены. 15-го пруссаки заняли слабо защищенный Краковъ (драгоцѣнные камни, украшавшіе польскую корону, были отправлены въ Берлинъ). Вѣсть объ этомъ національномъ несчастіи произвела въ Варшавѣ потрясающее впечатлѣніе. Общее возбужденіе нашло себѣ исходъ въ убійствѣ нѣкоторыхъ заключенныхъ; погибло восемь человѣкъ; это были почти сплошь виновники тарговицкой конфедераціи, агенты или шпіоны Россіи. Тѣмъ не менѣе Костюшко съ полнымъ основаніемъ возсталъ противъ столь явнаго нарушенія закона и потребовалъ казни мятежниковъ; семеро изъ нихъ было повѣшены.

23-го іюня Зайончекъ вступилъ въ бой съ русскими при Голиковѣ, на лѣвомъ берегу Вислы; сраженіе продолжалось два дня: ему пришлось сдаться подъ напоромъ казаковъ, напавшихъ на него съ тыла. 30-го австрійцы перешли границу, заняли Люблинъ и наводнили Галицію, чтобы обезпечить себѣ продовольствіе. 19-го и 20-го іюля русскіе произвели первое нападеніе на Вильну и потерпѣли неудачу. 2-го августа 50.000 пруссаковъ, подъ предводительствомъ самого короля и маршала Шверина, съ 10.000 русскихъ, подъ начальствомъ Ферзена и принца Нассаускаго, взяли предмѣстье Волю и стали угрожать Варшавѣ; городъ не сдавался: во главѣ обороны стоялъ Костюшко. Пруссаки приступили къ бомбардировкѣ. Русскія войска поддерживали ихъ крайне слабо, такъ какъ Екатерина не могла простить королю прекращенія священной войны противъ Франціи. Подъ видомъ любезности король предложилъ русскимъ стать впереди; но Ферзенъ не менѣе любезно уступилъ ему эту честь: русскіе не столько присматривали за осажденными, сколько за своими союзниками—пруссаками. 28-го августа произошло кровавое сраженіе, въ которомъ было заклёпано немало прусскихъ пушекъ. Между тѣмъ въ тылу у короля Денисъ Мневскій и Нѣмоёвскій поднимали возстаніе въ Великой Польшѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ увидѣлъ себя вынужденнымъ снять осаду (въ ночь съ 5-го на 6-е сентября 1794 г.), къ великой радости поляковъ и даже русскихъ.

Битва при Маціовицахъ; штурмъ Праги; покореніе Варшавы. Западная часть Польши была освобождена отъ непріятеля, но австрійцы еще занимали Галицію, а Литва, благодаря оккупаціи Вильны (22-го августа), была снова въ рукахъ русскихъ. Екатерина II, до тѣхъ поръ располагавшая только арміей Ферзена (съ Хрущовымъ, Тормасовымъ и атаманомъ Денисовымъ), дви-

нула теперь въ Польшу побѣдоносное войско Суворова, — героя Кинбурна, Очакова и Измаила. Графъ Понятовскій и Мокрановскій защищали Самогитію и Брестъ-Литовскъ; Домбровскій и Мадалинскій занимали Великую Польшу; Сѣраковскій пытался задержать Суворова въ Волыни. Въ Варшавѣ оставались Костюшко съ Зайончекомъ и молодымъ Понинскимъ. 18-го сентября Сѣраковскій былъ разбитъ при Крупчицѣ, а 19-го подъ Брестъ-Литовскомъ. Одинъ русскій очевидецъ этихъ сраженій говоритъ, что поляки бились «отважно, стоически, какъ люди, доведенные до отчаянія». Костюшко поспѣшилъ къ Сѣраковскому, успокоилъ его, объяснивъ неудачу громаднымъ численнымъ превосходствомъ враговъ, офицерамъ и солдатамъ роздалъ ордена и издалъ свой знаменитый манифестъ отъ 24-го сентября, въ которомъ напоминалъ тѣ славныя времена, когда горсть поляковъ покорила Москву и увела въ плѣнъ царя.

Между тѣмъ Ферзенъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 20.000 человѣкъ, готовился соединиться съ 40.000-ной арміей Суворова. Необходимо было предупредить это сліяніе. Костюшко поручилъ Понинскому всего съ 4.000 человѣкъ помѣшать Ферзену перейти Вислу. Но Ферзенъ, воспользовавшись густымъ туманомъ, успѣлъ подойти къ переправѣ. Тогда Костюшко, оставивъ въ Варшавѣ Зайончека, поспѣшилъ въ Маціовицы, расположенныя на Вислѣ, въ 20 верстахъ отъ Варшавы. У него были такіе помощники, какъ Игнатій Потоцкій, Каминскій, Княжевичъ, Мостовскій, Коллонтай, Нѣмцевичъ, но войска было всего 5.800 человѣкъ съ 21 орудіемъ, такъ какъ не было времени снестись съ Понинскимъ. Бой завязался 10-го октября. Ферзенъ началъ съ того, что произвелъ страшное опустошеніе среди поляковъ, открывъ по нимъ артиллерійскій огонь; обладая войскомъ, въ четыре раза болѣе сильнымъ, чѣмъ противники, онъ всюду бралъ верхъ. Уже въ самомъ началѣ сраженія у поляковъ оказался недостатокъ въ боевыхъ припасахъ. Рукопашная схватка рѣшила битву въ пользу русскихъ. Больше половины поляковъ было убито, 2.500 человѣкъ взято въ плѣнъ, вся артиллерія захвачена. Нѣмцевичъ, Княжевичъ, Сѣраковскій и почти всѣ остальные вожди были въ числѣ плѣнниковъ. Атаманъ Денисовъ захватилъ Костюшка, едва дышавшаго, въ трехъ мѣстахъ пронзеннаго пикой.

Горе, охватившее варшавянъ, когда они услыхали объ этомъ ужасномъ событіи, не поддавалось описанію: «нѣтъ больше Костюшка: погибло отечество». Были, впрочемъ, люди, чуждые патріотизма, которые радовались такому обороту дѣла и желали только одного, — конца волненій. Купцы, богачи, придворные заявили себя сторонниками безусловной покорности. Болѣе горячія головы поговаривали объ избіеніи заключенныхъ. Между тѣмъ Іосифъ Понятовскій, придя изъ Литвы съ 15.000 человѣкъ, укрѣпился въ Прагѣ; тамъ-же расположился со своимъ войскомъ и Понинскій; изъ Литвы спѣшно прибылъ Мокрановскій, а изъ Великой Польши пришли Мадалинскій и Домбровскій. Налицо оказалось 25.000 солдатъ, а въ такомъ большомъ городѣ, какъ Варшава, можно было найти и достаточное число рекрутъ и всѣ необходимые запасы. Это придавало бодрости: на требованіе Ферзена сдаться, король отвѣтилъ, что народъ поклялся «или погибнуть, или быть свободнымъ». Верховный Совѣтъ предложилъ обмѣнять всѣхъ русскихъ плѣнниковъ на одного Костюшка. Губернаторомъ города былъ назначенъ Вавржецкій. Въ Прагѣ были сосредоточены всѣ имѣвшіяся силы и батарея въ 100 пушекъ, чтобы отразить нападеніе Ферзена и Суворова.

3-го ноября явилось войско Суворова и стало готовиться къ приступу. Онъ былъ произведенъ 4-го, въ 3 часа утра. Несмотря на то, что поляки защищались «съ отчаяніемъ и геройскимъ самоотверженіемъ», укрѣпленія были взяты; произошла ужасающая бойня. 8.000 солдатъ и 12.000 обывателей, безъ различія возраста и пола, были перерѣзаны.

Ужасъ овладѣлъ Варшавой; всякое мужество покинуло жителей. Совѣтъ отправилъ Игнатія Потоцкаго для переговоровъ съ Суворовымъ, но тотъ отказался принять его: «я не хочу,—сказалъ онъ, имѣть дѣло съ представителемъ революціи».

5-го ноября онъ допустилъ къ себѣ депутатовъ, посланныхъ королемъ. Увидя ихъ, онъ снялъ саблю и сказалъ: «миръ и согласіе». Онъ обнялъ ихъ, они же припали къ его ногамъ, прося указать условія мира. Его отвѣтъ былъ краткогъ: «не-

прикосновенность жизни и имущества, забвеніе прошлаго». И все-таки это было не что иное, какъ безпрекословное подчиненіе волѣ побѣдителя. Когда депутаты переѣзжали на лодкѣ черезъ Вислу (мостъ былъ разрушенъ), они еще издали кричали варшавянамъ, столпившимся на берегу: «миръ! миръ!» Народъ бросился въ воду, чтобы на рукахъ вынести депутатовъ, и, провожая ихъ до королевскаго дворца, кричалъ: «да здравствуетъ императрица! да здравствуетъ Суворовъ!» 9-го ноября мостъ былъ исправленъ, и Суворовъ торжественно перешелъ черезъ него въ городъ. У ближайшихъ къ мосту городскихъ воротъ магистратъ, купеческія общества и горожане поднесли ему городскіе ключи. Онъ взялъ ихъ, поцѣловалъ и сказалъ: «благодареніе Богу, что они не стоили такъ дорого, какъ пражскіе».

Вавржецкій заявилъ, что армія не участвовала въ капитуляціи города. Король отказался уйти вмѣстѣ съ нею. Былъ моментъ, когда Домбровскій намѣревался силой увезти короля и двинуться со своей арміей во Францію. Польскіе вожди, преслѣдуемые Ферзеномъ и Денисовымъ, видѣли, какъ таяли отъ дезертирства ихъ войска, и не могли придти ни къ какому рѣшенію относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Домбровскій хотѣлъ сдаться прусскому королю, Вавржецкій — Суворову. Обстоятельства дали перевѣсъ послѣднему мнѣнію. Была заключена капитуляція въ Радошицѣ. Суворовъ объявилъ амнистію, разрѣшилъ офицерамъ оставить при себѣ оружіе и выдалъ паспорта тѣмъ, кто хотѣлъ ѣхать за границу. Пруссаки потребовали себѣ долю изъ взятой артиллеріи. Атаманъ Денисовъ пренебрежительно замѣтилъ по этому поводу: «видно пруссакамъ въ диковину брать пушки; намъ — это дѣло привычное».

Третій раздѣлъ Польши (1795 г.) Какъ разъ въ это время Австрія была разбита французами на Рёрѣ и Рейнѣ, Пруссія сдала Майнцъ и очистила путь въ Голландію. Обѣ эти державы хотѣли поживиться на счетъ Польши послѣ того, какъ побѣды Суворова отдали ее во власть Екатерины. 3-го января 1795 г. Россія и Австрія вошли между собою въ слѣдующее соглашеніе: 1) Австрія признаетъ второй раздѣлъ Польши; 2) Россія дѣлаетъ заявленіе о третьемъ ея раздѣлѣ; 3) обѣ державы заключаютъ между собою тайный союзъ для обузданія притязаній Пруссіи. Переговоры о третьемъ раздѣлѣ Польши велись совмѣстно съ переговорами о мирѣ между Франціей и Пруссіей; послѣ заключенія Базельскаго мира (5-го апрѣля 1795 г.) они продолжались при все усиливавшейся взаимной враждѣ двухъ нѣмецкихъ дворовъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ раздора былъ Краковъ съ прилежащей къ нему территоріей: Пруссія находила, что ей необходимо владѣть этими землями для огражденія Силезіи отъ нападенія со стороны Австріи; Австрія же считала ихъ обладаніе гарантіей неприкосновенности Галиціи со стороны Пруссіи. Въ концѣ концовъ Пруссія отказалась отъ Кракова, потребовавъ себѣ взамѣнъ всю восточную часть этого воеводства. Наконецъ, 24-го октября 1795 г. были подписаны въ Петербургѣ два трактата: одинъ между Россіей и Пруссіей, другой между Россіей-же и Австріей; они были дополнены нѣсколькими конвенціями *). Въ результатѣ Пруссія получила Варшаву и западную часть Краковскаго воеводства, Австрія пріобрѣла Краковъ, Сандоміръ, Люблинъ и часть Мазовіи, такъ что территорія ея врѣзывалась клиномъ во владѣнія Пруссіи и Россіи, доходя почти до самой Варшавы; Россія, присоединила къ себѣ Литву и остальныя земли вплоть до Западнаго Буга и Нѣмана. Кромѣ того, она низложила послѣдняго герцога Курляндіи, Петра Бирона, и заявила объ инкорпораціи этой области. Слѣдуетъ замѣтить, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ Россія не заняла ни одной пяди земли съ кореннымъ польскимъ населеніемъ. 25 ноября 1795 г., въ тридцать первую годовщину своей коронаціи, король Станиславъ отрекся отъ польской короны и согласился получать пенсію въ 200.000 золотыхъ. Онъ былъ дряхлымъ, совершенно разбитымъ старикомъ, когда ему пришлось присутствовать на коронаціи Павла I-го. Новый императоръ велѣлъ ему передать,

*) 10-го октября 1796 года—третейское рѣшеніе Екатерины по вопросу о разграниченіи австрійскихъ и прусскихъ пріобрѣтеній въ Польшѣ; 5-го декабря 1796 г. и 20-го января 1797 года—соглашеніе объ окончательномъ раздѣлѣ Польши, съ присовокупленіемъ акта отреченія короля Станислава; 31-го января 1797 года актъ окончательнаго разграниченія Краковскаго воеводства.

чтобы онъ *стоялъ* втеченіе всей церемоніи. Онъ умеръ 12 февраля 1797 года.

Роль Франціи въ польскихъ революціонныхъ движеніяхъ. Въ 1791 году дипломатическимъ агентомъ конституціонной Франціи въ Варшавѣ былъ Декоршъ (инструкціи 9-го мая). Ему было предписано внимательно слѣдить за реформаторской дѣятельностью сейма, но французскій король отнюдь не имѣлъ «намѣренія вліять на ходъ дѣлъ». Когда, вскорѣ послѣ присоединенія короля Станислава къ тарговицкой конфедераціи, во Франціи была отмѣнена королевская власть, Декоршу было предложено удалиться изъ Варшавы (22-го августа 1792 г). Онъ оставилъ тамъ только дипломатическаго агента—Бонно, который съ болью видѣлъ, какъ польскій дворъ—изъ холопства передъ Россіей—облачается въ трауръ по случаю казни Людовика XVI, и былъ даже вынужденъ спустить трехцвѣтный флагъ. Когда русскіе заняли Варшаву, онъ былъ арестованъ (7-го марта 1793 года) и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда его выпустили только въ 1797 г., по ходатайству прусскаго короля. О поѣздкѣ Костюшка въ Парижъ мы уже говорили. Первымъ дѣломъ инсуррекціоннаго польскаго правительства было — послать Барса въ качествѣ своего уполномоченнаго при конвентѣ; но французамъ была непонятна приверженность поляковъ къ своему королю и государственному устройству, имѣвшему много общаго съ тѣмъ, которое сами они отмѣнили 10-го августа; они порицали Костюшка за суровую расправу съ виновниками тюремной рѣзни. Тѣмъ не менѣе 21-го брюмера III года (11-го ноября 1794 года) гражданинъ Парандье былъ отправленъ въ качествѣ уполномоченнаго въ Варшаву. Онъ долженъ былъ изслѣдовать, имѣетъ ли Франція шансы найти съ этой стороны существенную поддержку и есть ли надежда «упрочить пріобрѣтенія польской революціи, обезпечивъ независимость страны отъ внѣшнихъ враговъ, а общественную свободу отъ гнета аристократіи». Парандье долженъ былъ выяснить полякамъ, что «въ дѣлѣ французской республики заинтересованы всѣ народы: своими первыми успѣхами польское возстаніе всецѣло обязано нашей упорной борьбѣ противъ коалиціи деспотовъ». Но не надо было забывать, что Францію отдѣляло отъ Польши громадное разстояніе. Безспорно, что польское возстаніе оказало намъ неоцѣненную услугу, отвлекши силы Австріи и Пруссіи отъ Рейна къ Вислѣ, сосредоточивъ на себѣ вниманіе державъ, возбуждая между ними соперничество и содѣйствуя такимъ образомъ разложенію коалиціи, — тѣмъ не менѣе французская республика ничего не могла бы сдѣлать для Польши.

Плѣнники; эмигранты; польскіе легіоны.—Слова *Finis Poloniae* (конецъ Польшѣ), сказанныя будто бы раненымъ Костюшкомъ на полѣ сраженія при Мацѣовицахъ,—сущая легенда и были опровергнуты имъ же самимъ. Польша еще не погибла. Ей предстояло возродиться во французскихъ революціонныхъ арміяхъ и—подъ знаменами Наполеона блестяще отмстить за свои пораженія тремъ подѣлившимъ ее державамъ.

Дѣятели 3-го мая 1791 г. и военнаго столкновенія 1794 г., попавшіе въ руки побѣдителей, были распредѣлены между ними слѣдующимъ образомъ: Коллонтай, Зайончекъ, Станиславъ Потоцкій были первоначально въ плѣну у австрійцевъ; Мадалинскій, Грабовскій, Нѣмоёвскій—у пруссаковъ; Капостасъ, Килинскій, Игнатій Потоцкій, Вавржецкій, Мостовскій, Закржевскій, Нѣмцевичъ, Костюшко — въ Россіи. Павелъ I, будучи еще великимъ княземъ, преклонялся передъ Костюшкомъ, какъ «мученикомъ за отечество»; послѣ своего восшествія на престолъ онъ имѣлъ съ нимъ трогательное свиданіе въ Шлиссельбургской крѣпости; это была поистинѣ памятная встрѣча властителей двухъ величайшихъ славянскихъ народностей. Не убѣдивъ Костюшка перейти на русскую службу, императоръ далъ свободу, какъ ему, такъ и большинству его товарищей по плѣну. Костюшко отправился въ Америку, потомъ въ Англію и, наконецъ, поселился въ Фонтенебло, гдѣ онъ жилъ небольшой пенсіей, назначенной ему Соединенными Штатами въ память его заслугъ во время войны за независимость.

Литовскіе магнаты держали себя менѣе самостоятельно: имъ важно было отстоять свою земельную собственность отъ захвата со стороны екатерининскихъ фаворитовъ. Адамъ Чарторижскій съ братомъ, взятые въ Петербургъ въ качествѣ заложниковъ для лучшаго обезпеченія преданности ихъ

родственниковъ русскому правительству, ничѣмъ не пренебрегали, чтобы добиться освобожденія своихъ владѣній отъ секвестра. Они служили украшеніемъ на пріемахъ императрицы, ухаживали за наглымъ фаворитомъ Зубовымъ, поступили на русскую службу и завязали пріятельскія отношенія съ будущимъ императоромъ Александромъ; результатомъ этой дружбы было провозглашеніе въ 1815 г. «конституціоннаго польскаго королевства».

Возстановленіе боевой славы польской арміи и основаніе наполеоновскаго «великаго герцогства варшавскаго» имѣло совершенно другой источникъ. Эмигранты, добровольно покинувшіе родину, и бывшіе плѣнники, частью отпущенные на свободу, частью бѣжавшіе,—образовали въ Европѣ двѣ группы: французскую и восточную (послѣдняя охватывала Турцію, Румынію, Саксонію и Венецію). Во главѣ первой стоялъ Барсъ; вторая имѣла при турецкомъ правительствѣ своего представителя въ лицѣ Михаила Огинскаго. Въ сентябрѣ 1795 г. одинъ изъ проживавшихъ въ Парижѣ поляковъ, Вибицкій, задумалъ созвать парламентъ польскихъ эмигрантовъ подъ покровительствомъ французской республики. Но національному пробужденію польскаго народа суждено было совершиться не въ парламентскихъ стѣнахъ, а въ военныхъ лагеряхъ. Благодаря посредничеству Сулковскаго, назначеннаго во время итальянской кампаніи адъютантомъ Бонапарта, Огинскому удалось установить отношенія съ побѣдителемъ при Арколѣ и съ генераломъ Оберъ-Дюбайе, нашимъ посломъ въ Константинополѣ. Послѣдній обнадеживалъ поляковъ перспективой скорой войны между Россіей и Портой; въ такомъ случаѣ у нихъ явится возможность проникнуть въ Россію со стороны Турціи; директорія пришлетъ имъ на помощь 30.000-ное войско; самъ онъ, Оберъ-Дюбайе, будетъ ихъ вождемъ. Въ 1797 году горсть патріотовъ, слишкомъ горячихъ для выжидательной политики, вторглась въ Галицію: 15 человѣкъ было убито, 12—повѣшено. Практическіе совѣты—вооружаться и изучать современную тактику, которые Наполеонъ давалъ полякамъ черезъ Сулковскаго и Огинскаго, были приведены въ исполненіе при организаціи «польскихъ легіоновъ» въ Италіи, находившихся подъ начальствомъ Домбровскаго. Подъ его знамена стекались и бывшіе солдаты, и отважные, горячіе патріоты изъ дворянъ, лишившихся вслѣдствіе эмиграціи всякихъ средствъ къ существованію. Въ виду того, что конституція III года запрещала директоріи содержать иноземныя войска, они были приняты на службу въ Цизальпинскую республику; ей было разрѣшено заключить съ ними слѣдующій договоръ (9-го января 1797 г): новыя войска должны были называться «польскими вспомогательными легіонами Ломбардіи»; они сохраняли польскій мундиръ и головной уборъ, извѣстный подъ названіемъ чапски (czapska); къ итальянскимъ національнымъ цвѣтамъ присоединялась французская кокарда, какъ «принадлежность всякаго свободнаго человѣка»; въ нихъ видѣли «братьевъ, а не иноземное войско»; они были поставлены подъ охрану ломбардскаго городового права. Образованіе этихъ легіоновъ было объявлено 20-го января въ прокламаціи Домбровскаго, составленной на четырехъ языкахъ (польскомъ, итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ). Его маленькая армія состояла приблизительно изъ 5.000 человѣкъ (1 батальона гренадеръ, 1 батальона егерей, 2 батальоновъ карабинеровъ и 2 артиллерійскихъ ротъ). Она отличилась въ кампанію 1797 г., и послѣ битвы при Тагліаменто съ радостью двинулась на Вѣну. Мирные договоры въ Леобенѣ и Кампо-Форміо разрушили надежды поляковъ. Барсъ, Вибицкій и Прозоръ предложили тогда созвать въ Миланѣ польскій сеймъ и провозгласить конституцію 3-го мая; но для приведенія ея въ дѣйствіе нуженъ былъ король, а Станиславъ отказался отъ короны. Дѣло ограничилось тѣмъ, что эмигранты выработали себѣ нѣчто вродѣ политической организаціи, сосредоточивъ военную власть въ рукахъ Домбровскаго и ввѣривъ гражданскую Малаховскому. Огинскій написалъ свой знаменитый «маршъ польскихъ легіоновъ» или «маршъ Домбровскаго», оглашавшій впослѣдствіи поля сраженій и даже улицы Варшавы и Москвы.

Зайончекъ сопровождалъ Бонапарта въ Египетъ. Многіе поляки отличились во время войны со второй коалиціей. Такъ, Княжевичъ взялъ Капитолій, провозгласилъ римскую республику, возстановилъ отправленіе богослуженія въ національной польской церкви, основанной въ Римѣ еще въ 1580 году, разыскалъ тамъ мечъ Соб-

скаго и главное знамя, взятое поляками въ битвѣ при Каленбергѣ. Послѣ занятія Неаполя войсками Шампіоннэ, ему было поручено отвезти въ Парижъ неаполитанскія знамена. Поляки храбро сражались при Кассано, при Требіи, при Нови, Цюрихѣ и Маренго. Позднѣе мы встрѣчаемъ ихъ, подъ начальствомъ Яблоновскаго, въ Санъ-Доминго. Но только Аустерлицъ, Іена, Фридландъ и Бородино открыли имъ столицы Австріи, Пруссіи и Россіи.

III. Екатерина II и французская революція.

Русское общественное мнѣніе и революція. Сегюръ даетъ подробное описаніе впечатлѣнія, которое произвела въ Петербургѣ вѣсть о взятіи Бастиліи *). Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ Петербургѣ проживала масса иностранцевъ, и городъ носилъ чуть не космополитическій характеръ. Что касается самихъ русскихъ, то высшіе классы были до такой степени пропитаны французской культурой, что невольно почувствовали симпатію къ первымъ шагамъ революціи, истинный характеръ и размѣры которой не могли быть оцѣнены ими по достоинству. Но эта же самая французская культура, — плоть отъ плоти стараго порядка, — заставила ихъ быстро перейти въ лагерь враговъ новаго строя. Ихъ сочувствіе революціи было такъ же непродолжительно, какъ эфемерныя симпатіи французскаго дворянства. Настроеніе эмигрантовъ сдѣлалось впослѣдствіи господствующимъ и въ высшихъ классахъ Россіи. Можно, правда, привести отдѣльные случаи, когда русскіе, бывшіе проѣздомъ въ Парижѣ, съ восторгомъ принимали участіе въ первыхъ событіяхъ революціи: двое Голицыныхъ, съ ружьями въ рукахъ, присутствовали при взятіи Бастиліи; Строгановъ со своимъ преподавателемъ Роммомъ *) являлся на засѣданія якобинскаго клуба и т. д. Но эти исключенія ничего не говорятъ объ общемъ настроеніи всего правящаго класса. «С.-Петербургскія Вѣдомости», шедшія въ хвостѣ ультрароялистскихъ изданій Парижа, вскорѣ измѣнили общественное мнѣніе русской столицы.

Настроеніе императрицы. Екатерина II съ самаго начала прониклась ненавистью къ французской революціи, которая лишала ее вѣрнаго союзника въ лицѣ Людовика XVI и являлась опаснымъ примѣромъ для остальныхъ народовъ Европы. Въ ея письмахъ презрѣніе чередуется съ негодованіемъ, насмѣшка зачастую переходитъ въ угрозу. Для нея революція — «проказница»; учредительное собраніе — «гидра о двухстахъ головахъ», скопище адвокатовъ, прокуроровъ, мыловаровъ и башмачниковъ, вообразившихъ себя законодателями, шайка безумцевъ и извергов. Даже наиболѣе умѣренныя партіи вызываютъ въ ней негодованіе: Монморанси и Ноайль, участвовавшіе ночью 4-го августа въ отмѣнѣ дворянскихъ привилегій, — «негодяи»; Ламетъ — «бѣшеный»; члены конституанты — «породили всѣ бѣдствія настоящаго и будущаго»; Лафайетъ — «революціонная башка». Она съ презрѣніемъ отзывалась о слабости Людовика XVI, который пьянъ каждый вечеръ; «имъ вертитъ всякій, кто хочетъ». Подобно нашимъ

---

*) «При дворѣ всѣ были крайне обезпокоены и недовольны; въ городѣ же впечатлѣніе было какъ-разъ противоположное; хотя Бастилія не представляла никакой опасности петербургскимъ обывателямъ, разрушеніе ея и первыя бурныя проявленія свободы возбудили среди мѣстныхъ негоціантовъ, купцовъ, буржуа и отчасти среди молодежи высшихъ классовъ восторгъ, не поддающійся описанію. Всѣ безъ разбору, — французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы, — встрѣчаясь на улицахъ, цѣловались, точно сами они освободились отъ тяжелаго, непосильнаго для нихъ бремени». Сегюръ прибавляетъ: «это почти неправдоподобное безумie продолжалось лишь очень короткое время; страхъ парализовалъ первый порывъ».

*) Роммъ, будущій членъ конвента и одинъ изъ авторовъ революціоннаго календаря, былъ долгое время воспитателемъ въ семьѣ Строгановыхъ. Братъ Марата жилъ впродолженіе всей революціи въ Россіи, но вынужденъ былъ скрывать свое страшное имя подъ аристократической фамиліей де-Будри; впослѣдствіи онъ былъ преподавателемъ царскосельскаго лицея; зато Сибуръ, — воспитатель великихъ княженъ, — и Пюже, — библіотекарь императрицы, — были сосланы въ Сибирь.

эмигрантамъ, она лицемѣрно утверждала, что король — плѣнникъ въ собственномъ дворцѣ. Вмѣстѣ съ Густавомъ III она участвовала въ заговорѣ, подготовившемъ бѣгство въ Вареннъ: ея представитель въ Парижѣ, Симолинъ, выдалъ паспортъ на имя баронессы Корфъ, по которому должно было ѣхать все королевское семейство. Ложная вѣсть о счастливомъ исходѣ предпріятія чрезвычайно обрадовала ее; истина же горько разочаровала. Когда король принялъ конституцію 1791 г., она воскликнула: «что жъ! его величество Людовикъ XVI бросаетъ вамъ въ лицо свою подпись подъ этой вздорной конституціей и спѣшитъ надавать обѣщаній, которыя не думаетъ исполнять». Екатерина изумлялась образу дѣйствій королевской четы: «мужъ говоритъ одно, жена—другое».

Реакція въ Россіи. Въ образѣ мыслей императрицы совершился крутой переворотъ. Былая покровительница философовъ стала упрекать философію за будто бы вызванную ею революцію. Бюстъ Вольтера былъ перенесенъ на чердакъ. Лихорадочная дѣятельность полиціи, вскрытіе писемъ, строжайшая цензура на всѣ иностранныя и русскія изданія — являются отличительными чертами конца великаго царствованія. Франкмасоны, *мартинисты, иллюминаты* и «вольнодумцы» подвергаются преслѣдованію. Между тѣмъ эти мнимые либералы отличались крайней умѣренностью своихъ взглядовъ; правда, они роптали на злоупотребленія со стороны чиновниковъ, но не касались самой императрицы; безспорно, что они устраивали складчину, чтобы посылать своихъ сыновей учиться въ Западную Европу, но при этомъ они чувствовали только отвращеніе къ «той ложной свободѣ, которая разрушаетъ европейскія государства», къ «дьявольскому бѣшенству, овладѣвшему міромъ», къ «такъ называемой свободѣ или, вѣрнѣе, изступленію французовъ». Наиболѣе выдающійся изъ этихъ вольнодумцевъ, Иванъ Новиковъ, литературный сотрудникъ императрицы, издавна пользовавшійся ея расположеніемъ, былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и въ конецъ разоренъ конфискаціей принадлежавшихъ ему типографій, книжныхъ лавокъ и остального имущества. Радищевъ, позволившій себѣ въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» описать то потрясающее впечатлѣніе, которое произвела на него продажа людей съ аукціона, былъ сосланъ въ Сибирь той самой Екатериной II, которая въ 1768 году занималась вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Когда, въ 1793 г., княгиня Дашкова осмѣлилась издать трагедію Княжнина (умершаго въ 1791 г.) «Вадимъ Новгородскій», императрица, возмущенная намеками на прежнюю новгородскую вольность, хотѣла сжечь рукою палача посмертное произведеніе выдающагося писателя. Канули въ вѣчность времена, когда Екатерина II хвалилась тѣмъ, что дастъ пріютъ въ Петербургѣ всему тому, что преслѣдуется въ Парижѣ.

Проекты Екатерины II противъ революціи. Въ Петербургѣ были представители трехъ различныхъ французскихъ правительствъ: Женэ,—уполномоченный конституціоннаго правительства; маркизъ Бомбель,—тайный эмиссаръ короля и королевы; Эстергази,—агентъ принцевъ крови и эмигрантовъ. Въ сентябрѣ 1791 г. Женэ было запрещено являться ко двору. Бомбеля принимали холодно; въ немъ видѣли представителя «плѣннаго» короля, который къ тому же «самъ не знаетъ, чего хочетъ»; одинъ Эстергази былъ въ милости; онъ допускался въ интимный кругъ императрицы, любившей слушать, какъ его сынъ поетъ «Ça ira» (наша возьметъ) и другіе революціонные гимны. Послѣ бѣгства въ Вареннъ она приняла къ себѣ на службу Буйе. Въ 1792 г. составленъ былъ проектъ насильственнаго возстановленія во Франціи монархическаго правленія; Екатерина II полагала, что для этого было бы достаточно 10.000 человѣкъ: «примѣръ Бельгіи доказываетъ, на какое слабое сопротивленіе способна анархія». Она убѣждала Гримма, что можно было-бы ограничиться даже 2.000 казаковъ и 6.000 кроатовъ. Послѣ реставраціи короля, можно будетъ возстановить парламенты, возвратить духовенству его имущества, дворянству и отдѣльнымъ мѣстностямъ — ихъ древнія привилегіи и права.

Разрывъ съ Франціей. Еще до переворота 10-го августа, Женэ, все время подвергавшійся оскорбленіямъ, получилъ приказъ удалиться изъ Петербурга въ недѣльный срокъ (іюль 1792 г.). Казнь Людовика XVI произвела на императрицу столь сильное впечатлѣніе, что она слегла въ

постель, «больная отъ огорченія». Желая отомстить Франціи, она тотчасъ же прекратила дѣйствіе торговаго договора, заключеннаго между обѣими странами, запретила нашимъ судамъ входить въ русскія гавани, а русскій хлѣбъ вывозить въ голодавшую Францію, сдѣлала распоряженіе о выселеніи изъ предѣловъ государства всѣхъ французовъ, которые не захотятъ клятвенно отречься отъ «безбожныхъ и разрушительныхъ принциповъ..., осуществленныхъ (въ ихъ отечествѣ) узурпаторами власти», а также отъ «преступленія, содѣяннаго этими чудовищами надъ особой короля». Тысячи французовъ должны были принять эту присягу и такимъ образомъ подвергнуть свои семьи, оставшіяся во Франціи, преслѣдованію и мести революціоннаго правительства. Нашъ консулъ, Пато д'Орфланъ, былъ изгнанъ. Въ 1794 г., по приказу Екатерины II, та же участь постигла полковника Лагарпа (изъ кантона Во), бывшаго наставникомъ великихъ князей, Александра и Константина.

Послѣ столь рѣзкаго разрыва съ Франціей, казалось бы, Екатерина II должна была, не теряя ни минуты, присоединить свои войска къ арміямъ коалиціи. Ничуть не бывало! Еще съ начала 1792 г. она разсчитывала, что Австрія, короли прусскій и шведскій вернутъ Францію на путь истинный *). Окончательно уступивъ Россіи Нишлотъ и Гогфорсъ по договору, заключенному въ октябрѣ 1791 года въ Дротнингольмѣ, Густавъ III примирился съ Россіей и предлагалъ выставить 16.000 шведовъ, которые бы вмѣстѣ съ 6.000 русскихъ солдатъ сѣли на англо-русскую эскадру и произвели десантъ въ Нормандіи. 16 марта 1792 года онъ былъ убитъ членомъ олигархической партіи Анкарстрёмомъ. Екатерина II, видѣвшая всюду и вездѣ однихъ только «якобинцевъ», заявила, что эта смерть—дѣло ихъ рукъ. Когда пруссаки были разбиты при Вальми, она не скрывала своего презрѣнія къ Брауншвейгу.

Французская эмиграція въ Россію; причины бездѣйствія Екатерины II. Однимъ изъ послѣдствій побѣды при Вальми было то, что наши эмигранты были изгнаны изъ Майнца и Турина и въ небываломъ количествѣ стали стекаться въ Россію. Царица гордилась тѣмъ, что ея столица «служитъ убѣжищемъ для всѣхъ громкихъ именъ, гонимыхъ во Франціи»: къ ея двору явились Сенъ-При, Шуазель-Гуффье (бывшіе послы короля), Калонъ, Сомбрейль, графъ Тулузъ-Лотрекъ, впослѣдствіи — принцъ Конде. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Роже-де-Дама, Ланжеронъ и герцогъ Ришельё, были люди очень выдающіеся и имѣютъ передъ Россіей крупныя заслуги. Другіе не принесли съ собой ничего, кромѣ унынія, суетности и наглости. Находились и такіе, которыхъ можно было обвинить въ распространеніи тѣхъ самыхъ революціонныхъ идей, изъ-за осуществленія которыхъ они покинули родину.

Весной 1793 года въ Петербургъ пріѣхалъ графъ Артуа. Императрица встрѣтила его «съ почетомъ, который подобалъ сыну Франціи», обѣщала ему денежную помощь для веденія священной войны, вручила ему шпагу, чашка которой была украшена алмазами, а на клинкѣ было написано: «съ Богомъ за короля!»—«Я вполнѣ убѣждена,—сказала она принцу, что вы скорѣе погибнете, чѣмъ отложите ея употребленіе». Графъ Артуа взялъ и деньги, и шпагу, но ни разу не былъ въ рядахъ сражающихся.

Король прусскій все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ «священному дѣлу» монарховъ. Висла мало-по-малу отвлекала его отъ Рейна и въ концѣ концовъ сосредоточила на себѣ все его вниманіе. Своимъ вмѣшательствомъ въ польскія дѣла онъ внушалъ Екатеринѣ II въ высшей степени серьезныя опасенія. Она даже подумывала воспользоваться противъ него военными дарованіями Булье. Король прусскій разглядѣлъ истинныя намѣренія императрицы, которыя она такъ тщательно скрывала подъ краснорѣчивыми призывами къ крестовому походу противъ «атеистовъ» и ядовитыми выходками противъ «проказницы». Вполнѣ откровенна она была только съ очень немногими, пользовавшимися ея полнымъ довѣріемъ. Въ 1791 г. она говорила Храповицкому: «я ломаю себѣ голову, чтобы подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія». Остерману: «многое еще не кончено; нужно,

*) Чтобы подзадорить двухъ королей, она умышленно противопоставляла въ своихъ письмахъ ихъ медлительности энергію французскихъ генераловъ, предвидя, что эти монархи перехватятъ ея корреспонденцію и узнаютъ о столь нелестномъ для нихъ сравненіи.

чтобы *они* были заняты и не становились мнѣ поперекъ дороги». Румянцеву: «я заняла опредѣленное положеніе, моя роль ясна: я буду наблюдать за турками, поляками и шведами... демократія обезсилила Швецію... Польша кишитъ якобинцами... демократы не даютъ покоя Турціи». Она находила болѣе выгоднымъ и менѣе опаснымъ имѣть дѣло съ польскими и турецкими «якобинцами», чѣмъ съ самими парижанами. Въ промежутокъ отъ 1793 до 1795 г. война Россіи съ Пруссіей была несравненно вѣроятнѣе, чѣмъ борьба противъ Франціи. Послѣ того, какъ Пруссія предательски заключила миръ въ Базелѣ и провела всю Европу, Сенъ-При сталъ побуждать императрицу къ скорѣйшему принятію мѣръ противъ Франціи, но она возразила: «съ какой стати мнѣ вмѣшиваться въ схватку, отъ которой уже отступились Испанія и Пруссія?» Въ іюнѣ ея посолъ въ Лондонѣ, Семенъ Воронцовъ, совѣтовался съ англійскими дипломатами, не пора ли наказать Пруссію за ея «вѣроломную» политику и «измѣну».

Послѣдніе дни Екатерины II. Екатерина II тогда только успокоилась относительно Пруссіи, когда былъ подписанъ договоръ о раздѣлѣ Польши (октябрь 1795 г.) и исчерпанъ самый польскій вопросъ. Но и тутъ она не обратилась противъ запада, противъ «безбожныхъ и нечестивыхъ французовъ», какъ называлъ ихъ Суворовъ, а начала войну съ Персіей и отправила туда войско, подъ начальствомъ Валерьяна Зубова, брата своего фаворита. Даже первыя побѣды Бонапарта въ Италіи и образованіе подъ сѣнью Франціи новыхъ республикъ,—цизальпинской, лигурійской, батавской,—не вызываютъ въ ней особыхъ опасеній. Она пишетъ Гримму (8-го іюля 1796 г.): «Вы слишкомъ увлекаетесь итальянскими дѣлами; предоставьте ихъ самимъ итальянцамъ». Въ ноябрѣ 1796 г. она снова возвращается къ своимъ проектамъ крестоваго похода: заготовляется рескриптъ съ назначеніемъ Суворова генералиссимусомъ 60.000-ной русской арміи, предназначенной для помощи Австріи; ведутся переговоры съ Питтомъ относительно субсидіи въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Была ли хоть этотъ разъ искренна Екатерина II? Ея скоропостижная кончина, 17-го ноября 1796 г., оставила этотъ вопросъ навсегда открытымъ. Впродолженіе своего царствованія Екатерина произвела не мало антиреволюціонныхъ демонстрацій, но такъ и умерла, не двинувъ противъ Франціи ни одного солдата; зато, разстроивъ коалицію, она оказала намъ несомнѣнную, вполнѣ осязательную услугу *).

*) Послѣдніе дни Екатерины были омрачены разстроившимся сватовствомъ сумасброднаго короля шведскаго Густава IV и ея внучки вел. кн. Александры Павловны.

Глава VII.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКТОРІЯ.
ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ
(1795—1799).

I. *Роялисты и якобинцы.*

Конституція III-го года. Въ исторіи революціи эта конституція явилась результатомъ антидемократической реакціи: она уничтожила всеобщее избирательное право, введенное 10 августа 1792 года, и посредствомъ ценза значительно съузила кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ голосованіи. Подобно тому, какъ это было въ 1789 и 1791 гг., на собственность стали смотрѣть, какъ на признакъ политическихъ способностей. Чтобы получить доступъ въ первичныя собранія, гражданинъ долженъ былъ уплачивать прямой налогъ, личный или съ недвижимости. Чтобы быть избирателемъ второй степени и принимать участіе въ избирательныхъ собраніяхъ, нужно было обладать на правахъ собственности или узуфрукта—имуществомъ, доходъ съ котораго равнялся бы, смотря по мѣстности,—ста, ста пятидесяти или двумъ стамъ дневнымъ заработкамъ. *Законодательный корпусъ* состоялъ изъ двухъ палатъ—*совѣта пятисотъ* и *совѣта старѣйшинъ* (изъ 250 членовъ). Каждое департаментское собраніе выбирало въ этотъ корпусъ всѣхъ мѣстныхъ представителей. Ежегодно оба совѣта обновляли свой личный составъ на одну треть. Нужно было достичь тридцати лѣтъ, чтобы имѣть право быть членомъ «совѣта пятисотъ», и, по меньшей мѣрѣ, сорока лѣтъ, чтобы участвовать въ «совѣтѣ старѣйшинъ». Инициатива законодательныхъ проектовъ принадлежала исключительно «совѣту пятисотъ», но проектъ получалъ силу закона только послѣ одобренія его «совѣтомъ старѣйшинъ». Исполнительная власть сосредоточивалась въ рукахъ *исполнительной директоріи,* состоявшей изъ пяти членовъ, достигшихъ сорокалѣтняго возраста. Составлялась директорія слѣдующимъ образомъ: совѣтъ пятисотъ посредствомъ тайной баллотировки выбиралъ въ десять разъ большее число лицъ сравнительно съ тѣмъ, которое должно было войти въ директорію; изъ этого списка совѣтъ старѣйшинъ назначалъ членовъ директоріи. Она обновлялась ежегодно на одну пятую своего состава, проще сказать, каждый годъ одинъ изъ членовъ по жребію выходилъ изъ состава директоріи, замѣщался другимъ и могъ снова войти въ нее не раньше, какъ черезъ пять лѣтъ. Каждый членъ предсѣдательствовалъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ и затѣмъ уступалъ свое мѣсто слѣдующему. Заботясь о внѣшней и внутренней безопасности республики, располагая вооруженными силами, имѣя право предавать суду и арестовывать, назначая главныхъ военачальниковъ и часть чиновниковъ, директорія не пользовалась тѣмъ не менѣе всей той полнотой правъ, какія имѣло революціонное правительство. Конституція выдѣляла изъ сферы его вліянія совершен-

но самостоятельное учрежденіе—національное казначейство, состоявшее изъ пяти членовъ, по выбору законодательнаго корпуса. Что касается отношеній съ иностранными державами, то директорія руководила дипломатіей и военными дѣйствіями; съ одобренія законодательнаго корпуса объявляла войну и заключала международные договоры.

Выборная департаментская администрація была сохранена, но число ея членовъ низведено до пяти, и, притомъ, она была всецѣло подчинена исполнительной власти. При каждомъ органѣ департаментскаго или муниципальнаго самоуправленія состоялъ *коммиссаръ*, котораго назначало и могло смѣнить въ любое время центральное правительство: онъ долженъ былъ слѣдить за строгимъ исполненіемъ законовъ. Департаменты сохранили свои прежнія названія, за исключеніемъ Парижа, который былъ переименованъ въ *департаментъ Сены*, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть прекращеніе его диктатуры. Дѣленіе на дистрикты было уничтожено. Коренное измѣненіе муниципальной организаціи было, пожалуй, самой характерной чертой въ конституціи III-го года. Мелкіе муниципалитеты были упразднены. Единицей самоуправленія сталъ *кантонъ*. *Кантональный муниципалитетъ* состоялъ изъ совокупности *муниципальныхъ агентовъ*, избранныхъ въ отдѣльныхъ коммунахъ. Парижъ образовалъ изъ себя кантонъ, подраздѣленный на двѣнадцать муниципалитетовъ, съ *центральнымъ бюро* для дѣлъ, которыя входили въ интересы всего Парижа, какъ одного цѣлаго.

Образованіе совѣтовъ и директоріи. Конвентъ, желая пережить самого себя, декретировалъ — какъ мы видѣли выше, — что каждое избирательное собраніе должно назначить двѣ трети своихъ представителей изъ числа членовъ конвента. Такимъ образомъ среди 750 депутатовъ будущаго законодательнаго корпуса должно было быть 500 конвентистовъ. Боясь, что нѣкоторыя собранія, войдя между собою въ соглашеніе, выберутъ однихъ и тѣхъ-же лицъ и такимъ образомъ обойдутъ «законъ», конвентъ потребовалъ, чтобы каждое изъ нихъ составило дополнительный списокъ съ тройнымъ количествомъ конвентистовъ, чтобы получилось надлежащее количество избранныхъ конвентистовъ, несмотря на совпаденія и отказы. Всѣ эти предписанія и предосторожности не привели къ желанному результату. Было переизбрано всего 379 конвентистовъ, въ томъ числѣ 124—по дополнительнымъ спискамъ; эти 379 принадлежали, по большей части, къ правой или *болоту* и придерживались политики жирондистовъ, вернувшихся къ власти. Тотчасъ же послѣ закрытія конвента, они образовали избирательное собраніе, чтобы назначить 104 конвентистовъ, которые вмѣстѣ съ депутатами отъ колоній, временно сохранившими свои полномочія, довели бы общее число конвентистовъ въ будущемъ законодательномъ корпусѣ до намѣченной цифры—500. Затѣмъ, посредствомъ жребія, а также слѣдуя указаніямъ конституціи относительно возраста, законодательный корпусъ раздѣлился на совѣтъ старѣйшинъ, засѣдавшій въ Тюльери, и совѣтъ пятисотъ, помѣщавшійся въ манежѣ. Старѣйшины избрали въ предсѣдатели Ла-Ревельеръ-Лепо; пятьсотъ—Дону. Во времена террора оба они подвергались преслѣдованіямъ за свои дружескія отношенія съ жирондистами. Этимъ избраніемъ большинство того и другого совѣта показало, что въ началѣ директоріальнаго періода оно было проникнуто духомъ либерализма, приверженностью къ республикѣ и ненавистью къ террору. Между тѣмъ, среди 250 депутатовъ, которые не засѣдали въ конвентѣ, было немало роялистовъ, либо скрывавшихъ свои воззрѣнія подъ прогрессивной личиной, либо еще не отдавшихъ себѣ отчета въ своихъ собственныхъ вожделѣніяхъ. Въ совѣтѣ пятисотъ къ нимъ принадлежали напримѣръ Лемереръ, Пасторэ, Ж. Эмэ, Жильберъ-Демольеръ, Симеонъ; среди старѣйшинъ—Барбэ-Марбуа, Дюпонъ-де-Немуръ, Матье Дюма, Порталисъ. Въ глубинѣ души они были по большей части сторонниками конституціи 1791 г., умѣренными монархистами, стоявшими на точкѣ зрѣнія правой законодательнаго собранія. Сначала они воздерживались отъ какихъ бы то ни было положительныхъ плановъ и соединились съ большинствомъ для борьбы противъ бывшихъ якобинцевъ, сторонниковъ конституціи 1793 г.,—республиканцевъ демократическаго оттѣнка.

8 брюмера IV года (30 октября 1795 г.) совѣты образовали исполнительную директорію изъ Ла-Ревельеръ-Лепо, Ревбеля, Сійеса, Ле-Турнера и Барраса. Сійесъ, по

обыкновенію державшійся спесиво и высокомѣрно, отказался отъ этого мѣста и былъ замѣненъ Карно. Всѣ директоры были членами конвента и высказались за смертную казнь Людовика XVI-го, за исключеніемъ, впрочемъ, Ревбеля, бывшаго въ то время въ отлучкѣ по порученію собранія. Ихъ чисто-республиканское настроеніе не подлежало никакому сомнѣнію и проявлялось гораздо ярче, чѣмъ у большинства законодательнаго корпуса; всѣ они были или, по крайней мѣрѣ, слыли за враговъ «якобинизма». Что касается ихъ личныхъ достоинствъ, то, за исключеніемъ Карно, это были очень посредственные, недалекіе люди, жившіе изо дня въ день, не умѣвшіе подняться до сколько-нибудь широкихъ задачъ государственнаго управленія. Ихъ двусмысленная, перемѣнчивая политика, лишенная внутренней силы и прямодушія, была всецѣло основана на балансированіи между крайними партіями справа и слѣва, на компромиссѣ то съ той, то съ другой.

Директорія назначила новыхъ министровъ, а именно Бенезеха—внутреннихъ дѣлъ, Мерлена (отъ Дуэ)—юстиціи, Обера-Дюбайе—военнымъ, Шарля Делакруа—иностранныхъ дѣлъ, Трюгэ—морскимъ, Годена—финансовъ (вскорѣ его замѣнилъ Фэпу). Декретомъ 13 нивоза IV года (3 января 1796 г.) была создана должность седьмого министра, а именно министра полиціи, и возложена на Мерлена (отъ Дуэ), а впослѣдствіи—на Шарля Кошона. Это не было солидарное между собою министерство, а лишь отдѣльные министры, исполнители приказовъ директоріи, отрѣзанные другъ отъ друга и порознь работавшіе въ своихъ департаментахъ: таково было требованіе конституціи.

Умиротвореніе Вандеи. Хотя Стофлэ и Шаретъ не складывали оружія, замиреніе Вандеи подвигалось очень быстро. Повстанцы были совершенно обезкуражены трусостью графа Артуа, который, высадившись на островъ Дьё, тотчасъ сѣлъ обратно на корабль, какъ будто считалъ свое дѣло окончательно проиграннымъ. Успѣхи республики, въ особенности миръ съ Испаніей,—позволили конвенту, а затѣмъ директоріи отправить въ Вандею 40 тысячъ солдатъ, закаленныхъ войнами съ коалиціей и легко переносившихъ всѣ трудности похода. Крестьяне утомились отъ столькихъ усилій и пораженій. Между тѣмъ генералъ Гошъ велъ очень искусную и твердую политику. Онъ охладилъ религіозное рвеніе и ненависть къ республикѣ, позволивъ не только отправлять богослуженіе въ храмахъ, какъ это было разрѣшено всѣмъ французамъ, но также совершать обряды и устраивать процессіи на улицахъ и площадяхъ. Какъ при старомъ порядкѣ, благовѣстъ сталъ снова разноситься по Вандеѣ, тогда какъ это было запрещено въ остальной Франціи. Беззаконный произволъ и насиліе «синихъ» по отношенію къ «бѣлымъ» влекли за собою суровое возмездіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гошъ приступилъ къ обезоруженію населенія, дѣйствуя съ неумолимой строгостью: у всѣхъ подозрительныхъ коммунъ онъ забиралъ скотъ, сельскохозяйственныя принадлежности, запасы зерна, и возвращалъ ихъ не иначе, какъ въ обмѣнъ на ружья. Въ одно и то же время онъ успокаивалъ мирныхъ жителей и устрашалъ инсургентовъ; разсчетливо уступая въ одномъ, онъ безпощадно настаивалъ на другомъ.

По внушенію ловкаго интригана и быть можетъ даже предателя аббата Бернье, Стофлэ сдѣлалъ попытку войти въ соглашеніе съ Гошемъ, и 21 фримера IV года (12 декабря 1795 г.) имѣлъ съ нимъ свиданіе, которое, впрочемъ, не привело ни къ какимъ результатамъ. Вскорѣ онъ снова взялся за оружіе. Захваченный на фермѣ Согреньеръ, куда пригласилъ его аббатъ Бернье для совѣщанія съ другими главарями роялистовъ, онъ защищался до послѣдней возможности и отдался въ руки республиканцевъ только послѣ того, какъ былъ тяжело раненъ въ лобъ. Его отправили въ Анжеръ, судили въ военной коммиссіи и разстрѣляли 6 вантоза IV года (25 февраля 1796 г.)

Шарета постигла та же участь. Онъ боролся съ энергіей отчаянія, но подъ его начальствомъ была теперь лишь небольшая горсть единомышленниковъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ республиканцами, онъ получилъ три раны и попалъ въ плѣнъ къ непріятелю. Его судили въ нантской военной коммиссіи. Осужденный къ смерти, послѣ долгаго допроса, онъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ сказалъ: «я боролся и умираю за мое отечество, мою религію и моего короля». Его казнили 9 жерминаля IV года (29 марта 1796 г.).

Руководительство возстаніемъ перешло въ руки д'Отишана, но у него не было уже вандейской арміи, и черезъ нѣсколько недѣль онъ вынужденъ былъ покориться точно такъ же, какъ Сепо и Сапино. Подвижныя колонны генерала Траво, исходившія страну вдоль и поперекъ, обезпечили окончательное торжество республики, а продолженіе гуманной и въ то же время суровой политики Гоша содѣйствовало успокоенію умовъ. Борьба бретонскихъ шуановъ прекратилась далеко не такъ быстро: подъ начальствомъ искуснаго вождя графа де-Фроттэ, они проникли даже въ Нормандію. Но только въ VII году, въ періодъ дипломатическихъ и военныхъ неудачъ директоріи, можно было опасаться этого движенія.

Общественное мнѣніе и партіи въ началѣ дѣятельности директоріи. Франція все еще воевала съ Австріей и Англіей. Знаменитые трактаты, заключенные въ Базелѣ, спасли нашу независимость и возвѣстили грядущее величіе Франціи, но не положили предѣла разорительной борьбѣ съ иноземцами, которую приходилось вести болѣе трехъ лѣтъ,—не прекратили безпрерывной траты крови и денегъ и даже не сулили ея скораго окончанія. Терроръ исчезъ, но горячка, какое-то физическое и нравственное недомоганіе еще осталось; всѣ чувствовали отвращеніе къ политикѣ, недовѣріе къ ея руководителямъ. Былые вожди возрожденной Франціи погибли на эшафотѣ; народъ не видѣлъ болѣе крупной фигуры, которая бы воплощала его будущее, не слышалъ мощнаго голоса, который бы звалъ его впередъ. Якобинская организація была уничтожена конституціей III-го года, и не было больше силы, которая бы направила къ одной цѣли всѣ помыслы и порывы. Народъ кидался изъ стороны въ сторону, приходилъ въ безпокойство, переставалъ понимать то, что происходило передъ его глазами. Почему такъ долго тянется революція? Почему послѣ столькихъ внутреннихъ и внѣшнихъ побѣдъ приходится переносить столько страданій? Отчего курсъ на ассигнаціи все падаетъ и падаетъ? Отчего такъ трудно жить? Продовольствіе и финансы—вотъ два главныхъ и почти единственныхъ вопроса, которые занимали Францію въ началѣ и чуть не втеченіе всего директоріальнаго періода. Въ главѣ, посвященной экономической исторіи, они будутъ разсмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ. Можно сказать, что Франція утомилась отъ безпрерывныхъ волненій и не могла дождаться, когда, наконецъ, къ ней вернутся миръ и благосостояніе,—не анархическій, жалкій миръ стараго порядка, а миръ законности, братства, свободы и богатства, который возвѣстила ей революція. Народъ желалъ сохранить всѣ ея политическія и соціальныя пріобрѣтенія, въ томъ числѣ и республику. Это доказывается тѣмъ, что роялисты, засѣдавшіе въ совѣтѣ старѣйшинъ и совѣтѣ пятисотъ, не рѣшались сдѣлать предложеніе о возстановленіи монархіи. Но большинство не хотѣло террористической, якобинской республики. Раны, нанесенныя терроромъ, еще не зажили и были попрежнему мучительны. Всякій, кто говорилъ объ ихъ излѣченіи, могъ разсчитывать на популярность. Изъ какихъ бы устъ ни раздавались протесты противъ террора, изъ устъ передового республиканца или завзятаго роялиста, они встрѣчали общее сочувствіе. Немудрено, что они вскорѣ вылились въ однообразную, законченную форму и стали повторяться изо дня въ день чуть не со всѣхъ трибунъ и почти во всѣхъ газетахъ.

Наименѣе популярной въ это время была партія, которую называли террористической, якобинской или анархической. Это были бывшіе монтаньяры, люди II-го года, республиканцы-демократы, противники имущественнаго ценза III-го года и болѣе или менѣе явные сторонники конституціи 1793 г. Плачевное экономическое положеніе Франціи заставляло ихъ—отчасти по тактическимъ соображеніямъ, отчасти по теоретическому убѣжденію—склоняться къ коммунистическому соціализму. Правда, изъ ихъ среды выступало очень мало ораторовъ въ совѣтахъ, но въ ихъ распоряженіи было нѣсколько періодическихъ изданій; въ «Газетѣ свободныхъ людей» они неутомимо прослѣживали успѣхи роялизма, отмѣчали всѣ послѣдствія и проявленія «бѣлаго террора», обвиняли директорію въ бездарности и измѣнѣ. Въ монастырѣ св. Женевьевы у нихъ былъ клубъ *Пантеона*, гдѣ говорили въ духѣ прежнихъ якобинцевъ; однако сами они считали невозможнымъ возстановить старое названіе. Можно предполагать, что на ихъ сторонѣ стояло лишь меньшинство парижскаго населенія и

что они не оказывали уже вліянія на провинціи.

Народъ не связывалъ «бѣлаго террора» съ роялизмомъ: онъ видѣлъ въ немъ лишь рядъ отдѣльныхъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга преступленій. Ходили кое-какіе, крайне неопредѣленные, слухи относительно происковъ Людовика XVIII за предѣлами Франціи, а также о распространяемыхъ имъ прокламаціяхъ; но большинство видѣло въ арміи надежную гарантію противъ возвращенія Бурбоновъ. Между тѣмъ страна кишѣла роялистами, выдававшими себя за республиканцевъ: то были агенты претендента, втихомолку составлявшіе заговоры, журналисты и депутаты, хотѣвшіе якобы лишь смягчить крайности революціи, не посягая на ея основныя пріобрѣтенія. Въ ихъ рукахъ были слѣдующія изданія: «Ежедневникъ», «Молнія» или «Всемірный Вѣстникъ», «Правда» (Véridique) и «Зеркало». Можно скорѣе догадаться, чѣмъ подмѣтить существованіе двухъ скрытыхъ теченій: одного чисто-роялистскаго, стремившагося цѣликомъ возстановить старый порядокъ, за исключеніемъ его крайнихъ злоупотребленій, и посадить на престолъ Людовика XVIII-го; другого, монархически - конституціоннаго, останавливавшаго свой выборъ на томъ-же Людовикѣ XVIII съ условіемъ, чтобы онъ призналъ конституцію 1791 года, въ противномъ же случаѣ предпочитавшаго провозгласить королемъ герцога Шартрскаго. Какъ впослѣдствіи говорилъ Жанъ де-Бри въ своемъ докладѣ отъ 10 вантоза V года, были приверженцы «Капетовъ Бланкенбурга», т. е. Людовика XVIII-го и стараго порядка, и сторонники «Капетовъ Гамбурга», т.-е. старшаго сына Филиппа-Равенство. Первые составили партію аристократовъ, вторые—орлеанистовъ. Члены двухъ верховныхъ совѣтовъ, бывшіе участниками или слѣпыми орудіями этихъ заговоровъ, оффиціально—«умѣренные», вскорѣ образовали, въ числѣ около 80 человѣкъ, знаменитый клубъ «Общество Клиши», къ которому присоединилось много недовольныхъ, не входившихъ въ составъ законодательнаго корпуса. Общественное мнѣніе либо игнорировало, либо презирало этихъ салонныхъ политикановъ и великосвѣтскихъ крамольниковъ. Тѣмъ не менѣе они волновали страну, пользуясь содѣйствіемъ ослушныхъ священниковъ.

Между якобинцами и роялистами стояла правительственная конституціонная партія, старавшаяся проводить либеральную примирительную политику. Она стремилась править въ интересахъ «буржуазіи», т.-е. привилегированныхъ гражданъ, имѣвшихъ исключительное право участвовать въ политической жизни страны. Она пыталась водворить въ республикѣ тотъ самый либерально-цензитарный строй, который хотѣли ввести въ монархіи конституанта и законодательное собраніе. Народъ не поддерживалъ и не понималъ этой партіи, сваливая на нее отвѣтственность за все, что ему приходилось терпѣть, вслѣдствіе темныхъ сторонъ экономическаго строя, неудачъ на войнѣ и ошибокъ дипломатіи.

Всѣ партіи существовали какъ бы въ воздухѣ, не чувствуя почвы подъ ногами. Широкія народныя массы не слушали и не откликались на ихъ призывы. Казалось, нація не интересовалась уже политикой, заботясь болѣе о своихъ ближайшихъ нуждахъ, чѣмъ объ идеяхъ революціи.

Заговоръ Бабёфа; событіе въ гренельскомъ лагерѣ. «Ненависть къ королевской власти и къ конституціи 1793 г.» — эта формула присяги, обязательная для всѣхъ чиновниковъ, передаетъ суть политики директоріи и обоихъ совѣтовъ. Впрочемъ, жирондистское и умѣренное большинство законодательнаго корпуса дѣлало видъ, что ждетъ опасности скорѣе слѣва, чѣмъ справа. Если оно согласилось исключить изъ своей среды нѣсколькихъ завѣдомыхъ роялистовъ, если оно предоставило директоріи право замѣщать вакантныя должности администраторовъ и судей, то, съ другой стороны, оно обставляло всѣ дѣла, касавшіяся финансовъ, такими необычайными предосторожностями, которыя явно показывали его крайнее недовѣріе къ «цареубійцамъ»—директорамъ. Чтобы разсѣять это недовѣріе, правительство закрыло демократическій клубъ Пантеона, насчитывавшій до 4.000 членовъ, и стало преслѣдовать бывшихъ якобинцевъ. Желая сохранить видимость безпристрастія, оно наложило запрещеніе на нѣсколько совершенно ничтожныхъ собраній, къ которымъ принадлежали умѣренные или роялисты. Такая двуличность страшно вооружила передовыхъ республиканцевъ противъ исполнительной власти, которая оказалась для нихъ, по выраженію Тибодо, «пере-

одѣтой королевской властью, состоящей изъ пяти тирановъ». Былъ составленъ заговоръ съ Бабёфомъ, Дартэ, Буонаротти и другими коммунистами во главѣ. Ихъ программой было общее благо, уничтоженіе частной собственности, обобществленіе имуществъ. Къ нимъ примкнулъ цѣлый рядъ дѣятелей, отнюдь не принадлежавшихъ къ числу коммунистовъ, напр. Друэ, Антонель, Вадье, Амаръ, Шудьё, Роберъ Лендэ и другіе. Ихъ цѣлью было не осуществленіе программы Бабефа, а низверженіе директоріи и возстановленіе конституціи 1793 года. Было образовано тайное правительство и выработанъ «манифестъ о возстаніи», носившій скорѣе политическій, чѣмъ коммунистическій отпечатокъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго пункта: «за исключеніемъ имущества эмигрантовъ и роялистовъ, всѣ остальные предметы частной собственности становятся подъ охрану народа». Предатель по имени Гризель донесъ о заговорѣ. 21 февраля IV года директорія сообщила о немъ совѣтамъ и въ то же время арестовала участниковъ. Совѣты отдали приказъ о высылкѣ изъ Парижа всѣхъ бывшихъ конвентистовъ, не попавшихъ въ составъ законодательнаго корпуса. Обвиняемые были преданы верховному вандомскому суду. Друэ удалось бѣжать при помощи Барраса, который имѣлъ друзей во всѣхъ лагеряхъ. Процессъ былъ очень долгъ, тянулся около года и глубоко волновалъ общественное мнѣніе. Бабёфъ и его другъ Дартэ были осуждены къ смертной казни и гильотинированы 8 преріаля V года (25 мая 1797 г.); Буонаротти, Жермэнъ и другіе приговорены къ ссылкѣ; обвиняемые, не принадлежавшіе къ числу «коммунистовъ», — оправданы. Система бабувистовъ не пользовалась популярностью и только дискредитировала республиканцевъ, которые вступили въ соглашеніе съ ея приверженцами.

Послѣ арестованія Бабёфа якобинцы вызвали въ Парижѣ инсуррекціонное движеніе, не имѣвшее никакого успѣха, вслѣдствіе равнодушія общества. 23 фруктидора IV-го года (9 сентября 1796 г.) въ Вожирарѣ собралось около 600 вооруженныхъ. Они двинулись къ гренельскому лагерю и пытались поднять его криками: «да здравствуетъ конституція 1793 г.! долой совѣтъ и новыхъ тирановъ!» Имъ отвѣчали ружейными выстрѣлами, арестовали 133 человѣка и предали суду военнаго совѣта, который и учинилъ надъ ними жестокую расправу. Оправдано было только 46 обвиняемыхъ. Остальные осуждены къ ссылкѣ, тюремному заключенію или смертной казни: въ послѣднюю группу попало около 25 человѣкъ, въ томъ числѣ бывшіе члены конвента—Гюгэ, Жавогъ и Кюссэ.

Заговоръ роялистовъ. Обстоятельства складывались чрезвычайно благопріятно для роялистовъ: правительство безжалостно травило всѣхъ истинныхъ республиканцевъ, да и сами они компрометтировали себя легкомысленнымъ участіемъ въ крайне опасныхъ, притомъ совершенно не подготовленныхъ предпріятіяхъ. Если совѣты исключили изъ своей среды нѣсколько агентовъ Людовика XVIII и даже установили торжественное празднованіе годовщины казни Людовика XVI, то, съ другой стороны, они не дѣлали ровно ничего, чтобы прекратить бѣлый терроръ, и вѣрили патріотически-республиканскимъ тирадамъ сторонниковъ претендента. Между тѣмъ его тайные агенты дѣйствовали энергичнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ концѣ января 1797 г. (плувіозъ V года) директорія открыла роялистскій заговоръ, во главѣ котораго стояли Дювернь-де-Прель, Ла-Вилль-Эрнуа и аббатъ Бротье. Они пытались склонить на свою сторону двухъ офицеровъ, а именно Мало, командира 21-го драгунскаго полка, и Рамеля, начальника гренадеръ, состоявшихъ при законодательномъ корпусѣ. Тѣ сначала притворились, что готовы поддаться на увѣщанія, затѣмъ донесли на нихъ правительству. Въ бумагахъ заговорщиковъ былъ найденъ «планъ дѣйствій», прокламаціи и инструкціи Людовика XVIII-го. Преданные суду военнаго совѣта, они избѣгли смертной казни, которой требовала директорія. Злые языки утверждали, что весь этотъ процессъ былъ не что иное, какъ избирательный маневръ со стороны полиціи. Приближались выборы одной трети законодательнаго корпуса, и правительственная партія боялась, что перевѣсъ окажется на сторонѣ роялистовъ.

Выборы V-го года. Директорія была теперь крайне озабочена усиленіемъ роялистовъ. Она закрыла доступъ въ избирательныя собранія всѣмъ, кто обвинялся въ оставленіи отечества, провела въ обоихъ совѣтахъ законъ, въ силу котораго избиратели, подобно чиновникамъ, должны были

давать присягу въ ненависти къ королевской власти и анархіи, открыто намѣтила своихъ кандидатовъ и сдѣлала распоряженіе, чтобы коммиссары оказывали имъ поддержку. Но было уже поздно. Сама директорія воспользовалась враждебнымъ отношеніемъ общества къ террору, чтобы раздавить передовыхъ и подорвать республиканскую идею. Послѣ этого нельзя было, внезапно повернувъ налѣво, увлечь за собою общественное мнѣніе. Изъ выбывавшихъ конвентистовъ было переизбрано только одиннадцать. Депутатами Парижа оказались роялисты и крайне-умѣренные. Что касается департаментовъ, то генералы Вильо и Пишегрю, агентъ претендента Эмберъ Коломесъ, воинствующій католикъ Камиль Жорданъ (все заклятые враги директоріи) безъ особаго труда одержали побѣду. Такимъ образомъ большинство обоихъ совѣтовъ было фактически «роялизовано», хотя и удержало свои республиканскія формы. Ле-Турнёръ, выбывшій по жребію изъ состава директоріи 30 флореаля V года, былъ замѣненъ французскимъ посланникомъ при швейцарскомъ правительствѣ, Бартелеми. Это былъ кандидатъ клуба роялистовъ въ улицѣ Клиши, по своимъ взглядамъ примыкавшій къ монархистамъ-конституціоналистамъ 1791 г.

Государственный переворотъ 18 фруктидора V года. Новое большинство законодательнаго корпуса съ самаго начала стало систематически травить директорію, придираясь къ отдѣльнымъ случаямъ. Поводами для такихъ мелкихъ нападокъ служили то расходы по военному вѣдомству, гдѣ дѣйствительно процвѣтало лихоимство и было не мало злоупотребленій, то церковная политика, съ которой они боролись, проводя рядъ мѣръ, благопріятныхъ для неприсяжныхъ священниковъ, а также отмѣняя законы 3 брюмера IV года и 14 фримера V года, поскольку они устраняли отъ общественной дѣятельности эмигрантовъ, исключенныхъ изъ списковъ, ихъ родственниковъ и вандемьерскихъ инсургентовъ. Все это дѣлалось втихомолку и было мало замѣтно для посторонняго наблюдателя: при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ они говорили о своей преданности республикѣ и закону, праздновали годовщину 10 августа, предавали анаѳемѣ королевскую власть, высмѣивали тѣхъ, которые опасались ея возстановленія, какъ будто это было абсурдомъ, и въ то же время забрасывали грязью память Робеспьера и Сенъ-Жюста, безучастно относились къ извѣстіямъ объ убійствахъ, совершаемыхъ сторонниками Людовика XVIII-го, между прочимъ, пощадили эмигрантовъ, потерпѣвшихъ крушеніе около Калэ (директорія вынуждена была отпустить ихъ заграницу). Заговоръ роялистовъ организовался не только въ салонахъ, гдѣ интриговали вернувшіеся эмигранты и бывшіе аристократы, не только въ одной изъ частей бульвара,—«маленькомъ Кобленцѣ», гдѣ разгуливали «энкруаяблі», но также—что было гораздо опаснѣе—въ самомъ законодательномъ корпусѣ. Душой заговора были генералы-депутаты, Пишегрю и Вильо. Правда, они медлили съ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ, не зная, какъ преодолѣть препятствія, которыя представляла конституція, и боясь общественнаго мнѣнія, повидимому, одинаково враждебнаго и террору, и монархіи. Но въ ихъ рукахъ было вѣрное средство. и, кажется, они рѣшились прибѣгнуть къ его помощи, а именно—цѣлымъ рядомъ ежедневныхъ мелкихъ придирокъ обезсилить директорію и затормозить всѣ неотложныя дѣла. Директоріи было тѣмъ труднѣе бороться, что внутри нея самой было разногласіе: 1) Карно, не вѣрившій въ возможность роялистскаго переворота, хотѣлъ остаться на строго-законной почвѣ; его поддерживалъ Бартелеми; 2) Баррасъ, Ла-Ревельеръ-Лепо и Ревбель сознавали опасность и хотѣли предупредить ее посредствомъ насилія. Во главѣ этой группы стоялъ Баррасъ, человѣкъ энергичный, проницательный и беззастѣнчивый. Онъ обратился сначала къ генералу Гошу. Въ термидорѣ V года часть арміи Самбры и Мааса, подъ предлогомъ подкрѣпленія войскъ, расположенныхъ вдоль побережья океана, очень близко подошла къ парижскому кругу, внутрь котораго, согласно конституціи, не могла проникнуть ни одна армія. Объ этомъ движеніи своевременно узналъ совѣтъ пятисотъ. Попытка кончилась неудачей. Тѣмъ не менѣе большинство директоровъ не отказалось отъ мысли о военномъ переворотѣ. Различныя арміи присылали въ Парижъ адресы, въ которыхъ грозили роялистамъ. Бонапартъ, стоявшій во главѣ итальянской арміи и всецѣло раздѣлявшій планы директоріи, съ этой цѣлью отправилъ въ Парижъ своего подчиненнаго Ожеро, который былъ затѣмъ назначенъ начальникомъ 17-ой

военной дивизіи. Въ мессидорѣ V года директорія удалила сомнительныхъ министровъ и замѣнила ихъ болѣе надежными: вмѣсто Делакруа министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ Талейранъ; вмѣсто Бенезеха министромъ внутреннихъ дѣлъ—Франсуа (отъ Нефшато); вмѣсто Трюгэ морскимъ министромъ—Плевилль-Ле-Пелэ; вмѣсто Петье военнымъ министромъ — Шереръ *). Бывшіе якобинцы примирились съ директоріей для общей борьбы противъ совѣтовъ. Идея насильственнаго переворота встрѣчала сочувствіе не только со стороны ярыхъ республиканцевъ, но даже среди умѣренныхъ, вродѣ Байльёля, и либераловъ, напр. Бенжамена Констана, друга мадамъ де-Сталь. Почти всѣ патріоты держались того мнѣнія, что безъ повторенія 31-го мая республика погибнетъ, и будетъ возстановлена монархія. Не дремали и въ противоположномъ лагерѣ. Роялисты и умѣренные подготовляли новое 9 термидора для тѣхъ, которыхъ они называли тріумвирами и которымъ ставили въ особую вину стремленія къ громаднымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ,—стремленія, будто бы затягивавшія примиреніе съ Австріей. Въ этой партіи были генералы—Пишегрю, Вильо,—но не было солдатъ, если не считать ничтожной горсти гренадеръ, состоявшихъ въ качествѣ стражи при законодательномъ корпусѣ. Въ виду этого провели законъ, преобразовавшій національную гвардію въ антиреспубликанскомъ духѣ и сдѣлавшій ее пригодной для осуществленія ихъ замысловъ (13 фруктидора). Директорія рѣшилась дѣйствовать. Узнавъ это, заговорщики-роялисты попытались привлечь на свою сторону Карно: ему обѣщали отъ имени «короля» по-царски вознаградить за услугу. Тотъ гордо отказался; онъ хотѣлъ остаться нейтральнымъ. 17 фруктидора вожаки большинства въ совѣтѣ пятисотъ рѣшили возбудить на другой же день преслѣдованіе противъ Барраса, Ревбеля и Ла-Ревельера. Въ случаѣ сопротивленія со стороны трехъ этихъ директоровъ, гвардія законодательнаго корпуса и бывшіе вандемьерскіе инсургенты, съ Пишегрю и Вильо во главѣ, должны были двинуться къ Люксембургскому дворцу. Собравшись въ 8 часовъ вечера, трое директоровъ постановили «не расходиться». Карно и Бартелеми не участвовали въ засѣданіи. Директорія успѣла къ этому времени очистить личный составъ 12 парижскихъ муниципалитетовъ, а также нѣсколькихъ департаментскихъ управленій, назначить Бонапарта командующимъ не только итальянской, но и альпійской арміей, и отозвать въ Парижъ генерала Моро, образъ мыслей котораго внушалъ довольно серьезныя опасенія. Заперли ворота Парижа, подняли тревогу выстрѣломъ изъ вѣстовой пушки, генералъ Ожеро занялъ помѣщенія обоихъ совѣтовъ. Тѣмъ не менѣе часть большинства сдѣлала попытку собраться: Ожеро разсѣялъ однихъ, арестовалъ другихъ. Бартелеми былъ схваченъ. Карно, своевременно предупрежденный, бѣжалъ. По улицамъ Парижа были расклеены извѣщенія, что будетъ немедленно разстрѣлянъ «всякій, кто осмѣлится требовать возстановленія королевской власти, конституціи 1793 года или Орлеановъ». Въ особой прокламаціи директорія извѣщала населеніе о раскрытіи заговора, составленнаго въ пользу Людовика XVIII, и опубликовала документы, доказывающіе существованіе тайнаго соглашенія между Пишегрю и претендентомъ.

18 фруктидора, въ 9 часовъ утра, въ силу постановленія директоріи, тѣ изъ членовъ совѣтовъ, которые остались на свободѣ, собрались въ Одеонѣ (пятьсотъ) и въ школѣ здоровья, т.-е. нынѣшнемъ медицинскомъ факультетѣ (старѣйшины). Пятьсотъ назначили коммиссію изъ 5 членовъ для охраны общественнаго спокойствія и поддержанія конституціи III-го года, выслушали сообщеніе директоріи о заговорѣ роялистовъ, обсудили положеніе и, не прерывая засѣданія втеченіе 3 сутокъ, съ 18 по 21-ое число, приняли нѣсколько чрезвычайныхъ мѣръ. Послѣ нѣкотораго колебанія ихъ одобрили и старѣйшины. Вотъ суть этихъ мѣръ: 1) выборы 49 департаментскихъ собраній, депутатами которыхъ оказались главнымъ образомъ роялисты, были объявлены недѣйствительными; 2) 65 гражданъ было сослано, въ томъ числѣ: Буасси д'Англá, Бурдонъ (отъ Уазы), Дюмоларъ, Анри Ларивьеръ, Эмберъ Коломесъ, Камиль Жорданъ, Пасторэ, Пишегрю, Катрмеръ де-Кенси, Саладенъ, Симеонъ, Вобланъ, Вильо (члены совѣта пятисотъ); Барбэ-Марбуа, Порталисъ, Роверъ, Тронсонъ-Дюкудрэ (старѣйшины); Карно и Бартелеми

*) Директорія назначила было военнымъ министромъ Гоша, но оказалось, что онъ не достигъ еще узаконеннаго возраста; пришлось отмѣнить это распоряженіе.

(члены директоріи); Шарль Кошонъ, бывшій министръ; Сюаръ, журналистъ; Рамель, командиръ стражи при законодательномъ корпусѣ (тѣ изъ нихъ, которые не успѣли бѣжать, были отправлены въ Гвіану); 3) всякій вернувшійся на родину эмигрантъ долженъ былъ быть казненъ; 4) директорія получила право ссылать священниковъ, нарушавшихъ общественный миръ; 5) были отмѣнены законъ 7 фруктидора относительно возвращенія сосланныхъ священниковъ, законъ, преобразовавшій національную гвардію, и нѣсколько другихъ, направленныхъ противъ клубовъ; 6) всѣ газеты были отданы подъ надзоръ полиціи, которая получила право прекращать ихъ изданіе; 7) многіе журналисты были приговорены къ ссылкѣ, которую прозвали «сухой гильотиной». Дѣло не обошлось однако безъ крови. Военныя коммиссіи, учрежденныя въ 32 городахъ, произвели около 160 смертныхъ казней. Вмѣсто Карно и Бартелеми, въ составъ директоріи вошли Мерленъ (отъ Дуэ) и Франсуа (отъ Нефшато).

II. Послѣдствія 18 фруктидора.

На другой день послѣ переворота. Народныя массы отнеслись къ перевороту съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Онѣ не понимали его причинъ, не были знакомы съ его обстоятельствами, не предвидѣли его послѣдствій. Пришли въ возбужденіе только крайнія партіи—республиканцы-демократы и роялисты,—но онѣ имѣли очень мало приверженцевъ сравнительно съ общей численностью населенія страны. Снова открылись политическіе клубы. На улицѣ дю-Бакъ и въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ снова раздались якобинскія рѣчи, своимъ пыломъ живо напоминавшія языкъ 1793 года. Директорія вынуждена была, хотя бы на короткое время, опереться на наиболѣе прогрессивные элементы, допустить для нихъ свободу слова и печати, дозволить нападки не только на сторонниковъ Людовика XVIII и непокорныхъ священниковъ, но также на умѣренныхъ, и даже—на свою собственную политику изворотовъ и оппортунизма. Во многихъ департаментахъ роялисты взялись за оружіе. Въ Гарѣ инсургенты, подъ предводительствомъ Аллье, овладѣли Понъ-Сентъ-Эспри. Въ Карпантрасѣ, Тарасконѣ, въ окрестностяхъ Ліона, на западѣ, были мятежи, собирались вооруженныя скопища. Нужно было прибѣгнуть къ силѣ, чтобы возстановить порядокъ. Кровь лилась. Роялисты, не встрѣтя поддержки со стороны общественнаго мнѣнія, были подавлены безъ особаго труда. Директорія объявила осадное положеніе въ Ліонѣ, Монпелье, Перигѣ, Лиможѣ и другихъ городахъ, гдѣ агентамъ претендента удалось вызвать волненіе. Она закрыла или заставила замолчать всѣ органы роялистской печати. Предупредивъ возникновеніе междоусобной войны, она не могла однако помѣшать распространенію политическаго разбойничества, захватамъ и разграбленію почтовыхъ каретъ, агитаторской дѣятельности «бунтарей» (chauffeurs) въ деревняхъ, проискамъ непокорнаго духовенства. Франція по-прежнему страдала отъ какого-то скрытаго недуга и общаго смятенія. Несмотря на всѣ свои несчастія, она сохранила сознаніе своего единства, внутренней мощи и превосходства надъ другими народами Европы. Миръ съ Австріей, заключенный вскорѣ послѣ переворота, встрѣтилъ подъемъ патріотизма; неподдѣльное горе, охватившее всѣ классы населенія отъ одного конца страны до другого послѣ кончины Гоша, свидѣтельствовало о живучести революціонной Франціи.

Политика директоріи. Сильная внутренними и внѣшними успѣхами, директорія стала играть роль комитета общественнаго спасенія, очищать личный составъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ и, повидимому, хотѣла сдѣлаться революціоннымъ правительствомъ. Явилась даже мысль, впрочемъ тотчасъ же оставленная, отсрочить на неопредѣленное время созывъ законодательнаго корпуса. Къ тому-же, его дѣятельность ограничивалась почти исключительно утвержденіемъ бюджета на VI годъ и изысканіемъ нѣсколькихъ новыхъ источниковъ дохода (см. главу *XIV: Общественное и государственное хозяй-*

ство). Совѣтъ пятисотъ, отказавшійся на нѣкоторое время отъ всякаго вмѣшательства въ общую политику, путемъ законодательной иниціативы предоставилъ директоріи править страной по ея собственному усмотрѣнію, подавить роялистовъ и оппозиціонное духовенство. Приливъ революціонной энергіи длился у директоріи очень недолго. Она сама испугалась своей диктатуры и, въ началѣ VI года, пришла въ сильное безпокойство отъ успѣховъ якобинцевъ въ Парижѣ и большихъ городахъ,— тѣхъ самыхъ якобинцевъ, къ помощи которыхъ она обратилась при государственномъ переворотѣ. Сторонники всеобщаго избирательнаго права и демократіи, по выраженію того времени—*равенства*, не могли долго идти рука объ руку съ тѣми, которые должны были осуществлять цензитарную конституцію III-го года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ только-что произведенное насиліе надъ законодательнымъ корпусомъ не было ея прямымъ нарушеніемъ, не подорвало ея значенія, не доказало ея полнѣйшей несостоятельности въ примѣненіи къ практической жизни? 18 фруктидора было самоубійствомъ партіи, стоявшей за конституцію III-го года. Въ промежуткѣ между роялистами и якобинцами не было болѣе никакой нравственной силы, на которую могла бы опираться директорія и которая бы обезпечивала ей сколько-нибудь нормальное существованіе. Сбитая съ позиціи ложностью своей роли, она все быстрѣе и быстрѣе катилась внизъ по наклонной плоскости, вслѣдствіе пороковъ и безпорядочности Барраса, происковъ цѣлой клики окружавшихъ ее темныхъ дѣльцовъ, вслѣдствіе ошибокъ и неизбѣжныхъ противорѣчій, въ которыхъ ея противники видѣли и съ восторгомъ отмѣчали новыя и новыя проявленія ея «нравственной гнилости». Въ одно и то же время немощная и всесильная, не знавшая ненависти къ врагамъ республики, ни великодушія къ ея сторонникамъ, директорія жила изо дня въ день, преслѣдовала тѣхъ или другихъ не потому, что этого требовало ея общее политическое міровоззрѣніе, а въ виду мелкихъ соображеній, что они опасны для ея существованія или тягостны ея членамъ. Раздѣлавшись съ роялистами, она очертя голову бросилась въ безсмысленную борьбу со своими недавними союзниками — якобинцами: безъ всякаго удержу она забрасывала ихъ грязью, запрещала ихъ газеты, закрывала или придиралась къ ихъ клубамъ, дѣлала все, чтобы повліять на грозные для нея выборы VI года, которые, по ея мнѣнію, должны были повести къ торжеству демократовъ.

Бонапартъ въ Парижѣ. Гроза надвигалась не съ той стороны, съ какой ее ждали директоры. Переворотъ 18 фруктидора былъ произведенъ при участіи арміи, во главѣ которой стоялъ Ожеро, подчиненный Бонапарта. Такимъ образомъ войско становилось въ высшей степени опаснымъ факторомъ внутренней политической жизни. Послѣ смерти Гоша, Бонапартъ оказался единственнымъ героемъ Франціи, привлекавшимъ къ себѣ взоры всего населенія. Явившись изъ Раштата въ Парижъ послѣ обмѣна ратификацій кампо-формійскаго договора, онъ былъ встрѣченъ директоріей чрезвычайно торжественно, въ чисто театральной обстановкѣ, съ пышностью настоящаго апоѳеоза 20 фримера VI года (10 декабря 1797 года). Между тѣмъ уже въ то время можно было очень и очень сомнѣваться въ искренности его цивизма. Онъ говорилъ не только какъ солдатъ, но и какъ политическій дѣятель. Превознеся революцію и побѣды республиканцевъ, онъ позволилъ себѣ сказать: «когда благо французскаго народа *будетъ покоиться на лучшихъ органическихъ законахъ*, вся Европа станетъ свободной».— Директоры не посмѣли протестовать противъ этого, хотя и косвеннаго, но все же крамольническаго порицанія конституціи III года; они публично облобызали Бонапарта и такимъ образомъ какъ бы освятили его популярность: банкеты, медали, выбитыя въ честь его, поэтическія произведенія и пѣсни, льстивые отзывы газетъ, всеобщее преклоненіе и уничиженіе передъ генераломъ было тѣмъ болѣе опасно для свободы, что никого нельзя было заподозрить въ неискренности. Такая популярность должна была безпокоить истинныхъ республиканцевъ. Бонапартъ былъ назначенъ командиромъ арміи, которая должна была высадиться въ Англіи, но остался въ Парижѣ. Съ помощью Сійеса онъ составилъ себѣ довольно смѣлую партію, которая стала поговаривать о возстановленіи былого значенія законодательнаго корпуса и низверженіи правительства. Утверждають, что директорія устроила экспедицію въ Египетъ исключительно съ той цѣлью, чтобы

освободиться отъ соперника, который сталъ уже почти властелиномъ. Что касается Сійеса, то его удалили изъ Парижа, назначивъ посломъ при берлинскомъ дворѣ.

Выборы VI-го года; государственный переворотъ 22 флореаля. Опасенія директоріи оправдались: выборы VI года, которые должны были обновить одну треть законодательнаго корпуса, были или, скорѣе, казались по большей части очень благопріятными для республиканцевъ-демократовъ. Они прошли очень бурно, были произведены съ большими неправильностями и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не привели ни къ какимъ результатамъ: избиратели *«распадались»* на враждебные лагери, и каждая партія независимо отъ другой назначала своихъ депутатовъ. 13 флореаля директорія сообщила объ этомъ совѣту пятисотъ, обращая вниманіе не на допущенныя нарушенія, а на образъ мыслей избранныхъ, которыхъ она называла *«анархистами»*. «Подъ именемъ *анархистовъ*, говорилось въ докладѣ, директорія разумѣетъ отнюдь не тѣхъ энергичныхъ республиканцевъ, всецѣло преданныхъ идеѣ свободы и конституціи III года, которые умѣютъ подчинять закону властное чувство свободы, а тѣхъ, имена которыхъ запятнаны кровью и грабежами, которые, проповѣдуя общее благосостояніе, хотятъ поживиться на счетъ чужого разоренія; говорятъ о равенствѣ, чтобы быть деспотами; способны на всевозможныя низости и преступленія; стремятся вторично овладѣть ускользнувшей отъ нихъ властью; 8 термидора эти люди были агентами Робеспьера и занимали должности во всѣхъ краяхъ республики; послѣ 9 термидора они участвовали во всѣхъ противозаконныхъ махинаціяхъ, были наперсниками Бабёфа и бунтарями гренельскаго лагеря». Правительство предлагало депутатамъ принять «столь же дѣйствительныя мѣры», какъ 18 фруктидора, и «не меньше чуждаться Бабёфа, чѣмъ приверженца химерическаго короля». По докладу Байльёля, совѣтъ пятисотъ постановилъ опредѣленіе, въ силу котораго отмѣнялись нѣкоторыя уже произведенныя «утвержденія» депутатовъ, выборы значительнаго числа департаментовъ объявлялись недѣйствительными, другихъ—состоявшимися; что же касается собраній, которыя распались на самостоятельныя группы, то были санкціонированы не тѣ выборы изъ нихъ, которыя строже придерживались закона, а тѣ, которыя выказали больше враждебности къ якобинцамъ. Такимъ образомъ около шестидесяти республиканцевъ-демократовъ, въ томъ числѣ Бареръ и Антонель, были лишены своихъ законныхъ полномочій. Эти мѣры, получившія силу закона послѣ утвержденія ихъ старѣйшинами (22 флореаля), были настоящимъ государственнымъ переворотомъ, грубѣйшимъ насиліемъ надъ оппозиціей лѣвой. 20 флореаля Франсуа (отъ Нефшато) выбылъ по жребію изъ состава директоріи. Его замѣнилъ Трейльяръ.

Безсиліе и упадокъ директоріи. Переворотъ 22 флореаля исключилъ изъ состава законодательнаго корпуса далеко не всѣхъ избранниковъ VI года; благодаря этому, настроеніе большинства значительно измѣнилось. Директоріи пришлось теперь считаться съ очень дѣятельной оппозиціей, особенно по финансовымъ вопросамъ, цѣлью которой было уничтоженіе всѣхъ послѣдствій 18-го фруктидора и возстановленіе прежняго значенія законодательнаго корпуса. Даже самые снисходительные люди возлагали на правительство отвѣтственность за поразительный ростъ общественнаго разврата и продажность должностныхъ лицъ, особенно въ военномъ вѣдомствѣ. Уже не роялисты, которыхъ можно было заподозрить въ несправедливости, а истые республиканцы, вродѣ Жениссьё, говорятъ въ совѣтѣ пятисотъ (19 термидора VI года) о «крамолѣ, готовой посягнуть на свободу путемъ разрушенія общественнаго благосостоянія и деморализировать общество». Докладчикъ коммиссіи, на которую было возложено изслѣдованіе этого вопроса, сдѣлалъ такое вызывающее заявленіе (2 фруктидора VI года): «нѣтъ больше ни одного административнаго мѣста, куда бы не проникли безнравственность и подкупъ... Дальнѣйшее попустительство сдѣлаетъ васъ сообщниками этихъ людей, которыхъ обвиняетъ общественное мнѣніе. Съ высоты пышныхъ колесницъ ихъ низвергнутъ въ бездну общаго презрѣнія. Ихъ колоссальныя богатства свидѣтельствуютъ о позорныхъ и преступныхъ путяхъ, которыми они нажиты!» Безспорно, ораторъ старался дать понять, что говоритъ о безпорядкахъ среди «бюрократіи», а не самой директоріи. Общественное мнѣніе не было столь снисходительно: безпечнаго разврат-

ника Барраса оно обвиняло въ хищеніи при поставкахъ и скандальномъ ажіотажѣ; честному Ревбелю пришлось искупать многочисленные грѣхи своихъ вѣроломныхъ приближенныхъ,—военнаго министра Шерера, которому онъ оказывалъ покровительство, а также своего родственника Рапина́, швейцарскаго коммиссара республики. Салоны директоріи, казалось, были очагами всѣхъ этихъ наглыхъ рыцарей наживы съ ихъ спекуляціей на національныя имущества, на курсъ ассигнацій и военныя поставки. Современники единогласно свидѣтельствуютъ объ ихъ грубой роскоши и омерзительныхъ оргіяхъ. Бюшэ и Ру, въ 1838 г., слѣдующимъ образомъ формулировали свое мнѣніе о людяхъ этого покроя: они «переняли у стараго порядка все, что было въ немъ смѣшного и сквернаго, и прибавили къ этому кое-что своего собственнаго измышленія; кромѣ языка прежнихъ маркизовъ, они снова ввели въ моду балы, маскарады, оргіи и прогулки въ Лоншанъ. Женщины, шедшія, какъ водится, по пятамъ за мужчинами и доводившія ихъ выходки до крайности, казалось, были лишены всякой стыдливости; онѣ одѣвались подобно спартанкамъ; тѣло едва прикрывалось легкимъ, почти прозрачнымъ, газовымъ платьемъ». Именно въ этотъ періодъ, въ эпоху полудиктатуры директоріи, послѣдовавшую за переворотомъ 18 фруктидора, распущенность высшаго общества достигла апогея, а правители Франціи были окончательно дискредитированы въ глазахъ населенія.

Выборы VII года. Выборы VII года прошли безъ особенныхъ затрудненій: избирательныя собранія «распались» въ очень немногихъ случаяхъ, законность полученныхъ полномочій не подлежала никакому сомнѣнію. Избиратели почти повсюду останавливались на тѣхъ депутатахъ, которые видѣли въ директорахъ истинныхъ виновниковъ колоссальныхъ хищеній и считали необходимымъ произвести коренныя перемѣны во всей системѣ правительственныхъ и административныхъ учрежденій, дошедшей до полнаго разложенія. Когда Ревбель выбылъ по жребію изъ состава директоріи, мѣсто его занялъ Сійесъ, человѣкъ завѣдомо враждебный директоріальной политикѣ, которому приписывали планъ конституціонной реформы. Къ тому моменту, когда законодательный корпусъ собрался въ новомъ составѣ, директорія потеряла и тотъ ничтожный престижъ, которымъ пользовалась, благодаря нашимъ военнымъ и дипломатическимъ успѣхамъ. Побѣжденный Журданъ вынужденъ былъ вернуться на сю сторону Рейна, а наши полномочные посланники измѣннически убиты въ Раштатѣ. Эти событія произвели крутой переворотъ въ нашей внутренней жизни: большинство законодательнаго корпуса, заручившись дѣятельнымъ участіемъ Сійеса и предательской поддержкой самого Барраса, рѣшило сдѣлать нападеніе на большинство директоріи.

Государственный переворотъ 30 преріаля VII года. 17 преріаля совѣтъ пятисотъ предложилъ директоріи сообщить ему причины нашихъ неудачъ и указать средства, которыя бы могли повести къ ихъ исправленію. Директорія отвѣтила молчаніемъ. 28 преріаля отъ нея настоятельно потребовали объясненія; совѣтъ пятисотъ рѣшилъ не расходиться, пока не получитъ отвѣта. Только тогда директорія представила докладъ, въ которомъ сваливала всю отвѣтственность за неудачи и пораженія на законодательный корпусъ, но отказывалась представить указанія относительно желательныхъ мѣропріятій, откладывая ихъ до другого времени. Законодательный корпусъ началъ враждебныя дѣйствія съ того, что по формальнымъ основаніямъ призналъ недѣйствительнымъ избраніе директора Трейльяра, хотя оно состоялось за годъ передъ тѣмъ, и замѣнилъ его Гойе—честнымъ и независимымъ республиканцемъ. 30 преріаля въ совѣтѣ пятисотъ Булэ (отъ Мёрты) заявилъ, что нужно «нанести сильный ударъ» и заставить выйти въ отставку Мерлена (отъ Дуэ) и Ла-Ревельера-Лепо. Первому онъ ставилъ въ вину «самый узкій и въ высшей степени омерзительный маккіавелизмъ», второго упрекалъ за «нарушеніе свободы совѣсти» покровительствомъ *тео-филантропіи* (смотр. о ней ниже, главу X, *Церковь и революція*). Собраніе тотчасъ-же выбрало коммиссію для изслѣдованія поднятыхъ вопросовъ и назначило ея докладчикомъ Булэ (отъ Мёрты). Коммиссія представила свое заключеніе въ томъ-же самомъ засѣданіи. Въ немъ смутно говорилось объ «актахъ произвола и противозаконныхъ задержаніяхъ» и указывалось на необходимость поставить это на видъ директоріи. Предложеніе было

принято, и совѣтъ пятисотъ вотировалъ слѣдующую резолюцію, которая, благодаря одобренію старѣйшинъ, тотчасъ-же вошла въ законную силу: «всякая власть или личность, которая посягнетъ на неприкосновенность или свободу законодательнаго корпуса или одного изъ его членовъ, тѣмъ самымъ станетъ внѣ закона». Мерленъ (отъ Дуэ) и Ла-Ревельеръ-Лепо не посмѣли противиться этому дружному натиску, подали въ отставку и были немедленно замѣщены генераломъ Муленомъ и бывшимъ конвентистомъ Роже Дюкосомъ. Можетъ показаться страннымъ, почему не былъ свергнутъ Баррасъ, входившій въ тріумвиратъ съ Мерленомъ и Ла-Ревельеромъ и подвергавшійся до этого времени столь рѣзкимъ нападкамъ. Повидимому, слѣдуетъ повѣрить тѣмъ, которые утверждали, что онъ предательски вошелъ въ соглашеніе съ большинствомъ законодательнаго корпуса, сообщилъ ему о насильственныхъ замыслахъ своихъ коллегъ и такимъ образомъ предотвратилъ ихъ осуществленіе. Въ мемуарахъ, которые Русселенъ де-Сентъ-Альбенъ составилъ на основаніи посмертныхъ бумагъ Барраса, говорится, что онъ побудилъ обоихъ своихъ товарищей выйти въ отставку обѣщаніемъ немедленно послѣдовать ихъ примѣру. Какъ извѣстно, онъ не сдѣлалъ ничего подобнаго, очевидно, пойдя на мировую съ вожаками того и другого совѣта. Онъ чувствовалъ, что военныя неудачи и дипломатическіе промахи лишаютъ директорію возможности повторить 18 фруктидора, и, предавъ въ послѣднюю минуту своихъ коллегъ, содѣйствовалъ торжеству законодательнаго корпуса. Не смотря на то, что событіе 30 преріаля состояло въ чисто-нравственномъ, а не матеріальномъ давленіи и произошло на строго-законной почвѣ, принято называть его «государственнымъ переворотомъ» (coup d'Etat). Послѣ этого непоправимаго урона дни конституціи III года были сочтены, и Сіейесъ съ помощью Роже Дюкоса сталъ уже подготовлять осуществленіе своихъ таинственныхъ плановъ.

III. Возрожденіе террора.

Рѣшительныя мѣры послѣ 30-го преріаля. Только внѣшняя опасность, только пораженія французскихъ войскъ въ Германіи и Италіи могли заставить совѣтъ пятисотъ сыграть роль конвента и произвести переворотъ 30 преріаля. Рядъ неудачъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, побѣдоносное шествіе Суворова, гроза иноземнаго вторженія, пребываніе нашего наиболѣе даровитаго полководца вмѣстѣ съ лучшей частью войскъ въ Египтѣ, — все это неминуемо должно было повести и дѣйствительно повело къ возрожденію террора. Какъ въ 1792 и 1793 гг., чувствовалась настоятельная потребность въ сильномъ, почти диктаторскомъ правительствѣ и строгой централизаціи всего управленія. Если совѣтъ пятисотъ вынудилъ уйти въ отставку Ла-Ревельера-Лепо и Мерлена (отъ Дуэ), то только для того, чтобы прекратить расколъ среди директоріи. Цѣль не была однако достигнута. На первый взглядъ могло показаться, что Баррасъ стоитъ во главѣ правительства. Въ дѣйствительности онъ не имѣлъ никакого вліянія и превратился въ полнѣйшее ничтожество, поддерживая дружескія отношенія со всѣми партіями *). Роже Дюкосъ не шелъ въ счетъ. Гойе представлялъ изъ себя посредственность. Единственнымъ достоинствомъ Мулена была честность. Сіейесъ, презиравшій демократію, мечталъ о республикѣ, въ которой бы онъ игралъ первенствующую роль. Что же касается министровъ, то въ періодъ между преріалемъ VII и брюмеромъ VIII-го года они отличались тѣмъ же безсиліемъ и разрозненностью, какъ директорія. Фуше, завѣдывавшій полиціей, готовъ былъ на всякую измѣну и предательство; Рейнгардъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ слѣ-

*) Сохранились грамоты Людовика XVIII, въ которыхъ «Поль виконтъ де-Баррасъ» назначается агентомъ короля во Франціи. Въ своихъ «Мемуарахъ» Баррасъ цитируетъ эти документы и признаетъ, что дѣйствительно имѣлъ сношенія съ претендентомъ, но что это была комедія, на которую директорія заранѣе дала свое согласіе.

пымъ орудіемъ въ рукахъ своего предшественника—Талейрана. Дюбуа-Крансэ, вскорѣ замѣнившій Бернадотта на посту военнаго министра, и Роберъ Линдэ, завѣдовавшій финансами, не обладали уже прежней проницательностью и энергіей. Но, кажется, самыя имена Дюбуа-Крансэ, Линдэ, Фуше служили дѣлу свободы и содѣйствовали возстановленію республиканскихъ учрежденій. Приближеніе Суворова вызвало цѣлый взрывъ патріотизма и, вопреки стремленіямъ умѣренныхъ, Сійеса и совѣта старѣйшинъ, заставило большинство забыть всѣ разногласія и дружно приняться за національную оборону. Снова заговорили языкомъ 1793 года, снова стали высказываться въ духѣ того времени. Подобно тому, какъ послѣ великихъ народныхъ «дней» преслѣдовали и осуждали побѣжденныхъ, передовые республиканцы совѣта пятисотъ пытались, хотя и безуспѣшно, возбудить обвиненіе и казнить трехъ бывшихъ директоровъ: Мерлена, Ревбеля и Ла-Ревельера, этихъ «тріумвировъ-роялистовъ», какъ ихъ несправедливо называли. Совѣтъ пятисотъ старается создать комитетъ общественнаго спасенія, сначала подъ названіемъ «коммиссіи одиннадцати», затѣмъ—«коммиссіи семи». Директоріи разрѣшаютъ производить домашніе обыски. Какъ въ августѣ 1793 года, дѣлаютъ поголовный наборъ 10 мессидора VII года (28 іюня 1799 г.), призывая подъ знамена рекрутовъ всѣхъ разрядовъ безъ всякаго исключенія. Какъ въ 1792 году, съ трибуны раздаются возгласы: «отечество въ опасности», и Журданъ предлагаетъ объявить объ этой опасности (27 и 28 фруктидора VII г.); совѣтъ пятисотъ отвергаетъ предложеніе, но все же рукоплещетъ бурному краснорѣчію Журдана. Въ концѣ концовъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, законодательный корпусъ проводитъ террористическіе законы, и у кормила правленія оказываются опять-таки якобинцы.

Законы о принудительномъ займѣ и заложникахъ. Въ 1793 году, имѣя въ виду интересы національной обороны, конвентъ установилъ принудительный заемъ, въ размѣрѣ одного милліарда, и возложилъ его на «богатыхъ». 19 фримера IV-го года совѣты вотировали принудительный заемъ въ 600 милліоновъ, распредѣленныхъ среди одной пятой всѣхъ плательщиковъ налоговъ. Эти мѣры плохо достигали цѣли. Тѣмъ не менѣе къ нимъ снова прибѣгли въ VII году подъ вліяніемъ внѣшней опасности. 10 мессидора «зажиточный классъ» былъ призванъ пополнить заемъ 100 милліоновъ, нужныхъ для организаціи новыхъ батальоновъ. 19 термидора эта мѣра приняла форму прогрессивнаго налога, соразмѣрнаго поземельной подати (смотр. главу XIV). Еще революціоннѣе и даже террористичнѣе былъ законъ 24 мессидора VII года, касавшійся *заложниковъ*. Нужно было отправить всѣ наличныя вооруженныя силы изъ центра государства къ окраинамъ. Между тѣмъ роялисты держали мирное населеніе нашихъ деревень и городовъ въ вѣчномъ страхѣ, производили убійства и грабежи, захватывали почтовыя кареты, похищали имущество частныхъ лицъ (всѣ факты этого рода отмѣчались якобинскими газетами), и въ лицѣ войска мѣстная администрація лишалась единственнаго орудія для борьбы съ этимъ зломъ. Законъ о заложникахъ долженъ былъ суровостью репрессіи замѣнить недостатокъ въ личномъ составѣ администраціи. Въ тѣхъ случаяхъ, если будетъ удостовѣрено, что въ данномъ департаментѣ, кантонѣ или коммунѣ систематически совершается рядъ связанныхъ между собою преступленій, директорія, при содѣйствіи законодательнаго корпуса, можетъ объявить данную мѣстность на особомъ положеніи, при которомъ допускаются слѣдующія мѣры: родственники эмигрантовъ, бывшіе аристократы и дворяне, всѣ родственники разбойниковъ, безъ различія пола, становятся отвѣтственными за всѣ убійства и грабежи; ихъ арестуютъ въ качествѣ заложниковъ. За каждое убійство патріота четверо заложниковъ подвергаются ссылкѣ, и, кромѣ того, всѣ заложники вмѣстѣ уплачиваютъ штрафъ, въ размѣрѣ 5000 ливровъ. Что касается всякаго рода похищеній, то заложники уплачиваютъ жертвамъ преступленія понесенные убытки. Таковъ былъ дѣйствительно грозный, но трудно примѣнимый законъ противъ разбойничества роялистовъ. Имъ пользовались, повидимому, лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Якобинцы VII-го года. Наиболѣе виднымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ важнымъ изъ всѣхъ проявленій террористической реакціи, вызванной внѣшней опасностью, было возрожденіе якобинскаго клуба. Мы уже видѣли, что это общество

дѣлало попытки собраться въ началѣ директоріи вблизи Пантеона, а послѣ 18 фруктидора—въ улицѣ дю-Бакъ и въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. Но конституція III-го года допускала существованіе только «частныхъ обществъ, занимающихся политикой». Эти общества не имѣли права ни называть себя «народными», ни входить между собою въ союзы или, хотя бы, въ переписку, ни устраивать публичныхъ собраній и выдѣлять на нихъ членовъ общества изъ числа остальныхъ присутствующихъ, ни подавать коллективныхъ петицій. До сихъ поръ, пока отечеству не угрожала внѣшняя опасность, пока общественное мнѣніе высказывалось противъ якобинцевъ, директорія по своему собственному усмотрѣнію могла регулировать, тормозить или даже совершенно прекращать дѣятельность ихъ клубовъ. Но теперь, въ VII году, когда надъ Франціей снова повисъ дамокловъ мечъ иноземнаго вторженія, общественное мнѣніе совершенно иначе отнеслось къ серьезной попыткѣ создать новую якобинскую организацію для борьбы съ внутреннимъ врагомъ, который, какъ въ 1792 и 1793 гг., шелъ рука объ руку съ непріятелемъ. 18 мессидора (6 іюля 1799 г.) съ молчаливаго согласія совѣта старѣйшинъ въ залѣ манежа было созвано «собраніе друзей свободы и равенства». Чтобы сохранить видимость соблюденія закона и не возстановлять открыто запрещеннаго общества, якобинцы не выбирали ни предсѣдателя, ни вице-предсѣдателя, ни секретаря, но назначили зато «регулятора» (распорядителя), «вице-регулятора» (помощника распорядителя) и «аннотаторовъ» (письмоводителей). Законъ запрещалъ подачу петицій: они составляли и расклеивали «адресы». Законъ запрещалъ открытіе отдѣленій: произошло «самопроизвольное» образованіе аналогичныхъ обществъ во всѣхъ большихъ городахъ, организованныхъ точь-въ-точь, какъ парижское. «Собраніе» манежа имѣло свой періодическій органъ «Журналъ свободныхъ людей», который являлся прямымъ продолженіемъ «Журнала горы». Общество насчитывало около 3.000 членовъ, въ томъ числѣ 250 депутатовъ законодательнаго корпуса. Его «распорядителями» (т.-е. предсѣдателями) были Дестремъ, Моро (отъ Іонны), генералъ Ожеро. Среди его главарей и ораторовъ мы видимъ Друэ, Феликса Лепелетье, Бушота, Пріёра (отъ Марны) и Ксавье Одуэна. Состоявшая при обществѣ коммиссія народнаго просвѣщенія должна была распространить взгляды якобинцевъ во всей Франціи. Она дѣйствовала очень осторожно, старательно подчеркивая соблюденіе конституціи и законовъ. Не то было въ самомъ клубѣ. Ораторы не ограничивались восхваленіемъ республиканцевъ II-го года, суровымъ порицаніемъ событій 9 термидора, превознесеніемъ памяти преріальскихъ жертвъ и прославленіемъ демократической республики: наиболѣе пылкіе дошли до преклоненія передъ Бабёфомъ и Дартэ, развивали соціалистическую программу и, какъ ихъ обвиняли противники, «проповѣдывали аграрный законъ». Сначала на нихъ набросились роялисты, «энкруаябли», «молодые люди въ очкахъ, съ косами, въ лиловыхъ или черныхъ воротникахъ». Когда совѣтъ старѣйшинъ получилъ доносъ, въ которомъ они изображались, какъ анархисты и крамольники, имъ пришлось перебраться въ бывшій монастырь якобинцевъ; они просуществовали тамъ съ 9 по 25 термидора. 26-го директорія закрыла ихъ помѣщеніе, и клуба не стало. Втеченіе 38 дней своего шумнаго и бурнаго существованія онъ успѣлъ напугать большинство націи «краснымъ призракомъ» аграрнаго закона, новымъ раздѣломъ національныхъ имуществъ, о которомъ такъ неблагоразумно позволили говорить у себя якобинцы. Они достигли какъ разъ обратнаго результата и подготовили почву для «спасителя» существующихъ экономическихъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія ихъ скоротечное возрожденіе было чревато въ высшей степени важными историческими послѣдствіями.

Возстанія роялистовъ. Въ періодъ террора (съ преріаля по фруктидоръ VII года) роялисты сдѣлали цѣлый рядъ попытокъ взяться за оружіе, чтобы оказать поддержку иностранцамъ и отвлечь наши боевыя силы отъ окраинъ государства. Въ Бретани, Пуату, Нормандіи собирались цѣлыя массы вооруженныхъ. Въ Амьенѣ и Бордо были расклеены прокламаціи отъ имени короля. Опаснѣе всего было положеніе дѣлъ на юго-западѣ. Въ термидорѣ VII года произошло громадное возстаніе съ криками: «да здравствуетъ религія! да здравствуетъ король!» въ департаментахъ Верхней Гаронны, Арьежа, Жера, Оды, Тарна, Ло и Ло-

Гаронны. Это движеніе давно уже подготовлялось возвращавшимися эмигрантами и ослушными священниками. Извѣстія о нашихъ пораженіяхъ и недовольство населенія новымъ поголовнымъ наборомъ повело къ тому, что въ ночь съ 18 на 19-ое термидора вблизи Тулузы образовалась цѣлая армія изъ непокорныхъ рекрутовъ и крестьянъ съ офицерами изъ дворянъ, подъ командой бывшаго республиканскаго генерала Руже. Духовенство дѣлало все отъ него зависѣвшее, чтобы разжечь въ ней фанатизмъ. Главной цѣлью мятежниковъ было взятіе Тулузы, гарнизонъ которой долженъ былъ уйти на границу. Смѣлости и присутствію духа департаментскихъ управленій, въ особенности въ Верхней Гароннѣ, а также патріотизму національныхъ гвардейцевъ республика обязана тѣмъ, что была организована сильная защита, въ частности, въ Тулузѣ создана маленькая армія волонтеровъ. Роялистское войско, успѣвшее было занять нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Мюрэ, вынуждено было отступить; 3 фруктидора VII года (20 августа 1799 г.) оно было разсѣяно при Монтрежо и бѣжало къ испанской границѣ. Честь этой побѣды всецѣло принадлежитъ республиканской части южнаго населенія. Когда войска, посланныя военнымъ министромъ, прибыли, подъ начальствомъ генерала Фрежевилля, въ Тулузу, возстаніе было уже подавлено. Франція почти одновременно узнала объ его началѣ и окончаніи. Она находилась между двухъ огней—между роялистами и якобинцами.

IV. Паденіе директоріи.

Возвращеніе Бонапарта изъ Египта. 21 вандемьера VII года (13 октября 1799 г.) парижане узнали, что Бонапартъ вернулся изъ Египта и высадился 16-го числа близъ Фрежюса. Трудно описать восторгъ, который охватилъ при этомъ извѣстіи театры, кофейни и улицы. Внезапно скончался бывшій членъ конвента Боденъ—и молва приписала это чрезмѣрной радости. И республиканцы, и роялисты на перерывъ другъ передъ другомъ привѣтствовали въ своихъ газетахъ возвращеніе популярнаго генерала, возлагая на него большія надежды. Въ совѣтѣ пятисотъ республиканецъ-демократъ Бріо (отъ Дубъ) восторженно предсказывалъ новыя военныя заслуги, которыя будетъ имѣть передъ республикой побѣдитель при Абукирѣ. Тѣмъ временемъ Бонапартъ совершалъ свое тріумфальное шествіе. «На пути его стекались такія несмѣтныя толпы, говоритъ газета «Монитёръ», что экипажи съ трудомъ прокладывали себѣ дорогу. На всемъ протяженіи отъ Фрежюса до Парижа по вечерамъ зажигали иллюминаціи». Въ Ліонѣ дошли до какого-то неистовства: въ честь его поставили театральную пьесу. Никому не приходило въ голову, что этотъ генералъ только что позорно дезертировалъ изъ своей арміи. Директорія, по всей вѣроятности, предвидѣла и, быть можетъ, даже вызвала его возвращеніе, но, во всякомъ случаѣ, она никакъ не ожидала, что популярность его достигнетъ столь опасныхъ размѣровъ. Она очень любезно встрѣтила Бонапарта и не сдѣлала ему никакихъ упрековъ. Что же касается самого генерала, то онъ велъ себя очень скромно: онъ всѣмъ польстилъ и всѣхъ очаровалъ, кромѣ Журдана и Бернадотта; Моро онъ подарилъ саблю; Институту (высшему просвѣтительному учрежденію, заключающему въ себѣ пять академій) съумѣлъ внушить, будто экспедиція въ Египетъ преслѣдовала преимущественно научныя цѣли. Наиболѣе выдающіеся умы того времени—Бертоллэ, Монжъ, Лапласъ, Шапталь, Кабанисъ, Марія - Жозефъ-Шенье, ученые, поэты и мыслители, всѣ увѣровали, что этотъ молодой генералъ, геометръ и философъ, пересоздастъ республику согласно ихъ собственнымъ воззрѣніямъ. Онъ старался казаться скорѣй гражданиномъ, чѣмъ военнымъ, и сталъ носить статскій сюртукъ съ турецкой саблей. «У него теперь короткіе волосы, говорила одна газета. Климатъ, въ которомъ онъ прожилъ около года, придалъ

темный оттѣнокъ его прежде блѣдному лицу». Въ первый разъ послѣ 1789 года газеты стали удѣлять такое вниманіе отдѣльной личности, передавать изъ его жизни столько мелкихъ чертъ, анекдотовъ, словечекъ и поступковъ, которые должны были свидѣтельствовать о благородствѣ намѣреній и возвышенности его чувствъ. Ничего подобнаго не было ни съ Мирабо, ни съ Робеспьеромъ. И это не была продажная или подстроенная реклама: общая симпатія заставляла дорожить всякимъ пустякомъ, имѣвшимъ отношеніе къ любибимому герою. Гошъ вызывалъ къ себѣ удивленіе. Бонапартъ—не только удивленіе, но и любовь. Она чувствуется даже въ тѣхъ дальновидныхъ республиканцахъ, которые питали къ нему недовѣріе и смотрѣли на него, какъ на будущаго Кромвеля. Франція стала отождествлять себя съ этимъ героемъ, который умѣлъ побѣждать и говорить, и казался тѣмъ выше сравнительно со своими современниками, что гильотина услужливо прикончила всѣхъ его возможныхъ соперниковъ и сорвала весь мыслящій и дѣятельный цвѣтъ революціоннаго поколѣнія. Общій уровень палъ—и великій человѣкъ казался прямо гигантомъ. На него были обращены всѣ взоры.

Бонапартъ и Сійесъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при возвращеніи изъ Египта Бонапартъ уже лелѣялъ планъ заговора и переворота, ставъ, по выраженію одного изъ своихъ братьевъ, «столь-же ловкимъ интриганомъ, какъ искуснымъ полководцемъ». Еще на востокѣ онъ узналъ о внутреннихъ и внѣшнихъ опасностяхъ, угрожавшихъ Франціи, и рѣшилъ сдѣлаться ея «спасителемъ». Но когда онъ высадился около Фрежюса, оказалось, что страна уже спасена: Массена́ разбилъ Суворова при Цюрихѣ, а Брюнъ, побѣдивъ англичанъ въ Голландіи, вынудилъ герцога Іоркскаго сдаться на капитуляцію и сѣсть на корабли. Вотъ почему онъ держалъ себя такъ скромно и не злоупотреблялъ своей популярностью. Волей-неволей ему приходилось выжидать, хитрить и вести переговоры съ Сійесомъ. Сійесъ утверждалъ, что для проведенія его таинственныхъ, въ высшей степени сложныхъ плановъ новой конституціи нужна была шпага, но не такая большая, какъ у Бонапарта, а хотя бы такая, какъ у Моро. Однако Моро устранился, и выбора не осталось: не къ кому было обратиться, кромѣ Бонапарта. «Старая лисица» думала провести за носъ «молодого героя». Тѣмъ не менѣе Сійесъ уже предчувствовалъ послѣдующія событія. Однажды, бесѣдуя съ Жозефомъ Бонапартомъ и Кабанисомъ о своемъ проектѣ провозгласить Наполеона Бонапарта, себя самого и кого-либо третьяго консулами, онъ сказалъ: «я хочу идти рука объ руку съ Бонапартомъ потому, что изъ всѣхъ военныхъ онъ—самый статскій. Тѣмъ не менѣе, я знаю, что меня затѣмъ ожидаетъ: воспользовавшись успѣхомъ, генералъ броситъ обоихъ товарищей и совершитъ то, что я сдѣлаю сію минуту». Съ этими словами онъ оттолкнулъ обоихъ собесѣдниковъ въ разныя стороны и сталъ въ серединѣ комнаты. Когда объ этомъ разговорѣ передали Бонапарту, онъ засмѣялся и сказалъ: «да здравствуютъ умные люди! они далеко пойдутъ!» Тщетно Сійесъ старался добиться одобренія своей конституціи со стороны Бонапарта. Тотъ обсуждалъ съ нимъ исключительно способъ какимъ можно было произвести государственный переворотъ; что же касается конституціи, то, по его мнѣнію, она должна была быть разсмотрѣна особыми коммиссіями законодательнаго корпуса, личный составъ котораго слѣдовало бы предварительно очистить отъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ элементовъ. Если Сійесъ не согласенъ на это, пусть ищетъ другого генерала! Только вмѣшательство Талейрана и Рёдерера, игравшихъ очень дѣятельную роль за «кулисами» этого заговора, предупредили почти неизбѣжный разрывъ. Сійесъ покорился: его конституція была «отодвинута на второй планъ и предоставлена будущему».

Франція наканунѣ 18 брюмера. Итакъ, Бонапартъ, Сійесъ и другіе заговорщики рѣшили произвести противъ законодательнаго корпуса переворотъ, подобный 18 фруктидора. Но у нихъ не было увѣренности въ успѣхѣ. Общественное мнѣніе не требовало теперь спасителя. Послѣ столькихъ государственныхъ переворотовъ, которые совершались то народомъ, то правительствомъ, французы впали въ политическій скептицизмъ, въ полнѣйшую апатію, которая, конечно, развязывала руки смѣльчакамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишала ихъ всякой надежды на дѣйствительно обще-

національное сочувствіе. Безспорно, чисто-республиканскій духъ и принципъ равенства давно уже были затемнены крайностями террора, апоѳеозомъ счастливыхъ полководцевъ, внутреннимъ безсиліемъ и произволомъ директоріи. Безспорно, и буржуазія,—новая общественная аристократія, и всѣ владѣльцы національныхъ имуществъ опасались, съ одной стороны, якобинцевъ, ставшихъ чуть не сторонниками Бабёфа, съ другой—роялистовъ, которые хотѣли возстановить общественныя отношенія въ томъ видѣ, какъ они существовали до 1789 года. Этого было достаточно, чтобы сдѣлать переворотъ, направленный противъ обѣихъ крайнихъ партій, возможнымъ, но слишкомъ мало, чтобы общественное мнѣніе считало его желательнымъ и необходимымъ. Нація не требовала его. Еслибы Бонапартъ вернулся изъ Египта нѣсколькими недѣлями раньше, когда Суворовъ хотѣлъ перейти нашу границу, быть можетъ, вся Франція, какъ одинъ человѣкъ, ввѣрила бы свою судьбу непобѣдимому полководцу. Но въ брюмерѣ VIII года наши окраины находились уже въ безопасности, а мятежи роялистовъ на югѣ были подавлены. Не было никакой крайности прибѣгать къ его помощи. Правда, незадолго передъ тѣмъ явилась новая опасность, которая была какъ нельзя болѣе на руку заговорщикамъ и едва не помогла осуществленію ихъ плановъ. 26 вандемьера пришло извѣстіе, что вандейцы снова взялись за оружіе и овладѣли Маномъ. 4 брюмера узнали, что они проникли ночью въ самый Нантъ, 10-го оказалось, что въ Фужерскомъ лѣсу въ Бретани собралось около 3000 шуановъ. Графъ де-Фроттэ подымалъ Нормандію. Но вскорѣ побѣды Массены и Брюна разрушили разсчеты заговорщиковъ. Манъ былъ возвращенъ республикѣ. Инсургенты отступали. Генералъ Гедувилль, слѣдуя, по приказу директоріи, политикѣ Гоша, подготовилъ полное замиреніе края, оказавшееся впослѣдствіи однимъ изъ лавровъ Бонапарта. Общественное мнѣніе не тревожилось возрожденіемъ вандейцевъ и шуановъ, видя въ этомъ движеніи чисто-искусственное явленіе. Прусскій посланникъ сообщалъ своему правительству, что повсюду во Франціи водворяется спокойствіе и стихаютъ даже религіозныя распри. Напрасно утверждали, будто законодательный корпусъ убожествомъ и несвязностью своихъ постановленій успѣлъ внушить окончательное отвращеніе къ парламентаризму. Напротивъ того, какъ разъ въ эти дни онъ съ полнымъ хладнокровіемъ и подобающей серьезностью занялся отмѣной террористическихъ законовъ о принудительномъ займѣ и заложникахъ. 17 брюмера должны были кончиться пренія по этому вопросу. Еслибы Сійесъ и Бонапартъ промедлили еще нѣсколько дней, они уже не моглибы ссылаться въ свое оправданіе на грозу якобинизма. Нужно было либо дѣйствовать, либо отказаться отъ своихъ замысловъ. Сійесъ колебался, Бонапартъ рѣшилъ попытать свое счастье.

Подготовка переворота. Ореолъ боевой славы Бонапарта и видное общественное положеніе Сійеса не могли бы обезпечить успѣха государственному перевороту, котораго не желала Франція, еслибы на сторонѣ его не стояло большинство въ совѣтѣ старѣйшинъ. Правда, оно не иначе, какъ съ ужасомъ, относилось ко всякой мысли о военной диктатурѣ, но сочувствовало конституціоннымъ планамъ Сійеса, хотя никто не зналъ, въ какихъ именно преобразованіяхъ они заключаются, и даже самъ Сійесъ, по всей вѣроятности, не выяснилъ себѣ ни деталей будущаго политическаго строя, ни способовъ его осуществленія. Совѣтъ пятисотъ постановилъ карать смертью всѣхъ генераловъ, министровъ, директоровъ и другихъ политическихъ дѣятелей, которые предложатъ или примутъ условія мира, нарушающія нераздѣльность республики, или *измѣненіе конституціи III-го года.* Этотъ проектъ закона, явно направленный противъ Сійеса, былъ отвергнутъ старѣйшинами 2 брюмера VIII года. Совѣтъ пятисотъ не настаивалъ. Между палатами не произошло столкновенія, но осталось глубокое разногласіе. Старѣйшины допускали возможность измѣненія конституціи; совѣтъ пятисотъ ради ея поддержанія избѣгалъ всякихъ конфликтовъ, готовъ былъ идти на уступки, но не проявлялъ ни силы, ни предусмотрительности. Понявъ, что надо остерегаться Сійеса, онъ нисколько не опасался Бонапарта и въ своей довѣрчивости дошелъ до того, что 1 брюмера выбралъ своимъ предсѣдателемъ его брата, Люсьена Бонапарта, который по этому поводу поклялся зарѣзать всякаго диктатора. Старѣйшины,

выбирая новыхъ «инспекторовъ залы засѣданій» (квесторовъ), назначили будущихъ участниковъ государственнаго переворота—Корнэ, Куртуа, Бопрэ, Барайльона и Фабра.

17 брюмера Бонапартъ удостовѣрился въ преданности офицеровъ и войскъ. Онъ добился нейтралитета генерала Бернадотта, склонилъ на свою сторону Макдональда, Бёрнонвилля и своего зятя Леклерка, заручился содѣйствіемъ Моро, который былъ недоволенъ директоріей. Одинъ изъ современниковъ, историкъ Тиссо, увѣряетъ, что военный министръ былъ уже извѣщенъ о существованіи заговора и предложилъ директорамъ арестовать Бонапарта, но тѣ не дали своего согласія на эту мѣру, будучи разубѣждены министромъ полиціи Фуше. Горячѣе всѣхъ защищалъ Бонапарта добрякъ Гойе, не хотѣвшій вѣрить въ возможность заговора на томъ основаніи, что какъ разъ на другой день, 18 брюмера, Бонапартъ хотѣлъ у него обѣдать. Сійесъ, увѣренный въ сочувствіи Роже Дюкоса и мудромъ нейтралитетѣ Барраса, безъ труда обошелъ своего коллегу Мулена. Пользуясь помощью Фуше и совѣтами искуснаго Талейрана, увѣренные въ поддержкѣ большинства старѣйшинъ, Бонапартъ и Сійесъ не испытывали ни малѣйшаго безпокойства и отдали послѣднія распоряженія относительно переворота. Между тѣмъ коммиссія инспекторовъ приглашала старѣйшинъ на чрезвычайное засѣданіе, назначенное на другой день, 18 брюмера, въ 8 часовъ утра.

События 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.). Послѣ открытія засѣданія совѣта старѣйшинъ Корнэ, предсѣдатель коммиссіи инспекторовъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ сообщилъ о существованіи заговора. «Коммиссіи извѣстно, сказалъ онъ, что въ Парижъ толпами стекаются заговорщики; ихъ здѣшніе единомышленники ждутъ только сигнала, чтобы занести кинжалъ надъ представителями націи, надъ членами верховныхъ учрежденій республики. Предотвратить опасность еще не поздно, но нельзя терять ни минуты. Если вы упустите время, республика отойдетъ въ область прошлаго, и хищные вороны станутъ терзать ея останки». Тотчасъ же Ренье, не вдаваясь въ подробности и лишь упомянувъ объ «омерзительной иностранной крамолѣ», предложилъ старѣйшинамъ воспользоваться правомъ, которое даетъ имъ конституція, и перенести засѣданія законодательнаго корпуса въ какую-либо другую коммуну. Онъ указываетъ при этомъ на Сенъ-Клу, и палата одобряетъ этотъ выборъ, очевидно желая подчеркнуть, что, переходя въ столь ничтожное мѣстечко, она и не помышляетъ объ обезстоличеніи Парижа. Было рѣшено, что оба совѣта соберутся тамъ на другой день, 19 брюмера. «Генералъ Бонапартъ уже тамъ, прибавляетъ Ренье; онъ готовъ привести въ исполненіе вашъ декретъ, какъ только вы возложите на него эту обязанность. Славный дѣятель, имѣющій столько заслугъ передъ отечествомъ, сгораетъ желаніемъ увѣнчать рядъ своихъ подвиговъ самопожертвованіемъ въ пользу республики и національнаго представительства». Онъ предлагаетъ назначить Бонапарта начальникомъ 17-й дивизіи, стоящей въ департаментѣ Сены. Если старѣйшины имѣли право перенести засѣданія законодательнаго корпуса, то конституція не предоставляла имъ назначеніе командировъ. Тѣмъ не менѣе они приняли предложеніе Ренье и сдѣлали соотвѣтствующее постановленіе. Въ одиннадцать часовъ собрался совѣтъ пятисотъ и получилъ извѣщеніе о декретѣ старѣйшинъ. Предсѣдатель Люсьенъ Бонапартъ тотчасъ же закрылъ засѣданіе, чтобы не допустить какихъ бы то ни было преній. Между тѣмъ приказъ о назначеніи послали Бонапарту, даже не дожидаясь собранія пятисотъ. Съ крыльца своего дома онъ держалъ рѣчь къ цѣлому штабу собравшихся офицеровъ; слушателей было такъ много, что толпа стояла даже на улицѣ. На возраженія своего предшественника по командованію 17-й дивизіей, генерала Лефевра, Бонапартъ говорилъ, что пора освободить республику отъ «адвокатовъ». Онъ уже успѣлъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы войска заняли Елисейскія поля и садъ Тюльери. Получивъ оффиціальный приказъ, онъ явился въ совѣтъ старѣйшинъ для принесенія присяги. Но вмѣсто того, чтобы поклясться въ «вѣрности республикѣ и конституціи III-го года», а также въ томъ, что «всѣми своими силами будетъ противиться возстановленію королевской власти и всякой иной тираніи», какъ требовала формула, узаконенная 12 термидора VII года, онъ заявилъ: «мы хотимъ республики, осно-

ванной на истинной свободѣ, на свободѣ гражданской, на національномъ представительствѣ. И у насъ она будетъ! Клянусь въ этомъ отъ своего имени и отъ лица всѣхъ моихъ товарищей по оружію». Затѣмъ, перейдя въ залъ «инспекторовъ», онъ отдалъ рядъ приказовъ и поручилъ своимъ приверженцамъ командованіе отдѣльными частями. Хотя никакой декретъ не уполномочивалъ его назначать начальника гвардіи люксембургскаго дворца, гдѣ жили директоры, онъ предоставилъ эту должность Моро, и тотъ принялъ на себя роль тюремщика. Ворота Парижа были заперты и прервано всякое сообщеніе съ провинціей. Парижане оставались равнодушными, не выказывая ни недовольства, ни сочувствія. Массы народа толпились на улицахъ и читали прокламаціи Бонапарта, въ которыхъ онъ восклицалъ: «въ какомъ положеніи я оставилъ Францію и въ какомъ нашелъ ее по своемъ возвращеніи! Нужно положить предѣлъ такому безпорядку» и т. д. Министръ полиціи и центральная администрація департамента Сены въ особыхъ объявленіяхъ выражали свое сочувствіе перевороту. Распространялись брошюры, въ которыхъ прославлялся Бонапартъ, указывались его либеральныя намѣренія, говорилось, что онъ не будетъ ни Цезаремъ, ни Кромвелемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ утверждали, что переворотъ произведенъ на строго-законной почвѣ. Для Бонапарта было въ высшей степени важно, чтобы большинство директоріи завѣрило своими подписями конституціонность декрета старѣйшинъ, въ силу котораго онъ былъ назначенъ командиромъ 17-й дивизіи. Все зависѣло отъ Барраса. Примкни онъ къ Гойе и Мулену, начатый переворотъ кончился бы неудачей. Но онъ предпочелъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства; его отсутствіе было въ высшей степени выгодно для заговорщиковъ. Гойе, занимавшій мѣсто предсѣдательствующаго, созвалъ директорію. На зовъ явился одинъ Муленъ. Баррасъ прислалъ заявленіе объ отставкѣ. Тогда Гойе и Муленъ, смущенные этой неожиданностью, отправились въ залу инспекторовъ, откуда не хотѣли выйти Сійесъ и Роже-Дюкосъ, и всѣ вчетверомъ подписались подъ декретомъ. Очевидно, Гойе и Муленъ либо совсѣмъ потеряли голову, либо все еще не понимали Бонапарта. Вернувшись въ Люксембургскій дворецъ, они оказались плѣнниками Моро. Протестъ, посланный ими въ законодательный корпусъ, былъ перехваченъ агентами Бонапарта. Муленъ бѣжалъ. Гойе оставался взаперти до 20 брюмера. У Франціи не было правительства!

Событія 19 брюмера. Между тѣмъ переворотъ чуть было не кончился неудачей: республиканцы, сторонники конституціи III-го года, успѣли войти между собою въ соглашеніе втеченіе 24 часовъ, которые прошли съ момента провозглашенія декрета о переносѣ засѣданій въ Сенъ-Клу и собраніемъ законодательнаго корпуса. Стало яснымъ, что предсѣдатель Люсьенъ Бонапартъ преувеличивалъ свое вліяніе на товарищей и что большинство совѣта пятисотъ настроено очень враждебно противъ Сійеса и Наполеона Бонапарта. Даже среди старѣйшинъ оппозиціонное меньшинство не скрывало своего негодованія по поводу насилія, совершеннаго надъ Гойе и Муленомъ. Засѣданіе пятисотъ было открыто въ оранжереѣ; старѣйшины расположились въ галлереѣ Марса. Кругомъ стояли войска, но депутаты не чувствовали себя въ опасности, такъ какъ значительная часть солдатъ, охранявшихъ дворецъ, принадлежала къ числу гренадеръ законодательнаго корпуса. Старѣйшины явились въ 2 часа. Меньшинство тотчасъ же требуетъ объясненій относительно заговора, о которомъ говорилось наканунѣ. Въ отвѣтъ сообщаютъ ложное извѣстіе, будто директоры Гойе, Муленъ и Роже Дюкосъ, подобно Баррасу, подали въ отставку, что же касается Сійеса, то надъ нимъ якобы учрежденъ надзоръ. Въ 4 часа къ периламъ является Бонапартъ со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ и произноситъ безсвязную рѣчь, которую начинаетъ съ того, что ему «сопутствуетъ богъ счастья и славы». Онъ проситъ старѣйшинъ «предотвратить распри», спасти свободу и равенство. Ему кричатъ: «а конституція?» Онъ отвѣчаетъ, что конституція, которую попираютъ всѣ и каждый, не въ силахъ спасти Францію. Отъ него требуютъ именъ мнимыхъ заговорщиковъ: въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ онъ намекаетъ на Барраса и Мулена. Собраніе настаиваетъ: генералъ путается, теряетъ голову, оговариваетъ совѣтъ пятисотъ, упоминаетъ о солдатахъ и выходитъ изъ засѣданія. Республиканецъ Дальфонсъ предлагаетъ своимъ коллегамъ дать клятву на

вѣрность конституціи III-го года. Большинство въ замѣшательствѣ. Въ эту минуту приходитъ извѣстіе, что въ совѣтѣ пятисотъ только что убили Бонапарта. Совѣтъ старѣйшинъ образуетъ изъ себя тайный комитетъ.

Палата пятисотъ собралась одновременно со старѣйшинами. Дельбрель воскликнулъ: «либо конституція, либо смерть! штыки не пугаютъ насъ, мы здѣсь свободны! я требую, чтобы всѣ члены совѣта, каждый въ отдѣльности, немедленно повторили клятву на вѣрность конституціи III-го года». Все собраніе въ энтузіазмѣ поднялось со своихъ мѣстъ, и каждый депутатъ, въ томъ числѣ и Люсьенъ Бонапартъ, принесъ узаконенную присягу. Отказался только одинъ, а именно бывшій членъ конвента жирондистъ Бергоэнъ. Стали обсуждать вопросъ объ отставкѣ и замѣнѣ Барраса, когда въ залу вошелъ Бонапартъ. Въ одной рукѣ у него была шляпа, въ другой хлыстъ. За нимъ слѣдовали четыре гренадера законодательнаго корпуса, вооруженные только саблями. Сравнительно съ этими рослыми молодцами онъ казался еще меньше, былъ блѣденъ, взволнованъ и видимо колебался. Быть можетъ, лучше всего было бы дать ему высказаться и поставить рядъ категорическихъ вопросовъ, но гнѣвъ и раздраженіе увлекли большинство членовъ. Раздались крики: «долой диктатора! внѣ закона!» Дестремъ воскликнулъ: «такъ вотъ для чего ты одерживалъ побѣды!» Утверждаютъ, что нѣсколько депутатовъ, въ особенности Арена, грозили ему кинжалами, и что одинъ изъ гренадеровъ, по имени Томэ, получилъ ударъ, предназначенный для Бонапарта. Съ другой стороны, имѣется рядъ вѣскихъ показаній очевидцевъ, даже изъ бонапартистскаго лагеря, что произошла простая свалка, во время которой, пожалуй, и былъ разорванъ рукавъ у Томэ, но ни у кого не было кинжаловъ и никто на покушался на убійство. Какъ бы то ни было, Бонапарта оскорбили, оттолкнули и вынудили удалиться. Его братъ Люсьенъ пытался оправдать его образъ дѣйствій, но былъ освистанъ и уступилъ предсѣдательство другому заговорщику Шазалю. Предложили отмѣнить назначеніе Бонапарта начальникомъ 17-й дивизіи и провозгласить, что войска, собранныя въ Сенъ-Клу, составляютъ гвардію законодательнаго корпуса. Шазаль отказался пустить на голосованіе эти резолюціи. Тогда все собраніе кричитъ, какъ одинъ человѣкъ: «*объявить Бонапарта внѣ закона!*» Люсьена заставляютъ занять предсѣдательское кресло и вотировать этотъ декретъ. Тотъ рыдаетъ, чувствуетъ себя дурно и слагаетъ знаки предсѣдательскаго званія. Его окружаютъ, утѣшаютъ и позволяютъ пойти за братомъ, чтобы тотъ покончилъ все дѣло торжественнымъ удостовѣреніемъ своей преданности конституціи. Шазаль снова занимаетъ мѣсто предсѣдательствующаго. Стоитъ невообразимый шумъ. Ожеро, оказавшійся въ числѣ депутатовъ, требуетъ отъ предсѣдателя, чтобы голосовали вопросъ объ объявленіи «внѣ закона». Постановленіе было уже почти принято, когда ворвались солдаты.

Выйдя изъ залы пятисотъ, Бонапартъ былъ очень блѣденъ и шелъ съ поникшей головой, еле передвигая ногами, какъ лунатикъ. Вслѣдъ ему неслись крики: «внѣ закона!» — тѣ самыя слова, которыя нѣкогда были смертнымъ приговоромъ для Робеспьера. Войска и толпа замерли отъ ожиданія. Со страху ему показалось, что всѣ отъ него отшатнулись; ужасъ сковалъ ему члены. Онъ сѣлъ было на коня, чтобы говорить съ солдатами, но тутъ же свалился на землю. Его подняли и окружили. Пришелъ Люсьенъ и увелъ его въ одну изъ залъ дворца, гдѣ Сійесъ сказалъ ему: «они хотятъ поставить васъ внѣ закона: — выставьте ихъ изъ залы». Тутъ же сочинили басню о «кинжалахъ» и сказали солдатамъ, будто бунтовщики хотѣли убить генерала. Самъ предсѣдатель совѣта пятисотъ приказалъ имъ очистить залу, гдѣ засѣдали «убійцы», и разсѣять депутатовъ. Барабанщики и два взвода гренадеръ съ ружьями на перевѣсъ вошли въ оранжерею. Бленъ, Бигоннэ, Тало и генералъ Журданъ тщетно пытались убѣдить ихъ въ незаконности такого насилія: они толкали депутатовъ, выгоняли ихъ вонъ, а наиболѣе упорствующихъ брали на руки и выносили на улицу. Зрители, сидѣвшіе на трибунахъ, прыгали въ окна.

Упраздненіе директоріи; учрежденіе временнаго консульства. Совѣтъ старѣйшинъ тотчасъ же поручилъ коммиссіи выработать рядъ необходимыхъ мѣропріятій и, согласно ея докладу, вотировалъ упраздненіе директоріи, учрежденіе исполнитель-

ной коммиссіи изъ трехъ членовъ и отсрочку засѣданій законодательнаго корпуса. Но Сіейсу и Бонапарту казалось, что общественное мнѣніе не удовлетворится постановленіемъ одного совѣта старѣйшинъ. Они созвали 25 или 30 членовъ совѣта пятисотъ, которые засѣдали, подъ предсѣдательствомъ Люсьена Бонапарта, до 9 час. вечера, выслушали докладъ Булэ (отъ Мёрты) и, какъ бы составляя большинство пятисотъ, постановили: отмѣнить директорію; исключить изъ законодательнаго корпуса 61 члена, между прочимъ Тало, Арена, Бріо, Дестрема, Гупилло (отъ Монтегю) и генерала Журдана; учредить временную консульскую коммиссію, въ которую подъ именемъ *«консуловъ французской республики»* должны были войти граждане Сіейсъ, Роже Дюкосъ и Бонапартъ; отсрочить засѣданія законодательнаго корпуса до ближайшаго 1-го вантоза. На это время рѣшено было замѣнить и тотъ, и другой совѣтъ особыми комиссіями, по 25 членовъ въ каждой, выбираемыхъ изъ числа членовъ соотвѣтствующаго совѣта, и предоставить этимъ коммиссіямъ право, «не иначе, какъ по прямому предложенію исполнительной консульской коммиссіи, вершить неотложныя дѣла, касающіяся полиціи и финансовъ», а также выработать «измѣненія въ основныхъ законахъ конституціи, недостатки и пробѣлы которой доказаны опытомъ». Совѣтъ старѣйшинъ тотчасъ утвердилъ эти постановленія, и трое консуловъ явились къ его рѣшеткѣ, чтобы принести клятву «въ вѣрности республикѣ единой и нераздѣльной, свободѣ, равенству и представительной системѣ». Эта формула была предложена Люсьеномъ Бонапартомъ. Говоря съ трибуны совѣта пятисотъ, онъ сравнилъ этотъ день съ днемъ клятвы въ Жё-де-Помъ. Что касается солдатъ, которые разогнали депутатовъ, то они были глубоко убѣждены, что спасли республику, и вернулись въ Парижъ, распѣвая «Ça ira» и другіе революціонные гимны.

Глава VIII.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКТОРІЯ. ДИПЛОМАТІЯ И ВОЙНЫ (1795—1799).

I. *Продолженіе войны съ Австріей (1796—1797).*

Арміи директоріи. Арміи временъ директоріи не отличаются отъ войскъ конвента ни по способу набора, ни по вооруженію. Но сходныя извнѣ, онѣ глубоко различны по своимъ внутреннимъ качествамъ; духъ ихъ мѣняется: изъ войскъ, проникнутыхъ преданностью республиканскимъ учрежденіямъ, мало-по-малу образуется пассивное орудіе въ рукахъ одного человѣка,—наполеоновская армія.

Система постоянной реквизиціи обезпечивала исправное пополненіе личнаго состава новыми рекрутами. Законъ послѣдовательно призывалъ подъ знамена всѣ поколѣнія, начиная съ 20-лѣтняго возраста. Правительство могло удерживать на службѣ солдатъ и по достиженіи 25 л.: для этого нужно было объявить декретъ о поголовномъ наборѣ (levée en masse). Необходимость защищать Францію, а также созданныя ею республики, которыя были разбросаны на громадномъ протяженіи отъ устья Рейна до южной Италіи, требовала все болѣе и болѣе многочисленныхъ комплектовъ. Иностранцы, т.-е. голландцы, нѣмцы и итальянцы, образовывали такъ называемые *вспомогательные легіоны*, которые должны были дѣйствовать на ряду съ нашими войсками. Въ промежутокъ между 1795 и 1797 годами были сформированы: ирландская бригада, легіонъ сѣверныхъ франковъ (Francs du Nord), ломбардскій легіонъ (въ Миланѣ), итальянскій легіонъ (въ Болоньѣ). Офицеры набирались исключительно изъ французовъ. Это былъ возвратъ къ системѣ батавскихъ, бельгійскихъ, аллоброгскихъ и др. легіоновъ, которые, будучи образованы въ 1793 г., существовали очень недолгое время.

Пѣхота попрежнему была вооружена кремневыми ружьями образца 1777 года, артиллерія—пушками съ гладкимъ дуломъ 1765 года. Стали дѣлить людей по росту, распредѣляя ихъ между гренадерами и стрѣлками, употребляя однихъ, по преимуществу, для сопротивленія, другихъ для атаки. Въ эпоху директоріи царила страшная нужда. По большей части солдаты надѣвали на себя, что попадалось подъ руки. «Треть солдатъ шла босикомъ», говоритъ Гувіонъ-Сенъ-Сиръ, описывая отступленіе Моро. «Только кожаная амуниція вносила нѣкоторое однообразіе въ ихъ одежду». Обязанности нынѣшнихъ интендантовъ лежали на *«коммиссарахъ-распорядителяхъ»* (commissaires ordonnateurs). Исправно доставлялось только оружіе, что же касается продовольствія и одежды, то эти части оставляли желать очень многаго. Обычнымъ способомъ доставленія солдату всего необходимаго было неизбѣжно неравномѣрныя и болѣе или мене случайныя реквизиціи.

Были основаны училища для подготовки будущихъ офицеровъ. Школа Марса, которая должна была обучать 3000 молодыхъ людей, была распущена 25 октября 1794 года. Это было, безспорно, ошибкой. Директорія устроила три кавалерійскихъ школы: въ Версалѣ, Люневиллѣ и Анжерѣ. Школы политехническая, инженерная и артиллерійская должны были выпускать офицеровъ для частей со спеціальнымъ родомъ оружія. Въ школахъ здравія, имѣвшихся въ Парижѣ, Монпелье и Страсбургѣ, получали образованіе военные санитары и хирурги. Эти школы, учрежденныя конвентомъ, вошли въ колею и стали дѣйствовать вполнѣ правильно.

Въ качествѣ члена директоріи Карно продолжалъ завѣдовать военными дѣйствіями вплоть до государственнаго переворота 18 фруктидора. Переписка со всѣми командирами корпусовъ свидѣтельствуетъ объ его неутомимой энергіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что его математическія построенія не всегда оказывались приложимыми на практикѣ. Геометръ иногда вредилъ въ немъ стратегу. Онъ сдѣлалъ совершенно правильное наблюденіе, что, разомъ опрокинувъ оба крыла арміи, можно поставить ея центръ въ безвыходное положеніе. Но изъ этой геометрической истины онъ сдѣлалъ ошибочный выводъ и, въ 1796 году, примѣнилъ его къ военнымъ дѣйствіямъ въ Германіи. Журданъ и Моро, идя одинъ по долинѣ Майна, другой—по теченію Дуная, должны были захватить войско эрцгерцога Карла. Въ дѣйствительности вышло какъ разъ обратное. Пути ихъ были столь далеки другъ отъ друга, что они не могли поддерживать между собою сношеній и сообразовать свои дѣйствія. Эрцгерцогъ же Карлъ, благодаря своей центральной позиціи, могъ нападать то на одного, то на другого и, имѣя въ своемъ распоряженіи больше силъ, чѣмъ у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, разбивать ихъ или задерживать ихъ движеніе. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что военными успѣхами этого времени мы обязаны главнымъ образомъ Карно, а не кому другому.

Новый духъ войска. Духъ нашихъ армій рѣзко измѣнился. Волонтеры и реквизиціонеры, закаленные суровой школой походовъ и битвъ, мало-по-малу превратились въ служакъ, забывшихъ о возвращеніи къ родному очагу и не дорожившихъ ничѣмъ, кромѣ своего знамени и воинской чести. Восторжествовавъ надъ усталостью, столькими муками и лишеніями, переживъ столько кровопролитныхъ сраженій, они обратились въ отборныхъ ветерановъ, умѣвшихъ побѣждать самыя лучшія арміи и наиболѣе выдающихся полководцевъ. У нихъ было теперь не меньше энтузіазма, чѣмъ въ началѣ революціи. Капитанъ Шапюи, прослужившій пятнадцать лѣтъ въ королевской арміи, пробывшій затѣмъ тридцать два года въ отставкѣ, снова поступившій на службу и получившій чинъ капитана въ 66 лѣтъ, 25 ноября 1795 г. подъ Страсбургомъ былъ раненъ въ лѣвую руку. Когда ее ампутировали, онъ схватилъ ее правой и воскликнулъ: «да здравствуетъ республика! у меня есть еще другая рука, чтобы защищать ее!» Онъ остался на службѣ въ качествѣ плацъ-адъютанта гор. Страсбурга. Люди поражали своей выносливостью. Офицеры и генералы получали всего по 8 франковъ въ мѣсяцъ. Можно представить себѣ, въ какомъ положеніи были солдаты! Гувіонъ-Сенъ-Сиръ съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ о страданіяхъ осажденныхъ въ Майнцѣ. Всѣ лошади артиллеристовъ и реквизиціонеровъ пали отъ усталости, холода и голода; артиллерійскія орудія, которыхъ некому было передвигать, попали въ руки австрійцевъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что лишенія, которыя пришлось перенести рейнской арміи въ суровую зиму 1795 г., были несравненно ужаснѣе тѣхъ, которыя испытали войска Наполеона при отступленіи изъ Москвы и переправѣ черезъ Березину. Беззаботность и самоувѣренность французскаго солдата не мало облегчали ему перенесеніе несчастій. Доказательствомъ этого можетъ служить оригинальная молитва сержанта Фрикассэ: «Боже справедливый... помоги благородной націи, которая борется за равенство. Благослови отважныхъ гражданъ, которые жертвуютъ своей жизнью и благосостояніемъ ради защиты отечества». Пламенная вѣра этихъ ветерановъ дѣлала ихъ непобѣдимыми.

Арміи на Рейнѣ. Сѣверная армія была оставлена въ Голландіи, подъ начальствомъ Моро, для наблюденія за дѣйствіями непріятеля. Что касается самоотверженной арміи Самбры и Мааса, то на нее попрежнему возлагали наиболѣе трудныя и не-

благодарныя задачи. Еще въ 1794 и 1795 гг. ей приходилось расчищать дорогу арміи Пишегрю. Въ 1796 и 1797 гг. она дважды должна была подставлять себя подъ удары австрійцевъ, чтобы выручить изъ затруднительнаго положенія Моро. Армія Рейна и Мозеля могла противопоставить побѣду при Вейссенбургѣ—сраженію при Ваттиньи, но въ лѣтописяхъ ея подвиговъ нѣтъ столь славной страницы, какъ битва при Флёрюсѣ. Въ 1795 году она вынуждена была исправлять тяжкія послѣдствія отступленія, которое было вызвано измѣной Пишегрю. Теперь, подъ твердымъ управленіемъ Моро, она пріобрѣла выправку, стала сплоченнымъ, строго дисциплинированнымъ цѣлымъ и превратилась въ образцовое войско. Офицеры по образу жизни ничѣмъ не отличались отъ солдатъ, ѣли вмѣстѣ съ ними и во время долгихъ, утомительныхъ переходовъ шли передъ фронтомъ съ ранцемъ за плечами. Солдаты понимали величіе своего долга. Нося оружіе и подчиняясь воинской дисциплинѣ, они все же сознавали себя свободными гражданами, частью другого, несравненно большаго цѣлаго, чѣмъ армія. Конвентъ насадилъ «гражданственность въ лагерѣ». Обѣ рейнскихъ арміи отличались отъ всѣхъ другихъ болѣе строгой дисциплиной, большимъ патріотизмомъ, болѣе искренней и глубокой преданностью республиканскимъ учрежденіямъ.

Итальянская армія. Итальянская армія имѣла тѣ же боевыя достоинства, но духъ ея уже измѣнился. Закаленная невзгодами трехлѣтней безпрерывной кампаніи, она стала превосходнымъ орудіемъ въ рукахъ искуснаго вождя. Хищенія правительственныхъ агентовъ, поставщиковъ и многихъ офицеровъ довели ее до самой жалкой нищеты. «Я видѣлъ, пишетъ директоріи изъ Генуи коммиссаръ Ребуль, всю эту шайку чиновниковъ военнаго вѣдомства; ихъ помыслы сосредоточены исключительно на томъ, чтобы нажиться, во что бы то ни стало; основной принципъ ихъ дѣятельности — въ шесть мѣсяцевъ составить себѣ цѣлое состояніе». Солдаты не воздерживались отъ мародерства. Они нагло требовали отъ младшихъ офицеровъ, которые нуждались не меньше ихъ, своего задержаннаго жалованья. Когда Бонапартъ сталъ во главѣ арміи, онъ открыто предложилъ ей разграбить богатые города и захватить плодоносныя земли *). Солдатъ пересталъ видѣть въ военной службѣ исполненіе патріотическаго долга; она превратилась для него въ легкій путь къ почестямъ и быстрому обогащенію. Къ мародерству солдатъ вскорѣ присоединяется лихоимство начальниковъ; Бонапартъ не обращаетъ на это никакого вниманія и даже поощряетъ нѣкоторыхъ взяточниковъ. «Мы на рынкѣ, все продажно», пишетъ онъ. Ничего не требуя лично для себя и не поживившись ни однимъ сантимомъ, онъ, однако, не трогаетъ никого изъ завѣдомо виновныхъ и только прибираетъ къ рукамъ всѣ нити хищеній, чтобы тѣмъ успѣшнѣе воспользоваться этими людьми впослѣдствіи, въ своихъ личныхъ видахъ. Что касается побѣжденныхъ, то по отношенію къ нимъ онъ примѣняетъ, можно сказать, совершенно «научный» методъ: онъ требуетъ громадныхъ контрибуцій, могущихъ прокормить и армію, и директорію, и даже чуть не самую Францію. Кромѣ денегъ и припасовъ, онъ захватываетъ и увозитъ съ собой драгоцѣнныя рукописи, хранившіяся въ музеяхъ, знаменитыя картины и статуи. Такъ началось извращеніе славныхъ традицій республиканской арміи, отличавшейся безкорыстіемъ и честностью. Народы, видѣвшіе до тѣхъ поръ въ нашихъ солдатахъ и военачальникахъ желанныхъ освободителей, возненавидѣли ихъ за насильственное присвоеніе не только ихъ золота, но и безцѣнныхъ историческихъ памятниковъ.

Генералы. Первое поколѣніе республиканскихъ генераловъ быстро сошло со сцены. Нечеловѣческія усилія надломили ихъ силы. Марсо былъ убитъ при Альтенкирхенѣ, Гошъ умеръ въ Вецларѣ, Журданъ оказался плохимъ политикомъ, Пишегрю измѣнилъ. Во главѣ арміи сталъ второй призывъ республиканскихъ генераловъ. Это были Жуберъ, Шампіоннэ, Шереръ, Десэ, Моро и другіе. Жуберъ былъ сыномъ чиновника. Когда его назначили генераломъ, онъ былъ такъ молодъ, что не рѣшался принять

*) Знаменитая прокламація Бонапарта, начинающаяся словами: «солдаты! вы голодны и босы»... и т. д., въ дѣйствительности никогда не была объявлена въ видѣ приказа по арміи. Это не что иное, какъ резюме тѣхъ бесѣдъ, которыя новый командующій велъ съ офицерами при осмотрѣ отдѣльныхъ полубригадъ. Не имѣя никакого оффиціальнаго значенія, оно тѣмъ не менѣе очень точно воспроизводитъ тѣ новыя чувства и стремленія, которыя Бонапартъ хотѣлъ привить своимъ войскамъ (см. мемуары Рогэ и воспоминанія Пельпорта).

столь отвѣтственный постъ. Это былъ убѣжденный республиканецъ, талантливый администраторъ въ Голландіи, неустрашимый полководецъ въ Италіи и Тиролѣ. Шампіоннэ или, по деревенскому выраженію, *champi* («побочный») получилъ очень хорошее воспитаніе у своего незаконнаго отца. Искренній демократъ, онъ относился къ солдатамъ, какъ къ согражданамъ. Несмотря на его абсолютное безкорыстіе, его совершенно несправедливо оклеветали послѣ удачнаго похода въ южную Италію. Шереръ былъ артиллерійскимъ капитаномъ еще при старомъ порядкѣ. Служа подъ начальствомъ Дюмурье, Пишегрю и Журдана, онъ вскорѣ сдѣлался ихъ опаснымъ соперникомъ. Десэ, пылкій и благородный, скромный до того, что не могъ отдѣлаться отъ чувства смущенія даже при своихъ частныхъ отношеніяхъ, становился истиннымъ героемъ подъ свистомъ пуль и вдохновенно руководилъ ходомъ сраженія. Солдаты обожали его. Какъ ни странно такое соединеніе противоположныхъ натуръ, онъ обладалъ достоинствами Конде и Катина. Моро былъ еще болѣе замѣчателенъ. Это былъ человѣкъ очень сильный, мужественный и хладнокровный; ему не хватало веселости и быстроты дѣйствій. Незамѣнимый при оборонительной войнѣ, превосходя всѣхъ своихъ современниковъ въ умѣньи отступать, онъ нѣсколько напоминалъ, однако, австрійцевъ излишнимъ благоразуміемъ и медлительностью. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ подготовкѣ кампаніи, изученіи мѣстности, способности щадить солдата и даже, когда нужно было,—самого непріятеля. «Разъ я стою во главѣ арміи, говоритъ онъ съ законной гордостью, война является бичемъ только для поля сраженія. Я не меньше забочусь о томъ, чтобъ ничто не нарушило требованій, вытекающихъ изъ французскаго національнаго характера, чѣмъ о томъ, чтобы внушить страхъ передъ нашимъ оружіемъ». Желая выручить товарища, онъ нерѣдко заслонялъ собою отъ непріятеля Пишегрю, Шерера и самого Бонапарта. Какъ жаль, что злопамятство и соревнованіе, толкнувшія его на измѣну, затемнили всѣ эти столь блестящія достоинства! Подъ руководствомъ этихъ суровыхъ генераловъ въ рейнскихъ арміяхъ получили боевое крещеніе будущіе маршалы имперіи—Ней, Сультъ, Лефевръ, Бернадоттъ, Макдональдъ, Гувьонъ-Сенъ-Сиръ.

Приближенными Бонапарта по итальянской арміи были люди очень различнаго духовнаго склада. Среди нихъ начали блистать: Бертье, начальникъ штаба; Ожеро, счастливецъ съ громадными военными дарованіями, хвастунъ, безстыдный грабитель, услужливый и щедрый для друзей, ничего не смыслившій въ политикѣ, наконецъ, демагогъ, подавшій 18 фруктидора примѣръ перваго военнаго переворота; Ланнъ, этотъ французскій Аяксъ, блестящій, щедрый рубака, вскорѣ выказавшій необыкновенныя дарованія и ставшій «изъ пигмея гигантомъ»; Мюратъ, фанфаронъ, идеалъ кавалериста, король моды, тщеславный и великолѣпный, созданный для парадовъ, сраженій и удовольствій; наконецъ, Массена, начавшій съ занятія морскимъ разбоемъ и контрабандой, вѣчно снѣдаемый жаждой обогащенія, храбрый, упорный, пользовавшійся авторитетомъ среди подчиненныхъ; говорили, что пушечные выстрѣлы проясняютъ его мысли; это было «любимое дитя побѣды». Всѣ они были прекрасными воинами, но плохими республиканцами; уже тогда можно было опасаться, что они окажутъ поддержку своему начальнику при достиженіи имъ чисто личныхъ цѣлей и промѣняютъ тогу гражданина на блестящее одѣяніе придворнаго.

Бонапартъ. Но истиннымъ баловнемъ судьбы, для котораго обстоятельства сложились въ крайне благопріятную комбинацію, былъ корсиканецъ Бонапартъ, воспитывавшійся въ бріенской военной школѣ на стипендію короля *). Не имѣя другихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя были обязательны для всякаго офицера старой монархіи, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы восполнить пробѣлы своего образованія; служа въ гарнизонахъ Валанса и Оксонна, онъ посвятилъ всѣ свои досуги чтенію по

*) Интересна аттестація, данная ему послѣ осмотра школы кавалеромъ де-Кераліо. «Господинъ де-Буонапарте (Наполеоне), родившійся 15 августа 1769 года, ростомъ 4 фута, 10 дюймовъ, 10 линій. Хорошаго сложенія, покоренъ, здоровъ. Въ четвертомъ классѣ онъ велъ себя очень хорошо, отличался порядочностью и признательностью. Всегда выказывалъ особенное прилежаніе къ математическимъ наукамъ, былъ удовлетворителенъ по исторіи и географіи, слабъ по нефронтовымъ упражненіямъ. Заслуживаетъ перевода въ Парижъ». Въ парижской школѣ, куда онъ поступилъ въ октябрѣ 1784 года, объ немъ говорятъ: «это корсиканецъ по происхожденію и по характеру; при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ пойдетъ очень далеко». Въ 16 лѣтъ его произвели въ чинъ младшаго лейтенанта.

незнакомымъ ему областямъ знанія. Часто задавались вопросомъ, что вышло-бы изъ этого офицера, принадлежавшаго къ мелкопомѣстному дворянству, не обладавшему состояніемъ и, благодаря своему корсиканскому происхожденію, не считавшемуся даже настоящимъ французомъ, — еслибъ не разразилась революція и не смела съ лица земли старые порядки, предоставлявшіе юридическія преимущества аристократизму и богатству, ставившіе въ особенно неблагопріятное положеніе иностранцевъ, а также новыхъ подданныхъ королевства. Для историка этотъ вопросъ не имѣетъ никакого смысла. Несмотря на свою раннюю зрѣлость, Бонапартъ былъ слишкомъ молодъ, чтобъ, подобно столькимъ другимъ, погибнуть въ революціонной бурѣ; не выходя изъ роли простого наблюдателя во время событій 20 іюня и 10 августа 1792 года, онъ, однако, высказался о необходимости примѣнить силу для торжества порядка. Благодаря своему земляку Салицетти, онъ успѣлъ завязать отношенія съ Фрерономъ, Баррасомъ, Фуше и обоими Робеспьерами, что не помѣшало ему отречься отъ столь опасныхъ знакомствъ послѣ переворота 9-го термидора. Онъ игралъ очень важную роль при обратномъ взятіи Тулона; занявъ постъ начальника артиллеріи въ итальянской арміи, онъ сталъ правой рукой Дюмербіона. Онъ, однако, отказался быть преемникомъ Анріо, въ качествѣ командира національной гвардіи, или руководить войсками, усмирявшими Вандею. Онъ былъ о себѣ слишкомъ высокаго мнѣнія, чтобы размѣняться на мелочи и обезславить свое имя въ междоусобной войнѣ. Одно время онъ былъ въ опалѣ и жилъ въ крайней бѣдности: ему пришлось сдѣлать заемъ у пріятелей, чтобы заказать себѣ новый мундиръ; онъ сталъ даже подумывать о переходѣ на турецкую службу и преобразованіи оттоманской артиллеріи *). Не слѣдуетъ удивляться такимъ планамъ: единственной цѣлью Бонапарта, поглощавшей всѣ его силы, было: во что бы то ни стало и гдѣ бы то ни было подниматься по общественной лѣстницѣ. 13 вандемьера открыло передъ нимъ заманчивыя перспективы: онъ согласился спасти конвентъ, но выговорилъ себѣ назначеніе на постъ командующаго одной изъ армій. Бывшій пріятель Робеспьера, главы якобинцевъ, сталъ теперь другомъ Барраса, главы «негодяевъ» (*pourris*). 11 марта 1796 года, черезъ два дня послѣ вступленія въ бракъ съ Жозефиной, вдовой генерала Богарнэ, онъ выѣхалъ изъ Парижа, чтобы принять командованіе итальянской арміей. Такъ былъ сдѣланъ первый шагъ на пути его замѣчательной карьеры.

Продолженіе войны. Англія и Австрія не подписали Базельскаго мира. Вмѣстѣ съ Россіей, которая попрежнему сохранила выжидательное положеніе, онѣ заключили тройственный союзъ противъ Франціи (28 сентября 1795 г.). Сардинія, Неаполь и южно-германскіе князья должны были оказать имъ въ высшей степени важную поддержку. Между тѣмъ республиканцы строили химерическіе планы о десантѣ и завоеваніи самой Англіи. Многовѣковая вражда толкала французовъ на безумное предпріятіе, которое должно было поглотить всю ихъ энергію и силы. Ведя одновременно и морскую, и сухопутную войну, страна, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны оказалась бы совершенно незащищенной и неминуемо подпала бы подъ тяжкіе удары непріятеля. Англія смѣялась надъ нашими усиліями. Австрія не могла забыть своихъ пораженій, признала себя побѣжденной, но жаждала отмщенія.

Измѣна Пишегрю. Военныя дѣйствія 1795 года были испорчены измѣной Пишегрю. Этотъ генералъ, который могъ бы разсчитывать на карьеру Бонапарта, кончилъ хуже, чѣмъ Дюмурье. Онъ впередъ опредѣлилъ цѣну своей измѣны, выторговалъ себѣ жезлъ маршала французскаго королевства, управленіе Эльзасомъ, милліонъ наличными и 200.000 ливровъ ежегодной ренты, отель въ Парижѣ и Шамборскій за́мокъ. За это онъ обѣщалъ низвергнуть «адвокатовъ» директоріи и возвести на престолъ графа Прованскаго. Онъ воображалъ, что одного экю достаточно, чтобы заставить солдата измѣнить своему долгу и республикѣ! Журданъ перешелъ Рейнъ у Дюссельдорфа, преслѣдуя Клерфэ и стремясь соединиться съ Пишегрю. Послѣдній продолжалъ идти впередъ; повидимому, онъ еще не рѣшался на измѣну или не обдумалъ всѣхъ ея подробностей. Овладѣвъ Мангеймомъ, онъ могъ вступить

*) Въ 1788 году онъ обратился къ русскому правительству съ просьбой о разрѣшеніи принять участіе во второй войнѣ съ турками. Екатерина II отвѣтила отказомъ.

въ Гейдельбергъ, котораго некому было защищать, разъединить австрійскія арміи и, дѣйствуя заодно съ Журданомъ, раздавить сначала Клерфэ, потомъ—Вурмзера. Были всѣ данныя, что кампанія кончится блистательнымъ и рѣшительнымъ ударомъ, который сдѣлаетъ изъ Австріи полнѣйшее ничтожество. Но какъ разъ въ этотъ моментъ Пишегрю совершилъ величайшее злодѣйство, которое было мыслимо въ его положеніи: онъ бросилъ на произволъ судьбы двѣ своихъ дивизіи и, подъ предлогомъ отступленія, далъ раздавить ихъ непріятелю. Клерфэ дѣйствительно истребилъ ихъ, вступилъ въ Гейдельбергъ и соединился съ Вурмзеромъ. Такимъ образомъ выгодами центральнаго положенія воспользовались не мы, а австрійцы: они соединили свои силы и могли поочередно обрушиваться на обѣ наши арміи. Они обратили въ бѣгство Пишегрю, отобрали у него Мангеймъ и отбросили его войска въ полномъ безпорядкѣ за линіи Вейссенбурга. Чтобы развязать себѣ руки и безпрепятственно провести свой предательскій планъ, Пишегрю заключилъ перемиріе съ австрійцами (31-го декабря 1795 г.). Ничего не подозрѣвавшая директорія ограничилась тѣмъ, что замѣнила его генераломъ Моро.

Германская кампанія 1796 г.; Журданъ. Журданъ подошелъ къ Майнцу и началъ его блокаду. Пораженіе Пишегрю заставило его поспѣшно отступить и послѣ тридцатичасового ожесточеннаго боя переправиться обратно черезъ Рейнъ при Нейвидѣ и Дюссельдорфѣ. Подобно командиру тонущаго судна, Моро, Шампіоннэ и Клеберъ, вызывая восторженные клики всей арміи, послѣдними вступили на лѣвый берегъ великой рѣки.

Война противъ Австріи была пріостановлена до весны 1796 года. Въ апрѣлѣ она была возобновлена, сначала въ Италіи, затѣмъ въ Германіи. Три арміи: Самбры и Мааса, Рейна и Мозеля, наконецъ, итальянская должны были двинуться на Вѣну, слѣдуя долинами Майна, Дуная и По. Блистательное наступленіе Журдана увѣнчалось необыкновеннымъ успѣхомъ. На лѣвомъ крылѣ его помощникъ Клеберъ перешелъ черезъ мостъ въ Дюссельдорфѣ и одержалъ побѣды при Укератѣ и Альтенкирхенѣ. Директорія поздравила его съ успѣхомъ. На правомъ крылѣ Марсо съ 25.000 человѣкъ было поручено возобновить блокаду Майнца и поддерживать сообщенія съ Моро. Съ этихъ поръ каждый шагъ ветерановъ Самбры и Мааса сопровождался побѣдой. Журданъ поднялся къ истокамъ Майна, преслѣдуя Вартенслебена, занялъ Франкфуртъ, Вюрцбургъ и Бамбергъ, вступилъ въ долину Нааба (притока Дуная) и овладѣлъ Амбергомъ. Такимъ образомъ онъ оказался на границѣ Богеміи и отрядилъ дивизію Бернадотта для соединенія съ Моро. Дорога къ Вѣнѣ была открыта. Казалось, ничто не могло помѣшать побѣдоносному наступленію и окончательной побѣдѣ французскихъ армій. Возникалъ вопросъ о самомъ существованіи австрійской имперіи.

Моро. Пользуясь отсутствіемъ австрійцевъ, которыхъ гналъ Журданъ, Моро перешелъ Рейнъ у Келя (21 іюня), разбилъ корпусъ Латура при Ренхенѣ, Раштадтѣ и Мальшѣ, взялъ пфорцгеймскій проходъ. Бросься онъ впередъ, онъ успѣлъ бы предупредить приходъ эрцгерцога и истребить войско Латура. Но Карлъ, желая, во что бы то ни стало, помѣшать Моро приблизиться къ Дунаю, оставилъ Журдана, который такимъ образомъ могъ безпрепятственно идти долиной Майна, и кинулся на армію Рейна и Мозеля. Произошелъ ожесточенный бой при Нересгеймѣ (11 августа). Моро побѣдилъ. Онъ могъ достичь Дуная и двинулся на Мюнхенъ. Швабія и Франконія оказались въ рукахъ французовъ и были обложены громадными военными контрибуціями. Мелкіе германскіе князья умоляли о мирѣ, и если вели еще войну, то только для того, чтобы выторговать себѣ перемиріе на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Баденъ, Вюртембергъ и Саксонія вышли изъ коалиціи и признали республику во Франціи. Директорія обѣщала ихъ государямъ щедро вознаградить ихъ насчетъ духовныхъ владѣній (августъ 1796 г.).

Эрцгерцогъ Карлъ. Между тѣмъ армія Журдана висѣла въ воздухѣ: стоя у входа въ Богемію, она была слишкомъ удалена отъ своей операціонной базы. Моро, вмѣсто того чтобы присоединиться къ Журдану и, образовавъ изъ двухъ армій одно сплоченное цѣлое, двинуться на Вѣну, — старался согласовать свои дѣйствія съ движеніями нашихъ войскъ въ предѣлахъ Италіи. Во главѣ австрійцевъ не было уже тѣхъ двухъ генераловъ, которые вели пре-

дыдущія кампаніи: Клерфэ, обожаемый подчиненными, впалъ въ немилость и былъ отставленъ за грубое и вольное обращеніе съ высшими; Вурмзеръ отозванъ въ Италію, чтобы бороться съ Бонапартомъ. Ихъ замѣнилъ эрцгерцогъ Карлъ, родной братъ императора. Ему едва исполнилось 26 лѣтъ, но онъ уже подавалъ большія надежды. Онъ обладалъ быстротой соображенія и рѣшительностью,—качествами очень рѣдкими для австрійскихъ военачальниковъ; сверхъ того, онъ не уступалъ ни одному изъ нихъ въ знаніи военныхъ наукъ и тактическомъ искусствѣ. Онъ былъ самымъ упорнымъ противникомъ Наполеона. Два его помощника, неистовый Латуръ и благоразумный Вартенслебенъ, могли дать ему очень цѣнныя указанія, заимствованныя изъ опыта. Вскорѣ онъ доказалъ, что былъ достоинъ такихъ сотрудниковъ.

Австрійцы оказались бы въ отчаянномъ положеніи, еслибы Моро вступилъ въ Мюнхенъ, а Журданъ—въ Регенсбургъ. Французовъ нельзя было бы задержать въ ихъ дальнѣйшемъ движеніи на Вѣну. Эрцгерцогъ Карлъ однимъ смѣлымъ ударомъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія и возстановилъ честь австрійскаго оружія. Для виду онъ оставилъ передъ Моро горсть своихъ войскъ, а самъ вмѣстѣ съ главными силами кинулся на помощь Вартенслебену, чтобы раздавить Журдана огромнымъ численнымъ превосходствомъ. Съ своей стороны, Моро отступилъ, боясь быть отрѣзаннымъ отъ операціонной базы. Германія была спасена! Этотъ шагъ достоинъ, чтобы его поставили на ряду съ самыми удачными стратегическими ходами Наполеона. Дѣйствительность оправдала всѣ ожиданія Карла. 16 августа при Неумарктѣ онъ разбилъ дивизію Бернадотта, отряженную къ югу, соединился съ Вартенслебеномъ, задѣлъ Журдана при Амсбергѣ и заставилъ его перейти обратно въ долину Майна проселочными дорогами. Надѣясь на поддержку Моро, Журданъ остановился въ Вюрцбургѣ и принялъ сраженіе, которое кончилось неудачно: противъ 30.000 французовъ сражалось 66.000 австрійцевъ (3 сентября). Приходилось отступать. Въ сраженіи при Альтенкирхенѣ (20 сентября) былъ смертельно раненъ Марсо, командовавшій арріергардомъ. Журданъ былъ вынужденъ предоставить умиравшаго героя великодушію непріятеля: эрцгерцогъ Карлъ послалъ ему своего лучшаго хирурга; старый маршалъ Край пришелъ пожать ему руку. Марсо палъ двадцати семи лѣтъ. Его недолгая жизнь была сплошнымъ подвигомъ. «Недалеко отъ Кобленца, говоритъ Байронъ, есть могила, покрытая дерномъ и увѣнчанная пирамидой. Въ ней—останки героя. Марсо былъ нашимъ врагомъ, но мы должны отдать честь его памяти... Увы! его славная жизнь была безвременно прервана; его кончину оплакивали друзья и недруги. Пусть иностранецъ остановится передъ его скромнымъ памятникомъ и помолится объ успокоеніи этого доблестнаго духа. Марсо былъ борцомъ за свободу. Много слезъ было пролито объ его чистой душѣ». Онъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ славныхъ дѣтей революціи.

Армія Самбры и Мааса вынуждена была переправиться на лѣвый берегъ Рейна. Благодаря этому, армія Рейна и Мозеля оказалась въ страшной опасности: ее могли отрѣзать отъ Франціи и истребить до послѣдняго человѣка. Спереди на нее напирало 40.000 солдатъ Латура, съ тылу угрожалъ эрцгерцогъ. Но Моро не палъ духомъ. Онъ началъ знаменитое отступленіе, которое прославило его, какъ замѣчательнаго, изъ ряду вонъ выдающагося тактика. Онъ направился къ Рейну черезъ Шварцвальдъ. Все было разсчитано со строго математической точностью. Артиллерійскіе парки и обозы шли впереди, за ними слѣдовали строевыя части. Когда эскадроны Латура попытались разстроить этотъ порядокъ, они были отброшены арріергардомъ. Моро не потерялъ ни одной повозки, ни одной пушки. Въ началѣ Адской долины онъ гордо остановился, чтобы дать сраженіе. Это былъ бой при Биберахѣ (2 октября 1799 г.): французы взяли два австрійскихъ знамени, восемнадцать пушекъ и 7.000 плѣнниковъ. Моро не торопясь переправился черезъ Рейнъ у Брейзаха, на глазахъ совершенно обезсиленныхъ австрійцевъ. Армія Рейна и Мозеля одержала четыре крупныхъ побѣды и выказала необыкновенную выносливость. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что Моро далеко не всегда умѣлъ пользоваться обстоятельствами и оставилъ безъ помощи Журдана, который, напротивъ того, сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы поддержать своего соратника. Въ концѣ концовъ, несмотря на блестящіе тактическіе успѣхи

нашихъ полководцевъ и подвиги солдатъ, нѣмецкая кампанія 1796 года завершилась отступленіемъ за Рейнъ обѣихъ французскихъ армій.

Германская кампанія 1797 года. Дѣла австрійцевъ въ Италіи были такъ плохи, что на Рейнѣ они не рѣшились перейти въ наступленіе. За всю зиму 1796—97 гг. они ограничились только осадой Келя, который въ началѣ кампаніи Десэ взялъ въ два часа и который онъ защищалъ два мѣсяца. Вступая въ эту крѣпостцу, онъ нашелъ только почти совершенно разрушенный земляной валъ. Съ помощью своего друга, Гувіона - Сенъ-Сира, онъ возвелъ грозные окопы, утомлялъ непріятеля постоянными вылазками, захватилъ у него десятокъ орудій, перебилъ 12.000 человѣкъ и капитулировалъ черезъ сорокъ дней ожесточенной борьбы, унеся съ собою рѣшительно все, имѣвшее какую-нибудь цѣнность для осаждавшихъ: пушки, лафеты, изгороди; австрійцы нашли только кучу земли и никакъ не могли взять въ толкъ, гдѣ собственно находилось столь грозное укрѣпленіе (9 января 1797 года). Военныя дѣйствія возобновились только въ апрѣлѣ. Моро, который въ рукахъ директоріи служилъ противовѣсомъ вліянію Бонапарта, остался во главѣ арміи. Онъ переправился черезъ Рейнъ, около Страсбурга, разбилъ австрійцевъ при Дирсгеймѣ и направился къ Шварцвальду. Командуя, вмѣсто Журдана, арміей Самбры и Мааса, Гошъ на глазахъ непріятеля перешелъ Рейнъ у Нейвида и втеченіе пяти дней сдѣлалъ тридцать пять лье пути, далъ пять сраженій, одержалъ три блестящихъ побѣды: при Нейвидѣ, Укератѣ и Альтенкирхенѣ, при которыхъ австрійцы потеряли 8.000 человѣкъ, семь знаменъ и шестьдесятъ пушекъ. Авангардъ, подъ управленіемъ Лефевра, приближался уже къ Франкфурту, чтобы соединиться съ Моро. Превратись двѣ арміи въ одно компактное цѣлое, онѣ спустились бы по теченію Дуная и двинулись бы прямо на Вѣну. Гонецъ, отправленный Бонапартомъ, задержалъ побѣдоносное шествіе Гоша: оказалось, что былъ уже подписанъ прелиминарный договоръ въ Леобенѣ. Гошъ не былъ завистливъ. Онъ поздравилъ директорію съ близкимъ заключеніемъ мира. Но силы его были уже надломлены; грудная болѣзнь, схваченная еще въ молодости, подорвала его здоровье. Онъ скончался 19 сентября 1797 года, двадцати девяти лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ въ фортѣ Петерсбергѣ вмѣстѣ съ прахомъ Марсо. Его смерть была оплакана арміей, директоріей, всѣмъ населеніемъ страны. 1 октября 1797 года, во время торжественной церемоніи на Марсовомъ полѣ, Дону отъ имени института сказалъ въ честь его похвальное слово. Гошъ былъ не только замѣчательнымъ полководцемъ, но сверхъ того государственнымъ дѣятелемъ и дипломатомъ. Тщетны были всѣ усилія директоріи замѣшать его въ партійныя дрязги и произвести съ его помощью переворотъ 18 фруктидора. Онъ очень скоро съумѣлъ взвѣсить положеніе и отказался отъ званія военнаго министра. Онъ глубоко вѣровалъ, что будущность Франціи и судьба республики нераздѣльны. Очень невысоко ставя личныя качества членовъ директоріи, онъ никогда, однако, не забывалъ, что они—представители закона. Вотъ почему меланхолическая надпись на пьедесталѣ его статуи въ Версалѣ: «умеръ слишкомъ рано для Франціи» такъ много говоритъ сердцу всякаго французскаго гражданина. Его все увеличивавшаяся слава никогда не стала бы на пути дѣлу свободы. Между тѣмъ безвременная кончина этого героя развязывала руки молодому тріумфатору итальянской арміи—генералу Бонапарту.

Итальянская кампанія 1796 года. Никогда, быть можетъ, Бонапартъ не былъ такъ великъ, какъ именно во время первой итальянской кампаніи. «У него было мало людей; они были голодны, безоружны, необуты; у него не было ни денегъ, ни администраціи; онъ не могъ разсчитывать на чью бы то ни было помощь; въ штабѣ господствовала анархія; обстановка не предвѣщала ничего добраго; установившаяся за нимъ репутація математика-мечтателя предубѣждала противъ него подчиненныхъ; за нимъ не числилось ни одного крупнаго дѣла; не было даже друга, который бы поддержалъ въ тяжелую минуту; окружающіе сторонились отъ него, какъ отъ медвѣдя, такъ какъ онъ наединѣ обдумывалъ планъ своихъ дѣйствій. Нужно было все создать, и онъ создалъ все. Въ эту пору онъ дѣйствительно заслуживалъ удивленія... Когда же онъ сталъ императоромъ, прибавляетъ Лассаль, въ его распоряженіи оказалось столько силъ и средствъ, что было гораздо легче преодолѣть представлявшіяся

трудности» *). На первыхъ порахъ ему нужно было наладить отношенія съ подчиненными ему генералами. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. Массена и Ожеро, успѣли уже пріобрѣсти широкую извѣстность. При первомъ свиданіи съ ними, онъ заставилъ себя подождать, разговаривалъ, не снимая шляпы съ головы, очень сухимъ и властнымъ тономъ, но такъ авторитетно и съ такимъ знаніемъ дѣла, что сразу внушилъ къ себѣ уваженіе. «Эта щепка въ генеральскомъ мундирѣ запугала меня, говорилъ Ожеро Массенѣ. Я не понимаю, какимъ образомъ съ перваго же взгляда онъ взялъ надо мною верхъ». Съ самаго начала своей карьеры Бонапартъ показалъ себя замѣчательнымъ мастеромъ въ великомъ искусствѣ приспособлять другихъ людей къ осуществленію своихъ собственныхъ цѣлей.

Какъ развился геній Бонапарта. Какъ только онъ занялъ вполнѣ самостоятельное положеніе, для всѣхъ стало яснымъ, насколько разнообразны и обильны источники его необыкновенныхъ свѣдѣній. Блестящая итальянская кампанія была задумана имъ задолго до ея практическаго осуществленія. Прикомандированный Понтекуланомъ, въ іюлѣ 1795 года, къ топографическому бюро комитета общественнаго спасенія для направленія армій, онъ въ высшей степени тщательно изучилъ всѣ документы военнаго архива, касающіеся итальянскихъ кампаній, и втеченіе лѣта составилъ для альпійской и итальянской армій превосходныя инструкціи, которыя показались Келлерману и Шереру абсолютно неосуществимыми. Такая блестящая подготовка была какъ нельзя болѣе благопріятна для будущаго руководителя военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Италіи. Но и теперь, ставъ во главѣ арміи, онъ не упустилъ изъ виду пользы, которую могъ извлечь изъ архива: извѣстно, что онъ велѣлъ доставить себѣ въ числѣ другихъ произведеній *«Военную исторію принца Евгенія»*, *«Кампаніи»* Вандома и, въ особенности, *«Мемуары»* Майльбуа. Можно утверждать, что маршалъ Майльбуа, по крайней мѣрѣ, въ первую половину итальянской кампаніи 1796 года былъ истиннымъ наставникомъ и руководителемъ Бонапарта. Въ 1745 году король сардинскій и австрійцы занимали ту же самую позицію, какъ Колли и Больё въ 1796 году. Бонапартъ воспользовался мыслью Майльбуа отрѣзать пьемонтцевъ отъ австрійцевъ и перейти По у Пьяченцы, чтобы отбросить Больё. Ему не принадлежитъ также идея,— не оканчивая покоренія Ломбардіи, немедленно перенести военныя дѣйствія съ Адды на Адижъ. Бонапартъ заимствовалъ этотъ по истинѣ вдохновенный планъ изъ рукописнаго сочиненія Бурсэ, найденнаго имъ въ архивѣ: *«Принципы войны въ гористой мѣстности»*. Въ основѣ стратегическаго генія Наполеона лежитъ тщательное изученіе и внимательное обсужденіе всего того, что сдѣлали его предшественники на каждомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что это нисколько не умаляетъ въ нашихъ глазахъ ни его необычайныхъ дарованій, ни его военныхъ заслугъ передъ Франціей.

Кампанія противъ Больё. Быстро сосредоточивая войска въ одномъ пунктѣ и разстраивая всѣ планы непріятеля совершенно неожиданными ударами, онъ съумѣлъ, при помощи одной арміи, разбить подъ-рядъ четыре австрійскихъ арміи, безпрерывно снабжаемыя съѣстными припасами, и втеченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ овладѣть всей сѣверной Италіей. Въ его распоряженіи находилось около 36 тысячъ человѣкъ, составлявшихъ четыре дивизіи: Лагарпъ находился въ Вольтри, Массена— въ Савонѣ, Ожеро—въ Лоано, Серрюрье— въ Ормеа. 7.000 человѣкъ, расположившихся вблизи Коль-ди-Тенде, образовывали резервъ. Что касается австро-пьемонтскихъ силъ, численность которыхъ доходила до 70.000 человѣкъ то онѣ распадались на двѣ почти совершенно обособленныхъ арміи: на западѣ пьемонтцы въ числѣ 22.000 человѣкъ прикрывали Туринъ, находясь подъ начальствомъ барона Колли; 30.000 австрійцевъ, съ Больё во главѣ, растянулись отъ Дего до Вольтри, чтобы прикрыть Александрію. Вмѣсто того, чтобы силой овладѣть Коль-ди-Тенде, какъ онъ раньше думалъ, Больё старался теперь приблизиться къ Генуѣ, чтобы дѣйствовать

*) Вотъ описаніе его наружности, сдѣланное одной современницей: «за всю свою жизнь я не встрѣчала человѣка болѣе худощаваго и страннаго. По тогдашней модѣ онъ носилъ длинные локоны, ниспадавшіе до плечъ. Сюртукъ его былъ до того изношенъ, и, вообще, онъ имѣлъ такой неважный видъ, что я съ трудомъ повѣрила, что вижу передъ собой генерала. Зато я сразу почувствовала, что это, какъ говорится, голова»....

сообща съ англичанами. Это былъ бравый ветеранъ, участвовавшій въ Семилѣтней войнѣ; однако ему было уже шестьдесятъ два года, и немудрено, что онъ оказался страшнѣйшимъ рутинеромъ. Связь съ Колли онъ поддерживалъ посредствомъ всего-на-всего двухъ дивизій, находившихся подъ управленіемъ Аржанто и Провера. Эти дивизіи занимали источники Бормиды. Бонапартъ зналъ о страшной разбросанности непріятеля, прекрасно понималъ, что сардинскія войска употребляютъ всѣ свои силы, чтобы оградить Пьемонтъ, а австрійцы думаютъ объ одной Ломбардіи; наконецъ, онъ до тонкости усвоилъ себѣ психологію австрійскаго военачальника, педанта-медлителя, умѣвшаго превосходно защищаться, но терявшаго голову при смѣлыхъ и непредвидѣнныхъ ударахъ.

Между тѣмъ какъ Лагарпъ сдѣлалъ ложное движеніе по направленію къ Генуѣ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, а Аржанто, думая, что передъ нимъ флангъ французской арміи, напалъ при Монтеледжино на небольшой отрядъ полковника Рампона, Бонапартъ посредствомъ цѣлаго ряда быстрыхъ передвиженій бросилъ на него три корпуса арміи, перевалившіе возвышенности Кадибоны и Монтенотты. Аржанто былъ разбитъ Ожеро при Монтенottѣ, Массеной и Лагарпомъ—при Дего (12 и 13 апрѣля). Не теряя времени, Ожеро, повернувъ налѣво, бросился на Провера, разбилъ его при Миллезимо и захватилъ его въ плѣнъ въ замкѣ Коссеріа. Такимъ образомъ австрійцы были отрѣзаны отъ пьемонтцевъ. Австрійская армія отступила къ сѣверу на Акви; Лагарпу было поручено ее сдерживать. Вопреки предписаніямъ директоріи, которая хотѣла щадить короля сардинскаго, имѣя въ виду предоставить ему Ломбардію и вытѣснить Австрію изъ сѣверной Италіи, Бонапартъ кинулся на пьемонтцевъ, которые, подъ начальствомъ Колли, все еще стояли въ Чевѣ. Видя, что съ фронта на него наступаетъ Ожеро, съ фланговъ—Массена и Лагарпъ, Колли вышелъ изъ Чевы и далъ себя разбить при Мондови (23 апрѣля). Дорога на Туринъ была открыта. Король сардинскій, Викторъ Амедей III, опасаясь революціи, подписалъ перемиріе въ Чераско (28 апрѣля). Онъ вышелъ изъ коалиціи и отправилъ въ Парижъ полномочныхъ пословъ для заключенія окончательнаго договора. «Ганнибалъ взялъ Альпы съ бою, сказалъ Бонапартъ своимъ солдатамъ,—мы же обошли ихъ».

Австрійцы были изгнаны изъ Пьемонта. Вскорѣ та же участь должна была постигнуть ихъ въ Ломбардіи. Подражая примѣру Майльбуа, Бонапартъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ двинуться на Валенцію, и неожиданно овладѣлъ проходомъ По, у Пьяченцы. Больё поспѣшилъ уйти за Адду черезъ Лоди, чтобы укрѣпиться на протяженіи между Пиччигетоне и Кассано. Бонапартъ нанесъ непріятелю новый, по истинѣ, блестящій ударъ: подъ градомъ артиллерійскихъ снарядовъ онъ бѣглымъ шагомъ перешелъ черезъ мостъ при Лоди и опрокинулъ австрійскую пѣхоту. Совершенно разстроенный непріятель ушелъ безъ боя за Минчіо, не сдѣлавъ даже попытки отстоять цѣлую линію крѣпостей, а именно: Пиччигетоне, Павію, Кремону. Эти событія оказали громадное вліяніе на впечатлительное итальянское населеніе. Вступленіе Бонапарта въ Миланъ было настоящимъ тріумфомъ. Онъ держалъ себя, какъ освободитель Италіи. Находясь въ Бресчіи, онъ издалъ слѣдующую прокламацію: «Народы Италіи! французская армія пришла разбить ваши цѣпи; французскій народъ—другъ всѣхъ народовъ; онъ—врагъ великодушный, и притомъ врагъ только для тирановъ, которые держали васъ въ порабощеніи». Въ Миланѣ было введено муниципальное устройство и національная гвардія. Но очарованіе итальянцевъ продолжалось очень недолго. Пересоздавая управленіе на французскій образецъ, Бонапартъ подготовлялъ почву для распространенія французскаго владычества.

Черпая вдохновеніе попрежнему у Майльбуа, Бонапартъ спѣшно двинулся вверхъ по Адижу (Эчу). Проходъ при Минчіо достался ему только послѣ сраженія при Боргетто; Больё вмѣстѣ съ жалкими остатками своей прекрасной арміи былъ отброшенъ въ Тироль. Занявъ Бресчію, Бонапартъ уже нарушилъ нейтралитетъ Венеціи. Теперь онъ овладѣлъ тремя венеціанскими крѣпостями: Пескьерой, Вероной и Леньяно. Благодаря этому шагу, все нижнее теченіе Адижа (Эча) оказалось въ его распоряженіи. Онъ осадилъ Мантую, послѣднюю сильную крѣпость, оставшуюся въ рукахъ непріятеля. Къ 15 іюня, т. е. черезъ три мѣсяца борьбы, отъ австрійской 70-ти ты-

сячной арміи не осталось ничего. Она какъ будто растаяла подъ молніеносными ударами Бонапарта. Таковъ былъ результатъ новаго метода веденія войны.

Кампанія противъ Вурмзера. Между тѣмъ Австрія съ невѣроятной быстротой сформировала новую армію въ 70.000 человѣкъ, изъ которыхъ 30.000 были взяты съ Рейна. Во главѣ ея поставленъ Вурмзеръ, ветеранъ Семилѣтней войны; въ 1793 году онъ отличился, взявъ у непріятеля вейссенбургскія позиціи; его считали способнымъ вести энергичную наступательную войну. Зная, что французскія войска разсѣяны по линіи между Бресчіей и Вероной, онъ раздѣляетъ свою армію на три корпуса: одинъ, подъ начальствомъ Квасдановича, спустившись къ западу отъ Гардскаго озера, долженъ былъ занять Бресчію и прорѣзать линію отступленія французовъ; остальные два, которыми руководитъ самъ Вурмзеръ, пойдутъ по обоимъ берегамъ Эча и отнимутъ у непріятеля взятыя было Верону и Пескіеру, а затѣмъ, соединенными уже силами, завладѣютъ Мантуей и отбросятъ непріятеля во Францію. Казалось, все складывалось благопріятно для австрійцевъ. «Вотъ, писалъ Бонапартъ Ожеро 31 іюля, въ какомъ печальномъ положеніи находится армія: въ трехъ мѣстахъ непріятель прорвалъ нашу линію; онъ уже завладѣлъ такими важными пунктами, какъ Короной и Риволи; Массена и Жуберъ принуждены были уступить превосходнымъ силамъ противника; Соре обратился вспять изъ Сало; Бресчіа перешла въ руки австрійцевъ. Вы видите, что такимъ образомъ мы уже не имѣемъ возможности сообщаться ни съ Миланомъ, ни съ Вероной». Паника начинала охватывать войска: «уланы идутъ! непріятель! спасайся, кто можетъ!» При Ровербеллѣ Ожеро съ трудомъ предупредилъ общее бѣгство. Бонапартъ былъ сначала въ замѣшательствѣ: у него самого не было плана дѣйствій; Вопреки мнѣнію Бертье, Ожеро первому пришла счастливая мысль соединить всѣ французскія войска и порознь разбить обѣ непріятельскія арміи. Для Бонапарта это было цѣлое откровеніе: онъ усвоилъ себѣ блестящую идею Ожеро и съ поразительной быстротой привелъ ее въ исполненіе. Онъ снялъ осаду съ Мантуи, хотя крѣпость со дня на день должна была сдаться, и оставилъ даже всѣ свои запасы. Какъ ни тяжела была жертва, она была необходима. Онъ рѣшительно бросился между двумя австрійскими арміями, разсчитывая разбить каждую изъ нихъ въ отдѣльности. «Горе тому изъ насъ, воскликнулъ онъ, кто плохо разсчиталъ!» Всѣ французскія силы соединены на правомъ берегу Минчіо. Бонапартъ на-голову разбиваетъ Квасдановича при Лонато, отнимаетъ у него Сало и Бресчію и отбрасываетъ въ Тироль (1-2 августа). Небольшое пораженіе генерала Валетта снова повергаетъ его въ сомнѣніе, и онъ готовъ бить отбой; но Ожеро, впродолженіе всей кампаніи державшій себя съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, указалъ выходъ изъ затрудненія. «Еслибы даже всѣмъ вамъ пришлось уйти, я останусь здѣсь и съ одной дивизіей нападу на непріятеля, едва забрезжитъ свѣтъ».—«Въ такомъ случаѣ и я останусь съ тобой!» воскликнулъ Бонапартъ, заразившись его увѣренностью. Онъ оборачиваетъ фронтъ, нападаетъ на Вурмзера, авангардъ котораго достигъ уже Лонато, прогоняетъ его съ позицій при Кастильоне, вступаетъ въ бой со второй австрійской арміей и принуждаетъ ее отступить. Вурмзеръ, вошедшій въ Мантую побѣдителемъ, принужденъ бѣжать вверхъ по Эчу, а Бонапартъ возобновляетъ осаду. Въ шесть дней ему удается снова овладѣть всѣми покинутыми-было позиціями и разсѣять обѣ австрійскихъ арміи.

Давъ войскамъ двадцатидневный роздыхъ и дождавшись подкрѣпленій въ 2.000 чел., Бонапартъ двинулся вверхъ по Эчу, въ разсчетѣ дойти до Тироля и соединиться съ Моро. Въ это самое время Вурмзеръ, снова собравшій свою армію, собирался сдѣлать новую попытку спуститься въ итальянскую равнину. Узнавъ о планѣ Бонапарта, онъ оставляетъ Давидовича съ частью войска въ долинѣ Эча и поручаетъ ему завлекать французовъ на сѣверъ; самъ же спѣшно спускается внизъ по Брентѣ, чтобы кружнымъ путемъ добраться до Мантуи, освободить ее и снова завладѣть Ломбардіей. Между тѣмъ Бонапартъ, разбивъ Давидовича при Роверbegin edo и Кальяно, занялъ Тріентъ и былъ немало изумленъ малочисленностью непріятельскихъ войскъ. Когда же онъ узналъ о движеніи Вурмзера, онъ немедленно бросился за

нимъ въ долину Бренты, настигъ его близъ Примолано, опрокинулъ при Бассано и, въ надеждѣ запереть, преслѣдовалъ его армію вплоть до Эча. Вурмзеру удалось спастись, благодаря только нѣкоторымъ упущеніямъ помощниковъ Бонапарта; онъ достигъ Мантуи и укрѣпился въ ней, послѣ сраженія при С.Жоржѣ. Во время этого головокружительнаго по своей быстротѣ преслѣдованія въ какія-нибудь три недѣли (1—20 сентября) австрійцы потеряли 27.000 человѣкъ, а жалкіе остатки этой третьей арміи были парализованы въ Мантуѣ.

Кампанія противъ Альвинци. Послѣ пораженія Вурмзера, Альвинци, какъ человѣкъ болѣе энергичный, смѣлый и упорный, съ ожесточеніемъ продолжаетъ борьбу и на минуту колеблетъ счастье своего противника. Планъ его дѣйствій былъ таковъ: самъ онъ предполагалъ пройти черезъ Фріуль въ Ломбардскую низменность; Давидовичъ долженъ былъ дѣйствовать въ Тиролѣ, а Вурмзеръ выйти изъ Мантуи. Окруженный съ трехъ сторонъ, Бонапартъ былъ обреченъ на гибель. Въ его распоряженіи было всего 38.000 человѣкъ, да и тѣ были разрознены: часть войска осаждала Мантую, а остальныя силы были подѣлены между Тиролемъ и долиной рѣки Бренты; между тѣмъ австрійцы могли двинуть противъ него 50.000-ную армію. На первыхъ порахъ разсчеты Альвинци вполнѣ оправдались: Массена принужденъ былъ отступить къ Веронѣ; Вобуа оказался вынужденнымъ бросить свою позицію на возвышенности Риволи, а Бонапартъ тщетно пытался выбить Альвинци изъ хорошо укрѣпленной позиціи, на высотахъ Кальдіеро. 14 ноября съ наступленіемъ ночи французская армія уныло и безшумно вышла изъ Вероны и двинулась по направленію къ Пескіерѣ. Можно было думать, что французы отказываются отъ Мантуи и Ломбардіи и открыто признаютъ свое полное безсиліе. На самомъ дѣлѣ армія круто повернула на югъ, перешла Эчъ, черезъ Ронкскій мостъ, и быстро двинулась въ Альпонскія болота.

Дѣло завязалось на узкой дорогѣ, укрѣпленной среди топей; численное превосходство австрійцевъ не могло имѣть вліянія на исходъ сраженія, такъ какъ принимать дѣятельное участіе могли одни передовые отряды, и все зависѣло отъ личной доблести. Только послѣ трехдневнаго ожесточеннаго боя удалось выбить австрійцевъ изъ ихъ позиціи. Массена, Ожеро, Ланнъ, Бельяръ, Мармонъ тщетно становились впереди своего войска. Самъ Бонапартъ схватилъ знамя и пытался воодушевить солдатъ: «развѣ не вы побѣдили при Лоди?» Но все напрасно: колонна не выдерживаетъ артиллерійскаго огня и натиска въ штыки и обращается въ бѣгство; Бонапартъ попадаетъ въ трясину и едва спасается, благодаря Бельяру, Мармону и брату своему Людовику. На третій день селеніе Аркола взято, наконецъ, французами, Альвинци уходитъ въ Кальдіеро и укрывается въ Виченцѣ (15—17 ноября 1796 г.) Такова была общая картина военныхъ дѣйствій, извѣстныхъ подъ названіемъ сраженія при Арколѣ. «Три дня послѣ того, какъ французская армія таинственно вышла изъ Вероны черезъ Миланскія ворота, она побѣдоносно вернулась въ городъ черезъ Венеціанскія. Даже злѣйшіе враги Бонапарта отдавали ему дань удивленія.»

Альвинци рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку и снова собралъ войско въ 75 т. человѣкъ. На этотъ разъ опасность была еще больше, чѣмъ при Арколѣ. Битва произошла на возвышенной площади Риволи, сплошь покрытой снѣгомъ. Бонапартъ нагрянулъ совершенно неожиданно для Альвинци, полагавшаго, что онъ еще далеко. Сильно сконцентрированная французская армія отбросила непріятельскія колонны, пытавшіяся окружить ее. Чтобы помѣшать Провера́ освободить Мантую, Массена, вечеромъ послѣ сраженія, двинулся на югъ. Его войско, 13 января принимавшее участіе въ битвѣ при Веронѣ, прошедшее въ ночь съ 13 на 14 восемь льё, чтобы поспѣть въ Риволи, гдѣ ему снова пришлось сражаться, 16-го одолѣло непріятеля подъ Мантуей. Бонапартъ одерживалъ побѣды *ногами* своихъ солдатъ. Для нихъ не было ничего невозможнаго. Провера, одинъ изъ лучшихъ сотрудниковъ Альвинци, былъ окруженъ и разбитъ въ предмѣстьѣ Фавориты. На этотъ разъ Мантуя сдалась.

Кампанія противъ эрцгерцога Карла (1797). До сихъ поръ Бонапарту приходилось имѣть дѣло съ арміями, лишенными руководителей; теперь противъ него шелъ вождь, почти не имѣвшій войска.

Австрія, истощенная войнами, не могла пополнить убыль въ рядахъ своихъ солдатъ и возложила всѣ свои надежды на своего лучшаго полководца, эрцгерцога Карла, незадолго передъ тѣмъ одержавшаго верхъ надъ Журданомъ. Бонапартъ рѣшилъ двинуться на Вѣну, не дожидаясь вспомогательныхъ армій съ Рейна и Мааса-Самбры; въ его распоряженіи было всего 53.000 чел., изъ которыхъ 18,000 должны остаться въ Тиролѣ; но малочисленность войска не останавливаетъ его: онъ ни съ кѣмъ не желаетъ раздѣлить славу побѣды надъ Австріей. Политическій дѣятель беретъ въ немъ верхъ надъ полководцемъ. Весь послѣдующій походъ былъ своего рода тріумфальнымъ шествіемъ. Эрцгерцогъ терялъ одну за другой свои позиціи: на Піавѣ, Тагліаменто и Изонцо. Массена, послѣ кровопролитнаго сраженія въ заоблачныхъ высотахъ, овладѣлъ проходомъ Тарвисъ, а Жуберъ прорвался черезъ Тоблакъ. Вся итальянская армія собирается въ Виллахѣ на Дравѣ; соединенными силами она завладѣваетъ Неймаркскимъ проходомъ и отбрасываетъ австрійцевъ на Муръ, къ Сантъ-Михелю и Леобену. Побѣдоносное войско Бонапарта находится всего въ сорока миляхъ, т. е. въ шести дняхъ пути, отъ Вѣны. Правда, для этого нужно пройти черезъ Семмерингъ, но препятствіе слишкомъ ничтожно, чтобы остановить французовъ. Бонапартъ обращается къ эрцгерцогу съ однимъ изъ тѣхъ посланій, которыми онъ разсчитывалъ оказать рѣшающее вліяніе на общественное мнѣніе; онъ призываетъ своего противника возвыситься надъ мелкими страстями, «такъ часто двигающими министрами и правительствами, и заслужить имя благодѣтеля человѣчества и истиннаго спасителя Германіи». Древней монархіи Габсбурговъ, пораженной въ самое сердце, остается только капитулировать. 7-го апрѣля 1797 года было подписано леобенское перемиріе; это былъ какъ бы прологъ къ кампоформійскому мирному договору. Въ описанную кампанію Наполеонъ достигъ наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ. Его стратегическія комбинаціи признаются классическими образцами и послужили генералу Жомини матеріаломъ для построенія принциповъ военнаго искусства. Его умѣнье быстро и мѣтко оцѣнивать взаимоотношеніе силъ, предугадывать ходы противника и разрушать его планы ставятъ его въ разрядъ первостепенныхъ полководцевъ. «Въ области тактики слѣдуетъ отмѣтить мужество и республиканскій пылъ его арміи, быстроту и разнообразіе движеній, умѣлую комбинацію различныхъ родовъ оружія и приспособленіе боевыхъ пріемовъ къ виду поверхности» (полковникъ Віаль). Съ первыхъ же шаговъ Бонапартъ доказалъ, что онъ—величина болѣе крупная, чѣмъ Фридрихъ Великій и остальные знаменитые военачальники новаго времени.

Бонапартъ, какъ дипломатъ. Дипломатическія дарованія Бонапарта далеко не соотвѣтствовали его военному генію. На войнѣ это былъ истинный художникъ, всецѣло увлеченный своимъ дѣломъ; когда же начинались переговоры, въ немъ просыпался эгоистъ, думающій только о своей карьерѣ. Злоупотребляя своей властью надъ побѣжденными, онъ навязывалъ имъ такіе политическіе порядки, которые были прямо противоположны ихъ желаніямъ, но зато давали ему въ будущемъ полную возможность вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Начиная съ чераскскаго перемирія (28 апрѣля 1796 г.), онъ нарушаетъ предписанія директоріи, не уполномочившей его соглашаться даже на временную пріостановку военныхъ дѣйствій. Но онъ знаетъ, что побѣдителей не судятъ. Пьемонтъ выходитъ изъ коалиціи; впредь до заключенія мира французскіе гарнизоны должны занимать крѣпости Кони, Чеву и Тортону (или, вмѣсто послѣдней, Александрію); всѣ военныя дороги, ведущія во Францію, остаются въ распоряженіи французовъ; армію и милицію обѣщано распустить. Условія были несомнѣнно очень выгодны для Франціи; тѣмъ не менѣе окончательный договоръ долженъ былъ быть заключенъ въ Парижѣ и подписанъ самой директоріей. Къ престарѣлому королю Виктору Амедею III Бонапартъ былъ чрезвычайно внимателенъ; онъ даже подалъ ему надежду, что подъ условіемъ прочнаго союза съ Франціей за нимъ будетъ сохранена Ломбардія. Однако, по парижскому трактату, подписанному 15 мая 1796 г., король Сардинскій принужденъ былъ уступить Франціи Ниццу и Савойю, не получивъ за это никакого вознагражденія. Во время войны нашими войсками производились грабежи; распущенность и безчинства среди солдатъ доходили до то-

го, что приходилось, по словамъ Бонапарта, «краснѣть за человѣка»; нѣсколько суровыхъ расправъ возстановили дисциплину въ арміи. Но если такимъ образомъ былъ положенъ предѣлъ жадности солдатъ, то само правительство было поглощено соблазнительной мыслью о возможности присвоить себѣ итальянскіе милліоны и, слѣдуя внушеніямъ Бонапарта, приняло политику расхищенія и грабительства. Съ этихъ поръ контрибуціи, налагавшіяся на побѣжденныхъ, имѣли цѣлью не прокормленіе арміи, искони допускавшееся международнымъ правомъ, а обогащеніе побѣдившаго народа или по крайней мѣрѣ—облегченіе его финансовыхъ затрудненій. Съ Генуи потребовали 15 мил.; богатый портовый городъ Ливорно былъ захваченъ французами; герцогъ Пармскій пощаженъ лишь за громадный выкупъ, и то изъ вниманія къ Испаніи; отъ папы потребовали нѣсколько наиболѣе цѣнныхъ художественныхъ произведеній: картинъ, рукописей, памятниковъ древности, которыя сами по себѣ могли окупить расходы на войну. Это былъ истинно варварскій образъ дѣйствій, возстановлявшій былое право завоеванія въ томъ видѣ, какъ его понимали египтяне или римляне. Такова-то была программа военной оккупаціи, которую Бонапартъ задался цѣлью проводить на ряду съ продолжавшимися военными дѣйствіями и которую онъ, какъ главный ея создатель, былъ склоненъ даже расширять и усиливать.

Несогласіе между политикой Бонапарта и директоріи. Извлекая выгоду изъ злоупотребленій Бонапарта, директорія постепенно теряетъ значеніе въ области внѣшней политики. Фактически все зависитъ отъ всемогущаго полководца, который по собственному усмотрѣнію выкраиваетъ новыя государства изъ старыхъ. Можетъ даже показаться, что директорія устранилась отъ дѣлъ. Послѣ заключенія Базельскаго мира, когда Франція достигла своихъ естественныхъ, историческихъ границъ, директорія не предполагала продолжать политику завоеваній, но Бонапартъ внушилъ ей мысль образовать союзныя республики (républiques-soeurs), своего рода государства-буферы, которыя обезпечили бы неприкосновенность территоріи самой Франціи. Директорія намѣревалась уступить Ломбардію Австріи: Бонапартъ создаетъ изъ нея Цизальпинскую республику, организованную по образцу французской. Директорія отправляетъ Бонапарта въ Римъ, съ цѣлью уничтожить свѣтскую власть папы; онъ же ограничивается отнятіемъ легатствъ и тѣмъ обезпечиваетъ себѣ на будущее время поддержку духовенства. Венецію онъ уступаетъ Австріи, идя въ разрѣзъ съ намѣреніями директоріи. Генералъ Кларкъ, посланный для подписанія договоровъ, являлся всегда на другой день послѣ ихъ заключенія. Директорія находила нужнымъ заключить общій миръ со всѣми державами, не исключая Англіи; два раза приступали къ переговорамъ съ Мальмсбѐрри, и вторая попытка близилась уже къ благополучному окончанію въ моментъ Кампоформійскаго мира; но Бонапартъ поспѣшилъ вступить въ сепаратное соглашеніе съ Австріей, чтобы имѣть возможность приписать себѣ одному замиреніе континентальныхъ державъ и въ то же время приберечь себѣ на будущее время постъ полководца въ войнѣ съ Англіей. Каждый разъ, когда онъ превышалъ свои полномочія, онъ умѣлъ привести достаточно вѣскіе и громкіе аргументы въ свое оправданіе. Чтобы имѣть нравственное право отвергнуть политику Бонапарта, директорія должна была бы имѣть мужество отказываться отъ тѣхъ милліоновъ, которые ей приносила эта политика. Но для нея существовало только настоящее; желаніе хорошо пожить стояло на первомъ планѣ, а намѣреніе вести разумную политику—на второмъ. Бонапартъ, въ противоположность имъ, загадывалъ далеко. Онъ произвольно измѣнялъ границы вновь созданныхъ государствъ и по собственному усмотрѣнію назначалъ административныя власти итальянскихъ республикъ изъ людей умѣренныхъ и способныхъ, но никогда не предоставлялъ выбирать ихъ самому народу. Таковъ былъ путь, которымъ онъ шелъ къ консульству и императорской власти.

Угнетеніе Италіи. Еще недавно Ломбардія привѣтствовала французовъ, какъ своихъ освободителей, но ликованіе продолжалось недолго. На страну была возложена контрибуція въ 20 мил.; явились Монжъ и Бертоллэ и принялись извлекать изъ библіотекъ и хранилищъ цѣнныя произведенія искусства и науки, математическіе инструменты, естественно-историче-

скія коллекціи. Ко всѣмъ этимъ предметамъ, отправленнымъ во Францію, Бонапартъ присоединилъ еще выѣздныхъ рысаковъ для директоровъ, «чтобы замѣнить тѣхъ плохихъ лошадей, которыя запрягаются въ ихъ кареты». Въ Миланѣ готово разразиться возстаніе: 10.000 крестьянъ производятъ нападеніе на французскій гарнизонъ въ Павіи. Ланнъ отвѣчаетъ имъ картечью, отдаетъ Павію на разграбленіе и требуетъ 400 заложниковъ. Населеніе недавно еще дружественной области подвергается террористическому режиму; достаточно было недѣли, чтобы охладить народный восторгъ. Вскорѣ войска вступили и на территорію Венеціи. «Со времени побѣды при Лоди, писалъ Бонапартъ, начались мои недоразумѣнія съ директоріей». Къ этому же времени относится и его столкновеніе съ герцогами Пармскимъ и Моденскимъ, оставшимися нейтральными, но не сумѣвшими скрыть своего недоброжелательства; они были принуждены откупиться: одинъ двумя, а другой, какъ болѣе богатый, — десятью милліонами и отправить въ парижскіе музеи по 20 цѣнныхъ картинъ. Герцогъ Пармскій, особенно дорожившій «Св. Іеронимомъ» Корреджіо, тщетно предлагалъ уплатить за нее лишній милліонъ. Мюратъ захватилъ въ Ливорно—яко бы англійскаго—товара на 12 мил., несмотря на то, что великій герцогъ Тосканскій ничѣмъ не нарушилъ договора, заключеннаго имъ съ Франціей. Вслѣдъ за другими смирился и Неаполитанскій король, закрывъ англичанамъ доступъ въ свои гавани.

Что касается папы, то предстояло отомстить за убійство французскаго уполномоченнаго Басвилля и положить конецъ религіознымъ волненіямъ въ самой Франціи. Ожеро занялъ Болонью и Феррару и былъ встрѣченъ съ шумнымъ восторгомъ: папское правительство вызывало въ населеніи только ненависть и отвращеніе. Бонапартъ возложилъ на папу контрибуцію въ 21 милліонъ, изъ которыхъ 15 должны были быть уплачены деньгами, и потребовалъ выдачи старинныхъ картинъ, 500 рукописей и, для засвидѣтельствованія передъ всѣмъ свѣтомъ своихъ республиканскихъ чувствъ,—бюста «патріота Брута». Французскія войска временно заняли Болонью (23 іюня), и такимъ образомъ папа, подобно остальнымъ итальянскимъ государямъ, былъ поставленъ въ почти явную зависимость отъ Франціи. Италія была не освобождена, а завоевана. Бонапартъ распоряжался въ ней, какъ полновластный господинъ. Изъ суммъ, награбленныхъ въ Италіи, онъ послалъ 10 мил. директоріи и одинъ Моро. Когда директорія рѣшила-было перемѣнить составленный имъ планъ кампаніи и назначить Келлермана начальникомъ сѣверо-итальянской арміи, а Салицетти, въ качествѣ правительственнаго коммиссара, поручить дипломатическіе переговоры, Бонапартъ подалъ въ отставку. Она не была принята: будущій императоръ получилъ неограниченныя полномочія. Съ этихъ поръ вліяніе побѣдителя-генерала на правительство стало такъ же велико, какъ на подчиненную ему армію.

Столкновеніе съ Венеціей. Образъ дѣйствій Бонапарта по отношенію къ Венеціи сдѣлалъ его политическое честолюбіе очевиднымъ даже въ глазахъ самыхъ горячихъ его поклонниковъ. Древняя аристократическая республика, несмотря на свое безсиліе, высоко державшая голову, одинаково несочувственно относилась и къ Франціи, и къ Австріи. Но она не пыталась воспрепятствовать неизбѣжному нарушенію своей территоріи обѣими воюющими арміями и сохраняла невооруженный нейтралитетъ. Вурмзеръ и Альвинци нанесли ей громадный ущербъ, а Бонапартъ не зналъ мѣры своему самовластію. Обѣ арміи переходили черезъ венеціанскую территорію и занимали крѣпости, несмотря на протесты правительства. Выйдя побѣдителями изъ борьбы, французы запятнали себя безобразнѣйшимъ вымогательствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стали возбуждать демократическіе элементы противъ венеціанской знати. Въ самой Венеціи французы позволяли себѣ грубыя выходки: они надѣли цѣпь на льва, украшающаго площадь Св. Марка, и ломали гербы республики. Въ Бергамѣ и Бресчіи начинались возстанія. Пользуясь движеніемъ французской арміи черезъ Альпы на Вѣну, венеціанскій сенатъ призвалъ изъ Тироля австрійскаго генерала Лаудона, чтобы отрѣзать ей отступленіе, а жители Вероны, не дожидаясь Лаудона, напали на французовъ и истребили ихъ въ громадномъ количествѣ. Бонапартъ воспользовался этой «веронской заутреней» и объявилъ войну Венеціи; онъ давно уже задался цѣлью вывести изъ терпѣнія вене-

ціанцевъ цѣлымъ рядомъ униженій и денежныхъ взысканій *), чтобы имѣть возможность отдать ихъ территорію Австріи въ обмѣнъ на Бельгію. Демократическое правительство, смѣнившее отставленнаго дожа, поспѣшило удовлетворить желаніямъ побѣдителя. Венеція уплатила требуемые милліоны, уступила пять своихъ лучшихъ судовъ и принесла въ даръ Франціи 20 картинъ и 500 рукописей. Всѣ эти дипломатическіе маневры были достойнымъ образомъ завершены договоромъ съ Австріей, предательски уступавшимъ ей Венецію.

Итальянскія республики. Собственно говоря, Бонапартъ имѣлъ полномочіе вступать въ договоръ только съ папой. Пораженіе, понесенное Альвинци, сломило сопротивленіе итальянцевъ. Романья была снова занята. Толентинскій миръ, заключенный со святымъ престоломъ (19 февраля 1797 г.), былъ прямымъ подтвержденіемъ болонскаго перемирія. Папа уступалъ Авиньонъ и графство Венессэнъ, три легатства—Болонское, Феррарское и Равеннское и уплатилъ 30 милліоновъ. Анкона должна была оставаться занятой французскими войсками впредь до окончанія войны... Изъ трехъ упомянутыхъ легатствъ и владѣній герцога Моденскаго Бонапартъ образовалъ Циспаданскую республику; но едва народившись, она была присоединена къ республикѣ Цизальпинской, основанной директоріей по внушенію Бонапарта. Въ Генуѣ французскій агентъ Фэпу, а въ Венеціи Виллетаръ стояли во главѣ демократическаго революціоннаго движенія; но усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Бонапартъ отправилъ въ Геную Ла-Валетта, а въ Венецію Жюно съ вызывающими посланіями, равносильными приказаніямъ. Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ попытокъ оказать сопротивленіе сенатъ подчинился, и древняя Генуэзская республика превратилась въ республику Лигурійскую. Въ этихъ республикахъ была, подобно Франціи, своя директорія и два консула. Бонапартъ предписывалъ законы и назначалъ членовъ администраціи и совѣтовъ. Въ Италіи онъ держалъ себя настоящимъ диктаторомъ.

Кампоформійскій договоръ. Леобенскій прелиминарный миръ съ Австріей былъ подписанъ безъ согласія директоріи наканунѣ пріѣзда генерала Кларка, имѣвшаго на то законныя полномочія. Переговоры же объ окончательномъ договорѣ чрезвычайно затянулись. И въ Удино, и въ Пассеріано представители Австріи въ противоположность стремительности Бонапарта были необычайно медлительны и настаивали на соблюденіи чисто китайскихъ формальностей. Но Бонапартъ положилъ конецъ ихъ колебаніямъ одной изъ тѣхъ эксцентричныхъ выходокъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ подобныхъ случаяхъ: онъ въ дребезги разбилъ знаменитый фарфоровый сервизъ, подаренный Кобенцелю Екатериной II, и прибавилъ: «совершенно такъ же я уничтожу и вашу монархію». На другой же день былъ подписанъ миръ въ маленькой деревушкѣ Кампо-Форміо (17 октября 1797 г.). Австрія признала французскія границы, установленныя базельскимъ миромъ, уступила Бельгію, занятую французами еще въ 1794 г., и Ломбардію, которая вмѣстѣ съ провинціями, отнятыми у папы, герцога Моденскаго и Венеціи, образовала Цизальпинскую республику. Въ замѣну она получила континентальную часть венеціанской территоріи до Эча; Іоническіе же острова отошли къ Франціи. Лафайетъ и его товарищи по плѣну были освобождены. Въ Раштатѣ долженъ былъ собраться конгрессъ для разработки вопроса о вознагражденіи владѣтельныхъ князей, лишенныхъ своихъ земель въ Италіи и на лѣвомъ берегу Рейна, землями въ правобережной Германіи. Франція привѣтствовала этотъ договоръ съ почти единодушнымъ восторгомъ. Даже курьерамъ Бонапарта, пріѣзжавшимъ въ Парижъ съ извѣстіями о побѣдѣ и съ непріятельскими знаменами, дѣлались оваціи. Когда же вернулся самъ побѣдитель, законодательный корпусъ устроилъ ему торжественный пріемъ; Парижъ былъ въ упоеніи; вся Франція ликовала, опьяненная небывалымъ успѣхомъ и необычайно выгодными условіями договора; миръ казался надолго обезпеченнымъ.

А между тѣмъ, какъ непригляднa была оборотная сторона медали! Современные

*) Бонапартъ прямо-таки приказалъ своему итальянскому агенту Сальвадори составить подложный манифестъ, которымъ венеціанское правительство натравливало на французовъ своихъ континентальныхъ подданныхъ. Несмотря на противодѣйствіе венеціанскаго сената, манифесту этому было дано очень широкое распространеніе. Тактика, очень употребительная въ подобныхъ случаяхъ: прежде чѣмъ задушить и ограбить свою жертву, ее клеймятъ именемъ заговорщика (см. Sciout. «Le directoire» t. II, p. 206).

политическіе дѣятели сравнивали гибель Венеціи съ раздѣломъ Польши; Италія превратилась въ придатокъ Франціи. Какъ мало соотвѣтствовало это закрѣпощеніе народовъ гуманнымъ идеямъ революціи. Кампоформійскій договоръ не могъ не остаться мертвой буквой: основаніе братскихъ республикъ неминуемо должно было въ концѣ концовъ повести къ войнамъ. Нечего и говорить, что эти войны входили въ разсчеты Бонапарта. Его, какъ нѣкогда Марія, можно было уподобить мечу, ржавѣющему въ мирное время. Его слава и популярность могли расти только среди непрерывныхъ потоковъ крови. Правда, на торжествѣ, устроенномъ въ честь Бонапарта, Талейранъ, хотя и не безъ злостной ироніи, восхвалялъ скромность молодого героя, его тонкое пониманіе поэмъ Оссіана, его математическія познанія. Однако, уже въ то время про него можно было сказать, что это былъ «геній на службѣ у эгоизма» (Тэнъ).

II. Борьба съ Англіей (1795—1799).

Упорство Питта въ войнѣ съ Франціей.— Австрія уже заключила миръ; Англія же все еще не складывала оружія; она желала довести дѣло до конца. Мнѣніе Питта о необходимости продолжать войну раздѣлялъ и король Георгъ III, и Гренвилль, и Уиндгэмъ, и палата лордовъ, за которой стояла вся англійская аристократія, наконецъ, церковь и вся старая Англія,— упорная и надменная, гордая и самоувѣренная, готовая на всевозможныя жертвы, лишь бы принудить соперницу отказаться отъ своихъ завоеваній. Въ своихъ письмахъ «О цареубійственномъ мирѣ» Бёркъ горячо возражалъ лорду Ауклэнду, склонявшемуся къ уступкамъ Франціи: «предлагаемая вами политическая программа неминуемо поведетъ къ полной и безвозвратной гибели министерства, монархическаго принципа, правящей династіи, величія, независимости и даже самого существованія нашей страны». Англичане безропотно соглашались на новыя подати и наборы рекрутовъ. Заемъ въ 18 милліоновъ фунтовъ былъ съ восторгомъ заполненъ въ какихъ-нибудь $1^1/_2$ часа (5 дек. 1796 г.). Питтъ полагалъ, что стоитъ только занять Мартинику, Сентъ-Люси, Тринидадъ и голландскія владѣнія, чтобы принудить французовъ уйти изъ Бельгіи.

Миссія Мальмсберри въ Парижѣ (1796).— Англійскій уполномоченный въ Швейцаріи—Уикгэмъ неоффиціально освѣдомлялся у Бартелеми, на какихъ основаніяхъ Франція согласилась бы заключить общій миръ, но предложеніе его было крайне холодно директоріей встрѣчено. Тогда Гренвилль началъ вести открытые переговоры. Въ Парижъ былъ отправленъ лордъ Мальмсберри (окт. 1796). Но попытка эта, предпринятая безъ согласія Австріи, продолжавшей войну, не могла увѣнчаться успѣхомъ. И дѣйствительно, если Англія не желала признать права Франціи на Бельгію, ей не слѣдовало начинать переговоры; если-же она готова была пойти въ этомъ отношеніи на уступки, она должна была бы предварительно заручиться согласіемъ Австріи; а это было тѣмъ болѣе возможно, что директорія была настроена чрезвычайно миролюбиво и, несмотря на успѣхи Бонапарта, охотно согласилась-бы—въ обмѣнъ на Бельгію—вернуть Австріи Ломбардію. Принятый сначала очень хорошо, Мальмсберри въ концѣ концовъ вооружилъ противъ себя директорію своими нескончаемыми проволочками и крайней нерѣшительностью. Англія требовала возстановленія прежнихъ границъ: «Мальмсберри предлагалъ Франціи униженіе и вѣроломство; ему было предложено удалиться» (газета «Редакторъ»). 19 декабря 1796 г. министръ Делакруа передалъ ему приказъ въ 48 часовъ выѣхать изъ Парижа. Въ отвѣтъ на это англійскій парламентъ вотировалъ 30 декабря адресъ королю «съ обѣщаніемъ оказывать ему поддержку до тѣхъ поръ, пока не прекратятся военныя дѣйствія».

Ирландскіе эмигранты во Франціи:

Вольфъ Тонъ. — Было приступлено къ ирландской экспедиціи. Еще въ XVIII вѣкѣ не разъ останавливались на мысли произвести высадку въ Англіи или въ Ирландіи, какъ странѣ, подвергавшейся притѣсненіямъ за свою приверженность къ католицизму. Послѣ неудавшагося десанта роялистовъ при Киберонѣ директорія стала подумывать объ организаціи своего рода англійской «шуаннеріи»; предполагалось высадить въ Корнуельсѣ нѣсколько сотъ человѣкъ и поднять возстаніе среди многотысячнаго рабочаго населенія этого горнозаводскаго округа. Вскорѣ проектъ принялъ грандіозные размѣры. Казалось, вся Ирландія готова была подняться противъ Англіи и ждала только призыва. Тайное общество «соединенныхъ ирландцевъ» требовало отдѣленія Ирландіи и введенія въ ней республиканскаго образа правленія. Она насчитывала болѣе 500.000 сторонниковъ, изъ которыхъ половина была способна носить оружіе. Тысячи людей сходились въ глухихъ мѣстахъ и втеченіе цѣлыхъ ночей занимались военными упражненіями; были сшиты зеленыя знамена— національный цвѣтъ Эрина; всѣ клялись «въ дружбѣ и вѣрности французской и ирландской націямъ». Были устроены касса, арсеналъ и директорія изъ пяти членовъ. Двое изъ директоровъ—Эдуардъ Фицджеральдъ (мужъ той таинственной Памелы, которую многіе считали дочерью г-жи Жанлисъ и Филиппа-Равенство) и О'Конноръ—подъ величайшимъ секретомъ вели въ Базелѣ переговоры съ Бартелеми и Гошемъ (май 1796). Основатель общества «соединенныхъ ирландцевъ»—Вольфъ Тонъ, бывшій адвокатомъ и публицистомъ, дипломатомъ и главаремъ толпы, безъ устали ратовавшій—устно и печатно—за угнетенныхъ католиковъ, покинулъ Филадельфію, куда въ свое время онъ вынужденъ былъ бѣжать, и поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы проповѣдывать свой смѣлый и широкій планъ ирландскаго похода. По его словамъ, французамъ стоило только появиться: вся Ирландія поднимется, какъ одинъ человѣкъ, Англіи будетъ нанесенъ смертельный ударъ. Неутомимый Вольфъ Тонъ свидѣлся и съ Кларкомъ, считавшимъ себя потомкомъ ирландскихъ королей, и съ морскимъ министромъ Трюгэ, и—что всего важнѣе—съ Гошемъ, назначеннымъ (26 дек. 1795 г.) главнокомандующимъ 100.000-ной океанской арміей, состоявшей изъ трехъ корпусовъ и расположенной отъ Кана до крѣпости Ла-Рошель. Усилія Вольфа Тона увѣнчались успѣхомъ, и онъ добился согласія Карно и всей директоріи.

Экспедиція Гоша въ Ирландію (1796).— Въ Брестѣ начались чрезвычайныя приготовленія. 15.000 человѣкъ должно было сѣсть на 44 корабля; 17 изъ нихъ были линейныя суда, а 13—фрегаты. Во главѣ экспедиціи стоялъ Гошъ. Его помощники,— Шерэнъ, начальникъ главнаго штаба, генералы Гарди, Гёмберъ, Гедувилль, Груши, полковникъ Ше, входившіе при старомъ порядкѣ въ составъ *ирландской бригады*, были полны надеждъ и энергіи. Американскій полковникъ Тэтъ командовалъ *чернымъ легіономъ* или *арміей франковъ*, одѣтой во все черное, въ черныхъ-же шляпахъ съ красными султанами; по выраженію Стэнгопа, это была шайка разбойниковъ и каторжанъ, или, скорѣе, шайка старыхъ шуановъ и браконьеровъ, людей, закаленныхъ въ возстаніяхъ Вандеи и Бретани, которая съ тѣмъ же остервенѣніемъ шла на англичанъ, какъ незадолго передъ тѣмъ на своихъ «синихъ» соотечественниковъ. Вольфъ Тонъ заготовлялъ воззванія и прокламаціи къ ирландскому крестьянству; подъ именемъ Смита онъ входилъ въ составъ генеральнаго штаба Гоша. Къ несчастью, соперничество между морскимъ и военнымъ вѣдомствами тормазили дѣло. Вице-адмиралъ Вилларэ-Жуаёзъ намѣренно затягивалъ приготовленія безконечными придирками. Вмѣстѣ съ своими помощниками (кромѣ, впрочемъ, Брюи, не менѣе преданнаго дѣлу, чѣмъ самъ Гошъ) онъ всѣми силами старался помѣшать отправкѣ экспедиціи. Онъ подалъ даже поводъ къ обвиненію въ дѣятельной помощи контръ-революціи. Гошъ, выведенный въ концѣ концовъ изъ терпѣнія, замѣнилъ его вице-адмираломъ Мораромъ де-Галль. Экспедиція вышла изъ Бреста 15 декабря 1796 г. Высадку рѣшено было произвести въ бухтѣ Бантри.

Французская эскадра благополучно миновала англійскія наблюдательныя суда, крейсировавшія вокругъ Бреста; но, выходя изъ протока Ируазъ, была застигнута страшной непогодой; положеніе осложнилось сильнымъ туманомъ; «Братство» съ Гошемъ и всѣмъ генеральнымъ штабомъ

отнесло въ сторону, и они потеряли изъ виду остальную флотилію. Военачальникъ оказался безъ войска и вынужденъ былъ — послѣ тщетныхъ попытокъ догнать свою эскадру — вернуться въ Ла-Рошель; армія, лишенная своего главы, была заброшена бурей на значительное разстояніе отъ бухты Бантри. Груши принимаетъ на себя временное командованіе войсками, а Буве — управленіе судами, и эскадра входитъ въ бухту Бантри. Груши настаиваетъ на немедленной высадкѣ: близость адмираловъ Ньельи и Ришери обезпечитъ десантъ. Однако, уже на слѣдующій день эскадра вышла въ открытое море. Несмотря на всѣ протесты Груши, — Буве, ссылаясь на непогоду, на слабость артиллеріи и недостатокъ провіанта, возвращается въ Брестъ (1 января), — на этотъ разъ безъ всякихъ злоключеній. «Я понимаю Ксеркса, бичевавшаго море, — сказалъ Вольфъ Тонъ, бывшій свидѣтелемъ всей этой печальной одиссеи: — сегодня я самъ способенъ сдѣлать что-нибудь подобное».

Пораженіе испанскаго флота у мыса Сенъ-Винцентъ (1797). — Гошъ, полагавшій, что слѣдуетъ снова отправить экспедицію, былъ поставленъ во главѣ арміи, дѣйствовавшей на Самбрѣ и Маасѣ. Директорія утратила свой прежній пылъ и рѣшила двинуть противъ Англіи своихъ союзницъ — Испанію и Голландію. Сама-же Франція должна была играть въ этомъ дѣлѣ лишь второстепенную роль. 6 октября 1796 г. Испанія — на основаніи трактата въ Ильдефонсѣ — объявила войну Англіи. Директорія соблазняла ее надеждой на присоединеніе Португаліи. 14 февраля 1797 г. испанскій флотъ подъ начальствомъ донъ-Хозе де-Кордова столкнулся у мыса Сенъ-Винцентъ съ англійской эскадрой, крейсировавшей около устьевъ Таго подъ командой адмирала Джона Джервиса, къ которому присоединились адмиралъ Паркеръ, пришедшій изъ Англіи, и адмиралъ Нельсонъ съ острова Эльбы. Произошелъ ожесточенный бой; испанцы потеряли четыре судна, въ томъ числѣ «Св. Іосифъ» съ 80 пушками, взятый Нельсономъ; величайшее въ мірѣ судно «Сантиссима Тринидадъ», имѣвшее четыре палубы и 134 пушки, вернулось въ Кадиксъ съ жалкими остатками флота. Англія шумно отпраздновала побѣду, положившую начало уничтоженію морского могущества Испаніи. Джервису, возведенному въ званіе пэра и въ достоинство графа Сенъ-Винцентъ, была назначена пенсія въ 3.000 фунтовъ. Нельсонъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и кавалеры ордена Бани. — Нападеніе англичанъ на Тенерифъ не увѣнчалось успѣхомъ; во время сраженія Нельсону оторвало руку.

Новые переговоры о мирѣ: конгрессъ въ Лиллѣ (1797). — Несмотря на пораженіе своихъ враговъ, Англія находилась въ крайне тяжеломъ положеніи. Государственный долгъ, возросшій со времени вступленія Питта въ министерство на 271 милліонъ, доходилъ уже до 510 милліоновъ фунтовъ. Платежи производились исключительно кредитными билетами. И безъ того затруднительное положеніе осложняется бунтомъ флотскихъ экипажей. Эскадра лорда Дункана прекращаетъ блокаду Голландіи, гдѣ готовится новый дессантъ: является опасеніе, что мятежники примкнутъ къ французскому флоту. 3% рента падаетъ до 48 франк.

Питтъ начинаетъ чувствовать настоятельную потребность въ мирѣ; для заключенія его снова посылается въ Парижъ Мальмсберри. Однако переговоры, начатые въ Лиллѣ, приводятъ какъ разъ къ обратному результату и только еще больше подчеркиваютъ существующее разногласіе. Инструкціи, полученныя Мальмсберри, исключали другъ друга: Питтъ и Каннингъ, — «съ которыми онъ желалъ дѣйствовать заодно», — уговаривали его направить всѣ усилія на заключеніе мира, а лордъ Гренвилль, «согласно указаніямъ котораго онъ долженъ былъ дѣйствовать», требовалъ, чтобы дѣло было затянуто, насколько возможно, французамъ-же былъ-бы данъ поводъ проявить свое недоброжелательство. Что касается французскихъ уполномоченныхъ, то вначалѣ, — особенно послѣ того какъ Талейранъ смѣнилъ Делакруа на посту министра иностранныхъ дѣлъ, — они держали себя чрезвычайно миролюбиво. Марэ завязалъ съ Мальмсберри совершенно конфиденціальные переговоры. Директорія требовала отъ англійскаго короля отказа отъ титула короля Франціи, вознагражденія за взятые въ Тулонѣ корабли и отказа отъ ипотечнаго права на Бельгію, гарантировавшаго австрійскій заемъ. Англія-же предлагала вернуть всѣ завоеванія, кромѣ о. Тринидада, отнятаго у Испаніи. На возвращеніе Капской ко-

лоніи она соглашалась только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Голландія обязалась не переуступать ея Франціи. Послѣ государственнаго переворота 18 фруктидора дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Въ Лилль были посланы Трейльяръ и Бонье съ новыми инструкціями; они должны были принудить Англію къ полному, безусловному отреченію отъ всѣхъ своихъ пріобрѣтеній и не соглашаться ни на какія уступки. Мальмсберри было вторично предложено покинуть Францію. Прекращеніе мирныхъ переговоровъ произвело одинаково непріятное впечатлѣніе, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ. Со стороны директоріи было, конечно, безтактно облекать свои требованія въ рѣзкія, повелительныя формы, но она была совершенно права, не давая въ обиду своихъ союзницъ, Испанію и Голландію.

Уничтоженіе голландскаго флота при Кампердоунѣ (1797 г.). — Въ то самое время, когда въ Лиллѣ происходили мирные переговоры, въ голландскихъ портахъ шли дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ Англіей, захватившей лучшія колоніи своей соперницы, — Каплэндъ, Цейлонъ и Молукскіе острова. Демократическая партія, находившаяся у власти со времени провозглашенія батавской республики, надѣялась вернуть ихъ при содѣйствіи Франціи; она разсчитывала также, что счастливая война возстановитъ былое значеніе Голландіи, какъ морской державы. Всѣ силы были сосредоточены въ водахъ Текселя. Эскадра состояла изъ 16 линейныхъ и 10 фрегатовъ подъ командой адмирала Винтера, а въ десантной арміи, находившейся подъ начальствомъ Денделься, насчитывалось 15.000 человѣкъ. Директорія намѣревалась усилить ихъ 5000-ми и послать Гоша въ качествѣ главнаго руководителя военныхъ дѣйствій. Гошъ тайно отправился изъ Кобленца въ Гагу, гдѣ встрѣтился съ Вольфомъ Тономъ и другими «соединенными» ирландцами. Онъ горѣлъ желаніемъ разбить англичанъ. «Когда судьба приведетъ, какъ я надѣюсь, меня и мою армію къ воротамъ Вѣны, — я и тогда готовъ буду все бросить, чтобы отправиться въ Дублинъ, а оттуда итти на Лондонъ», писалъ онъ Гедувиллю. Онъ добавлялъ, что директоріи не слѣдуетъ заключать мира иначе, какъ «на такихъ условіяхъ, которыя положили-бы предѣлъ притязаніямъ Англіи на господство во всемірной торговлѣ и ея деспотизму по отношенію къ остальнымъ морскимъ державамъ». Между тѣмъ Гошу стало очевидно, что голландцы стремятся присвоить себѣ честь всей экспедиціи. Онъ уступилъ и вернулся къ своей арміи на Маасъ. Вольфъ Тонъ поѣхалъ ему вслѣдъ, но нашелъ его уже умирающимъ (19 сентября 1797 г.). — Противный вѣтеръ долгое время задерживалъ голландскій флотъ въ водахъ Текселя; когда-же онъ, наконецъ, вышелъ въ море, ему какъ разъ противъ Викъ-амъ-Зе на широтѣ Кампердоуна встрѣтился англійскій флотъ адмирала Дункана (11 октября 1797 г.). Англичане возобновили маневръ, обезпечившій имъ побѣду при Сенъ-Винцентѣ: они прорвали непріятельскую линію и взяли семь кораблей. Это была уже третья попытка десанта, счастливо отраженная Англіей.

Десантъ Гембера въ Ирландіи. — Смерть Гоша нанесла непоправимый ударъ ирландскому дѣлу. Возстаніе «соединенныхъ ирландцевъ» не имѣло успѣха и было энергично подавлено лордомъ Корнуельсомъ. Директорія сокращала свои приготовленія. Правда, послѣ заключенія Кампоформійскаго мира —, она назначила Бонапарта главнокомандующимъ англійской арміей, а самъ генералъ какъ въ своей оффиціальной корреспонденціи, такъ и въ своихъ воззваніяхъ усиленно разглагольствовалъ о приготовленіяхъ и искусно разыгрывалъ комедію «англійскаго похода»; зато негласно онъ указывалъ на массу трудностей, связанныхъ съ даннымъ предпріятіемъ, и старался соблазнить правительство планомъ захватить Ганноверъ или овладѣть Египтомъ. Мысль о Востокѣ неотступно преслѣдовала его. Высадка въ Ирландію давала очень много Франціи и ничего — ея полководцу; безвременная кончина Гоша не была еще забыта. Напротивъ того, экспедиція въ Египетъ раскрывала передъ честолюбцемъ заманчивыя перспективы, сулила ему власть деспота, но была сопряжена съ громадной опасностью для Франціи. Бонапартъ поступилъ такъ, какъ этого требовали его личные разсчеты.

Ирландское возстаніе получило лишь слабую поддержку: Гёмберъ долженъ былъ отправиться изъ Рошфора съ 1000 человѣкъ; Гарди съ 3000 изъ Бреста; Кильмэнъ во главѣ резерва имѣлъ въ своемъ

распоряженіи 9000 человѣкъ. Но все было дезорганизовано приготовленіями къ египетскому походу: Бонапартъ увозилъ съ собой все, что было, — и людей, и запасы, и деньги. Въ Ирландію отправился одинъ Гемберъ.

Киллала, Кастльбаръ, Балинамукъ (1798).—Благородная, крайне своеобразная личность Гембера стоитъ того, чтобы остановить на ней вниманіе читателей. Это былъ безграмотный крестьянинъ, начавшій жизненную карьеру въ качествѣ «продавца козлячьихъ шкурокъ», промышлявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ сыромъ и лошадьми; онъ быстро выдвинулся благодаря свой доблести и подвигамъ въ Вандейскую войну и былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль передъ нимъ трепетала вся Англія. Беззавѣтная храбрость сочеталась въ немъ съ человѣчностью и глубокой преданностью республикѣ, за которую во времена Бонапарта ему пришлось даже поплатиться изгнаніемъ. — На трехъ фрегатахъ всего съ 1036 человѣками вышелъ онъ 6 августа 1798 г. съ острова Экса, не зная даже, поѣдетъ-ли еще кто-нибудь для его подкрѣпленія. Подъ англійскимъ флагомъ онъ пробрался къ самымъ берегамъ Ирландіи, безпрепятственно высадился въ Киллала и началъ съ того, что захватилъ англійскаго епископа и его гостей, принявшихъ его было за соотечественника, и вмѣстѣ со своими товарищами прикончилъ ужинъ, приготовленный для болѣе высокихъ гостей. Епископъ, оказавшійся плѣнникомъ въ собственномъ замкѣ, напечаталъ впослѣдствіи очень любопытное описаніе этого набѣга, въ которомъ онъ чрезвычайно лестно отзывается о добродушіи, честности и веселости французовъ. Вскорѣ этой горсти смѣльчаковъ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ королевскимъ войскомъ лорда Корнуельса. Англичане, охваченные паникой, бросились бѣжать. Это и былъ знаменитый «Кастльбарскій бѣгъ». Но у Ирландіи уже не было вождей и руководителей, и возстаніе было подавлено среди потоковъ крови. Во французскій лагерь пришло лишь небольшое число крестьянъ, разсчитывавшихъ получить порядочную одежду и хорошіе харчи; дальше этого не простирались ихъ стремленія. Не такая помощь нужна была французамъ. Къ тому же добровольцы изъ ирландцевъ выражали неудовольствіе на суровое отношеніе французовъ къ грабежу и насиліямъ, которые производили фанатики-католики. Изъ Франціи помощь не приходила. Экспедиція была обречена на гибель. 8 сентября 1798 г. англичане съ громадными силами окружили французскій авангардъ. Гемберъ тщетно пытался прорвать ихъ линію; онъ вынужденъ былъ сдаться съ 844 человѣками. Побѣдителей было такъ много, что каждый, какъ чести, добивался взять кого-нибудь въ плѣнъ, но плѣнниковъ оказалось меньше, чѣмъ даже англійскихъ офицеровъ. Съ французами, препровожденными въ Дублинъ, обращались очень хорошо и вскорѣ обмѣняли ихъ на своихъ плѣнныхъ. Зато изъ 1500 ирландцевъ 500 было убито, а остальные разсѣяны.—Эскадра, вышедшая изъ Бреста подъ командой генерала Гарди и начальника морской дивизіи Бомпара, не могла даже произвести высадку. Въ бухтѣ Донегаль она подверглась нападенію болѣе сильнаго и многочисленнаго флота коммодора Уоррена. «Гошъ», на которомъ находился генеральный штабъ, держался до послѣдней возможности. Батальоны 53 бригады образовали на палубѣ этого ветхаго судна карре и сражались такъ-же доблестно, какъ въ арміи Самбры и Мааса. Адмиралъ Бомпаръ, генералъ Гарди и адъютантъ Смитъ были взяты въ плѣнъ. «Гошъ» пошелъ ко дну.— Смитъ, т. е. Вольфъ Тонъ, былъ осужденъ и избѣжалъ повѣшенія только благодаря самоубійству. Послѣдняя мысль его была обращена къ Франціи: ей онъ ввѣрилъ свою семью!

Теперь, когда не было въ живыхъ ни Вольфа Тона, ни Гоша, когда Ирландія была всѣми покинута, Англія была внѣ опасности:—шумная экспедиція Бонапарта не могла нанести ей большого вреда.

Экспедиція въ Египетъ; Мальта (1798).— Въ настоящее время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мысль нанести ударъ Англіи въ Египтѣ и Индіи носила крайне утопическій характеръ. Суэцкій перешеекъ представлялъ еще непреодолимую преграду для дальнѣйшаго движенія нашего флота. Изъ Египта можно было посылать въ Индію Типу-Саибу ободрительныя письма, но отнюдь не вспомогательные отряды. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно было-бы доказывать, что обладаніе Египтомъ дало-бы Франціи лучшую долю наслѣдства оттоманской имперіи, и въ то-же время было-бы наиболѣе вѣрнымъ залогомъ

нашего владычества на Средиземномъ морѣ. Исключительно съ этой точки зрѣнія завоеваніе Египта и могло устрашить Англію, обладавшую уже Гибралтаромъ и стремившуюся еще болѣе распространить сферу своего преобладанія. Въ дѣйствительности, виновники этого несчастнаго предпріятія руководились совершенно иными соображеніями. Бонапартъ хотѣлъ снова стать во главѣ большой арміи и прибавить къ своей славѣ новые лавры. Онъ говорилъ, что только на востокѣ, «гдѣ живетъ 600 милліоновъ человѣкъ», можно создать себѣ великое имя. Директорія ни на минуту не вѣрила въ мишурные планы честолюбиваго генерала и сразу догадалась объ его истинныхъ намѣреніяхъ. Она давно уже начала смотрѣть на него, какъ на человѣка, чрезвычайно опаснаго для ея собственнаго существованія; удаленіе его изъ Франціи во всякомъ случаѣ должно было хотя-бы на время развязать ей руки, а громадный рискъ задуманнаго предпріятія быть можетъ внушалъ ей надежду, что дѣло кончится гибелью грознаго конкурента. Экспедиція въ Египетъ стала возможной, благодаря скрещенію двухъ своекорыстныхъ разсчетовъ: Бонапартъ думалъ о своей карьерѣ, директорія — о своей личной безопасности. Ради низкихъ интересовъ кучки интригановъ наши опытнѣйшіе полководцы и лучшіе солдаты шли умирать въ далекую, невѣдомую страну!

Можно удивляться, какимъ образомъ небольшому числу лицъ, посвященныхъ въ тайну предпріятія, удалось сохранить ее отъ постороннихъ и, въ особенности, отъ будущихъ участниковъ экспедиціи. Въ декретахъ, предоставившихъ Бонапарту чрезвычайно широкія полномочія, говорилось о сформированіи въ Тулонѣ «лѣваго крыла англійской арміи». Еще во времена Людовика XIV и Людовика XV столько разъ шла рѣчь о присоединеніи тулонской эскадры къ атлантической и ламаншской флотиліи для совмѣстнаго нападенія на англійскія силы, что никто не увидѣлъ ничего особеннаго въ снаряженіи боевыхъ силъ на берегу Средиземнаго моря для десанта въ Великобританіи. Въ обществѣ ходили темные слухи объ экспедиціи на востокъ. Въ кафе Корацца и модныхъ политическихъ собраніяхъ только и разговаривали про цѣль тулонскихъ приготовленій. Нерѣдко высказывались болѣе или менѣе увѣренныя предположенія, что войска двинутся «на востокъ, въ Константинополь или Индію, чтобы лишить Англію индиго, сахарнаго тростника и хлопка». Кромѣ директоровъ, о планахъ Бонапарта знали только Талейранъ, его бывшій учитель Монжъ, генералъ Каффарелли и нѣкоторые ученые. Въ Тулонѣ собралось 500 судовъ, 10.000 матросовъ и 35.000 солдатъ, по большей части ветерановъ итальянской арміи. Бонапартъ увозилъ съ собою лучшихъ полководцевъ, въ томъ числѣ не только своихъ старыхъ соратниковъ по Италіи — Бертье, Мюрата, Ланна, Даву, Мармона, Дюрока, Бессьера, Фріана, Белльяра, но также двухъ наиболѣе прославленныхъ и дѣйствительно выдающихся генераловъ рейнской арміи — Клебера и Десэ. Съ нимъ были, кромѣ того, братъ Луи Бонапартъ и пасынокъ Евгеній Богарнэ. Брюейсъ и Вилльневъ командовали флотомъ, Деженетъ и Ларрей завѣдовали лазаретами, Пусіельгъ — денежной частью. Въ экспедиціи участвовали наиболѣе извѣстные ученые, которые должны были описать художественныя сокровища древняго Египта и выработать способы наиболѣе раціональнаго землепользованія. Прежде, чѣмъ покинуть Францію, Бонапартъ опустошилъ бернское и римское казначейство. «Посылая меня въ Римъ, писалъ Бертье Бонапарту, вы назначаете меня казначеемъ англійской экспедиціи. Я постараюсь наполнить кассу». Онъ сдержалъ слово. Такимъ образомъ Бонапартъ сдѣлалъ все возможное для успѣшнаго выполненія своего плана.

Предпріятіе было очень популярно, такъ какъ большинство думало, что высадка будетъ произведена въ самой Англіи *). Отъѣздъ состоялся 19 мая 1798 года. Цѣль экспедиціи была объявлена только послѣ того, какъ всѣ суда вышли въ открытое море. Нужно было обмануть англійскую средиземную эскадру, находившуюся подъ

*) Въ народѣ ходило много пѣсенъ на эту тему. Вотъ одна изъ нихъ: «Солдаты! Сейчасъ снова откроется балъ, а вы любите танцы. Нѣмка только-что кончила, начинаетъ англичанка.—Чортъ возьми, всѣ наши французы разойдутся тамъ на славу; правда, они не долюбливаютъ англичанъ, зато очень любятъ англичанокъ». Когда узнали, что боевая флотилія направилась въ Египетъ, настроеніе рѣзко измѣнилось. Сатира стала безъ стѣсненій нападать на знаменитаго полководца: «сколько талантовъ брошено въ воду, сколько истрачено денегъ, сколько людей идетъ на смерть — и все это только для того, чтобы вознести Бонапарта до небесъ. — Всѣ во Франціи цѣнятъ такого воина на вѣсъ золота, но было-бы гораздо лучше, если-бы онъ стоилъ того, во что намъ обошелся».

начальствомъ бдительнаго Нельсона. Французская флотилія направилась къ Мальтѣ. Среди изнѣженныхъ представителей древняго, славнаго рыцарскаго ордена, наслаждавшихся праздностью и богатствомъ, нашлась все-же горсть людей, готовыхъ защищаться, но великій магистръ Гомпешъ, котораго впередъ склонили на свою сторону обѣщаніемъ пожизненнаго дохода въ 300.000 франковъ, приказалъ открыть ворота. Каффарелли утверждалъ, что силой нельзя было-бы взять эту крѣпость. На Мальтѣ былъ оставленъ Вобуа съ небольшимъ гарнизономъ.

Александрія. Хебреисъ. Пирамиды. — Какимъ-то чудомъ избѣжавъ встрѣчи съ англичанами, армія высадилась въ Александріи (30 іюня). Египетъ находился въ то время подъ номинальнымъ владычествомъ Турціи. Фактически имъ самовластно распоряжалось военное сословіе мамелюковъ. Они страшно угнетали и земледѣльческое населеніе туземнаго происхожденія—феллаховъ, и арабскихъ шейховъ, — потомковъ бывшихъ завоевателей и повелителей страны. Турецкіе чиновники, представители султана, не играли никакой роли въ общественной и политической жизни. Нападая на Египетъ, Бонапартъ дѣлалъ видъ, какъ будто хочетъ только вырвать его изъ рукъ мамелюковъ, отнюдь не посягая на права Блистательной Порты. Впрочемъ, туркамъ было очень трудно внушить эту тонкость: въ рукахъ французовъ Египетъ, очевидно, былъ-бы несравненно болѣе независимъ отъ Константинополя, чѣмъ подъ владычествомъ мамелюковъ. Къ тому-же, единственный французскій дипломатъ, мы говоримъ про Обера-Дюбайе, который, пользуясь необыкновеннымъ расположеніемъ оттоманскаго правительства, могъ-бы добиться его согласія на египетскую экспедицію, умеръ въ 1797 году и не оставилъ послѣ себя никого, кому была-бы подъ силу столь трудная и отвѣтственная задача. Тѣмъ не менѣе Бонапартъ продолжалъ называть себя «близкимъ другомъ турокъ», вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительствовалъ арабамъ и освободилъ феллаховъ. Онъ обѣщалъ сохранить въ силѣ мѣстные обычаи, уважать предписанія религіи, содѣйствовать извлеченію почвенныхъ богатствъ и ихъ наиболѣе выгодному примѣненію. — Александрія сдалась почти безъ сопротивленія. Чтобы овладѣть Каиромъ, нужно было сдѣлать длинный, въ высшей степени мучительный переходъ черезъ Дамангурскую пустыню. Солдаты, изнуренные жарой и усталостью, измученные лихорадкой, — на глазахъ главнокомандующаго накладывали на себя руки, восклицая: «смотри, что ты сдѣлалъ!» Мюратъ, Ланнъ и другіе генералы пали духомъ; лихорадка, свирѣпствовавшая въ пустынѣ, лишала ихъ бодрости. Только Бонапартъ и Клеберъ ни на минуту не теряли присутствія духа. Однажды, дойдя до крайней степени изнеможенія, солдаты отказались нести своихъ раненыхъ. «Подлецы! закричалъ на нихъ Клеберъ. Что значитъ быть солдатомъ?—не ѣсть, когда голоденъ! не пить, когда жаждешь! нести раненаго товарища, когда не въ силахъ снести самого себя! Презрѣнные, возьмите вашихъ раненыхъ!» Тѣ повиновались и подняли несчастныхъ, которыхъ чуть-было не бросили посреди пустыни. Наконецъ, войско соединилось съ французской флотиліей, которая тѣмъ временемъ подымалась вверхъ по Нилу, и получило все необходимое. При Романьехѣ и Хебреисѣ произошли незначительныя стычки. Послѣдняя изъ нихъ замѣчательна тѣмъ, что Бонапартъ впервые построилъ свои войска въ каррэ, чтобы со всѣхъ сторонъ давать отпоръ бурнымъ натискамъ стремительно налетавшей и тотчасъ-же исчезавшей кавалеріи.

Наконецъ, на горизонтѣ появились минареты Каира. Съ высоты грандіозныхъ пирамидъ, виднѣвшихся въ пустынѣ, «сорокъ вѣковъ» смотрѣло на нашу армію. Здѣсь произошло рѣшительное сраженіе съ двумя вождями мамелюковъ, Ибрагимъ-бекомъ и Мурадъ-бекомъ. Бѣшеныя атаки ихъ кавалеріи разбились о непоколебимыя твердыни нашихъ каррэ. Картечь нанесла страшный уронъ храбрымъ наѣздникамъ. Французы потеряли убитыми какихъ-нибудь тридцать человѣкъ, мамелюки—около 2000. Многіе изъ нихъ потонули въ Нилѣ (21 іюля 1798 г.). Солдаты штыками вытаскивали на берегъ ихъ трупы, чтобы взять золото, которымъ были переполнены ихъ пояса. Съ этого времени, замѣчаетъ Бонапартъ, «армія начала примиряться съ Египтомъ». Ибрагимъ-бекъ бѣжалъ въ Белбеисъ по сирійской дорогѣ, Мурадъ — въ Верхній Египетъ.

Морское пораженіе при Абукирѣ (1798). — Нельсонъ разыскивалъ французскую экспедицію. Во время выхода ея изъ Тулона сильная буря причинила его эскадрѣ значительныя поврежденія. Изъ Кадикса къ нему пришло на подкрѣпленіе 11 кораблей. Узнавъ о взятіи Мальты, онъ бросился туда, но французская флотилія ушла въ неизвѣстномъ направленіи. Англійскій консулъ въ Ливорно высказалъ предположеніе, что она произведетъ десантъ въ Египтѣ. Нельсонъ поспѣшилъ къ египетскому побережью, но прибылъ туда слишкомъ рано: французовъ еще не было, эскадры встрѣтились и разошлись 22 іюня, не замѣтивъ другъ друга. Нельсонъ кинулся въ Кандію, затѣмъ въ Сицилію, — тщетныя усилія! французы какъ въ воду канули. Неаполитанское правительство хотѣло остаться нейтральнымъ, но Эмма Гамильтонъ добилась того, что Нельсонъ получилъ разрѣшеніе пріобрѣсти съѣстные припасы и набрать воды изъ источника Аретузы. Онъ писалъ своему командиру, адмиралу Джервису, что найдетъ французовъ, хотя-бы они были «у антиподовъ, если только они не на днѣ морскомъ». Выйдя изъ Сиракузъ 25 іюля, онъ прибылъ 28 въ Коронъ. Здѣсь сообщили ему, что французская флотилія прошла въ юго-восточномъ направленіи. Наконецъ, 1 августа обѣ эскадры сошлись на рейдѣ Абукира. Брюейсъ считалъ свою позицію неприступной, благодаря двумъ береговымъ батареямъ, расположеннымъ съ обоихъ концовъ боевой линіи. Не сдѣлавъ нужныхъ промѣровъ, онъ былъ убѣжденъ, что незначительная глубина помѣшаетъ непріятелю отрѣзать его отъ берега. Третья часть его экипажа была уже высажена на берегъ. Нельсонъ видѣлъ, какъ французскія суда повернулись на якоряхъ, и понялъ, что можетъ окружить ихъ со всѣхъ сторонъ. Самъ Брюейсъ помогъ ему въ осуществленіи плана, отодвинувъ отъ мѣста главной схватки наиболѣе сильныя суда, находившіяся подъ начальствомъ Виллльнёва. Французовъ было 11.000 человѣкъ, при 1196 пушкахъ, англичанъ — 8000 при 1012 орудіяхъ. Число линейныхъ кораблей было одинаково у обѣихъ сторонъ: 13 противъ 13-и. Нельсонъ рѣшилъ добиться «либо званія пера, либо могилы въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ», и вечеромъ 1-го августа сдѣлалъ нападеніе съ своей обычной стремительностью. Часть своихъ кораблей онъ направилъ въ промежутокъ между берегомъ и французскимъ флотомъ. Виллльнёвъ, стоя на правомъ крылѣ со своими пятью кораблями и двумя фрегатами, не могъ принять участія въ сраженіи; остальная часть нашего флота очутилась между двумя огнями. Прошло какихъ-нибудь два часа, и боевое счастье склонилось на сторону англичанъ. Брюейсъ, получивъ четыре раны, умеръ на капитанскомъ мостикѣ, глядя на побѣдоносныя движенія непріятеля. Нельсонъ былъ раненъ въ голову осколкомъ картечи. Кожа отдѣлилась отъ черепа и прикрыла его единственный зрячій глазъ. Всѣ подумали, что онъ убитъ, но онъ съ тѣмъ-же хладнокровіемъ, какъ и раньше, продолжалъ отдавать приказанія. Въ 10 часовъ вечера взорвало французское адмиральское судно «*Востокъ*»; командиръ этого судна Казабьянко и сынъ его, мальчикъ 10 лѣтъ, привязали себя къ мачтѣ, предпочитая погибнуть, чѣмъ найти прибѣжище и спасеніе на англійской шлюпкѣ. На «*Гремящемъ*» Дюпти-Туаръ, у котораго оторвало обѣ ноги, напрягъ послѣднія силы и заставилъ экипажъ поклясться, что ни въ какомъ случаѣ не спустить флага.—Виллльнёвъ вынужденъ былъ бѣжать съ двумя кораблями и двумя фрегатами. Остальныя суда были взяты или потоплены (ночь съ 1-го на 2-ое августа 1798 г.). Нельсонъ былъ въ восторгѣ: «это не побѣда, воскликнулъ онъ, а завоеваніе». Тѣмъ не менѣе онъ не былъ въ силахъ, *за отсутствіемъ фрегатовъ*, ни преслѣдовать Виллльнёва, ни захватить транспортныя суда и боевые запасы, находившіеся въ Александріи. Въ награду отъ султана Нельсонъ получилъ бриллльянтовое украшеніе съ одного изъ его тюрбановъ; Павелъ I прислалъ ему свой портретъ, усыпанный брильянтами; отъ остальныхъ членовъ коалиціи онъ получилъ не менѣе лестныя доказательства ихъ благосклонности. Король Георгъ III пожаловалъ его пенсіей въ 2000 фунтовъ стерлинговъ и званіемъ барона Нила. «Онъ одержалъ, говорили англичане, величайшую морскую побѣду, которую только запомнитъ исторія».

Возстаніе въ Каирѣ; покореніе Верхняго Египта. — Благодаря истребленію большей части флота при Абукирѣ, французская армія оказалась запертой въ толь-

ко что покоренной странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Англіи удалось вовлечь Турцію въ войну противъ Франціи.—Въ то время, какъ Бонапартъ шелъ на помощь Клеберу, подчинявшему дельту Нила, въ Каирѣ вспыхнуло возстаніе. Привилегіи, дарованныя евреямъ и христіанамъ, продажа вина, взиманіе налога при возобновленіи срочныхъ концессій—все это глубоко возмущало мусульманское неселеніе. Дюпюи, военный губернаторъ Каира, былъ убитъ. Бонапарту съ трудомъ удалось проникнуть въ городъ. Суевѣріе помѣшало мусульманамъ биться послѣ заката солнца. Бонапартъ воспользовался ночью, чтобы укрѣпить свою позицію и занять наиболѣе выгодныя мѣста. Внезапно разразившаяся буря повергла мятежниковъ въ окончательный ужасъ. Они стали просить *«амана»*. Бонапартъ не пощадилъ главарей движенія, но простилъ остальныхъ; было убито около пяти тысячъ человѣкъ.—Между тѣмъ Десэ, которому было поручено преслѣдовать Мурадъ-бека, разбилъ его при Седиманѣ. Верхній Египетъ былъ покоренъ и получилъ отъ французскаго полководца, котораго арабы называли «справедливымъ султаномъ», новое общественное устройство. Наши войска дошли до пороговъ Сіенны и на стѣнахъ древнихъ храмовъ на островѣ Филэ увѣковѣчили свои славные подвиги.

Походъ Бонапарта въ Сирію.—Египетъ былъ замиренъ и не внушалъ болѣе никакихъ опасеній, но двѣ турецкихъ арміи готовились изгнать изъ него французовъ. Одна изъ нихъ должна была быть перевезена изъ Родоса въ Абукиръ на транспортныхъ судахъ подъ прикрытіемъ англійскаго флота; другая направлялась черезъ Малую Азію и Сирію. Бонапартъ всегда предпочиталъ нападать, чѣмъ ожидать нападенія. Къ тому-же одно завоеваніе требовало другого: Сирія была какъ-бы преддверіемъ Египта; обладаніе ею предоставило-бы въ распоряженіе французовъ громадные лѣса Ливана и прекрасные порты, т. е. какъ-разъ то, чего недоставало Египту. Бонапартъ двинулся въ Сирію. Онъ быстро взялъ Эль-Аришъ, Газу, Яффу. Здѣсь онъ велѣлъ перерѣзать 3000 плѣнниковъ. Эти несчастные въ свое время были отпущены на свободу подъ условіемъ, что не будутъ сражаться противъ нашей арміи, и тѣмъ не менѣе были замѣчены среди защитниковъ Яффы. «Никогда война не казалась мнѣ столь ужасной», писалъ по этому поводу Бонапартъ въ своемъ сообщеніи директоріи. Былъ-ли онъ искрененъ, и не лучше-ли было-бы вторично пощадить темныхъ людей, чѣмъ отдавать приказъ объ избіеніи безоружныхъ?—Главной цѣлью Бонапарта было взятіе Сенъ-Жанъ д'Акра. Къ несчастью, пушки, которыя онъ для скорости отправилъ моремъ, попали въ руки англичанъ и были употреблены противъ насъ-же самихъ. Французскій эмигрантъ, бывшій товарищъ Бонапарта по Бріенской военной школѣ, графъ де-Фелипо стоялъ во главѣ турецкой артиллеріи. Джеццаръ-паша командовалъ гарнизономъ, а англійскій адмиралъ Сидней-Смитъ безпрерывно подвозилъ въ осажденную крѣпость боевые и съѣстные припасы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлалъ все, чтобы разжечь ненависть противъ французовъ. Съ суши приближалась турецкая вспомогательная армія подъ начальствомъ Абдаллаха и грозила напасть на насъ съ тылу. Нужно было идти на встрѣчу и предупредить катастрофу. Были даны блестящія битвы при Тиверіадѣ, Назаретѣ и Ѳаворской горѣ.—Клеберъ, Мюратъ и Жюно совершили чудеса храбрости. Турки были отброшены (апрѣль 1799 г.), но попытки овладѣть С. Жанъ-д'Акромъ оканчивались неудачами. Передъ концомъ осады у насъ не хватало снарядовъ, и Бонапартъ вынужденъ былъ посылать охотниковъ изъ солдатъ подбирать ядра, которыя пускалъ въ насъ Сидней-Смитъ. За пару онъ платилъ по франку. Находились смѣльчаки, зарабатывавшіе по 80 франковъ въ день. Волей-неволей приходилось снять осаду. «Этотъ человѣкъ испортилъ мнѣ всю жизнь», воскликнулъ съ горечью Бонапартъ, разумѣя Сиднея-Смита, «а эта крѣпостца помѣшала мнѣ проникнуть въ Индію и нанести смертельный ударъ англичанамъ».

Побѣда при Абукирѣ (1799 г.).—При возвращеніи въ Египетъ у нашей арміи оказался еще болѣе опасный врагъ, чѣмъ англичане: чума. Еще въ Яффѣ она стала производить страшныя опустошенія. Теперь всѣхъ охватила паника. Около больныхъ остались только врачи. Бонапартъ посѣтилъ госпиталь, въ которомъ лежали зачумленные, и долго бесѣдовалъ съ однимъ умирающимъ, поддерживая его го-

лову руками. Его хладнокровіе устыдило всѣхъ, кто отказывался отъ исполненія своего долга. Съ этихъ поръ у врачей уже не было недостатка въ помощникахъ; всѣ были на лицо. Деженетъ, стоявшій во главѣ медицинской части, не щадилъ ни времени, ни силъ, ежеминутно рискуя своей жизнью. Онъ, однако, не прививалъ себѣ чумы, какъ утверждаетъ легенда. «Сдѣлай я это, говаривалъ онъ, я-бы умеръ, какъ тѣ двое англійскихъ врачей, которые повѣрили чрезвычайно распространенному слуху и захотѣли подражать моему примѣру». Отступленіе было ужасно. Весь путь устилали больные и умирающіе. Затаенное недовольство тамъ и сямъ прорывалось наружу. Самыя кровопролитныя сраженія не наносили арміи такого урона, какъ эти безконечные переходы черезъ раскаленную пустыню. Между тѣмъ впереди нужно было преодолѣть новую преграду. Турецкая армія изъ Родоса, въ составѣ 18.000 человѣкъ, высадилась въ Египтѣ. Бонапартъ и динился съ Мармономъ въ Александріи соедалъ 25 іюля 1799 г. второе сраженіе при Абукирѣ: турки, не хотѣвшіе или не бывшіе въ состояніи снова сѣсть на суда, были сброшены въ море.

Французское управленіе въ Египтѣ.— Тотчасъ-же послѣ побѣды у пирамидъ, Бонапартъ приступилъ къ преобразованію общественнаго строя Египта. Съ большимъ тактомъ онъ выступилъ въ роли покровителя Ислама и феллаховъ, разсчитывая привлечь на свою сторону мусульманъ и земледѣльцевъ. Въ праздникъ Нила онъ, одѣвшись по-восточному, торжественно пріѣхалъ въ главную мечеть Каира и, сѣвъ посреди шейховъ, сталъ вмѣстѣ съ ними читать мусульманскія молитвы. Арабы называли его *Али-Бунаберди*. Одинъ изъ его приближенныхъ генераловъ, Мену, чтобы снискать себѣ расположеніе массы, принялъ мусульманство и женился на мусульманкѣ. Онъ обращался съ ней, какъ съ француженкой, и это произвело на египетскихъ женщинъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ короткій срокъ были преобразованы суды, администрація, система обложенія. Для совѣщанія о предстоящихъ реформахъ было созвано собраніе представителей четырнадцати провинцій Египта. Въ главныхъ городахъ были введены «*диваны*», т. е. муниципальныя учрежденія. «*Мири*» (поземельный налогъ) остался въ силѣ, но былъ распредѣленъ между отдѣльными плательщиками гораздо справедливѣе и взимался безъ употребленія насилія. Бонапартъ проектировалъ сооруженія, которыя должны были имѣть колоссальное значеніе для преуспѣянія страны. Онъ приказалъ найти слѣды древняго канала фараоновъ, соединявшаго Нилъ съ Чермнымъ моремъ, и даже напалъ на мысль о прорытіи канала отъ Суэца по прямому направленію къ Средиземному морю.

Слишкомъ поспѣшныя изысканія нашихъ инженеровъ и ошибки, допущенныя ими при нивеллировкѣ, помѣшали осуществленію этого плодотворнаго проекта. Были насаждены новыя отрасли промышленности. Впослѣдствіи, когда Мегметъ-Али хотѣлъ возродить Египетъ, ему пришлось вернуться къ планамъ Бонапарта.

Египетскій Институтъ. — 28 августа 1798 года Бонапартъ основалъ Египетскій Институтъ, состоявшій изъ четырехъ отдѣленій и 48 членовъ. Такіе ученые, какъ Жомаръ и Шампольонъ, художники, наприм. археологъ Денонъ, живописецъ Редутэ, архитекторъ Лепэръ,—изучали дивныя развалины древняго Египта, срисовывали каменные колоссы, сфинксы, обелиски, составляли остроумные планы для реставраціи храмовъ и дворцовъ. Жомару удалось разобрать числа на нѣкоторыхъ іероглифахъ. Что касается таинственныхъ египетскихъ буквъ, то они были открыты значительно позже (1829 г.), благодаря знаменитому розеттскому камню съ надписями на трехъ языкахъ, привезенному изъ экспедиціи 1798-9 года Шампольономъ. Геометры Монжъ и Фурье приступили къ геодезическимъ съемкамъ. Химики и естественники, Бертоллэ, Жоффруа Сентъ-Илеръ, Доломье—изслѣдовали климатъ, опредѣляли составъ почвы, наблюдали своеобразныя явленія при разливѣ Нила. Среди механиковъ выдавался Гассенфрацъ и, въ особенности, Контэ, у котораго, по словамъ Монжа, «въ головѣ были всѣ науки, а въ рукахъ всѣ—искусства». Они отливали пушки, устраивали заводы для выдѣлки сафьяна и золото-канительныя фабрики, заготовляли для обмундированія войскъ бѣлую хлопчато-бумажную матерію и чеканили египетскую «*пара*». Деженетъ и Ларрей заботились объ оздоровленіи города, провели воду въ узкія улицы Каира, добились систематической уборки

нечистотъ и устроили лазаретъ на Нилѣ, чтобы прекратить распространеніе болѣзней, ежегодно заносимыхъ изъ Мекки большимъ караваномъ. Писатели Арно и Парсеваль-Гранмэзонъ завѣдывали редакціей *«Египетской Декады»*, научно-литературнаго органа, а также *«Египетскаго Курьера»*, политической газеты, выходившихъ по опредѣленнымъ днямъ и печатавшихся у типографа Марселя. Передъ глазами изумленныхъ европейцевъ воскресалъ новый міръ, почти совершенно невѣдомый до этого времени. — Благодаря экспедиціи Бонапарта, Франція попрежнему занимала первое мѣсто въ изученіи египтологіи;—таково было наиболѣе глубокое и важное послѣдствіе этой кампаніи.

Отъѣздъ Бонапарта (1799).—Изъ газеты, переданной ему грекомъ Бурбаки вмѣстѣ съ письмомъ брата Жозефа, Бонапартъ узналъ о государственныхъ переворотахъ 22-го флореаля и 30-го преріаля и объ успѣхахъ второй коалиціи. Черезъ Сиднея-Смита, съ которымъ онъ обѣдалъ для переговоровъ объ обмѣнѣ плѣнниками, онъ получилъ такого рода документы и письма, которыя положили конецъ его колебаніямъ. Онъ пересталъ думать о владычествѣ надъ Востокомъ. Передъ нимъ раскрывалась теперь несравненно болѣе заманчивая перспектива владычества надъ Франціей. Правда, нужно было бросить своихъ соратниковъ, проще сказать, дезертировать, но такого рода соображенія не могли повліять на его рѣшеніе. Не заручившись прямымъ разрѣшеніемъ директоріи, онъ позорно покинулъ армію, которую обязанъ былъ вести, вмѣстѣ съ собой онъ взялъ Бертье, Ланна, Мюрата, Мармона, Дюрока, Бесьера, Андреосси, Бурьенна, Монжа, Бертоллэ, Денона, Парсеваля-Гранмэзона и Евгенія Богарнэ (22 августа 1799 года). Главное командованіе онъ передалъ Клеберу, но не посмѣлъ открыто признаться въ своемъ намѣреніи и письменно сообщилъ ему инструкціи. Понимая, что дни экспедиціи сочтены, онъ не хотѣлъ связывать своего имени съ капитуляціей Египта.

III. Вторая коалиція (1798—1799).

Вступленіе Павла I на русскій престолъ (1796).—Странная игра судьбы: въ тотъ самый моментъ, когда, впервые послѣ крестовыхъ походовъ, французскія войска сражаются на востокѣ, русская армія приходитъ въ западную Европу и вмѣшивается въ ея внутреннія распри. — 17 ноября 1796 года (по новому стилю) умерла Екатерина II, и на русскій престолъ вступилъ Павелъ I. Ему было уже сорокъ-два года, но до этого времени онъ не игралъ никакой роли въ управленіи страною; по высшимъ соображеніямъ мать удаляла его отъ арміи; фавориты оттирали его отъ власти; царедворцы не считались съ его положеніемъ и не придавали ему никакого значенія; мало того, упорное недовѣріе матери лишило его священнѣйшаго права всякаго родителя на воспитаніе дѣтей. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ мрачный, безпокойный, неровный характеръ. «Тайна смерти Петра III не давала ему покоя; онъ испытывалъ чувства Гамлета» (А. Рамбо).

Съ какой-то страстью отмѣняя все, созданное Екатериной II, начиная съ основныхъ преобразованій и кончая незначительными распоряженіями, онъ, однако, раздѣлялъ ея ненависть къ революціи. Онъ безпощадно преслѣдовалъ круглыя шляпы, высокіе воротники, большіе галстуки и вообще французскія моды, видя въ нихъ проявленія якобинизма. Эмигранты встрѣчали у него радушный пріемъ. Людовикъ XVIII, провозгласившій себя королемъ послѣ смерти своего племянника, получилъ отъ русскаго царя пенсію, которая позволила ему устроить въ Митавѣ маленькій дворъ и окружить себя представителями французской знати. Человѣкъ своенравный, взбалмошный и капризный, Павелъ I сурово каралъ малѣйшее прегрѣшеніе, носившее сколько-нибудь политическій характеръ. Это былъ опасный маньякъ, измѣнчивый, какъ женщина; одинъ изъ тѣхъ странныхъ и неуравновѣшенныхъ душевныхъ типовъ, которые не могутъ вступать на вершину общественной іерархіи безъ риска для себя и другихъ.

Мирное настроеніе Павла I въ самомъ началѣ царствованія.—Екатерина II вела много войнъ; ради одного этого Павелъ I готовъ былъ стать миротворцемъ. Къ тому-же онъ хотѣлъ преобразовать прекрасную русскую армію на прусскій образецъ. Сапоги, широкіе штаны, просторные кафтаны были замѣнены башмаками на пряжкахъ, туго обтянутыми панталонами и узкимъ мундиромъ, стѣснявшимъ свободу движеній.

Бóльшую часть своего времени солдатъ долженъ былъ посвящать чисткѣ кожаной амуниціи и обсыпанью косы пудрой, пачкавшей платье; малѣйшая неисправность влекла за собой строгое наказаніе. «Пудра не порохъ, кудри не пули, коса не тесакъ», говаривалъ иронически Суворовъ.

На Высочайшемъ смотру старый полководецъ сдѣлалъ даже видъ, будто шпага, подвѣшенная по новому образцу, мѣшаетъ ему ходить и обронилъ шляпу къ ногамъ государя. Онъ говорилъ, что хочетъ постричься въ монахи.

Павелъ I поручилъ своему министру Остерману составить декларацію къ европейскимъ державамъ. Въ ней говорилось, что послѣ столькихъ лѣтъ войны царь хочетъ даровать своимъ подданнымъ благодѣянія мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ питаетъ искреннее сочувствіе къ своимъ союзникамъ, которые противодѣйствуютъ успѣхамъ «разнузданной французской республики».

Причины разрыва между Франціей и Россіей.—Отъ этого «мирнаго» манифеста пахло порохомъ. Не было ничего легче, какъ разжечь ненависть Павла I къ новой Франціи, и это не замедлилъ сдѣлать англійскій посолъ Уитуортъ.

Австрія молила Россію о помощи противъ французской республики, которая-де овладѣла уже западной Германіей и Италіей.

Послѣ покоренія Мальты нѣсколько рыцарей бывшаго ордена явились въ Петербургъ и поднесли государю титулъ великаго магистра. Онъ радостно согласился на его принятіе, видя въ немъ отблескъ далекаго и, главное, нисколько не революціоннаго прошлаго. Вторженіе французскихъ армій въ Швейцарію, провозглашеніе римской республики, удаленіе русскаго консула съ Корфу, попытки возстановить Польшу, сдѣланныя легіонами Домбровскаго при поддержкѣ Франціи,—таковы были причины нашего разрыва съ Россіей. Павелъ I успѣлъ уже принять на свой счетъ содержаніе корпуса принца Конде, назначить пенсію Людовику XVIII въ 200.000 руб. и собрать 10.000 французскихъ эмигрантовъ на Волыни. Сторонники стараго порядка впередъ торжествовали побѣду: Пишегрю и Вильо, бѣжавшіе въ Лондонъ послѣ государственнаго переворота 18 фруктидора, предлагали поднять возстаніе во Франшъ-Контэ, Провансѣ и Дофинэ; Дюмурье всюду и вездѣ интриговалъ противъ республики; Баррасъ предавалъ директорію; Сійесъ начиналъ дѣлаться роялистомъ. Доведенный до крайняго раздраженія успѣхами Бонапарта на востокѣ, Павелъ I заключилъ наступательный союзъ съ Турціей, Англіей, Австріей и королевствомъ Неаполитанскимъ. Такимъ образомъ противъ французской республики образовалась вторая коалиція европейскихъ державъ (декабрь 1798 г.).

Наступательная политика директоріи по отношенію къ сосѣднимъ державамъ.—Директорія имѣла неосторожность держаться пропагандистской политики въ международныхъ отношеніяхъ. Подобно древнеримскому сенату, которому они подражали въ одѣяніяхъ и торжественныхъ пріемахъ, якобинцы директоріи хотѣли диктовать законы Европѣ. Всѣмъ сосѣднимъ государствамъ они навязывали французское государственное устройство, поощряя народныя возстанія для низверженія монархическо-аристократическаго строя. Бонапартъ создалъ двѣ первыхъ республики (цизальпинскую и лигурійскую). Передъ отъѣздомъ въ Египетъ, онъ совѣтовалъ директоріи произвести вооруженное вторженіе въ Швейцарію и Римъ и затѣмъ провозгласить двѣ новыхъ республики. Преувеличивая свои силы и считая Францію непобѣдимой, директорія не сумѣла остановиться на этомъ скользкомъ пути и даже сохранить ранѣе сдѣланныя пріобрѣтенія.

Новая голландская конституція (1798 г).—Въ январѣ 1798 г. французское правительство вызвало революцію въ Голландіи. Въ это время тамъ существовало три партіи: оранжисты, желавшіе возстановленія штатгальтера; федералисты, стремившіеся къ поддержанію дѣйствовавшей конституціи, и унитаристы, мечтавшіе о преобразованіи федераціи соединенныхъ провинцій въ строго-централизованное госу-

дарство. Послѣдняя партія была очень малочисленна, но пользовалась поддержкой Франціи. На одномъ публичномъ торжествѣ французскій министръ Делакруа смѣло высказалъ сожалѣніе, что «въ Голландіи нѣтъ смѣльчака, который-бы умертвилъ регламентъ на алтарѣ отечества». Призывъ къ возстанію былъ услышанъ: унитаристы, съ генераломъ Дендельсомъ во главѣ, силой прогнали депутатовъ-федералистовъ, образовали изъ себя національный конвентъ и при поддержкѣ Делакруа выработали демократическую конституцію на подобіе французской. Новая Батавская республика состояла изъ восьми департаментовъ. Пятеро директоровъ и двѣ палаты депутатовъ находились во главѣ государственнаго механизма.—Въ сущности говоря, Голландія обратилась въ простой придатокъ французской республики.

Провозглашеніе гельветической республики (апрѣль 1798 года).—Вооруженное вторженіе въ Швейцарію было произведено подъ предлогомъ происковъ бернской аристократіи. «Бернскіе господа» очень радушно принимали эмигрантовъ; городъ Бернъ сталъ главной квартирой для всѣхъ интригановъ и заговорщиковъ, получавшихъ жалованье отъ Англіи. Конвентъ въ свое время ограничивался тѣмъ, что зорко присматривалъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Швейцаріи; директорія пошла несравненно дальше и рѣшила ввести въ ней демократическое правленіе. По приглашенію жителей Лозанны, тяготившихся бернскимъ игомъ, генералъ Брюнъ вторгся въ кантонъ Ваадтъ, разсѣялъ сопротивлявшуюся ему милицію, захватилъ въ Бернѣ 43 милліона, значительная часть которыхъ пошла на расходы по египетской экспедиціи, и, пользуясь демократическимъ движеніемъ въ Ааргау, Цюрихѣ, Шафгаузенѣ и Люцернѣ, навязалъ тринадцати кантонамъ объединявшую ихъ конституцію. Ури, Швицъ, Гларусъ, Унтервальденъ и Цугъ вмѣстѣ съ Валлисомъ поднялись на защиту своей исконной независимости. Нужно было двинуться въ горы и силой подавить этихъ гордыхъ гражданъ, хотѣвшихъ сохранить свои древніе порядки. Старый швейцарскій союзъ былъ уничтоженъ. Новая республиканская конституція утверждена національнымъ собраніемъ въ Базелѣ. Первое законодательное собраніе засѣдало въ г. Ааргагу. Всѣ должностныя лица, судьи и администраторы обязаны были принести присягу на вѣрность *гельветической республикѣ* (апрѣль 1798 г.). Директорія насильственнымъ путемъ преобразовала политическій строй небольшого храбраго народа, бывшаго вѣрнымъ союзникомъ Франціи впродолженіе многихъ вѣковъ, и заставила его смотрѣть на арміи европейской коалиціи, какъ на желанныхъ избавителей отъ чужеземнаго гнета и борцовъ за его исконную свободу.

Провозглашеніе римской республики (февраль 1798 г.).—Италію постигла таже участь, какъ и другія страны, сопредѣльныя съ Франціей. Было-бы только разумно содѣйствовать освобожденію Аппенинскаго полуострова или, по крайней мѣрѣ, уважать самостоятельность двухъ республикъ, уже созданныхъ по миру въ Кампо-Форміо. Совершенно иначе отнеслась къ нимъ директорія: считая ихъ чуть-ли не покоренными странами, она навязала имъ французскую конституцію, какъ будто она была идеаломъ государственнаго устройства для всѣхъ временъ и народовъ, и, кромѣ того, потребовала уплаты громадныхъ контрибуцій. Когда цизальпинская республика отказалась внести десять милліоновъ, Бертье разогналъ національныхъ представителей и замѣнилъ ихъ коммиссіями, состоявшими изъ его креатуръ. Недовольство охватило населеніе. Въ Генуѣ и Миланѣ на улицахъ раздавались негодующіе возгласы противъ fuori i barbari (бѣшенство варваровъ). Въ нѣсколько иномъ положеніи находились французы по отношенію къ церковной области. Здѣсь вспыхнуло демократическое возстаніе противъ папскаго владычества. Инсургенты были подавлены и искали убѣжища во французскомъ посольствѣ. Стоявшій во главѣ его Жозефъ Бонапартъ пытался спасти ихъ, но папскіе драгуны, не обращая никакого вниманія на его протесты, убили на его глазахъ генерала Дюфо. Это было уже посягательство на неприкосновенность дипломатическихъ представителей. Бонапартъ требовалъ безпощаднаго возмездія, имѣя въ виду наложить руку на папскія сокровища. Директорія была отнюдь не прочь прогнать изъ Рима того, кого она непочтительно называла «старымъ католическимъ идоломъ». Бертье безъ всякаго сопротивленія вошелъ въ Римъ съ итальянской арміей и на

древнемъ форумѣ провозгласилъ учрежденіе римской республики, у которой вскорѣ оказались и консулы, и трибуны. Такъ какъ папа Пій VI не хотѣлъ отречься отъ своего титула и правъ, его отправили въ почетное заточеніе, сначала въ картезіанскій монастырь во Флоренціи, затѣмъ—въ Парму, Піаченцу, Туринъ и Валенсъ, гдѣ онъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда. Бертье забралъ въ Римѣ казну св. престола и отправился въ Египетъ вслѣдъ за генераломъ Бонапартомъ. Его преемникъ Массена и множество агентовъ директоріи тотчасъ-же начали расхищать сокровища монастырей, дворцовъ и музеевъ. Для поддержанія порядка въ сѣверной Италіи пришлось оставить цѣлую армію.

Присоединеніе Женевы, Мюльгаузена и Монбельяра (Мемпельгарда).—Кромѣ непрошеннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣднихъ государствъ, директорія раздражала ихъ рядомъ внезапныхъ присоединеній новыхъ территорій безъ предварительнаго объявленія войны и согласія заинтересованной державы. То-же самое дѣлалъ нѣкогда Людовикъ XIV, ссылаясь на постановленія такъ называемыхъ «камеръ присоединенія», состоявшихъ изъ его собственныхъ чиновниковъ.—Женева втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ представляла изъ себя самостоятельную республику. Подъ предлогомъ стратегическихъ соображеній и прекращенія контрабанды она была включена въ составъ Франціи и сдѣлалась главнымъ городомъ департамента Монбланъ. До сихъ поръ ея населеніе тяготѣло къ Франціи, имѣло тѣ-же традиціи, говорило на одномъ съ нами языкѣ, раздѣляло наши интересы, короче сказать, было органически связано съ французскимъ государствомъ; теперь оно прониклось непримиримой враждебностью. Напротивъ того, Мюльгаузенъ, составлявшій передъ тѣмъ черезполосное владѣніе Швейцаріи въ предѣлахъ Эльзаса, очень охотно слился съ окружавшей его Франціей и не выразилъ ни малѣйшаго протеста противъ присоединенія. Почти въ то-же самое время директорія велѣла занять Монбельяръ (Мемпельгардъ). Герцогъ Вюртембергскій, которому принадлежалъ этотъ городъ, былъ крайне раздраженъ своевольствомъ французовъ, но мѣстные жители остались совершенно равнодушны и не оказали ему никакой поддержки.

Низложеніе сардинскаго короля въ Пьемонтѣ.—Женева, Мюльгаузенъ и Монбельяръ, по своему географическому положенію, составляли какъ-бы часть французской территоріи, но Пьемонтъ былъ отдѣленъ отъ нея Альпами. Ничто, кажется, не требовало и не оправдывало его присоединенія. По подстрекательству французскихъ агентовъ, вспыхнуло народное возстаніе; наши войска заняли всѣ укрѣпленія; движеніе принимало все болѣе грозные размѣры. Чувствуя себя безсильнымъ водворить порядокъ и видя, какъ быстро возрастаютъ требованія директоріи, король Карлъ-Эммануилъ IV бѣжалъ на островъ Сардинію подъ защиту англійскаго флота. Жуберъ, стоя во главѣ корпуса, овладѣлъ Пьемонтомъ и раздѣлилъ его на французскіе департаменты (декабрь 1798 года).

Вступленіе Павла I въ коалицію (декабрь 1798 года).—Какъ разъ въ этотъ моментъ императоръ Павелъ I вступилъ во вторую коалицію. Онъ заключилъ договоръ съ Турціей, которая не могла простить намъ занятіе Египта войсками Бонапарта и сдѣлалась изъ возможнаго союзника ожесточеннымъ врагомъ. Русская черноморская эскадра должна была присоединиться къ турецкому флоту и общими силами овладѣть Іоническими островами, на которыхъ были расположены французскіе гарнизоны. Павелъ I предоставилъ въ распоряженіе коалиціи три арміи: русская балтійская эскадра перевезла одну изъ нихъ, находившуюся подъ начальствомъ Германа и состоявшую изъ 20.000 человѣкъ, въ Голландію. Другая, въ 60.000 ветерановъ, сражавшихся и съ турками, и съ поляками, закаленныхъ всѣми невзгодами военной жизни, пошла на западъ черезъ Австрію. Во главѣ ея стоялъ *непобѣдимый* Суворовъ. Грубость манеръ, простой образъ жизни и глубокая набожность сдѣлали изъ него кумира русскихъ солдатъ. Часть этихъ войскъ составила особый отрядъ подъ командой Римскаго-Корсакова и двинулась въ Швейцарію. Суворовъ направился въ Италію. Ведя переговоры относительно образованія второй коалиціи, Австрія высказала желаніе, чтобы во главѣ соединенной австро-русской арміи, которая должна была дѣйствовать въ Италіи, стоялъ покоритель Измаила и Праги. Польщенный этимъ предложеніемъ, императоръ

Павелъ I писалъ старому фельдмаршалу: «Суворову не нужны лавры, но Россіи нуженъ Суворовъ». Корпусъ Ребиндера въ 18.000 человѣкъ первый пришелъ въ Италію. За нимъ вскорѣ долженъ былъ явиться такой-же корпусъ Розенберга. Ближайшими сотрудниками Суворова были также князь Багратіонъ, Милорадовичъ и Харламовъ. Во время этой кампаніи у французовъ не было болѣе опасныхъ противниковъ, чѣмъ русскіе солдаты и ихъ геніальный полководецъ.

Шампіоннэ въ Неаполѣ; партенопейская республика (январь 1799 г.).—Поддержка коалиціи со стороны Россіи придала бодрости неаполитанскому королю Фердинанду IV. Послѣ сраженія при Абукирѣ онъ позволилъ Нельсону войти въ въ свои порты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначилъ главнокомандующимъ Макка, котораго рекомендовала ему Австрія и которому общее мнѣніе всей старой Европы приписывало необыкновенныя стратегическія способности. Авантюристы, окружавшіе этого вырождающагося Бурбона и королеву Марію - Каролину, урожденную принцессу Габсбургскую, родную сестру Маріи-Антуанетты,—совѣтовали не терять ни минуты и нанести французамъ рѣшительный ударъ. Это были министръ Актонъ, по происхожденію ирландецъ, Эмма Гамильтонъ, бывшая натурщица, ставшая затѣмъ супругой англійскаго посланника и Эгеріей адмирала Нельсона; наконецъ, графъ Руффо, начальникъ политической полиціи. Они увѣряли его, что при поддержкѣ Австріи и поголовномъ возстаніи пьемонтцевъ французская армія окажется въ безвыходномъ положеніи: расположенная около Рима, она не будетъ имѣть возможности двинуться ни взадъ, ни впередъ. Убѣжденія подѣйствовали, и Маккъ выступилъ въ походъ съ 40.000-ымъ войскомъ. Шампіоннэ, преемникъ Массены, очистилъ Римъ, при первомъ приближеніи неаполитанцевъ, не оказавъ имъ ни малѣйшаго сопротивленія. Дома либераловъ были разграблены, и чернь съ тѣмъ-же энтузіазмомъ привѣтствовала побѣдителей, какъ—нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ—французовъ. Между тѣмъ Шампіоннэ удалось собрать свои силы и разбить на голову противниковъ. Маккъ, доведенный до отчаянія трусостью своихъ войскъ, искалъ убѣжища во французскомъ лагерѣ. Перепуганный Фердинандъ роздалъ оружіе неаполитанскимъ лаццарони и сжегъ въ гавани суда, которыми могли-бы воспользоваться французы. Вмѣстѣ съ королевой Каролиной и ближайшими наперсниками, онъ, тайкомъ отъ народа, хотѣвшаго задержать его во что-бы то ни стало, бѣжалъ въ Сицилію на кораблѣ Нельсона. Шампіоннэ вступилъ въ Неаполь, несмотря на отчаянное сопротивленіе босяковъ. Онъ ввелъ тамъ французское государственное устройство и провозгласилъ учрежденіе партенопейской республики (отъ древняго названія Неаполя — Партенопея). Своимъ стремленіемъ къ порядку онъ склонилъ на сторону республики либеральныхъ буржуа, дворянъ, бывшихъ на худомъ счету у монархической полиціи, всѣхъ крупныхъ собственниковъ и, вообще, зажиточные слои населенія, людей больше всего боявшихся разнузданной черни. Со времени народнаго праздника въ честь св. Януарія, когда кровь почитаемаго патрона всего города распустилась согласно ежегодному обычаю, само духовенство увидѣло себя вынужденнымъ признать новый порядокъ вещей. Что касается народныхъ массъ, то Шампіоннэ расположилъ ихъ въ свою пользу энергіей, добродушіемъ и личнымъ безкорыстіемъ. Это была шестая *республика-сестра*, учрежденная французской директоріей.

Преобразованіе французскихъ армій.—Франціи приходилось теперь защищать не только свои собственныя границы, расширенныя до Рейна, но также территоріи союзныхъ республикъ - сестеръ, которыя не могли-бы существовать безъ ея поддержки. Нужно было преобразовать и увеличить французскія военныя силы, чтобы подготовить ихъ для борьбы съ коалиціей. 23 сентября 1798 года (2 фруктидора VI г.) былъ вотированъ законъ о *конскрипціи*, предложенный Журданомъ. Онъ начинался съ провозглашенія принципа, что всякій французъ при самомъ рожденіи принимаетъ на себя обязательство служить отечеству. Молодые люди отъ двадцати до двадцати-пяти-лѣтняго возраста должны пополнять необходимые комплекты войскъ, начиная съ младшихъ. Правительство призываетъ сначала двадцати-лѣтнихъ, затѣмъ —21 года и т. д. по мѣрѣ надобности въ увеличеніи арміи. Въ мирное время предѣльнымъ срокомъ службы являются пять

лѣтъ. Въ военное время можно задержать солдатъ подъ знаменами, не ограничиваясь никакими сроками, вплоть до того момента, когда это окажется лишнимъ. Правительство сохраняетъ право объявить поголовный наборъ.—Такимъ образомъ этотъ законъ предоставлялъ въ распоряженіе центральной власти значительное число солдатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранялъ неудобства постоянной реквизиціи. Недостаткомъ его слѣдуетъ считать, что онъ допускалъ единовременный наборъ въ солдаты цѣлаго поколѣнія молодыхъ людей. Въ отвѣтъ на угрозы коалиціи, директорія призвала подъ знамена сразу 200.000 рекрутъ и объявила о продажѣ національныхъ имуществъ на сумму въ 125 милліоновъ.—Артиллерійскія войска были присоединены къ инженернымъ, которыя еще при конвентѣ составили особый корпусъ. Снова появились вспомогательные легіоны; они набирались—отчасти добровольно, отчасти —путемъ законодательнаго принужденія среди нашихъ союзниковъ,— въ республикахъ-сестрахъ. Во главѣ батавскаго легіона стоялъ Дендельсъ. Массена организовалъ двѣ бригады пьемонтцевъ и легіонъ кантона Ваадтъ. Цизальпинская республика выставила итальянскій легіонъ, въ который могли поступать уроженцы всѣхъ частей Аппенинскаго полуострова. На него можно смотрѣть, какъ на ячейку арміи объединенной Италіи. Домбровскій сформировалъ два польскихъ легіона; Княжевичъ водрузилъ французское знамя на крышѣ Капитолія. Наконецъ, въ силу договора, заключеннаго съ только-что учрежденной гельветической республикой, 18.000 швейцарцевъ должны были поступить на французскую службу. Въ свою очередь Бонапартъ образовалъ мальтійскій легіонъ изъ двухъ полковъ рыцарей ордена, кромѣ того, легіонъ коптовъ и корпусъ мамелюковъ, набранныхъ въ Египтѣ.— Тѣмъ не менѣе тягости войны попрежнему лежали, главнымъ образомъ, на населеніи коренной Франціи.

Объявленіе войны Австріи (12 марта 1799 г.); измѣнническое убійство французскихъ дипломатическихъ агентовъ.— Австрія еще скрывала свои намѣренія. Правда, она не могла простить Франціи колоссальнаго расширенія ея территоріи и созданія цѣлаго ряда вассальныхъ республикъ, но неудачи на Рейнѣ и въ Италіи отразились на ней слишкомъ тяжело, чтобы она рѣшилась снова взяться за оружіе, не заручившись впередъ всѣми данными для успѣха.—Въ послѣдніе мѣсяцы 1797 года въ Раштатѣ былъ открытъ международный конгрессъ. Это была «настоящая ярмарка вожделѣній». Нѣмецкіе князья расточали любезности и готовы были всячески унижаться передъ всемогущими представителями директоріи, чтобы только получить вознагражденіе за утрату своихъ владѣній на счетъ духовныхъ курфюрстовъ. Въ печати насмѣхались надъ паденіемъ старой Германіи. Герресъ составилъ завѣщаніе отъ имени священной римской имперіи, «въ Бозѣ почившей въ цвѣтущемъ возрастѣ девятисотъ пятидесяти пяти лѣтъ пяти мѣсяцевъ и пяти дней отъ роду вслѣдствіе полнаго истощенія силъ и апоплексическаго удара», отдавшей лѣвый берегъ Рейна французской республикѣ, какъ своей естественной наслѣдницѣ, и назначившей душеприказчикомъ генерала Бонапарта. Въ другомъ политическомъ памфлетѣ, изданномъ подъ названіемъ «Страсти», говорилось: «книжники, первосвященники и фарисеи собрались въ городѣ, именуемомъ Раштатъ, и держали совѣтъ, какъ убить имъ римскую имперію.... Прусскій дворъ шепнулъ на ухо Франціи: «что дашь? я готовъ ее выдать!».

Ни очевидное неблагоразуміе директоріи, ни заносчивость ея агентовъ не могли уменьшить назойливости этихъ попрошаекъ. «Конгрессъ походитъ на торговую биржу, пишетъ австрійскій посланникъ; Робержо завѣсилъ весь свой кабинетъ картами Германіи; все у него напередъ распредѣлено; посѣтителямъ онъ говоритъ: это епископство или аббатство мы дадимъ такому-то, а это—такому-то». Даже послѣ того, какъ Франція объявила войну Австріи (12-го марта 1799 года), нѣмецкіе князья, ободряемые примѣромъ Пруссіи, оставшейся нейтральною, продолжали требовать отъ Франціи своей части изъ общей добычи. Австрія положила конецъ этой комедіи гнуснымъ злодѣяніемъ. Имперскія войска окружили городъ и потребовали распущенія конгресса. Наши представители должны были удалиться, не получивъ своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Едва они выѣхали за городскія ворота, какъ на нихъ напали австрійскіе гусары, изрубили саблями на глазахъ ихъ семей и бросили трупы на дорогѣ. Боннье и Робержо были убиты;

тяжко раненный Жанъ де-Бри былъ спасенъ прусскимъ посланникомъ. Это преступленіе сдѣлало популярной войну противъ Австріи. Она должна была дорого расплатиться за свое кровавое дѣло.

Силы противниковъ. Коалиція разсчитывала отнять у насъ сдѣланныя пріобрѣтенія, проникнуть затѣмъ въ собственную Францію и возстановить монархію. 40.000 англичанъ и русскихъ, находившихся подъ командой герцога Іоркскаго и Германа, должны были идти изъ Голландіи въ Бельгію; эрцгерцогъ Карлъ со своими 70.000—переправиться черезъ Рейнъ и занять Эльзасъ. Его помощники Гоце—изъ Форарльберга, Бельгардъ—изъ Тироля должны были двинуться въ Швейцарію и съ помощью отряда Римскаго-Корсакова, имѣя въ общей сложности армію въ 80.000 человѣкъ, —выгнать оттуда французовъ; соединенная австро-русская армія въ 62.000 человѣкъ подъ начальствомъ Суворова и Края должна была занять сѣверную Италію, а 40.000 англичанъ, русскихъ и сицилійцевъ—выгнать наши войска изъ южной части полуострова. Англійскій флотъ долженъ былъ блокировать наши побережья. И такъ, намъ приходилось бороться противъ 350.000 солдатъ и защищать страшно растянутую границу, начинавшуюся у Сѣвернаго моря и доходившую до Іоническаго архипелага. Среди союзниковъ не было Пруссіи, зато вышла изъ бездѣйствія Россія. Къ тому-же они были организованы несравненно лучше, и каждый изъ нихъ рѣшилъ на этотъ разъ пожертвовать своими собственными интересами ради достиженія общей цѣли. Это была принципіальная борьба монархій противъ республикъ. Директорія располагала всего лишь 170.000 человѣкъ. Она сдѣлала большую ошибку, раздѣливъ ихъ на пять отдѣльныхъ армій: голландскую въ 10.000 человѣкъ подъ начальствомъ Брюна; дунайскую въ 48.000, расположенную отъ Майнца до Шафгаузена и находившуюся подъ командой Журдана и Бернадотта; гельветическую въ 30.000 съ Массеной во главѣ; итальянскую въ 50.000 человѣкъ подъ начальствомъ Шерера; наконецъ, неаполитанскую подъ командой Макдональда, занявшаго мѣсто Шампіоннэ, котораго смѣнили по несправедливому обвиненію въ лихоимствѣ. Директорія не имѣла въ своемъ распоряженіи лучшихъ полководцевъ: Брюнъ, Бернадоттъ и Макдональдъ извѣстны были своей суровой дисциплиной и соединяли дарованія стратега со способностями администратора. Журданъ сгаралъ желаніемъ загладить воспоминаніе о своихъ незаслуженныхъ неудачахъ 1797 года. Массена только потому не попалъ въ Египетъ, что его геній омрачалъ славу Бонапарта: теперь на него возложили самую трудную задачу, и онъ исполнилъ ее съ блистательнымъ успѣхомъ. Одинъ только Шереръ не стоялъ на высотѣ своего призванія. Какъ военный министръ, онъ заявилъ себя съ лучшей стороны, выказалъ очень большую энергію и прекратилъ безпорядки въ нашихъ арміяхъ, но при этомъ онъ нажилъ среди своихъ будущихъ соратниковъ немало враговъ и, кромѣ того, былъ слишкомъ старъ для активной роли отвѣтственнаго руководителя цѣлой арміи. Къ счастью, его помощникомъ былъ знаменитый Моро, котораго Баррасъ лишилъ самостоятельнаго командованія за то, что онъ не открылъ заговора Пишегрю.

На Моро выпала неблагодарная задача по мѣрѣ возможности исправлять ошибки своего начальника и стать на его мѣсто, когда уже ничего нельзя было исправить. Директорія поручила дунайской, гельветической и итальянской арміи перейти въ наступленіе и направиться къ Вѣнѣ тремя путями: долиной Дуная, черезъ Тироль и черезъ Венецію. Французскому правительству казалось, что, какъ и въ 1796 году, Австрія — наиболѣе опасный противникъ, противъ котораго нужно направить всѣ свои силы. Въ случаѣ нападенія со стороны коалиціи, Массена долженъ придти на помощь дунайской или итальянской арміи, смотря по тому, которая изъ нихъ окажется въ худшемъ положеніи. Тогда полагали, что, «овладѣвъ истокомъ, чрезвычайно легко овладѣть и устьемъ». Баррасъ, занявшій мѣсто Карно, составилъ планъ военныхъ дѣйствій, но при этомъ совершенно упустилъ изъ виду, что своими успѣхами въ борьбѣ противъ первой коалиціи мы были обязаны главнымъ образомъ — необыкновенному сосредоточенію нашихъ силъ.

Первые успѣхи австрійцевъ; Штокахъ и Маньяно (мартъ—апрѣль 1799 года).— Война началась неудачно. Журданъ переправился черезъ Рейнъ у Келя, прошелъ долиною Кинцигъ и приблизился къ

Штокаху, гдѣ дороги расходятся на Германію и Швейцарію. Разбитый эрцгерцогомъ Карломъ, онъ спокойно отступилъ, но не въ Швейцарію, гдѣ могъ-бы соединиться съ Массеною, а къ Страсбургу, чтобы прикрыть Эльзасъ, которому, по его мнѣнію, угрожала серьезная опасность. Эрцгерцогъ Карлъ, напротивъ того, не двинулся съ мѣста, чтобы имѣть возможность сдержать Массену. Это бездѣйствіе спасло Журдана, который былъ-бы разбитъ, вздумай австрійцы его преслѣдовать. Въ Италіи Шереръ хотѣлъ разбить австрійцевъ до прихода русскихъ. Край занималъ очень сильную, почти неприступную позицію на Адижѣ (Эчѣ). Шереръ могъ взять его лагерь около Пастренго, но раздѣлилъ свою армію на шесть отдѣльныхъ колоннъ, и всѣ онѣ были порознь раздавлены при Маньяно (5 апрѣля 1799 года). Только благодаря мужеству Моро, пораженіе не закончилось берпорядочнымъ бѣгствомъ всей арміи. Тѣмъ не менѣе отступленіе сопровождалось для насъ ужасными послѣдствіями; Шереръ терялъ голову; онъ даже не попытался защищать ни линію Минчіо, ни Огліо. Онъ ушелъ за Адду; 25.000 оставшихся у него солдатъ были разбросаны небольшими отрядами между Лоди и Лекко. Когда военныя дѣйствія должны были возобновиться, онъ подалъ въ отставку и возложилъ на Моро заботу о спасеніи арміи. Тотъ принялъ на себя исполненіе этого тяжелаго долга съ истинно-партіотическимъ самоотверженіемъ.

Суворовъ въ Италіи; Кассано, Треббіа (апрѣль—іюнь 1799 года). — Приходъ перваго 18.000-тысячнаго отряда русскихъ на помощь австрійцамъ долженъ былъ еще больше затруднить наше положеніе въ сѣверной Италіи. Во главѣ ихъ стоялъ Суворовъ, побѣдитель при Фокшанахъ и Рымникѣ, полководецъ, которому никогда не измѣняло боевое счастье,—тотъ самый Суворовъ, который, по желанію императора австрійскаго, долженъ былъ командовать и русскими, и австрійцами, который при проѣздѣ черезъ Вѣну имѣлъ смѣлость не сообщить своихъ плановъ барону Тугуту и не подчиниться предписаніямъ Hofkriegsrath'а (придворнаго военнаго совѣта), обожаемый военачальникъ, заботливо поддерживавшій свою репутацію оригинала, смѣшившій петербургскій дворъ, игравшій съ деревенскими мальчишками, пѣвшій на клиросѣ и благоговѣйно прикладывавшійся къ иконамъ; одинъ изъ тѣхъ чародѣевъ, которые оказываютъ неотразимое вліяніе на идущую за ними толпу; фельдмаршалъ съ душой русскаго крестьянина, понимавшій солдата, умѣвшій внушить ему смѣлую вѣру въ Божью помощь и твердую увѣренность въ побѣдѣ. Всякій изъ его солдатъ зналъ наизусть составленный имъ *военный катехизисъ*: «пади на врага, какъ снѣгъ на голову; Ура! бей, коли, руби! не давай ему опомниться; гони, доканчивай.—Стрѣляй рѣдко, да мѣтко; коли штыкомъ крѣпко.—Пуля—дура, штыкъ—молодецъ. Пуля обмишулится, штыкъ — не обмишулится. Береги пулю на три дня, а иногда на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Мы пришли бить безбожныхъ вѣтренныхъ, сумасбродныхъ французишковъ. Они воюютъ колоннами, и мы ихъ будемъ бить колоннами.—Жителя не обижай: онъ насъ кормитъ и поитъ. Солдатъ—не разбойникъ. —Просящаго пощады помилуй». Суворовъ вырывалъ побѣду, кидая солдатъ въ стремительную атаку въ штыки: республиканскому увлеченію нашихъ новыхъ войскъ онъ противопоставлялъ не менѣе пылкій фанатизмъ во имя Бога и царя. Это было какъ-разъ тѣ самые психологическіе факторы и та самая тактика, которымъ французы были обязаны столькими успѣхами. Теперь они уже не составляли нашей монополіи и могли дать перевѣсъ войскамъ коалиціи.

Въ первый разъ Суворовъ помѣрялся силами съ нашей арміей при переходѣ Адды у Кассано. Онъ отбросилъ ея центръ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, захватилъ въ плѣнъ ея правое крыло, находившееся подъ начальствомъ Серюрье и состоявшее изъ 3000 человѣкъ. Моро увидѣлъ себя вынужденнымъ принести нѣкоторыя жертвы: онъ очистилъ Ломбардію и расположился въ углу, который образуютъ Танаро и По, будучи вдвойнѣ защищенъ высотами Монферра и пушками Казале, Валенцы и Александріи. Такимъ образомъ онъ могъ поддерживать постоянныя отношенія съ Франціей и въ то-же время имѣлъ основаніе надѣяться на соединеніе съ арміей Макдональда, шедшей ускореннымъ маршемъ изъ Неаполя. Но Суворовъ поднялъ возстаніе въ Пьемонтѣ, вступилъ въ Туринъ и отрѣзалъ Моро всѣ пути къ Франціи, кромѣ того, который велъ черезъ

Корнишъ. Моро двинулся вспять черезъ Нови на Геную. Въ то время, какъ австрійцы по всѣмъ правиламъ искусства осаждали Мантую и цитадель Турина, Суворовъ утвердился въ Тортонѣ, чтобы помѣшать соединенію Моро и Макдональда. Послѣдній, понапрасну потерявъ драгоцѣнное время въ Тосканѣ, попытался разрѣзать австро-русскія силы, разбросанныя между Мантуей и Туриномъ: онъ бросился въ долину Треббіи. Но Суворовъ оказалъ ему ожесточенное сопротивленіе и сумѣлъ собрать несравненно большія силы (на 36.000 союзниковъ приходилось 24.000 французовъ). Послѣ трехъ дней кровопролитнаго боя, во время котораго нашъ вспомогательный польскій легіонъ и русскіе полки съ особеннымъ остервенѣніемъ рѣзали другъ друга, Макдональдъ оставилъ поле сраженія (17—19 іюня 1799 г.). Это не помѣшало ему однако соединиться съ Моро, который только-что разбилъ австрійцевъ при Кассина-Гросса, вблизи Маренго. Наши войска выказали при этихъ столкновеніяхъ рѣдкую доблесть. Они рвались въ бой и готовы были продолжать его до безконечности. Наши генералы вели себя безупречно, но общественное мнѣніе винило ихъ въ потерѣ Италіи. Директорія удалила Макдональда, поставила Моро во главѣ дунайской арміи и назначила Жубера командиромъ итальянской.

Утрата Италіи; неаполитанская реакція.—Въ Миланѣ Суворову устроили тріумфальную встрѣчу: его съ энтузіазмомъ привѣтствовало дворянство, духовенство, короче сказать, всѣ тѣ, кто недавно былъ въ числѣ побѣжденныхъ, а теперь оказался побѣдителемъ. Суворовъ торжественно уничтожилъ цизальпинскую республику. Мантуя сдалась. Пьемонтъ былъ охваченъ возстаніемъ. Римская и партенопейская республика исчезли одновременно съ отступленіемъ французовъ. Ихъ сторонники изъ среды мѣстнаго населенія подверглись жесточайшему преслѣдованію, особенно въ Неаполѣ, гдѣ во время монархической реакціи бандиты и лаццарони подъ руководствомъ кардинала Руффо и разбойника Фра-Дьяволо сожгли болѣе 2000 домовъ, принадлежавшихъ республиканцамъ. Французы были изгнаны съ Іоническихъ острововъ. Они потеряли также Мальту послѣ четырнадцати мѣсяцевъ осады: тщетными оказались всѣ усилія Вобуа, стоявшаго во главѣ гарнизона, и Вилльнёва, сдѣлавшаго попытку прекратить блокаду англичанъ. Тѣмъ не менѣе мужественное сопротивленіе, оказанное Суворову, принесло свои плоды: вопреки обѣщанію онъ не двинулся во Францію, а ограничился осадой Александріи и Тортоны.

Сраженіе при Нови (15 августа).—Жуберъ поспѣшилъ двинуться впередъ, надѣясь прорвать линіи австро-русскихъ войскъ. Но Край успѣлъ уже взять Мантую, а Суворовъ вступилъ въ Александрію. Австрійцы и русскіе составляли компактную массу въ 70.000 человѣкъ. Жуберъ могъ противопоставить имъ только 40.000, но это были замѣчательные солдаты, закаленные въ дисциплинѣ, легко переносившіе свои славныя пораженія и жаждавшіе мести. Ихъ юный генералъ не испытывалъ еще неудачъ; безтрепетный и благородный полководецъ, истый республиканецъ и пылкій патріотъ, онъ понималъ свою задачу широко и глубоко. Директорія возлагала на него очень большія надежды. Онъ обѣщалъ своей женѣ вернуться домой или мертвымъ, или побѣдителемъ. Суворовъ хвалился, что проучитъ этого «мальчишку», но дорого поплатился за свою самонадѣянность. Происшедшее затѣмъ столкновеніе при Нови было самымъ кровопролитнымъ и ожесточеннымъ изъ всѣхъ сраженій этой кампаніи. Только передъ самымъ началомъ его Жуберъ узналъ о сдачѣ Мантуи и Александріи, а также о неожиданномъ сосредоточеніи всѣхъ силъ непріятеля. Но онъ не захотѣлъ отступать: онъ палъ однимъ изъ первыхъ, находясь въ линіи застрѣльщиковъ. Моро, оставшійся, чтобы помогать ему своими указаніями, принялъ на себя командованіе. Начавшись въ 5 часовъ утра, сраженіе кончилось только въ 9 часовъ вечера. Суворовъ цѣлый день бросалъ одну колонну за другой на непоколебимую твердыню французскихъ войскъ. Прибытіе автрійцевъ на лѣвое крыло русскихъ дало перевѣсъ нашимъ противникамъ. «Каждый изъ насъ, пишетъ одинъ Суворовскій солдатъ, возблагодарилъ Господа Бога, что спасся отъ неминучей смерти». И та, и другая сторона оставила на полѣ битвы по 8000 убитыхъ. Наши должны были отступить по направленію къ Генуѣ.

Суворовъ, вполнѣ заслужившій титулъ «князя Италійскаго», которымъ его наградилъ императоръ Павелъ I, хотѣлъ повсюду возстановить старый порядокъ. Въ Туринѣ онъ предполагалъ утвердить Карла-Эммануила, въ Римѣ—папу Пія VI. Такіе планы отнюдь не соотвѣтствовали вожделѣніямъ вѣнскаго двора. Разъ французы оказались вытѣсненными съ Аппенинскаго полуострова, австрійцы хотѣли занять ихъ мѣсто. Баронъ Тугутъ вовсе не имѣлъ въ виду возводить на троны низложенныхъ государей. Онъ всюду оставлялъ австрійскіе гарнизоны и заводилъ австрійскіе порядки, австрійскую администрацію, какъ-будто Австрія должна была навсегда присоединить къ себѣ отвоеванную страну. Стратегическій геній Суворова былъ уже не нуженъ, а его политическія воззрѣнія становились поперекъ дороги австрійскому правительству.

Тугутъ внушилъ Павлу I новый планъ дѣйствій: всѣ военныя операціи въ предѣлахъ Италіи возлагались на одну Австрію. Суворовъ-же со своими войсками долженъ идти въ Швейцарію и разбить Массену. Такое «раздѣленіе труда», очень выгодное для австрійцевъ, по словамъ австрійскаго министра, должно было принести пользу, главнымъ образомъ, самимъ русскимъ: они де привыкли къ снѣгамъ. Онъ забывалъ при этомъ сущую малость: они привыкли и сроднились не только со снѣгами, но и съ громадными равнинами; величайшія горы Европы должны были представлять для нихъ бо̀льшія трудности, чѣмъ для какого-бы то ни было европейскаго войска. Однако Суворовъ не возражалъ; онъ былъ радъ развязаться съ австрійцами и видѣлъ себя уже во Франшъ-Контэ, по дорогѣ къ Парижу!

Военныя дѣйствія Массены въ Швейцаріи; сраженія при Цюрихѣ.—Швейцарія представляла изъ себя громадную осажденную крѣпость. Массенѣ приходилось одновременно защищаться противъ нападенія и эрцгерцога, и Гоце, и Бельгарда, наступавшихъ на него съ разныхъ сторонъ. Чтобы встрѣтить враговъ лицомъ къ лицу, онъ дѣлалъ вылазки то въ ту, то въ другую сторону. Среди его помощниковъ были замѣчательные полководцы, а именно Сультъ, Мортье, Удино, Молиторъ. Но всѣхъ ихъ превосходилъ горецъ Лекурбъ, родомъ изъ Франшъ-Контэ, оказавшійся незамѣнимымъ для борьбы въ горныхъ проходахъ и ущельяхъ.

Опасность, казалось, удесятеряла силы Массены. Никогда не былъ онъ такъ великъ, какъ въ эту кампанію, никогда не былъ онъ такъ стремителенъ въ аттакѣ и не проявлялъ такой доблести при сопротивленіи. Орлинымъ взоромъ онъ сразу подмѣчалъ и сразу оцѣнивалъ всѣ благопріятныя условія и преграды для осуществленія своихъ плановъ. Онъ умѣлъ руководить не только отдѣльнымъ сраженіемъ, но и военными дѣйствіями многихъ отрядовъ на значительномъ протяженіи, проявляя при этомъ необыкновенную способность комбинировать всѣ обстоятельства съ наибольшей выгодой для подчиненной ему арміи.—Въ началѣ кампаніи онъ сдѣлалъ смѣлую попытку овладѣть всѣмъ верхнимъ Рейномъ и отбросить непріятеля въ Тироль, но, будучи задержанъ у Фельдкирха и боясь, что побѣдители при Штокахѣ и Маньяно соединятся съ арміями Гоце и Бельгарда, онъ благоразумно сосредоточилъ свои силы за линіей р. Лиммата. Направо—Лекурбъ занималъ проходы Сенъ-Готарда, укрѣпившись въ наиболѣе сильныхъ позиціяхъ; налѣво—остатки арміи Журдана прикрывали мѣстность между Базелемъ и Цюрихомъ. Увидѣвъ въ этомъ расположеніи французскихъ силъ невольное сознаніе въ слабости, австрійцы рѣшили оттѣснить Массену до линіи р. Аара. Эрцгерцогъ Карлъ тщетно пытался отбросить Массену отъ Цюриха и вынужденъ былъ отступить послѣ двухъ-дневнаго боя (4—5 іюня). Лекурбъ, аттакованный Бельгардомъ съ несравненно большими силами, спустился въ долину Рейсса, чтобы черезъ Альтдорфъ соединиться съ Массеной. Между тѣмъ послѣдній, несмотря на побѣду надъ Карломъ, отступилъ изъ Цюриха и укрѣпился на высотахъ Альби, занявъ очень сильныя позиціи по всей линіи Рейсса. Эрцгерцогъ Карлъ былъ въ это время въ Цюрихѣ, Гоце—въ Валленштадтѣ, Бельгардъ—на Сенъ-Готардѣ.—Выше мы сравнили Швейцарію съ осажденной крѣпостью. Теперь можно было сказать, что ея стѣны были уже въ рукахъ непріятеля!

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда на смѣну австрійцамъ вѣнскій Hofkriegsrath послалъ въ Швейцарію русскихъ. 30.000 человѣкъ подъ начальствомъ Римскаго-

Корсакова расположились позади эрцгерцога, который получилъ приказъ взять у французовъ Филипсбургъ. Онъ покинулъ Швейцарію, не дожидаясь Суворова. Между тѣмъ путь Суворова былъ очень долгъ и представлялъ значительныя трудности. Массена выбралъ для дѣйствія тотъ моментъ, когда эрцгерцогъ уже ушелъ изъ Швейцаріи, а суворовскіе полки не успѣли еще вступить съ нимъ въ рѣшительный бой. Произошло разомъ три сраженія. Первое—подъ самымъ Цюрихомъ: Массена велѣлъ тайно приготовить суда и плоты; Удино переправился черезъ Лиммату и ударилъ въ тылъ арміи Корсакова, тогда какъ Мортье аттаковалъ ее спереди; русскіе были заперты въ Цюрихѣ; сзади напирали 15.000 французовъ, на авангардъ—18.000, по бокамъ было озеро и Лиммата. Римскій-Корсаковъ втеченіе двухъ дней защищался съ мужествомъ отчаянія. Въ концѣ концовъ составивъ изъ своей храброй пѣхоты одну сплошную колонну, онъ проложилъ себѣ дорогу сквозь гренадеровъ Удино. Побѣдителямъ досталось 100 орудій, войсковая казна и 6.000 плѣнныхъ. 8.000 русскихъ солдатъ устилали улицы Цюриха (25—26 сентября). Въ то-же самое время Сультъ перешелъ Линту *), убилъ Гоце, забралъ въ плѣнъ 3.000 австрійцевъ и всю ихъ артиллерію. Такимъ образомъ 60.000 человѣкъ, входившихъ въ составъ армій Корсакова и Гоце, были выброшены изъ Швейцаріи. Суворовъ разсчитывалъ, что его помощники разобьютъ нашу армію, такъ что ему останется только прикончить ея жалкіе остатки. Въ дѣйствительности, онъ натолкнулся на армію, силы которой были удвоены только-что одержанными побѣдами.

Перевалъ черезъ Сенъ-Готардъ довелъ войска Суворова до крайняго изнеможенія. Не говоря уже о непривычной ходьбѣ по горамъ, имъ приходилось брать съ бою каждое ущелье, каждый ручеекъ. Всюду и вездѣ они должны были преодолѣвать ожесточенное сопротивленіе солдатъ Лекурба; на Чертовомъ мосту, въ Щели Ури они понесли громадный уронъ. Наконецъ, послѣ ряда невѣроятныхъ усилій, Суворовъ прибылъ въ Альтдорфъ 26 сентября, въ день пораженія Корсакова. Печальное извѣстіе поразило его какъ громомъ. Онъ думалъ, что ему измѣнили. Благоразумнѣе всего было-бы вернуться въ Италію. Но Суворовъ никогда не отступалъ и, къ тому-же, твердо вѣрилъ, что со своими «ребятами» можетъ добиться, чего угодно. Онъ бросился въ Муттенталь (или долину Муотты), чтобы добраться до Швица: но Массена былъ уже въ Швицѣ; Лекурбъ преслѣдовалъ русскихъ по пятамъ; Молиторъ охранялъ путь на Гларусъ. Чтобы избѣгнуть капитуляціи, Суворовъ съ бѣшенной отвагой обрушился на Молитора и въ концѣ концовъ, правда, оставивъ ему свои пушки, обозъ и 1.600 плѣнныхъ, выскочилъ изъ разставленной ему западни, и прошелъ почти недоступными тропинками черезъ долину Энги и Криспальтъ. «Это была самая блестящая минута въ боевой жизни Суворова; его геройское отступленіе заслуживаетъ гораздо большаго удивленія, чѣмъ побѣды въ Италіи, одержанныя надъ несравненно болѣе слабымъ противникомъ. Ни одинъ полководецъ, въ подобномъ положеніи, не выказалъ-бы столько неиссякаемой энергіи, какъ этотъ маленькій, чуть не семидесятилѣтній старикъ» (А. Рамбо). Цѣной страшныхъ трудовъ и безконечныхъ лишеній ему удалось добраться до Кура и Фельдкирха и стать на зимнія квартиры въ предѣлахъ Баваріи.—Такъ закончился рядъ военныхъ дѣйствій, который принято называть сраженіями при Цюрихѣ. Они составляютъ лучшую страницу въ славной біографіи Массены: онъ спасъ родину отъ вторженія иноземцевъ.

Брюнъ въ Голландіи; сраженія при Бергенѣ.—На сѣверной границѣ нашимъ войскамъ пришлось сдѣлать несравненно меньше усилій, чтобы достичь почти такого-же блистательнаго успѣха.

Англичане и русскіе высадились въ Голландіи на полуостровѣ, который кончается небольшимъ портомъ Гельдеромъ. Голланд-

*) Унтеръ-офицеръ Дельяръ предложилъ Сульту составить особую команду изъ лучшихъ пловцовъ всей арміи съ тѣмъ, чтобы она перешла Линту и неожиданно напала на непріятельскій лагерь. Набралось пятьдесятъ добровольцевъ, среди нихъ были и офицеры, и солдаты; съ наступленіемъ ночи они переплыли рѣчку приблизительно на 1 лье выше австрійскаго лагеря. Изъ предосторожности они привязали надъ головою свои пистолеты и сабли. Внезапно разбуженные австрійцы, видя при свѣтѣ выстрѣловъ, какъ какіе-то голые разятъ ихъ на смерть, подумали, что это дьявольское навожденіе, и разсыпались во всѣ стороны. Переходъ нашихъ войскъ черезъ Линту былъ произведенъ на другой день безъ всякой помѣхи. (Смотр. записки генерала барона Дельяра).

скій флотъ, стоявшій около острова Текселя, подъ вліяніемъ оранжистовъ, сдался англичанамъ. 40.000 англичанъ и русскихъ готовы были идти на югъ; Брюнъ могъ противопоставить имъ только 17.000. Тѣмъ не менѣе онъ перешелъ въ наступленіе. Первая аттака, произведенная имъ на непріятельскій лагерь при Ципѣ, окончилась неудачно. Къ счастью, масса голландскаго населенія, видѣвшая въ англичанахъ своихъ соперниковъ по торговлѣ и помня ихъ захваты нидерландскихъ колоній, осталась вѣрной французамъ. Да и сами англичане старались держаться ближе къ берегу и отнюдь не хотѣли пускаться въ рискованный путь черезъ Бельгію. Къ тому-же между ними и русскими не существовало полнаго согласія. Союзная армія расположилась четырьмя отдѣльными корпусами между Бергеномъ и Алькмааромъ. Брюнъ отбросилъ и заперъ ихъ въ прежнемъ лагерѣ, не смотря на то, что даже побѣда не дала ему численнаго перевѣса.

Вылазка герцога Іоркскаго со стороны Кастрикума окончилась неудачно: онъ долженъ былъ отступить. Русскіе и англичане очутились на узкой полосѣ земли, окруженной со всѣхъ сторонъ каналами и болотами. Они нуждались въ съѣстныхъ припасахъ; численность ихъ упала до половины первоначальнаго состава. Герцогъ Іоркскій заключилъ съ Брюномъ договоръ въ Алькмаарѣ, въ силу котораго англичане оставляли за собой захваченныя суда голландскаго флота и зато обязывались немедленно очистить занятую территорію (19-го сентября—18-го октября 1799 г.).

Внѣшнее положеніе Франціи при возвращеніи Бонапарта. — Франція побѣдоносно защитила свои сѣверныя и восточныя границы. Но на югѣ неудачи продолжались. Вмѣсто Жубера во главѣ итальянской арміи сталъ Шампіоннэ. Впрочемъ, это было уже не войско въ настоящемъ смыслѣ слова, а жалкіе остатки прекрасныхъ армій Моро, Макдональда и Жубера. Расположивъ свою главную квартиру въ Кони, Шампіоннэ искалъ случая соединиться съ подкрѣпленіями, которыя были расположены въ Савойѣ. Но баронъ Меласъ, преемникъ Края, напалъ на него при Генолѣ и нанесъ ему уронъ въ 6.000 человѣкъ. Остатки арміи перешли черезъ Альпы и заперлись въ Генуѣ,—послѣднемъ прибѣжищѣ французовъ въ предѣлахъ Италіи. И солдаты, и офицеры давно уже не получали жалованья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывали крайнюю нужду въ одеждѣ и пищѣ. До чего доходили лишенія, можно судить по слѣдующему факту. Втеченіе четырехъ дней передъ сраженіемъ при Нови наши солдаты не получали ни пайка, ни приварка; многіе изъ нихъ спали на голой землѣ подъ градомъ пуль, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Армія находилась въ полнѣйшей зависимости отъ товарищества Ланшеръ, которое обязалось передъ директоріей поставлять войскамъ съѣстные припасы, но не исполняло своего обѣщанія. Въ концѣ 1799 года солдаты жили исключительно мародерствомъ. Побѣги участились. Дезертиры чуть не цѣлыми полками переходили обратно черезъ границу. Египетская армія Бонапарта была отрѣзана отъ Франціи. Англія владычествовала на морѣ. Пріобрѣтенія, сдѣланныя нами послѣ 1795 года, были потеряны. Тѣмъ не менѣе ни одна непріятельская армія не посмѣла вторгнуться въ собственную Францію.

Побѣды при Цюрихѣ и Бергенѣ вызвали взаимныя неудовольствія между союзниками. Павелъ I обвинялъ въ вѣроломствѣ австрійцевъ и англичанъ, считая ихъ интриги главной причиной пораженія. Онъ отозвалъ свои войска. Австрія, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, была слишкомъ слаба сравнительно съ нашей республикой. Такимъ образомъ Франція была спасена еще до прибытія Бонапарта!

Глава IX.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕВОЛЮЦІИ.

(1789—1799).

Гражданское и уголовное законодательство революціи, не отличавшееся ни тѣмъ блескомъ, ни той стремительностью, съ какой были проведены ея политическія реформы, дало странѣ гораздо больше ихъ и оказалось несравненно плодотворнѣе. Какъ только пронесся революціонный ураганъ, консульство уничтожило всѣ политическія учрежденія новой Франціи, но то-же самое консульство лишь дополняло, развивало и укрѣпляло ея пріобрѣтенія въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго права. Старый порядокъ безвозвратно канулъ въ вѣчность въ цѣломъ рядѣ чрезвычайно важныхъ пунктовъ, опредѣлявшихъ положеніе личности, поземельныя отношенія, карательную систему и т. п. учрежденія. Вотъ почему нельзя смотрѣть на эту сторону революціи, какъ на наименѣе важныя и самыя неинтересныя страницы въ ея исторіи.

---

1. Гражданское законодательство.

Частное право при революціи; проекты гражданскаго уложенія.—Подъ вліяніемъ событій, разсмотрѣнныхъ выше, публичное право революціи разомъ порвало всякую связь съ политическимъ укладомъ стараго порядка. Напротивъ того, частное право просуществовало въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ вплоть до 1804 года; правда, всѣ постановленія прежняго гражданскаго права, которыя противорѣчили новому государственному строю, утратили всякое значеніе, но лишь въ 1804 году былъ обнародованъ новый гражданскій кодексъ: до этого времени во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было указать какого-нибудь спеціальнаго узаконенія, изданнаго въ революціонный періодъ, волей-неволей нужно было копаться въ кучѣ кутюмъ, оффиціально редактированныхъ еще въ XVI вѣкѣ, и королевскихъ ордонансахъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ государства обращаться къ помощи римскаго права, сохранившаго тамъ обязательную силу. Другими словами, втеченіе первой половины революціи частное право, взятое въ цѣломъ, отличалось такимъ-же разнообразіемъ мѣстныхъ особенностей, какъ и во времена монархіи.

Между тѣмъ стремленіе страны къ единству правовыхъ учрежденій и кодификаціи законовъ сказывалось еще при старомъ порядкѣ и нашло себѣ особенно яркое выраженіе въ наказахъ 1789 г. Нечего и говорить, насколько настоятельны стали

эти требованія послѣ перехода къ новому строю. Всѣ національныя собранія временъ революціи шли навстрѣчу этому теченію, но ни одно изъ нихъ не достигло желаннаго результата. Учредительное собраніе въ 1790 г. обѣщало издать общіе кодексы, но ограничилось частичными реформами, непосредственно вытекавшими изъ его политическихъ преобразованій *). Законодательное собраніе 16 октября 1791 года предложило всѣмъ гражданамъ сообщить ему свои предположенія и указанія относительно проектируемаго гражданскаго кодекса, но не сдѣлало никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ. 16 февраля 1792 г. въ особомъ обращеніи къ народу оно заявило, что дѣло это требуетъ много времени и что оно предпочитаетъ, чтобы его упрекали за медленность, чѣмъ за излишнюю поспѣшность въ такомъ важномъ предпріятіи.

Конвентъ началъ съ того, что съ обычной ему рѣшительностью внесъ въ конституцію 24 іюня 1793 года слѣдующую статью: «кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ *дѣйствуетъ* по всей территоріи республики» (ст. 85) и предоставилъ своему законодательному комитету мѣсячный срокъ для представленія проекта гражданскаго кодекса. 7 августа при аплодисментахъ конвента Камбасересъ заявилъ, что проектъ кодекса составленъ. Онъ былъ оглашенъ 9-го и обсуждался, начиная съ 22-го августа. Посвятивъ ему двадцать шесть засѣданій, конвентъ нашелъ его слишкомъ сложнымъ и поручилъ коммиссіи изъ 6 членовъ придать ему упрощенную форму. Результатомъ пересмотра былъ *второй* проектъ Камбасереса, очень короткій, написанный «лапидарнымъ слогомъ» и заключающій въ себѣ только 297 статей. Конвентъ выслушалъ его содержаніе 23 фруктидора II года, началъ его обсужденіе 16 фримера III года и, находя на этотъ разъ, что проектъ напоминаетъ скорѣе оглавленіе кодекса, чѣмъ самый кодексъ, отослалъ его обратно въ законодательный комитетъ.

Работа возобновилась только при директоріи въ IV году. Коммиссія, назначенная совѣтомъ пятисотъ, въ составъ которой входилъ Камбасересъ, возвѣстила 24 преріаля, что она готова прочесть свой проектъ. Изслѣдованіе этого *третьяго* проекта Камбасереса затянулось вслѣдствіе назначеній, преобразованій и возстановленій всевозможныхъ спеціальныхъ коммиссій. Тѣмъ не менѣе въ VIII году нѣсколько главъ были окончательно подготовлены для слушанія въ верховныхъ совѣтахъ; 18 брюмера помѣшало ихъ обсужденію. *Четвертый* проектъ, наскоро составленный представителемъ Жакмино еще до принятія конституціи 22 фримера VIII года, былъ признанъ недѣйствительнымъ. Лишь въ XII году первый консулъ Бонапартъ осуществилъ мысль учредительнаго собранія, и все старое частное право цѣликомъ потеряло силу закона. При всей своей важности и глубинѣ частичныя преобразованія революціонныхъ собраній не могли создать той непроходимой пропасти между двумя соціальными порядками—старымъ и новымъ, которая разверзлась вмѣстѣ съ введеніемъ гражданскаго кодекса.

Различныя общественныя «состоянія». —Вся организація общества при старомъ порядкѣ съ ея дѣленіемъ на три класса, съ остатками крѣпостничества, съ исключительно невыгоднымъ положеніемъ протестантовъ и евреевъ, съ ея все еще суровыми мѣрами противъ иностранцевъ (см. главу I),—была слишкомъ тѣсно связана съ политическимъ укладомъ старой Франціи, чтобы не подвергнуться коренньмъ и, притомъ, немедленнымъ реформамъ со стороны революціонныхъ собраній. Въ ночь на 4 августа крѣпостное право было уничтожено, и привилегированныя сословія утратили свои преимущества. Осталось только одно сословіе—третье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственное сословіе французскихъ граждамъ. Принципъ равенства, имѣвшій, вообще говоря, громадное значеніе для всѣхъ сферъ общественно-политической жизни, при своемъ непосредственномъ примѣненіи къ правамъ отдѣльной личности подвергся вскорѣ въ высшей степени тяжкимъ урѣзкамъ: «быв-

*) Декретъ отъ 16—24 августа 1790 г., статьи 19, 20 и 21: «гражданскіе законы будутъ пересмотрѣны и преобразованы законодателями, будетъ выработанъ общій кодексъ простыхъ и ясныхъ законовъ, согласованныхъ съ конституціей. Будетъ предпринятъ рядъ реформъ устава гражданскаго судопроизводства съ тѣмъ, чтобы упростить, ускорить и удешевить отправленіе правосудія. Уголовное уложеніе составитъ предметъ безпрерывныхъ работъ, причемъ будетъ обращено особенное вниманіе на соотвѣтствіе между (даннымъ) наказаніемъ и (даннымъ) преступленіемъ, на смягченіе карательной системы и примѣненіе лишь тѣхъ наказаній, которыя безусловно необходимы».

шіе привилегированные», благодаря цѣлому ряду произвольныхъ мѣръ, оказались въ положеніи какого-то низшаго, безправнаго сословія. Мы не будемъ говорить здѣсь объ исключительныхъ законахъ противъ безприсяжнаго духовенства, такъ какъ они будутъ подробно изложены въ слѣдующей главѣ, и ограничимся указаніемъ на преслѣдованія, которымъ подвергались бывшіе дворяне.

Во исполненіе декрета отъ 4 августа, конституанта послѣдовательно уничтожила всѣ почетныя преимущества, обусловленныя принадлежностью къ высшимъ сословіямъ, раздѣлы на неравныя доли въ зависимости отъ положенія лицъ, привилегіи на занятіе должностей, податныя изъятія и титулы—вплоть до внѣшнихъ знаковъ аристократизма—ливрей, гербовъ и т. д. Началась эмиграція. Въ январѣ 1791 г. учредительное собраніе, уважая принципъ индивидуальной свободы, еще не считало возможнымъ помѣшать этому движенію. Но послѣ бѣгства въ Вареннъ (28 іюня) оно запретило выѣздъ заграницу, затѣмъ пыталось вернуть эмигрантовъ и, наконецъ, когда Людовикъ XVI принялъ конституцію (14 сентября), снова постановило, что «право каждаго французскаго гражданина на свободное передвиженіе въ предѣлахъ королевства или внѣ его не будетъ ограничиваемо никакими стѣсненіями». Между тѣмъ эмиграція продолжается; въ Кобленцѣ собираются «сумасшедшіе», они начинаютъ готовиться къ борьбѣ съ новой Франціей, и число исключительныхъ мѣръ противъ враговъ революціи все растетъ и растетъ. 27-го іюля 1792 г. законодательное собраніе объявляетъ всѣхъ эмигрантовъ «измѣнившими отечеству» и конфискуетъ ихъ *имущества* въ пользу націи. Конвентъ лишаетъ ихъ *личныхъ* правъ: «всѣ эмигранты подвергаются вѣчному изгнанію; вернувшіеся будутъ казнены» (декретъ 23 октября 1792 г.), съ точки зрѣнія гражданскихъ отношеній, всѣ они должны были разсматриваться какъ умершіе 9 мая 1792 года (декретъ 28 марта 1793 года). Терроръ коснулся не только ихъ самихъ, но и ихъ *семей:* жены и дѣти, отцы и матери эмигрантовъ, а также всѣ тѣ, кто давалъ имъ убѣжище и не доносилъ на нихъ, утрачивали все свое имущество, которое затѣмъ продавалось съ публичнаго торга. Послѣ 9 термидора исключительныя мѣры противъ родственниковъ эмигрантовъ были отмѣнены, но законы, направленные противъ нихъ самихъ, остались въ силѣ. Консульство усугубило ихъ суровость.

Совершенно иначе отнеслась революція къ тѣмъ, кто раньше принадлежалъ къ числу подавленныхъ и угнетенныхъ.—Людовикъ XVI еще въ 1779 г. освободилъ крѣпостныхъ (serfs) королевскихъ вотчинъ и повсемѣстно уничтожилъ droit de poursuite (право розыска бывшаго крѣпостного и его потомства). Но приблизительно въ десяти провинціяхъ сохранилось еще крѣпостное право; въ 1789 г. общее число несвободныхъ достигало милліона. Большинство изъ нихъ принадлежало къ serfs d'héritage (крѣпостнымъ по наслѣдственной землѣ, реальный мэнмортъ) и лишь незначительная часть, жившая на Юрѣ и въ Ниверпэ, представляла изъ себя serfs de corps (крѣпостныхъ по тѣлу, личный мэнмортъ). Въ ночь на 4 августа конституанта уничтожила «всѣ права, вытекавшія изъ крѣпостной зависимости по землѣ или тѣлу», въ томъ числѣ барщину, права наслѣдованія въ имуществѣ мэнмортабля и баналитеты,—безъ всякаго вознагражденія сеньеровъ. Такъ исчезли во Франціи послѣдніе слѣды римскаго и германскаго рабства, давшаго начало средневѣковому крѣпостничеству. Однако невольничество не было еще уничтожено во французскихъ колоніяхъ: учредительное собраніе ограничилось тѣмъ, что посредствомъ цѣлаго ряда декретовъ смягчило положеніе «несвободныхъ лицъ». Конвенту принадлежитъ честь осуществленія давнишней мечты римскихъ папъ (Пія II, Павла III, Урбана VIII, Бенедикта XIV): онъ подалъ прекрасный примѣръ остальнымъ европейскимъ народамъ и отмѣнилъ рабство во всѣхъ французскихъ владѣніяхъ. Законъ 16 плювіоза II года предоставилъ неграмъ званіе французскихъ гражданъ «со всѣми правами, которыя даетъ конституція».

То-же самое рѣшеніе было принято 24 декабря 1789 г. по отношенію къ протестантамъ. Людовикъ XVI даровалъ имъ гражданскія права, но въ политической сферѣ они попрежнему подвергались ряду ограниченій сравнительно съ католиками. Всѣ эти изъятія были уничтожены, и протестанты получили доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ.

10 іюля 1790 г. конституанта вернула имъ всѣ имущества, отобранныя у нихъ Людовикомъ XIV и включенныя въ составъ національнаго домена. Чтобы какъ можно полнѣе сгладить слѣды отмѣны нантскаго эдикта, она постановила, что всѣ потомки лицъ, эмигрировавшихъ вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій, будутъ признаны французами, если только вернутся на родину и принесутъ гражданскую присягу (9 декабря 1790 г.) *).

Гораздо меньше рѣшительности выказала конституанта по отношенію къ евреямъ, которые съ незапамятныхъ временъ стояли внѣ охраны общаго законодательства. Въ средніе вѣка положеніе евреевъ, какъ невѣрныхъ, чужестранцевъ и ростовщиковъ, отличалось крайнимъ непостоянствомъ и совершенно своеобразными чертами. Въ качествѣ невѣрныхъ они пользовались почти полной свободой при отправленіи своего культа, зато имъ было строго запрещено входить въ близкія отношенія съ христіанами; браки между ними и христіанами считались безусловно недѣйствительными. Въ качествѣ иностранцевъ (aubains) они подвергались ряду ограниченій и даже находились въ худшемъ положеніи сравнительно съ остальными, такъ какъ на нихъ смотрѣли, какъ на безнадежныхъ чужаковъ, которые, правда, входятъ въ торговыя сношенія съ кореннымъ населеніемъ, но не претворяются въ его массѣ и крѣпко держатся за свои нравы и обычаи. Вотъ почему такъ охотно предоставляли сеньеру право расправляться съ евреями такъ, какъ ему заблагоразсудится: онъ могъ запретить имъ доступъ въ свои владѣнія, изгнать или задержать ихъ, какъ рабовъ (tanquam servos), продать ихъ или отнять ихъ имущество. Послѣднее было особенно заманчиво для сеньеровъ. Запрещеніе брать проценты совершенно устраняло христіанъ отъ банковаго дѣла и предоставляло, вмѣстѣ съ тѣмъ, евреямъ широкое поле для дѣятельности въ этомъ направленіи. Они сосредоточили въ своихъ рукахъ торговлю деньгами. Ихъ очень цѣнили, какъ банкировъ, и ненавидѣли, какъ ростовщиковъ. И было за что: они взимали дѣйствительно колоссальный, ни съ чѣмъ несообразный процентъ. Тщетно короли старались понизить его, издавая съ этой цѣлью цѣлый рядъ ордонансовъ: уже самая многочисленность ихъ свидѣтельствовала объ ихъ полнѣйшей безрезультатности. Между тѣмъ пожеланія королей были необыкновенно скромныя, наприм. Филиппъ-Августъ въ 1204 г. хотѣлъ *свести* норму роста до двухъ денье съ одного ливра въ недѣлю, что составитъ, по нашему счету, 43% годовыхъ. Этимъ достаточно объясняется, почему феодальные сеньеры всѣми силами удерживали евреевъ въ своихъ владѣніяхъ и, пользуясь своими неограниченными правами, въ свою очередь выжимали изъ нихъ всѣ соки; города-же, напротивъ того, требовали удаленія или загоняли ихъ въ особые кварталы (judaeariae); а также почему ихъ обязывали носить на одеждѣ особый знакъ, напримѣръ кружокъ (roue) изъ желтаго или краснаго сукна. Отъ времени до времени короли изгоняли ихъ цѣлыми массами изъ предѣловъ государства. Но эти мѣры, предпринятыя, напримѣръ, въ 1395 и 1615 гг., никогда не проводились вполнѣ послѣдовательно и потому не достигали намѣченной цѣли. XVIII вѣкъ застаетъ во Франціи множество евреевъ; часть изъ нихъ проникаетъ въ свѣтское общество. Нѣкоторыя группы ихъ пользуются даже привилегіями; таковы испанскіе, португальскіе и авиньонскіе евреи. Напротивъ того, въ Эльзасѣ они находятся подъ гнетомъ исключительныхъ законовъ, ставящихъ ихъ въ особенно-неблагопріятное положеніе. Правда, въ Мецѣ и его округѣ къ нимъ относятся съ нѣкоторой терпимостью, но облагаютъ за это особымъ налогомъ въ размѣрѣ 20.000 ливровъ! Учредительное собраніе утвердило ранѣе дарованныя привилегіи, уничтожило особый сборъ, взимавшійся въ Мецѣ, и распространило охрану общихъ законовъ на Эльзасскихъ евреевъ, несмотря на протесты мѣстнаго населенія, указывавшаго, что, ссудивъ три милліона, они требуютъ обратно 15 милліоновъ. При всемъ своемъ желаніи сломить преграды между отдѣльными классами и группами гражданъ, конституанта не пошла дальше и ограничилась тѣмъ, что «отвергла всякіе предразсудки» (24 декабря 1789 г.). «Стремленіе къ равенству, говоритъ Лаферрьеръ, вызывало въ собраніи мучительную внутреннюю борьбу». Только 27 сентября 1791

*) Въ силу этого правила палата депутатовъ въ 1826 году признала французомъ Бенжамена Констана.

года, вотировавъ конституцію и увлекшись принципомъ равенства, оно рѣшилось «отмѣнить всякаго рода отсрочки, оговорки и изъятія, попавшія въ предыдущіе декреты и касающіяся лицъ еврейскаго происхожденія, которыя принесутъ гражданскую присягу».

Такія колебанія конституанты относительно евреевъ тѣмъ болѣе знаменательны, что по отношенію къ настоящимъ *иностранцамъ* она проявила совершенно неразумное великодушіе. 6 августа 1790 г. она уничтожила все, что сохранилось отъ права aubaine'а и détraction'а, не требуя соотвѣтствующихъ уступокъ отъ сосѣднихъ державъ. Благодаря этому, aubains'ы (иноземцы) могли во Франціи получать и оставлять наслѣдство, тогда какъ французскіе граждане подвергались цѣлому ряду ограниченій за предѣлами государства, и не было даже надежды на улучшеніе ихъ положенія, такъ какъ ничто не побуждало болѣе европейскія правительства вводить подобнаго рода реформы. Чтобы уничтожить такую несправедливость, гражданскій кодексъ вынужденъ былъ сдѣлать шагъ назадъ и вернуться къ принципу международной взаимности.

Гражданскій бракъ и разводъ.— При старомъ порядкѣ бракъ составлялъ, по опредѣленію канонистовъ, «таинство, имѣющее одновременно и духовныя, и гражданскія послѣдствія». Свѣтскіе легисты начали измѣнять это понятіе, обособляя въ немъ два слитныхъ элемента: таинство, влекущее за собою духовные результаты, и договоръ, изъ котораго проистекаютъ извѣстныя, чисто-гражданскія отношенія. Истинной цѣлью этого абстрактнаго построенія было предоставленіе королю, подъ предлогомъ регламентаціи условій *контракта*, возможности непосредственнаго вліянія на заключеніе браковъ. Усилія королевской власти не увѣнчались успѣхомъ и привели только къ тягостнымъ столкновеніямъ съ церковью. Учредительное собраніе возобновило эту борьбу и довело ее до конца, совершенно раздѣливъ между собою духовное таинство и гражданскій контрактъ. Во главѣ II, ст. 7 конституціи 1791 г. говорится: «законъ видитъ въ бракѣ только гражданскій договоръ. Законодательная власть установитъ для всѣхъ жителей безъ различія способъ *удостовѣренія* рожденій, браковъ и смертей, а также укажетъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя должны совершать и хранить эти акты». Здѣсь рѣчь идетъ не о простомъ *удостовѣреніи* уже заключенныхъ контрактовъ оффиціальными органами, какъ можно подумать съ перваго взгляда (и какъ дѣло дѣйствительно обстоитъ въ Англіи, Испаніи, Скандинавіи и др.), а о полной *секуляризаціи* брака.

Эта статья конституціи была приведена въ исполненіе закономъ, который былъ вотированъ законодательнымъ собраніемъ въ день его роспущенія—20 сентября 1792 г. Секція I главы IV этого закона носитъ слѣдующее знаменательное заглавіе: «качества и условія, необходимыя для вступленія въ бракъ». Итакъ, это былъ дѣйствительно *гражданскій* бракъ, существовавшій наряду съ *церковнымъ*, которому законъ не хотѣлъ «ни содѣйствовать, ни ставить преграды» (заключительная статья). Возрастомъ для вступленія въ гражданскій бракъ назначили: пятнадцать полныхъ лѣтъ для юношей и тринадцать —для дѣвушекъ. До двадцати одного года (новаго совершеннолѣтія) и тѣ, и другія должны были заручаться предварительнымъ согласіемъ своихъ отцовъ, въ случаѣ ихъ отсутствія—матерей, за неимѣніемъ родителей—пяти ближайшихъ родственниковъ со стороны отца и матери. Безъ соблюденія этого условія, они не могли заключить брака. Было запрещено многобрачіе, бракъ между родственниками по прямой линіи, т. е. между восходящими и нисходящими, а также между братомъ и сестрой.

Въ тотъ-же день законодательное собраніе по необходимости должно было провести и законъ о *разводѣ*. При этомъ оно сослалось на то, «что возможность развода вытекаетъ изъ индивидуальной свободы, которая немыслима при нерасторжимости (брачнаго) союза», и что многіе супруги съ нетерпѣніемъ ждутъ соотвѣтствующаго закона, чтобы «воспользоваться его преимуществами». Не лишнее замѣтить, что ни въ одномъ наказѣ не говорилось о необходимости измѣнить условія развода. Между тѣмъ законодательное собраніе сдѣлало его чрезвычайно легкимъ и доступнымъ. Онъ сталъ возможнымъ: 1) въ цѣломъ рядѣ особо предусмотрѣнныхъ случаевъ: при сумасшествіи, при осужденіи къ тѣлесному или иному позорящему наказанію, вслѣдствіе грубаго обращенія или тяжкихъ обидъ, завѣдомаго распутства, оставленія однимъ

супругомъ другого втеченіе двухъ лѣтъ, пятилѣтняго безвѣстнаго отсутствія или эмиграціи (въ послѣднемъ случаѣ—при нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ обстоятельствахъ), 2) по взаимному соглашенію, 3) по «простому указанію на несходство характеровъ или привычекъ». Такимъ образомъ разводъ зависѣлъ отъ произвола заинтересованнаго супруга. Напротивъ того, «отлученіе отъ стола и ложа» было уничтожено, что поставило католиковъ въ очень затруднительное положеніе. Что касается послѣдствій развода, то они представлялись въ слѣдующемъ видѣ: обѣ стороны могли вступить въ новый бракъ, причемъ, если онѣ хотѣли вступить въ бракъ не между собой, а съ третьими лицами, то должны были отложить его на годъ (исключеніе дѣлалось только для мужа, разведшагося на основаніи одной изъ особо предусмотрѣнныхъ причинъ). Впослѣдствіи эта отсрочка была совершенно отмѣнена для мужчинъ и уменьшена до 10 мѣсяцевъ для женщинъ (18 нивоза II года). Участь дѣтей опредѣлялась «семейнымъ собраніемъ». Оно могло отдать ихъ тому или другому изъ разошедшихся супруговъ, или, наконецъ, раздѣлить ихъ между обоими. Короче сказать, это была дезорганизація семьи. Въ нѣсколько лѣтъ разводъ, не встрѣчавшій никакихъ препятствій со стороны закона, подорвалъ значеніе гражданскаго брака.

Разложеніе семьи было, къ тому-же, подготовлено учредительнымъ собраніемъ: оно лишило отца права наказывать дѣтей и передало его *семейному суду*, въ которомъ отецъ не имѣлъ рѣшающаго голоса и долженъ былъ играть некрасивую роль обвинителя. Уравнявъ права незаконныхъ дѣтей съ законными (12 брюмера II года) и давъ дѣвушкѣ-матери право на искъ къ своему сожителю (17 плувіоза II года), конвентъ только ускорилъ этотъ пагубный процессъ.

Законы, отмѣнившіе феодализмъ.—Главнымъ дѣломъ революціи, вызвавшимъ наибольшіе восторги населенія, было коренное преобразованіе поземельныхъ отношеній. Освобождая землю отъ множества тяготѣвшихъ надъ нею остатковъ феодализма, революція привлекла на свою сторону массу мелкихъ собственниковъ, которые, благодаря своей численности, имѣли громадное значеніе въ исторіи 1789 года. По естественному ходу событій, превращеніе политическаго феодализма въ феодализмъ гражданскій, соціальный, не только не уменьшило, но скорѣе даже увеличило бремя, лежавшее на зависимыхъ земляхъ. Въ самомъ дѣлѣ, лишая политической окраски древнія права сеньеровъ, которые были въ одно и то же время и государями, и собственниками, — короли отнюдь не уничтожали самыхъ этихъ правъ, которыя продолжали существовать въ видѣ оброковъ или другихъ невыкупимыхъ правъ, давя наслѣдственныя владѣнія, входившія въ составъ каждой данной сеньоріи. XVIII вѣкъ только усилилъ ненависть крестьянъ къ феодализму. Это чувство стало нестерпимымъ, когда, благодаря замѣчательнымъ успѣхамъ юриспруденціи, они были признаны собственниками. И такъ, всѣ эти феодальныя повинности и оброки лежатъ на ихъ собственной, исключительно имъ принадлежащей землѣ, и тѣмъ не менѣе они не вправѣ сбросить съ себя это омерзительное иго!—Къ концу прошлаго вѣка поземельный вопросъ былъ чреватъ грозными потрясеніями, но философы и экономисты того времени, въ томъ числѣ отчасти даже Тюрго, были увлечены совершенно иными идеями и нисколько не подозрѣвали грядущей опасности *). Гроза разразилась тотчасъ-же, какъ собрались генеральные штаты. Несмотря на вмѣшательство короля, который въ засѣданіи 23 іюня пытался устранить отъ обсужденія самый вопросъ о феодализмѣ, собраніе вынуждено было пойти навстрѣчу крестьянскому возстанію, охватившему департаменты вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи. Въ ночь на 4 августа рѣшеніе было принято; 11-го національное собраніе провозгласило «полное уничтоженіе феодальнаго строя». По выраженію Мерлена, «всѣ виды собственности становятся отнынѣ аллодіальными».

Однако нужно было провести этотъ принципъ на практикѣ, а для этого потребовался громадный четырехлѣтній трудъ, исходной точкой котораго были постановленія 11-го августа. Декретъ отъ этого числа различалъ двѣ категоріи правъ: одни, на которыя смотрѣли, какъ на по-

*) Въ 1776 г. Бонсерфъ издалъ сочиненіе «*Неудобства феодальныхъ правъ*». Парижскій парламентъ велѣлъ сжечь эту книгу.

слѣдствія крѣпостничества, должны были быть уничтожены безъ всякаго вознагражденія сеньеровъ; другія, чисто-поземельныя, подлежали выкупу. Проведеніе грани между безмездно-уничтожаемыми и выкупаемыми правами было возложено на «феодальный комитетъ», въ которомъ работали Мерленъ и Троншэ. Втеченіе четырехъ мѣсяцевъ Мерленъ успѣлъ сдѣлать очень много, чтобы создать требуемую классификацію. Онъ долженъ былъ торопиться, такъ какъ крестьяне не хотѣли слышать ни о какихъ отсрочкахъ, и въ разныхъ концахъ страны то и дѣло вспыхивали мятежи, принимавшіе опасные размѣры. Докладъ былъ представленъ 8 февраля 1790 г. Въ немъ проводилась нѣсколько иная классификація, чѣмъ та, которая была первоначально принята конституантой. По мнѣнію Мерлена, всѣ поземельныя права вытекаютъ: 1) изъ феодализма, основаннаго на узурпаціи (la féodalité *dominante*); такія права, какъ ничтожныя съ самого начала, должны были быть отмѣнены безъ всякаго вознагражденія сеньера; 2) изъ договорнаго феодализма (la féodalité *contractante*); такія права, обусловленныя взаимнымъ согласіемъ и, слѣдовательно, дѣйствительныя, подлежали выкупу. Конституанта признала этотъ новый критерій, и 15 марта 1790 г. издала декретъ, соотвѣтствующій заключеніямъ Мерлена. Было отмѣнено около шестидесяти различныхъ сеньерьяльныхъ правъ, вытекавшихъ изъ идеи политическаго верховенства, всякаго рода держанія, носившія «сервильный» или «quasi-сервильный» характеръ, всѣ феодальныя и цензуальныя права, за исключеніемъ денежныхъ оброковъ, которые утратили уже сеньеріальную окраску и превратились въ чисто-гражданскія обязательства. Условія выкупа, отличавшіяся другъ отъ друга, смотря по тому, *періодически* или *по поводу какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствъ* (annuels или casuels) уплачивались упраздняемые оброки, были очень непрактично опредѣлены декретомъ 3 мая 1790 г., изданнымъ по докладу Троншэ. Фактически выкупъ не совершился; конституанта не принимала никакихъ мѣръ, чтобы ускорить его осуществленіе, и, уступая мѣсто законодательному собранію, оставила вопросъ о феодальныхъ правахъ попрежнему открытымъ.

Законодательное собраніе, заваленное массой петицій со всѣхъ концовъ страны, вынуждено было снова обсудить его и издало рядъ декретовъ, имѣвшихъ громадное значеніе. По предложенію Кутона, оно приняло исходнымъ пунктомъ, что *всѣ* сеньеріальныя права должны быть уничтожены безъ всякаго вознагражденія, а затѣмъ уже допустило исключенія для тѣхъ случаевъ, когда сеньеръ былъ въ состояніи доказать договорный характеръ своихъ феодальныхъ или цензуальныхъ правъ посредствомъ *первоначальныхъ* подлинныхъ документовъ. Примѣнивъ сначала этотъ принципъ только къ такъ называемымъ «случайнымъ» или *казуальнымъ* правамъ (18 іюня 1792 г.), собраніе затѣмъ распространило его и на *постоянныя* (*fixes*) отношенія (25 августа 1792 г.). Требованіе отъ сеньера *первоначальныхъ* подлинныхъ документовъ было, какъ нельзя болѣе, на-руку крестьянамъ, такъ какъ большинство этихъ документовъ было либо потеряно, либо сожжено во время жакеріи 1789 г.; кромѣ того, множество правъ основывалось на незапамятной давности или обычаѣ. Обстоятельство это отнюдь не было неожиданностью для законодательнаго собранія: за неимѣніемъ подлинныхъ документовъ, юристы давно уже пользовались другими способами доказательствъ. Требуя ихъ представленія, собраніе завѣдомо дѣлало случаи выкупа очень рѣдкимъ явленіемъ. Этимъ путемъ можно было удостовѣрить только земельныя ренты, но по отношенію къ этимъ правамъ легислатива требовала, чтобы они носили болѣе или менѣе общій характеръ, а не принадлежали «отдѣльнымъ сеньерамъ и владѣтелямъ феодовъ» (25 августа 1792 г.).— На декреты 1792 года слѣдуетъ смотрѣть, какъ на смертный приговоръ феодализму.

На долю конвента оставалось только привести его въ исполненіе. Онъ постановилъ, что всѣ феодальныя права уничтожаются безъ всякаго вознагражденія даже въ томъ случаѣ, если имѣются первоначальные документы о добровольномъ соглашеніи; всѣ такого рода бумаги должны были быть представлены въ муниципальныя учрежденія, гдѣ ихъ сжигали цѣлыми массами (17 іюля 1793 г.). Черезъ шесть мѣсяцевъ рѣшено было прекратить истребленіе (27 января 1794 г.), но за это

время успѣли уничтожить множество старинныхъ граматъ, въ высшей степени цѣнныхъ въ научномъ отношеніи. Что касается земельныхъ рентъ, то конвентъ призналъ ихъ законную силу, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онѣ не имѣли «никакой связи съ цензомъ или другими проявленіями сеньерьяльныхъ и феодальныхъ отношеній» (7 вандемьера II года). Требованія законодательнаго собранія и конвента были равносильны ихъ *фактическому* уничтоженію. Впослѣдствіи законъ 11 брюмера VII года объ ипотекѣ косвенно прекратилъ и ихъ *юридическое* существованіе. Такъ исчезли остатки древнихъ поземельныхъ отношеній. Собственность была освобождена отъ безчисленнаго множества тяготъ, которыя опутывали и угнетали ее въ долгій періодъ средневѣковья *).

Наслѣдственное и залоговое право. — Преобразованіе поземельнаго строя неизбѣжно должно было повлечь за собою измѣненіе законовъ о наслѣдованіи и ипотекѣ.—Извѣстно, какую хаотическую картину представляло изъ себя наслѣдственное право при старомъ порядкѣ. Правда, большинство кутюмъ признавало нѣсколько общихъ принциповъ, напр. установляло особый порядокъ посмертнаго перехода для имуществъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ, «благородныхъ» и «неблагородныхъ» (des biens nobles et roturiers), примѣняя къ нимъ правило «paterna paternis, materna maternis» (отцовское отцовскимъ, материнское материнскимъ), отдавало предпочтеніе мужчинамъ передъ женщинами, первороднымъ дѣтямъ передъ остальными, допускало выкупъ родовыхъ имуществъ и цѣлый рядъ мѣстныхъ изъятій, но никто толкомъ не зналъ, какъ комбинировать эти принципы и изъятія и примѣнять наслѣдственное право на практикѣ. Насчитывали отъ 8 до 9 различныхъ системъ для примѣненія правила paterna paternis, около двадцати—для права первородства и т. д. По отношенію къ наслѣдованію всѣ кутюмы носили «реальный» характеръ, т. е. были связаны съ имуществомъ, а не лицомъ; такимъ образомъ при открытіи наслѣдства послѣ одного и тогоже умершаго могло одновременно примѣняться нѣсколько противоположныхъ другъ другу системъ. Человѣкъ, считавшійся законнымъ наслѣдникомъ по сю сторону какого-нибудь ручья, не былъ имъ по ту сторону. Чувствовалась настоятельная потребность найти исходъ изъ этого хаоса.

Видя въ дѣленіи земель на благородныя и крестьянскія, въ правѣ первородства и въ выкупѣ родовыхъ владѣній—помѣху для свободнаго обращенія имуществъ, несогласимую съ новымъ укладомъ экономическихъ отношеній, учредительное собраніе отмѣнило всѣ связанныя съ ними правила наслѣдованія, но оставило въ силѣ остальныя и не выработало полнаго цикла юридическихъ нормъ, котораго требовало гражданское право. Честь такого труда принадлежитъ конвенту. Закономъ 17 нивоза II года онъ хотѣлъ упрочить новое распредѣленіе поземельной собственности и раздробить ее на возможно мелкія доли: въ самомъ дѣлѣ, этотъ законъ оказался настоящей «крошащей» машиной (Токвиль). Конвентъ отмѣнилъ дѣйствіе всѣхъ кутюмъ, поскольку онѣ касались наслѣдованія, и провозгласилъ, что во всей Франціи по отношенію ко всякаго рода имуществу будетъ признаваться одинъ и тотъ-же порядокъ наслѣдованія. Такимъ образомъ уничтожалось старинное дѣленіе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя. По новому закону, вся наслѣдственная масса переходила къ нисходящимъ, безразлично—законно или незаконнорожденнымъ. Въ каждомъ колѣнѣ происходилъ поголовный раздѣлъ на равныя части. Право представленія и полинейнаго раздѣла допускалось въ самыхъ отдаленныхъ степеняхъ. За отсутствіемъ нисходящихъ, наслѣдуетъ ближайшая степень восходящихъ, если, впрочемъ, она не имѣетъ потомства, и производитъ поголовный дѣлежъ на равныя доли. Если, кромѣ восходящихъ, имѣются боковые родственники, то они устраняютъ первыхъ отъ наслѣдованія: конвентъ отдаетъ предпочтеніе молодымъ,

---

*) Слѣдовало-бы отмѣтить отношеніе революціоннаго законодательства въ частности къ эмфитевзису, вѣчно-наслѣдственной арендѣ, къ такъ называемому—bail à complant (пользованіе въ видѣ узуфрукта подъ условіемъ засажденія участка плодовыми деревьями, особенно—виноградникомъ), къ domaine congéable (такъ называлась одна изъ формъ феодальныхъ отношеній, въ которой конституанта увидѣла не цензивную собственность, а простую аренду, прекращавшуюся въ любой моментъ по односторонней волѣ сеньера) и къ другимъ формамъ держаній, оставшимся отъ стараго порядка и уничтоженнымъ въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. Отсутствіе мѣста не позволяетъ намъ изложить относящіеся сюда факты.

такъ какъ «старики заражены предразсудками». При наслѣдованіи боковыми наслѣдство дѣлилось на половины: одна шла родственникамъ со стороны отца, другая—со стороны матери. Потомство ближайшаго предка устраняло потомство болѣе дальняго. Право представленія признавалось при наслѣдованіи боковыми до какихъ угодно степеней, что влекло за собою безконечное дробленіе наслѣдства и чрезмѣрное увеличеніе числа наслѣдниковъ.—Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія этого закона земельная собственность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно «искрошилась».

Законъ 7 нивоза крайне ограничилъ право завѣщанія. Если у наслѣдодателя имѣлось потомство или родственники по восходящей линіи, онъ могъ распоряжаться лишь одной десятой своего имущества; если-же на лицо были только боковые, то завѣщательное распоряженіе признавалось дѣйствительнымъ по отношенію къ одной шестой. Было запрещено пользоваться этимъ средствомъ, чтобы поставить одного изъ наслѣдниковъ въ лучшее положеніе сравнительно съ другими: конвентъ требовалъ «равенства во что-бы то ни стало». Всякая излишняя щедрость въ ущербъ законнымъ интересамъ наслѣдниковъ влекла за собою недѣйствительность всего завѣщанія.

Въ сферѣ залогового права революція положила начало современнымъ юридическимъ нормамъ. Ипотека была введена во Франціи послѣ возрожденія римскаго права; она замѣтно развилась еще при монархіи, но вплоть до революціи ея организація страдала очень важными недостатками. Чѣмъ-бы она ни обусловливалась—договоромъ, судебнымъ рѣшеніемъ или обычаемъ, она оставалась тайной и притомъ, по большей части, охватывала все имущество должника безъ опредѣленія его состава. Законъ 9 мессидора произвелъ коренной переворотъ въ этой системѣ. Чтобы получить законную силу, всякая ипотека должна была съ этихъ поръ быть записана въ публичныя книги (принципъ *публичности*). Ипотека безъ точнаго указанія заложеннаго имущества была запрещена (принципъ *специальности*); только судебное рѣшеніе могло установлять общую ипотеку надъ имуществомъ должника. Легальныя или, какъ тогда называли ихъ, *молчаливыя* ипотеки были уничтожены. — Законъ 9 мессидора пытался, кромѣ того, развить поземельный кредитъ посредствомъ очень оригинальной системы. Онъ разрѣшалъ собственнику принимать «ипотеку на самого себя» и безъ предварительнаго долга пускать въ обращеніе ипотечную запись, дѣлая отмѣтки на задней сторонѣ документа. Такія записи, бывшія настоящими банковыми билетами, слишкомъ походили на *бумажныя деньги* частныхъ лицъ. Это сходство испугало конвентъ и заставило его четыре раза подърядъ отсрочивать исполненіе мессидорскаго закона. — Онъ былъ замѣненъ закономъ 11-го брюмера VII года, который отказался отъ системы записей, пускаемыхъ въ оборотъ, и возстановилъ легальныя ипотеки для замужней женщины и малолѣтнихъ, но притомъ требовалъ, чтобъ онѣ были занесены въ публичныя книги. Впрочемъ, онъ сохранилъ значеніе обоихъ принциповъ: публичности и специальности. — Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ законъ дополнилъ принятую систему, требуя, чтобы всѣ акты о переходѣ собственности изъ рукъ въ руки были явлены для записи въ ипотечное бюро, и угрожая, что, въ противномъ случаѣ, нельзя будетъ ссылаться на нихъ въ отвѣтъ на претензіи третьихъ лицъ. Т. е. кредиторъ могъ быть увѣренъ, что должникъ не переукрѣпитъ своего имущества и не обременитъ его двойной ипотекой. Это нововведеніе было въ высшей степени полезно для новаго строя земельныхъ отношеній.

II. Уголовное законодательство.

Новые принципы уголовнаго права.— Отнюдь не меньшая потребность ощущалась въ преобразованіи уголовнаго судопроизводства и карательной системы. Указъ 1670 г., создавшій дѣйствовавшее въ началѣ революціи процессуальное право, страдалъ слишкомъ крупными недостатками, чтобы пережить бурное десятилѣтіе. Уже во время своего составленія, въ особенности-же втеченіе болѣе чѣмъ столѣтняго періода, протекшаго послѣ обнародованія, онъ вызывалъ рѣзкій протестъ съ самыхъ различныхъ сторонъ. Первый предсѣдатель Ламуаньонъ, генеральный адвокатъ Талонъ и канцлеръ Сегіе подготовили въ этомъ отношеніи путь для Беккаріи, Вольтера, Сервана, Мабли, Бриссо-де-Варвилля, Филанджіери и, какъ это ни странно съ перваго взгляда, для Робеспьера и Марата. Ихъ безпощадная критика вызвала эдиктъ 8 мая 1788 года, который внесъ нѣкоторыя улучшенія въ существовавшіе порядки. Но народные наказы 1789 г. требовали несравненно болѣе глубокихъ преобразованій, которыя и были проведены конституантой сначала—временно, декретомъ 8 октября 1789 г., затѣмъ—окончательно, закономъ 16 сентября 1791 г. Новое уголовное уложеніе было введено 25 сентября того-же года.

Двумъ этимъ послѣднимъ законамъ предшествовало признаніе ряда новыхъ принциповъ, которые были намѣчены еще въ наказахъ 1789 г. Начнемъ съ *процесса*. Обсуждая основы предстоявшей судебной реформы, учредительное собраніе рѣшило ввести судъ присяжныхъ, а это неминуемо влекло за собою коренную ломку всего стараго процесса. Что касается *наказанія*, то декларація правъ человѣка и гражданина выдвинула слѣдующіе принципы: 1) «законъ имѣетъ право запрещать только дѣянія, вредныя для общества»; такимъ образомъ упразднялись всѣ чисто-моральныя преступленія, состоявшія въ простомъ умыслѣ, а не въ поступкѣ; 2) «законъ долженъ устанавливать только тѣ наказанія, которыя прямо и очевидно необходимы»; это была реакція противъ жестокихъ каръ, бывшихъ въ ходу при старомъ порядкѣ. 21 января 1790 г. собраніе постановило: 1) что преступленія одного и того-же рода должны влечь за собою однородное наказаніе, хотя-бы осужденные принадлежали къ различнымъ сословіямъ или имѣли различные чины; такимъ образомъ уничтожался одинъ изъ важныхъ принциповъ средневѣкового уголовнаго права; 2) что преступленія, какъ дѣянія опредѣленныхъ лицъ, должны влечь за собою уголовныя кары исключительно для этихъ лицъ и ни въ коемъ случаѣ — для семейства преступниковъ. 16 августа 1790 г. конституанта рѣшила, что не только слѣдуетъ смягчить наказанія, но и *привести ихъ въ соотвѣтствіе* съ преступленіями, т. е. со свойствомъ и значеніемъ совершеннаго.

Съ этой цѣлью была принята слѣдующая, довольно простая, система. Всѣ уголовныя правонарушенія были раздѣлены на три категоріи: преступленія, проступки и муниципальныя нарушенія. Сообразно этому было установлено три рода наказанія: 1) тѣлесныя и позорящія, 2) исправительныя и 3) муниципальныя, а также три разныхъ суда: уголовный судъ, состоявшій изъ правительственныхъ судей и присяжныхъ; судъ исправительной полиціи, образованный изъ мирового судьи и двухъ его ассесоровъ; судъ муниципальной полиціи, въ который входили трое должностныхъ лицъ мѣстнаго муниципалитета по выбору своихъ товарищей. Законы 1791 г., изданные учредительнымъ собраніемъ, коснулись только уголовнаго суда, выработавъ для него судопроизводство и систему наказаній.

Законъ о судопроизводствѣ и уголовное уложеніе 1791 г.—Процессъ съ участіемъ присяжныхъ, созданный закономъ 16 сентября 1791 г., распадается на двѣ совершенно различныхъ стадіи: предварительное слѣдствіе и судебное слѣдствіе.

Предварительное слѣдствіе производится мировымъ судьей подъ наблюденіемъ публичнаго обвинителя. Затѣмъ оно повѣряется однимъ изъ членовъ мѣстнаго дистриктнаго суда (гражданскаго), который носитъ званіе «директора присяжныхъ» и можетъ дополнить собранныя данныя новыми, если найдетъ какіе-либо пробѣлы

или упущенія. Затѣмъ дѣло переходитъ въ этотъ самый дистриктный судъ, который такимъ образомъ играетъ роль перваго слѣдственнаго суда. Онъ рѣшаетъ, достаточно-ли вѣски улики, собранныя противъ заподозрѣннаго. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, обвиняемаго отсылаютъ въ камеру преданія суду, состоящую изъ восьми присяжныхъ подъ предсѣдательствомъ директора (*«присяжные для преданія суду»*, *jury d'accusation*). Этотъ второй слѣдственный судъ долженъ снова рѣшить вопросъ о вѣскости данныхъ для обвиненія. Въ зависимости отъ того или иного постановленія, обвиняемый или освобождается отъ суда и отпускается на свободу, или, въ видѣ «чрезвычайной мѣры», предается уголовному суду.

Окончательное слѣдствіе открывается допросомъ обвиняемаго. Предсѣдатель уголовнаго суда долженъ сообщить ему содержаніе процесса, т. е. предметъ обвиненія и собранныя доказательства. Обвиняемый указываетъ своего адвоката; за неимѣніемъ его назначается казенный защитникъ. Слушаніе дѣла происходитъ публично и изустно. Образуется новое *«жюри для рѣшенія»*, состоящее изъ 12 присяжныхъ. Выслушиваютъ свидѣтелей, публичнаго обвинителя и, наконецъ, защитника обвиняемаго. Предсѣдатель объявляетъ состязаніе сторонъ прекращеннымъ, передаетъ въ сжатомъ изложеніи ихъ содержаніе и ставитъ присяжнымъ вопросы, которые затѣмъ записываются на особый листъ, послѣ чего присяжные удаляются въ совѣщательную комнату. Старая система легальныхъ, т. е. предустановленныхъ доказательствъ, тормозившая отправленіе правосудія, отмѣнена: присяжные должны рѣшать дѣло по своему внутреннему убѣжденію. Принявъ то или иное рѣшеніе, они зовутъ предсѣдателя уголовнаго суда и публичнаго обвинителя: каждый присяжный проходитъ мимо нихъ и заявляетъ, какъ именно и на основаніи какихъ соображеній онъ отвѣчаетъ на предложенные вопросы. Провозглашаютъ вердиктъ. Королевскій коммиссаръ требуетъ того или иного наказанія. Судъ объявляетъ приговоръ.

Тѣлесныя и позорящія наказанія, которыя могъ налагать уголовный судъ, были предусмотрѣны въ уложеніи о наказаніяхъ, изданномъ 25 сентября 1791 г. Ихъ было восемь: смертная казнь, кандалы (эту кару можно было назначить не долѣе, какъ на 24 года), заточеніе, мука (la gêne), ссылка, тюремное заключеніе, лишеніе гражданскихъ правъ, ошейникъ. Исправительныя наказанія состояли въ арестѣ и штрафахъ. Муниципальныя—въ легкихъ штрафахъ. Такимъ образомъ были уничтожены слѣдующія наказанія, примѣнявшіяся при старомъ порядкѣ: гражданская смерть, клейменіе, увѣчащія кары, публичное битье кнутомъ, публичное покаяніе, конфискація всего имущества и, само собою разумѣется, пытка, отмѣненная еще эдиктомъ 1788 г. Лѣстница наказаній, введенная конституантой, была несравненно лучше старой карательной системы. Тѣмъ не менѣе и она болѣе далека отъ совершенства. Главнымъ недостаткомъ ея было полное *отсутствіе эластичности*: для каждаго преступленія была строго опредѣленная кара, усмотрѣнію судьи не было предоставлено избирать мѣру наказанія въ предѣлахъ между извѣстнымъ minimum'омъ и maximum'омъ; онъ не могъ принимать въ соображеніе ни смягчающихъ, ни отягчающихъ обстоятельствъ. Члены конституанты думали этимъ путемъ устранить прежній судейскій произволъ, но хватили черезъ край и свели дѣятельность правительственныхъ судей къ чисто-механическому примѣненію закона. То-же самое нужно сказать и про отмѣну права *помилованія*. Желая, какъ можно больше, сузить прерогативы королевской власти, учредительное собраніе совершенно забыло о томъ, что судъ лишался такимъ образомъ всякой возможности принимать въ разсчетъ раскаяніе подсудимаго или чрезвычайное стеченіе обстоятельствъ, толкнувшихъ его на преступленіе. Къ тому-же, послѣдовательно смягчая наказанія, необходимо было уничтожить *пожизненныя* кары, а благодаря этому образовалась непроходимая пропасть между кандалами и смертной казнью.

Уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ 3 брюмера IV года. — Законодательное собраніе восполнило пробѣлъ въ постановленіяхъ конституанты, указавъ на *гильотину*, какъ на средство исполненія смертной казни (20 марта 1792 г.). Учрежденіемъ *революціоннаго суда* оно поколебало основы только-что произведенной судебной реформы (17 августа 1792 г.).

Уничтоженный декретомъ конвента отъ 29 ноября, онъ былъ возстановленъ 10 марта 1793 г. подъ именемъ *чрезвычайнаго уголовнаго суда*, но вскорѣ снова сталъ называться *революціоннымъ* и сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Робеспьера. Выше мы видѣли, какъ мало общаго между его дѣятельностью и элементарнѣйшими гарантіями правосудія. Крайняя неопредѣленность компетенціи, скомканность производства, примѣненіе въ качествѣ наказанія одной только смертной казни — не были еще его главными недугами.

Подъ конецъ своего существованія конвентъ долженъ былъ возстановить нарушенный порядокъ: онъ провелъ *конституцію III года*, которая чуть не вернулась къ прежнимъ началамъ уголовнаго права, и *уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ* 3-го брюмера IV года, преобразовавшее главнымъ образомъ судопроизводство: изъ 646 статей, 600 касались не матеріальнаго уголовнаго права, а процесса. — Составленіе этого уложенія было возложено на Камбасереса и Мерлена, но въ дѣйствительности надъ нимъ работалъ одинъ Мерленъ, проявившій при этомъ изъ ряду вонъ выходящую энергію. Уложеніе носитъ на себѣ отпечатокъ индивидуальности автора: всѣ части его согласованы другъ съ другомъ и представляютъ изъ себя очень стройное цѣлое. Парламентскія поправки, которыя такъ часто вносятъ диссонансъ и испещряютъ законодательные акты множествомъ заплатъ, совершенно отсутствовали въ данномъ случаѣ:—довѣряя составителю, конвентъ безъ обсужденія принялъ проектъ Мерлена (онъ былъ представленъ наканунѣ распущенія собранія). Къ несчастью,при всемъ своемъ внѣшнемъ блескѣ, онъ страдалъ довольно существенными внутренними недостатками. Сложность системы, формальности и ненужные придатки чрезвычайно затрудняли его примѣненіе на практикѣ. Что хуже всего, во многихъ пунктахъ Мерленъ отступалъ отъ принциповъ 1791 года. Правда, это замѣчалось скорѣе въ частностяхъ, чѣмъ въ принципіальныхъ положеніяхъ. Тѣмъ не менѣе было сдѣлано нѣсколько такихъ шаговъ назадъ, которые вносили разладъ въ революціонное законодательство: напр., было возстановлено различіе между публичнымъ и гражданскимъ искомъ, которое сгладила конституанта, придавалась особенная важность тайнѣ и письменности предварительнаго слѣдствія и т. д. Очевидно, это былъ возвратъ къ стариннымъ порядкамъ,—тенденціи, которую продолжала поддерживать и развивать преемница конвента — директорія.

Глава X.

ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦІЯ.

(1789—1799).

Разрѣшая вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства, учредительное собраніе отступило отъ разумной умѣренности, которая лежала въ основѣ остальныхъ его преобразованій. Съ самаго начала среди членовъ конституанты стала чувствоваться такая враждебность къ католической церкви, которая уже позволяла предвидѣть, что въ ближайшемъ будущемъ наступитъ эпоха систематическихъ гоненій. Настроеніе представителей французскаго народа не должно удивлять насъ, если мы вспомнимъ, какъ невысокъ былъ нравственный уровень духовенства въ XVIII вѣкѣ; лучшіе умы среди членовъ собранія открыто заявляли себя сторонниками галликанства и янсенизма; многіе были знакомы съ христіанствомъ лишь по сочиненіямъ Вольтера и энциклопедистовъ и признавали только религію «Савойскаго викарія». Однажды, въ пылу спора, Мирабо удалось передать въ двухъ словахъ сложное чувство, охватившее многихъ изъ его товарищей: «нужно раскатоличить Францію», сказалъ онъ. «Нужно уничтожить въ ней христіанство», воскликнулъ впослѣдствіи Эберъ. Вступивъ на этотъ путь, правительство шло по нему все быстрѣе и быстрѣе: въ 1789 г. оно наложило руку на церковныя имущества, въ 1789 — 92 гг. были приняты мѣры противъ бѣлаго и чернаго духовенства, въ 1793 году—противъ самаго культа. Затѣмъ произошелъ переломъ.—Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы прослѣдимъ всѣ эти четыре періода въ исторіи отношеній между церковью и революціей.

I. Мѣры относительно церковныхъ имуществъ.

Уничтоженіе десятинъ. — На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о десятинахъ, которыя втеченіе всего XVIII столѣтія вызывали нескончаемые жалобы и протесты со стороны французскаго крестьянства. Онѣ были совершенно дезорганизованы вслѣдствіе многовѣковыхъ злоупотребленій. Большая часть ихъ поступала въ пользу монастырей, которые назывались поэтому *gros décimateurs* (крупными десятинщиками), вмѣсто того, чтобы доставаться приходскимъ священникамъ, которые должны были довольствоваться т. н. *portion congrue* (надлежащей долей). Другая часть, вопреки запрещеніямъ соборовъ, вошла въ составъ феодальныхъ правъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ сеньеровъ. Раскладка десятиннаго сбора и способы его взиманія представляли чрез-

вычайно пеструю картину въ различныхъ провинціяхъ королевства. Въ 1789 году оцѣнивали въ 70 милліоновъ ливровъ валовой доходъ отъ церковныхъ десятинъ и въ 10 милліоновъ—отъ феодальныхъ.

Ночью 4 августа и тѣ, и другія были объявлены подлежащими выкупу на основаніяхъ, которыя должны были быть выработаны провинціальными собраніями. Но 10 августа, при пересмотрѣ декрета отъ 4 августа, Мирабо предложилъ просто-таки уничтожить десятины безъ всякаго вознагражденія. Сійесъ возсталъ противъ такого измѣненія, и уже готова была разразиться буря, когда архіепископъ парижскій Жюинье, по прозванію «отецъ бѣдныхъ», взошелъ на трибуну и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «отъ имени моихъ собратій и всѣхъ духовныхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу этого высокаго собранія, вручаемъ всѣ церковныя десятины справедливой и великодушной націи» (11 августа). Казалось-бы, это заявленіе давало наиболѣе простое рѣшеніе вопросу съ юридической точки зрѣнія: духовенство само *добровольно отказалось* отъ права на десятины. Тѣмъ не менѣе, декретъ собранія, состоявшійся въ тотъ-же день, провозгласилъ ихъ *отмѣненными*. При этомъ постановлено, что «будутъ изысканы новые источники на покрытіе расходовъ по отправленію божественнаго культа, по содержанію служителей алтаря, по благотворительности, по ремонту и постройкѣ храмовъ и домовъ, по поддержанію семинарій, школъ, коллежей, больницъ, общинъ и другихъ учрежденій, которыя существовали до сихъ поръ, благодаря взиманію уничтоженныхъ сборовъ» (ст. 5). Впредь-же до этого времени они сохраняли прежнюю законную силу.

Что касается феодальныхъ десятинъ, которыя подвергались болѣе рѣзкой критикѣ, такъ какъ происхожденіе ихъ было покрыто мракомъ неизвѣстности, и, во всякомъ случаѣ, было извращено ихъ первоначальное назначеніе, — то, по странной непослѣдовательности, онѣ были объявлены подлежащими выкупу. — Однако въ 1790 году, въ виду крестьянскаго возстанія и сожженія замковъ, онѣ были уничтожены. Взиманіе ихъ должно было прекратиться съ 1-го января 1791 года (декретъ 14 апрѣля 1790 г., ст. 3). Ихъ владѣльцы должны были получить вознагражденіе изъ государственнаго казначейства. Такимъ образомъ *феодальныя* десятины были все-таки выкуплены націей.

Секуляризація церковныхъ имуществъ.— Черезъ два мѣсяца послѣ декрета 11-го августа, учредительное собраніе занялось вопросомъ о церковныхъ *бенефиціяхъ*, которыя, наряду съ десятинами, должны были давать средства на содержаніе духовенства и отправленіе богослуженія.

Институтъ бенефицій восходитъ къ начальному періоду феодализма. Онъ произошелъ отъ раздѣленія епархіальныхъ имуществъ между епископами и приходскими священниками и имуществъ монастырскихъ—между аббатами и братіей монастырей.—Съ тѣхъ поръ бенефиціи составляли достояніе различныхъ духовныхъ округовъ или чиновъ, которые считались юридическими лицами и, въ качествѣ таковыхъ, были субъектами вещныхъ правъ. Во многихъ случаяхъ эти юридическія лица были собственниками въ силу дареній или завѣщаній частныхъ лицъ. Что касается *бенефиціаріевъ*, то, согласно правиламъ каноническаго и гражданскаго права, они пользовались церковными имуществами лишь въ видѣ узуфрукта: въ этомъ не сомнѣвались ни они сами, ни знатоки средневѣковыхъ законовъ.

10 октября 1789 г. Талейранъ, епископъ Отенскій, предложилъ передать эти бенефиціи въ распоряженіе націи, крайне нуждавшейся въ денежныхъ средствахъ. Для французскаго духовенства, которое постоянно упрекали за излишнія богатства и которое успѣли уже лишить десятинъ, это предложеніе было равносильно обреченію не только на бѣдность, но на полную нищету. Этимъ достаточно объясняется, почему между Мирабо, горячо поддержавшимъ Талейрана, и нападавшимъ на него аббатомъ Мори завязалась яростная борьба. Мирабо выставилъ слѣдующіе три аргумента: 1) всякая собственность основывается на писанномъ законѣ; слѣдовательно, законъ можетъ и отнять у духовенства собственность, вытекавшую изъ его велѣній; 2) корпораціи не могутъ быть противопоставлены государству и должны прекратить свое существованіе, «разъ онѣ перестали приносить ему пользу»; 3) духовенство, являющееся собственникомъ церковныхъ имуществъ, не составляетъ уже особаго сословія, т. е. самостоятельнаго

цѣлаго, а слѣдовательно, не будучи юридическимъ лицомъ, не можетъ быть и субъектомъ какихъ-бы то ни было правъ. Такимъ образомъ тремя различными путями ораторъ приходилъ къ одному и тому же выводу. Это невольно заставляетъ насъ думать, что каждый аргументъ въ отдѣльности стоилъ очень мало. Въ самомъ дѣлѣ, первый доводъ, заимствованный у Ж.-Ж. Руссо и повторяемый теперь соціалистами, долженъ повести къ расхищенію всѣхъ имуществъ, принадлежащихъ не только юридическимъ, но и частнымъ лицамъ. Съ этой точки зрѣнія законъ можетъ уничтожить всякую собственность. Можно только удивляться, почему аббатъ Мори почти не оспаривалъ этого аргумента. Второй доводъ логически приводилъ къ уничтоженію не только церковныхъ имуществъ, но и самой церкви, разъ будетъ рѣшено, что «она перестала приносить пользу». Третій аргументъ былъ всецѣло основанъ на грубой юридической ошибкѣ. Аббатъ Мори привелъ безчисленный рядъ доказательствъ, что собственникомъ церковныхъ бенефицій является не духовное сословіе и даже не католическая церковь, взятая въ цѣломъ, а отдѣльные приходы, епархіи, монастыри, которые никогда не переставали быть юридическими лицами и получили принадлежащее имъ имущество по большей части въ видѣ дареній частныхъ лицъ.

Аргументація Мори была безукоризненна и неопровержима. Тѣмъ не менѣе, крайне нуждаясь въ деньгахъ *), учредительное собраніе 2 ноября 1789 г. издало слѣдующій декретъ: «*Ст. 1.* Всѣ церковныя имущества переходятъ въ распоряженіе націи, причемъ послѣдняя обязуется покрыть должнымъ образомъ издержки по богослуженію, содержанію причта и благотворительности, подъ наблюденіемъ и согласно указаніямъ провинцій. *Ст. 2.* При распоряженіяхъ по содержанію служителей алтаря не можетъ быть назначено меньше, чѣмъ 1200 ливровъ на каждый приходъ ежегодно, не считая квартиръ и находящихся въ нихъ садовъ».

Началась экспропріація всѣхъ имуществъ бѣлаго и черного духовенства. Между тѣмъ декларація правъ, обнародованная 26 августа того-же года, провозглашала: «всѣ виды собственности (les propriétés) составляютъ неприкосновенное и священное право; никто не можетъ быть лишенъ его, кромѣ того случая, когда этого потребуетъ насущная общественная необходимость, когда она будетъ удостовѣрена въ законодательномъ порядкѣ, и притомъ когда будетъ *предварительно* дано *справедливое вознагражденіе*». Учредительное собраніе первое нарушило имъ-же самимъ провозглашенный принципъ. Такъ называемая «секуляризація церковныхъ имуществъ» была не чѣмъ инымъ, какъ простой конфискаціей. Сійесъ подчеркнулъ эту сторону дѣла: «вы хотите свободы», сказалъ онъ членамъ конституанты, «а не умѣете быть справедливыми». Въ видѣ смягчающаго обстоятельства слѣдуетъ отмѣтить, что собраніе формально приняло на себя обязательство покрывать издержки по богослуженію и выдавать жалованье священникамъ, чѣмъ отчасти возмѣстило причиненный ущербъ. Происхожденіе современнаго «бюджета культовъ» коренится въ конфискаціи церковныхъ имуществъ и является ея единственнымъ оправданіемъ.

II. Мѣры относительно духовенства.

Гражданскій уставъ о духовенствѣ.— Духовенство не составляло болѣе особаго сословія, лишилось прежнихъ преимуществъ и собственности. Казалось-бы, съ политической точки зрѣнія, это должно было вполнѣ удовлетворять учредительное собраніе. Тѣмъ не менѣе, поддаваясь янсенистскимъ и философскимъ вѣяніямъ, оно пошло гораздо дальше и предприняло «учрежденіе» французскаго духовенства на новыхъ началахъ, не испрашивая предварительнаго согласія верховнаго первосвященника. При-

*) Еще 29 сентября 1789 г. конституанта предложила «доставить въ ближайшій монетный дворъ всю серебряную утварь, которая окажется въ церквахъ, церковныхъ учрежденіяхъ, капеллахъ и братствахъ, если только это не помѣшаетъ благолѣпію богослуженія».

нявъ «гражданскій уставъ о духовенствѣ», конституанта вторглась въ чуждую ей сферу чисто-духовныхъ отношеній и совершила страшную, непоправимую ошибку: она смутила совѣсть людей религіозныхъ, возбудила церковныя распри, оттолкнула вѣрующихъ католиковъ отъ революціи и ввергла ее въ бездну террора.

Трудно подыскать разумное основаніе для этой мѣры, принятой учредительнымъ собраніемъ.—Мы уже видѣли, что въ «церковный комитетъ», составлявшій новый уставъ о духовенствѣ, входили такіе ученые канонисты, какъ Ланжюине и Дюранъ-де-Майльянъ, которые хотѣли вернуться къ преданіямъ первыхъ христіанъ и уничтожить злоупотребленія, вкравшіяся въ церковную организацію. Но они должны были-бы помнить, что свѣтская власть сама по себѣ не компетентна въ вопросахъ чисто-религіозныхъ.

Въ этомъ отношеніи исторія реформаціи могла-бы послужить для нихъ очень поучительнымъ урокомъ. Знакомясь съ заявленіями янсениста Камюса, бывшаго адвоката духовенства, и Мирабо, мы, повидимому, можемъ уяснить себѣ истинные мотивы церковной реформы. Камюсъ не скрывалъ своей враждебности къ папѣ и его правамъ по отношенію къ церкви: «что такое папа?» восклицалъ онъ, «такой-же епископъ, служитель Христа, какъ и всѣ другіе епископы; его функціи ораничены предѣлами римскаго діоцеза (епархіи)... Для французской церкви, которая искони дорожила своими вольностями, но не всегда была въ силахъ отстаивать ихъ, наступило время освободиться отъ этой зависимости». Ланжюине, очевидно, раздѣлявшій его чувства, не иначе называлъ папу, какъ «римскимъ епископомъ». Д'Епремениль, раздраженный такой терминологіей, однажды прервалъ его: «въ глазахъ католика римскій епископъ является верховнымъ первосвященникомъ». Что касается Мирабо, принимавшаго горячее участіе во всѣхъ спорахъ по этому вопросу, то онъ требовалъ не только независимости французской церкви отъ Рима, но и подчиненія ея государству. «Всѣ духовныя лица—государственные чиновники; ихъ служеніе передъ алтаремъ—публично-правовая дѣятельность». Тутъ явственно выступаетъ двойственная идея, которую долженъ былъ осуществить гражданскій уставъ о духовенствѣ, вотированный 12 іюля 1790 г.

Вотъ его главныя черты:—1) 134 діоцеза, на которые дѣлилась старая Франція, уничтожаются и замѣняются 83 новыми, территоріи которыхъ совпадаютъ съ департаментами; они группируются въ 10 митрополій; 2) епископы и приходскіе священники выбираются тѣмъ-же самымъ порядкомъ, какъ депутаты и чиновники, т. е. по правиламъ, установленнымъ въ декретѣ 22 декабря 1789 г.; 3) лица, избранныя въ епископы, втеченіе мѣсяца со дня избранія должны явиться къ мѣстному митрополиту, который въ правѣ удостовѣриться въ ихъ богословскихъ познаніяхъ и нравственности; если онъ считаетъ ихъ достойными, онъ долженъ возвести ихъ въ епископскій санъ, въ противномъ случаѣ—письменно указать причины отказа. Недовольный можетъ принести *аппелляціонную жалобу на злоупотребленіе*; но такъ какъ старинные парламенты, которымъ, собственно говоря, и подлежали такого рода дѣла, были упразднены, то декретъ отъ 15 ноября 1790 г. указалъ, что жалобщикъ долженъ, въ сопровожденіи двухъ нотаріусовъ, перебывать у всѣхъ епископовъ данной провинціи. Если всѣ они откажутъ ему въ посвященіи, то аппелляція должна быть направлена въ гражданскій судъ дистрикта по мѣсту нахожденія вакантной каѳедры. Судъ играетъ роль послѣдней инстанціи; если онъ находитъ, что со стороны митрополита было дѣйствительно совершено злоупотребленіе властью, онъ назначаетъ епископа, который и посвящаетъ кандидата; 4) отношенія новыхъ епископовъ къ папѣ упрощаются до послѣдней степени: вновь избранные не испрашиваютъ, какъ раньше, буллы объ утвержденіи ихъ въ санѣ, а лишь «сообщаютъ» ему о своемъ избраніи; 5) уставъ назначаетъ жалованье новымъ «чиновникамъ», но эта сторона дѣла не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія.

Нельзя сказать того-же относительно первыхъ четырехъ пунктовъ: они произвели полный переворотъ въ положеніи французскаго духовенства, превратили епископовъ и священниковъ въ административныхъ чиновниковъ, подобно тому, какъ это было въ римской имперіи, и освятили поглощеніе церкви государствомъ. Людовикъ XVI былъ до глубины души возмущенъ этимъ проектомъ и тотчасъ-же написалъ папѣ. Еслибы онъ былъ предо-

ставленъ самому себѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія,—онъ отказался-бы утвердить декретъ, расходившійся съ основными постановленіями церкви, но окружавшіе напугали его народнымъ возстаніемъ, и, не дождавшись отвѣта отъ папы, онъ далъ свою подпись «со смертью на сердцѣ» (24 августа).

Напротивъ, епископы готовились къ борьбѣ. 30 октября около тридцати изъ нихъ, все депутаты учредительнаго собранія, выпустили въ свѣтъ «Изложеніе принциповъ по поводу устава о духовенствѣ», составленное магистромъ Буажеленомъ, архіепископомъ въ Э. Къ нимъ примкнули всѣ остальные, за исключеніемъ четырехъ. Здѣсь были ясно указаны всѣ тѣ пункты, въ которыхъ новый законъ противорѣчилъ каноническимъ принципамъ: 1) уничтоженіе 61 епископской каѳедры и измѣненіе границъ остальныхъ епархій можетъ быть актомъ только духовной власти и превышаетъ компетенцію свѣтской; 2) избраніе епископовъ и священниковъ на избирательныхъ собраніяхъ, въ которыхъ участвуютъ и протестанты, и евреи, находится въ вопіющемъ несоотвѣтствіи съ обычаями первыхъ христіанъ, на которые ссылаются канонисты комитета и въ силу которыхъ главную роль при выборахъ играетъ именно духовенство; такой порядокъ избранія противорѣчитъ конкордату между Францискомъ I и Львомъ X, который, нося двойственный—религіозно-свѣтскій характеръ, не можетъ быть измѣненъ иначе, какъ съ согласія папы; 3) предоставлять митрополиту право рукополагать епископовъ—тоже не значитъ возвращаться къ древнѣйшимъ обыкновеніямъ церкви, такъ какъ въ первые вѣка христіанства самъ митрополитъ назначался на помѣстномъ соборѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ это распоряженіе конституанты посягаетъ на прерогативъ папы, который болѣе двухъ столѣтій назначаетъ на этотъ постъ французскихъ епископовъ; почему-бы не созвать національный соборъ и не войти въ соглашеніе съ папой относительно рѣшенія этого запутаннаго вопроса; 4) наконецъ, уничтожать всякія отношенія съ папой, кромѣ простыхъ извѣщеній,—значитъ созидать національную церковь, что, въ свою очередь, равносильно смѣшенію основныхъ понятій и подготовленію раскола. Чтобы избѣжать этой опасности, епископы собираются у «центра единства» и посылаютъ въ свои епархіи болѣе 200 пастырскихъ посланій, въ которыхъ—неслыханное дѣло! фактъ, небывалый втеченіе всего XVIII столѣтія!—изливаются въ чувствахъ любви и преданности къ св. римскому престолу.

Присяжное и безприсяжное духовенство.—Чувствуя все растущее недовольство, конституанта рѣшила поставить на своемъ и стала подготовлять понудительныя мѣры. 27 ноября 1790 г. новый декретъ предписалъ «всѣмъ епископамъ, бывшимъ архіепископамъ, приходскимъ священникамъ и другимъ церковнымъ публичнымъ чиновникамъ» принести присягу «на вѣрность націи, закону и королю, а также на то, что всѣми силами они будутъ поддерживать уставъ, изданный національнымъ собраніемъ и принятый королемъ»; въ противномъ случаѣ, они будутъ считаться отставленными отъ своихъ должностей; если-же, тѣмъ не менѣе, они будутъ продолжать исполнять обязанности священнослужителей, то «подвергнутся преслѣдованію, какъ люди, вносящіе смуту въ общественный порядокъ». Это требованіе завершило расколъ въ рядахъ духовенства. Приняли присягу только четыре епископа, а именно: епископъ санскій Ломени-де-Бріеннъ; епископъ орлеанскій Жарантъ; де-Савинъ, епископъ въ Вивье, и Талейранъ, епископъ отёнскій; кромѣ того, еще два епископа, не занимавшихъ особой каѳедры (т. н. in partibus), Гобель и Бургъ-Мирудо и около трети низшаго духовенства, въ томъ числѣ аббатъ Грегуаръ, котораго вскорѣ избрали на мѣсто епископа «департамента» Луары и Шера. 130 епископовъ и 46.000 священниковъ отказались отъ присяги. «Еслибы мы дали эту клятву», говорили профессора Сорбонны, «то въ лѣтописяхъ нашей школы и въ нашихъ собственныхъ лекціяхъ мы нашли бы себѣ позорное осужденіе». Довольно много священниковъ приняло присягу, но съ такими оговорками, которыя лишали ее анти-католическаго характера; эта уловка была запрещена декретомъ 4 января 1791 г. —Духовенство распалось такимъ образомъ на двѣ неравныхъ части: на «*конституціонныхъ*» (отъ слова *la constitution* civile du clergé, гражданскій уставъ о духовенствѣ) или «*присяжныхъ*» и на «*ослушныхъ*» или «*безприсяжныхъ*».

Въ мартѣ 1791 года пришелъ отвѣтъ

отъ папы. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ осуждалъ гражданскій уставъ (10 марта). 13 апрѣля въ особомъ бревіаріи «Charitas» онъ запретилъ принесеніе присяги и одобрилъ «Изложеніе принциповъ», посланное ему французскими епископами 10 октября. Положеніе выяснилось: «ослушные» продолжали поддерживать отношенія съ папой, «конституціонные» должны были образовать схизматическую церковь *). Нѣкоторые изъ священниковъ, принявшихъ присягу, отреклись отъ нея, когда узнали о постановленіи римскаго первосвященника, но такихъ нашлось очень мало: большинство осталось при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ. «Готова была вспыхнуть война одной части гражданъ противъ другой, — война религіозная, неискупимая» (Оларъ). Что касается Людовика XVI, который далъ согласіе на гражданскій уставъ, то онъ отказывался входить въ какія бы то ни было отношенія съ присяжнымъ духовенствомъ. Выше мы видѣли, что 28 апрѣля 1791 года онъ нарочно ѣздилъ въ Сенъ-Клу, чтобы причаститься изъ рукъ безприсяжнаго священника. Въ этотъ день было предрѣшено бѣгство въ Вареннъ: въ видѣ церковнаго вопроса между королемъ и революціей разверзлась непроходимая пропасть.

Нужно было создавать новую церковь. Такъ какъ епископы, не принявшіе присяги, считались отставленными отъ своихъ должностей — въ силу особаго постановленія гражданскаго устава о духовенствѣ, то оказались вакантными всѣ епископскія каѳедры, за исключеніемъ четырехъ. На департаментскихъ генералъ-прокуроровъ синдиковъ было возложено производство выборовъ. Нашлись и избиратели, и избираемые. Трудно было найти только епископовъ, которые могли-бы возвести въ санъ новыхъ кандидатовъ. Съ этой цѣлью декретъ отъ 21 февраля 1791 года указалъ, что посвященіе можетъ быть совершено любымъ епископомъ Франціи безъ разрѣшенія мѣстнаго епископа. Талейранъ вмѣстѣ съ епископами in partibus Гобелемъ и Мирудо взялись обновить личный составъ французской церкви. Талейранъ посвятилъ аббата Экспильи на мѣсто епископа департамента Финистера, аббата Мароллял — въ Эну (24 февраля 1791 года). Вновь посвященные возводили въ санъ другихъ кандидатовъ, и къ концу 1791 года конституціонная церковь имѣла полный комплектъ *). Кое-гдѣ, благодаря стараніямъ муниципальныхъ властей, вступленіе новыхъ пастырей въ отправленіе своихъ обязанностей произошло съ нѣкоторой торжественностью (напр. въ Ланѣ, Суассонѣ, Безансонѣ), зато въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Нимѣ, Кемперѣ и друг.) сопровождалось всевозможными скандалами.

Новые прелаты считали своимъ долгомъ сдѣлать одинъ изъ своихъ первыхъ визитовъ мѣстному клубу якобинцевъ. Они были очень хорошо приняты и кое-гдѣ даже избраны въ предсѣдатели этихъ обществъ (Маролль — въ Ланѣ, де-Вильяръ — въ Лавалѣ). Но они почувствовали себя очень неловко, когда вздумали почтить своимъ посѣщеніемъ монастырскія учрежденія. Въ Безансонѣ визитандинки, кармелитки и бенедиктинки не пустили къ себѣ Сегэна. Въ Шатору монахини заперли ворота передъ Героденомъ; нантскія кармелитки точно такъ-же поступили съ Минэ. Въ Арлѣ Ру удалось проникнуть къ кармелиткамъ, но встрѣча была отнюдь не изъ пріятныхъ. Во многихъ деревняхъ присяжные священники не могли установить отношеній съ прихожанами. На югѣ, въ Вандеѣ, Пуату и Бретани, «самозванцевъ» избѣгали или даже изгоняли; нѣкоторымъ были нанесены побои и раны. Въ Геро для ихъ водворенія пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ, и это въ свою очередь вызвало волненіе въ Фронтиньянѣ, Бузигесѣ, Кастельно, Сенъ-Жюстѣ и другихъ мѣстностяхъ. Докладъ депутатовъ Жансоннэ и Галлуа, которые были посланы въ качествѣ коммиссаровъ въ Вандею и Дё-Севръ, содержитъ въ себѣ въ высшей степени любопытныя данныя о настроеніи народныхъ массъ въ этотъ моментъ революціонной исторіи (9 октября 1791 года).

Что касается безприсяжныхъ священниковъ, которыхъ устранили отъ церквей и отправленія ихъ обязанностей, то втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они не подвергались никакимъ притѣсненіямъ. Учре-

*) Желая произвести на папу давленіе и наказать за протесты противъ устава, конституанта 14 сентября отняла у него Авиньонъ и графство Венессенъ.

*) Одинъ Гобель посвятилъ 48 епископовъ, т. е., болѣе половины.

дительное собраніе провозгласило, что оно «далеко отъ желанія навязывать другимъ свои взгляды и еще дальше отъ мысли насиловать совѣсть» *). 8 февраля 1791 года оно ассигновало имъ пособіе въ размѣрѣ 500 ливровъ, а 7 мая запретило мѣшать имъ, еслибы они захотѣли отслужить мессу въ той или иной церкви. Но положеніе ихъ рѣзко измѣнилось къ худшему, какъ только было открыто законодательное собраніе. 29 ноября оно постановило, что всѣ духовныя лица, которыя все еще не приняли присяги, должны сдѣлать это втеченіе недѣли; въ случаѣ ослушанія, на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на «подозрительныхъ». 27 мая 1792 г. собраніе рѣшило сослать всѣхъ безприсяжныхъ. Людовикъ XVI выказалъ на этотъ разъ нѣкоторую энергію и не захотѣлъ утвердить ни того, ни другого декрета. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣло оставалось до 10 августа, когда король былъ арестованъ въ Тамплѣ, а національное представительство перестало нуждаться въ его согласіи. Оба декрета вошли въ силу закона. 26 августа всѣмъ безприсяжнымъ священникамъ было предписано оставить предѣлы департамента въ недѣлю, а королевство—въ двѣ недѣли; ослушные будутъ арестованы, препровождены до ближайшаго морского порта и отправлены въ Гвіану. Вернувшіеся во Францію будутъ осуждены къ десяти годамъ тюремнаго заключенія. Низшіе церковнослужители, клерки, послушники и т. п., будутъ подчинены тѣмъ-же правиламъ, «если до свѣдѣнія административныхъ властей дойдетъ, что своими поступками они вызвали волненіе, или если ихъ удаленія потребуютъ семеро гражданъ изъ числа постоянныхъ жителей даннаго департамента». Начиналось гоненіе на духовенство.

Декретъ 13 февраля 1791 года о монашескихъ орденахъ.—Что было въ это время съ *чернымъ* духовенствомъ (le clergé régulier)? При старомъ порядкѣ лица, постриженныя въ монашество, были значительно ограничены въ правахъ. Положеніе ихъ очень близко подходило къ *гражданской смерти*: имъ запрещено было вступать въ бракъ (это правило распространялось и на тѣхъ, которые не были еще приняты на высшія ступени духовной іерархіи); они лишены были правъ собственности, а слѣдовательно права получать наслѣдство или дѣлать завѣщаніе; наконецъ, они не могли уйти изъ монастыря безъ особаго разрѣшенія подъ страхомъ, что ихъ вернутъ туда *manu militari* (посредствомъ вооруженной силы). Таковы были каноническія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданскія послѣдствія тройственнаго обѣта чистоты, нестяжанія и послушанія. Революція круто измѣнила положеніе монаховъ и монахинь, объявивъ ихъ свободными отъ всякихъ юридическихъ обязательствъ и въ то-же время стараясь по возможности уменьшить ихъ число. Еще до обнародованія гражданскаго устава о духовенствѣ, а именно 13 февраля 1790 г., былъ изданъ декретъ, который втеченіе двухъ съ половиною послѣдующихъ лѣтъ регулировалъ юридическое положеніе монашескихъ конгрегацій. Необходимо разсмотрѣть его постановленіе особенно подробно, такъ какъ двусмысленность нѣкоторыхъ выраженій подала поводъ къ совершенно неправильнымъ толкованіямъ.

Статья 1-я гласитъ: «основной законъ королевства не признаетъ болѣе торжественныхъ монашескихъ обѣтовъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; ордена и конгрегаціи, въ которыхъ даются подобные обѣты, уничтожаются во Франціи; на будущее время запрещается открытіе новыхъ учрежденій того-же рода». Монахи обоего пола «могутъ уйти изъ монастырей, сдѣлавъ заявленіе объ этомъ мѣстному муниципалитету», и получаютъ подобающую пенсію (ст. 1—2). Лица, «не желающія воспользоваться настоящимъ декретомъ», должны будутъ удалиться въ особо указанныя помѣщенія; что же касается въ частности монахинь, то онѣ могутъ остаться тамъ, гдѣ были до сихъ поръ (ст. 2 — 2° и 3). «Положеніе учрежденій, занимающихся народнымъ просвѣщеніемъ и благотворительностью, а также всего, имѣющаго къ нимъ отношеніе, пока не подвергается никакимъ измѣненіямъ» (ст. 2—3°). Вотъ и все.

Изъ этого декрета слѣдуетъ прежде всего, что «гражданская смерть» была уничтожена по отношенію къ монахамъ (и монахинямъ) *), и законъ не обязывалъ

*) Инструкція 21 января 1791 г. относительно примѣненія гражданскаго устава о духовенствѣ.

*) Законъ этотъ не имѣлъ обратной силы: монахъ не могъ быть утвержденъ въ правахъ наслѣдства за старое время (декретъ 20 февраля 1790 г.).

ихъ оставаться въ монастырѣ, вопреки ихъ желанію. Но онъ не требовалъ также и того, чтобы они покинули свои обители. Другими словами, законъ не распускалъ монашескихъ орденовъ, а только раскрывалъ ихъ двери. Законъ не признавалъ за ними значенія *легальныхъ* корпорацій, которыя могли обращаться къ помощи закона, разъ кто-либо не соблюлъ своего обѣта, но онъ не видѣлъ въ нихъ и *противозаконныхъ* обществъ; государство хотѣло сравнять монаховъ съ остальными полноправными гражданами и отказывало въ поддержкѣ каноническимъ правиламъ, которыя требовали ограниченія ихъ правъ. Такъ именно понимали этотъ законъ современники, и такое толкованіе, какъ нельзя лучше, согласуется съ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ декретовъ, опредѣлившихъ устройство общежитія и внутренній распорядокъ для тѣхъ монаховъ, которые не хотѣли разстаться съ привычнымъ для нихъ образомъ жизни *). Безспорно, въ декретѣ 13 февраля не было особеннаго доброжелательства по отношенію къ монашескимъ орденамъ, но было бы крайне несправедливо утверждать, что уже въ это время національное представительство хотѣло нанести ударъ черному духовенству.

Распущеніе монашескихъ орденовъ въ августѣ 1792 г.—Мѣропріятія этого рода начались гораздо позже, а именно, только послѣ открытія законодательнаго собранія и событій 10 августа 1792 г. 17 августа легислатива, «усматривая, что обширныя и цѣнныя земли, а также многія зданія находятся въ обладаніи монаховъ и монахинь, что эти имущества могутъ явиться обильнымъ источникомъ доходовъ для націи; что громадныя издержки не позволяютъ ей пренебрегать никакими источниками; что важно заставить монаховъ и монахинь воспользоваться *свободой*, которую имъ предоставили предыдущіе законы; что не менѣе важно разсѣять остатки фанатизма, для котораго монастыри служатъ слишкомъ доступнымъ прибѣжищемъ»,—считаетъ вопросъ неотложнымъ и постановляетъ: «начиная съ 1-го ближайшаго октября, всѣ обители, еще занятыя монахинями или монахами, должны быть очищены этими послѣдними и проданы административными властями». Теперь нельзя было уже сомнѣваться: монастыри закрывались, дѣло шло «о полномъ искорененіи иноческой жизни». На другой день, 18-го августа, «принимая во вниманіе, что истинно свободное государство не должно терпѣть въ своихъ предѣлахъ никакихъ корпорацій, въ томъ числѣ даже тѣхъ, которыя посвящены народному просвѣщенію или имѣютъ другія важныя заслуги передъ отечествомъ», собраніе уничтожаетъ въ тотъ-же срокъ «всѣ монашескія и мірскія корпораціи, изъ кого-бы онѣ ни состояли—изъ мужчинъ или женщинъ, какой-бы характеръ, церковный или свѣтскій, и названіе онѣ ни носили, хотя-бы онѣ служили исключительно для помощи страждущимъ и работѣ въ больницахъ». Далѣе, «принимая во вниманіе, что моментъ, когда законодательный корпусъ заканчиваетъ *уничтоженіе* монашескихъ корпорацій, является подходящимъ временемъ для того, чтобы навсегда вывести изъ употребленія иноческое одѣяніе, которое, въ противномъ случаѣ напоминало-бы объ ихъ прошлой исторіи, воспроизводило-бы ихъ наружность или даже внушало-бы мысль о продолженіи ихъ дѣятельности», собраніе запрещаетъ тому и другому полу носить обще-духовную или монашескую одежду. Нарушеніе этого приказа должно быть караемо: въ первый разъ, какъ проступокъ, подлежащій суду исправительной полиціи; при повтореніи—«какъ преступленіе противъ общей безопасности» (декретъ 18 августа, титулъ I, ст. 9—10). Наконецъ, имущества закрытыхъ конгрегацій, какъ монашескихъ, такъ и мірскихъ, должны быть проданы съ публичнаго торга, какъ имущества національныя. Изгнанные монахи и монахини должны были получать пенсію подъ условіемъ для мужчинъ, чтобы они приняли гражданскую присягу.

Черезъ восемь дней былъ изданъ декретъ о ссылкѣ всѣхъ безприсяжныхъ, который могъ быть примѣненъ и къ монахамъ; но еще до истеченія срока, даннаго имъ для оставленія королевства, всѣ, кого можно было найти въ Парижѣ, были схвачены, посажены въ тюрьму и «сентябризованы»: погибло около 300 человѣкъ *). Такія-же убійства произошли въ

*) Смотр. декреты 19 марта 1790 г. ст. 4; — 8 окт. 1790, титулъ I, ст. 16 сл., титулъ II, ст. 1 и слѣд.;—8 декабря 1790 г.;—11 марта 1791 г.; — 13 марта 1791 г.;—17 іюля 1791 г., ст. 1—3.

*) О сентябрской рѣзнѣ см. выше.

Мо, Шалонѣ, Реннѣ, Ліонѣ. Тѣ, которымъ удалось спастись, прятались, гдѣ могли, или «ссылали себя» заграницу: въ Англію, Германію, Швейцарію, Италію и Испанію. Кровь уже лилась, началась вынужденная эмиграція, когда былъ созванъ конвентъ.

III. Мѣры относительно культа.

Передъ культомъ разума.—Какъ только собрался конвентъ, началось открытое, зачастую кровопролитное гоненіе не только на непокорное духовенство, но на самый католицизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Даже конституціонное духовенство, чрезвычайно ловко приноровлявшееся къ господствовавшимъ теченіямъ, далеко не всегда успѣвало избѣжать чисто-драконовскихъ каръ, которыя то и дѣло сыпались на голову церкви и ея служителей. Рядъ этихъ мѣръ начался декретомъ отъ 21 — 24 апрѣля 1793 года, въ силу котораго «всѣ лица, принадлежащія къ бѣлому или черному духовенству, послушники и служки, не принявшіе еще присяги, должны быть немедленно посажены на суда и отвезены во французскую Гвіану», точно такъ-же, какъ «всѣ тѣ, кого шесть гражданъ кантона будутъ обвинять въ отсутствіи гражданскихъ чувствъ»; «сосланные будутъ казнены втеченіе 24 часовъ, если вздумаютъ вернуться въ республику». (Ст. 1, 2, 5). Законъ еще ограждалъ конституціонную церковь, но въ клубахъ и въ самомъ конвентѣ она подвергалась нападкамъ: многіе ораторы хотѣли «расхристіанить» Францію и требовали «искорененія фанатизма». Но конвентъ не заходилъ еще такъ далеко и 7 іюня постановилъ арестовывать въ Аббатствѣ на недѣлю каждаго изъ своихъ членовъ, который «предложитъ сослать священниковъ, подчиняющихся закону и получающихъ жалованье отъ правительства». Но это былъ безсильный порывъ, и достаточно было перваго повода, а именно вопроса о гражданскомъ бракѣ священниковъ, чтобы благія намѣренія собранія разсѣялись, какъ дымъ.

Примѣръ Лендэ, конституціоннаго епископа въ Эрѣ, который женился въ концѣ 1792 года, нашелъ много подражателей среди присяжнаго духовенства. Нѣсколько епископовъ поддержали это движеніе: напр. въ маѣ 1793 г. въ Сентъ-Огюстенѣ Гобель торжественно ввелъ въ отправленіе обязанностей женатаго священника Обера. Напротивъ того, другіе воспротивились новшеству. На Фоше, Ле-Коза, Фильбера и Туэна донесли конвенту. Послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ не выдавалъ содержанія одному изъ своихъ женатыхъ викаріевъ. Поднялась цѣлая буря. Дантонъ требовалъ смѣщенія «нечестивца» (19 іюля) Конвентъ постановилъ: «епископы, которые станутъ прямо или косвенно препятствовать бракосочетанію священниковъ, будутъ лишены своихъ мѣстъ и сосланы». 12 августа собраніе рѣшаетъ, что женатые священники должны попрежнему исполнять свои обязанности и вернуться на службу, если они были удалены по этому поводу. Когда нѣсколько коммунъ выказали неудовольствіе и даже прямо возстали противъ нововведеній, послѣдовалъ новый декретъ: «всякій священникъ, которому жители мѣстной коммуны будутъ дѣлать непріятности изъ-за его вступленія въ бракъ, можетъ удалиться туда, куда найдетъ удобнымъ; жалованье будетъ выплачиваться ему на счетъ преслѣдовавшей его общины» (17 сентября).

Такимъ образомъ самъ конвентъ вносилъ разложеніе въ конституціонную церковь. Въ тотъ-же самый день и въ послѣдовавшій мѣсяцъ онъ издалъ рядъ декретовъ, благодаря которымъ присяжное духовенство очутилось въ положеніи неблагонадежныхъ. Достаточно было шестерымъ гражданамъ обвинить какое-либо духовное лицо въ недостаткѣ цивизма, хотя-бы оно свое временно приняло гражданскую присягу, чтобы его сослали на побережье Африки между 23° и 28° широты. Священники, которые будутъ скрываться втеченіе десяти дней, должны быть казнены въ 24 часа послѣ ихъ нахожденія; всякій, кто донесетъ на нихъ, получитъ 100 лив-

ровъ награды, а укрыватель подвергнется ссылкѣ (декреты 17 сентября и 20 октября 1793 г.). Былъ однако и якорь спасенія: если присяжный священникъ женится и такимъ образомъ представитъ неоспоримое доказательство своего цивизма, «то не можетъ быть подвергнутъ ни ссылкѣ, ни заключенію» (декретъ 25 брюмера II года). Конвентъ назначалъ награду за заключеніе брака! Если вѣрить Грегуару, женилось около 2000 священниковъ.

Начиная съ этого момента, подъ вліяніемъ Эбера, Шомета и коммиссаровъ конвента, стало проявляться движеніе противъ христіанства. Явилась мысль подорвать значеніе догматовъ и уничтожить католицизмъ. Нападки на христіанство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи приняли стихійный характеръ и расчистили путь для культа разума. Въ Орлеанэ и Берри бывшій бенедиктинецъ Лапланшъ запрещаетъ совершать процессіи, рубитъ кресты, приказываетъ всѣмъ священникамъ жениться (сентябрь 1793 г.) Въ Неверѣ бывшій ораторіанецъ Фуше и Шометъ придаютъ открытію бюста Брута рѣзко-антирелигіозный характеръ (22 сентября); въ октябрѣ Фуше лишаетъ похороны и кладбище церковнаго отпечатка, прекращаетъ отправленіе богослуженія внѣ церквей и торжественно справляетъ языческій праздникъ со священнымъ огнемъ Весты, храмомъ Любви и т. п. Въ Реймсѣ Рюль разбиваетъ сосудъ съ мvромъ. Въ Амьенѣ Андрэ Дюмонъ постановляетъ: «всѣ священники, уличенные въ томъ, что въ такъ называвшіеся праздники и воскресенья служили обѣдни, всенощныя, вечерни и утрени, — будутъ немедленно задержаны, посажены въ тюрьму, преданы уголовному суду и наказаны, какъ нарушители закона» (26 октября). 31 октября въ Рошфорѣ Лэньело превращаетъ приходскую церковь въ «Храмъ истины»; восемь присяжныхъ священниковъ и протестантскій пасторъ торжественно являются туда и слагаютъ съ себя санъ. Въ тотъ-же день въ Парижѣ казнятъ вмѣстѣ съ жирондистами конституціоннаго епископа Фоше, который протестовалъ противъ разрѣшенія браковъ духовенству.

Поклоненіе разуму.—Движеніе эбертистовъ захватило и конвентъ. 6 декабря онъ вотировалъ республиканскій календарь, который, по мысли его составителей, долженъ былъ служить къ подрыву христіанства, и, установивъ празднованіе, вмѣсто воскресенья, каждаго десятаго дня, далъ лишній поводъ для преслѣдованія вѣрующихъ католиковъ. 28 октября (7 брюмера II года) собраніе постановляетъ, что ни одно духовное лицо, а также монахи и монахини не могутъ быть учителями и воспитателями. 15 брюмера Марія-Жозефъ Шенье требуетъ введенія свѣтской религіи, религіи родины, «этой общей матери и божества». Конвентъ рукоплещетъ. Оставался только одинъ шагъ до осуществленія этой идеи.

Его сдѣлали Шометъ, прокуроръ коммуны, Пашъ, мэръ города Парижа, Анахарзисъ Клоотсъ и другіе эбертисты: они склонили епископа парижскаго Гобеля, а также весь его совѣтъ, отречься отъ своего сана и разыграли цѣлую театральную сцену въ засѣданіи конвента. 17 брюмера II года къ рѣшеткѣ собранія явился Гобель вмѣстѣ со всѣми своими викаріями и въ сопровожденіи Шомета, Моморо, Паша и др. Онъ произнесъ рѣчь «примѣнительно къ обстоятельствамъ» и закончилъ ее слѣдующей тирадой: «въ наше время не должно быть иного общественнаго и національнаго культа, кромѣ поклоненія свободѣ и святому равенству; я явился заявить вамъ, что отрекаюсь отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на меня званіемъ служителя католической церкви. Пришедшіе со мной граждане, мои бывшіе викаріи, присоединяются ко всему сказанному. Итакъ, мы слагаемъ съ себя наши званія и предоставляемъ ихъ на ваше усмотрѣніе». Лалуа, занимавшій мѣсто предсѣдателя, отвѣчалъ: «Высшее существо не хочетъ другого культа, кромѣ поклоненія разуму; оно предписываетъ намъ его, и *отнынѣ* этотъ культъ будетъ національной религіей». Гобель снялъ съ себя епископскій крестъ и другіе знаки своего достоинства и надѣлъ красный колпакъ. Представители народа «привѣтствовали это съ восторгомъ», предсѣдатель обнялъ его, предложивъ почетное мѣсто въ засѣданіи и ему, и «гражданамъ, его викаріямъ». Тотчасъ же члены конвента изъ духовенства, Купэ, Лендэ, Гэ-Вернонъ и другіе, повскакали съ мѣстъ и въ свою очередь отказались отъ своихъ званій. Одинъ только Грегуаръ не поддался общему увлеченію. Онъ имѣлъ мужество носить одежду епископа до самаго распущенія конвента.

Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о введеніи культа разума. 20 брюмера, въ одинъ изъ праздничныхъ «десятыхъ» дней, состоялось пышное торжество въ соборѣ парижской Богоматери. Актриса изъ театра Оперы, одѣтая въ бѣлое платье, голубую мантію и красную шапочку, разыгрывала богиню Свободы. Сидя на тронѣ изъ зелени, «вмѣсто и на мѣстѣ бывшей Пресвятой Дѣвы», она принимала привѣтствія со стороны республиканцевъ. Затѣмъ четверо мужчинъ снесли ее въ конвентъ, гдѣ Шометъ произнесъ хвалебное слово. Поздравивъ себя и всѣхъ присутствующихъ съ паденіемъ фанатизма, онъ сказалъ: «одно лишь желаніе, одинъ только крикъ слышался со всѣхъ сторонъ. Народъ говорилъ: не нужно больше ни священниковъ, ни боговъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ даетъ намъ сама Природа. Мы, народные магистраты, вняли этому желанію и приносимъ вамъ ее изъ храма Разума». Въ заключеніе онъ просилъ посвятить соборъ парижской Богоматери—Разуму и Свободѣ. Собраніе, «усматривая съ живѣйшимъ чувствомъ удовлетворенія, что Разумъ одержалъ сегодня побѣду надъ суевѣріемъ и фанатизмомъ», выражаетъ согласіе на предложеніе оратора. Во время голосованія предсѣдатель и секретари «братски цѣлуютъ» богиню свободы, вызывая громкія рукоплесканія.

Такого же рода комедіи были разыграны въ провинціи. Вездѣ было замѣтно вліяніе эбертистовъ, которые разсылали инструкціи своимъ единомышленникамъ. Лучшимъ доказательствомъ искусственности всего этого движенія можетъ служить полное совпаденіе во времени между событіями, происходившими въ столицѣ и департаментахъ. Въ день отреченія Гобеля посланцы конвента прекращаютъ въ Страсбургѣ католическое богослуженіе и постановляютъ: «всѣ тѣ, кто будетъ мѣшать торжеству *разума* и уничтоженію предразсудковъ, въ чемъ бы это ни проявилось — въ рѣчахъ или поступкахъ, будутъ считаться врагами человѣческаго рода и подвергнутся ссылкѣ въ пустыни, предназначенныя для ослушныхъ священниковъ». Три дня спустя, когда въ Парижѣ праздновалось поклоненіе разуму, точно такія же торжества происходили въ Нанси и Рошфорѣ. Движеніе охватило затѣмъ Лилль, Буржъ, Марсель, Монпелье, Тулузу, Бордо, Блуа, Нантъ, Брестъ, Руанъ и др. Культъ разума повсюду вводился конвентскими коммиссарами и мало по малу становился одной изъ формъ террора. Онъ то носилъ отпечатокъ неопредѣленной холодной сантиментальности въ духѣ Ж.-Ж. Руссо, какъ это было въ Нанси и Шартрѣ, то сопровождался насиліями (въ Жерѣ и Ло) и кощунственнымъ оскверненіемъ святыни (въ Кемперѣ). Церкви были повсюду обращены въ храмы разума или склады для фуража. Колокольни, «вышина которыхъ сравнительно съ остальными зданіями, повидимому, противорѣчитъ равенству», сломаны, мощи и служебники сожжены, священные предметы, чаши и потиры сплавлены; въ Перпиньянѣ сжигаютъ «сто центнеровъ святыхъ обоего пола»; въ соборѣ парижской Богоматери ихъ задѣлываютъ досками. Въ силу особаго декрета (23 брюмера), муниципалитеты вводятъ «регистры» для лицъ, желающихъ снять съ себя священническій санъ. То-же самое приходилось дѣлать самому конвенту, вынося подчасъ позорные маскарады, напр. 30 брюмера. Каждый день въ парижскую коммуну являлись различныя секціи заявить, что онѣ отрекаются отъ католицизма и въ своихъ бывшихъ церквахъ устраиваютъ поклоненіе разуму: однѣ изъ нихъ, напримѣръ секція Вильгельма Телля, относились къ дѣлу совершенно серьезно и занимались собесѣдованіями на философскія и политическія темы; другія только пользовались удобнымъ случаемъ, чтобы повеселиться на народныхъ банкетахъ (секція св. Евстафія) или балахъ (секція св. Жервезы).

5 фримера Шометъ провелъ въ коммунѣ слѣдующее постановленіе: 1) «всѣ церкви и храмы всякихъ религій и культовъ, какіе только есть въ Парижѣ, немедленно закрываются; 2) всѣ священники или служители какихъ бы то ни было вѣроисповѣданій будутъ считаться лично и индивидуально отвѣтственными за всѣ волненія или смуты, проистекающія изъ религіозныхъ воззрѣній; 3) всякій, кто потребуетъ открытія храма или церкви, будетъ задержанъ, какъ неблагонадежный», и т. д. Это постановленіе, тотчасъ-же приведенное въ исполненіе, является кульминаціоннымъ пунктомъ анти-христіанскаго движенія въ Парижѣ (Оларъ). Съ трудомъ можно было найти двѣ-три капеллы, находившихся въ распоряженіи міранъ, въ

которыхъ отправлялось богослуженіе конституціонными священниками. Но и эти оазисы совершенно исчезли въ февралѣ 1794 г.

Поклоненіе Высшему Существу.—Между тѣмъ въ лицѣ Робеспьера стала образовываться очень сильная оппозиція противъ торжествовавшихъ эбертистовъ. Его не удовлетворялъ культъ разума, онъ мечталъ о чемъ то другомъ, чтó дало бы ему возможность играть роль великаго первосвященника. Уже 1 фримера (24 ноября), т. е. послѣ двухъ недѣль молчанія, онъ произнесъ въ клубѣ якобинцевъ знаменитую рѣчь о религіозныхъ идеяхъ; онъ нападалъ въ ней на «людей, которые, подъ видомъ уничтоженія предразсудковъ, на самомъ дѣлѣ хотятъ ввести религію — не болѣе и не менѣе, какъ атеизма». 6 фримера, когда какой-то женатый священникъ вздумалъ представлять конвенту свою жену и дѣтей, Дантонъ, еще не разошедшійся съ Робеспьеромъ, воскликнулъ: «я требую, чтобы въ конвентѣ не было больше антирелигіозныхъ демонстрацій». 16 фримера Робеспьеръ сдѣлалъ первый шагъ къ введенію культа Высшаго Существа: онъ провелъ декретъ о свободѣ вѣроисповѣданій.

Нужно, впрочемъ, особенно рѣзко подчеркнуть, что робеспьеровская реакція противъ культа разума — отнюдь не была сколько-нибудь благопріятна для католицизма. Черезъ два дня послѣ принятія декрета 16 фримера къ нему было сдѣлано слѣдующее добавленіе: «національный конвентъ никоимъ образомъ не предполагаетъ отмѣнять законовъ или мѣръ предосторожности, принятыхъ ради общественнаго спасенія противъ ослушныхъ и мятежныхъ священниковъ, а также противъ тѣхъ, которые подъ предлогомъ религіи хотятъ помѣшать дѣлу свободы; точно такъ-же онъ не имѣетъ въ виду измѣнять чего-бы то ни было, постановленнаго до настоящаго дня представителями народа». Дѣло было ясно; не могло быть и рѣчи о поворотѣ въ пользу христіанства. 9 нивоза конвентъ обязалъ и монахинь принести гражданскую присягу. 27 плувіоза онъ объявляетъ, что судебные приговоры противъ духовныхъ лицъ «будутъ приводиться въ исполненіе немедленно», что осужденные лишаются права приносить «апеляціонныя или кассаціонныя жалобы». На этомъ основаніи въ небольшой промежутокъ времени до 9 термидора было гильотинировано двѣнадцать священниковъ.

Всемогущій Робеспьеръ, по волѣ котораго былъ изданъ законъ 16 фримера, не сдѣлалъ ровно ничего, чтобы обезпечить обѣщанную свободу вѣроисповѣданій на практикѣ. Онъ всецѣло былъ поглощенъ укрѣпленіемъ своей диктатуры и устраненіемъ всѣхъ тѣхъ, кто шелъ противъ его желаній. Въ жерминалѣ онъ учиняетъ расправу надъ эбертистами и дантонистами. Затѣмъ устами Кутона возвѣщаетъ новую государственную религію, которая должна замѣнить культъ разума, и 18 флореаля (7 мая) проводитъ ее въ конвентѣ. Вся ея догматика сводилась къ слѣдующей статьѣ: «французскій народъ признаетъ существованіе Высшаго Существа и безсмертіе души». Морали посвящена тоже одна статья: «французскій народъ вмѣняетъ себѣ въ долгъ ненавидѣть недобросовѣстность и тиранію, карать деспотовъ и предателей, помогать несчастнымъ, уважать слабыхъ, защищать угнетенныхъ, дѣлать другимъ какъ можно больше добра и не быть несправедливымъ ни къ кому». Что касается самаго культа, то онъ состоитъ изъ двойного ряда празднествъ: одни, политическія, приходились на годовщины 14 іюля 1789 года, 10 августа 1792 г., 21 января и 31 мая 1793 года; другія, совпадавшія съ каждымъ «десятымъ» днемъ (ихъ было такимъ образомъ 36 въ году), посвящались Высшему Существу, природѣ, человѣческому роду, французской націи, благодѣтелямъ человѣчества и т. д. На всемъ этомъ лежитъ отпечатокъ «Савойскаго викарія»; въ Робеспьерѣ сказывается послѣдователь Руссо. Празднованіе Высшаго Существа было устроено необычайно торжественно и пышно; разработка церемоніи въ деталяхъ была возложена на знаменитаго художника Давида. Робеспьеръ, игравшій главную роль, держалъ себя такъ напыщенно и чванливо, что вызвалъ недобрыя чувства въ своихъ коллегахъ. Кто-то напомнилъ ему о Капитоліи и Тарпейской скалѣ. Черезъ пятьдесятъ дней всемогущаго диктатора не стало.

Но въ этотъ короткій промежутокъ времени новый культъ успѣлъ распространиться по провинціи. Вопреки всѣмъ усиліямъ своего автора, онъ принялъ въ раз-

личныхъ мѣстахъ противоположныя формы. Въ Ліонѣ и Мелюнѣ, напр., онъ явился чѣмъ-то вродѣ возврата къ христіанству. Въ другихъ мѣстностяхъ, напр., въ Неверѣ Безансонѣ, Гаврѣ, его смѣшивали съ поклоненіемъ разуму и усугубляли террористическія мѣры противъ представителей католицизма.

IV. Полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Свобода культовъ (3 вантоза III г.).— Паденіе Робеспьера не повлекло за собою немедленнаго улучшенія въ положеніи церкви. Не былъ отмѣненъ ни одинъ законъ, враждебный католицизму. Въ декабрѣ 1794 г. комитетъ общественнаго спасенія предписывалъ еще подлежащимъ властямъ «наблюдать за тѣми, кто подъ предлогомъ свободы вѣроисповѣданій захотѣлъ-бы возстановить дурацкую литургію духовенства». Между тѣмъ въ конвентъ поступало множество петицій, требовавшихъ этой свободы, «одного изъ священныхъ правъ человѣка», «самой драгоцѣнной и священной собственности». Собраніе не обращало на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ въ это время была нѣкоторая терпимость по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ. Грегуаръ добился освобожденія 228 священниковъ, задержанныхъ въ Рошфорѣ на понтонахъ, а также 37 священниковъ и монаховъ, людей все престарѣлыхъ или больныхъ, которые содержались въ тюрьмѣ Ландерно (декабрь 1794 г.). Но когда тотъ-же самый Грегуаръ началъ въ конвентѣ свою большую рѣчь о свободѣ вѣроисповѣданій, которая была готова уже пять мѣсяцевъ, поднялся невообразимый шумъ: онъ вынужденъ былъ сойти съ трибуны, ничего не добившись (1-го нивоза III-го года).

Мысль о свободѣ совѣсти все-же прокладывала себѣ дорогу. Начиная съ января 1795 года, населеніе многихъ мѣстностей возобновило отправленіе богослуженія. Пять-шесть церквей было открыто въ департаментѣ Луары и Шера, гдѣ Грегуаръ вошелъ въ сношенія со своими викаріями. Ихъ примѣру послѣдовали провинціи центра, Ньевра, Маасъ, Эльзасъ. Не отстала и Бретань: 13 января двое представителей-коммиссаровъ Гено и Гермёръ провозгласили въ Лоріанѣ свободу вѣроисповѣданій «сообразно съ правами человѣка и съ закономъ». Двѣ недѣли спустя при громадномъ стеченіи народа была торжественно отслужена месса въ каѳедральномъ соборѣ въ Кемперѣ, затѣмъ въ Ваннѣ и Сенъ-Бріё.

Наконецъ, и конвентъ уступилъ давленію общественнаго мнѣнія, но уступилъ съ явнымъ неудовольствіемъ. 3 вантоза (21 февраля), выслушавъ докладъ кальвиниста Буасси д'Англа, крайне оскорбительный для всѣхъ культовъ, но, въ заключеніе, предлагавшій предоставить имъ свободу, собраніе постановило декретъ, составленный въ точныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ. «Нельзя препятствовать отправленію никакого культа, гласилъ онъ. Ни одному изъ нихъ республика не оказываетъ поддержки. Она не даетъ помѣщенія ни для богослуженія, ни для служителей церкви. Внѣ особо выбранныхъ съ этой цѣлью мѣстъ запрещается отправленіе какихъ-бы то ни было религіозныхъ церемоній. Въ публичныхъ мѣстахъ не можетъ быть выставленъ никакой внѣшній знакъ, присущій тому или иному культу. Никакая надпись не можетъ указывать предназначеннаго для него мѣста. Для призыва молящихся не можетъ быть употребленъ ни одинъ способъ, связанный съ гласностью. Ни коммуны, ни секціи коммунъ, въ качествѣ таковыхъ, т. е. отъ имени коллективныхъ цѣлыхъ, не могутъ ни пріобрѣтать, ни отдавать въ наемъ тѣхъ или иныхъ помѣщеній для отправленія культа». Такимъ образомъ, вводя свободу вѣроисповѣданій, этотъ декретъ подвергалъ ее ряду существенныхъ ограниченій и тягостныхъ стѣсненій: все должно было совершаться при закрытыхъ дверяхъ, ни одна церковь не была возвращена въ распоряженіе вѣрующихъ. Тѣмъ не менѣе

этотъ декретъ представлялъ изъ себя громадный шагъ впередъ: ни одна религія не была государственной и не имѣла преимуществъ сравнительно съ остальными, отмѣнялся гражданскій уставъ о духовенствѣ; поклоненіе разуму и культъ Верховнаго Существа теряли оффиціальный характеръ. Короче сказать, между церковью и государствомъ устанавливались отношенія, которыхъ не было ни при старомъ порядкѣ, ни во времена революціи: провозглашалось ихъ полное обособленіе, полная независимость другъ отъ друга.

Населеніе съ восторгомъ привѣтствовало эту мѣру. Откуда ни возьмись, явились безприсяжные священники: одни были выпущены изъ тюремъ или вернулись изъ изгнанія, другіе просто-такъ вышли изъ убѣжищъ, гдѣ имъ приходилось скрываться. Въ Бретани, Нормандіи, на югѣ (въ Арьежѣ, Аверонѣ, Лозерѣ) и, въ особенности, на востокѣ (въ Эльзасѣ и Франшъ-Контэ) они съ поразительной энергіей возстановляли католическое богослуженіе.

Въ одномъ лишь департаментѣ Дубъ ихъ насчитывали до 400 человѣкъ, въ Парижѣ—300, въ діоцезѣ Рениа, по словамъ Ле-Коза,—не менѣе 200. Въ ожиданіи лучшихъ временъ, они служили обѣдни въ ригахъ, частныхъ домахъ или заброшенныхъ часовняхъ. Каждый изъ нихъ становился центромъ особаго, вновь образовавшагося прихода.

Бывшая конституціонная церковь и законъ 11 преріаля.—Не дремали и бывшіе конституціонные епископы. По иниціативѣ присяжнаго священника изъ департамента Сены и Уазы, аббата Клемана, и, очевидно, подъ вліяніемъ Грегуара, пятеро изъ нихъ собралось въ Парижѣ, чтобы рѣшить вопросъ о преобразованіи конституціонной церкви. Декретъ 3 вантоза, отмѣнившій гражданскій уставъ о духовенствѣ, который и морально, и юридически лежалъ въ основѣ ихъ существованія, не далъ имъ полнаго удовлетворенія. Аббатъ Одрэнъ, членъ конвента, находилъ, что онъ «ставитъ въ слишкомъ благопріятное положеніе безприсяжныхъ, которые проповѣдуютъ роялизмъ, и слишкомъ мало покровительствуетъ республиканскимъ священникамъ», отказываясь возвратить имъ церкви. Ле-Козъ высказывалъ сожалѣніе, что между ними «и республикой нѣтъ никакой связи».—Вмѣсто того, чтобы воспользоваться отмѣной гражданскаго устава, возстановить общеніе съ св. престоломъ и рука-объ-руку съ собратьями, никогда не измѣнявшими своему долгу, работать надъ возстановленіемъ католицизма, Грегуаръ и его приверженцы дѣлаютъ попытку реформировать бывшую конституціонную церковь, скомпрометтированную браками и отреченіями священниковъ.

Чтобы поставить ее на должную высоту, нужно было возстановить поколебленную дисциплину, «очистить» личный составъ присяжнаго духовенства и добиться со стороны государственной власти оффиціальнаго признанія своихъ правъ Грегуаръ и «собравшіеся» (reunis), какъ прозвали тогда его епископовъ-единомышленниковъ, дѣятельно работали надъ этой задачей. Они обратились съ «энцикликой» къ своимъ бывшимъ сотоварищамъ. Сурово осуждая вѣроотступничество и кощунство, они устраняли изъ числа духовныхъ всѣхъ пастырей, отрекшихся отъ сана или вступившихъ въ бракъ, хотя-бы они затѣмъ и выразили раскаяніе. Чтобы замѣстить ихъ новыми лицами, энциклика проектировала систему выборовъ на подобіе тѣхъ, которые были введены гражданскимъ уставомъ о духовенствѣ,—актомъ незабвеннымъ и незамѣнимымъ для конституціоннаго духовенства. Въ то-же время «Временникъ Религіи» (Annales de la Religion), органъ, основанный и редактированный «собравшимися» епископами, требовалъ пересмотра декрета 3 вантоза и ежедневно нападалъ на «ослушныхъ» (выраженіе, потерявшее всякій смыслъ къ этому времени) съ такой язвительностью, которая производила непріятное впечатлѣніе даже на нѣкоторыхъ конституціонныхъ священниковъ (апрѣль 1795 г.). Сермэ (изъ Тулузы) писалъ Грегуару: «духъ партійности никогда не приведетъ къ примиренію». Тридцать епископовъ откликнулось на энциклику и примкнули къ «собравшимся». Изъ остальныхъ пятидесяти, двадцать умерло, восемь женилось, двѣнадцать отреклись во время террора или, подобно Сегэну, безъ дальнѣйшихъ околичностей прекратили исполненіе своихъ обязанностей. Десять послѣднихъ, въ томъ числѣ Героденъ и Сермэ, отказались отъ присоединенія, считая затѣю «собравшихся» совершенно непрактичной. «Во время революціи, пи-

салъ Сермэ 15 апрѣля, изъ ста католиковъ въ Тулузѣ, по меньшей мѣрѣ, шестьдесятъ безъ малѣйшихъ колебаній поворачивали спину конституціоннымъ епископамъ и священникамъ; въ настоящее время изъ сорока остальныхъ такъ поступятъ самое меньшее двадцать пять.... Что-бы ни говорили, безъ содѣйствія папы у насъ не будетъ внутренняго мира». Лишь у очень немногихъ «конституціонныхъ» хватало чистосердечія, чтобы признать эту истину.

Политика конституціонныхъ епископовъ принесла свои плоды. 11 преріаля, по докладу Ланжюинэ, одного изъ авторовъ гражданскаго устава, конвентъ пересмотрѣлъ свой декретъ отъ 3 вантоза и доставилъ конституціоннымъ двоякое удовлетвореніе: еще не отчужденныя церкви были временно переданы коммунамъ, «какъ для устройства собраній, предписанныхъ закономъ, такъ и для отправленія ихъ культовъ». Зато «никто не имѣетъ возможности исполнять въ этихъ зданіяхъ обязанности служителя алтаря, если не заявитъ передъ мѣстнымъ муниципалитетомъ о подчиненіи законамъ республики». Это была новая присяга, которой конвентъ хотѣлъ «привязать священниковъ къ республикѣ», но, въ отличіе отъ клятвы 1790 года, въ ней не было ничего противнаго каноническимъ правиламъ. Благодаря этому, изъ декрета 11 преріаля извлекло пользу отнюдь не одно только конституціонное духовенство. По совѣту Эмери, священника въ церкви св. Сульпиція, очень многіе изъ «безприсяжныхъ» исполнили на этотъ разъ требованіе закона. Тѣ же, которые скорѣе изъ политическихъ, чѣмъ изъ религіозныхъ соображеній отказались отъ этого шага, должны были прекратить свое служеніе или дѣйствовать попрежнему—тайно.

Въ сентябрѣ положеніе еще болѣе обострилось: конвентъ сдѣлалъ распоряженіе о вѣчномъ изгнаніи священниковъ, вернувшихся изъ ссылки, и заключеніи подъ стражу тѣхъ, кто, не принимая присяги на подчиненіе законамъ, сталъ-бы «отправлять какое-бы то ни было богослуженіе въ общественныхъ зданіяхъ или частныхъ домахъ». Отказавшіеся отъ уже принятой присяги точно такъ-же должны были подвергнуться изгнанію (декреты 20 фруктидора III года и 7 вандемьера IV года). Послѣ роялистскаго заговора 13 вандемьера, къ которому члены конституціонной церкви постарались приплести «ослушныхъ» *), конвентъ передъ самымъ своимъ распущеніемъ постановилъ возстановить дѣйствіе всѣхъ законовъ 1792 — 3 гг., изданныхъ противъ безприсяжныхъ священниковъ (3 брюмера IV года). Несмотря на грозное возрожденіе якобинизма, церкви, перешедшія въ распоряженіе коммунъ, открылись почти повсюду. Въ началѣ 1796 г., если вѣрить Грегуару, богослуженіе регулярно совершалось болѣе, чѣмъ въ 32.000 храмахъ; «почти всѣ священники въ нихъ, прибавляетъ онъ, принадлежали къ числу *присяжныхъ*». Подъ этимъ выраженіемъ отнюдь нельзя разумѣть одно только конституціонное духовенство; его общая численность, если даже взять наиболѣе благопріятныя данныя, едва достигала 10.000 священниковъ, зачастую не имѣвшихъ епископовъ. Очевидно, если только мы не отвергнемъ указанія Грегуара, слѣдуетъ включить сюда, по меньшей мѣрѣ, 22.000 такихъ, которые въ свое время не хотѣли примириться съ гражданскимъ уставомъ о духовенствѣ, но затѣмъ приняли присягу въ той формѣ, какую требовалъ декретъ 11-го преріаля.

Новое преслѣдованіе при директоріи.— Законъ 3 брюмера вполнѣ согласовался со взглядами директоріи, и она неусыпно слѣдила за его строгимъ примѣненіемъ. Въ первые мѣсяцы 1796 года многіе священники были подвергнуты заключенію, сосланы и даже разстрѣляны летучими колоннами. Выборы V года, отнюдь не благопріятные террористамъ, и недружелюбное настроеніе населенія заставили ее однако сознать свое безсиліе и закрыть глаза на растущее движеніе.

Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ затишья вернулись безприсяжные священники. 19 мая 1797 г. Руа, викарій Дубскаго епископа, писалъ своему принципалу: «Вы не отдаете себѣ яснаго отчета въ нашемъ положеніи. Въ глазахъ большинства нашихъ согражданъ мы никуда не годны; вопросъ объ отнятіи у насъ церквей и предоставленіи ихъ диссидентамъ считается окончательно рѣшеннымъ. Эти послѣдніе открыто отправляютъ богослуженіе во всѣхъ концахъ города, не помышляя даже о подчиненіи... Изъ десяти коммунъ едва-ли въ одной можно найти священ-

*) См. письмо Грегуара отъ 16 вандемьера.

ника, подчиняющагося законамъ. Бывшіе кюре вернулись въ свои приходы и готовятъ намъ возмущеніе съ вѣдома и даже при дѣятельномъ участіи законныхъ властей». 17 іюня Камилль Жорданъ предлагаетъ уничтожить присягу о подчиненіи, предписанную декретомъ 11-го преріаля. Предложеніе было отвергнуто, но черезъ нѣсколько дней многіе представители требуютъ отмѣны всѣхъ законовъ противъ безприсяжныхъ священниковъ. Послѣ доклада Дюбрюеля большинство, «сгарая отъ нетерпѣнія уступить общему желанію и требованію гуманности», даетъ свое согласіе 7 фруктидора. 18-го фруктидора директорія производитъ государственный переворотъ, въ свою очередь уничтожаетъ законъ 7 фруктидора и замѣняетъ присягу о подчиненіи законамъ клятвой въ ненависти къ королевской власти. Папа Пій VI осуждаетъ это требованіе.

Началось новое преслѣдованіе, длившееся около двухъ лѣтъ и напоминавшее времена террора. Священники, эмигрировавшіе въ силу декрета отъ 26 августа 1792 г., были приравнены къ эмигрантамъ добровольнымъ, осужденнымъ къ смертной казни въ военныхъ коммиссіяхъ и разстрѣлляннымъ... Было запрещено праздновать воскресенье и предписано справлять «десятый» день республиканскаго календаря. Попрежнему не допускались благовѣстъ и ношеніе духовной одежды. Малѣйшее нарушеніе влекло за собою ссылку; 260 священниковъ было отправлено въ Гвіану; половина изъ нихъ погибла. 1200 были заключены на островахъ Рэ и Олерона, не считая тѣхъ, которые были задержаны въ департаментскихъ тюрьмахъ или добровольно отправлялись въ изгнаніе и мѣста прежней ссылки. Выше мы прослѣдили отношенія между директоріей и папой, видѣли, какъ она содѣйствовала учрежденію римской республики, какъ Пія VI, арестованнаго въ Римѣ, возили по страшному холоду въ Сіену, затѣмъ во Флоренцію и Валенсъ, гдѣ онъ и умеръ 81 года отъ роду, 29 августа 1799 г.

Національный соборъ конституціонной церкви 1797 года.—При такихъ условіяхъ свобода вѣроисповѣданій была пустымъ звукомъ. Нужно однако замѣтить, что гоненіе было направлено почти исключительно противъ безприсяжныхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ распространялось на представителей конституціоннаго духовенства. Это духовенство созвало теперь «національный соборъ» изъ двадцати семи епископовъ и сорока шести священниковъ, засѣдавшій въ церкви Парижской Богоматери подъ предсѣдательствомъ Ле-Коза, митрополита Иль-Виленскаго округа. Послѣ 18 фруктидора «отцы» собора приняли присягу на вражду къ королевской власти; хотя директорія слѣдила за ними посредствомъ своихъ агентовъ, однако она не считала нужнымъ вмѣшиваться въ ихъ «дѣянія» и предоставила имъ полную свободу. Соборъ былъ открытъ 15 августа и продолжался до ноября. Между его постановленіями слѣдуетъ отмѣтить декретъ объ *умиротвореніи*, долженствовавшій привести къ возсоединенію «диссидентовъ» (все еще не хотѣвшихъ нарушить бревіаріевъ 1791 года) и подготовить возрожденіе конституціонной церкви, которая не имѣла новыхъ адептовъ и не въ силахъ была заполнить образовавшіеся пробѣлы въ своемъ личномъ составѣ. Въ 1798 году въ очень различной формѣ былъ произведенъ рядъ выборовъ, имѣвшихъ цѣлью назначеніе епископовъ для сорока шести «вдовствующихъ» церквей. Пятнадцать мѣстъ такъ и остались вакантными. Конституціонная церковь разлагалась.

Теофилантропы.—Наряду съ церковью, созданной гражданскимъ уставомъ, въ 1796 году выдвинулась деистическая секта такъ-называемыхъ теофилантроповъ, къ которой принадлежали Редереръ и бывшій жирондистъ, членъ директоріи Ла-Ревельеръ-Лепо, игравшій въ ней роль главнаго священника. Среди остальныхъ ея приверженцевъ было много женатыхъ священниковъ, бывшихъ клубныхъ ораторовъ и т. д. Построенная на любви къ Богу и людямъ, теофилантропія была однимъ изъ видовъ естественной религіи; весь ея культъ исчерпывался собраніями, на которыхъ говорили рѣчи о нравственности и величіи творенія. Благодаря содѣйствію Ла-Ревельера-Лепо, новая секта пользовалась благосклонностью директоріи и, подобно культу разума, превратилась въ орудіе борьбы противъ католицизма. Въ февралѣ 1798 года Ла-Ревельеръ предоставилъ въ ея распоряженіе соборъ Парижской Богоматери. «*Католическое общество*», владѣвшее имъ съ 15 августа 1795 года,

должно было удалиться въ одинъ изъ придѣловъ и уступить теофилантропамъ всю срединную часть церкви и хоры. Точно такимъ-же образомъ были заняты нѣсколько другихъ столичныхъ церквей. Что касается провинціи, куда разсылались «руководства» новаго ученія, то ему удалось пустить корни лишь въ очень немногихъ мѣстахъ. Встрѣчая въ большинствѣ случаевъ равнодушіе и сарказмы, оно послужило даже однимъ изъ поводовъ для нападокъ на директорію. 30 преріаля VII г. (18 іюня 1799 г.) совѣты обвинили Ла-Ревельера-Лепо въ «насилованіи свободы совѣсти» ради интересовъ теофилантропіи и вынудили его выйти въ отставку. Это былъ смертельный ударъ для секты: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ея уже не существовало.

Послѣ 30 преріаля новая директорія съ Сійесомъ во главѣ значительно смягчила преслѣдованіе противъ католической церкви и духовенства, но не прекратила его совершенно. Эта честь принадлежитъ генералу Бонапарту.

Глава XI.

УЧЕБНЫЯ И УЧЕНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВРЕМЕНЪ РЕВОЛЮЦІИ.

(1789—1799).

I. Общіе планы обученія.

Наказы. Учредительное собраніе. Талейранъ.—Передъ 1789 годомъ чувствовалась настоятельная потребность не въ однѣхъ только соціальныхъ и политическихъ реформахъ, но также въ преобразованіи системы народнаго просвѣщенія, страдавшей огромными пробѣлами и въ высшей степени тяжкими внутренними недугами. Въ 1763 году Ла-Шалотэ издалъ «*Опытъ по національному образованію*»; въ 1768 году президентъ Роланъ представилъ парижскому парламенту «*отчетъ*» съ цѣлой программой общественнаго просвѣщенія. Въ «Запискѣ о муниципалитетахъ» Тюрго, обращаясь къ Людовику XVI, говорилъ: «первымъ и самымъ важнымъ изъ всѣхъ учрежденій, которыя я считаю необходимыми, и притомъ такимъ, которое можетъ обезсмертить царствованіе Вашего Величества и оказать наибольшее вліяніе на всѣ стороны жизни Вашего королевства, было-бы созданіе совѣта по національному образованію, который руководилъ бы и академіями, и университетами, и коллежами, и народными училищами». Идея подчиненія всего общественнаго обученія главенству государства получила въ странѣ чрезвычайно широкое распространеніе. Очень многіе наказы 1789 года, какъ дворянства и духовенства, такъ и третьяго сословія, заводили рѣчь о «планѣ національнаго образованія». Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, составленные отъ имени Парижа и Блуа, шли еще дальше и требовали, чтобы просвѣщеніе «было распространено на всѣ классы гражданъ». На пестромъ фонѣ отдѣльныхъ пожеланій явственно выступали двѣ руководящихъ идеи: 1) организація цѣлой системы національнаго образованія и воспитанія, охватывающей всѣ классы и оба пола; 2) созданіе просвѣтительнаго вѣдомства, находящагося подъ надзоромъ государства, съ особымъ центральнымъ органомъ, который долженъ былъ-бы наблюдать за единообразнымъ примѣненіемъ общаго плана. Правда, авторы наказовъ не сумѣли выдвинуть мѣткую формулу Дантона, сказавшаго, что «послѣ хлѣба просвѣщеніе—самая насущная потребность народа», но во всѣхъ трехъ сословіяхъ было ясное сознаніе того, какое громадное значеніе имѣетъ этотъ вопросъ для государства, стремящагося произвести коренныя перемѣны съ нижней ступени общественной лѣстницы до верхней, во всѣхъ своихъ—соціальныхъ и политическихъ—учрежденіяхъ.

Тѣмъ не менѣе учредительное собраніе, измѣняя всю финансовую систему и уничтожая всякаго рода привилегіи, которыми поддерживалось существованіе большинства учебныхъ учрежденій, только разрушало, но въ общемъ ничего не создало взамѣнъ прежняго. Стоитъ также отмѣтить, что среди многочисленныхъ комитетовъ конституанты не было ни одного, спеціально занимавшагося вопросами просвѣщенія. Они выпали—такъ сказать, сверхъ смѣты—на долю конституціоннаго комитета, труды котораго привели къ очень просто-

му, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени важному постановленію, включенному въ I титулъ конституціи 1791 года: «будетъ создано и организовано публичное обученіе, доступное всѣмъ гражданамъ, безплатное въ тѣхъ частяхъ, которыя необходимы всякому и каждому; просвѣтительныя учрежденія будутъ распредѣлены соотвѣтственно своему значенію и дѣленію королевства».

Такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ въ принципѣ. Но объ его осуществленіи на практикѣ и методахъ въ обществѣ говорилось гораздо больше, чѣмъ въ самой конституантѣ. Каждый новаторъ считалъ своимъ долгомъ подѣлиться съ нею своими предположеніями; въ концѣ концовъ ее совершенно завалили массой записокъ и проектовъ *). 13 октября 1790 года собраніе поручило конституціонному комитету представить ей общій докладъ по народному образованію; трудъ этотъ былъ возложенъ на Талейрана и законченъ только къ сентябрю 1791 года. Конституанта не могла разсмотрѣть его, за отсутствіемъ времени (дѣло было наканунѣ ея распущенія), и передала его своей преемницѣ — легислативѣ.

Хотя докладъ Талейрана не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на законъ и даже не подвергся обсужденію въ законодательномъ собраніи, — комитетъ публичнаго обученія, выбранный этимъ собраніемъ, съ самаго начала своей дѣятельности устранилъ его отъ разсмотрѣнія, — тѣмъ не менѣе онъ представляетъ громадный интересъ, какъ удачное отраженіе идей того времени, и заслуживаетъ особеннаго вниманія съ нашей стороны. Вотъ его основныя положенія.

Образованіе должно существовать для всѣхъ, ни для кого не будучи обязательнымъ; право преподаванія не можетъ сдѣлаться ни чьей привилегіей, ни монополіей кого бы то ни было. Общество обязано сдѣлать начальное образованіе доступнымъ для всякаго и каждаго, а потому и «вполнѣ безплатнымъ». Стипендіи должны помочь ученику низшихъ школъ, проявившему «необыкновенныя способности», дойти до высшаго учебнаго заведенія. Школы образуютъ изъ себя лѣстницу, вполнѣ сходную съ административной іерархіей: *начальная школа* находится въ центрѣ каждаго кантона; *дистриктная школа* даетъ среднее образованіе; *департаментскія школы*, подраздѣляющіяся на школы богословія, медицины, права и военнаго искусства и расположенныя во всѣхъ главныхъ городахъ департаментовъ, «подготовляютъ юношество къ несенію общественныхъ обязанностей». Во главѣ всей системы стоитъ «Національный институтъ», находящійся въ Парижѣ: «онъ все объединяетъ и все усовершенствуетъ», въ одно и то-же время является собраніемъ академій и высшимъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, замѣняетъ университеты и охватываетъ всѣ до сихъ поръ существовавшія установленія. Высшее управленіе принадлежитъ шести коммиссарамъ, которыхъ назначаетъ король.

Послѣ распущенія учредительнаго собранія Кабанисъ издалъ, подъ названіемъ «Труда по общественному воспитанію», четыре рѣчи, будто-бы принадлежащія Мирабо *). Мы не будемъ останавливаться на нихъ особенно подробно, такъ какъ онѣ написаны не Мирабо, а сами по себѣ не представляютъ большого интереса. Авторъ, быть можетъ, — самъ Кабанисъ, признаетъ необходимость обученія, но отвергаетъ принципъ его обязательности и безплатности. По его мнѣнію, не центральная государственная власть, а департаментская администрація должна завѣдывать школьными учрежденіями. Въ этомъ сказалось увлеченіе идей децентрализаціи, которое погубило-бы Францію, еслибы не натолкнулось на энергическое противодѣйствіе членовъ конвента. Стоитъ также отмѣтить, что, по примѣру Талейрана, авторъ «Рѣчей» предлагалъ устроить въ Парижѣ, подъ названіемъ «Лицея», своего рода энциклопедическую школу, которая-бы обнимала всѣ отрасли человѣческаго знанія.

Комитеты общественнаго обученія при законодательномъ собраніи и конвентѣ.— Въ отличіе отъ конституанты, законодательное собраніе и конвентъ назначили особые комитеты общественнаго обученія, проявившіе громадную энергію или, по крайней мѣрѣ, работавшіе чрезвычайно усерд-

*) Ихъ перечень можно найти у Гильома въ «Procès-verbaux du comité d'instruction publique de l'Assemblée législative», собраніе неизданныхъ документовъ, стр. V и слѣд.

*) Смотр. въ «Dictionnaire de Pédagogie», ч. 1-я, статью «Мирабо», написанную Гильомомъ.

но. Каждый изъ этихъ комитетовъ состоялъ изъ двадцати четырехъ членовъ. Учреждая 14 декабря 1791 года комитетъ общественнаго обученія, оказавшійся девятнадцатымъ, законодательное собраніе отсрочило на шесть мѣсяцевъ «опредѣленіе времени и способа для его обновленія». Фактически его личный составъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ втеченіе всего существованія легислативы. Въ этомъ комитетѣ участвовали Ласепедъ, Кондорсэ, Роммъ, Пасторэ, Карно, Пріёръ (отъ Котъ д'Оръ), Жанъ де-Бри, Арбогастъ, Катрмеръ и друг. Съ 30 октября 1791 г. по 22 августа 1792 года онъ засѣдалъ 107 разъ.

2 октября 1792 года, черезъ двѣнадцать дней послѣ своего открытія, конвентъ назначилъ свой комитетъ общественнаго обученія, который долженъ былъ обновляться на половину каждые два мѣсяца. Впослѣдствіи рѣшено ежемѣсячно мѣнять весь его личный составъ. Чаще всего бывало, что полномочія членовъ комитета продолжались на новый срокъ, и только такіе перевороты, какъ 2 іюня 1793 года и 9 термидора, вносили въ него свѣжія струи: сначала въ немъ фигурировали Пріёръ (отъ Котъ д'Оръ), Арбогастъ, Шенье, Роммъ, Давидъ, Леонаръ Бурдонъ; затѣмъ— Кондорсэ, Сійесъ, Лаканаль, Дону, Грегуаръ, Фуркруа и друг.

Въ іюлѣ 1793 года конвентъ, котораго не удовлетворяли проекты, представленные комитетомъ, избралъ, по предложенію Робеспьера, *комиссію общественнаго обученія*, состоявшую изъ шести коммиссаровъ. Она просуществовала три мѣсяца (съ 6 іюля по 6 октября) и втеченіе этого времени замѣняла комитетъ, съ которымъ слилась впослѣдствіи для подготовки и представленія плана національнаго воспитанія. Этотъ комитетъ не менѣе ревностно относился къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ предыдущій: съ 15 октября 1792 года по 20 ноября 1793 г. онъ засѣдалъ, по меньшей мѣрѣ, 156 разъ. Что касается конвента, то 21 января 1793 г., т. е. въ день казни Людовика XVI, онъ постановилъ, что «финансы, война и организація общественнаго обученія должны постоянно считаться очередными дѣлами». Нѣсколько разъ онъ постановлялъ, что всѣ четверги должны быть посвящены обсужденію вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ народному образованію. Былъ даже моментъ, и именно августъ 1793 года, когда конвентъ постановилъ «прекратить разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей этого важнаго предмета и каждый день обсуждать весь планъ общественнаго обученія цѣликомъ». Но множество опасностей, съ которыми приходилось бороться, и неотложныхъ нуждъ, которыя требовали немедленнаго удовлетворенія, помѣшали конвенту исполнить свои собственные декреты. Съ другой стороны, необыкновенная неустойчивость въ рѣшеніяхъ и поразительная легкость, съ которой то, что вчера было принято съ восторгомъ, сегодня отмѣнялось безъ всякаго протеста, страшно затягивало и затрудняло дѣло организаціи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ непредвидѣнныхъ поворотовъ: общій планъ, составленный Лепелетье и Сенъ-Фаржо, былъ вотированъ 13 августа 1793 года и отмѣненъ 20 октября; *петиція парижскаго департамента*, представленная 15 сентября 1793 года, была въ то же самое засѣданіе обращена въ рядъ декретовъ, но на другой день конвентъ пріостановилъ ихъ осуществленіе; та же участь постигла декреты о начальномъ образованіи, которые были проведены Роммомъ съ 21 по 31 октября 1793 г., и затѣмъ, 5 ноября, были подвергнуты пересмотру по предложенію Шенье.

Общіе планы; Кондорсэ.—Конвенту былъ представленъ цѣлый рядъ общихъ плановъ. Самыми замѣчательными были тѣ, которые два раза долженъ былъ передѣлывать Роммъ и которые онъ представилъ собранію въ засѣданіяхъ 20 декабря 1792 г. и 1 октября 1793 года. Но вдохновлявшія его идеи, которыя были восприняты также авторами «*петиціи парижскаго департамента*», а впослѣдствіи Лаканалемъ, въ дѣйствительности принадлежали главнымъ образомъ Кондорсэ и были изложены имъ въ замѣчательномъ докладѣ 20 апрѣля 1792 года. Это былъ самый полный и наиболѣе продуманный планъ. Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ отклоненій въ ту и другую сторону, онъ былъ принятъ во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ. Для его осуществленія нужно было цѣлое столѣтіе, но и теперь Франція не исполнила еще всего того, что требовалъ Кондорсэ.

Докладъ его, представляющій очень зна-

чительный трудъ (въ изданіи Гильома онъ занимаетъ 58 страницъ in quarto), дѣлится на двѣ части. Первая, являющаяся докладомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, содержитъ изложеніе принциповъ, которые служили для Кондорсэ исходными пунктами для составленія проекта декрета изъ 9 титуловъ, образующаго какъ-бы вторую часть.

Кондорсэ прежде всего устанавливаетъ, что народное просвѣщеніе—самая важная обязанность общественной власти. Ближайшей цѣлью образованія должно быть «водвореніе фактическаго равенства между гражданами, реальное осуществленіе политическаго равенства, признаваемаго закономъ. Съ этой точки зрѣнія оно является для общественной власти долгомъ справедливости». Развивая «физическія, интеллектуальныя и моральныя силы каждаго поколѣнія», оно должно «содѣйствовать общему и послѣдовательному совершенствованію человѣческаго рода,—конечной цѣли, которую должно преслѣдовать всякое соціальное учрежденіе». «Обученіе должно быть всеобщимъ, равнымъ и, по возможности, полнымъ, изъ чего вытекаетъ безплатность его съ начала до самаго конца. Природныя дарованія не должны пропасть ни для тѣхъ, кто надѣленъ ими, ни для отечества. Обученіе должно охватывать, на всѣхъ ступеняхъ своихъ, всю систему человѣческихъ знаній и обезпечить людямъ возможность во всѣ возрасты сохранить полученныя свѣдѣнія и пріобрѣтать новыя». Наконецъ, «первымъ условіемъ всякаго обученія должно быть сообщеніе однѣхъ только истинъ; учрежденія, служащія просвѣщенію, должны быть, какъ можно болѣе, независимы отъ политической власти».

Обученіе, устроенное государствомъ, по возможности полное, общедоступное, вполнѣ безплатное, независимое отъ политической власти, служащее истинѣ: такова была въ главныхъ чертахъ благородная мечта Кондорсэ.

Онъ различалъ пять степеней образованія и, соотвѣтственно этому, вводилъ пять родовъ школъ, а именно: *начальныя школы, школы второго класса* (écoles secondaires), *институты, лицеи* и *національное общество наукъ и искусствъ*.

Начальныя школы дожны быть открыты въ каждомъ селѣ, число жителей котораго пре ышаетъ 400, и въ каждой деревушкѣ, расположенной болѣе чѣмъ за двѣ версты отъ села съ 400 жителей. Въ каждомъ дистриктѣ или городѣ съ населеніемъ въ 4000 должна быть школа второго класса, соотвѣтствующая нашимъ народнымъ училищамъ съ распространеннымъ курсомъ (écoles primaires supérieures). Сто десять институтовъ — нынѣшнихъ лицеевъ или коллежей—должны быть расположены съ разсчетомъ, чтобы на каждый департаментъ приходилось не меньше одного института. Лицеи — наши университетскіе факультеты—въ числѣ девяти «должны удержать въ провинціи значительное количество просвѣщенныхъ людей, которые легко могли-бы остаться въ Парижѣ, будь они вынуждены заканчивать тамъ свое образованіе». Нѣкоторые лицеи будутъ учреждены «вблизи границы, чтобы привлекать молодыхъ иностранцевъ», другіе—въ незначительныхъ городахъ, «гдѣ крупные интересы (общественной жизни) не заглушаютъ стремленія къ наукѣ», гдѣ юноши не могутъ подвергнуться «сильнымъ обольщеніямъ, множеству всевозможныхъ увлеченій и тратъ».

Національное общество наукъ и искусствъ должно наблюдать и управлять учебными заведеніями, заниматься «обогащеніемъ сокровищницы знаній новыми истинами, подготовлять новыя средства для ускоренія прогресса человѣчества, дѣлать открытія и изобрѣтенія». Оно распадается на четыре отдѣленія: математики; моральныхъ и политическихъ наукъ; прикладныхъ знаній; наконецъ, грамматики, словесности, изящныхъ искусствъ, исторіи науки («эрудиціи»).

Чтобы обезпечить независимость преподавательскаго персонала и обученія, которое «составляетъ какъ-бы часть правъ человѣческаго рода», кондорсэ отказываетъ государству въ назначеніи исполнителей своей программы. Члены «общества» сами избираютъ своихъ новыхъ сочленовъ и профессоровъ лицеевъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, назначаютъ преподавателей для институтовъ. «Что касается наставниковъ для начальныхъ школъ и училищъ второго класса, то списокъ избираемыхъ составляется учителями институтовъ даннаго округа, самый-же выборъ принадлежитъ муниципалитету (по отношенію къ школамъ второго класса) и собранію отцовъ (для начальныхъ школъ)».

Имѣя въ виду взрослыхъ, которые почему-либо не могли раньше научиться или желали-бы «сохранить и расширить» пріобрѣтенныя знанія, Кондорсэ возлагаетъ на преподавателей низшихъ и высшихъ школъ обязанность вести еженедѣльныя бесѣды. Кромѣ того, библіотеки, научныя коллекціи и лабораторіи, находящіяся при учебныхъ заведеніяхъ, должны быть открыты для публики.

Законодательное собраніе два раза выслушало докладъ, велѣло его напечатать, но такъ и не нашло времени для его обсужденія. Такимъ образомъ и это собраніе не сдѣлало ровно ничего для преобразованія системы народнаго просвѣщенія. Комитетъ общественнаго обученія, избранный конвентомъ, призналъ принципы Кондорсэ и принялъ основныя положенія его проекта. Конвентъ приказалъ напечатать его вторично, но, подобно легислативѣ, не удосужился разсмотрѣть его цѣликомъ. Торопясь покончить съ этимъ дѣломъ, какъ можно скорѣе, вырвали изъ доклада то, что относилось къ начальному обученію, и представили этотъ обрывокъ на разсмотрѣніе собранія. Завязалась борьба между единомышленниками Кондорсэ и тѣми, кто упрекалъ его за то, будто онъ создавалъ «внутри націи и на ея счетъ грозную корпорацію». Обсужденіе части заставило забыть о цѣломъ.

II. *Начальное и среднее образованіе.*

Когда, въ началѣ декабря 1792 года, комитетъ представилъ конвенту свой общій докладъ, тотчасъ-же было проведено различіе между начальнымъ и среднимъ образованіемъ: большинство соглашалось съ Рабо Сентъ-Этіенномъ, что на націи лежитъ «лишь косвенный долгъ представить населенію возможность научиться искусствамъ и наукамъ», но что она «абсолютно обязана распространить посредствомъ начальныхъ школъ ученіе о долгѣ гражданина». Лантенасъ представилъ 12 декабря 1792 г. докладъ о начальныхъ школахъ. Обсужденіе его продолжалось до 18 числа. Одинъ изъ ораторовъ, а именно Дюранъ - Майльянъ, провозгласилъ, что французы «оттого только такъ испорчены, что слишкомъ много знаютъ», и что «для того, чтобы быть счастливымъ, народу нужны не науки, а то, что ведетъ къ добродѣтели». Жирондистъ Дюкосъ потребовалъ свѣтскаго, обязательнаго и совмѣстнаго обученія. «Чтобы впослѣдствіи имѣть возможность занять общественныя должности, всѣ дѣти, каковы-бы ни были положенія или имущественныя средства ихъ родителей, обязательно должны втеченіе извѣстнаго промежутка времени посѣщать начальную школу». Въ этомъ онъ видѣлъ единственное средство для установленія «*святого равенства*» и сліянія «*граждань съ господами*». Мишель-Эдмъ Пти предложилъ, «прежде введенія начальныхъ школъ, заняться искорененіемъ нищенства». По его мнѣнію, школы должны существовать для богатыхъ, и только для богатыхъ. Маратъ, очевидно, раздѣлялъ этотъ взглядъ: грубо вмѣшавшись въ обсужденіе, онъ потребовалъ перехода къ «болѣе настоятельнымъ нуждамъ». Онъ увлекъ собраніе, которое прервало дебаты и ограничилось признаніемъ лишь принципа закона: «начальныя школы составятъ первую ступень образованія. Въ нихъ будутъ сообщаться лишь тѣ свѣдѣнія, которыя безусловно необходимы всѣмъ гражданамъ. Лица, на которыхъ будетъ возложено обученіе въ этихъ школахъ, будутъ называться *наставниками*». Такимъ образомъ были обойдены полнымъ молчаніемъ наиболѣе важныя стороны вопроса: не было сдѣлано никакихъ указаній ни на обязательность, ни на безплатность обученія.

Процессъ Людовика XVI, затѣмъ борьба между жирондистами и монтаньярами отодвинули на второй планъ вопросы просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе, ихъ считали настолько важными, что комитетъ общественнаго спасенія связывалъ ихъ съ дѣломъ *общей безопасности*,—едва черезъ мѣсяцъ послѣ своего учрежденія, въ самый разгаръ партійной борьбы замѣнилъ собою комитетъ обученія и 30 мая 1793 года

представилъ конвенту проектъ декрета, состоящій изъ пяти статей. Въ каждомъ центрѣ, число жителей котораго достигало 400 и не превышало 1500, вводилась школа съ еженедѣльными бесѣдами для взрослыхъ обоего пола. Собраніе тотчасъ-же выразило свое согласіе. Совершенно иной пріемъ ожидалъ «проектъ національнаго воспитанія», составленный Сійесомъ, Дону и Лаканалемъ и изложенный этимъ послѣднимъ отъ имени комитета общественнаго воспитанія 13 іюня 1793 года. Не говоря уже о томъ, что среднее и высшее образованіе было всецѣло предоставлено «частной предпріимчивости», онъ значительно сокращалъ самое число начальныхъ школъ, предполагая учреждать ихъ по одной на тысячу жителей. Если этотъ проектъ украшалъ наставника при исполненіи имъ своихъ обязанностей и во время національныхъ празднествъ медалью съ надписью: «*тотъ, кто учитъ,—второй отецъ*»; если онъ вводилъ сорокъ торжествъ, одно изъ которыхъ было посвящено «*животнымъ, спутникамъ человѣка*», а другое — «*усовершенствованію языка*»; если въ каждомъ кантонѣ онъ учреждалъ, по меньшей мѣрѣ, по одному театру, гдѣ можно было-бы упражняться въ военной гимнастикѣ, музыкѣ и танцахъ, — то все это отнюдь не могло восполнить его крупныхъ пробѣловъ и существенныхъ недостатковъ: онъ уничтожалъ курсы для взрослыхъ, упускалъ изъ виду принципы безплатности и обязательности. — Проектъ былъ отвергнутъ, и конвентъ, потерявъ терпѣніе, рѣшилъ покончить съ безконечными разсужденіями и провозглашеніемъ принциповъ— и такъ или иначе добиться практическихъ результатовъ. Съ этой цѣлью, по предложенію Робеспьера, собраніе, махнувъ рукой на комитетъ, поручило шести коммиссарамъ представить въ недѣльный срокъ проектъ декрета относительно общественнаго воспитанія и обученія. Съ той-же горячностью конвентъ сдѣлалъ рядъ слѣдующихъ шаговъ: былъ принятъ планъ національнаго воспитанія, найденный въ бумагахъ Лепелетье де-Сенъ-Фаржо и представленный Робеспьеромъ; главной особенностью его было учрежденіе «*домовъ равенства*», гдѣ всѣ дѣти отъ пяти до двѣнадцатилѣтняго возраста, безъ всякихъ различій и какихъ-бы то ни было исключеній, воспитывались на средства республики; далѣе, былъ одобренъ и обращенъ въ нѣсколько декретовъ текстъ петиціи парижскаго департамента, воспринявшей идеи Кондорсэ съ его іерархіей просвѣтительныхъ учрежденій; наконецъ была утверждена цѣлая серія декретовъ, выработанныхъ «коммиссіей шести» и представленныхъ Роммомъ 21 — 30 октября 1793 г.; все образованіе они цѣликомъ передавали въ руки государства. Какъ мы видѣли выше, ни одинъ изъ этихъ декретовъ не получилъ практическаго осуществленія.

Законъ 29 фримера II года (19 декабря 1793 г.).—По предложенію Шенье, послѣдніе декреты были подвергнуты пересмотру. Роммъ отъ имени комитета общественнаго обученія попросту представилъ сводный текстъ тѣхъ-же самыхъ декретовъ. Комитетъ общественнаго спасенія снова вмѣшался въ дѣло и противопоставилъ проекту Ромма планъ Букье, носившій совершенно иной характеръ. Борьба между сторонниками того и другого проекта длилась шесть дней. Дебаты начались 18 фримера (8 декабря) и окончились 29-го (19 декабря).

Тибодо напалъ на проектъ Ромма, какъ сколокъ съ плана Кондорсэ. Онъ протестовалъ противъ 80.000 наставниковъ и *набора 172.750 педагоговъ*, колоссальной корпораціи, члены которой «неминуемо станутъ произвольно распоряжаться нравами, вкусами, привычками, свободой и судьбами націи». Онъ предлагалъ «предоставить все благодѣтельному вліянію свободы, соревнованія и конкуренціи». «Принципъ невмѣшательства (laissez faire), прибавилъ Фуркруа, въ настоящемъ случаѣ въ высшей степени плодотворенъ; это единственный путь для достиженія наибольшаго успѣха». Собраніе, повидимому, было склонно отвергнуть обязательность, когда выступилъ Дантонъ, до тѣхъ поръ не принимавшій почти никакого участія въ преніяхъ по народному образованію. «Пора, сказалъ онъ, напомнить великій принципъ, о которомъ, повидимому, забываютъ: дѣти принадлежатъ прежде всего республикѣ, а затѣмъ ужъ—родителямъ». Его вмѣшательство повлекло за собой признаніе *обязательности*. Рѣшено было, что всѣ дѣти отъ шести до восьмилѣтняго возраста должны посѣщать школу. «Отцы, матери, попечители или опекуны», виновные въ неисполненіи этой обязанности, въ

первый разъ караются штрафомъ въ размѣрѣ одной четверти вносимыхъ ими прямыхъ налоговъ; повтореніе проступка влечетъ за собой удвоеніе штрафа, лишеніе правъ гражданина на десять лѣтъ и публикацію. Преподаваніе *«свободно»* для всякаго гражданина (или гражданки), запасшагося удостовѣреніемъ въ цивизмѣ и доброй нравственности. Обученіе *безплатно:* государство оплачиваетъ трудъ наставника по образованію одного ученика — 20 ливрами, а наставницы — 15 ливрами. Программа сведена къ чтенію, письму и начаткамъ ариѳметики.

Таково было содержаніе закона 29 фримера II года (19 декабря 1793 г.). Стоя во многихъ отношеніяхъ, особенно по программѣ, несравненно ниже многихъ предыдущихъ проектовъ, онъ все-же представлялъ изъ себя громадный шагъ впередъ, такъ какъ вводилъ принципы обязательности и безплатности обученія. Къ несчастью, они удержались очень недолго.

Законы 27 брюмера III-го года и 3 брюмера IV года. — Послѣ 9 термидора Лаканаль, войдя въ составъ комитета обученія и сдѣлавшись его предсѣдателемъ, предпринялъ пересмотръ проекта, представленнаго имъ въ іюнѣ 1793 года. Дѣло шло главнымъ образомъ объ обращеніи всѣхъ учителей въ государственныхъ чиновниковъ. Но законъ 27 брюмера III года (17 ноября 1794 г.), бывшій результатомъ усилій Лаканаля, внесъ цѣлый рядъ измѣненій въ систему начальнаго образованія. На каждую 1000 жителей должно было приходиться по школѣ. Всѣ учителя должны были назначаться и подвергаться контролю со стороны особаго жюри обученія (jury d'instruction), состоящаго изъ трехъ членовъ, которые назначались администраціей дистрикта изъ числа отцовъ семейства и получали жалованье по 1200 ливровъ. Принципъ безплатности былъ сохраненъ, но обязательность уничтожена. Зато программа была расширена: въ нее ввели «декларацію правъ человѣка и гражданина, первоначальныя понятія о республиканской морали, основы географіи и исторіи свободныхъ народовъ».

Въ скоромъ времени покончили и съ принципомъ безплатности.— Въ послѣдніе мѣсяцы конвентъ приступилъ къ пересмотру своихъ преобразованій, чему-то среднему между кодификаціей и реакціей. На *«коммиссію одиннадцати»* была возложена обязанность выработать органическіе законы. Между прочимъ, въ развитіе главы X конституціоннаго акта, она, по докладу Дону, составила общій законъ относительно общественнаго обученія, изданный 3 брюмера IV года (25 октября 1795 г.). Дону заявлялъ, что коммиссія слѣдовала идеямъ Талейрана и Кондорсэ, но была какъ нельзя болѣе далека отъ помышленій Робеспьера, который будто-бы «наложилъ (на законодательство о народномъ просвѣщеніи) печать своей безсмысленной тираніи, вырвавъ ребенка изъ рукъ отца». Такъ называли теперь обязательное обученіе! — «Мы руководились, прибавлялъ Дону, свободой домашняго воспитанія, свободой частныхъ учебныхъ заведеній. Мы признали также свободу методовъ преподаванія». Попросту сказать, частныя учрежденія изымались изъ контроля государства. I титулъ закона былъ посвященъ начальнымъ школамъ. Въ каждомъ кантонѣ учреждалась одна или нѣсколько школъ. Такимъ образомъ законодатель отступалъ отъ прежней минимальной нормы, а именно одной школы на каждую 1000 жителей! Учителя должны были экзаменоваться въ жюри обученія, назначались департаментской администраціей и не получали никакого жалованья. Имъ давали только помѣщеніе или квартирныя деньги. Съ каждаго изъ своихъ учениковъ они брали годовую плату за обученіе, размѣръ которой опредѣлялся департаментской администраціей. Такимъ образомъ была отмѣнена не только обязательность, но и безплатность образованія Такъ какъ нужно было сдѣлать что-нибудь и для бѣдныхъ, то муниципальной администраціи было предоставлено право освободить отъ взноса платы четвертую часть всѣхъ учениковъ «по причинѣ бѣдности». Во времена террора, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой великихъ благородныхъ мечтаній, и даже въ проектѣ, который былъ составленъ Сіейесомъ, Лаканалемъ и тѣмъ-же самымъ Дону, бѣдныхъ не унижали сравнительно съ богатыми, а называли «учениками отечества»! Что касается программы, то она была сужена до крайней степени: чтеніе, письмо, счетъ, основы республиканской морали — вотъ и все первоначальное обученіе!

Дополнительное постановленіе гласило, что каждая школа распадается на два отдѣ-

ленія: одно для мальчиковъ, другое—для дѣвочекъ. Это не было нововведеніемъ: всѣ предыдущіе планы предусматривали школы для дѣвочекъ съ учительницами во главѣ.

Среднее образованіе. Талейранъ и Кондорсэ.—Среднему образованію больше посчастливилось при старомъ порядкѣ, чѣмъ низшему и высшему. Въ различныхъ концахъ французской территоріи было учреждено довольно много коллежей. Хотя отмѣна привилегій лишила большинство ихъ источника существованія, однако многіе изъ нихъ попрежнему продолжали принимать и воспитывать учениковъ. Съ своей стороны революціонныя собранія приходили на помощь профессорамъ и запрещали продажу недвижимости, доходъ съ которой предназначался на образовательныя цѣли. Наконецъ, всѣ парижскіе коллежи получали систематическое пособіе вплоть до 1793 года.

Такая живучесть среднихъ учебныхъ заведеній до извѣстной степени объясняетъ, почему конвентъ прежде всего обратилъ вниманіе на организацію начальнаго обученія. Тѣмъ не менѣе, если среди депутатовъ были люди, склонные предоставить заботу о среднемъ образованіи частной иниціативѣ, то, съ другой стороны, всѣ наиболѣе замѣчательные планы, наприм. принадлежащіе Талейрану, Кондорсэ и его послѣдователю Ромму, возлагаютъ ее на государство. Талейранъ проектировалъ *дистриктныя школы*, Кондорсэ — *институты*.

Въ этихъ институтахъ должны были преподаваться «знанія, необходимыя для исполненія всѣхъ общественныхъ функцій, а также тѣ, которыя могутъ служить къ усовершенствованію промышленности». Они распадались на четыре различныхъ курса: математическія и физическія науки, моральныя и политическія науки, прикладныя знанія, литература и изящныя искусства. Это была настоящая революція: науки становились на мѣсто древнихъ языковъ, которые лежали въ основѣ преподаванія до 1789 года и которые Кондорсэ считалъ «скорѣе вредными, чѣмъ полезными». «Разъ человѣкъ не обладаетъ извѣстной степенью таланта, говоритъ онъ, любовь къ литературнымъ занятіямъ внушаетъ или жалкую спѣсь, или постыдную зависть къ недоступнымъ дарованіямъ». По его мнѣнію, наука не представляетъ такихъ неудобствъ. Ея изученіе, «хотя-бы элементарное, является вѣрнѣйшимъ способомъ для развитія интеллектуальныхъ способностей, умѣнья правильно разсуждать и анализовать свои мысли». Наука питаетъ «холодный разумъ», литературныя занятія возбуждаютъ «энтузіазмъ». Кондорсэ считаетъ ихъ «опасными». Нужно однако замѣтить, что различныя части программы, по взгляду Кондорсэ, должны были быть совершенно независимы другъ отъ друга, и каждый ученикъ воленъ былъ выбирать ту или иную группу предметовъ. Никому не навязывая изученіе наукъ, онъ ограничивался тѣмъ, что предоставлялъ ученикамъ этихъ разрядовъ бо́льшія облегченія и возможность бо́льшей спеціализаціи.

Лепелетье и авторы «петиціи парижскаго департамента» приняли планъ Кондорсэ. Двукратное постановленіе конвента объ организаціи средняго образованія осталось на бумагѣ, и въ 1795 году нужно было предпринять тотъ-же самый громадный трудъ съ самаго начала.

Центральныя школы.—Тотчасъ-же послѣ проведенія закона 27 брюмера III года, относительно начальнаго образованія, а именно 26 фримера, Лаканаль прочелъ отъ имени комитета общественнаго обученія докладъ и проектъ декрета о *центральныхъ школахъ*. Еще въ 1792 году это названіе было предложено жирондистомъ Банкалемъ. Начальныя училища, говорилъ Лаканаль, являются лишь преддверіемъ къ великому зданію, возведенія котораго съ нетерпѣніемъ ждали французы. «Для славы отечества, для прогресса человѣческаго рода, необходимо, чтобъ юные граждане, выдѣленные природой изъ ряда посредственностей, нашли подходящія условія для приложенія и развитія своихъ дарованій». Изъ этого слѣдуетъ, что существуетъ нужда въ новыхъ школахъ, которыя «занимали-бы *центральное* положеніе среди начальныхъ школъ каждаго департамента и были-бы такимъ образомъ доступны всѣмъ учащимся».

7 вантоза III года (25 февраля 1795 г.) конвентъ сдѣлалъ соотвѣтствующее постановленіе.

Центральныя школы были размѣщены по территоріи Франціи съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы на каждыя 300.000 жителей приходилась одна школа. Въ каждой изъ нихъ

должно было быть тринадцать профессоровъ. Программа заключала въ себѣ: математику, физику и химію, логику, анализъ чувствованій и идей, политическую экономію и законовѣдѣніе, философскую исторію народовъ, гигіену, искусства и ремесла, общую грамматику, литературу, древніе и новые языки, рисованіе. Въ каждой школѣ были стипендіаты, называвшіеся «учениками отечества». 5 школъ должно было быть открыто въ Парижѣ и 93—въ департаментахъ.

Общій законъ 3 брюмера IV года имѣлъ столь-же пагубное вліяніе на центральныя школы, какъ и на начальныя (см. выше). Въ каждомъ департаментѣ должна была быть только одна центральная школа. Число преподавателей въ каждой было уменьшено до десяти. Преподаваніе было разбито на три параллельныхъ, самостоятельныхъ отдѣленія съ различными курсами (т. е. вернулось къ идеямъ Кондорсэ). Профессоровъ экзаменовало и назначало особое департаментское жюри обученія, состоявшее изъ трехъ членовъ, по выбору комитета общественнаго обученія. «Ученики отечества», какъ и въ начальныхъ школахъ, были переименованы въ «бѣдныхъ».

Слѣдуетъ отмѣтить, что законъ опредѣлялъ лишь возрастъ для вступленія учениковъ въ то или иное отдѣленіе, но самый выборъ предоставлялъ на ихъ собственное, безконтрольное усмотрѣніе. Точно такъ-же профессора могли придерживаться той системы преподаванія, которую они считали наилучшей. Надъ центральными школами не было учреждено никакого общаго надзора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Парижѣ, Безансонѣ, Монпелье, Тулузѣ, эта полнѣйшая свобода преподаванія имѣла очень хорошіе результаты. Зато въ другихъ мѣстахъ центральныя школы влачили крайне жалкое существованіе, и большинство учениковъ перешло въ частныя учебныя заведенія, которыя, начиная съ 1795 года, стали открываться цѣлыми массами.

III. Высшее образованіе.

Основныя черты преобразованій.—Талейранъ предполагалъ давать высшее образованіе въ *департаментскихъ школахъ* и *національномъ институтѣ*. Кондорсэ проектировалъ *лицеи* и *національное общество наукъ*. Изъ лицеевъ, гдѣ всѣ науки должны были проходиться «въ полномъ объемѣ», должны были выходить ученые и профессора. Выше всего должно было стоять *національное общество*, работающее «надъ общимъ усовершенствованіемъ человѣческаго разума, надъ обогащеніемъ новыми истинами сокровищницы пріобрѣтенныхъ знаній».

Ни одна часть плана Кондорсэ не вызывала столь яростной полемики; противъ нея возстали люди совершенно различнаго умственнаго склада, но сдѣланныя ими возраженія были одинаково слабы и несущественны. Сіесъ и Дону, которые впослѣдствіи, въ 1795 году, воспользовались идеей *національнаго общества* для созданія *института*, боролись противъ нея въ 1793 году, приводя аргументы вродѣ того, что если осуществить остальную часть проекта, то будетъ учреждено цѣлое «управленіе прогрессомъ человѣческаго духа, антреприза для усовершенствованія человѣческаго разума». Фабръ д'Эглантинъ и Камбонъ находили, что такимъ образомъ «будутъ воскрешены академіи подъ новымъ названіемъ», а также, будто Кондорсэ «хочетъ создать новую аристократію—ученыхъ». Тщетны были указанія Базира, что «только высшее образованіе можетъ упрочить учрежденіе республики». Конвентъ ни разу не приступалъ къ детальному разсмотрѣнію проекта его организаціи и вплоть до 1795 года придерживался системы спеціальныхъ школъ, учреждавшихся въ интересахъ минуты, безъ всякаго общаго плана, одна совершенно независимо отъ другой.

Органическій законъ 3 брюмера IV года сохранилъ большинство школъ, существовавшихъ до этого времени. Однѣ изъ нихъ, перечисленныя въ добавленіи, назывались школами *общественнаго служенія* (écoles

de services publics). Это были: политехническая школа, артиллерійская, военно-инженерная, школа мостовъ и дорогъ, рудниковъ, географовъ, корабельныхъ инженеровъ, торговаго и военнаго флота. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ существовали только на бумагѣ. То же самое нужно сказать и про десять *спеціальныхъ* школъ, указанныхъ въ III титулѣ органическаго закона, а именно про школы астрономическую, механико - геометрическую, естественно-историческую, медицинскую, ветеринарную, сельско - хозяйственную, про школы древностей, политическихъ наукъ, живописи, скульптуры и архитектуры, музыки. Изъ этого перечня мы видимъ, что одни изъ этихъ учебныхъ заведеній обязаны своимъ существованіемъ революціи, другія-же были только преобразованы конвентомъ.

Заведенія, созданныя революціей: школа Марса.—Раньше другихъ спеціальныхъ школъ конвентъ создалъ военную, т. н., *школу Марса*. Она просуществовала очень недолго. Мысль о ней точно такъ-же, какъ честь устройства «*Политехнической школы*» и первой «*Нормальной школы*» принадлежитъ комитету общественнаго спасенія. 13 преріаля II года (1 іюня 1794 г.) Бареръ предложилъ открыть въ Парижѣ военную революціонную школу и назвать ее марсовой. Такъ какъ она должна была быть скорѣе лагеремъ, чѣмъ школой, то въ равнинѣ, извѣстной подъ названіемъ Sablons («Песковъ»), былъ разбитъ станъ, пребываніе въ которомъ длилось три мѣсяца. Воспитанники въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ должны были обучаться употребленію оружія и строго усвоить себѣ принципы военнаго искусства, фортификаціи и военной администраціи, а также проникаться чувствомъ братства, дисциплины, воздержности, доброй нравственностью, любовью къ отечеству и ненавистью къ королевской власти. Докладъ, составленный Гитономъ де-Морво въ концѣ учебнаго періода, а именно 2 брюмера III года (23 октября 1794 г.), свидѣтельствовалъ объ успѣхѣ этой попытки революціоннаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе этотъ опытъ почему то не былъ повторенъ.

Политехническая школа.—Вторую изъ ряда спеціальныхъ школъ, открытыхъ конвентомъ, ждало блестящее будущее. Сначала ее назвали *Центральной школой публичныхъ работъ*. 21 вантоза II года (11 марта 1794 г.) Бареръ предложилъ создать учебное заведеніе для подготовки гражданскихъ и военныхъ инженеровъ. Вопросъ былъ признанъ неотложнымъ, но декретъ объ организаціи новой школы, составленный Фуркруа, былъ изданъ только послѣ 9 термидора, а именно 7 вандемьера III г. (27 сентября 1794 г.). Открытіе послѣдовало 10 фримера (30 ноября). 15 фруктидора III года (1 сентября 1795 г.) новое заведеніе получило свое нынѣшнее названіе *Политехнической школы*, 400 слушателей принимались по конкурсному испытанію. Курсъ продолжался три года. Слушатели не только ничего не платили за ученье, но даже получали жалованье по 1200 франковъ въ годъ втеченіе всего пребыванія въ заведеніи. Слушатели жили на частныхъ квартирахъ, но должны были находиться въ школѣ съ 8 ч. утра до 2 час. дня и съ 5 до 8 час. вечера. Больше всѣхъ потрудился надъ новымъ учрежденіемъ инженеръ путей сообщенія Ламбларди, затѣмъ Монжъ, Фуркруа, Карно и Пріёръ (отъ Котъ д'Оръ). Первыми профессорами были такіе знаменитые ученые, какъ Монжъ, Лагранжъ, Бертоллэ, Шапталь, Вокленъ, Гитонъ де-Морво. Будучи помѣщена въ Бурбонскомъ дворцѣ, новая школа располагала сорока залами, громаднымъ амфитеатромъ, физическимъ кабинетомъ, минералогической коллекціей, химической лабораторіей и библіотекой.

Нормальная школа.—Главнымъ препятствіемъ для осуществленія благородныхъ стремленій конвента относительно начальнаго обученія, по словамъ Лаканаля, была невозможность «найти достаточное число подходящихъ людей для преподаванія въ массѣ школъ новыхъ доктринъ, притомъ по новому методу. Это натолкнуло на мысль объ устройствѣ «нормальныхъ школъ», «гдѣ учились-бы не наукамъ, а искусству преподаванія». Впервые она была случайно высказана Бареромъ въ его предварительномъ докладѣ о «Марсовой школѣ» и тогда-же была одобрена въ принципѣ. Сначала говорили объ одной только школѣ въ Парижѣ, затѣмъ подумывали о цѣлой сѣти школъ во всѣхъ департаментахъ. Однако, когда черезъ пять мѣсяцевъ въ конвентъ былъ представленъ обстоятельно разработанный проектъ комитета общественнаго обученія, Лаканаль, бывшій до-

кладчикомъ, даже не упоминалъ о провинціи; можно было предполагать, что окончившіе парижскую школу откроютъ такія-же школы въ департаментахъ. Какъ и въ Марсовой школѣ, хотѣли дѣйствовать на революціонный ладъ, т. е. стремительно; проектъ декрета опредѣлялъ продолжительность учебнаго курса въ четыре мѣсяца. 9 брюмера (30 октября 1793 г.) «національный конвентъ, желая приблизить время, когда можно будетъ распространить по всему пространству республики обученіе, необходимое для французскихъ гражданъ, повсюду прибѣгая къ одинаковымъ пріемамъ», постановилъ учредить въ Парижѣ нормальную школу для «гражданъ, уже изучившихъ полезныя науки, которые, подъ руководствомъ искусныхъ профессоровъ по каждой спеціальности, ознакомятся съ методами преподаванія». Ст. 7 выдвигала на первый планъ и подчеркивала «умѣніе внушать моральные принципы и пріучать сердца республиканскаго юношества къ общественнымъ и частнымъ добродѣтелямъ». Затѣмъ слѣдовала методика чтенія, письма, счета, практической геометріи, исторіи и французской грамматики. Муниципалитеты должны были изъ каждыхъ 20.000 жителей выбрать по одному слушателю, достигшему 25-лѣтняго возраста, «отличающагося и чистотой нравовъ, и испытаннымъ патріотизмомъ». Слушателямъ выдавалось по 1.200 франковъ жалованья и открывался доступъ во всѣ «просвѣтительныя учрежденія». Два народныхъ представителя должны были находиться «при школѣ» и входить въ сношенія съ комитетомъ общественнаго обученія, разъ окажется необходимымъ придти къ ней на помощь при удовлетвореніи той или иной ея настоятельной потребности. Лаканаль былъ однимъ изъ этихъ прикомандированныхъ представителей и выработалъ внутренній распорядокъ новаго учрежденія. Кромѣ чтенія лекцій, въ немъ были устроены бесѣды или *дебаты*, во время которыхъ слушатели были въ правѣ оспаривать выводы и заключенія профессоровъ. Лекціи и дебаты тотчасъ-же записывались стенографами и разсылались по всей странѣ и даже заграницу—агентамъ республики. Первая лекція была прочтена въ большомъ амфитеатрѣ музея 20 января 1795 г. Что касается личнаго состава профессоровъ, то въ него вошли наиболѣе выдающіеся люди того времени: Лагранжъ, Лапласъ, Монжъ—изъ числа математиковъ, Гайю—по физикѣ, Добантонъ—по естественной исторіи, Бертоллэ—по химіи, Вольней—по исторіи, Лагарпъ—по литературѣ, Сикаръ—по общей грамматикѣ, Гара—по теоріи познанія, Буашъ—по географіи, Вандремондъ—по политической экономіи, Туэнъ—по сельскому хозяйству. Преподаваніе морали было возложено на Бернардена де-Сентъ-Пьера. При своемъ вступленіи на каѳедру онъ заявилъ, что не можетъ начать чтеніе лекцій прежде, чѣмъ окончитъ составленіе книги объ *элементахъ морали*, которое поручено ему конвентомъ. Въ концѣ концовъ, онъ прочелъ девять лекцій. Его сотоварищи отличались бо̀льшимъ усердіемъ: стенографическіе отчеты о лекціяхъ и дебатахъ, далеко не воспроизводящіе всего, что̀ читалось и говорилось, составляютъ не менѣе двѣнадцати томовъ.

Курсы продолжались четыре мѣсяца и были закрыты 19 мая 1795 г. Мысль объ учрежденіи нормальныхъ школъ во всѣхъ департаментахъ, подъ руководствомъ бывшихъ слушателей парижской школы, была совершенно забыта.—Эта оригинальная попытка далеко не привела къ тѣмъ результатамъ, которыхъ отъ нея ожидали. Она имѣла совершенно другое значеніе: впервые государство и общество торжественно признавало громадную важность за преподаваніемъ наукъ; блестящій успѣхъ, которымъ пользовались лекціи заслуженныхъ ученыхъ, впервые обезпечивалъ имъ мѣсто въ будущемъ и служилъ показателемъ того, что люди 1795 г. отдавали имъ дань уваженія, въ которой отказывали предыдущія поколѣнія.

Преобразованныя заведенія: школы права и медицины.—До 1789 года преподаваніе права и медицины происходило въ факультетахъ. Оно было поставлено очень неважно, въ особенности правовѣдѣніе. Съ этой стороны конвентъ не произвелъ крупныхъ реформъ. Въ органическомъ законѣ не упоминается даже самое названіе школъ права, ихъ должны были замѣнить школы *политическихъ наукъ*. Если и существовали высшія учебныя заведенія, оффиціально посвященныя юриспруденціи, напр. *Академія законодательства, Университетъ правовѣдѣнія*, то это были частныя предпріятія, ничѣмъ не связан-

ныя съ системой правительственныхъ учрежденій. Зато въ программы среднихъ учебныхъ заведеній были включены основныя понятія по законовѣдѣнію.

Напротивъ того, въ преподаваніи медицины былъ сдѣланъ очень интересный опытъ и произведены замѣчательныя усовершенствованія. Вмѣсто медицинскихъ факультетовъ, повсемѣстно уничтоженныхъ въ 1792 г., — 4 декабря 1794 года въ Парижѣ, Монпелье и Страсбургѣ были открыты три медицинскихъ школы подъ названіемъ *школъ здравія*. Изъ нихъ должны были выходить, по преимуществу, врачи для арміи и флота: онѣ были скорѣе первыми эскизами Валь-де-Грасъ и Ліонской школы, чѣмъ настоящими общедоступными заведеніями. Какъ и въ политехнической школѣ, слушатели получали 1200 франковъ жалованья. Курсъ продолжался три года. Слушатели должны были посѣщать всѣ лекціи и практическія занятія. Наряду съ ними допускались вольнослушатели и даже иностранцы. Особенно большое значеніе имѣла замѣна прежняго чисто - теоретическаго преподаванія вполнѣ практическимъ методомъ, *клиническими лекціями* въ амфитеатрѣ или госпиталѣ. Въ каждой школѣ было организовано двѣнадцать курсовъ. «Школы, сказалъ одинъ писатель-роялистъ, были устроены по такому широкому плану, о которомъ никогда не было слыхано» (Паризэ). Что касается профессоровъ, то въ Парижѣ среди нихъ были всѣ наиболѣе выдающіеся медики того времени, съ Корвизаромъ во главѣ.

Школы мостовъ и дорогъ, рудниковъ, инженернаго искусства и мореплаванія.— Еще до 1789 года не было недостатка въ техникахъ по постройкѣ мостовъ и дорогъ. Однако для подготовки ихъ не существовало спеціальнаго учебнаго заведенія. 19 января 1791 года конституанта учредила школу мостовъ. Каждый годъ въ нее принимали 60 слушателей по конкурсному испытанію. Втеченіе всего курса всѣмъ имъ выдавалось опредѣленное жалованье. Въ 1793 году слушатели въ виду интересовъ національной обороны должны были нести въ войскахъ инженерную службу. Законъ 22 октября 1795 превратилъ школу мостовъ въ особую вѣтвь политехнической школы, изъ которой ежегодно переходило по тридцати человѣкъ.

Тотъ-же законъ подвергъ точно такому-же преобразованію *школу рудниковъ*: комплектъ учениковъ состоялъ въ ней изъ двадцати человѣкъ, переходившихъ изъ политехнической школы, и десяти экстерновъ. Это заведеніе, основаніе котораго восходитъ къ 1778 году, было реформировано еще 2 іюля 1794 г.:—къ *горному агентству*, зависѣвшему отъ *коммиссіи оружія и пороха*, было присоединено *училище* (maison de l'instruction) съ зимними курсами.

Нужно также отмѣтить реорганизацію инженерной школы: въ 1794 году конвентъ перевелъ ее изъ Мезьера въ Мецъ.

Наконецъ, въ 1791 г. были открыты тридцать четыре школы мореплаванія. Кромѣ двухъ новыхъ школъ, конвентъ основалъ въ Брестѣ, Тулонѣ и Рошфорѣ три спеціальныхъ школы для подготовки военно-морскихъ офицеровъ. Впослѣдствіи изъ нихъ образовалась «*флотская школа*».

Научныя учрежденія.—Итакъ, ни среди *спеціальныхъ* школъ, ни среди школъ *общественнаго служенія* мы не встрѣтили *школы восточныхъ языковъ*. Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что въ ней были не студенты, какъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а исключительно вольнослушатели. Еще Людовикъ XIV, желая пополнить ряды драгомановъ при нашихъ посольствахъ одними только французами, учредилъ «*школу языкознанія для юношей*». 2 апрѣля 1795 г. конвентъ устроилъ при національной библіотекѣ цѣлую серію курсовъ по персидскому, малайскому, арабскому, турецкому и татарскому языкамъ, короче сказать, по всѣмъ языкамъ, знакомство съ которыми можетъ принести «пользу дипломатіи и торговлѣ». Профессора, среди которыхъ находился Сильвестръ де-Саси, должны были не только преподавать тотъ или иной языкъ, но также знакомить своихъ слушателей съ политическими отношеніями и торговыми связями, существовавшими между Франціей и данной страной. Кромѣ того, на нихъ возложено было составленіе на французскомъ языкѣ восточныхъ грамматикъ. Совокупность всѣхъ этихъ курсовъ составляла «спеціальную школу восточныхъ языковъ» и являлась какъ-бы добавленіемъ къ тому образованію, которое получали во «*Французскомъ Коллежѣ*».

При конституантѣ можно было опасаться за существованіе Французскаго Колле-

жа. Но конвентъ 13 іюля 1795 г. утвердилъ его организацію и назначилъ профессорамъ по 6000 франковъ жалованья.

Бывшій *королевскій садъ*, устроенный Гюи де-ла Броссъ при Людовикѣ XIII и переименованный затѣмъ въ *ботаническій садъ*, былъ теперь преобразованъ въ цѣлый *Музей естественной исторіи*. Изъ предмета празднаго любопытства революція сдѣлала крупный центръ научныхъ наблюденій и изслѣдованій, громадную лабораторію естествознанія. Въ 1789 г. при «Садѣ» было только три каѳедры. 10 іюня 1793 года Лаканаль провелъ въ собраніи декретъ о преобразованіи этого учрежденія. «Для науки развернулась колоссальная книга природы». Было открыто двѣнадцать каѳедръ, вскорѣ къ нимъ прибавили тринадцатую. Ихъ заняли наиболѣе выдающіеся ученые—Добантонъ, Фуркруа, Жюссьё, Ласепедъ, Ламаркъ и молодой Жоффруа Сентъ-Илеръ. Профессора назначали директора, казначея, а также временно исправляющихъ должности при вакантныхъ каѳедрахъ. Была устроена публичная библіотека и *звѣринецъ*.

Заботливость объ интересахъ науки побудила конвентъ утилизировать громадную массу книгъ, оказавшихся въ распоряженіи націи, благодаря конфискаціямъ имуществъ духовенства и эмигрантовъ: онъ издалъ, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать законовъ объ организаціи библіотекъ. 10 октября 1792 года была запрещена распродажа книжныхъ коллекцій и всѣхъ предметовъ, имѣющихъ научную или артистическую цѣнность,—продажа, къ которой приступили было очень многіе муниципалитеты. Въ центрѣ каждаго департамента была устроена библіотека. Этимъ мы обязаны главнымъ образомъ Грегуару, который съ необычайной энергіей добивался составленія описи полученныхъ сокровищъ, и такимъ образомъ предупредилъ ихъ неминуемое расхищеніе. Что касается Парижа, то прежняя *Королевская библіотека*, которая до 1789 г. оффиціально была открыта два раза въ недѣлю, но въ дѣйствительности пустовала иногда по два года сряду, такъ какъ хранитель, уѣзжая въ путешествіе, увозилъ съ собою и ключъ отъ входа (такъ сдѣлалъ, напр., Бартелеми), королевская библіотека, говоримъ мы, была превращена въ «*Національную Библіотеку*». Она обогатилась очень быстро, благодаря закону 1793 года. Управленіе ею было возложено на особую «*консерваторію*», состоявшую изъ восьми лицъ. Въ случаѣ, если кто-либо выбывалъ изъ ихъ состава, они сами назначали новаго члена. Были расширены и открыты для публики «*Мазарини*», «*Библіотека Пантеона*» (церковь св. Женевьевы) и «*Арсеналъ*».

Конвентъ занялся также охраненіемъ, собраніемъ и классификаціей множества рукописей, разсѣянныхъ въ десяти тысячахъ монастырскихъ, замковыхъ и городскихъ архивовъ.

По предложенію Кондорсэ, законодательное собраніе 19 іюня и 10 августа 1792 г. отдало приказъ о сожженіи всѣхъ документовъ о дворянствѣ, гдѣ-бы они ни были найдены, всѣхъ хартій, на которыхъ были основаны феодальныя права, а также всѣхъ актовъ бывшихъ счетныхъ палатъ, относящихся ко времени до 1762 года. 30 октября 1792 г. конвентъ рѣшилъ пріостановить исполненіе этихъ распоряженій. Затѣмъ было издано одинъ за другимъ четыре декрета. Послѣдній изъ нихъ былъ выработанъ спеціальной комиссіей изъ членовъ комитетовъ: общественнаго спасенія, законодательства, доменовъ, общественнаго обученія и финансовъ. Законъ 25 іюня 1794 г. (7 мессидора II года) дѣлилъ всѣ титулы, хартіи, акты и проч. рукописи на три разряда: бумаги доманіальныя (или феодальныя), судебныя и историческія. Каждый департаментъ долженъ былъ имѣть свой архивъ. Въ Парижѣ всѣ документы, имѣющіе значеніе для исторіи, наукъ или искусствъ, должны были быть переданы въ національную библіотеку; фактически архивы были устроены въ Луврѣ.

Созданіе «*Консерваторіи искусствъ и ремеслъ*» вытекало изъ двоякаго стремленія: хотѣли помочь развитію промышленности, а слѣдовательно и росту общаго благосостоянія, сдѣлавъ общедоступными модели всѣхъ машинъ и приборовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, придать полезнымъ искусствамъ важное значеніе, котораго не хотѣлъ признать за ними старый порядокъ. Открытіе консерваторіи было декретировано 10 октября 1794 г. (19 вандемьера III года) по докладу Грегуара. При ней состояли три демонстратора и одинъ чертежникъ, такъ какъ предполагалось давать въ ней настоящее промышленное образованіе. Въ

дѣлѣ организаціи крупныхъ научныхъ учрежденій аббату Грегуару принадлежитъ столь-же видная роль, какъ Лаканалю и Дону—въ организаціи общественнаго обученія. Всѣмъ имъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи революціи.

Институтъ.—Систему учебныхъ и ученыхъ учрежденій, созданныхъ конвентомъ, увѣнчивалъ *Институтъ*. Мысль о немъ явилась впервые у Талейрана и Кондорсэ. Онъ долженъ былъ замѣнить собою академіи, объ уничтоженіи которыхъ говорилъ уже Мирабо. Когда 8 августа 1793 года, выслушавъ докладъ Грегуара, конвентъ приступилъ къ ихъ упраздненію, онъ постановилъ, что академія наукъ будетъ попрежнему получать содержаніе отъ казны, пока не закончитъ трудовъ, порученныхъ ей отъ имени собранія, а также, что комитетъ общественнаго обученія долженъ немедленно представить ему планъ общества, которое содѣйствовало-бы прогрессу наукъ и искусствъ. Докладъ по этому вопросу былъ представленъ только черезъ два года, а именно 29 октября 1795 г., членомъ комитета Дону. Онъ не вышелъ изъ рамокъ IV титула органическаго закона 3 брюмера IV года (25 октября 1795 г.). Создавая Институтъ, хотѣли «сблизить науки и искусства и привести ихъ въ постоянное взаимодѣйствіе въ интересахъ прогресса и (практической) пользы». Изъ него предполагали сдѣлать какъ-бы «центръ ученаго міра, представительное учрежденіе литературной республики».

Институтъ раздѣлялся на три отдѣленія. науки физико-математическія, науки моральныя и политическія, литература и изящныя искусства. Онъ состоялъ изъ 144 дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ Парижѣ, 144 членовъ-корреспондентовъ, живущихъ въ провинціи, и 24 иностранцевъ. Онъ самъ пополнялъ пробѣлы въ своемъ личномъ составѣ. Его цѣль состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ «безпрерывными изысканіями содѣйствовать преуспѣянію наукъ и искусствъ, популяризировать открытія, входить въ сношенія съ учеными и иностранными обществами, слѣдить за научными и литературными трудами, которые могли-бы послужить общему благу и славѣ республики». Каждый годъ онъ долженъ былъ давать отчетъ законодательному корпусу о прогрессѣ наукъ и трудахъ каждаго изъ своихъ отдѣленій. Дону съ полнымъ правомъ могъ сказать, что новое учрежденіе было «велико и величественно». Со своими 24 *секціями* институтъ охватывалъ всю совокупность человѣческихъ знаній и, по удачному выраженію Лемонтэ, являлся какъ-бы «*ходячей энциклопедіей*».

Ученые труды. — Конвентъ не ограничивался организаціей научнаго преподаванія. Онъ старался извлекать практическую пользу изъ теоретическихъ открытій. Въ 1789 году конституанта поручила академіи наукъ выработать новую, вполнѣ раціональную и объединенную систему мѣръ и вѣсовъ. Академія закончила трудъ на годъ раньше, чѣмъ предполагала. 1 августа 1793 г. Арбогастъ отъ имени комитета общественнаго обученія представилъ конвенту докладъ о принятіи *метрической системы*, которую создала академія *).

Наука и національная оборона.—Ниспровергая весь политическій и соціальный строй, конвентъ не могъ и не долженъ былъ отступать ни передъ какой новой идеей, ни передъ какой смѣлой попыткой, въ особенности, если она могла содѣйствовать успѣху національной обороны.

Уже во времена Людовика XIV-го было предложено быстро передавать извѣстія на большія разстоянія посредствомъ ряда видныхъ другъ другу сигнальныхъ пунктовъ. Идея показалась тогда очень забавной, но совершенно неосуществимой. Аббатъ Шаппъ напомнилъ о ней законодательному собранію, но оно не обратило на нее никакого вниманія. Роммъ и конвентскій комитетъ общественнаго обученія снова вернулись къ этому проекту. Опыты, произведенные 12 іюля 1793 года (конвентъ открылъ для нихъ кредитъ въ 6.000 франковъ), увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Собраніе постановило устроить цѣлую серію телеграфныхъ пунктовъ между Парижемъ и сѣверной границей. «Телеграфный инженеръ» Шаппъ, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, сталъ во главѣ управленія новымъ средствомъ сообщенія. 30 августа 1794 года пришла первая телеграмма; это было извѣстіе объ отобраніи Конде у австрійцевъ.

Первыя попытки примѣнить *воздухоплаваніе къ военному дѣлу* были произведены въ Мёдонѣ подъ управленіемъ ка-

*) См. главу IV о республиканскомъ календарѣ.

питана Кутелля. Его рота воздухоплавателей, состоявшая при арміи Самбры и Мааса, впервые была пущена въ дѣло во время сраженія при Флерюсѣ. Въ 1795 г. уже при многихъ армейскихъ корпусахъ были организованы точно такія-же роты.

Что касается мореходства, то 25 іюня 1795 года Грегуаръ провелъ декретъ объ учрежденіи *Бюро долготъ;* Лагранжъ, Лапласъ, Лаландъ, Кассини, Мешенъ, Деламбръ, Борда, Бугэнвилль и Бюашъ были его первыми членами.

Привлеченная къ дѣлу національной обороны, наука указала странѣ способъ выдѣлки стали, а также пріемы, посредствомъ которыхъ можно было очень быстро приготовлять порохъ. Селитру, добывавшуюся до тѣхъ поръ только въ Индіи, стали извлекать изъ подваловъ. Втеченіе девяти мѣсяцевъ французская почва дала на 12 милліоновъ селитры. Было устроено тридцать девять пушечныхъ заводовъ и девятнадцать мануфактуръ для выдѣлки холоднаго оружія. Чтобы, работая въ нихъ, всякій и каждый имѣлъ возможность содѣйствовать успѣху національной обороны, Гитонъ де-Морво, Фуркруа, Бертоллэ, Монжъ и друг. составили во II году очень простыя и вполнѣ точныя инструкціи, дававшія, въ видѣ четырнадцати лекцій, цѣлую *программу революціонныхъ курсовъ.* Онѣ были распространены въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Если французскій народъ втеченіе революціоннаго періода подалъ примѣръ удивительнаго самоотверженія и патріотизма, то съ другой стороны и конвентъ покрылъ себя неувядаемой славой, возбуждая самоотверженіе и извлекая пользу изъ патріотизма. Если подумать, среди какихъ опасностей приходилось ему созидать громадную систему учебныхъ и ученыхъ учрежденій, нельзя не преклониться передъ подвигомъ народныхъ представителей. Между тѣмъ это дѣло—сравнительно ничтожная область ихъ колоссальнаго творчества.

Глава XII.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1789—1799 ГГ.

Великая революція не была безвременьемъ для литературы: еще продолжался расцвѣтъ французской поэзіи, начавшійся во вторую половину XVIII вѣка, и зародилось свѣтское краснорѣчіе, почти совершенно неизвѣстное старому порядку.

Поэты.—Наиболѣе характернымъ представителемъ этой эпохи является Экушаръ Лебрёнъ. Въ порывѣ чрезмѣрнаго восхищенія современники прозвали его *Лебреномъ-Пиндаромъ*. Онъ родился въ 1729 году и получилъ образованіе въ коллежѣ Мазарини. Еще въ дѣтствѣ обративъ на себя вниманіе Луи Расина, онъ очень рано почувствовалъ призваніе къ поэзіи. Человѣкъ съ омерзительнымъ характеромъ, жалкій льстецъ, трусливый сатирикъ, завистливый, раздражительный и неблагодарный, онъ обладалъ довольно значительнымъ лирическимъ талантомъ. Его описательная ода, посвященная «*Окрестностямъ Парижа*», его «*ода къ Бюффону*», его ода «*Exegi monumentum*» и, въ особенности, ода къ кораблю «*Мститель*»—скорѣе ораторскія, чѣмъ чисто-лирическія произведенія, но этимъ-то они и нравились людямъ того времени. Нѣсколько приподнятое краснорѣчіе революціи, имперіи и реставраціи коренится до извѣстной степени въ «*Conciones*» Тита Ливія, но главнымъ образомъ непосредственно вытекаетъ изъ классической трагедіи, сочиненій Руссо, лирической поэзіи Ле-Франка де-Помпиньяна, Лебрёна и Мари-Жозефа Шенье. Оно заимствовало у этихъ писателей и неподдѣльное вдохновеніе, и напыщенный, сантиментальный языкъ. Оды Лебрёна-Пиндара не что иное, какъ фразы въ стихахъ, зачастую очень красивыя, но все таки фразы.

Намъ гораздо больше нравятся теперь эпиграммы Лебрёна, чѣмъ его оды. Мы готовы даже утверждать, что его оды—злыя оды, и его эпиграммы—злыя эпиграммы. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ какъ-бы пропитаны желчью, а ихъ живой, непринужденный тонъ и быстрые переходы дѣлаютъ честь французскому уму. Лебрёнъ-Пиндаръ оставилъ также четыре тома «*Элегій*» и два тома «*Посланій*», но потомство справедливо предало ихъ забвенію. Какъ человѣкъ, онъ долженъ былъ внушать къ себѣ общее презрѣніе; какъ писатель, онъ стоялъ гораздо выше средняго уровня:—отнюдь не рѣдкое сочетаніе низкихъ нравственныхъ качествъ и недюжинныхъ дарованій!

Мари-Жозефъ Шенье, братъ и почти ровесникъ Андре Шенье, долженъ быть причисленъ къ циклу поэтовъ революціоннаго періода, такъ какъ именно въ это время онъ создалъ себѣ громкое имя лирика и драматурга. И съ той, и съ другой стороны онъ достоинъ нашего вниманія. Какъ лирикъ, онъ, если не считать «*Марсельезы*», сочинилъ всѣ наиболѣе популярныя пѣсни этой эпохи: «*гимнъ федераціи*», «*пѣснь парижскихъ секцій*», «*гимнъ разуму*». До сихъ поръ еще не забыта его «*Пѣснь разлуки*», составленная очень умѣло и во многихъ мѣстахъ отличающаяся глубокимъ вдохновеніемъ. Какъ трагикъ, онъ былъ скорѣе плодовитъ, чѣмъ

счастливъ. Ни «*Генрихъ VIII*», ни «*Каласъ*», ни «*Тимолеонъ*», ни «*Филиппъ II*» не заинтересовываютъ читателя. Только двѣ его пьесы имѣли громадный и, прибавимъ, вполнѣ заслуженный успѣхъ; это были: «*Карлъ IX*», данный въ самомъ началѣ революціи, и «*Тиверій*», поставленный при ея послѣднемъ издыханіи (1804 г.). Обѣ трагедіи написаны сильнымъ, плавнымъ стихомъ съ очень красивыми эффектами.

Мари-Жозефъ-Шенье, натура очень даровитая, добился-бы несравненно бо̀льшихъ результатовъ, еслибъ не его колоссальное самомнѣніе: работая надъ какимъ-нибудь произведеніемъ, онъ всегда былъ убѣжденъ, что это лучшее изъ всего, имъ написаннаго, и даже изъ всего, когда-либо и кѣмъ-либо написаннаго. Онъ достигалъ почти совершенства, когда не разсчитывалъ быть геніальнымъ. Его «*Посланія*» и «*Рѣчи въ стихахъ*»—очень умны, справедливы, язвительны и мѣстами необыкновенно краснорѣчивы. Нѣкоторыя изъ нихъ прямотаки прелестны, напримѣръ «*Посланіе о клеветѣ*», направленное противъ враговъ и сплетниковъ, обвинявшихъ его въ смерти родного брата. Въ немъ чувствуется и сила, и глубина, и полная искренность. Другія, менѣе трогательныя произведенія, напримѣръ «*Докторъ Панкратій*», «*Посланіе къ Жаку Делилю*», до сихъ поръ еще доставляютъ истинное наслажденіе всѣмъ любителямъ мѣткихъ словечекъ и колкихъ остротъ. Стоитъ отмѣтить тотъ фактъ, что лирики революціонной эпохи были очень удачными эпиграмматистами. Недостатокъ таланта обыкновенно мѣшаетъ видѣть изъяны собственнаго творчества, но отнюдь не препятствуетъ подмѣчать слабыя стороны въ чужихъ сочиненіяхъ. Даже Андре Шенье, натура дѣйствительно талантливая, нигдѣ не былъ такъ великъ, какъ именно въ сатирѣ (носившей, правда, лирическій отпечатокъ), которая давала ему возможность развертывать всѣ свои силы и однимъ ударомъ повергать въ прахъ всякаго противника.

Руже де-л'Иль извѣстенъ большинству нашихъ современниковъ, какъ авторъ «*Марсельезы*». Произведеніе это далеко отъ совершенства. Въ немъ лишь три дѣйствительно удачныхъ и сильныхъ строфы, а именно первая, послѣдняя и та, которая начинается словами «Nous entrerons dans la carrière». Эта строфа не принадлежитъ Руже де-л'Илю. — Тѣмъ не менѣе авторъ пѣсни, которую будутъ знать до тѣхъ поръ, пока будетъ звучать французскій языкъ, заслуживаетъ того, чтобы ему посвятили нѣсколько строчекъ въ исторіи французской литературы. Руже былъ инженернымъ офицеромъ. Однажды, послѣ обѣда у страсбургскаго мэра Дитриха (дѣло было во время войны 1792 г.)—онъ сочинилъ и слова, и музыку «*Марсельезы*». Самъ онъ назвалъ ее «*Пѣснью рейнской арміи*». Парижане, перенявшіе ее у марсельскихъ батальоновъ, участвовавшихъ въ событіяхъ 10 августа, дали ей нынѣшнее названіе. Руже составилъ нѣсколько другихъ боевыхъ пѣсенъ, во всѣхъ отношеніяхъ безусловно уступающихъ Марсельезѣ, рядъ «Романсовъ», небольшія идиллическія поэмы и даже драматическую пьесу «*Школа матерей*», которая была поставлена въ 1793 году. Но всѣ эти произведенія не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, которое явилось плодомъ минутнаго вдохновенія и, благодаря стеченію цѣлаго ряда благопріятныхъ условій, навсегда прославило его имя. Позднѣйшіе изслѣдователи слишкомъ много занимались Руже де-л'Илемъ: его способности гораздо ниже его созданія, а нравственныя свойства — еще ниже его способностей. Онъ былъ недостоинъ «Марсельезы». Толпа была права, сохранивъ въ своей памяти только его имя и гимнъ.

Поэтъ Делиль и драматургъ Дюси принадлежатъ къ императорскому періоду французской литературы, но мы не дали-бы читателю полнаго представленія о революціонной эпохѣ, еслибъ прошли молчаніемъ, что уже въ это время и тотъ, и другой—въ сферѣ драматургіи и чистой поэзіи—пріобрѣли широкую извѣстность и пользовались симпатіями публики.

Одинъ изъ ихъ современниковъ, по лѣтамъ даже моложе ихъ обоихъ, долженъ быть отнесенъ къ разсматриваемому періоду, такъ какъ безвременная кончина прервала эту многообѣщавшую жизнь. Мы говоримъ про Фабра, прозваннаго Фабромъ д'Эглантиномъ, въ воспоминаніе цвѣтка, полученнаго имъ во время поэтическаго состязанія, а также въ отличіе отъ Фабра д'Оливэ. Въ 1789 году было ему тридцать три года. Онъ былъ актеромъ и, снѣдаемый какой-то страстью къ театру, написалъ около двадцати трагедій и комедій, кото-

рыя не пользовались почти никакимъ успѣхомъ. Только нѣкоторыя изъ нихъ понравились публикѣ, а именно: «*Любовь и выгода*», «*Интрига въ письмахъ*» и въ особенности «*Филинтъ Мольера или продолженіе Мизантропа*».

«*Филинтъ*» — очень интересная пьеса, внушенная непродуманнымъ отзывомъ Руссо относительно характеровъ Альцеста и Филинта въ «Мизантропѣ» Мольера. Фабръ д'Эглантинъ выставляетъ намъ Филинта, какъ страшнѣйшаго эгоиста: узкое себялюбіе заставляетъ его сдѣлать безразсудный шагъ, который оказывается гибельнымъ для него самого. Пьеса составлена очень умѣло, просто и красиво. Теперь она имѣетъ лишь историческое значеніе. Такъ какъ она пользовалась въ свое время большимъ успѣхомъ, то мы вправѣ заключить, что люди прошлаго столѣтія смотрѣли съ ея точки зрѣнія на «Мизантропа» Мольера. Они понимали его совершенно иначе, чѣмъ мы, и были убѣждены, что Мольеръ принималъ живое участіе въ борьбѣ своихъ героевъ и, притомъ, стоялъ не на сторонѣ Альцеста. И то, и другое, по нашему мнѣнію, противорѣчитъ здравому смыслу.

Личность Фабра д'Эглантина до сихъ поръ остается очень темной, даже нѣсколько подозрительной, и было-бы очень важно, чтобы какой-нибудь изслѣдователь, занимающійся и литературой, и политической исторіей французской революціи, пролилъ на его жизнь и дѣятельность достаточный свѣтъ. Онъ былъ привлеченъ къ одному дѣлу и казненъ вмѣстѣ съ Дантономъ, но обвинялся не въ политическомъ преступленіи. Быть можетъ онъ палъ жертвой разыгравшихся страстей и партійной борьбы. Во всякомъ случаѣ, смертный приговоръ революціоннаго суда—очень ненадежное средство для познанія истины.

Философія.—Философія имѣла въ эту эпоху нѣсколько блестящихъ представителей. Кондорсэ, пылкій, быть можетъ нѣсколько наивный, но во всякомъ случаѣ замѣчательный ученикъ просвѣтителей XVIII вѣка, успѣлъ сдѣлать чрезвычайно много за свою короткую жизнь. Одно изъ его первыхъ произведеній «*Письма теолога*» приписывали Вольтеру. Изучивъ «*Мысли*» Паскаля и выпустивъ въ свѣтъ ихъ новое изданіе, онъ первый, по нашему мнѣнію, указалъ на массу погрѣшностей, которыя были допущены въ изданіи янсенистовъ. «*Жизнь Вольтера*» и «*Жизнь Тюрго*»—очень добросовѣстныя произведенія, имѣющія не только историческое, но и философское значеніе. Въ качествѣ непремѣннаго секретаря академіи наукъ, онъ написалъ «*Похвальныя слова академикамъ*», многія изъ нихъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Наконецъ, скрываясь отъ преслѣдованій своихъ враговъ, онъ находитъ время для «*Эскиза исторической картины прогрессивнаго развитія человѣческаго духа*», этой прекрасной мечты благороднаго мыслителя. По мнѣнію Кондорсэ, человѣчество безпрерывно шло впередъ и впередъ, начиная со временъ дикарей и кончая эпохой просвѣщенія, т. е. XVIII столѣтіемъ: оно не остановится и впредь, пока—благодаря развитію наукъ и внѣдренію въ людскія отношенія равенства и братства—не достигнетъ абсолютнаго благополучія.

И это сочиненіе было написано чуть не подъ ножемъ гильотины! Стоя на краю пропасти, Кондорсэ ни на минуту не поколебался съ полной ясностью и глубочайшимъ убѣжденіемъ развить теорію прогресса, невѣдомую ни древности, ни средневѣковью, смутно постигавшуюся избранными умами XVII вѣка, лежавшую въ основѣ оптимизма XVIII столѣтія и ставшею не то религіознымъ догматомъ, не то банальностью нашего времени. Если Кондорсэ и не принадлежитъ честь ея созданія, то никто не можетъ оспаривать, что онъ былъ ея чрезвычайно вліятельнымъ проповѣдникомъ.

Въ концѣ концовъ его нашли и арестовали. Онъ покончилъ съ собою въ тюрьмѣ. Это былъ сильный и возвышенный духъ,—нѣсколько тяжеловѣсный, но мощный писатель. Ни исторія литературы, ни исторія философіи не могутъ пройти молчаніемъ его имени*).

Вольней пріобрѣлъ извѣстность среди ученыхъ Европы въ 1787 году, издавъ свое «*Путешествіе по Египту и Сиріи*»—очень обстоятельный, кропотливый трудъ, исполненный очень добросовѣстно и написанный прекраснымъ языкомъ. Правда, этотъ трудъ еще не создалъ ему

*) Смотр. о Кондорсэ предыдущую главу относительно преобразованій революціи въ системѣ учебныхъ и ученыхъ учрежденій.

репутаціи, но, съ нашей точки зрѣнія, дѣлаетъ ему больше чести, чѣмъ всѣ его остальныя произведенія. Въ 1791 году онъ напечаталъ крайне-претенціозное сочиненіе: «*Развалины или размышленія о переворотахъ имперій*». Оно должно было представлять изъ себя «философію исторіи» и, какъ всѣ книги на эту тему, отличалось гипотетичностью, и, подобно нѣкоторымъ изъ нихъ, носило на себѣ рѣзкій отпечатокъ страстности и глубокой вражды къ религіи. Изукрашенное воображеніемъ и переполненное всевозможными излишествами, оно должно было внушить мысль, будто дѣйствительно разрѣшаетъ великіе вопросы. Съ чисто-литературной точки зрѣнія въ Вольнеѣ можно видѣть предшественника Шатобріана, и только хронологическія даты его произведеній не позволяютъ намъ причислить его къ подражателямъ этого писателя.

Искусно лавируя между различными опасностями революціонной эпохи, онъ оказался въ концѣ концовъ (въ 1805 г.) сенаторомъ и графомъ, хотя никогда не отрекался отъ своихъ республиканскихъ воззрѣній. Человѣкъ очень любознательный, онъ посвятилъ зрѣлые года путешествію по Америкѣ и написалъ первое французское сочиненіе о Соединенныхъ Штатахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ свои филологическія изысканія, прерывая ихъ лишь на короткіе промежутки. Онъ умеръ въ 1820 году, оставивъ по себѣ память, какъ о свѣтскомъ человѣкѣ, остроумномъ собесѣдникѣ и блестящемъ умѣ, наконецъ, какъ о писателѣ, который чуть-чуть не сдѣлался великимъ писателемъ.

Дюпюи былъ литераторомъ менѣе блестящимъ, но болѣе оригинальнымъ. Его очень мало знаютъ; религіозная реакція 1810 года сдѣлала все, отъ нея зависѣвшее, чтобы осмѣять его теорію. Онъ началъ съ изученія словесности и въ 1765 году былъ назначенъ профессоромъ риторики въ одинъ изъ парижскихъ коллежей. Здѣсь онъ предался изученію самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія—правовѣдѣнія, астрономіи, математики. Изъ размышленія надъ этими предметами вышла цѣлая философская система, основныя черты которой были изложены въ «*Запискѣ относительно разъясненія миѳовъ посредствомъ астрономіи*» (1781). Идея Дюпюи заключалась въ томъ, что божества, которыя въ разное время и подъ разными видами обожало человѣчество, не что иное, какъ созвѣздія; что всѣ миѳы лишь воспроизводятъ движенія небесныхъ тѣлъ, придавая имъ драматическій характеръ; что вся исторія религій не что иное, какъ исторія неба, преобразованная и искаженная человѣческимъ воображеніемъ. Увлекаясь своею мыслью все больше и больше, онъ мало по малу втиснулъ въ рамки этой системы не только древнія, но и новыя религіи, а также чуть не всю исторію человѣчества.

Въ сочиненіи о «*Происхожденіи всѣхъ культовъ*» Дюпюи даетъ своей мысли законченное выраженіе и даже доводитъ ее до абсурда. Идя на встрѣчу научной любознательности, давая пищу воображенію и поддерживая враждебное отношеніе къ католицизму, эта книга имѣла всѣ шансы для успѣха. Она дѣйствительно въ свое время прогремѣла и оставила слѣдъ въ современной наукѣ. Исторія религій, отвергнувъ теорію Дюпюи въ ея цѣломъ, тѣмъ не менѣе удѣлила ей мѣсто въ обзорѣ своихъ ученій и даже признала нѣкоторые изъ его выводовъ. Дюпюи писалъ нѣсколько сухо, но чрезвычайно умно и логично. Онъ умеръ, какъ нельзя болѣе во время, а именно въ 1809 году, т. е. какъ разъ передъ тѣмъ моментомъ, когда религіозная реакція должна была настроить противъ него общественное мнѣніе. Это былъ честный человѣкъ, никогда не руководившійся стремленіемъ къ популярности. Главнымъ недостаткомъ его была прямо-таки невѣроятная систематичность, порабощавшая его умъ и воображеніе. Безспорно это сила, сила не малая, но зачастую и гибельная, разрушающая свое собственное твореніе.

Беллетристы.—Что касается такъ называемой легкой литературы, то въ эту эпоху она носила такой характеръ, который лишаетъ насъ возможности съ полной откровенностью высказать и, главное, обосновать свое мнѣніе. Никогда, ни раньше, ни позже, не писали такъ цинично; мы затруднились-бы воспроизвести самыя названія нѣкоторыхъ романовъ того времени. Переходя отъ аббата Прево къ Кребильону-сыну и отъ этого послѣдняго къ его ученикамъ, мы видимъ, что безстыдство заходило все дальше и дальше. Между

тѣмъ аббату Прево нельзя отказать въ чувствѣ, Кребильону-сыну—въ умѣ, обоимъ имъ—въ литературномъ талантѣ. То же самое нужно сказать и про двухъ главныхъ представителей занимающаго насъ періода—Лакло и Лувэ.

Шодерло-де-Лакло, артиллерійскій капитанъ, писалъ въ часы досуга, не торопясь и не утруждая себя работой. Его единственное произведеніе «*Опасныя связи*»— не только безнравственно, но прямо-таки злостно, такъ какъ авторъ съ особеннымъ наслажденіемъ смакуетъ всякую удачу плутовъ и предателей. Онъ изображаетъ *негодяя*, который дѣлаетъ зло не для удовлетворенія своихъ страстей—*у него нѣтъ ихъ!*,—но ради одного только удовольствія дѣлать зло, разстраивать нравственный порядокъ, прибавлять свою лепту къ общей массѣ существующихъ бѣдъ и несчастій. Этому типу, который былъ впервые, правда, нѣсколько мягко, очерченъ въ «*Донъ-Жуанѣ*» Мольера и затѣмъ нашелъ себѣ отчетливое, но блѣдное выраженіе въ «*Злобномъ*» Грессэ,—этому типу, говоримъ мы, Лакло далъ плоть и кровь и описалъ его во всѣхъ подробностяхъ. Очевидно онъ не чувствовалъ и не желалъ внушать другимъ ни малѣйшаго ужаса къ своему герою. Необыкновенно глубокій, мощный и въ то-же время холодный анализъ автора дѣлаетъ его произведеніе въ высшей степени важнымъ для исторіи французскаго романа. Это, пожалуй, первый «психологическій романъ» XIX столѣтія.

Лакло не написалъ другого крупнаго произведенія, чѣмъ далъ поводъ думать, что въ лицѣ своего героя онъ изобразилъ самого себя. Его безукоризненная, можно даже сказать — славная жизнь не позволяетъ намъ раздѣлять этого предположенія. Онъ очень быстро сдѣлалъ блестящую военную карьеру и умеръ бригаднымъ генераломъ въ Неаполѣ въ 1808 году. Оставшіяся послѣ него мелкія стихотворенія представляютъ интересъ только потому, что связаны съ его именемъ.

Добряка Лувэ точно такъ-же обвиняли за его «*Приключенія Фобласа*», но если и согласиться, что это произведеніе безнравственно, то никакъ нельзя признать его злостнымъ. Правда, оно слишкомъ весело, но зато — только весело. Его герой — прямая противоположность герою Лакло: это негодяй, который искренно хочетъ не быть тѣмъ, что онъ есть, и даже дѣлаетъ отчаянныя, хотя и безплодныя усилія, чтобы выбиться на прямую дорогу. Его забавныя похожденія, въ сущности,—рядъ неудачъ и горькихъ разочарованій. Книга написана яснымъ, живымъ и выразительнымъ языкомъ; чувствуется, что авторъ ея обладаетъ недюжинными способностями. Романъ былъ изданъ въ 1787 — 89 гг. Лувэ пришлось горько пожалѣть и о своемъ произведеніи, и о своемъ литературномъ успѣхѣ, когда онъ впослѣдствіи сдѣлался серьезнымъ политическимъ дѣятелемъ и сталъ даже «обвинять» Робеспьера. «Меня обвиняетъ господинъ Лувэ!»—воскликнулъ тотъ съ презрѣніемъ. Въ конвентѣ онъ заявилъ себя краснорѣчивымъ и смѣлымъ ораторомъ, былъ осужденъ къ смертной казни вмѣстѣ съ жирондистами, бѣжалъ, счастливо избѣгъ множества опасностей и кончилъ свою очень непродолжительную жизнь книгопродавцемъ средней руки подъ деревянными арками Палэ-Рояля.

Если оба разсмотрѣнные нами писателя были продолжателями Кребильона-сына, то изъ этого еще и слѣдуетъ, что Бернарденъ де-Сентъ-раьерръ утратилъ всякое вліяніе на литептуру революціи. Напротивъ того, благопристойные романы появлялись и притомъ очень часто, но почти всѣ они не превышали того уровня талантливости, ниже котораго художественное произведеніе можетъ пользоваться лишь скоропреходящимъ успѣхомъ. Только одинъ писатель этой школы обладалъ дѣйствительными дарованіями, остался въ памяти потомства и до сихъ поръ еще не утратилъ интереса въ глазахъ средняго читателя. Это—Ксавье де-Местръ, родомъ изъ Савойи, братъ Жозефа де-Местра; онъ родился въ Шамбери въ 1763 г., служилъ въ офицерахъ и въ 1799 г. храбро сражался противъ республиканской арміи подъ начальствомъ Суворова. Впослѣдствіи онъ жилъ вмѣстѣ со своимъ братомъ, который состоялъ посланникомъ отъ Савойскаго дома при петербургскомъ дворѣ, и занималъ различныя мѣста на русской государственной службѣ. Ему такъ понравилось «*Сантиментальное путешествіе*» Стерна, что ради собственнаго удовольствія онъ написалъ небольшое произведеніе въ юмористическо-фантастическомъ духѣ: «*Путешествіе вокругъ моей комнаты*», отнюдь не погрѣшивъ излишнимъ подражаніемъ

оригиналу. Эта книга давно вышла изъ моды, прежде всего и главнымъ образомъ потому, что она слишкомъ понравилась другимъ авторамъ, и они стали копировать ее до безконечности; затѣмъ потому, что ее слишкомъ хвалили; наконецъ, потому, что преподаватели навязывали ее своимъ ученикамъ и такимъ образомъ обратили ее въ школьное пособіе. И тѣмъ не менѣе она все еще очаровательна. Самыя слабыя мѣста въ ней — разсѣянныя тутъ и тамъ, въ небольшомъ, впрочемъ, количествѣ, маленькія философскія разсужденія; зато грезы, воспоминанія, тихія бесѣды съ самимъ собой, веселыя или меланхолическія размышленія — открываютъ въ авторѣ живое, яркое, свѣжее и прелестное воображеніе, свойственное далеко не всякому писателю.

«*Путешествіе*» было напечатано въ 1794 г. Колоссальный успѣхъ, выпавшій на долю этого произведенія, заставилъ бы другого уйти съ головой въ литературныя занятія. Но Ксавье де-Местръ принялся за живопись и рѣшилъ добиться въ ней такого же совершенства, какъ въ литературѣ. По своему обыкновенію, очень лѣниво и съ громадными перерывами онъ выпустилъ въ свѣтъ еще нѣсколько короткихъ романовъ, а именно «*Прокаженный изъ города Аосты*», «*Кавказскіе плѣнники*», «*Юная Сибирячка*». Всѣ они написаны прекраснымъ языкомъ, очень тонко и задушевно. Слѣдуетъ также замѣтить, что ему принадлежитъ введеніе къ «*Петербургскимъ вечерамъ*» его брата: какъ извѣстно, Жозефъ де-Местръ, обладавшій крупнымъ литературнымъ талантомъ, былъ совершенно неспособенъ къ живому и образному описанію. Безпечно относясь ко всему на свѣтѣ, Ксавье прожилъ очень долго и умеръ только въ 1852 году въ Петербургѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые видѣли очень много, но писали слишкомъ мало.

Ораторы. — Со времени Жанъ-Жака-Руссо краснорѣчіе пробило себѣ дорогу въ писанную литературу. Революція дала ему трибуну и такимъ образомъ ввела новую отрасль словесности — свѣтское краснорѣчіе, почти совершенно неизвѣстное старой Франціи.

Какъ-разъ въ это время явился человѣкъ съ колоссальными дарованіями, который сразу поставилъ наше отечество въ число странъ, способныхъ выдвигать великихъ ораторовъ. Габріель-Оноре-Рикетти де-Мирабо, сынъ краснорѣчиваго автора «*Друга людей*», родился въ Биньонѣ, вблизи Немура, въ 1749 году. Онъ принадлежалъ къ старинному провансальскому роду, породнившемуся со всѣми аристократическими фамиліями Франціи, на что онъ не прочь былъ указать въ своихъ рѣчахъ передъ учредительнымъ собраніемъ, говоря, напримѣръ: «адмиралъ де-Колиньи, кстати сказать, мой кузенъ», и т. д. Горячая и сильная кровь томила его жаждой дѣятельности и будила неукротимыя страсти. Въ юности онъ отличался бурными излишествами и неимовѣрнымъ трудолюбіемъ. Бросаясь изъ стороны въ сторону, онъ успѣлъ, однако, подмѣтить господствующее теченіе своего времени и впередъ продумать революцію, въ которой ему пришлось играть столь дѣятельную роль.

Двадцати лѣтъ онъ написалъ «*Опытъ о деспотизмѣ*», въ двадцать шесть — «*Исторію Филиппа II*», въ тридцать три — изслѣдованіе о «*Тайныхъ приказахъ (lettres de cachet) и государственныхъ тюрьмахъ*». Между дѣломъ онъ успѣлъ выпустить множество брошюръ: «*Солеварни Франшъ-Контэ*», «*Свобода Шотландіи*», «*Ажіотажъ*», «*Учетная касса*», «*Банкъ св. Карла,*» «*Вопросъ о парижскихъ водахъ*» и, наконецъ, знаменитыя «*Письма къ Софьѣ*», написанныя въ венсенской башнѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ съ 1777 по 1780 годъ. Это — нѣчто вродѣ исповѣди его души и ума; передавая все, что онъ перечувствовалъ и передумалъ, онъ поражаетъ читателя глубиной пониманія, проницательностью, подчасъ — сильнымъ и страстнымъ чувствомъ. Наконецъ, укажемъ ради полноты на семь толстыхъ томовъ, написанныхъ отчасти Мирабо и посвященныхъ описанію государственнаго устройства «*Прусской монархіи*».

Съ такой подготовкой и такимъ прошлымъ онъ выступилъ въ 1788 году на поприще политической дѣятельности: вмѣстѣ со всей Франціей онъ потребовалъ созыва генеральныхъ штатовъ въ своей брошюрѣ «*Отвѣтъ на тревожные запросы добрыхъ граждан*ъ» и выставилъ свою кандидатуру у провансальскихъ избирателей. Потерпѣвъ неудачу у экссихъ дворянъ, онъ перешелъ на сторону третьяго сословія. Буржуа выбрали его и въ Э, и въ Марселѣ. Онъ

явился въ Парижъ, какъ вождь и краснорѣчивый оракулъ грядущей революціи. Онъ, можно сказать, создалъ національное собраніе, воспротивившись стремленію правительства распустить представителей третьяго сословія и отославъ обратно «къ его господину» де-Крё-Брезэ, явившагося съ приказомъ объ очищеніи залы. По всѣмъ важнымъ вопросамъ, напр. о контрибуціи четверти имущества для спасенія отъ государственнаго банкротства, о свободѣ прессы, о правѣ войны и мира, о правѣ короля налагать veto на рѣшенія собранія—слышалась его мощная рѣчь, прельщавшая собраніе ясностью изложенія и увлекавшая его своей желѣзной логикой. Одинаково боясь и королевской анархіи, и всемогущества парламента, онъ хотѣлъ достичь образа правленія, который называли тогда *«королевской демократіей»*, т. е. такого, при которомъ бы королевская власть и народное представительство уравновѣшивали другъ друга, взаимно мѣшая проявлять деспотическія наклонности. Въ упорныхъ поискахъ удовлетворительнаго разрѣшенія этой проблемы онъ не пощадилъ ни своей жизни, ни популярности *).

Какъ писатель, Мирабо отличается пыломъ, мощью, рѣзкостью и несдержанностью; онъ нерѣдко страдаетъ расплывчатостью изложенія, зачастую допускаетъ чрезмѣрныя вольности. Въ немъ чувствуется ученикъ Руссо, послѣдователь Дидро, иногда—Мирабо-отца. Какъ ораторъ, онъ стоитъ неизмѣримо выше: онъ сразу выправляетъ свой слогъ, отбрасываетъ все лишнее, оттачиваетъ свою мысль и никогда не бываетъ сухимъ. Стоя на трибунѣ, нервный, могучій, подвижный, онъ то даетъ твердую, ясную и блестящую формулировку, то изливаетъ цѣлый потокъ великолѣпныхъ періодовъ. Въ рѣшительную минуту онъ вскакиваетъ на трибуну и сразу находитъ нужное слово. Напротивъ того, при нормальныхъ обстоятельствахъ, начиная рѣчь, онъ говоритъ нѣсколько медленно и тяжело. Повидимому, ему приходится преодолѣть значительное препятствіе, чтобы войти въ непосредственное общеніе съ аудиторіей. Но вотъ — прошли первыя трудныя мгновенія, и онъ уже завладѣлъ аудиторіей, какъ никто другой, говоритъ съ ней, какъ съ обыкновеннымъ собесѣдникомъ, мало того; превращаетъ ее въ одного человѣка, который, будучи захваченъ въ цѣпь аргументовъ, не можетъ уже отвергнуть предлагаемое заключеніе. Его языкъ не отличался особенной чистотой. Онъ нерѣдко допускалъ неправильности, чувствовалъ особое пристрастіе къ новымъ словечкамъ, но самый *оборотъ* его фразы былъ чисто французскій, притомъ лучшей эпохи. Онъ постигъ тайну плавной, ритмической рѣчи. Его жестъ, естественный и легкій, какъ-бы воплощалъ собою порывъ сильной и возвышенной мысли. Великія дѣла и великія слова очень рѣдко облекаются въ такую прекрасную форму.

Соперникомъ и зачастую противникомъ Мирабо въ національномъ собраніи былъ Барнавъ, родомъ изъ Дофинэ. Очень немногіе знаютъ, что это былъ одинъ изъ величайшихъ ораторовъ французской трибуны. Въ самомъ дѣлѣ, большинство революціонныхъ ораторовъ и даже Мирабо (послѣдній по крайней мѣрѣ, — отчасти) составляли свои рѣчи на бумагѣ и затѣмъ уже произносили ихъ въ собраніи. Барнавъ былъ первымъ ораторомъ-импровизаторомъ и, при томъ, почти единственнымъ за весь періодъ революціи и даже вплоть до 1830 года. Его находчивость удивляла и смущала самого Мирабо, который пытался поднять ее на смѣхъ. Быстро ухвативъ словечко, услужливо «подсказанное» ему Шанфоромъ, онъ какъ-то сказалъ: «легкость — одинъ изъ прекраснѣйшихъ даровъ природы, но въ томъ только случаѣ, если ею не пользуются». Это не мѣшало ему однако завидовать талантливому коллегѣ. Къ тому же Барнавъ именно пользовался, но не злоупотреблялъ своимъ даромъ. Его рѣчи отличались ясностью и красотой построенія, возвышеннымъ тономъ, зачастую—блескомъ и великолѣпіемъ изложенія. Онъ обладалъ свѣтлымъ умомъ, а также безподобнымъ искусствомъ сводить споръ къ наиболѣе существенному пункту и неожиданно проливать на него новый свѣтъ. Одной изъ его лучшихъ рѣчей была та, которую онъ произнесъ о правѣ войны и мира. По существу дѣла, истина была на сторонѣ Мирабо, но, съ точки зрѣнія ораторскаго искусства, трудно было бы отдать предпочтеніе тому или другому.

*) Смотр. выше о роли Мирабо, а также о тайныхъ сношеніяхъ съ дворомъ и послѣднемъ періодѣ его жизни.

Не слѣдуетъ судить о личности и характерѣ Барнава по жестокому слову, которое сорвалось у него во время рѣзни настоящихъ и мнимыхъ аристократовъ. «Льютъ кровь! воскликнулъ онъ: но чистую или нечистую?» Его душа была, напротивъ того, мягка и романична. Прельщенный красотой и несчастьемъ Маріи-Антуанетты, онъ неблагоразумно сблизился съ придворной партіей. Подобно многимъ другимъ, онъ палъ жертвой революціоннаго неистовства и былъ казненъ 20 ноября 1793 года. Печально думать, чѣмъ была бы великая эпоха 1800—1820 гг., еслибы буря 1793 года не смела съ лица земли столько многообѣщавшихъ дѣятелей въ области краснорѣчія, наукъ, философіи и поэзіи. Барнавъ былъ бы величайшимъ ораторомъ реставраціи и, очень вѣроятно, однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей этой эпохи умѣренной монархіи и парламентарной свободы. Но его уже не было!

Сіесъ не былъ ораторомъ или, вѣрнѣе, не любилъ выступать въ этой роли. Но въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ говорилъ, онъ поражалъ слушателей догматической опредѣленностью своихъ тезисовъ и вѣскостью аргументовъ. Безспорно, это былъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся политическихъ мыслителей революціоннаго періода. Онъ родился въ Фрежюсѣ въ 1748 году и ко времени приближенія революціи былъ ученымъ и священникомъ, генеральнымъ викаріемъ при епископѣ Шартрскомъ. Впослѣдствіи его называли идеологомъ и были совершенно правы, такъ какъ на всѣ вопросы онъ могъ и желалъ смотрѣть только съ чисто-абстрактной точки зрѣнія. Но не слѣдуетъ забывать, что его діалектическая, метафизическая и—можно было-бы почти сказать—механическая политика опиралась на въ высшей степени прочное основаніе, въ видѣ чрезвычайно обширныхъ свѣдѣній и многолѣтнихъ размышленій. Онъ являлся какъ-бы герольдомъ революціи, издавъ въ 1788 и 1890 гг. три свои брошюры: «*Опытъ о привилегіяхъ*», «*Соображенія относительно того, какими средствами для исполненія* (своихъ постановленій) *могутъ располагать представители Франціи*» и «*Что такое третье сословіе?*». Три этихъ сухихъ, точныхъ и рѣзкихъ книжки встрѣтили громадное сочувствіе и имѣли колоссальный успѣхъ.

Вопреки первому впечатлѣнію, Сіесъ очень мало измѣнилъ свои взгляды втеченіе революціи. Онъ былъ и остался авторитарнымъ демократомъ; онъ всегда стремился къ равенству и хотѣлъ признавать только ту власть, которая, будучи очень сильной и, пожалуй, даже деспотической, въ то-же время выражала бы желанія большинства и служила бы его интересамъ. Онъ былъ нерѣшительнымъ сторонникомъ парламентаризма именно потому, что слишкомъ ненавидѣлъ всякую аристократію. Революція вскорѣ вступила на путь, который былъ для него менѣе по душѣ, чѣмъ всѣ остальные. Въ началѣ дѣятельности конвента онъ воскликнулъ, «они хотятъ свободы, а сами не знаютъ, что такое справедливость!». При террорѣ онъ хранилъ глубокое, ничѣмъ не нарушимое молчаніе. «Что вы дѣлали все это время?» спрашивали его впослѣдствіи. «Я жилъ», отвѣчалъ онъ. Подъ конецъ директоріи онъ съ радостью сталъ замѣчать возвышеніе сильнаго человѣка; «мнѣ нужна шпага», сказалъ онъ и помогъ Бонапарту произвести переворотъ 18 брюмера. При имперіи онъ былъ сенаторомъ и академикомъ; при реставраціи его, какъ «цареубійцу», изгнали изъ Франціи; въ 1830 г. онъ вернулся и умеръ въ 1836 году.

Это былъ скорѣе мощный, чѣмъ великій умъ и отнюдь не великодушный характеръ; было бы неправильно считать его посредственностью: въ нужный моментъ онъ умѣлъ уловить общее настроеніе и выразить какъ разъ то, что у каждаго накипѣло на сердцѣ, но не успѣло еще отлиться въ опредѣленное, точно формулированное требованіе.

Другой аббатъ, прямая противоположность Сіеса, возбуждалъ національное собраніе своими страстными и порывистыми рѣчами, удивлялъ его свободными и грубыми манерами и забавлялъ вульгарнымъ, но легкимъ и оригинальнымъ остроуміемъ. Его звали Мори. Онъ родился въ 1746 году въ Вальреасѣ. Происходя изъ бѣдной семьи низшаго класса, онъ съ ранняго дѣтства выдѣлялся живостью ума и необыкновенной памятью. Въ двадцать лѣтъ онъ прославился или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣлъ извѣстность похвальными словами и надгробными рѣчами, написанными въ академическомъ духѣ. Впослѣдствіи онъ занялъ мѣсто проповѣдника при королевской церкви въ

Версалѣ и считался однимъ изъ свѣтилъ католической церкви, въ которыхъ чувствовался замѣтный недостатокъ со времени Массильона. Замѣчательный фактъ: въ виду множества священниковъ, попавшихъ въ составъ національнаго собранія, можно было-бы ожидать, что большинство ораторовъ выйдетъ изъ ихъ среды, такъ какъ всѣ они привыкли говорить при большомъ стеченіи слушателей. Между тѣмъ въ дѣйствительности въ конституантѣ говорили главнымъ образомъ дворяне, литераторы, адвокаты и только двое священниковъ—Сійесъ и Мори, причемъ первый изъ нихъ говорилъ лишь изрѣдка и очень мало.

Будучи выбранъ депутатомъ отъ духовенства въ національное собраніе, Мори поддержалъ свою репутацію выдающагося оратора и умнаго человѣка. Особенной популярностью пользовались его находчивыя возраженія, дышавшія юморомъ и подчасъ обнаруживавшія замѣчательное присутствіе духа. Однажды во время народнаго возстанія толпа угрожала повѣсить его на фонарѣ. «Хорошо, но будетъ-ли вамъ виднѣе?» отвѣчалъ онъ совершенно хладнокровно. Мирабо предупреждалъ, что поймаетъ его въ такъ называемомъ «порочномъ кругу» (т. е. въ противорѣчіи съ самимъ собой). «Помилуй Боже, онъ хочетъ меня обнять!» воскликнулъ Мори, намекая на порочность самого Мирабо. Его рѣчи были очень неровны. Нѣкоторыя мѣста въ нихъ увлекательно остроумны, другія тривіальны. Отъ возвышеннаго ему ничего не стоило сразу перейти къ грубому и плоскому. Минутное настроеніе значило очень много для этого умнаго, смѣлаго, находчиваго человѣка. Въ немъ чувствовался южанинъ, неспособный къ упорному труду, настойчивости и долгому размышленію. Эмигрировавъ въ 1792 году, онъ удалился въ Римъ, былъ назначенъ епископомъ въ Монтефьясконе и Корнето, затѣмъ—кардиналомъ. Во времена Имперіи онъ занималъ постъ сенатора и епископа парижскаго. Въ 1815 г. ему снова пришлось удалиться въ Римъ, гдѣ онъ и умеръ черезъ два года. Онъ оставилъ послѣ себя собраніе своихъ лучшихъ рѣчей, а также интересный и довольно полезный трактатъ «Церковномъ краснорѣчіи».

Къ числу наиболѣе выдающихся ораоортовъ конвента, которыхъ не можетъ пройти молчаніемъ исторія французской литературы, мы относимъ Верньо, Дантона и Робеспьера.—Верньо, глава «жирондистовъ», не былъ уроженцемъ Бордо; онъ родился въ Лиможѣ въ 1753 году. Еще въ отрочествѣ онъ обратилъ на себя вниманіе Тюрго, бывшаго въ то время комендантомъ Лимузена. Впослѣдствіи онъ занимался адвокатурой въ Бордо и въ 1792 году былъ избранъ въ депутаты конвента. Онъ тотчасъ-же выдѣлился своимъ краснорѣчіемъ, которое напоминало современникамъ Мирабо, но, по нашему мнѣнію, было гораздо ближе къ ораторскимъ пріемамъ Барнава. Онъ былъ корректенъ, элегантенъ, находчивъ, блестящъ, обладалъ очень сильнымъ и гибкимъ воображеніемъ. Это былъ ораторъ, по преимуществу, спокойнаго періода, когда текущая политика не вызывала и не требовала бурныхъ страстей. Онъ отличался чуть не академичностью, и, несмотря на отсутствіе чувства мѣры, намъ кажется, въ немъ было что-то аттическое. Природа не дала ему твердаго характера. У него не было и опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, которыя до извѣстной степени замѣняютъ характеръ. Жирондистамъ нуженъ былъ вождь, между тѣмъ Верньо былъ только предсѣдателемъ этой партіи, правда, очень представительнымъ и краснорѣчивымъ. Онъ погибъ вмѣстѣ со своими друзьями 31 октября 1793 года. Патріоты и любители изящнаго слова дорожатъ его памятью. Онъ ничего не издалъ. Впослѣдствіи почитатели собрали его наиболѣе замѣчательныя рѣчи.

Дантонъ, родившійся въ Арси на Обѣ въ 1759 году, былъ трибунъ отъ природы. Онъ обладалъ всѣми достоинствами истиннаго оратора; самые недостатки служили ему на пользу и помогали производить наибольшее впечатлѣніе на слушателей. Могучее тѣлосложеніе, громовый голосъ, некрасивая, но энергичная голова, сильная и властная жестикуляція, неукротимая отвага, довѣріе къ своимъ силамъ, доведенное у него до безумной самонадѣянности, бывшее причиной и его успѣховъ, и его гибели; умѣнье никогда не быть смѣшнымъ, презрѣніе къ формѣ, имѣющее особенно большое значеніе и дающее громадное преимущество въ эпохи народныхъ революцій,—все это сочеталось въ лицѣ Дантона съ мощнымъ умомъ настоящаго госу-

дарственнаго человѣка, умомъ, сквозившимъ въ каждомъ его словѣ, покорявшимъ сердца и потрясавшимъ народныя массы. Онъ овладѣвалъ толпой и велъ ее за собою. Враги долго трепетали передъ этой грозной, стихiйной силой, передъ этимъ стремительнымъ генiемъ. Они были правы, опасаясь этого колосса даже тогда, когда онъ былъ въ оковахъ, и не давая ему говорить передъ казнью: онъ умеръ, но кровь его задушила Робеспьера!

Этотъ послѣднiй тоже принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ ораторовъ. Говорили, правда, что его краснорѣчiе софистично. Но съ тѣмъ-же основанiемъ можно сказать это про большинство ораторовъ революцiи и даже про большинство ораторовъ вообще, независимо отъ времени и мѣста. Въ дѣйствительности, отличительной чертой его краснорѣчiя было полное отсутствiе импровизацiи. Робеспьеръ не родился ораторомъ, какъ Мирабо, Барнавъ, Верньо и Дантонъ. Это былъ писатель, сдѣлавшiйся ораторомъ. Онъ происходилъ изъ Арраса и былъ только годомъ старше Дантона, занимался адвокатурой, но велъ очень мало дѣлъ, посѣщалъ академiю своего родного города, писалъ стихи на разныя событiя, участвовалъ въ конкурсѣ на премiю, которую мецская академiя назначила за лучшее философское разсужденiе, и съ этой цѣлью составилъ рѣчь на моральную тему, въ которой подражалъ Руссо, наконецъ, фактъ очень знаменательный!—послалъ «*Похвальное слово Грессэ*», именно, въ амьенскую академiю, которая, какъ извѣстно, преклонялась передъ Руссо и относилась очень недоброжелательно къ Вольтеру. Все предвѣщало въ немъ писателя, а не трибуна, и онъ остался имъ навсегда. Выступивъ на поприще широкой политической дѣятельности, онъ предварительно писалъ свои рѣчи, выучивалъ ихъ наизусть, затѣмъ «пробовалъ» прочесть ихъ въ тѣсномъ кругу близкихъ друзей, продумывалъ ихъ снова, исправлялъ ихъ до безконечности и только послѣ всей этой долгой, утомительной работы—произносилъ ихъ въ конвентѣ. Зато онѣ были очень хорошо составлены, всѣ части ихъ, какъ нельзя лучше, пригнаны другъ къ другу, никакая подробность не была забыта, все предусмотрѣно и обдумано. Нѣсколько растянутыя, но чрезвычайно ясныя, онѣ послѣдовательно переходили отъ одного аргумента къ другому, исчерпывали вопросъ до конца, пользовались всѣми способами, чтобы привлечь вниманiе слушателей. Есть нѣкоторая разница между риторомъ и преподавателемъ риторики. Робеспьеръ былъ скорѣе замѣчательнымъ профессоромъ риторики, чѣмъ истиннымъ риторомъ.

Что-бы ни говорили про его ничтожную роль въ учредительномъ собранiи, безспорно, что съ самаго начала революцiи онъ обратилъ на себя вниманiе не какъ влiятельный политическiй дѣятель, а именно, какъ выдающiйся ораторъ. Говоря объ этомъ перiодѣ его жизни, обыкновенно указываютъ на его рѣчь объ отмѣнѣ смертной казни. Предложенiе было отвергнуто, и самъ Робеспьеръ впослѣдствiи широко воспользовался своей собственной неудачей. Въ конвентѣ исторiя его, какъ оратора, совершенно сливается съ общей политикой того времени. Рѣчи его въ клубѣ якобинцевъ носили тотъ же характеръ, но, если можно такъ выразиться относительно такого дѣланнаго человѣка,—онъ держался тамъ свободнѣе; чувствительность, которою онъ отличался еще въ академiи Арраса, и въ которой не все было лицемѣрно, проявлялась тамъ несравненно рельефнѣе, чѣмъ въ собранiи. Что-то сентиментально-мистическое вызывало въ немъ чрезвычайную жалость и обожанiе къ самому себѣ, заставляло его чуть-ли не искренно плакать надъ своей судьбой, надъ жестокостью своихъ враговъ и надъ зломъ, которое они заставляли его дѣлать. Подобно многимъ тиранамъ, онъ страдалъ бредомъ преслѣдованiя. Въ другую эпоху этотъ опасный манiакъ былъ-бы идиллическимъ поэтомъ и славнымъ ораторомъ.— Кромѣ рѣчей и юношескихъ произведенiй, онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько приторныхъ стихотворенiй, написанныхъ довольно гладкимъ языкомъ.

Литераторы.—Мы будемъ говорить здѣсь только о тѣхъ журналистахъ, которые были въ то-же время настоящими писателями. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, безспорно, **Андре Шенье**, о которомъ мы въ другомъ мѣстѣ имѣли уже случай говорить, какъ о поэтѣ. Онъ писалъ въ «Парижской Газетѣ» въ 1792 году очень краснорѣчивыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно простыя, сдержанныя и отнюдь не напыщенныя статьи. Его ѣдкiя нападки ужасно раздражали якобинцевъ. Увлекательная иронiя, напо-

минающая «*Ямбы*» Сенъ-Лазара; отвращеніе къ пошлости, котораго всегда, а особенно въ то время, было достаточно, чтобы прослыть аристократомъ; образная и убѣдительная рѣчь, близкая къ истинному краснорѣчію, таковы характерныя черты его газетныхъ статей. Онѣ не обезсмертили его имени, но вполнѣ достойны его славы. А это очень и очень много.

Подобно Андре Шенье, Шанфоръ былъ не только журналистомъ; но его слава всецѣло зиждется на мелкихъ произведеніяхъ, брошюрахъ и замѣткахъ. Онъ происходилъ изъ Оверни, родился въ Клермонѣ въ 1741 году. Происхожденіе его до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ и, повидимому, было связано съ какой-то тайной. Онъ очень рано выступилъ на литературное поприще, написавъ нѣсколько сочиненій на академическія темы, которыя обыкновенно придаютъ бодрости начинающимъ авторамъ и помогаютъ имъ выбиться изъ неизвѣстности. Въ 1764 году онъ отважился выступить съ комедіей въ стихахъ «*Юная индіанка*», имѣвшей успѣхъ; въ 1770 году онъ написалъ сатирическую комедію «*Смирнскій купецъ*», наконецъ, въ 1776 году сдѣлалъ еще шагъ и написалъ трагедію «*Мустафа и Зеанжиръ*». Это омерзительное произведеніе, справедливо освистанное публикой, принесло ему однако почести, выдающееся общественное положеніе и деньги. Никто не встрѣчалъ, со стороны высшихъ слоевъ старой Франціи, такого радушнаго пріема, ласки, почета и значительной матеріальной поддержки, какъ Шанфоръ, человѣкъ очень темнаго происхожденія. Необыкновенный успѣхъ у женщинъ, пособіе отъ принца Кондэ, пенсія отъ Маріи-Антуанетты, мѣсто чтеца при мадамъ Елизабетъ,—всѣ эти и многія другія выраженія расположенія буквально подавляли его и доводили до полнаго изнеможенія. Казалось, онъ сдѣлался какимъ-то кумиромъ аристократическаго общества. Революціонная волна перебросила его на другой берегъ. Онъ отдался новому общественному движенію со всѣмъ пыломъ и страстью, на какія только способенъ униженный, забитый плебей. Онъ сотрудничалъ въ революціонныхъ изданіяхъ съ 1787 по 1790 г. Первыя строки въ знаменитомъ памфлетѣ «Что такое третье сословіе?» принадлежатъ не Сійесу, а Шанфору. Онъ сдѣлался ревностнымъ сотрудникомъ Мирабо въ дѣлѣ разрушенія стараго порядка, внушая ему наиболѣе плодотворныя и впослѣдствіи самыя популярныя идеи.

Терроръ горько разочаровалъ его въ новомъ строѣ, но все-же не погасилъ его ненависти къ старому порядку. Онъ враждовалъ теперь и съ прошлымъ, и съ настоящимъ. Знаменитую революціонную формулу: «свобода, равенство, братство, или смерть»—онъ передѣлалъ въ очень злую пародію: «будь моимъ братомъ или я убью тебя». Его заключили въ тюрьму, выпустили, затѣмъ стали грозить новымъ арестомъ. Онъ покушался на самоубійство и умеръ отчасти отъ нанесенныхъ себѣ ранъ, отчасти отъ застарѣлой болѣзни (въ 1794 г.). Его театральныя пьесы, академическія работы, статьи, «*Драматическій словарь*», выпущенный имъ при сотрудничествѣ Де-Ла-Порта въ 1776 г.,—только значительныя произведенія. Между тѣмъ его посмертная книга «*Мысли, максимы и анекдоты*» ставятъ его наряду съ нашими наиболѣе остроумными, самыми саркастичными и чуть не съ самыми глубокими моралистами. Онъ хорошо зналъ людей и упивался ихъ недостатками, забывая о добрѣ, которое ему дѣлали. Его мысли, по большей части, не что иное, какъ воспоминанія, записанныя въ видѣ коротенькихъ, гибкихъ, искрометныхъ фразъ, напоминающихъ Ла-Рошфуко. Нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ въ немъ своеобразнаго, безспорно односторонняго, но очень много видѣвшаго и передумавшаго философа. Пессимистъ Шопенгауеръ, пользовавшійся громаднымъ успѣхомъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX стол., сдѣлалъ у него массу позаимствованій, ни разу не указавъ ихъ источника. Философія разочарованія,—безспорно допустимая, даже полезная, такъ какъ она указываетъ ничтожество человѣческаго существованія, нѣсколько отталкивающая, такъ какъ ея проповѣдники по большей части принадлежатъ къ числу людей, воспользовавшихся всѣми благами жизни, наконецъ, спасительная, такъ какъ она показываетъ, во что превращаются тѣ счастливцы, которымъ мы имѣемъ глупость завидовать; философія разочарованія, говоримъ мы,—какое-бы значеніе она ни имѣла въ общемъ и какъ-бы мы о ней ни судили,—не нашла себѣ болѣе глубо-

каго, болѣе язвительнаго, мрачнаго, блестящаго выразителя, чѣмъ счастливый, превознесенный, обласканный, богатый и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный Никола́ Шанфоръ.

Ривароль не былъ такъ глубокъ, но былъ такъ-же уменъ, какъ Шанфоръ. По происхожденію итальянецъ, онъ родился въ Баньолѣ въ Лангедокѣ. Въ молодости онъ носилъ много различныхъ именъ, но, повидимому, ни на одно изъ нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго «права». Въ концѣ-концовъ онъ остановился на «Риваролѣ», повидимому, это прозвище, съ частицей «де» или безъ нея, было ему все-же ближе, чѣмъ остальныя. Онъ вошелъ въ моду, благодаря своей изящной фигурѣ, естественной граціи своихъ манеръ и недюжинному уму. Къ тому-же, въ одно и то-же время онъ умѣлъ быть свѣтскимъ человѣкомъ и неустаннымъ труженикомъ. «Днемъ онъ вращался въ обществѣ, ночью работалъ», говоритъ Сентъ-Бёвъ. Въ наше время нужно было-бы сказать какъ-разъ наоборотъ: «работалъ днемъ и поддерживалъ свѣтскія отношенія ночью». Начавъ съ критики, онъ участвовалъ затѣмъ въ конкурсѣ на премію, назначенную берлинской академіей за лучшій отвѣтъ на слѣдующую тему: «Что́ сдѣлало французскій языкъ всемірнымъ? чѣмъ заслужилъ онъ такое преимущество? можно-ли предполагать, что онъ сохранитъ его и впослѣдствіи?» Его сочиненіе, до сихъ поръ не утратившее интереса, было удостоено преміи. Онъ занимался, кромѣ того, переводомъ Данте Алигьери, но его истиннымъ призваніемъ была сатирическая журналистика.

Первымъ произведеніемъ его въ этомъ родѣ были картинки изъ жизни литературнаго міра подъ названіемъ «*Маленькій альманахъ нашихъ великихъ людей*»; по безпощадной язвительности и уничтожающей ироніи онѣ не оставляли желать ничего лучшаго. Ривароль поднялся еще выше въ двухъ своихъ «*Письмахъ къ г. Некеру*»—небольшомъ трактатѣ о нравственности. Строгій моралистъ быть можетъ найдетъ принципъ и разсужденія автора нѣсколько сомнительными, но безспорно, что они чрезвычайно остроумны, прекрасно развиты, наконецъ, вполнѣ серьезны, хотя не возвышенны, и являются какъ-бы итогомъ нравственной философіи XVIII столѣтія, поскольку она была разумна и здрава. Революція превратила нашего сатирика въ истаго реакціонера. Сначала въ «*Политической Газетѣ*», затѣмъ въ «*Дѣяніяхъ апостоловъ*» онъ обрушивался на нее съ неслыханной силой злобнаго сарказма и ярости. Бёркъ, давшій ему напыщенное прозвище «Тацита революціи», сдѣлалъ-бы гораздо лучше, сопоставивъ его со Свифтомъ.—Сознавая, что за выходки противъ революціи его можно было-бы разъ двадцать повѣсить или гильотинировать, Ривароль не сталъ идти противъ теченія и благоразумно эмигрировалъ въ 1792 году. Не имѣя возможности вернуться во Францію вплоть до 1801 года, онъ жилъ то въ Гамбургѣ, то въ Лондонѣ, то въ Берлинѣ, всюду блестя своимъ язвительнымъ умомъ и изрѣдка потѣшаясь надъ иностранцами, которые собирались впятеромъ или вшестеромъ, чтобы понять какое-нибудь острое французское словечко.

Онъ продолжалъ еще немного работать, но не видѣлъ впереди ничего свѣтлаго. Къ этому періоду относятся три его памфлета: «*Письмо къ французскому дворянству*», «*Письмо къ герцогу Брауншвейгскому*», «*Политическая дѣятельность генерала Лафайетта*». Онъ подготовлялъ также изданіе словаря французскаго языка, но не имѣлъ времени довести этотъ трудъ до конца. Отъ него осталось только «*вступленіе*».— Ривароль безразсчетно растратилъ свои выдающіяся способности, свой умъ, вкусъ къ изящному и даръ краснорѣчія. Виной этого—отчасти стеченіе обстоятельствъ, вырвавшее его изъ родной стихіи какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда его талантъ достигъ кульминаціонной точки своего развитія и мощи,—отчасти его слабый характеръ и отсутствіе твердыхъ политическихъ убѣжденій. Говоря вообще, онъ былъ поверхностенъ и зачастую удовлетворялся легкими побѣдами, которыя доставались на его долю при свѣтской болтовнѣ или въ журнальной полемикѣ. Но онъ былъ очень уменъ и золъ, а французы очень много прощаютъ за это достоинство и еще больше — за этотъ недостатокъ.

Камилль Демуленъ родился въ Гизѣ, въ «суровой и гнѣвливой Пикардіи», какъ называетъ ее Мишле, въ 1762 году. Учился онъ въ парижскомъ коллежѣ Людовика Великаго и сдружился тамъ съ однимъ изъ своихъ товарищей — Робеспьеромъ. Едва выйдя изъ стѣнъ коллежа, онъ съ голо-

вой ушелъ въ новыя идеи, сталъ усиленно посѣщать собранія молодыхъ философовъ и ученыхъ, которыхъ можно было считать республиканцами по ихъ преклоненію передъ античными общинами и сочиненіями Руссо,—и очень скоро началъ играть роль молодого трибуна. Въ 1788 году онъ выпустилъ въ свѣтъ памфлетъ, страдающій нѣкоторой декламаціей, озаглавленный «*Философія къ французскому народу*», въ 1789 году—другую, еще болѣе нашумѣвшую брошюру «*Свободная Франція*». Его имя стало извѣстно во всѣхъ концахъ страны, а все парижское населеніе знало его въ лицо. 14 іюля 1789 года онъ двинулъ народныя толпы на Бастилію.

Этотъ необычайный успѣхъ вскружилъ ему голову и заставилъ возмнить себя творцомъ революціи. Онъ пересталъ быть самимъ собою; вопреки своему характеру, въ которомъ не было ничего фанфаронскаго и циничнаго, онъ провозгласилъ себя «генералъ-прокуроромъ уличнаго фонаря» (висѣлицы), опубликовалъ «*Рѣчи фонаря къ парижскому народу*», своего рода программу народнаго террора, и продолжалъ проповѣдь насилія въ журналѣ «*Революціи Франціи и Брабанта*», гдѣ систематически разжигалъ страсти и подготовлялъ взрывъ народнаго гнѣва.

Когда Дантонъ сдѣлался министромъ юстиціи, Камилль Демуленъ занялъ оффиціальное положеніе въ качествѣ секретаря - хранителя печати, т. е. начальника кабинета министра. Избранный въ члены конвента, онъ не сумѣлъ занять виднаго мѣста среди выдающихся дѣятелей собранія: народный трибунъ оказался слишкомъ слабымъ ораторомъ для представительнаго учрежденія всей Франціи. Попрежнему работая въ газетѣ, онъ велъ такую-же ожесточенную войну противъ жирондистовъ, какъ и противъ фейльяновъ. Къ этому періоду его дѣятельности относится брошюра «*Исторія бриссотинцевъ*» и памфлетъ «*Бриссо безъ маски*» (1793 г.).

Тѣмъ не менѣе, когда терроръ сталъ принимать слишкомъ грозные размѣры, Камилль Демуленъ, не смотря на всю свою дружбу къ Робеспьеру, отъ которой, впрочемъ, и не думалъ отказываться, рѣшилъ идти вслѣдъ за Дантономъ по направленію къ «модерантизму» или, по крайней мѣрѣ, «терпимости». Трудно сказать, усталъ-ли онъ отъ ряда тяжелыхъ впечатлѣній, или опасался грядущей тираніи, во всякомъ случаѣ, не порывая открыто съ Робеспьеромъ, онъ уклонился въ сторону и пошелъ по другому пути. Тактика «*Стараго кордельера*», который онъ издавалъ въ 1793—94 гг., заключалась въ тайномъ противодѣйствіи Робеспьеру подъ видомъ нападокъ на «*Перъ-Дюшенъ*» и бѣсноватыхъ монтаньярской партіи. Никогда Демуленъ не проявлялъ такого сильнаго таланта, какъ именно въ это время, въ шести номерахъ своего періодическаго листка. Онъ возвысился въ нихъ до истиннаго краснорѣчія. Правда, содержаніе его въ значительной мѣрѣ составляли сравненія изъ античнаго міра, къ которому авторъ всегда питалъ особенное пристрастіе, но и само по себѣ оно отличалось мощью, колоритностью, пыломъ, увлекательностью и красотой. Нѣкоторыя мѣста «*Стараго кордельера*»— не только великолѣпные образцы полемическаго искусства, но также верхъ совершенства французскаго стиля и языка. Камилля Демулена, дѣйствительно, можно было-бы съ полнымъ правомъ назвать «Тацитомъ революціи».

Паденіе Дантона погубило и Демулена. Щадя Робеспьера, онъ не могъ, однако, пройти молчаніемъ «законъ о подозрительныхъ» и открыто обрушился на него со всей силой своего краснорѣчія. О примиреніи не могло быть и рѣчи: онъ былъ преданъ суду. Желая пріобрѣсти уваженіе или избѣжать позора, Робеспьеръ защищалъ своего стараго друга въ клубѣ якобинцевъ, указывая, главнымъ образомъ, на смягчающія обстоятельства. Тѣмъ не менѣе, Камилль Демуленъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ 5 апрѣля 1794 г. вмѣстѣ съ Дантономъ и Фабромъ д'Эглантиномъ.

Этотъ «баловень» революціи, какъ его назвалъ Робеспьеръ, обладалъ неукротимой отвагой и при извѣстныхъ обстоятельствахъ былъ способенъ на истинное великодушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался безразсудствомъ, буйнымъ характеромъ и слабымъ развитіемъ моральнаго чувства. Онъ далъ волю своему пылкому воображенію, тщеславію, гнѣву и своенравному бѣшенству. Революція и непосильная роль, которую онъ случайно сыгралъ при взятіи Бастиліи, опьянила его, затмила его разумъ, но

не испортила его по существу хорошей натуры и не загубила его таланта. Опьяненіе прошло, пелена спала съ глазъ, и онъ увидѣлъ надъ своей головой тотъ самый ножъ, который онъ самъ оттачивалъ столько времени. Исторія снисходительна къ увлеченію, которое кончается раскаяніемъ. Homines postrema meminere: мы чтимъ въ немъ одного изъ тѣхъ людей, для которыхъ перо журналиста замѣняло ораторскую трибуну.

Глава XIII.

ИСКУССТВО ВО ФРАНЦІИ.

(1789—1799)

I. Пластическія искусства.

Революція могла только усилить классическое и «античное» направленіе, зародившееся, нашедшее себѣ теоретическое обоснованіе и принесшее первые плоды еще въ предыдущій историческій періодъ. Восторженное увлеченіе героическими преданіями древнихъ республикъ шло рука объ руку съ художественной доктриной «суроваго и античнаго»; политика завершила то, что было начато эстетикой и общимъ движеніемъ идей; классицизмъ торжествовалъ; онъ сталъ вскорѣ тираннически господствовать надъ всѣми умами. Всѣ остальныя сѣмена, тамъ и сямъ разбросанныя въ глубинахъ родной почвы,—разбросанныя отчасти самыми потрясеніями революціоннаго періода,—должны были выжидать болѣе благопріятной общественной атмосферы.— Впрочемъ, прежде, чѣмъ познакомиться съ положеніемъ отдѣльныхъ искусствъ въ эту эпоху, мы должны сказать нѣсколько словъ относительно преобразованій, которымъ подверглись посвященныя имъ учрежденія.

Конецъ королевской академіи. — Реформа прежде всего коснулась королевской академіи. Сначала она вполнѣ раздѣляла общій восторгъ, съ какимъ населеніе Франціи привѣтствовало зарю лучшаго времени. По предложенію госпожъ Муатъ и Пажу, жены академиковъ, подражая примѣру «римскихъ женщинъ въ годины крайней нужды славнаго города», выразили національному собранію свое сочувствіе и передали въ государственное казначейство всѣ свои драгоцѣнности. «Поспѣшимъ, писала госпожа Муатъ, пойти по слѣдамъ тѣхъ, которыя имѣли преимущество родиться раньше насъ, и проложимъ себѣ путь къ храму патріотизма». Вдовые и холостые члены академіи сдѣлали такое-же подношеніе отъ имени своихъ прежнихъ или будущихъ женъ. Собраніе пришло въ энтузіаэмъ и рѣшило «запечатлѣть обворожительныя черты этихъ гражданокъ на память потомству, посредствомъ *физіонотраса* Кенедея».

Этотъ порывъ взаимныхъ симпатій прошелъ очень скоро. Сѣмена раздора были уже брошены и черезъ короткій промежутокъ времени дали очень богатые плоды. Дѣло въ томъ, что хотя академія была очень доступна и широко раскрывала двери передъ всякимъ талантомъ и всѣми родами искусства, она все-же очень ревниво оберегала свои привилегіи и воздвигала гоненіе на всякую корпорацію или ассоціацію, которой приходило на мысль открыть художественную школу или выставку. На другой день послѣ взятія Бастиліи недовольные стали уже поговаривать объ «академической Бастиліи». Давидъ, который лично отнюдь не могъ пожаловаться на своихъ сотоварищей, сталъ во главѣ этого движенія и повелъ ожесточенную борьбу противъ устарѣлаго учрежденія. Оппозиція очень скоро вышла изъ стѣнъ академіи и нашла себѣ массу сторонниковъ среди общества. Адресъ и проекты статутовъ *Центральной* (а не королевской) *академіи* живописи, скульптуры, гравюры и ар-

хитектуры, внесенные въ національное собраніе, пока ограничивались слѣдующими требованіями: 1) присоединеніе къ ней академіи архитектуры, которая съ 1671 года составляла самостоятельную корпорацію; 2) возможность для принятыхъ присутствовать на засѣданіяхъ и принимать участіе въ преніяхъ; 3) увеличеніе числа профессоровъ и курсовъ въ школѣ, открытой въ Луврѣ и находившейся подъ управленіемъ академіи.

Этотъ «пасквиль» глубоко возмутилъ большинство академиковъ и они не безъ высокомѣрія отвѣчали въ особой запискѣ, составленной ихъ секретаремъ Рену: «*Духъ статутовъ и регламентовъ королевской академіи живописи и скульптуры. Отвѣтъ хулителямъ ея строя*». Это изданіе еще болѣе обострило борьбу и вызвало негодованіе со стороны молодежи и «независимыхъ», которые сгруппировались вокругъ Давида, пользовавшагося по отношенію къ нимъ чуть не диктаторской властью. Новыя петиціи, поданныя ими въ національное собраніе, ставили на видъ, что «академія несовмѣстима со свободой», и вызвали законодательную мѣру (21 августа 1791 года), въ силу которой выставка 1791 года должна была быть доступной *для всѣхъ французскихъ и иностранныхъ художниковъ, какъ членовъ, такъ и нечленовъ академіи живописи и скульптуры*. Такимъ образомъ академія лишилась какъразъ той привилегіи, которую отстаивала съ особенной настойчивостью. Притомъ, самая мотивировка конституанты не предвѣщала ничего добраго для старинной корпораціи артистовъ. «Принимая во вниманіе, гласилъ декретъ, что ни для части націи, ни для отдѣльнаго гражданина не существуетъ болѣе никакихъ привилегій или изъятій изъ общихъ правъ всѣхъ французовъ, что упразднены цеховыя управы, а также профессіональныя корпораціи, обособляющія представителей отдѣльныхъ искусствъ и ремеслъ... національное собраніе, въ видѣ временной мѣры, впредь до окончательнаго переустройства всей системы общественнаго обученія и воспитанія, постановляетъ»... Итакъ, академія была осуждена въ принципѣ. Когда—уже въ конвентѣ—былъ снова поднятъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи, Давидъ, ставшій къ этому времени депутатомъ отъ города Парижа, выступилъ на трибуну и «показалъ во всей его гнусности духъ скота, именуемаго академикомъ». Бывшая королевская академія была уничтожена вмѣстѣ съ остальными академіями 8 августа 1793 года.

Народныя общества художествъ. — Тотъ-же самый декретъ, который упразднилъ академіи, возложилъ на конвентскій «комитетъ общественнаго обученія» обязанность немедленно представить собранію планъ организаціи «общества, предназначеннаго содѣйствовать прогрессу наукъ и искусствъ»; 25 октября 1795 г. оно было учреждено подъ названіемъ Института (Institut de France).—Еще въ 1790 году, по предложенію Давида, художники и меньшинство академиковъ образовали ассоціацію, которая вскорѣ была названа «коммуной искусствъ». Общественное мнѣніе осталось равнодушнымъ къ новому обществу; что-же касается до его внутренней жизни, то происходившія въ немъ пренія очень скоро выродились въ безпорядочныя столкновенія; расколъ на «ретроградовъ» и «передовыхъ» черезъ нѣсколько мѣсяцевъ привелъ къ безнадежной анархіи. Тогда было рѣшено преобразовать подозрительную «коммуну искусствъ» въ «народное и республиканское общество художествъ», члены котораго должны были проходить «сквозь очистительное горнило, устраняющее всѣхъ лжепатріотовъ». 28 нивоза 1793 года депутація отъ новаго общества явилась къ рѣшеткѣ конвента и торжественно провозгласила, что оно состоитъ изъ свободныхъ людей и не допуститъ въ свои ряды никого, кромѣ гражданъ испытаннаго патріотизма. «Мужественные монтаньяры, прибавилъ ораторъ, вы ниспровергли всѣ смѣшные монументы, которые воздвигла глупая гордость тирановъ... но, чтобы не пропали безслѣдно благородныя усилія наукъ и искусствъ, нужно уничтожить еще одно чудовище—интригу! ея тлетворное дыханіе возмущаетъ чистый воздухъ свободы! искусства представляютъ для нея чрезвычайно широкое и удобное поприще!» Давидъ, предсѣдательствовавшій въ собраніи, отвѣчалъ отъ имени конвента, что искусства должны возстановить утраченное достоинство; что они перестанутъ продавать себя, подобно падшей женщинѣ, и увѣковѣчивать дѣянія честолюбивыхъ тирановъ. «Вы опасаетесь интриги, сказалъ онъ,—ея царство кончи-

лось вмѣстѣ съ отмѣной королевской власти! она эмигрировала заграницу! талантъ не встрѣтитъ теперь никакихъ преградъ, и представители народа будутъ разыскивать его всюду, гдѣ только можно предположить его присутствіе».

Народное общество, во главѣ котораго стояли Буазо, Эсперсьё, Эйнаръ, Бьенэме, насчитывало среди своихъ членовъ такихъ лицъ, какъ Шоде, Стуфъ, Картелье, Жераръ, Гарнье, Бозіо, Изабей и друг. Оно засѣдало въ Луврѣ въ залѣ Лаокоона и занималось «разъясненіемъ конвентскихъ декретовъ, имѣвшихъ отношеніе къ искусствамъ», составленіемъ петицій въ комитетъ общественнаго обученія, историческими чтеніями, въ которыхъ, подобно прежней академіи, видѣло «пищу для сердца и ума художниковъ», воспроизведеніемъ древнихъ статуй, реставраціей картинъ, устройствомъ празднествъ, реформой національной одежды, а также эстетикой. Во времена террора, хотя и не по закону, но благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ условій, это общество пользовалось громадной властью надъ всѣмъ, что касалось искусства, и его протоколы представляютъ въ высшей степени любопытныя данныя относительно настроенія и эстетическихъ воззрѣній художниковъ-революціонеровъ. Такъ, нѣкоторые члены предложили «составить списокъ произведеній новаго искусства, которыя противорѣчатъ стремленію къ изящному и должны подвергнуться запрещенію». Скульпторъ Эсперсьё потребовалъ изъятія изъ обращенія всѣхъ картинъ фламандской или голландской школы, «какъ осмѣивающихъ человѣческій родъ и замѣняющихъ Аполлона Полишинелемъ».

Выставки (салоны) и конкурсы революцій. — «Искусствамъ оказано громадное благодѣяніе и для нихъ наступило царство свободы: ихъ цѣпи разбиты; геній не осужденъ теперь на неизвѣстность. Достаточно только выказать добродѣтель или талантъ, чтобы занять почетное мѣсто среди согражданъ» — такъ начиналась объяснительная брошюра о «произведеніяхъ живописи, скульптуры и архитектуры, гравюрахъ, рисункахъ и моделяхъ, выставленныхъ въ Луврѣ *по приказу національнаго собранія* въ сентябрѣ 1791 года, въ III годъ свободы». Эта брошюра была напечатана *въ типографіи королевскихъ зданій* и положила начало «новому порядку» въ сферѣ искусства. «Въ государствѣ, гдѣ люди свободны, должны быть свободны и искусства, писалъ одинъ критикъ. Они просвѣщаютъ умъ, возвышаютъ душу и внушаютъ любовь къ свободѣ. Національное собраніе прониклось этими принципами и только что разбило оковы» и т. д. «Салонъ — первая по времени и вмѣстѣ съ тѣмъ величественнѣйшая картина свободы, которую мы когда-либо видѣли, говоритъ другой. Это — смѣлое соединеніе всѣхъ родовъ творчества, въ которомъ талантъ можетъ почерпнуть новыя силы, а нація — найти новыя богатства». Правда, академіи было предоставлено право назначить коммиссаровъ для оцѣнки присылаемыхъ картинъ, но она предпочла допустить всѣхъ намѣченныхъ кандидатовъ, за исключеніемъ двухъ, чтобы только не подвергнуться обвиненію въ посягательствѣ на свободу. Мирный и честный Вилль замѣчаетъ въ своей «Газетѣ» 24 сентября: «я очень рано вышелъ изъ дому, чтобы успѣть посмотрѣть хотя-бы произведенія парижскихъ художниковъ, какъ принадлежащихъ, такъ и не принадлежащихъ къ академіи... Число картинъ, статуй, эстамповъ, архитектурныхъ моделей, рисунковъ — колоссально *) и поражаетъ гораздо больше, чѣмъ самая техника исполненія. Мнѣ очень понравилось это смѣшеніе прекраснаго и посредственнаго». Нѣсколько дней спустя, 1 октября, послѣ открытія выставки, онъ прибавляетъ: «я видѣлъ и недосягаемо-высокое, и прекрасное, и хорошее, и посредственное, и плохое, наконецъ, простую мазню. Въ общемъ конкурсъ производитъ необыкновенное впечатлѣніе, и каждый высказываетъ свое мнѣніе. Вы услышите и тонкія замѣчанія знатока, и разсужденія полузнайки, язвительныхъ остряковъ и неумолимыхъ критиковъ, завистниковъ, невѣждъ и дураковъ. Впрочемъ, лишь изрѣдка до слуха долетаетъ умное и справедливое сужденіе».

Рядомъ съ картиной «*Виды Греціи: молодыя дѣвушки жертвуютъ свои воло-*

*) Въ каталогѣ 1791 года было 794 номера. Въ 1789 г. ихъ насчитывалось всего 335, въ 1787 г.—326, въ 1785 г.—324. Между тѣмъ въ 1793 было выставлено 837 однѣхъ только картинъ, затѣмъ 182 скульптурныхъ произведенія и 21 архитектурный рисунокъ.

сы Діанъ на берегу рѣки», написанной Валансьенномъ, можно было встрѣтить *«Видъ лѣса въ Фонтенебло»* Ле-Жильона и *«Внутренніе виды готическихъ церквей»* де-ла-Фонтена. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ висѣли *«Улиссъ на островѣ Θеакійцевъ»* Лагренэ младшаго и *«Св. Людовикъ, творящій судъ въ венсенскомъ лѣсу»* Робена. *«Портретъ господина Робеспьера, депутата національнаго собранія»* госпожи Жіаръ, пейзажъ Брюандэ, *«Видъ Колонна съ храмомъ евменидъ, Эдипомъ и его дочерью Антигоной на холмѣ Кифедонѣ, умоляющими мѣстныхъ жителей не изгонять ихъ изъ священнаго мѣста»* Валансьенна, *«Семейная сцена»* Даплу, *«Слѣпой, просящій милостыню у двухъ попугаевъ»* Робера, *«Освобожденіе монашескихъ орденовъ»* Дефранса — все это было свалено въ одну кучу. Внимательный и чуткій посѣтитель могъ остановиться на нѣсколькихъ пейзажахъ, напр. Моро и Брюандэ, въ которыхъ было много воздуха и чувствовалось стремленіе къ жизненной правдѣ. Но эти картины отнюдь не принадлежали къ господствующему направленію. Героями дня были Давидъ и его ученики. Рисунокъ *«Же-де-Помъ»*, на которомъ висѣло заявленіе: «художникъ не имѣлъ въ виду уловить характерныя черты каждаго изъ членовъ собранія»,— *«Клятва Гораціевъ передъ отцомъ»*, *«Брутъ, возвращающійся домой послѣ того, какъ осудилъ на смерть двухъ своихъ сыновей (перешедшихъ на сторону Тарквиніевъ)»*, *«Сократъ, пьющій цикуту»* — всѣ эти картины были уже знамениты, вызывали всеобщее любопытство и восхищеніе, а масса учениковъ—римскихъ стипендіатовъ и состоявшихъ при академіи — свидѣтельствовала объ его возрастающемъ вліяніи на господствовавшую школу.

«Суровымъ республиканцамъ можетъ показаться страннымъ, что мы предаемся искусству въ то самое время, когда европейская коалиція со всѣхъ сторонъ грозитъ убѣжищу свободы. Художники не боятся упрека въ равнодушіи къ своей родинѣ... Мы напомнимъ Протагена, создававшаго образцовое произведеніе въ осажденномъ Родосѣ, или, еще лучше, Архимеда, рѣшавшаго научный вопросъ во время разграбленія Сиракузъ. Такія черты неразрывно связаны съ геніальностью, а геній долженъ отнынѣ парить надъ Франціей и подыматься до уровня свободы. Мудрые законы придадутъ ему новыя силы, національный конвентъ расширяетъ его поприще, онъ свободенъ!» Такимъ заявленіемъ начиналось *«Описаніе произведеній живописи, скульптуры и т. д., выставленныхъ въ салонахъ Лувра художниками, составляющими общую коммуну искусствъ, 10 августа 1793 года, во второй годъ существованія французской республики, единой и нераздѣльной»*. Мало извѣстные художники пользовались на этой выставкѣ громаднымъ успѣхомъ, не столько, впрочемъ, благодаря своимъ заслугамъ, сколько вслѣдствіе сюжетовъ, которые они выбирали для своихъ произведеній. Такія картины, какъ *«Отправленіе на границу»*, *«Торжество санкюлотовъ на развалинахъ Бастиліи»*, *«Гора и Болото»*, *«Событіе 10 августа, представленное въ видѣ генія Франціи, разбивающаго скипетръ и корону»*, *«Взятіе Тюльери храбрыми санкюлотами»*, *«Свобода, возсѣдающая на развалинахъ трона и опирающаяся на увѣнчанную лаврами урну съ останками Лепелетье и Марата»*, — привлекали къ себѣ гораздо большее вниманіе, чѣмъ рисунки Прюдона. Впрочемъ, наряду со *«Смертью Марата»* можно было видѣть сцены изъ обыденной жизни Буали или же *«Молодую женщину, держащую въ одной рукѣ браслетъ съ интересующимъ ее портретомъ, а другою — чертящую на пескѣ волнующее ее чувство»*, написанную Тренкессомъ. Давидъ, всецѣло поглощенный политикой, не выставилъ на этотъ разъ ни одного произведенія. Зато въ одной изъ залъ конвента можно было видѣть его картину, посвященную памяти Марата.

Вожди этого движенія, по мѣрѣ того, какъ все большее и большее число художниковъ заполняло салонъ, стали мало по малу устраивать частныя выставки своихъ произведеній, что, конечно, приносило имъ болѣе значительные барыши. Давидъ и Реньо навлекли на себя такія, напримѣръ, замѣчанія публицистовъ того времени: — «главари школы не снисходятъ до того, чтобы показаться въ салонѣ; никто не рѣшается сказать имъ, что, собравъ обильную жатву съ частныхъ выставокъ своихъ произведеній, открытыхъ подъ покровительствомъ и въ помѣщеніи правитель-

ства, было бы только прилично принять участіе въ общей выставкѣ и такимъ образомъ ободрить своихъ многочисленныхъ учениковъ, не перестающихъ вступать на художественный путь и подвизающихся на немъ все дальше и дальше исключительно ради одной только любви къ искусству». Хотя все это, казалось-бы, нисколько не должно было содѣйствовать успѣху салоновъ, — тѣмъ не менѣе и число картинъ на нихъ, и массы стекавшейся публики увеличивались съ такой быстротой, что можно было разсчитывать на возобновленіе ежегодныхъ выставокъ, начиная съ 1795 года. Это время было кульминаціонной точкой для школы Давида. Правда, онъ торжественно предалъ анаѳемѣ Реньо, «зараженнаго академическимъ ядомъ», но ученики послѣдняго все-же подпадали подъ вліяніе господствующей доктрины и въ глазахъ потомства совершенно слились съ послѣдователями Давида.

Чтобы возбудить соревнованіе между художниками, конвентъ объявилъ конкурсъ и назначилъ особое жюри для оцѣнки представленныхъ произведеній, въ составъ котораго вошли не только такіе знатоки искусства, какъ Фрагонаръ, Жюльенъ, Шоде, Дюпре, Жераръ, Рамей, Прюдонъ, и друг., но также люди, прославившіеся на другихъ поприщахъ, напр. Монжъ, Викъ д'Азиръ, Тальма, Лагарпъ. Эберъ, Флёріо, Ронсекъ и даже одинъ башмачникъ по имени Газаръ. «Вашъ комитетъ полагалъ, говорилъ Давидъ конвенту, что въ эпоху, когда, подобно нравамъ, должны возродиться и искусства, предоставить однимъ только художникамъ сужденіе о произведеніяхъ человѣческаго генія значилобы обречь искусство идти по колеѣ, проложенной для него деспотизмомъ, и воскуривать фиміамъ королевской власти. Настала, наконецъ, пора, когда люди, сильные духомъ, обладающіе непосредственнымъ чувствомъ правды и величія, дадутъ художествамъ мощный толчекъ и приведутъ ихъ къ истинно прекрасному. Человѣкъ, одаренный пониманіемъ изящнаго, хотя бы и не получившій спеціальнаго или даже общаго образованія, философъ, поэтъ, ученый легко справятся со всѣми трудностями при оцѣнкѣ труда художника, ученика самой природы, и окажутся наиболѣе способными судьями, лучшими представителями вкусовъ и воззрѣній цѣлаго народа, разъ отъ его имени республиканскимъ художникамъ должны быть розданы пальмы славы».

Если вѣрить мотивированнымъ мнѣніямъ жюри, занесеннымъ въ протоколы ихъ засѣданій, то сами художники вполнѣ раздѣляли программу Давида. Изъ произведеній живописцевъ предпочтеніе было отдано картинѣ, изображающей, какъ *«всадники везутъ въ Римъ Брута, умершаго въ сраженіи»*. Жераръ остановилъ на ней свой выборъ потому, что, «хотя она написана неопытной рукой», однако вложенное въ нее «чувство могло бы устрашить тирановъ». Прюдонъ слѣдующимъ образомъ отзывается объ этомъ произведеніи: только въ немъ я замѣтилъ зародышъ крупныхъ дарованій: — чувство! я нашелъ его не только въ основной идеѣ и подробностяхъ замысла, не только въ выраженіи лицъ, но въ самомъ рисункѣ; впрочемъ, техника слаба». Конкурсы не увѣнчались ожидавшимся успѣхомъ: «Они полезны и, пожалуй, прямо необходимы для начинающихъ, писалъ Гудонъ, но отнюдь не для сложившихся художниковъ». Дѣйствительность подтвердила его предсказанія. Жюри искусствъ было переименовано вскорѣ въ *«революціонный клубъ художествъ»*. Повидимому, увлеченіе модой, духъ времени и даже простой страхъ играли несравненно большую роль въ тѣхъ напыщенныхъ заявленіяхъ, которыми переполнены протоколы клуба, чѣмъ истинное и глубокое убѣжденіе. Несмотря на неудачу первыхъ конкурсовъ, комитетъ общественнаго спасенія продолжалъ предлагать для соревнованія все новыя и новыя темы: украшеніе дворца и національнаго сада Тюльери, а также Площади Революціи, сооруженіе памятника дѣятелямъ 10 августа на площади Побѣды, планъ храма Равенства въ саду Божонъ или воспроизведеніе наиболѣе замѣчательныхъ моментовъ революціи. Выставка эскизовъ, представленныхъ на эти темы, была назначена на 10 термидора. Политическій переворотъ помѣшалъ ея открытію, но директорія, не желая отвергать обязательствъ, принятыхъ правительствомъ, приказала роздать въ видѣ награды 442.000 ливровъ.

Не было времени на исполненіе большинства проектовъ, утвержденныхъ собраніемъ; статуи Народа на Новомъ мосту,

Природы—на площади Бастиліи, Свободы—на площади Революціи, такъ и не были закончены. Зато у насъ остался необычайный планъ, изложенный Давидомъ въ засѣданіи конвента 17 брюмера II года. Чтобы «увѣковѣчить торжество разума надъ предразсудками», онъ предлагалъ воздвигнуть «на осколкахъ статуй прежнихъ тирановъ, нагроможденныхъ одна на другую, гигантскій памятникъ французскому народу, изображающій мощнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушнаго колосса. На его лбу должно быть написано мелкими буквами: «*просвѣщеніе*», на груди—«*истина*», «*природа*», на мышцахъ—«*сила*», на кистяхъ рукъ—«*трудъ*». Пусть на одной изъ его рукъ находятся двѣ обнявшихся фигуры Свободы и Равенства, готовыхъ облетѣть весь міръ! Пусть для всякаго зрителя будетъ очевидно, что обѣ онѣ покоятся только на геніи и добродѣтели народа! Въ другой рукѣ возставшій народъ долженъ держать это, дѣйствительно, страшное орудіе, несовершеннымъ символомъ котораго была палица Геркулеса. Такіе монументы достойны насъ и нашего дѣла!»

Общественныя празднества.—Революція продолжалась слишкомъ недолго, чтобы создать вѣчные памятники своего искусства. Къ тому-же масса художественныхъ силъ тратилась въ то время на общественныя празднества; въ нихъ, главнымъ образомъ, билcя творческій пульсъ разсматриваемой нами эпохи. Такіе архитекторы, какъ Шальгренъ, и рисовальщики, какъ Бальтаръ, работали надъ непрочными декораціями, надъ всѣми этими «*алтарями отечеству*» и «*тріумфальными арками*», къ которымъ тогда направлялись длинныя шествія и которыя теперь мы знаемъ только по нѣсколькимъ случайно сохранившимся эстампамъ. Архитекторъ Дюфурни провозгласилъ, что сооруженія республики должны быть просты, какъ добродѣтель», а самое зодчество должно быть «возрождено геометріей». Дѣйствительно, во всѣхъ рисункахъ и гравюрахъ, оставшихся отъ временъ революціи, царятъ простота и строгая правильность. Слѣдуетъ отдать справедливость устроителямъ этихъ празднествъ: они не разъ достигали намѣченнаго идеала. Читая описанія ихъ у современниковъ и, въ особенности, разсматривая изображеніе праздника федераціи въ эстампахъ Ингуфа, Жерардэ, Жанинэ, Шапюи и друг., вы чувствуете, чѣмъ былъ этотъ алтарь отечества, воздвигнутый посреди громаднаго Марсова поля на подножіи въ 25 футовъ и окруженный рядомъ ступеней, которыя должны были служить эстрадою для народныхъ массъ. Перенесеніе праха Вольтера въ Пантеонъ, для котораго Давидъ нарисовалъ траурную колесницу (живописцы и скульпторы сопровождали ее въ римскихъ одѣяніяхъ), праздникъ Свободы, устроенный въ честь швейцарскихъ солдатъ изъ Шатовьё, погребальныя церемоніи по Франклинѣ и Мирабо, торжество третьей федераціи, пышныя похороны гражданъ, павшихъ 10 августа, гражданское торжество въ честь освобожденія Савойи, погребеніе Лепелетье и перенесеніе его тѣла въ Пантеонъ, празднованіе Единства и Нераздѣльности республики, торжество возродившейся Природы, для котораго Давидъ доставилъ нѣсколько рисунковъ и выработалъ программу,—облекались во все болѣе и болѣе «античныя» формы.

Въ одномъ проектѣ декрета національнаго воспитанія Лаканаль предлагалъ ввести во всѣхъ кантонахъ, дистриктахъ и департаментахъ цѣлую серію праздниковъ, посвященныхъ главнымъ моментамъ въ жизни природы, человѣческому общежитію и французской революціи, напр., началу и концу сельскихъ работъ, первой зелени, фруктамъ, жатвѣ, сбору винограда, юности, материнству и старости и т. д. Они могли-бы, конечно, пробудить поэтическіе инстинкты народа и вызвать съ его стороны самостоятельное художественное творчество, еслибы въ настроеніи правящаго класса не играли такой роли рабское подражаніе античному міру, крайній формализмъ и чисто логическая абстракція. Этимъ объясняется также, почему оказались тщетными усилія Робеспьера создать новый національный культъ и ввести новые обряды вмѣсто отмѣненнаго католицизма. Всѣ эти «*Высшія существа*», «*Природа*», «*Человѣческій геній*», «*Ненависть къ тиранамъ и предателямъ*», «*Цѣломудріе*», «*Слава и Безсмертіе*», «*Воздержаніе*», «*Супружеская вѣрность*», «*Стоицизмъ*», не имѣя никакого содержанія, представляли изъ себя какое-то законодательное сумасбродство и не давали никакихъ темъ для живописи и скульптуры.

Директорія тоже устраивала праздники, среди которыхъ особенно выдѣлились торже-

ственныя похороны генерала Гоша (10 вандемьера V года), праздникъ Свободы, состоявшій въ тріумфальномъ вступленіи побѣдоносныхъ войскъ вмѣстѣ съ произведеніями искусства, захваченными въ Италіи (9 термидора VI года) *), наконецъ, торжество Республики, во время котораго министръ внутреннихъ дѣлъ Франсуа (изъ Нефшато) открылъ первую промышленную выставку. Несмотря на всѣ хлопоты устроителей и необычайную пышность кортежей, массы остались совершенно равнодушными. «Большинство (этихъ праздниковъ) похоже на спектакль въ театрѣ Оперы», писалъ одинъ безпристрастный очевидецъ, докторъ Мейеръ изъ Гамбурга. «Нѣкоторые изъ нихъ очень живописны и представляютъ изъ себя привлекательное зрѣлище, но не оказываютъ никакого вліянія на настроеніе присутствующихъ. Я лично наблюдалъ безучастность публики (къ празднованію Побѣды и Признательности 10 преріаля IV года), хотя оно отличалось блескомъ, величіемъ, благородствомъ и чувствомъ мѣры». — Церемоніи теофилантроповъ, несмотря на лучшія намѣренія своихъ иниціаторовъ, не привели ни къ какому результату и дали только неисчерпаемый матерьялъ для каррикатуристовъ.

Праздники временъ консульства были, по преимуществу, военными торжествами; «олимпійскія игры» и смотры войскъ, въ особенности-же апоѳеозъ побѣдоноснаго генерала,—составляли ихъ главное и почти единственное содержаніе.

Классъ литературы и изящныхъ искусствъ въ институтѣ.—Декретъ отъ 25 октября 1795 года, изданный наканунѣ распущенія конвента послѣ извѣстнаго доклада Дону, раздѣлилъ на три класса учрежденіе, предназначенное замѣнить пять упраздненныхъ академій, и соединилъ въ третій классъ (литературы и изящныхъ искусствъ), въ свою очередь распадавшійся на восемь секцій*),—писателей, филологовъ, археологовъ, актеровъ и художниковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Желая слѣдовать программѣ, намѣченной при самомъ основаніи «класса», онъ, по предложенію секціи живописи, объявилъ конкурсъ на слѣдующій вопросъ: «*каково было и каково можетъ еще быть вліяніе живописи на нравы и жизнь свободнаго народа?*» Жюри, состоявшее изъ Вьена, Давида, Венсэна, Дюфурни, Андріе и Леблона, присудило премію автору мемуара, проникнутаго воззрѣніями господствующей эстетики и доктринами преобразованнаго института. «Такъ какъ живопись очень много говоритъ народному воображенію, писалъ онъ, то законодатель долженъ заботиться о томъ, чтобы она давала только полезные уроки; онъ долженъ сдѣлать изъ нея орудіе для охраненія нравовъ и распространенія добродѣтелей, которыя должны составить національный характеръ... Дѣйствуя подъ давленіемъ собственнаго интереса, художникъ удовлетворяетъ вкусу... того класса, который имѣетъ средства покупать его картины. Если этотъ классъ развращенъ, если онъ погрязъ въ изнѣженности, — то же самое случится и съ кистью художника. Онъ не создастъ ничего великаго; онъ будетъ работать только для украшенія будуаровъ. Горе тому, кто способенъ подниматься до пониманія высшихъ задачъ искусства, если ему нужна вода Пактолія, чтобы увлажнить его кисти, и если, несмотря на всю свою энергію, онъ не рѣшится идти къ славѣ путемъ матеріальныхъ лишеній. Его гордые римляне устрашатъ нашихъ Аспазій, а чувственная Фрина никогда не повѣситъ угрюмаго и дикаго Брута рядомъ съ очаровательнымъ Алкивіадомъ!» и т. д. Выводъ ясенъ: извѣстная часть государственныхъ доходовъ должна идти на поощреніе «великаго искусства», а это послѣднее, само собою разумѣется, не можетъ отнынѣ выбиться изъ круга «гордыхъ римлянъ». Тщетно нѣкоторые художники, слѣдуя непосредственному влеченію, стараются почерпнуть въ природѣ и окружающей жизни болѣе подходящіе мотивы для своего творчества; тщетно такой любитель искусства, какъ

*) Слѣдуетъ замѣтить, что раздавалось очень много протестующихъ голосовъ противъ разграбленія иностранныхъ музеевъ и памятниковъ. См. *Письма о вредѣ, который наноситъ искусствамъ и Франціи перемѣщеніе итальянскихъ памятниковъ искусства* Катрмера де-Кэнси, а также *Петицію* къ исполнительной директоріи, подписанную членами отдѣленія изящныхъ искусствъ Института: Вьеномъ, Давидомъ, Венсеномъ, Пажу, Ролановъ, Дежу, Жюльеномъ, Дюфурни, а также 43 художниками, въ томъ числѣ Жироде, Персье, Фонтэномъ, Летьеромъ, Менье, Валансьенномъ, Моро-младшимъ, Денономъ и друг.

*) Грамматики, древнихъ языковъ, поэзіи, древностей и памятниковъ, живописи, скульптуры, музыки и декламаціи. Это дѣленіе удержалось до декрета 1803 года,

артиллерійскій генералъ Поммерель, пытается доказать, что революція открыла передъ современнымъ геніемъ новое, несравненно болѣе широкое поприще, чѣмъ заѣзженные миѳологическіе сюжеты: художники, ушедшіе съ головой въ воспроизведеніе древности, позже всѣхъ другихъ поняли и усвоили плодотворныя истины, провозглавшіяся мадамъ де-Сталь и Шатобріаномъ и долженствовавшія обновить новѣйшую литературу.

4 мая 1796 года министръ внутреннихъ дѣлъ Бенезехъ извѣстилъ институтъ, что будутъ возстановлены конкурсныя испытанія для лицъ, желающихъ отправиться въ Римъ на казенный счетъ, которыя были прекращены за три года до этого времени. Еще въ 1795 году директорія вновь учредила постъ директора французской академіи въ Римѣ, уничтоженный въ 1792 году вмѣстѣ съ отозваніемъ Менажо; Сивэ, занявшій теперь это мѣсто, вплоть до 1800 года не могъ отправиться въ Италію, и только послѣ трактатовъ въ Толентино и Кампо-Форміо стипендіаты возобновленной академіи получили возможность поѣхать въ вѣчный городъ.

Центральный музей художествъ и музей французскихъ памятниковъ.—Черезъ нѣсколько дней послѣ событій 10 августа 1792 года легислатива постановила собрать воедино произведенія искусства, расхищенныя во время погрома дворцовъ и церквей, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручила министру Ролану устроить «*Національный музей*». 10 августа слѣдующаго, 1793, года въ Луврѣ былъ открытъ «*Центральный музей художествъ*», и конвентъ, выслушавъ знаменитые доклады Грегуара «*о разрушеніяхъ, произведенныхъ вандализмомъ, и мѣрахъ къ его прекращенію*», раздѣлилъ хранителей музея на четыре секціи (живописи, скульптуры, архитектуры и древностей) и обязалъ ихъ реставрировать картины и размѣщать художественные предметы, являвшіеся плодами революціонныхъ конфискацій и внѣшнихъ побѣдъ. Комитетъ общественнаго обученія, кромѣ того, выдѣлилъ изъ себя временную комиссію искусствъ и наукъ *), которая должна была слѣдить за точнымъ исполненіемъ всѣхъ декретовъ, касавшихся произведеній искусства, ихъ перевозкой въ склады, открытые въ помѣщеніи бывшаго монастыря Малыхъ-Августинцевъ, въ Отелѣ де-Нель (старинномъ замкѣ, находившемся въ Парижѣ на берегу Сены) и въ Версалѣ.

Открывая центральный музей художествъ, конвентъ осуществилъ идею, давно уже носившуюся въ воздухѣ. Еще въ 1778 году королевская академія архитектуры занималась вопросомъ о наиболѣе выгодномъ освѣщеніи галлереи въ Луврѣ, которую предназначали для будущаго музея. Преодолѣли всѣ техническія затрудненія и хотѣли уже приступить къ исполненію выработаннаго плана, когда разразилась революція *).

Она носила сначала рѣзко иконоборческій характеръ. Сметая слѣды долгаго періода абсолютизма, она не только дала волю хватающему черезъ край прозелитизму и вандализму толпы, но—подъ вліяніемъ давно уже вошедшихъ въ моду «классическихъ» идей и мрачнаго Давида, одновременно боровшагося съ «феодализмомъ» и проповѣдовавшаго «великое искусство», — создала цѣлую систему эстетики, рѣзко отвергавшую все средневѣковое, и, благодаря именно такому принципіальному отрицанію, довела дѣло до колоссальныхъ размѣровъ. Ничто не можетъ вознаградить за причиненное ею зло!—25 преріаля II года комиссія искусствъ предложила комитету общественнаго обученія назначить «мѣсто, время и способъ для торжественнаго уничтоженія изображеній и памятниковъ, напоминающихъ королевскую власть и фанатизмъ», и принять мѣры, чтобы «ни одинъ предметъ (этого рода) не избѣгъ республиканскаго горнила».

Напрасно одинъ изъ членовъ комиссіи

---

*) «*Инструкціи относительно составленія описи и храненія на всемъ протяженіи республики всѣхъ предметовъ, могущихъ послужить на пользу искусствамъ, наукамъ и обученію*», предложенныя временной комиссіей искусствъ и одобренныя комитетомъ общественнаго обученія національнаго конвента. Парижъ, годъ II.—Въ ея распоряженіе отпускалось по 100.000 ливровъ для покупки «картинъ и статуй, которыя къ ущербу республики могли-бы быть увезены заграницу».

*) Смотр. «*Записку о способѣ освѣтить луврскую галлерею для наиболѣе удобнаго размѣщенія въ ней картинъ и произведеній скульптуры, предназначенныхъ для національнаго музея художествъ*», а также докладъ коммиссіи бывшей академіи архитектуры по тому-же вопросу, составленный Гильоме, архитекторомъ и главнымъ инспекторомъ каменоломенъ департамента Сены, директоромъ національной мануфактуры гобеленовъ.

указывалъ, что «нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ носятъ на себѣ отпечатокъ генія и оригинальности, и потому было-бы полезно сохранить ихъ для обученія и художествъ». Комиссія, «непоколебимо держась патріотическихъ принциповъ», осталась при своемъ мнѣніи.—Мы уже знаемъ, что Давидъ думалъ составить подножіе для символическаго изображенія народа изъ разбитыхъ статуй королей. Проекты комитета и предложеніе Давида начали тотчасъ-же приводиться въ исполненіе. 28 брюмера II года при входѣ во *Франціаду*, прежнее Сенъ-Дени, можно было видѣть гигантскую пирамиду въ честь Марата, «построенную изъ саркофаговъ королей отчасти первой, отчасти второй династіи». Каждый патріотъ, говоритъ одинъ очевидецъ, сдѣлался на этотъ разъ архитекторомъ; «насыпали высокую гору, усадили ее кипарисами и соснами, покрыли газономъ. Посреди этой горы находился гротъ, построенный изъ осколковъ гробницъ французскихъ королей. Мраморъ, нѣкогда украшавшій ихъ склепы, былъ употребленъ теперь на своды и колонны патріотическаго монумента. Я видѣлъ нѣсколько изображеній королей изъ известняка, которыя были положены поперекъ колоннъ и должны были служить чѣмъ-то вродѣ фронтона. Праздныя и неискусныя руки не пощадили даже лучшихъ произведеній стараго художественнаго творчества. Этотъ причудливый памятникъ свободѣ, быть можетъ, заключаетъ въ себѣ самое глубокое поученіе, которое только можно извлечь для себя въ данномъ отношеніи».

Достаточно было рѣшенія комитета, чтобы тотъ или иной предметъ стариннаго искусства попалъ въ Лувръ и такимъ образомъ спасся отъ разрушенія, но пристрастіе къ классической древности, въ ущербъ всему остальному, исключало эту возможность и внушало дѣятелямъ того времени совершенно неосновательное презрѣніе къ громадной художественной области,—презрѣніе, нанесшее ничѣмъ не вознаградимый вредъ наукѣ и художеству. Многія образцовыя произведенія были однако спасены отъ гибели, хотя и были исключены изъ музея, забыты въ складахъ или даже отвезены на известковые заводы и національную химическую лабораторію для приготовленія шипучихъ водъ.

Не все было потеряно: многіе «патріоты» выпускали въ свѣтъ брошюры въ доказательство необходимости сохранить памятники старинной литературы и искусства, притомъ сдѣлали это раньше, чѣмъ Грегуаръ представилъ свои громовые доклады противъ вандализма. Оффиціальныя инструкціи предлагали щадить образцовыя произведенія, которыя можно было найти, напримѣръ, «среди бронзовыхъ памятниковъ, сохранившихся въ парижскихъ церквахъ». Но главная роль въ дѣлѣ спасенія старины безспорно принадлежитъ Александру Ленуару, который съ неустрашимой настойчивостью и подчасъ съ поразительнымъ мужествомъ охранялъ отъ уничтоженія презираемые, оскверненные и запрещенные образцы стараго искусства. Если ему не удавалось вырвать ихъ изъ рукъ фанатическихъ разрушителей, онъ отправлялся къ мраморщикамъ или литейщикамъ, выкупалъ и потихоньку отправлялъ ихъ въ складъ у Малыхъ-Августинцевъ, при которомъ онъ состоялъ въ качествѣ хранителя; такимъ образомъ составилась коллекція, которая впослѣдствіи—къ сожалѣнію на очень недолгое время—была обращена въ музей французскихъ памятниковъ. Изъ Сенъ-Дени онъ потихоньку вывезъ всѣ уцѣлѣвшія изображенія королей, пользуясь для этой цѣли проходомъ войскъ или военныхъ обозовъ съ пустыми телѣгами, чтобы, при содѣйствіи нѣкоторыхъ офицеровъ, безъ всякихъ издержекъ и не возбуждая подозрѣній, перевезти драгоцѣнные остатки. Въ Арсеналѣ онъ покупалъ на вѣсъ бронзовыя статуи, спасая ихъ чуть не у самаго горна; въ Шантильи, Венсенѣ, Экуэнѣ, Сенъ-Клу, Версалѣ, Гайльонѣ, Анэ и др. мѣстахъ — всюду онъ зорко слѣдилъ за судьбою древностей, разсылая своихъ рабочихъ и особыхъ агентовъ. У мраморщика Корбеля-младшаго ему удалось пріобрѣсти барельефъ *Святой Георгій* Мишеля Коломба и статую Людовика XII-го; у мраморщика Мозелли — гайльонскій водоемъ и рѣзныя панели кардинала д'Амбуаза; у трехъ различныхъ мраморщиковъ онъ купилъ осколки гробницы Діаны де-Пуатье; у слесаря въ Монсо—бюсты Генриха II, Карла IX и Генриха III; у одного литейщика—Клодвига и Клотильду Корбейля. Что касается Діаны Жана Гужона, онъ нашелъ ея осколки въ десяти льё отъ

Анэ; ее бросили, разбивъ на куски, чтобы извлечь мѣдныя части, «служившія для пропуска воды.»

Послѣ 9 термидора Александръ Ленуаръ встрѣтилъ въ лицѣ двухъ министровъ народнаго просвѣщенія людей, способныхъ оцѣнить его заслуги. Пользуясь ихъ расположеніемъ, онъ осуществилъ свою завѣтную мечту объ основаніи музея французскихъ памятниковъ, проектъ котораго онъ тщетно представлялъ до этого времени.

Женгенэ разрѣшилъ открыть для публики коллекцію, собранную въ складѣ у Малыхъ-Августинцевъ (21 октября 1795 г.), а Бенезехъ, санкціонируя, наконецъ, замыселъ Ленуара, переименовалъ его въ *Музей французскихъ памятниковъ*. Неожиданное соединеніе столькихъ забытыхъ, заброшенныхъ или даже совершенно неизвѣстныхъ древностей въ одно стройное цѣлое было для большинства въ высшей степени важнымъ открытіемъ и дало крайне плодотворный толчекъ общественной мысли. Въ первый разъ французское искусство развернулось передъ глазами изумленныхъ французовъ во всемъ своемъ богатствѣ, разнообразіи и послѣдовательности.

Правда, далеко не всѣ могли постичь и оцѣнить то, что видѣли; Давидъ и его школа были слишкомъ вліятельны, чтобы старые мастера сразу вернули себѣ утраченное вліяніе и популярность. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что революціоннымъ предразсудкамъ и догматической эстетикѣ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ; слѣпая ненависть ко всему «готическому» уступила мѣсто болѣе разумному чувству — любопытству; сердца значительной части молодежи раскрылись для любви къ воскресшему художественному прошлому, стали чувствовать его чарующее величіе: историческая и археологическая мысль XIX столѣтія зародилась въ залахъ бывшаго монастыря августинцевъ. «Во сколько душъ этотъ музей заронилъ искру историческаго пониманія, писалъ Мишле, сколькихъ заинтересовалъ великими воспоминаніями, сколькимъ внушилъ смутное желаніе перенестись за много вѣковъ назадъ и вмѣстѣ съ нашими предками пережить великіе историческіе моменты! Помню то неизмѣнно одинаковы глубокое чувство, заставлявшее усиленно биться мое сердце, съ которымъ я, еще мальчикъ, вступалъ подъ эти мрачные своды; помню, какъ я всматривался въ блѣдныя лица; помню, какъ волнуясь и колеблясь между любопытствомъ и робостью, переходилъ изъ залы въ залу, отъ одной эпохи къ другой»... Отсюда вышла первая исторія французской скульптуры, написанная Эмерикомъ Давидомъ въ 1817 г., но напечатанная лишь въ 1853 году... На первой страницѣ *«Историческаго и хронологическаго описанія»* своего музея Ленуаръ съ законной гордостью привелъ слѣдующій стихъ изъ Вольтера:

Cessez de mutiler tous ces grands monuments;
Ces prodiges des arts consacrés par le temps,
Respectez-les; ils sont le prix de mon courage.

Перестаньте уродовать эти великіе памятники;
Уважайте чудеса искусства, освященныя временемъ;
Они—награда за мое мужество.

Безспорно, далеко не все въ музеѣ Ленуара могло бы выдержать суровую критику. У него не было и не могло быть ни тѣхъ научныхъ пріемовъ, ни тѣхъ свѣдѣній, которыми мы обладаемъ въ настоящее время. Желая составить полную серію историческихъ лицъ, онъ нѣсколько легкомысленно окрестилъ громкими именами никому невѣдомыя фигуры; его фантастическія обозначенія зачастую только затрудняли послѣдующія изысканія. Кромѣ того, изъ осколковъ, принадлежавшихъ болѣе или менѣе къ одному времени, онъ составилъ довольно подозрительные мавзолеи и надгробныя часовни (напримѣръ, для Бланки Кастильской, Элоизы и Абеляра, Мишеля де л'Опиталя, Колиньи, Вильгельма Монморанси)... Въ «безмятежномъ и мирномъ саду» — въ знаменитомъ Елисейскомъ саду, «разбросанныя тамъ и сямъ по зеленой лужайкѣ, величаво высятся эти гробницы посреди общаго спокойствія и тишины... Сосны, кипарисы и тополи, писалъ Ленуаръ, дополняютъ картину; погребальныя урны придаютъ этому мѣсту сладостную меланхолію, которая такъ много говоритъ чувствительному сердцу... Тутъ же находится могила Элоизы и Абеляра, на которой я велѣлъ высѣчь имена этихъ несчастныхъ супруговъ». Но большую публику какъ разъ и привлекала эта театральная обстановка, всѣ эти сантиментальныя выдумки. «Система, художественность и мрачное очарованіе, которыя Ленуаръ вложилъ въ свой музей, писалъ

Лаваллэ, представляютъ исторію его души, генія и познаній». Безспорно, трудъ Ленуара долженъ былъ подвергнуться коренному пересмотру, но отъ этого еще очень далеко до его полнаго отрицанія: несмотря на всѣ свои пробѣлы и несовершенства, онъ представлялъ изъ себя лучшій и наиболѣе плодотворный разсадникъ французскаго искусства. Декреты 1816 года, уничтожившіе его, какъ цѣлое, и распредѣлившіе его сокровища между нѣсколькими учрежденіями, нанесли французскому искусству одинъ изъ самыхъ тяжкихъ ударовъ.

Живопись: Давидъ до 1800 г. его мастерская, его теорія и вліяніе.—Старость художниковъ, знававшихъ «лучшіе годы» XVIII столѣтія, была очень печальна. Когда фанатическое пристрастіе ко всему классическому пошло рука объ руку съ фанатизмомъ революціоннымъ и были уничтожены будуары, для которыхъ предназначались ихъ «*качели*», «*шуты*», «*жестокости*» «*приношенія розы*», всѣ эти химерическія, фривольныя и чарующе фантастическія картины,—они съ ужасомъ увидѣли, что общественное мнѣніе круто повернуло въ другую сторону, стало считать безнравственнымъ то, что они любили, и бичевать тѣ формы искусства, которыя прославили ихъ существованіе. Фрагонаръ, которому въ 1789 году было всего пятьдесятъ шесть лѣтъ,—могъ по крайней мѣрѣ утѣшаться неизмѣнной дружбою Давида, но заказы на его произведенія прекратились, и вдохновеніе изсякло. При директоріи онъ пытался было рисовать иллюстраціи къ «*сказкамъ Лафонтена*», но затѣмъ безропотно согласился на полное забвеніе. Онъ умеръ въ 1806 году. До насъ дошелъ его портретъ, писанный имъ самимъ: замѣтно состарившійся, весь въ черномъ, онъ сидитъ въ залѣ, обтянутой въ темные цвѣта. Рядомъ съ нимъ на столѣ—гитара, у ногъ—папка съ эстампами, но онъ не играетъ, не смотритъ. Черезъ комнату тянутся вечерніе отблески, и, кажется, онъ что-то вспоминаетъ, о чемъ-то грезитъ. На его лысую голову, когда-то полную игривыхъ мечтаній и яркихъ образовъ, спускаются сѣрыя сумерки.

Подобно Фрагонару, Грезъ пережилъ свою славу. То направленіе въ искуссвѣ, которому онъ служилъ, оказалось отнюдь не болѣе живучимъ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ бѣдности и общемъ забвеніи; только нѣжность дочери и участіе тѣснаго кружка друзей смягчали его участь. Казалось-бы «художникъ-моралистъ» долженъ былъ встрѣтить сочувствіе со стороны новаго общества, «возрожденнаго» революціей. И дѣйствительно: законодательное собраніе назначило ему 16 іюля 1792 года пенсію въ 1537 ливровъ 10 су; декретъ былъ подписанъ Людовикомъ XVI «въ лѣто отъ Рождества Христова 1792-ое, царствованія нашего — 19-ое, водворенія-же свободы—4-ое». Но это была чуть не милостыня, почесть, не встрѣтившая отголоска со стороны общества. Онъ выставлялъ «*Отправленіе на охоту*», «*Молодую женщину, спѣшую писать любовное письмо*», «*Ребенка, колеблющагося выпустить птичку изъ боязни, что она уже околѣла*», наконецъ, «*Крестьянина, передающаго плугъ сыну въ присутствіи всей семьи*». Пріятель Греза, Бутеръ, патетически объяснялъ читателямъ «*Journal des Débats*» благородные замыслы автора послѣдней картины. Незадолго передъ тѣмъ Венсэнъ написалъ въ честь земледѣлія картину: «*Богатый горожанинъ, по необычайному смиренію, велитъ научить своего сына пахотѣ, чтобы внушить ему уваженіе къ труду земледѣльца*». Критику казалась гораздо «*проще*» мысль Грёза. Ему думалось, что нельзя представить себѣ болѣе трогательнаго зрѣлища, чѣмъ «передача плуга» отъ одного работника другому «передъ лицомъ природы»!

Тщетный трудъ! напрасное краснорѣчіе! Успѣхъ выпадалъ въ то время на долю «*Цинциннатовъ*», «*Ликурговъ*», «*Фокіоновъ*». Клодіонъ дошелъ до «*Катона*»... Грезъ чуть не наканунѣ смерти дѣлаетъ отчаянное усиліе: чтобы вернуть себѣ популярность, онъ тоже посвящаетъ себя «великому искусству» и выставляетъ «*Аріадну на островѣ Наксосѣ*».

Жакъ-Луи Давидъ (1748—1825) былъ въ области искусства истиннымъ властителемъ, пожалуй даже деспотомъ этого поколѣнія; въ одно и то-же время онъ былъ теоретикомъ и учителемъ, законодателемъ и судьей. Однако, и онъ былъ причастенъ къ «эпохѣ испорченности»: онъ началъ съ подражанія своему родственнику Буше, и, если вѣрить Вьену, который, впрочемъ, очень охотно присочинялъ заднимъ числомъ тѣ или иныя обстоятельства, онъ,

уѣзжая въ Италію въ 1775 году, держалъ такія, напримѣръ, еретическія рѣчи: «древность не обольститъ меня; въ ней нѣтъ движенія; она не волнуетъ». На это мудрый Вьенъ, который всегда оказывался правымъ, будто-бы отвѣчалъ: «успокойтесь, мой другъ, и успокойте вашу голову! Вы созданы, чтобы погубить или возродить цѣлую школу... Приберегите свой энтузіазмъ до Рима: тамъ вы сравните и вольны будете сдѣлать тотъ или иной выборъ». Какъ-бы мы ни относились къ этой бесѣдѣ, можно утверждать съ полной достовѣрностью, что Давидъ, украшая салонъ банкира Перрего, заканчивая для Гимаръ, съ которой онъ нарисовалъ портретъ въ «духѣ Буше», отдѣлку будуара, начатую Фрагонаромъ, и даже въ то время, когда писалъ на конкурсъ «*Смерть сыновей Ніобеи*», былъ еще очень и очень далекъ отъ того, чтобы претендовать на роль реформатора въ искусствѣ. Комиссары академіи находили его римскія работы достойными поощренія за «легкость кисти, живость красокъ, страдающую, правду, нѣкоторымъ однообразіемъ, умѣнье рисовать просторныя одежды и придавать имъ правдивыя очертанія». Онѣ носили еще переходный характеръ и очевидно не шли въ разрѣзъ съ установившимися традиціями королевской академіи. То-же самое слѣдуетъ сказать и про его большія полотна: «*Чуму святого Роха*», оконченную въ 1779 году, «*Велизарія*» 1780 года и, наконецъ, «*Андромаху, оплакивающую смерть Гектора*», представленную для вступленія въ академію. Въ 1781 году онъ, состоя уже при академіи, беретъ мѣсячный отпускъ во Фландрію, чтобы «познакомиться съ прекрасной школой» мѣстной живописи. Въ концѣ 1793 года онъ снова ѣдетъ въ Римъ въ сопровожденіи своего ученика Друэ, раннія работы котораго имѣли громадный успѣхъ и внушали предположеніе, что онъ превзойдетъ или, по меньшей мѣрѣ, сравняется со своимъ учителемъ. Безвременная кончина въ 1788 году прервала эту многообѣщавшую жизнь.

Въ Римѣ Давидъ написалъ «*Клятву Горацієвъ*» и почувствовалъ потребность погрузиться въ «священные источники древности». Въ 1787 году за ней послѣдовала «*Смерть Сократа*», въ 1789 году «*Брутъ*». Въ каждомъ изъ этихъ произведеній публику восхищала самостоятельная манера писать и въ особенности стремленіе къ исторической и археологической «правдѣ», совершенно чуждое художникамъ прежняго времени. Всѣ и вся твердили, что голова Брута представляетъ изъ себя точную копію съ античнаго бюста въ Капитоліи, что Давидъ воспользовался также барельефами на старинныхъ памятникахъ, изображающими Ромула и Рема. Особенное любопытство возбуждали древнія одежды и мебель, воспроизвести которую по своимъ рисункамъ и «этрусскимъ вазамъ», какъ всѣмъ было извѣстно, художникъ заказалъ рѣзчику спеціалисту Жакобу. Мода тотчасъ-же подхватила эту новинку и стала подражать античнымъ формамъ. Пошли въ ходъ «суровыя и квадратныя» кресла. Женщины сняли корсеты, отказались отъ каблуковъ и начали носить легкія платья. Мужчины перестали пудриться. Наступали новыя времена.

Съ этихъ поръ можно считать законченными и манеру, и теорію Давида. Сухое, холодное и, такъ сказать, абстрактное исполненіе, узкая логика, переходящая въ ослѣпленную настойчивость, систематическое, но далеко не полное воззрѣніе, неживое чувство прекраснаго, а скорѣе какое-то суевѣрное поклоненіе нѣсколькимъ формуламъ, заимствованнымъ изъ античныхъ барельефовъ и статуй, но большей части принадлежащихъ къ эпохѣ упадка, въ особенности-же изъ созерцанія Аполлона Бельведерскаго, таковы были характерныя черты новаго художественнаго направленія, тираннически господствовавшаго надъ цѣлой школой и заставившаго ее расплатиться слишкомъ дорогой цѣной за нѣсколько дѣйствительно цѣнныхъ и необходимыхъ преобразованій. Выдающіяся дарованія самого Давида позволяли ему чрезвычайно удачно выпутываться изъ затрудненій и сбрасывать съ себя оковы мертвящей теоріи, какъ только этого требовало соприкосновеніе съ реальной жизнью, но его система была пагубна именно, какъ система; главное мѣсто занимали въ ней резонерскія разсужденія; самый узкій интеллектуальный якобинизмъ связывалъ первые шаги таланта и мѣшалъ его дальнѣйшему развитію. Прежнее искусство, вопреки теоріямъ Винкельмана, Менгса и другихъ, вплоть до революціи сохраняло на себѣ отпечатокъ свободной и мягкой граціи, прельщавшей всѣхъ замѣчатель-

ныхъ художниковъ XVIII столѣтія. Теперь произошелъ крутой поворотъ. Въ мастерскихъ стали учить и доказывать, что «случайное не должно извращать единства формъ», что «типъ прекраснаго» существуетъ только въ природѣ, взятой цѣликомъ, и не встрѣчается въ индивидахъ», что «задача художника—возсоздать первобытнаго человѣка, человѣкавъ себѣ», что для достиженія этой цѣли нѣтъ иного пути кромѣ изученія древнихъ рукописей и созерцанія античныхъ памятниковъ. «Природа отвергаетъ, какъ недостойное возвышенной науки объ искусствѣ — всякое произведеніе, которое не было задумано, изучено и исполнено въ этомъ философскомъ духѣ».

Нужно, впрочемъ, признаться, что революція, бросивъ Давида въ самый водоворотъ общественной жизни и сблизивъ съ цѣлымъ рядомъ выдающихся дѣятелей того времени, внушила ему нѣсколько прямо-таки дивныхъ произведеній. Правда, въ картинѣ, изображавшей послѣднія минуты Лепелетье, и въ громадномъ эскизѣ «*Же-Де-Помъ*» чувствуется чрезмѣрное вліяніе апріорной теоріи, а слѣдовательно и напыщенно-холодной риторики; однако его портреты, написанные за этотъ періодъ, зачастую поражаютъ зрителя своей жизненностью, безыскусственностью и силой вложеннаго чувства. Онъ, очевидно, не думалъ ни о своей системѣ, ни о «случайномъ, извращающемъ единство формы», когда писалъ своего «друга» Марата зарѣзаннымъ въ ваннѣ; — своего коллегу Мишеля Жерара безъ куртки, среди своихъ дѣтей, въ простой и уютной обстановкѣ; — маркизу д'Орвиллье, пышущую здоровьемъ и беззаботнымъ весельемъ; — Барера, стараго Фюзелье; или, наконецъ, когда онъ нѣсколькими штрихами увѣковѣчилъ некрасивыя, но мощныя черты Дантона. Его эскизъ Бонапарта — худощавой, страстной и блѣдной фигуры — дѣйствительно заслуживаетъ того, чтобы сказали: «душа Цезаря видна въ его тѣлѣ».

Но самъ Давидъ не придавалъ почти никакого значенія этимъ работамъ; его интересовали только «историческія картины», а подъ исторіей онъ разумѣлъ только исторію римлянъ и... пожалуй, грековъ. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка художники начали смутно догадываться, что греческое искусство носитъ совершенно иной и, притомъ, высшій характеръ сравнительно съ римскимъ. Подобно другимъ, и Давидъ сталъ проникаться этой истиной, не дѣлая, впрочемъ, изъ нея никакихъ практическихъ заключеній. Между тѣмъ въ воздухѣ, въ самой мастерской его, въ той группѣ его учениковъ, которую въ 1800 году называли «*мыслителями*» и «*первобытными*», стала замѣчаться перемѣна настроенія, первые признаки бури, — и Давидъ рѣшился освятить «греческое» направленіе подобно тому, какъ своимъ «*Сократомъ*», «*Брутомъ*» и «*Гораціями*» онъ освятилъ «римское». «Еслибы я могъ начать сызнова, говорилъ онъ, я прямо пошелъ бы къ цѣли; теперь мы лучше знаемъ древность, чѣмъ раньше». Во время своего заключенія въ люксембургскомъ дворцѣ, превращенномъ въ тюрьму, онъ сдѣлалъ первые наброски своихъ «*Сабинянокъ*» и написалъ на нихъ: *David pingebat in vinculis* (Давидъ рисовалъ въ оковахъ). Когда директорія выпустила его на свободу, онъ съ новымъ жаромъ предался работѣ. Въ 1799 году онъ кончилъ свою картину и выставилъ ее въ «*Національномъ дворцѣ наукъ и искусствъ*» (въ той залѣ Лувра, гдѣ въ настоящее время находятся пастели *). Онъ предварительно написалъ два эскиза: на одномъ преобладали одежды, на другомъ — обнаженное тѣло. Сравнивъ ихъ другъ съ другомъ, онъ отдалъ предпочтеніе послѣднему, такъ какъ былъ убѣжденъ, что это приблизитъ его къ эллинскому идеалу. Въ 1810 году мы видимъ «*Сабинянокъ*» на десятилѣтнемъ конкурсѣ, введенномъ императоромъ, на ряду съ работами другихъ художниковъ. Только тогда изъ разговоровъ о знаменитой картинѣ впервые можно было опредѣлить положеніе школы Давида въ современномъ искусствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣтить проявленія нѣкоторой независимости, зачатки разложенія, разрушавшіе ее, несмотря на всю ея страшную дисциплину и суровую догматичность.

Подъ конецъ XVIII вѣка Жиродэ-Тріозонъ (1767 — 1824), Франсуа Жераръ (1770 — 1837) и Антуанъ Гро (1771—1835), и раньше пользовавшіеся извѣстностью, пріобрѣли очень громкую славу. Энгру шелъ двадцатый годъ. Что же

*) Эта выставка дала ему 65617 франковъ.

касается конкурировавшихъ между собой мастерскихъ Ф.-А. Венсэна (1746—1816) и Ж.-Б. Реньо (1754—1829), учителя того самаго Пьера-Нарцисса Герена (1774—1833 г.), который въ салонѣ 1799 г. выставилъ картину *«Возвращеніе Марія Секста»*, имѣвшую колоссальный успѣхъ, то всѣ они стремились къ тому же самому героическому и нѣсколько ходульному идеалу.

Даже пейзажисты подпали подъ вліяніе господствующей теоріи. Тщетно нѣкоторые «одинокіе путники», по примѣру Руссо, открывали лѣса въ окрестностяхъ Парижа и простирали свои поиски вплоть до Фонтенебло. *«Виды»* лѣса въ Монморанси и Фонтенебло, *«Внутренность фермы»*, *«Развалившееся гумно, въ щели котораго проникають лучи солнца»*, *«Закаты солнца»*, выставленные въ громадномъ числѣ въ салонахъ 1791, 1793 и 1795 гг., *«Большія дороги»* Луи де-Марна, «Виды» Медона и Сенъ-Жермена, написанные Луи-Моро, наконецъ *«Монмартрскія мельницы»* Мишеля Жерара, который жилъ такъ долго, что видѣлъ первые шедевры великихъ пейзажистовъ XIX вѣка,—вся эта безконечная вереница картинъ прошла совершенно незамѣченной для публики и не встрѣтила ни малѣйшаго сочувствія со стороны тѣхъ, кто давалъ тонъ искусству того времени. Духъ системы, господствовавшей и въ педагогіи, едва допускалъ возможность преподаванія второстепенныхъ отраслей искусства. «Живопись едина и, строго говоря, должна заключать въ себѣ только одинъ родъ: — историческую живопись», готовъ былъ сказать пейзажистъ Валансьеннъ. Въ своихъ «Основахъ практической перспективы, изданныхъ для художниковъ, съ прибавленіемъ размышленій и совѣтовъ относительно выбора пейзажа», появившихся въ печати въ самомъ началѣ новаго столѣтія, онъ формулировалъ теорію «историческаго пейзажа», противъ которой вскорѣ послышались громкіе протесты.

Внѣ кадровъ господствующей школы, возбуждая недобрыя чувства и у ея главы, и у ея послѣдователей, стоялъ Пьеръ Прюдонъ (1758—1823), тринадцатый ребенокъ каменьщика изъ Клюни, ученикъ дижонской школы, находившейся въ блестящемъ состояніи, благодаря управленію Франсуа Девожа. Будучи посланъ въ Римъ на средства бургундскихъ штатовъ, онъ занялъ очень оригинальное положеніе въ искусствѣ своего времени: въ нѣсколькихъ искреннихъ и чарующихъ произведеніяхъ онъ сумѣлъ проявить и тонкое артистическое чувство, и восхитительный талантъ. Онъ былъ величайшимъ живописцемъ своего времени. Онъ не былъ ослѣпленъ господствующимъ направленіемъ, отвергалъ и неестественное привлеченіе археологіи, и всю новѣйшую эстетику. Правда, онъ испытывалъ громадное наслажденіе отъ созерцанія памятниковъ античной древности, понималъ и чувствовалъ ея обаяніе, навѣрно, не хуже самого Давида, однако, если онъ брался «писать красивыя формы на основаніи своего знакомства съ античнымъ искусствомъ» или принимался за «изученіе анатоміи, чтобы достичь точности въ изображеніи», то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никогда не забывалъ писать «съ натуры, *чтобы уловить ея тонкости*». Менѣе всего онъ былъ способенъ надѣть шоры и упереться въ классическую древность. Онъ посѣтилъ сѣверную Италію, на которую никто не обращалъ въ то время ни малѣйшаго вниманія. Флоренція, Парма и Миланъ нравились ему несравненно больше, чѣмъ Римъ; Корреджіо и Леонардо да-Винчи влекли къ себѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ Рафаэль и, въ особенности, Карраччи. Леонардо для него—«учитель, герой, неподражаемый образецъ, отецъ, властитель, первый изъ всѣхъ живописцевъ, который глубиной мысли и правдой чувства превзошелъ Рафаэля» (смотр. его письмо къ Фоконье). «Я не могу и не хочу смотрѣть на что-бы то ни было глазами другихъ, пишетъ онъ, ихъ очки не по мнѣ; я наблюдаю природу и стараюсь воспроизводить ея наиболѣе привлекательные эффекты». Онъ вѣрилъ еще въ грацію, въ нѣжность, въ улыбку, но его улыбка подернута меланхоліей... Грезъ говорилъ про него въ 1797 году: «онъ пойдетъ дальше меня; въ своихъ семимильныхъ сапогахъ онъ захватитъ оба столѣтія». И Прюдонъ, вызывавшій къ себѣ пренебрежительное отношеніе со стороны эстетиковъ и Давида, повидимому, былъ созданъ какъ разъ для того, чтобы объединить оба столѣтія. Онъ поддерживаетъ традицію маленькихъ толстощекихъ амуровъ, но къ его чарующимъ грезамъ при-

мѣшивается глубокая скорбь; онъ знаетъ, что жизнь не праздникъ; онъ видѣлъ трагическую развязку путешествій на *очарованный островъ;* онъ видѣлъ, какъ тонули въ цѣломъ морѣ крови разукрашенныя суда, съ амурами на рулѣ и разноцвѣтными флагами на снастяхъ, державшія путь на Цитеру... Въ 1799 году его знали только по прелестнымъ рисункамъ, которые давали ему необходимыя средства къ существованію. Онъ украшалъ ими беллетристическія произведенія (*Дафнисъ и Хлоя, Искусство любить*), а также заголовки книгъ сенской префектуры (*Минерва соединяетъ Законъ со Свободой, а эта послѣдняя зоветъ еще Природу со всѣми ея правами*)... Въ самый незначительный набросокъ онъ вкладывалъ частицу своей души и такимъ образомъ дѣлалъ его обаятельнымъ; благодаря ему, административныя и революціонныя дѣла сенской префектуры озарились свѣтомъ и улыбкой. Для искусства конца XVIII столѣтія онъ былъ тѣмъ-же, чѣмъ Андре Шенье для поэзіи. Но онъ былъ счастливѣе поэта и могъ «захватить оба столѣтія». Впослѣдствіи мы видимъ его при дворѣ императора.

Въ то время, какъ представители «исторической живописи» рылись въ миѳологическихъ словаряхъ, читали Плутарха и лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы какъ можно лучше изобразить героевъ и боговъ, нѣкоторые художники, самолюбіе которыхъ не заходило такъ далеко, съумѣли приноровить къ вкусамъ и нравамъ своего времени традиціи второстепенныхъ мастеровъ XVIII вѣка, и въ своихъ гравюрахъ, рисункахъ и жанровыхъ картинахъ дали намъ изображеніе повседневной жизни революціонной эпохи, — изображеніе, правда, жеманное и жесткое, вслѣдствіе сосѣдства съ Давидомъ. Это были: Карлъ Вернэ (1757—1835, младшій сынъ пейзажиста Жозефа Вернэ, умершаго въ 1789 году); сначала онъ посвятилъ себя «великому искусству» и написалъ картину «*Тріумфъ Павла Эмилія*», въ которой широко воспользовался своими наблюденіями на конскихъ заводахъ и въ манежахъ, затѣмъ бросилъ римлянъ и, слѣдуя инстинкту, сталъ рисовать спортивныя сцены, карикатуры, военные парады и сраженія; — Луи-Леопольдъ Буальи (1761 — 1841), красиво писавшій бѣлокурые парики и «роскошные будуары»; Викаръ донесъ на него въ народное общество художествъ, обвиняя въ «безнравственности»; тѣмъ не менѣе онъ, въ особенности при директоріи, пользовался успѣхомъ и нашелъ почитателей своего таланта; — Мартинъ Дроллингъ (1752 — 1817), склонявшійся на сторону голландской школы, но, очевидно, напуганный господствовавшей эстетикой; — Л. П. Дебюкуръ (1757 — 1832), живописецъ, рисовальщикъ и плодовитый карикатуристъ, оставившій въ высшей степени цѣнную серію художественныхъ документовъ относительно модъ, нравовъ и духа своего времени. Правда, далеко не всѣ его произведенія одинаковаго достоинства; многія изъ нихъ поверхностны, но всѣ они такъ ярки и колоритны, такъ точно и быстро воспроизводятъ характерныя черты мимолетныхъ явленій, что исторія должна отнестись къ нимъ, какъ къ очень цѣнному матеріалу.

Скульптура. Революціонная эпоха не дала французской скульптурѣ ни одного великаго произведенія. Безспорно, можно было бы составить длиннѣйшій перечень всѣхъ статуй, изображавшихъ «*Свободу*», «*Народъ*», «*Республику*», «*Законъ*», «*Гору*», «*Силу*», «*Народъ, ниспровергающій деспотизмъ*», «*Возродившуюся природу*» «*Братство*», «*Равенство*», «*Республиканскія побѣды*», «*Права человѣка въ обществѣ*» и фигурировавшихъ въ кортежахъ или воздвигнутыхъ на общественныхъ площадяхъ во время празднествъ въ честь революціи. Въ сооруженіи ихъ принимали участіе Бовалэ, Эсперсье, Рамей, Картелье, Шоде, Муатъ, Роланъ, Дюмонъ, Бриданъ, Делэстръ, Шинаръ, Лемо, Дежу и даже Бозіо, который былъ ярымъ дѣятелемъ республиканскаго общества художествъ, затѣмъ любимымъ портретистомъ императорской семьи и, наконецъ, «барономъ» при реставраціи. Но ихъ случайныя произведенія, съимпровизированныя по тому или иному поводу, сдѣланныя изъ гипса, не пережили, да и не достойны были пережить революціонную бурю. Пробилъ часъ, когда подъ предлогомъ «античнаго искусства», «стиля» и стремленія къ возвышенному стали на нѣкоторое время отрицать всякія достоинства въ прирожденной граціи, подвижности и жизненности, которыя до тѣхъ поръ составляли силу и обаяніе французской скульптуры. Хорошо сложенной, цвѣтущей здоровьемъ дѣвушкѣ стали выправлять

кости по новому спеціально - придуманному образцу! Учителя предыдущаго поколѣнія (пережившіе послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка), напримѣръ, Гудонъ, Пажу, Клодіонъ, за весь этотъ промежутокъ времени не создали ни одного новаго шедёвра, не прибавили ничего къ своей славѣ.

Клодіонъ, который нѣкогда такъ мастерски изображалъ небольшія игривыя вакханаліи, пытался поднять ее до новыхъ требованій и доказать, что и онъ способенъ на великое, но всѣ его усилія оказались тщетными, и онъ пользовался лишь очень незначительнымъ успѣхомъ. Пажу, который въ свое время вылѣпилъ нѣсколько бюстовъ, почти достойныхъ того, чтобъ поставить ихъ наряду съ произведеніями Гудона, въ 1790 году подписалъ подъ своей «*Психеей*»: «Пажу, скульпторъ и гражданинъ Парижа». Если сравнить это опредѣленіе своего общественнаго положенія съ тѣмъ, которое онъ сдѣлалъ въ 1774 году подъ «*Вакханкой*», а также подъ многими бюстами: «*скульпторъ короля и профессоръ его академіи живописи и скульптуры*», то мы можемъ замѣтить крутую перемѣну, происшедшую, какъ въ сферѣ искусства, такъ и въ сферѣ политики. Впрочемъ, «Психея» — все-же одно изъ лучшихъ произведеній данной эпохи. Точно такъ-же, какъ въ «*Козѣ Амальтеи*» Пьера Жюльена (1731—1804 г.), въ ней осталось что-то отъ прежняго прелестнаго, теперь уже умиравшаго искусства; однако и новыя вѣянія наложили на нее замѣтный отпечатокъ: погоня за стилемъ даетъ себя чувствовать въ холодности исполненія. Это какъ бы послѣдній вздохъ XVIII столѣтія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ отъ скульптуры стараго порядка къ школѣ временъ имперіи, во главѣ котораго стоялъ Канова, а главными представителями были такіе люди, какъ Шоде, Лемо, Картелье, Рамей и Бозіо.

Что касается Гудона, то статуи и бюсты Вольтера, Франклина, Руссо и Вашингтона, казалось, должны были-бы обратить на него особенно благосклонное вниманіе революціонныхъ дѣятелей. Между тѣмъ онъ не могъ даже добиться заказа на статую Руссо, хотя конвентъ, по предложенію Барера, объявилъ конкурсъ на эту тему. Его замыселъ такъ-таки и не былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣлу не помогла и брошюра, написанная имъ спеціально по этому поводу. Въ 1791 году онъ выставляетъ бюсты Мирабо, Байльи, Вольтера, Франклина, Неккера и «*Зябкую*», но вскорѣ на него доносятъ, какъ на неблагонадежнаго, и только присутствіе духа его жены, которая окрестила статую «*Святой схоластики*», показавшейся патріотамъ подозрительной, — въ «*Философію*»,—спасло его отъ вѣрной гибели. Онъ прожилъ до 1828 года, но можно сказать, что съ 1791 года онъ уже не былъ художникомъ. Скульпторы императорской школы едва снисходили до него и отвергали у него талантъ на томъ только основаніи, что «античный стиль не выраженъ имъ въ своей внушительной суровости».

II. Музыка.

Глюкъ и революція. — Однажды было высказано мнѣніе, будто своими произведеніями Глюкъ предсказалъ и чуть ли даже не накликалъ французскую революцію. Само собой разумѣется, это не болѣе, какъ парадоксъ зарвавшагося критика. Великій артистъ, истый нѣмецъ по своему генію, нѣмецъ по своимъ пріемамъ, учившій Марію-Антуанетту играть на клавикордахъ, придворный музыкантъ въ Вѣнѣ, уѣзжая изъ Франціи и оставляя намъ въ наслѣдство свои шедёвры, — конечно не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о великой и страшной драмѣ, которая должна была произойти десять лѣтъ спустя. И, тѣмъ не менѣе, есть нѣкоторая доля истины въ этомъ смѣшномъ утвержденіи. Безспорно, что Глюкъ не подготовлялъ и не предчувствовалъ революціи, но его мужественный геній оказалъ громадное вліяніе на благородныхъ музыкантовъ, которые прославили ея первые годы.

Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 1789 года, французская музыка вступаетъ на новый путь; приближается время, когда должно родиться новое поколѣніе музыкантовъ; игривыя любовныя темы на миѳологической подкладкѣ, царившія въ теченіе всего

XVIII вѣка, уступаютъ мѣсто болѣе возвышеннымъ чувствамъ. Подъ вліяніемъ Руссо, комедіи съ пѣснями начинаютъ носить болѣе сантиментальный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе искренній, задушевный характеръ. Однѣ изъ нихъ, подобно *Феликсу* Монсиньи, превращаются въ маленькія семейныя драмы, другія, напр. *Сеньеръ-благодѣтель* Флокэ, поддаваясь духу времени, служатъ проводникомъ философскихъ воззрѣній (1780 г.). Въ лирической трагедіи пробивается свѣжая струя. Наши серьезные музыканты бросаютъ устарѣвшую миѳологію и черпаютъ сюжеты для своихъ произведеній изъ исторіи, сначала изъ жизни римлянъ, потомъ — грековъ, наконецъ, изъ старинныхъ французскихъ преданій. «*Ричардъ - Львиное Сердце*» Гретри имѣлъ колоссальный успѣхъ, а «*Людовикъ IX въ Египтѣ*» Лемуана, поставленный въ театрѣ Оперы въ 1790 году, окончательно даровалъ права гражданства историческимъ даже патріотическимъ поэмамъ.

Стали сказываться новыя артистическія потребности: искусство, казалось, стремилось стать сильнѣе и могущественнѣе. Изъ глубины Германіи, подъ вліяніемъ Гайдна и Моцарта, шли вѣянія *болѣе музыкальной музыки*. Граціозныя трели итальянцевъ не давали болѣе удовлетворенія; нужны были болѣе мощные мотивы, болѣе глубокія созвучія. При всей красотѣ, очаровательности, мягкости и задушевности своего таланта, музыканты, проникнутые традиціями XVIII столѣтія, оказывались неспособными идти на встрѣчу новымъ запросамъ. Старый Гретри былъ только тѣнью того, чѣмъ онъ былъ раньше. Монсиньи пересталъ писать. Послѣ отъѣзда Глюка театромъ Оперы завладѣли трое итальянцевъ, Пиччини, Саччини и Сальери. Французскіе музыканты отошли на второй планъ: они даже не подражали своему великому учителю, а только копировали. Чувствовалась настоятельная потребность въ молодыхъ музыкантахъ съ большими силами, съ большимъ запасомъ энергіи для новаго, еще не протореннаго пути. Лезюёръ, Керубини и Мегюль, выступившіе почти въ одно и то же время на поприще искусства, не были грубыми подражателямиГлюка; они умѣли остаться самими собой, воспринявъ отъ него величіе, благородство и глубину экспрессіи. Вотъ почему мы вправѣ были сказать, что великій нѣмецкій музыкантъ подготовилъ если и не самую революцію, то, по крайней мѣрѣ, поколѣніе ея пѣвцовъ.

Впрочемъ, занимающее насъ десятилѣтіе съ 1789 по 1799 годъ было для новой музыки только вступительнымъ періодомъ. Будущія знаменитости французской школы, казалось, только пробовали свои силы; лучшія произведенія ихъ появились послѣ революціонной эпохи: «*Два дня*» Керубини — въ 1800 году, «*Барды*» Лезюёра — въ 1804-омъ, «*Іосифъ*» Мегюля — въ 1804-омъ; но уже юношескіе опыты предвѣщали ихъ грядущее величіе.

Лезюёръ, Керубини, Мегюль.—Еще до революціи Лезюёръ и Керубини прославились въ сферѣ церковной музыки. Едва достигнувъ двадцати шести лѣтъ, Лезюёръ уже пріобрѣлъ очень широкую извѣстность своей музыкой на праздники *Успенія Богородицы, Рождества Христова и Пятидесятницы.* Когда республика провозгласила свободу зрѣлищъ, передъ нашими музыкантами открылись новые, широкіе горизонты. Лезюёръ принялся за комическую оперу. Въ 1793 году онъ далъ намъ свое первое драматическое произведеніе «*Вертепъ*» (Caverne), въ 1794 году — «*Павла и Виргинію*», въ 1796 году — «*Телемака на островѣ Калипсо*». Во всѣхъ этихъ партитурахъ онъ преисполненъ благородства, величія, искренняго и глубокаго чувства; но этому, по преимуществу, лирическому таланту негдѣ было еще развернуться во всю ширь; ему нужна была героическая эпопея, опера, гдѣ можно было бы взлетѣть на головокружительную высоту и дать полное развитіе своимъ художественнымъ замысламъ. «*Барды*» появились въ слѣдующій періодъ общественной жизни, и только тогда публика могла оцѣнить всемогущество его дарованія.

Керубини былъ родомъ изъ Италіи, гдѣ онъ учился вмѣстѣ съ Каструччи и Сарти. Едва онъ успѣлъ пріѣхать въ 1788 году во Францію, какъ сдѣлался истымъ французомъ; въ настоящее время нельзя передать исторію нашего искусства, не упомянувъ его имени среди звѣздъ первой величины. Его произведенія драматическаго, лирическаго или смѣшаннаго характера соединяли съ глубокимъ пониманіемъ музыки замѣчательное изящество формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они отличаются точностью выраженія и сценичностью, т. е. какъразъ тѣми чертами, которыя присущи

именно нашему искусству. Уже въ 1788 году пріѣзжій флорентинецъ познакомилъ публику со своимъ первымъ французскимъ произведеніемъ *Демофономъ*. Онъ былъ извѣстенъ еще раньше отрывками для балета и переложеніями, тѣмъ не менѣе новая партитура была принята очень холодно. Не то было съ *«Лодоиской»* (1791). Эта комическая опера произвела въ музыкѣ цѣлую революцію. Богатство идей, колоритность оркестровки, мощь, живость и стройность ансамблей — все это было совершенно ново для Франціи и произвело громадное впечатлѣніе. Великая школа Мегюлей, Лезюёровъ, Бертоновъ ведетъ свое начало отъ этого произведенія Керубини. Намъ незачѣмъ перечислять здѣсь все то, что онъ создалъ, но слѣдуетъ остановиться на лирической драмѣ *«Два дня»*, въ которой онъ съумѣлъ быть трогательнымъ и драматичнымъ, ни на одно мгновенье не упуская изъ виду красоту формы. Гайднъ и Бетховенъ провозгласили его первымъ композиторомъ своего времени; они забывали самихъ себя и, быть можетъ, нѣсколько преувеличивали его значеніе. Общество XIX вѣка виновно въ противоположной крайности: оно, правда, помнитъ имя Керубини, но не знаетъ его драматическихъ произведеній. Мы позволяемъ себѣ думать, что этотъ флорентинецъ по происхожденію былъ вдвойнѣ французомъ по духу: онъ оказалъ громадныя услуги французской музыкальной школѣ и далъ рядъ чудныхъ твореній, проникнувъ въ тайны нашего національнаго генія. Наконецъ, онъ былъ французомъ и по чувству: удаленный изъ Франціи по непонятной антипатіи Наполеона, живя вдали отъ своей второй родины, онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ всю свою жизнь, и продолжалъ работать въ прежнемъ направленіи.

Но истиннымъ представителемъ занимающей насъ эпохи, прославившемъ революцію въ безсмертной пѣснѣ, человѣкомъ, который въ теченіе всей своей жизни былъ настоящимъ республиканцемъ и умѣлъ вполнѣ постигать духъ и смыслъ окружавшихъ его явленій, — былъ Этьенъ-Никола Мегюль (родился въ Живэ въ 1763 году, умеръ въ Парижѣ въ 1817 г.). Безспорно, у него не было такихъ знаній, какъ у Керубини, но въ свои произведенія онъ вкладывалъ больше пыла и страсти. Уступая Лезюёру въ лиризмѣ, онъ превосходилъ его разнообразіемъ. И въ лирической драмѣ, и въ комедіи его музыка носила характеръ сознательности, прямодушія, теплоты, я сказалъ бы: честности, еслибы въ сферѣ искусства это слово не было связано съ критикой. Таковъ былъ Мегюль, какъ артистъ. На всей жизни его лежитъ отпечатокъ простоты и мягкости; всѣ, знавшіе его, глубоко уважали этого человѣка, выше всего ставившаго честь искусства и свою собственную. Его произведенія, казалось, прямо выходили изъ его благороднаго и возвышеннаго сердца. Обладая страстнымъ, захватывающимъ пыломъ, живымъ и мужественнымъ чувствомъ, онъ умѣлъ дѣлать проводникомъ своихъ стремленій такія произведенія, какъ *«Евфрозина и Конрадинъ»*, доставившее ему первые лавры (1790), *«Фрозина и Мелидоръ»* (1797), *«Аріоданъ»* (1799). Онъ былъ, кромѣ того, вдохновеннымъ пѣвцомъ мужественный борьбы Франціи противъ цѣлой Европы. Мы не должны забывать, что, создавая *«Горація Коклеса»* и музыку на трагедію Мари-Жозефа Шенье *«Тимолеонъ»*, Мегюль старался подчеркнуть тѣ мѣста стиховъ, въ которыхъ съ особенной силой сказывалось республиканское настроеніе, и передать его слушателямъ. Лезюёръ и Спонтини были музыкантами имперіи, Мегюль, авторъ *«Пѣсни разлуки»*, по всей справедливости, долженъ быть признанъ музыкантомъ республики.

Бертонъ и второстепенные музыканты. — Кромѣ «Оперы», которая въ этотъ періодъ дала, надо признаться, гораздо меньше остальныхъ лирическихъ сценъ, имѣлось еще два театра комической оперы, соперничество между которыми оказало въ высшей степени благопріятное дѣйствіе на развитіе французскаго искусства. На ряду со школой Лезюёра, Керубини и Мегюля расцвѣтала другая школа, правда, второстепенныхъ, но все-же очаровательныхъ музыкантовъ. Кульминаціонный пунктъ ея развитія совпалъ со слѣдующей политической эпохой, но историкъ революціи все-же не можетъ обойти молчаніемъ одного изъ ея видныхъ представителей. Мы разумѣемъ Анри Монтанъ-Бертона. Его лучшимъ произведеніемъ является, по нашему мнѣнію, комическая опера *«Монтано и Стефанія»* (1799), несправедливо забытая въ настоящее время. Написанная на сюжетъ, напоминающій комедію Шек-

спира «*Много шума изъ пустяковъ*», она очень характерна для той части нашихъ музыкантовъ, которая черпала вдохновенiе у иностранныхъ поэтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно отмѣтить, что Бертонъ одинъ изъ первыхъ сталъ восторгаться великими германскими композиторами, въ особенности Моцартомъ, и распространять ихъ влiянiе на французское искусство. Крупное дарованiе Бертона (мы не говоримъ «талантъ») менѣе глубоко, чѣмъ у Мегюля, менѣе оригинально, возвышенно и подвижно, чѣмъ у Лезюёра, не носитъ на себѣ такого отпечатка благородства, какъ у Керубини; тѣмъ не менѣе, ему нельзя отказать ни въ страсти, ни въ колоритности, ни въ правильной постановкѣ и стройномъ развитiи драматическихъ сценъ. Изъ остальныхъ его сподвижниковъ въ настоящую минуту интересенъ по школѣ Крейцеръ, авторъ «*Павла и Виргинiи*» (1791), а также музыканты, писавшiе очень милые вещички,—музыканты, которыхъ можно назвать водевилистами, напримѣръ, нѣжный Дезедъ, остроумный Жаденъ, Фрондёръ Девьеннъ, авторъ «*Визитандинокъ*» (монахини орд. Визитацiи) (1792). Наконецъ, въ самомъ концѣ занимающаго насъ перiода мы встрѣчаемъ Боэльдье съ его «*Багдадскимъ калифомъ*» (1800). Съ этихъ поръ и вплоть до появленiя Россини, французская школа гремѣла на всю Европу, не встрѣчая соперничества въ сосѣднихъ странахъ.

Революцiонная музыка: марсельеза; пѣсни Мегюля и Госсека.—Итакъ, именно въ революцiонную эпоху выступили на общественное поприще всѣ только что перечисленные музыканты, и было положено начало блестящей школѣ первыхъ десятилѣтiй XIX-го вѣка. Можно сказать, что французская музыка обязана революцiи своимъ быстрымъ и блестящимъ расцвѣтомъ, что либеральная реформа облегчила созданiе музыкальныхъ произведенiй и ободрила артистовъ. Республика дала толчокъ и содѣйствовала развитiю новой музыки, но не успѣла пожать плодовъ своихъ усилiй: у нея не было своей собственной музыки. Францiи грозили соединенныя полчища всей Европы, внутри страны кипѣла работа, шло спѣшное снаряженiе войскъ и отправленiе ихъ на границу; веселыя и нѣжныя пѣсенки, сочиненныя Монсиньи и Гретри, не были годны для набата, сзывавшаго населенiе на борьбу за отечество. Сначала революцiя заимствовала пѣсни у старыхъ композиторовъ,—знаменитая въ то время пѣсня «Поратуемъ за государство» (Veillons au salut de l'empire) принадлежитъ Далейраку,—но затѣмъ было рѣшено пригласить музыкантовъ сложить новыя пьесы для поддержанiя духа въ нашихъ солдатахъ во время походовъ и сраженiй, для республиканскихъ годовщинъ и общественныхъ праздниковъ. Тотчасъ-же всѣ принялись за работу. Одинъ изъ самыхъ старыхъ музыкантовъ того времени, Госсекъ, незадолго передъ тѣмъ прiобрѣвшiй славу театральнаго и духовнаго композитора, написалъ красивый «*Гимнъ Высшему Существу*», а затѣмъ «*Гимнъ на 14 iюля*»; Керубини составилъ «Гимнъ юности»; мало извѣстный Гаво въ благородныхъ и выразительныхъ созвучiяхъ изобразилъ «*Пробужденiе народа*». Композиторы сами выходили на улицы и площади, собирали толпу и учили ее своимъ простымъ, легкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивымъ мелодiямъ. По большей части всѣ эти пѣсни отличаются суровымъ и возвышеннымъ тономъ. Собранiе ихъ до сихъ поръ еще заслуживаетъ изученiя. Двѣ изъ нихъ могутъ быть названы музыкальнымъ воплощенiемъ революцiи; это—*Марсельёза*, преисполненная внутренняго пыла, написанная въ тактъ военному маршу, подобная грому народнаго гнѣва;—и «*Пѣсня разлуки*» съ благородной и великолѣпной мелодiей, быть можетъ, менѣе увлекательная, но зато болѣе красивая и несравненно лучше отдѣланная, чѣмъ Марсельёза.

«*Пѣсня разлуки*» сочинена въ 1794 г. Мегюлемъ на годовщину взятiя Бастилiи. *Марсельеза* сымпровизирована въ Страсбургѣ въ апрѣлѣ 1792 г. молодымъ офицеромъ инженерныхъ войскъ Руже де-Лилемъ, который назвалъ ее «*Боевой пѣсней рейнской армiи, посвященной маршалу Люкнеру*». Въ Парижѣ ее въ первый разъ услышали отъ марсельскаго батальона, вступившаго въ городъ незадолго до 10 августа 1792 г. 14 октября ея торжественное исполненiе, въ которомъ принимала участiе консерваторiя, носило почти оффицiальный характеръ.

Консерваторiя и Институтъ.—Мы только-что употребили слово, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстное въ исторiи французской музыки: «*консерваторiя*». Подобно политехнической и нормальной школѣ, ин-

ституту и другимъ учрежденіямъ, составляющимъ предметъ нашей законной гордости, консерваторія была основана въ чисто республиканскій періодъ великой революціи. Сначала она предназначалась для подготовки музыкантовъ, могущихъ исполнять новыя пѣсни, а также для пополненія военныхъ оркестровъ. Лишь впослѣдствіи она превратилась въ школу музыки, т. е. стала тѣмъ, что представляетъ изъ себя въ настоящее время. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что до ея учрежденія музыка совершенно не преподавалась во Франціи? Это было-бы чрезвычайно грубымъ заблужденіемъ, такъ какъ мы знаемъ, что французская музыка пользовалась значительнымъ успѣхомъ еще при старомъ порядкѣ. Музыка преподавалась, но не было спеціальнаго учебнаго заведенія для всѣхъ ея отраслей. Въ средніе вѣка ей обучали въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ школахъ. Когда явилась драматическая музыка, почувствовалась нужда въ хорошо подготовленныхъ пѣвцахъ. Люли открылъ въ театрѣ Оперы школу пѣнія и декламаціи. Она перешла къ пѣвицѣ Ле-Рошуа, которая и содержала ее до 1726 г. Впослѣдствіи въ улицѣ Сентъ-Никезъ было устроено нѣчто вродѣ музыкальнаго учебнаго заведенія подъ названіемъ «*Школа пѣнія при театрѣ Оперы*». Она помѣщалась въ складахъ для декорацій при королевской академіи музыки. Въ такомъ видѣ школа просуществовала до 1784 года, когда Девимъ-дю-Вальгэ и Госсекъ добились отъ короля приказа объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ Бретейля, «*Королевской школы пѣнія и декламаціи*». Она была закрыта въ 1792 г. Всѣ эти заведенія, дѣйствовавшія очень неправильно, въ общемъ не преслѣдовали другой цѣли, кромѣ подготовки пѣвцовъ для Оперы. Между тѣмъ назрѣла потребность во всестороннемъ музыкальномъ образованіи, которое выдвигало-бы не только пѣвцовъ, но также лицъ, умѣющихъ играть на инструментахъ, и композиторовъ. Парижскій муниципалитетъ содержалъ на свои средства оркестръ національной гвардіи, состоявшій изъ шестидесяти пяти музыкантовъ и находившійся подъ управленіемъ нѣкоего Саррета. Онъ съумѣлъ собрать вокругъ себя лучшихъ артистовъ Парижа. Въ 1792 году имъ перестали выдавать жалованье, но группа музыкантовъ не распалась. Сарретъ преобразовалъ ее въ безплатную школу инструментальной игры, которая должна была поставлять музыкантовъ для республиканской арміи. Вскорѣ курсъ ея былъ расширенъ преподаваніемъ композиціи, пѣнія и декламаціи, которое было возложено на знаменитостей того времени. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, 6 термидора III года (7 сентября 1795 г.), въ тотъ-же годъ, когда былъ учрежденъ институтъ, консерваторія музыки и декламаціи была признана закономъ. Этотъ день имѣетъ громадное значеніе въ исторіи французской музыки. Введя единство въ преподаваніе, выработавъ его методы и пригласивъ въ свои стѣны цѣлый рядъ блестящихъ профессоровъ, консерваторія дала Франціи то, чего ей недоставало и чѣмъ давно уже обладали Германія и Италія, а именно — заведеніе, въ которомъ-бы изучалось все, имѣющее отношеніе къ музыкѣ, изучалось по строго выработанному и однородному плану. До тѣхъ поръ у насъ были хорошіе преподаватели, но не было правильно поставленнаго преподаванія.

Созданіе института было однимъ изъ наиболѣе великихъ и плодотворныхъ нововведеній революціи. Онъ имѣетъ громадное значеніе для общей исторіи литературы, искусствъ и наукъ; но не слѣдуетъ забывать, что въ кругъ его компетенціи была введена и музыка. Въ число его членовъ были приглашены наиболѣе видные композиторы. Первымъ изъ нихъ былъ Мегюль, вступившій въ составъ академіи изящныхъ искусствъ по постановленію 15 фримера III года: республика должна была оказать эту честь автору «*Пѣни разлуки*». За нимъ послѣдовали Госсекъ и Гретри. Наконецъ, когда декретомъ 3 брюмера IV года былъ разрѣшенъ доступъ иностранцамъ, выборъ палъ на великаго Гайдна.

Свобода зрѣлищъ, консерваторія, институтъ — таковы учрежденія, которыми музыка обязана республикѣ и конвенту. Первые годы XIX столѣтія занимаютъ одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ развитіи французской школы; было-бы черной неблагодарностью игнорировать, кто и когда проторилъ для нея пути, кто и когда подготовилъ ея славу.

Глава XIV.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1789—1799 ГГ.

Земледѣліе.—Въ сферѣ сельско-хозяйственныхъ отношеній революціонная эпоха ознаменовалась двумя крупными явленіями: мы разумѣемъ ростъ мелкаго землевладѣнія и освобожденіе земли.

Было-бы ошибкой думать, что именно революція положила начало дробленію почвы на мелкіе участки. Буа гильберъ, аббатъ де-Сенъ-Пьеръ, Кенэ, Тюрго, Неккеръ и Артуръ Юнгъ единогласно свидѣтельствуютъ объ его существованіи при старомъ порядкѣ. Для однихъ оно казалось «источникомъ ужасающихъ бѣдствій». «Франція дошла до того предѣла, писалъ Артуръ Юнгъ, когда земля не можетъ уже прокормить населенія»; ее ждетъ «страшнѣйшая голодовка, которую только можно себѣ представить». Другіе—и вмѣстѣ съ ними тотъ-же Артуръ Юнгъ въ иныхъ мѣстахъ своего сочиненія—объясняютъ цвѣтущее состояніе нѣкоторыхъ провинцій вліяніемъ мелкаго землевладѣнія. Какъ ни относиться къ этому спору, нельзя отрицать, что обѣ стороны вполнѣ единодушны въ одномъ пунктѣ: ихъ показанія не оставляютъ никакого сомнѣнія, что мелкое землевладѣніе представляло изъ себя обычное явленіе еще до наступленія революціи. Правда, этимъ еще не разрѣшается вопросъ, какъ велика была его общая площадь. Артуръ Юнгъ полагалъ, что она занимала треть всѣхъ земель, но Фовилль считаетъ этотъ разсчетъ нѣсколько преувеличеннымъ. Склоняясь къ пропорціи, указанной еще Дюжонкомъ, онъ полагаетъ, что не менѣе одной шестой находилось въ рукахъ мелкихъ собственниковъ. По его мнѣнію, «общее число городскихъ и сельскихъ землевладѣльцевъ должно было быть болѣе четырехъ милліоновъ».

Продажа церковныхъ и дворянскихъ имуществъ могла только усилить дробленіе собственности. При аукціонѣ церковныхъ земель, правда, еще не соблюдалось правила, въ силу котораго всякое продаваемое имѣніе должно было быть предварительно раздѣлено на мелкія части, но, съ одной стороны, пріобрѣтателями ихъ нерѣдко являлись цѣлыя товарищества, которыя послѣ покупки и дѣлили ихъ между своими членами; съ другой стороны, сами эти имущества далеко не всегда имѣли крупные размѣры. Что касается земель эмигрантовъ, то ко времени ихъ продажи конвентъ постановилъ допускать ихъ до торговъ не иначе, какъ въ раздробленномъ видѣ. Было пущено съ молотка 370,617 отдѣльныхъ участковъ на общую сумму въ 605.352,992 франка, что въ среднемъ на каждый участокъ составитъ по 1630 франковъ. Почти невозможно опредѣлить съ полной точностью, насколько именно увеличилось, благодаря этому колоссальному аукціону, мелкое землевладѣніе. Однако, принявъ вмѣстѣ съ лучшими знатоками вопроса, что сельскія имущества духовенства стои-

ли милліардъ, а собственность эмигрантовъ—отъ одного до полутора милліарда, мы придемъ къ заключенію, что революція продала съ молотка около одной десятой всѣхъ земель. Безспорно, не вся эта доля досталась крестьянамъ, но немыслимо отвергать, что самыя условія продажи должны были могущественно содѣйствовать расширенію мелкаго землевладѣнія.

Итакъ, число поземельныхъ собственниковъ увеличилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошла другая, не менѣе важная перемѣна: земля была освобождена.

Бывшія церковныя имущества перестали быть неотчуждаемыми и вошли въ гражданскій оборотъ. Земли, которыми уже владѣлъ крестьянинъ, были освобождены отъ феодальныхъ повинностей и другихъ тяготъ. Онъ сдѣлался дѣйствительнымъ, полнымъ собственникомъ своего участка.—Нѣкогда это былъ крѣпостной, почти ничѣмъ не отличавшійся отъ вьючнаго животнаго. Въ XIII вѣкѣ стала усиленно производиться расчистка новыхъ земель. Владѣльцы переманивали другъ у друга работниковъ. Цѣна на нихъ поднималась все выше и выше. Чтобы удержать ихъ на мѣстѣ, признали ихъ лично-свободными и дали по куску земли подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей и уплаты оброковъ. Мало по малу, личное освобожденіе крестьянина и надѣленіе его землей въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ распространилось на всѣ провинціи. Такимъ образомъ онъ сдѣлался свободнымъ «держателемъ». Онъ—собственникъ, обязанный уплачивать чиншъ или опредѣленную феодальную ренту и, сверхъ того, оказывать рядъ матеріальныхъ или нематеріальныхъ услугъ своему бывшему господину. Наканунѣ революціи нѣкоторыя изъ этихъ тяготъ были значительно облегчены. Благодаря обезцѣненію благородныхъ металловъ, замѣтно понизилась рента, взимавшаяся въ XVIII столѣтіи въ томъ-же размѣрѣ, какъ въ средніе вѣка. Наиболѣе тяжкими считались въ то время дорожная повинность, барщина и исключительное право охоты, съ недавнихъ поръ принадлежавшее сеньеріальному владѣльцу. Законы, изданные учредительнымъ собраніемъ, уничтожили феодальныя повинности, что-же касается тѣхъ, которыя оно провозгласило не-феодальными и потому подлежавшими выкупу, то крестьянинъ освободился отъ нихъ посредствомъ массоваго истребленія архивовъ. Въ то-же время была уничтожена десятина.

Итакъ, собственность была освобождена, упрощена, укрѣплена, а все это могло только благопріятствовать прогрессивному развитію земледѣлія.

Однако, въ занимающій насъ періодъ, во время кровопролитныхъ смутъ и напряженія всѣхъ силъ для борьбы съ цѣлой Европой, его успѣхи не могли быть особенно велики. Если попрежнему оставались въ ходу устарѣлые техническіе пріемы, если треть всѣхъ культивируемыхъ земель попрежнему находилась подъ паромъ, то виной этого было отнюдь не одно невѣжество крестьянъ, какъ писалъ въ 1798 году Франсуа де-Нефшато въ приказѣ по министерству.

За истекшіе передъ этимъ моментомъ годы предпріимчивость новатора зачастую наталкивалась на почти неопреодолимыя преграды. Развѣ искусные земледѣльцы, отводившіе часть своихъ земель подъ огороды и посѣвъ промышленныхъ растеній, не подвергались обвиненіямъ въ спекуляціи на голодовку населенія? Во многихъ муниципалитетахъ возможна была только хлѣбная культура. Въ 1794 году маркиза де-Марбёфъ была гильотинирована за то, что вмѣсто хлѣба она посѣяла люцерну (медунку). Ученый агрономъ Иваръ обвинялся въ искусственномъ вызываніи голода на томъ лишь основаніи, что часть земель фермы Мэзонвилль, въ которой онъ былъ управляющимъ, не была засѣяна хлѣбомъ. Въ этотъ годъ многіе фермеры, желая избѣжать убыточной продажи по таксѣ, не молотили своего хлѣба подъ предлогомъ отсутствія рабочихъ рукъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что какъ разъ въ это время началась засѣвка кормовыхъ травъ; установленіе принудительныхъ цѣнъ въ голодные годы побудило фермеровъ отказаться отъ культуры хлѣба и такимъ образомъ привело къ болѣе раціональной системѣ земледѣлія. Между тѣмъ раньше усилія сельско-хозяйственныхъ обществъ, ихъ указанія и совѣты, притомъ, въ несравненно болѣе продолжительный срокъ, не могли достичь такого блестящаго результата.

Всѣ бросились на овцеводство, продукты котораго—шерсть и баранина—не подлежали законамъ о maximum'ѣ. Благодаря со-

дѣйствію земледѣльческой коммиссіи, распространявшей испанскихъ овецъ, 1793—95 годы отмѣчены значительнымъ улучшеніемъ французской породы.

Въ III-мъ году послѣ основанія республики были возстановлены конскіе заводы, уничтоженные-было учредительнымъ собраніемъ.

Были приняты мѣры противъ лѣсоистребленія, которое во всѣхъ краяхъ государства приняло очень широкіе размѣры, начиная съ середины XVIII вѣка. Были назначены поощрительныя преміи для всѣхъ владѣльцевъ, занимающихся лѣсоразведеніемъ или насажденіемъ фруктовыхъ деревьевъ. По всѣмъ департаментамъ были распространены особыя инструкціи, которыя должны были убѣдить сельскихъ хозяевъ, что «лучшій способъ для того, чтобы извлечь изъ земли возможно больше, выкорчевывать и распахивать лѣса», что «единственное средство для борьбы съ засухами и выпаханностью почвы — разведеніе лѣсовъ на бывшихъ поляхъ».

Промышленность.—Подобно земледѣлію, революція освободила и промышленность. Правда, введеніе мануфактуръ еще при старомъ порядкѣ дало первый толчекъ уничтоженію средневѣковой регламентаціи труда. Ремесленныя корпораціи и цеховыя управы, совершенно отмѣненныя въ министерство Тюрго, только отчасти были возстановлены послѣ паденія этого великаго государственнаго дѣятеля. Стѣсненія промышленности были смягчены въ министерство Неккера королевскими грамотами 1779 года. Тѣмъ не менѣе, большинство старыхъ ограниченій свободы труда осталось въ силѣ и были даже введены нѣкоторыя новыя: такъ, указами 1784 года было предписано дѣлать платки только квадратные.

Ремесленныя корпораціи были окончательно уничтожены закономъ 17 марта 1791 года: всѣ отрасли и виды промышленнаго труда стали доступны для всякаго гражданина. Вмѣстѣ съ тѣмъ была упразднена старинная регламентація. Усовершенствованія техники не встрѣчали болѣе никакихъ препятствій. Права изобрѣтателя были ограждены законами 31 декабря 1790 г.—7 января 1791 г.

Но и въ этой сферѣ революціонная эпоха не успѣла пожать того, что посѣяла. Ея трудами воспользовались послѣдующія поколѣнія Десятилѣтіе-же съ 1789 по 1799 года было очень тяжкимъ моментомъ для нашей промышленности. — Благодаря торговому договору 1786 года, еще при старомъ порядкѣ, мануфактуры стали страдать отъ англійской конкуренціи. Сначала наши фабриканты отнеслись очень сочувственно къ взаимному уничтоженію запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ между Франціей и Англіей. Они и не подозрѣвали тѣхъ глубокихъ преобразованій, которыя введеніе машинъ произвело въ англійской промышленности; пользуясь монополіей сбыта на національный рынокъ и во французскія колоніи, они закоснѣли въ устарѣлыхъ способахъ фабрикаціи, совершенно упустили изъ виду разницу въ издержкахъ производства и надѣялись, что высшее качество французскихъ товаровъ не только оставитъ за ними внутренній рынокъ, но даже обезпечитъ громадный сбытъ въ самую Англію. Очень скоро наступило горькое разочарованіе. Наказы, составленные при выборахъ депутатовъ въ генеральные штаты, полны жалобъ на конкуренцію иностранныхъ продуктовъ. Въ инструкціяхъ третьяго сословія города Ренна говорилось: «торговый договоръ, невыгодный въ очень многихъ отношеніяхъ для націи, прямо-таки гибеленъ для мануфактуръ. Онъ ввергъ въ нищету массу рабочихъ,—гражданъ, въ высшей степени полезныхъ государству... Если нельзя цѣликомъ нарушить этотъ договоръ, слѣдуетъ добиться хотя-бы нѣкоторыхъ, частичныхъ измѣненій». То же самое утверждала нормандская торговая палата въ своемъ извѣстномъ мемуарѣ: «англичанинъ...... впередъ зналъ наши пріемы и средства......; на нашихъ равнинахъ онъ не видѣлъ овецъ, которыхъ такъ много на его собственныхъ; онъ изслѣдовалъ нашу шерсть и нашелъ, что она хуже и дороже; онъ проникъ въ наши мануфактуры и изучилъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ; въ крупныхъ заведеніяхъ онъ не встрѣтилъ машинъ, но наткнулся на дорого стоющій матеріалъ; посѣтивъ мелкія предпріятія, онъ узналъ, что въ большинствѣ ихъ на качество издѣлія не обращаютъ никакого вниманія, что мастеръ, являющійся и хозяиномъ, и работникомъ,—вынужденъ руководиться интересами минуты». Незадолго до октябрьскихъ событій 1789 года одинъ изъ депутатовъ восклицалъ въ собраніи: «наши мануфактуры

уничтожены, мастерскія пусты; рабочіе безъ дѣла». Въ видѣ противоядія общественному злу онъ предлагалъ обязать всѣхъ членовъ конституанты и дворъ — носить только французскія матеріи.

Несмотря на всѣ эти вопли, учредительное собраніе рѣшило держаться пути, на который мы вступили въ 1786 году. Правда, можно думать, что введенная въ 1791 году система умѣреннаго покровительства, дававшая французскимъ фабрикантамъ почувствовать иностранную конкуренцію, въ другую эпоху явилась-бы могучимъ стимуломъ для ихъ предпріимчивости и, послѣ временнаго кризиса, привела-бы къ пышному расцвѣту французской промышленности. Не то вышло въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. Можно указать только единичные случаи, когда новая система дала толчекъ развитію экономической жизни: такъ, именно въ этотъ періодъ была введена въ употребленіе первая мюль-машина; баронъ Порталь констатировалъ въ X году послѣ основанія республики, что прядильныя фабрики, понесшія наибольшій убытокъ отъ англійской конкуренціи, прогрессировали быстрѣе всѣхъ остальныхъ; наконецъ, допущеніе во Францію англійскихъ гончарныхъ издѣлій дало нашимъ рабочимъ образцы для воспроизведенія и замѣтно подвинуло впередъ эту отрасль производства.

Истинную причину упадка и гибели нашихъ мануфактуръ слѣдуетъ искать во внутреннемъ положеніи страны. Французскій рабочій всегда выдѣлывалъ по преимуществу предметы роскоши; между тѣмъ большинство тѣхъ, кто покупалъ ихъ, эмигрировало заграницу, остальные должны были сократить свои расходы. Въ промежутокъ съ 1789 по 1800 годъ было закрыто около тридцати кружевныхъ мануфактуръ. Смуты и войны явились такимъ образомъ непреодолимой преградой для быстраго развитія нашихъ промышленныхъ заведеній.

Послѣ осады Ліона, шелкоткацкое производство, давшее въ царствованіе Людовика XVI «настоящіе шедёвры узорчатыхъ матерій», падаетъ такъ-же низко, какъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта.

Законы о максимумѣ нанесли смертельный ударъ довольно значительному числу мануфактуръ, обязавъ ихъ продавать свои произведенія по смѣхотворнымъ цѣнамъ. По той-же причинѣ тотчасъ-же исчезли изъ обращенія нѣкоторые виды фабрикатовъ: седанскія мануфактуры, выдѣлывавшія раньше высшіе сорта суконъ, должны были перейти къ производству низшихъ сортовъ, чтобы избѣжать значительныхъ убытковъ при продажѣ своихъ продуктовъ по навязанной цѣнѣ.

Директорія сдѣлала немало усилій, чтобы поднять упавшую промышленность. Она испросила у законодательнаго корпуса четыре милліона; одинъ изъ нихъ предназначался спеціально для Ліона. Въ 1798 году для поддержки его экономическаго значенія было ассигновано еще два милліона.

Въ томъ-же году, по иниціативѣ Франсуа де-Нефшато, была устроена первая національная выставка. На приглашеніе откликнулось только сто десять экспонентовъ. Особенно замѣчательны были произведенія Крезо, мануфактуръ Шоллэ и Майенна, а также пробные образцы механической пряжи.

Внутренняя торговля. — Одной изъ ближайшихъ задачъ конституанты было уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, приведенное въ исполненіе декретомъ 5 ноября 1790 года. Наряду съ англійскими товарами, ввозившимися черезъ нормандскіе порты на основаніи торговаго договора 1786 г., на территорію «*пяти пошлинъ*» (les cinq grosses fermes) стали свободно ввозиться продукты другихъ провинцій государства. Такъ осуществилась завѣтная мечта Кольбера и были доведены до конца тщетныя попытки Калонна (1787 г.). До сихъ поръ внутреннія заставы совершенно отдѣляли провинціи, «*считавшіяся какъ-бы чужеземными*» (réputées étrangères), а также тѣ, которыя въ торговомъ отношеніи были «*на положеніи чисто-заграничныхъ*» (à l'instar de l'étranger effectif) — отъ таможеннаго союза нѣкоторыхъ центральныхъ провинцій, называвшагося «*пятью пошлинами*» (les cinq grosses fermes). Въ свою очередь провинціи, «считавшіяся какъ-бы чужеземными», образовывали, по меньшей мѣрѣ, одиннадцать изолированныхъ другъ отъ друга таможенныхъ территорій. Области «на положеніи чисто-заграничныхъ» были совершенно оторваны отъ остальной Франціи, но не подвергались никакимъ стѣсненіямъ при торговлѣ съ сосѣдними государствами. Отнынѣ таможенная линія

начала совпадать съ политической границей, Франція стала представлять одно цѣлое, а торговля между отдѣльными провинціями не встрѣчала уже никакихъ препятствій со стороны государства. Безспорно, состояніе путей сообщенія не допускало еще систематическаго обмѣна и раздѣленія труда между всѣми частями національной территоріи. Но, быть можетъ, именно это обстоятельство и сдѣлало реформу такой легкой и безболѣзненной. Въ другое время, при хорошихъ дорогахъ, отмѣна внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ сразу сблизила-бы не только сосѣднія мѣстности, но даже самые отдаленные уголки страны. Капиталистъ, занимавшій до тѣхъ поръ монопольное положеніе въ своей области, вынужденъ былъ-бы неожиданно вступить въ борьбу со всѣми остальными представителями той-же отрасли промышленности. Между интересами отдѣльныхъ провинцій оказалось-бы то почти непримиримое противорѣчіе, которое мы наблюдаемъ въ настоящее время между европейскими народами.

Въ теченіе всего революціоннаго періода дороги находились въ самомъ плачевномъ состояніи. До 1798 года было десять тысячъ лье королевскихъ трактовъ. Артуръ Юнгъ восхищался дорожными сооруженіями, попеченіе о которыхъ лежало на провинціальныхъ штатахъ, напр. въ Лангедокѣ, или на собраніяхъ 1786 года.

Съ 1789 года началась перемѣна къ худшему. Перенесеніе дорожныхъ расходовъ на общій государственный бюджетъ, и безъ того страдавшій дефицитами, имѣло въ высшей степени печальныя послѣдствія. Въ 1792 году со всѣхъ концовъ идутъ безконечныя жалобы на неудовлетворительность путей, почта перестала поддерживать сообщеніе между нѣкоторыми пунктами, содержатели ямскихъ дворовъ вынуждены были увеличить число лошадей; торговля падала съ ужасающей быстротой; казалось, дороги сдѣлаются окончательно непроѣзжими, и прервутся всякія сношенія между отдѣльными городами и селами, если тотчасъ-же не будутъ приняты необходимыя мѣры. Зло доходило до такихъ грозныхъ размѣровъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ во имя патріотизма обратился ко всѣмъ гражданамъ съ предложеніемъ добровольно возложить на себя отмѣненную дорожную повинность. Чтобы привести въ порядокъ заброшенныя дороги, въ 1797 году ввели дорожный сборъ. Онъ едва-едва давалъ по 16 милліоновъ, тогда какъ ежегодный расходъ на дороги колебался между 30 и 35 милліонами. Постоянныя столкновенія и жалобы дѣлали его взиманіе въ высшей степени затруднительнымъ. Эта статья доходовъ была отмѣнена въ 1806 году.

Отсутствіе безопасности и кредита были въ занимающій насъ періодъ далеко не самымъ важнымъ препятствіемъ для торговли. Ей приходилось преодолѣвать несравненно болѣе серьезныя преграды — законы о максимумѣ угрожали довести ее до полнаго упадка.

Чтобы уменьшить дороговизну съѣстныхъ припасовъ, учредительное собраніе ввело временную таксу на хлѣбъ и говядину. 3 мая 1793 г. подъ вліяніемъ мятежной толпы конвентъ назначаетъ максимальную цѣну зерна и муки. 11 сентября новый декретъ установляетъ одинаковыя цѣны для всей Франціи. Чтобы понять истинное значеніе этихъ мѣръ, слѣдуетъ помнить, что онѣ принимались не только для борьбы противъ спекуляціи скупщиковъ, но и для поддержанія курса падавшихъ ассигнацій. Съ этой цѣлью правительство декретировало цѣны на предметы первой необходимости: говядину, масло, напитки, дрова и т. д.; на сырье, перерабатываемое промышленностью: кожи, желѣзо, сталь, олово, мѣдь, лёнъ и т. д.; наконецъ, на цѣлый рядъ фабрикатовъ: матеріи, полотна, башмаки, сапоги и т. д. *Былъ установленъ максимумъ и для заработной платы* (декретъ 23 сентября 1793 г.). Идя все дальше и дальше по скользкому пути регламентаціи, увидѣли невозможность ограничиваться однѣми розничными цѣнами и сознали логическую необходимость регулировать купли-продажи товара, начиная съ момента его производства и кончая потребленіемъ. Въ силу декрета 1 ноября 1793 года (11 брюмера II года), цѣна товара при продажѣ его съ фабрики должна была лишь на одну треть превышать стоимость его заготовки, исчисляя ее по цѣнамъ 1790 года; оптовый торговецъ могъ увеличить ее на 5 процентовъ, розничный еще на 10; сверхъ того, разрѣшалось сдѣлать извѣстную надбавку за каждое льё пути, пройденнаго товаромъ.

Такіе законы неисполнимы. Ихъ нарушали во всѣхъ концахъ Франціи, несмотря

на громадные штрафы, опозореніе, тюремное заключеніе и другія кары, которыя конвентскіе коммиссары налагали и на отдѣльныхъ лицъ, и на цѣлыя общественныя группы. 24 декабря 1794 г. (11 нивоза III года) конвентъ отмѣнилъ всѣ свои декреты предыдущаго года.

Послѣдствія максимальныхъ законовъ были такъ ужасны, что въ январѣ 1794 г. Бареръ смотрѣлъ на нихъ, какъ на тенета, разставленныя врагами республики. «Это безнравственное, безсмысленное и разрушительное узаконеніе, говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя другой членъ конвента, противорѣчитъ интересамъ всякаго и каждаго. Оно порвало общественныя отношенія и уничтожило могущественный двигатель, безъ котораго немыслимо ни земледѣліе, ни торговля, ни промышленность, ни ремесла».

Въ тѣ самые мѣсяцы, когда собраніе вынуждено было издать эти пагубные законы, оно произвело одну изъ самыхъ полезныхъ реформъ революціи, которая по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ для торговли стоитъ наряду съ уничтоженіемъ цехового строя и отмѣной внутреннихъ таможенъ: декретомъ 1 августа 1793 года конвентъ ввелъ метрическую систему мѣръ и вѣсовъ, внесшую единство и стройность туда, гдѣ до тѣхъ поръ были только хаосъ и путаница. 28 термидора III года онъ сдѣлалъ попытку произвести такую-же реформу въ нашей монетной системѣ, но его усилія не увѣнчались на этотъ разъ столь блестящимъ успѣхомъ.

Внѣшняя торговля. Учредительное собраніе придерживалось той-же торговой политики, какъ и министръ де-Верженнъ, заключившій съ Англіей договоръ 1786 года.

Общій тарифъ, которымъ оно 15 марта 1791 года замѣнило прежніе частные, носитъ чисто-покровительственный характеръ, но, подобно трактату 1786 г., покровительство носитъ въ немъ сравнительно умѣренный характеръ. Онъ ограничиваетъ какъ ввозъ, такъ и вывозъ. Нѣкоторыя запрещенія, притомъ, отнюдь не самыя маловажныя, не существовали передъ революціей; такъ напр., тарифомъ 1791 года былъ совершенно прекращенъ ввозъ всѣхъ спиртныхъ напитковъ, кромѣ виноградного вина, нѣкоторыхъ сортовъ пряжи и морскихъ судовъ. По отношенію къ послѣднимъ запрещеніе сохранило силу до 1860 года. Еслибъ собраніе согласилось съ своимъ докладчикомъ Гударомъ (отъ Ліона), то были-бы запрещены всѣ товары, которые могли быть произведены на французскихъ фабрикахъ. Первый проектъ долженъ былъ совершенно устранить иностранную конкуренцію. Если въ концѣ-концовъ цѣлый рядъ предметовъ былъ обложенъ гораздо выше, чѣмъ по тарифамъ Кольбера, напр. вязаныя издѣлія, бумажная пряжа, мелкія желѣзныя издѣлія грубой работы, голландскія сукна, обработанное желѣзо и т. д., то это объясняется исключительно тѣмъ, что составленіе второго проекта, получившаго силу закона, было поручено тому-же самому Гудару.

Тарифъ 1791 года, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, облагалъ товары пошлинами не только при ввозѣ, но и при вывозѣ. По общему правилу онъ не допускалъ безпошлиннаго транзита, такъ что при провозѣ какихъ-либо предметовъ изъ одного государства въ другое черезъ французскую территорію—нужно было заплатить двойные сборы, т. е. внести пошлину и при первомъ, и при второмъ пересѣченіи границы. Однако, въ виду неудовлетворительности путей сообщенія и дороговизны перевозки, этотъ пробѣлъ не могъ причинить никакого существеннаго вреда. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда вслѣдствіе извилистаго очертанія границы транзитъ могъ представляться выгоднымъ, онъ допускался въ силу спеціальныхъ законовъ.

Договоръ 1786 г. и тарифъ 1791 г. дѣйствовали въ теченіе очень короткаго промежутка времени, перемирія въ торговой войнѣ, которую съ начала XVIII вѣка Франція вела противъ своихъ сосѣдей и, въ особенности, противъ Англіи. Начавъ борьбу съ цѣлой Европой, революція инстинктивно вернулась къ традиціямъ стараго порядка и рѣшила убить торговлю непріятеля, чтобы истощить его финансы.

Какъ только началась война съ Австріей, былъ запрещенъ вывозъ оружія, боевыхъ принадлежностей, фуража и съѣстныхъ припасовъ. Послѣ объявленія войны съ Англіей декретомъ 1—4 марта 1793 года былъ прекращенъ ввозъ всѣхъ англійскихъ фабрикатовъ, а также всѣхъ тѣхъ товаровъ безъ различія національности, которые по преимуществу выдѣлывались въ Англіи. Декретъ отъ 9 октября того-же года предписалъ карать 20 годами каторж-

ныхъ работъ всякаго, кто ввезетъ, купитъ или продастъ эти товары, составитъ объявленіе, рекламу или указатель по-англійски или объ англійскихъ товарахъ; мало того, декретъ 17 сентября 1793 года о неблагонадежныхъ былъ распространенъ на всѣхъ, кто пользовался англійскими товарами.

Во времена директоріи законъ 10 брюмера V года возобновилъ и усилилъ только-что перечисленныя мѣры. Должны были считаться англійскими, каково-бы ни было ихъ дѣйствительное происхожденіе, и подвергаться безусловному запрету слѣдующіе товары: бумажный бархатъ, шерстяныя, бумажныя, пуховыя матеріи и сукна, безразлично чистыя или смѣшанныя; пикэ, канифасъ, нанка, тонкая кисея; шерстяная, бумажная и волосяная пряжа; такъ называемые англійскіе ковры; вязаныя издѣлія изъ шерсти и бумаги; пуговицы; мелкія желѣзныя издѣлія; ножи; часы; металлическія издѣлія; дублёныя или выдѣланныя кожи; экипажи, сбруя, сѣдла; такъ называемыя англійскія шали, ленты, шляпы и всякіе сорта газа; кожа для перчатокъ, штановъ и жилетовъ; стекло и хрусталь, за исключеніемъ оптическихъ и часовыхъ принадлежностей; сахаръ-рафинадъ; англійская фаянсовая посуда.

У насъ нѣтъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ относительно внѣшней торговли революціоннаго періода. Приходится поэтому черпать свѣдѣнія изъ различныхъ документовъ общественнаго характера и частныхъ сообщеній. Въ 1789 году общая сумма оборотовъ внѣшней торговли выразилась въ видѣ 1018 милліоновъ; изъ нихъ 577 милліоновъ приходилось на ввозъ и 441 милліонъ — на вывозъ. Въ 1792 году ввозъ возросъ до 929 милліоновъ, вывозъ до 803; всего въ оборотѣ было 1732 милліона. За 1790, 1791, 1793, 1794, 1795 и 1796 годы у насъ не имѣется никакихъ данныхъ. Что-же касается послѣднихъ трехъ лѣтъ революціи, то они представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

1797 годъ: ввозъ — 563 милліона; вывозъ—211; вмѣстѣ—774 милліона.

1798 годъ: ввозъ—298 милліоновъ; вывозъ—253; вмѣстѣ—551 милліонъ.

1799 годъ: ввозъ — 253 милліона, вывозъ—300; вмѣстѣ—553 милліона.

Къ этимъ цифрамъ слѣдовало-бы прибавить обороты тайной торговли, достигавшіе очень значительныхъ размѣровъ. Непроходимая пропасть, созданная правительствомъ между французскимъ рынкомъ и британской промышленностью, крайне затрудняла обѣ стороны и вызывала усиленную контрабанду. Преградили доступъ англійскому сахару какъ-разъ въ то время, когда наши собственные рафинадные заводы не имѣли возможности получать сахарный тростникъ изъ колоній вслѣдствіе морской войны и были вынуждены сокращать производство. Множество нашихъ фабрикъ закрылось, и одна только Англія могла удовлетворить обычнымъ запросамъ французскихъ потребителей. Суровые законы противъ контрабанды, по большей части, оказывались мертвой буквой,—совершенно непримѣнимыми на практикѣ: внутри страны обыски не производились; наличность англійскихъ товаровъ объяснялась захватами нашихъ каперовъ, которыхъ, само собою разумѣется, нельзя было лишить права сбывать свою законную добычу. Съ 1793 по 1796 годъ этимъ путемъ проникла во Францію масса съѣстныхъ припасовъ и фабрикатовъ, приблизительно на сумму въ 40 милліоновъ. Законъ 1796 года (10 брюмера V года) и декретъ 9 октября 1793 года не привели, да и не могли привести, къ намѣченной цѣли.

Декретъ конвента отъ 21 сентября 1793 года ввелъ въ наши законы тѣ самые принципы, которые лежали въ основѣ знаменитаго акта о мореплаваніи 1651 года и, по общераспространенному воззрѣнію, были причиной процвѣтанія и успѣховъ англійскаго торговаго флота. Было постановлено, что иностранный товаръ можетъ быть доставленъ во французскій портъ не иначе, какъ на французскомъ суднѣ или-же на суднѣ той страны, откуда везется товаръ; а также, что продукты Франціи или ея колоній могутъ быть перевозимы изъ одного французскаго порта въ другой — только на французскомъ суднѣ.

Плачевное положеніе нашего флота въ теченіе всего періода морской войны лишало эти нормы всякаго практическаго значенія.

Финансы. — Исторію государственнаго хозяйства въ революціонный періодъ можно разсматривать съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, а именно, съ одной стороны, какъ рядъ мѣропріятій казна-

чейства для пополненія неотложныхъ расходовъ; съ другой стороны, какъ постепенное оздоровленіе нашей финансовой системы и подготовленіе ея будущаго блеска.

5 мая 1789 года Неккеръ изложилъ передъ генеральными штатами государственный бюджетъ, изъ котораго явствовало, что доходы не могутъ покрыть чрезвычайныхъ расходовъ, и дефицитъ достигаетъ колоссальной суммы въ 54.929.000 ливровъ. Министръ высказалъ при этомъ надежду на болѣе экономное расходованіе предстоящихъ поступленій. Вскорѣ, вслѣдствіе народныхъ волненій, прекратилось взиманіе налоговъ, и правительство увидѣло себя вынужденнымъ почерпнуть недостающія средства изъ чрезвычайныхъ источниковъ. Попытки произвести заемъ не увѣнчались успѣхомъ. Рѣшили наложить патріотическую контрибуцію въ размѣрѣ четверти дохода, объявленнаго каждымъ гражданиномъ; сдѣлали призывъ къ пожертвованіямъ во имя патріотизма и заняли 80 милліоновъ у дисконтной кассы, назначивъ принудительный курсъ на ея банковые билеты.

Въ ноябрѣ 1789 года было приступлено къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Мѣсяцъ спустя—объявлено ихъ отчужденіе на 400 милліоновъ, учреждена особая касса для соединенія суммъ, которыя должны были получиться отъ этой операціи, и 19 декабря 1789 года изданъ декретъ, въ силу котораго государственное казначейство должно было выпустить бумажныя деньги. Законъ 17 апрѣля 1790 года обязалъ принимать ихъ наравнѣ со звонкой монетой. Къ сентябрю 1790 года ихъ выпускъ достигъ суммы въ одинъ милліардъ 200 милліоновъ ливровъ, къ іюню 1791 г. онъ увеличился на 600 милліоновъ. Дорога была открыта: къ одному милліарду 800 милліонамъ ливровъ, выпущеннымъ конституантой, законодательное собраніе прибавило еще 900 милліоновъ, конвентъ—7 милліардовъ 274 милліона, директорія—35 милліардовъ 603 милліона. Выпускъ ассигнацій легъ въ основу бюджета. Боясь, что на нихъ не хватитъ бумаги и это задержитъ ихъ печатаніе, устроили спеціальную фабрику въ Эссонѣ (18 брюмера IV года).

Курсъ на ассигнаціи падалъ съ необыкновенной стремительностью. Въ январѣ 1791 года за нихъ давали 91 на 100 номинальныхъ; при распущеніи учредительнаго собранія на 100 бумажныхъ давали только 82 металлическихъ; ко времени созыва конвента курсъ на нихъ колебался отъ 72 до 51 на 100; въ 1794 году—отъ 40 до 34 на 100; въ 1795 году—18 на 100, затѣмъ 2,97 и 0,67 на 100. Чтобы задержать обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, 5 сентября 1793 года подъ страхомъ смертной казни запретили употребленіе звонкой монеты и установили максимальныя цѣны. Но всѣ усилія оказались тщетными и банкротство оставалось неизбѣжнымъ: въ іюлѣ 1793 года были признаны недѣйствительными ассигнаціи съ изображеніемъ короля, въ мартѣ 1799—ассигнаціи, выпущенныя конвентомъ.

Еще раньше та-же участь постигла фундированный долгъ: платежи были понижены до 80, 50, 20, 5 и т. д. на 100, не говоря уже о томъ, что они производились исключительно ассигнаціями; въ концѣ-концовъ наложили руку и на обезпеченную треть капитала. Это знаменитое въ исторіи финансовъ банкротство произошло 30 сентября 1797 года.

Несмотря на всѣ эти факты, финансистъ долженъ признать за революціонными собраніями огромную заслугу: они заложили въ высшей степени прочный фундаментъ для французскаго государственнаго хозяйства нашего времени.

Законъ 1 декабря 1790 года привелъ въ порядокъ и согласовалъ между собою тѣ прогрессивныя постановленія, которыя были уже осуществлены по отношенію къ поземельному налогу. Онъ вводитъ податное равенство всѣхъ земель, провозглашаетъ принципъ обложенія одного лишь чистаго дохода, опредѣленности его объекта, перевода всѣхъ повинностей на деньги и необходимости оцѣнить недвижимыя имущества. Къ несчастью, онъ заключалъ въ себѣ въ высшей степени существенный недостатокъ, а именно, возлагалъ на муниципальныя власти указаніе отдѣльныхъ владѣній и ихъ состава, опредѣленіе доходности, составленіе окладныхъ книгъ, организацію самаго взиманія. Между тѣмъ мѣстные органы самоуправленія далеко не стояли на высотѣ призванія и почти ничего не дѣлали для проведенія въ жизнь новаго узаконенія. Въ концѣ V года не была еще закончена раскладка III года. Въ началѣ консульства не были готовы регистры VII года. Законъ 24 ноября 1799 года

отмѣнилъ эту мертворожденную систему взиманія и создалъ особую администрацію прямыхъ налоговъ. За годъ раньше законъ 3 фримера VII года свелъ воедино и точно формулировалъ выработанныя ранѣе правила. На него можно смотрѣть, какъ на исходный пунктъ современнаго податного законодательства.

Послѣ неудачныхъ попытокъ ввести прогрессивно-подоходный налогъ (законъ 13 января 1791 года) и обложить предметы роскоши (законъ 25 іюля 1795 г.), послѣ скандаловъ съ жюри справедливости, введенными закономъ 1 августа 1797 года, былъ организованъ личный налогъ 23 декабря 1798 года.

Закономъ 24 декабря 1798 г. былъ введенъ налогъ на двери и окна.

Налогъ на торговыя свидѣтельства, созданный въ 1791 году, отмѣненный въ 1793 году, возстановленный въ 1795, улучшенный въ 1796 по закону 4 фруктидора IV года, представляетъ изъ себя соединеніе принциповъ равнаго и пропорціональнаго обложенія. Законы 28 октября 1797 и 28 октября 1798 года дали начало современной организаціи этого налога.

Подъ вліяніемъ ученія физіократовъ, конституанта отказалась отъ налога на соль, на напитки и табакъ. Она сохранила только гербовый сборъ, таможенныя и крѣпостныя пошлины; пробирный сборъ и налогъ на игральныя карты сначала были отмѣнены, но потомъ возстановлены директоріей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, налогъ на общественные экипажи замѣнилъ собою прежнюю монополію перевозки пассажировъ.

Выше мы разсмотрѣли таможенный тарифъ 1791 года. Служба на таможняхъ была преобразована закономъ 23 апрѣля 1791 года. Другой, еще болѣе важный законъ, изданный 28 іюля, 6 и 22 августа 1792 года, выработалъ подробныя правила относительно заявленій со стороны импортёровъ, осмотровъ и удостовѣреній о товарѣ, особыхъ формальностей въ пограничномъ раіонѣ, конфискаціи запрещенныхъ предметовъ, составленія протоколовъ и вмѣшательства общей полиціи. Этотъ законъ до сихъ поръ еще дѣйствуетъ на нашихъ таможняхъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ почерпнулъ значительную часть своихъ статей изъ королевскаго ордонанса 1687 года. Законъ 4 жерминаля II года, многія положенія котораго и въ наше время не потеряли еще силы, вручилъ нѣкоторыя функціи мировому судьѣ, роль котораго была затѣмъ еще болѣе расширена закономъ 14 фруктидора III года. Законъ 9 флореаля VII года опредѣлилъ форму протоколовъ и ихъ юридическое значеніе.

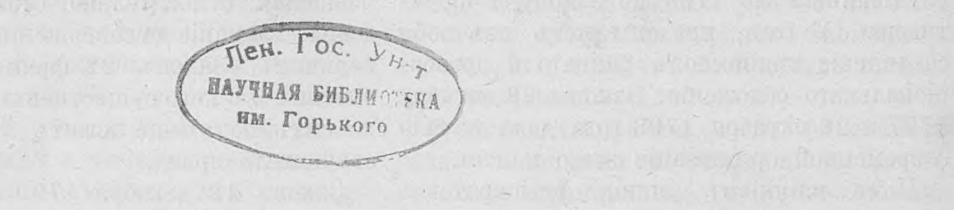
Законъ 19 декабря 1790 г., кодифицировавшій постановленія о пошлинахъ, взимавшихся при укрѣпленіи и отчужденіи имуществъ, извѣстныхъ раньше подъ названіемъ пошлинъ «контроля», «инсинуаціи» и «сотаго денье»,—далеко не имѣетъ той важности, какъ только-что приведенные законодательные акты. Устраненіемъ экспертизы отъ оцѣнки переходящаго имущества, запрещеніемъ преслѣдовать тайныя сдѣлки и смягченіемъ каръ за ложныя показанія относительно стоимости — онъ довелъ взиманіе до совершенно ничтожныхъ величинъ. Законъ 22 фримера VII года, внесшій въ него существенныя новшества, до сихъ поръ еще лежитъ въ основѣ дѣйствующаго права.

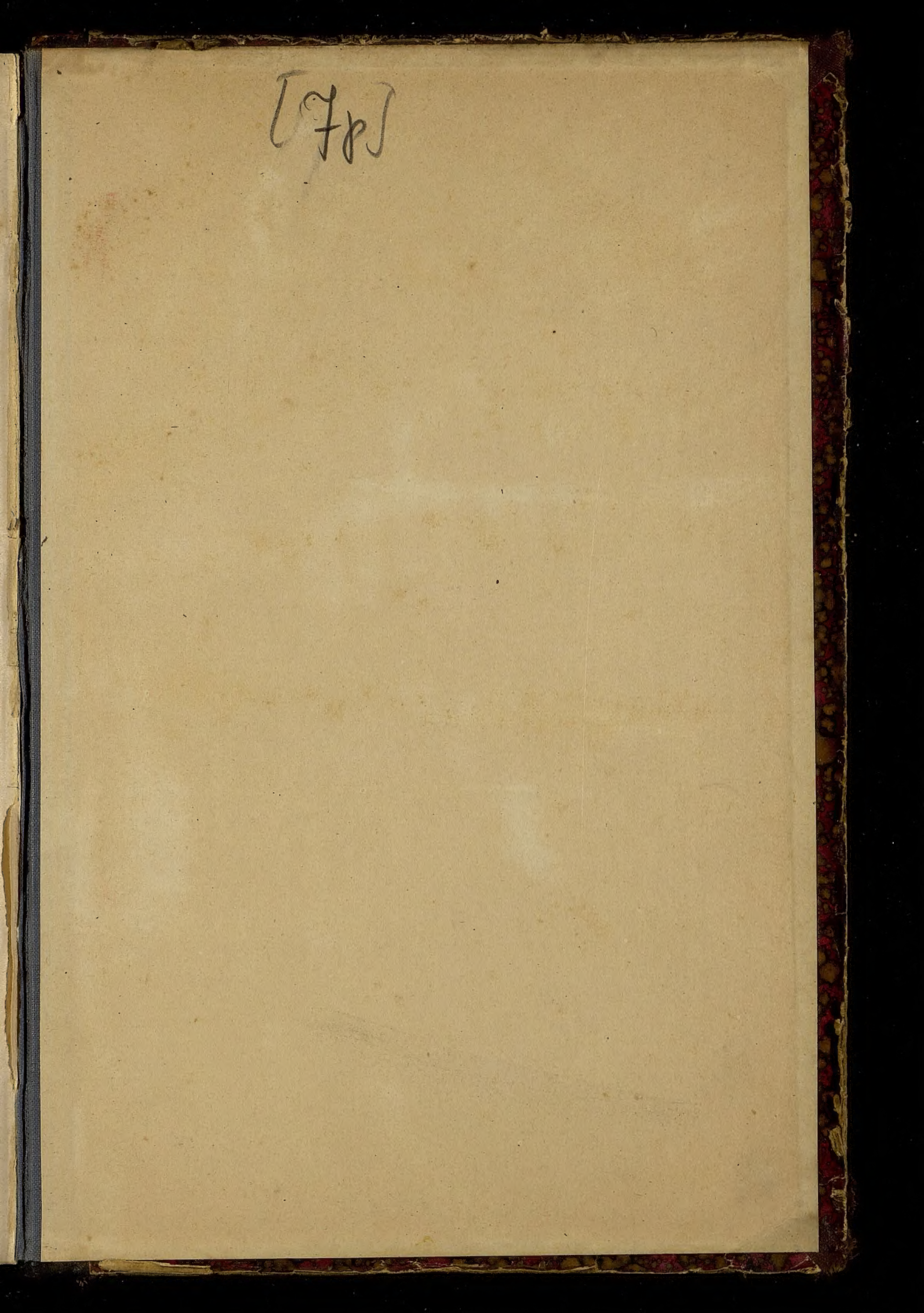
Законъ 12 декабря 1790 г. — 18 февраля 1791 года о гербовомъ сборѣ менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ даже законъ 1790 г. о крѣпостныхъ пошлинахъ. Онъ привелъ къ тому, что гербовый сборъ не могъ окупить расходовъ на бумагу. Въ IV году онъ принесъ чистый убытокъ. Законы 9 вандемьера и 3 брюмера VI года внесли въ него нѣкоторыя измѣненія, но только законъ 13 брюмера VII года совершенно обновилъ его основы и сдѣлалъ изъ него очень доходную статью государственнаго бюджета; его текстъ и въ наше время является источникомъ положительныхъ юридическихъ нормъ.

Взиманіе пробирныхъ пошлинъ съ золота и серебра было фактически пріостановлено съ 1790 по 1796 годъ вслѣдствіе эмиграціи чиновниковъ. Законъ 19 брюмера VI года возстановилъ ихъ подъ наименованіемъ гарантирующей пошлины. Она сохранилась до нашихъ дней.—Налогъ на игральныя карты, уничтоженный въ 1790 году, былъ возстановленъ закономъ 9 вандемьера VI года: взиманіе его регулировалось декретомъ 3 плувіоза VI года.

постановленія котораго были заимствованы изъ законодательства стараго порядка (регламентъ 1751 г.) и не утратили значенія вплоть до нашего времени. — Наконецъ, законъ 9 вандемьера VI года, послѣ неудачнаго опыта съ полной свободой конкуренціи при эксплоатаціи путей сообщенія, ввелъ налогъ на общественные экипажи. Впослѣдствіи онъ ни разу не подвергался существеннымъ измѣненіямъ.

Лен. Гос. Унт
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

[78]

